РИ
К 29
1877

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

РИ
К 29

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.
1877 ГОДЪ.

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФ
10588 И.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.
1897.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
604194

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

ЗНАМЕНСКОЕ.

Подмосковное имѣніе, гдѣ скончался М. Н. Катковъ 20 Іюля 1887 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

1877 годъ.

Указатель статей[1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2]).

Русское народное движеніе минувшаго года. 4.
Единеніе Царя и народа. 91—А.
Интрига чужихъ и своихъ враговъ противъ русскаго народнаго чувства. 260.
Петербургская интрига. 262—В.
Мысли по поводу годовщины дня рожденія императора Александра I. 309.

Кавказъ и Закавказье.

Брошюра австрійскаго полковника фонъ-Бишофа: „Кавказъ и его значеніе для Россіи“. 204—Б.

Москва.

Какъ принято извѣстіе о войнѣ въ Москвѣ. 88.
Народный восторгъ при видѣ царя въ Москвѣ. 97—А.

Морское дѣло.

О нашихъ черноморскихъ прибережьяхъ. 84—А.
Кто говоритъ что мы не можемъ стать морскою націей? 123—Б.

Печать.

Негодованіе на органы печати смущающіе русское патріотическое чувство. 128.
Глумленіе *Голоса* надъ патріотизмомъ русскихъ публицистовъ. 142.
Безцеремонность съ какою дѣйствуютъ газетные баши-бузуки. 164.
Безсовѣстность туркофильскихъ газетъ. 201—Б.
Полемика съ *Голосомъ* по поводу телеграммы изъ Горнаго Студня. 207—Б.
Отвѣтъ морской газетѣ *Яхта*. 258.
Положеніе читателя *Голоса* и *Биржевыхъ Вѣдомостей*. 262—Г.
Русскій *Голосъ* и заграничная печать о мирѣ. 286—Б.

Религія и церковь.

Обличеніе депешъ англійскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ объ актѣ возсоединенія уніатовъ. 113—Б.

Самоуправленіе.

1. Городское.

Засѣданія Московской Думы по поводу манифеста о войнѣ. 87—Б.
Укоръ Одесскому головѣ за неприличный тонъ рѣчи о Болгарахъ. 214—В.

Судебное дѣло.

Дѣло о демонстраціи въ Петербургѣ 6-го декабря. 24—Б.
Уголовный процессъ червонныхъ валетовъ. 58. 59. 60—А.
Самоубійство на судѣ генерала Гартунга. 255—Б.
Дѣло о „хожденіи въ народъ“. 305—Б.

Учебное дѣло.

Недоразумѣніе побудившее нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго Университета къ оскорбительной демонстраціи противъ профессора Любимова. 22—Б.

Финансовые вопросы.

Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1877 годъ. 15.
Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1875 годъ. 27.
Пошлины и цѣны на сахаръ. 66.
Прекращеніе работъ фабриками. Торговыя и промышленныя затрудненія въ связи съ неопредѣленностью политическаго положенія. 71.
Недостатокъ у насъ звонкой монеты и приглашеніе къ пожертвованіямъ металлическими вещами для перечеканки. 214—Б.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первую, вторую или третью статью въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы, касающіеся Россіи, затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Таможенная вѣдомость о ходѣ нашей внѣшней торговли свидѣтельствующая что русскій народъ ради великаго дѣла сократилъ свои потребности до послѣдней возможности. Необходимость поднять цѣнность рубля. 244—А.

Неудавшійся внѣшній заемъ. 282.

Послѣдніе внѣшніе займы. 287.

Ничтожность дефицита за 1876 годъ. 321.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Наши дѣла въ Средней Азіи и на крайнемъ Востокѣ. 4, стр. 14.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Восточный вопросъ.

Обозрѣніе событій поставившихъ Восточный вопросъ на очередь. 1.

Конференція въ Константинополѣ и ея результаты. 3.

Отказаться ли Европѣ отъ контроля надъ внутренними дѣлами Порты или принять серіозныя и энергическіе мѣры? 5—А.

Подстрекательство Турціи газетою *Journal des Débats*. 5—Б.

Тайныя пружины дѣйствовавшія на конференціи. 6.

Нравственное „фіаско“ конференціи и послѣдствія ея неуспѣха. 8.

Искренно ли желаніе *Journal des Débats* выгородить себя отъ отвѣтственности въ подстрекательствѣ Порты? 9.

Засѣданіе турецкаго Верховнаго Совѣта и политика Англіи и Австро-Венгріи въ вопросѣ о конференціи. 10.

Послѣдствія высокаго подъема народнаго чувства въ Россіи на Славянскій міръ и что такое Австро-Венгрія. 11.

Полемика между германскою и французскою печатью о политикѣ Германіи по Восточному вопросу. 13.

Рѣчь канцлера казначейства и прекращеніе Портою трактатовъ. 16.

Возраженіе нѣмецкой печати на выводъ сдѣланный русской печатью и г. Гладстономъ о результатахъ конференціи. 17.

Рѣчь сэра Джорджа Кэмпбелла. 18.

Побѣда русской дипломатіи на конференціи и туркоманія *Journal des Débats*. 19—А.

Пражская демонстрація, „культъ Кошута“ и поѣздка мадьярскихъ студентовъ въ Константинополь. 19—Б.

Рѣчь доктора Сандвита. 20—А.

Рѣчь г. Гладстона. 20—Б.

Циркуляръ государственнаго канцлера къ русскимъ посламъ при европейскихъ дворахъ. 22—А.

Пожаръ города Ванъ въ Арменіи. 24—А.

Рѣчь генерала Игнатьева при закрытіи конференціи. 25.

Своекорыстныя цѣли политики Англіи и Австро-Венгріи. 26.

Мнѣніе Германіи о кризисѣ на Востокѣ. 29.

При какихъ условіяхъ возможны совмѣстныя дѣйствія Россіи и Австро-Венгріи. Измѣненіе тона туркофильской печати въ Германіи. 30.

Рѣчи въ англійскомъ парламентѣ. 31.

Миссія маркиза Солсбери къ европейскимъ дворамъ по документамъ „Синей книги“. 32.

Толки о поддержаніи общаго мира. 33.

Переговоры Турціи о мирѣ съ Сербіей и Черногоріей. 34.

Англійское фарисейство. 35.

Тронная рѣчь императора Германскаго. 36. 39.

Прорицанія газеты *Times* объ опекѣ Англіи надъ *независимой* Турціей. 37.

Гарантія Турціи въ исполненіи реформъ. Пренія въ Британской Палатѣ Лордовъ. Турецкая коммиссія въ Филиппополѣ. Насилія Турокъ надъ Болгарами. 40—А.

О демобилизаціи нашей арміи подъ Кишиневомъ. 40—Б.

Тревога Англіи и ея желаніе изнуривъ насъ втянуть въ войну. Рѣчь лорда Дарби и опроверженія г. Стильмана и генерала Черняева. 41.

Борьба Сербіи и Черногоріи съ Турціей. Потеря благопріятнаго времени для нашихъ военныхъ дѣйствій. 42.

Радоваться ли намъ заключенію мира между Княжествами и Турціей? 43.

Тревога Турціи относительно Австріи. Вопросъ объ отсрочкѣ реформъ въ Турціи. Пренія въ Палатѣ Лордовъ. 44.

Идея параллельнаго дѣйствія Австріи съ Россіей. Военныя приготовленія Австріи. Политика Англіи. 45.

Новые разсказы англійскихъ корреспондентовъ о звѣрствѣ Турокъ. 46.

Парижская декларація приложенная къ трактату 1856 года. 47. 48.

Миссія генерала Игнатьева къ европейскимъ дворамъ. 49. 50. 51. 53—Б. 56. 57.

Переговоры Россіи съ Англіей. 52.

Мирные переговоры между Турціей и Черногоріей и рѣшеніе послѣдней продолжать борьбу. 53.

Независимость правительства Россіи. Высокомѣріе и неуступчивость Турокъ. 54.

О лордѣ Дэрби. 60—Б.

Отвѣтъ *Голосу* по вопросу о Парижской деклараціи. 61—А.

Англійская дипломатія по вопросу о турецкихъ христіанахъ. 61—Б. 63.

Лондонскій протоколъ и русская декларація. 64. 68. 72. 73. 74. 75—Б. 83. 86—Б.

Пренія въ палатѣ общинъ. 65. 70. 79—Б.

Пререканія съ Англіей. 67.

Взгляды турецкихъ министровъ, турецкаго парламента и англійскихъ публицистовъ на требованія Россіи. 76.

Двуличность англійской политики. 77. 82.

Отповѣдь европейской журналистикѣ. 79—А.

Укрывательство турецкихъ жестокостей. 79—В.

Письма члена парламента Джона Синклера объ англійской политикѣ по отношенію къ Россіи. 80.

Партія мира и партія войны въ Россіи. 81—А.

Руководители нынѣшней политики Англіи какъ орудіе въ чужихъ рукахъ. 81—Б.

Англійская политика по отношенію къ Россіи. 86—А.

Рѣчь г. Гладстона осуждающая политику лордовъ Дэрби и Биконсфильда. 109.

Переполохъ въ Румыніи. 284—В.

Мнѣніе *Національной Газеты* о разрѣшеніи Восточнаго вопроса. 311.

Ультрамонтанскій этюдъ о Восточномъ вопросѣ. 320.

Война Россіи съ Турціей.

Манифестъ о войнѣ. 87—А.

Русскія войска переступили границу. Впечатлѣніе произведенное въ Европѣ. 89.

Топографія Дунайскаго бассейна и соображенія о его переходѣ нашими войсками. 90.
Съ театра войны. Состояніе Черногорскаго войска. 91—Б.
О госпиталяхъ и санитарной части. 93—А.
Пожертвованія на войну Московскаго Учебнаго Округа. 93—Б.
Впечатлѣніе произведенное на Славянъ объявленіемъ войны. 95—А.
Сочувственные Россіи отзывы Италіи. 95—Б.
Раскрытіе коварства Англіи по поводу претензій англійской печати на объявленіе войны Турціи. 96.
Важность назначенія принца Рейса германскимъ посломъ въ Константинополь. 97—Б.
Царская рѣчь въ Кремлѣ. 98.
Сочувствіе Мадьяръ и вообще Австріи Туркамъ. 100.
Загадочность англійской политики. 101.
Манифестъ Порты къ Европѣ. 102.
Отвѣтъ на депешу лорда Дарби лорду Лофтусу. 103.
Отвѣтъ на толки европейской печати что Россія не имѣла юридическаго права объявлять Турціи войну. 104.
Взятіе русскими войсками непріятельской позиціи на рѣкѣ Кинтринѣ около Батума. 107.
Обложеніе Карса. 108.
Разнорѣчивость русскихъ и турецкихъ телеграммъ изъ подъ Сухумъ-Кале. Дѣйствія Александропольскаго отряда. 110.
Второе бомбардированіе Сухума. 111—Б.
Важное стратегическое положеніе Ардагана. 113—А.
Переправы черезъ Дунай въ 1828 и 1855 годахъ и трудности предстоящія въ ожидаемомъ нынѣ переходѣ. 114
Напрасныя старанія дипломатіи при полномъ разгарѣ войны. 115—А.
Приближеніе рѣшительныхъ дѣйствій на Дунаѣ. 115—Б.
Занятіе Турками восточнаго берега Чернаго моря и радость туркофильскихъ органовъ. 116.
Слухъ о переговорахъ между Россіей и Англіей о демаркаціонной линіи. 117—А.
Ожиданія военныхъ событій изъ Эриванскаго отряда. 117—Б.
Провозглашеніе независимости Румыніи и происшедшая отсюда тревога англійскихъ органовъ печати. 119.
Необходимость частной санитарной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій. 120.
Старанія дипломатіи цѣною русской крови оградить интересы Англіи и Австріи. 123—А.
Телеграмма Дубасова и Шестакова изъ Галаца. 123—Б.
Заботы Англіи и Австро-Венгріи какъ лучше раздѣлить шкуру медвѣдя. 125.
Россія не можетъ не сочувствовать Сербамъ, Болгарамъ и Грекамъ. 127.
Запугиваніе Россіи европейскою дипломатіей. 129.
Вѣсти съ театра войны поколебавшія смѣлость дипломатіи. Англійскія газеты заговорили другимъ языкомъ. 130.
Шансы дипломатіи понижаются и газеты впадаютъ въ элегическій тонъ. 132.
Сказанія европейской печати о намѣреніяхъ и мнѣніяхъ Россіи. 133. 139.
Избіеніе Черногорцевъ. 134.
Штурмъ Ардагана. 137.
Задоръ Англіи начинаетъ униматься. 140.
Ожиданіе переправы черезъ Дунай. 141.
Шпіоны во время переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай. 143.
Извѣстія съ Дуная и отъ Карса. 144.
Переправа черезъ Дунай. Занятіе Мачина. 145.
Тревога въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Паденіе вѣнской биржи. Отставка лорда Солсбери. 147.
Сулейманъ-паша разбитъ Черногорцами. 148.
Переходъ черезъ Дунай у Зимницы. 149.
Ликованіе въ Россіи, паника въ Турціи. 150.
Переходъ у Систова. Надежды на сдачу Карса. 153.
Двусмысленная роль англійскихъ военныхъ агентовъ. 154—А.
Дѣла у Карса и на Дунаѣ. 154—Б. 156.
Лицемѣрный нейтралитетъ Австріи. 155—А.
Усилія Англіи въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ. 155—Б.
Правильность веденія осады Карса. Арабистанскія войска на помощь Турціи. 157.
Рапортъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго о приготовленіяхъ къ переправѣ у Зимницы. Взятіе Тырнова. 160.
Политическіе слухи послѣдовавшіе за нашими успѣхами въ Болгаріи. 161.
Снятіе блокады Карса. 162.
Нарушеніе Англіей правилъ нейтралитета. 163—А.
Посылка Англіей двухъ канонирокъ на Дунай. 163—Б.
Переправа Румынъ черезъ Дунай. Появленіе нашихъ войскъ за Балканами. 166.
Наши войска въ 90 верстахъ отъ Адріанополя. 167—А.
Приказъ Тергукасова по войскамъ Эриванскаго отряда. 167—Б.
Невинное удивленіе и ужасъ Англіи. 168.
Почему мы должны были снять осаду Карса. 169.
Повѣствованіе *Mornig Post* о жестокостяхъ русскихъ войскъ. Отповѣдь англійскому парламенту. 170.
Взятіе Тырнова и Австро-Венгерская печать. 171.
Взятіе Шипкинскаго прохода. 173.
Разсужденія генерала Клапки. 174.
Неудача у Плевны. Дѣло парохода „Весты“. 175.
Тревога Англіи и стремленіе ея занять Галиполи. 176.
Откровенность лорда Дарби о мнимомъ нейтралитетѣ Англіи. 177.
Обсужденіе военныхъ дѣйствій готовящихся въ предѣлахъ четыреугольника. 178.
Расположеніе русскихъ и турецкихъ войскъ. Турецкій планъ войны. Тревога Лондона и Вѣны. 180.
Угрозы Англіи и Австріи. Запросы въ англійскомъ парламентѣ и отвѣты лорда Дарби. 181.
Атака Плевны 18 іюля. Отношеніе Англіи къ Босфору и Дарданелламъ. 182.
Атака Плевны 19 іюля. Проявленіе „пассивнаго“ нейтралитета Австріи. 183.
Перечисленіе русскихъ и турецкихъ силъ подъ Плевной. 184—А.
Сколько войска у Османъ-паши. 184—Б.
Состояніе русской арміи послѣ 18 іюля. 186—А.
Давленіе Пруссіи на Австрію. 186—Б.
Россія отдается лордомъ Дарби подъ слѣдствіе. 187—А.

Тревога Австріи по поводу дѣйствій Румыніи. 187—Б.

Расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ за Балканами по извѣстіямъ изъ Вѣны. 188.

Разнорѣчивыя извѣстія съ театра войны. 189 – А.

Старанія Франціи и Австріи удержать насъ отъ войны пугая панславистской революціей. 189 - Б.

Цѣль Турокъ — отбросить отрядъ Тергукасова и угрожать тылу и флангу нашихъ главныхъ силъ. Шипкинскій перевалъ. 190 – А.

Недоумѣніе по поводу видимаго пренебреженія нѣкоторыми военными стратегическими предосторожностями въ нашей арміи. 190—Б.

О наглой и систематической лжи распространяемой Турками и европейской печатью о нашихъ неудачахъ. Виддинская армія и ошибка Турокъ. 192—А.

Слѣдствіе сербскаго нейтралитета для Старой Сербіи. Возстаніе въ Старой Сербіи. 193—А.

Извѣстія изъ Эрзерума и извѣстія съ Дуная. 193—Б.

Жестокости Турокъ при отступленіи отъ Шипки и англійскія и мадьярскія газеты о жестокостяхъ русскихъ. „Бюро“ въ Шумлѣ. 194—А.

Болѣзни въ турецкихъ лагеряхъ подъ Плевной и подъ Карсомъ. 194 – Б.

Обозрѣніе мѣропріятій Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго съ самаго начала кампаніи. Геройство нашихъ войскъ при неудачныхъ дѣлахъ. 195.

Закрытіе англійскаго парламента и рѣчь лорда Биконсфильда. 196—А.

Наши неудачи не могутъ имѣть никакого вліянія на общій ходъ войны. 197.

Внушающая недовѣріе корреспонденція *Русскаго Міра* о высадкѣ Турокъ у Евпаторіи. 198—Б.

Избіеніе христіанъ у Ески-Загры. 199.

Атака Турками Шипкинскаго перевала. 200.

Впечатлѣніе испытываемое отъ мысли о Шипкинскомъ боѣ. 201—А.

Дѣйствія Османъ - паши и Сулеймань - паши. 202—А.

Интриги генерала Клапки въ Венгріи. 202—Б.

Удержаніе нами за собою Шипкинскаго перевала. 204—А.

Численность арміи Сулеймань-паши въ дѣлѣ у Шипки. 205.

Игнорированіе Шипкинскихъ событій въ Лондонѣ и Вѣнѣ. 206—А.

Защита Шипкинскаго перевала. 207—А.

Война затягивается потому что Провидѣнію угодно не только военной побѣды, но и побѣды духа. 208—А.

Что сдѣлалось съ Никшичемъ? 208—Б.

Перемѣна Турціи относительно жестокостей и Краснаго Креста. 210.

Расположеніе войскъ у Шипки. 211—А.

Аттестатъ выданный русскимъ солдатамъ англійскимъ военнымъ агентомъ и донесеніе англійскаго посла въ Константинополѣ. 212.

Старанія англійской дипломатіи о нейтралитетѣ Сербіи и отпоръ данный туркофиламъ г. Форстеромъ. 213.

Наша побѣда при Ловчѣ и неуспѣхи на Черномъ-Ломѣ. 214—А.

Европейская печать о нашихъ неудачахъ подъ Плевной. Мнѣніе Алеко-паши и Каница о внутреннемъ состояніи Турціи. 216.

Штурмъ четырехъ турецкихъ редутовъ у Плевны. 217—А.

О дѣйствіяхъ въ Малой Азіи: сравненіе условій войны 1853 года и нынѣшней. 217—Б.

Стратегическія соображенія англійской печати по поводу дѣлъ за Балканами. 218.—А.

Лживость турецкихъ извѣстій съ театра войны. 218—Б.

Шерстяныя рубашки заказанныя для русскаго войска въ Германіи. 218—В.

Плевну можно взять только правильною осадой. 219 – А.

Ложныя извѣстія изъ Константинополя. 219—Б.

Наши неудачи за Дунаемъ зависятъ отъ малочисленности нашей арміи. 219—В.

Слабость перевозочныхъ средствъ въ нашей арміи (по поводу письма генерала Коссинскаго). Книга Н. И. Пирогова „Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій Германіи въ 1870 году“. 221—А.

Штурмъ Плевны 30-го августа. 222—А.

Человѣколюбіе англійскаго историка Фримона и гуманность орловской дамы. 222—Б.

Разочарованіе Турціи въ дружбѣ Англіи и презрѣніе ея къ европейской дипломатіи. 223—А.

Что сталось съ русскими плѣнными подъ Плевной 18 іюля. 223—Б.

Девятичасовой бой генерала Радецкаго на Шипкѣ. 224—А.

Несогласныя между собой телеграммы изъ подъ Плевны отъ 6-го сентября. 224—Б.

Штурмъ Плевны 30 и 31 августа. 225.

Возобновленіе Сулеймань-пашою бомбардировки нашей позиціи 9-го сентября. Къ Плевнѣ подходитъ Шевкетъ-паша. Отсутствіе шанцевыхъ инструментовъ у нашихъ солдатъ. 227.

Удаленіе Редифъ-паши и пріѣздъ въ турецкую армію новаго главнокомандующаго съ цѣлой толпой англійскихъ офицеровъ. 228.

Наши неудачи подъ Плевной. (Статья генерала Попелло-Давыдова). 229—А.

Турецкій заемъ въ Лондонѣ и заказъ зимнихъ одеждъ для арміи въ Манчестерѣ. 229—Б.

Предстоящая общая атака Плевны. 230—А.

Ожиданія содѣйствія Сербіи. 230—Б.

Московское пожертвованіе въ пользу улучшенія системы перевозки раненыхъ. 231—А.

Битва при Церковнѣ. Медвѣжья услуга Турціи англійскихъ газетъ. 231—Б.

Казни Болгаръ и англійское сочувствіе. 233—А.

Воспоминаніе о штурмѣ Карса 17-го сентября 1855 года. 233—Б.

Мы не можемъ произвести правильной осады Плевны. 233—В.

Вооруженное движеніе Мадьяръ противъ Румыніи. 234—А.

Клевета взведенная на Гладстона въ подстрекательствѣ Грековъ и Славянъ противъ Турціи. 234—Б.

Начало боя подъ Карсомъ. 235—А.

Молчаніе Европы о коалиціи. 235—Б.

Разъясненіе относительно политики Австро-Венгріи по восточнымъ дѣламъ. 236.

Лживость вѣнскихъ показаній о числѣ проигранныхъ русскими сраженій. Отступленіе Наслѣдника Цесаревича при Церковнѣ перешедшее въ наступленіе. 237—А.

Кольцо вокругъ Плевны стягивается. Бой между главными силами Кавказскаго корпуса и арміей Мухтаръ-паши. Мы заняли позицію у Субботана и удержали ее. 237—Б.

Турецкія казни въ Болгаріи и голодъ развившійся по странѣ. Англійскій „сострадательный“ фондъ. 238—А.

Расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ подъ Карсомъ. Превосходство нашей конницы передъ турецкою. 238—Б.

Неизвѣстность результата битвы у Кизилъ-тапы и Субботана. Извѣстіе изъ Дунайской арміи о разрушеніи моста между Плевной и Софіей. 238—В.

Побѣда русскихъ у Субботана. 240—А.

Позиція избранная Сулейманъ-пашою. Телеграмма изъ Цетинье и ея значеніе. 240—Б.

Пораженіе Мухтаръ-паши. Приготовляющееся наступленіе Сулейманъ-паши отъ Иванъ-Чифтлика. 241—А.

Политическія причины побудившія князя Черногорскаго считать свой походъ оконченнымъ. 241—Б.

Приближеніе момента рѣшительнаго поворота на обоихъ театрахъ войны. 242—Б.

Гибель турецкаго броненосца. Въ морскихъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ не было ни одного промаха. 242—В.

Вооруженное вмѣшательство въ войну Секлеровъ. Трансильванская вспышка. 243—А.

Сулейманъ-паша собирается форсировать линію Янтры. Разнорѣчивость телеграммъ о состояніи Плевны. 243—Б.

Блистательная побѣда надъ Мухтаръ-пашой. 245.

Бѣгство Мухтаръ-паши въ Карсъ. 246—А.

Воспоминаніе о 8 октября 1827 года. Послѣдствія Наваринскаго боя для разрѣшенія Восточнаго вопроса. 247—А.

Ложь туркофильскихъ газетъ о пораженіи Мухтаръ-паши. 247—Б.

Годовщина Наваринскаго боя и поученія преподаваемыя ею Грекамъ. 248.

Лукавство миролюбивыхъ совѣтовъ Англіи. 249—А.

Обложеніе Карса. 249—Б.

Странныя извѣстія изъ Плевны. 249—В.

Англійская филантропія въ Босніи. 251—А.

Нейтралитетъ Англіи съ посылкою военныхъ запасовъ въ Турцію. 251—Б.

Телеграммы свидѣтельствующія о нашихъ успѣхахъ на обоихъ театрахъ войны. 251—В.

Необходимость блокады Плевны. 253—А.

Оцѣнка побѣды надъ Мухтаръ-пашой. 253—Б.

Смерть Сергія Максимиліановича герцога Лейхтенбергскаго и побѣда надъ Османъ-пашой. 254—А.

Письма корреспондентовъ *Daily News* и *Times*. 254—Б.

Свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ въ Орханіе. 254—В.

Русскіе въ Горномъ Дубнякѣ. Состояніе арміи Османъ-паши. 255—А.

Наканунѣ рѣшительныхъ событій въ Малой Азіи. 256—Б.

Побѣда генерала Гурко при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ. Сравненіе Телиша съ Седаномъ. 259.

Хлопоты Англіи въ Константинополѣ и комическіе пріемы у султана. 261.

Происки Англіи насчетъ мира между Россіей и Турціей. 262—А.

Жалобы Румыновъ на турецкія жестокости. 262—Б.

Внезапная уступчивость Турціи. 263—А.

Замѣтка по поводу „Путеваго Дневника“ князя В. П. Мещерскаго. 263—Б.

Взятіе Деви-Буюна. 264.

Отступленіе Мухтаръ-паши отъ Эрзерума и побѣда генерала Гурко при Горномъ Дубнякѣ. 266—А.

Кто такое плѣнные паши при Аладжѣ. 266—Б.

Отчетъ корреспондента Форбса въ *Daily News*. 267.

Грустный тонъ европейскихъ газетъ. 268.

Наглость лорда Биконсфильда въ похвалахъ русской храбрости. 270.

Застольная рѣчь лорда Биконсфильда. 271.

Банкетъ у новаго Лондонскаго мера. 273.

Тревожное состояніе англійской политики и отзывы нѣмецкихъ газетъ. 274.

Нѣмецкая брошюра „Вонъ Турку изъ Европы“. 275.

Осадныя работы подъ Плевной и дальнѣйшіе планы военныхъ операцій. 272.

Взятіе Карса. 277.

Подробности взятія Карса и англійская ложь. 278.

Разсужденія спеціалистовъ о способахъ взятія Карса. 279.

Къ блокадѣ Плевны. 280.

Тревожный тонъ англійскихъ торійскихъ органовъ. 281.

Побѣда 12 октября у Трестеника. 284—А.

Нѣчто о бѣлыхъ арапахъ. 284—Б.

Отказъ Германіи отъ посредничества въ мирѣ между Россіей и Турціей. Англійскіе интересы. 285.

Блистательное дѣло Рущукскаго отряда. 286—А.

Рѣчи Гладстона и лорда Биконсфильда. Замѣчанія *National Zeitung* о взятіи Карса. 288—А.

Пораженіе Сулейманъ-паши 14 ноября. 288—Б.

Толки газеты *Times* объ участіи державъ въ заключеніи мира. 290—А.

Неудача Мехмедъ-Али и взятіе нами Орханіе. 290—Б.

Корреспонденція изъ Зимницы. 291—А.

Еще доказательство лицемѣрія англійскаго нейтралитета. 291—Б.

Успѣхи нашей гвардіи. 292—А.

Описаніе Плевненскихъ укрѣпленій. 292—Б.

Рѣчь лорда Дарби при пріемѣ депутацій. 293.

Слухи съ театра войны. 294—А.

Путь англійской политики всегда одинъ и тотъ же. 296.

Взятіе Плевны. Ликованія въ Кремлѣ. 297.

Героизмъ нашихъ солдатъ подъ Плевной. 298—А.

Вступленіе Сербіи въ войну. Необходимость для Черногоріи порта. 298—Б. 307—А.

Къ чему обязываетъ насъ взятіе Плевны. Побѣда Цесаревича надъ Сулейманъ-пашей у Мечки. 299.

Доблесть Рущукскаго отряда. 300.

Тревога нейтральныхъ державъ при мысли о мирѣ. 301.

Оскорбительная для Россіи нота Порты есть произведеніе англійской политики. 303.

Толки европейской печати о томъ какъ державы смотрятъ на событія. 305—А.

Измѣненіе тона Австріи. 306.

Плохое вооруженіе нашего войска. 307—Б.

Неудача англійской дипломатической рекогносцировки. 310.

Подвигъ генералъ-адъютанта Баранова на пароходѣ „Россія“. 312—Б.

Планы и силы Турокъ. Расположеніе нашихъ войскъ послѣ Плевны. 313—А.

Дѣйствія сербскихъ корпусовъ. 313—Б.

Движеніе въ Англіи противъ вмѣшательства. 314.
Военныя дѣйствія послѣ паденія Плевны. 316—А.
Недостатокъ распорядительности въ нашей администраціи по снабженію войска теплою одеждою. 316—Б
Комизмъ англійскаго посредничества. 317.
Куда дѣвались у Турокъ наши плѣнные? 318.
Толки въ Европѣ объ условіяхъ мира. Только Турція и Россія въ правѣ держать на Черномъ морѣ военный флотъ. 319—А.
Геройское перенесеніе нашими войсками зимы въ Балканахъ. 319—Б.
Общій обзоръ перехода русскихъ войскъ за Балканы. 322.
Плѣненіе турецкой Шипкинской арміи и открытіе пути къ Адріанополю. 323—А.
Ненужность вмѣшательства Европы въ наши дѣла съ Турціей. Мнѣніе профессора Мартенса и слова Екатерины Великой. 323—Б.

Австро-Венгрія.

Страна съ двумя правительствами. Выгода отъ этого Германіи. 265.

Англія.

Вторичное принятіе Гобартъ-паши на англійскую службу. 84—Б.
Возраженіе англійскаго кабинета противъ нейтрализаціи Суэзскаго канала. 135.
Бездождіе и голодъ въ Индіи и отношеніе къ этому явленію Англіи. 206—Б.
Обращикъ недобросовѣстности съ какою публикуются Англіей дипломатическіе документы. 221—Б.
Замѣчанія корреспондента *Times* о необъяснимой ненависти Англичанъ къ Россіи. 242—А.
Англія помогаетъ Турціи „школить“ Грековъ. 246—Б.

Ватиканъ.

Рѣчь папы къ Савойскимъ пилигримамъ. 105.

Германія.

Разрывъ между національ-либералами и прогрессистами. 12.
Впечатлѣнія вызванныя въ Европѣ слухами объ отставкѣ князя Бисмарка. 75—А.
Рѣчи въ рейхстагѣ гг. Мольтке и Ласкера. 94.

Греція.

Отповѣдь греческаго министра Трикупи Англіи. 256—А.

Италія.

Кончина короля Виктора-Эммануила. 324.

Франція.

Министерскій кризисъ во Франціи. 111—А.
Мнѣнія нѣмецкихъ и италіянскихъ газетъ о Франціи. 121.
Соображенія по поводу предстоящихъ выборовъ. 122.
Кризисъ во внутренней политикѣ Франціи и разсужденія объ этомъ газеты *National-Zeitung*. 136.
Катастрофа 16 мая. 151.
Добросовѣстное поведеніе Макъ-Магона. 158.
Смерть Тьера и значеніе ея для Франціи. 211—Б.
Манифестъ президента Французской республики. 223—В.
Результаты выборовъ. 244—Б. 252.

Соединенные Штаты.

Сочувствіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Россіи. 126.

Турція.

Паденіе Мидхатъ-паши и что оно предвѣщаетъ. 23.
Французская печать о паденіи Мидхатъ-паши. 24—А.
Офиціальное сообщеніе объ удаленіи Мидхатъ-паши. 25.
Скорбное письмо Мидхатъ-паши изъ Неаполя. 294—Б.
Захватъ Турками двухъ италіянскихъ судовъ въ Босфорѣ. 304.
Указъ Порты о сформированіи гвардіи въ которую будутъ приниматься и христіане. 312—А.

Общее обозрѣніе.

Обозрѣніе внутренней жизни важнѣйшихъ изъ европейскихъ государствъ за 1876 годъ. 2.
Свиданіе въ Ишлѣ императоровъ Германіи и Австріи. 192—Б.
Мудрованія французской печати по поводу свиданія въ Ишлѣ императоровъ Германіи и Австріи. 196—Б.

1877 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Минувшій годъ завѣщаетъ наступающему грозное наслѣдіе. Восточный вопросъ поднятъ. Употребляются послѣднія усилія выгадать передышку. Но есть другіе, отчасти скрытые, факторы которые торопятъ развязкой.

Въ теченіе минувшаго года, на всемъ пространствѣ Европы, кромѣ одного угла ея, все обстояло благополучно; во всѣхъ странахъ, кромѣ одной, жизнь шла обычнымъ чередомъ,—ставились, намѣчались, разрѣшались свои внутреннія задачи, и въ другое время эта будничная жизнь націй Европейской семьи не лишена была бы интереса. Но теперь внутреннія дѣла тѣхъ или другихъ странъ не только для постороннихъ зрителей, но и для самихъ участниковъ, представлялись чѣмъ-то второстепеннымъ. Всѣ взоры были напряженно устремлены на Востокъ, какъ будто тамъ ожидается рѣшеніе судебъ не только самаго Востока, но и всей Европы.

Когда начинался минувшій годъ, такого конца ожидали можетъ-быть весьма немногіе. Но Восточный вопросъ надвигался постепенно, таинственнымъ, загадочнымъ образомъ. Многое уже теперь стало яснѣе, но многое еще остается не понятнымъ въ развитіи событій, непрошенно поставившихъ этотъ вопросъ на очередь. Чтобы лучше опознаться въ немъ, надо вернуться гораздо далѣе чѣмъ за годъ.

Какъ обстояло все въ Европѣ два года тому назадъ? Общій миръ казался совершенно упроченнымъ. Не было никакихъ тревожныхъ вопросовъ. Европа отдыхала послѣ цѣлаго ряда измѣнившихъ ее потрясеній и погромовъ. Россія очутилась въ положеніи очень благопріятномъ; ей улыбались, всѣ искали ея пріязни. Да и у другихъ державъ между собой, казалось, не представлялось предлоговъ къ ссорамъ.

Но вотъ, среди глубокаго мира и всеобщей идилліи, вдругъ пронеслись зловѣщіе слухи. Это было еще въ началѣ 1875 года. Слухи эти быстро росли и перешли въ опасенія за сохраненіе мира въ Европѣ. Зловѣщіе слухи шли не съ Востока, а съ Запада. Франція, едва начавшая оправляться отъ бѣдственной войны, только что уплатившая милліарды, встревожилась считая себя вновь угрожаемою Германіей. Исторія этой тревоги до сихъ поръ темна. Что подало къ ней поводъ, насколько она была основательна,—все это осталось не достаточно разъясненнымъ. Однако всѣмъ извѣстно что она послужила къ весьма серіознымъ дипломатическимъ объясненіямъ. Франція обратилась ко всѣмъ державамъ, прежде всего къ Англіи, а также къ Россіи. Англія подняла шумъ, но дѣйствительныя заботы о сохраненіи мира и ходатайство за Францію великодушно предоставила Россіи. Миръ нарушенъ не былъ, и опасенія улеглись быстро, не оставивъ повидимому никакого слѣда. Отовсюду была воздана Россіи благодарность за ея миротворное дѣйствіе. Во Франціи сочувствіе къ Россіи и всему Русскому стало тогда *à l'ordre du jour*. Только въ германской печати отчасти сказалось нѣкоторое недовольство, какъ будто раздраженіе, впрочемъ весьма непродолжительное.

Не прошло послѣ того и полугода какъ начались смуты на Востокѣ. Были ли эти

смуты возбуждены или поддержаны Россіей? Этого не говорятъ даже злѣйшіе ея недруги, готовые ко всякой на нее клеветѣ. Да и факты слишкомъ противорѣчатъ этому. Начать съ того что Россія не могла имѣть ни малѣйшаго интереса въ возбужденіи Восточнаго вопроса въ это время. Она была въ наилучшихъ со всѣми державами отношеніяхъ. Она оказывала полное довѣріе къ Россіи, и султанъ готовъ былъ на все для нея угодное. Посолъ нашъ въ Константинополѣ первенствовалъ, что возбуждало зависть и опасенія у нашихъ всегдашнихъ соперниковъ на Востокѣ. Россія объявила ясно свою программу. Не въ колебаніи верховной власти султана, не въ разрушеніи его имперіи, она ставила цѣль своей политики, а въ согласованіи факта существованія Турціи съ улучшеніемъ положенія христіанъ, постепенною децентрализаціей частей, освобожденіемъ христіанъ не отъ верховной власти султана, а отъ рабскаго подчиненія ихъ каждому мусульманину. Россія не торопила событій. Она пользовалась вліяніемъ какое давало ей довѣріе Порты. Въ Оттоманской имперіи все было спокойно.

И не изъ Россіи въ то время поднялись возгласы о близости Турціи къ паденію. Рѣчь завели о томъ въ Англіи, и безъ всякаго повода. Изобличенія вдругъ яростно посыпавшіяся на столь дорогую и милую для Англичанъ Турцію звучали противъ русскаго вліянія: изобличалась расточительность султана, его капризы, его намѣренія измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, частыя стѣны министровъ, оплакивалось ослабленіе англійскаго вліянія. *Ergo*, говорили, Турціи грозитъ крушеніе. Не прошло мѣсяца послѣ любопытной, но безцѣльной объ этомъ бесѣдѣ въ Англійскомъ парламентѣ какъ началось глухое броженіе въ самомъ далекомъ отъ Россіи уголкѣ Европейской Турціи. Въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе, начавшееся съ какого-то случайнаго столкновенія, какія конечно не рѣдки въ Турціи. Волненіе быстро охватило всю провинцію и распространилось на Боснію, будто искра была брошена въ порохъ. Турки конечно принялись усмирять волненіе по своему. Запылали деревни, населенія бросились въ бѣгство.

При томъ вліяніи какимъ въ то время русская дипломатія пользовалась въ Константинополѣ надѣялись что окажется возможнымъ успокоить волненіе. Россія не имѣла интереса разжигать не ею начатое дѣло, и довѣрчивыя отношенія между ею и Портой еще не измѣнились. Порта обнаруживала сговорчивость и казалось была готова на всякія мѣры какія присовѣтывала бы ей Россія. Быть-можетъ все могло бы уладиться въ началѣ между Россіей и Портой. Но понадобился европейскій концертъ. Сочтено за лучшее созвать всю Европу. Къ тому же Австріи, видимо поощрявшая возстаніе, поспѣшила принять дѣятельное участіе въ вопросѣ. На ея территоріи пріютилось множество бѣглецовъ коимъ въ началѣ давалось правительственное пособіе.

Вмѣсто ожидаемаго упрощенія задачи, европейскій концертъ только запуталъ, затруднилъ и раздулъ дѣло. За концертомъ скрывались заявившія о своемъ существованіи разнородныя своекорыстныя цѣли, которыя не смѣютъ открыто высказаться; начались соперничества и взаимныя помѣхи.

Прелюдіей была нота графа Андраши. Уже въ ней прозвучали фальшивыя ноты не предвѣщавшія дальнѣйшей гармоніи. Пока игра шла дружно, можно было ожидать что совокупная мудрость дипломатіи дастъ населеніямъ что-нибудь больше тѣхъ реформъ какія тогда уже на словахъ готова была дать Порта въ только что изданномъ султанскомъ фирманѣ. На дѣлѣ же нота была тѣмъ же фирманомъ съ прибавленіемъ ничего не означающихъ статей о письменномъ обязательствѣ Порты. Да и это еще не легко было сладить. Англія приступала къ концерту не охотно, и сама сообщила Портѣ много возраженій.

Успѣха отъ такого начала нечего было ожидать, хотя Порта и приняла ноту, которую теперь хотятъ воскресить изъ забвенія. Европейское согласіе очень хорошо сказалось при сообщеніи ноты инсургентамъ, когда австрійскій коммиссаръ баронъ Родичъ убѣждалъ ихъ взирать на одну Австрію какъ на ихъ естественную покровительницу, и отъ нея одной ждать спасенія. Полгода рѣзни и времени потраченнаго въ пустыхъ совѣщаніяхъ дали уже однако знать себя, и красными словами нельзя было внушить довѣрія. Ни бѣжавшія населенія не соглашались возвратиться, ни инсургенты не хотѣли поло-

жить оружія безъ надежной гарантіи. Возстаніе продолжалось, и въ то же время разгорался мусульманскій фанатизмъ.

Въ началѣ мая онъ обнаружился буйнымъ взрывомъ въ Салоникахъ. Привезенная въ городъ мусульманами похищенная болгарская дѣвица была отнята своими родственниками, и мусульманская чернь, придя въ страшное волненіе, убила французскаго и германскаго консуловъ, при полномъ бездѣйствіи властей. Событіе произвело сенсацію. Отъ всѣхъ державъ явившись въ Салоникскій портъ по нѣскольку военныхъ судовъ; потребовано было удовлетвореніе. Случай этотъ оживилъ дѣятельность дипломатіи, нѣкоторое время тщетно искавшей какъ поправить неудачу ноты графа Андраши. Съѣздъ въ Берлинѣ облегчилъ дѣло, и рѣшено было возобновить проектъ реформъ заключавшихся въ нотѣ, но съ дополненіемъ необходимыми гарантіями. Это былъ Берлинскій меморандумъ. Что въ немъ не было ничего колеблющаго Европу, это доказываетъ легкость съ какою онъ былъ принятъ всѣми великими державами кромѣ Англіи. Документъ этотъ только въ томъ шелъ далѣе что признавалъ необходимость вмѣшательства для умиротворенія Босніи и Герцеговины.

Но въ это время произошла театральная перемѣна декорацій. Англія съ шумомъ отдѣлилась отъ концерта, отвергнувъ меморандумъ. Злые языки говорили что это было сдѣлано ею не безъ предварительнаго соглашенія, по крайней мѣрѣ съ графомъ Андраши. Въ то же время вдругъ всѣ узнали что у входа въ Дарданеллы появился англійскій флотъ, и британскій премьеръ объявилъ что онъ защищаетъ британскіе интересы! Печатью было растолковано что эти интересы суть цѣлость Турціи—какъ будто ей угрожало завоевательное съ какой-либо стороны нападеніе. Въ Константинополѣ начался рядъ заговоровъ и революцій. Замѣчательно что низложеніе Абдулъ-Азиза было предсказано англійскими корреспондентами. Новое правительство, вмѣсто реформъ, начало готовиться къ войнѣ, и, прославляемое хвалебными гимнами французской, австрійской и англійской печати, принялось примѣнять свои просвѣщенные взгляды въ Болгаріи. Говорили о какихъ-то будто бы смутахъ въ ней, о подготовленіяхъ къ возстанію; мѣстахъ въ двухъ-трехъ дѣйствительно были ничтожныя попытки съ двумя деревянными пушками и съ порохомъ который не загорался. Но въ нашихъ и вообще русскихъ корреспонденціяхъ, съ самаго начала твердилось что въ Болгаріи совершаются страшныя дѣянія, наконецъ, правда проникла и въ печать другихъ странъ. Нашлись правдивые люди чтобъ огласить на весь свѣтъ истину. Какъ ни отписывался англійскій посолъ, какъ ни отмалчивались англійскіе министры въ отвѣтъ на запросы, ссылаясь на газетныя преувеличенія, истина взяла свое. Крикъ негодованія поднялся когда узнали о звѣрскихъ подвигахъ Шевкетъ-паши, Ахметъ-аги и ихъ сподвижниковъ. А эти звѣри были награждены Портой и до сихъ поръ остаются безнаказанными. Ужасный погромъ Болгаріи напомнилъ времена первыхъ гоненій перенесенныхъ христіанствомъ, эпохи вандальскихъ, гуннскихъ и монгольскихъ нашествій.

Таковъ былъ первый плодъ европейскаго концерта. Но этой жертвы было мало Молоху. Дипломатія не дремала. Она побуждала Англію, отвергнувшую Берлинскій меморандумъ, предложить, съ своей стороны, что по ея мнѣнію, возможно и должно. Но лордъ Дарби находилъ это безполезнымъ говоря что только борьба рѣшитъ кто сильнѣе, и что пусть лучше еще подерутся немного. Онъ предпочиталъ переговорамъ *some fighting*. По его желанію и вышло. Населенія княжествъ давно уже съ трудомъ сдерживали свое сочувствіе, побуждавшее ихъ броситься на помощь своимъ братьямъ. Съ каждымъ днемъ правительствамъ ихъ труднѣе становилось сдерживать пылъ своихъ подданныхъ, какъ ни удерживали ихъ великія державы. Но совершенное устраненіе дипломатіи, благодаря Англіи, сдѣлало войну неизбѣжною. Сербія и Черногорія, можетъ-быть съ неосторожною и необдуманною поспѣшностью, геройски ринулись въ борьбу со всею силой полчищъ Оттоманской имперіи.

Не станемъ перечислять всѣхъ эпизодовъ этой славной четырехмѣсячной борьбы, за которою съ трепетнымъ замираніемъ сердца слѣдила вся Россія,—борьбы дѣйствительно славной, за которою въ исторіи навсегда останется почетная страница, ибо слава измѣряется не одними результатами, но и величіемъ подвига. Черногорцы одержали блестящіе успѣхи,

напоминающіе времена героическихъ сказаній: они въ рукопашныхъ бояхъ, при Вучьемъ Долѣ и Медунѣ, поражали на голову вдесятеро многочисленнѣйшаго непріятеля. Въ Сербіи условія были иныя, но сербскія ополченія которыя ведены были въ бой прямо отъ сохи выдерживали напоръ всей силы имперіи, вербующей солдатъ въ трехъ частяхъ свѣта, и если наконецъ оборонительная линія и была прорвана, то лишь натискомъ втрое превосходной числомъ и вдвое лучше вооруженной и обученной силы. Война сербская, какъ ни печальна была послѣдняя фаза ея, имѣетъ для насъ, Русскихъ, еще особое, высокое значеніе. На поляхъ сербскихъ пролилось много русской крови. Кровь эта святая. Она связала новыми еще болѣе тѣсными братскими узами съ нами христіанскія населенія. Она пролита не изъ честолюбія, не изъ охоты къ приключеніямъ, не изъ выгодъ, а для помощи братьямъ, во имя Христа. Что повлекло въ Сербію массы русскихъ добровольцевъ, изъ коихъ болѣе половины не вернулись? Смерть перваго изъ нихъ, Кирѣева. И чѣмъ болѣе падало ихъ за святое дѣло, тѣмъ все болѣе охватывала Русскій народъ живая сила сочувствія, тѣмъ все большее число стремилось на замѣну павшихъ.

Что же дѣлала въ это время дипломатія? Англія вскорѣ спохватилась что зажгла пожаръ который можетъ разлиться слишкомъ далеко; она увидѣла что оказала плохую услугу и Турціи войной которая даже при успѣхѣ только расшатала бы Оттоманскую имперію, гдѣ тѣмъ временемъ успѣли уже убрать новаго султана, оказавшагося негоднымъ, и замѣнить его другимъ. Въ августѣ лордъ Дарби предложилъ свои услуги Сербіи для посредничества къ заключенію мира. Но Сербія тогда еще не была сломлена. Напротивъ, на правомъ берегу Моравы войска ея имѣли положительный успѣхъ который ободрилъ ихъ. Но борьба съ каждымъ днемъ становилась тяжеле и не подъ силу бѣдному княжеству. Къ тому же война съ Турками не то что обыкновенная. Каждый клочокъ сербской земли достававшійся непріятелю подвергался полному разоренію. Это обычный способъ веденія войны Турками. На этотъ разъ переговоры брала въ свои руки Англія. Ею былъ разстроенъ европейскій концертъ, и она бралась возстановить его. Можно было ожидать что дѣло пойдетъ успѣшнѣе. Заключена была пріостановка военныхъ дѣйствій на десять дней, потомъ продолжена еще на восемь. Между тѣмъ, однако, Порта, вмѣсто ожидаемаго *statu quo* для Сербіи предложила такія условія мира что Сербская армія въ негодованіи провозгласила, въ отвѣтъ на это, князя Милана королемъ Сербскимъ. Дѣло это не имѣло послѣдствій. Гораздо важнѣе была неудача установить регулярное перемиріе, такъ какъ Турки своими предложеніями перемирія на пять и на шесть дней очевидно выгадывали время чтобы притянуть бо́льшія силы, что вскорѣ и подтвердилось. Борьба возобновилась. Тяжкіе бои пришлось перенести сербскимъ войскамъ и русскимъ добровольцамъ до послѣдней катастрофы 17 октября подъ Дюнишемъ, занятіе коего влекло и паденіе Алексинца и открывало Туркамъ свободный путь въ долину Моравы. Сербіи грозило ужасное опустошеніе...

Во все время этихъ битвъ переговоры продолжались. Англія вела ихъ, ей принадлежала мысль о конференціи, она сама признала въ это время вмѣшательство, хотя бы только дипломатическое; она набросала въ главныхъ чертахъ основанія мира: *statu quo* для княжествъ, *автономію* для возмущенныхъ провинцій,—и она же предложила перемиріе на мѣсяцъ для обсужденія этихъ условій. Турція на все это отвѣчала простымъ предложеніемъ перемирія на полгода, въ продолженіи коего тянулась бы неизвѣстность тревожнаго положенія. Лордъ Дарби тотчасъ же согласился, а когда Россія не захотѣла принять турецкое предложеніе, то Англія еще разъ устранилась. Европейскій концертъ вновь повисъ на воздухѣ.

Минута была самая критическая. Русскій посолъ предъявилъ Портѣ 18 октября ультиматумъ о заключеніи перемирія на два мѣсяца, требуя отвѣта въ сорокъ восемь часовъ, а черезъ два дня, послѣ того, произнесены были въ Кремлѣ слова высоко поднявшія духъ въ Россіи и произведшія сильное впечатлѣніе на Европу. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписана была мобилизація части русской арміи.

Дѣйствіе произведенное твердымъ и рѣшительнымъ положеніемъ Россіи было сильное—не только на Турцію, безпрекословно принявшую ультиматумъ, но на всю Евро-

пу. Еще наканунѣ предъ тѣмъ британскій премьеръ грозилъ Россіи двумя и тремя кампаніями. Но это была послѣдняя похвальба. Въ самой Англіи либеральное общественное мнѣніе было возмущено поддержкой турецкаго насилія надъ христіанами, и Британское правительство, немедленно за русскимъ ультиматумомъ, возобновило предложеніе о конференціи. Также и Австрія, прежде не соглашавшаяся на нее, теперь присоединилась.

Но Молохъ европейскаго концерта, который разстраивается и возобновляется какъ бы по манію волшебнаго жезла, и вертится быстрѣе флюгера, требовалъ новыхъ жертвъ. Конференція означала третій актъ европейскаго концерта. Пока цѣлый мѣсяцъ англійскій уполномоченный, маркизъ Салсбери, разъѣзжалъ по дворамъ Европы, да другой мѣсяцъ прошелъ въ предварительныхъ совѣщаніяхъ делегатовъ для установленія программы, наступилъ срокъ перемирія, когда еще ничего не было рѣшено. Пришлось продлить его. Такъ исполнилось первое желаніе Турокъ, заявленное ими еще въ октябрѣ. Должно однако пояснить что это перемиріе между Портой и княжествами. Россія не воюетъ съ Портой, а потому у ней и не можетъ быть перемирія, и ея оно отнюдь не связываетъ ничѣмъ.

На предварительныя совѣщанія делегатовъ Турція не была допущена, но ея сторону вполнѣ представляла собою Австро-Венгрія, которая, согласно всѣмъ извѣстіямъ, дѣлала всевозможныя возраженія, стараясь сократить и урѣзать программу къ предъявленію Портѣ. Уже на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ концертъ вновь обнаружилъ свою сущность. Программа вышла далеко не та какою предполагалась въ началѣ, даже далеко ниже англійскихъ предложеній. Въ особенности вопросъ о гарантіяхъ совершенно утратилъ прежнее значеніе.

Но прежде чѣмъ открылась настоящая конференція, случились два эпизода служащіе любопытнымъ коментаріемъ европейскаго согласія. Главнѣйшій изъ нихъ конечно рѣчь произнесенная германскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ въ Рейхстагѣ. Заявивъ о святости дѣла защищаемаго Россіей, о полной солидарности въ этомъ дѣлѣ Германіи, князь Бисмаркъ въ то же время умѣлъ дать понять что для Германіи дѣло это, при всей его святости и справедливости, такое что она остается къ нему вполнѣ равнодушна, пока не явятся такіе интересы или такія обстоятельства въ коихъ Германія могла бы видѣть себѣ прямую пользу. *Ergo*, въ соглашеніи по этому дѣлу голосъ Германіи все равно что отсутствовалъ. Только сегодня телеграмма изъ Константинополя говоритъ будто баронъ Вертеръ какъ бы заступалъ мѣсто русскаго уполномоченнаго, и несмотря на согласіе нашего посла на какое-то предложеніе Турокъ, энергично протестовалъ.

Другой эпизодъ былъ странное, неожиданное задорное и гордое положеніе принятое Австро-Венгріей относительно Сербіи. Придирки сильной имперіи къ малому княжеству показывали желаніе терроризовать его и дать ему почувствовать всю его зависимость отъ грознаго сосѣда. Случай подавшій поводъ къ этому еще характеристичнѣе. Угодливость съ какою Австрійцы везли на своемъ пароходѣ на выдачу Туркамъ Болгаръ которые осмѣлились, несмотря на то, высадиться въ Бѣлградѣ, показываетъ еще разъ, если только это нужно, какая польза христіанамъ Турціи отъ голоса Австріи въ Европейскомъ концертѣ, озабоченномъ ихъ участью.

Послѣдніе дни минувшаго года были заняты засѣданіями конференціи. Турки къ ней приготовились достодолжнымъ образомъ, съ провозглашенною въ самый день открытія пресловутою конституціей Мидхатъ-паши. Хорошо зная мѣру и должное значеніе европейскаго концерта, Турки мастерски дѣлаютъ пробы надъ уступчивостью дипломатіи, и тѣмъ временемъ спѣшно готовятся къ войнѣ. Впрочемъ, они сами скорѣе жертва заблужденія въ какое ихъ вводятъ затаенныя соперничества и скрытыя интриги таящіяся подъ личиной концерта. Для Турціи война ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать благопріятнаго исхода изъ затрудненій, но ослѣпленные постоянными поблажками турецкіе министры можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ убѣждены что нѣкоторыя державы готовы будто бы по прежнему стоять за Турцію *quand même*, въ своемъ собственномъ интересѣ. Они едва ли способны видѣть что въ дипломатической игрѣ есть свои особые виды, отъ коихъ для Турціи конечно не можетъ быть пользы.

№ 2.

Москва, 3-го января.

Внутренняя жизнь важнѣйшихъ изъ европейскихъ государствъ въ прошедшемъ году сама по себѣ была слишкомъ бѣдна крупными явленіями обще-европейскаго интереса, и если въ бѣгломъ очеркѣ прошлогодней исторіи явленія эти заслуживаютъ упоминанія, то лишь на сколько ими характеризуется или обусловливается положеніе давнаго государства относительно того вопроса который звучалъ основнымъ мотивомъ въ „европейскомъ концертѣ“ изобиловавшемъ подобно произведеніямъ новѣйшей музыки диссонансами.

Рѣчь князя Бисмарка въ которой изложенъ былъ взглядъ Германіи на это дѣло была ясна на сколько въ ней выразился „реализмъ“ германской политики, ничего не предпринимающей безъ видовъ на осязательную выгоду. Неясность этого „откровеннаго“ изложенія видовъ Германіи начинается лишь съ того пункта гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи по вопросу возникшему на Востокѣ. Еслибы Россія имѣла какія-либо свои особыя цѣли въ этомъ дѣлѣ, и князь Бисмарка, имѣя ихъ въ виду, намекнулъ бы что Россія не можетъ разчитывать на дѣятельную поддержку Германіи безъ соотвѣтственнаго вознагражденія ей, то этотъ намекъ былъ бы понятенъ. Но германскій канцлеръ въ той же рѣчи торжественно и настойчиво засвидѣтельствовалъ что Россія ничего для себя не ищетъ, а что все чего она требуетъ отъ Порты есть дѣло обще-человѣческое и обще-христіанское и Германія въ такой же мѣрѣ считаетъ де его своимъ дѣломъ. Будучи твердо убѣждены что недовѣріе и вражда къ Россіи суть единственная причина почему столь безсильными оказывались всѣ безконечныя дипломатическія старанія, мы недоумѣвали предъ этимъ заявленіемъ германскаго канцлера. Было бы вполнѣ достаточно твердо и недвусмысленно заявленной совокупной программы обоихъ государствъ. Нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ, и въ томъ числѣ органъ близкій князю Бисмарку, придали нашимъ словамъ такой смыслъ будто бы мы приглашали Германію снабдить Россію вспомогательною арміей въ войнѣ противъ Турціи и ея союзниковъ. Но это было совершенно превратное толкованіе: мы именно утверждали что полное единомысліе Германіи съ Россіей упразднило бы необходимость войны съ Турціей. Вся эта недостойная позорная для Европы комедія разыгрываемая въ Константинополѣ подъ именемъ „европейской конференціи“ была бы немыслима, и самая эта конференція, фальшивая въ своемъ принципѣ, была бы ненужна, еслибы Россія имѣла за себя въ дѣйствительности то сочувствіе и то довѣріе къ ея безкорыстію въ возникшихъ на Востокѣ затрудненіяхъ, о коемъ столь громко было заявлено на словахъ. Интересно читать глумленія берлинскихъ газетъ надъ константинопольскою конференціей и надъ тою исполненною комизма игрой которая происходитъ на ней въ послѣдніе дни. По мнѣнію *National-Zeitung*, Турки теперь уже не довольствуются тѣмъ что отвергаютъ все что имъ не нравится; нѣтъ, они стремятся одержать блистательную побѣду, и повидимому въ этомъ успѣваютъ. Конференція, по словамъ этой газеты, собралась, „въ томъ предположеніи что все „затрудненіе коренится въ честолюбіи Рос„сіи, и что Европѣ трудно будетъ удер„жать ее отъ ея своекорыстныхъ замы„словъ... И что же!“ восклицаетъ берлинская газета, „Россія уступаетъ, но Тур„ція заступаетъ ея мѣсто; она хочетъ вой„ны, она подвергаетъ опасности спокой„ствіе Европы. Конференціи приходится „употребить весь свой авторитетъ, и при„томъ напрасно, противъ того кого она „явилась оберегать. Если Турція будетъ „далѣе упорствовать, то она принудитъ „своихъ *лучшихъ друзей* обратиться про„тивъ нея. И даже можетъ случиться что „друзья и недруги помѣняются ролями.“ Вотъ признаніе, или лучше обмолвка, объясняющая дѣло въ истинномъ его свѣтѣ! Если конференція собралась лишь для того чтобъ оградить Турцію отъ общаго недруга—Россіи, то мудренаго нѣтъ что Турція не опасается разрыва со своими „друзьями.“ А съ другой стороны, возможно ли упрекать Россію что она, дѣйствуя „во всемъ согласно съ Европой,“ тѣмъ не менѣе медлитъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ, убѣждаясь съ каждымъ днемъ что „добрыхъ друзей“ въ сущности имѣетъ одна Турція, и что приготовившись къ войнѣ противъ послѣдней и противъ ея вѣроятныхъ союзниковъ, она далеко еще не приготовлена противъ всѣхъ *возможныхъ* ея союзниковъ?

Эти замѣчанія пришлись намъ къ слову при воспоминаніи о томъ единственномъ эпизодѣ въ парламентской жизни Германіи, когда ея канцлеръ, болѣе полугода проведшій въ уединеніи своей вилладжіатуры, появился на трибунѣ чтобъ объяснить предъ страной мотивы своей политики по самому жгучему вопросу дня. Что касается внутренней жизни Германіи за прошедшій годъ, то съ самаго основанія имперіи, это былъ самый тихій, такъ что и такъ-называемая „культурная борьба“ не ознаменовалась въ это время ни однимъ крупнымъ фактомъ. Весь интересъ внутренней жизни Германіи былъ сосредоточенъ на великомъ судебномъ преобразованіи, дѣятельно подготовлявшемся во все продолженіе года къ засѣданію Рейхстага, закончившаго въ концѣ года свою вторую, со времени основанія имперіи, законодательную сессію. Судебные законы приняты Рейхстагомъ, и дѣло реформы, долженствующей послужить новымъ и могущественнымъ „цементомъ“ для Германскаго единства, нынѣ окончено. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать чтобъ этотъ законодательный успѣхъ принесъ только благотворные результаты. Дѣло сложилось такъ что именно судебная реформа, какъ актъ законодательства, вызвалъ наружу нѣкоторые изъ самыхъ серіозныхъ элементовъ разложенія въ Германіи, о чемъ свидѣтельствуютъ получаемыя нами въ послѣдніе дни извѣстія о результатахъ выборовъ въ Германскій Рейхстагъ. Мы не станемъ излагать сущность судебныхъ проектовъ и тѣхъ компромиссовъ вслѣдствіе коихъ удалось ихъ осуществленіе въ самую послѣднюю минуту, когда казалось что дѣло это должно рушиться вслѣдствіе разногласія между правительствомъ и большинствомъ Рейхстага. Объ этомъ стоитъ поговорить особо. Компромиссъ состоялся насчетъ внутренняго мира между двумя фракціями либеральной партіи, національ-либералами и прогрессистами. Эти фракціи, будучи до сихъ поръ въ союзѣ, преобладали въ Рейхстагѣ и составляли сильную опору правительства въ важнѣйшихъ дѣлахъ внутренней политики. Нынѣ прогрессисты и національ-либералы злѣйшіе враги, и эта вражда, возгорѣвшаяся за нѣсколько дней до новаго года въ стѣнахъ прежняго Рейхстага, черезъ нѣсколько дней перешла на обширную арену политическихъ выборовъ совершившихся 10 января. Ближайшимъ результатомъ этой ожесточенной борьбы между вчерашними союзниками былъ огромный успѣхъ соціалъ-демократовъ. Достаточно сказать что изъ шести избирательныхъ округовъ Берлина, въ двухъ окончательно избраны соціалисты, а въ трехъ кандидатамъ этой партіи предстоитъ перебаллотировка съ кандидатами умѣренныхъ партій. До сихъ поръ Берлинъ не имѣлъ ни одного депутата изъ этихъ „легальныхъ революціонеровъ.“ Правда что отъ нѣмецкихъ соціалистовъ далеко еще до парижскихъ коммунаровъ и до цюрихскихъ „Пугачевцевъ,“ однако 30.000 голосовъ поданныхъ въ Берлинѣ за революціонеровъ, хотя и законныхъ (вмѣсто 10.000 голосовъ которые были поданы три года тому назадъ) даетъ поводъ къ размышленіямъ...

Что сказать о внутренней жизни Австро-Венгріи за прошедшій годъ? Для характеристики этого оригинальнаго государства достаточно сказать что ни одинъ изъ обширныхъ законодательныхъ проектовъ долженствующихъ переродить и „вдохнуть новую жизнь“ въ либерально-конституціонные организмы этого двойственнаго политическаго тѣла, не былъ доведенъ до конца, и весь годъ прошелъ въ переговорахъ и пререканіяхъ, ни къ чему не приведшихъ, о томъ на какихъ основаніяхъ возобновить заключенный въ 1867 году между обѣими половинами имперіи таможенный и торговый трактатъ...

За то въ иностранной политикѣ Австрійская монархія обнаружила большую подвижность. Особливо отличалась Венгрія, которая неизгладимыми чертами занесла на страницы исторіи свою родственную симпатію къ Туркамъ. Факты свидѣтельствующіе объ этихъ трогательныхъ чувствахъ Мадьяръ къ баши-бузукамъ еще слишкомъ свѣжи въ памяти у всѣхъ. Рядъ демонстрацій въ пользу Турокъ на дняхъ увѣнчался отъѣздомъ изъ Пешта депутаціи студентовъ для поднесенія почетной сабли Абдулъ-Керимъ-пашѣ!..

Въ Англіи общественное вниманіе въ теченіе всего истекшаго года было поглощено восточными дѣлами. Торійскій кабинетъ давно искалъ случая занять націю тою „бодрою внѣшнею политикой“ (*spirited foreign policy*), которая должна была замѣнить прискучившій лозунгъ либераловъ: „миръ, экономія и реформа.“ И дѣйствительно, давно уже законодательная

дѣятельность парламента не отличалась такою пустотой какъ въ сессію 1876 года. Но и внѣшняя политика Англіи въ это время едва ли возвысила ея кредитъ. О ея роли въ обще-европейскомъ концертѣ мы уже говорили. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о ея нѣкоторыхъ другихъ фазахъ чтобы выяснить на сколько эта политика выражаетъ собой теперь традицію Англіи и соотвѣтствуетъ ея настоящимъ интересамъ.

Помимо общаго, издавна установившагося отношенія Англіи къ Востоку и того факта что оно обусловливается обладаніемъ Индіей, въ характерѣ и особенностяхъ нынѣшней политики лежитъ оригинальный отпечатокъ личности лорда Биконсфильда. Ему принадлежитъ честь изобрѣтенія остроумнаго словца, давно уже имъ изреченнаго, что „Англія есть великая мусульманская держава.“ И странно что только теперь, когда лордъ Биконсфильдъ имѣлъ полную возможность осуществить на дѣлѣ высокій полетъ своей восточной фантазіи, болѣе прозорливые Англичане начинаютъ замѣчать всю чудовищность и опасность этого парадокса. Англія—мусульманская держава! Но если есть какой-нибудь смыслъ въ этой фразѣ, то это значило бы отреченіе отъ христіанства. Даже въ отношеніи къ Индіи фраза невѣрна и опасна. Изъ 240 милліоновъ Индіи только 40 милліоновъ магометанъ. Правда, это самые опасные и воинственные классы. Но заявленіе что ради ихъ будто бы политика Англіи должна сообразоваться съ интересами Ислама есть сознаніе въ глазахъ этихъ самыхъ классовъ въ необезпеченности англійскаго господства надъ ними. Ничѣмъ не привлекая жителей остальныхъ исповѣданій, такая политика преувеличиваетъ значеніе покоренныхъ потомковъ монгольскихъ завоевателей. Для Англичанъ, и вѣроятно для самого лорда Биконсфильда, это не болѣе какъ фраза, но повторяемая слишкомъ часто она производитъ дѣйствіе, и не легко будетъ потомъ Англичанамъ искоренить въ мусульманахъ Индіи убѣжденіе что ихъ болѣе всего опасаются. Напримѣръ, сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, въ своей книгѣ *Handbook on the Eastern Question*, удостовѣряетъ что индійскіе мусульмане не считаютъ своимъ главой султана турецкаго и не сознаютъ никакой солидарности съ Турціей. Однако правительство весьма поощряло устраивавшіеся въ Калькуттѣ и Бомбаѣ мусульманскіе митинги для подачи петицій королевѣ съ просьбой о защитѣ интересовъ Ислама. Самыя петиціи очевидно писаны были людьми искусными въ политикѣ. Искусственныя возбужденія такого рода не могутъ не породить современемъ своихъ послѣдствій.

Своеобразная фантазія лорда Биконсфильда проявила себя въ Индіи еще другимъ образомъ. Единственнымъ важнымъ актомъ парламента въ минувшемъ году было присвоеніе королевѣ титула императрицы Индіи. Мѣра эта встрѣтила было сильную оппозицію въ Англіи, не столько впрочемъ по своему значенію сколько по отвращенію Англичанъ вообще отъ всякихъ повидимому ненужныхъ нововведеній. Послѣ долгихъ преній, наконецъ, помирились на томъ что примѣненіе титула будетъ ограничено Индіей. При обсужденіи, премьеромъ было пояснено что перемѣна титула вызвана цѣлью поддержать *prestige* Англіи для азіятскихъ населеній въ виду послѣднихъ успѣховъ Россіи въ Средней Азіи. Согласно съ этою цѣлью провозглашеніе новаго титула и было совершено новымъ вице-королемъ лордомъ Литтономъ въ бывшей столицѣ Великаго Могола, Дели, при самой торжественной обстановкѣ, съ величайшимъ блескомъ и пышностью. Возвѣщено было объ учрежденіи новаго ордена Индійской имперіи; многимъ туземнымъ принцамъ и сановникамъ былъ пожалованъ почетный титулъ совѣтниковъ императрицы. Въ произнесенной рѣчи вице-король, между прочимъ, упомянулъ о возможности вторженія въ Индію и выразилъ надежду что „вѣрность подданныхъ ея величества даетъ полную возможность отразить и наказать нападающихъ.“

Намъ конечно нѣтъ повода претендовать на мѣры придумываемыя лордомъ Биконсфильдомъ для упроченія англійскаго могущества въ Индіи. Но въ пригодности этой политики возникаютъ теперь другаго рода сомнѣнія. Политично ли провозглашать о возможности вторженія самимъ населеніямъ Индіи и надѣяться на отраженіе его новыми титулами? *Prestige* опирается на спокойномъ сознаніи силы, а не на толкахъ о необходимости поддержать его, въ коихъ восточная фантазія пожалуй усмотритъ тайное безпокойство о непрочности англійской власти.

Подобныя же сомнѣнія вызываетъ теперь въ мыслящихъ людяхъ Англіи и ближайшая политика лорда Биконсфильда въ отношеніи къ Турціи. Презрительныя выраженія британскаго премьера о Болгарахъ и Сербахъ, и его апологія „болгарскихъ ужасовъ," конечно не могли возвысить кредитъ Англіи между униженными христіанскими населеніями, а имъ однако принадлежитъ будущность. Извѣстно что къ концу года въ либеральномъ мнѣніи Англіи произошелъ поворотъ отозвавшійся нѣсколько и на политикѣ правительства. Къ сожалѣнію, это случилось уже по закрытіи парламента. Во время сессіи правительство отлагало до конца объясненія. Но затѣмъ возмутительные разказы о турецкихъ звѣрствахъ вызвали рядъ митинговъ для выраженія негодованія и протеста противъ солидарности съ такимъ позоромъ. Брошюра г. Гладстона дала новый толчокъ этому движенію, которое поддерживаютъ имена высокаго авторитета. Предложивъ конференцію съ явною цѣлью вмѣшательства въ турецкія дѣла, правительство какъ будто само уступило наконецъ этому движенію. Но истинная исторія происходившаго и происходящаго на этомъ собраніи еще остается дипломатическою тайной, хотя телеграммы и извѣщаютъ ежедневно о результатахъ засѣданій. Во всякомъ случаѣ, правительству, хотя оно имѣетъ за собой надежное большинство въ парламентѣ, придется черезъ мѣсяцъ отдать полный отчетъ о своей политикѣ, также какъ о сдѣланныхъ имъ значительныхъ вооруженіяхъ.

Политика Англіи относительно Египта остается загадочною. О миссіи г. Кева, вслѣдъ за покупкой Суэзскихъ акцій, не было дано объясненія. Въ концѣ года ѣздилъ въ Египетъ еще г. Гошенъ въ интересѣ англійскихъ кредиторовъ, и его поѣздка имѣла связь съ отставкой египетскаго министра финансовъ.

Франція въ минувшемъ году представляла такое же печальное зрѣлище какъ и прежде. Разница развѣ только въ томъ что, кромѣ безконечной и ожесточенной борьбы партій за самые принципы государственнаго устройства, обнаружилась несостоятельность Французовъ отнестись здраво къ возникающимъ вокругъ ихъ великимъ міровымъ вопросамъ. Въ началѣ года выборы дали консерваторамъ Сенатъ, республиканцамъ Палату Депутатовъ. Министерство Бюффе замѣнилось кабинетомъ Дюфора, а это—кабинетомъ Жюль Симона. Въ одинъ годъ три кризиса. И изъза чего? Изъ-за отставки нѣкоторыхъ префектовъ, изъ-за сокращенія жалованья приходскимъ священникамъ, изъ-за отданія военныхъ почестей кавалерамъ при гражданскихъ похоронахъ! Что касается Восточнаго вопроса, то всѣ партіи оказались весьма единодушны, что̀ большая рѣдкость во Франціи. Всѣ партіи, клерикалы и радикалы, республиканцы и монархисты, съ озлобленіемъ накинулись на Турецкихъ Славянъ, осмѣлившихся подняться противъ своихъ *законныхъ* повелителей!

Италія достигла равновѣсія въ бюджетѣ, и внутренняя борьба партій принимаетъ въ ней болѣе правильное теченіе. Признакомъ тому служитъ то что бывшіе радикалы стали конституціонною партіей и достигнувъ власти съ образованіемъ кабинета г. Депретиса дѣйствовали до сихъ поръ умѣренно и осторожно, даже мало въ чемъ отступая отъ политики своихъ предшественниковъ. Мало въ чемъ измѣнилась и политика Италіянскаго правительства въ отношеніи къ папѣ, хотя нынѣшній кабинетъ менѣе связанъ прежними заявленіями и можетъ рѣшительнѣе противодѣйствовать притязаніямъ куріи. Папа, само собою разумѣется, по прежнему неуклонно стоитъ на своемъ, но онъ лишился въ лицѣ кардинала Антонелли искуснаго и изворотливаго руководителя потаенной политики католицизма.

Соединенные Штаты отпраздновали столѣтіе своей независимости выставкой въ Филадельфіи. Но эта столѣтняя годовщина ознаменовалась тѣмъ что результаты бывшихъ въ этомъ же году президентскихъ выборовъ остаются въ неизвѣстности, по той причинѣ что ни одинъ изъ кандидатовъ обѣихъ партій не получилъ безспорнаго большинства. Дѣло усложнятся тѣмъ что спорные голоса принадлежатъ южнымъ штатамъ. Не наступилъ ли, вмѣстѣ со столѣтіемъ независимости, и кризисъ въ политической жизни великой республики?

№ 3.

Москва, 4-го января.

Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ въ Константинополѣ засѣдаетъ конференція пред-

ставителей Европейскихъ державъ. Теперь со дня на день ожидается ея распущеніе. Дипломаты много хлопотали, много повидимому горячились, но ничего не достигли. Въ самомъ дѣлѣ, война Турціи съ Черногоріей, Сербіей и съ инсургентами была прежде остановлена русскимъ ультиматумомъ; было заключено перемиріе, и еслибы дѣло касалось только Княжествъ, то можно было тогда же заключить и миръ. Порта повидимому не имѣла ничего противъ того чтобъ оставить Сербію и Черногорію statu quo ante bellum, и вѣроятно не стала бы торговаться изъ-за тѣхъ ничтожныхъ территоріальныхъ уступокъ которыхъ конференція желала выхлопотать для нея. Притомъ Порта была бы принуждена согласиться на эти условія, такъ какъ Сербія состоитъ по Парижскому договору подъ покровительствомъ Европы, а Черногорія во все время войны была побѣдительницею. Но кромѣ этой задачи необходимо было коснуться въ корнѣ зла, причинъ вызвавшихъ войну, то-есть оградить безопасность христіанскаго населенія возставшихъ провинцій; слѣдовательно, кромѣ посредничества между воюющими государствами, Европѣ предстояла еще другая задача—вмѣшаться во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. Такъ какъ одностороннее вмѣшательство Россіи возбуждало недовѣріе Европы, то Англія предложила созвать конференцію представителей великихъ державъ. Хотя Европа при такомъ вмѣшательствѣ все же остается на почвѣ права, основываясь на обязательствахъ принятыхъ на себя Турецкимъ правительствомъ во время Парижскаго конгресса 1856 года; но благодаря особенностямъ редакціи статей Парижскаго трактата, Порта ссылается на него чтобы доказать полную неосновательность и незаконность такого вмѣшательства, такъ какъ трактатъ этотъ призналъ Турцію самостоятельнымъ и полноправнымъ государствомъ. Итакъ, въ глазахъ Турціи вмѣшательство Европы въ ея внутреннія дѣла имѣетъ характеръ насильственнаго дѣйствія. Но оно и должно быть такое. Порта неоднократно обѣщала Европѣ озаботиться огражденіемъ правъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, она была принята въ европейскій концертъ въ предположеніи что исполнитъ принятыя ею на себя нравственныя обязательства, и никогда не исполняла ни обѣщаній, ни обязательствъ, если ея къ этому не принуждали силою. *Принужденіе всегда было необходимымъ для этого условіемъ.* Что же мы видимъ теперь? Имѣя въ виду вмѣшательство, и вмѣшавшись словомъ, Европа, если не желала потерпѣть фіаско, должна была и дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ Европа, при началѣ конференціи, выступаетъ съ великимъ достоинствомъ, отказывается принять въ соображеніе конституцію, на которую ей указывала Порта, требуетъ „автономіи“ для возставшихъ провинцій и занятія ихъ, въ видѣ гарантіи, европейскимъ войскомъ. До сихъ поръ Европа дѣйствуетъ совершенно послѣдовательно и справедливо. Желая принудить Турцію къ исполненію требуемаго отъ нея улучшенія быта возставшихъ провинцій, Европа указывала ей на занятіе какъ на средство, съ помощью коего она намѣрена достигнуть требуемаго. Но Турція отвѣчала на это угрозой, и державы вдругъ спустили тонъ. Это поощряетъ Турокъ; они наотрѣзъ отказываютъ исполнить требуемое. Европа еще уступаетъ. Усмотрѣвъ изъ этого что Европа выражала ей свои требованія наобумъ, съ готовностью немедленно отказаться отъ нихъ и тѣмъ какъ бы сознаться что они были преувеличены, а слѣдовательно несправедливы (таковъ логическій выводъ вытекающій изъ поведенія константинопольскихъ дипломатовъ), Порта принимаетъ такое оригинальное поведеніе Европы за насмѣшку надъ собой, и прямо отказывается дѣлать конференціи какія бы то ни было уступки, а когда представители великихъ державъ угрожаютъ ей за это выѣздомъ изъ Константинополя, то прямо говоритъ имъ: „Уѣзжайте.“ Это было уже три недѣли тому назадъ, и однако до сихъ поръ представители державъ все еще засѣдаютъ въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ, Турція своимъ сопротивленіемъ обнаружила гораздо болѣе послѣдовательности и энергіи чѣмъ Европа своими требованіями. Турція съ самаго начала опиралась на свое естественное право отклонять всякое постороннее вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла. Европа же сначала, повидимому, была намѣрена воспользоваться своимъ правомъ вмѣшательства въ пользу христіанскихъ подданныхъ Порты, но вѣроятно не взвѣсивъ какъ слѣдуетъ всѣхъ послѣдствій такого намѣренія, отрекается теперь отъ всѣхъ своихъ первоначальныхъ требова-

ній. Въ 1537 году султанъ Солиманъ назвалъ Франциска I, короля Французскаго, „tête légère“ за то что тотъ заключивъ съ нимъ союзъ въ послѣдствіи отказался отъ одного изъ условій союза. Какое названіе дадутъ Турки константинопольскимъ дипломатамъ, не знаемъ, но должно быть не очень для нихъ лестное.

Итакъ, каковы же результаты Константинопольской конференціи? Прежде всего, конечно, она дала возможность Турціи оправиться и отдохнуть послѣ войны и приготовиться ко всякимъ случайностямъ. Затѣмъ конференція какъ будто задалась цѣлью раздражить какъ можно болѣе Порту. Своимъ безтактнымъ поведеніемъ, своими постоянными уступками, Европа дала Туркамъ поводъ жаловаться на то что она предъявляла имъ такія требованія, на которыхъ сама послѣ сочла не нужнымъ настаивать. Затѣмъ, какая была цѣль первоначальнаго требованія конференціей занятія возставшихъ провинцій европейскимъ войскомъ? Предлагая такую гарантію, Европа могла мотивировать это требованіе либо безсиліемъ Турецкаго правительства въ исполненіи обѣщаемыхъ имъ реформъ, либо нежеланіемъ его исполнить ихъ, хотя бы онѣ были обѣщаны. Противъ того и другаго Европа нашла какое же средство? Занятіе возставшихъ провинцій съ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ людей корпусомъ въ 6.000 солдатъ или корпусомъ жандармовъ еще менѣе численнымъ! Очевидно что такое воинство не могло бы служить ни опорою для Турецкаго правительства, ни защитою для христіанъ, слѣдовательно и эта мѣра служитъ только къ оскорбленію Порты, а вмѣстѣ къ ея раздраженію. Благодаря Константинопольской конференціи, Европа должна утратить навсегда всякій авторитетъ на Востокѣ. Турція должна была убѣдиться что угрозы Европы далеко не такъ страшны на дѣлѣ какъ кажется на первый взглядъ. Выходитъ что если Европа иногда и высказываетъ свои желанія, то вовсе не съ тѣмъ чтобы настоять на ихъ исполненіи, а лишь для очищенія совѣсти чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ непріятной обязанности. Наконецъ, едва ли конференція устранила вопросъ о войнѣ. Если Европа и останется при своей умѣренности и при своемъ миролюбіи, то сама Турція вызоветъ ее на войну, а такъ какъ главную виновницу всѣхъ причиненныхъ ей за это время безпокойствъ Турція видитъ въ лицѣ Россіи, то не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію обѣщаніе ея „дать намъ строгій урокъ,“ обѣщаніе выраженное въ недавно вышедшей въ Константинополѣ брошюрѣ, повидимому принадлежащей перу одного изъ турецкихъ дипломатовъ и озаглавленной *La Situation*...

Вотъ результаты конференціи!

№ 4.

Москва, 5-го января.

Повсюду въ Европѣ вниманіе было поглощено восточнымъ кризисомъ. но въ Россіи не просто вниманіе общества, а вся душа народа была захвачена поднявшеюся на Востокѣ борьбой. Для Русскаго народа эти событія были его внутреннимъ дѣломъ.

Минуты подобныя пережитымъ въ минувшемъ году не часто встрѣчаются въ жизни народовъ, и благо народу который въ массахъ своихъ способенъ къ такимъ чистымъ и христіанскимъ движеніямъ: ему безспорно принадлежитъ будущее. Пока христіанское чувство милосердія живетъ въ народныхъ массахъ и поднимаетъ ихъ какъ у насъ въ минувшемъ году, народъ можетъ спокойно ожидать всякихъ испытаній...

Чувство милосердія и живая вѣра были чистымъ источникомъ движенія могучею волной охватившаго Русскій народъ и двинувшаго его на помощь пострадавшимъ отъ ужасныхъ неистовствъ братьямъ его о Христѣ;—движенія не только поразившаго иностранцевъ, но смутившаго многихъ и въ самой Россіи своею неожиданностью. Племенное родство и близость по языку были дѣломъ второстепеннымъ. Для милліоновъ, изъ лептъ коихъ составилась главная доля пожертвованій, для тысячъ добровольцевъ простыхъ солдатъ и крестьянъ, положившихъ жизнь на поляхъ Сербіи, доселѣ самое имя Сербовъ и Болгаръ едва было извѣстно. Первымъ возбужденіемъ движенія были посланія митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго. „Эти по„сланія духовныхъ лицъ, свидѣтельствуетъ „вице-президентъ Московскаго Славянска„Комитета И. С. Аксаковъ, въ рѣчи про„изнесенной имъ въ засѣданіи 24 октября, „были чрезъ русское духовенство дове-

„дены до свѣдѣнія народа,—только дове-
„дены до его свѣдѣнія, не больше,—и по-
„жертвованія уже тогда приняли размѣры
„небывалые.“ А когда „началась страш-
„ная эпопея рѣзни, грабежей, насилій и
„всѣхъ турецкихъ неистовствъ въ Болга-
„ріи, тутъ уже не нужно было никакихъ
„особенныхъ усилій для возбужденія со-
„чувствія и состраданія.“

Мы слышали какъ германскій канцлеръ провозглашалъ что дѣло защищаемое Россіей столь же „свято и дорого“ для Германіи, и однако онъ призналъ что Германія не имѣетъ въ немъ прямаго интереса. Въ Англіи созывались митинги, произносились пылкія рѣчи, чему подобнаго ничего у насъ не было; собирались даже маленькія пожертвованія. Но при этомъ платоническомъ сочувствіи нѣкоторой части общества, сила дѣйствія была на сторонѣ противной, и оттуда раздавались яростныя осужденія христіанъ въ ихъ борьбѣ съ притѣснителями, духовныя лица превозносили Исламъ, англійскіе офицеры подвизались въ рядахъ турецкихъ армій; герцогъ Садерландскій основалъ комитетъ для пособія нуждамъ турецкой арміи. Сочувствіе христіанамъ было на словахъ; содѣйствіе Туркамъ было отлично организовано.

Русская помощь христіанамъ не имѣла организаціи. Обратимся еще разъ къ рѣчи г. Аксакова. „Когда сербскія войска ис-
„пытали первую неудачу, когда на почву
„возбужденнаго народнаго сочувствія пала
„первая капля русской крови, когда со-
„вершился первый подвигъ любви и при-
„неслась первая чистая жертва во имя
„Россіи отъ Русскаго за вѣру и братьевъ,
„тогда дрогнула совѣсть всей Русской зем-
„ли... Извѣстіе о смерти Кирѣева, пер-
„ваго Русскаго павшаго въ этой войнѣ,
„разомъ двинуло сотни охотниковъ, да и
„въ послѣдствіи этотъ фактъ постоянно
„повторялся: стоило только огласиться но-
„вымъ смертямъ въ средѣ русскихъ добро-
„вольцевъ — на мѣсто каждаго умершаго
„являлись десять живыхъ съ готовностію
„заступить его мѣсто—смерть не отпуги-
„вала, а какъ бы привлекала.“ Что же заставляло идти на смерть этихъ простыхъ людей которые „со смиренною настойчи-
„востью, какъ бы испрашивая милости,
„со слезами, на колѣняхъ, молили объ от-
„правленіи ихъ на поле битвы?“ Не корысть, не личная выгода, а высокое въ своемъ смиреніи чувство. Ихъ предваряли о суровости предстоящаго жребія, и получали въ отвѣтъ: „Положилъ себѣ помереть за вѣру,“ „сердце кипитъ,“ „не терпится,“ „хочу послужить нашимъ,“ „нашихъ бьютъ,“ „къ нашимъ, заодно постоять,“ — „вотъ краткіе отвѣты, звучав-
„шіе спокойною искренностью и такою ду-
„шевною простотой въ которой слышалась
„неодолимая мощь. Чувствовалось что предъ
„вами, въ смиренномъ обликѣ, безъ гор-
„деливой самодовольной осанки, стояли
„герои,—скажу больше: люди того закала
„изъ какого выходили мученики первыхъ
„вѣковъ христіанства. Да, намъ приходи-
„лось сподобиться узрѣть самое душу на-
„родную!. “

Такова исповѣдь русскаго народнаго движенія минувшаго года. Что удивительнаго что его не могутъ или не хотятъ понять на Западѣ? Исходя изъ народнаго чувства, оно въ самомъ происхожденіи своемъ, въ этой неприготовленности своей, въ этой своей неорганизованности-то и дорого, въ этомъ его внутренняя сила, его живая правда; но тутъ и причина слабости его результатовъ. Будь малѣйшее руководство со стороны правительства, малѣйшее пособіе государственной организаціи, этою силой народнаго чувства можно было бы совершить дѣла великія. Но правительство наше, оставаясь вѣрно своимъ международнымъ обязательствамъ, не принимало никакого участія въ направленіи добровольнаго движенія русскихъ людей на личныя жертвы. Оно только не препятствовало ему, потому что никто же не могъ ожидать чтобы Русское правительство, единое со своимъ народомъ, шло противъ лучшихъ и святѣйшихъ его стремленій.

Но и помимо правительства, никакой предварительной организаціи не было. Славянскій Благотворительный Комитетъ явился главнымъ каналомъ пожертвованій и снарядителемъ добровольцевъ. Но онъ былъ вовсе не приготовленъ для представившейся ему дѣятельности. Въ самомъ себѣ, организація его совершенно не соотвѣтствовала расширявшейся съ каждымъ днемъ цѣли. Его даже упрекали въ томъ что у него „Россія, такъ сказать, выбилась изъ рукъ, что онъ не сумѣлъ покрыть ее сѣтью стройной организаціи, что не воспользовался въ должной мѣрѣ народною готовностью жертвовать и оставлялъ множество

мѣстъ безъ указаній и руководства.“ Дѣло въ томъ что Комитетъ столь же мало приготовленъ былъ къ происходившему какъ и все русское общество. Въ началѣ дѣятельность его была, согласно съ прямою цѣлью его задачъ, чисто благотворительная и ограничивалась распредѣленіемъ пособій голодающимъ выходцамъ Босніи, Герцеговины и потомъ Болгаріи. Благотворительный характеръ имѣли и пособія отправлявшимся добровольцамъ, коимъ выдавалось едва достаточное пособіе на проѣздъ. Потомъ уже, когда составились цѣлые отряды добровольцевъ въ Сербіи, которые, также какъ и русскій штабъ тамъ не получали никакого содержанія отъ бѣднаго княжескаго правительства, пришлось входить въ ихъ нужды, посылать для нихъ не только денежныя средства, но озаботиться изготовленіемъ, покупкой и отправкой шинелей, сапоговъ, полушубковъ, а также продовольствія, чая, отправлять въ Черногорію хлѣбъ, устраивать въ Сербіи военно-походный телеграфъ, военно-походныя церкви (на этотъ предметъ были впрочемъ спеціальныя пожертвованія). Словомъ, немногимъ людямъ, вовсе къ тому не готовившимся, пришлось волей-неволей исправлять должность интендантства, коммиссаріата, инспекторскаго департамента, военно-медицинскаго, артиллерійскаго и провіантскаго вѣдомства. Возникло то удивительное явленіе, на которое мы обращали вниманіе въ свое время и которое слѣдуетъ помнить при сужденіи о результатѣ, что война противъ обширной имперіи велась добровольными усиліями и на частныя средства собираемыя пожертвованіями безъ всякой организаціи.

Даже въ сборѣ пожертвованій не было организаціи. Пожертвованія были велики, особенно въ виду того что двѣ трети ихъ внесены тѣми что зовутся простымъ народомъ; они составлялись изъ мелкихъ приношеній, шли въ разныя мѣста, къ разнымъ лицамъ, черезъ разные каналы. Главными были оба отдѣла Славянскаго Комитета, Петербургскій и Московскій, черезъ которые прошло слишкомъ полтора милліона рублей; потомъ черезъ Главное Общество Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ слишкомъ полмилліона; затѣмъ много пересылалось черезъ редакціи газетъ; черезъ одну нашу послано болѣе 80.000 руб. Посылались суммы и совершенно отдѣльно, напримѣръ Петербургское Городское Кредитное Общество отправило прямо 100.000 въ распоряженіе генерала Черняева. Отдѣльно разными обществами и частными лицами снаряжались санитарные отряды. Въ снаряженіи ихъ соперничали города и общества въ одномъ городѣ. Многія пожертвованія спеціально обозначались на тотъ или другой предметъ. Чувство проявляется, по замѣчанію г. Аксакова, своеобразно и разнообразно и не любитъ стѣсненій, и „всему этому „разнообразію и, если хотите, непорядку, „такъ и подобало быть, ибо самое дѣло „было диковинно, не имѣло прецендентовъ, „а потому и опыта не было.“ Но какъ не подумать что еслибы все можно было предвидѣть и устроить, то при усердіи жертвователей сборы были бы несравненно значительнѣе, а отряды добровольцевъ гораздо многочисленнѣе.

Но, повторимъ, въ этой неподготовленности движенія была его внутренняя сила, свидѣтельствовавшая о его неподдѣльности и чистотѣ. Это проявленіе народнаго духа не только способствовало закрѣпленію исторической связи Россіи съ христіанскимъ Востокомъ, но еще болѣе намъ самимъ принесло пользу. Такой нравственный подъемъ не останется безъ послѣдствій для народа. Затѣмъ, съ какою неудержимою силой вызвали откликъ всей Русской земли слова сказанныя Государемъ Императоромъ въ Кремлѣ! Въ этомъ откликѣ конечно сказалось всегдашнее чувство народа къ своему Царю. Всегда народъ былъ готовъ идти по первому зову своихъ державныхъ вождей на всякое трудное дѣло требуемое для его же пользы, для его земли. Но теперь отозвалась готовностью двинуться Русская земля съ полнымъ сознаніемъ важности и трудности подвига. Не легко правительству объявить что оно, въ случаѣ нужды, принуждено будетъ дѣйствовать самостоятельно въ дѣлѣ возбуждающемъ тревожное безпокойство всей Европы. Самое возвѣщеніе о томъ указываетъ тягость положенія Россіи и тѣ напряженія какія могутъ понадобиться чтобы выйти изъ него. И народъ, въ глубокомъ сознаніи правоты дѣла защищаемаго Россіей, въ безпредѣльномъ упованіи, готовъ нести всякое бремя. Возвѣщенная вслѣдъ затѣмъ мобилизація была встрѣчена всѣми съ радостью.

Мобилизація дала пробу нѣкоторымъ нашимъ еще юнымъ учрежденіямъ, не успѣв-

шимъ получить полное развитіе. Наша армія находится въ переходномъ положеніи со введеніемъ всеобщей воинской повинности; наши желѣзныя дороги не были приспособлены къ военнымъ цѣлямъ, и бо́льшая часть построена въ одинъ путь. Притомъ мобилизація происходила въ зимнее время когда движеніе по дорогамъ и безъ того замедляется снѣжными заносами. Однако мобилизація двинутыхъ частей войскъ совершилась исправно въ двѣ недѣли, несмотря на то что въ то же время пришлось передвигать громадные транспорты для снабженія вооруженіемъ нашихъ южныхъ открытыхъ портовъ. Эти порты приведены въ короткое время въ надежное оборонительное положеніе. Наша Кавказская армія столь же быстро поставлена въ совершенно готовое боевое положеніе. Въ Бессарабіи давно сосредоточена значительная армія, которая вскорѣ же можетъ быть подкрѣплена другими войсками, остающимися въ резервѣ. Все это было исполнено въ самый короткій срокъ, между тѣмъ какъ до того никакихъ приготовленій не было. При всеобщемъ одушевленіи Русскаго народа Россіи не трудно было приступить къ дѣйствію, и совершенно ошибочно объясняли ея умѣренность и выжиданіе будто бы неготовностью ея. Ежедневное содержаніе приведенной на военное положеніе арміи сто́итъ едва ли немногимъ менѣе похода, и не Русскому солдату была бы трудна зимняя кампанія въ виду турецкихъ войскъ приведенныхъ изъ Азіи и Африки. Недостатокъ подножнаго корма въ зимнее время? Но на милліоны которые тратятся для содержанія мобилизованной арміи остающейся въ бездѣйствіи можно было бы скупить сѣно съ цѣлаго свѣта и выписать хоть слоновъ чтобы возить его за арміей. Выжидательное положеніе Россіи составляетъ для нея въ теченіе уже двухъ мѣсяцевъ весьма тяжкую жертву, вынужденную, какъ теперь начинаетъ обозначаться, двоедушіемъ тѣхъ съ кѣмъ какъ будто заодно пришлось ей дѣйствовать на конференціи, тѣмъ что она этимъ quasi-дружнымъ собраніемъ въ сущности и поставлена въ неизвѣстность противъ кого ей можетъ-быть пришлось бы дѣйствовать. Но это должно же будетъ вскорѣ разъясниться...

Столь же несправедливы были и предположенія что финансовыя затрудненія были причиной сдержанности Россіи. Мы видѣли что заемъ заключаемый въ самую минуту нужды въ немъ былъ покрытъ успѣшно при тѣхъ вовсе не невыгодныхъ для правительства условіяхъ какія были имъ предложены подпищикамъ. Изъ отчетовъ Государственнаго Контроля мы на дняхъ познакомили нашихъ читателей съ данными доказывающими что при наступленіи Восточнаго кризиса финансовое положеніе Россіи было гораздо благопріятнѣе чѣмъ когда-либо прежде.

Въ прошломъ году, къ Имперіи окончательно присоединено бывшее Коканское ханство, теперь Ферганская область. При покоренія этого ханства, русскія войска встрѣтили со стороны собственно кочеваго населенія, Кипчаковъ и Кара-Киргизъ, упорное сопротивленіе, какого до сихъ поръ намъ не доводилось испытывать въ Средней Азіи. Нѣкоторые занятые кочевниками города приходилось брать штурмомъ нѣсколько разъ. Уже послѣ присоединенія ханства къ Имперіи вспыхнуло послѣднее возстаніе Кара-Киргизъ. Тѣмъ энергичнѣе были дѣйствія нашихъ войскъ: возстаніе было подавлено, и русскіе отряды вошли даже въ лѣтніе кочевки Кара-Киргизъ, на Алаѣ, западной части Памира, гдѣ еще не бывала нога Европейца. Эта часть „Крыши Міра“ покорена теперь русской власти, что̀ открыло намъ новыя сообщенія съ Кашгаромъ, поставило насъ на верховья Аму-Дарьи, и много приблизило ко владѣніямъ императрицы Индійской. Есть ли путь въ Индію чрезъ Памиръ? Этотъ вопросъ не мало занималъ и нашу, и иностранную печать. Опубликованныя до сихъ поръ свѣдѣнія объ Алайской экспедиціи не даютъ полнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Памиръ оказывается самымъ высокимъ плоскогорьемъ на землѣ: озера тамъ замерзаютъ въ іюлѣ; воздухъ такъ рѣдокъ что кровь выступаетъ изъ поръ; это пустыня въ которой кой-гдѣ лѣтомъ пробивается трава. Дорога на Памиръ чрезъ Алайскія горы идетъ по карнизамъ утесовъ, откуда лошади срываются въ пропасть. Но все-таки это не Сенъ-Готардъ. Главный предводитель послѣдняго возстанія Кара-Киргизъ съ немногими приверженцами все-таки чрезъ Памиръ удралъ отъ нашихъ войскъ къ Индіи.

Всѣ новѣйшія свѣдѣнія о Ферганской области, отъ занятія которой мы такъ

долго уклонялись, подтверждаютъ что это богатѣйшій въ Средней Азіи оазисъ. Если даже при хищномъ правленіи Худояра Коканъ въ голодные годы снабжалъ хлѣбомъ наши войска въ Ташкентѣ, то можно вполнѣ надѣяться что, при лучшемъ управленіи, Фергана много уменьшитъ наши дефициты по Туркестанскому краю, хотя занятіе Ферганы заставило увеличить число русскихъ войскъ въ Туркестанѣ. Увеличеніе нашей боевой силы тутъ будетъ намъ полезно, если только не ляжетъ новымъ бременемъ на казну. Сельское хозяйство, промышленность и торговля быстро возраждаются теперь въ Ферганѣ. Ужасное правительство Худояра и безпрестанныя междуусобныя войны много уменьшили населеніе области, и можно надѣяться что въ ней найдутся теперь земли для русскихъ населеній, столь необходимыхъ въ Средней Азіи.

Небольшое владѣніе Каратегинъ безпрестанно переходило отъ Кокана къ Бухарѣ и находилось въ вассальныхъ къ нимъ отношеніяхъ. Мы не присоединили Каратегина къ своимъ владѣніямъ, но возложили на правителя его разныя обязательства и поставили его вассаломъ Бухары. Русское вліяніе высоко поднялось теперь въ Средней Азіи, и Бухарское посольство явилось въ Ташкентъ съ поздравленіями по поводу покоренія Кокана. Еще болѣе торжественное посольство, съ сыномъ эмира во главѣ, отправилось въ Петербургъ и отвезло младшаго сына эмира въ Пажескій Корпусъ.

Въ прошломъ году сдѣланъ наконецъ рѣшительный шагъ по другому, чуть ли не важнѣйшему въ Средней Азіи дѣлу,— по изслѣдованію стараго теченія Аму-Дарьи. Экспедиція генерала Ломакина отправилась изъ Красноводска къ Сары-Камышу и начала оттуда нивеллировку стараго русла вверхъ до Куня-Ургенча. Результаты нивеллировки еще неизвѣстны; они должны указать какія слѣдуетъ предпринять работы чтобъ отвести часть водъ теперешней Аму-Дарьи въ прежнее ложе. Въ возможности же такого отвода нѣтъ сомнѣнія: всѣ данныя подтверждаютъ что еще недавно воды Аму прорывались до Сары-Камыша.

Во время экспедиціи къ Куня-Ургенчу произошелъ съѣздъ генераловъ Ломакина, Иванова (начальника нашего Аму-Дарьинскаго отдѣла) и хана Хивинскаго. По слухамъ, ханъ подтвердилъ на этомъ съѣздѣ свою просьбу принять ханство въ подданство Россіи и назначить ему, хану, пожизненный пенсіонъ. Онъ заявилъ о своемъ безсиліи справляться съ разноплеменнымъ, вѣчно враждующимъ между собою населеніемъ ханства. Нѣкоторыя племена Туркменъ-Теке приняли персидское подданство и съ тѣхъ поръ усилили свои набѣги на Хиву, а у хана нѣтъ достаточныхъ силъ для отраженія этихъ набѣговъ.

Наши торговыя сношенія въ Азіи вообще сдѣлали въ прошломъ году не малые успѣхи. Устранены затрудненія для русской торговли въ Кашгарѣ, куда отправилось наше посольство вмѣстѣ съ торговыми караванами. Экспедиція Сосновскаго открыла сибирскому хлѣбу сбытъ въ Китай. Вторая экспедиція профессора Норденшельда къ сѣвернымъ берегамъ Сибири также удалась.

Менѣе хорошо шли наши дѣла на крайнемъ Востокѣ, на Великомъ океанѣ. Въ прошломъ году окончательно присоединена къ Россіи южная часть Сахалина, вымѣненная нами у Японіи на 16 Курильскихъ острововъ. Эти острова считались никуда негодными, а между тѣмъ Японцы, какъ слышно, нашли тамъ богатѣйшія руды. Такова уже видно наша судьба съ владѣніями на Великомъ океанѣ. То же было и съ Калифорніей, отчасти и съ другими недавно уступленными нами владѣніями въ Америкѣ. Наконецъ, и въ прошломъ году мы ничего не сдѣлали для упроченія русскаго флота на Океанѣ. Понятно, однако, что чѣмъ дальше подвигаемся мы въ глубь Азіи, тѣмъ необходимѣе намъ сильный флотъ въ Океанѣ.

№ 5.

Москва, 7-го января.

А.

Порта окончательно отвергла всякія предложенія державъ. Конференція кончила свое существованіе. Порта нашла ея требованія, даже доведенныя до нуля, несовмѣстимыми со своимъ достоинствомъ. Конференція лишилась всякаго юридическаго основанія продолжать свои засѣданія; ей остается лишь выслушать рѣшеніе Великаго Совѣта и закрыться. Такъ

и будетъ, но что̀ далѣе? Откажется ли Европа отъ всякаго контроля надъ внутренними дѣлами Порты, или державы примутъ новыя мѣры болѣе серіозныя и энергическія,—вотъ вопросъ. Замѣтимъ различіе во взглядахъ Европы и Турціи на теперешнее положеніе дѣлъ на Востокѣ. Турція смотритъ на событія какъ на свое внутреннее дѣло, а потому отклоняетъ всякое вмѣшательство Европы, и предлагаетъ ей обсудить мѣры самой Турціи къ замиренію. Европа, наоборотъ, имѣя въ виду обязательства которыя она признавала за Турціей и въ позднѣйшее время, и принимая, съ другой стороны, во вниманіе что Россія относится весьма серіозно къ этимъ обязательствамъ и къ правамъ райевъ на улучшеніе ихъ быта, а также что смуты въ Турціи вредно отзываются на всей Европѣ, считаетъ настоящее положеніе дѣлъ въ Турціи вопросомъ имѣющимъ общеевропейскій интересъ. Поэтому, хотя дѣло Константинопольской конференціи кончено, Европа, надо думать, останется вѣрна своей задачѣ, и не успѣвъ достигнуть замиренія путемъ уступокъ, приметъ болѣе рѣшительное положеніе относительно Турціи. Константинопольская конференція, благодаря своей неумѣстной уступчивости, дискредитировала въ глазахъ Порты авторитетъ Европы. Порта оставила ея предложенія безъ всякаго вниманія, и такимъ образомъ ясно дала понять Европѣ что не хочетъ знать ее. Отвѣтственность за такое униженіе Европы падаетъ на Константинопольскую конференцію. Теперь, когда ея миролюбіе оказало лишь вредныя послѣдствія, Европѣ остается дѣйствовать на Порту путемъ принужденія. Но къ чему принуждать? Къ принятію мѣръ предложенныхъ въ началѣ конференціи, или къ тѣмъ на которыя сошелъ вопросъ при концѣ ея засѣданій? Мы думаемъ что послѣ принятаго Портой рѣшенія, Европа должна возвратиться ко своимъ первоначальнымъ требованіямъ. Уступки дѣлались чтобы склонить Турцію ко взаимнымъ уступкамъ; а между тѣмъ своею уступчивостью Европа дала Туркамъ право находить что она не была серіозна въ своихъ предложеніяхъ. Европа должна показать теперь что она серіозно смотрѣла на предложенныя мѣры, что она дѣйствительно считаетъ ихъ необходимыми для прочнаго замиренія Востока.

Б.

Journal des Débats (6 января), ставшій органомъ польскихъ „неисправимыхъ,“ жалуется что его отношеніе къ восточной политикѣ Россіи возбуждаетъ „Богъ знаетъ какія страстныя обвиненія,“—надменно прибавляя что онъ „въ правѣ оставить безъ всякаго отвѣта упреки направленные противъ него безъ малѣйшаго основанія.“ Разыгрывая такимъ образомъ оскорбленную невинность которая не имѣетъ надобности въ оправданіяхъ, парижская газета прибѣгаетъ къ практическому въ извѣстномъ смыслѣ пріему. Французская публика, отъ которой утаиваются пункты „обвиненій“ и которая не въ состояніи сама освѣдомиться объ ихъ сущности, можетъ вѣрить искренности „обвиняемаго,“ который такъ величественно замыкается въ благородное молчаніе. Но что̀ долженъ подумать болѣе обширный кругъ читателей которому доступны уличительныя строки? Въ наши столбцы не разъ, а чуть не десять разъ были занесены характеристическія черты того что̀ составляетъ теперь политику *Journal des Débats* по Восточному вопросу. Заявила себя эта политика такъ недавно что всѣмъ памятны и заступничество ея за Порту, по истинѣ „страстное,“ и безцеремонныя клеветы которыми она не задумалась осыпать народное русское движеніе въ пользу христіанскихъ населеній Турціи, и злобное глумленіе съ которымъ она совѣтовала Русскому правительству вмѣсто Болгаръ озаботиться Поляками, грозя С.-Петербургскому кабинету, въ случаѣ войны, какою-то таинственною „диверсіей.“ Нѣтъ надобности возвращаться къ выходкамъ происходившимъ *до* приводимой сегодня жалобы названнаго парижскаго листка, такъ-сказать „avant la lettre.“ Тѣмъ интереснѣе отмѣтить что и *послѣ* выраженнаго имъ негодованія на „неосновательные упреки,“ онъ продолжаетъ поучать свою публику въ томъ же направленіи. Извѣстно, напримѣръ, что въ своемъ дипломатическомъ добродушіи конференція не сочла возможнымъ тревожить Порту созданіемъ *одной* автономной Болгаріи, и уступая турецкимъ географическимъ, этнографическимъ и политическимъ указаніямъ, предположила *два* болгарскіе округа. „Порта несогласна на это, и Порта права,“ дважды почти одними и тѣми же словами по-

вторяетъ *Journal des Débats* (6 и 10 января), извращая смыслъ этой дипломатической уступки, примирительнаго значенія которой онъ будто бы не понимаетъ, „раз„дѣленіе Болгаріи на два вилаета не имѣ„етъ никакого логическаго основанія. По„добная мѣра естественно должна пред„ставляться Туркамъ подозрительною; они „должны видѣть въ ней лишь средство „разъединить славянскія провинціи чтобы „тѣмъ легче исхитить ихъ у оттоманскаго „владычества.“ Наконецъ вотъ не только Болгарскую автономію въ той или другой формѣ, но и всѣ вообще предначертанія конференціи Порта отвергла съ непостижимымъ упорствомъ, такъ что дѣло дошло до отъѣзда европейскихъ уполномоченныхъ изъ Константинополя. Даже туркофильская газета *Temps* озадачена упрямствомъ своихъ клiентовъ, даже она уговариваетъ ихъ и выговариваетъ имъ, поставляя на видъ Портѣ и малость требованій, и безуміе уклоненія отъ нихъ, и пагубность его послѣдствій. „Возможно ли,“ говоритъ она (7 и 8 января), „чтобы турецкіе государ„ственные люди не видѣли бездны, въ ко„торую они стремятся?.. Ни одно госу„дарство въ свѣтѣ не нуждается до такой „степени въ мирѣ какъ Турція; она дол„жна рѣшаться на войну только въ самой „послѣдней крайности, то-есть еслибъ ей „не было другаго выбора какъ честный „или безчестный, но въ обоихъ случаяхъ— „конецъ; предложенія же конференціи не „имѣютъ такого мрачнаго значенія, цѣль „ихъ напротивъ представить Оттоманской „имперіи шансы обновленія. Допуская даже „что Порта выйдетъ побѣдительницей изъ „первой кампаніи, къ чему приведутъ ее „военные успѣхи? Что можетъ предпри„нять Турецкое правительство посреди воз„станія всѣхъ своихъ христіанскихъ под„данныхъ, со своею пустою казной и при „нерасположеніи къ нему почти всѣхъ ев„ропейскихъ державъ, потому что не одну „Россію, но и всю Европу затрогиваетъ „ее отказъ? Въ состояніи ли оно выдер„жать второе нападеніе?“

Такъ усовѣщеваетъ Турокъ даже *Temps*, а *Journal des Débats* напротивъ подстрекаетъ ихъ къ сопротивленію, гнѣвно накидываясь на всю Европу за то что она осмѣливается помыслить даже о простомъ отозваніи своихъ представителей изъ Константинополя. Какъ только разнеслась вѣсть о такой вѣроятности, *Journal des Débats* пришелъ въ сильнѣйшее раздраженіе (4 и 10 января). „Подобные слухи должны быть провѣрены здравымъ смысломъ... Не можетъ быть чтобы конференція приставала къ Турціи съ ножомъ къ горлу... Или уполномоченные воображаютъ что съ Портой можно обращаться какъ съ какимъ-нибудь шутомъ старинной комедіи?“ Становится извѣстнымъ что и французскіе уполномоченные раздѣляютъ взглядъ прочихъ членовъ конференціи на отказъ Порты—*Journal des Débats* сердится еще болѣе: „Возможно ли допустить чтобъ и они содѣйствовали досажденію Порты предъявленіемъ ей ультиматума.“ Офиціозный органъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, *Moniteur Universel*, произноситъ нѣсколько благоразумныхъ словъ о необходимости устроить наконецъ положеніе турецкихъ христіанъ чтобъ избѣжать новыхъ столкновеній въ будущемъ, *Journal des Débats* кипятится, и съ высоты своего политическаго величія и своей новой манеры писать „остроумнымъ слогомъ“ подсмѣивается надъ „благороднымъ стилемъ“ полуофиціальнаго органа, совѣтуя ему поучиться политикѣ у непріязненныхъ Россіи англійскихъ газетъ. Одинъ только австрійскій уполномоченный заслужилъ благосклонный отзывъ почтенной газеты, за то что онъ почти одинъ помнилъ де на конференціи что въ Турціи живутъ Турки Всей остальной Европѣ, особенно Россіи, *Journal des Débats* формально грозитъ: „Порта обладаетъ страшнымъ оборонительнымъ могуществомъ (une puissance défensive terrible).“ Да она обрѣтетъ и союзниковъ: „Англія не можетъ совершенно ее покинуть, Австрія не можетъ пожертвовать своими интересами, Германія (каково! даже воззваніе къ Германіи, къ князю Бисмарку!) не оставитъ Австріи на произволъ судьбы...“

Замѣчательно что подстрекая такимъ образомъ Турцію къ сопротивленію, *Journal des Débats* въ то же время глумится надъ уступчивымъ отношеніемъ къ этому упорству. Въ брюссельской газетѣ *Nord* была напечатана статья, въ которой говорилось о желаніи Россіи сохранить единеніе съ державами, и о томъ что „даже при окончательномъ отказѣ Турокъ, Русское правительство не прибѣгнетъ сразу къ крайнему рѣшенію.“ Насмѣшливо похваливъ такую политику „достойную вели-

кой, великодушной и безкорыстной націи,“ *Journal des Débats* (9 января) тутъ же напоминаетъ о „мечѣ которымъ недавно размахивалъ *Nord*...“

Что̀ все это такое со стороны газеты когда-то отличавшейся, если не дружбою къ Россіи, то благоразуміемъ и сдержанностью? На какія „обвиненія“ въ правѣ она еще жаловаться? До сихъ поръ можно было недоумѣвать въ степени „bonne foi“ *Journal des Débats*; теперь же, послѣ того какъ эта газета въ нумерѣ 6 января сѣтовала на неосновательные будто бы упреки, послѣ того какъ она въ той же статьѣ выражаетъ свою признательность Россіи „за услугу которую та оказала два года назадъ Франціи, дружески отклонивъ отъ нея воинственные замыслы Германіи,“ а потомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду, опять всяческими выходками, направленными даже противъ дипломатовъ своей страны, старается повредить русской политикѣ на Востокѣ, то грозя, то глумясь, и находя въ себѣ сочувствіе только къ Туркамъ, — послѣ этого степень искренности названнаго листка разъяснилась и обозначилась опредѣлительно какимъ богамъ онъ служитъ.

№ 6.

Москва, 8-го января.

Конференція окончилась полнымъ фіаско. Этого можно было ожидать съ самаго начала. Впрочемъ, мы не знаемъ была ли бы какая-нибудь разница для христіанъ Болгаріи, Босніи и Герцеговины, еслибы Турки, вмѣсто отказа, согласились принять послѣднія „смягченныя и умѣренныя,“ предложенія конференціи. Да и не о христіанахъ уже шла рѣчь подъ конецъ: европейскіе делегаты казалось хлопотали только о томъ какъ бы самимъ отступить съ честью. Однако и этого утѣшенія имъ не было дано. Дѣло повернулось такъ что не Туркамъ приходится принимать рѣшенія конференціи, а этой послѣдней, если она пожелаетъ еще продолжать свои занятія, придется сообразоваться съ предложеніями Турокъ, если вѣрить телеграфному сообщенію Гавасова агентства.

Наши сомнѣнія касательно европейскаго концерта мы высказывали много разъ. Европа не есть сила рѣшающая и приводящая свои дѣйствія въ исполненіе. Это идея, абстракція, существующая только въ теоріи. Дѣйствительныя силы, это государства въ отдѣльности или союзахъ. Возможно ли для Европы какое-либо общее дѣйствіе, въ особенности въ вопросѣ который возбуждалъ постоянно антагонизмъ между разными государствами? На конференціи собрались делегаты великихъ державъ для совѣщанія, но каждая изъ нихъ развѣ могла оставить при этомъ свои особые виды, стремленія, интересы? Безпрерывно замѣчались признаки фальши пресловутаго европейскаго концерта. На предварительныхъ совѣщаніяхъ делегаты не могли ни въ чемъ опредѣленномъ условиться, а потому когда открылась конференція сразу обнаружились безсиліе и колебаніе. Ясно было что уступки которыя ежедневно дѣлала конференція, до того что, наконецъ, отъ первоначальной программы ея не осталось ровно ничего, условливалось не столько слѣпымъ упорствомъ Порты сколько взаимнымъ недовѣріемъ и противодѣйствіемъ самихъ державъ. На конференціи, съ первыхъ же дней, обнаружилась игра скрытаго соперничества и подозрѣній. Непреклонное сопротивленіе Порты, при безпрерывно понижавшихся требованіяхъ конференціи, находило себѣ почти явное поощреніе въ нѣкоторыхъ изъ ея участниковъ.

Теперь, предъ концомъ конференціи этого уже никто болѣе не скрываетъ. Всѣ теперь говорятъ о конференціи то что̀ мы говорили сначала. Со всѣхъ сторонъ мы находимъ въ европейской печати подтвержденія тому что на конференціи вовсе не было того единодушія между уполномоченными державъ, о какомъ постоянно увѣряли телеграммы изъ Константинополя. Вотъ что̀, напримѣръ, пишетъ теперь константинопольскій корреспондентъ *Times*, еще отъ 8 января: „На засѣданіяхъ конференціи едва ли происходило что-либо „похожее на обсужденіе; бывшія до сихъ „поръ пять засѣданій, взятыя вмѣстѣ, едва „ли продолжались столько же часовъ, и „время это было главнымъ образомъ наполнено длинными рѣчами читанными Савфетъ-пашой или его секретаремъ.“ А между тѣмъ, уже въ эти засѣданія были выброшены за бортъ, одно за другимъ, всѣ тѣ условія которыя имѣли въ виду успокоить мирную часть населенія сѣверныхъ провинцій Порты, и „заставить злодѣевъ

сидѣть смирно.“ Порта не снисходила даже до обсужденія предлагавшихся ей и лишенныхъ всякаго значенія мѣръ; она даже не безпокоилась возражать и просто отвергала стоя на своемъ правѣ независимаго правительства, и не хотѣла слышать о вмѣшательствѣ въ ея внутреннія дѣла. Какъ же это могло быть? Очень просто, по объясненію корреспондента: всѣ давно де подозрѣвали и всѣ знаютъ въ чемъ слабость конференціи и сила Турокъ. „Почти все время, говоритъ онъ, звучалъ диссонансъ въ европейскомъ аккордѣ.“ Франція и Италія мало заботились о дѣлѣ: Австрія же и Германія были болѣе чѣмъ равнодушны. Въ особенности же мадьярская администрація, стоящая во главѣ Австро-Венгерскаго правительства, видитъ ущербъ для себя во всякой льготѣ пріобрѣтенной славянскимъ населеніемъ въ Турціи. Только относительно Англіи корреспондентъ допускаетъ искренность ея благожелательныхъ намѣреній; о Россіи же говоритъ что она „подозрѣвается“ (кѣмъ?) въ корыстныхъ мотивахъ. А между тѣмъ въ искренности Англіи можно болѣе чѣмъ когда-либо сомнѣваться. Корреспондентъ другой, англійской же, газеты, *Daily News*, положительно удостовѣряетъ что оба делегата отъ Англіи, лордъ Салсбери и сэръ-Генри Элліотъ, постоянно противодѣйствовали другъ другу. Дѣло собственно въ томъ что двойственность представителей Англіи на конференціи была символомъ ея двоедушія, ея двойной игры...

Еще характеристичнѣе болѣе позднее, отъ 14 января, сообщеніе парижскаго корреспондента *Times*. Онъ выдаетъ за вѣрное что бо́льшая часть державъ отправилась на конференцію съ твердою „рѣшимостью не поощрять русскаго плана иностраннаго занятія и сдѣлать въ этомъ пунктѣ такія уступки Турціи чтобы занятіе стало просто фикціей. Эта часть инструкцій данныхъ уполномоченнымъ— *инструкцій неизвѣстныхъ Россіи*—была осуществлена планомъ туземной милиціи съ офицерами добровольно навербованными въ Европѣ, то-есть мѣрой которою всегда пользовалась Турція добывая иностранныхъ офицеровъ для обученія войскъ.

Такимъ образомъ, понемногу, начинаютъ разоблачаться тайныя пружины дѣйствовавшія на конференціи, и ими поразительно подтверждается разладъ, замѣченный нами съ самаго начала, еще до открытія ея засѣданій. Зачѣмъ же однако собиралась конференція, когда делегаты явились на нее съ тайными инструкціями не только посторонними, но прямо противоположными открыто заявляемымъ цѣлямъ? Нѣтъ, великіе международные вопросы рѣшаются не конгрессами и конференціями, которые способны только формулировать уже созданное положеніе, а прочно установленною солидарностью интересовъ отдѣльныхъ націй. Россіи, для того чтобы не оставаться изолированною, необходимо пересмотрѣть свои отношенія къ другимъ націямъ. Какъ кажется, настоящая минута благопріятствуетъ этому пересмотру и установленію связей на болѣе прочныхъ основаніяхъ чѣмъ прежде. Въ Европѣ, какъ видно, неспокойно и помимо Восточныхъ затрудненій...

№ 8.

Москва, 10-го января.

Фіаско конференціи, послѣ того какъ даже „видоизмѣненныя до уничтоженія“ (*modified out of existence*), по выраженію англійскихъ газетъ, требованія ея были отвергнуты Портой, не замедлитъ возбудить множество неотвязчивыхъ вопросовъ, которыми державамъ волей или неволей придется заняться. Теперь, въ первую минуту, не опомнившись отъ опьяненія дипломатическаго торжества, туркофилы, — какъ сознательно-разчетливые, такъ и безкорыстно-платоническіе, — не хотятъ видѣть затрудненій которыя возникаютъ немедленно по закрытіи конференціи. Не хотятъ видѣть по тому что усиливаются увѣрить самихъ себя и общественное мнѣніе Европы будто съ прекращеніемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Портой дѣла сами собой возвращаются въ нормальное состояніе. Софизмъ публицистовъ, не скрывающихъ своей радости, доходитъ до того что они въ самой неудачѣ конференціи видятъ важный нравственный результатъ которымъ де въ правѣ будто бы гордиться Европа. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, вѣдь Порта, отстоявъ независимость своего внутренняго управленія, *должна* теперь сама понять опасность какой она избѣгла, и необходимость побудить ее употребить всѣ усилія чтобъ исполнить обѣщанія данныя ею еще разъ

такъ торжественно и Европѣ, и своимъ населеніямъ. Умъ Мидхатъ-паши достаточно де широкъ чтобы содѣйствовать исполненію жизненныхъ реформъ необходимость коихъ онъ признаетъ. Другими словами, если Европа ничего не добилась отъ Турціи, за то вѣдь всетаки Порта, чтобъ отдѣлаться отъ вмѣшательства, издала конституцію, и теперь всѣ друзья мира могутъ де ожидать развитія обѣщаемыхъ ею благъ, наслаждаясь полнымъ спокойствіемъ. Эти взгляды до такой степени кажутся привлекательными что ихъ высказываютъ не только англійскія и французскія газеты, но, какъ говорятъ, и бывшій президентъ Французской республики, г. Тьеръ.

Основательны ли однако, эти идиллическіе взгляды, и дѣйствительно ли, послѣ „нравственнаго“ фіаско конференціи, все должно пойти какъ нельзя лучше въ наилучше-организованной Турціи, даже еслибы вся Европа страстно желала насладиться столь интереснымъ зрѣлищемъ? Послѣднія засѣданія конференціи, правда, заставили всѣхъ позабыть о первоначальной, хотя бы номинальной, цѣли ея сознанія — улучшеніи участи христіанъ съ обезпеченіемъ надежными гарантіями. Нашли даже приличнымъ теперь прямо и откровенно сознаться что это было вовсе не главною, а развѣ второстепенною цѣлью, и то лишь насколько возможно. „Мы просто желали,“ говоритъ *Times*, „быть посредниками между Россіей и Портой.“ И посредничество было столь успѣшно что отъ первоначальныхъ Англіей же формулованныхъ предложеній, заключавшихся въ депешѣ самого лорда Дарби, не осталось и слѣда. Всѣ наперерывъ спѣшатъ объявить что уполномоченные, отправляясь на конференцію, вовсе не имѣли въ виду навязывать Портѣ ея рѣшенія. Съ другой же стороны, эти самыя рѣшенія доведены были до такого минимума что было бы и смѣшно навязывать ихъ силой.

Въ какомъ положеніи, однако, остаются дѣла по закрытіи конференціи? Ей предстояло рѣшить два вопроса: заключеніе мира между Портой и княжествами, и устройство ея трехъ сѣверныхъ провинцій, поверженныхъ въ ужасную анархію и пострадавшихъ отъ разгрома. Относительно перваго постановлено лишь то что перемиріе продолжено еще на нѣкоторое время. Мѣсяца черезъ полтора истечетъ и эта новая отсрочка, а между тѣмъ для заключенія мира ничего не сдѣлано. Значитъ ли это что Сербія и Черногорія оставляются теперь на полный произволъ Порты? Можетъ ли она предписать имъ миръ какой ей заблагоразсудится? Очевидно нѣтъ, ибо эти княжества находятся подъ охраной Европы. Это и было засвидѣтельствовано въ заключительномъ засѣданіи конференціи, когда генералъ Игнатьевъ, говоря отъ имени своихъ товарищей, возложилъ на Порту отвѣтственность за всякое нападеніе на Сербію и Черногорію.

Съ другой стороны, для улучшенія участи христіанъ въ трехъ провинціяхъ о коихъ шла рѣчь, конференціей ничего не было достигнуто, такъ какъ Порта отклонила въ самомъ принципѣ всякое вмѣшательство въ свои дѣла. Этимъ актомъ Порта претендуетъ стать на почву вполнѣ независимаго государства. Но, желая поставить себя въ иныя отношенія къ державамъ, она очевидно впадаетъ въ противорѣчіе, забывая условія своего существованія до сихъ поръ въ Европѣ. Ея существованіе держалось только на основаніи международныхъ трактатовъ. Европа терпѣла ее только какъ неизбѣжное зло. Собственнымъ актомъ освобождаясь отъ опеки Европы, Порта очутилась внѣ охраны международнаго права. Она уничтожаетъ сама тѣ трактаты, которыми были гарантированы ея существованіе и цѣлость. Объ этомъ неизбѣжномъ послѣдствіи ея упорства и было заявлено уполномоченными державъ на заключительномъ засѣданіи конференціи.

Итакъ, первыя два послѣдствія неуспѣха конференціи суть слѣдующія: относительно княжествъ, охраняющія ихъ обязательства Европы остаются неизмѣнными; что же касается христіанъ трехъ провинцій, то конференція не достигла ничего, и привела къ тому отрицательному результату что Порта *proprio motu* разорвала всѣ прежніе европейскіе международные договоры относительно Турціи. Она сама провозгласила что трактаты 1856 года не существуютъ.

Наконецъ, задача интересующая Европу значительно расширяется. Конференціи предстояло озаботиться только участью трехъ провинцій, Герцеговины, Босніи и Болгаріи. Но въ то самое время какъ Порта, съ цѣлью устранить эти заботы, провозглашала свою конституцію, къ чле-

намъ конференціи поступали прошенія отъ христіанъ Македоніи, Ѳессаліи, Эпира и Крита заняться также улучшеніемъ и ихъ участи. Притомъ Криту, послѣ возстанія 1867 года, дано было на Лондонской конференціи особое устройство, конечно обѣщанное Турками только на бумагѣ и нарушенное на дѣлѣ. Члены закрывшейся конференціи въ Костантинополѣ не могли принять эти прошенія во вниманіе, такъ какъ ихъ полномочія были ограничены тою задачей которая вызвала конференцію. Но на заключительномъ засѣданіи генералъ Игнатьевъ счелъ необходимымъ заявить объ этомъ фактѣ, и расходясь конференція возложила на Оттоманское правительство отвѣтственность за всякое насиліе противъ христіанъ не только въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, но также въ Эпирѣ, Ѳессаліи и на островѣ Критѣ.

Предостереженіе это было какъ нельзя болѣе кстати послѣ того какъ на одномъ изъ первыхъ засѣданій конференціи турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ позволилъ себѣ прочесть меморандумъ въ которомъ разъяснялъ что относительно Болгаріи Европа была введена въ глубокое заблужденіе, что правительство Порты всегда де заботилось объ этой провинціи которая и наслаждалась полнымъ довольствомъ, но что интриги иностранныхъ агитаторовъ возбудили въ ней волненія противъ которыхъ пришлось де принять энергическія мѣры, и что возстаніе, угрожавшее обширными размѣрами, бѣдствіями и ужасами, было прекращено съ замѣчательною быстротой и съ незначительнымъ кровопролитіемъ. Это заявленіе турецкаго министра было оставлено конференціей безо всякаго вниманія, но оно характеристично въ томъ отношеніи что Турецкое правительство такимъ образомъ приняло на себя открыто отвѣтственность за страшныя дѣянія и которыя прежде сваливались на баши-бузуковъ и Черкесовъ. Это признаніе отвѣтственности объясняетъ и оправданіе судившагося въ Филиппополѣ, по требованію Англійскаго правительства, Шевкетъ-паши, и оба эти факта вмѣстѣ показываютъ какое значеніе имѣетъ турецкая конституція для укрощенія разгорающагося повсюду въ Европейской Турціи волненія христіанъ. Заправляемая Мидхатомъ, Савфетомъ, Шевкетомъ, конституція послужила бы только, какъ мы уже давно на это указывали, къ новому и тягчайшему закрѣпощенію христіанъ.

Итакъ, неуспѣхъ конференціи, которому такъ радуются друзья Турокъ, не упрощаетъ дѣла, а создаетъ Европѣ лишь новыя затрудненія...

№ 9.

Москва, 11-го января.

Journal des Débats тяготится тою предосудительною ролью которую различныя, болѣе или менѣе невѣдомыя публикѣ, побужденія принудили его разыграть въ восточной трагедіи. Эта газета не лишена здраваго смысла и даже одарена нѣкоторою политическою проницательностью. Если она, борясь противъ дѣйствительныхъ мѣръ улучшенія доли восточныхъ христіанъ, всячески противодѣйствуя требованіямъ Россіи, и подстрекала Турокъ къ сопротивленію предложеніямъ конференціи, то на это у нея были свои особыя, роковыя нравственныя причины, лишавшія ее свободы разума и заставившія ее опредѣлиться въ услуженіе Туркамъ: во глубинѣ же души она очень хорошо понимала что неуспѣхъ конференціи откроетъ дорогу событіямъ гораздо болѣе сложнымъ и затруднительнымъ чѣмъ тѣ къ которымъ привела бы побѣда Европы надъ мусульманскимъ упорствомъ. Понимая это, теперь когда конференція прекратила свое существованіе, *Journal des Débats* пытается выгородить себя отъ отвѣтственности, естественно падающей на всѣхъ кто дѣломъ или словомъ мѣшалъ благополучному рѣшенію христіанской задачи и помогалъ упершемуся противъ нея варварскому коснѣнію. Съ какими выгодами для пособниковъ ни была бы сопряжена эта помощь, тяжело отвѣчать за нее предъ своею совѣстью.

И вотъ *Journal des Débats* пробуетъ сбросить съ себя это бремя. Нашимъ читателямъ извѣстно, съ какимъ постоянствомъ подкапывался этотъ парижскій листокъ подъ усилія кабинетовъ привести Турцію къ желанному для Балканскаго полуострова результату, съ какою настойчивостью и съ какимъ обиліемъ подтасованныхъ аргументовъ отговаривалъ онъ Порту отъ уступокъ. Эти старанія напрягались не день, не два, а цѣлыя недѣли,

все время пока можно было еще сомнѣваться въ окончательномъ исходѣ константинопольскихъ колебаній. Наконецъ, 15-го января н. ст., въ Портѣ, выражаясь словами самого *Journal des Débats*, письменныя и устныя извѣстія (то-есть вѣроятно сообщеніе мѣстнаго Оттоманскаго посольства) дали знать что „Турки непреклонны...“ Цѣль достигнута; Порту поощрять болѣе нечего; нужно лишь поскорѣе умыть руки.

И *Journal des Débats* разомъ, на другой же день, измѣняетъ свои рѣчи. До сихъ поръ онъ безпрестанно доказывалъ что Россія не въ состояніи вести войны, что для этого у нея не достаетъ ни финансовыхъ, ни военныхъ средствъ (для войны съ Турціей!), что мобилизація не удалась, что придвинутыя къ границѣ войска русскія страдаютъ болѣзнями и недостатками всякаго рода.

Теперь онъ вдругъ говоритъ: „Русская армія стоитъ на Прутѣ въ совершенной готовности переправиться чрезъ него, и матеріальное ея положеніе находится на высотѣ одушевляющаго ее духа.“

До сихъ поръ *Journal des Débats* твердилъ что успѣхъ Турокъ въ войнѣ несомнѣненъ, что Порта могущественнѣе чѣмъ она даже сама думаетъ, что она обладаетъ „ужасною“ оборонительною силой, и въ подтвержденіе своихъ увѣреній перечислялъ ея флоты и сухопутныя войска, помѣщая при этомъ цѣлый рядъ стратегическихъ статей, изъ коихъ послѣдняя напечатана не далѣе какъ 12-го января, которыя всѣ излагали невозможность успѣшнаго для Россіи похода, которыя до того льстили кичливому самообольщенію Турокъ что, какъ мы ужь имѣли случай отмѣтить, даже *Temps* счелъ необходимымъ предостеречь своихъ кліентовъ, внушая имъ слѣдующее: „еслибы первая ваша кампанія и была удачною, второй вы не выдержите; да и что вы станете дѣлать безъ гроша денегъ, при всеобщемъ возстаніи всѣхъ вашихъ христіанскихъ подданныхъ?“

Теперь *Journal des Débats* заговорилъ не только языкомъ, но и словами осторожныхъ совѣтниковъ Порты. „Мы боимся,“ вдругъ перемѣнилъ онъ свой вчерашній гимнъ о несокрушимости Порты на тревожное остереженіе, „мы боимся чтобы „въ Константинополѣ не обманули себя „иллюзіями на счетъ шансовъ на полѣ „битвы... Ясно что окончательная побѣда „будетъ принадлежать Россіи. Порта можетъ одержать верхъ въ одной кампаніи, „ну, положимъ, въ двухъ, потомъ она „истощится. Ей предстоитъ еще другая „опасность: повсюду возникнутъ внутреннія возстанія, какъ ихъ подавить...“

До сихъ поръ *Journal des Débats* сулилъ Турціи цѣлую плеяду заинтересованныхъ въ ея благополучіи соперниковъ: и Англія и Австрія, чуть ли не сама Германія, обѣщалъ онъ, при первомъ выстрѣлѣ полетятъ выручать Порту изъ бѣды.

Теперь онъ категорически объявляетъ что никто не поспѣшитъ къ ней на помощь. „Порта не имѣетъ въ Европѣ союзниковъ; если она думаетъ что имѣетъ ихъ—она обманывается, если ее увѣряютъ въ этомъ, побуждая къ борьбѣ—ее обманываютъ...“

Вчера *Journal des Débats* натравливалъ Турцію; сегодня онъ ее сдерживаетъ, говоря что война съ ея стороны была бы не только неразчетливостью, но истымъ „сумасбродствомъ;“ вчера онъ самъ подстрекалъ Порту къ сопротивленію, сегодня совѣтуетъ ей покориться, называя подстрекателей обманщиками... Будь это позднее самобичеваніе искренно, оно имѣло бы если не практическое, то отвлеченное, какъ бы философское значеніе. Но мы не въ правѣ вѣрить „обращенію,“ состоявшемуся когда „письменныя и устныя извѣстія“ уже огласили безповоротность турецкаго упрямства, и сопровождаемому новыми упражненіями въ прежнемъ родѣ. Въ томъ самомъ нумерѣ 16-го января, въ которомъ *Journal des Débats*, tirant son épingle du jeu какъ будто увѣщаетъ Порту, онъ вновь косвенно поощряетъ ее слѣдовать ея обычной политикѣ. Онъ посвящаетъ особую статью болгарскому вопросу, и въ ней „простодушно“ удивляется какъ это Европа придаетъ этому вопросу такую важность, даетъ понять что болгарское положеніе (составляющее узелъ восточнаго кризиса) не стоитъ вниманія; намекаетъ что „Англичане“ (sic!) преувеличиваютъ называя болгарскую рѣзню „ужасами;“ провозглашаетъ что и недавнее и прежнее болгарское возстаніе (апрѣля 1866) устроено Россіей, ея комитетами и ея посольствомъ въ Константинополѣ; наконецъ, напрямки предупреждаетъ Болгаръ что „новое ихъ возстаніе, еслибы таковое послѣдовало, будетъ имѣть *прежнюю участь*“ (то-есть поголовное избіе-

ніе со всѣми неистовствами), „но уже конечно *не* возбудитъ прежняго сочувствія, потому что Болгарамъ *непростительно* было бы отвергать предлагаемыя перерожденною Турціей улучшенія ихъ общественнаго и политическаго строя...“

Таково „обращеніе“ *Journal des Débats!* Вчера онъ подстрекалъ Турокъ къ войнѣ, сегодня подстрекаетъ ихъ къ рѣзнѣ. Такъ поджигатели, подложивъ огонь подъ зданіе, кричатъ „пожаръ!“ а сами бѣгутъ съ фителемъ къ другой постройкѣ.

№ 10.

Москва, 12-го января.

Засѣданіе турецкаго верховнаго совѣта, который былъ созванъ Портой чтобъ уменьшить свою отвѣтственность за неудачный исходъ конференціи, было намъ сообщено по телеграфу не такъ подробно какъ въ иностранныя газеты. Что это была комедія, это впрочемъ было ясно. Какъ только собрался этотъ совѣтъ, дѣло очевидно было уже предрѣшено въ извѣстномъ смыслѣ. Это видно изъ приводимаго ниже подробнаго изложенія рѣчи Мидхатъ-паши, которою открылось засѣданіе совѣта. Изложеніе это сообщаетъ парижскій корреспондентъ *Times;* оно подробнѣе чѣмъ сообщенія всѣхъ другихъ газетъ, и вѣроятно было почерпнуто изъ спеціальнаго источника. Оказывается что рѣчь турецкаго министра была далеко не такъ объективна какою представлялась въ первыхъ телеграммахъ, гдѣ онъ будто бы изобразилъ ужасы войны и финансовое положеніе имперіи и затѣмъ уже предоставилъ совѣту рѣшеніе. Напротивъ, она была какъ бы программой этого рѣшенія. Говоря о возстаніи, онъ указалъ на снисходительность Порты которая де, при полной возможности подавить его, „старалась дѣйствовать болѣе гуманными средствами.“ Потомъ онъ говорилъ объ иностранномъ вмѣшательствѣ которое поддерживало и поощряло возстаніе, о принятіи Портой ноты графа Андраши, объ искреннихъ усиліяхъ ея достигнуть соглашенія и о постоянно возраставшихъ требованіяхъ воюющихъ, возраставшихъ де „съ каждою новою побѣдой одержанною Портой.“ Наконецъ онъ указалъ еще своимъ слушателямъ на предварительныя совѣщанія конференціи, которыя происходили въ столицѣ Турціи и изъ которыхъ Турція была презрительно исключена, такъ что не находили нужнымъ даже „официознымъ образомъ“ спрашивать ея совѣта. Понятно къ чему клонились всѣ эти рѣчи, и какое рѣшеніе могло быть ихъ послѣдствіемъ.

Конечно, все это не измѣняетъ того факта что дѣйствіе Порты и руководящаго ею Мидхатъ-паши было обусловлено извѣстными ему раздорами и соперничествомъ державъ скрывавшимися подъ личиной будто бы согласной Европы. Фактъ этотъ теперь уже ни для кого не тайна. Но вотъ что интересно. Сопротивленіе Порты находило себѣ очевидно поощреніе—но было ли оно въ ея интересѣ? Какъ, напримѣръ, отнеслась къ этому Англія, наружно такъ заботившаяся о достоинствѣ и независимости Турціи? Англійская печать не скрываетъ своей радости что конференція кончилась неудачно, но вовсе не съ точки зрѣнія Турокъ, а потому лишь что это развязываетъ руки всѣмъ державамъ. *Times* совершенно справедливо замѣчаетъ что для Турціи было бы дипломатическимъ торжествомъ еслибъ она, напротивъ, приняла послѣднія предложенія, лишенныя всякаго значенія. Контроль Европы, по новому международному соглашенію, ничѣмъ не отличался бы отъ прежняго какой она имѣла надъ дѣлами Турціи путемъ дипломатическихъ увѣщаній, а между тѣмъ Порта своимъ согласіемъ закрѣпила бы фиктивный результатъ вмѣшательства конференціи навсегда, и имѣла бы предлогъ устранять впредь всякія новыя требованія той или другой державы, какъ бы справедливы они ни были, ссылаясь на соглашеніе заключенное съ соединенною Европой. А между тѣмъ на державы это соглашеніе наложило бы обязательства, которыя онѣ совершенно не въ состояніи были бы исполнить: онѣ обязались бы наблюдать за исполненіемъ реформъ, лишивъ себя въ то же время возможности вынуждать ихъ исполненіе. Дѣйствительно, согласіе Порты на сокращенныя требованія конференціи было бы бо́льшимъ торжествомъ для нея чѣмъ нынѣшній отказъ ея, а для дипломатіи бо́льшимъ пораженіемъ чѣмъ безуспѣшное закрытіе конференцій. Слѣдовательно, если Порту поощряли къ сопротивленію тому что въ сущности было для ней выгодно, значитъ есть интересы которые находятъ желательнымъ чтобы замѣшательства не

могли быть улажены, и видятъ свою выгоду въ ихъ продолженіи и даже можетъ быть расширеніи.

Любопытно какъ понимаютъ въ Англіи результатъ неудачи конференціи. Лондонскія газеты говорятъ то же самое что было сказано нами, то-есть что Турція своимъ актомъ освободилась отъ европейской опеки и гарантій съ нею сопряженныхъ. И вотъ въ Англіи, такъ заботившейся объ охранѣ Турціи, говорятъ это съ радостью, съ облегченнымъ сердцемъ. „Старое преданіе съ его нравственными обязательствами покончено. Кромѣ какъ для защиты нашихъ интересовъ или ради общаго дѣла человѣчества, намъ нѣтъ болѣе никакой надобности до турецкихъ дѣлъ.“

Невольно возвращаемся къ давно уже высказанной нами мысли что у англійской политики съ самаго начала были особые разчеты, и что она находитъ нынѣшнія условія болѣе благопріятными для поднятія Восточнаго вопроса въ своихъ видахъ чѣмъ въ другое время.

Запутаннѣе представляется вопросъ объ австро-венгерской политикѣ, которая въ послѣднее время можетъ быть болѣе еще чѣмъ Англія раздувала упорную самонадѣянность Порты. Если какая-либо держава, казалось бы, болѣе всѣхъ должна быть заинтересована прекращеніемъ смутъ въ Турціи, такъ это Австро-Венгрія. Если она не желала имѣть новыя славянскія автономіи въ своемъ сосѣдствѣ, то планъ конференціи не предполагалъ ничего подобнаго. Напротивъ, это былъ минимумъ теоретическихъ соображеній объ улучшеніи участи христіанъ, не превосходившихъ ни въ чемъ ноты Андраши.

Въ Прагѣ Славянское населеніе выражаетъ сочувствіе генералу жертвовавшему собой въ борьбѣ христіанъ противъ гнета невѣрныхъ, и полиція видитъ въ этомъ сочувствіи чуть не измѣну, а въ Венгріи господствующее мадьярское населеніе волнуется одобряемыми правительствомъ сочувствіями къ Туркамъ, и пештскіе студенты отправляются въ Стамбулъ и подносятъ саблю мусульманскому генералу за его побѣды надъ христіанами. Съ этими пештскими софтами, какъ ихъ зовутъ въ самомъ Константинополѣ, случился курiозный казусъ. Этихъ юношей чествуютъ, носятъ на рукахъ, показываютъ имъ святыни до сихъ поръ бывшія недоступными христіанскимъ взорамъ, представляютъ султану, и въ довершеніе всего турецкій министръ, обращаясь къ нимъ выразилъ сожалѣніе что Турки не имѣютъ миссіонеровъ, а то теперь Турки и Мадьяры были бы братьями „одной вѣры магометанской!“ О корона Св. Стефана, о апостольское величество!

№ 11.

Москва, 13-го января.

Высокій подъемъ народнаго чувства въ Россіи, возникшій изъ чистой христіанской любви и запечатлѣнный русскою кровью обильно пролитою на поляхъ Сербіи, не можетъ остаться безъ послѣдствій. Глубокіе слѣды оставитъ по себѣ это движеніе въ русскихъ сердцахъ и умахъ; оно оставитъ слѣды и во всемъ Славянскомъ мірѣ.

Мы передали нашимъ читателямъ подробное описаніе пражскихъ событій на Новый Годъ, доставленное очевидцемъ, и читатели могутъ теперь сами судить о характерѣ, размѣрахъ и глубинѣ того народнаго движенія въ единоплеменной намъ Чехіи, которое сказалось при восторженныхъ встрѣчахъ и проводахъ русскаго генерала послужившаго славянскому дѣлу. Къ этому описанію прибавлять нечего; можемъ только сказать что частныя письма получаемыя нами изъ Праги заставляютъ думать что отчетъ нашего корреспондента еще слишкомъ блѣденъ въ сравненіи съ дѣйствительностью, и что объявшее Чеховъ народное движеніе такъ сильно и глубоко что овацiи къ коимъ подалъ поводъ пріѣздъ въ Прагу генерала Черняева были лишь слабымъ его выраженіемъ.

Это народное движеніе въ Чехахъ не было мимолетнымъ взрывомъ. Оно зрѣло постепенно. Готовность духовнаго сближенія съ Русскими не разъ и въ прежнее время выражалась передовыми людьми изъ Чеховъ, но никогда между ними не было такихъ восторженныхъ, безусловныхъ изъявленій сочувствія къ Россіи и сознанія духовнаго и кровнаго родства съ ея народомъ. Чтобы шагнуть отъ прежней отчужденности и недовѣрія нужно было чтобы Чешскій народъ увидѣлъ какъ Русь несла въ жертву своимъ братьямъ милліоны собранные изъ лептъ, какъ сыны ея шли на смерть будто на праздничный пиръ,

какъ лилась русская кровь въ защиту стонущихъ подъ тяжкимъ игомъ Славянъ Балканскаго полуострова. Въ виду всѣхъ этихъ жертвъ, пишетъ нашъ корреспондентъ, имѣвшій возможность бесѣдовать со многими лучшими представителями разныхъ группъ Чешскаго народа, „сильнѣе чѣмъ когда-нибудь пробудилось въ Чехахъ сознаніе ихъ славянскаго происхожденія, и стряхнувъ съ себя свои домашнія заботы и распри партій, и всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, прониклись мыслію и чувствомъ общаго славянскаго дѣла, и съ большею чѣмъ когда-либо надеждой обратили взоры свои къ Славянской великой державѣ.“ Въ продолженіе истекшей осени, пишетъ далѣе нашъ корреспондентъ, „нѣсколько разъ происходили въ Прагѣ попытки чѣмъ-нибудь заявить сочувствіе Русскому народу, но эти попытки почти каждый разъ были задерживаемы въ самомъ началѣ полицейскими мѣрами. Волненіе, не находившее себѣ исхода, болѣе и болѣе росло въ народѣ. Органы чешской печати, пражскіе и провинціальные, всѣ слои общества, начиная отъ интеллигенціи, передовыхъ чешскихъ людей, и до послѣдняго рабочаго въ низшихъ классахъ, все было проникнуто однимъ духомъ, одною мыслію, однимъ чувствомъ по отношенію къ Россіи. „Мы — дѣти одной „матери; въ насъ течетъ одна и та же „кровь,“ повторялось повсюду. Это одушевленіе росло съ каждымъ днемъ: въ Прагѣ и во всей Чехіи жили одною жизнію съ Россіей радовались и надѣялись, боялись и скорбѣли съ нею вмѣстѣ; все Русское стало для Чеховъ „своимъ, роднымъ,“ они почти перестали отдѣлять себя отъ Россіи.“

Это одушевленіе, это зрѣвшее постепенно сознаніе кровнаго родства и духовнаго единенія съ Россіей нашло себѣ наконецъ яркое внѣшнее выраженіе въ чествованіи русскаго генерала, какъ человѣка въ коемъ олицетворялось для Чеховъ то русское движеніе которое такъ сильно отозвалось въ нихъ самихъ новымъ подъемомъ ихъ народнаго духа. Не уличная толпа собранная подстрекательствомъ какихъ-нибудь демагоговъ, не молодежь въ пылу увлеченія дѣлала демонстрацію, — цѣлый народъ шелъ привѣтствовать представителя роднаго ему дѣла. Тутъ была и Пражская городская дума со своимъ бургомистромъ во главѣ, тутъ были всѣ выдающіяся политическіе представители Чехіи; тутъ были всѣ чешскія корпораціи и общества, спѣшившія одни предъ другими выслать къ генералу Черняеву свои депутаціи. Кто не могъ привѣтствовать его лично прибѣгалъ къ помощи телеграфа, и привѣтственныя телеграммы со всѣхъ концовъ Чехіи получались имъ сотнями. Все его пребываніе въ Чехахъ, все его путешествіе по этой странѣ было рядомъ тріумфовъ, и искреннее чувство сказывалось во всѣхъ этихъ восторженныхъ кликахъ, которыми повсюду — и въ Прагѣ, и на каждой станціи — привѣтствовали его многочисленныя толпы народа съ лучшими людьми во главѣ. Въ Австріи любятъ объяснять всякіе случаи проявленія сочувствія къ Россіи подстрекательствами со стороны и разсыпаніемъ русскаго золота. Но тутъ никто не посмѣетъ сказать этого. Въ русской печати не было ни разу ни малѣйшаго зазыва къ Славянамъ Австрійскимъ, ни одного возбудительнаго слова обращеннаго къ Чехамъ.

Есть надъ чѣмъ задуматься австрійскимъ государственнымъ людямъ, достаточный поводъ имъ спросить себя къ чему привела ихъ усвоенная ими внутренняя и внѣшняя политика. Каковы теперь внѣшнія и внутреннія отношенія ихъ государства? Что такое Австро-Венгрія, въ чемъ ея сила и опора? Одно національное движеніе уже вытѣснило Австрію изъ Италіи; другое, такого же характера, выбросило ее и изъ Германіи. Теперь она стоитъ лицомъ къ лицу съ не менѣе серіознымъ движеніемъ своихъ славянскихъ подданныхъ, составляющихъ большинство ея населенія приведенныхъ въ отчаяніе ея макіавеллистическою политикой и переставшихъ возлагать свои упованія на Вѣну. Что же сдѣлано ея государственными людьми для сохраненія древней монархіи Габсбурговъ, для предотвращенія весьма возможной для нея случайности быть выброшенною рано или поздно и изъ послѣдняго ея убѣжища — Славянскаго міра? Неужели Мадьяры могутъ обезпечить ея будущее? Но и Мадьяры тянутъ къ Туркамъ...

Нельзя сказать чтобы монархія Габсбурговъ была лишена возможности стать на твердыя основанія. Въ указаніяхъ на путь которому должна была бы она слѣдовать чтобы придать себѣ прочность и жизненность недостатка не было. Согласивъ свою политику съ народнымъ ха-

рактеромъ главныхъ массъ своего населенія и ставъ Славянскою державой, эта монархія нашла бы свой естественный центръ тяжести, получила бы недостающую ей устойчивость, стала бы сильною и внутри и внѣ, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ смѣло могла бы опираться и на массы своего народа, и на сочувствіе Славянскихъ населеній внѣ своихъ предѣловъ. Взоры главныхъ массъ ея населенія обращались бы тогда съ надеждой и упованіемъ къ ней самой, а Россія перестала бы тогда быть ей чуждою. Мѣсто обоюдной подозрительности между ними заступили бы тогда взаимное сочувствіе и поддержка въ проникнутой однимъ и тѣмъ же духомъ политикѣ. Такой простой случай какъ проѣздъ русскаго генерала чрезъ австрійскія земли не представлялся бы тогда въ Австріи такимъ опаснымъ событіемъ какъ нынѣ, и никто не чуялъ бы отъ него такихъ бѣдъ чтобы нужно было ставить на ноги полицію и всѣ войска какія могли найтись подъ рукою. Но направленная въ этомъ духѣ политика была отвергнута Австріей. Вмѣсто того чтобы стать національнымъ организмомъ, Австрія предпочла сдѣлаться „царствомъ раздѣлившимся въ самомъ себѣ," хромающимъ калѣкой, съ двумя враждующими центрами въ Вѣнѣ и Пештѣ, согласными лишь въ одномъ стремленіи—подавлять, раздражать и вооружать противъ себя славянскіе элементы государства, въ коихъ должна была бы заключаться его главная сила.

Можетъ ли быть прочнымъ подобный государственный механизмъ, и что станется съ нимъ когда живая славянская основа, на которой онъ пока зиждется, рванется изъ-подъ него со всею силой и понесется куда повлекутъ его волны? Въ мирное время, при нормальныхъ обстоятельствахъ, не трудно, конечно, справляться съ народными движеніями не выходящими изъ предѣловъ мирныхъ демонстрацій: для этого можетъ быть достаточно усиленныхъ полицейскихъ патрулей да нѣсколькихъ баталіоновъ и эскадроновъ войска двинутыхъ для очищенія площадей и улицъ. Но такъ ли будетъ это легко въ случаѣ грозныхъ политическихъ замѣшательствъ, въ случаѣ большой европейской войны? Для Австріи, столько разъ радикально перестраивавшей свой государственный механизмъ и мѣнявшей основы своей политики, можетъ-быть еще не прошла пора перестроить его; но не слѣдуетъ и опаздывать. Исторія не ждетъ и можетъ захватить ее врасплохъ какъ Неаполитанскихъ Бурбоновъ. И если разразится сильная политическая буря, безъ поддержки славянскихъ элементовъ, ни вѣнскіе Нѣмцы, глядящіе однимъ глазомъ въ Германію, не спасутъ пештскихъ Мадьяръ, ни пештскіе Мадьяры, готовые промѣнять австро-венгерскій дуализмъ на дуализмъ венгро-турецкій, не спасутъ вѣнскихъ Нѣмцевъ.

И этотъ государственный механизмъ, при всѣхъ очевидныхъ признакахъ его политическаго разложенія, при не менѣе бросающихся въ глаза признакахъ разложенія финансоваго и экономическаго, это выродившееся, не имѣющее ни твердаго внутренняго сцѣпленія, ни прочной точки опоры государство, именуемое Австро-Венгріей, пытаются многіе выставить какимъ-то страшилищемъ для Россіи, предъ которымъ она должна отступить забывъ свои историческія судьбы! Россію пугаютъ возможностью грознаго столкновенія съ Австріей,—Россію, которая безбоязненно можетъ выдержать и выдерживала величайшія политическія бури и можетъ вести войну хоть двадцать лѣтъ къ ряду какъ съ Карломъ XII, не приходя въ отчаяніе ни при какихъ неудачахъ!

Сильная въ самой себѣ, въ своемъ внутреннемъ единствѣ, въ твердости своей верховной власти, не ища новыхъ пріобрѣтеній и не нуждаясь въ нихъ, не напрашиваясь на войну, но и не избѣгая войны когда того потребуютъ ея честь и достоинство, Россія была бы рада раздѣлить съ Австріей свою роль въ Славянскомъ мірѣ. Не ея вина если Австрія сама отказывается отъ этой роли.

Россія, конечно, не оттолкнетъ дружеской руки простертой къ ней. Съ радостью и упованіемъ взираемъ мы на многообѣщающіе признаки того духа единенія и взаимной поддержки который наглядно проявился въ послѣднемъ чешскомъ движеніи, и котораго такъ долго не доставало нашимъ зарубежнымъ братьямъ. Ничто иное какъ разрозненность, стремленіе каждой мелкой вѣтви обособляться, жить узкою, замкнутою жизнью, было причиной слабости славянскихъ племенъ и подчиненія ихъ чуждому игу. Въ общемъ духовномъ единеніи, съ пожертвованіемъ ему мелкихъ частныхъ стремленій, найдутъ они свою

силу, — и мы отъ души привѣтствуемъ, какъ немаловажный шагъ на этомъ добромъ пути — устраненіе несогласій раздѣлявшихъ донынѣ партіи такъ-называемыхъ Младо-и Старо-Чеховъ. Этихъ партій уже нѣтъ болѣе: въ день насильственнаго удаленія генерала Черняева изъ Праги, онѣ покончили свои старые счеты и слились въ одну партію — партію Чешскаго народа, если можно такъ выразиться. Пожелаемъ чтобы дѣло на этомъ не остановилось. Та же идея, во имя которой совершилось это соединеніе, да побудитъ нашихъ западныхъ соплеменниковъ къ пожертвованію и тѣми мелочными интересами которые до сихъ поръ мѣшали полному духовному единенію между многочисленными славянскими народами и народцами. Будемъ надѣяться что всѣ они, вслѣдъ за Чехами, усвоятъ себѣ и останутся вѣрны девизу: concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur.

№ 12.

Москва, 14-го января.

Политическій интересъ въ Германіи поглощенъ теперь послѣднимъ актомъ начавшихся 10 января выборовъ въ Рейхстагъ. Изъ 397 избирательныхъ округовъ не менѣе какъ въ 70 оказалась надобность въ новой баллотировкѣ между кандидатами различныхъ партій; изъ нихъ никто не получилъ на первыхъ выборахъ законнаго большинства, и теперь избирателямъ этихъ округовъ предстоитъ высказаться въ каждомъ округѣ въ пользу одного изъ двухъ кандидатовъ получившихъ относительно наибольшее число голосовъ. Эти вторичные выборы, начавшіеся 18 января, должны надолго опредѣлить внутреннюю политическую жизнь Германіи; отъ исхода ихъ будетъ зависѣть новая группировка партій, усиленіе или ослабленіе тѣхъ парламентскихъ группъ которыя до сихъ поръ служили опорой князю Бисмарку по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внутренней политики. Но помимо этихъ результатовъ, предстоящіе выборы должны разрѣшить еще другой вопросъ, внезапно и неожиданно ставшій теперь на очередь, — вопросъ о томъ суждено ли Рейхстагу на будущее время стать ареной такъ-называемой „соціальной борьбы," вслѣдствіе усиленія партій соціалъ-демократовъ, этихъ „варваровъ нашихъ дней," какъ ихъ называютъ въ Германіи. Въ прежнихъ сессіяхъ Рейхстага соціалъ-демократы имѣли лишь девять мѣстъ и не могли играть въ немъ никакой самостоятельной политической роли уже потому что по регламенту Рейхстага всякое предложеніе должно быть поддержано не менѣе какъ 15 членами чтобы подвергнуться обсужденію. Теперь соціалъ-демократы *уже* имѣютъ, на основаніи первыхъ выборовъ, 10 мѣстъ въ Рейхстагѣ, а изъ 70 округовъ въ коихъ предстоитъ вторичная баллотировка, они имѣютъ своихъ кандидатовъ не менѣе какъ въ 24, въ томъ числѣ въ трехъ округахъ Берлина, гдѣ, кромѣ того, одинъ соціалъ-демократъ уже избранъ окончательно. Вообще, чтобы судить объ успѣхѣ нѣмецкой революціонной партіи, достаточно указать что въ столицѣ Германской имперіи не менѣе половины всѣхъ подававшихъ голоса на выборахъ принадлежали къ этой партіи, и это тревожное явленіе въ большей или меньшей мѣрѣ повторилось во всѣхъ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ Германіи.

Понятно до какой степени всеобщее вниманіе обращено на результатъ выборовъ и какія серіозныя опасенія внушаютъ они всѣмъ благомыслящимъ и просвѣщеннымъ людямъ въ Германіи, которые не могутъ не взирать съ тревогой и изумленіемъ на столь явно обнаружившіеся признаки колоссальныхъ успѣховъ достигнутыхъ въ Германіи элементами общественнаго разложенія. Никто въ Германіи этого не ожидалъ. Не ожидали этого, вопервыхъ, потому что никто и не подозрѣвалъ чтобы соціалистская пропаганда такъ глубоко проникла въ народъ. Главнымъ же образомъ исходъ выборовъ былъ неожиданностью вслѣдствіе раскола внезапно происшедшаго за нѣсколько дней до выборовъ въ нѣдрахъ большой либеральной партіи, распавшейся на два враждебные лагеря, такъ что національ-либералы и прогрессисты не только не дѣйствовали заодно, какъ въ прежнее время, тамъ гдѣ приходилось рѣшить вопросъ между кандидатомъ одной изъ либеральныхъ фракцій и кандидатомъ враждебнаго лагеря, но эти фракціи напротивъ открыто противодѣйствовали одна другой и соединялись со своими злѣйшими противниками лишь бы нанести пораженіе бывшему союзнику. Эта-то распря

и послужила болѣе всего на руку соціалистамъ.

Мы уже имѣли случай вкратцѣ упомянуть о томъ что̀ именно послужило поводомъ къ разрыву между націоналъ-либералами и прогрессистами. Но объ этомъ сто́итъ сказать нѣсколько подробнѣе. Судебная реформа въ Германіи, послужившая этимъ поводомъ, сама по себѣ не находится въ прямой связи съ теперешними политическими раздорами; но она заслуживаетъ полнаго вниманія независимо отъ оказавшихся послѣдствій ея принятія.

Относительно необходимости единства права и судопроизводства на всемъ пространствѣ *союзной* Германской монархіи не существовало въ принципѣ никакого разногласія. Никому въ Германіи и въ голову не приходило возбуждать сомнѣніе въ этомъ и доказывать, напримѣръ, что однообразіе юридическихъ нормъ и судебныхъ порядковъ можетъ въ чемъ бы то ни было причинить ущербъ тѣмъ особенностямъ мѣстнаго быта и политической обособленности которыя такъ еще крѣпки въ Германіи и отнюдь не отвергнуты конституціей имперіи. И не только въ принципѣ признана необходимость полнаго юридическаго единенія всей Германіи; но это дѣло подвинуто съ изумительною быстротой, такъ что въ теченіе шести лѣтъ существованія имперіи юридическое объединеніе стало дѣломъ почти совершившимся, и многіе существенные отдѣлы имперскаго правосудія облечены въ форму закона вотъ уже около четырехъ лѣтъ: таковы уголовный кодексъ, торговое и вексельное право и законъ о метрическихъ записяхъ и гражданскомъ бракѣ. Нынѣ вступаютъ въ силу четыре новые кодекса, обнимающіе всю область судоустройства и судопроизводства, въ томъ числѣ и конкурсный процессъ, выдѣленный въ особый кодексъ. Для полнаго увѣнчанія колоссальнаго зданія Германской Ѳемиды недостаетъ только единаго для всей Имперіи кодекса гражданскаго права. Но надъ этимъ дѣломъ уже давно работаютъ, и года черезъ два, какъ было заявлено правительствомъ въ послѣднюю сессію Рейхстага, проектъ гражданскаго кодекса будетъ внесенъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Не забудемъ что рѣчь идетъ о кодификаціи безконечно разнообразнаго и чрезвычайно многосложнаго юридическаго матеріала, богато развивавшагося въ теченіе полутора тысячелѣтія на почвѣ права наслѣдованнаго отъ Римлянъ. Въ Германіи и тутъ не поколебались: и по гражданскому праву, какъ по уголовному, сразу признана была необходимость объединенія и кодификаціи, и лучшія силы германской науки поспѣшили на помощь правительству и дружно работаютъ уже нѣсколько лѣтъ надъ гражданскимъ кодексомъ, который поспѣлъ настолько что въ тронной рѣчи императора при закрытіи Рейхстага обсужденіе и утвержденіе этого кодекса выставлены какъ ближайшая задача законодательства къ рѣшенію въ одну изъ слѣдующихъ сессій Рейхстага.

Какъ въ виду этого не вспомнить курiозныхъ преній поднятыхъ полтора года тому назадъ на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, гдѣ рѣчь зашла о необходимости пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ, давно кодифицированныхъ, но еще болѣе обветшалыхъ, рѣшительно не пригодныхъ для новаго склада жизни и столь мало соотвѣтствующихъ цивилизованнымъ формамъ нашего новаго процесса? Одному изъ ораторовъ съѣзда вздумалось однако доказывать что единство матеріальнаго права болѣе вредно нежели полезно для „такого государства какъ Россія.“ Аргументація направлена была къ тому чтобы доказать что подчиненіе юридическаго быта „болѣе культурныхъ“ окраинъ однообразнымъ нормамъ права было бы насиліемъ надъ жизнью и пр. Много фразъ въ этомъ родѣ было высказано, но удивленія достойны были не эти фразы, а то что онѣ были встрѣчены съ сочувствіемъ, и что съѣздъ въ своей резолюціи по этому вопросу высказался противъ „слишкомъ поспѣшнаго“ пересмотра и объединенія нашего матеріальнаго гражданскаго права.

Выше мы указали что судебные законы принятые Рейхстагомъ послужили поводомъ къ политическимъ раздорамъ. Болѣе всего ропщутъ противъ нихъ прогрессисты; но да не подумаютъ что ропотъ и недовольство касаются самой сущности новой судебной организаціи и однообразія ею установленнаго. Недовольство относится лишь къ нѣкоторымъ частностямъ имѣющимъ политическій, а не юридическій характеръ.

Дѣло въ томъ что союзное правительство, или лучше коллегія которая представляетъ собою какъ имперское правительство, такъ и нѣчто въ родѣ верхней

законодательной палаты, Союзный Совѣтъ, высказалъ свое рѣшительное *veto* противъ нѣкоторыхъ нововведеній внесенныхъ въ законопроекты коммиссіей Рейхстага и утвержденныхъ всѣми либеральными фракціями при второмъ чтеніи законопроектовъ. Возраженіе Союзнаго Совѣта было заявлено въ столь рѣшительной формѣ что нельзя было и думать о возможности уступки съ его стороны, и дабы дѣло реформы, почти доведенное до конца, не рушилось, необходимо было чтобъ уступилъ Рейхстагъ въ его либеральномъ большинствѣ, состоящемъ, какъ извѣстно, изъ двухъ фракцій: націоналъ-либераловъ и прогрессистовъ. Еще за двѣ недѣли до третьяго чтенія законопроектовъ вѣсть о затрудненіяхъ поставленныхъ Союзнымъ Совѣтомъ дѣлу осуществленія судебнаго преобразованія преисполнила унынiемъ всѣ парламентскія сферы въ Берлинѣ. Въ виду того что до окончанія сессіи оставалась всего одна недѣля, дѣло считалось окончательно погибшимъ. Унынiе это отразилось и въ рѣчи князя Бисмарка, явившагося въ засѣданіе Рейхстага непосредственно изъ того засѣданія Союзнаго Совѣта въ коемъ рѣшены были 18 пунктовъ возраженій поднятыхъ Совѣтомъ противъ измѣненій и поправокъ внесенныхъ въ проектъ Рейхстагомъ. Князь Бисмаркъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ чтобы заявить предъ Рейхстагомъ что онъ не несетъ отвѣтственности за *законодательную* дѣятельность Союзнаго Совѣта. Слова эти были поняты въ томъ смыслѣ будто князь Бисмаркъ не только неповиненъ въ „ретроградныхъ“ постановленіяхъ Союзнаго Совѣта, но что онъ напротивъ всячески противился имъ, и не успѣвъ въ своихъ стараніяхъ, поспѣшилъ сложить съ себя отвѣтственность за паденіе съ трудомъ воздвигнутаго зданія, паденіе, которое сильно потрясло бы самыя основы германскаго единства. Въ послѣдствіи однако оказалось что князь Бисмаркъ далеко не былъ на сторонѣ готовой къ уступкамъ, а напускное унынiе, заставлявшее предполагать что его „либеральный“ голосъ былъ заглушенъ большинствомъ Союзнаго Совѣта, было ничѣмъ инымъ какъ ловкимъ маневромъ, который увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Націоналъ-либералы пошли на компромиссъ; только этого и нужно было. Два дня продолжались конфиденціальные переговоры между правительствомъ и тремя вожаками названной партіи: гг. Бенигсеномъ, Ласкеромъ и Микелемъ. И вотъ когда 17 декабря приступлено было къ третьему чтенію судебныхъ законовъ и, согласно ожиданію всѣхъ, оставалось лишь торжественно „провалить“ ихъ, вѣтеръ внезапно перемѣнился. Названные вожди націоналъ-либераловъ внесли рядъ „примирительныхъ“ предложеній къ тѣмъ 18 пунктамъ которые были отвергнуты Союзнымъ Совѣтомъ. Отъ имени послѣдняго было заявлено что эти примирительныя предложенія имъ принимаются, и они были утверждены при голосованіи огромнымъ большинствомъ, равно какъ и всѣ четыре кодекса въ цѣломъ. За нихъ вотировали націоналъ-либералы и консервативныя фракціи; а противъ нихъ партія прогрессистовъ и партія центра, то-есть ультрамонтановъ, которая ироніей судьбы отброшена въ Германіи въ лагерь „либеральной оппозиціи.“ Но вслѣдъ за тѣмъ между партіей націоналъ-либераловъ и прогрессистовъ произошла ожесточенная перепалка, которая привела къ окончательному между ними разрыву, такъ что въ избирательныхъ воззваніяхъ изданныхъ вслѣдъ за тѣмъ въ виду выборовъ въ Рейхстагъ явились обѣ либеральныя партіи рьяными врагами, причемъ была забыта даже „культурная борьба.“ Что же касается соціалъ-демократовъ, то, какъ сказано, никому и въ голову не приходило чтобъ именно они воспользовались плодами этой распри.

Въ бѣгломъ очеркѣ мы не имѣемъ конечно возможности познакомить читателей съ тѣми спорными вопросами по поводу коихъ произошло столкновеніе сначала между союзными правительствами и обѣими либеральными партіями Рейхстага, а затѣмъ между сими послѣдними, вслѣдствіе уступки сдѣланной одною изъ нихъ, тогда какъ другая желала скорѣе отказаться отъ всего преобразованія чѣмъ подчиниться требованіямъ Союзнаго Совѣта. Укажемъ лишь на одинъ изъ этихъ спорныхъ пунктовъ, такъ какъ онъ-то и составлялъ главнѣйшій камень преткновенія. Это вопросъ о судѣ по проступкамъ и преступленіямъ печати. При второмъ чтеніи законопроектовъ, Рейхстагъ огромнымъ большинствомъ утвердилъ предложеніе своей коммиссіи о томъ чтобы *всѣ* проступки и преступленія печати подчинены были суду присяжныхъ. До сихъ поръ такая форма

суда для печати существуетъ лишь въ Баваріи и Баденѣ. Союзный Совѣтъ рѣшительно отвергъ эту поправку, а „компромиссъ“ состоялся на томъ что привилегіи баварской и баденской печати остаются неприкосновенными, въ остальной же Германіи печать не будетъ пользоваться никакими исключительными привилегіями, и суду присяжныхъ будутъ подлежать лишь тяжкія преступленія (политическія) влекущія наказаніе не ниже пяти лѣтъ смирительной тюрьмы. Нужно впрочемъ добавить что принципъ *однообразнаго* суда для всѣхъ родовъ преступленій проведенъ въ новомъ уголовномъ процессѣ весьма послѣдовательно, и если съ одной стороны отвергнута исключительная подсудность для маловажныхъ проступковъ печати, за то отмѣнены и всякіе особенные трибуналы для политическихъ преступленій, и тѣ изъ этихъ преступленій которыя, по важности своей и мѣрѣ наказанія (не менѣе 5 лѣтъ заключенія въ смирительную тюрьму), подходятъ подъ предѣлы юрисдикціи присяжныхъ, будутъ судимы послѣдними.

На всѣ нападки которыя сыплются на „измѣнниковъ либерализму“ націоналъ-либералы возражаютъ тѣмъ соображеніемъ что великое благо юридическаго единства дороже имъ собственныхъ убѣжденій по отдѣльнымъ вопросамъ, и что они рѣшились на уступки такъ какъ всякая законодательная работа въ области парламентаризма по необходимости бываетъ результатомъ взаимныхъ уступокъ.

Прогрессисты, поднявшіе тревогу по поводу уступки націоналъ-либераловъ и разчитывавшіе этимъ оружіемъ нанести имъ пораженіе и усилиться на ихъ счетъ, оказались близорукими политиками. На выборахъ болѣе всего потерпѣли они сами, потерявъ болѣе половины своихъ прежнихъ мѣстъ. Соціалъ-демократы усились преимущественно на счетъ прогрессистовъ.

№ 13.

Москва, 15-го января.

Политика Германіи по Восточному вопросу составляетъ въ настоящую минуту, когда толки о Константинопольской конференціи по необходимости стихли, предметъ самыхъ оживленныхъ разсужденій и ожесточенной полемики между германскою и французскою печатью, полемики въ которой со стороны Германіи первенствующее участіе принялъ самый офиціальный и до настоящаго времени самый молчаливый изъ органовъ печати, *Имперскій Указатель*. Припомнимъ существенные моменты этого во всякомъ случаѣ любопытнаго прекананія.

За недѣлю или около того до окончательной развязки Константинопольской конференціи стало извѣстно что въ Константинополь отправленъ былъ изъ Берлина г. Бушъ бывшій прежде совѣтникомъ германскаго посольства въ Петербургѣ и извѣстный въ Германіи какъ довѣренное лицо князя Бисмарка и какъ знатокъ Восточныхъ дѣлъ. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Константинополь этого спеціальнаго германскаго уполномоченнаго (который впрочемъ не принялъ офиціальнаго участія въ конференціи) и въ то время какъ телеграфъ съ каждымъ днемъ приносилъ извѣстія о новыхъ и новыхъ уступкахъ и сокращеніяхъ въ первоначальной программѣ требованій предъявленныхъ Турціи отъ имени европейскихъ державъ, настойчиво стали повторяться слухи что офиціальный представитель Германіи на конференціи, баронъ Вертеръ, внезапно измѣнилъ свой тонъ, оставивъ свою прежнюю молчаливость и сдержанность, и болѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ представителей настаивалъ предъ Портой чтобъ она дала скорый и категорическій отвѣтъ. Германскія газеты, не менѣе чѣмъ иностранныя, воспроизводили эти слухи, не безъ нѣкотораго самодовольства, приводя эту перемѣну образа дѣйствій барона Вертера въ связь съ новыми инструкціями привезенными ему г. Бушемъ. Было много различныхъ объясненій по этому поводу: говорили что князю Бисмарку, съ его нервною раздражительностію, просто стали невыносимы эти отсрочки со дня на день рѣшительнаго отвѣта Турціи, и онъ желалъ де заявить что Германія не считаетъ сообразнымъ со своимъ достоинствомъ терпѣливо переносить эту дипломатическую игру Порты. Не было недостатка и въ такихъ комментаріяхъ которые объясняли дѣло болѣе тѣснымъ сближеніемъ Россіи съ Германіей и рѣшимостью послѣдней оказать первой болѣе дѣятельную поддержку. Но вслѣдъ затѣмъ было пущено въ ходъ объясненіе иного рода, во всякомъ случаѣ болѣе „пикантное.“ Впервые оно было пущено, какъ те-

перь положительно дознано, англійскими газетами, и преимущественно парижскимъ корреспондентомъ газеты *Times*, а вслѣдъ затѣмъ оно было подхвачено и французскою печатью. Объясненіе это заключалось въ томъ будто князь Бисмаркъ крѣпко встревожился „полнымъ единодушіемъ“ установившимся не только между генераломъ Игнатьевымъ и маркизомъ Салсбери, но и между первымъ французскимъ делегатомъ графомъ Шодорди. Князь Бисмаркъ усмотрѣлъ де въ этомъ признаки зарождающейся „черезъ голову Германіи“ коалиціи между Россіей и западными державами, а уступчивость относительно Порты, въ которой генералъ Игнатьевъ отнюдь не отставалъ отъ прочихъ делегатовъ, заставила де князя Бисмарка опасаться мирнаго разрѣшенія восточныхъ затрудненій. Опасался же князь Бисмаркъ такого исхода будто бы потому что онъ-то собственно и желаетъ войны между Россіей и Турціей „дабы ослабить могущество Россіи.“

Это-то измышленіе досужихъ газетныхъ корреспондентовъ, которому серіозные люди не могли придавать значенія уже потому что въ немъ заключалась существенная недомолвка, ибо не объяснено что̀ замышляетъ князь Бисмаркъ на тотъ случай еслибы Россія, вопреки его ожиданіямъ, вышла побѣдительницей изъ войны противъ Турціи, такъ какъ нельзя же допустить чтобы такой дальнозоркій политикъ упустилъ изъ виду возможность такого исхода,—эта газетная утка—вызвало офиціальное опроверженіе въ *Имперскомъ Указателѣ*, и оно-то послужило поводомъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ пререканіямъ, при коихъ отступили на второй планъ коварные замыслы Германіи противъ Россіи, и неожиданно для всѣхъ возгорѣлась и выступила наружу глубоко затаенная ненависть между Германіей и Франціей. Опроверженіе офиціальнаго журнала какъ бы нарочно было составлено такимъ образомъ чтобы сразу произвести эту перестановку политическихъ интересовъ настоящей минуты. *Имперскій Указатель* не довольствовался заявленіемъ что всѣ толки о перемѣнѣ образа дѣйствій барона Вертера не заключаютъ въ себѣ „ни одного правдиваго слова,“ чего было бы вполнѣ достаточно для того чтобы всѣ дальнѣйшіе комментаріи построенные на этомъ основаніи пали сами собою. Офиціальная газета сочла нужнымъ упомянуть и о приписываемыхъ князю Бисмарку коварныхъ замыслахъ противъ Россіи, вслѣдствіе чего толки объ этомъ получили противъ прежняго неизмѣримо бо́льшую огласку и значеніе. Но и этого мало: *Имперскій Указатель* возложилъ вину въ этихъ измышленіяхъ на *Агентство Гаваса*, о коемъ извѣстно что оно состоитъ въ прямой связи съ Французскимъ правительствомъ, и назвалъ эти измышленія „тенденціозною“ ложью.

Такъ какъ замѣтки *Имперскаго Указателя* равносильны офиціальному акту исходящему отъ Германскаго правительства, то и нельзя было не обратить серіознаго вниманія на столь необычную въ устахъ офиціальнаго органа полемику, въ которой такъ дурно скрыто было раздраженіе противъ Франціи. Французская печать встрѣтила эту замѣтку съ замѣтною сдержанностью; одинъ только офиціальный *Moniteur* возразилъ германскому офиціальному органу, указавъ на то что всѣ слухи о дѣйствіяхъ барона Вертера на конференціи и основанныя на нихъ объясненія появились впервые въ англійскихъ газетахъ. Вслѣдъ затѣмъ *Имперскій Указатель*, ко всеобщему удивленію, снова вернулся къ щекотливой темѣ; 20-го января въ немъ появилась замѣтка въ совершенно необычной формѣ „корреспонденціи изъ Парижа.“ Парижскій корреспондентъ офиціальнаго органа какъ бы призналъ первоначальную ошибку упомянувъ что указанія на положеніе принятое баромъ Вертеромъ на конференціи явились въ первые въ англійскихъ газетахъ. Къ этому прибавлено: „надо думать что появившаяся въ *Имперскомъ Указателѣ* замѣтка о дѣйствіяхъ германскаго уполномоченнаго въ Константинополѣ положила на этотъ разъ конецъ періодически возобновляющимся инсинуаціямъ,“ причемъ оказывается что *République Française* признала что „макіавеллистическій планъ который былъ приписанъ берлинскому кабинету оказался клеветой.“ Казалось бы что это новая замѣтка имѣла цѣлью закончить щекотливый и непріятный инцидентъ; но вышло какъ разъ наоборотъ. Замѣтка офиціальнаго органа была воспроизведена офиціозною *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая добавила къ ней нѣсколько словъ отъ себя, и это офиціозное добавленіе къ офиціальному заявленію только подлило масла въ

огонь. Названная газета, присоединяясь къ надеждѣ высказанной *Имперскимъ Указателемъ*, указала при этомъ что во Францію въ послѣднее время вывезено огромное количество хлѣба изъ Венгріи, „далеко превышающее потребности страны,“ и офиціозная газета „желала бы думать что это дѣлается въ видахъ простой спекуляціи, а не вслѣдствіе заслуживающаго вниманія распоряженія французскаго интендантства.“ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* этимъ не удовольствовалась; на столбцахъ ея стали появляться указанія на значительное возрастаніе военныхъ силъ Франціи и на то что въ ней все приготовлено къ быстрой и обширной мобилизаціи арміи. Кромѣ того, въ офиціозной газетѣ появилась замѣченная всѣми корреспонденція изъ Петербурга, служившая какъ бы прямымъ отвѣтомъ на „инсинуаціи“ о козняхъ князя Бисмарка съ цѣлью разстроить готовящееся сближеніе между Россіей и Франціей. Въ этой корреспонденціи описывается дѣятельная борьба которую ведутъ де „друзья Франціи“ въ Петербургѣ съ цѣлью разстройства русско-германскаго союза. Словомъ, какъ выше замѣчено, изъ-за соперничества Франціи съ Германіей совершенно забытъ первоначальный поводъ вызвавшій всю эту распрю. Французскія газеты на этотъ разъ не остались въ долгу. Надняхъ въ *République Française* появилась корреспонденція изъ Страсбурга, въ которой положительно утверждается что Германія съ особенною поспѣшностію доканчиваетъ вооруженія Страсбурга и Меца, и судя по массѣ провіанта и боевыхъ припасовъ сосредоточиваемыхъ въ этихъ крѣпостяхъ, очевидно де что это дѣлается не съ оборонительною, а съ наступательною цѣлью. Наконецъ въ *National-Zeitung* находимъ извѣстіе изъ Парижа, отъ 22-го января, о томъ что взаимная полемика французской и германской печати подала поводъ къ дипломатическимъ объясненіямъ между княземъ Гоэнлоэ и герцогомъ Деказомъ, причемъ названная газета добавляетъ что она и прежде думала „что эта полемика не была праднымъ словопреніемъ, а лишь симптомомъ глубоко коренящихся причинъ.“

Таково положеніе дѣлъ между Германіей и Франціей которое мы старались изложить съ полною объективностью. Оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Стóитъ припомнить что эти пререканія суть не что иное какъ повтореніе того что произошло весною 1875 года, когда такъ настойчиво поговаривали о предстоящемъ возобновленіи войны между Германіей и Франціей. Теперь ни для кого не тайна что тогда война была предотвращена благодаря настойчивому посредничеству Россіи.

Не входя въ подробную оцѣнку возобновленія этой полемики въ настоящую минуту, такъ какъ многое въ ней остается не яснымъ, нельзя не видѣть въ ней несомнѣннаго признака что въ Европѣ не спокойно и помимо восточныхъ затрудненій. Едвали мы ошибаемся думая что самое возникновеніе кризиса на Востокѣ было не чуждо связи съ европейскими затрудненіями совсѣмъ другаго рода.

№ 15.

Москва, 17-го января.

Въ виду нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, побудившихъ Россію мобилизовать часть своей арміи и прибѣгнуть, для прикрытія чрезвычайныхъ расходовъ, между прочимъ, ко внутреннему займу, опубликованіе нашего государственнаго бюджета на предстоящій годъ ожидалось многими съ бóльшимъ чѣмъ обычно любопытствомъ. Всѣмъ интересно было знать какъ отзовутся на немъ и чрезвычайные расходы по военному вѣдомству, и значительное пониженіе вексельнаго курса, и замѣчаемый въ послѣднее время торговый и промышленный застой причиненный неизвѣстностью исхода которымъ долженъ рѣшиться нынѣшній политическій кризисъ, и тѣ исключительныя мѣры къ которымъ должно было обратиться наше Министерство Финансовъ для поддержанія бюджетнаго равновѣсія,—и многія полагали что государственная роспись дастъ болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы. Ожиданія эти, какъ и слѣдовало предвидѣть, въ значительной мѣрѣ оказываются обманутыми. Опубликованная на дняхъ *Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1877 годъ* не вполнѣ оправдываетъ свое наименованіе „общей“ росписи. Кое-что въ эту роспись не вошло совсѣмъ. Такъ, прежде всего, въ нее вовсе не внесены ожидаемыя поступленія суммъ по недавнему выпуску 5%

государственныхъ билетовъ, не внесенъ въ нее и расходъ по уплатѣ процентовъ на эти вновь выпущенные билеты. И приходъ и расходъ по этой статьѣ идутъ пока, по видимому, помимо „общей“ росписи и стоятъ на особомъ счету.

Внѣ „общей“ росписи, какъ надо полагать, ведется счетъ и тѣмъ расходамъ которые вызваны мобилизаціей части арміи и другими соотвѣтственными мѣрами. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе военныхъ бюджетовъ предстоящаго и минувшаго годовъ. Исчисленный по бюджету 1877 года итогъ кредитовъ по Военному Министерству болѣе итога оныхъ по прошлогоднему бюджету только на 1.265.386 рублей, и, судя по прежнимъ примѣрамъ, этою суммой выражается лишь обычный ежегодный ростъ военныхъ кредитовъ; въ приведенной цифрѣ тѣмъ менѣе можно видѣть результатъ исключительныхъ требованій настоящаго времени что при составленіи прошлогодняго бюджета обычный ростъ смѣтныхъ назначеній по военному вѣдомству выражался гораздо болѣе крупною цифрой 2.217.527 руб. (сравнительно съ бюджетнымъ назначеніемъ 1875 года). Правда, при сужденіи объ увеличеніи военныхъ расходовъ нельзя ограничиться сравненіемъ однѣхъ валовыхъ цифръ, и необходимо въ особенности обращать вниманіе на колебанія въ размѣрѣ бюджетныхъ назначеній въ запасный фондъ Военнаго Министерства, такъ какъ уменьшеніе этихъ назначеній въ общемъ итогѣ военнаго бюджета выражаетъ собою соотвѣтственное увеличеніе расходовъ. Принимая въ соображеніе статью запаснаго фонда, видимъ что по бюджету 1876 года расходовъ по Военному Министерству было исчислено на 2.527.319 рублей болѣе противъ 1875 года, а по бюджету предстоящаго года на 4.313.143 руб. болѣе противъ исчисленія 1876 года. Но такая ли эта цифра чтобы можно было думать что ею выражаются чрезвычайныя военныя издержки вызванныя мобилизаціей? Эти послѣднія издержки до такой степени стоятъ внѣ бюджета что, напримѣръ, бюджетное назначеніе на 1877 годъ по статьѣ „обмундированія и снаряженія“ войскъ, въ виду возросшаго вслѣдствіе мобилизаціи числа людей стоящихъ подъ ружьемъ, не только не возросло противъ назначенія прошлогодняго бюджета (составленнаго безъ разчета на призывъ отпускныхъ), а напротивъ уменьшено слишкомъ на полмилліона рублей (съ 16.324.065 руб. на 15.816.880 р.). Подобное же уменьшеніе бюджетныхъ назначеній противъ прошлогоднихъ замѣчается въ новой росписи и по нѣкоторымъ другимъ кредитамъ Военнаго Министерства, напримѣръ по ассигновкѣ на „перевозку, прогоны, эстафеты и депеши,“ которая понижена противъ прошлогодней слишкомъ на сто тысячъ (съ 7.838.801 р. на 7.723.804 р.). Ясно что составители бюджета не могли при нынѣшнихъ обстоятельствахъ предполагать уменьшенія издержекъ по этимъ статьямъ, а если бюджетныя назначенія на нихъ понижены, то очевидно потому что рядомъ съ нормальнымъ бюджетомъ стоитъ другой, чрезвычайный, размѣры коего, при полной неизвѣстности покрывающей даже ближайшее будущее, трудно было бы обозначить даже приблизительно, что одно уже, помимо другихъ соображеній, представляетъ достаточное побужденіе къ тому чтобы воздержаться до времени отъ оглашенія всякихъ относящихся къ нему цифръ, которыя, по всей вѣроятности, сдѣлаются извѣстными публикѣ не прежде какъ по опубликованіи будущихъ отчетовъ Государственнаго Контроля.

Оставивъ въ сторонѣ чрезвычайныя военныя издержки, составители государственной росписи, конечно, не могли въ той же мѣрѣ оставить въ сторонѣ то вліяніе которое можетъ оказать на равновѣсіе бюджета пониженіе нашего вексельнаго курса. Тѣмъ не менѣе, однако, трудно судить по цифрамъ росписи въ какой именно мѣрѣ принято оно въ разчетъ. Во всеподданѣйшемъ докладѣ министерства финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1877 годъ указанъ только одинъ спеціальный пунктъ, по которому, вслѣдствіе менѣе выгоднаго курса принятаго при исчисленіи заграничныхъ платежей, предположенный расходъ увеличенъ противъ прошлогодняго,—именно платежи по консолидированнымъ облигаціямъ и по облигаціямъ Николаевской желѣзной дороги. Но увеличеніе это весьма незначительное, всего на 205.092 руб. (32.662.356 руб. вмѣсто 32.457.264 рублей значившихся по прошлогоднему бюджету), или менѣе чѣмъ $^2/_3$ процента всей цифры расхода по этимъ статьямъ, что, конечно, отнюдь не соотвѣтствуетъ размѣрамъ пониженія вексельнаго курса. Что касается другихъ загра-

ничныхъ платежей, а равно и внутреннихъ производимыхъ металлическимъ рублемъ, то невыгодное измѣненіе вексельнаго курса, повидимому, вовсе не принято тутъ въ разчетъ и, напримѣръ, бюджетное назначеніе на платежи по государственнымъ займамъ не только не возвышено противъ прошлогодняго, а напротивъ уменьшено на 358.208 рублей, „преимущественно отъ срочнаго погашенія внѣшнихъ займовъ," какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ. Такое непринятіе въ разчетъ пониженія вексельнаго курса, если не послѣдуетъ въ скоромъ времени повышенія онаго, неизбѣжно должно повести къ требованію въ теченіи года соотвѣтственныхъ курсу сверхсмѣтныхъ ассигновокъ по всѣмъ платежамъ производимымъ металлическимъ рублемъ. Но было бы большою ошибкой заключать отсюда что равновѣсіе доходовъ и расходовъ опубликованной росписи только кажущееся, что непринятіе въ разчетъ невыгоднаго курса есть не что иное какъ маскировка предвидимаго неизбѣжнаго дефицита въ нормальномъ бюджетѣ. Ресурсы на покрытіе тѣхъ сверхсмѣтныхъ издержекъ, которыя потребуются вслѣдствіе пониженія курса, находятся въ самой же росписи. Разумѣемъ тутъ не тѣ четыре милліона рублей которые заносятся ежегодно въ смѣту Министерства Финансовъ на „чрезвычайные по Государственному Казначейству расходы," а то обстоятельство что вексельный курсъ, не принятый въ соображеніе при исчисленіи заграничныхъ платежей, равнымъ образомъ не взятъ въ разчетъ и при исчисленіи ожидаемой цифры таможеннаго дохода, имѣющаго отнынѣ поступать въ казну не кредитными рублями, а звонкою монетой. Цифра этого дохода не много ниже цифры платежей по внѣшнимъ государственнымъ и желѣзно-дорожнымъ займамъ, такъ что результаты колебаній вексельнаго курса должны тутъ взаимно уравновѣшиваться.

Что касается временнаго торговаго и промышленнаго застоя порожденнаго неизвѣстностью скоро ли и чѣмъ — войною или миромъ — разрѣшатся нынѣшнія политическія замѣшательства, то и этотъ застой, если только сказанная неизвѣстность, гораздо болѣе вредная чѣмъ сама война, не продлится до безконечности, едва ли повліяетъ на исполненіе бюджета въ такой мѣрѣ чтобъ оно, вмѣсто предположеннаго равновѣсія между нормальными доходами и расходами, завершилось дефицитомъ. Крайняя осторожность, какою постоянно отличается составленіе смѣты доходовъ въ нашихъ бюджетахъ, устраняетъ всѣ основанія для пессимистскихъ догадокъ въ этомъ отношеніи. Послѣ длиннаго ряда лѣтъ, въ которомъ неуклонно возраставшіе доходы каждаго года далеко оставляли за собою доходы предыдущаго, составители нашихъ бюджетовъ, имѣя въ виду что дѣйствительное поступленіе доходовъ въ 1875 дало цифру 576.493.152 рублей, не увлеклись этою цифрой и ограничили свои ожиданія по смѣтѣ доходовъ на 1876 годъ суммою 559.244.519 рублей, слишкомъ на 17 милліоновъ менѣе того что дѣйствительно далъ предшедшій годъ. Опытъ послѣдняго года (результаты коего пока намъ неизвѣстны) побудилъ сдѣлать нѣкоторыя частныя измѣненія въ разныхъ статьяхъ доходной смѣты, но измѣненія вообще незначительныя, и итогъ ожидаемыхъ къ поступленію въ 1877 году доходовъ почти тотъ же какъ и въ прошломъ — 560.705.223 руб. (всего на 1.460.704 р. болѣе). Конечно, можно ошибиться и въ самыхъ скромныхъ разчетахъ, — и долгій опытъ свидѣтельствуетъ что дѣйствительное поступленіе доходовъ у насъ постоянно на большое разстояніе расходится со смѣтными предположеніями. Но расходятся они не въ томъ отношеніи чтобы дѣйствительность не оправдывала слишкомъ большихъ ожиданій отъ экономическихъ средствъ страны и народа. Мы страдаемъ недугомъ совершенно противоположнаго свойства, — чрезмѣрнымъ недовѣріемъ къ собственнымъ силамъ и средствамъ, — и дѣйствительность постоянно, изъ году въ годъ, свидѣтельствовала что для такого недовѣрія нѣтъ достаточныхъ основаній. Благодаря этому недовѣрчивому отношенію къ экономическимъ силамъ страны, дѣйствительное поступленіе государственныхъ доходовъ было у насъ выше смѣтныхъ исчисленій:

Въ 1871 году на	. . . .	37.496.012	руб.
„ 1872 „	. . . .	35.284.719	„
„ 1873 „	. . . .	25.958.580	„
„ 1874 „	. . . .	26.680.697	„
„ 1875 „	. . . .	27.822.739	„

Система составленія нашихъ смѣтъ въ послѣдніе два года нисколько не измѣнилась; не замѣтно, равнымъ образомъ, чтобы въ чемъ-нибудь стала проглядывать и

излишняя увѣренность въ своихъ силахъ и средствахъ. Нѣтъ, поэтому, и основаній предполагать чтобы при исполненіи росписи въ *общемъ итогѣ* доходовъ оказался недочетъ противъ занесеннаго въ роспись исчисленія.

Точно также нѣтъ особенныхъ основаній опасаться чтобы равновѣсіе нормальнаго бюджета въ наступившемъ году было нарушено вслѣдствіе чрезмѣрнаго превышенія дѣйствительныхъ расходовъ противъ предположенныхъ. Чрезвычайные военные расходы, какъ замѣчено выше, не входятъ въ общій счетъ. Возрастаніе издержекъ вслѣдствіе невыгодности вексельнаго курса можетъ быть покрыто средствами заключающимися въ самой росписи. Остаются сверхсмѣтныя ассигнованія прочихъ обычныхъ у насъ категорій. Но мы уже имѣли недавно случай замѣтить что эта язва нашихъ бюджетовъ становится, въ послѣднее время, съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе опасною. Итоги сверхсмѣтныхъ кредитовъ за послѣднее пятилѣтіе представляютъ слѣдующія прогрессивно уменьшающіяся цифры:

Въ	1871 году	35.698.066 р.
„	1872 „	34.488.164 „
„	1873 „	26.367.822 „
„	1874 „	23.695.125 „
„	1875 „	15.703.820 „

Нѣтъ причинъ полагать чтобы ходъ этой благопріятной прогрессіи (оставляя въ сторонѣ чрезвычайные военные расходы) остановился въ текущемъ году. Напротивъ, необходимость изысканія средствъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ вызываемыхъ политическими обстоятельствами должна послужить новымъ побужденіемъ воздерживаться отъ всѣхъ невошедшихъ въ смѣту расходовъ не требуемыхъ положительною необходимостію. Большая чѣмъ обычно экономія по нѣкоторымъ статьямъ бюджетовъ разныхъ вѣдомствъ, напримѣръ по строительнымъ расходамъ, позволяетъ разчитывать что высказанная нами надежда не будетъ обманута, и что на расходы по удовлетворенію *нормальныхъ* государственныхъ потребностей достанетъ назначенной на нихъ по бюджету суммы 560.696.701 руб. Ожидать этого можно съ тѣмъ большею увѣренностью что на удовлетвореніе всѣхъ расходовъ, *со включеніемъ сверхсмѣтныхъ*, понадобилось въ 1874 и 1875 годахъ всего по 543 милліона въ каждомъ, слишкомъ на 17 милліоновъ менѣе противъ итога расходовъ занесеннаго въ смѣту нынѣшняго 1877 года.

№ 16.

Москва, 18-го января.

Затишье въ извѣстіяхъ по неудачномъ окончаніи Константинопольской конференціи наступило столь полное что даже газеты имѣющія обыкновеніе пускать сенсаціонные слухи воздерживаются до поры до времени отъ всякихъ гадательныхъ предположеній. Нѣкоторый періодъ выжиданія въ настоящее время обстоятельство весьма естественное. Отозванные изъ Константинополя делегаты и послы державъ еще не успѣли вернуться домой и сообщить своимъ правительствамъ во всей подробности результатъ своихъ наблюденій и заключеній о положеніи дѣлъ, а ихъ сообщенія несомнѣнно должны быть важнымъ подспорьемъ правительствамъ для рѣшенія какое положеніе предстоитъ имъ принять при совершенно новыхъ условіяхъ возникшихъ вслѣдствіе независимаго образа дѣйствій принятаго Портой.

Молчаніе сопровождающее это всеобщее *recueillement* настоящей минуты, противъ всякаго ожиданія, прежде всѣхъ было нарушено Англійскимъ правительствомъ. Правда, развернувъ свои уста, оно сказало весьма немногое, но и это немногое, при крайней скудости извѣстій, служитъ предметомъ общихъ толковъ. Мы говоримъ о рѣчи произнесенной канцлеромъ казначейства сэръ-Стаффордомъ Норткотомъ на консервативномъ банкетѣ въ Ливерпулѣ 24-го января. За переходомъ премьера въ Палату Лордовъ, сэръ-Стаффордъ Норткотъ сталъ правительственнымъ вождемъ въ Нижней Палатѣ, а такъ какъ два другіе важнѣйшіе члены кабинета, лордъ Дарби и лордъ Салсбери, также находятся въ Верхней Палатѣ, то на канцлера казначейства, по необходимости, падаетъ также обязанность быть главнымъ глашатаемъ (*spokesman*) министерской политики въ Палатѣ Общины. Большая часть его рѣчи, произнесенной предъ аудиторіей исключительно своихъ приверженцевъ, была посвящена, какъ водится въ такихъ случаяхъ, прославленію консервативной партіи и консервативныхъ принциповъ, но онъ

коснулся также и главнаго вопроса на который повсюду въ Европѣ обращено тревожное вниманіе. Никто не могъ ожидать отъ него какихъ-либо особенныхъ разоблаченій; вопервыхъ, потому что черезъ двѣ недѣли соберется Парламентъ, и тогда правительству будетъ полная возможность дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ не только приверженцамъ, но и противникамъ, а во вторыхъ, потому что лордъ Салсбери еще не вернулся въ Англію. Сэръ-Стаффордъ самъ указалъ на оба эти обстоятельства, замѣтивъ что съ его стороны преждевременно въ настоящую минуту входить въ обсужденіе. Однако, хотя онъ имѣлъ такимъ образомъ полное право отдѣлаться однѣми общими фразами, онъ нашелъ возможнымъ сказать гораздо болѣе чѣмъ отъ него въ правѣ были ожидать его слушатели, и сказанное имъ подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Для насъ же, какъ слова сэръ-Стаффорда Норткота, такъ и вызванныя ими противорѣчащіе комментаріи представляютъ не болѣе какъ подтвержденіе того двойственнаго характера коимъ съ самаго начала восточныхъ замѣшательствъ и до послѣдней минуты отличалась англійская политика.

Относительно будущаго направленія этой политики сэръ-Стаффордъ не сказалъ ничего, кромѣ увѣренія что „мы въ этомъ „дѣлѣ будемъ дѣйствовать на основаніи „тѣхъ же принциповъ коими руководились „все время.“ Но если судить о будущемъ по прошедшему, то рѣчь сэръ-Стаффорда оставляетъ насъ въ большомъ недоумѣніи своими противорѣчіями извѣстнымъ фактамъ. Онъ, напримѣръ, рѣшительно, даже съ негодованіемъ, отвергаетъ обвиненіе противъ правительства въ „недостойной ревности къ Россіи.“ Онъ увѣряетъ что это обвиненіе есть „положительная ложь;“ также энергично отрицаетъ онъ общее мнѣніе будто правительство минувшею осенью помышляло о войнѣ противъ Россіи. Высокочтимый баронетъ, однако, совершенно забываетъ сентябрьскую запальчивую, исполненную всякихъ инсинуацій, рѣчь своего премьера въ Эйльсбери, и еще болѣе позднюю рѣчь лорда Биконсфильда въ Гильдгаллѣ 17 октября, когда онъ хвастливо грозился что Англія въ состояніи выдержать войну въ двѣ и въ три кампаніи, въ то время какъ онъ имѣлъ въ рукахъ скрываемое имъ отъ націи самое положительное и торжественное увѣреніе миролюбія Русскаго правительства.

Не менѣе трудно выяснить себѣ изъ рѣчи британскаго министра настоящее отношеніе Англіи къ Турціи: такъ много встрѣчается въ ней несогласимыхъ противорѣчій. Онъ напоминаетъ что Англія всегда де была готова поднять голосъ въ защиту угнетенныхъ, что она никогда не отказывалась сдѣлать что могла чтобы положить конецъ угнетенію; онъ утверждаетъ что правительство „сознавало лежащую на немъ торжественную обязанность,“ что оно „не было равнодушно къ участи христіанскихъ подданныхъ Турціи;“ и въ то же время присовокупляетъ что „должно помнить предѣлы въ коихъ слѣдуетъ дѣйствовать,“ что „вмѣшательство во внутреннія дѣла другой страны можетъ даже причинить вредъ вмѣсто пользы,“ и что посему „отъ сочувствія до вмѣшательства огромный шагъ.“ Но всего интереснѣе какъ смотритъ сэръ-Стаффордъ Норткотъ на результатъ конференціи. Вотъ что онъ говорилъ объ этомъ: „Мы приступили къ конферен„ціи, которая только что закрылась, по„тому что считали своимъ долгомъ сдѣ„лать попытку къ мирному улаженію это„го труднаго вопроса. Въ теченіе занятій „этой конференціи мы старались держать„ся какъ подобало представителямъ Ан„гліи, и на основаніи принциповъ которые „можемъ заявить предъ всею Европой, сво„бодные отъ всякой ревности, отъ всякихъ „недостойныхъ подозрѣній какой-либо дру„гой страны съ которою находились въ „сношеніи. Мы честно употребили всѣ ста„ранія, въ согласіи съ другими, чтобы „представить Турціи способъ коимъ, по „нашему мнѣнію, можно было бы разрѣ„шить затрудненія. Турція не сочла нуж„нымъ принять внушенія которыя были сдѣ„ланы при заключеніи конференціи. Я по„лагаю что она поступила необдуманно от„вергнувъ ихъ. Я полагаю что она при„няла на себя большую отвѣтственность „отвергнувъ совѣтъ поданный ей въ дру„жескомъ духѣ соединенными державами „Европы. Мы чрезвычайно сожалѣемъ о „ея поступкѣ. Мы почитаемъ его необду„маннымъ, мы полагаемъ что ей не пред„лагалось ничего такого чего бы она не „могла принять почетнымъ образомъ и безъ „ущерба для себя.“ И тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, безъ малѣйшаго перерыва, въ строку, читаемъ слѣдующее: „Я желалъ

„бы чтобы Турція поступила иначе, но мы „должны понимать что въ этомъ дѣлѣ мы „не понесли никакого пораженія. Я не по„нимаю высказываемаго повидимому ины„ми желанія истолковать поступокъ Тур„ціи какъ оскорбленіе для Европы, или „для какой-либо отдѣльной европейской „державы. Турція сдѣлала то что она, бу„дучи вполнѣ въ своемъ правѣ, полагала „для себя наилучшимъ."

Что же изъ сего приходится заключить? Турціи предлагаются почетнѣйшія условія, такія на которыя она могла бы согласиться безъ всякаго ущерба для себя. Требованія державъ были понижены до такого минимума что, какъ писалъ вчера нашъ константинопольскій корреспондентъ, для участи христіанъ скорѣе приходилось опасаться что Турки примутъ эти требованія, до такой степени они были въ *дружескомъ* для нихъ духѣ. А когда, однако, Турція отвергла эту дружескую заботливость, выходитъ что она поступила вовсе не оскорбительно въ отношеніи къ Европѣ, а вполнѣ въ своемъ правѣ — *in her true right*. Не подтверждаетъ ли это что Англія въ сущности желала этого результата? Если она находитъ теперь что Турція въ правѣ, то значитъ такого мнѣнія Англія была и прежде, и объ этомъ конечно хорошо знали въ Портѣ. Значитъ и это невинное вмѣшательство, въ которомъ сама Англія принимала участіе, весьма не нравилось англійскимъ министрамъ. Это еще болѣе явствуетъ изъ краткаго замѣчанія о томъ же предметѣ другаго министра присутствовавшаго на банкетѣ, г. Кросса, который ограничился слѣдующими словами: „Я ска„жу только что въ настоящую минуту, по „моему мнѣнію, есть еще болѣе шансовъ „на сохраненіе европейскаго мира чѣмъ „было доселѣ, и не только для европей„скаго мира, но могу сказать также *для „лучшаго управленія христіанскаго насе„ленія Турціи.*" Этотъ министръ такимъ образомъ уже совершенно становится на точку зрѣнія Турокъ съ ихъ призрачною конституціей, забывая то что самъ же онъ, немного мѣсяцевъ тому назадъ, говорилъ о вздорности всѣхъ турецкихъ обѣщаній.

Рѣчь сэръ-Стаффорда Норткота не удовлетворила ни друзей, ни противниковъ Турціи, то-есть другими словами, по мѣткому замѣчанію *Times*, ни друзей, ни противниковъ самого англійскаго министерства. Изъ его словъ, напримѣръ, не видно продолжаетъ ли англійское министерство стоять на почвѣ Парижскаго трактата, или нѣтъ. Съ одной стороны, онъ говорилъ, что „правительство обязано было забо„титься не объ интересахъ Турціи, или „объ интересахъ Россіи или Австріи, но „объ интересахъ Англіи." А въ другомъ мѣстѣ, по поводу вмѣшательства въ чужія дѣла, онъ замѣтилъ: „Несомнѣнно въ си„лу обстоятельствъ, по обязательствамъ „трактатовъ и по другимъ причинамъ, мы „имѣемъ право, и даже обязаны, относить„ся ко внутреннимъ дѣламъ Турціи въ томъ „же духѣ и съ той же точки зрѣнія какъ „мы относимся, напримѣръ, къ такимъ „странамъ какъ Испанія, Италія и др."

Да, но Турція, какъ извѣстно, не то что другія страны, и даже по трактатамъ была принята въ европейскій концертъ на извѣстныхъ условіяхъ. Условій этихъ она никогда не исполняла, а своимъ отказомъ принять до нельзя смягченныя требованія конференціи желаетъ устранить самое право требовать отъ нея исполненія возложенныхъ на нее условій. *Ergo*, Турція сама пожелала избавиться отъ выгодныхъ для нея условій Парижскаго трактата. Это, какъ извѣстно, и въ Англіи признали г. Гладстонъ и нѣкоторые органы печати. Газета *Times* идетъ далѣе и говоритъ что само Англійское правительство давно преступило букву этого трактата, вопервыхъ еще депешей лорда Дабри, обращавшею вниманіе Порты на болгарскіе ужасы и изобличавшею поименно главныхъ виновниковъ, а затѣмъ своимъ участіемъ въ конференціи. „Присутствіе лорда Салсбери въ Константинополѣ," замѣчаетъ *Times*, „было объявленіемъ что Турція, по „отношенію къ европейскимъ державамъ, „возвращена въ свое прежнее положеніе. „Мы не обращались къ Портѣ съ совѣ„томъ и предложеніемъ дружескихъ услугъ, „какъ часто обращались къ нашимъ рав„нымъ въ христіанскомъ мірѣ. Мы присо„единились къ нашимъ равнымъ въ авто„ритетномъ заявленіи того что слѣдовало „сдѣлать, по нашему мнѣнію, какъ сред„ство отвратить прямое вмѣшательство."

Совершенно вѣрно. Но остается дополнить это заключеніемъ которое *Times* опускаетъ, но которое вытекаетъ изъ его же словъ. Высокомѣрное устраненіе Портой рѣшеній конференціи не только есть прекращеніе ею *proprio motu* ограждавшихъ ее трактатовъ, но возвращая свободу дѣй-

ствій державамъ, оно освобождаетъ ихъ и отъ тѣхъ крайнихъ уступокъ и пониженій требованій для христіанъ какія были сдѣланы единственно изъ миролюбія, и конечно не иначе какъ по настояніямъ ея же друзей, ради того чтобы поддержать призрачное согласіе и будто бы побудить тѣмъ Порту къ сговорчивости. Многія иностранныя газеты полагаютъ еще возможнымъ возобновить переговоры. Не знаемъ на сколько это вѣрно, но во всякомъ случаѣ державы теперь не могутъ болѣе считаться связанными тѣми уступками Портѣ какія были ими сдѣланы на конференціи.

№ 17.

Москва, 19-го января.

Въ нѣмецкихъ газетахъ за послѣдніе дни находимъ любопытныя разсужденія по поводу выводовъ которые сдѣланы были русскою печатью о результатахъ Константинопольской конференціи. Выводы эти заключались въ томъ что Порта „упорствомъ отверженія единогласныхъ желаній державъ уничтожаетъ трактаты гарантировавшіе ея существованіе и цѣлость.“ И не только русская печать пришла къ этому выводу, но буквально такое же заявленіе, по удостовѣренію *Правительственнаго Вѣстника*, было сдѣлано уполномоченными державъ въ послѣднемъ засѣданіи конференціи 8 (20) января. Этого мало. Телеграфъ извѣстилъ насъ въ свое время о рѣчи произнесенной 23 января г. Гладстономъ, и изъ нея мы видимъ что и въ Англіи взглядъ этотъ высказанъ какъ нѣчто разумѣющееся само собою; и до сихъ поръ мы не слыхали чтобъ это мнѣніе было оспариваемо даже туркофильскими органами англійской печати, за то почти во всѣхъ вліятельныхъ англійскихъ газетахъ мы встрѣтили тотъ же взглядъ на результатъ конференціи. Тѣмъ поразительнѣе было для насъ встрѣтить возраженіе противъ этого столь естественнаго, и притомъ офиціально подтвержденнаго вывода, — именно въ нѣмецкой печати. Въ *Кельнской Газетѣ* отъ 25 января находимъ обычную корреспонденцію изъ Берлина подъ офиціознымъ значкомъ. Этотъ корреспондентъ начинаетъ съ того что подвергаетъ сомнѣнію извѣстіе что заявленіе въ указанномъ смыслѣ было сдѣлано на конференціи отъ имени всѣхъ державъ. Въ Берлинѣ никто де этому не вѣритъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Изъ этого заявленія сдѣланнаго генераломъ Игнатьевымъ (если только оно дѣйствительно было сдѣлано) внезапно и неожиданно сдѣлали единодушное мнѣніе державъ: это показываетъ куда Россія мѣтитъ своими дипломатическими операціями. Все это плохо согласуется съ мирными увѣреніями которыя должны бы имѣть на противъ тотъ смыслъ что Турція будетъ побуждена исполнить тѣ обязательства которыя она приняла на себя по Парижскому трактату.“ Эту корреспонденцію *Кельнская Газета* сопровождаетъ передовою статьей переполненною ядовитыхъ нападокъ на Россію, и рѣшительно отказывается вѣрить чтобы толкованіе русской печати выражало собою не только желанія Россіи, но и единодушное мнѣніе Европы. Далѣе названная газета вдается въ полемику съ *Голосомъ*, гдѣ была помѣщена статья въ одинаковомъ тонѣ съ разсужденіями объ этомъ предметѣ въ *Journal de St.-Pétersbourg*.

Мы бы не обратили особеннаго вниманія на туркофильскія возраженія еслибъ они появились только въ *Кельнской Газетѣ*, давно уже принявшей на себя печальную роль органа турецкой дипломатіи въ Германіи. Но почти тѣ же разсужденія мы встрѣчаемъ и въ *National-Zeitung*, газетѣ близко ставшей къ правительству въ послѣднее время и отличавшейся сдержанностью тона когда рѣчь шла о политикѣ Россіи, и притомъ всегда выражавшая свое сочувствіе дѣлу христіанъ и крайнее негодованіе противъ Турціи, ея порядковъ и ея дипломатіи. Но вдругъ и эта газета сочла нужнымъ выразить сомнѣніе въ томъ же. При этомъ замѣчательно что замѣтка *National Zeitung*, выходящей въ Берлинѣ, появилась одновременно съ упомянутыми ратованіями кельнскаго туркофильскаго органа, и аргументы изложены въ той же послѣдовательности.

На другой день послѣ этого, офиціозный берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* опять телеграфируетъ что въ тамошнихъ свѣдущихъ политическихъ кругахъ относятся съ большимъ недовѣріемъ къ утвержденію русскихъ газетъ будто въ послѣднемъ засѣданіи Константинопольской конференціи было заявлено что Порта своимъ упорствомъ въ сопротивленіи

требованіямъ Европы разрушила трактаты коими цѣлость и независимость Турціи поставлены подъ коллективную охрану Европы. Въ Берлинѣ не вполнѣ еще вѣрятъ, по словамъ корреспондента, чтобъ и генералъ Игнатьевъ сдѣлалъ заявленіе въ этомъ смыслѣ, но считаютъ положительною выдумкой чтобы къ этому взгляду присоединились представители остальныхъ державъ; а изъ берлинскихъ газетъ, *National-Zeitung* опять высказывается съ недовѣріемъ объ упомянутомъ извѣстіи, но при этомъ замѣчаетъ что еслибъ оно оказалось вѣрнымъ, то признанный всѣми выводъ былъ бы чрезвычайно важнымъ и весьма положительнымъ результатомъ конференціи. Впрочемъ, названная газета еще не рѣшается высказать свое мнѣніе насколько такой результатъ можетъ считаться желательнымъ, и обѣщаетъ въ послѣдствіи возвратиться къ этому вопросу.

Не знаемъ что именно знаменуетъ эта внезапная заботливость именно германской печати о неприкосновенности Парижскаго трактата. Казалось бы что если была правда во всегдашнихъ заявленіяхъ со стороны германской печати о томъ что турецкія дѣла очень мало задѣваютъ интересы Германіи, то это всего болѣе справедливо по отношенію къ знаменитому „инструменту“ мира 1856 г., въ коемъ Пруссія дѣйствительно играла роль „пятаго колеса.“ Во всякомъ случаѣ, эта непривычная словоохотливость берлинскихъ газетъ по щекотливому вопросу служитъ указаніемъ на то что въ берлинскихъ политическихъ сферахъ чувствуется какое-то новое вліяніе.

Но ратоборцы за сохранность Парижскаго трактата, насколько имъ ограждены интересы Турціи, поторопились что называется „составить счетъ безъ хозяина,“ ибо едва ли само Турецкое правительство смотритъ на дѣло иначе, и весьма можетъ быть что своимъ упорствомъ на конференціи она именно имѣла въ виду избавиться отъ той „европейской опеки“ которая была неразрывно связана съ гарантіей цѣлости и неприкосновенности Турціи, и этимъ, и только этимъ, желаніемъ выйти изъ-подъ опеки можно объяснить упорный отказъ Турціи принять предложенія, которыя, будучи съ формальной стороны подтвержденіемъ европейско опеки надъ Турціей, по существу своему равнялись нулю или даже менѣе.

Мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ томъ что заявленіе въ объясненномъ выше смыслѣ было высказано на послѣднемъ засѣданіи конференціи, тѣмъ болѣе что сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника*, въ продолженіи двухъ недѣль, не вызвало никакого возраженія въ официальныхъ органахъ другихъ правительствъ. Само собою разумѣется что заявленіе сдѣланное генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ въ засѣданіи Константинопольской конференціи 20 января не было ея формальнымъ постановленіемъ. Но въ этомъ вовсе и надобности не было. Выводъ что Порта сама уничтожила то международное условіе въ силу коего Европа обязана опекать ее и ограждать ея цѣлость есть *логическій* выводъ изъ категорическаго отказа Порты подчиниться требованіямъ всей Европы.

Къ этому выводу мы пришли прежде чѣмъ появилась въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* замѣтка удостовѣрившая о заявленіи въ этомъ смыслѣ сдѣланномъ въ Константинополѣ. И теперь, какъ и тогда, намъ остается лишь добавить что Парижскій трактатъ, разорванный Портой, потерялъ свою силу насколько онъ касается самой Порты. Но гарантіи обезпечивающія существованіе Сербіи, также какъ и Черногоріи, не потеряли своей силы, и миръ между Турціей и воюющими съ нею Сербіей и Черногоріей, о коемъ теперь идутъ переговоры между представителями Турціи и Княжествъ не можетъ быть заключенъ безъ участія и одобренія Европы.

№ 18.

Москва, 20-го января.

Минута новаго перерыва общаго дипломатическаго дѣйствія возвращаетъ Европу какъ разъ въ то самое положеніе въ какомъ она очутилась въ прошедшемъ году послѣ неудачи Берлинскаго меморандума. Всѣми теперь, какъ и тогда, чувствуется что наступившее затишье обманчиво. Всѣмъ бы желалось чтобы затрудненія устранились какъ-нибудь сами собою, но всѣ надѣются противъ надежды или разчитываютъ на какую-нибудь случайность въ родѣ того, напримѣръ, что Турки вдругъ преобразятся въ самую гуманную на всемъ земномъ шарѣ націю.

Но мечты никого не успокоиваютъ, и общественное мнѣніе въ Европѣ болѣе чѣмъ когда-либо обращено съ тревогой на Востокъ. Тамъ ли, однако, сущность затрудненій? Если волненія въ Турціи представляютъ такую опасность для Европы что всѣ трепещутъ за сохраненіе мира, то неужели общій интересъ давно не побудилъ бы всѣхъ принять мѣры къ предотвращенію висящей грозы? А если въ теченіе двухъ лѣтъ совокупныя усилія оказывались тщетными, то не слѣдуетъ ли изъ этого что въ самой Европѣ таятся глубокія причины разлада, грозящія быть-можетъ гораздо болѣе серіозными опасностями чѣмъ самый Восточный вопросъ? И не эти ли тайныя причины до сихъ поръ мѣшаютъ успокоенію Востока, находя напротивъ интересъ поддерживать его въ возбужденномъ состояніи? Съ одной стороны, Восточнымъ вопросомъ отвлекается вниманіе отъ другихъ политическихъ цѣлей которыя пока зрѣютъ въ тиши, а съ другой, на немъ предполагается разыграть достиженіе этихъ цѣлей.

Покамѣсть однако видимыя дѣйствія всѣхъ правительствъ по необходимости находятся *en suspens*, эти минуты перерыва и хотя бы фиктивнаго спокойствія дозволяютъ общественному мнѣнію осмотрѣться и выяснить условія вопроса.

Сейчасъ прочли мы въ англійскихъ газетахъ рѣчь произнесенную въ Шотландіи предъ избирателями сэръ-Джорджемъ Кэмпбелломъ, извѣстнымъ членомъ Британскаго парламента, бывшимъ губернаторомъ Бенгаліи. Въ прошедшемъ году мы имѣли случай говорить о его книгѣ: *Руководство по Восточному вопросу*, въ которой онъ показалъ себя отнюдь не благопріятелемъ восточныхъ христіанъ и не прочь былъ предпочесть имъ мусульманъ. Теперь въ рѣчи своей онъ принимаетъ иной, болѣе высокій полетъ мыслей. Онъ самъ объявляетъ себя *знатокомъ* Востока, и въ парламентѣ мнѣнія его могутъ имѣть не малое вліяніе на умы менѣе знакомыхъ съ предметомъ его товарищей. Передаемъ вкратцѣ содержаніе его рѣчи, не слѣдуя однако порядку его изложенія.

Вопервыхъ, любопытно что онъ рѣшительно подтверждаетъ сказанное имъ прежде о лживости мнѣнія касательно возможности „союза всѣхъ магометанъ для помощи Туркамъ.“ Сэръ-Джорджъ Кэмпбеллъ положительно ручается что всѣ петиціи собиравшіяся въ этомъ смыслѣ въ Индіи были „очевидно и завѣдомо писаны англійскимъ приверженцемъ министерства.“ Онъ утверждаетъ что не только между мусульманами нѣтъ вообще солидарности, но даже въ Египтѣ и Аравіи господствуетъ не сочувствіе, а скорѣе враждебное Туркамъ чувство. Затѣмъ, онъ конечно не обманывается насчетъ Мидхатовой конституціи, и о провозглашенномъ въ ней общемъ Оттоманскомъ отечествѣ замѣчаетъ что это „Оттоманское отечество есть не что иное какъ соединеніе подъ азіятскою тиранніей, различныхъ народовъ не имѣющихъ никакой связи между собою, и подобныя выраженія заимствованныя у Европы суть чистѣйшая насмѣшка.“ Касательно будто бы сочувствія христіанъ этимъ конституціоннымъ затѣямъ, сэръ-Джорджъ настолько проницателенъ что понимаетъ неблаговидную зависть Грековъ къ Болгарамъ и говоритъ что „попытка ихъ утвердить свое право на Болгарскую страну къ югу отъ Балканъ есть самая неразумная и неосновательная претензія.“

Итакъ, *знатокъ* Востока не ожидаетъ чтобы дѣла въ Турціи могли исправиться сами собою. Но онъ не по одному только этому желаетъ чтобъ Англійское правительство предложило европейскій уговоръ и уладило дѣло не церемонясь, *off hand*, а главнымъ образомъ потому что если Восточный вопросъ не получитъ теперь *хорошаго* рѣшенія при участіи Англіи, то онъ въ послѣдствіи можетъ быть дурно рѣшенъ, помимо Англіи „чѣмъ болѣе отлагается рѣшеніе, тѣмъ благопріятнѣе оно будетъ для Россіи и тѣмъ менѣе благопріятно для Англіи.“ Впрочемъ, въ настоящую минуту онъ полагаетъ что Россія наклонна къ умѣренности и „не слишкомъ рвется къ наступательной политикѣ.“ Онъ имѣетъ смѣлость сказать что до сихъ поръ только зависть къ Россіи препятствовала уладить затрудненія на Востокѣ, но что Восточный вопросъ только затемняется Русскимъ вопросомъ. „Предположите,“ говоритъ онъ, „что Россіи вовсе „не было бы: развѣ мы поколебались бы „сказать что когда всѣ европейскія державы согласились касательно плана, то „сопротивленіе Турціи должно быть тотъ„часъ же сломлено? Нѣтъ, зависть къ „Россіи была единственною причиной под„чиненія этихъ народовъ варварскому пра„вительству.“ Сэръ-Джорджъ, принимая

во вниманіе нынѣшнюю умѣренность Русскаго правительства, полагаетъ возможнымъ устранить эту зависть, лишь бы „Россія обязалась положительнымъ и яснымъ ручательствомъ предъ всею Европой.“ Насколько, впрочемъ, онъ самъ довѣряетъ Россіи мы это увидимъ далѣе. Посмотримъ сначала каковъ его планъ.

Оставаться въ бездѣйствіи, по его мнѣнію, нельзя. Онъ говоритъ: „Мысль что-„бы послѣ всего происшедшаго ничего не „дѣлать и чтобы Туркамъ дозволить по-„ступать со своими подданными по произ-„волу по истинѣ слишкомъ чудовищна и „невозможна. Никто не можетъ отрицать „что Турція давнымъ давно есть государ-„ство ограждаемое и поддерживаемое въ „живыхъ Европой; что она нарушила всѣ „свои обязательства предъ Европой; что „она совершила ужасныя избіенія и же-„стокости. Вся Европа торжественно тво-„рила судъ надъ этими дѣяніями, и те-„перь паши ломаются и не даютъ Европѣ „никакого искупленія, не изъявляютъ ни-„какихъ сожалѣній, и отсылаютъ евро-„пейскихъ делегатовъ съ позоромъ. Вели-„кія націи не могутъ переносить подоб-„ныхъ вещей. Но чѣмъ наказаны Турки „за такое поведеніе? Отозваніемъ пословъ. „Если за этимъ ничего болѣе не послѣ-„дуетъ, то это слишкомъ смѣшно.“ Сэръ-Джонъ Кампбеллъ не желаетъ войны, но онъ вѣрно замѣчаетъ что для обезпеченія мира должно быть федеральное исполненіе федеральныхъ рѣшеній. Онъ не желаетъ повергать Европу въ войну изъ-за турецкихъ дѣлъ, но хочетъ чтобы соединенная Европа исполнила полицейскія обязанности въ Турціи. По его мнѣнію, естественный и почти необходимый результатъ дѣйствія до сихъ поръ принятаго европейскими державами есть тотъ что Европа, „будучи согласна относительно мѣръ ко-„торыя слѣдуетъ принять въ Турціи,“ должна навязать эти мѣры посредствомъ совокупной экзекуціи. „Война между соединенною Европой и Турціей по истинѣ есть нелѣпость.“ Послѣдствіемъ же принудительнаго исполненія плановъ принятыхъ всею Европой было бы де то что планъ лорда Дарби о мѣстномъ самоуправленіи для христіанскихъ провинцій Турціи, *гарантированный какъ предложено конференціей*, привелъ бы къ созданію самоуправляющихся народовъ, что было бы лучшею преградой для всякой попытки со стороны Россіи.

Но знатокъ Восточныхъ дѣлъ, какъ самъ себя величаетъ сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, или умышленно не договариваетъ, или не хочетъ знать извѣстныхъ всѣмъ фактовъ. Вопервыхъ, его собственное правительство, какъ на дняхъ ясно дала понять рѣчь Стаффорда Норткота, о которой мы уже говорили, вовсе не думаетъ о чемъ-либо похожемъ на принужденіе Турокъ. Канцлеръ казначейства, какъ это уже было извѣстно сэръ-Джорджу, заявилъ что между сочувствіемъ къ угнетеннымъ и вмѣшательствомъ въ ихъ пользу есть огромная разница, а также что Турки были въ своемъ правѣ и своимъ отказомъ никого не оскорбили. И о какомъ принужденіи говоритъ самъ сэръ-Джорджъ? Только въ предѣлахъ *предложеннаго* конференціей, то-есть въ двухъ ничтожныхъ пунктахъ оставшихся отъ всей, и безъ того не слишкомъ обширной программы! Значитъ, онъ полагаетъ что всѣ державы связаны сдѣланными ограниченіями, и только двухъ пунктовъ и могутъ требовать. Но Турки потому и отвергли всякія требованія въ принципѣ что изъ-за двухъ оставшихся пунктовъ не будетъ *совокупнаго* принужденія. Вѣдь и всѣ эти уступки дѣлались ради поддержанія общаго согласія, и чтобы побудить Турокъ принять рѣшеніе *безъ принужденія*. Эти уступки въ пользу Турокъ были прекрасною иллюстраціей *согласія* Европы „касательно мѣръ какія слѣдуетъ принять въ Турціи.“ Утверждать же что вся Европа теперь связана этими уступками есть софизмъ. Мы уже неоднократно говорили, и еще разъ повторяемъ, что отказъ Турокъ возвращаетъ полную свободу дѣйствій державамъ. Мы не хотимъ сказать чтобы соглашеніе было невозможно, но теперь для него должно потребоваться болѣе широкое основаніе чѣмъ послѣднее рѣшеніе конференціи.

Это первое. Второе то что планъ конференціи никогда не привелъ бы къ тому что предвидитъ сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, то-есть къ созданію автономическихъ провинцій. Да объ этомъ никто и не думаетъ въ Европѣ кромѣ Россіи. Говорятъ что такія автономическія группы суть лучшій оплотъ противъ Россіи. Но отчего же Европа не берется за это дѣло? Отчего бы не поймать Россію на словѣ? Россія хлопочетъ объ улучшеніи участи христіанъ. Вотъ лучшее средство достигнуть этого, и Россіи нечего было бы возразить не объ-

наруживъ своего честолюбія если она скрываетъ его подъ маской филантропіи. Однако мы видимъ не то Австрія не хотѣла идти на конференцію пока лордъ Дарби не поручился что въ планѣ мѣстной автономіи нѣтъ и помышленія о созданіи новыхъ вассальныхъ группъ. Стало-быть не въ Россіи дѣло, и даже не въ зависти къ Россіи, а въ зависти къ поднятію самихъ населеній стонущихъ подъ варварскимъ игомъ. Значитъ есть интересы которые требуютъ ихъ порабощенія. Говорятъ, эти населенія сочувствуютъ Россіи. Но отчего Англія не пытается пріобрѣсти ихъ сочувствіе сдѣлавъ что-нибудь въ ихъ пользу? Тревога Австріи и успокоеніе ея Англіей, еще предъ началомъ конференціи, показываютъ почему.

Сэръ-Джорджъ Кампбеллъ объявляетъ что не настолько довѣряетъ Россіи чтобы совѣтовать Англіи дѣйствовать вмѣстѣ съ нею безъ другихъ державъ. Онъ не хочетъ осуждать министерство если оно не пустится въ донкихотское предпріятіе когда другія державы откажутся отъ общаго дѣйствія. „Нѣмецкіе интересы, говоритъ онъ, „настолько затронуты что я не думаю что „бы мы были обязаны вынимать каштаны „изъ огня пока Нѣмцы будутъ стоять въ „сторонѣ.“ Не въ первый уже разъ слышимъ мы такія воззванія изъ Англіи къ Германіи. Но и Германія не расположена „вынимать каштаны изъ огня для Англіи.“ Россія также если, по мнѣнію сэръ-Джорджа Кампбелла, отсрочка для нея выгоднѣе. Эти „каштаны“ лучше всего характеризуетъ всеобщее недовѣріе господствующее въ Европѣ. Въ этомъ недовѣріи, еще разъ скажемъ, болѣе чѣмъ въ Восточномъ вопросѣ, заключается опасность для общаго мира.

№ 19.

Москва, 21-го января.

А.

Константинопольская конференція потерпѣла неудачу, это фактъ. Но другой фактъ состоитъ въ томъ что русская дипломатія одержала на конференціи побѣду: это признаютъ даже туркофильскіе органы. „Россія много выиграла на конференціи,“ говоритъ напримѣръ *Temps* (20 января). „Конференція неопровержимо выяснила три пункта: что христіанскія населенія Турціи нуждаются въ коренныхъ реформахъ, что осуществленіе этихъ реформъ есть предметъ общеевропейскаго интереса, и что Европа должна стараться получить ихъ. Если конференція, продолжаетъ названная газета, и не взяла въ свои руки достиженія требуемыхъ преобразованій, если она и отступила предъ необходимостью провести ихъ силою, тѣмъ не менѣе она произнесла приговоръ который рано или поздно возымѣетъ свое дѣйствіе. Какъ только выяснится что турецкое правительство не можетъ или не хочетъ сообразоваться съ указаніями Европы, Россія сочтетъ себя нравственно уполномоченною отъ Европы, и безъ сомнѣнія она приведетъ въ исполненіе произнесенное въ Константинополѣ рѣшеніе.“

Такъ понимаетъ возлагаемую на Россію грядущими обстоятельствами роль (и притомъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ довѣрія и одобренія) даже равнодушная къ Восточному вопросу, не избаловавшая насъ своимъ поощреніемъ, французская журналистика. Одинъ петербургскій листокъ полагаетъ напротивъ что Россія можетъ взирать на дальнѣйшее развитіе событій окончательно сложа руки. Но извѣстная литографированная газета *Agence Générale Russe*, которую никто не можетъ упрекнуть въ избыткѣ воинственности, замѣчаетъ ему что онъ не совсѣмъ вѣрно смотритъ на вещи. „Въ теперешнемъ положеніи дѣлъ, говоритъ названное изданіе, нельзя опредѣлять заранѣе что случится и чего не произойдетъ. Россія такъ очевидно доказала свое миролюбіе что отнынѣ нельзя уже заподазривать ея намѣренія. Но она не можетъ довести свою сдержанность до полнаго отреченія отъ того что она не переставала провозглашать необходимымъ для осуществленія своихъ обѣтовъ и своихъ обязанностей. Если преобразованія, въ которыхъ Порта отказала державамъ, все-таки состоятся на Балканскомъ полуостровѣ прямымъ введеніемъ ихъ самою Портою, это можетъ быть безразлично для Россіи буде совершится серіозное дѣло, потому что главное для Россіи заключается въ томъ чтобы серіозное дѣло состоялось. Въ противномъ случаѣ, будетъ ли рѣшена неисполненная Турками задача совокупнымъ дѣйствіемъ шести собиравшихся на конференцію державъ, отнынѣ солидарныхъ между собою, или же усиліями нѣкоторыхъ изъ нихъ,—противъ

такого исхода Россія опять ничего сказать не имѣетъ: была бы достигнута цѣль. Но если ни одна изъ этихъ гипотезъ не оправдается, въ такомъ случаѣ *само собою разумѣется* что несмотря на все свое мирное настроеніе Россія принуждена будетъ озаботиться мѣрами *самостоятельнаго* достиженія цѣли. Слѣдовательно, въ настоящую минуту невозможно забѣгать впередъ и говорить что Россіи *не* придется вести войны. Можно желать и чаять этого, но *утверждать это нельзя.*“

Туркофильскіе органы проговариваются интересными указаніями. Извѣстна „политика“ *Journal des Débats*. И послѣ своего недавняго обращенія на путь истинный, смыслъ котораго былъ на дняхъ показанъ въ нашей газетѣ, этотъ почтенный листокъ продолжаетъ ратовать за Оттомановъ и не благоволить къ Петербургскому кабинету. Конференція у него по прежнему „сдѣлала ошибку,“ она „оскорбила національное турецкое чувство;“ она „раздражила“ ихъ; она „привела ихъ въ отчаяніе;“ мимоходомъ онъ попрежнему бросаетъ инсинуаціи противъ Россіи, говоритъ напримѣръ (24 января) что если Портѣ не удастся войти въ отдѣльное соглашеніе съ Сербіей и Черногоріей, то „конечно это *поведетъ* къ обвиненію Россіи въ желаніи сохранить поводъ къ возбужденію войны въ удобную минуту...“ *Journal des Débats* до того увлекается своею туркоманіей что даже предлагаетъ европейскимъ посламъ поскорѣе возвратиться въ Константинополь, ибо отъѣздъ ихъ обиденъ для султана.

И этотъ самый органъ, упрекающій Европу въ „жестокости“ относительно Турціи, заранѣе возводящій на Россію обвиненіе въ намѣреніи довести дѣло до войны, произноситъ два слѣдующія знаменательныя сужденія: „Сколько ни говорите Портѣ объ единодушіи и удивительномъ согласіи всѣхъ европейскихъ державъ, она тому не повѣритъ; она убѣждена что это согласіе существуетъ только подъ условіемъ общаго бездѣйствія, и что соединенная для отвлеченныхъ совѣтовъ Европа тотчасъ разъединится какъ только дошло бы до приложенія этихъ совѣтовъ на практикѣ силою“ (20 января). И далѣе: „Знакомые съ духомъ мусульманской религіи и вытекающихъ изъ нея нравственныхъ правилъ знаютъ что для Турокъ—фактъ есть все, Магометова религія открыла себя и установилась побѣдою. Еслибы Турки увидѣли противъ себя рѣшившуюся на дѣйствіе европейскую коалицію они безъ сомнѣнія были бы уступчивѣе.“

Б.

Демонстраціи, уличныя манифестаціи и безпорядки начинаютъ становиться обычнымъ явленіемъ общественной жизни въ Австро-Венгерской имперіи и причинять немалую заботу ея правительству. Негодованіе овладѣвшее Славянами Австріи при зрѣлищѣ уродливыхъ манифестацій въ честь Турціи, чинимыхъ въ Пештѣ, нашло себѣ исходъ въ овваціи устроенной генералу Черняеву при его проѣздѣ черезъ Прагу. Это былъ внезапный и общій порывъ народнаго чувства Чеховъ, силою обстоятельствъ поставленныхъ внѣ возможности содѣйствовать христіанскому дѣлу освобожденія южныхъ Славянъ. Совсѣмъ не личность генерала Черняева вызвала тысячи пражскихъ гражданъ на площадь Св. Вячеслава: пражскою демонстраціей руководило чувство человѣчности, неподдѣльное до того что „лучшіе люди Чешскаго народа, за которыми послѣдній привыкъ съ довѣріемъ слѣдовать, были на этотъ разъ сами увлечены народомъ и за это призваны теперь къ австро-нѣмецкому слѣдственному судьѣ. Они забыли свои домашнія распри, а нѣкоторые порвали послѣднюю нить которая связывала ихъ съ чуждымъ имъ міромъ, и перешли въ лоно православной церкви. Здѣсь безсильна, да и безпричинна ярость нѣмецкой печати въ Вѣнѣ. Нельзя наказывать тяжелыми годами заключенія людей за то что они „выѣхали къ своему старому другу (а пожалуй и къ новому) на встрѣчу до ближайшей станціи, что они окольнымъ путемъ старались съ нимъ въ экипажѣ избѣжать демонстраціи, что они пригласили его къ обѣду, собирались поднести подарокъ и показывали достопримѣчательности города,“ какъ иронизируетъ *Politik*. Но пражская демонстрація, знаменательная сама по себѣ, не можетъ ввести Австрію въ затрудненія съ сосѣдними государствами, „чему служитъ ручательствомъ уже то обстоятельство,“ замѣчаетъ та же *Politik*, „что сосѣднія государства движимы тѣмъ же духомъ человѣколюбія, который направляетъ и наши симпатіи.“

Для австрійскихъ Нѣмцевъ гораздо се-

ріознѣе симптомы обнаруживающіеся съ каждымъ днемъ все яснѣе въ Пештѣ, хотя вѣнскіе политики и желали бы не видѣть ихъ, какъ человѣкъ старается отвязаться отъ докучной и непріятной мысли. Когда въ 1867 году устраивался дуализмъ въ Австріи, думали что этимъ полагался конецъ распрямъ и кровавымъ столкновеніямъ Венгровъ съ Нѣмцами. Славянскіе элементы были принесены въ жертву новому творенію, но прошло не много лѣтъ, и уже оказывается что оно не выдерживаетъ пробы, а Австро-Нѣмцы видятъ себя на буксирѣ чуждой имъ мадьярской политики. Мадьяры никогда не обходились безъ „культа“ кого-либо изъ своихъ вожаковъ, мѣняя своихъ „божковъ,“ весьма легкомысленно. Такими „божками“ въ буквальномъ смыслѣ слова, понятномъ только въ Венгріи, были для Мадьяръ постепенно: Сеченьи, Кошутъ, Деакъ, Тиса. Послѣдній, впрочемъ, скоро пошатнулся на пьедесталѣ, и нынѣ въ Венгріи снова господствуетъ „культъ Кошута.“

Восточный вопросъ совпалъ для Австріи съ пересмотромъ „уклада“ между ея обѣими половинами. Незадолго до возникновенія восточныхъ замѣшательствъ Мадьяры еще ликовали съ Тисой который сумѣлъ соединить ихъ разрозненныя партіи и настоять на „самостоятельности Венгріи“ въ финансовыхъ вопросахъ уклада. Но нынѣ Мадьярамъ мерещатся подвиги на пользу „цивилизаціи которой грозитъ опасность съ Сѣвера,“ и они, въ интересѣ цивилизаціи, братаются съ Турками. Тисы теперь имъ мало: они зовутъ изъ Италіи проживающаго тамъ Лудовика Кошута, который „одинъ можетъ теперь говорить правду въ лицо короло.“ Что такое Кошутъ и что значило бы его новое появленіе въ своей странѣ, это достаточно извѣстно. „Еслибы государь,“ отвѣчалъ онъ депутаціи прибывшей нынѣ изъ Сегледа для приглашенія его въ Венгерскій Сеймъ, „былъ не Австрійскимъ императоромъ, а королемъ Венгерскимъ, тогда не было бы чужихъ интересовъ, Венгерскій король могъ бы слѣдовать только венгерской политикѣ.“ Венгерская политика въ Восточномъ вопросѣ, по мнѣнію Кошута, должна состоять въ союзѣ съ Турціей и борьбѣ съ Россіей пока не будетъ возстановлена Польша. Кошутъ потому не поѣхалъ въ Венгрію что „настоящія обстоятельства порожденныя восточными замѣшательствами хотя и гибельны, но не въ состояніи повліять на измѣненіе въ направленіи силы страны.“ Послѣднее замѣчаніе должно, конечно, подѣйствовать утѣшительно въ Австріи. Но Кошутъ не совершенно отказался отъ возвращенія въ отечество, онъ совѣтовалъ выждать время и не спѣшить „ходомъ съ послѣдней карты.“

Упомянемъ здѣсь кстати о поѣздкѣ мадьярскихъ студентовъ въ Константинополь и о поднесеніи ими почетной сабли Абдулъ-Кериму, „побѣдителю при Дюнишѣ,“ который въ сущности и не предводилъ войсками, а былъ манекеномъ въ рукахъ англійскаго уполномоченнаго при турецкой главной квартирѣ. Въ этой выходкѣ Мадьяръ нельзя не видѣть весьма разчитаннаго шага чтобъ увлечь австрійское правительство еще далѣе по пути на которомъ оно уже и безъ этого зашло довольно далеко. Депутація пештскихъ софтъ состоитъ не совсѣмъ изъ ребятъ, что свидѣтельствуютъ письма посылаемыя ею въ Пештъ. Въ этихъ письмахъ Мадьяры свысока трактуютъ турецкихъ государственныхъ людей, принимающихъ ихъ съ распростертыми объятіями, и открыто заявляютъ что *никакой турецкой конституціи быть не можетъ*, потому что у Турокъ нѣтъ ни общества, ни семьи въ европейскомъ смыслѣ слова. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ свои манифестаціи въ сообществѣ такихъ людей какъ графъ Іосифъ Зичи, бывшій венгерскій министръ торговли, сынъ австро-венгерскаго посла въ Константинополѣ, прочимый графомъ Андраши на мѣсто отца и вѣроятно для того и пребывающій въ Стамбулѣ и принимаемый тамъ съ царскими почестями.

Лица стоящія во главѣ нынѣшняго Австрійскаго правительства естественно стараются умалить значеніе выходокъ совершающихся въ Венгріи, но они понимаютъ это значеніе. Съ самаго возникновенія Восточнаго вопроса, Австрійское правительство постоянно объявляло что оно блюдетъ интересы мира и „монархіи.“ Но если обратить вниманіе на то какъ оно на дѣлѣ вело эту политику, то окажется что отдѣльные венгерскіе интересы были въ ней преобладающими, почему „отрицательная политика“ графа Андраши и заслуживаетъ одобренія только въ Венгріи.

Всѣми чувствуется что настоящій моментъ Восточнаго вопроса, а съ тѣмъ вмѣстѣ и европейскаго мира, есть рѣшитель-

ный. Австрія, какъ и другія державы, стоитъ на томъ же мѣстѣ съ котораго началась дипломатическая кампанія, и ей снова предстоитъ выборъ дальнѣйшаго образа дѣйствій, не не сомнѣнно при признакахъ болѣе грозныхъ какъ внѣ, такъ и внутри ея.

№ 20.

Москва, 22-го января.

А.

Подтвержденіе нашихъ недавнихъ словъ о недоброжелательствѣ на Западѣ къ Россіи, а еще болѣе къ стремленіямъ самихъ восточныхъ христіанъ, теперь мы слышимъ изъ устъ одного правдиваго Англичанина. Почтенный докторъ Сандвитъ, сдѣлавшій много добра въ Сербіи своими заботами объ участи находящихся тамъ выходцевъ изъ Босніи и раздачей имъ тѣхъ небольшихъ денежныхъ пособій (всего 5.095 ф. ст.) которыя были препровождены для этой цѣли въ его руки изъ Англіи, вернувшись домой, на дняхъ, 28 января, держалъ рѣчь въ Лондонѣ, въ коллегіи для мущинъ и женщинъ, о Восточномъ вопросѣ. Почти вся эта рѣчь была посвящена раскрытію многихъ фактовъ изобличающихъ враждебное отношеніе различныхъ англійскихъ людей къ Сербамъ и вообще къ туренкимъ христіанамъ. Конечно, это не есть общее правило. Самъ докторъ Сандвитъ, подобно г. Гладстону и многимъ другимъ Англичанамъ, являются отрадными исключеніями; но, повидимому, вліяніе ихъ слабо, и общее направленіе англійской политики гармонируетъ съ преобладающимъ въ большинствѣ настроеніемъ. Докторъ Сандвитъ хорошо знаетъ Боснію не только въ ея теперешнемъ видѣ; онъ еще четыре года тому назадъ посѣтилъ ее, когда тамъ не было возстанія, и его тогда уже поразилъ повсюду видѣнный имъ образъ ужаснаго азіятскаго варварства. Поэтому онъ негодуетъ что лордъ Дарби этимъ христіанамъ, столь подавленнымъ и несчастнымъ, — какъ это можно было видѣть даже изъ „тщательно просѣянныхъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ донесеній британскихъ консуловъ въ Турціи," — какъ лордъ Дарби могъ имъ совѣтовать, въ своей депешѣ отъ 14 іюня, „обратиться къ своему правительству для удовлетворенія ихъ жалобъ." „Лордъ Дарби, продолжаетъ докторъ Сандвитъ, долженъ былъ знать что для бѣдныхъ христіанскихъ поселянъ Босніи и Герцеговины самая жизнь стала бременемъ, что они совершенно преданы произволу своихъ жестокихъ мусульманскихъ сосѣдей, а онъ министръ свободной христіанской націи, считалъ своею обязанностью помогать виновникамъ подобной адской тиранніи всѣми средствами кромѣ оружія." Далѣе, отъ доктора Сандвита узнаемъ о слѣдующемъ, доселѣ неизвѣстномъ, характеристическомъ эпизодѣ позорной дѣятельности англійскаго посла сэръ-Генри Элліота. Намъ памятно съ какимъ негодованіемъ укоряли въ Англіи Сербовъ за объявленіе войны, и какъ самъ премьеръ объявилъ что онъ никогда не видывалъ болѣе *глупой* войны, конечно бросая этотъ эпитетъ на голову Сербовъ, хотя извѣстно также что истиннымъ виновникомъ войны былъ самъ лордъ Дарби находившій невозможнымъ уладить дѣло безъ кровопролитія, *without some fighting*, какъ значилось въ одной его депешѣ. Но вотъ что еще сообщаетъ докторъ Сандвитъ. Сербскій министръ, г. Ристичъ, до послѣдней минуты старался отвратить грозу помощью дипломатіи, и поручилъ г. Христичу отправиться въ Константинополь съ извѣстными предложеніями, но „Турки воспользовались посредствомъ сэръ-Генри „Элліота для увѣдомленія Сербовъ что г. „Христичъ не будетъ принятъ, и когда „сербскій повѣренный въ дѣлахъ явился „предъ отъѣздомъ къ сэръ-Генри, то послѣдній выразилъ желаніе, несмотря на „все случившееся въ Болгаріи, чтобы Серъ„бы были хорошо побиты." На чью же совѣсть должны пасть потоки неповинной крови? Выражая свои кровожадныя желанія, не ясно ли говорили, другими словами, лордъ Дарби и сэръ-Генри Элліотъ: „Кровь эта на насъ и дѣтяхъ нашихъ."

Разказывая о нѣкоторыхъ ужасныхъ случаяхъ жестокостей, которыя или вовсе не были сообщены, или не вѣрно передавались корреспондентами, докторъ Сандвитъ удостовѣряетъ что эти корреспонденты большею частію являлись со спеціальнымъ порученіемъ писать дурно о Сербахъ и противъ нихъ, въ чемъ даже, за столомъ въ одной Бѣлградской гостиницѣ, откровенно признался ему одинъ изъ этихъ господъ, хваставшій что его газета имѣетъ милліонъ читателей.

Что касается русскихъ интригъ, то докторъ Сандвитъ замѣчаетъ: „Я поставилъ „бы себѣ за честь быть русскимъ интри„ганомъ въ такомъ святомъ дѣлѣ какъ „дѣло христіанъ въ Турціи. Порта была „искусственно поставлена на ноги Парижскимъ трактатомъ. Христіанамъ лишен„нымъ покровительства Россіи было ска„зано обращаться къ своему правитель„ству, и дѣла пошли все хуже и хуже, и „наконецъ положеніе немусульманскихъ „подданныхъ султана стало невыносимо. „Удивительно ли при такихъ обстоятель„ствахъ что жители Россіи питаютъ со„чувствіе къ своимъ угнетеннымъ едино„вѣрцамъ?“ Онъ не находитъ также ничего удивительнаго что Сербы, окруженные со всѣхъ сторонъ естественными врагами, ожидали только отъ Россіи помощи. Они не разъ обращались къ Англіи за сочувствіемъ, но неизмѣнно встрѣчали отпоръ. Англійское правительство предпочитало союзъ съ европейскими „краснокожими.“ Почему, напримѣръ, князь Сербскій, путешествуя по Европѣ, посѣтилъ всѣ дворы кромѣ Англійскаго? Потому что онъ не могъ бы представиться иначе какъ черезъ посредство турецкаго посла, и не захотѣлъ подвергнуться такому безчестію. „Въ послѣднія 60 лѣтъ,“ заключилъ докторъ Сандвитъ, „маленькія государства, „вырвавшіяся изъ цѣпей азіятскаго вар„варства, прилагали всѣ старанія, и съ „замѣтнымъ успѣхомъ, усвоить европей„скую цивилизацію. Я разумѣю Черного„рію, Грецію, Сербію, Румынію. Это піо„неры будущаго. Они простирали руки за „помощью, и что же встрѣчали? Холод„ную вѣжливость по большей части, а отъ „Австріи и Англіи положительную нена„висть *(animosity)*.“

Неужели послѣ этихъ правдивыхъ словъ честнаго свидѣтеля, возмущеннаго до глубины души тѣмъ что онъ видѣлъ и слышалъ, можно еще сомнѣваться что всѣ эти громкія фразы „о русскомъ варварствѣ и честолюбіи, объ опасности русскаго могущества для европейской свободы,“ въ устахъ самихъ тѣхъ что не стыдятся произносить ихъ, не болѣе какъ предлогъ чтобы прикрывать свои грязные интересы находящіе выгоду въ томъ чтобы люди, чтобы христіане оставались вѣчно въ гнуснѣйшемъ изъ всѣхъ видовъ рабства?..

Б.

Полученный нами полный текстъ рѣчи г. Гладстона, произнесенной имъ въ Тонтонѣ 28 января, о которой мы вчера говорили на основаніи краткаго изложенія ея, заключаетъ въ себѣ, кромѣ рѣшительно выраженнаго имъ мнѣнія о недѣйствительности Парижскаго трактата вслѣдствіе нарушенія его самою Портой, еще одно весьма важное указаніе, на которое мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе что оно вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ что мы сами уже давно высказывали. Предостерегая своихъ слушателей отъ различныхъ хитростей направленныхъ къ тому чтобъ обмануть ихъ, г. Гладстонъ, между прочимъ, въ особенности предостерегаетъ противъ ухищреній, старающихся внушить довѣріе къ турецкой конституціи. Въ этомъ онъ справедливо видитъ едва ли не серіознѣйшую опасность для христіанъ. Вотъ что онъ говоритъ: „Конституція ата должна быть „одно изъ двухъ. Она можетъ быть обма„номъ, а если она не обманъ, то нѣчто „еще худшее. Если она обманъ, то мо„жемъ предоставить ее участи постигаю„щей обманы. Но что обѣщаетъ турецкая „конституція, и что случится если ея обѣ„щанія будутъ исполнены? Мы жалуемся „на то что небольшое меньшинство маго„метанъ, и въ особенности турецкихъ „магометанъ, пользуются безусловною „властью надъ христіанскимъ большин„ствомъ въ Европейской Турціи; но хотя „христіанъ огромное большинство въ Ев„ропейской Турціи, они въ меньшинствѣ „во всей Турціи, а потому средство пред„лагаемое для обезпеченія христіанъ подъ „властью магометанъ въ Европѣ есть то „что они будутъ имѣть представителей „въ собраніи гдѣ они будутъ составлять „ограниченное, лишенное всякаго духа, „а въ иныхъ случаяхъ униженное хри„стіанское меньшинство въ виду магоме„танскаго большинства; и вотъ насъ при„глашаютъ предоставить этому-то боль„шинству задачу оказать справедливость „христіанскимъ подданнымъ Турціи.“ Само собою очевидно что изъ этого должно послѣдовать, и мы уже замѣчали что конституція Мидхать-паши есть не просто обманъ чтобъ еще разъ пустить пыль въ глаза добровольно довѣрчивой Европѣ, а злостное ухищреніе закрѣпить еще болѣе

порабощеніе христіанъ, придавъ ему видъ законной формы, и поставить его органическимъ элементомъ „преобразованной имперіи.“ Какимъ же образомъ человѣкъ такъ хорошо знающій Турокъ какъ лордъ Стратфордъ де Редклифъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ писалъ о тщетѣ вѣрить новымъ турецкимъ обѣщаніямъ и рекомендовалъ принять Турцію подъ опеку всей Европы, съ самымъ широкимъ вмѣшательствомъ въ ея управленіе, теперь, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, требуетъ чтобы Портѣ дано было еще время для *честнаго* исполненія турецкихъ реформъ. Увы, честность эта тяжело отзовется на христіанахъ!..

№ 22.

Москва, 24-го января.

А.

Обнародованный циркуляръ государственнаго канцлера къ русскимъ посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, который читатели найдутъ ниже, есть послѣдовательный актъ русской политики котораго слѣдовало ожидать послѣ извѣстнаго результата Константинопольской конференціи. Подобное обращеніе Русскаго правительства къ прочимъ участникамъ конференціи, съ приглашеніемъ ихъ высказать свой взглядъ на настоящую фазу вопроса, такъ естественно что къ этому циркуляру всѣ въ Европѣ были приготовлены заранѣе, хотя ожиданіемъ этого документа возбуждалось какое-то непріятное безпокойство. Еще на прошедшей недѣли мы читали въ иностранныхъ газетахъ много толковъ объ ожидавшемся циркулярѣ, и свѣдущіе корреспонденты заранѣе сообщали анализъ его содержанія подробнѣе и многословнѣе чѣмъ какимъ оказался текстъ дѣйствительнаго документа.

Циркуляръ князя Горчакова, какъ оказывается, вовсе не заключаетъ въ себѣ пространнаго оправдательнаго *entrée en matière*, какъ это предвѣщали знатоки государственныхъ тайнъ, а кратко и ясно излагаетъ дѣло, и столь же просто объясняетъ цѣль обращенія. Съ полною справедливостью, которую отрицать не могутъ самые непримиримые недоброжелатели Россіи, циркуляръ напоминаетъ какъ съ самаго начала Императорскій Кабинетъ направлялъ всѣ свои старанія къ достиженію европейскаго согласія дабы успокоить кризисъ и предотвратить его возобновленіе. Россія ничего болѣе не желала какъ дѣйствовать вмѣстѣ со всею Европой въ дѣлѣ которое затрогивало многіе интересы и тревожило общее спокойствіе. Вѣрность этого взгляда подтвердилась какъ нельзя болѣе тѣмъ что послѣ перерыва дипломатическаго дѣйствія, вслѣдствіе не установившагося согласія, кабинетамъ пришлось заняться обсужденіемъ вопроса при обстоятельствахъ гораздо болѣе усложнившихъ кризисъ.

Несмотря на то, Россія вновь изъявила готовность совокупно съ Европой, добиваться тѣхъ гарантій которыя она считала себя въ правѣ требовать для христіанскихъ населеній Турціи. Въ этомъ отношеніи конференція была несомнѣнно дипломатическимъ успѣхомъ русской политики. Было достигнуто въ принципѣ согласіе всѣхъ державъ въ требованіяхъ отъ Порты. Все искусство дипломатіи было направлено къ тому чтобы поддержать это согласіе до конца, и каковы бы ни были тайные виды и желанія съ чьей либо стороны, никто не имѣетъ права сказать чтобы конференція не выражала общаго требованія всей Европы. Чтобы достигнуть этого, державы дѣлали другъ другу всевозможныя уступки, требованія ихъ были доведены до крайняго минимума, такъ что почти не стоило поддерживать ихъ, но тѣмъ не менѣе это были требованія *цѣлой* Европы, при всей разнородности и даже антагонизмѣ интересовъ ее раздѣляющихъ, требованія которыя главнымъ образомъ сводятся къ признанію неудовлетворительности настоящаго положенія христіанскихъ населеній подвластныхъ Портѣ и къ признанію необходимости обставить его иными условіями. Это-то и было очень хорошо понято Портой и ея скрытыми благопріятелями, втайнѣ поощрявшими ея сопротивленіе. Какъ ни маловажны были требовавшіяся отъ ней гарантіи, какъ ни мало измѣнялось положеніе на Востокѣ, Порта предпочла отвергнуть ихъ *въ принципѣ*, подрывая тѣмъ силу трактатовъ которымъ Турція обязана самымъ продленіемъ своего существованія.

Согласіе Европы, номинально по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ должно считать существующимъ. Послѣ отказа Порты, со-

гласіе еще выразилось совокупнымъ отзывомъ пословъ изъ Константинополя. Теперь наступаетъ практическая проба этому согласію. Оно можетъ дѣйствительно прекратиться на этомъ пунктѣ и можетъ быть поддержано. Россія не имѣетъ надобности желать или искать прекращенія согласія. Доказавъ свою готовность дѣйствовать вмѣстѣ во всею Европой, она и теперь не отклоняется отъ общаго дѣйствія если таковое окажется возможнымъ. На основаніи нѣкоторыхъ корреспонденцій изъ Петербурга, въ Лондонѣ предполагали что Россія радуется случаю сложить позоръ неудачи конференціи на всю Европу. Съ рѣдкимъ великодушіемъ Англія готовилась заранѣе принять на себя весь позоръ, всѣ пощечины отъ Турціи, и искупить тѣмъ, если то нужно, „честь и достоинство Россіи.“ Пусть русская дипломатія, — такъ разсуждаетъ газета *Times*, — доказываетъ что не Россіи, а Англіи нанесено оскорбленіе Турціей. Въ самомъ дѣлѣ, кому же де какъ не Англіи? Вѣдь Англія столько разъ спасала Турцію, проливала за нее свою кровь, безвозвратно расточала ей свои сокровища въ видѣ безнадежныхъ займовъ; Англія же придумала конференцію чтобъ указать Портѣ реформы какія Европа считаетъ необходимыми. При такихъ обстоятельствахъ, кѣмъ же какъ не Англіей, этимъ наилучшимъ другомъ Порты, долженъ ея отказъ считаться вопіющимъ актомъ неблагодарности и неуваженія, болѣе чѣмъ всякою другою державой, не исключая и Россіи? „Но спросятъ,“ продолжаетъ *Times*, „что же намѣрена сдѣлать Англія? Отвѣтъ будетъ весьма простъ: мы „ничего не сдѣлаемъ. Если зрѣлищемъ „этой кротости мы можемъ дать Россіи „извиненіе для подобнаго же расположенія, „то наша добродѣтель и невозмутимость съ „какою мы переносимъ петербургскія на„реканія будутъ вознаграждены. Сверхъ „того, въ такомъ случаѣ, никто не въ „правѣ будетъ сказать что конференція „потерпѣла неудачу, ибо она обнаружила „что есть еще другая кромѣ Россіи дер„жава которая спокойно переноситъ ту„рецкій отпоръ, и тѣмъ даетъ примѣръ „благодушія.“

Эти и имъ подобныя ироническія разсужденія англійской печати изобличали радость что Англія купитъ прекращеніе всякихъ дипломатическихъ заступничествъ за христіанъ, и что слѣдовательно въ Турціи, несмотря на судъ европейской конференціи, все останется по старому.

Циркуляръ князя Горчакова, какъ видно, не оправдалъ этихъ ожиданій. Онъ предполагаетъ, какъ и имѣетъ полное право предполагать, согласіе державъ продолжающимся, и спрашиваетъ ихъ только о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на возрастающую общую опасность. Въ немъ заключается слѣдующая знаменательная фраза, относящаяся не къ одной только неудачѣ: „Порта не беретъ въ уваженіе прежнихъ обя„зательствъ своихъ, ни долга лежащаго „на ней какъ на членѣ европейскаго кон„церта, ни единодушныхъ желаній вели„кихъ державъ. Положеніе Востока не „только не подвинулось къ удовлетвори„тельному рѣшенію, но ухудшилось, про„должая угрожать спокойствію Европы и „тревожить чувства человѣколюбія и со„вѣсть христіанскихъ народовъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, на конференціи дѣло шло не о словесномъ поединкѣ между Портой и европейскими державами, а нѣчто серіознѣе. Какъ видно изъ телеграммы, англійская печать досадуетъ на то что Россія не обращаетъ въ шутку то дѣло для котораго собиралась въ Константинополѣ конференція, созванная по предложенію Англійскаго правительства.

Б.

Вчера было воспроизведено въ нашей газетѣ появившееся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* офиціальное сообщеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной Коммиссіи для пересмотра устава университетовъ, вызванное прискорбнымъ недоразумѣніемъ возникшимъ въ средѣ преподавателей Московскаго Университета и подавшемъ поводъ къ недостойнымъ выходкамъ въ печати противъ профессора Любимова, какъ члена вышеупомянутой Коммиссіи. Читателямъ нашимъ извѣстна сущность этого дѣла изъ объясненій самого профессора Любимова, данныхъ имъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Офиціальное сообщеніе не оставляетъ ни малѣйшаго мѣста для сомнѣнія касательно возбужденнаго вопроса, и должно положить, говоря заключительными словами этого документа, „конецъ столь противнымъ истинѣ и столь „несправедливымъ нареканіямъ.“

Недоразумѣніе побудившее нѣкоторыхъ

профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета къ оскорбительной для г. Любимова демонстраціи, заключалось въ мнѣніи будто брошюра его „была предназначена для начальства, и что представляя начальству разныя обвиненія онъ могъ быть увѣренъ что профессора русскихъ университетовъ не узнаютъ о нихъ."

Н. А. Любимовъ, какъ членъ Коммиссіи, вовсе не былъ обязанъ оглашать свои мнѣнія. Обязанность его, и притомъ самая существенная и важнѣйшая по этому дѣлу, состояла въ томъ чтобы подавать въ Коммиссію свое мнѣніе по совѣсти и крайнему разумѣнію. Ни одинъ, сколько мы знаемъ, изъ членовъ Коммиссіи не печаталъ своихъ, высказанныхъ въ ея засѣданіяхъ мнѣній, точно также какъ ни одинъ изъ всей массы профессоровъ и преподавателей, спрошенныхъ Коммиссіей и давшихъ ей свои показанія, не выходилъ съ ними предъ публику. Никто изъ нихъ не былъ къ этому обязанъ, и никто не имѣлъ права обвинять ихъ за это. Но г. Любимовъ съ самаго начала постоянно высказывался публично по вопросу объ университетской реформѣ, и вотъ, по странному велѣнію рока, именно онъ подвергся нареканію въ утайкѣ своихъ мнѣній отъ своихъ товарищей! Когда впервые, еще въ 1872 году, министръ народнаго просвѣщенія обратился къ совѣтамъ университетовъ съ вопросомъ, не находятъ ли они нужными какія-либо измѣненія въ дѣйствующемъ уставѣ; тогда, помнится намъ, совѣты университетовъ большею частію отвѣчали лаконически что никакихъ измѣненій не требуется, кромѣ прибавки жалованья профессорамъ. Но изъ членовъ Московскаго Университета нашелся тогда одинъ, заявившій среди совѣта что были бы не лишними и другія улучшенія въ бытѣ нашихъ университетовъ: это былъ г. Любимовъ (въ Кіевскомъ Университетѣ нашелся также одинъ, высказавшійся подобнымъ образомъ, — профессоръ Вальтеръ). Г. Любимовъ внесъ тогда въ совѣтъ особое, пространно изложенное мнѣніе, которое вслѣдъ затѣмъ было напечатано имъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Взгляды и сужденія, съ полною откровенностію высказанные въ этой запискѣ, излагалъ онъ потомъ въ цѣломъ рядѣ статей, сравнивая устройство нашихъ университетовъ съ состояніемъ этихъ учрежденій въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ откуда мы заимствовали основанія и образцы всей нашей учебной системы. Бывъ призванъ присутствовать въ Высочайше учрежденной Коммиссіи онъ продолжалъ слѣдовать тому же, свободно избранному имъ пути полной гласности, — и вотъ тѣмъ не менѣе онъ, именно онъ, подвергся нареканію въ утайкѣ своихъ мнѣній!

Сообщеніе предсѣдателя Коммиссіи свидѣтельствуетъ:

„Записка профессора Любимова была „назначена не *для начальства*, а для *членовъ* коммиссіи; онъ не только не желалъ „ее скрывать отъ лицъ интересующихся „университетскимъ вопросомъ, и вообще „отъ публики, но напротивъ самъ просилъ разрѣшенія напечатать ее въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ журналовъ, каковое разрѣшеніе было необходимо, такъ какъ брошюра была составлена частію на основаніи официальныхъ, еще не обнародованныхъ и даже „не бывшихъ въ виду всѣхъ членовъ коммиссіи данныхъ; но разрѣшено было сначала, до окончанія трудовъ Коммиссіи, „напечатать ее лишь въ ограниченномъ „числѣ экземпляровъ; затѣмъ, немедленно „по отпечатаніи, записка эта доставлена „была, до открытія засѣданій Коммиссіи, „всѣмъ членамъ ея, въ числѣ коихъ состояло девять профессоровъ."

Читая эти строки, лица введенныя въ заблужденіе относительно профессора Любимова не могутъ не понять какъ глубоко несправедливо было причиненное ими своему товарищу оскорбленіе.

Что же касается свойства мнѣній высказанныхъ профессоромъ Любимовымъ въ его брошюрѣ, то они стали полнымъ достояніемъ публики, будучи напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Г. Любимовъ подтверждаетъ и развиваетъ здѣсь то самое что онъ постоянно высказывалъ въ печати, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ былъ возбужденъ вопросъ объ университетахъ. Онъ, сколько мы знаемъ, не дѣлалъ никакихъ личныхъ или мѣстныхъ указаній, и постоянно держался общей стороны вопроса. Онъ не говоритъ ни о направленіяхъ, ни о доктринахъ, никого не заподазриваетъ, никого не обвиняетъ. Его соображенія, — вѣрныя или не вѣрныя, о чемъ всякому предоставляется судить, — клонятся единственно къ тому чтобы преподаваніе науки въ нашихъ университетахъ было поставлено въ возможно лучшія условія какъ

для процвѣтанія самой науки, такъ и для наибольшей пользы учащихся. Г. Любимову кажется, — и мы думаемъ что за это нельзя укорять его, — что университеты существуютъ не для удобства и выгоды небольшаго круга людей состоящихъ въ нихъ профессорами, а для того чтобы дѣло которому они служатъ давало возможно лучшіе результаты.

Изъ вышеприведенныхъ словъ офиціальнаго сообщенія явствуетъ что мнѣніе высказанное профессоромъ Любимовымъ въ его брошюрѣ частію основано на офиціальныхъ имѣющихся въ Коммиссіи данныхъ. Очень можетъ быть что нѣкоторые выводы г. Любимова не нравящіеся однимъ профессорамъ окажутся основанными на показаніяхъ и свидѣтельствѣ другихъ.

По университетскому вопросу, какъ и по всѣмъ подготовляющимся для законодателя вопросамъ, всякому предоставлена полная свобода мнѣній. Правительство не только не стѣсняло мнѣній, но вызывало ихъ. Не ограничиваясь имѣвшимися свѣдѣніями, Высочайше учрежденная Коммиссія которой членомъ состоялъ профессоръ Любимовъ, предпринимала объѣздъ по всѣмъ университетамъ Имперіи и входила въ сношенія съ каждымъ изъ лицъ состоящихъ при нихъ на службѣ. Офиціальное сообщеніе говоритъ:

„Брошюра эта (г. Любимова), заключая въ себѣ мнѣнія одного члена Комміссіи по разнымъ предметамъ быта университетовъ, служила матеріаломъ при соображеніяхъ Коммиссіи, точно также какъ служили матеріалами напечатанныя до того времени особою книгой соображенія и предположенія профессоровъ разныхъ университетовъ, сообщенныя членамъ особаго отдѣла Коммиссіи при посѣщеніи ими университетовъ осенью 1876 года, въ отвѣтъ на предложенные гг. профессорамъ вопросы, а равно и мнѣнія университетскихъ совѣтовъ и попечителей учебныхъ округовъ по этому дѣлу. Факты эти хорошо извѣстны всѣмъ членамъ Коммиссіи, въ томъ числѣ засѣдавшимъ въ ней гг. профессорамъ, и тѣмъ непонятнѣе и прискорбнѣе что въ средѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета могло распространиться, а затѣмъ проникнуть и въ печать совершенно ложное мнѣніе о томъ что помянутая брошюра профессора Любимова *была предназначена исключительно для начальства* и будто бы онъ желалъ или могъ желать *чтобы профессора русскихъ университетовъ не узнали ея содержанія.*“

Позволяемъ себѣ надѣяться что почтенныя лица, видящія теперь ошибку въ которую они были вовлечены, поймутъ также и другую неправильность, не свойственную университетамъ, особенно Московскому, и несогласную, мы полагаемъ, съ ихъ собственными убѣжденіями. Неправильность эта состоитъ въ нетерпимости.

Если желательно чтобы правительство предоставляло просторъ мнѣніямъ какъ на каѳедрѣ, такъ и въ печати, то какимъ образомъ университетская коллегія можетъ считать себя въ правѣ терроризовать своихъ членовъ, которыхъ мнѣнія случайно не подходятъ ко взглядамъ большинства или лицъ управляющихъ большинствомъ? Гдѣ же будемъ мы искать терпимости ко мнѣніямъ, если университеты будутъ застращивать и преслѣдовать всякаго въ своей средѣ кто осмѣлится имѣть свое мнѣніе и независимо высказывать его? Было бы очень грустно еслибы въ Московскомъ Университетѣ остался на предбудущія времена прецедентъ гоненія за мнѣнія.

Наконецъ мы полагаемъ что представители науки не захотятъ позорить себя солидарностью съ рыночною печатью, которая вовсе не признаетъ различія между ложью и правдой, между честнымъ и нечестнымъ.

№ 23.

Москва, 25-го января.

Вдругъ грянулъ громъ, хотя и не изъ тучи. Самъ великій зодчій новой турецкой самостоятельности, чей прощальный циркуляръ къ державамъ по поводу окончанія конференціи не далѣе какъ вчера былъ намъ переданъ по телеграфу, великій Мидхатъ что долженъ былъ возродить Турцію, совершившій столько удачныхъ заговоровъ и переворотовъ, низлагавшій и возводившій на тронъ султановъ, одолѣвшій подъ конецъ всѣхъ своихъ противниковъ и настоявшій на всѣхъ своихъ планахъ, выпустившій наконецъ въ свѣтъ свое дѣтище, вдругъ летитъ стремглавъ съ высоты власти. И паденіе его совершается

съ трескомъ какъ coup d'état, а не простой министерскій кризисъ. Великій визирь не просто уволенъ отъ должности, но схваченъ и куда-то увезенъ изъ Константинополя. Телеграмма объ этомъ событіи, полученная *Правительственнымъ Вѣстникомъ*, сообщаетъ и объясненіе. По ея словамъ, опала и ссылка постигли Мидхата за новый заговоръ его свергнуть султана. Странно! Человѣкъ, достигшій верха своихъ желаній и держащій въ рукахъ всѣ нити власти, вступаетъ въ заговоръ! Съ какою бы цѣлью онъ могъ это сдѣлать? Что у павшаго визиря было много враговъ, это давно всѣмъ извѣстно, а также и то что число ихъ должно было возрасти съ его непонятными для закоренѣлыхъ Турокъ затѣями, и что самые опасные его противники таились даже во дворцѣ, въ ближайшемъ окруженіи молодаго султана. Давно ходили вѣсти о непрекращавшейся глухой борьбѣ между партіями старыхъ и новыхъ порядковъ, или вѣрнѣе, старыхъ и новыхъ людей. Паденіе Мидхата, перваго конституціоннаго визиря, который, по правиламъ сочиненной имъ конституціи, не могъ однако быть смѣненъ безъ суда или по рѣшенію враждебнаго большинства въ еще несозванныхъ палатахъ, вѣроятно означаетъ и паденіе его проектовъ. Но при чемъ же тутъ заговоръ? Здѣсь можетъ быть одно изъ двухъ: или враги его, одолѣвъ ненавистнаго противника, въ свое оправданіе возводятъ на него обвиненіе въ измѣнѣ,—вѣдь точно также и Махмудъ-пашу, да и самого султана Абдулъ-Азиза обвиняли въ государственной измѣнѣ,—или, если извѣстіе о заговорѣ не лишено основаній, то возможно что Мидхатъ, зная козни противниковъ, хотѣлъ предупредить ихъ, но потерпѣлъ неудачу.

Гораздо интереснѣе другой вопросъ: что предвѣщаетъ эта перемѣна?

Едва ли эта новая катастрофа въ Стамбулѣ сулитъ доброе. Мидхатъ-паша конечно не былъ другомъ Россіи, не былъ другомъ Болгаръ и вообще Славянскихъ христіанъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ всякаго иностраннаго заступничества за христіанъ. Но онъ хотѣлъ устранить это вмѣшательство своими реформами. Онъ чувствовалъ на себѣ задачу сдѣлать что-нибудь важное. Онъ былъ въ разбѣгѣ. Онъ помышлялъ удивить міръ, и онъ не пожалѣлъ бы, по всему вѣроятію, мусульманскихъ порядковъ и убѣжденій чтобы чѣмъ-нибудь оправдать себя предъ Европой. Во всякомъ случаѣ онъ постарался бы не отстать отъ ея совокупныхъ требованій чтобы потомъ сказать ей: „Смотрите, вы требовали того-то: мы все это сдѣлали сами, и даже больше.“ Извѣстно что немедленно за прекращеніемъ конференціи онъ самъ обратился къ князьямъ Сербскому и Черногорскому съ предложеніемъ прямыхъ переговоровъ для заключенія мира безъ посредства державъ. При этомъ, судя по первымъ извѣстіямъ, Сербіи предлагалось *statu quo*, а Черногоріи даже исправленіе границъ, слѣдовательно въ условіяхъ предполагавшихся конференціей. Это былъ уже первый шагъ къ исполненію части требованій державъ. Относительно же удовлетворенія христіанъ пострадавшихъ провинцій, вопервыхъ, телеграфъ извѣстилъ о преданіи смертной казни Ахметъ-аги, прославившагося звѣрскими подвигами въ Батокѣ, тогда какъ наказанія виновныхъ въ Болгарской рѣзнѣ не могла добиться даже дипломатія лорда Дарби. Затѣмъ было возвѣщено о предписаніи разоруженія гражданскаго населенія, то-есть мусульманъ, такъ какъ христіане и безъ того не имѣютъ права носить оружіе,—мѣра важная на которой не рѣшались настаивать делегаты на конференціи. Мидхату представлялась возможность, пока еще державы уговаривались бы о послѣдствіяхъ конференціи, замириться съ княжествами, нѣсколько успокоить волненіе христіанъ и дать нѣкоторое удовлетвореніе Европѣ. Еслибъ этотъ планъ, который вовсе не былъ тайной, удался хотя отчасти, то могло бы наступить временное успокоеніе, и Восточный вопросъ былъ бы еще разъ отсроченъ.

Ожидать что все это будетъ исполнено преемниками Мидхата нѣтъ основаній. Напротивъ, паденіе его указываетъ торжество противной ему партіи, которая и безъ того давно была недовольна его реформистскими затѣями, оппозицію которой противъ своей конституціи онъ съ трудомъ могъ преодолѣть, и то только предъ самымъ началомъ конференціи, убѣдивъ недовольныхъ что она есть единственное средство отвратить вмѣшательство. Теперь партія эта повидимому разчитываетъ воспользоваться успѣхомъ дипломатіи Мидхата и устранить его затѣи. Мидхатовы реформы возбуждали опасеніе въ правовѣрныхъ му-

сульманахъ. На его нововведенія, пока только бумажныя, они смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ. Все въ новомъ визирѣ было имъ не по нраву. Правовѣрныхъ долженъ былъ особенно озлобить эдиктъ о разоруженіи мусульманъ, и скандализовать любимая фраза Мидхата: „религія есть любовь къ родинѣ," точно также какъ его претензія создать націю „Оттомановъ" безъ различія религіи. Борьба, повидимому, началась уже нѣсколько времени тому назадъ. Такъ, вчера еще мы привели изъ англійскихъ газетъ извѣстіе Рейтерова Агентства, опровергавшее эдиктъ о разоруженіи. Еще тревожнѣе были извѣстія о затрудненіяхъ возникшихъ въ переговорахъ о мирѣ съ Сербіей вслѣдствіе настоянія Порты на гарантіяхъ, о чемъ сначала не было рѣчи. Вчера телеграмма извѣщала даже о разрывѣ этихъ переговоровъ, и въ этомъ можно видѣть нѣкоторое соотвѣтствіе съ сегодняшнимъ извѣстіемъ о паденіи Мидхата, тѣмъ болѣе что главой правительства на его мѣсто назначенъ Эдхемъ-паша, бывшій посолъ въ Берлинѣ, засѣдавшій вторымъ делегатомъ въ конференціи, гдѣ онъ отличался рѣзкими выходками по поводу почти каждаго пункта обсуждавшейся программы, и разъ до того простеръ свою запальчивость что крикнулъ французскимъ делегатамъ о Варѳоломеевской ночи и драгоннадахъ, говоря что въ Турціи ничего подобнаго не бывало.

Положеніе дѣлъ становится тревожнымъ. Сегодняшнее сообщеніе нашего берлинскаго корреспондента, который черпаетъ изъ надежныхъ источниковъ, согласуется съ вышеизложенными догадками. Въ Берлинѣ константинопольскую катастрофу считаютъ воинственнымъ признакомъ.

№ 24.

Москва, 26-го января.

А.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ и въ Парижѣ, также какъ въ Берлинѣ, заключаютъ что новый переворотъ въ Константинополѣ уменьшаетъ шансы на сохраненіе мира. Повсюду впечатлѣніе одинаково. Ожидаютъ что это событіе должно заставить сдѣлать перемѣны и въ тронной рѣчи Англійской королевы къ произнесенію завтра при открытіи парламента.

Вотъ ударъ для фарисейскихъ разглагольствій убѣждавшихъ вѣрить что, несмотря на неудачу конференціи, въ Турціи все уладится какъ нельзя болѣе къ лучшему! Ужасный ударъ для вчерашняго пріятнаго настроенія Парижской биржи! Какая иронія въ эту минуту читать еще во французскихъ газетахъ и журналахъ, хотя бы въ сейчасъ полученномъ послѣднемъ нумерѣ *Revue des Deux Mondes*, щегольскую наружно, но совершенно пустую болтовню о либерализмѣ турецкой конституціи, о живучести исламизма, о великомъ будущемъ которое еще ему уготовано, о шести головахъ подъ одною шапкой на конференціи, о торжествѣ турецкой дипломатіи, о великомъ геніи Мидхата,—Мидхата, въ эту минуту окончившаго свое политическое существованіе.

Какъ отнесутся къ послѣднимъ константинопольскимъ событіямъ различные кабинеты и къ какимъ побудятъ ихъ дѣйствіямъ нельзя еще знать. Но можно ли сомнѣваться что должны послѣдовать важныя рѣшенія. Если Мидхатовы реформы могли по крайней мѣрѣ дать благовидный предлогъ для нѣкотораго выжидательнаго бездѣйствія, то теперь и этого предлога болѣе не существуетъ. Намѣренія державъ должны высказаться быстро чтобы не застигли ихъ новые на Востокѣ ужасы.

Французская печать, какъ видно изъ телеграммъ, не смущается этимъ. Она понимаетъ тревожное значеніе кризиса, но надѣется заклясть его своею болтовней. *Journal des Débats*, который только-что приглашалъ Европу ждать благъ отъ Мидхатовой конституціи, теперь опять приглашаетъ къ ожиданію и взываетъ къ „мудрости кабинетовъ чтобы не предпринимать „пагубныхъ рѣшеній въ виду событій прискорбныхъ, безъ сомнѣнія, но ничего не „измѣняющихъ во взаимныхъ интересахъ „державъ." Но почему же не предпринимать ничего? На это отвѣчаетъ другой органъ, офиціозный *Moniteur*: потому что вопросъ разрѣшится самъ собою, ибо правительство ежемѣсячно представляющее зрѣлище такой анархіи не можетъ держаться, и разрѣшеніе не замедлитъ явиться отъ самой Турціи, отъ хода неизлѣчимой пожирающей ее болѣзни. Вчера намъ говорили: „Смотрите, Турція возрождается!" — сегодня: „Она умираетъ: дайте ей умереть спокойно."

А между тѣмъ вскорѣ Европѣ пожалуй

придется заняться не одною Европейскою Турціей, а всѣмъ обширнымъ пространствомъ этой имперіи, ужаснаго анахронизма въ нашъ вѣкъ. Ограбивъ со всевозможными звѣрствами свои европейскія провинціи, Турки принимаются за малоазійскія. Еще въ концѣ прошедшаго года сообщалась вѣсть о страшномъ пожарѣ истребившемъ городъ Ванъ въ Арменіи. Подробности объ этомъ мы сейчасъ только узнали изъ англійской газеты, не имѣющей кажется интереса преувеличивать что-либо не въ пользу Турокъ. Константинопольскій корреспондентъ *Times* сообщаетъ, на основаніи дошедшихъ до него вѣрныхъ свѣдѣній, ужасные факты объ этомъ пожарѣ. Произошелъ онъ, оказывается, отъ поджога базара турецкими *регулярными солдатами*. Вспыхнулъ пожаръ ночью, и когда жители поспѣшили спасать имущество, то солдаты съ насиліями и побоями, во многихъ случаяхъ смертельными, отталкивали гражданъ, а сами грабители и распространяли пожаръ. Епископъ Еремія и священникъ Богосъ пытались остановить грабежъ, но они были страшно избиты солдатами, и только съ величайшимъ трудомъ успѣли спастись сами. Опустошеніе было ужасное; всего, вмѣстѣ съ сгорѣвшими зданіями, истреблено на полмилліона турецкихъ лиръ (около трехъ милліоновъ рублей), и населеніе богатаго города, съ 35.000 жителей, сразу повергнуто въ нищету, грозящую голодною смертью. „Такова положеніе христіанъ," заключаетъ корреспондентъ: „Вотъ явный примѣръ „страшнаго безпорядка чинимаго людьми „коимъ поручено поддержаніе порядка, „и это въ провинціи гдѣ не только что „о смутахъ, но даже о признакахъ не„довольства не было слышно. Такъ точ„но и изъ Болгаріи къ намъ доходили „тревожныя вѣсти еще въ сентябрѣ и ок„тябрѣ 1875 года, прежде чѣмъ случились „малѣйшія попытки къ возстанію. Въ Бол„гаріи, кромѣ солдатъ, полицейскихъ и „мусульманъ высшаго ранга, бичъ жите„лей — Черкесы. Въ Арменіи хищники и „истребители—Курды... Общее впечатлѣ„ніе между христіанами въ Арменіи и по„всюду таково что Турки, завидуя бе„режливости и смышленности подвласт„ныхъ имъ народовъ, и ихъ благоден„ствію, и сравнивая его съ быстрымъ „упадкомъ своей породы, умышленно при„бѣгаютъ къ избіеніямъ и грабежу хри„стіанъ чтобы помѣшать ихъ быстрому „развитію."

Въ Сиріи, въ Алеппо, въ Дамаскѣ, какъ пишетъ тотъ же корреспондентъ, происходитъ то же самое.

Опасность слишкомъ велика, и нельзя тратить время на фиктивные аргументы о необходимости поддержанія общеевропейскаго согласія, которое выражается общимъ параличемъ. Требуются союзы энергическіе и основанные на хорошо взвѣшенныхъ интересахъ.

Б.

Въ настоящую минуту въ Петербургѣ приговоръ по дѣлу 6-го декабря уже произнесенъ. Слѣдствіе и судъ, повидимому, не имѣли намѣренія доходить до корней этого дѣла, и ограничились, какъ всегда, наличностью: оборваны попавшіеся въ руки гнилые сучки, а пень оставленъ въ покоѣ. Но и изъ тѣхъ данныхъ которыя раскрылись на судѣ между прочимъ достаточно выяснилось политическое значеніе гадкаго фарса. Догадки которыя мы высказали вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ этомъ „казусѣ" подтвердились. Нѣкоторые иностранные органы, имѣющіе надобность очернить русское движеніе въ пользу турецкихъ христіанъ, грозившіе революціонными послѣдствіями его для самой Россіи, буквально предсказавшіе выходку 6-го декабря и нынѣ продолжающіе, какъ напримѣръ *Journal des Débats* отъ 31-го января, стращать Россію „революціонными комитетами и панславистскими агитаторами,"—эти дальновидные благопріятели наши не преминутъ ухватиться за слушаемое въ особомъ присутствіи Сената дѣло какъ за доводъ въ пользу своей заботливой о насъ предусмотрительности.

Увы едва ли удастся имъ эксплуатировать случившееся сообразно съ своими видами. Фарсъ свидѣтельствуетъ прямо противоположное тому выводу который желали бы изъ него сдѣлать. Россіи нечего опасаться навязываемыхъ ей и подсунутыхъ въ ея организмъ революціонныхъ элементовъ. „Не ничтожной кучкѣ революціонеровъ произвести переворотъ; противъ гро„мадной силы какую представляютъ нынѣ „существующія политическія и экономи„ческія условія, нужно выставить для борь„бы не менѣе грозную, исполинскую силу;" такъ понимаютъ подъятую ими задачу са-

ми лондонскіе подстрекатели (сборникъ газеты *Впередъ*, II, 124—125). Въ силу такого убѣжденія, они, говоря ихъ собственными словами, „подготовляютъ соціальную революцію именно *этимъ* путемъ;“ они затѣваютъ особую пропаганду въ народѣ; они толкуютъ о неизбѣжности ея успѣха; они уже кичатся ея результатами, даже математически высчитываютъ находящійся въ ихъ распоряженіи контингентъ.

И вотъ провѣрка ихъ похвальбы! Ихъ „лондонскій центръ“ часто жалуется на недостатокъ сочувствія къ нему со стороны отрезвленнаго нынѣ русскаго юношества. „Ходячее мнѣніе,“ жалуется онъ. „говоритъ о революціонномъ характерѣ русской молодежи; ни минуты не колеблясь „скажемъ: это лестное (sic!) мнѣніе — вредъ„нѣйшая иллюзія; мы утверждаемъ что „типъ молодежи русской вовсе не революціонный, что если и выходятъ изъ нея „борцы, то эти борцы представляютъ собою каплю въ морѣ, случайное исключеніе, плодъ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ.“ (См. Сборникъ *Впередъ*, II. 128). Въ данномъ случаѣ произошло „исключеніе: „капля“ и „плодъ особыхъ обстоятельствъ“ вышли на площадь махать своимъ революціоннымъ знаменемъ.

Что же! Въ этомъ петербургскомъ населеніи, которое лондонскіе мудрецы считаютъ „своимъ,“ посреди этихъ чернорабочихъ, которыхъ они полагаютъ пропитанными ихъ коварнымъ и злобнымъ ученіемъ, публика мнетъ дерзновенную кучку, носильщики бросаются заступаться за оскорбляемую полицію! Типично показаніе одного изъ нихъ, мѣщанина Пантелѣева, на вопросъ защитника, почему въ собравшихся онъ призналъ бунтовщиковъ: „Стали полицію бить, ужъ это и видно что бунтуютъ; *видимъ флагъ, значитъ неблагополучно...*“ *(Засѣданіе 19 января).*

„Флагъ значитъ неблагополучно:“ вотъ блестящій успѣхъ вашей пропаганды въ народѣ, вотъ обояніе вашего революціоннаго знамени! Вѣяніе его на петербургскомъ горизонтѣ дало лишь одинъ результатъ: оно пояснило какія „особенныя обстоятельства“ могутъ породить попытку къ смутѣ, оно обличило стачку съ прозорливыми прорицателями... Коноводы затѣваемыхъ въ Россіи революціонныхъ сумасбродствъ очень хитры. Они въ принципѣ признаютъ необходимость дѣйствовать обманомъ. (См. Ткачева, *Задачи революціонной пропаганды въ Россіи*, стр. 30—31). Сообразно съ этимъ, въ кучкѣ суетившейся на Казанской площади не преминули крикнуть „живіо“ (показаніе частнаго пристава г. Ритчера, въ засѣданіи 19 января) чтобы придать „демонстраціи“ извѣстный оттѣнокъ.

Но сущность дѣла не могла остаться скрытою, и не могло не выясниться *кому* хотѣлось облечь эту выходку именно такимъ, а не инымъ характеромъ. Показанія свидѣтелей утверждаютъ что на площади шумѣла толпа до 200 или 300 человѣкъ: на скамьѣ подсудимыхъ ихъ сидѣло не болѣе тридцати. Въ Соборѣ начали безчинство, и тамъ собрались въ значительномъ количествѣ „все не русскіе типы, а большею частію *польскіе* и еврейскіе,“ свидѣтельствуетъ г. Гуковъ *(засѣданіе 18 января,)* такъ что ихъ приняли было за иностранцевъ пришедшихъ посмотрѣть богослуженіе: между тѣмъ, г. Гуковъ въ подсудимыхъ видѣнные имъ польскіе типы *не* признаетъ; „нѣтъ, тутъ больше Русскіе,“ отзывается онъ. Подстрекатели, зачинщики, коноводы, разбѣжались и скрылись какъ только явилась полиція и раздался условный „по домамъ, господа;“ остались и арестованы — грубое, простодушное „революціонное мясо,“ „la chair aux révolutions.“ Скрывшіеся же коноводы — „польскаго типа.“ Вотъ почему и *Journal des Débats* въ Парижѣ, и *Naplô* въ Пештѣ знали впередъ о демонстраціи которой жертвами пало нѣсколько сумасбродовъ...

№ 25.

Москва, 27-го января.

Переданное сегодня телеграфомъ офиціальное сообщеніе изъ Константинополя объ удаленіи Мидхата, вмѣсто разъясненія дѣла, скорѣе затемняетъ его. Оно гласитъ будто причиной навлекшею на Мидхата немилость султана было обнаруженное великимъ визиремъ направленіе противное духу провозглашенной конституціи, которою гарантировано равенство всѣхъ подданныхъ. Султанъ былъ де возмущенъ что абсолютная власть отъ которой онъ отказался продолжала практиковаться подъ другимъ видомъ, вслѣдствіе чего султанъ и принялъ де рѣшеніе изгнать Мидхата для огражденія своихъ правъ и духа конституціи.

Забавны эти заботы о конституціи: какъ будто она въ самомъ дѣлѣ вошла въ жизнь Оттоманской имперіи и что-нибудь значитъ помимо того употребленія какое дѣлалъ изъ ней Мидхатъ. Турецкое офиціальное сообщеніе хочетъ заставить насъ думать что комедія придуманная хитроумнымъ Мидхатомъ будетъ продолжаться и разыграется до конца въ совершенствѣ, несмотря на удаленіе того кто былъ и ея авторомъ, и главнымъ въ ней актеромъ. Но конституція была дѣломъ одного Мидхата, и другіе турецкіе сановники, даже большинство его товарищей относились къ ней не только съ недовѣріемъ, но положительно враждебно. Правда, имъ теперь неудобно тотчасъ же объявить отмѣненнымъ регламентъ только-что провозглашенный съ такою помпой. Но крайне сомнительно чтобъ, избавившись отъ ненавистнаго Мидхата, противники его захотѣли, а еслибъ и захотѣли, то сумѣли привести въ исполненіе то что имъ представлялось опаснымъ нововведеніемъ. Самимъ Мидхатомъ конституція была придумана только на показъ, и въ сущности ничего бы не измѣнила въ обычномъ теченіи дѣлъ въ Оттоманской имперіи; но постановка декорацій для оптическаго обмана требуетъ извѣстной ловкости, и Мидхатъ къ этому готовился давно, а его преемники едва ли объ этомъ помышляли.

Далѣе, въ офиціальномъ турецкомъ сообщеніи глухо сказано о замыслахъ какихъ-то лицъ противъ прерогативъ султана и противъ политическаго спокойствія,—замыслахъ допущенныхъ бывшимъ великимъ визиремъ, между тѣмъ какъ его обязанностью было воспрепятствовать имъ. Въ другой же телеграммѣ изъ Константинополя прямо сказано, со словъ *Levand Herald*, что дворцовый маршалъ, возвѣстившій Мидхату изгнаніе, показалъ ему при этомъ документы свидѣтельствующіе что онъ замѣшанъ въ заговоръ. Странно только какимъ образомъ министръ уличенный въ государственной измѣнѣ, безо всякаго подобія суда и слѣдствія, преспокойно удаляется за границу.

Константинопольская корреспонденція *Новаго Времени* телеграфируетъ что Мидхатъ имѣлъ привычку дѣйствовать на султана системой застращиванія, указывая на возбужденное состояніе народа, чѣмъ де и убѣдилъ его принять самостоятельный образъ дѣйствій относительно Европы, тогда какъ лично султанъ, вовсе не воинственнаго характера. Поэтому султанъ Гамидъ съ удовольствіемъ слушалъ все что говорилось не въ пользу Мидхата, а этотъ своимъ надменнымъ обращеніемъ раздражилъ старо-Турокъ, которые наконецъ, явившись въ понедѣльникъ ночью во дворецъ, убѣдили султана что Мидхатъ замышляетъ захватить власть. Объясненіе это согласуется съ тѣмъ что уже за нѣсколько времени предъ симъ сообщалось корреспондентомъ газеты *Times* о сильномъ неудовольствіи возбужденномъ надменностью Мидхата и о дворцовыхъ противъ него интригахъ. Если такъ, то конечно о конституціонныхъ затѣяхъ мы вскорѣ весьма мало будемъ слышать, а съ устраненіемъ Мидхата, бывшаго главною причиной разрыва Порты съ Европой, пожалуй начнутся попытки къ возобновленію переговоровъ, быть-можетъ на *послѣднихъ* основаніяхъ предложенныхъ конференціей. На это какъ будто намекаютъ и въ *Times*, говоря что такое ожиданіе будетъ выражено въ тронной рѣчи, и что „случившееся можетъ послужить къ возобновленію *дипломатическихъ сношеній*“. Мидхатъ слишкомъ заручился чтобы, по отъѣздѣ пословъ, повернуть назадъ, а удаливъ его Порта можетъ въ послѣдній часъ великодушно показать неожиданную уступчивость и изъявить согласіе на принятіе единственныхъ двухъ пунктовъ на которыхъ подъ конецъ только и настаивала конференція. А послѣ, когда это будетъ сдѣлано, пожалуй и Мидхатъ опять явится на сцену. Впрочемъ, имя новаго великаго визиря, Эдхемъ-паши, бывшаго на конференціи рѣшительнымъ противникомъ всякихъ уступокъ, не очень поощряетъ къ такимъ догадкамъ.

Сегодня мы получили разомъ три интересныя письма отъ нашего константинопольскаго корреспондента, запоздавшія по той же причинѣ которая задерживала отъѣздъ нашего посла изъ турецкой столицы, то-есть по причинѣ сильныхъ бурь въ Черномъ Морѣ. Въ письмахъ этихъ читатели найдутъ полный текстъ рѣчи произнесенной генераломъ Игнатьевымъ при закрытіи конференціи; копія съ этого текста была передана турецкимъ уполномоченнымъ. Генералъ Игнатьевъ, указавъ на то что правительство султана, отвергая единодушныя желанія и безкорыстные со-

вѣты Европы, „само такимъ образомъ измѣняетъ отношенія въ которыхъ оно находилось къ великимъ державамъ,“ сослался на сдѣланное въ предыдущее засѣданіе конференціи замѣчаніе маркиза Салсбери что „оно (султанское правительство) рискуетъ этимъ потерять свои права требовать поддержки державъ и пользоваться выговоренными ему въ трактатахъ гарантіями.“

Фактъ нарушенія самою Портой силы ограждавшихъ ее трактатовъ такимъ образомъ несомнѣнно засвидѣтельствованъ на конференціи.

№ 26.

Москва, 28-го января.

Вчерашняя телеграмма Рейтерова Агентства о разговорѣ графа Андраши съ маркизомъ Салсбери, а еще болѣе сегодняшнія извѣстія объ открытіи Англійскаго Парламента, о содержаніи тронной рѣчи королевы и о преніяхъ объ адресѣ побуждаютъ серіозно осмотрѣться въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ. На какія-либо новыя перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ державъ нѣтъ указанія; напротивъ, мы слышимъ только подтвержденіе того что мы давно высказывали, и подтвержденіе дается съ небывалою доселѣ откровенностью, которая, впрочемъ, отчасти вынуждена, ибо за нѣсколько дней предъ тѣмъ обнародованный русскій циркуляръ по необходимости побуждаетъ державы яснѣе обнаружить свои намѣренія. Изъ послѣднихъ телеграммъ отвѣтъ двухъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ Великобританіи и Австро-Венгріи, можно теперь уже въ точности предвидѣть.

Русскій циркуляръ указывалъ на важность общаго согласія европейскихъ державъ достигнутаго на конференціи.

Всегдашніе противники русской политики также готовы признать важность достигнутаго общаго согласія, но только по другимъ причинамъ. Для нихъ это согласіе важно не затѣмъ чтобы дѣйствовать, а чтобы парализовать всякое дѣйствіе.

Какъ тронная рѣчь, открывшая Британскій Парламентъ, такъ и заявленія министровъ въ преніяхъ объ адресѣ свидѣтельствуютъ что Англія считаетъ дѣло конференціи, то-есть ея отрицательный результатъ, успѣхомъ политики Англіи. О достигнутомъ согласіи говорится всѣми очень много, но прежде всего въ тронной рѣчи читаемъ еще разъ подтвержденіе положенія лорда Биконсфильда что введеніе лучшаго управленія въ возмущенныхъ провинціяхъ должно отступать предъ заботой о „независимости и цѣлости Турецкой имперіи.“ По рѣшенію Англіи, ничего не слѣдуетъ измѣнять въ Турціи, ибо всякую перемѣну въ пользу христіанъ можно истолковать въ смыслѣ нарушенія того или другаго изъ этихъ двухъ великихъ принциповъ англійской цивилизаціи. Со строгою послѣдовательностью выражаютъ эту неизмѣнную политику Англіи и рѣчи всѣхъ министровъ. Какъ лорды Дарби и Биконсфильдъ такъ и Салсбери,—которому расточались отовсюду такія восторженныя похвалы за его дѣйствія на конференціи и назначеніе коего делегатомъ туда служило будто бы признакомъ перемѣны англійской политики, выражаются рѣшительно противъ всякаго принужденія Турціи. Англійское правительство съ своей стороны не только протестуетъ противъ самой мысли такого принужденія, но и не считаетъ обязанностью той или другой державы стать исполнительницей рѣшеній шести державъ, отвергаетъ наконецъ въ принципѣ и то чтобы трактатъ налагалъ обязанность заступаться за христіанъ. Англійскіе министры не смущаясь объявляютъ что ихъ поглощаютъ другія, болѣе для нихъ дорогія, соображенія. По словамъ маркиза Салсбери, Турція нужна потому что ея паденіе приведетъ де къ анархіи. И ради этого не допускаются никакія перемѣны которыя въ ней самой могли бы положить конецъ анархіи! А лордъ Биконсфильдъ прямо говоритъ что Восточный вопросъ состоитъ не въ улучшеніи участи христіанъ, а въ „существованіи имперіи,“ признавая этимъ что есть имперіи для коихъ нужно чтобъ участь христіанъ не была улучшена какими-либо перемѣнами.

Но какое же значеніе имѣютъ рѣшенія согласно принятыя шестью державами, если онѣ не обязаны и даже не въправѣ требовать ихъ исполненія? Въ какомъ смыслѣ разумѣетъ лордъ Дарби „нравственное право“ заступничества за христіанъ, если оно должно выражаться только общимъ бездѣйствіемъ? Какихъ гарантій Англія добивалась, заявляя о неспособности Порты

осуществить обѣщанныя реформы? Зачѣмъ наконецъ Англія приглашала державы на конференцію?

Затѣмъ же самымъ зачѣмъ и теперь ея министры такъ много толкуютъ о необходимости охраненія мира и поддержанія въ этихъ видахъ общаго согласія. Обѣ эти постоянно выставляемыя цѣли суть только предлогъ чтобы не допустить кому-либо достигнуть въ Турціи перемѣнъ въ пользу христіанъ. Вождь оппозиціи въ Нижней Палатѣ, лордъ Гартингтонъ, спрашивая о будущей политикѣ Англіи, протестуетъ противъ предоставленія Россіи и Турціи уладить дѣло между собою; а въ отвѣтъ на это канцлеръ казначейства замѣчаетъ что Англія не намѣрена прибѣгать къ принужденію, но желаетъ совокупнаго дѣйствія (какого?), такъ какъ отдѣльное дѣйствіе Россіи и Австріи было бы подозрительно. Дѣйствительно, какъ видно изъ краткаго телеграфнаго анализа представленной парламенту дипломатической корреспонденціи, въ инструкціяхъ лорда Дарби къ лорду Салсбери для предварительной конференціи уже было заявлено что Англія противъ всякаго военнаго занятія турецкой территоріи державами.

Англія повидимому увѣрена что достигла главной цѣли своей; это общее согласіе въ сущности сводится къ тому чтобы затруднить, если не совсѣмъ парализовать всякое отдѣльное дѣйствіе; такъ какъ Европа отнюдь не расположена де считать себя обиженною отказами Турціи, то никому де и принадлежать не можетъ исполненіе совокупнаго рѣшенія.

Изо всего этого кажется теперь вполнѣ должно быть ясно имѣетъ ли смыслъ согласіе съ Англіей по Восточному вопросу. Мы не вѣримъ искренности бывшихъ оппозиціонныхъ протестовъ противъ политики правительства и поддержки Турокъ; ни обращенію англійскаго правительства на иной путь, такъ какъ оно стало искать возобновленія европейскаго концерта, который оно прежде всячески разстраивало. Нѣтъ никакого сомнѣнія что еслибъ Англія разчитывала на возможность съ успѣхомъ вступиться съ оружіемъ за Турокъ, то она и теперь это сдѣлала бы какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Но теперь это для нея неудобно. И вотъ оппозиція, не имѣя и въ помышленіи выражать недовѣріе правительству, стала грозить Турціи и требовать чтобъ Англія не отставала въ давленіи на нее отъ другихъ державъ; а правительство, какъ будто уступая этому требованію, устроило общій концертъ, въ результатѣ достигая того же самаго чего бы оно могло желать отъ прямой защиты Турокъ, то-есть сохраненія въ ней *statu quo*.

Говорятъ, и на этомъ объясненіи особенно настаиваетъ *Times*, будто въ настроеніи Англіи, а потому и въ ея политикѣ, выражаются два сталкивающіяся чувства—всеобщее отвращеніе отъ Турецкой анархіи и недовѣріе къ Россіи. И то и другое невѣрно. Отвращеніе тутъ ни при чемъ, потому что оно не мѣшаетъ и оппозиціи дорожить цѣлостью и независимостью самаго гнуснаго изъ существующихъ на землѣ порядковъ. Ничего не значитъ и недовѣріе къ Россіи. Это обманъ которому могутъ вѣрить развѣ французскіе публицисты. Еслибъ опасеніе русскаго честолюбія было главнымъ мотивомъ, то для противодѣйствія ему Англіи всегда былъ открытъ иной, гораздо болѣе вѣрный путь. Что мѣшало бы либеральной Англіи привлечь на свою сторону сочувствіе будущихъ молодыхъ силъ содѣйствіемъ ихъ освобожденію? Нѣтъ, Англія всегда противилась всякимъ жизненнымъ проявленіямъ въ христіанскихъ населеніяхъ Востока, и когда, противъ ея воли, возникали тамъ ростки будущей свободы, англійская политика всегда старалась урѣзать, ослабить ихъ и стѣснить ихъ развитіе. Она была противъ освобожденія Дунайскихъ Княжествъ, противъ независимости Черногоріи; долго смотрѣла враждебно на борьбу Грековъ; участіе англійскаго флота въ Наваринскомъ дѣлѣ герцогъ Вашингтонъ признавалъ *untoward event*, событіемъ случившимся безъ вѣдома и къ прискорбію правительства Англіи; а когда наконецъ Греція добилась освобожденія, то Англіи она обязана тѣмъ что оставлена въ нынѣшнихъ неблагопріятныхъ границахъ, что Оессалія, Эпиръ и лучшіе острова Архипелага остались во власти Турокъ, а освобождена была только Морея и Аттика, которыя были совершенно разорены и опустошены египетскими войсками.

Не въ недовѣріи къ Россіи дѣло. Къ поддержанію *statu quo* въ Турціи побуждаютъ англійскую политику тѣ же самые интересы ради коихъ она силой оружія добивалась въ Китаѣ права отрав-

лять милліоны людей оціумомъ. Такого же рода интересы требуютъ порабощенія населеній способныхъ къ труду и бережливости и къ развитію самостоятельной и предпріимчивой торговли на Востокѣ...

Такого же рода своекорыстныя цѣли руководятъ политикой Австро-Венгріи. И для нея *statu quo* въ Турціи есть необходимость, которую она эксплуатируетъ въ свою пользу. Объ этой политикѣ мы не имѣемъ такихъ офиціальныхъ заявленій, какія сегодня даны въ Англійскомъ Парламентѣ. Но намъ извѣстны дѣйствія Австріи относительно Черногоріи, Сербіи, Болгаръ, извѣстна позорная депутація венгерскихъ студентовъ къ турецкому главнокомандующему. Отправляясь въ Константинополь на конференцію, лордъ Салсбери, какъ видно изъ его доклада, отъ самого Австрійскаго императора получилъ удостовѣреніе что въ Восточномъ вопросѣ интересы Австро-Венгріи и Англіи тождественны. А если вѣрить вчерашнему сообщенію агентства Рейтера, то на возвратномъ пути лорда Салсбери, графъ Андраши снова заявилъ ему о тождественности австро-венгерской политики съ англійскою, присовокупивъ при этомъ что Австрія противъ образованія новыхъ вассальныхъ владѣній и противъ русскаго занятія Болгаріи.

Итакъ, среди этого *quasi*-общаго согласія существуетъ тѣсный отдѣльный союзъ между двумя державами, политика коихъ не можетъ быть сходна съ русскою. Ни согласіемъ съ Англіей, ни согласіемъ съ Австро-Венгріей невозможно достигнуть ничего для существеннаго измѣненія дѣлъ въ Европейской Турціи. Согласіе съ ними возможно только съ тѣмъ, чтобы ничего не предпринимать для этой цѣли. А если кризисъ дошелъ дѣйствительно, какъ можно опасаться, до того что уже не можетъ быть успокоенъ палліативами, то въ виду полной и тѣсной солидарности установившейся и повидимому скрѣпленной между этими двумя державами, не удобная ли теперь минута и другимъ державамъ взвѣсить какія для нихъ предстоятъ комбинаціи болѣе соотвѣтствующія ихъ интересамъ?..

№ 27.

Москва, 29-го января.

Мы только что получили *Обзоръ внѣшней торговли Россіи по Европейской и Азіятской границамъ за 1875 годъ*, и съ большимъ чѣмъ обычно интересомъ просмотрѣли многія страницы въ этомъ статистическомъ ежегодникѣ нашего таможеннаго вѣдомства. Не безъ удовольствія замѣтили мы что въ этомъ только что вышедшемъ въ свѣтъ *Обзорѣ* впервые восполненъ одинъ весьма важный пробѣлъ всѣхъ прежнихъ выпусковъ этого изданія. До сихъ поръ очень трудно, почти невозможно было судить ни о томъ во что обходятся казнѣ столь часто допускаемыя у насъ освобожденія отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ „по особымъ разрѣшеніямъ," ни о томъ, въ какихъ размѣрахъ допускаются на практикѣ эти частныя отступленія отъ общаго закона. *Обзоръ за 1875 годъ* впервые даетъ твердыя основанія для сужденій въ этомъ отношеніи; въ немъ въ первый разъ объяснено сколько въ общемъ количествѣ выпущенныхъ изъ таможень для внутренняго употребленія товаровъ заключается такихъ которые „хотя подлежали оплатѣ пошлиною, но на основаніи особыхъ разрѣшеній выпущены безпошлинно." Надо думать что публикуя въ первый разъ относящіяся сюда данныя и особенно указывая на нихъ въ первомъ пунктѣ предпосланнаго *Обзору* введенія, Министерство Финансовъ именно желало вызвать сужденія публики по сему предмету, и было бы весьма жаль еслибъ этотъ довѣрчивый призывъ остался безъ послѣдствій. Вопросы связанные съ освобожденіемъ отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ не лишены значенія во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Въ настоящую же минуту, въ виду только что вошедшаго въ силу постановленія объ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ звонкою монетой, а равно въ виду всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1877 годъ, вопросы эти получаютъ особенный, современный интересъ. При ежегодно возраставшемъ таможенномъ доходѣ, еще можно было смотрѣть сквозь пальцы на нѣкоторыя освобожденія отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ безъ достаточныхъ къ тому основаній, но въ ви-

ду уменьшенія таможеннаго дохода, понизившаго нынѣ бюджетныя ожиданія отъ этой доходной статьи почти на три милліона рублей сравнительно съ бюджетомъ 1876 года; естественно желать большей чѣмъ обычно осмотрительности въ выдачѣ разрѣшеній на освобожденіе отъ уплаты установленныхъ закономъ пошлинъ. Пока изданный въ 1868 году тарифъ оставался безъ измѣненія, частныя освобожденія отъ установленныхъ имъ таможенныхъ пошлинъ еще не вызывали особеннаго ропота; иное дѣло теперь, когда всѣ тарифныя пошлины повышены, соразмѣрно разности въ цѣнности кредитнаго и металлическаго рубля, на 25% или на 20%. Когда на всѣхъ налагается новая тяжесть, привилегированное положеніе тѣхъ которые не несутъ ни прежнихъ, ни новыхъ тягостей особенно бросается въ глаза и невольно возбуждаетъ во многихъ естественное чувство зависти.

Сообщая въ первый разъ цифровыя данныя о товарахъ выпущенныхъ, по особому разрѣшенію, безпошлинно, *Обзоръ внѣшней торговли за 1875 годъ* не отвелъ пока для нихъ ни особой таблицы, ни даже особой графы въ какой-либо изъ своихъ 34 таблицъ; для этихъ интересныхъ свѣдѣній отведено пока весьма скромное, едва замѣтное мѣсто въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ 8-й таблицѣ. Но отсюда не слѣдуетъ заключать чтобы цифры приводимыя въ этихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ были мельче и ничтожнѣе, напримѣръ, тѣхъ которыя приводятся въ двухъ особыхъ таблицахъ о количествѣ и цѣнности конфискованныхъ товаровъ, общій итогъ коихъ, по всѣмъ вообще таможеннымъ учрежденіямъ, выражается цифрою 345.530 рублей. Въ области освобожденія отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ по особымъ разрѣшеніямъ, мы имѣемъ дѣло съ цифрами несравненно болѣе крупными. Какъ видно изъ *Обзора*, особыя разрѣшенія на безпошлинный привозъ по Европейской границѣ давались въ 1875 году по пятидесяти четыремъ статьямъ привозныхъ товаровъ, и по нѣкоторымъ статьямъ количества пропущенныхъ безпошлинно товаровъ опредѣляются не только сотнями тысячъ, но и милліонами пудовъ. Сотнями же тысячъ и милліонами рублей выражается по нѣкоторымъ статьямъ и потеря казны отъ безпошлиннаго пропуска. Въ общемъ же итогѣ, по всѣмъ 54 статьямъ, потеря казны составляетъ слишкомъ *восемь милліоновъ* рублей (8.003.551 р.*). Такова сумма въ которую обходятся государственному бюджету „особыя разрѣшенія“ на освобожденіе отъ уплаты пошлинъ, въ видѣ исключеній изъ общаго установленнаго закономъ правила, сумма заслуживающая особаго вниманія въ виду соображеній побудившихъ министра финансовъ, въ бюджетѣ на 1877 г., понизить цифру ожидаемаго таможеннаго дохода съ 60.470.000 р., ожидавшихся въ 1876 г., на 57.516.000 р. Позволительно думать что при нѣсколько большей экономіи въ раздачѣ „особыхъ разрѣшеній“ оказалось бы возможнымъ, безъ нарушенія справедливости и безъ вреда для государственнаго хозяйства, выгадать изъ теряемыхъ казною восьми милліоновъ, если не весь предвидимый въ наступившемъ году трехмилліонный недочетъ по таможенному доходу, то по крайней мѣрѣ значительную долю его. Департаменту Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, какъ свидѣтельствуетъ *Отчетъ Государственнаго Контроля*, удалось достигнуть весьма значительнаго сокращенія сверхсмѣтныхъ расходовъ. Нѣтъ основаній думать чтобы при доброй волѣ не оказалось возможнымъ сократить, хотя отчасти, и особыя разрѣшенія на освобожденіе отъ уплаты государственнаго налога.

Само собою разумѣется что эти особыя разрѣшенія и теперь даются не безъ разбора. Во многихъ случаяхъ они вызываются или необходимостью, или болѣе или менѣе уважительными соображеніями, напримѣръ въ видахъ оказанія поддержки разнымъ полезнымъ предпріятіямъ. Но въ ряду привезенныхъ въ 1875 году безпошлинно товаровъ, мы наталкиваемся на многіе товары такого рода что даже пылкое воображеніе затруднится пріисканіемъ мотивовъ для выдачи особыхъ разрѣшеній на ихъ безпошлинный привозъ. Не трудно, напримѣръ, признать что вполнѣ уважительныя соображенія могли потребовать безпошлиннаго пропуска 2.930 пудовъ соли. Но гораздо труднѣе сообразить зачѣмъ могъ понадобиться въ 1875 году

*) Цифра эта нѣсколько ниже дѣйствительной, такъ какъ при ея вычисленіи, мы по двумъ статьямъ (48 и 173 ст. тарифа), оплачиваемымъ по двоякому тарифу, брали въ разчетъ лишь низшій размѣръ пошлины.

безпошлинный привозъ 2.078 пудовъ грубыхъ холстинныхъ мѣшковъ, 763 пудовъ листоваго табаку, или 7.278 пудовъ сженыхъ цикорія и желудей (въ Одессу) и т. п.; трудно также понять, ради какой цѣли пропущены безпошлинно 929 пудовъ приготовленной горчицы, сои, пикулей и т. п., 1.690 бутылокъ вина (не шипучаго) иностранной разливки, 25 фун. 16 зол. золотыхъ ювелирныхъ издѣлій, 7 пуд. позументовъ, 8 пуд. дамской обуви изъ шелковой матеріи, 19 пудовъ бумажныхъ тканей самаго высокаго достоинства, 69 пудовъ шерстяныхъ ковровъ, 6 каретъ и т. д.

Списокъ товаровъ возбуждающихъ недоумѣніе касательно мотивовъ по коимъ послѣдовало разрѣшеніе къ ихъ безпошлинному привозу довольно длиненъ: но должно замѣтить что главные недочеты въ таможенномъ доходѣ казна терпитъ не по этимъ товарамъ, а по тѣмъ относительно коихъ нѣтъ сомнѣнія что они разрѣшаются къ безпошлинному привозу въ видахъ поддержки полезныхъ предпріятій. Этотъ мотивъ, конечно, нельзя не признать уважительнымъ; но всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Выгоды предоставляемыя однимъ обращаются къ невыгодѣ другихъ, тѣхъ кому поощренія не оказывается. Безпошлинный пропускъ 269 пуд. невалянныхъ шерстяныхъ матерій для фабричнаго употребленія былъ, конечно, поощреніемъ для тѣхъ фабрикантовъ которые этими матеріями воспользовались, но онъ въ то же время затруднялъ конкурренцію для всѣхъ прочихъ нуждающихся въ этихъ матеріяхъ фабрикантовъ, которые должны были платить за нихъ по 10 к. съ фунта пошлины. Мастера получившіе разрѣшеніе на безпошлинный привозъ изъ-за границы 220 пуд. выдѣланныхъ кожъ, конечно, очень довольны, но нельзя того же сказать о тѣхъ мастерахъ которые въ то же время должны были выписывать эти кожи съ уплатою за нихъ восьмирублевой пошлины, и нельзя порицать ихъ если они всѣми путями будутъ стараться добыть и для себя „особое разрѣшеніе“ на безпошлинный привозъ нужнаго имъ заграничнаго товара. А въ чемъ у насъ критерій для раздѣнки какія изъ подобныхъ домогательствъ должны, и какія не должны подлежать удовлетворенію? Большая половина всего привезеннаго въ 1875 году въ Россію желѣза (помимо рельсоваго) была пропущена безпошлинно; меньшая половина доставила казнѣ 1.396.385 рублей дохода. Значитъ ли это что заслуживающими поощренія предпріятіями занимаются только тѣ выписывающіе желѣзо заводчики ради которыхъ казна отказалась отъ полученія 1.422.757 руб. дохода?

Весьма естественно что при этомъ дѣленіи на агнцевъ и козлищъ никто не хочетъ оставаться ошую, и каждый старается обѣлить себя отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ. Наибольшій успѣхъ въ подобныхъ домогательствахъ выпадаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, на долю занимающихся желѣзнодорожными предпріятіями. Поощреніе этихъ предпріятій давно уже составляетъ одну изъ главныхъ и постоянныхъ заботъ правительства, о чемъ ежегодно свидѣтельствуютъ и государственные бюджеты, и отчеты Государственнаго Контроля. На ряду съ этимъ поощреніемъ, однако, при изданіи таможеннаго тарифа 1868 года не было найдено полезнымъ установить безпошлинный привозъ рельсовъ, а въ 1871 году, указомъ 29 марта, былъ установленъ спеціальный тарифъ съ привозимыхъ рельсовъ бессемеровской стали въ 45 коп. съ пуда. Но что представляетъ кратковременная исторія примѣненія этого указа на практикѣ? Въ 1873 г. еще болѣе трехъ четвертей всего количества привезенныхъ рельсовъ Бессемеровской стали были оплачены пошлиной; въ 1874 г. оплачено пошлиной уже менѣе половины (около 44%) всего количества; а въ 1875 уже почти никто не платилъ за нихъ пошлины, и она взыскана лишь съ двадцатой части ($5_{,15}$%) всего привезеннаго количества. Взысканіе 45-копѣечной пошлины изъ правила сдѣлалось исключеніемъ; освобожденіе отъ установленной закономъ пошлины, бывшее сперва исключеніемъ, стало почти правиломъ, не сдѣлавшись, однако, общимъ правомъ. Не говоримъ что все количество привозимыхъ рельсовъ Бессемеровской стали непремѣнно должно быть оплачиваемо; напротивъ, побудить желѣзныя дороги къ замѣнѣ простыхъ желѣзныхъ рельсовъ стальными несомнѣнно входитъ въ виды правительства; не настаиваемъ, поэтому, на томъ чтобы казна должна была получить отъ этой статьи въ 1875 г. не 157.727 р., а 3.064.623 р. дохода. Но позволительно думать что нѣсколько большее сохраненіе казеннаго интереса не отозвалось бы ни малѣйшимъ

вредомъ на ходѣ желѣзно-дорожнаго дѣла. Если безъ всякаго вреда этому дѣлу была взыскана пошлина въ 1873 почти съ полутора милліона пудовъ стальныхъ рельсовъ, а затѣмъ, въ 1874 году, почти съ двухъ съ половиною милліоновъ пудовъ, то и въ 1875 году могли подлежать оплатѣ пошлиной не 350.000 пудовъ, а нѣсколько большее количество. Желѣзнодорожныя и многія другія предпріятія слишкомъ привыкли смотрѣть на казну какъ на дойную корову, и не упускаютъ случая выпрашивать себѣ субсидіи, хотя бы въ оныхъ, по ходу ихъ дѣлъ, и не представлялось особой надобности. Разительный примѣръ тому представило въ апрѣлѣ минувшаго года одно изъ самыхъ богатыхъ между нашими желѣзно-дорожными обществами — Московско-Рязанское. Огромные получаемые имъ доходы и весьма солидные дивиденды отнюдь не удержали его отъ мысли обратиться къ правительству съ ходатайствомъ, при удовлетвореніи коего милліонъ рублей поступилъ бы въ распоряженіе Общества, по выраженію самихъ ходатаевъ, „какъ бы задаромъ.“ Позволительно допустить что подобнаго характера не чужды и нѣкоторыя изъ тѣхъ ходатайствъ, въ удовлетвореніе коихъ даются „особыя разрѣшенія“ на освобожденіе отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ.

Въ средѣ нашихъ желѣзно-заводчиковъ то и дѣло слышатся жалобы на недостаточное будто бы таможенное покровительство оказываемое имъ нынѣ дѣйствующимъ тарифомъ, и въ недавнее время, на особомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, жалобы эти формуловались весьма энергически. Едвали, однако, жалобы эти могутъ быть признаны справедливыми. Оставляя въ сторонѣ рельсы, тарифъ на привозные чугунъ, желѣзо и сталь, а тѣмъ болѣе на издѣлія изъ нихъ, долженъ быть признанъ достаточно высокимъ даже и съ протекціонистской точки зрѣнія. Если же онъ не ведетъ къ тѣмъ результатамъ для нашей промышленности которыхъ домогаются желѣзнозаводчики, то виною тутъ не тарифъ, а установившаяся система отступленій отъ тарифа, благодаря коей тарифъ примѣняется лишь въ видѣ исключенія, и существующее de jure покровительство всей отечественной промышленности замѣняется на практикѣ покровительствомъ отдѣльнымъ лицамъ и предпріятіямъ. Естественно что при этомъ, кромѣ казны, остаются въ накладѣ и тѣ кто, не пользуясь спеціальнымъ покровительствомъ, должны уплачивать назначаемыя тарифомъ пошлины, и тѣ въ пользу коихъ установленъ этотъ тарифъ, на самомъ дѣлѣ большею частію отметаемый. Можно однако надѣяться что въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ Министерствомъ Финансовъ будутъ наконецъ замѣчены многія невыгоды слишкомъ широкаго примѣненія такой системы.

№ 29.

Москва, 31-го января.

Мы не можемъ не оговорить берлинскаго письма напечатаннаго во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты. Оно доставлено намъ со стороны весьма свѣдущей и передаетъ мнѣнія рѣшенія правительственныхъ сферъ Берлина по вопросу который заботитъ теперь всю Европу, особенно Россію.

Мы не можемъ не радоваться что въ Берлинѣ, какъ и у насъ, дорожатъ тѣсною дружбой между Германіей и Россіей. Эти дружественныя отношенія не могутъ не быть полезны для обѣихъ сторонъ; но желательно чтобъ обѣ стороны равно пользовались выгодами своего союза.

Не зависѣвшія отъ Россіи обстоятельства возбудили на Востокѣ многосложный вопросъ, съ которымъ тѣсно связаны высшіе интересы Россіи, стоившіе ей столько крови. Германія мало заинтересована Восточнымъ вопросомъ, но у ней есть дѣла и вопросы на Западѣ. Европа больна теперь двумя кризисами, не только Восточнымъ, но и Западнымъ.

Берлинскій корреспондентъ, свидѣтельствуя о дружелюбномъ къ Россіи отношеніи германской политики по Восточному вопросу, ничего не говоритъ о ея видахъ по другимъ вопросамъ, имѣющимъ для Германіи ближайшій интересъ. Только при общей оцѣнкѣ положеніе Европы въ настоящую минуту можно рѣшить въ какой мѣрѣ полезна для насъ, какъ и для Германіи, та или другая комбинація, въ которой обѣ державы могли бы взаимно поддерживать себя или обезпечивать свои интересы.

Въ Германіи признаютъ что теперешній кризисъ на Востокѣ требуетъ вооруженнаго вмѣшательства Европы, а такъ

какъ не всей же Европѣ обнажать мечъ противъ Турціи, то честь дѣйствія предоставляется Россіи, съ тѣмъ, однако, чтобъ она вошла въ соглашеніе съ Австріей. Все ими между собою условленное и порѣшенное будетъ де одобрено и Германіей.

На этой точкѣ зрѣнія, какъ всѣмъ извѣстно, германская политика стояла давно, съ самаго начала восточныхъ замѣшательствъ. Въ чемъ же заключается перемѣна въ виду теперешняго положенія кризиса, который требуетъ *именно теперь* преобразовательнаго вмѣшательства въ турецкія дѣла? Въ томъ что „Германія будетъ стоять на стражѣ въ тылу и во флангѣ обоихъ воюющихъ союзниковъ."

Признаемся, здѣсь многое остается для насъ неяснымъ. Вопервыхъ, мы очень сомнѣваемся чтобы возможно было доброе и полезное соглашеніе на Востокѣ между Россіей и Австро-Венгріей. Въ самомъ дѣлѣ, соглашеніе съ Венгріей по Восточному вопросу! Наконецъ, въ этой самой Австро-Венгріи борются враждующіе между собою элементы. Австрія сама не можетъ рѣшить чего она хочетъ; она еще не знаетъ и того чѣмъ ей быть. Дипломатическій опытъ цѣлаго года показалъ достаточно ясно что соглашеніе съ Австріей годится только для политики бездѣйствія.

Затѣмъ не понятно, отъ кого Германіи пришлось бы охранять „тылъ и флангъ" Австріи и Россіи при совокупномъ дѣйствіи ихъ на Востокѣ? Кто могъ бы имъ быть опасенъ при полномъ одобреніи ихъ союза Германіей? Буквальное пониманіе даетъ *nonsense*. Остается понимать это такъ что, предоставляя Россіи дѣйствовать на Востокѣ въ союзѣ съ Австріей, Германія получаетъ такимъ образомъ полную свободу дѣйствій на Западѣ. Итакъ, Россія можетъ дѣйствовать только въ тѣхъ предѣлахъ какіе допуститъ Австрія, — а какъ Австро-Венгрія относится къ христіанскимъ населеніямъ Востока, это мы уже достаточно знаемъ, — между тѣмъ какъ Германія не будетъ въ своихъ дѣйствіяхъ ни чѣмъ связана. Россія связанная съ Австріей не далеко уйдетъ на Востокѣ; а Австрія связанная съ Россіей не будетъ помѣхой для Германіи на западѣ. Безспорно, это очень удобная для Германіи комбинація; но будетъ ли она сопровождаться соотвѣтствующими результатами для Россіи?

Соглашеніе съ Австро-Венгріей! Но почему же не соглашеніе съ Англіей! Это было бы прямѣе и проще. Австро-Венгерское правительство неоднократно объявляло о полной тождественности своихъ видовъ и интересовъ въ Европейской Турціи съ таковыми же видами и интересами Англіи. Если это такъ, и если намъ уже суждено считаться съ австро-венгерскою политикой и входить въ ея виды, то не лучше ли въ самомъ дѣлѣ прямо обратиться къ Англіи?

Давно уже была рѣчь о Босніи (надѣемся не обо всей) чтобы присоединить ее къ Австріи, причемъ конечно долженъ былъ возникнуть вопросъ о компенсаціи для Россіи. Положимъ что компенсація была бы равносильная; но едва ли подобнымъ соглашеніемъ исчерпывается вопросъ. Остается устройство Болгаріи. Какія же имѣются ручательства чтобы по этому предмету оказалась сговорчивою Австрія, которая рѣшительно и безусловно противилась всякому расширенію автономіи въ турецкихъ провинціяхъ? Въ этомъ отношеніи Австро-Венгрія была неуступчивѣе даже Англіи, которая, чтобы привлечь Австрію на конференцію, принуждена была дать ей ручательство что не будетъ и рѣчи о созданіи новыхъ автономическихъ центровъ. А возможно ли устранить вопросъ о Болгаріи послѣ всего что тамъ совершилось?

Нѣтъ, очень сомнительно чтобы при господствующемъ нынѣ направленіи австрійской или, вѣрнѣе, австро-венгерской, политики, возможно было дружное съ нею дѣйствіе наше на Востокѣ.

№ 30.

Москва, 1-го февраля.

Соглашеніе съ Германіей, — вотъ естественная комбинація которая теперь представляется для нашей политики. Дай Богъ чтобы, соотвѣтствуя исторической дружбѣ обѣихъ державъ, запечатлѣнной недавними событіями, она установилась опредѣленно и ясно въ виду нынѣшнихъ затрудненій. Мы ничего не имѣли бы и противъ союзнаго дѣйствія съ Австріей на Востокѣ. Это облегчило бы ближайшую задачу и быстро разрѣшило бы ее. Но какая возможность для Россіи дѣйствовать совокупно съ Австро-Венгріей

на Востокѣ, при томъ направленіи какому слѣдовала до сихъ поръ ея политика? Тѣ интересы которые мы тамъ отстаиваемъ встрѣчали въ ней до сихъ поръ ожесточенную вражду, въ которой она соперничала съ Англіей. Надобно чтобы строй Австріи переладился, надобно чтобы другіе люди вступили въ управленіе ея дѣлами; надобно чтобы тотъ основный и самый многочисленный элементъ ея населеній который долженъ составлять ея силу, а теперь составляетъ ея слабость, чтобъ этотъ элементъ пріобрѣлъ соотвѣтственное себѣ значеніе и далъ иное направленіе ея политикѣ. Еслибы вліяніе Берлина могло подѣйствовать на нее въ этомъ смыслѣ, мы поняли бы возможность для Россіи въ ея безкорыстной, но существенной и важной для нея задачѣ дѣйствовать за одно съ Австріей на Востокѣ.

Въ Вѣнѣ, какъ доходятъ до насъ слухи, уже поговариваютъ о перемѣнѣ въ этомъ смыслѣ Австрійской политики. Даже называютъ преемниковъ графу Андраши. Не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ основательны всѣ эти толки; но нельзя не замѣтить что дѣйствительно, какъ писалъ намъ Берлинскій корреспондентъ, изъ Вѣны подулъ другой вѣтеръ.

Въ только что полученномъ нумерѣ *Times* прочли мы слѣдующую телеграмму корреспондента этой газеты изъ Вѣны, отъ 8 февраля, которую приводимъ дословно:

„Отъ лица только что вернувшагося „сюда по объѣздѣ границъ Босніи и Герцеговины, я узналъ что стѣсненія сно„шеній между инсургентами этихъ про„винцій и ихъ друзьями въ Австріи до „такой степени ослаблены что инсургенты „не терпятъ большихъ затрудненій въ „полученіи припасовъ съ австрійской тер„риторіи. Большія количества фуража, „продовольствія и военныхъ запасовъ со„браны вдоль границъ австрійскими вла„стями, и сосредоточеніе австрійскихъ „войскъ на этой линіи далеко превосхо„дитъ что-либо подобное видѣнное прежде „жителями. Телеграммы относящіяся къ „этому движенію войскъ и адресуемыя „въ какія-либо австрійскія или иностран„ныя газеты задерживаются на телеграф„ныхъ станціяхъ въ упомянутыхъ окру„гахъ. Вышеприведенное сообщеніе под„тверждается свѣдѣніями полученными изъ „турецкихъ источниковъ. Здѣсь полагаютъ „во многихъ сферахъ что Россія и Австрія „пришли къ соглашенію для занятія сѣвер„ныхъ провинцій Турціи.“

Порадуемся перемѣнѣ если она оправдается на дѣлѣ, и если Австрія дѣйствительно съ такими же широкими и безкорыстными видами какъ Россія выступитъ для союзнаго съ нею дѣйствія. При соглашеніи и дружномъ дѣйствіи обѣихъ державъ дѣло быстро уладилось бы, и дѣло было бы совершено по истинѣ великое, которое самимъ этимъ державамъ принесло бы несомнѣнную пользу, хотя бы ихъ побѣды и не сопровождались матеріальными пріобрѣтеніями. Оно возвысило бы ихъ значеніе, подняло бы ихъ духъ, вызвало бы въ нихъ новыя силы, оплодотворило бы и укрѣпило бы ихъ внутренній составъ и послужило бы залогомъ прочной дружбы между ними.

Замѣтимъ еще слѣдующее обстоятельство: Туркофильская печать въ Германіи начинаетъ измѣнять тонъ. Грозная турецкая армія начинаетъ таять, напримѣръ на Дунаѣ до цифры 150.000, 100.000, даже на половину этого, такъ какъ остальную де силу турецкой арміи нельзя считать годною къ войнѣ: она и не одѣта, и не вооружена. Напротивъ, русская южная армія, „лишенная всего необходимаго, подверженная эпидеміямъ и крамольная,“ вдругъ возстаетъ какъ фениксъ. Даже такой турецкій органъ, усерднѣе и вліятельнѣе котораго нельзя было и пожелать Мидхатъ-пашѣ, аугсбургская *Всеобщая Газета* начинаетъ сдаваться. Вотъ что читаемъ, наконецъ, у ея букурештскаго корреспондента: „Россія пока еще не желаетъ нападать на Турцію, потому что ея „сосредоточенная въ Бессарабіи армія „слишкомъ слаба; она слаба, впрочемъ, „не для того чтобы сразиться съ Турціей, „для этого она достаточна сильна. Это „только газетамъ нравилось въ послѣднее „время презирать силы собранной вокругъ „Кишинева арміи и превозносить турецкую, которая лишь съ нуждой справилась съ сербскою милиціей. Со времени „сербско-турецкой войны турецкія военныя „силы были значительно увеличены. Повѣримъ на минуту этимъ 600.000 человѣкъ о которыхъ говорятъ отчеты Порты; „но эти предполагаемые 600.000 человѣкъ „еще далеко не составляютъ арміи которая соотвѣтствовала бы требованіямъ но-

„ваго времени. Гдѣ ея генералы, гдѣ офи„церы? Гдѣ дисциплина? Гдѣ тактическая „связь? Гдѣ тактическія познанія? Гдѣ „оружіе новѣйшей конструкціи для всѣхъ „этихъ солдатъ? Откуда возьмется умѣнье „владѣть этимъ оружіемъ? Гдѣ продоволь„ственныя средства для такой арміи? Гдѣ „инженерныя войска и матеріалъ необхо„димый для нихъ? Гдѣ санитарные отряды?.. „По моему твердому убѣжденію достаточ„но было бы одного германскаго корпуса „чтобы погнать предъ собою всѣ эти пол„чища турецкихъ баши-бузуковъ, Черке„совъ, вооруженныхъ софтъ, муллъ и дер„вишей. Если Русскіе съ ихъ сосредото„ченными вокругъ Кишинева войсками не „нападаютъ на Турокъ, то причина этому „не мѣры военныя Порты, а сомнитель„ный образъ дѣйствій Турціи...“

Умныя рѣчи пріятно и слушать, тѣмъ болѣе что мы наслушались съ этой стороны столько глупыхъ рѣчей. Но какъ странно читать это въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ!* И какъ вдругъ перемѣнился ея тонъ! Это тоже должно быть дѣйствіе изъ Берлина...

№ 31.

Москва, 3-го февраля.

Мы получили наконецъ лондонскія газеты съ текстомъ всѣхъ рѣчей сказанныхъ въ открывшемся Парламентѣ. Какъ видно изъ тронной рѣчи и преній объ адресѣ вниманіе въ Англіи теперь исключительно поглощено восточными дѣлами. Все остальное, и въ томъ числѣ всѣ вопросы внутренней политики рѣшительно отодвинуты на второй планъ.

Благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, противъ обыкновенія, интересъ преній въ первый день сессіи главнымъ образомъ былъ сосредоточенъ не въ Нижней, а въ Верхней Палатѣ. Это зависѣло не отъ того только что премьеръ перешелъ въ Верхнюю Палату, но главнымъ образомъ отъ того что здѣсь, вмѣстѣ съ нимъ, находятся въ настоящую минуту лучшія силы правительства. Кромѣ премьера, между перами засѣдаютъ только что вернувшійся съ конференціи лордъ Салсбери и первый секретарь иностранныхъ дѣлъ лордъ Дарби. Въ Палатѣ Общинъ правительство не имѣетъ человѣка который могъ бы замѣнить эти три сильныя личности, и тамъ глашатаемъ правительства въ первый разъ выступаетъ канцлеръ казначейства, сэръ-Стаффордъ-Норткотъ, человѣкъ способный въ своемъ департаментѣ, но не имѣвшій еще случая показать себя въ качествѣ государственнаго человѣка призваннаго направлять политику могущественной націи. Правда, за то оппозиція сильнѣе личностями въ Нижней Палатѣ, но и ея положеніе тамъ невыгодно, такъ какъ главнѣйшій изъ ея представителей, г. Гладстонъ, отказался отъ предводительства своею партіей, и потому за нимъ остается только личное вліяніе. Къ тому же, при открытіи сессіи, всѣ естественно съ любопытствомъ ожидаютъ не столько заявленій оппозиціи сколько того что скажетъ правительство. Въ этомъ отношеніи, пренія объ адресѣ, для разъясненія прежнихъ дѣйствій англійской политики, поскольку они могутъ дать указанія на ея намѣренія, были не лишены интереса.

Появленіе лорда Салсбери лишь отрицательно удовлетворило общее любопытство. Если благородный лордъ вовсе промолчалъ по причинѣ утомленія отъ продолжительнаго путешествія, то онъ не болѣе разочаровалъ бы желавшихъ услышать что онъ скажетъ чѣмъ не многими произнесенными имъ словами. Оказывается что его участіе въ христіанскихъ населеніяхъ Турціи не далеко ушло отъ взглядовъ самого лорда Биконсфильда. Подобно премьеру, онъ утверждаетъ что заступничество за христіанъ *оскорбитъ мусульманское населеніе*, и только поведетъ къ возобновленію рѣзни. Какая злая насмѣшка! Развѣ болгарская рѣзня прошлаго года была результатомъ принужденія къ чему-либо Турокъ? Не то ли же бывало и въ Критѣ, въ Сиріи въ 1860 году, въ Самосѣ и Морећ во время Греческой войны за независимость, и кому неизвѣстно что и въ 1860 году, и въ двадцатыхъ годахъ рѣзня христіанъ была, напротивъ того, прекращена вмѣшательствомъ и принужденіемъ?

Уже это одно достаточно показываетъ, можно ли вѣрить какому бы то ни было участію Англіи въ положеніи турецкихъ христіанъ. Но всего болѣе убѣждаетъ въ лицемѣріи англійской политики рѣчь лорда Дарби, которому естественно выпала обязанность дать требуемое объясненіе. Не написалъ ли въ сентябрѣ лордъ Дарби энергическую депешу которою требовалъ

наказанія виновниковъ болгарскихъ избіеній и изложенную въ такихъ выраженіяхъ съ какими обыкновенно никто не обращается къ правительству дружественной и независимой державы? Не онъ ли предложилъ посредничество Англіи для заключенія мира между Портой и княжествами? Не по его ли иниціативѣ, наконецъ, собралась и конференція, для которой самая программа была изготовлена британскимъ министромъ, который требовалъ въ ней какъ дарованія административной автономіи возмущеннымъ провинціямъ, такъ и гарантій исполненія требуемыхъ реформъ? Порта во всемъ отказала: значитъ, полная неудача? Нѣтъ, лордъ Дарби смотритъ на результатъ конференціи иначе. Онъ очень доволенъ этимъ результатомъ; онъ объявляетъ что планъ предложенный на конференціи былъ только средствомъ къ цѣли. Вопервыхъ, конференція, „выиграла время.“ „Настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи, говоритъ графъ Дарби, теперь уже не то какое было назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда намъ говорили о всеобщемъ тамъ возбужденіи энтузіазма къ крестовому походу. Теперь наступила реакція и говорятъ что между вліятельными лицами въ Россіи обнаруживается большая наклонность къ спокойной и хладнокровной оцѣнкѣ риска войны.“ Но это еще, по словамъ лорда Дарби, не есть самая важная часть сдѣланнаго конференціей. „Она дала намъ возможность узнать, яснѣе чѣмъ знали мы прежде, чего Россія требуетъ, или, другими словами, чѣмъ она готова будетъ удовольствоваться. Мы знаемъ, съ другой стороны, чѣмъ Порта готова поступиться. *Благодаря главнымъ образомъ энергіи и рѣшительности моего благороднаго друга* (лорда Салсбери), первоначальная русская программа была урѣзана въ существенныхъ пунктахъ. Вопросъ теперь между тѣмъ что можетъ быть мирно получено отъ Порты и тѣмъ что безуспѣшно требовалось отъ Порты, и Европѣ придется обсудить на столько ли широка разница между тѣмъ и другимъ чтобы давать какой-либо основательный поводъ къ войнѣ.“ Кончилась сербская война которая въ сущности была де русскою войной; „русскіе волонтеры возвратились домой не въ самомъ дружескомъ расположеніи къ своимъ сербскимъ союзникамъ (*смѣхъ*); Сербы отнюдь не расположены звать ихъ назадъ... Россія есть только одна изъ шести державъ участвовавшихъ въ конференціи, и Русскій Императоръ можетъ сказать своимъ подданнымъ что Онъ не видитъ причины почему Онъ одинъ долженъ досадовать на обиду одинаково понесенную всею Европой.“

Такъ вотъ зачѣмъ созывалась конференція, вотъ зачѣмъ ѣздилъ въ Константинополь лордъ Салсбери. Урѣзывать русскую программу! Но вѣдь это была англійская программа, принятая всѣми державами предъ конференціей. Ее-то урѣзывать былъ посланъ лордъ Салсбери. Но что же было получено мирными совѣщаніями отъ Порты? Она все отвергла, даже въ урѣзанной формѣ. Удовольствоваться ли турецкою конституціей? Остатокъ приличія не дозволяетъ англійскимъ министрамъ убѣждать другихъ повѣрить въ нее. Они и сами говорятъ что не даютъ ей большаго значенія. Но они находятъ что по крайней мѣрѣ слѣдуетъ дать вѣру добрымъ намѣреніямъ Порты, что она взяла на себя большую отвѣтственность, и можно де надѣяться что министры султана увидятъ что имъ лучше всего исполнить самостоятельно сущность предложеній конференціи.

Между правительствомъ и оппозиціей разницы мало. Мы не говоримъ о пылкой рѣчи герцога Аргайля, возмущеннаго безсердечностью лорда Дарби, и о глубоко искреннихъ замѣчаніяхъ г. Гладстона; но рѣчи офиціальныхъ вождей оппозиціи, лордовъ Гранвиля и Гартингтона не далеко ушли отъ воззрѣній министерства. Они повидимому болѣе всего опасаются что Турки не сумѣютъ ловко исполнить программу новой офиціальной лжи и что другія державы не захотятъ удовольствоваться комедіей: а потому они опять побуждаютъ правительство не отставать отъ другихъ державъ, особенно отъ Россіи, и сообща докучать Портѣ. Другими словами, они очень боятся чтобы Порта опять не осталась наединѣ съ Россіей или хотя бы съ Россіей и Австріей. Повидимому, и правительство, какъ видно изъ рѣчи сэръ-Стаффорда Норткота, не хочетъ оставлять для себя совсѣмъ закрытою дверь для новаго „совокупнаго дѣйствія,“ то-есть вѣрнѣе сказать для совокупнаго бездѣйствія.

№ 32.

Москва, 7-го февраля.

Накопившійся во время праздничнаго перерыва газетный матеріалъ, приводимый нами ниже, подаетъ поводъ ко многимъ интереснымъ сближеніямъ и заключаетъ въ себѣ не мало разъясненій, проливающихъ новый и болѣе яркій свѣтъ на недавнюю фазу Восточнаго вопроса. Циркулярная нота Порты, отъ 25 января, подписанная Савфетъ-пашей, есть несомнѣнно лебединая пѣснь провалившагося съ такимъ трескомъ великаго визиря Мидхатъ-паши. Наглый тонъ этого документа насъ не удивляетъ. Какимъ образомъ дѣла сложились такъ что Турки могли заговорить подобнымъ языкомъ, надъ уразумѣніемъ этого вопроса не придется ломать голову будущему историку. Да и мы, современники, можемъ легко понять это явленіе на основаніи того что до сихъ поръ извѣстно о пресловутой конференціи. А что еще не доставало для полноты картины, то дополняется массой дипломатическихъ документовъ обнародованныхъ на дняхъ англійскимъ правительствомъ въ такъ-называемой *Синей Книгѣ*. Мы сегодня сообщаемъ извлеченіе сдѣланное на скорую руку корреспондентомъ одной иностранной газеты изъ этого объемистаго сборника въ тысячу слишкомъ страницъ. Когда стало извѣстно что въ *Синей Книгѣ* обнародованы, между прочимъ, донесенія маркиза Салсбери объ его переговорахъ съ европейскими кабинетами, всѣ съ понятнымъ любопытствомъ накинулись именно на этотъ отдѣлъ офиціальнаго сборника, надѣясь въ немъ найти если не разгадку, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе вѣрную точку опоры для разгадки той дипломатической игры которую затѣяла Англія своимъ предложеніемъ о конференціи и на которую отряжено было столь довѣренное лицо какъ маркизъ Салсбери, „душа торійскаго кабинета," какъ его величали. А такъ какъ публика менѣе всего имѣла случай познакомиться съ документальнымъ изложеніемъ взглядовъ Германскаго правительства, то любопытнѣе всего было прочесть что маркизъ Салсбери доносилъ изъ Берлина. Но въ *Синей Книгѣ* нашлось лишь донесеніе объ аудіенціи маркиза Салсбери у императора Вильгельма. Донесеніе это не лишено интереса. Самая краткость этого документа придаетъ ему значеніе, особенно если сопоставить его съ донесеніемъ объ аудіенціи у императора Франца-Іосифа. Императору Австрійскому англійскій уполномоченный прежде всего высказалъ надежду правительства ея Британскаго величества на то что „Австрія и Англія будутъ дѣйствовать заодно на Константинопольской конференціи, и императоръ Австрійскій изволилъ вполнѣ раздѣлить эту надежду и при этомъ выразить что интересы обѣихъ странъ въ настоящую фазу Восточнаго вопроса тождественны." Въ разговорѣ съ императоромъ Германскимъ англійскаго уполномоченнаго ни о какой тождественности интересовъ обѣихъ странъ ни съ той ни съ другой стороны не было рѣчи, никакой надежды на совокупное дѣйствіе съ Англіей маркизъ Салсбери въ Берлинѣ не выражалъ. Сверхъ того, уполномоченному Великобританіи пришлось выслушать изъ устъ императора Германіи убѣжденіе въ необходимости добиться со стороны Турціи надежныхъ гарантій въ дѣйствительномъ улучшеніи быта христіанъ въ Турціи и о невозможности положиться на турецкія голословныя обѣщанія.

Но помимо указаннаго контраста во мнѣніяхъ высказанныхъ уполномоченному Англіи двумя императорами одинаково принадлежащими къ тройному союзу, еще любопытнѣе слѣдующее: кромѣ донесенія объ аудіенціи у императора Австрійскаго, въ *Синей Книгѣ* обнародовано также донесеніе о продолжительныхъ разговорахъ которые имѣлъ маркизъ Салсбери съ графомъ Андраши 25 и 26 ноября. Это донесеніе значительно дополняетъ краткій разговоръ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ томъ видѣ какъ онъ изложенъ маркизомъ Салсбери. Естественно было ожидать что берлинское донесеніе объ аудіенціи у императора Вильгельма найдетъ значительное дополненіе въ изложеніи разговора съ княземъ Бисмаркомъ. Но ожиданія не сбылись: никакого донесенія о свиданіи англійскаго уполномоченнаго съ княземъ Бисмаркомъ не имѣется. Ближайшее ознакомленіе съ *Синей Книгой* указало и на другой знаменательный пробѣлъ: въ ней нѣтъ донесенія и о тѣхъ переговорахъ которые велъ маркизъ Салсбери въ Парижѣ. Сопоставленіе двухъ пробѣловъ еще возвысило интересъ этихъ краснорѣчивыхъ умолчаній. И вотъ, въ за-

сѣданіи 13 февраля Британской Палаты Лордовъ, графъ Гранвиль, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гладстона, обратился по этому поводу съ запросомъ къ графу Дарби. Графъ Дарби отвѣчалъ что депеши маркиза Салсбери объ его переговорахъ съ княземъ Бисмаркомъ и съ герцогомъ Деказомъ потому не опубликованы въ *Синей Книгѣ* что переговоры эти имѣли „конфиденціальный характеръ.“ Это объясненіе повидимому удовлетворило графа Гранвиля. Онъ понялъ въ чемъ дѣло. Корреспондентъ изъ Берлина, черпающій свои свѣдѣнія изъ надежныхъ источниковъ, объясняетъ намъ что „конфиденціальные“ переговоры англійскаго уполномоченнаго въ Берлинѣ и Парижѣ, о коихъ сочтено нужнымъ умолчать, могли касаться лишь отношеній между Германіей и Франціей, столь натянутыхъ, что вопросъ о разрывѣ между этими державами сталъ на очередь въ ту минуту когда казалось весь политическій интересъ Европы былъ сосредоточенъ исключительно на восточныхъ дѣлахъ. По словамъ берлинскаго корреспондента, указанное обстоятельство лишь подтвердило предположенія господствующія въ берлинскихъ военныхъ сферахъ, что объединенной германской арміи предстоитъ еще въ этомъ году „военный танецъ“ съ Франціей, и что мобилизація этой арміи въ наступающую весну есть дѣло весьма вѣроятное.

Мы давно уже указывали на то что Восточный вопросъ, такъ внезапно возникшій, тѣсно связанъ съ вопросомъ Западнымъ, на что неоднократно доводилось намъ указывать.

Но какъ Австрія относится къ Восточному вопросу и какъ надеженъ союзъ съ нею, объ этомъ свидѣтельствуетъ депеша маркиза Салсбери о переговорахъ которые онъ велъ съ графомъ Андраши въ Вѣнѣ. Какъ ни темно и загадочно еще до сихъ поръ многое въ миссіи маркиза Салсбери къ европейскимъ дворамъ, несомнѣнно одно: миссія эта была шахматнымъ ходомъ Англіи противъ Россіи въ ту минуту когда мы готовились ступить рѣшительнымъ шагомъ и положить конецъ нестерпимой тратѣ напрасныхъ словъ. Маркизъ Салсбери вездѣ заявлялъ что занятіе Болгаріи русскими войсками станетъ сигналомъ къ войнѣ „коей размѣры нельзя предвидѣть.“ И вотъ графъ Андраши, какъ представитель державы провозглашающей себя и провозглашаемой при каждомъ случаѣ союзницей Россіи, совершенно соглашается съ Англіей, поддерживаетъ ее во всѣхъ ея предположеніяхъ враждебныхъ Россіи, а по вопросу о занятіи Болгаріи выражаетъ маркизу Салсбери надежду „что Англія этого не допуститъ.“ А нужно замѣтить что представитель Англіи отнюдь не заботился о пресловутомъ принципѣ неприкосновенности Турціи. Агитація маркиза Салсбери была направлена только противъ Россіи, и война о которой онъ говорилъ могла означать лишь войну Англіи противъ Россіи на случай еслибы русскія войска ступили на турецкую территорію. Это доказывается тѣмъ что недѣли двѣ спустя послѣ разговора съ графомъ Андраши, тотъ же маркизъ Салсбери предложилъ въ Константинополѣ военное занятіе турецкихъ провинцій англійскими войсками. Объ этомъ мы также узнаемъ изъ *Синей Книги*. Упомянулъ ли англійскій уполномоченный объ этомъ планѣ въ разговорѣ съ графомъ Андраши, изъ его донесенія не видно. Но несомнѣнно то что его усилія воспрепятствовать Россіи въ томъ что̀ ему казалось вполнѣ дозволеннымъ для Англіи были внушены ничѣмъ инымъ какъ тѣмъ непримиримымъ антагонизмомъ относительно Россіи, который издавна характеризуетъ англійскую политику на Востокѣ. И этотъ непримиримый, до ослѣпленія доходящій антагонизмъ находитъ себѣ полнѣйшее сочувствіе въ добромъ *союзникѣ* съ которымъ Россіи предлагается дѣйствовать союзно на Востокѣ...

№ 33.

Москва, 8-го февраля.

Зловѣщее затишье въ Европѣ. Дипломатія, послѣ столькихъ безплодныхъ и немощныхъ усилій, какъ будто поражена параличомъ. Если и продолжаются переговоры между кабинетами, то объ этомъ газеты, занятыя пересудами и пререканіями о прошедшемъ не сообщаютъ и смутныхъ слуховъ. Турки взяли подъ строгую цензуру свой константинопольскій телеграфъ.

Общественное вниманіе, однако, поглощено все однимъ и тѣмъ же предметомъ. Понимаютъ важность кризиса. Понимаютъ и необходимость предпринять что-нибудь.

Какими же интересами заняты теперь политическіе умы? Что дипломатическія попытки будутъ возобновлены, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Вопервыхъ, требуется отвѣтъ на циркуляръ Русскаго правительства по поводу отрицательнаго результата конференціи; а вовторыхъ, что еще важнѣе, остается весьма короткій срокъ до истеченія перемирія. Уже ходятъ толки что оно будетъ еще продолжено недѣли на двѣ, но еслибы въ это время и удалось устроить заключеніе мира между Портой и княжествами, нельзя забывать что перемиріе касалось не однихъ княжествъ, но было распространено и на инсургентовъ Герцеговины и Босніи. Должны ли они, по заключеніи мира съ княжествами, быть оставлены на произволъ Порты? И многострадальная Болгарія, которой Европа предполагала дать такое же устройство какъ Босніи и Герцеговинѣ, должна ли быть вовсе забыта? Вотъ, казалось бы, вопросы которые должны всѣхъ занимать въ настоящую минуту. Но помышленія и заботы публицистовъ направлены совсѣмъ не къ тому. Болѣе чѣмъ когда-либо читаемъ мы въ газетахъ, преимущественно въ англійскихъ, толки о поддержаніи общаго мира. Газета *Times* съ ироническою досадой замѣчаетъ: неужели дипломатія сказала свое послѣднее слово? Нѣтъ, у дипломатіи имѣется въ запасѣ еще много словъ, и они конечно будутъ пущены въ ходъ. Дипломатія теперь заботится, повидимому, о томъ какъ бы доставить Россіи способъ „почетнаго отступленія.“ Утверждаютъ будто въ этомъ смыслѣ и послѣдуетъ отвѣтъ отъ державъ на русскій циркуляръ. Ходяхъ даже слухи о предположеніи собрать новую конференцію въ одной изъ европейскихъ столицъ чтобъ убѣдить Россію въ опасности общеевропейскаго пожара къ которому можетъ привести война между ею и Турціей; а если конференція такого рода окажется неудобною, то считается вѣроятнымъ что подобное дѣйствіе могла бы имѣть коллективная нота въ такомъ же смыслѣ отъ всѣхъ другихъ державъ подписавшихъ Парижскій трактатъ. Словомъ, такъ или иначе, предстоящая задача европейской, и главнымъ образомъ англійской дипломатіи, полагается въ томъ чтобы построить приличный мостъ отступленія для Россіи и придумать софизмы чтобы дать ей мнимое удовлетвореніе которымъ она могла бы удовольствоваться, за отсутствіемъ всякихъ существенныхъ обезпеченій въ исполненіи тѣхъ требованій, справедливость коихъ только что была признана всею Европой.

Не знаемъ насколько справедливы подобныя предположенія о предстоящей новой дѣятельности дипломатіи, но они отлично характеризуютъ ея скрытыя цѣли. Коллективная Европа, какъ фикція, какъ отвлеченность, готова великодушно принять на себя весь позоръ неудачи, лишь бы только все осталось по старому въ Турціи, уцѣлѣли бы въ ней порядки столь дорогіе для нѣкоторыхъ цивилизованныхъ интересовъ (да будутъ они прокляты!), и чтобы ничего не было сдѣлано для христіанъ на Востокѣ.

Мы позволимъ себѣ однако усомниться въ самой возможности подобной почвы для новыхъ переговоровъ между державами. Такъ ставить вопросъ нельзя уже потому что не было и нѣтъ никакого вопроса между Россіей и Европой. Вопросъ стоитъ между Турціей и Европой. Два года тому назадъ еще могла быть рѣчь о томъ вѣренъ или ошибоченъ взглядъ Россіи, хотя и тогда, при правильномъ взглядѣ на вещи, сомнѣніе было невозможно. Теперь же это поставлено внѣ всякаго спора. Основательность русскихъ представленій о необходимости оградить надежными обезпеченіями участь христіанскихъ населеній Турціи подтверждена ужасными фактами и была наконецъ торжественно признана всею Европой, самимъ кабинетомъ Биконсфильда, который озаботился даже созваніемъ конференціи чтобы потребовать отъ Турціи не только реформъ для христіанъ, но и матеріальныхъ гарантій ихъ исполненія. Россія съ самаго начала не искала исключительнаго положенія, и чтобъ устранить всякую мысль о какихъ-либо постороннихъ цѣляхъ изъявляла полную готовность дѣйствовать съ другими и сама приглашала всю Европу къ совокупному дѣйствію.

Въ дипломатіи обычны разныя условныя фразы означающія совсѣмъ не то что ими непосредственно выражается. Подъ благовидными толками о европейскомъ мирѣ, уже два года дипломатія хлопотала только о томъ чтобы замять и заглушить вопросъ объ освобожденіи христіанъ въ Турціи; эти миротворныя заботы отозвались потоками крови, и вотъ теперь, подъ тѣмъ же фальшивымъ предлогомъ, предполагается какъ-нибудь задоб-

рить словами Россію чтобъ она не настаивала на своихъ требованіяхъ и бросила дѣло признанное всѣми за правое. Въ этой чудовищной лжи вся забота въ томъ чтобы христіанскія населенія Востока не могли выйдти изъ своего порабощенія которое требуется нѣкоторыми *цивилизованными* интересами...

№ 34.

Москва, 9-го февраля.

Остается всего недѣля до 1 марта новаго стиля, а съ тѣмъ вмѣстѣ и до окончанія перемирія. Послѣ того какъ разошлась конференція и послы оставили Константинополь, первымъ дѣломъ Порты было завязать мирные переговоры непосредственно съ самими княжествами. Спросивъ черезъ своего посла въ Вѣнѣ какъ будетъ принята державами прямая сдѣлка между воюющими, Порта затѣмъ отправила прямо въ Бѣлградъ приглашеніе приступить къ переговорамъ, а затѣмъ и своего посланца, Пертевъ-эфенди, для предварительнаго соглашенія. Здѣсь, при содѣйствіи англійскаго генеральнаго консула, дѣло подвинулось довольно скоро, и нынѣ сербскіе уполномоченные, Христичъ и Матичъ, приступили уже къ окончательнымъ переговорамъ съ Портой въ Константинополѣ. Нѣтъ сомнѣнія что миръ нуженъ для обѣихъ сторонъ какъ для Сербскаго княжества измученнаго и обезсиленнаго войною, такъ и для Турціи, которая предвидя возможность расправы съ Россіей, ищетъ всѣми силами избѣгнуть раздробленія своихъ и безъ того не грозныхъ силъ. По свидѣтельству константинопольскаго корреспондента *Daily Telegraph*, имѣвшаго случай въ самое недавнее время бесѣдовать съ новымъ великимъ визиремъ, послѣдній считаетъ дѣло до того близкимъ къ концу что объявилъ за вѣрное корреспонденту что миръ можетъ быть заключенъ въ *три дня* послѣ того какъ сербскіе уполномоченные прибудутъ въ Стамбулъ. Это свидѣтельствуетъ о податливости Порты, но вмѣстѣ и подтверждаетъ что на конференціи все дѣло для ней состояло въ *дипломатической игрѣ*, а не въ серіозномъ соглашеніи. Изъ опубликованныхъ нынѣ протоколовъ конференціи видно что тотъ же Эдхемъ-паша, который съ такою легкостью толкуетъ теперь о мирѣ, предъявлялъ тогда всевозможныя возраженія, и разными придирками къ словамъ заставлялъ конференцію толочь воду въ ступѣ.

Намѣренія державъ, при предложеніи мирныхъ условій на конференціи, истекали главнымъ образомъ изъ мысли *обезпечить* миръ отнявъ поводы къ ссорамъ между сторонами, сохраняя при томъ status quo ante bellum. Такимъ постояннымъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между Сербіей и Турціей былъ вопросъ объ островахъ на Дринѣ и о крѣпости Малый Зворникъ, которую Турки неправильно удерживали за собой вопреки постановленіямъ Адріанопольскаго трактата, хотя въ этой крѣпостцѣ, при настоящихъ успѣхахъ артиллеріи, имъ нѣтъ никакой нужды въ военномъ отношеніи, въ политическомъ же она болѣе вредна имъ какъ предметъ справедливыхъ притязаній Сербіи. Уступкою Зворника уничтожился бы поводъ къ недоразумѣніямъ, и Турція чрезъ это получала бы тѣ гарантіи, о которыхъ она такъ много хлопотала. Но противъ этого-то пункта и были устремлены всѣ возраженія Турокъ, которые подъ видомъ гарантій требовали чтобы Порта имѣла представителя въ Бѣлградѣ, чтобъ иновѣрцамъ въ Сербіи были предоставлены равныя права съ кореннымъ населеніемъ, чтобы Сербское правительство не терпѣло образованія вооруженныхъ шаекъ на Сербской территоріи, и чтобъ оно дѣятельно противилось вторженію ихъ на турецкую территорію, чтобъ не дозволяло у себя никакихъ тайныхъ обществъ, чтобы содержало крѣпости въ хорошемъ состояніи, и чтобы въ крѣпостяхъ былъ поднятъ турецкій флагъ рядомъ съ сербскимъ.

Всѣ эти условія или не значатъ ровно ничего, какъ напримѣръ, поднятіе турецкаго флага и содержаніе въ исправности крѣпостей (которыя Сербамъ и нужны только противъ Турціи), или продиктованы въ отместку за требованія державъ отъ самой Турціи (равноправность иновѣрцевъ, тайныя общества и т. п.), или, наконецъ, представляютъ не гарантію долгаго мира въ будущемъ, а носятъ въ себѣ, наоборотъ, сѣмена раздора, какъ пребываніе турецкаго представителя въ Бѣлградѣ. Со стороны Сербіи, какъ говорятъ, и данъ отвѣтъ именно въ этомъ смыслѣ. Она вывѣшиваетъ турецкій флагъ, отре-

кается отъ тайныхъ обществъ и вооруженныхъ шаекъ, оговариваясь что эти пункты подлежатъ вообще международному праву и не могутъ быть предметомъ мирныхъ условій, и отвергаетъ, какъ неумѣстное, требованіе равноправности иновѣрцамъ въ Сербіи. Сербія возражаетъ противъ допущенія оттоманскаго представителя въ Бѣлградѣ при условіяхъ отличныхъ отъ представителей другихъ державъ, указывая при томъ что Порта вовсе не заботится о подобныхъ представителяхъ въ другихъ своихъ вассальныхъ владѣніяхъ и ставитъ такимъ образомъ Сербію на какое то особенное положеніе. Впрочемъ, повидимому, Эдхемъ-паша не думаетъ настаивать на всѣхъ этихъ гарантіяхъ. Онѣ были у него на языкѣ лишь для того чтобы сохранить осанку побѣдителя.

Было обращено вниманіе на воинственный языкъ сербской газеты *Истокъ*, органа Ристича, въ то время какъ въ Бѣлградѣ уже велись переговоры о мирѣ. Сербская газета въ весьма искреннихъ выраженіяхъ оплакивала жертвы своей родины, но въ то же время энергически высказывалась за возобновленіе войны. Понимая однакожь, невозможность для Сербіи одной сломить врага стоящаго на Дюнишскихъ высотахъ, она призывала Россію, отъ которой зависитъ рѣшеніе Сербіи, и спрашивала гдѣ и когда Россія намѣрена вести войну съ Турціей? Эти выраженія газеты *Истокъ* многими были истолкованы такъ что Ристичъ непремѣнно желаетъ войны, что въ этомъ смыслѣ онъ получилъ уже намекъ изъ Россіи; другіе же оскорбились такимъ обращеніемъ къ Россіи, какъ будто де она толкала Сербію въ войну. Но что естественно если Ристичъ, вступая въ переговоры, поднималъ тонъ и хотѣлъ показать что Сербія не совсѣмъ брошена и что она можетъ ждать помощи отъ Россіи, которая уже полуобнажила свой мечъ и стоитъ у Дуная. Что оскорбительнаго въ такомъ обращеніи за русской помощью? Россія можетъ не внять ему. Она въ правѣ руководиться своими интересами, но относиться презрительно къ совершенно естественнымъ влеченіямъ къ ней полезно ли, должно ли? Неужели Россіи будетъ лучше если отвергнутая Сербія обратитъ свои взоры на Австрію? Мы и дождались этого. По крайней мѣрѣ извѣстно что Ристичъ усердно благодарилъ Австрійское правительство за пособіе при переговорахъ съ Портой о мирѣ. Въ настоящую минуту вопросъ о войнѣ и мирѣ со стороны Сербіи долженъ быть рѣшенъ народною Скупщиной, но и это не измѣняетъ дѣла. Можно искренно желать мира княжеству, но нельзя находить страннымъ, если оно прислушивается чѣмъ разразится настоящее минутное затишье въ политической атмосферѣ.

Черногорія можетъ спокойнѣе ожидать событій. Турецко-черногорскіе переговоры не подвинулись такъ какъ переговоры съ Сербіей, и здѣсь вѣроятнѣе всего потребуется продолженіе перемирія. Порта дѣлала затрудненія относительно мѣста переговоровъ. Послѣднія извѣстія изъ Константинополя, нашедшія отголосокъ или подтвержденіе въ *Agence Générale Russe*, сообщали что князь Николай согласился, наконецъ, послать уполномоченныхъ въ Константинополь. Но сомнительно чтобъ это рѣшеніе уже было предвѣстіемъ мира.

№ 35.

Москва, 10-го февраля.

Англійскія газеты принесли намъ полное изложеніе преній возбужденныхъ г. Гладстономъ въ Палатѣ Общинъ 16 февраля, а вчерашняя телеграмма передала намъ вкратцѣ содержаніе преній происходившихъ по тому же поводу въ Палатѣ Лордовъ. Предметъ преній въ обоихъ случаяхъ былъ конечно Восточный вопросъ, которымъ Англія заинтересована теперь болѣе чѣмъ какими бы то ни было внутренними дѣлами. И тѣ и другія пренія какъ нельзя характеристичнѣе подтверждаютъ все что мы говорили о макіавеллизмѣ этой политики, глубоко безнравственной, безстыдной и преисполненной лжи. О чемъ толковали эти господа въ своемъ сонмищѣ? Конечно, о великомъ, признанномъ всѣми, злѣ на Востокѣ и о средствахъ положить конецъ ему? Конечно, объ участи христіанскихъ населеній Турціи находящихся въ гнуснѣйшемъ порабощеніи благодаря цивилизованной и христіанской Европѣ, запечатлѣвшей это зло трактатами? Нѣтъ, нѣтъ! Напротивъ, рѣчь шла о нерушимости этихъ трактатовъ, о независимости и цѣлости этой Турціи, о непри-

косновенности этого ига, о святости турецкой власти надъ христіанскими народами!..

Въ Константинополѣ была конференція великихъ державъ. Какая была цѣль этой конференціи? Странный вопросъ! Она имѣла цѣлью согласиться касательно реформъ въ пользу христіанскихъ населеній Турціи, касательно гарантій исполненія этихъ реформъ; она была созвана для того чтобы предъявить Портѣ согласныя требованія всей Европы и побудить Оттоманское правительство озаботиться ихъ удовлетвореніемъ.

Нѣтъ, это ошибка. Конференцію предложила Англія. Англія лучше знаетъ цѣль этого торжественнаго созыва. Нѣтъ, Константинопольская конференція созывалась не за тѣмъ что мы, въ нашей наивности, думали.

Военный министръ Англіи, г. Гарди, объявилъ что Англійское правительство на конференціи употребляло нравственное вліяніе Англіи для достиженія двухъ цѣлей: поддержанія европейскаго мира и поддержанія независимости и цѣлости Турціи. „*Истинный* фактъ, сказалъ онъ, есть тотъ что всѣ дѣйствія конференціи имѣли эту цѣль.“

Итакъ, засѣдая въ этой конференціи, и радуясь европейскому концерту, и выбиваясь изъ силъ и всѣмъ жертвуя чтобы сохранить его, мы хлопотали, сами того не зная, объ утвержденіи независимости и цѣлости Турціи, а отнюдь не объ участи христіанъ! Вотъ занятіе которое намъ подсунули, вотъ задача которой мы работали! Рѣчь министра ея британскаго величества достигаетъ истиннаго пафоса когда онъ старается разубѣдить наивныхъ людей воображавшихъ что изъ конференціи можетъ послѣдовать что-либо иное. Вотъ его слова: „Говорю прямо: если въ „настоящее время и послѣ всего нами сказаннаго и сдѣланнаго, мы вздумали бы „обнажить мечъ противъ Турціи для по„нужденія, то мы совершили бы поступокъ „которому не было бы никакого оправда„нія, поступокъ который долженъ бы по„крыть краской стыда наши лица, потому „что мы обманули бы наши обѣщанія и „были бы вѣроломны въ нашихъ обяза„тельствахъ.“ Подивитесь этому безстыдству съ краской стыда? Но послушайте далѣе: „И въ положеніи въ которомъ мы „теперь находимся мы не только погрѣ„шили бы въ отношеніи къ трактатамъ въ „коихъ мы участники, но, по моему мнѣ„нію, погрѣшили бы даже предъ высшимъ „закономъ, потому что мы погрѣшили бы „предъ первыми основами права, мы по„грѣшили бы предъ первыми основами ре„лигіи.“

Это превосходитъ всякое вѣроятіе. „Погрѣшили бы предъ первыми основами религіи!“ Независимость и цѣлость Турціи — первыя основы религіи! Оставлять въ порабощеніи и предавать милліоны людей исповѣдающихъ Христа на растерзаніе, на поруганіе, на избіеніе, это символъ вѣры! Но какая же это религія? Она хуже турецкой. Имя ей — англійское фарисейство. Болѣе возмутительнаго, болѣе циническаго признанія въ желаніи чтобы въ Турціи все осталось по старому мы еще не слыхали официально изъ устъ англійскаго министра со времени Крымской войны. Г. Гарди превзошелъ даже своего принципала, лорда Биконсфильда, который такъ мило глумился надъ страданіями Болгаріи.

Но что же оппозиція? Возмутилась она при этихъ словахъ? Нѣтъ, она все еще не рѣшается какъ ей говорить съ министерствомъ и чего требовать. Помимо министерской рѣчи, пренія большею частію имѣли характеръ личныхъ пререканій. Послѣднее слово досталось официальному вождю оппозиціи, маркизу Гартингтону, который, въ оправданіе своей партіи, объявилъ что она потому не дѣлала прямаго вызова правительству что его нынѣшняя политика отлична отъ прошлогодней, и что оно „вняло голосу народа.“

И это можно было сказать послѣ вышеприведенныхъ словъ военнаго министра! Въ чемъ же перемѣна? Чѣмъ этотъ англійскій министръ, видящій въ незыблемости турецкихъ порядковъ основу своей религіи, лучше турецкихъ пашей? Тѣ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно стоятъ за свою религію, дающую имъ, по ихъ преданію и ученію, право держать христіанъ въ порабощеніи.

Послѣ всего этого и извѣстныхъ изъ вчерашней телеграммы подобныхъ же заявленій въ Верхней Палатѣ можно ли еще сомнѣваться въ невозможности общаго съ Англіей дѣйствія для улучшенія участи христіанъ въ Турціи, для установленія тамъ порядка сколько-нибудь согласнаго съ христіанскою совѣстью и правдой?

Оппозиція ея Британскаго величества,

выражающая, по ея увѣренію, мнѣніе страны отрекающейся отъ Турокъ, радуется тому будто она вырвала у правительства рѣшеніе не воевать съ Россіей изъза Турціи. Но оно не станетъ воевать только потому что не нашло для такой войны союзниковъ. Къ тому же оно постоянно и заявляло что его главная забота добиться дешевыми *мирными способами* чтобы въТурціи все осталось по старому. Развѣ не того же самаго ищетъ и оппозиція?

Это очевидно, и намъ нѣтъ надобности доказывать это. Предоставимъ заключительное слово Англичанину. Въ засѣданіи Британской Палаты Общинъ 16 февраля, только одна рѣчь была дѣйствительно посвящена защитѣ христіанъ Востока. Это рѣчь г. Смита, который съ одинаковою горечью изобличалъ ложь вожаковъ обѣихъ партій. „Одно ясно," говорилъ онъ, „то что обѣ партіи одушевлены желаніемъ мира во что бы ни стало. Различіе въ ихъ политикѣ касается не цѣли, „а средствъ къ достиженію этой цѣли. „Благородный лордъ во главѣ правительства полагалъ что лучшимъ средствомъ „сохранить миръ было похрабриться предъ „Россіей, между тѣмъ какъ вожди оппозиціи разочли что лучшій способъ для „той же цѣли погрозить Турціи. Нѣкоторые изъ нихъ очень пылки на бумагѣ, „но при свѣтѣ этой палаты оказываются „весьма безвредными. Въ настоящее время обѣ политики такъ похожи одна на „другую что право не отличишь въ этой „палатѣ казаковъ отъ Турокъ " Г. Смитъ имѣлъ мужество напомнить что и въ Крымскую войну Россія была столь же права въ своемъ заступничествѣ за христіанъ какъ и теперь, между тѣмъ какъ коалиція была фарисейски неправою, и послѣ горячей защиты христіанъ заключилъ: „Я „не стоялъ бы за Россію еслибъ я думалъ „что Россія не права, но когда Россія въ „правѣ, какъ это я полагаю признано Европой, заступаться за дѣло христіанъ въ „турецкихъ провинціяхъ, то она имѣетъ „право на сочувствіе и поддержку. Вопросъ этотъ никогда не можетъ стать вопросомъ территоріальнаго увеличенія. Святое дѣло за которое стоитъ Россія возноситъ ее высоко и охранитъ ее отъ заразы вульгарнаго честолюбія."

Но эти благородныя слова остались безъ отвѣта и сочувствія въ Палатѣ джентльменовъ...

№ 36.

Москва, 11-го февраля.

Мы получили вчера поздно ночью телеграмму передающую содержаніе тронной рѣчи императора Германскаго при открытіи вновь избраннаго Рейхстага. Телеграфъ выражается сжато, и языкъ его требуетъ толкованій. Вскорѣ получимъ мы полный текстъ рѣчи, но нельзя оставить и телеграфное сообщеніе безъ разъясненія. При нѣкоторомъ вниманіи, содержаніе и сила словъ сказанныхъ, при торжественномъ случаѣ, императоромъ Вильгельмомъ, раскрываются съ достаточною ясностью. Надо только ко сжатому тексту телеграфа приложить обычные пріемы толкованія, предполагающіе въ объясняемомъ текстѣ смыслъ и послѣдовательность.

Рѣчь императора Вильгельма къ представителямъ Германской націи, въ ея Имперскомъ Парламентѣ, обращена столько же къ нимъ какъ и ко всей Европѣ. Главное мѣсто въ ней дано Восточному вопросу, и Европа можетъ теперь знать какъ понимаетъ свое въ немъ участіе Германія. Вчера мы были возмущены, передавая нашимъ читателямъ какъ толкуютъ англійскіе министры цѣль Константинопольской конференціи. Оказывается однако что не мы одни обманывались полагая что конференція созывалась не для новаго утвержденія тяготѣющаго надъ турецкими христіанами ига, а дѣйствительно для улучшенія ихъ участи. Германія, какъ гласитъ рѣчь ея императора, также какъ и Россія понимала задачу конференціи. Весьма естественно что она также смотритъ и на ея результатъ. „Хотя Константинопольская конференція, говоритъ императоръ Вильгельмъ, и не успѣла побудить Порту къ согласію на уступки потребованныя державами, однако она имѣла то послѣдствіе что христіанскія державы пришли къ соглашенію касательно размѣра гарантій какихъ требовать отъ Порты." Въ протоколахъ конференціи остался запечатлѣннымъ фактъ что всѣ великія державы, при всей разнородности, при всемъ антагонизмѣ своихъ интересовъ, согласились не только въ реформахъ какія должны быть введены Портой въ пострадавшихъ отъ ея злоуправленія провинціяхъ, но также и въ гарантіяхъ исполненія ихъ. Результата этого не легко было достигнуть,

и единственно ради поддержанія общаго согласія въ вопросѣ о гарантіяхъ сдѣлано было много, даже слишкомъ много уступокъ. Въ особенности со стороны Россіи было столько сговорчивости что не оставалось и тѣни сомнѣнія въ ея цѣляхъ. Итакъ всѣми *признана* была невозможность полагаться на одни обѣщанія; всѣми признана необходимость потребовать отъ Порты матеріальныхъ гарантій лучшаго управленія христіанъ. Гарантіи эти были доведены до минимума. Подъ конецъ требовалось только чтобы губернаторы трехъ провинцій были назначены съ согласія державъ, и чтобы учреждена была международная коммиссія для наблюденія за введеніемъ условленныхъ реформъ и мѣстнаго самоуправленія. Несомнѣнно что этими двумя мѣрами, если и не вполнѣ достигается желательное улучшеніе участи христіанъ, по крайней мѣрѣ обуздывается произволъ мусульманскаго чиновничества. Такимъ образомъ, всѣми было признано что надъ турецкимъ управленіемъ христіанами долженъ быть учрежденъ надзоръ христіанскихъ державъ. Если константинопольскія совѣщанія имѣли какой-либо смыслъ, то онъ выражается именно въ соглашеніи державъ о такомъ надзорѣ. Это соглашеніе о гарантіяхъ рѣчь Германскаго императора и ставитъ на первомъ планѣ.

Остальная часть рѣчи вытекаетъ отсюда въ логической послѣдовательности. По телеграфной передачѣ, императоръ, говоря о Турціи, выражался эвфемистически. Онъ сказалъ: „если Порта не исполнитъ преобразованій по собственному рѣшенію, то есть твердое основаніе разчитывать что миръ между державами сохранится.“ Въ сущности (Entschliszung), это значитъ: „если будетъ употреблено принужденіе чтобы Порта совершила требуемыя реформы, то есть твердое основаніе надѣяться что миръ между державами сохранится.“ Само собою разумѣется что если Порта, отвергнувшая на конференціи требованія державъ, теперь, одумавшись, согласилась бы на гарантіи какія отъ нея требовались, то цѣль была бы достигнута. Но коль скоро этого не послѣдуетъ, то необходимо понудительное дѣйствіе. Ясно что только этотъ смыслъ имѣютъ слова императора Вильгельма. Если Порта „по собственному рѣшенію“ не исполнитъ преобразованій, то слѣдуетъ ожидать принужденія ея къ тому, и императоръ Германскій объявляетъ что это не должно повести къ столкновенію между самими державами благодаря состоявшемуся между ними соглашенію.

Иначе и быть не можетъ, если совѣщанія державъ на конференціи не были совсѣмъ безплодны и способствовали возстановленію дружбы между державами, какъ это заявлялъ вчера маркизъ Салсбери на банкетѣ англійскихъ торговыхъ палатъ. Но что звучитъ двусмысленно въ устахъ британскихъ министровъ, то слышится ясно въ рѣчи Германскаго императора. Германія, въ лицѣ своего царственнаго вождя, ее создавшаго и укрѣпившаго, объявляетъ что столкновеніе между христіанскими державами невозможно когда наступитъ пора дѣйствія на Востокѣ. Европа не въ правѣ обратиться противъ того кто выступитъ исполнителемъ ея совокупнаго рѣшенія. За сохраненіе мира между державами въ этомъ случаѣ ручается слово императора Германскаго.

Очевидно еще и то что дѣйствіе не можетъ отлагаться на неопредѣленное время, въ ожиданіи что предприметъ сама Порта. Вопросъ не въ однѣхъ реформахъ, а въ гарантіяхъ ихъ исполненія, и если Порта не дастъ этихъ гарантій, то должно послѣдовать принудительное дѣйствіе. Слова императора Вильгельма что его правительство будетъ и впредь употреблять все свое вліяніе въ пользу турецкихъ христіанъ выражаютъ увѣренность что ихъ не бросятъ въ праздномъ разчетѣ на благія намѣренія самой Порты...

№ 37.

Москва, 12-го февраля.

Газета *Times* снова прорицаетъ. Лондонскій оракулъ подготовляетъ публику къ новому дипломатическому интермеццо которое уже репетируется за кулисами. Статья эта основана на свѣдѣніяхъ изъ дѣйствующихъ сферъ, и писало ее хитрое перо. Начинается она весьма невинно по поводу слуховъ о нездоровьѣ султана, о нерѣшимости и колебаніяхъ въ совѣтахъ Порты. Слухамъ этимъ газета не даетъ большой вѣры потому де что изъ Константинополя разносится уже слишкомъ много ложныхъ вѣстей, но она признаетъ что въ нихъ можетъ быть доля правды; какъ самъ султанъ, такъ и его совѣтники, послѣ пер-

ваго упоенія торжества, начинаютъ де подумывать о послѣдствіяхъ и безпокоиться видя себя въ одиночествѣ.

Послѣ такой *entrée en matière*, оракулъ гласитъ что „еще есть время для мирной партіи въ Константинополѣ сдѣлать послѣднее усиліе къ соглашенію съ Европой.“ И вотъ самое предсказаніе: „Если „она попытается это сдѣлать, то она безъ „сомнѣнія (даже безъ сомнѣнія!) поста„рается уговорить державы удовольство„ваться менѣе суровыми (?) гарантіями „чѣмъ начертанныя конференціей. Она „быть-можетъ станетъ убѣждать Англію „дать Россіи нѣкотораго рода ручатель„ство за исполненіе обязательствъ, кото„рое не повлечетъ за собой прямаго ино„страннаго контроля.“ Сообщивъ эту поразительную новость, лондонская газета спѣшитъ спрятаться за нее, скромно отрекаясь за Англію отъ столь тяжкой отвѣтственности. Но отреченіе еще болѣе убѣждаетъ насъ что нѣчто подобное уже пущено въ ходъ. Иначе, зачѣмъ заводить рѣчь о какомъ-то фантастическомъ планѣ? Отреченіе нужно чтобы лучше замаскировать планъ, будто бы придуманный мирною партіей въ Константинополѣ чтобы вывести Турцію изъ затрудненій. Не въ самомъ ли Лондонѣ изготовленъ этотъ планъ имѣющій поставить *независимую* Турцію подъ опеку Англіи?

Самое отреченіе выражено очень наивно, какъ будто съ цѣлью расположить читателей въ пользу плана: Англія, видите ли, тяготится принять на себя такую отвѣтственность. Предполагается что Россія станетъ убѣдительно упрашивать Англію оказать ей этого рода услугу... Неужели англійскіе политики въ самомъ дѣлѣ допускаютъ подобное предположеніе? Легко можно вообразить какою громоносною статьей разразилась бы та же *Times* еслибы подобная опека надъ *независимою* Турціей была предложена для какой-либо другой державы!

Забавнѣе же всего видѣть какъ скоро забываются тѣ дорогіе Англичанамъ принципы цѣлости и независимости Оттоманской имперіи, на коихъ якобы зиждется благо всей христіанской Европы и которые свято охраняются трактатами. Только-что министры провозглашали въ парламентѣ независимость Турціи символомъ своей вѣры!.. Что же станется съ религіей г. Гарди, если Англія, уступая наконецъ настояніямъ и просьбамъ Россіи, приметъ Турцію подъ свое исключительное попеченіе?

Впрочемъ, это не новость. Мы помнимъ что первые толки о разложеніи Турціи поднялись въ самой Англіи еще до взрыва Герцеговинскаго возстанія. Тогда о святости трактатовъ благоразумно молчали. Ихъ выдвинули изъ забвенія только потомъ, когда совершившіяся надъ болгарскими христіанами неистовства дали поводъ опасаться дѣятельнаго заступничества за нихъ Россіи. А потомъ изъ *Синей Книги* стало извѣстно что маркизъ Салсбери отправлялся на конференцію съ рѣшеніемъ во что бы ни стало противодѣйствовать русскому занятію Болгаріи, но когда его спросили чѣмъ замѣнить эту мѣру, онъ предложилъ англійскія войска. Англія въ самомъ принципѣ не допускала русскаго занятія, ибо это нарушаетъ де независимость Турціи; она не хотѣла принять участіе и въ совмѣстномъ принужденіи Порты,—не хотѣла по долгу своей религіи; но съ догматомъ независимости Турціи оказывалось согласнымъ занятіе ея территоріи англійскими войсками, и оказывается согласнымъ поручительство Англіи за дѣйствія Порты. Въ то самое время какъ шла рѣчь о несовмѣстности съ достоинствомъ султана спрашивать согласія державъ на назначеніе губернаторовъ, загадочныя статьи въ *Times* доказывали какъ хорошо было бы поручить управленіе Болгаріей полковнику Гордону, находящемуся на службѣ у хедива Египетскаго. Теперь, когда только-что поклялись англійскіе министры въ соблюденіи независимости Турціи, является планъ поручительства Англіи за турецкія реформы. Впрочемъ давно уже самыя рьяныя туркофильскія газеты въ Лондонѣ проповѣдуютъ что для спасенія Турціи слѣдовало бы прибѣгнуть къ „просвѣщенному деспотизму,“ для котораго требуются благонадежные исполнители въ родѣ англо-индійскихъ чиновниковъ, хорошо знающихъ какъ править разноплеменными и разновѣрными населеніями.

Весьма естественно что между русскою и англійскою политикой на Востокѣ не можетъ быть согласія. Политика Россіи добивается только существеннаго улучшенія участи христіанъ, и въ этомъ видитъ успѣхъ своего національнаго дѣла. Это и составляетъ силу политики Россіи, и она

никогда не имѣла надобности скрывать ее. Англійская же политика не смѣетъ самой себѣ признаться въ своихъ цѣляхъ. То подъ предлогомъ святости трактатовъ, то трактуя объ упадкѣ Турціи и необходимости для нея „просвѣщеннаго деспотизма,“ она въ сущности заботится только о томъ чтобъ эксплуатировать эту страну и ея порабощенныя населенія. Для этихъ сокровенныхъ цѣлей успѣхъ русской политики опасенъ; по мѣрѣ улучшенія своей участи христіанскія населенія становились бы съ каждымъ днемъ все болѣе независимыми и ускользнули бы отъ эксплуатаціи.

№ 39.

Москва, 14-го февраля.

Сегодня мы сообщаемъ полный текстъ тронной рѣчи императора Германскаго, произнесенной въ четвергъ, 22-го февраля, при открытіи Рейхстага. То мѣсто этой рѣчи которое касается Восточнаго вопроса не разнится по смыслу и силѣ отъ переданнаго намъ въ тотъ же день по телеграфу сокращеннаго изложенія, и мы не имѣемъ повода измѣнить въ чемъ-либо мнѣніе высказанное нами въ № 36 нашей газеты. Берлинскій корреспондентъ, письмо котораго мы приводимъ ниже, не совсѣмъ доволенъ неопредѣленностью выраженій въ коихъ глава Германской имперіи обозначаетъ политическое положеніе Европы, и сѣтуетъ на то что послѣ тронной рѣчи оно мало разъяснилось. Почти въ томъ же смыслѣ отзывается одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ берлинской печати, *National-Zeitung*, съ тою лишь разницей что эта газета объясняетъ эту неопредѣленность неопредѣленностью самого политическаго положенія, и полагаетъ что неясность нѣкоторыхъ выраженій тронной рѣчи соотвѣтствуетъ существующимъ отношеніямъ, „хотя, признаемся,“ замѣчаетъ названная газета, „на нашъ вкусъ, какъ политическій такъ и грамматическій, изложеніе слишкомъ изобилуетъ словами *если* и *но*.“

Выразивъ сожалѣніе что Константинопольской конференціи не удалось побудить Турцію къ тѣмъ уступкамъ которыхъ потребовали отъ нея державы въ интересахъ человѣколюбія и европейскаго мира, императоръ Германскій усматриваетъ добрый результатъ конференціи въ томъ что она привела по крайней мѣрѣ къ согласію между державами касательно размѣра гарантій. Отсюда императоръ заключаетъ что „миръ между державами будетъ сохраненъ и въ томъ случаѣ когда не осуществится надежда что Порта по собственному рѣшенію совершитъ тѣ преобразованія на пользу своихъ христіанскихъ подданныхъ которыя были признаны на конференціи европейскою потребностью.“ Вотъ безспорно самое важное мѣсто тронной рѣчи, которое съ перваго взгляда можетъ показаться темнымъ. Мысль въ немъ заключающаяся изложена съ опущеніемъ нѣкоторыхъ посредствующихъ звеньевъ. Но если не считать этого мѣста наборомъ словъ лишеннымъ всякаго смысла, то смыслъ выходитъ опредѣленный и ясный. Неисполненіе Портой обѣщанныхъ ею реформъ само по себѣ никакъ не могло бы стать поводомъ къ нарушенію мирныхъ отношеній между европейскими державами. Но возможно опасеніе, возможенъ вопросъ, не бросятся ли нѣкоторыя державы на Россію когда она прибѣгнетъ къ понудительнымъ противъ Турціи средствамъ,—и вотъ германская тронная рѣчь выражаетъ надежду что миръ между державами не будетъ нарушенъ и въ томъ случаѣ когда добровольное осуществленіе реформъ самою Портой окажется невозможнымъ, то-есть когда принудительный способъ станетъ единственнымъ для достиженія всѣми признанной цѣли. *Гарантіи* дѣйствительнаго исполненія Портой того что необходимо для турецкихъ христіанъ, вотъ въ чемъ вся сила вопроса, и на что указываетъ тронная рѣчь. Относительно преобразованій по существу Порта никогда не спорила, и на словахъ всегда была готова на самыя широкія и либеральныя преобразованія. Вѣнцомъ этихъ турецкихъ обѣщаній является Мидхатова конституція. Очевидно что тронная рѣчь могла имѣть въ виду не то что обѣщано турецкою конституціей, а гарантіи, которыя должны быть даны немедленно. Повидимому,—и на это имѣются въ извѣстіяхъ послѣднихъ дней многія указанія,—дѣло идетъ теперь о томъ чтобы дать Портѣ возможность какимъ-то образомъ добровольно, или по крайней мѣрѣ безъ вида внѣшняго присужденія, удовлетворить требованія Европы. Объ этомъ идутъ теперь переговоры.

По правдѣ сказать, мы не можемъ себѣ представить въ чемъ можетъ выразиться тотъ эквивалентъ который Порта можетъ предложить „по доброй волѣ“ вмѣсто обезпеченій отъ нея потребованныхъ, между тѣмъ какъ ихъ сущность именно въ томъ и заключается чтобы стѣснить „добрую волю“ Оттоманскаго покровительства. Но если державы наиболѣе заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ считаютъ возможнымъ дѣлать эту новую попытку къ соглашенію съ Турціей, то нельзя ожидать чтобы Германія стала протестовать противъ этой попытки, хотя бы и вполнѣ сознавала ея безполезность. Упоминая о надеждахъ возлагаемыхъ на добровольное рѣшеніе Турціи, тронная рѣчь тѣмъ самымъ заявляетъ о новой фазѣ переговоровъ завязанныхъ съ Турціей. Но какъ мало толку ожидаетъ императоръ Вильгельмъ отъ этихъ переговоровъ, видно изъ оборота его рѣчи предусматривающей что надежды съ ними связанныя не сбудутся. И на этотъ-то конецъ онъ высказываетъ увѣренность что миръ *между державами* не будетъ нарушенъ. Другими словами, германская тронная рѣчь провозглашаетъ предъ лицомъ Европы что принудительныя мѣры къ коимъ придется наконецъ прибѣгнуть не возбудятъ войны между державами.

Такъ мы истолковали смыслъ тронной рѣчи императора Германскаго когда содержаніе ея было намъ передано по телеграфу; такъ поняли ее и берлинскія газеты. Изъ нихъ *National-Zeitung*, при всѣхъ своихъ жалобахъ на стилистическую неясность тронной рѣчи, вычитала въ ней то же что и мы. Вотъ что находимъ, между прочимъ, въ замѣткѣ которою названная газета сопровождаетъ текстъ рѣчи: „Такъ какъ нельзя усмотрѣть по „какому поводу могли бы державы снова „разъединиться въ этомъ вопросѣ кромѣ „одного пункта, по которому и конферен„ція не пришла къ формальному соглаше„нію, а именно по вопросу о средствахъ „дѣйствительно получить потребованныя „обезпеченія, то тронная рѣчь, говоря о „вѣроятности сохраненія мира между дер„жавами, повидимому считаетъ миръ обез„печеннымъ и на тотъ случай еслибъ одна, „двѣ, или нѣсколько изъ нихъ употребили „въ дѣло матеріальные способы для до„стиженія указанной цѣли. На походъ про„тивъ Турціи взирали бы въ такомъ слу„чаѣ какъ на экзекуцію совокупныхъ тре„бованій, но предпринятую на свой страхъ „и на свой счетъ.“

Такимъ образомъ, взаимное положеніе державъ благодаря тронной рѣчи нѣсколько выясняется. Весь вопросъ лишь въ томъ когда будетъ признанъ наступившимъ тотъ моментъ „обманутыхъ Турціей надеждъ,“ который въ настоящую минуту еще не считается наступившимъ благодаря новымъ попыткамъ соглашенія съ Турціей. Допустивъ въ этомъ отношеніи самое благопріятное предположеніе, а именно что Турція найдетъ дѣйствительно способъ замѣнить отвергнутыя ею гарантіи „менѣе суровыми“ (!) для ея національнаго самолюбія, какъ сказано было въ одной изъ послѣднихъ телеграммъ, но равносильными для обезпеченія участи ея христіанскихъ подданныхъ, нельзя однако не признать что къ такой сговорчивости единственно побуждаетъ ее стоящая на границѣ и готовая къ дѣйствію русская армія. Одно это обстоятельство, помимо всего прочаго, ставитъ Россію совершенно въ иное положеніе сравнительно съ прочими державами. Положеніе это очень тяжелое и не можетъ длиться неопредѣленное время. А съ другой стороны разоруженіе Россіи уничтожило бы и послѣднюю тѣнь надежды что Турція „по собственному рѣшенію“ исполнитъ должное. Вотъ почему вопросъ объ отсрочкѣ можетъ быть вопросомъ лишь на короткое время измѣряемое не мѣсяцами, а недѣлями, даже днями...

№ 40.

Москва, 15-го февраля.

А.

Вчера, разъясняя значеніе тронной рѣчи императора Германскаго, мы, на основаніи полнаго текста ея, еще разъ убѣдились что она не предусматриваетъ повода къ столкновенію между державами и въ томъ случаѣ когда явится надобность употребить противъ Порты принужденіе. Смыслъ этого пункта, при правильномъ толкованіи, ясенъ; но оборотъ данный фразѣ предусматриваетъ еще возможность (хотя тронная рѣчь сомнѣвается въ осуществленіи этой надежды) что „Порта по собственной иниціативѣ приведетъ въ исполненіе реформы касательно ея христіанскихъ

подданныхъ кои были признаны конференціей за европейскую потребность.“ Слѣдовательно, можно думать что въ этомъ родѣ идутъ теперь какіе-либо новые переговоры.

Не обманывается ли и въ этой новой фазѣ въ сотый разъ дипломатія несбыточными мечтами?

Прежде всего, туманное условіе: „если Порта не исполнитъ по собственному рѣшенію“ и т. д., возбуждаетъ невольный вопросъ: доколѣ ждать? Если *согласіе* между державами, какъ всѣ толкуютъ, установилось полное, то очевидно что Порта, чтобы вернуть себѣ ихъ расположеніе, должна удовлетворить немедленно, не сегодня-завтра, ихъ заботливость о христіанахъ. Далѣе, мы хотимъ знать *чѣмъ* она можетъ удовлетворить державы? Если, какъ само собою разумѣется, должна идти рѣчь о гарантіяхъ, то опять мы не знаемъ какія же удовлетворительныя рѣшенія ожидаются отъ доброй воли Порты. Она, какъ слышно, хлопочетъ чтобъ удовольствовались отъ нея даже менѣе *суровыми* чѣмъ формулованныя на конференціи, которыя не заслуживаютъ названія гарантіи. Гарантія есть общій терминъ, но въ настоящемъ случаѣ серіозная гарантія только одна — военное занятіе.

Помѣщаемое ниже изложеніе преній въ Британской Палатѣ Лордовъ какъ нельзя болѣе разъясняетъ намъ что отъ этихъ новыхъ выжиданій, отъ этихъ новыхъ отсрочекъ добра ждать нечего. Цѣли англійской политики намъ извѣстны: она заботится только о томъ чтобы все въ Турціи осталось по старому. И вотъ англійскіе министры хлопочутъ объ отсрочкѣ. Зачѣмъ? Министры-лорды высказываются, если можно, еще съ большею откровенностью чѣмъ говорилъ военный министръ въ Палатѣ Общинъ, хотя выражаются спокойнѣе, съ меньшимъ паѳосомъ. Лордъ Дарби заботливо поправилъ герцога Аргайля и объяснилъ, что „первою“ цѣлью Англійскаго правительства — поддержаніе мира, и только второю — улучшеніе участи христіанъ. Притомъ, изъ рѣчей какъ перваго статсъ-секретаря, такъ и маркиза Салсбери, мы видимъ что они понимали подъ сохраненіемъ мира. Не о мирѣ между державами, о которомъ говорилъ императоръ Германскій, хлопотали англійскіе министры, а чтобы не было войны съ Турціей. Тотъ самый лордъ Дарби, который прежде находилъ полезнымъ *some fighting*, поспѣшилъ съ посредническими услугами, по собственному признанію, лишь изъ страха что вступится Россія. Чтобы не допустить русскаго занятія Болгаріи ѣздилъ и лордъ Салсбери на конференцію. Сохраненіе мира значитъ въ глазахъ Англіи не отвращеніе поводовъ къ столкновенію между державами, а огражденіе самой Турціи отъ *принужденія*. Не за это ли благодарилъ лорда Дарби бывшій великій визирь въ таинственной депешѣ на которую обратилъ вниманіе герцогъ Аргайль?

Вотъ стало-быть какъ понимаетъ Англійское правительство сохраненіе мира. Миръ для него въ томъ чтобы не трогать Турціи; а улучшеніе участи христіанъ — дѣло второстепенное. Не ждать ли, по замѣчанію маркиза Бата, пока Турки сами прекратятъ ихъ бѣдствія вмѣстѣ съ ихъ существованіемъ?

Повторяя постоянно одну и ту же ложь можно до того усвоить себѣ эту привычку что не замѣтишь какъ попадешь въ забавное противорѣчіе, подобное тому какое обличилъ лордъ Гранвиль въ словахъ англійскихъ министровъ. Между тѣмъ какъ на лорда Дарби очень подѣйствовало предложеніе Мидхатъ-паши что если онъ въ извѣстный срокъ не исполнитъ реформъ, то державы будутъ въ правѣ потребовать гарантій, изъ чего очевидно что Англійское правительство придавало значеніе Мидхатовымъ обѣщаніямъ, маркизъ Салсбери отозвался что онъ потому еще не отчаивается что палъ Мидхатъ который былъ де главною помѣхой къ принятію предложеній державъ. Ужели эти авгуры не смѣются глядя другъ другу въ глаза?

Можно ли думать чтобъ эти люди сами вѣрили тому что говорятъ? Могутъ ли они не знать хотя бы того что читаетъ вся англійская публика. Константинопольскій корреспондентъ *Times*, въ № отъ 20 февраля, осмѣиваетъ ожиданія людей надѣющихся что по заключеніи Портой мира съ Сербіей и Черногоріей можно будетъ позабыть на нѣкоторое время и о Турціи и о Восточномъ вопросѣ. Онъ напротивъ объявляетъ что „никакое отъ долга уклоненіе „разслабленной и разноголосной дипломатіи не отвратитъ появленія вновь Восточнаго вопроса, отсрочка котораго была бы „только временною и иллюзорною.“ „Судьбы Турціи,“ продолжаетъ онъ, „быстро „зрѣютъ, и ничто, можетъ-быть, не дало

„имъ болѣе грознаго импульса какъ за-„крытіе конференціи которою Европа при-„знала свою неспособность остановить или „даже замедлить ея паденіе. Вопросъ о хо-„рошемъ управленіи въ Турціи не есть во-„просъ просто гуманности. Безъ коренной „и жизненной реформы администраціи не „можетъ быть здѣсь ни мусульманскаго, „ни христіанскаго общественнаго быта, и „никакія реформы не исполнимы безъ уча-„стія внѣшняго элемента.“

Вотъ о чемъ слѣдовало бы подумать дипломатіи вмѣсто выжиданій что предприметъ Порта. Вотъ свидѣтельство которое нельзя заподозрить и которое возстановляетъ вопросъ о единственно существенной гарантіи. Всѣ понимаютъ что вопросъ не въ проектахъ реформъ, и повторяютъ слово „гарантіи,“ которое со времени конференціи пріобрѣло необыкновенную эластичность. Конференція придумала реформы для трехъ провинцій; Порта декретируетъ ихъ въ гораздо большемъ обиліи. Но будутъ ли онѣ исполнены, и кто будетъ исполнять ихъ? Единственное ручательство есть то чтобъ Европа сама взяла дѣло въ свои руки и исполнила его при помощи военнаго занятія провинцій, какъ это было сдѣлано въ 1860 году въ Сиріи при помощи французскихъ войскъ, о чемъ, хотя и весьма робко, напомнили лорды Кимберли и Гранвиль. Вотъ что нужно сдѣлать, и потому лучше бы прямо ничего не означающее слово „гарантіи“ замѣнить „иностраннымъ занятіемъ,“ то-есть возвратиться къ первоначальной идеѣ конференціи. Уклонившись съ этого пути стараніями англійскихъ делегатовъ, конференція потеряла всякую почву подъ собою и превратилась въ недостойную великихъ державъ болтовню.

Предположимъ что Порта теперь сама согласилась бы на контроль международной коммиссіи. Что же эта коммиссія можетъ сдѣлать когда реформы будутъ вводиться турецкими пашами, а коммиссія будетъ лишена силы которая одна только могла бы дать ей опору и авторитетъ. Коммиссія эта неизбѣжно очутилась бы въ такомъ же положеніи какъ засѣдающая уже пять мѣсяцевъ въ Филиппополѣ турецкая коммиссія по поводу болгарскихъ происшествій, о которой сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія одинъ случайный корреспондентъ въ *Times*. По его словамъ, до сихъ поръ эта коммиссія, за ничтожными исключеніями, не сдѣлала рѣшительно ничего, не наказала ни одного изъ главныхъ виновниковъ болгарскихъ избіеній, не оказала правосудія ни одному Болгарину, и „не имѣетъ ни власти, ни воли, „положить конецъ убійствамъ, грабежамъ „и насиліямъ, ежедневно все еще происхо-„дящимъ въ Филиппопольскомъ округѣ.“ Самое присутствіе ея и данное ей порученіе раздражило мусульманъ. А между тѣмъ въ ней засѣдаютъ люди не дурные, и президентъ ея Саадулахъ-бей, какъ свидѣтельствуетъ корреспондентъ, справедливо пользуется уваженіемъ всѣхъ его знающихъ. Наконецъ, въ ней присутствуетъ и г. Баринг, производившій разслѣдованіе о погромѣ Болгаріи. Въ чемъ же дѣло? „Дѣло въ принципѣ который про-„никаетъ и все строеніе турецкой прави-„тельственной системы,“ а принципъ этотъ въ томъ что „въ Турціи только Турки „пользуются правами. Эта доктрина такъ „глубоко залегла въ основаніи турецкой „политической системы что нечему удив-„ляться если Турки пожертвуютъ всѣмъ „скорѣе чѣмъ отъ нея откажутся.“

Не ясно ли изъ этого примѣра что если хотятъ чтобы введеніе реформъ было поставлено подъ европейскую охрану, то международная коммиссія должна не просто контролировать, а сама вводить реформы опираясь на надежную силу.

О томъ что и теперь ежедневно дѣлается въ Болгаріи, тотъ же корреспондентъ пишетъ:

„Не проходитъ дня безъ того чтобы не услышать о какомъ-нибудь новомъ случаѣ насилія совершеннаго Туркомъ надъ Болгариномъ. Одинъ изъ самыхъ недавнихъ отлично показываетъ какого рода явленіе производитъ распущенность коммиссіи на Турокъ этого округа. Нѣкто Сулейманъ-Гаджи-Ибраимоглу Турокъ изъ Стрѣльчи — одинъ изъ злодѣевъ отличившихся въ послѣднее время. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ убилъ одного Болгарина въ Стрѣльчѣ; потомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ соучастниковъ, ворвался на одну мельницу въ Панигюрище и разграбилъ ее; затѣмъ они напали на нѣсколько болгарскихъ женщинъ, ограбили и обезчестили ихъ. О всѣхъ этихъ неистовствахъ было сообщено, конечно, коммиссіи, и г. Баринг старался особенно обратить ея вниманіе на нихъ; ему отвѣчали увѣреніями и разослали приказанія, но само

собою разумѣется преступникъ не отыскался. Онъ кажется преспокойно жилъ въ своей деревнѣ Стрѣльчѣ, не безпокоимый полиціей; самъ же, по обыкновенію, безпокоилъ христіанъ той деревни, пока, наконецъ, 8 января, не далъ знать о себѣ еще новымъ преступленіемъ. Въ этотъ день, одинъ болгарскій священникъ, по имени Бойчо, прибылъ изъ Панигюрища въ Стрѣльчу для совершенія религіозныхъ требъ христіанъ этой деревни. Въ то время какъ священникъ былъ въ лавкѣ одного своего пріятеля, туда является, въ сопровожденіи троихъ Турокъ, Сулейманъ-Гаджи-Ибраимоглу, и безъ малѣйшаго повода со стороны Бойчо набросился на него, сталъ его колотить, рвать бороду и бить по шапкѣ. Бѣдному священнику удалось убѣжать изъ лавки, и онъ думалъ найти убѣжище въ саду, но злодѣи преслѣдовали его и сюда, повторили надъ нимъ свои неистовства и оставили его въ безсознательномъ состояніи и почти полумертваго. На слѣдующій день онъ былъ перевезенъ въ Панигюрище. Здѣсь ему была подана помощь англійскимъ врачомъ, состоящемъ при госпиталѣ леди Странгфордъ, гдѣ священникъ и умеръ 26 января. Г. Барингъ одинъ изъ первыхъ узналъ объ этомъ случаѣ, и когда сталъ разказывать о немъ коммиссіи, то, по обыкновенію, никто изъ ея членовъ ничего объ этомъ еще не слышалъ. На этотъ разъ г. Баринту посчастливилось: главный преступникъ арестованъ. Но будетъ ли онъ наказанъ?“

Еще ли не пора положить конецъ этому ужасному положенію вещей? Еще ли возможна новая отсрочка для „благихъ“ намѣреній Порты?...

Б.

Сегодня столкнулись у насъ двѣ телеграммы; одна изъ Лондона отъ Рейтера, другая отъ нашего корреспондента изъ Берлина. Рейтерово агентство сообщаетъ полученное имъ изъ Петербурга извѣстіе, будто рѣшено демобилизовать нашу армію подъ Кишиневымъ; но то же агентство вслѣдъ за тѣмъ опровергло этотъ слухъ. Съ своей стороны, мы можемъ сообщить за вѣрное что армія наша, исполненная наилучшаго духа, готовая къ дѣйствію и стоящая на стражѣ величайшихъ интересовъ и Россіи, и всего христіанскаго міра, не будетъ распущена... Судьбы великаго дѣла находятся въ рукѣ твердой, которую, мы вѣримъ, и поддержитъ и направитъ промыслъ Божій на славу христіанства и на пользу Россіи.

Да и какъ распускать нашу армію когда не сегодня такъ завтра сами Турки, пожалуй, объявятъ намъ войну? Сообщеніе газеты *Post*, которое передаютъ намъ изъ Берлина, не лишено значенія и согласуется съ другими идущими съ Востока извѣстіями...

№ 41.

Москва, 16-го февраля.

Вчерашнее ложное извѣстіе газеты *Times* о предстоящей будто бы демобилизаціи русской арміи хотя и было въ тотъ же день опровергнуто Рейтеровымъ агентствомъ, возбудило, однако, какъ видно изъ сегодняшней телеграммы, сильный интересъ въ Англіи, и подало поводъ къ запросу въ Парламентѣ, на который правительство должно было дать отвѣтъ что извѣстіе это ничѣмъ не подтверждается.

Какъ появленіе этого ложнаго извѣстія, такъ и впечатлѣніе имъ произведенное, показываютъ до какой степени, несмотря на притворное равнодушіе съ какимъ Англичане будто бы готовы теперь предоставить Турцію собственной участи, они повидимому тревожатся неопредѣленнымъ положеніемъ и неизвѣстностью его разрѣшенія.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Такъ какъ запутанность положенія есть дѣло англійской дипломатіи, то ей бы и выпутываться? Коль скоро, по собственному признанію англійскихъ министровъ, первою заботой ихъ было оградить Турцію не только отъ войны, но даже отъ возможности принужденія, то къ кому же бы слѣдовало имъ теперь обращаться съ серіозными увѣщаніями какъ не къ Портѣ, чтобы побудить ее принять наконецъ отвергнутыя ею такъ неразумно условія конференціи? Почему же они, если въ Англіи такъ тревожатся ожиданіемъ что Россія приступитъ къ дѣйствію вслѣдствіе неудачи конференціи, не хлопочутъ сдѣлать возможнымъ для Россіи отступленіе, какъ это повидимому должно бы представляться съ ихъ точки зрѣнія и о чемъ не мало тол-

ковали въ послѣднее время въ англійской печати? Стóило бы Англіи убѣдить Порту подчиниться рѣшеніямъ конференціи и дать державамъ тѣ ничтожныя, иллюзорныя гарантіи, которыя подъ конецъ отъ нея требовались, и достиженія цѣли англійской политики значительно облегчилось бы. Хотя бы улучшеніе участи христіанъ и не было обезпечено, но вѣдь для Англіи это дѣло второстепенное и даже едва ли желательное; главная же ея забота, обличаемая и теперь ея безпокойствомъ, предотвратить столкновеніе между Россіей и Турціей, и еслибы послѣдняя приняла теперь сама то чего отъ нея требовали на конференціи, то англійскіе министры могли бы по крайней мѣрѣ сказать что для Россіи не остается болѣе основанія приступать къ дѣйствію, такъ какъ Турція приняла условія предложенныя всѣми державами, въ томъ числѣ и Россіей.

Двѣ единственныя гарантіи, на которыхъ остановилась конференція, были такъ незначительны, были до такой степени *негарантіи*, что непонятно что̀ до сихъ поръ препятствуетъ Портѣ предоставить ихъ Европѣ добровольно. Отъ ней требовалось только чтобы губернаторы въ возставшихъ провинціяхъ были назначены по соглашенію съ державами, и чтобы за введеніемъ реформъ наблюдала международная коммиссія. Отклоненіе Турецкимъ правительствомъ этихъ двухъ условій представляется чѣмъ-то непостижимымъ для англійскихъ министровъ. Они не могутъ объяснить себѣ какъ это могло случиться. „Я не могу понять ослѣпленія Турокъ," говоритъ маркизъ Салсбери, а лордъ Беконсфильдъ*) заявлялъ что „его благородный другъ (маркизъ Салсбери) ошибся только въ томъ что положился на здравый смыслъ Турокъ, никакъ не ожидая что въ то самое время какъ онъ удивительно все уладилъ въ ихъ пользу они упустятъ такой счастливый случай?..

Но есть нѣчто еще непостижимѣе чѣмъ фактъ который ставитъ въ тупикъ англійскихъ министровъ. Гораздо непостижимѣе то что̀ они сами дѣлаютъ. Невозможно объяснить себѣ почему они, лорды Беконсфильдъ, Салсбери, Дарби e tutti quanti упускаютъ счастливый случай направить, въ послѣднюю минуту, все свое вліяніе на рѣшеніе Порты чтобъ ее образумить. Мы пожалуй могли бы еще понять полное бездѣйствіе, объясняя его напримѣръ нерѣшительностью. Но правительство ея Британскаго величества не бездѣйствуетъ. Лордъ Дарби заявилъ что на него сильное впечатлѣніе произвело предложеніе Мидхатъ-паши дать Портѣ сроку для реформъ, съ тѣмъ чтобы послѣ того державы были въ правѣ потребовать гарантій. И несомнѣнно что въ настоящую минуту англійская дипломатія усиленно работаетъ не въ смыслѣ давленія на Порту, а съ цѣлью убѣжденія всѣхъ державъ исполнить желаніе Порты и дать ей срокъ. Мидхатъ просилъ одного года. Но одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ показываетъ что Порта поднимаетъ требованія. Она будто бы уже заводитъ рѣчь о трехлѣтнемъ срокѣ, и не съ тѣмъ чтобы потомъ державы могли *потребовать* гарантій, а лишь съ обязательствомъ Порты, если реформы въ срокъ не будутъ исполнены, *принять предложенныя* конференціей гарантіи. Что̀ же? Пожалуй, это предложеніе произведетъ на впечатлительнаго лорда Дарби еще сильнѣйшее впечатлѣніе чѣмъ Мидхатово!

Не входитъ ли въ разчеты Англіи изнурить насъ сначала, а потомъ неизбѣжно все-таки втянуть насъ въ войну? Отъ насъ хотятъ чтобы мы согласились безъ войны быть цѣлый годъ какъ бы въ войнѣ, почти съ увѣренностью что все-таки ея не избѣжимъ!..

Когда такимъ образомъ оставляется въ сторонѣ единственное средство избѣжать войны и вмѣсто того заводятся переговоры которые завѣдомо ни къ чему серіозному привести не могутъ, то не остается ли заключить о лживости самыхъ толковъ о мирѣ и думать что, напротивъ, хотятъ непремѣнно что-то сдѣлать на Востокѣ, но предварительно истощивъ Россію, заставивъ ее пропустить одинъ за другимъ благопріятные для дѣйствія моменты, смутивъ ее, уронивъ ея духъ, и надломивъ ея силы? Увы! Мы потеряли самую лучшую, невозвратимую минуту для дѣйствія... изъ-за подножнаго корма!

Можно ли вѣрить какимъ-либо заявленіямъ англійскихъ министровъ, когда они позволяютъ себѣ неправду на каждомъ шагу? Во вчерашнемъ нумерѣ мы привели рѣчь лорда Дарби въ которой онъ гово-

*) Правильнѣе было бы *Биконсфильдъ* (Beaconsfield), но Англичане въ этомъ случаѣ дѣлаютъ исключеніе и произносятъ *Беконсфильдъ*.

ритъ будто фактически не Сербія, а Россія вела войну, такъ какъ сербская армія „почти совершенно“ состояла будто бы изъ русскихъ волонтеровъ и будто русскіе офиціальные агенты подстрекали смуты, русское консульство въ Рагузѣ было главною квартирой вождей инсургентовъ, а г. Іонинъ будто бы присутствовалъ при похоронахъ одного убитаго вождя „со всевозможными знаками уваженія.“ Министръ позволилъ себѣ сказать эту завѣдомую неправду въ парламентѣ, зная что завтра прочтетъ это весь міръ и не смущаясь тѣмъ что его могутъ опровергнуть. Опроверженіе и не замедлило. На другой же день, въ англійскихъ газетахъ появились два письма прямо обличающія англійскаго статсъ-секретаря во лжи. Одно изъ нихъ отъ почтеннаго г. Стильмана, бывшаго корреспондента *Times* въ Рагузѣ во время Герцеговинскихъ смутъ. Онъ торжественно удостовѣряетъ что ничего подобнаго не было, что г. Іонинъ не присутствовалъ на похоронахъ вождя Бацевича въ Рагузѣ, а подобно множеству другихъ жителей города стоялъ на балконѣ своего дома въ то время какъ проходила мимо погребальная процессія; въ домѣ же консульства не могло быть главной квартиры вождей инсургентовъ: „въ Рагузѣ всѣмъ было извѣстно „что имъ никогда не дозволялось прихо„дить въ консульство, и также всѣмъ из„вѣстно что въ Рагузѣ бывали только та„кіе вожди на которыхъ русскій консулъ „не имѣлъ никакого вліянія.“ Заявленіе лорда Дарби было только повтореніемъ басни помѣщенной въ *Синей Книгѣ*, съ авторитета турецкаго консула въ Рагузѣ. „Къ сожалѣнію,“ замѣчаетъ г. Стильманъ, „многія изъ заявленій *Синей Книги* точно „также апокрифы, будучи основаны на увѣ„реніяхъ оттоманскихъ властей, которыя „едва ли стóитъ и опровергать.“

Другое письмо отъ находящагося теперь въ Англіи генерала Черняева объявляетъ что съ начала войны до конца перемирія, въ Сербіи, на всемъ театрѣ войны, было не болѣе 3.000 русскихъ волонтеровъ, и всего только 1806 солдатъ и 640 офицеровъ въ Тимоко-Моравской арміи,—а между тѣмъ на Дюнишѣ подъ его начальствомъ было 28.000 человѣкъ, изъ коихъ лишь половина была вооружена скорострѣльными ружьями.

Лучше бы лорду Дарби сообщить палатѣ о числѣ англійскихъ волонтеровъ бывшихъ въ рядахъ турецкой арміи, втрое многочисленнѣйшей и отлично на англійскія деньги вооруженной...

№ 42.

Москва, 17-го февраля.

Сегодня истекаетъ срокъ перемирія между Портой и княжествами, которое было продолжено до 1 марта нов. ст. Съ Сербіей повидимому дѣло уже уладилось окончательно; созванное для рѣшенія этого вопроса народное собраніе приняло основанія мира. Съ Черногоріей переговоры не такъ еще подвинулись, и потому для нихъ перемиріе продолжено еще на двадцать дней.

Для истощенныхъ продолжительною неравною борьбой двухъ малыхъ княжествъ наступаетъ минута отдыха: они сдѣлали все что̀ могли. Но едва ли можемъ и мы вмѣстѣ съ ними предаться успокоенію.

Война Сербіи и Черногоріи противъ Порты была только эпизодомъ кровавой исторіи разыгравшейся на Востокѣ. Цѣлый годъ въ Босніи и Герцеговинѣ шла борьба возставшихъ христіанъ противъ ихъ мучителей, цѣлый годъ какъ Сербы и Черногорцы дѣлились послѣднимъ что̀ сами имѣли съ бѣжавшими къ нимъ десятками тысячъ выходцами, совершились давно неслыханныя неистовства въ Болгаріи,—какъ оба княжества, долго сдерживавшія свой порывъ во вниманіи къ совѣтамъ великихъ державъ, наконецъ не вытерпѣли и кинулись противъ исконнаго, тяжкимъ опытомъ хорошо имъ самимъ знакомаго врага христіанства. Они одни, при самоотверженной помощи немногихъ русскихъ добровольцевъ, вступились за дѣло которое должна была бы взять въ свои руки христіанская Европа. Они были только застрѣльщиками дѣла христіанства въ Европейской Турціи, и конечно, не въ силахъ были увѣнчать его желаннымъ успѣхомъ. Два малыя владѣнія, скудныя средствами, не имѣющія въ совокупности и двухъ милліоновъ жителей, вступили въ борьбу со всѣми силами громадной имперіи: могли ли они одни принудить ее дать оставшимся подъ ея властію христіанамъ то огражденіе жизни, чести и собственности, которое наконецъ всѣми признано необходимымъ? И то уже диво что они четыре

мѣсяца выдерживали съ честью борьбу. Много сыновъ ихъ полегло въ битвахъ, много жертвъ понесли уцѣлѣвшіе въ живыхъ! Остается благодарить Бога что Сербія, такъ много пострадавшая, не была по крайней мѣрѣ разгромлена въ конецъ, что она сохранила въ цѣлости свою территорію и не потерпитъ ущерба въ независимости какая была ей обезпечена Европой. Должно надѣяться что Черногорія, которая вела борьбу не только съ честью, но съ блескомъ, напомнивъ подвигами своихъ юнаковъ времена богатырскія, пріобрѣтетъ нѣкоторыя существенныя для нея выгоды. Но отъ заключенія княжествами мира до успокоенія Востока еще далеко. Дѣло было не въ нихъ, не въ Сербіи и Черногоріи, а въ христіанскихъ провинціяхъ самой Порты, дѣло въ томъ чтобъ эти провинціи поставить въ положеніе обезпеченное. Вопросъ этотъ, въ которомъ вся сущность, остается открытымъ. Остается не только не конченнымъ, но вовсе не начатымъ то дѣло за которое одни во всей Европѣ вступились только эти два малыя вассальныя княжества, но на стражѣ котораго стоитъ теперь въ полной готовности къ дѣйствію русская армія.

Нѣтъ мы должны сознаться, — лучше вполнѣ сознаться, — мы пропустили самую благопріятную пору для дѣйствія за два мѣсяца предъ симъ, когда истекалъ, нами самими такъ энергически предписанный, срокъ перемирія. Тогда говорили что въ зимнюю пору начинать кампанію не удобно; но для нашего противника это было бы вдвое и втрое неудобнѣе. Разница между нашимъ неудобствомъ и неудобствомъ противника была бы нашею чистою выгодой. Нѣтъ въ мірѣ солдата который былъ бы менѣе затрудненъ неудобствами зимней кампаніи чѣмъ Русскій. Онъ уже перенесъ самое трудное въ зимней кампаніи, онъ вытерпѣлъ 30 градусный морозъ на походѣ. Зима на Дунаѣ только облегчила бы движеніе нашихъ войскъ, и чего бы ни стоилъ намъ переходъ чрезъ Дунай, онъ стоилъ бы менѣе чѣмъ истраченная нами съ того времени сумма на содержаніе бездѣйственно-дѣйствующей арміи. Не настаивалъ ли въ 1853 году покойный Императоръ на открытіе зимней кампаніи, — не настаивалъ ли онъ на этомъ съ силою полнаго и глубокаго убѣжденія какое бываетъ только въ умѣ и сердцѣ хозяина дѣла, при живомъ чувствѣ отвѣтственности за исходъ его? Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ совѣтахъ Императора были люди не оправдавшіе своей способности послужить ему въ исполненіи великаго дѣла, и о ихъ косность сокрушилась энергическая рѣшимость Государя. Зимняя кампанія не состоялась, а кто знаетъ быть-можетъ этимъ обстоятельствомъ иначе опредѣлился бы исходъ тогда предпринятой великой войны...

Каковы бы ни были неудобства перехода нашей арміи чрезъ Дунай въ минувшемъ декабрѣ, мы нашли бы тамъ союзниковъ надежныхъ и преданныхъ, стоявшихъ въ оружіи, исполненныхъ еще не поколебленнаго довѣрія къ намъ, ожидавшихъ насъ, призывавшихъ насъ, и отвлекавшихъ на себя силы Турокъ. Два-три наши полка брошенные тогда въ Сербію имѣли бы огромное значеніе. Вообще появленіе нашей арміи за Дунаемъ подняло бы духъ въ этихъ несомнѣнныхъ союзникахъ нашихъ (мы все по сторонамъ ищемъ друзей и союзниковъ, а отталкиваемъ тѣхъ кого далъ намъ Богъ), и оживило бы движеніе христіанъ въ провинціяхъ Турціи; все что медлило и колебалось схватилось бы за оружіе; албанскія племена, которыя и теперь шевелятся, были бы тогда въ полномъ возстаніи. Наше вторженіе въ Турцію не должно имѣть никакихъ завоевательныхъ видовъ: это было сказано, и въ этомъ наша сила; это глубоко соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ настоящаго положенія, и истиннымъ интересамъ Россіи, и ея народному чувству. Наши противники должны признать это, и признали бы это тѣмъ легче въ виду совершившагося факта, и наше вторженіе получило бы характеръ не столько войны сколько военной экзекуціи. Во всякомъ случаѣ враждебное намъ вмѣшательство было бы затруднено въ ту пору болѣе чѣмъ во всякую другую. Гостепріимный понтъ бываетъ въ эту пору самымъ негостепріимнымъ, и еслибы даже наши отношенія къ западнымъ сосѣдямъ не были еще окончательно разъяснены и установлены, мы были бы въ выгоднѣйшемъ положеніи для того чтобы съ ними поладить. Въ зимнюю пору мы во всякомъ случаѣ были бы болѣе обезпечены отъ внезапнаго нападенія, и менѣе были бы стѣснены въ нашихъ дѣйствіяхъ опасеніями за свой флангъ. То ли теперь? Турки поспѣшно заключаютъ миръ съ обоими княжествами

и получаютъ возможность сосредоточить противъ насъ всѣ свои войска. Они имѣли время оправиться, изготовиться, выписать Крупповскія орудія. А между тѣмъ обаяніе могущества Россіи на Востокѣ конечно не возросло, христіанскія населенія приходятъ въ уныніе. Наши западные друзья видятъ насъ теперь въ положеніи болѣе затруднительномъ чѣмъ тогда, и потому при всемъ добромъ ихъ расположеніи къ намъ, по всему вѣроятію, намъ придется дороже заплатить за ихъ дружбу, которая въ политическомъ мірѣ никѣмъ, развѣ только нами, даромъ не дается. Уже въ тонѣ дружелюбныхъ къ намъ державъ дѣйствительно замѣтно нѣкоторое повышеніе и бо́льшая неопредѣленность. А между тѣмъ вотъ наступаетъ весна съ ея распутицей. Неужели эта пора благопріятнѣе для похода чѣмъ назадъ тому два мѣсяца?

Но пройдутъ еще недѣли: когда же предвидится пора болѣе благопріятная чѣмъ теперь? Съ каждымъ днемъ ослабляемъ мы себя и внутри, и въ своемъ внѣшнемъ положеніи. Идетъ невидимая борьба, и съ каждымъ днемъ выигрываютъ въ ней наши противники. Недавно какая-то статья, похожая на переводъ съ французскаго, въ одной петербургской газетѣ, совѣтуетъ, по французской поговоркѣ, reculer pour mieux sauter... Увы, быть-можетъ и прыгнуть послѣ будетъ не куда! Чтобы возвратить намъ свое прежнее положеніе, быть-можетъ придется намъ въ послѣдствіи выдержать борьбу очень тяжкую, которая потребуетъ всѣхъ силъ нашей страны. Такъ, представляется дѣло человѣческому разумѣнію, если взглянуть на него съ русской точки зрѣнія и извлечь его изъ каверзъ французской рутинной фразеологіи, которая не рѣдко держитъ въ плѣну нашу мысль и лишаетъ ее чуткости. Dixi et levavi animam. Въ дѣлѣ столь великомъ было бы грѣхомъ не высказаться съ полною искренностью...

Но надъ человѣческими соображеніями возвышается Промыслъ Божій; человѣческія дѣйствія пересѣкаются Его рѣшеніями. Довѣримся Ему болѣе чѣмъ своему разумѣнію. Худшее превратитъ Онъ въ лучшее, хотя и не въ то какое люди имѣютъ въ своихъ мысляхъ и цѣляхъ. Мы непоколебимо вѣримъ въ судьбы Россіи, и вѣримъ въ благословеніе Божіе почіющее на нынѣшнемъ царствованіи, котораго двадцать вторую годовщину готовится праздновать Россія вмѣстѣ съ великимъ дѣломъ освобожденія милліоновъ ея народа.

№ 43.

Москва, 18-го февраля.

Радоваться ли намъ заключенію мира между княжествами и Турціей? Англійская *Синяя Книга* проливаетъ косвенный свѣтъ на дѣло. Лордъ Дарби, какъ только ему стало извѣстно объ отклоненіи великимъ константинопольскимъ совѣтомъ предложеній конференціи, поспѣшилъ подать добрый совѣтъ турецкому послу, Мусурусъ-пашѣ, чтобы Турція воспользовалась *первымъ же* случаемъ для примиренія съ Сербіей и Черногоріей. Если де ей удастся удовлетворительно уладить свои разногласія съ этими княжествами, то *это значительно уменьшитъ для нея рискъ непріязненнаго образа дѣйствій со стороны другихъ державъ*. Такою державой можетъ быть только Россія. Ея *непріязненныя дѣйствія* стараются предотвратить англійскіе министры пекущіеся о Турціи пуще самихъ Турокъ. Они убѣждены въ неудачномъ исходѣ Турецкой войны съ Россіей, тѣмъ болѣе что болгарскіе ужасы „совершенные „турецкими войсками надъ несчастнымъ и „по большей части не оказывавшемъ со„противленія населеніемъ возбудили общее „чувство негодованія во всѣхъ слояхъ ан„глійскаго общества, и это чувство воз„росло до такой степени что еслибы даже „Россія объявила войну Турціи, то пра„вительство ея величества въ дѣйствитель„ности не нашло бы возможнымъ вмѣшать„ся для защиты Оттоманской имперіи. Та„кое событіе которымъ симпатіи націи бы„ли бы поставлены въ прямую оппозицію „съ ея обязательствами истекающими изъ „трактатовъ привели бы Англію къ край„не неудовлетворительному и даже унизи„тельному положенію.“ (Депеша лорда Дарди къ сэръ-Генри Элліоту отъ 5 сентября прошлаго года).

Сербы хотѣли продолжать войну, и возобновленіе войны застало бы ихъ въ иномъ положеніи чѣмъ было въ началѣ. Несмотря на всѣ толки и сплетни касательно ихъ военной несостоятельности, они теперь обладаютъ по крайней мѣрѣ пятидесятью тысячами отборнаго войска, обстрѣ-

леннаго въ столькихъ битвахъ, сформированнаго не упражненіями на плацъ-парадѣ, но самою войной, которая конечно есть наилучшая школа для солдата. Имъ не достаетъ только хорошаго вооруженія; ибо половина сербской арміи, какъ свидѣтельствуетъ генералъ Черняевъ, вооружена чуть не кремневыми ружьями; ей не доставало офицеровъ, но и офицеровъ уже достаточно сформировала война; къ тому же тамъ и теперь еще, несмотря на неожиданный угонъ русскихъ добровольцевъ изъ Сербіи, остается еще теперь много русскихъ офицеровъ. Сербы положительно хотѣли продолжать войну, но средства ихъ истощились. Они старались заключить заемъ въ Парижѣ, они обращались въ Петербургъ. Результатъ извѣстенъ: Сербы нашлись вынужденными спѣшить заключеніемъ мира. Англійская политика блистательно достигла своей цѣли: мы лишились вѣрнаго и несомнѣнно полезнаго союзника на случай войны съ Турками.

Черногорцы еще менѣе были расположены заключить миръ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отозвался *Гласъ Черногорца* на турецкое приглашеніе вступить въ мирные переговоры: „Со всѣхъ сторонъ Турецкой имперіи доходятъ къ намъ печальнѣйшія вѣсти. Турки охотятся на христіанъ, убиваютъ, насилуютъ и грабятъ все что попадается имъ на пути, все что носитъ христіанское имя. Изъ Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи и даже Болгаріи доносятся въ наши горы раздирающіе сердце вопли о помощи. И въ такое-то мгновеніе Порта осмѣливается протягивать намъ руку мира и старается подвинуть насъ чтобы мы вложили снова въ ножны побѣдоносный мечъ, который и обнаженъ былъ именно на защиту этихъ бѣдныхъ братьевъ. Турки ищутъ смягчить нашъ справедливый гнѣвъ своею предупредительностью въ самый тотъ часъ когда возобновляютъ всѣ свои ужасы и безчинства. Мы должны сложить наши сабли и ятаганы, которые были обнажены не ради временныхъ успѣховъ на полѣ битвы, не ради цѣны какого-нибудь Никшича, но за свободу нашихъ братьевъ, и взирать какъ эти несчастные систематически истребляются. Найдется ли кто въ христіанскомъ мірѣ повѣрить этому? Неужели Турки сами ожидаютъ дѣйствительно успѣшнаго результата? Нѣтъ! здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о Никшичѣ, ни о тѣхъ двѣнадцати деревняхъ которыя намъ съ такимъ великодушіемъ предоставила Европа. Эти деревни принадлежатъ намъ, это наше, все это занято нашими побѣдоносными войсками. Мы должны присоединить къ себѣ что наше, а вмѣсто военнаго вознагражденія получить освобожденіе нашихъ славянскихъ братьевъ. Это была наша первоначальная программа. Мы не расширяли ее съ тѣхъ поръ и не стѣсняли. За эту идею боролись мы и лишь за нее будемъ продолжать бороться. Пока Порта не исполнитъ этого условія, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ мирѣ съ нами..." Таково было настроеніе въ Цетиньѣ,—и однако князь Николай былъ вынужденъ согласиться на посылку делегатовъ въ Константинополь и уже получилъ за это, какъ говорятъ, признательность лорда Дарби и обѣщаніе по *возможности* поддержать въ Константинополѣ требованія Черногоріи.

Еще недавно въ туркофильскихъ кругахъ выставляли Турокъ патріотами, пугали фанатизмомъ ихъ. Теперь иное: изъ Вѣны, даже изъ Пешта идутъ о Туркахъ самые унылые толки.

Теперь, какъ будто по сигналу, всѣ толкуютъ что Турція *уступитъ добровольно* требованіямъ державъ. Это вѣроятно будетъ сквозить въ тѣхъ *новыхъ совѣтахъ* съ которыми думаютъ обратиться къ Россіи европейскія правительства. Заключеніе мира съ княжествами кажется для нихъ условіемъ облегчающимъ отступленіе Россіи. Но не вѣрнѣе ли то что это окажется только отнятіемъ у насъ естественныхъ союзниковъ?..

№ 44.

Москва, 21-го февраля.

Нашъ берлинскій корреспондентъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ вновь весьма положительно подтверждалъ свое прежнее сообщеніе что со стороны Германіи продолжаются въ Вѣнѣ дѣйствія въ томъ смыслѣ чтобы понудить Австрію къ параллельному съ Россіей дѣйствію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обращалъ вниманіе на туманную статью въ вѣнской официозной *Montagsrevue*, толкуя ее въ смыслѣ подтвержденія своихъ сообщеній о дипломатическомъ давленіи изъ Берлина на Вѣну. Но

есть указанія болѣе чуткія чѣмъ австровенгерская печать, столь же разноголосная какъ и безчисленныя партіи этой многоглавой имперіи. А именно, настоящимъ положеніемъ Австріи, какъ видно, не на шутку начинаютъ тревожиться въ турецкихъ правительственныхъ сферахъ.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Times* константинопольскій корреспондентъ этой газеты сообщаетъ что уже 22-го февраля, то-есть почти двѣ недѣли тому назадъ, великій визирь, Эдхемъ-паша, передалъ нѣкоторымъ изъ дипломатовъ свои опасенія по поводу сосредоточенія австрійскихъ войскъ въ Далматіи. Фактъ этотъ возбуждалъ де самыя разнообразныя предположенія, и между прочимъ то что одновременно съ русскимъ занятіемъ Болгаріи Австрія готовится вторгнуться въ Боснію. Угадать истинныя намѣренія Австріи никто не берется, по замѣчанію корреспондента, но Турки тѣмъ не менѣе знаютъ де что Пештскій и Вѣнскій кабинеты между собой на ножахъ, что славянская партія сильна при дворѣ, что начальствуетъ въ Далматіи генералъ Родичъ, и что во всей Босніи и Герцеговинѣ едва ли наберется 15.000 оттоманскихъ войскъ.

Такимъ образомъ, мы съ самой компетентной стороны получаемъ подтвержденіе касательно сосредоточенія австрійскихъ войскъ въ сторонѣ Босніи, о которомъ въ самихъ австрійскихъ газетахъ, по многимъ причинамъ, напрасно было бы искать извѣстій, и того гляди можетъ случиться что пока еще мы будемъ выжидать отвѣтовъ и совѣтовъ отъ великихъ державъ, Австрія, собравшись съ духомъ, предупредитъ дѣйствіе Россіи и вступитъ для водворенія порядка въ Боснію и Герцеговину. И едва ли остается сомнѣніе что въ этихъ приготовленіяхъ Австріи мы видимъ первый результатъ настоянія изъ Берлина. Такимъ образомъ, германская политика, опредѣлившая свое направленіе въ тронной рѣчи императора Вильгельма, начинаетъ еще яснѣе обнаруживаться въ практическихъ послѣдствіяхъ.

Между тѣмъ, несмотря на эти довольно очевидные признаки, англійская дипломатія, сколько можно видѣть, все еще хлопочетъ какъ бы выговорить для Турціи еще отсрочку которой требовалъ Мидхатъ-паша на конференціи. Цѣль этихъ хлопотъ для насъ не совсѣмъ понятна, ибо Англія, такъ рѣшительно высказавшаяся противъ всякаго участія въ принужденіи Порты, теперь конечно не захочетъ принять на себя никакого подобнаго обязательства и по истеченіи нѣкотораго срока. Тѣмъ не менѣе, старанія англійской дипломатіи не подлежатъ сомнѣнію. Любопытно только что иными корреспондентами англійскихъ газетъ идея „предоставить Турецкому правительству льготный срокъ для исполненія плана реформъ который былъ бы удовлетворителенъ для державъ“ приписывается Россіи!! Даже газета *Times*, вопреки сообщеніямъ своихъ корреспондентовъ, находитъ труднымъ повѣрить чтобы Россія могла серіозно имѣть подобный планъ, и замѣчаетъ то же самое что не такъ давно говорили и мы. „Кто будетъ „судить,“ спрашиваетъ она, „достаточныя „ли реформы совершила Порта? Кто бу„детъ судить могутъ ли быть прочны эти „реформы и обезпечено ли должнымъ об„разомъ политическое и общественное бла„госостояніе христіанъ? Порта, конечно, „кое-что сдѣлаетъ; что же будетъ если „лордъ Биконсфильдъ найдетъ это доста„точнымъ, какъ онъ почти навѣрное это „сдѣлаетъ когда ему представится на вы„боръ присоединиться къ своимъ врагамъ „или атаковать своихъ друзей? Очевидно „что Россія будетъ не въ лучшемъ поло„женіи чѣмъ теперь, а скорѣе въ гораздо „худшемъ, ибо Турціи будетъ легче ка„заться правою, большинство державъ мо„гутъ объявить себя удовлетворенными, а „Русская имперія будетъ ослаблена содер„жаніемъ сотенъ тысячъ человѣкъ въ полѣ „въ теченіе года.“

Забавно, послѣ этихъ словъ, тотчасъ же далѣе читать какъ та же самая газета, сомнѣвающаяся, по сейчасъ высказаннымъ причинамъ, въ возможности принятія этого плана, находитъ однако болѣе вѣроятнымъ другую версію онаго, намъ также знакомую, но исходящую отъ самихъ Турокъ, которые требуютъ не годичной, а трехлѣтней отсрочки для введенія своей конституціи, съ тѣмъ что если потомъ они этимъ не удовлетворятъ державъ, то они согласны будутъ обсуждать вопросъ объ уступкѣ тѣхъ гарантій которыя на конференціи были ими отвергнуты. Каково безстыдство! *Болѣе вѣроятнымъ* считается возможность продлить на три года ту тревожную неизвѣстность, которая столь очевидною оказывается невозможною и разорительною для Россіи въ теченіи одного года.

Оказалось ли Англійское правительство благосклоннымъ къ этому новому желанію Порты пока еще не обнаружилось, но о какой бы то ни было отсрочкѣ она хлопочетъ дѣятельно. Въ преніяхъ бывшихъ на прошедшей недѣлѣ въ Палатѣ Лордовъ по поводу резолюціи внесенной лордомъ Стретеденомъ герцогъ Аргайль подмѣтилъ указаніе на это въ рѣчи лорда Дарби, хотя послѣдній старался не высказываться прямо. „Я понимаю изъ рѣчи благороднаго графа, сказалъ герцогъ, „что замышляется дать Портѣ годичную отсрочку. Я не выскажу никакого мнѣнія объ этомъ пунктѣ, но сомнѣваюсь чтобы благородный графъ могъ убѣдить другія державы на опытъ который изобличилъ какъ безнадежный благородный маркизъ (Салсбери) рядомъ съ нимъ сидящій."

Кстати скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ преніяхъ. Новаго въ нихъ правда ничего почти мы не узнаемъ, но они показали что эти фиктивныя и будто бы запальчивыя пререканія между правительствомъ и оппозиціей начинаютъ прискучать парламенту. Сами актеры утомляются комедіей которую они разыгрываютъ. А можетъ-быть и то что, не совсѣмъ твердо заучивъ роли, они опасаются не сказали ли они не то что слѣдуетъ, и потому спѣшатъ уйти за кулисы. Въ самомъ дѣлѣ, когда лордъ Стретеденъ отказался взять назадъ свою резолюцію, то, кромѣ его и предсѣдавшаго лорда канцлера, въ Палатѣ осталось всего четыре или пять перовъ, которыми резолюція и была отклонена безъ подачи голосовъ. Пренія же развѣ только еще разъ подтвердили намъ въ чемъ мы уже давно убѣдились—что между политикой либеральной оппозиціи и правительства въ сущности нѣтъ большой разницы.

Лордъ Стретеденъ засѣдаетъ на скамьяхъ оппозиціи и не совсѣмъ доволенъ правительствомъ, но не за то что оно благоволило къ Портѣ, а скорѣе за то что оно будто бы недостаточно отстаивало святость трактатовъ. Онъ и предложилъ подать адресъ королевѣ съ просьбой чтобъ ея величество благоволила принять наиболѣе соотвѣтствующія мѣры ко предотвращенію враждебныхъ дѣйствій и къ обезпеченію соблюденія трактатовъ 1856 года. Лордъ Стретеденъ осуждалъ правительство за то что оно въ 1874 году не употребило усилій чтобы не допустить союза трехъ сѣверныхъ имперій, и потомъ въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ минувшаго года не потрудилось привлечь на сторону своихъ взглядовъ высшіе авторитеты *(the eminent authorities)* въ Берлинѣ. Онъ впрочемъ не всѣмъ недоволенъ: конференція была для нея радугой послѣ долгой бури; она, по его мнѣнію, положила конецъ Священному Союзу „раздѣливъ или потопивъ этотъ союзъ;" она де имѣла въ виду примирить Порту. Моцію же свою лордъ Стретеденъ объяснялъ желаніемъ не стѣснить, а укрѣпить правительство и разсѣять распространившееся за границей „совершенно неосновательное заблужденіе будто либеральная партія въ Англіи обратилась въ русскихъ приверженцевъ."

И эти слова не вызвали никакого возраженія и разъясненія со стороны вождей либеральной партіи. Только одинъ герцогъ Аргайль повторилъ еще разъ свое заступничество за несчастныхъ Болгаръ. Да и его голосъ слабѣетъ не встрѣчая поддержки въ парламентѣ. Говорилъ еще лордъ Грей, также либералъ, осуждавшій когда-то и Крымскую войну, но онъ еще болѣе чѣмъ лордъ Стретеденъ жаловался на то что „вмѣшательство правительства было односторонне и направлено только противъ Турокъ" (!). Лордъ Грей противъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Турціи. Онъ желаетъ чтобы въ ней ничего не трогали, находя что „не время вводить новыя учрежденія въ провинціи страдающія отъ агитаціи возстанія." Но почему же? А потому что онъ не хочетъ видѣть эти провинціи въ рукахъ Россіи, администрація коей несравненно де хуже турецкой. Въ Россіи де и правосудіе ниже турецкаго, и религіозная нетерпимость сильнѣе. Но вѣдь рѣчь шла вовсе не о Россіи, а объ огражденіи христіанскихъ населеній Турціи предоставленіемъ имъ нѣкоторой степени самоуправленія. Лордъ Грей и этого не допускаетъ, ибо „депеши консула „Гольмза яснѣйшимъ образомъ доказываютъ что Боснія и Герцеговина совершенно неспособны ни къ какой системѣ изъ„бирательнаго самоуправленія, и что вся„кая попытка ввести такую систему при„чинитъ болѣе вреда чѣмъ пользы. Кон„сулъ говоритъ — и это вполнѣ вѣрно — „что провинціи эти нуждаются въ силь„номъ и просвѣщенномъ деспотизмѣ." Вотъ какъ либералы соперничаютъ съ министрами въ прославленіи порядковъ которые даютъ себя знать сажаніемъ на колъ, опо-

зореніемъ женщинъ, поголовными избіеніями, разореніемъ и сожженіемъ цвѣтущихъ городовъ и деревень... А вѣдь лордъ Грей когда-то засѣдалъ въ кабинетѣ Мельборна отмѣнившемъ невольничество въ англійскихъ колоніяхъ!

Лорда Дарби говорилъ одинъ отъ правительства. Онъ только откровенно сознался въ „нравственной поддержкѣ оказанной правительствомъ Портѣ," чѣмъ и оправдывалъ вмѣшательство въ ея дѣла. Онъ объяснилъ также что фраза о мѣстной автономіи была не имъ присовѣтована: „Мнѣ она не особенно нравилась. Она ка„залась очень неопредѣленною. Я скорѣе „протестовалъ противъ ея употребленія, и „я озаботился ограничить и опредѣлить „неясный и двусмысленный терминъ нѣ„которыми дополнительными словами объ„яснявшими что на нашъ взглядъ онъ дол„женъ означать." Еще онъ пояснилъ что международная коммиссія предлагавшаяся Портѣ не была „коммиссія съ административными цѣлями," а только наблюдательная коммиссія, и что она не имѣла бы другихъ функцій кромѣ тѣхъ какія и безъ того присвоены консуламъ. Словомъ, по толкованію лорда Дарби, тѣ гарантіи которыя требовались отъ Порты въ сущности вовсе не были гарантіями. Но это мы знали и безъ его объясненій.

Что касается до филиппикъ лорда Грея противъ захватовъ Россіи, то вотъ кстати вѣсти изъ Калькутты. Англія, безъ всякаго предлога, безъ малѣйшаго возраженія съ чьей-либо стороны, вторгается въ Келатское ханство, и за ничтожную цѣну 10.000 ф. ст. беретъ себѣ тамъ право держать войска, строить желѣзныя дороги, проводить телеграфы, возводить укрѣпленія, словомъ, хозяйничать въ странѣ независимой и сосѣдней съ Персіей...

№ 45.

Москва, 22-го февраля.

Положительно Турки предвидятъ столкновеніе съ Австріей, и свое враждебное чувство распространяютъ на всѣ три имперіи, Россію, Германію, Австрію. Извѣстны заявленія Мидхатъ-паши сдѣланныя редактору неаполитанской газеты *Roma*. Изгнанный визирь весьма откровенно, хотя, можетъ-быть, и не безъ задней мысли, высказалъ что война неизбѣжна, что Австрія приметъ въ ней участіе, и что зачинщикомъ всѣхъ смутъ онъ считаетъ князя Бисмарка, который де „понуждаетъ Австрію распространяться на славянскія земли чтобы расширить Германію и допустить Россію къ присоединенію другихъ провинцій которыя хотятъ взять у Турціи." Припомнимъ еще адресъ врученный константинопольскими софтами пресловутой мадьярской депутаціи. Добрая половина этого куріознаго документа наполнена выходками противъ *трехъ* сѣверныхъ имперій. „Еще недавно," значится въ адресѣ, „вокругъ насъ кружились орлы Россіи, Австріи и Германіи, какъ будто народъ Оттомановъ, больной человѣкъ 1853 года, теперь долженъ умереть и отдать свой трупъ имъ на пожраніе. Раздроблена Польша, надо раздробить и Румелію! Но Османлы, которыхъ считали умершими, потому что они долго были неподвижны, только спали и теперь проснулись. Они поднимаются теперь въ силѣ и во гнѣвѣ; они вооружаютъ 700.000 солдатъ, вдвое болѣе чѣмъ у нихъ было во дни ихъ высочайшей исторической славы, когда они шли противъ Монгола Тимуръ Ленга или когда вся Европа соединилась противъ нихъ въ крестовые походы. И посмотрите! Орлы поддаются и ищутъ вмѣстѣ добычи какую легче проглотить... Двуглавые орлы, одно говорящіе, а другое дѣлающіе, съ васъ снята личина! Вы, чьи головы въ гербахъ указываютъ на владычество надъ Востокомъ и Западомъ, думающіе поэтому что обладаете древне-римскою или латиногреческою имперіей, вы, совмѣстники въ обманчивыхъ надеждахъ, да исчезнете вы всѣ и да скроетесь среди историческихъ древностей музеевъ." Это не безъ нѣкоторой, какъ видите, поэзіи; тутъ есть даже счеты съ исторіей. Это хоть бы въ *Journal des Débats*.

Какъ намъ уже пришлось замѣтить, происходитъ нѣкоторое сосредоточеніе турецкихъ войскъ въ Герцеговинѣ и укрѣпляются блокгаузы въ направленіи къ австрійской границѣ. Эти приготовленія, конечно, не имѣютъ значенія тѣхъ какія приняты Турками на Дунаѣ и не въ состояніи будутъ ни на минуту остановить Австрійцевъ, однако они свидѣтельствуютъ о волнующихъ Турокъ опасеніяхъ.

Въ самой Австріи идея параллельнаго съ Россіей дѣйствія не есть неожиданность,

и находитъ не мало приверженцевъ, особенно среди военной партіи. Всего нѣсколько дней назадъ какъ вѣнская военная газета *Die Vedette* развивала эту идею въ статьѣ озаглавленной *Война или миръ*. Служа выраженіемъ взглядовъ упомянутой партіи, желающей совокупнаго съ Россіей дѣйствія, эта статья выставляетъ прежде всего два факта: что Россія не можетъ отступить въ Восточномъ вопросѣ, такъ какъ зашла слишкомъ далеко, и что есть однако много элементовъ употребляющихъ всѣ усилія чтобы предотвратить войну и не теряющихъ надежды уладить дѣло дипломатическимъ путемъ. Но вѣнская военная газета не сомнѣвается что Россія все-таки должна будетъ обнажить мечъ. Повидимому, она теперь изолирована. Князь Бисмаркъ повторяетъ что Германія не имѣетъ прямаго интереса въ Восточномъ вопросѣ, графъ Андраши намѣревается сохранить независимость своихъ рѣшеній и продолжаетъ свою „политику отъ случая до случая“ (Fall-zu. Fall-Politik). Но выгодна ли для Австріи такая политика? Австрійская военная партія отвѣчаетъ: *нѣтъ*, и стоитъ за союзъ съ Россіей *тотчасъ же*. „Протяни сегодня Австрія безъ долгаго колебанія руку изолированной Русской имперіи для военнаго союза противъ Турціи, она добилась бы *чрезвычайно благопріятныхъ условій, по крайней мѣрѣ пріобрѣла бы необходимыя ей страны позади ея Адріатическаго побережья*. При соблюденіи нейтралитета, Австрія въ случаѣ успѣховъ Россіи можетъ вмѣстѣ съ другими державами сказать свое *veto*, но она останется тогда при своемъ территоріальномъ *status quo*, между тѣмъ какъ въ союзѣ съ Россіей она *увеличиваетъ свои владѣнія и свое могущество*. Она можетъ дѣлать свой выборъ изъ наслѣдства послѣ Турціи и продолжать далѣе свою *миссію на Востокѣ. Для Россіи — война съ Турціей есть политическая необходимость, для Австріи — правило политической мудрости.*“

Что касается военныхъ приготовленій Австріи, то они начались не сегодня. Возможность австрійскаго вмѣшательства уже давно предвидѣлась. Еще въ концѣ прошлаго года, въ Вѣнѣ собирался подъ предсѣдательствомъ императора общій совѣтъ австрійскихъ и венгерскихъ министровъ, на которомъ обсуждалась случайность вмѣшательства Австріи въ войну, и тогда же были изготовлены планы мобилизаціи австрійской арміи. Планъ сосредоточенія трехъ армейскихъ корпусовъ, одного въ Трансильваніи и двухъ другихъ на Савѣ и въ Далматіи (то-есть на границахъ Босніи и Герцеговины), приписывался тогда генералу Рингельсгейму. Интересно что одна изъ хорватскихъ газетъ, близкихъ къ фельдцейхмейстеру Моллинари (командующему войсками въ Хорватіи и Военной Границѣ) положительно увѣряла тогда что главнокомандующимъ мобилизованною австрійскою арміей будетъ назначенъ *Славянинъ*, и указывала именно на генерала Маройчича, нынѣ командующаго войсками расположенными въ Вѣнѣ.

Вотъ какъ иронически слагаются дѣла! Не Англія ли поставила не только правиломъ своей политики, но чуть не догматомъ своей религіи, независимость и цѣлость Турецкой имперіи? Всѣ другія побужденія, всѣ другіе интересы и цѣли ею подчинены этому требованію сохранности Турціи. Изъ-за этого она допускала и сама вызывала дѣла приводящія въ содраганіе человѣческое сердце и всѣми средствами, всѣми кознями своей политики поддерживала и до сихъ поръ поддерживаетъ положеніе невозможное, ни съ чѣмъ не сообразное, оскорбляющее всякую совѣсть. Мы вѣримъ въ этомъ отношеніи искренности англійскихъ государственныхъ людей; но ихъ политика обманула ихъ самихъ. Они принимали мѣры противъ Россіи, якобы умышлявшей на цѣлость Турціи; они отвергали всѣ ея предложенія, ставили преграду всѣмъ ея попыткамъ, а выходило такъ что опасности угрожавшія Турціи возрастали, затрудненія ея увеличивались, дѣла ея запутывались, именно вслѣдствіе заботливыхъ о ней стараній англійской политики. Англія отвергла такъ-называемый Берлинскій меморандумъ, которымъ Россія требовала дѣйствительныхъ гарантій въ пользу христіанскихъ населеній Турціи, и послѣдствіемъ были новыя потрясенія Турціи и война ея съ княжествами; которая стоила ей стольких жертвъ. Англія не хотѣла допустить русской экзекуціи въ Болгаріи, экзекуціи, которая не могла имѣть иной цѣли кромѣ умиротворенія и устройства этихъ провинцій соотвѣтственно общепризнаннымъ требованіямъ, и вотъ теперь разыгрывается и получаетъ усиленный ходъ политика, не изъ Россіи идущая и не требуемая рус-

скими интересами, но направленная именно къ раздробленію турецкой территоріи. Россія имѣла только одинъ интересъ — обезпеченіе христіанскихъ населеній Востока, и интересъ этотъ мирился не только съ существованіемъ Турціи, но и съ ея цѣлостью. Русская политика нашла и поставила на видъ тотъ единственный способъ существованія Турціи который дѣлаетъ это существованіе терпимымъ и можетъ на неопредѣленное время упрочить его: способъ этотъ есть бо́льшая или меньшая автономія ея провинцій, съ прекращеніемъ рабской зависимости христіанъ отъ Турокъ. Но вотъ, именно благодаря усиліямъ Англіи ради сохраненія цѣлости Турціи, возникаетъ вопросъ объ отторженіяхъ и присоединеніяхъ ея частей... Параллельное же дѣйствіе Австріи какъ оно теперь устраивается по Берлинскому плану, вызываетъ иные побужденія и интересы, которые не имѣютъ ничего общаго съ требованіемъ справедливости относительно христіанъ на Востокѣ, и не обойдутся безъ обширныхъ и глубокихъ перемѣнъ въ политической системѣ и территоріальномъ распредѣленіи Европы...

№ 46.

Москва, 23-го февраля.

Вѣнскій корреспондентъ *Daily News* конфиденціально извѣщалъ 28-го февраля нов. ст. будто на слѣдующій день, то-есть еще въ четвергъ на прошлой недѣлѣ, ожидалось отправленіе Русскимъ правительствомъ втораго циркуляра, въ которомъ должна быть указана „невыносимая неизвѣстность“ нынѣшняго Восточнаго кризиса. Извѣстіе это сообщалось и вѣнскимъ министерскимъ органомъ *Fremdenblat*, съ присовокупленіемъ что новый циркуляръ изложенъ въ весьма рѣшительномъ тонѣ, и что онъ напомнитъ державамъ что и на прежній циркуляръ еще не послѣдовало отвѣта.

Но еслибъ это случилось, то конечно телеграфъ не замедлилъ бы разгласить изо всѣхъ европейскихъ столицъ по всему свѣту о новомъ русскомъ циркулярѣ, какъ это было при появленіи перваго. Что же касается напоминанія великимъ державамъ объ отвѣтѣ, то не видно какая была бы въ томъ надобность. Русскій циркуляръ указывалъ державамъ на совершенно отрицательные результаты конференціи, и спрашивалъ ихъ какъ предполагаютъ онѣ дѣйствовать. Это было, если угодно, со стороны Россіи заключительною данью вѣжливости тому европейскому *согласію* о поддержаніи котораго она такъ заботилась. Но въ дипломатическихъ обычаяхъ отвѣты на такіе дружественные запросы не обязательны. Точно также и для Россіи вовсе не обязательно выжидать этихъ отвѣтовъ. Послѣ всего совершившагося, и въ виду всего что̀ продолжаетъ твориться въ Турціи, Россія не имѣетъ надобности ожидать примѣра или рѣшенія отъ другихъ. Рѣшеніе ея зависитъ только отъ ней самой.

Что̀ было сказано Россіей четыре мѣсяца тому назадъ о необходимости обезпеченія христіанъ въ Европейской Турціи, то остается во всей силѣ. А еслибы понадобилось вящее подкрѣпленіе этого рѣшенія новыми фактами, то ихъ въ изобиліи доставляютъ англійскіе авторитеты. Приведемъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ послѣднихъ нумеровъ англійскихъ газетъ. Вотъ что говорилъ герцогъ Аргайль въ Палатѣ Лордовъ 26 февраля, въ рѣчи о которой мы уже вкратцѣ упоминали:

„По моему мнѣнію, вниманіе страны и парламента было слишкомъ сосредоточено на Болгарскихъ ужасахъ. Это были избіенія въ обширныхъ размѣрахъ, подобныя тѣмъ къ какимъ во всѣ вѣка прибѣгала Турція для подавленія возстаній, но общественное мнѣніе еще недостаточно сознаетъ постоянное угнетеніе и преслѣдованіе христіанъ въ этихъ провинціяхъ... Я глубоко убѣжденъ что христіанскія провинціи Турціи никогда не были въ худшемъ положеніи чѣмъ въ настоящее время, и опасаюсь что неудача конференціи отзовется для ихъ жителей еще новыми страданіями.“

И то что̀ говорилъ герцогъ Аргайльскій почти ежедневно сообщается въ письмахъ англійскихъ корреспондентовъ. Въ *Times*, отъ 1 марта, константинопольскій корреспондентъ этой газеты передаетъ, напримѣръ, отъ 20 февраля, слѣдующія выдержки изъ письма жителя Сереса, города Андріанопольской провинціи, лежащаго къ сѣверо-востоку отъ Салоникъ:

„Какъ богатые, такъ и бѣдные Турки одинаково угнетаютъ насъ. Все было дано имъ чего они требовали. Этотъ годъ

намъ пришлось исполнить всѣ работы на ихъ поляхъ не принимаясь за свои. Ничѣмъ, однако, нельзя удовольствовать или умилостивить ихъ. Нѣтъ предѣла ихъ насиліямъ и хищеніямъ. Нашъ вьючный скотъ долженъ быть всегда въ ихъ распоряженіи; они ѣздятъ на нашихъ лошадяхъ, и мы же должны доставлять еще фуражъ для нихъ. Также безцеремонны они и съ нашими кошельками: давай сколько ни спросятъ, а откажешь, бьютъ почти на смерть. Не довольствуясь вымогательствомъ всего что имъ понадобится, Турки для потѣхи дѣлаютъ жителямъ всякій вредъ, губятъ деревья на ихъ поляхъ, разоряютъ ихъ виноградники и сады."

Это происходитъ въ уголкѣ Македоніи откуда до сихъ поръ еще не доходили вѣсти. О томъ же что дѣлается въ провинціяхъ ближайшихъ къ Дунаю можно судить изъ того что коммиссія наряженная Портой въ Филиппополѣ, послѣ оправданія Шефкетъ-паши, подвизавшагося въ Сливнѣ и другихъ селеніяхъ, оправдала потомъ Тоссунъ-бея, виновника страшныхъ избіеній въ цвѣтущей Клисурѣ, что совершенно возмутило даже г. Беринга, такъ что онъ протестовалъ *séance tenante*, и выѣхалъ изъ Филиппополя, видя свое присутствіе въ коммиссіи совершенно безполезнымъ.

А вотъ что пишетъ о Босніи въ *Manchester Guardian* случайный корреспондентъ изъ Книна, утверждающій что и по заключеніи Сербіей мира, даже если Россія не вступится, Босніяне можетъ быть вскорѣ замирена, и выходцы оттуда не возвратятся на родину:

„Бѣглецы, изгнанные изъ Босніи звѣрскими дѣяніями (которыя, хотя они и не сообщались въ англійскихъ газетахъ, почти превосходятъ Болгарскіе ужасы), умираютъ десятками и сотнями, отъ голода и холода, въ негостепріимныхъ ущельяхъ Динарскихъ Альповъ, но они не возвратятся. Боснійскіе инсургенты уже держатъ въ своей власти горныя твердыни, обнимающія почти 2.000 кв. миль, хорошо вооружены и, я полагаю, они способны не только удержаться безъ иностранной помощи, но окончательно образовать новое свободное государство, Боснійскую Черногорію, въ сѣверозападномъ углу провинціи. Страна же которая не въ рукахъ инсургентовъ держится въ терроръ господствующею кастой туземныхъ магометанскихъ фанатиковъ, бегами и агами, съ ихъ свитой палачей баши-бузуковъ, которые отказались отъ всякаго повиновенія центральному правительству. Даже въ Сараевѣ, столицѣ провинціи, гдѣ, по крайней мѣрѣ, Османлы должны бы имѣть нѣкоторый контроль надъ туземными Фанатиками, положеніе бѣдственное. Меня увѣряетъ одинъ европейскій резидентъ что все мужское мусульманское населеніе поголовно вооружено, что христіанскіе жители города ежедневно оскорбляются, и что толпы фанатиковъ расхаживаютъ въ ночное время по улицамъ стрѣляя изъ пистолетовъ и не слушаясь властей. Внѣ Сараева положеніе еще хуже, а около Травника и Баньялуки худшіе изъ Болгарскихъ ужасовъ повторяются въ эту самую минуту. О числѣ лицъ убитыхъ невозможно въ настоящее время добыть точныя данныя. Впрочемъ, въ одной деревнѣ Зупѣ, близь Баньялуки, было шесть убійствъ, многіе были жестоко побиты, и совершены были другія насилія о которыхъ я не могу писать. Въ глубокую зиму многочисленное и мирное населеніе бросило со страху дома и скрывается въ лѣсахъ или перебралось за границу. И не только выходцы не возвращаются на свои пепелища, но число ихъ все растетъ."

Всѣ эти факты, конечно, также хорошо извѣстны англійскимъ министрамъ и членамъ парламента какъ и всей читающей публикѣ. И несмотря на это, развѣ мы не слышали какъ благородные лорды препирались за Турокъ, глумясь надъ страданіями ихъ христіанскихъ подданыхъ? Какого же отвѣта ждать отъ нихъ о томъ что они намѣрены дѣлать? И къ чему же какъ не къ ужасной катастрофѣ грозитъ привести новая льготная отсрочка для Порты, о которой хлопочетъ Англія? Объ этой политикѣ отсрочки слѣдующимъ образомъ отзывается лондонскій же органъ, *Daily News*:

„Въ то время какъ христіане въ Турціи окружены столь же многими и великими опасностями какъ тѣ что угрожали имъ десять мѣсяцевъ тому назадъ, намъ говорятъ что они должны быть оставлены на произволъ правительства которое держало на службѣ и украшало орденами Шефкетъ-пашу. Это можетъ на минуту сойти за политику мира, но это политика которая вызываетъ войну и дѣлаетъ ее неизбѣжною."

А такъ какъ это конечно извѣстно Ве-

ликобританскому правительству не хуже публицистовъ *Daily News*, то не позволительно ли съ нашей стороны заподозрить что всѣ его хлопоты о льготной отсрочкѣ для Турціи можетъ-быть только скрываютъ заботу о томъ чтобъ уговорить насъ разоружиться ранѣе чѣмъ наступитъ всѣми ожидаемая катастрофа въ Турціи, такъ чтобъ она только насъ однихъ настигла неприготовленными, оставляя Англіи полную свободу принять мѣры чтобъ устроить дѣла на Востокѣ согласно съ ея корыстными разчетами. Имѣя въ виду несомнѣнные признаки полнаго разложенія всякаго правительственнаго порядка въ турецкихъ провинціяхъ, указываемые корреспондентами англійскихъ же газетъ, и столь частые въ послѣднее время перевороты въ султанской столицѣ, мы не можемъ забыть, съ другой стороны, что англійскій флотъ, хотя и отозванный въ Мальту, можетъ въ немного дней очутиться въ Босфорѣ...

№ 47.

Москва, 24-го февраля.

Въ прошедшемъ году былъ въ нашей печати возбужденъ вопросъ о международномъ значеніи Парижской декларації, приложенной къ трактату 1856 года и касающейся между прочимъ каперства. Нашлись въ Петербургѣ оригиналы, съ претензіей на научный авторитетъ, которые запрещали намъ и думать объ употребленіи каперовъ въ случаѣ войны Россіи съ Англіей. По ихъ сужденію, отмѣна каперства—дѣло по крайней мѣрѣ столь же святое какъ для лорда Биконсфильда сохранность турецкой управы надъ христіанскими населеніями Востока. Намъ представляется теперь случай возвратиться къ этому вопросу и провѣрить что было нами тогда сказано и что выставляли наши противники.

Вопросъ объ этой самой декларації былъ поднятъ, въ засѣданіи 1 марта Британской Палаты Общинъ, г. Перси Уайндгамомъ (Wyndham), который находилъ эту декларацію невыгодною для Англіи, и предложилъ резолюцію отказаться отъ нея. Обсужденіе вопроса, веденное въ Палатѣ съ большимъ искусствомъ, держалось на теоретической почвѣ, не имѣя въ виду неотложной практической необходимости; оно возбуждено было въ ту минуту когда Англія со всѣми въ мирѣ и не предполагаетъ воевать, хотя въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ сквозило, и даже прямо выражалось, предвидѣніе возможности войны съ Россіей.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію сущности преній, мы должны для ясности напомнить что два главные пункта Парижской декларації относятся: одинъ къ признанію отмѣны каперства, другой къ признанію неприкосновенности нейтральнаго флага, прикрывающаго слѣдовательно и непріятельскій товаръ, кромѣ военной контрабанды. Отсутствіе всякой внутренней связи между этими пунктами необходимо имѣть въ виду для уразумѣнія смысла различныхъ аргументовъ.

Противники Парижской декларації въ Англіи протестуютъ противъ признанія неприкосновенности нейтральнаго флага. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и г. Уайндгамъ, который ставилъ на видъ что, отказавшись отъ права осмотра нейтральныхъ судовъ на всѣхъ моряхъ, Англія отказалась отъ своихъ правъ которыя доставило ей морское преобладаніе.

Такъ какъ для Россіи въ случаѣ войны, при слабости ея флота и при ея традиціонномъ уваженіи правъ нейтральныхъ, еще со временъ императрицы Екатерины II, право осмотра далеко не можетъ имѣть той важности какъ для Англіи, то мы лишь кратко коснемся этого пункта.

Мнѣнія ораторовъ говорившихъ на эту тему раздѣлились: одни, вмѣстѣ съ г. Уайндгамомъ, находили что Англія добровольно нанесла себѣ ущербъ отказомъ отъ права осмотра; другіе, напротивъ, доказывали что декларація для Англіи выгодна; третьи, наконецъ, какъ гг. Грантъ Доффъ и Яковъ Брайтъ, желали бы пойти еще дальше и объявить вообще частную собственность на морѣ, даже воюющихъ, неприкосновенною. Замѣтить слѣдуетъ что г. Уайндгамъ, въ подкрѣпленіе своей резолюціи, обращалъ вниманіе на весьма важный фактъ, на который мы указали, именно что всякое международное обязательство на случай войны „должно по необходимости зависѣть отъ общаго согласія всѣхъ державъ, и что фактъ отказа присоединиться къ Парижской декларації со стороны значительныхъ морскихъ державъ, каковы Соединенные Штаты и Испанія, лишаетъ этотъ документъ всякой цѣны между правительствами, его подписавшими.“

Но почему же въ такомъ случаѣ Англія, если Парижская декларація для ней невыгодна, не отказывается отъ нея, почему резолюція г. Уайндгама была отклонена огромнымъ большинствомъ 114 голосовъ (56 за и 170 противъ)? Какія вѣскія возраженія были высказаны противъ? Они могутъ быть выражены въ весьма немногихъ словахъ. Вопервыхъ, большинствомъ признается что развитіе желѣзныхъ дорогъ совершенно измѣнило условія торговыхъ сношеній, а вовторыхъ, всѣ понимаютъ что теперь праву осмотра не такъ-то легко подчинились бы нейтральные, и что настояніе на немъ было бы крайне опасно и могло бы обратить во враговъ Англіи тѣхъ съ кѣмъ она хотѣла бы сохранить дружбу. Имѣя опредѣленную цѣль въ войнѣ, не выгодно вооружить противъ себя весь свѣтъ, ради только предполагаемаго облегченія войны съ однимъ противникомъ. Всего яснѣе это было выражено въ краткой рѣчи г. Ашли, который о Парижской деклараціи сказалъ слѣдующее: „Она была обдуманнымъ признаніемъ „со стороны правителей Англіи что обстоя„тельства настолько измѣнили наши отно„шенія къ остальному міру что намъ не„возможно было долѣе настаивать на про„извольно захваченныхъ правахъ *(high„handed rights)*, которыя мы прежде под„держивали на общихъ моряхъ превосход„ствомъ силы. Затѣмъ они, какъ люди „разсудительные, обсудили согласно ли съ „достоинствомъ и интересами Англіи пу„стое заявленіе невозможныхъ правъ, или „не согласнѣе ли съ тѣмъ и другимъ что„бы торжественное отреченіе отъ устарѣ„лыхъ требованій сопровождалось подоб„нымъ же отказомъ другихъ могуществен„ныхъ націй отъ частнаго крейсерства въ „войнѣ. И по мудрой оцѣнкѣ истинныхъ „интересовъ Англіи, правительство наше „согласилось на признаніе свободы ней„тральнаго флага если въ то же время „будетъ отмѣнено каперство.“ *Voilà donc le secret dévoilé.* Не то ли же самое, высказанное нами, возбудило гнѣвъ нашихъ ученыхъ критиковъ, твердившихъ на всѣ лады въ газетѣ *Голосъ*, будто Парижская декларація была торжествомъ *русской* политики и будто Россія пріобрѣла ею несказанныя выгоды, убѣдивъ Англію отказаться отъ права осмотра нейтральныхъ судовъ, для насъ, въ случаѣ войны съ Англіей, не имѣетъ значенія. Выходитъ что Англичане отказались отъ совершенно фиктивнаго права, которое имъ стало невозможно примѣнять въ новѣйшее время, выговоривъ себѣ за это существенную выгоду въ отмѣнѣ частнаго каперства. И это не индивидуальное мнѣніе г. Ашли. Его повторяли всѣ возражавшіе противъ резолюціи г. Уайндгама, и съ особенною силой одинъ изъ лучшихъ вождей оппозиціи, сэръ-Вильямъ Гаркортъ, въ рѣчи котораго, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Когда страна не держитъ большаго и могущественнаго національнаго фло„та, то главный рессурсъ такого государ„ства есть помощь частнаго каперства.“ Не менѣе ясно толковалъ это говорившій отъ правительства подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ: „Въ случаѣ войны „мы еще болѣе выиграемъ отмѣной каперства, потому что нашъ флотъ, вмѣсто по„гони за каперами, будетъ свободнѣе чтобъ „уничтожать непріятельскія суда и охра„нять наши берега. Мы всегда имѣемъ „болѣе собственности подверженной ущер„бу въ открытыхъ моряхъ чѣмъ какая дру„гая страна, находимся ли мы въ мирѣ „или въ войнѣ, и сумма ущерба который „каперы могутъ причинить нашему торго„вому флоту всегда будетъ болѣе чѣмъ „какой они могутъ причинить любой дру„гой странѣ въ свѣтѣ.“

Еще ли не ясно что отмѣна каперства служитъ къ выгодѣ одной Англіи, которая мастерски сумѣла вымѣнять на него потерявшее для нея всякое значеніе право осмотра нейтральныхъ? И потому самые протесты Парижской декларації которые періодически поднимаются въ англійскихъ палатахъ могутъ обманывать развѣ только слишкомъ довѣрчивыхъ. Обратимся, однако, къ рѣчамъ противниковъ Парижской декларації. Неужели такой шовинистъ какъ г. Уайндгамъ могъ самъ не замѣтить силы приведенныхъ доводовъ? Неужели онъ самъ не понимаетъ выгодъ пріобрѣтаемыхъ Англіей отъ отмѣны каперства? Нѣтъ, онъ только не считаетъ отмѣну каперства достаточною компенсаціей за отказъ отъ права осмотра. Ему очевидно было бы желательно удержать, къ выгодѣ Англіи, отмѣну каперства и сохранить за нею право осмотра. Но потому-то онъ и дорожитъ осмотромъ что *не вѣритъ* въ отмѣну каперства. Объ этой мнимой отмѣнѣ ему вовсе не хотѣлось и говорить, и онъ коснулся этого вопроса съ неудо-

вольствіемъ, только потому что видѣлъ вредную ошибку въ связи обоихъ вопросовъ: „Связь между ними,“ говорилъ онъ, „совершенно случайная. Часто утверждали будто тотъ фактъ что Англія избавилась отъ каперства обязываетъ насъ къ соблюденію принципа что нейтральный флагъ прикрываетъ непріятельскій товаръ. Это я совершенно отрицаю. Договоръ не прибѣгать къ каперамъ касается только воюющихъ. *Когда же нація вступаетъ въ войну съ другою, то всѣ трактаты между ними прекращаются, и слѣдовательно если непріятель будетъ употреблять каперовъ противъ насъ, то и мы можемъ употребить каперовъ противъ непріятеля.* И въ случаѣ войны Англія не получитъ никакой выгоды отъ осужденія каперства. Что каперство ни въ какомъ смыслѣ не отмѣнено Парижскою деклараціей, это вполнѣ извѣстно и это понимаютъ за границей, и потому меня не удивилъ совѣтъ *Московскихъ Вѣдомостей* Русскому правительству, какъ это было передано въ *Times* отъ 25 октября, выдать каперскія свидѣтельства противъ Англіи въ случаѣ войны.“ И не на основаніи однихъ только разсужденій и предположеній г. Уайндгамъ основываетъ свое мнѣніе о несущественномъ значеніи отмѣны каперства. Онъ сослался на фактъ который, кажется, не былъ замѣченъ въ свое время. По объявленіи Франко-Прусской войны, король прусскій 24 іюля 1870 года издалъ указъ объ учрежденіи „добровольнаго флота,“ и г. Кольво, въ сочиненіи *Le Droit International*, какъ указываетъ г. Уайндгамъ, приводитъ слѣдующія причины въ доказательство что актъ короля Прусскаго былъ согласенъ съ международнымъ правомъ:

„1) Корабли были обозначены какъ *navires frétés*, то-есть какъ суда только нанятыя (*chartered*, по выраженію г. Уайндгама), собственность коихъ не передавалась государству, а оставалась принадлежностью арматоровъ; 2) они имѣли получать премію за каждый изъ захваченныхъ кораблей; 3) ихъ экипажъ и офицеры долженствовали быть доставлены самими арматорами“.

Затѣмъ г. Уайндгамъ привелъ еще слѣдующее извлеченіе:

„Англійскіе коронные юристы, спрошенные о законности этого указа, не усмотрѣли въ немъ нарушенія декларацiи 1856 года; на ихъ взглядъ операціи для коихъ назначались суда не были спеціально частнаго или торговаго характера, *но должны быть скорѣе сравнены съ операціями вольныхъ отрядовъ или волонтеровъ, вербовка коихъ признается и утверждается международнымъ правомъ*“.

Въ сущности, это конечно не что иное какъ возстановленіе каперства, и потому г. Уайндгамъ не безъ основанія замѣтилъ по этому поводу: „Будемъ ли мы держаться Парижской декларацiи или нѣтъ, но система кажется въ той или другой формѣ возродится.“ Поразительнѣе всего однако то что тѣ самые кто только что восхваляли отмѣну каперства не отказываются, при случаѣ, несмотря на декларацію, воспользоваться для себя выгодами каперства, хотя бы въ замаскированной формѣ. Напримѣръ, г. Ашли замѣтилъ что „въ случаѣ войны мы можемъ посадить матросовъ королевскаго флота на большіе почтовые пароходы, и такимъ образомъ у насъ сразу будетъ флотъ болѣе полезный чѣмъ всѣ когда-либо высылавшіеся каперы.“ Чтобъ оцѣнить значеніе этихъ словъ должно припомнить что въ Англіи имѣется огромный, такъ-называемый, морской резервъ, состоящій изъ матросовъ на торговыхъ судахъ, обязанныхъ по первому призыву явиться на королевскую службу. Но еще характеристичнѣе въ этомъ отношеніи заявленіе члена правительства, г. Борка, который обзывалъ частное каперство пиратствомъ и доказывалъ что ни одна страна такъ не заинтересована въ отмѣнѣ каперства какъ Англія. Вотъ что имъ было сказано: „Но между тѣмъ какъ Парижская декларація отмѣнила каперство, я напомню Палатѣ что эта декларація вовсе не сдѣлала того что воображаютъ. Она не мѣшаетъ нанять любое число торговыхъ судовъ чтобы вести войну противъ непріятеля и тревожить его торговлю.“ Даже сэръ-Вильямъ Гаркортъ замѣтилъ что въ случаѣ войны торговыя суда которыя остались бы безъ дѣла могли бы быть употреблены какъ „вспомогательныя силы для военныхъ судовъ,“ хотя онъ такъ цѣнитъ отмѣну каперства что желалъ бы чтобы Парижская декларація пошла еще далѣе, и отмѣнила каперство „не только по имени, но и фактически.“

На этотъ разъ мы говорили не отъ себя, мы приводили только слова англійскихъ

ораторовъ, и они повторяютъ почти буквально то что мы говорили въ октябрѣ минувшаго года. Возражавшіе намъ русскіе публицисты могутъ теперь видѣть *какъ* смотрятъ на отмѣну каперства въ самой Англіи. Англичане весьма не прочь обезопасить себя придумывая обязательства для другихъ, но они вовсе не намѣрены отказываться для себя отъ выгодъ каперства подъ какою-либо благовидною формой. Да и другія страны тоже. Указъ короля Прусскаго 1870 года былъ одобренъ англійскими коронными юристами. Намъ ли однимъ выступать теперь Донкихотами, и безсмысленно отказываться отъ оружія которое сохраняютъ всѣ другіе?

Любопытно что даже относительно неприкосновенности нейтральнаго флага тѣ самые что превозносятъ и отстаиваютъ Парижскую декларацію придаютъ ей весьма эластическое основаніе. Право осмотра въ ней оставлено только для открытія военной контрабанды. Но что такое военная контрабанда? „Тотъ будетъ весьма способный человѣкъ,“ замѣтилъ лордъ Эглингтонъ, „кто скажетъ Палатѣ что такое военная контрабанда?“ А г. Боркъ заявилъ что „въ наше время, когда военная контрабанда включаетъ не только ружья и „порохъ, но почти все что можетъ быть „обращено въ военный матеріалъ, право „обыска для ея открытія остается весьма „обширнымъ для военныхъ цѣлей.“ Что же это за международное обязательство которое можно всячески обходить и при случаѣ толковать въ свою пользу? Мы помнимъ какъ въ 1870 году шли большіе споры о томъ не слѣдуетъ ли даже хлѣбъ считать военною контрабандой.

Безусловная отмѣна каперства можетъ быть конечно допущена только съ признаніемъ вообще неприкосновенности частной собственности на морѣ, какъ это ставилъ условіемъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ Пирсъ, въ 1854 году, еще за два года до Парижской декларації, и какъ это предлагаютъ гг. Грантъ Доффъ и Брайтъ. Ихъ предложеніе ни въ комъ не нашло сочувствія. Находили даже не патріотическимъ что одна часть гражданъ будетъ въ мирѣ, тогда какъ государство ведетъ войну. Но гораздо ближе къ дѣлу слѣдующее возраженіе подсекретаря иностранныхъ дѣлъ, г. Борка: „Вполнѣ удобно и „резонно для лицъ и націй излагать пра„вила обязательныя въ отношеніяхъ ме„жду воюющими и нейтральными, но без„полезно и напрасно излагать правила обя„зательныя между самими воюющими. Когда „вспыхнетъ война, трактаты и обязатель„ства между воюющими уважаются ими не „долѣе какъ того требуетъ для нихъ не„обходимость; а потому я скажу что пра„вила которыя излагаются въ интересѣ „человѣчества для руководства и поведе„нія воюющихъ не стоятъ бумаги на ко„торой они написаны. Независимо отъ сего „я скажу что наша страна никогда не „откажется отъ права захватывать тор„говыя суда на морѣ.“

Замѣтимъ, это говоритъ членъ Англійскаго правительства. Но если вѣрно, по его словамъ, что никакіе трактаты о неприкосновенности частной собственности на морѣ, даже еслибъ они существовали, не могли бы удержать свою силу между воюющими, то это относится и къ отмѣнѣ каперства, которое тоже имѣетъ значеніе только для воюющихъ. Право осмотра — иное дѣло: оно касается нейтральныхъ.

№ 48.

Москва, 25-го февраля.

Вчера, излагая содержаніе преній происходившихъ 2-го марта въ англійской Палатѣ Общинъ по поводу Парижской декларації, мы передали нашимъ читателямъ интересные взгляды высказанные различными парламентскими дѣятелями по этому вопросу, изъ коихъ достаточно ясно можно видѣть что въ Англіи, хотя она и держится Парижской декларації, никакъ не ожидаютъ что мы станемъ смотрѣть на нее какъ на нѣкоего рода священное обязательство. Но, излагая чужіе взгляды, которые оказались во многомъ почти буквально совпадающими съ тѣмъ что мы высказывали, мы еще не коснулись еще одного интереснаго вопроса. Съ какою цѣлію были возбуждены эти пренія? Для чего, вотъ уже восьмой разъ въ теченіи двадцати лѣтъ, поднимаются въ Англійскомъ парламентѣ толки о выгодахъ и невыгодахъ Парижской декларації, которые каждый разъ остаются безо всякаго результата? Теперь, правда, въ Англіи смутно чуютъ возможность войны. Поэтому и пренія на этотъ разъ были гораздо обстоятельнѣе чѣмъ прежде, и велись съ боль-

шею откровенностью. Однако пренія все-таки ни къ чему не привели, и резолюція г. Уайндгама была отвергнута. Зачѣмъ же ему было предлагать ее и произносить тщательно подготовленную рѣчь, переполненную цитатами изъ старинныхъ авторитетовъ? Уже конечно это было имъ сдѣлано не для того чтобы для своего назиданія выслушать объясненія подсекретаря иностранныхъ дѣлъ, который свелъ на то что въ сущности Парижская декларація оставила Англію въ томъ же положеніи въ какомъ она была и прежде. Такого рода объясненіе, если оно такъ уже было желательно, легко можно было получить и безъ шума. Къ чему же эти восьмикратныя въ теченіе двадцати лѣтъ угрозы что Англія откажется отъ декларації? Къ кому онѣ главнымъ образомъ обращены?

Ни къ намъ, ни къ какому-либо другому возможному противнику Англіи въ войнѣ онѣ не могутъ относиться, какъ это мы сейчасъ покажемъ. Опредѣлить заранѣе, съ большею ясностью, свои отношенія къ нейтральнымъ, это для Англіи должно быть болѣе желательно. Но и тутъ едва ли причемъ Парижская декларація. Эти отношенія опредѣлятся не столько теоретическими обязательствами сколько требованіями такихъ нейтральныхъ какъ Германія, Франція и въ особенности Соединенные Штаты, и ихъ условіямъ Англія несомнѣнно подчинится, хотя бы и поморщившись. Въ чемъ же дѣло? Не стѣснительныхъ для себя обязательствъ, не нарушенія также обязательствъ другою воюющею стороной опасается Англія въ случаѣ войны. Ее тревожитъ нѣчто совсѣмъ иное, а что именно, это-то и любопытно теперь выяснить.

Англичане желали бы возвратить себѣ отжившія, изгнанныя изъ практики, не столько обязательствами сколько новѣйшими условіями, морскія права, якобы для того чтобъ имѣть возможность дѣйствительнѣе парализовать въ войнѣ торговлю противника, но въ подкладкѣ этого желанія гораздо болѣе сказывается страхъ за англійскую торговлю, которой теперь, если-бы война была мало-мальски продолжительна, можетъ быть нанесенъ, не столько даже прямымъ сколько косвеннымъ путемъ, непоправимый, роковой ущербъ. Чтобъ яснѣе развить нашу мысль, приходится сдѣлать нѣкоторыя отступленія.

Изъ изложенныхъ вчера преній видно что въ Англіи очень хорошо понимаютъ что на отмѣну Парижскою декларацією каперства надѣяться нечего, и въ случаѣ, напримѣръ войны съ Россіей, Англичане конечно не ожидаютъ чтобы Россія вопреки всякой справедливости и здравому смыслу, давала причинять себѣ вредъ и не платила тѣмъ же своему противнику. Обязательства Парижской декларації, какъ должны согласиться и англійскіе министры, вовсе не обязательства въ строгомъ смыслѣ слова; наконецъ, она очевидно лишена обязательности уже и потому что не имѣетъ всеобщаго характера, не будучи принята Испаніей и Соединенными Штатами. Очевидно что въ морской войнѣ, какою неизбѣжно должна быть война съ Англіей, дѣйствія не могутъ ограничиться одними регулярными флотами, и декларація отнюдь не мѣшаетъ прибѣгнуть къ каперству въ той или другой формѣ. Раздачей ли каперскихъ свидѣтельствъ или принятіемъ каперовъ на иррегулярную службу, какъ дѣлала Пруссія, но англійской торговлѣ можно угрожать на всѣхъ моряхъ. А что для этой грозы не требуется большихъ силъ указываетъ слѣдующій фактъ о которомъ было упомянуто во время преній въ Палатѣ Общинъ. Никогда Англія не господствовала такъ полновластно надъ морями какъ при лордѣ Чатамѣ. Она унизила Францію, и на моряхъ вовсе не видно было непріятельскаго флага. Она имѣла 120 линейныхъ кораблей, кромѣ мелкихъ судовъ. И, несмотря на то, непріятель своими мелкими каперами, въ теченіе четырехъ лѣтъ, захватилъ до 2 539 британскихъ судовъ, между тѣмъ какъ англійскіе крейсеры за то же время захватили только 944 судна, въ томъ числѣ 242 капера. Это было въ войнѣ съ Франціей. Въ случаѣ же войны съ Россіей, несоразмѣрность конечно должна быть еще гораздо больше.

Что касается права осмотра, обязательность отмѣны коего Парижскою декларацією также старались ослабить г. Боркъ и другіе ораторы, то въ этомъ отношеніи мы можемъ быть совершенно спокойны. При нынѣшнихъ условіяхъ никакого вреда осмотръ причинить намъ не можетъ. Объясняютъ что право осмотра осталось въ силѣ для военной контрабанды, подъ которою можно пожалуй разумѣть что угодно. Но что изъ этого? Разница противъ мирнаго времени будетъ только та что

вся русская торговля направится къ сухопутной границѣ и въ чужіе порты, и намъ развѣ только придется платить коммиссію торговымъ фирмамъ нейтральныхъ странъ. Такъ было въ Крымскую войну, а теперь станетъ еще легче съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ. И это справедливо даже относительно военной контрабанды. Еслибы намъ понадобились ружья и порохъ въ большомъ количествѣ, то можно ожидать что Американцы не преминули бы воспользоваться этимъ случаемъ для своего производства. Но вѣдь эти предметы пошли бы къ намъ не черезъ наши порты. Какъ же задержать товаръ, какой бы онъ ни былъ, идущій напримѣръ на американскомъ суднѣ въ Кенигсбергъ съ назначеніемъ для германской фирмы? Очевидно, тутъ не поможетъ право осмотра, и мы чрезъ третьи руки можемъ получать и въ войнѣ все необходимое, а равно не остановится и сбытъ нашъ.

Но не въ этомъ главное. Если наша торговля не остановится съ войной, а только направится по инымъ каналамъ, то, съ другой стороны, и англійскіе порты не перестанутъ же торговать вслѣдствіе появленія русскихъ крейсеровъ. При возможности войны, Англичанъ страшитъ не столько случайная потеря нѣсколькихъ судовъ съ англійскими товарами сколько эта постоянная гроза крейсеровъ. Что касается дѣйствія этой грозы, то мы имѣемъ опытъ на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ въ ихъ междуусобную войну. Теперь торговля значительныхъ морскихъ странъ имѣетъ далеко не тотъ характеръ что прежде. Она уже не ограничивается только тѣмъ чтобъ удовлетворять потребностямъ своей страны, а все болѣе стремится захватить въ свои руки транспортную торговлю, *carrying trade*, то-есть посредничество между торговыми сношеніями другихъ. Съ одной стороны, такая транспортная, коммиссіонная торговля доставляетъ весьма выгодное помѣщеніе для большихъ капиталовъ, а съ другой—она даетъ сильный толчокъ судостроенію и поощряетъ всѣ съ нимъ связанныя національныя производства, какъ-то: машинное, обработку желѣза въ разныхъ видахъ и пр. Наконецъ, она несомнѣнно содѣйствуетъ развитію мореходнаго дѣла. Такого рода транспортная торговля существовала и въ Соединенныхъ Штатахъ, и энергія и предпріимчивость Американцевъ довели ее до высокой степени процвѣтанія. И что случилось? Появленія на морѣ четырехъ враждебныхъ крейсеровъ было достаточно чтобы погубить ее. Морскія страховки поднялись неимовѣрно, транспортная торговля Штатовъ перешла вся въ руки Англичанъ, а судостроеніе упало. Отъ этого роковаго удара оно и до сихъ поръ не можетъ оправиться, а Англія собрала даромъ обильную жатву барышей, коими пользуется и понынѣ.

Теперь Англія страшится что подобная же гроза можетъ обрушиться на ея собственную голову. Вотъ чего трепещутъ Англичане, поднимая тревожные толки по поводу Парижской деклараціи. Они знаютъ что одинъ слухъ о появленіи русскаго крейсера всполошитъ всѣ конторы морскихъ страховокъ, которыя заломятъ страшныя цѣны, а пожалуй и вовсе откажутся страховать англійскія суда. Они знаютъ что первый потопленный крейсеромъ англійскій корабль заставитъ испуганныхъ торговцевъ фрахтовать для своихъ грузовъ суда нейтральныя, что затѣмъ и опустѣвшія суда могутъ перейти въ чужія руки, сами матросы за ними послѣдуютъ на чужую службу, судостроеніе упадетъ, сократится съ тѣмъ вмѣстѣ и производство желѣза, а затѣмъ и капиталы безъ помѣщенія также польютъ въ другія страны. При нынѣшнемъ развитіи морской торговли, какъ Англичане по себѣ знаютъ, оставаться нейтральнымъ среди воюющихъ значитъ получить премію которая падетъ насчетъ той изъ воюющихъ сторонъ которая болѣе теряетъ. При незначительности нашего торговаго флота пожива отъ насъ въ этомъ отношеніи будетъ ничтожная. Что касается Англіи, то привозъ и отпускъ ея не остановятся, потребители могутъ быть не потерпятъ лишеній, но торговыя сношенія ея могутъ перейти въ руки Нѣмцевъ, Голландцевъ и особенно Американцевъ. Въ Англіи не сомнѣваются что Соединенные Штаты ждутъ не дождутся такой *bonne aubaine*, и что они поспѣшатъ при этомъ случаѣ не только возвратить себѣ прежнюю транспортную торговлю, коварно перенятую у нихъ Англіей, но, если можно, перехватить и собственную торговлю Англичанъ.

Только съ этой точки зрѣнія можно себѣ объяснить періодически повторяющіеся въ Англіи протесты противъ Парижской деклараціи, въ силу которой, какъ мы

видѣли, тамъ и безъ того не вѣрятъ. Какая надобность формально отмѣнять тѣ что ни de facto, ни de jure никакой силы не имѣетъ? Разчетъ здѣсь только въ томъ чтобы тревожными толками держать вниманіе торговаго люда *en suspens* что вотъ-вотъ Англія откажется отъ декларації обезпечивающей нейтральныхъ, и тогда де рискъ для воюющихъ и нейтральныхъ будетъ одинаковъ. При этомъ разъясняется что и теперь право осмотра можетъ имѣть широкій просторъ подъ предлогомъ розыска военной контрабанды, и что въ виду этого, въ случаѣ войны, торговлѣ не зачѣмъ торопиться переходомъ къ нейтральнымъ.

Но въ этомъ разчетѣ, смѣемъ думать, Англичане ошибутся. Хотя бы они сегодня же формально отреклись отъ Парижской декларації, рискъ всетаки не будетъ *одинаковъ* для воюющихъ и нейтральныхъ. Вопервыхъ, враждебные Англіи крейсеры не будутъ имѣть ни малайшаго интереса тревожить нейтральныя суда для захвата англійскихъ товаровъ. Цѣль страны воюющей съ Англіей будетъ достигнута нанесеніемъ ущерба англійской торговли именно въ силу того что она перейдетъ въ руки нейтральныхъ. Что касается угрозы Англіи противодѣйствовать этой выгодѣ нейтральныхъ безцеремоннымъ правомъ осмотра, то это какъ еще удастся. Нейтральные этому едва ли подчинятся. Да и къ чему можетъ служить эта угроза въ войнѣ, напримѣръ, съ Россіей? Вѣдь къ нейтральнымъ въ такомъ случаѣ перейдетъ не столько русская транспортная торговля, которая не важна, а транспортная торговля Англіи. Вѣдь не за тѣмъ же стали бы англійскіе военные корабли останавливать американскія и германскія суда чтобъ отыскивать и забирать англійскіе же товары, или хотя и чужіе, но такіе которые везутся въ Англію или изъ Англіи.

Такимъ образомъ, останется ли Англія при Парижской декларації или отречется отъ нея, мы убѣждены что результатъ для нея въ случаѣ войны будетъ безразличенъ, и что небольшое число нейтральныхъ крейсеровъ можетъ причинить ея морской торговлѣ ущербъ гораздо болѣе чувствительный чѣмъ какой Англія всѣми своими морскими способами могла бы нанести Россіи.

№ 49.

Москва, 28-го февраля.

Поѣздка генерала Игнатьева въ Берлинъ, Парижъ и Вѣну обращаетъ на себя едва ли не большее вниманіе чѣмъ въ свое время объѣздъ маркиза Салсбери. Нѣтъ сомнѣнія что настоящій моментъ Восточнаго вопроса гораздо важнѣе того когда собиралась Константинопольская конференція, почти при полномъ убѣжденіи въ ея безполезности, и когда маркизъ Салсбери посѣщалъ европейскіе кабинеты съ тайною надеждой составить коалицію противъ Россіи. Англійскіе ковы не удались, и теперь мы присутствуемъ при дипломатической кампаніи съ противной стороны. Послѣ заявленія Борка въ Англійскомъ парламентѣ нельзя болѣе сомнѣваться что отвѣтъ державъ на послѣднюю циркулярную ноту князя Горчакова былъ замедленъ вслѣдствіе заявленія сдѣланнаго Россіей что она имѣетъ еще нѣчто сообщить державамъ для разъясненія положенія, чтобъ онѣ могли хорошо обсудить свои окончательные отвѣты. Въ чемъ состояли эти новыя сообщенія Россіи, объ этомъ даетъ весьма вѣроятное объясненіе письмо изъ Петербурга въ вѣнской *Politische Correspondenz*, прибавляющее что тождественныя сообщенія сдѣланы Русскимъ правительствомъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ и Римѣ. Это объясненіе, между прочимъ, совпадаетъ и съ тѣми намеками которые были сдѣланы въ *Times* и которымъ органъ Лондонскаго Города посвятилъ руководящую статью отъ 7 марта. По свѣдѣніямъ сообщеннымъ изъ Петербурга въ вышеупомянутую вѣнскую официозную газету, русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ, уполномоченъ былъ заявить что Русское правительство видитъ только два пути для рѣшенія Восточнаго вопроса. Или державы подписавшіе Парижскій трактатъ, и спеціально Англія, считаютъ этотъ трактатъ существующимъ во всѣхъ пунктахъ, несмотря на то что основанныя на немъ рѣшенія конференціи были отвергнуты Портою, или Петербургскій кабинетъ долженъ признать Парижскій трактатъ, въ виду бездѣйствія державъ-порукъ при неисполненіи Портой истекающихъ изъ этого трактата обязательствъ относительно ея христіанскихъ подданныхъ, не существующимъ касательно опирающихся на нее правъ Тур-

ціи. Въ первомъ случаѣ Россія предъявляетъ требованіе чтобы державы Парижскаго трактата сообща съ нею приступили къ дѣйствіямъ, въ какой бы то ни было формѣ, для того чтобы понудить Порту къ принятію рѣшеній предварительной Константинопольской конференціи, *въ ихъ первоначальной силѣ*. Это требованіе достаточно мотивируется тѣмъ фактомъ что Порта не только не исполнила обязательствъ истекающихъ для нея изъ Парижскаго трактата относительно ея христіанскихъ подданныхъ, но и тѣмъ что при нынѣшнемъ хаотическомъ броженіи въ Константинополѣ, продолжительность и размѣры котораго нельзя предвидѣть, нѣтъ надежды что реформы требуемыя державами-участницами конференціи, и спеціально Россіей, будутъ когда - либо исполнены безъ дѣятельнаго вмѣшательства съ третьей стороны. Если великія державы могутъ принять эту точку зрѣнія, то для Россіи исчезаетъ всякая надобность и всякій поводъ выступать изъ Европейскаго концерта. Ей тогда представляется возможность избѣжать военныхъ замѣшательствъ и не только улучшить мирнымъ путемъ участь христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ, но и предотвратить вѣроятныя катастрофы въ Турецкой имперіи ко спокойствію Европы. Но если державы Парижскаго трактата предпочтутъ остаться въ бездѣйствіи, то Петербургскій кабинетъ долженъ признать это не только за отрицаніе обязательствъ истекающихъ для Турціи изъ Парижскаго трактата, но и за потерю правъ Турціи исходящихъ изъ того же трактата. Прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ то что Петербургскій кабинетъ долженъ объявить не существующимъ и уничтоженнымъ Парижскій трактатъ и во всѣхъ тѣхъ пунктахъ которые касаются Россіи, и удержать за собой право на дальнѣйшіе шаги которые Русское правительство признаетъ нужными. Прямое соглашеніе Россіи съ Портой возможно только когда она будетъ уполномочена на это державами-участницами конференціи, и когда послѣднія изъявятъ готовность сообща съ Россіей предпринять дѣйствія которыя оказались бы необходимыми вслѣдствіе новаго отказа Порты. Петербургское письмо *Politische Correspondenz* выражаетъ новыя сообщенія сдѣланныя Русскимъ правительствомъ въ двухъ словахъ: *гарантіи или война*, и намекаетъ что миссія генерала Игнатьева къ европейскимъ кабинетамъ состоитъ именно въ томъ чтобъ ускорить рѣшеніе этого вопроса.

Интересныя свѣдѣнія даетъ корреспондентъ берлинской *Bürger-Zeitung*, разговоръ котораго съ секретаремъ константинопольскаго посольства, княземъ Цертелевымъ, переданъ былъ сюда по телеграфу далеко не въ полномъ видѣ. Изъ этого разговора корреспондентъ вынесъ впечатлѣніе что при посылкѣ бывшаго русскаго посла при Портѣ къ иностраннымъ дворамъ руководящею мыслью было пріискать способъ общей гарантіи турецкихъ реформъ, не съ цѣлью найти предлогъ для избѣжанія войны со стороны Россіи, какъ то угодно было представлять иностраннымъ газетамъ; но скорѣе въ виду неизбѣжности войны, съ цѣлью устроить соглашеніе коимъ Россіи дано было бы прочими державами какъ бы полномочіе на дѣйствіе. За такое предположеніе говоритъ де и то обстоятельство что генералъ Игнатьевъ не посѣтитъ Сентъ-Джемскаго кабинета, ибо извѣстно заранѣе что этотъ кабинетъ не согласится на такое полномочіе. Но еще болѣе чѣмъ эта отрицательная причина имѣютъ де вѣсъ полная готовность Россіи къ войнѣ и совершенно твердое рѣшеніе ея ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на годичный или другой срокъ для Турціи чтобъ исполнить реформы. Порта находится въ быстромъ процессѣ саморазложенія, но Россія не можетъ съ ружьемъ въ рукахъ ожидать конца этого процесса; да и положеніе христіанъ слишкомъ тягостно. Гарантіи, которыя теперь могла бы представить Турція, лишены всякаго значенія. Конституція послужила только къ тому чтобъ отдѣлаться отъ Мидхата, и фактически изъ нея вступилъ въ силу только извѣстный параграфъ объ изгнаніи неугодныхъ султану лицъ. Выборъ депутатовъ есть дѣло чистаго произвола, и салоникскій вали самъ заявлялъ князю Цертелеву что въ его вилаетѣ выборовъ не происходило, а были просто отряжены въ Константинополь лица имъ назначенныя. Турецкая конституція уже потому не имѣетъ значенія что для введенія потребно по крайней мѣрѣ около двадцати пяти новыхъ законовъ. На замѣчаніе о панславизмѣ генерала Игнатьева и о томъ что Австрія не согласится на образованіе самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, князь Цертелевъ отвѣчалъ что генералъ

Игнатьевъ такой же панславистъ какъ три четверти населенія Россіи, и что Россія не поощряла пока образованія совершенно самостоятельныхъ государствъ: христіанское населеніе Турціи вообще не интересуется политическими новообразованіями, но желаетъ прекращенія безправнаго состоянія, безопасности въ семействѣ и имуществѣ. Не воспроизводимъ дальнѣйшихъ сообщеній корреспондента о его объясненіяхъ съ секретаремъ константинопольскаго посольства, какъ выраженія личныхъ взглядовъ послѣдняго. Замѣтимъ лишь кстати что выраженіе его будто Азія не предполагается быть театромъ войны, переданное такъ нелѣпо телеграфомъ, имѣло тотъ смыслъ что для Англіи нѣтъ причины не довѣрять Россіи, такъ какъ Россія вовсе не намѣрена вредить ей въ Азіи.

Нѣсколько иное, болѣе мирное содержаніе объясненій вѣроятно того же лица даетъ *National-Zeitung*, но вся разница состоитъ только въ увѣреніи что Россія, если будетъ возможно, постарается избѣжать войны. Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ того что туркофильская печать въ Европѣ старается объяснить миссію генерала Игнатьева стремленіемъ добиться чего-то въ родѣ международнаго протокола которымъ бы Порта *обязалась* исполнить реформы, а державы сообща обязались бы слѣдить за исполненіемъ этихъ реформъ и дѣлать Портѣ представленія или понуждать ее въ случаѣ неисполненія ихъ. Таковы пока толки и объясненія вызванные въ европейской печати миссіей генерала Игнатьева. Что касается результата достигнутаго имъ въ Берлинѣ, то мы можемъ сослаться на помѣщенное въ воскресномъ прибавленіи *Московскихъ Вѣдомостей* письмо нашего берлинскаго корреспондента, который имѣетъ всѣ вѣроятныя данныя чтобы судить о настроеніи политическихъ сферъ въ Берлинѣ.

№ 50.

Москва, 1-го марта.

Поѣздкѣ генерала Игнатьева всѣ придаютъ важное политическое значеніе. Оставаться долѣе на почвѣ пустыхъ словопреній невозможно. Необходимо знать, остаются ли державы на почвѣ Парижскаго трактата. Такъ какъ Порта оставила безъ исполненія обязательства торжественно принятыя ею предъ своими христіанскими подданными и засвидѣтельствованныя всею Европой, то необходимо знать согласны ли державы приступить къ принудительнымъ противъ нея мѣрамъ. А если онѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ разъясненіе коихъ входить нѣтъ никакой надобности, отъ этого уклоняются, то значитъ онѣ тѣмъ самымъ объявляютъ Парижскій трактатъ лишеннымъ силы ибо отрицаніе обязательствъ Турціи влечетъ за собой и потерю правъ ея по тому же трактату.

Положеніе Россіи, съ точки зрѣнія права, такъ выгодно что она можетъ говорить съ полною откровенностью. Необходимость огражденія христіанъ Турціи была признана всѣми. Россія въ правѣ привести это признаніе къ осуществленію и достигнуть этого огражденія принужденіемъ когда нельзя иначе. Она въ правѣ ожидать что не встрѣтитъ противодѣйствія на этомъ пути. Императоръ Германскій, какъ говорятъ, выразился такъ въ разговорѣ съ генераломъ Игнатьевымъ: „Предлагайте что угодно, и будьте увѣрены что мое правительство поддержитъ всякія мѣры принятыя вами чтобъ избавить вашего Государя, меня самаго и все христіанство отъ жгучаго стыда.“

Между тѣмъ извѣстно что въ послѣднее время происходили усиленные переговоры между Англіей и Россіей, причемъ имѣлось въ виду убѣдить Россію отсрочить, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, свое дѣйствіе и ограничиться какимъ-то неопредѣленнымъ, якобы нравственнымъ удовлетвореніемъ. Въ связи съ этими стараніями, понятно что туркофильская печать всячески усиливалась придать и миссіи генерала Игнатьева значеніе въ такомъ же смыслѣ. Мы вчера упомянули вскользь объ этихъ затѣяхъ. Но тѣсная связь превратныхъ толковъ о намѣреніяхъ Россіи съ англійскими переговорами вызываетъ насъ обстоятельнѣе коснуться этого предмета.

Въ извѣстіяхъ англійскихъ газетъ, главнымъ образомъ изъ Вѣны, такъ же какъ и въ ихъ собственныхъ разсужденіяхъ, заводится вновь старая рѣчь о томъ какъ бы найти „приличное отступленіе“ для Россіи. Хотятъ всѣхъ увѣрить будто самая поѣздка генерала Игнатьева предпринята имен-

но съ этою цѣлью. По увѣренію вѣнскаго корреспондента *Times*, Россія будто бы отказалась отъ мысли добиться согласія державъ на принудительныя мѣры и удовольствуется „торжественнымъ обѣщаніемъ султана, которое было бы выражено въ формѣ международнаго обязательства, и даровало бы державамъ разъ навсегда общее право контроля которымъ они могутъ пользоваться по своему усмотрѣнію, *по истеченіи отсрочки даваемой Турціи для исполненія реформъ*.

Но вѣдь стóитъ обратиться къ протоколамъ Константинопольской конференціи чтобы видѣть что это не болѣе какъ точь-въ-точь то же самое что̀ предлагали турецкіе уполномоченные взамѣнъ, и безъ того ничтожныхъ, гарантій какихъ отъ нихъ тогда требовали. Они предлагали занести въ протоколъ ихъ обязательство касательно введенія конституціи, и предоставляли черезъ извѣстный срокъ право контроля надъ исполненіемъ этой конституціи. Зачѣмъ же было закрывать съ шумомъ конференцію, почему же турецкое предложеніе было отвергнуто всѣми делегатами съ протестомъ негодованія, и никѣмъ такъ рѣзко и сильно какъ главнымъ уполномоченнымъ Англіи? И вдругъ теперь увѣряютъ будто это самое турецкое предложеніе возобновляется... Россіей! Что̀ же еще за новая комедія?

Впрочемъ, главная мистификація еще впереди. Принялись доказывать что это предложеніе должно доставить выгоды которыя и во снѣ не снились Россіи, такъ что еще Богъ знаетъ удастся ли ей этого достигнуть! Конечно, разсуждаютъ, это большая съ ея стороны умѣренность замѣнить принудительныя мѣры требованіемъ „только общаго права контроля.“ Но все-таки дѣло слишкомъ серіозно: это вѣдь ни болѣе ни менѣе какъ отмѣна Парижскаго трактата, который запрещаетъ вмѣшиваться между султаномъ и его подданными! Вѣдь этимъ Россія сразу получитъ то чего добивалась предъ Крымскою войной. Трудно, трудно, продолжаютъ фокусники, чтобы на это согласились державы; трудно чтобы согласилась и Турція!

Стыдно даже разбирать эти фокусы: такъ они грубы и глупы. Парижскій трактатъ! Но если этотъ трактатъ запрещаетъ вмѣшиваться между султаномъ и его подданными, то онъ уже утратилъ въ этомъ отношеніи силу. Не собиралась ли въ Константинополѣ конференція которая навязывала Портѣ реформы и гарантіи? Не предъявлялась ли ей и не была ли ею принята нота графа Андраши? Развѣ эти факты не были самымъ формальнымъ нарушеніемъ пресловутаго постановленія Парижскаго трактата? Развѣ такимъ образомъ уже не присвоено всѣми державами „общее право контроля?“ Сама газета *Times* объяснила тотчасъ же что перемѣна будетъ *не существенна*, такъ какъ всѣ, не исключая и Англіи, вмѣшивались въ дѣла Турціи чуть не на другой день послѣ подписанія Парижскаго трактата; однако нашла нужнымъ прибавить что „все таки перемѣна можетъ показаться „значительной важности для Россіи и „дастъ ей возможность сказать что она „многаго (??) достигла для удовлетворе„нія своей чести и для огражденія турец„кихъ христіанъ.“ То-есть въ удовлетвореніе чести Россіи и въ успокоеніе трепетныхъ ожиданій христіанъ, черезъ извѣстный срокъ, черезъ годъ, а то и черезъ три, признается право предъявить новую ноту Андраши! Торійская печать уже поднимаетъ гвалтъ что это будетъ черезмѣрною уступкой притязаніямъ Россіи!

На другой день, однако, англійская печать спохватилась что вѣдь дается и другое объясненіе поѣздкѣ генерала Игнатьева, болѣе близкое къ истинѣ. И вотъ она прикидывается будто подозрѣваетъ что и это *будущее* право контроля, право вновь предъявить ноту Андраши, опасно, крайне опасно! *Times* полагаетъ что Россія желаетъ „найти себѣ средства отступленія изъ настоящаго положенія, въ убѣжденіи что дѣла въ Турціи пойдутъ и безъ того все хуже и хуже, и что чрезъ годъ или *два* плодъ болѣе созрѣетъ.“ Теперь, видите ли, у Турокъ большая армія, на ихъ сторонѣ и значительная партія во всѣхъ странахъ Европы, не ради ихъ самихъ, а потому что „недовѣріе къ Россіи есть одинъ изъ сильнѣйшихъ импульсовъ европейскихъ націй... Черезъ годъ же или два Восточный вопросъ можетъ-быть вновь поднятъ Россіей съ лучшими шансами на успѣхъ.“ Поэтому, вѣщаетъ намъ лондонскій оракулъ, Англія никакъ не можетъ идти далѣе программы конференціи, которою де она достаточно доказала что „не остается равнодушною ни къ интересамъ христіанъ, ни къ чести Россіи.“ Торійская же печать положительно въ ужасѣ. Какъ! При-

знать за Россіей, хотя бы чрезъ три года, право контроля! Да вѣдь тогда и для Турціи и для Англіи положеніе дѣлъ будетъ несравненно хуже! А на аргументъ что этимъ по крайней мѣрѣ избѣгается война, торійская печать докторально замѣчаетъ что для этого есть другое, болѣе приличное средство, а именно совокупное представленіе Россіи что есть де и другіе интересы кромѣ интересовъ „нѣкоторыхъ восточныхъ христіанъ.“

Вотъ какъ поднимаютъ цѣну на ничего не стóящій товаръ. Даже грозятъ намъ что если мы его не купимъ, то не только можемъ потерять нежданно-счастливый случай, но еще того гляди увидимъ что насъ самихъ потянутъ къ отвѣту за то что мы позволяли себѣ обращать вниманіе Европы на *нѣкоторыхъ* христіанъ!

Теперь намъ начинаютъ понемногу раскрываться цѣли громкихъ словъ лорда Биконсфильда и его товарищей о святости и нерушимости Парижскаго трактата. Трактатъ этотъ давнымъ давно упраздненъ силой вещей во всѣхъ своихъ пунктахъ, кромѣ одного коимъ была отторгнута отъ Россіи нѣкоторая часть ея территоріи, купленной русскою кровью. Все остальное сдано въ архивъ. Цѣлость Турціи нарушена и правами Египта, и захватомъ Адена и Перима, и отторженіемъ южно-аравійскихъ племенъ, принятыхъ подъ протекторатъ Англіи. Независимость постоянно нарушалась не только дипломатическими вмѣшательствами, но и французскою экспедиціей въ Сиріи. И вотъ теперь цѣной отмѣны, будто бы въ угоду Россіи, не существующаго трактата, который до сихъ поръ ею одною только и уважался, хотятъ купить у ней добровольное разоруженіе и вмѣстѣ отказъ отъ дѣйствительной защиты которой ждутъ отъ ней ненавидимые Англіей „нѣкоторые христіане!“ И въ довершеніе насмѣшки, торгъ этотъ не только выставляется къ выгодѣ Россіи, но будто бы и начатъ по ея вызову!

Что̀ можетъ быть грубѣе и безстыднѣе этихъ дипломатическихъ фокусовъ?

№ 51.

Москва, 2-го марта.

Поѣздка генералъ-адъютанта Игнатьева—предметъ толковъ всей европейской печати. Предъ самымъ выходомъ послѣдняго нумера *Московскихъ Вѣдомостей* пришла телеграмма изъ Парижа съ разказомъ о бесѣдѣ съ нимъ одного изъ редакторовъ газеты *Temps*. Онъ сообщаетъ что миссія генерала Игнатьева состоитъ будто бы въ томъ чтобы получить формальное утвержденіе рѣшеній конференціи протоколомъ шести державъ или же, вмѣсто того, дипломатическимъ актомъ подписаннымъ только Турціей, но контрасигнованнымъ державами. Поясняется при этомъ что Россія допускаетъ отсрочку не свыше двухъ мѣсяцевъ для исполненія реформъ, и по истеченіи этого срока вооруженное вмѣшательство одной или нѣсколькихъ изъ подписавшихъ протоколъ державъ должно будетъ уже считаться исполненіемъ рѣшеній Европы. Таковъ смыслъ парижской телеграммы. Интересно также ея заключеніе. Генералъ Игнатьевъ присовокупилъ что желаніе достигнуть соглашенія съ Англіей побуждаетъ его употребить всѣ усилія чтобы склонить ее къ уступкамъ, еслибъ она только хотя отчасти вошла въ вышеизложенные виды.

Какъ бы нѣкоторымъ подтвержденіемъ этихъ сообщеній является сегодня телеграмма изъ Лондона о совѣтѣ министровъ собиравшемся для обсужденія русскаго предложенія о протоколѣ. Обсужденіе, говорятъ, еще не пришло къ концу; но утверждаютъ будто дѣло идетъ на ладъ и будто предложенный планъ уже принятъ въ принципѣ.

Таковы послѣднія извѣстія передаваемыя телеграфомъ о ходѣ новыхъ дипломатическихъ переговоровъ. Одно только для насъ внѣ всякаго сомнѣнія. Если какой бы то ни было планъ встрѣчаетъ полное одобреніе и сочувствіе Англійскаго кабинета, то можно a priori признать его не совмѣстнымъ ни съ интересами, ни съ честью Россіи. Никакое доброе соглашеніе съ Англіей для насъ невозможно. Виды Англіи на Востокѣ радикально враждебны намъ. Англія приметъ съ удовольствіемъ только то что̀ можетъ повредить положенію Россіи, и къ этому была неизмѣнно направлена ея дипломатія. Всѣ сужденія англійской печати исходятъ изъ того предположенія будто Россія во что̀ бы ни стало ищетъ предлога къ отступленію, и само собою разумѣется что еслибъ это было такъ, то Англія не пропустила бы случая извлечь изъ того для себя выгоду.

Газета *Times*, перечисляя всевозможныя предположенія порожденныя изобрѣтательностью корреспондентовъ объ условіяхъ на которыхъ могла бы быть дана Портѣ отсрочка, откровенно замѣчаетъ что всѣ соглашенія съ этою цѣлью все-таки будутъ пустыми словами, и потому, не оставляя все той же точки зрѣнія будто Россія ищетъ только предлога къ отступленію, лондонская газета рекомендуетъ нашему правительству попросту взять да отступить, какъ совѣтовала за нѣсколько недѣль предъ симъ одна quasi-офиціозная, развязно написанная, статья въ *Голосѣ*. Удивительно согласіе между петербургскими офиціозными статьями и совѣтами которые подаютъ Россіи отъявленные и несомнѣнные враги ея чести и ея государственныхъ интересовъ! *Times* сулитъ намъ что „простое признаніе что война причи„нитъ болѣе бѣдствій міру чѣмъ пользы „Босникамъ или Болгарамъ можетъ сни„скать намъ хвалу и удивленіе благомыс„лящихъ людей гораздо лучше всякихъ „нотъ или меморандумовъ.“

За то другая лондонская газета, *Daily Telegraph*, иронически обнаруживаетъ нетерпѣніе прочесть новый циркуляръ „госу„дарственнаго человѣка не имѣющаго себѣ „равныхъ въ этомъ родѣ литературныхъ „произведеній...“ *Standard*, въ свою очередь, объясняетъ что и не имѣется надобности въ Парижскомъ трактатѣ для огражденія Турціи отъ русскаго нападенія когда того потребуютъ интересы. Конечно, не трактатами созданъ антагонизмъ Англіи противъ Россіи на Востокѣ, и съ отмѣной Парижскаго трактата она не перестанетъ дѣйствовать въ ущербъ Россіи. Для Англіи нѣтъ надобности въ трактатѣ, чтобъ отстаивать порабощеніе христіанъ на Востокѣ. Но и никакой трактатъ не можетъ заставить Россію терпѣть тамъ теперешнее положеніе дѣлъ.

Отсутствіе всякой почвы для соглашенія съ Англіей конечно извѣстно генералу Игнатьеву не менѣе чѣмъ кому другому, а потому словамъ которыя приписываетъ ему парижская газета мы не можемъ дать большое значеніе. Переговоры съ Англіей по Восточному вопросу могутъ быть ведены только отъ нечего-дѣлать; а что теперь дѣлать въ Парижѣ русскому дипломату послѣ консультаціи съ окулистами?

Изо всѣхъ толковъ о поѣздкѣ генерала Игнатьева наиболѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе передаваемый парижскимъ корреспондентомъ *Times*. Люди серіозные полагаютъ что главный предметъ его миссіи заключается въ переговорахъ не съ Англіей, а съ Берлиномъ, гдѣ должно было бы состояться соглашеніе непосредственно между Германіей и Россіей. Самъ корреспондентъ не хочетъ вѣрить этому, однако передаетъ это свѣдѣніе, которое конечно получено имъ не съ вѣтру. Быть-можетъ на фактѣ это свѣдѣніе и не оправдается, но безъ сомнѣнія только tête-à-tête съ Германіей можетъ двинуть дѣло надъ которымъ мы задумались...

Для дѣйствія Россіи, когда наступитъ пора приступить къ нему, тѣ или другія тонкости въ дипломатическихъ уговорахъ принесутъ мало пользы. Не „позволеніе“ со стороны Европы намъ нужно, Европа есть отвлеченность, безсильная и пустословная, дѣла же рѣшаются живыми силами. У насъ есть въ Европѣ союзъ, союзъ давній и прочный. Мы такъ вели всю нашу политику чтобъ укрѣпить нашъ союзъ съ Германіей. Откажемся ли мы отъ него въ то самое время когда онъ можетъ быть особенно нуженъ намъ? Въ Восточномъ вопросѣ мы можемъ сойтись только съ Германіей. Съ Англіей соглашеніе невозможно. О видахъ Франціи, еслибъ у нея таковые и были, намъ теперь нѣтъ пользы знать. Разговоръ съ нею можетъ вести развѣ только къ тому, какъ замѣчаетъ газета *Times*, чтобъ удостовѣриться какъ далека ея рѣшимость ничего не дѣлать. Ни о содѣйствіи ни о противодѣйствіи ея не можетъ быть серіозной рѣчи. Наконецъ, съ Австріей наши новыя отношенія еще слишкомъ новы, и не отъ насъ зависитъ дать имъ опредѣленный характеръ. Кто знаетъ, да и знаетъ ли сама Австрія, что она нынѣ и что будетъ завтра. Съ одною Германіей отношенія наши не только ясны, но и тверды, и она сама имѣетъ важные интересы хранить съ нами дружбу. Здѣсь, и только здѣсь, находятся элементы для плодотворнаго соглашенія.

№ 52.

Москва, 3-го марта.

Мы боимся что переговоры которые завязались у насъ съ Англіей къ лучшему не послужатъ. И друзья и противники на-

ши въ Европѣ принимаютъ наши старанія со всѣми поладить и каждый шагъ нашъ въ будущемъ обусловить, къ сожалѣнію, не въ томъ смыслѣ какъ было бы желательно. Видятъ въ этихъ нашихъ стараніяхъ не только нерѣшительность, но и рѣшительное желаніе какъ-нибудь выпутаться изъ дѣла. Можно ли ожидать чтобы противники наши могли сдѣлать серіозныя въ нашемъ смыслѣ уступки, коль скоро они полагаютъ что мы сами ничего серіозно не хотимъ, а ищемъ только предлога какъ бы отступить съ нѣкоторою благовидностію? Можемъ ли мы ожидать чтобы люди посторонніе стали заботиться о нашихъ интересахъ, при увѣренности что мы сами готовы и рады отказаться отъ нихъ? Зачѣмъ же и уступать тому кто ищетъ только предлога чтобъ отказаться отъ своихъ требованій? Константинопольская конференція ясно показала намъ это.

Англія, какъ видно изъ телеграммъ, еще ломается. Она имѣетъ случай поторговаться изъ-за нуля, и когда наконецъ сдѣлаетъ намъ милость уступить этотъ нуль, то станетъ ли отъ того наше положеніе проще, уравняются ли затрудненія, откажется ли ея правительство отъ своей враждебной нашему дѣлу политики на Востокѣ? Нѣтъ, это только усилитъ и ободритъ враждебную намъ въ Англіи партію. Не даромъ печать англійская рекомендуетъ теперь своему правительству приступить къ какому-то нашему предложенію, которое ничѣмъ де не стѣснитъ свободы дѣйствій Англіи.

Предположеніе будто наши переговоры имѣютъ въ виду только протянуть время въ виду приближающейся весенней распутицы не убѣдительно и не понятно. Россія могла бы выжидать спокойно, и такое положеніе было бы для нея конечно выгоднѣе чѣмъ переговоры съ кабинетомъ Беконсфильда. Молчаливое бездѣйствіе Россіи производило бы, смѣемъ думать, лучшее для насъ впечатлѣніе на всѣхъ, и на своихъ, и на чужихъ.

Въ Англіи росла сильная оппозиція противъ министерства Беконсфильда. Она высказывалась за русскую политику на Востокѣ. Въ горячихъ и правдивыхъ словахъ такихъ лицъ какъ г. Гладстонъ, герцогъ Аргайль, гг. Стилльманъ, Фриманъ, сомнѣваться нельзя. Ужасы въ Болгаріи возмутили наконецъ массы народныя въ Англіи. Никогда еще такъ рѣшительно не высказывалось тамъ не только сочувствіе къ страждущимъ христіанамъ и ненависть къ ихъ притѣснителямъ, но и прямое сочувствіе къ самой Россіи. Оппозиція объявляла что не допуститъ торійскаго правительства покрыть Англію позоромъ войны за Турокъ. И нѣтъ сомнѣнія что еслибъ она одержала верхъ, то она заставила бы Турцію согласиться на предъявленныя ей требованія. Нельзя отрицать что, по самимъ принципамъ, либеральная партія въ Англіи справедливѣе относится къ восточнымъ христіанамъ и свободнѣе отъ предразсудковъ старой англійской политики которая съ каждымъ днемъ теряетъ смыслъ и компрометтируетъ дѣйствительные интересы страны. Нельзя забыть того факта что, благодаря вліянію и энергіи г. Гладстона, Греція получила Іоническіе острова которые безъ всякой нужды держала подъ своею ферулой Англія, и этой уступки до сихъ поръ не могутъ простить ему закоснѣлые умы противной партіи.

И что же мы видимъ? Оппозиція, которая намъ сочувствовала, теперь теряетъ съ каждымъ днемъ почву. Въ виду мнимыхъ колебаній нашихъ и кажущихся стараній поладить съ кабинетомъ Беконсфильда, наши союзники въ Англіи, которые становились уже опасны этому кабинету, слабѣютъ предъ своими противниками. Кабинетъ непримиримо враждебный намъ и дѣлу христіанъ на Востокѣ теперь усиливается и укрѣпляется. Его политика торжествуетъ. Торійскіе органы не знаютъ предѣла въ своихъ насмѣшкахъ надъ посрамленными либералами понадѣявшимися на Россію и вообразившими себѣ что порабощенію турецкихъ христіанъ близокъ конецъ. Что, по мнѣнію торійскихъ органовъ, для Англіи нужно и полезно въ Турціи, то должно и *можетъ* быть удержано. Они съ торжествомъ провозглашаютъ что лордъ Беконсфильдъ былъ правъ въ своихъ разчетахъ, защитники восточныхъ христіанъ отступаются отъ своихъ требованій.

Что сказать о нагломъ высокомѣріи газеты *Times*, которая объявляетъ, какъ намъ сообщаетъ сегодняшняя телеграмма, что Англія можетъ воспрепятствовать Россіи ринуться въ великую войну и тѣмъ окажетъ услугу Европѣ? Хорошо было бы положеніе Европы еслибъ это было правда! Но, къ счастію, это ложь. *Times* лживо говоритъ за Европу. Для Европы не мо-

жетъ быть услугой помѣха въ томъ что̀ею самою признано справедливымъ и что̀ противно только правительству Биконсфильда и его партіи. Никакой великой войны противъ Россіи опасаться нечего. Великая война значитъ война европейская. Но кто же принялъ бы въ ней участіе? Гдѣ Англія нашла бы себѣ союзниковъ? Гдѣ элементы для великой войны за порабощеніе Туркамъ христіанскихъ народовъ?

Мы знаемъ что толки объ опасности великой войны подразумѣваютъ еще другое. Опасаются будто Германія имѣетъ свои замыслы на Западѣ, и что она постарается привести ихъ въ исполненіе когда дѣла на Востокѣ запутаются. Но еслибъ и такъ, что̀ же намъ-то до этого? У Англіи есть интересы и опасенія на Востокѣ и на Западѣ. Тѣмъ лучше! Наши главные, наши существенные интересы всѣ на Востокѣ. Для чего же намъ заботиться о дѣлахъ вовсе постороннихъ для насъ и приносить имъ въ жертву то что̀ намъ всего дороже и что̀ завѣщано намъ нашею исторіей? Призваны ли мы защищать то что̀ можетъ имѣть цѣну развѣ для Англіи, но никакъ не для насъ?..

53.

Москва, 4-го марта.

А.

Судя по константинопольскимъ телеграммамъ, мирные переговоры между Турціей и Черногоріей подвигаются туго, и немудрено что война между ними вспыхнетъ опять. Насъ хотятъ увѣрить будто черногорскія требованія чрезмѣрны, и будто турецкіе министры, въ виду настроенія мусульманскаго населенія, не могутъ уступить имъ. Какъ бы для вящаго убѣжденія публики въ справедливости опасеній турецкихъ министровъ, услужливый телеграфъ принялся разсылать извѣстія о плакатахъ и прокламаціяхъ появляющихся на стѣнахъ домовъ въ турецкой столицѣ, и требующихъ не только отказа Черногорцамъ, но чуть не расторженія уже заключеннаго съ Сербіей мира. Порта продолжаетъ играть свою комедію. Въ ея переговоры съ Черногоріей приплетаются постороннія нити, и надѣясь, можетъ-быть, на эти, со стороны подходящіе, интересы, она и не считаетъ нужнымъ спѣшить примиреніемъ съ Черногорцами, которые нанесли къ тому же столько сильныхъ ударовъ ея военному тщеславію во время послѣдней борьбы. Но не обольщаются ли въ этой надеждѣ турецкіе министры? Если ихъ упорство вызоветъ Черногорію на продолженіе борьбы, послѣдствія ея не окажутся ли чувствительнѣе для нихъ чѣмъ фантастическія угрозы константинопольскихъ софтъ? Вообще пора бы кажется бросить эту игру съ софтами...

Черногорскія требованія, сколько извѣстно, касаются только права владѣть тѣми пограничными округами которые фактически уже находятся во владѣніи Черногорцевъ. Исключеніе, совершенно впрочемъ мнимое, составляетъ лишь фортъ Никшичъ въ Дужскомъ проходѣ. О намѣреніи гарнизона этого форта капитулировать шла рѣчь не разъ, и если капитуляціи до сихъ поръ не послѣдовало, то лишь благодаря великодушію князя Николая, который дозволялъ, при частыхъ отсрочкахъ перемирія, доставлять въ Никшичъ провіантъ на спинахъ своихъ же воиновъ. И теперь въ Никшичѣ уже ощущается недостатокъ жизненныхъ припасовъ, и теперь, какъ сообщаетъ телеграфъ, князь Николай даетъ своихъ лошадей для доставки провіанта въ эту крѣпость, безъ чего она была бы вынуждена сдаться. Впрочемъ, черногорскія требованія мотивируются не только военными успѣхами, но и тѣмъ что въ пограничныхъ съ Черногоріей герцеговинскихъ округахъ о которыхъ идетъ рѣчь, каковы Зубцы, Баньяны, Пива, Дробнякъ, Шаранцы, Турція властвуетъ лишь номинально. И прежде, какъ теперь, населеніе ихъ признавало власть только Черногорскаго князя, и слушалось лишь его. Сами турки всегда признавали это, и еще въ январѣ прошлаго года упрашивали князя Николая чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе на инсургентовъ и побудилъ ихъ положить оружіе. А наконецъ, еще прежде Турки обѣщали ему гораздо большія уступки чѣмъ тѣ которыя нынѣ называютъ чрезмѣрными. Тогда же шла рѣчь и о гавани Спицѣ или Спичѣ. Какъ ненормально положеніе Черногоріи, отдѣленной отъ моря узкимъ поясомъ австрійскаго и турецкаго побережья, объ этомъ краснорѣчивѣе всего доказывается послѣднею турецко-черногорскою конвенціей о снабженіи провіантомъ форта Ник-

шича. Въ свою очередь, Черногорія, обремененная многочисленными выходцами изъ Герцеговины, стариками, женщинами и дѣтьми, въ то время какъ ея рабочія руки нужны были для защиты начала испытывать муки голода. Изъ Одессы были доставлены на пароходахъ къ далматскому побережью запасы хлѣба, но чтобы дѣйствительно получить этотъ хлѣбъ въ руки, Черногорцы должны были *сами* доставлять турецкій хлѣбъ въ Никшичъ, а перевозку своего хлѣба по рѣкѣ Боянѣ и Скутарійскому озеру представить *Туркамъ!* Впрочемъ, въ сопротивленіи Порты уступить Черногоріи Морской портъ нельзя не видѣть вліянія Австро-Венгріи. Говорятъ приморская гавань и сообщеніе съ нею Черногоріи по Скутарійскому озеру и Боянѣ подвергаетъ опасности съ фланга австрійское далматское побережье, причемъ всегда можетъ де быть затрудненъ австрійскому флоту выходъ въ Средиземное море! Съ одной стороны, куль муки для утоленія голода, съ другой—фантастическія опасенія морскаго соперничества со стороны маленькой Черногоріи. И это серіозно кладется рядомъ на вѣсы...

Возмутительнѣе всего безстыдство европейскихъ туркофиловъ рискующихъ утверждать будто *Россія совѣтовала Черногоріи умѣрить ея требованія.* Что тутъ умѣрять когда, по справедливому замѣчанію полученнаго нами сегодня листка *Agence Générale Russe*, „Черногорія, оставшаяся постоянно побѣдительницей во все время войны, держится рѣшеній конференціи. Порта же *ничего не предлагаетъ* ей.“ Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ заключеніе замѣтки петербургскаго литографированнаго листка, гдѣ сказано что „князь Николай не намѣренъ форсировать рѣшенія, но въ случаѣ если переговоры не поведутъ къ желаемому результату, твердо рѣшился укрыться въ своихъ естественныхъ сильныхъ укрѣпленіяхъ и держаться принципа *uti possidetis*, оставляя за собою, и въ случаѣ надобности *отстаивая*, то чѣмъ онъ владѣетъ.“

Но Черногорія, кромѣ того, имѣетъ интересъ общій съ Европой, и прежде всего съ Россіей, который заключается въ обезпеченіи участи единокровной съ Черногорцами и сосѣдней съ ними христіанской райи въ Герцеговинѣ и Босніи, страждущей теперь едва ли не болѣе чѣмъ прежде. Еслибы Порта и нашла въ себѣ столько благоразумія что согласилась бы на территоріальныя измѣненія требуемыя Черногоріей, то миръ нельзя было бы считать обезпеченнымъ пока прежняя анархія, сопровождаемая новыми гнусными убійствами и звѣрствами, продолжаетъ господствовать въ этихъ провинціяхъ. Англійскіе министры могутъ лицемѣрно утверждать въ парламентѣ что какъ скоро миръ будетъ заключенъ между Турціей и Черногоріей, то можно будто бы надѣяться на скорое возстановленіе спокойствія въ прилежащей къ этому княжеству странѣ и на прекращеніе въ ней нищеты и бѣдствія; но Черногорія хотя и несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть настоящаго положенія не можетъ успокоивать себя обманчивыми надеждами. Въ рядахъ ея бойцовъ остаются попрежнему значительныя силы инсургентовъ, продолжающихъ отвергать ничѣмъ не гарантированные турецкія обѣщанія и не согласныхъ возвращаться подъ турецкое иго. Съ тысячами семей этихъ выходцевъ Черногоріи по прежнему приходится дѣлить свое скудное достояніе. Отъ того-то князь Николай всего менѣе можетъ отказаться отъ требованія чтобы турція исполнила обѣщанія данныя ею Герцеговинцамъ и Боснякамъ еще годъ тому назадъ, обѣщанія остающіяся неисполненными благодаря многословному бездѣйствію Европы...

Геройское рѣшеніе Черногорскаго князя и его маленькаго народа продолжать борьбу въ защиту попраннаго человѣчества и христіанства несомнѣнно найдетъ себѣ сочувственный откликъ въ добрыхъ и чуткихъ сердцахъ. Но не забудемъ что новыя жертвы которыя падутъ на Черногорію будутъ тѣмъ тяжеле что сербскій союзникъ ея уже положилъ оружіе, а никто еще до сихъ поръ не обнажилъ меча на защиту того же святаго дѣла.

Б.

Какой-то лондонскій корреспондентъ газеты *Голосъ*, сообщая отъ 9 марта о сдѣланномъ будто бы генералу Игнатьеву порученіи ознакомить европейскіе кабинеты съ проектомъ протокола *временно* улаживающаго Восточный вопросъ, увѣряетъ что „существенное значеніе протокола“ заключается не въ гарантіяхъ исполненія Турціей требованій Россіи, а въ томъ де что

вслѣдъ за подписаніемъ его должно немедленно начаться разоруженіе Россіи и Турціи.

Впрочемъ, корреспондентъ спѣшитъ успокоить насъ: разоружится сперва Турція. Она согласна демобилизовать первая свою армію. Слава Богу! Стало быть намъ опасаться уже будетъ нечего, и Россія можетъ тогда спокойно распустить свою армію. Порта, стало-быть, отказывается отъ своихъ требованій которыя она намѣревалась поддерживать силой своего оружія, и мы можемъ отдохнуть и успокоиться по крайней мѣрѣ на время. Намъ дадутъ льготный срокъ... Впрочемъ, Турція требуетъ гарантій. Она разоружится лишь при увѣренности что и мы вслѣдъ за нею разоружимся. Гарантіи совершенно достаточныя, по увѣренію корреспондента *Голоса*, будутъ даны Высокой Портѣ.

„Англійское министерство," говоритъ онъ, „приняло на себя обязанность пору„читься предъ Портой что вслѣдъ за ра„зоруженіемъ турецкихъ полчищъ послѣ„дуетъ не манифестъ о войнѣ, чего Пор„та боится, а приказъ о демобилизаціи „русской арміи въ Кишиневѣ и на Кав„казѣ." Предъ Портой, какъ видите, поручилась Англія, а предъ Англіей кто? Предъ ней, свидѣтельствуетъ корреспондентъ, „поручилась за Россію Франція въ „лицѣ президента Французской республи„ки Макъ-Магона." Можно думать что предъ этимъ послѣднимъ поручился самъ лондонскій корреспондентъ *Голоса*, но скрываетъ это изъ скромности и говоритъ что Макъ-Магонъ самъ получилъ отъ Петербургскаго кабинета увѣреніе что будетъ поступлено такъ какъ говоритъ онъ.

Итакъ, за Россію предъ Турціей ручается Англія, предъ Англіей за Россію ручается Франція, а почтенный Макъ-Магонъ былъ ужь такъ добръ что повѣрилъ намъ на слово.

№ 54.

Москва, 5-го марта.

Телеграфъ не даетъ намъ опомниться. Такъ и сыплются извѣстія о какихъ-то новыхъ переговорахъ по восточнымъ дѣламъ. Каждый день утѣшаютъ насъ увѣдомленіями что дѣло принимаетъ оборотъ все болѣе *успокоительный*, все болѣе *удовлетворительный*. Для кого же *успокоительный?* для кого *удовлетворительный?* Лондонское агентство Рейтера передаетъ слухи о рѣшеніяхъ совѣта министровъ въ Англіи и сужденія англійскихъ газетъ. Но развѣ у насъ одни и тѣ же съ англійскими министрами интересы? Можемъ ли мы утѣшаться тѣмъ на чемъ они успокоиваются и чему радуются лондонскія газеты? Если въ этомъ лагерѣ торжествуютъ, то намъ-то чему радоваться?

Но мы не знаемъ въ какой степени лондонскія телеграммы заслуживаютъ вѣры. Мы не можемъ даже хорошенько взять въ толкъ о чемъ именно идутъ теперь переговоры. Краткое объясненіе данное англійскимъ правительствомъ въ парламентѣ также ничего не разъясняетъ. Видно только что рѣчь идетъ о какомъ-то протоколѣ. Можетъ-быть еще дѣло и не совсѣмъ такъ обстоитъ какъ толкуютъ Рейтеровы телеграммы. Въ самомъ дѣлѣ, въ толкованіяхъ какія онѣ даютъ переговорамъ есть что-то очень странное. Говорятъ о какомъ-то будто бы признаніи державами благородства цѣлей коимъ посвятила себя Россія, и что такая выдача намъ похвальнаго отзыва будетъ не только достаточнымъ ручательствомъ для христіанскаго дѣла на Востокѣ, но и „удовлетвореніемъ чести Россіи." И затѣмъ этотъ похвальный о Россіи отзывъ будто бы имѣетъ быть препровожденъ къ Портѣ, предъ которою такимъ образомъ намъ будетъ дана рекомендація съ самой лучшей стороны. Все это, пока мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній, не только принять на вѣру, но и понять трудно. Это что-то небывалое въ лѣтописяхъ дипломатіи. До сихъ поръ полагали что всякое государство есть само судья въ своей чести и въ своихъ интересахъ, и не нуждается въ аттестаціяхъ по этой части со стороны другихъ.

А если о чести и интересахъ Россіи призвано судить только ея правительство, то ему же принадлежитъ и рѣшеніе какъ и когда дѣйствовать. Россія, благодаря Бога, еще не находится подъ опекой Европы. Дѣйствовать ли ей вооруженною рукой въ настоящее время или нѣтъ, это вопросъ ея собственнаго усмотрѣнія. Если она находитъ моментъ неудобнымъ, то она можетъ сложить съ себя оружіе спокойно. Ея величіе, ея могущество, несомнѣнное и втайнѣ признаваемое ея врагами, увольняютъ ее отъ исканія благовид-

ныхъ предлоговъ. И великое пораженіе понести еще не есть безчестіе; но трудно было сохранить достоинство въ усиліяхъ и уловкахъ прикрыть неудачу, особенно еслибы для этого потребовалось отпираться отъ защищаемаго нами дѣла и раздѣлять радость его противниковъ. Россія никому не обязана давать отчетъ въ своихъ рѣшеніяхъ и не нуждается ни въ чьихъ аттестаціяхъ своей чести.

Къ сожалѣнію, пока мы остаемся въ невѣдѣніи объ истинномъ положеніи дѣла, а лондонскія телеграммы выставляютъ насъ въ положеніи не соотвѣтствующемъ достоинству Россіи, уже оказываются и практическія послѣдствія. Тонъ Порты вдругъ измѣняется. Значеніе какое стараются придать наши противники происходящимъ теперь дипломатическимъ переговорамъ ведетъ только къ тому чтобы Черногорцы заключили съ Портою миръ на условіяхъ наименѣе для нихъ выгодныхъ. Весьма недавно еще главною и самою тревожною заботой Порты было какъ можно поспѣшнѣе заключить миръ съ Княжествами, и она обнаруживала умѣренность и сговорчивость. Порта быстро отказалась отъ своихъ требованій въ переговорахъ съ сербскими делегатами, и миръ съ Сербіей былъ заключенъ безъ проволочекъ и затрудненій. Можно было ожидать что Порта и съ Черногоріей будетъ сговорчива, тѣмъ болѣе что она уже и прежде была расположена удовлетворить ея требованія, на которыя Черногорцы пріобрѣли несомнѣнное право своими блистательными побѣдами

Случилось иначе. Черногорскіе делегаты позапоздали; они прибыли для переговоровъ когда уже пошли слухи о демобилизаціи русской арміи и начались толки о переговорахъ съ Англіей, будто бы имѣющихъ цѣлью пріискать предлогъ для этой демобилизаціи. И вотъ Порта совершенно измѣняетъ тонъ и отвергаетъ почти всѣ существенныя условія Черногоріи. Не только скорое соглашеніе, но и самое заключеніе мира съ нею подвергается теперь сомнѣнію. Положеніе этой геройской Черной Горы становится теперь затруднительнымъ. Князь Николай не можетъ отказаться отъ предъявленныхъ имъ требованій. Кромѣ выгодъ пріобрѣтенныхъ кровью его юнаковъ, онъ долженъ еще имѣть въ виду цѣль которая заставила его взяться за оружіе. Черногорцы вступились за своихъ герцеговинскихъ братьевъ и не считаютъ возможнымъ бросить ихъ не обезпечивъ имъ лучшихъ условій существованія. Пусть союзникъ князя Николая заключилъ безъ него миръ, пусть великія державы извиняются предъ Высокою Портой въ причиненной ей докукѣ своими нотами и конференціями, малая, скудная, со всѣхъ сторонъ стѣсненная и всѣми оставленная Черногорія будетъ биться до конца. Князь Николай не считаетъ себя въ правѣ выгнать отъ себя множество герцеговинскихъ выходцевъ, хотя его страна сама терпитъ голодъ и всякую нужду. А между тѣмъ въ Герцеговинѣ и Босніи возстаніе разгарается съ новою силой, и вожди его съѣзжаются на совѣщаніе съ княземъ Черногорскимъ...

Усилившееся высокомѣріе и неуступчивость Турокъ поразительно совпадаютъ съ лондонскими переговорами. Очевидно вліяніе этихъ толкованій разносимыхъ лондонскими телеграммами и газетами. Ужь не этотъ ли успокоительный и удовлетворительный результатъ предусматривали и желали наши благопріятели? И вотъ, въ то время какъ на Западѣ такъ ревностно толкуютъ о сохраненіи европейскаго мира, на дняхъ быть-можетъ придется намъ присутствовать при возобновленіи войны, въ которой Черногорія, вѣрная своему дѣлу, будетъ предоставлена своей участи...

№ 56.

Москва, 7-го марта.

Наконецъ, по вопросу занимающему теперь всѣхъ и породившему столько недостойныхъ Россіи толковъ, получаемъ мы сегодня отъ нашего берлинскаго корреспондента свѣдѣнія, почти впервые представляющія это дѣло въ успокоительномъ для нашей чести смыслѣ. Еще вчера пришлось намъ напечатать полученную отъ Гаваса телеграмму что парижскія газеты louent la modération que la Russie montra dans les négociations où son honneur et ses intérêts sont si fortement engagès: вотъ похвалы отъ которыхъ не поздоровится! Теперь же, намъ пріятно что именно изъ Берлина, гдѣ мы въ правѣ ожидать искренне-дружескаго расположенія къ себѣ, впервые проливается для насъ свѣтъ на

переговоры которые генералъ Игнатьевъ ведетъ теперь въ европейскихъ центрахъ. Изъ сообщеній нашего берлинскаго корреспондента, котораго мы имѣемъ основаніе считать достаточно свѣдущимъ, оказывается что пресловутый протоколъ, подавшій поводъ къ великимъ ликованіямъ въ заграничной туркофильской печати, которымъ такъ усердно вторятъ наши домашніе туркофилы съ официозными ужимками,—что этотъ протоколъ есть въ сущности не что иное какъ договоренная тронная рѣчь императора Германскаго, не что иное какъ съ достаточною ясностію выраженная та часть ея которая касается нынѣшнихъ затрудненій на Востокѣ. Открывая Рейхстагъ, императоръ Вильгельмъ сказалъ между прочимъ: „Если Порта не исполнитъ реформъ по собственному рѣшенію, то я надѣюсь это не нарушитъ мира между державами.“ Многимъ эти слова показались неясными и двусмысленными, но контекстъ рѣчи дѣлалъ ихъ для насъ совершенно ясными. Данное нами толкованіе оказывается вѣрнымъ. Протоколъ, какъ онъ условленъ въ Берлинѣ, совершенно соотвѣтствуетъ этому толкованію. Державы въ протоколѣ формально утверждаютъ свое согласіе относительно предъявленныхъ Портѣ требованій, и если Порта по собственному рѣшенію не исполнитъ ихъ, то она вслѣдствіе этого становится какъ бы vogelfrei, и ея уже болѣе не защищаетъ статья 9 Парижскаго трактата, которою державы отняли у себя право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи. Каждая изъ державъ имѣетъ теперь формальное право потребовать отъ Порты отчета въ исполненіи предписанныхъ ей Европою преобразованій, и прибѣгнуть къ принудительнымъ противъ нея мѣрамъ. Въ этомъ, какъ мы видимъ, нѣтъ ничего не соотвѣтствующаго достоинству Россіи, и если сообщенія нашего берлинскаго корреспондента, подтверждаемыя показаніями газетъ *Temps* и *Indépendance Belge*, вѣрны по крайней мѣрѣ въ главномъ и существенномъ, то мы имѣемъ возможность измѣрить всю злонамѣренность съ какою антирусскія партіи заставляли Россію играть ими самими лживо сочиненную роль. Россія ни передъ кѣмъ не обязывается къ разоруженію; не проситъ Англію ручаться въ своей благонамѣренности предъ Портой. Она сохраняетъ полную свободу въ своихъ рѣшеніяхъ, и не только не отрекается отъ своей задачи на Востокѣ, но получаетъ во всеобщемъ признаніи ея справедливости полное и непререкаемое право дѣйствовать когда признаетъ нужнымъ. Если только совѣщанія съ англійскими министрами не испортили первоначальнаго текста протокола, то въ немъ не должно быть рѣчи о срокѣ. Сколько мы понимаемъ, каждая изъ державъ можетъ потребовать немедленнаго исполненія если не всѣхъ постановленныхъ конференціей реформъ, то тѣхъ ея условій которыя признаны необходимыми какъ гарантіи исполненія реформъ. Эти гарантіи можетъ Турція дать немедленно, и ей предоставляется дать ихъ добровольно; но за то Россія, какъ и всякая другая держава, можетъ потребовать ихъ отъ Порты вынудительно.

Но именно то самое обстоятельство что Россія ничего отъ Европы не требуетъ кромѣ формальнаго утвержденія рѣшеній принятыхъ на конференціи, оставляя за собою полную свободу дѣйствій,—именно это обстоятельство и дало поводъ непріязненнымъ дѣлу нашему партіямъ въ Европѣ распускать столь лживые и столь оскорбительные для нашей національной чести толки, будто Россія ищетъ только благовиднаго предлога отказаться отъ своей задачи на Востокѣ. Отсюда эти похвалы ея умѣренности въ дѣлѣ касающемся ея чести и ея національныхъ интересовъ. Органъ города Лондона, газета *Times*, въ своемъ сегодня пришедшемъ сюда нумерѣ, съ притворнымъ ужасомъ отступаетъ предъ сочиненною имъ самимъ уступчивостью Россіи. Лондонская газета съ изумленіемъ восклицаетъ что умѣренность русская доходитъ до дерзости (audacious in its moderation), и свидѣтельствуетъ что отреченіе Россіи отъ своихъ требованій возбуждаетъ въ Европѣ крайнее недовѣріе. Позоря насъ, заставляя насъ играть недостойную и безсмысленную комедію, оклеветавъ насъ будто мы ищемъ только отступленія и желаемъ только получить какую-то аттестацію нашей чести отъ Англіи и другихъ державъ, извративъ такимъ образомъ смыслъ предъявленнаго нами протокола, который Англійское правительство находится вынужденнымъ наконецъ подписать, англійская печать оплакиваетъ наше униженіе. „Генералъ Игнатьевъ,“ говоритъ газета *Times*, „развиваетъ планы которые Русское правительство считаетъ

„до дерзости умѣренными, и на материкѣ „всѣ соглашаются съ такимъ мнѣніемъ о „нихъ. Въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Римѣ, „умаленіе русскихъ требованій было сна„чала принято съ недовѣріемъ, и когда „сомнѣніе стало невозможнымъ, то всѣ „начали ломать себѣ голову предположе„ніями о причинахъ такого отреченія Рос„сіи отъ своихъ притязаній. Одни гово„рятъ что у Россіи нѣтъ денегъ, другіе „что ее страшитъ дѣйствіе ея могуще„ственныхъ сосѣдей, Германіи и Австріи, „иные еще что приготовленія Турокъ вну„шили ей благодѣтельную остраскку.“

Какимъ же образомъ, когда въ сферахъ равнодушныхъ, даже завѣдомо враждебныхъ христіанскому на Востокѣ дѣлу, въ Вѣнѣ, въ самомъ Лондонѣ, считаютъ совершенно непостижимымъ самоуниженіе Россіи, такъ что принуждены придумывать ему совершенно фантастическія объясненія, какимъ образомъ могли бы мы, Русскіе, благодушно принимать увѣренія своихъ ли, чужихъ ли органовъ, что Россія отказывается ото всего, все бросаетъ и сейчасъ же распускаетъ свою армію, къ удовольствію лордовъ Биконсфильда и Дарби?

Мы приходимъ къ убѣжденію что англійская печать умышленно представляла дѣло въ недостойномъ Россіи видѣ, чтобы прикрыть пораженіе понесенное политикой Англіи. Недостойную роль играетъ не Россія, а Англія. Ея политика была виною страшныхъ золъ позорящихъ человѣчество, но она не принесла ей пользы; ея политика старалась своими кознями обмануть усилія Россіи, но, Богъ дастъ, только себя и обманетъ...

№ 57.

Москва, 8-го марта.

Враждебныя намъ правительства и партіи въ Европѣ, разчитывая на слабодушіе и на иностранный образъ мыслей нѣкоторой части нашего общества, были увѣрены что Россія только и помышляетъ о томъ чтобы бросить дѣло своего призванія, ни во что́ вмѣняя ни честь свою, ни свои несомнѣнные, всѣмъ свѣдомые и всѣмъ ея народомъ глубоко чувствуемые интересы. Наши противники всегда въ своихъ замыслахъ разчитывали на то что въ насъ есть гнилаго и испорченнаго, на нашъ нигилизмъ, а также на нашихъ внутреннихъ иностранцевъ, которые живутъ чужимъ умомъ и питаются чужою фразой. Въ этихъ разчетахъ противныя намъ партіи толковали по своему всѣ шаги и дѣйствія нашего правительства. Но, какъ всегда, такъ и теперь, они ошибутся, они уже ошиблись въ своихъ разчетахъ. Какая бы ни была въ нашей жизни гниль, не она рѣшаетъ ходъ событій; она, слава Богу, служитъ только къ тому чтобъ ихъ же, нашихъ противниковъ, обманывать, и ихъ же вводить въ просакъ.

Послѣдній дипломатическій шагъ нашего правительства, миссія генерала Игнатьева, и протоколъ служащій теперь предметомъ переговоровъ, тотчасъ же былъ истолкованъ нашими противниками въ томъ смыслѣ что Россія будто бы отказывается отъ защиты христіанскаго дѣла въ Турціи и ищетъ только предлога чтобы приступить къ разоруженію. Чего въ русскомъ предложеніи Россіи не было сказано, то они подсказывали, и то что́ подсказывалось ими было такъ нелѣпо что, по собственному ихъ признанію, было встрѣчено всеобщимъ недоумѣніемъ и сомнѣніемъ.

Мы сообщили, въ нашемъ послѣднемъ нумерѣ, это характеристическое признаніе одного изъ главныхъ органовъ общественнаго мнѣнія въ Англіи. Признаніе это было вынужденное. Нелѣпымъ и безстыднымъ толкамъ публика перестала вѣрить. Единственный органъ въ Англіи, искренно сочувствующій христіанскому дѣлу на Востокѣ, газета *Daily News*, до сихъ ревностно ратующая за это дѣло и подобно намъ смущенная росказнями о миссіи генерала Игнатьева, въ тотъ же день замѣчала: „Умы мало знакомые съ „обычаями дипломатіи понять не могутъ, „вопервыхъ, почему соглашеніе столь про„стое и, можемъ прибавить, столь несу„щественное, могло встрѣтить затрудненія „со стороны правительства желающаго „мира во что́ бы то ни стало, и вовторыхъ, „какъ возможно чтобы подобное согла„шеніе считалось въ Россіи, или гдѣ бы „то ни было, дѣломъ способствующимъ „благу турецкихъ или какихъ бы то ни „было христіанъ.“

Итакъ, самыя колебанія Англійскаго правительства, безпрерывныя совѣщанія

министровъ, раскрыли глаза удивленной публикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣло было такъ просто, то каждому являлся вопросъ, чего же медлитъ Англійское правительство? Продолжать мистификацію было уже невозможно; пришлось сознаться...

Сегодня мы узнаемъ нѣчто еще болѣе интересное. Приподнялась завѣса скрывавшая причину колебаній лордовъ Биконсфильда и Дарби. Оказывается что они потому только и медлили принять русское предложеніе что не нашли въ текстѣ протокола чего имъ хотѣлось. *Pall Mall Gazette* объявляетъ что она уже *за нѣсколько дней* знала „что въ предложе„ніи не было ни слова означающаго что де„мобилизація Русской арміи тотчасъ же „начнется на единственномъ условіи под„писанія протокола.“ Конечно, это не было тайной и для другихъ министерскихъ и вліятельныхъ органовъ. Почему же вся лондонская печать съ такою настойчивостью говорила о разоруженіи Русской арміи какъ о дѣлѣ рѣшенномъ? Она, видите ли, полагала что это подразумѣвается само собою, а *Pall Mall Gazette хотѣла думать* что демобилизація есть существенная часть предлагаемаго соглашенія. Но въ то время какъ англійская печать трубила объ этомъ, „правительство Англіи,“ какъ открываетъ намъ торійскій органъ, „не удовольствовалось только под„разумѣваніемъ, и обратило вниманіе на „*опущеніе въ протоколѣ всякаго обязатель„ства тотчасъ же приступить къ демо„билизаціи.*“ Итакъ, оказывается что за русское предложеніе выдавалось англійскою печатью завѣдомо то чего не было, но что̀ хотѣлось ей видѣть въ немъ и что̀ англійскіе министры добивались внести въ международный актъ. Словесное изложеніе протокола, такъ чтобъ онъ могъ означать для той или другой стороны по желанію: да или нѣтъ, по мнѣнію *Pall Mall Gazette*, было бы дѣломъ нетруднымъ для дипломатическаго искусства, но „Англійскій кабинетъ поднялъ болѣе важ„ный вопросъ, онъ проводитъ мысль что „обязательство демобилизаціи должно вхо„дить въ составъ протокола. Россія же „говоритъ что хотя она и желаетъ со„кратить свои военные расходы, и хотя „въ ея интересѣ распустить армію сколь „возможно скорѣе, но что эти два во„проса совершенно разные—что протоколъ „есть дѣло европейское, а разоруженіе „есть чисто дѣло внутренней политики“.

Невинные министры до сихъ поръ не знали этой истины! Нужно было особенно объяснить имъ что международный актъ, какимъ долженъ быть предлагаемый протоколъ, не можетъ имѣть ничего общаго съ вопросомъ о мобилизаціи или демобилизаціи Русской арміи. Въ чемъ дѣло? По предложенію самой же Англіи собиралась въ Константинополѣ конференція, въ которой Россія и прочія державы постановили крайнія для принятія Портой условія. Порта отказала, конференція разошлась: что̀ же осталось? Была ли это только комедія? По объясненію англійскихъ министровъ, безцеремонно данному ими въ парламентѣ (стало-быть всенародно), это была только комедія, придуманная ими чтобы протянуть время и чтобы, такъ они цинически выражались, дать Россіи срокъ прохладиться въ ея рвеніи на помощь христіанскому дѣлу на Востокѣ. Но Россіи, равно какъ и другимъ державамъ участвовавшимъ въ конференціи, дозволительно не считать своего въ ней участія за комедію, и желать чтобъ она оставила по себѣ какой-либо слѣдъ, какое-либо общее соглашеніе, какое-либо формальное подтвержденіе единодушія державъ, ради котораго Россія принудила себя къ крайней сговорчивости въ дѣлѣ столь для нея существенномъ и кровномъ. Россія пожелала чтобы державы международнымъ актомъ запечатлѣли обязанность Турціи исполнить требованія Европы, а британскимъ министрамъ хочется, напротивъ, возложить обязательства на Россію. Оказывается что въ ихъ глазахъ виновный субъектъ есть Россія, что не надъ Турціей, а надъ ней творился судъ, и что ее требуется связать, дабы она не мѣшала Турціи спокойно расправляться со своими христіанскими населеніями.

Въ простомъ предложеніи запечатлѣть международнымъ актомъ признаніе необходимости реформъ въ Турціи англійскіе политики, по привычкѣ во всемъ видѣть заднюю мысль, усмотрѣли желаніе Россіи выпутаться изъ дѣла, а потому и не ожидали затрудненій для занесенія въ протоколъ статьи о демобилизаціи Русской арміи. Но дѣло стало разъясняться, и вотъ *Times* теперь уже совѣтуетъ своему правительству не настаивать на условіи демобилизаціи, доказывая что и безъ фор-

мальнаго уговора общій дипломатическій актъ державъ долженъ считаться послѣдствіемъ подразумѣваемаго отказа Россіи отъ воинственнаго положенія.

Любопытно еще то что совѣтъ лондонской газеты своему правительству не настаивать на занесеніи въ протоколъ условія разоруженія вызывается опасеніемъ чтобы между Россіей и Турціей не пошло на споръ кому сперва разоружиться. Она рекомендуетъ предоставить Россіи съ Турціей самимъ рѣшить этотъ вопросъ полюбовно. Вотъ лестное для Россіи довѣріе! Но до чего доходитъ извращеніе факта! Турецкія вооруженія зависятъ отъ русскихъ, а русскія не находятся ни въ какой зависимости отъ турецкихъ. Россія требуетъ не разоруженія Турціи; она требуетъ гарантій для христіанъ. Если Турція *proprio motu* и добросовѣстно дастъ христіанамъ надежныя обезпеченія, то она можетъ разоружиться, и ей нечего ожидать принужденія къ исполненію того что окажется сдѣланнымъ ею. Но Русская армія до сихъ поръ остается единственною гарантіей, единственною надеждой турецкихъ христіанъ...

№ 58.

Москва, 9-го марта.

Въ субботу вечеромъ окончился въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ уголовный процессъ, который въ теченіе четырехъ почти недѣль привлекалъ въ стѣны суда массу любопытныхъ и обращалъ на себя общественное вниманіе не только Москвы, но и всей Россіи. Даже заграничная печать заинтересовалась этимъ процессомъ. Не говоря уже о миѳическихъ сказаніяхъ появившихся въ иностранныхъ газетахъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до разбирательства дѣла о „тайномъ политическомъ обществѣ подъ названіемъ *Клуба Червонныхъ Валетовъ*,“ мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ солидныхъ органахъ заграничной печати изложенія процесса, въ которыхъ едва можно было узнать зло такъ томительно долго разбиравшееся въ здѣшнемъ судѣ. Трудно было узнать это не смотря на то что наружные признаки его были изложены довольно вѣрно. Таковъ, напримѣръ, краткій отчетъ появившійся на дняхъ въ берлинской *National-Zeitung* подъ заглавіемъ: Der Moskauer *Coeur-Buben-Prozch*. Отчетъ этотъ помѣщенъ на мѣстѣ передовой статьи: такое значеніе придаетъ ему газета. Всѣ имена обвиняемыхъ переданы совершенно вѣрно; выписки изъ обвинительнаго акта приведены безъ малѣйшаго искаженія. И однако дѣлу приданъ такой смыслъ что трудно сразу догадаться о чемъ рѣчь. Пусть читатели хоть сколько нибудь знакомые съ дѣломъ судятъ сами: „Дѣло это,“ сообщаетъ берлинская газета, „началось въ „1871 году, когда противъ двухъ изъ обвиняемыхъ, Давыдовскаго и Шпейера, „возбуждено было предварительное слѣдствіе, по коему оказалось что эти два „лица принадлежатъ къ обширному сообществу, которое систематически и въ „видѣ промысла совершало преступленія противъ собственности и противъ „жизни въ пяти губерніяхъ. Съ тѣхъ поръ „число обвиняемыхъ возросло до теперешняго ихъ числа, и 56 обвинительныхъ „актовъ о нихъ составленныхъ открываютъ „взгляду такую сѣть мошенничества, безнравственности и моральной порчи, какъ „въ частномъ такъ и въ общественномъ „быту, что процессъ этотъ не можетъ не „найти себѣ мѣста въ исторіи Русской „культуры... Убійства, разбой, обманъ, „кража, поддѣлка векселей и другихъ „документовъ, преступленія внушенныя „любовью и преступленія внушенныя враждой, развратъ и оргіи — вотъ широкая „картина нравственнаго упадка которую „открываетъ предъ нами этотъ процессъ.“ Само собою разумѣется что рисуя столь мрачную картину, иностранный хроникеръ не забываетъ указать и на то что преступное сообщество группируется вокругъ коноводовъ носящихъ очень громкія имена, а это, конечно, вызываетъ на „грустныя размышленія“ о „нравственномъ упадкѣ Россіи новой эры,“ и подаетъ поводъ покачивать головой съ видомъ „искренняго сожалѣнія“ о нашемъ отечествѣ.

Всякій кто хоть сколько нибудь знакомъ съ процессомъ Червонныхъ Валетовъ, послѣ судебнаго разбирательства, сразу почувствуетъ фальшь и натяжку коими проникнута отъ перваго слова до послѣдняго приведенная тирада изъ отзыва иностранной газеты. И однако, повторяемъ, *National-Zeitung* не исказила ни одного факта, число подсудимыхъ и свидѣтелей, количество преступленій и самое перечи-

сленіе послѣднихъ по родамъ и видамъ сдѣлано совершенно вѣрно. Въ чемъ же кроется фальшь? И почему же нельзя было сдѣлать того вывода который сдѣлала названная газета, ни въ чемъ не отступившая отъ фактической истины? Фальшь и натяжка кроются не въ фактахъ, а въ ихъ сопоставленіи. Что въ такомъ городѣ какъ Москва нашлось 46 человѣкъ, которые въ теченіе 9 лѣтъ совершили каждый порознь, а иногда и по нѣскольку вмѣстѣ цѣлый рядъ преступленій болѣе или менѣе тяжкихъ—въ этомъ конечно нѣтъ ничего поразительнаго. Поразительнаго ничего не будетъ, если помножить это количество преступленій и преступниковъ на десять и даже на сто. Подобные цифровые итоги могутъ играть роль развѣ лишь съ точки зрѣнія статистики. Но преступное сообщество, крѣпко организованное, и притомъ людьми принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества, сообщество разбросавшее свои сѣти на нѣсколько провинцій, кравшее и убивавшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ — получаетъ совсѣмъ иной смыслъ и совершенно основательно выставляется какъ характеристическій признакъ общественнаго быта и культуры въ данную эпоху.

Каковы бы ни были мнѣнія объ отдѣльныхъ эпизодахъ процесса „Клуба Червонныхъ Валетовъ“ и о нѣкоторыхъ личностяхъ въ немъ фигурировавшихъ,—одно, слава Богу, несомнѣнно: это то что никакого организованнаго сообщества не было, и что стало-быть нѣтъ и ни малѣйшаго повода обобщать болѣе или менѣе печальныя черты этого процесса и возводить его на степень характеристическаго общественнаго явленія. Обвинительная власть не даромъ отреклась отъ приведеннаго названія которое общественная молва присвоила этому процессу, заимствовавъ его изъ сенсаціонныхъ розказней парижскаго бульварнаго романиста. Но молва дала лишь имя тому что было создано помимо ея: предварительное слѣдствіе начавшееся въ 1871 году создало то что общество назвало „клубомъ.“ Молва о громадномъ преступномъ сообществѣ, крѣпко организованномъ дѣйствительно распространилось въ то время, и этою мыслью очевидно руководилась въ началѣ сама обвинительная власть. Съ тѣхъ поръ и возникло это названіе. Но вотъ результаты слѣдствія облечены были въ одинъ колоссальный обвинительный актъ. Тѣ мѣста и лица, коимъ по закону принадлежала провѣрка этого акта, прежде его утвержденія и преданія обвиняемыхъ суду, не могли не усмотрѣть что въ сущности здѣсь не одно дѣло, а цѣлая масса дѣлъ связанныхъ искусственно и произвольно. Тѣмъ не менѣе 48 лицъ привлеченныхъ первоначально, и какъ теперь оказывается ошибочно, въ качествѣ членовъ одного преступнаго сообщества, были преданы суду въ совокупности. Изъ 48 обвиняемыхъ, лишь 14 подверглись преслѣдованію за принадлежность къ преступному сообществу (шайкѣ), причемъ эти 14 человѣкъ обвинялись въ составленіи *трехъ* различныхъ шаекъ, различныхъ какъ по личностямъ участниковъ, такъ и по времени составленія. Спрашивается, почему же остальныя 32 лица должны были непремѣнно судиться вмѣстѣ съ этими участниками трехъ *различныхъ* шаекъ? Отвѣтъ на это тотъ что законъ предписываетъ судить всѣхъ соучастниковъ въ преступленіи въ одномъ судѣ (ст. 207 Уст. Угол. Суд.). Изъ этого выводятъ что если имѣются нѣсколько группъ совокупныхъ преступленій съ нѣсколькими участниками въ каждой и притомъ отдѣльные соучастники входятъ въ составъ той и другой группы, то это будто бы есть законный поводъ къ соединенію всѣхъ группъ въ одну. Благодаря этому соображенію по дѣлу „Клуба Червонныхъ Валетовъ,“ 32 лица изъ 46 фигурировали въ этомъ дѣлѣ не потому чтобы надъ ними тяготѣло обвиненіе въ принадлежности къ преступному сообществу, а лишь по соображенію *процессуальнаго удобства*. Что законы о совокупной подсудности установлены именно въ видахъ удобства для суда, это внѣ всякаго спора. Но первая задача суда вообще и уголовнаго въ особенности есть скорость производства и не можетъ быть признана процессуальнымъ удобствомъ, или вообще желательнымъ съ какой бы ни было точки зрѣнія, такой способъ производства который ведетъ къ послѣдствіямъ какъ разъ противуположнымъ. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось шесть лѣтъ!!! Изъ числа обвиняемыхъ не менѣе 19 признаны не виновными, а между тѣмъ многіе изъ нихъ провели по нѣскольку лѣтъ въ тюрьмѣ! Мыслимо ли, спрашивается, чтобы такая вопіющая проволочка могла быть согласована съ духомъ закона? Возможно ли допустить чтобы наши зако-

ны объ уголовномъ судопроизводствѣ, столь тщательно ограждающіе подсудимаго отъ напраснаго отягченія и главнымъ образомъ отъ печальной памяти судебной волокиты, мыслимо ли чтобы законъ освящалъ своимъ авторитетомъ многолѣтнюю проволочку въ какомъ бы то ни было случаѣ? Очевидно что этого быть не можетъ.

Не трудно доказать что такъ-называемое дѣло о Клубѣ Червонныхъ Валетовъ съ большимъ удобствомъ могло бы быть раздѣлено на десять или болѣе отдѣльныхъ дѣлъ, а еслибъ это было сдѣлано, то нѣтъ сомнѣнія что всѣ эти *дѣла* давнымъ-давно покоились бы въ архивѣ суда.

№ 59.

Москва, 10-го марта.

Въ субботу вечеромъ окончился въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ уголовный процессъ который въ теченіе четырехъ почти недѣль привлекалъ въ стѣны суда массу любопытныхъ и обращалъ на себя общественное вниманіе не только Москвы, но и всей Россіи. Даже заграничная печать заинтересовалась этимъ процессомъ. Не говоря уже о миѳическихъ сказаніяхъ появившихся въ иностранныхъ газетахъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до разбирательства дѣла о „тайномъ политическомъ обществѣ подъ названіемъ *Клуба Червонныхъ Валетовъ*," мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ солидныхъ органахъ заграничной печати изложенія процесса, въ которыхъ едва можно было узнать зло такъ томительно долго разбиравшееся въ здѣшнемъ судѣ. Трудно было узнать это дѣло несмотря на то что наружные признаки его были изложены довольно вѣрно. Таковъ, напримѣръ, краткій отчетъ появившійся на дняхъ въ берлинской *National-Zeitung* подъ заглавіемъ *Der Moskauer Coeur-Buben-Prozess*. Отчетъ этотъ помѣщенъ на мѣстѣ передовой статьи: такое значеніе придаетъ ему газета. Всѣ имена обвиняемыхъ переданы совершенно вѣрно; выписки изъ обвинительнаго акта приведены безъ малѣйшаго искаженія. И однако дѣлу приданъ такой смыслъ что трудно сразу догадаться о чемъ рѣчь. Пусть читатели хоть сколько-нибудь знакомые съ дѣломъ судятъ сами: „Дѣло это" сообщаетъ берлинская газета, „началось въ 1871 „году, когда противъ двухъ изъ обвиняемыхъ, Давыдовскаго и Шпейера, возбуждено было предварительное слѣдствіе, по „коему оказалась что эти два лица принадлежатъ къ обширному сообществу, которое систематически и въ видѣ промысла „совершало преступленія противъ собственности и противъ жизни въ пяти губерніяхъ. „Съ тѣхъ поръ число обвиняемыхъ возросло „до теперешняго ихъ числа, и 56 обвинительныхъ актовъ о нихъ составленныхъ „открываютъ взгляду такую сѣть мошенничества, безнравственности и моральной „порчи какъ въ частномъ, такъ и въ общественномъ быту, что процессъ этотъ „не можетъ не найти себѣ мѣста въ исторіи Русской культуры... Убійства, разбой, „обманъ, кража, поддѣлка векселей и другихъ документовъ, преступленія внушенныя любовью и преступленія внушенныя „враждой, развратъ и оргіи—вотъ широкая картина нравственнаго упадка которую открываетъ предъ нами этотъ процессъ." Само собою разумѣется что рисуя столь мрачную картину, иностранный хроникеръ не забываетъ указать и на то что преступное сообщество группируется вокругъ коноводовъ носящихъ очень громкія имена, а это, конечно, вызываетъ на „грустныя размышленія" о „нравственномъ упадкѣ Россіи новой эры," и подаетъ поводъ покачивать головой съ видомъ „искренняго сожалѣнія" о нашемъ отечествѣ.

Всякій кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ процессомъ Червонныхъ Валетовъ, послѣ судебнаго разбирательства, сразу почувствуетъ фальшь и натяжку коими проникнута отъ перваго слова до послѣдняго приведенная тирада изъ отзыва иностранной газеты. И однако повторяемъ, *National-Zeitung* не исказила ни одного факта, число подсудимыхъ и свидѣтелей, количество преступленій и самое перечисленіе послѣднихъ по родамъ и видамъ сдѣлано совершенно вѣрно. Въ чемъ же кроется фальшь? И почему же нельзя было сдѣлать того вывода который сдѣлала названная газета, ни въ чемъ не отступившая отъ фактической истины? Фальшь и натяжка кроются не въ фактахъ, а въ ихъ сопоставленіи. Что въ такомъ городѣ какъ Москва нашлось 46 человѣкъ, которые въ теченіи девяти лѣтъ совершили каждый порознь, а иногда и по нѣскольку вмѣстѣ цѣлый рядъ преступленій болѣе или менѣе тяжкихъ—въ этомъ конечно нѣтъ ничего поразительнаго. Поразительнаго ничего не

будетъ, если помножить это количество преступленій и преступниковъ на десять и даже на сто. Подобные цифровые итоги могутъ играть роль развѣ лишь съ точки зрѣнія статистики. Но преступное сообщество, крѣпко организованное, и притомъ людьми принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества, сообщество разбросавшее свои сѣти на нѣсколько провинцій и безнаказанно грабившее, обманывавшее, кравшее и убивавшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—получаетъ совсѣмъ иной смыслъ и совершенно основательно выставляется какъ характеристическій признакъ общественнаго быта и культуры въ данную эпоху.

Каковы бы ни были мнѣнія объ отдѣльныхъ эпизодахъ процесса „Клуба Червонныхъ Валетовъ“ и о нѣкоторыхъ личностяхъ въ немъ фигурировавшихъ, — одно, слава Богу, несомнѣнно: это то что никакого организованнаго сообщества не было, и что стало-быть нѣтъ и ни малѣйшаго повода обобщать болѣе или менѣе печальныя черты этого процесса и возводить его на степень характеристическаго общественнаго явленія. Обвинительная власть не даромъ отреклась отъ приведеннаго названія которое общественная молва присвоила этому процессу, заимствовавъ его изъ сенсаціонныхъ росказней парижскаго бульварнаго романиста. Но молва дала лишь имя тому что было создано помимо ея: предварительное слѣдствіе начавшееся въ 1871 году создало то что общество назвало „клубомъ.“ Молва о громадномъ преступномъ сообществѣ, крѣпко организованномъ, дѣйствительно распространилась въ то время, и этою мыслью очевидно руководилась въ началѣ сама обвинительная власть. Съ тѣхъ поръ и возникло это названіе. Но вотъ результаты слѣдствія облечены были въ одинъ колоссальный обвинительный актъ. Тѣ мѣста и лица, коимъ по закону принадлежала провѣрка этого акта, прежде его утвержденія и преданія обвиняемыхъ суду, не могли не усмотрѣть что въ сущности здѣсь не одно дѣло, а цѣлая масса дѣлъ связанныхъ искусственно и произвольно. Тѣмъ не менѣе 48 лицъ привлеченныхъ первоначально, и какъ теперь оказывается ошибочно, въ качествѣ членовъ одного преступнаго сообщества, были преданы суду въ совокупности. Изъ 48 обвиняемыхъ, лишь 14 подверглись преслѣдованію за принадлежность къ преступному сообществу (шайкѣ), причемъ эти 14 человѣкъ обвинялись въ составленіи *трехъ* различныхъ шаекъ, различныхъ какъ по личностямъ участниковъ, такъ и по времени составленія. Спрашивается, почему же остальныя 32 лица должны были непремѣнно судиться вмѣстѣ съ этими участниками трехъ *различныхъ* шаекъ? Отвѣтъ на это тотъ что законъ предписываетъ судить всѣхъ соучастниковъ въ преступленіи въ одномъ судѣ (ст. 207 Уст. Угол. Суд.). Изъ этого выводятъ что если имѣются нѣсколько группъ совокупныхъ преступленій съ нѣсколькими участниками въ каждой, и притомъ отдѣльные соучастники входятъ въ составъ той и другой группы, то это будто бы есть законный поводъ къ соединенію всѣхъ группъ въ одну. Благодаря этому соображенію по дѣлу „Клуба Червонныхъ Валетовъ,“ 32 лица изъ 46 фигурировали въ этомъ дѣлѣ не потому чтобы надъ ними тяготѣло обвиненіе въ принадлежности къ преступному сообществу, а лишь по соображеніямъ *процессуальнаго удобства*. Что законы о совокупной подсудности установлены именно въ видахъ удобства для суда, это внѣ всякаго спора. Но первая задача суда вообще и уголовнаго въ особенности есть скорость производства и не можетъ быть признанъ процессуальнымъ удобствомъ, или вообще желательнымъ съ какой бы то ни было точки зрѣнія, такой способъ производства который ведетъ къ послѣдствіямъ какъ разъ противоположнымъ. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось шесть лѣтъ!!! Изъ числа обвиняемыхъ не менѣе 19 признаны невиновными, а между тѣмъ многіе изъ нихъ провели по нѣскольку лѣтъ въ тюрьмѣ! Мыслимо ли, спрашивается, чтобы такая вопіющая проволочка могла быть согласована съ духомъ закона? Возможно ли допустить чтобы наши законы объ уголовномъ судопроизводствѣ, столь тщательно ограждающіе подсудимаго отъ напраснаго отягченія и главнымъ образомъ отъ печальной памяти судебной волокиты, мыслимо ли чтобы законъ освящалъ своимъ авторитетомъ многолѣтнюю проволочку въ какомъ бы то ни было случаѣ? Очевидно что этого быть не можетъ.

Не трудно доказать что-такъ называемое дѣло о „Клубѣ Червонныхъ Валетовъ“ съ большимъ удобствомъ могло бы быть раздѣлено на десять или болѣе отдѣльныхъ дѣлъ, и еслибъ это было сдѣлано, то нѣтъ сомнѣнія что всѣ эти *дѣла* давнымъ-давно покоились бы въ архивѣ суда.

№ 60.

Москва, 11-го марта.

А.

Преимущество гласнаго суда въ томъ именно и заключается что самыя ошибки судебной власти могутъ идти въ прокъ дѣлу правосудія. Требуется только привести въ ясность въ чемъ именно ошибка заключалась и наглядно указать на живомъ примѣрѣ какія уклоненія отъ истинныхъ цѣлей правосудія имѣли мѣсто въ данномъ случаѣ.

Въ дѣлѣ „Червонныхъ Валетовъ," процедура, собравшая въ одинъ громадный процессъ множество уголовныхъ дѣлъ не имѣющихъ между собою почти никакой связи, породила превратные толки задѣвающіе честь русскаго общества. Мы увѣрены что при началѣ слѣдствія по дѣлу такъ-называемаго клуба Червонныхъ Валетовъ, лица участвовавшія въ производствѣ этого слѣдствія дѣйствительно были убѣждены что правосудіе имѣетъ дѣло съ обширною и злокачественною шайкой, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ мошенническихъ сообществъ. Къ этому предположенію подавали поводъ нѣкоторые изъ обвиняемыхъ уже по своему общественному положенію; между ними оказались люди съ почтенными именами и съ нѣкоторымъ образованіемъ. Такіе субъекты должны были показаться болѣе или менѣе искусными, изворотливыми и неуловимыми на преступномъ пути артистами, и эти мошенники изъ „аристократовъ" представлялись сочленами тѣсно сплоченнаго сообщества, ибо имъ естественно было приписать девизъ *viribus unitis*. Разъ задавшись мыслію объ обширной преступной организаціи, слѣдственная власть продолжала дѣйствовать въ этомъ направленіи и неохотно отступилась отъ своей мысли когда ошибка стала обнаруживаться, и мало-по-малу выяснилось что организаціи собственно нѣтъ никакой. Слѣдственная власть продолжала настойчиво преслѣдовать свою цѣль которая была оптическимъ обманомъ, и продолжала припутывать къ „дѣлу" разныя преступленія которыя представлялись ей манифестаціями того же „клуба Червонныхъ Валетовъ." Мысль объ этомъ клубѣ совершенно овладѣла воображеніемъ слѣдователя.

Послѣдствіемъ этого было то что предварительное слѣдствіе продолжалось *почти шесть лѣтъ*. Шесть лѣтъ много времени въ жизни человѣка! Многіе изъ обвиняемыхъ томились въ ожиданіи суда, причемъ нѣкоторые были лишены свободы. Этотъ фактъ нельзя ничѣмъ загладить, и нѣтъ тѣхъ соображеній, какого бы то ни было свойства, коими было бы возможно, *съ точки зрѣнія правосудія*, оправдать это вопіющее явленіе. Правосудіе, по самой идеѣ своей, въ такой же мѣрѣ ограждаетъ обвиняемыхъ, въ какой оно охраняетъ общество отъ преступныхъ посягательствъ. Неприкосновенность личности, это основное начало всякаго цивилизованнаго общежитія, должна быть аксіомой для суда и слѣдственной власти прежде всего. Стѣсненіе личной свободы, насколько оно необходимо въ интересахъ правильнаго и *скораго* суда, можетъ быть допускаемо лишь по необходимости. Опредѣлить размѣры этой необходимости возможно лишь при неослабномъ и живомъ сознаніи святости самого принципа. Соображенія служебнаго свойства, канцелярская точка зрѣнія въ этомъ дѣлѣ, можетъ вести лишь къ пагубнымъ для истиннаго правосудія послѣдствіямъ.

Но обвиняемому привлеченному къ уголовному суду даются, или должны быть даны, гарантіи не противъ одной только медленности. Возможны всякаго рода односторонности и увлеченія со стороны органовъ обвинительной власти. Законъ предусмотрѣлъ и это, и учредилъ контроль надъ обвинительною властью и существенную гарантію для обвиняемыхъ—въ коллегіальномъ учрежденіи провѣряющемъ и окончательно установляющемъ ея выводы. Судебная Палата, въ качествѣ обвинительной камеры, разрѣшаетъ вопросъ о преданіи суду, и обвинительный актъ по дѣламъ судимымъ съ присяжными, составленный обвинителемъ, получаетъ значеніе судебнаго акта не прежде какъ будучи провѣренъ Судебною Палатой. Провѣрка простирается на все предварительное производство; обвинительная камера можетъ отвергнуть обвинительный актъ и отпустить вовсе обвиняемаго, или замѣнить обвинительный актъ своимъ постановленіемъ. Словомъ, въ производствѣ предшествующемъ „главной процедурѣ," какъ называютъ судебное засѣданіе Нѣмцы, обвинительной камерѣ принадлежитъ безап-

пелляціонно рѣшительное слово какъ по вопросу о наличности основаній для преданій суду, такъ и обо всемъ дальнѣйшемъ порядкѣ производства. Правда, въ короткое время просмотрѣть хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ предварительное производство, въ коемъ было около 60 томовъ и нѣсколько десятковъ тысячъ листовъ, было физически не возможно. Но не было надобности подробно изучать акты производства; достаточно было внимательно прочесть проектъ обвинительнаго акта и задаться вопросомъ, почему 48 человѣкъ обвиняемыхъ въ совершеніи разнаго рода противозаконныхъ дѣяній за періодъ времени въ 9 лѣтъ *должны быть* судимы вмѣстѣ, хотя сама обвинительная власть, подводя итоги слѣдствію продолжавшемуся шесть лѣтъ, не рѣшилась предъявить противъ огромнаго большинства подсудимыхъ обвиненія въ принадлежности къ преступному сообществу Какая надобность обременять судъ, свидѣтелей и особенно присяжныхъ такимъ агломератомъ фактовъ, чиселъ и именъ? Зачѣмъ наконецъ подвергать цѣлые десятки лицъ, обвиняемыхъ въ отдѣльныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, иногда совершенно ничтожныхъ, позору и риску предстать на судъ въ сообществѣ другихъ, болѣе тяжкихъ преступниковъ, съ коими они ничего общаго не имѣютъ, изъ коихъ они многихъ увидятъ въ первый разъ на судѣ? Обвинительный актъ былъ утвержденъ безъ всякихъ измѣненій.

Были въ дѣлѣ и другія характеристическія черты, кои нельзя было пропустить относясь къ дѣлу съ живымъ вниманіемъ. По обвинительному акту, самые выдающіеся по своимъ преступнымъ дѣяніямъ подсудимые, большею частью рецидивисты и старожилы острога, обвинялись въ цѣломъ рядѣ поддѣлокъ банковыхъ билетовъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ кредитныхъ учрежденій. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ предъявлены были и поддѣльные билеты. Это были очень плохія передѣлки настоящихъ вкладныхъ билетовъ изъ меньшей суммы въ бóльшую, столь плохія что ими никого нельзя было бы обмануть. Билеты эти дѣйствительно не были сбыты, и всѣ они были сфабрикованы въ стѣнахъ Московской тюрьмы: по крайней мѣрѣ у обвиняемыхъ были найдены всѣ нужные, согласно показанію экспертовъ, матеріалы для подобнаго рода передѣлокъ. На судѣ выяснилось что всѣ обвиняемые по этому дѣлу были въ то же время и сыщиками, и взаимными обличителями. Выведена была на свѣтъ Божій омерзительная эпопея острожныхъ интригъ и предательствъ, причемъ главною пружиной всѣхъ этихъ подвиговъ было получить деньги которыя раздавались довольно щедро въ видахъ раскрытія преступленія; на дѣлѣ же эти деньги были поощреніемъ для острожнаго люда къ самому совершенію преступленій этого рода... Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ всѣмъ обвиняемымъ въ острожныхъ поддѣлкахъ, несмотря на то что матеріальное участіе почти каждаго изъ обвиняемыхъ не могло подлежать сомнѣнію...

Въ заключеніе, позволимъ себѣ указать на замѣчательную личность выдавшуюся въ этомъ процессѣ. Это самъ обвинитель. На долю этого талантливаго представителя Московской прокуратуры выпала колоссальная по своей трудности задача, ему пришлось расплачиваться за многіе грѣхи въ коихъ онъ совсѣмъ неповиненъ. Г. Муравьевъ вышелъ съ честью изъ затрудненій. Его обвинительная рѣчь, продолжавшаяся 22 часа, не только была образцомъ судебнаго краснорѣчія, изящнаго и убѣдительнаго, но и самые пріемы обвиненія были чужды всякой узкой односторонности, до такой степени что сами осужденные изъ подсудимыхъ письменно выражали свое удивленіе „уму и таланту“ молодаго обвинителя.

Б.

Мы желали бы дать нашимъ читателямъ отдохнуть отъ дипломатіи по Восточному вопросу, но не можемъ удержать наше чувство въ виду полученной сегодня черезъ Вольфа лондонской телеграммы. Лордъ Дарби укоряетъ одного изъ своихъ товарищей по Верхней Палатѣ который заикнулся въ пользу турецкихъ христіанъ, и при этомъ прибѣгаетъ къ возмутительному доводу... Требованіе лорда Додлея чтобы въ этомъ новомъ издѣліи дипломатіи, которое имѣетъ получить именованіе Лондонскаго протокола, были какія-либо ручательства въ пользу Восточныхъ христіанъ, это требованіе осуждается министромъ ея Британскаго величества какъ зловредное и противное усиліямъ Русскаго правительства! Именемъ русской дипломатіи претятъ сочувственному Россіи порыву да-

же въ Англіи! Дошло до того что въ Англійскомъ парламентѣ осмѣливаются открыто спекулировать на возможность разногласія между чувствомъ чистаго христіанскаго милосердія одушевившимъ Русскій народъ и политикой его правительства!..

Вспомнимъ что этотъ лордъ Дарби есть тотъ самый лордъ Дарби который въ 1868 году запретилъ англійскимъ шкиперамъ перевозить злополучныхъ жителей Крита, дѣтей и женщинъ, бѣжавшихъ отъ турецкихъ неистовствъ въ свободную Грецію... Въ этой мѣрѣ сказался уже не политикъ ревнующій о независимости и цѣлости Турціи, а развѣ артистъ услаждающійся издали живописными сценами турецкой расправы...

Лицамъ полагающимъ что дѣло по Восточному вопросу кончилось совѣтуемъ обратить вниманіе на телеграмму нашего корреспондента изъ Парижа.

№ 61.

Москва, 12-го марта.

А.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу возраженія появившагося въ № 63 *Голоса* на наши послѣднія статьи о Парижской деклараціи. Теперь будетъ даже нѣсколько кстати снова заговорить объ этомъ предметѣ.

Quasi-ученая болтовня петербургской газеты свидѣтельствуетъ о странной путаницѣ понятій въ нѣкоторыхъ нашихъ якобы интеллигентныхъ сферахъ. Сущности вопроса она вовсе не касается; она не дѣлаетъ никакого различія между двумя вопросами не имѣющими въ себѣ ничего общаго, но которые оба включены въ Парижскую декларацію: отмѣна права осмотра и отмѣна каперства. Она не хочетъ знать что возгласы поднимающіеся періодически въ Англіи противъ деклараціи направлены главнымъ образомъ противъ перваго пункта, который касается нейтральныхъ. Что же касается вопроса о каперствѣ, то авторъ статьи *Голоса* гнѣвается на насъ за то что мы не допускаемъ пустословія въ сужденіи о дѣлѣ имѣющемъ серіозное значеніе.

Авторъ статьи *Голоса* лукавитъ предъ своими читателями, приписывая намъ безсмыслицу и заставляя насъ „утверждать что въ случаѣ войны, *когда Англія останется нейтральною*, рискъ для ея нейтральной торговли и для торговли воюющихъ народовъ будетъ одинаковъ.“ Это собственное изобрѣтеніе нашего оппонента. Мы говорили не о *нейтральной* Англіи, а объ Англіи *воюющей*, когда ей самой пришлось бы можетъ-быть поплатиться въ пользу нейтральныхъ тѣми выгодами какими она пользовалась при войнахъ между другими. Эта случайность и заботитъ тревожно Англичанъ.

Нашъ оппонентъ смѣшиваетъ двѣ разнородныя вещи: договоръ и нравственное требованіе. Просвѣщенный и нравственный человѣкъ, точно также какъ и цивилизованный народъ, не позволяетъ себѣ нѣкоторыхъ дѣйствій не въ силу закона или уговора, а потому что совѣсть претитъ. Нѣтъ акта который запрещалъ бы сажать плѣнныхъ на колъ, разорять и опустошать занятыя мѣстности или обращать поголовно побѣжденныя населенія въ рабство; однако между цивилизованными народами этого не дѣлается. Съ другой стороны, уговоръ можетъ быть вовсе не основанъ на нравственныхъ требованіяхъ, но его приходится соблюдать если онъ дѣйствительно обязателенъ. Въ послѣднемъ случаѣ весь вопросъ именно въ обязательности условія.

Какъ же относятся державы *принявшія Парижскую декларацію* къ отмѣнѣ каперства? Авторъ статьи недобросовѣстно обходитъ молчаніемъ фактъ на который мы указали и о которомъ было упомянуто въ Англійской Палатѣ. Въ 1870 году, 24 іюля, король Прусскій, по объявленіи войны, издалъ указъ объ учрежденіи „добровольнаго флота,“ и англійскіе юристы не нашли въ этомъ нарушенія Парижской декларацiи, такъ какъ суда такого флота имѣютъ аналогію „съ вольными отрядами или волонтерами которые признаются международнымъ правомъ.“ А какія же это суда? Это были суда частныя, „нанятыя,“ „право собственности на нихъ не передавалось государству, а оставалось принадлежностью арматоровъ,“ ихъ экипажъ и офицеры доставлялись также арматорами,“ наконецъ они „имѣли получать преміи за захваченныя непріятельскія суда.“ Въ чемъ же отличаются отъ этихъ „нанятыхъ“ судовъ каперы получающіе *lettres de marque?* Противъ указа короля Прусскаго ни-

кто не протестовалъ во имя Парижской декларации, и какъ выше упомянуто британскіе коронные юристы одобрили его. Правительство англійское само объявляетъ что декларація не мѣшаетъ ему „нанять любое число *торговыхъ* (слѣдовательно частныхъ) судовъ чтобы вести войну противъ непріятеля и *тревожить его торговлю.*“ Такова *обязательность* отмѣны частнаго каперства даже для державъ подписавшихъ декларацію. Его считаютъ практически дозволеннымъ и примѣнимымъ, хотя бы подъ другимъ названіемъ. Почему же только Россія должна считать запретнымъ для себя оружіе всѣми признаваемое и употребляемое?

Кромѣ того, мы замѣтили что отмѣна каперства, какъ обязательство на случай войны между самими воюющими, не можетъ считаться обязательною, не будучи принята всѣми. Такъ ея не приняли Соединенные Штаты, Испанія, Мексика. На это намъ возражаютъ что точно также не всѣми признаны и Женевская конвенція о международной помощи раненымъ, и Петербургская конвенція о неупотребленіи разрывныхъ пуль; стало-быть и онѣ де не могутъ считаться обязательными? Совершенно вѣрно, но это не значитъ что мы „ополчаемся“ противъ Краснаго Креста или за разрывныя пули. Высокое значеніе этихъ конвенцій не въ подписяхъ, а въ томъ что ими регулируется безусловно хорошее дѣло. Оно, это дѣло, придаетъ имъ обязательность для всякой цивилизованной націи сильнѣе всякой подписи. Американцы, не приступившіе къ Женевской конвенціи, конечно, не станутъ истязать плѣнныхъ потому только что бумагой они къ тому не обязаны. Состраданіе къ раненымъ, хотя бы непріятельскимъ, отказъ отъ оружія причиняющаго ненужныя страданія людямъ: все это дѣлаетъ честь нравамъ современныхъ обществъ, все это вытекаетъ изъ христіанскаго образованія, требуется христіанскою совѣстью. Такъ точно безо всякой конвенціи не употребляется отравленное оружіе. Нарушенію уставовъ Краснаго Креста претитъ не буква конвенціи, а нравственное чувство, а наконецъ соблюдать ихъ велитъ взаимный интересъ воюющихъ. *Голосъ* острится надъ нами: будто бы отрицать обязательность уговоровъ на случай войны значитъ требовать оправданія ужасовъ совершенныхъ Турками надъ ранеными Сербами. Нѣтъ, этого требуетъ точка зрѣнія нашихъ противниковъ, а не наша. Извѣстно что Турція приступила и къ Женевской, и къ Петербургской конвенціямъ. Однако Турки позволяли себѣ и ругаться звѣрски надъ ранеными, и употреблять разрывныя пули. Они дѣлали это потому что обязательная бумага не преодолѣла ихъ варварства, а варвары не уважаютъ человѣческой личности. И эти варвары, принятые трактатами въ лоно европейской семьи, совершили свои дѣянія безнаказанно. Объявилъ ли имъ кто войну за нарушеніе принятыхъ ими обязательствъ? Были ли дѣлаемы имъ представленія или угрозы? Правда, выражалось негодованіе, но Турки отнюдь не смущались этимъ, и продолжали свои звѣрства. Негодованіе выражалось также и противъ *Голоса* за его туркофильство, но это не мѣшаетъ ему продолжать и теперь туркофильствовать.

Имѣетъ ли, однако, Парижская декларація, помимо теоретическаго вопроса о своей обязательности, высшее нравственное значеніе, подобное Женевской и Петербургской конвенціямъ? Выразила ли она какія-либо современныя требованія цивилизованнаго христіанскаго общества? Признается ли ею, напримѣръ, что частная собственность мирныхъ жителей, не участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, должна быть уважаема и оставаться неприкосновенною какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. На сушѣ частная собственность уважается даже при непріятельскомъ вторженіи. *A fortiori* это должно имѣть мѣсто на морѣ. Открытое море есть нейтральная область, а не страна непріятельская. Отмѣнено ли право захвата? Ничего подобнаго въ декларации нѣтъ. Отмѣнено только каперство, и люди фразы радуются, крича что каперство есть привилегированный морской разбой! А что же такое вообще морская война какъ не разбой въ открытомъ морѣ пока не уважается мирная частная собственность даже въ нейтральныхъ водахъ? Почему же этимъ разбоемъ *въ правѣ* заниматься англійскія военныя суда? Пусть будетъ признана безусловная неприкосновенность частной собственности на морѣ. А пока этого нѣтъ, мы не знаемъ какія это высокія нравственныя побужденія могутъ заставить Россію, въ случаѣ войны, не причинять противнику такого же вреда какой отъ него будутъ терпѣть Русскіе люди.

Ничего не можетъ быть забавнѣе патетическаго обращенія *Голоса* къ правительству чтобъ оно „не рѣшалось на шагъ который долженъ имѣть огромное вліяніе на нравственный авторитетъ Россіи.“

Христіанская нравственность учитъ подставлять обидчику ланиту и отдавать рубашку ближнему, но вѣдь *свою* ланиту, *свою* рубашку, а не ланиту и рубашку людей ввѣренныхъ нашей охранѣ. Нельзя себѣ представить какимъ образомъ могъ бы возвыситься нравственный авторитетъ правительства еслибъ оно оставалось равнодушно въ то время когда станутъ топить, уничтожать и захватывать собственность его подданныхъ ..

Б.

Сегодняшнія телеграммы подтверждаютъ вчерашнее сообщеніе нашего парижскаго корреспондента. Положеніе становится серіознымъ. Переговоры въ Лондонѣ не привели ни къ чему. Вчера, въ палатѣ Общинъ, въ отвѣтъ г. Гладстону, который заявилъ о настоятельной необходимости оградить христіанъ на Востокѣ, канцлеръ казначейства сказалъ что Англійское правительство готово сдѣлать объ этомъ представленія Портѣ, но если она ихъ не приметъ, то Богъ съ ней, она сама знаетъ что ей дѣлать, она не нуждается въ опекѣ и можетъ дѣйствовать самостоятельно, подъ собственною отвѣтственностью. Таковъ смыслъ отвѣта г. Норткота.

Теперь весьма ясно чего добивались англійскіе министры въ переговорахъ о протоколѣ. Въ какомъ комически-позорномъ положеніи осталась дипломатія послѣ своего похода на Россію въ 1863 году, въ такое же самое положеніе англійская политика добивалась поставить всю Европу, и главнымъ образомъ Россію, предъ Турціей. Она требовала чтобъ и прочія державы, подобно Англіи, сказали Портѣ: „Мы вамъ совѣтуемъ обращаться съ христіанами получше, а въ прочемъ какъ знаете; оставляемъ это на вашу отвѣтственность.“ Вмѣсто всякихъ хотя бы призрачныхъ гарантій для христіанъ англійскіе министры хотѣли поддѣлать новый актъ торжественнаго признанія независимости Турціи, ея самостоятельности, исключающей назойливыя попеченія о ея христіанскихъ населеніяхъ: они умышляли заставить Россію и другія державы сдѣлать нѣчто обратное тому что̀ предполагалось. Всю честь признанія турецкой самостоятельности Англія великодушно предоставляла Россіи, а взамѣнъ своего скромнаго участія въ этомъ общемъ и дорогомъ для Европы дѣлѣ отъ Россіи требовалось чтобъ она *обязалась предъ Англіей* разоружиться и отнять у турецкихъ христіанъ ихъ единственную надежду и гарантію въ Русской арміи стоящей на Прутѣ.

Англійская дипломатія еще разъ сама себя перехитрила. Кабинетъ Беконсфильдъ-Дарби, въ своей близорукой заносчивости, черезъ мѣру понадѣялся на политику *brag and bluster*, въ разчетѣ на безмѣрную уступчивость Россіи.

№ 63.

Москва, 14-го марта.

Еслибы могло еще у кого-нибудь оставаться сомнѣніе въ невозможности честнаго соглашенія между Россіей и Англіей по Восточному вопросу, то оно должно исчезнуть въ виду недвусмысленныхъ объясненій англійскихъ министровъ въ парламентѣ и сужденій наиболѣе вліятельной части англійской печати. Мы очень ошибаемся думая доказательствами нашей уступчивости убѣдить Англію сдѣлать хотя что-нибудь для задыхающихся подъ тяжкимъ ярмомъ христіанъ. Англія никогда не приметъ участія въ ихъ освобожденіи и никогда не дастъ на это своего согласія еслибъ оно считалось нужнымъ, потому что она ненавидитъ этихъ христіанъ за ихъ духовную связь съ Россіей. Англіи нужно чтобы восточные христіане возненавидѣли насъ всею силой той ненависти какую она сама питаетъ къ намъ. Англійскіе эмиссары, наполняющіе теперь Болгарію и другія провинціи Европейской Турціи, какъ писалъ нашъ филиппопольскій корреспондентъ, усиленно работаютъ для совращенія забитыхъ и голодающихъ населеній къ отступничеству отъ вѣры ихъ предковъ, употребляя для этой нравственной пытки тѣ ничтожныя благотворенія которыя Англія бросаетъ имъ какъ крохи отверженнымъ и нравственно прокаженнымъ, не щадя въ то же время милліоновъ для вооруженія ихъ притѣснителей. По мѣрѣ нашей уступчивости растетъ и заносчивость нашихъ противниковъ. Для Англіи теперь мало торжествующаго глумленія надъ стонами христіанъ, ей мало гаран-

тировать спокойное отправленіе оргій баши-бузуковъ, — она добивается всенароднаго уничиженія Россіи.

Послѣднія статьи газеты *Times* представляютъ вѣрное изложеніе взглядовъ Лондонскаго кабинета. Протоколъ истолкованный въ его смыслѣ, долженъ возложить „обязательство на Россію предъ другими „европейскими державами не предпринимать никакого отдѣльнаго противъ Порты дѣйствія.“ За это державы будутъ „принуждены,“ когда Русское правительство обратитъ ихъ вниманіе на злоупотребленія турецкаго управленія, потолковать между собою о мѣрахъ или способахъ (*mesures* или *moyens*: редакція какъ видно еще не рѣшена въ протоколѣ), а эти *moyens* должны, со стороны Англіи, ограничиться пустыми представленіями Портѣ. *Times* считаетъ рѣшеннымъ что и другія державы ограничатся тѣмъ же. Вотъ что, по мысли англійскихъ политиковъ, должно быть сдѣлано въ угоду Россіи для христіанъ! Взамѣнъ же этого, съ другой стороны, „подпись обяжетъ Россію не предпринимать „самостоятельнаго дѣйствія, а паче всего „военнаго дѣйствія. Державы будутъ имѣть „право и обязанность давать совѣты (*to „advise*) Россіи, наравнѣ съ Турціей, потому что *поведеніе Россіи будетъ по необходимости элементомъ* въ тѣхъ способахъ или мѣрахъ которые будутъ употреблены для устраненія указываемыхъ „золъ“ (то-есть въ вѣжливыхъ представленіяхъ Портѣ), „а потому оно (то-есть поведеніе Россіи) поступитъ подъ вѣдѣніе „державъ.“

Вотъ награда за нашу согласительность! Вотъ какое значеніе хотятъ въ Англіи придать предложенному нами протоколу! Мы, судившіе Турцію, въ заключеніе сами попадаемъ подъ судъ. Турція предоставляется самой себѣ, а Россія поступаетъ подъ опеку Европы. Наше *поведеніе* должно состоять подъ контролемъ державъ, которыя будутъ призывать насъ къ отвѣту и приказывать что дѣлать и чего не смѣть дѣлать. Въ добавокъ къ новому торжественному признанію независимости Порты, Лондонскій протоколъ, по требованію англійскихъ министровъ, долженъ ограничить независимость Россіи. Парижскій трактатъ не только не утратитъ своей силы, но будетъ подкрѣпленъ новою статьей которая измѣнитъ роли: Турція удержитъ свою самостоятельность, Россія поступитъ подъ опеку.

Наконецъ, требуется чтобы Россія добровольно и торжественно сама предъ всѣми унизилась. Обсуждая вопросъ о демобилизаціи, органъ города Лондона настаиваетъ на ея необходимости со стороны Россіи, ибо иначе стоящая въ готовности армія можетъ подвергнуться искушенію. Мало ли что можетъ случиться въ Турціи? Случатся новыя избіенія,—и вотъ армія пожалуй двинется. Что бы ни дѣлалось въ Турціи, она должна быть ограждена отъ русскаго вторженія. А Турціи нельзя разоружиться пока надъ нею военная угроза. Одновременно еще пожалуй бы можно. А потому, говоритъ *Times*, „если Россія „дѣйствительно желаетъ избѣжать борь„бы, то она должна быть готова пожерт„вовать немножко своимъ достоинствомъ „и удалить свои войска.“ Впрочемъ, и одновременное разоруженіе будетъ зависѣть отъ „доброй воли“ Турціи. „Но она не можетъ „усмотрѣть посягательства на свои верхов„ныя права въ уговорѣ который поставитъ „ее на одну доску съ Россіей, а потому „вѣроятно возражать не будетъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, Высокая Порта, по всему вѣроятію, удовольствуется такимъ результатомъ и возражать не будетъ.

На всѣ эти безстыдныя глумленія надъ нами, сегодня *Journal de St.-Pétersbourg* чуть слышно прошепталъ что военныя мѣры принятыя Россіей не будутъ оставлены пока Портой не будетъ исполнено то для чего эти мѣры были приняты.

№ 64.

Москва, 15-го марта.

Лондонскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* сообщилъ въ эту газету по телеграфу, отъ 20 марта, содержаніе протокола и тѣхъ переговоровъ по поводу коихъ возникли разногласія между Сентъ-Джемскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами. Изложеніе это воспроизведено вѣнскою офиціозною *Abendpost*, чѣмъ ему придана въ общественномъ мнѣніи особая достовѣрность. Протоколъ, по редакціи принятой Англіей, содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, удостовѣреніе полнаго единодушія державъ; во-вторыхъ, въ немъ перечислены тѣ реформы которыя рекомендуются Портѣ, и втретьихъ заявляется что въ случаѣ отказа Порты отъ этихъ реформъ державы при-

ступятъ къ совѣщаніямъ между собою о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Въ этой редакціи документъ не содержитъ въ себѣ ни указанія срока исполненія реформъ, ни упоминанія о разоруженіи, ни требованія чтобы Порта присоединилась къ протоколу, ни положенія наконецъ что Европа считаетъ себя въ правѣ принудить Порту къ извѣстнымъ реформамъ. Отсюда видно, замѣчаетъ корреспондентъ названной туркофильской газеты, что протоколъ въ этомъ видѣ отнюдь не удаляется отъ Парижскаго трактата и нисколько его не отмѣняетъ. „Но," замѣчаетъ онъ далѣе, „мнѣ положительно извѣстно что Россія своимъ предложеніемъ имѣетъ въ виду именно отмѣну Парижскаго трактата и въ особенности ст. 9 онаго, въ коей говорится о невмѣшательствѣ державъ во внутреннія дѣла Турціи, равно какъ спеціальный трактатъ между Англіей, Франціей и Австріей о неприкосновенности Турціи; съ этою цѣлью Россія не прочь будетъ принести нѣкоторыя жертвы и согласиться даже отчасти на демобилизацію." Въ этихъ видахъ Россія предложила де изложить третій параграфъ протокола въ коемъ рѣчь идетъ о будущемъ образѣ дѣйствій державъ, въ томъ смыслѣ что „державы снесутся между собою дабы въ случаѣ надобности *настоять* на исполненіи реформъ." Различіе между предложеніемъ Англіи и предложеніемъ Россіи ясно, по мнѣнію корреспондента, выходитъ изъ этого разнорѣчія. Англія желаетъ чтобы въ случаѣ упорства Порты (что весьма вѣроятно) дальнѣйшіе шаги были предоставлены новому совѣщанію державъ,—совѣщанію которое не должно вести ко вмѣшательству. Россія напротивъ желаетъ чтобъ вмѣшательство было прямымъ послѣдствіемъ протокола, такъ что предложеніе Россіи уничтожаетъ Парижскій трактатъ, англійское же напротивъ его сохраняетъ. Корреспондентъ настаиваетъ на томъ что весь узелъ вопроса заключается въ этомъ разногласіи. Первые два параграфа ничего не значатъ де въ сравненіи со спорнымъ ътретьимъ. Что державы объявятъ о своемъ „единодушіи," это никакого значенія не имѣетъ; неважно и то что державы будутъ рекомендовать Портѣ исполненіе извѣстныхъ реформъ: это было уже на Константинопольской конференціи; сила только въ томъ, останутся ли эти требованія въ области пустословія, или имъ будетъ придана исполнительная сила. А потому Россія хочетъ присовокупить къ рѣшеніямъ конференціи угрозу исполненія оныхъ, словомъ то что должно было составлять конечное рѣшеніе конференціи.

Откровенность этого изложенія, которое, какъ сказано, считается достовѣрнымъ, не оставляетъ никакой неясности. Представляя дѣло съ точки зрѣнія враждебной турецкимъ христіанамъ какъ подобаетъ туркофильскому органу какъ *Кельнская Газета*,—корреспондентъ ея изъ Лондона, безъ обиняковъ и съ цинизмомъ достойнымъ защищаемаго имъ дѣла заявляетъ что споръ по поводу протокола, поднятый Англіей, есть лишь новый маневръ съ цѣлью закрѣпить владычество баши-бузуковъ надъ христіанскими населеніями.

Все это вполнѣ согласуется и съ объясненіями Лондонской печати. Вчера приведенное нами изъ газеты *Times* толкованіе смысла, въ какомъ англійское правительство разумѣетъ значеніе переговоровъ о подписаніи протокола, подтверждается въ сегодняшнемъ нумерѣ министерскаго органа *Pall Mall Gazette*. Та или другая редакція документа, по словамъ торійской газеты, не имѣетъ важности для англійскихъ министровъ. Имъ де нужно только оградить, посредствомъ этого документа, Турцію отъ всякаго понужденія. Поэтому правительство ея величества готово согласиться на всякую редакцію, лишь бы этотъ протоколъ послужилъ „мостомъ" для отступленія Россіи и сопровождался бы письменнымъ обязательствомъ ея, съ другой стороны, удалить и распустить свои войска. Только въ этомъ смыслѣ Англійское правительство и ведетъ переговоры. Ни о чемъ другомъ оно не хочетъ де знать. Даже по поводу сообщенныхъ нѣкоторыми англійскими газетами условій на коихъ могла бы произойти демобилизація русскихъ войскъ, *Pall Mall Gazette* замѣчаетъ что на толки объ этомъ не стóитъ тратить словъ. Отъ Россіи ожидается со стороны Англіи безусловная сдача ея позиціи, и ничего менѣе...

То же самое, еще яснѣе вчерашняго, толкуется и въ сегодняшнемъ нумерѣ *Times*. Оракулъ вѣщаетъ: „никто въ здравомъ „смыслѣ не можетъ предположить чтобы „протоколъ имѣлъ какую-либо цѣну для „успѣха русскихъ цѣлей". Россія, по его сужденію, уже отказалась отъ своихъ намѣреній, а потому и должна пойти еще далѣе и подчиниться совершенно англій-

ской политикѣ. „Англійскій кабинетъ не „имѣетъ предложить никакого рѣшенія Во„сточнаго вопроса и желаетъ только чтобы „Турцію не трогали, а потому ясно что „первое условіе согласія между Россіей и „нашею страной есть то чтобы Россія су„щественно пришла къ тому же самому „мнѣнію, и такимъ образомъ оставила бы „позицію которую она занимала въ послѣд„ніе два года.“

Вотъ ультиматумъ который ставятъ намъ англійскіе министры.

Впрочемъ, если продлятся переговоры, насъ въ будущемъ можетъ-быть ожидаютъ и не такіе сюрпризы.

Одинъ анонимный „членъ парламента“, въ письмѣ къ издателю *Times*, уже указываетъ какъ произвести разоруженіе Россіи. Мало съ ея стороны письменнаго обязательства. „Пусть“, говоритъ онъ, „дер„жавы выступятъ съ посредничествомъ „между Россіей и Турціей, и тогда одно„временное разоруженіе легко осуществить „такимъ образомъ: Подробности будутъ „условлены уполномоченными обоихъ пра„вительствъ въ присутствіи уполномочен„ныхъ отъ державъ-порукъ. Военные ком„миссары державъ-посредницъ будутъ ак„кредитованы въ главныя квартиры обѣихъ „армій, для наблюденія за исполненіемъ „конвенціи.“ Благонамѣренный членъ Англійскаго парламента полагаетъ что такимъ способомъ „честь, доброжелательность и „добросовѣстность обѣихъ враждующихъ „державъ могутъ быть приведены въ со„гласіе съ ихъ національною гордостью и „съ ихъ международными сношеніями.“

Всего красивѣе здѣсь фигурируетъ наша національная гордость!

№ 65.

Москва, 16-го марта.

Въ полученныхъ сегодня англійскихъ газетахъ мы прочли длинный отчетъ о продолжительныхъ преніяхъ которыя возбуждены были 23 марта въ Палатѣ Общинъ профессоромъ Фоссетомъ по Восточному вопросу. Но интересъ представляетъ не столько сущность того что говорилось сколько самый характеръ преній. Они конечно остались безъ всякаго результата, и это можно было предвидѣть. Но, вмѣстѣ съ другими фактами, эти пренія поражаютъ какъ признанія общества внутренно гніющаго несмотря на внѣшній блескъ.

Въ Британскомъ парламентѣ, говорятъ, собрана вся мудрость націи, ея лучшіе люди. Слѣдовало ожидать что здѣсь съ большею силой выскажется все что говорилось съ платформы народныхъ митинговъ. И что же? Послѣ немногихъ пререканій между вождями партій, въ палатахъ водворилось безмолвіе. Отчего это случилось? Правда, большинство въ нынѣшнемъ парламентѣ Беконсфильдовское. Но оппозиція имѣла за собой народное движеніе; она могла завладѣть имъ, дать ему большій ходъ и, опираясь на него, своимъ протестомъ по крайней мѣрѣ отказаться отъ всякой солидарности съ тою политикой которую она изобличила на митингахъ. Это не осталось бы и безъ послѣдствій. Такими настойчивыми протестами обыкновенно въ Англіи измѣнялась непопулярная политика. Но оппозиція предпочла умолкнуть потому что не хотѣла дать хотя временное торжество въ Палатѣ своимъ противникамъ. Защита турецкихъ христіанъ была въ Англіи пожертвована самолюбію вождей партій. Все ограничилось политическими маневрами. А вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію одной изъ лондонскихъ газетъ, и страна утратила всякій интересъ къ этимъ пререканіямъ, которыя „за отсутствіемъ искренности въ „большинствѣ оппозиціи походили болѣе „на турниры чѣмъ на битвы.“

Есть, однако, и въ парламентѣ люди которые негодуютъ противъ этой тактики, для которыхъ все равно если правительство своимъ послушнымъ большинствомъ выразитъ само себѣ торжественное одобреніе. Пусть это большинство позорится, но эти независимые люди нетерпѣливо добиваются молвить свое протестующее слово. Къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ г. Фоссетъ. Онъ и внесъ 23 марта свою резолюцію, хотя зналъ что правительство намѣрено добиться раздѣленія чтобы съ торжествомъ ее отвергнуть. Резолюція была такого содержанія: „что, по „мнѣнію Палаты, всякія обѣщанія реформъ „дѣлаемыя Портой безъ гарантій ихъ ис„полненія будутъ безплодны; что державы „имѣютъ право потребовать, въ интере„сѣ европейскаго мира, соотвѣтственныхъ „обезпеченій для лучшаго управленія въ „Турціи, и что дурное управленіе подверг„шее такимъ бѣдствіямъ христіанскихъ „подданныхъ Порты будетъ продолжаться

„пока европейскія державы не добьются нѣ-
„которыхъ гарантій для улучшенія адми-
„страціи подобныхъ тѣмъ что были услов-
„лены на конференціи.“

Резолюція, какъ видимъ, даже вовсе не враждебная правительству, по иниціативѣ коего созывалась конференція, и г. Фоссетъ поддерживалъ ее въ одушевленной, но умѣренной рѣчи. Произнесено было много и другихъ рѣчей, но большею частью противъ его резолюціи. Содержаніе ихъ и мнѣнія разныхъ ораторовъ уже намъ знакомы изъ прежнихъ преній. Затѣмъ вотъ что случилось: вождь оппозиціи, маркизъ Гартингтонъ, сказалъ что съ сущностью резолюціи онъ согласенъ, и подалъ бы за нее голосъ при болѣе удобномъ случаѣ, но протестуетъ противъ раздѣленія палаты теперь, „не имѣя офиціальныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ правительства.“ Поэтому онъ рекомендовалъ оппозиціи, если дойдетъ дѣло до голосованія, вовсе не участвовать въ немъ. Съ этимъ согласился и г. Гладстонъ, хотя онъ и произнесъ при этомъ горячую рѣчь въ защиту христіанъ. Тактика оппозиціи еще разъ сводилась только къ тому чтобы не дать правительству парламентскаго торжества. Но оно было радо встрѣтить смѣлаго противника въ г. Фоссетѣ, и добивалось голосованія, не соглашаясь даже на то чтобы резолюція была взята назадъ. Началось забавное представленіе. Сущность вопроса отошла на послѣдній планъ, а спорили только о томъ голосовать ли резолюцію. Кто-то предложилъ отсрочку преній. Правительство не соглашалось и на это. Цѣлый часъ Палата Общинъ, когда-то степенная, представляла зрѣлище французскаго собранія: шумъ, перерывы, обращенія къ спикеру и призывы къ порядку не давали говорить. Три раза палата большимъ большинствомъ отвергала отсрочку преній, но и оппозиція была упряма, и наконецъ въ третьемъ часу ночи правительство отказалось отъ овація которой ему хотѣлось, и согласилось на прекращеніе засѣданія.

Рѣчь г. Бутлера-Джонстона бросаетъ свѣтъ на нынѣшнее политическое и нравственное состояніе правительствующихъ въ Англіи классовъ. Онъ изъ себя выходилъ возражая противъ мысли о принужденіи Турціи въ пользу христіанъ. И къ чему принужденіе, какія еще нужны гарантіи? восклицалъ онъ. Турки самый просвѣщенный народъ и могутъ сравняться развѣ только съ Англичанами. Не пройдетъ де и десяти лѣтъ, и только два конституціонныя государства будутъ въ мірѣ, Турція да Англія, ибо только эти два народа одарены конституціоннымъ характеромъ: духомъ компроммисса и патріотизма. Имъ де однимъ принадлежитъ будущее, и они въ сущности одно и то же. Оттоманская имперія необходима для Британской, она ея продолженіе, ея авангардъ. Въ своемъ экстазѣ, ораторъ предсказывалъ что многія древнія и историческія имперіи въ Европѣ прейдутъ прежде чѣмъ Оттоманская имперія будетъ поколеблена. Это столь лестное для Англичанъ сопоставленіе съ Турками было выслушано всѣми не только спокойно, но благодушно и съ умиленіемъ, и по заключеніи рѣчи ораторъ былъ осыпанъ громкими привѣтствіями.

Эта столь цинически откровенная рѣчь констатировала внутреннее сродство этого тлѣющаго общества съ трупомъ на берегахъ Босфора...

Вотъ затѣмъ поднялся было полковникъ Мьюръ и попробовалъ заикнуться о Сербахъ и Боснякахъ: въ палатѣ поднялся такой шумъ что репортеры не могли записать его рѣчи *verbatim*, и ограничились изложеніемъ ея въ десяти строкахъ.

Наканунѣ произошла сцена еще лучше. Сэръ-Джорджъ Кампбеллъ хотѣлъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ правительству и, между прочимъ, узнать: принявшій на себя организацію турецкой жандармеріи англійскій полковникъ Бекеръ не тотъ ли самый что былъ исключенъ изъ англійской арміи послѣ постигшаго его по суду позорнаго приговора за то что этотъ Бекеръ въ вагонѣ позволилъ себѣ гнусное покушеніе на молодую дѣвушку, которая избавилась отъ него только съ опасностью жизни, выскочивъ на подножку вагона на всемъ ходу поѣзда. Какъ только сэръ-Джорджъ Кампбеллъ поднялся съ мѣста, онъ былъ встрѣченъ шумомъ и враждебнымъ ропотомъ. Когда же онъ объяснилъ что ему данъ былъ совѣтъ, съ весьма авторитетной стороны, не ставить этого вопроса, палата облегчила свое безпокойство одобреніемъ, но снова заропталась когда сэръ-Джорджъ объявилъ что онъ отказывается отъ своего вопроса вовсе не въ силу даннаго ему совѣта. Отвѣчая на другіе его вопросы, канцлеръ казначейства порадовался что сэръ-Джорджъ отказался отъ справки о полковникѣ Бекерѣ и выразилъ

сожалѣніе что „досточтимый джентльменъ не подумалъ прежде о непригодности такого вопроса,“ и на это заявленіе палата отозвалась самымъ громкимъ одобреніемъ.

Вотъ картина нравовъ въ правительствующихъ классахъ Англіи! Полковникъ Бекеръ, высидѣвшій въ тюрьмѣ за свое гнусное покушеніе, конечно нашелъ теперь мѣсто по себѣ въ Турціи. Но что думать о его 658 соотечественникахъ, засѣдающихъ въ палатѣ, которые послали его быть блюстителемъ нравственности въ Турціи и ограждать христіанскихъ женщинъ отъ насилованій въ Турціи! Можетъ-быть своимъ соревнованіемъ съ баши-бузуками онъ еще возвратитъ себѣ запятнанную добрую славу и съ честью возвратится въ ряды англійской арміи...

№ 66.

Москва, 17-го марта.

Какъ сильно отозвалась политическая неизвѣстность на сокращеніи производства и потребленія, это всего виднѣе конечно на ходѣ внутренней торговли. Но это сокращеніе замѣтно сказалось и на оборотахъ внѣшней торговли. Непрерывное возрастаніе оборотовъ привозной торговли, сопровождавшееся ежегоднымъ неуклоннымъ возрастаніемъ таможенныхъ доходовъ, закончилось 1875 годомъ. Въ минувшемъ 1876 году таможенный доходъ разомъ упалъ въ такой мѣрѣ что его паденіе не осталось безъ вліянія на составленіе государственнаго бюджета на текущій годъ Таможенныя вѣдомости о количествѣ товаровъ выпускаемыхъ изъ таможень для внутренняго потребленія подтверждаютъ то же самое еще краснорѣчивѣе. Оставляя въ сторонѣ лихорадочную дѣятельность по привозной торговлѣ въ ноябрѣ и декабрѣ минувшаго года, вызванную установленіемъ съ Новаго Года золотой пошлины, къ какому результату приводитъ сравненіе привозной торговли въ первые десять мѣсяцевъ минувшаго года съ соотвѣтствующими мѣсяцами предшедшаго, нормальнаго, 1875 года? Почти нѣтъ товаровъ коихъ привозъ не подвергся бы сильному сокращенію. Очень сократился ввозъ всѣхъ такъ-называемыхъ колоніальныхъ товаровъ и жизненныхъ припасовъ: чаю, сахару, кофе, винъ всѣхъ сортовъ, сельдей и т. д., деревяннаго масла, петролея; нѣсколько увеличился лишь привозъ табаку, да такого предмета первой необходимости какова соль. Сильно сократился ввозъ всякаго рода иностранныхъ фабрикатовъ, — и бумажныхъ, и льняныхъ, и шерстяныхъ, и шелковыхъ издѣлій — и сократился не потому чтобъ иностранныя издѣлія были вытѣснены съ рынка отечественными; напротивъ, внутреннее производство не расширилось, а сократилось и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился ввозъ нужнаго ему заграничнаго сырья: шерсти всякаго рода, шелка и т. п. Только привозъ хлопка, благодаря усиленной доставки его въ Одессу изъ Остъ-Индіи въ первые мѣсяцы прошлаго года, удержался кое-какъ на одной цифрѣ съ привозомъ 1875 года. Такое же сокращеніе торговыхъ оборотовъ видимъ и по привозу чугуна и желѣза. Очень шелъ въ гору привозъ только одного товара—каменнаго угля, увеличившійся въ полтора раза противъ предшедшаго года и достигшій никогда еще не бывалой у насъ цифры, — что, впрочемъ, отнюдь не вознаграждаетъ за недочетъ по всѣмъ почти другимъ отраслямъ привозной торговли.

Изданный въ началѣ ноября законъ о взиманіи съ Новаго Года пошлины не кредитными рублями, а золотомъ, былъ какъ бы гальваническимъ ударомъ оживившимъ на минуту сонный ходъ оборотовъ по привозной торговлѣ. Въ таможняхъ закипѣла усиленная работа по очисткѣ товаровъ пошлиною на прежнемъ основаніи, чтобы не платить ея послѣ Новаго Года въ увеличенномъ размѣрѣ. Но это кажущееся торговое оживленіе коснулось замѣтнымъ образомъ лишь немногихъ отраслей торговли, не всѣхъ товаровъ обложенныхъ пошлиной, а лишь нѣкоторыхъ, преимущественно такъ-называемыхъ колоніальныхъ товаровъ и жизненныхъ припасовъ. Ни ввозъ издѣлій иностранныхъ фабрикъ, ни ввозъ суровья для нашихъ отечественныхъ фабрикъ, несмотря на толчокъ данный новымъ таможеннымъ закономъ, не могли подняться и остались далеко назади 1875 года; даже привозъ хлопка, вмѣсто того чтобъ оживиться, въ ноябрѣ и декабрѣ пошелъ черепашьимъ ходомъ, и 1876 годъ завершился недочетомъ (противъ 1875) въ 442.000 пудовъ по ввозу этого столь важнаго для нашей промышленности суровья.

Стремленіе уплатить въ ноябрѣ и декабрѣ пошлину въ прежнемъ размѣрѣ, чтобы не платить ея послѣ въ возвышенномъ, было конечно у всѣхъ торговцевъ весьма сильное. Но его замѣтно парализовала неизвѣстность будущаго. Несмотря на лихорадочно-торопливую очистку пошлиной привозныхъ товаровъ въ минувшихъ ноябрѣ и декабрѣ, выпускъ ихъ изъ таможенъ для внутренняго потребленія, какъ показываетъ годовая таможенная вѣдомость, лишь по весьма немногимъ статьямъ превзошелъ выпускъ 1875 года. Ввозъ деревяннаго масла и петролея, напримѣръ, едва-едва сравнялся съ 1875 годомъ, ввозъ кофе поднялся менѣе чѣмъ на 10%, и только соль, табакъ, чай и иностранныя вина, поступили изъ таможенъ на внутренніе рынки въ небываломъ размѣрѣ. Вмѣсто нормальнаго годоваго привоза 11—12 милліоновъ пудовъ иностранной соли, ея было привезено въ минувшемъ году много болѣе 17 милліоновъ пудовъ, и изъ этого числа свыше 6 милліоновъ пудовъ только въ ноябрѣ и декабрѣ. Привозъ табаку съ четверти милліона пудовъ поднялся свыше полумилліона, и *бо́льшая* половина его приходится на ноябрь и декабрь. Ввозъ всякихъ винъ возросъ противъ 1875 года въ полтора раза, причемъ ноябрьскій и декабрьскій привозъ почти равнялся цифрѣ привоза за всѣ предшедшіе десять мѣсяцевъ. Ввозъ чая увеличился противъ 1875 тоже на значительную цифру почти полутораста тысячъ пудовъ, благодаря тому что въ ноябрѣ и декабрѣ прибавилось 350.000 пудовъ къ 594.000 ввезенныхъ въ первые десять мѣсяцевъ прошлаго года. Но вызванное ноябрьскимъ закономъ временное усиленіе привоза, даже по немногимъ исчисленнымъ статьямъ, въ сущности было только мнимое. Подвергались очисткѣ пошлиной не столько выписанные наскоро вновь изъ-за границы товары, сколько выписанные прежде, но оставляемые обычно въ таможенныхъ складахъ въ ожиданіи внутренняго спроса. Въ этихъ складахъ всегда лежатъ массы чая, винъ и табаку, но едва ли много осталось ихъ тамъ къ началу текущаго года. Благодаря быстрой и преждевременной очисткѣ ихъ пошлиной, таможенный доходъ поступилъ въ казну разомъ въ чрезвычайномъ размѣрѣ, далеко оставившемъ за собою поступленіе 1875 года, но это было поступленіе не текущихъ, а будущихъ доходовъ, и на сколько увеличилось оно въ минувшемъ году, на столько уменьшится въ текущемъ, несмотря на повышеніе пошлинъ. Дѣйствительнаго же увеличенія дохода отъ повышенной пошлины можно будетъ ожидать только отъ оживленія оборотовъ, которое врядъ ли настанетъ пока политическій горизонтъ не прояснится въ ту или другую сторону.

Въ заключеніе статьи посвященной краткому обзору нашей внѣшней привозной торговли за минувшій годъ, позволимъ себѣ сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе. Мы до сихъ поръ ни слова не сказали о сахарѣ, между тѣмъ какъ въ торговлѣ этимъ товаромъ минувшій годъ былъ эпохой, въ той же мѣрѣ какъ и 1872 годъ, ознаменованный изданіемъ закона установившаго нынѣшнія правила о взиманіи сахарнаго налога. Дѣло въ томъ что для сахарной торговли и нашей свекло-сахарной промышленности установленіе золотой пошлины было какъ бы отмѣной закона 2 іюля 1872, изданнаго съ цѣлію, съ одной стороны, гарантировать интересы казны, съ другой, оградить интересы публики отъ чрезмѣрныхъ спекуляцій на искусственное возвышеніе цѣнъ сахара. Эта двоякая цѣль достигалась отчасти постепеннымъ уменьшеніемъ разницы въ размѣрахъ налога взимаемаго съ отечественнаго и привознаго сахара. Одновременно съ постепеннымъ повышеніемъ акциза должно было идти постепенное пониженіе таможенной пошлины на сахаръ. Съ 2 р. 50 к. на пудъ привознаго сахара-сырца въ 1873 году, эта пошлина въ минувшемъ 1876 году понизилась до 2 р. 20 к., а въ наступившемъ 1877 году имѣла взиматься уже въ размѣрѣ 2 р. 10 к. Налогъ на сахаръ внутренняго производства, съ повышеніемъ нормъ акциза, дошелъ при этомъ до своего узаконеннаго максимума, около 60 — 70 копѣекъ съ пуда. Для спекулятивной игры на искусственное возвышеніе цѣнъ сахара оставалось такимъ образомъ относительно тѣсное поле. Повтореніе дороговизны 1871 — 1872 года становилось невозможнымъ; колебанію цѣнъ сахара полагались твердыя границы. Золотая пошлина перевернула все вверхъ дномъ. Между тѣмъ какъ акцизъ продолжаетъ взиматься кредитными рублями, не подвергаясь уже дальнѣйшимъ повышеніямъ, пошлина на привозный сахаръ разомъ поднялась выше той цифры на которой она

стояла до изданія закона 2 іюля 1872 года, ибо 2 р. 10 к. металлическихъ, напримѣръ по вчерашнему курсу, составляютъ уже около 2 р. 75 коп. кредитныхъ. Всѣ тѣ невыгодныя условія, для устраненія коихъ былъ изданъ законъ 2 іюля 1872 года, возстановились вполнѣ. Пошлина, превратившись изъ покровительной въ запретительную, разомъ утратила ту роль регулятора въ поступленіи казеннаго дохода съ потребленія сахара какую должна была имѣть по мысли законодателя. Одновременно, съ расширеніемъ границъ для колебанія цѣнъ на сахаръ внутренняго производства, улетучились и тѣ гарантіи которыя такъ недавно были созданы для огражденія публики отъ злоупотребленій спекуляціи. Это обстоятельство, конечно, нельзя не принимать въ разчетъ при подведеніи итога всяческимъ тягостямъ налагаемымъ на Россію ея нынѣшнимъ политическимъ положеніемъ. Конечно народъ нашъ примирится и не съ такими тягостями, онъ охотно пойдетъ на всякія жертвы, но принесеніе ихъ сдѣлалось бы ему конечно легче при большей чѣмъ нынѣ увѣренности что онѣ не останутся безъ результата для дорогихъ ему цѣлей.

№ 67.

Москва, 18-го марта.

Сегодняшнія телеграммы совсѣмъ сбиваютъ насъ съ толку. Въ чемъ дѣло? О чемъ идетъ рѣчь? О чемъ такъ дѣятельно ведутся переговоры въ Лондонѣ? Сначала всѣ думали что рѣчь идетъ о Турціи, что она въ отвѣтѣ, что отъ нея Европа требуетъ реформъ и обезпеченій для ея христіанскихъ подданныхъ. Такъ, кажется... Смутно, будто сквозь сонъ, припоминаемъ мы ужасныя событія въ Турціи, кровь которая тамъ лилась среди безоружныхъ населеній, вопли негодованія раздавшіеся въ цѣломъ мірѣ, порывъ святаго состраданія овладѣвшій русскими людьми которые сотнями и тысячами бѣжали на помощь погибавшимъ и самоотверженно гибли за нихъ; изъ далекаго прошлаго помнимъ мы австрійскую ноту, меморандумъ, европейскій концертъ, русскій ультиматумъ, остановившій кровопролитіе, Русскую армію придвинутую къ границѣ чтобы положить конецъ проклятому положенію милліоновъ людей, намъ единокровныхъ, намъ единовѣрныхъ, преданныхъ въ гнусное рабство варварской и изувѣрной ордѣ; помнимъ конференцію державъ въ Константинополѣ которая, по силѣ девятой статьи Парижскаго трактата, не вмѣшивалась во внутреннія дѣла Турціи. Эта статья Парижскаго трактата якобы ограждаетъ Турцію отъ посторонняго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, а потому занятіе Сиріи французскими войсками не было вмѣшательствомъ; консульская коммиссія разъѣзжавшая въ Босніи и Герцеговинѣ не была вмѣшательствомъ; англійскіе дипломатическіе агенты ѣздившіе для слѣдствія въ Филиппополь и другія мѣста, бывшія сценами неистовствъ, тоже не вмѣшательство...

Итакъ, Турцію судили; въ турецкія дѣла по необходимости вмѣшивалась Европа. Правда что изъ этого вмѣшательства мало выходило пользы. Правда что судъ надъ Турціей походилъ болѣе на комедію въ которой судьи обманывали другъ друга, а подсудимый смѣялся надъ судьями. Тѣмъ не менѣе Турція была въ отвѣтѣ; о ея дѣлахъ велись переговоры. Но вотъ она прогнала своихъ судей. Что же должно было послѣдовать за этимъ? Одна изъ державъ, принимавшая серіозное участіе въ дѣлѣ,— серіозное уже потому что она принесла этому дѣлу такъ много всякаго рода жертвъ,— обратилась къ прочимъ державамъ съ вопросомъ: что дѣлать? Отвѣта на это не послѣдовало. Россія предложила запечатлѣть международнымъ актомъ единогласіе державъ касательно реформъ признанныхъ необходимыми для обезпеченія христіанъ въ Турціи. Началась исторія о протоколѣ. Турціи предоставлялось добровольно исполнить признанное необходимымъ, подъ страхомъ что въ противномъ случаѣ ее можетъ къ тому принудить та или другая изъ державъ ее судившихъ. Таковъ былъ смыслъ протокола; иначе онъ не имѣлъ бы никакого смысла.

Такъ представлялось намъ дѣло; такъ оно припоминается намъ въ смутномъ отдаленіи... Говоримъ въ отдаленіи, ибо немного прошло дней, а мы уже съ трудомъ можемъ опознаться. Положеніе совершенно измѣнилось, если вѣрить извѣстіямъ идущимъ изъ Лондона гдѣ теперь рѣшаются наши судьбы...

Если забыть все и имѣть въ виду лишь лондонскія извѣстія и вѣрить имъ и осно-

ваться на нихъ, то выходитъ что теперь въ отвѣтѣ не Турція, а Россія, и что отъ Россіи, а не отъ Турціи требуются гарантіи. Рѣчь идетъ уже не о томъ чтобы подтвердить Оттоманскому правительству требованія Европы, а чтобы Россія разоружилась, оставивъ въ покоѣ Турцію и предоставивъ восточныхъ христіанъ ихъ собственной участи. Съ каждымъ днемъ лондонскій телеграфъ низводитъ насъ ниже. Рѣчь шла о томъ что Россія обязывается разоружиться когда Турція приступитъ къ серіозному исполненію реформъ. Затѣмъ изъ Лондона извѣстили насъ что Россія готова приступить къ разоруженію лишь бы только Турція разоружилась, — какъ будто вооруженія Россіи находятся въ зависимости отъ вооруженій Турціи, а не тѣмъ вызваны чтобы принудить ее дать христіанамъ необходимыя гарантіи. Наконецъ, сегодня, *Morning Post* объявляетъ достаточно для Россіи почетнымъ одновременное разоруженіе съ Турціей, и благосклонно подаетъ намъ надежду на мирный исходъ переговоровъ. Но такъ какъ протоколъ еще не подписанъ и дѣло не кончено, то британскіе министры повидимому придумываютъ способъ регулировать должнымъ образомъ наше одновременное съ Турціей разоруженіе, быть-можетъ, какъ уже и предлагалось недавно, высылкой англійскихъ офицеровъ въ Кишиневъ для обезоруженія нашей арміи.

Итакъ, если слѣдить за ходомъ дипломатіи по лондонскимъ свѣдѣніямъ, оказывается что Россія изъ членовъ европейскаго ареопага подпала суду Беконсфильда, послѣ того какъ Турція отвергла компетенцію всей Европы, и покорно спускается по лѣстницѣ униженія до послѣднихъ ступенекъ.

Между тѣмъ какъ лондонскія извѣстія характеризуютъ такимъ образомъ положеніе Россіи, константинопольскій телеграфъ представляетъ намъ великолѣпную картину восхожденія Турціи по ступенямъ достоинства. Министры султана отвергли, какъ мы уже знаемъ, представленія Европы, и на угрозы пословъ оставить Константинополь показали имъ дорогу. Константинопольскій телеграфъ продолжаетъ выставлять намъ этихъ почтенныхъ министровъ одушевленными высокимъ патріотизмомъ. Они ставятъ честь и достоинство своей страны выше всѣхъ частныхъ соображеній, и обнаруживаютъ энергическую неуступчивость во всемъ что можетъ, по ихъ мнѣнію, причинить ущербъ этимъ священнымъ для всякаго правительства интересамъ. Сегодняшняя телеграмма извѣщаетъ что въ свою очередь представители Турецкой націи, въ адресѣ султану, настаиваютъ на соблюденіи достоинства и чести своей страны и ея интересовъ, и не рискуя прослыть опасными демагогами поощряютъ свое правительство въ твердости и благодарятъ за то что оно отвергло требованія конференціи.

Какъ глубоко унижена Россія, такъ высоко поставлена коварнымъ телеграфомъ Турція, — такъ высоко что намъ не достать до нея. Хотятъ чтобъ у насъ былъ миръ съ Турками, а разставили насъ такъ далеко что мы для дружескаго пожатія не дотянемъ руки до нихъ. Да и захотятъ ли они наклониться до насъ? Въ то время какъ лондонскій телеграфъ обѣщаетъ Европѣ мирный исходъ какъ послѣдствіе нашего смиренія, константинопольскій телеграфъ трубитъ что турецкій флотъ придвинулся къ Эвксину, а войска въ Малой Азіи ждутъ только приказанія чтобы ринуться на нашу границу...

Когда же кончится вся эта грубая мистификація?

Впрочемъ, и въ Англіи не всѣ прикидываются что вѣрятъ въ возможность переговоровъ въ томъ смыслѣ какъ представляютъ ихъ органы лорда Беконсфильда. Вотъ какъ отзывается либеральный органъ *Spectator:* „Судя по всѣмъ при„знакамъ, лорду Дарби не удались усилія „принудить Россію отказаться отъ добра„го дѣла которое она, какъ нація, пыта„лась совершить. По всѣмъ вѣроятіямъ, „переговоры не приведутъ ни къ чему, и „слабая дипломатія лорда Дарби завер„шится тѣмъ что оставитъ Россію и Тур„цію липомъ къ лицу, Россію въ негодо„ваніи отъ совершенно ненужныхъ и умыш„ленныхъ оскорбленій, Турцію доведенную „до безумія возбужденіемъ и увѣренностью „что Британскому правительству вовсе нѣтъ „дѣла до христіанъ, — хотя оно самымъ „энергическимъ образомъ заступается за „Евреевъ въ Румыніи и Сербіи, — а Евро„пу въ такомъ настроеніи что уважающіе „себя Русскіе предпочтутъ всякія послѣд„ствія чѣмъ подчиняться долѣе положе„нію націи политика которой зависитъ отъ „колебаній лорда Дарби. Таковъ блестя„щій результатъ шестинедѣльной *искусной*,

„*рѣшительной* и *дальновидной* дипломатіи, — дипломатіи которая принимала въ „соображеніе все кромѣ истинныхъ желаній націи, кромѣ цивилизаціи, исторіи, — „Бога!“

Съ кабинетомъ Беконсфильда, вѣроятно, послѣдуетъ то же что случилось въ 1863 году съ Англійскимъ правительствомъ изъ либеральной партіи, которое было такъ жестоко обмануто гнилью на поверхности нашего общества...

Вопреки увѣреніямъ сегодняшнихъ телеграммъ изъ Лондона, нашимъ читателямъ конечно пріятно будетъ прочесть сообщаемое бельгійскимъ телеграфомъ болѣе чѣмъ когда-либо прежде рѣшительное заявленіе газеты *Nord*, слывущей русскимъ официознымъ органомъ за границей: Россія разоружится не прежде какъ добьется гарантій въ пользу христіанскихъ населеній Турціи.

№ 68.

Москва, 19-го марта.

Въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, отличающейся достовѣрностью своихъ сообщеній по Восточному вопросу, находимъ корреспонденцію изъ Петербурга, отъ 20 марта, въ которой изложены какъ содержаніе пресловутаго „протокола“, такъ и весь ходъ переговоровъ которые велись по этому предмету между Петербургомъ и Лондономъ. Совершенно ли точно это сообщеніе и полно ли оно, не рѣшаемъ; но для характеристики теперешняго политическаго положенія и „единодушія Европы“ любопытно прослѣдить по разказаннымъ здѣсь фактамъ сущность того что волновало Европу въ послѣднюю недѣлю, и что было предметомъ суетливой работы дипломатіи.

Основываясь на инструкціи отъ 2 марта, полученной изъ Петербурга, графъ Шуваловъ предложилъ графу Дарби на выборъ одно изъ двухъ рѣшеній: „Или державы участвовавшія въ Парижскомъ трактатѣ, въ особенности Англія, продолжаютъ считать неприкосновеннымъ во всѣхъ его пунктахъ этотъ трактатъ, несмотря на то что Порта отвергла основанный на этомъ трактатѣ постановленія Константинопольской конференціи, или же С.-Петербургскій кабинетъ, вслѣдствіе бездѣйствія державъ-порукъ, въ виду неисполненія Турціей ея *обязанностей* относительно христіанскихъ подданныхъ, сочтетъ этотъ трактатъ потерявшимъ свою силу и относительно *правъ* Турціи основанныхъ на этомъ трактатѣ.“ Сентъ-Джемскій кабинетъ, собравшись для обсужденія этого предложенія, склонился на первый членъ дилеммы, и тогда начались переговоры между Лондономъ и Петербургомъ чтобъ установить такое рѣшеніе которое заключало бы въ себѣ подтвержденіе силы Парижскаго трактата. Слѣдующіе два пункта, указанные С.-Петербургскимъ кабинетомъ, служили основаніемъ для этихъ переговоровъ:

1) Державы подписавшія Парижскій трактатъ будутъ, вмѣстѣ съ Россіей, въ какой бы то ни было формѣ, дѣйствовать на Турцію съ цѣлью побудить ее къ принятію, во всемъ объемѣ, рѣшеній принятыхъ на *предварительной* конференціи въ Константинополѣ.

2) Рѣчь о миролюбивомъ соглашеніи между Россіей и Турціей можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ если державы изъявятъ готовность, при новомъ отказѣ Турціи, предпринять вытекающія изъ такого отказа дѣйствія въ совокупности съ Россіей.

Обѣ стороны признали первый изъ указанныхъ пунктовъ наиболѣе важнымъ, и потому подлежащимъ прежде всего разрѣшенію. Съ этою цѣлью *графъ Дарби предложилъ* составить международный протоколъ, такъ что идея протокола была первоначально не русскою, а англійскою, и вотъ въ чемъ заключалось содержаніе протокола, по этому первоначальному предложенію: онъ начинался упоминаніемъ объ отвергнутыхъ Портой рѣшеніяхъ *конференціи* (а не *предварительной* конференціи), выставлялъ необходимость осуществить реформы и принять административныя мѣры указанныя конференціей, признавая что для этого долженъ быть предоставленъ Портѣ годичный срокъ, и указывалъ что для облегченія мирной развязки обѣ арміи, русская и турецкая, должны быть демобилизованы послѣ подписанія протокола. Въ заключеніе заявлялось что въ случаѣ если Порта, по прошествіи установленнаго срока, не исполнитъ реформъ, державы приступятъ къ соглашенію о мѣрахъ къ принятію противъ Порты. Составленный въ этой формѣ проектъ протокола былъ переданъ лордомъ Лофтусомъ князю Гор-

чакову; въ то же время, копію его передалъ графъ Шуваловъ и генералу Игнатьеву въ Парижѣ. Въ Петербургѣ, обсудивъ Англійскій проектъ, сочли нужнымъ исключить изъ него, вопервыхъ, тотъ пунктъ который касается демобилизаціи; было найдено что невозможно и думать объ этомъ въ виду продолжающихся въ турецкихъ провинціяхъ неистовствъ, что вообще включеніе условія о демобилизаціи не находится ни въ какой связи съ данною графу Шувалову инструкціей которой послѣдствіемъ явился проектъ протокола, и наконецъ что разоруженіе вообще не можетъ быть предметомъ международнаго соглашенія, а можетъ послѣдовать лишь по свободной волѣ монарха. Вовторыхъ, отвергнуто установленіе годичнаго срока для Турціи по особымъ соображеніямъ Русскаго правительства.

Сверхъ того, С.-Петербургскій кабинетъ выразилъ желаніе чтобы были точнѣе обозначены мѣры къ принятію въ будущемъ, въ случаѣ надобности, противъ Турціи, и чтобы въ протоколѣ рѣчь шла о постановленіяхъ не конференціи, а *предварительной* конференціи. Послѣ дѣятельнаго обмѣна депешъ, Сентъ-Джемсскій кабинетъ согласился на исключеніе упомянутыхъ двухъ пунктовъ, и генералъ Игнатьевъ получилъ приглашеніе прибыть въ Лондонъ для участія въ установленіи окончательной редакціи протокола. Петербургскій кабинетъ, въ свою очередь, счелъ возможнымъ не настаивать на точнѣйшемъ опредѣленіи будущихъ принудительныхъ мѣръ, и открытымъ остался лишь вопросъ, о рѣшеніяхъ ли предварительной или о рѣшеніяхъ официальной конференціи должна идти рѣчь. С.-Петербургскій кабинетъ предложилъ, въ депешѣ помѣченной 19 марта, слѣдующую редакцію: а) перечисленіе реформъ и административныхъ мѣръ для Босніи, Герцеговины и Болгаріи, кои признаны необходимыми предварительною конференціей и коихъ часть признана самою Турціей, а часть ею отвергнута, и б) постановленіе что въ случаѣ если Порта откажется принять реформы указанныя въ протоколѣ, державамъ предоставляется дѣйствовать противъ нея принудительно. Въ этой предложенной изъ Петербурга редакціи, о срокѣ для исполненія реформъ не упоминается вовсе; точно также не указано въ чемъ должны заключаться принудительныя мѣры, которыя державы имѣютъ право употребить противъ Турціи. Отъ Порты, послѣ подписанія протокола всѣми державами участвовавшими въ Парижскомъ трактатѣ, предполагается потребовать особую подписку въ томъ что она обязывается исполнить требованія поставленныя ей державами. Кромѣ того, имѣетъ быть составлено особое добавленіе къ протоколу, имѣющее характеръ отдѣльной конвенціи, по которой кабинеты обязываются согласиться между собою о свойствѣ мѣръ противъ Порты. Однако конвенція эта не связываетъ свободы дѣйствій отдѣльныхъ державъ, изъ коихъ каждая можетъ выступить самостоятельно противъ Турціи, и прочія державы не могутъ противъ этого ничего возразить. При такихъ условіяхъ, Русскій кабинетъ предлагаетъ что онъ не будетъ имѣть никакого повода выдѣлиться изъ европейскаго концерта.

Таково изложеніе хода переговоровъ до того момента когда извѣстіе о внезапномъ отказѣ Англіи положило, казалось, конецъ этимъ „дипломатическимъ упражненіямъ,“ какъ называетъ ихъ одна берлинская газета. Эта газета находитъ что особенною ясностью положеніе дѣла похвалиться не можетъ и послѣ этого изложенія справедливо указываетъ на то что въ этомъ изложеніи вопросъ о разоруженіи, составлявшій главный пунктъ пререканій, какъ-то отодвинутъ на задній планъ. Кое чего очевидно не достаетъ, и кое-что какъ будто не совсѣмъ точно. Особая конвенція *обязывающая* державы *концертироваться* касательно мѣръ противъ Турціи, какъ-то плохо вяжется съ удержанною будто бы каждою изъ державъ свободою дѣйствія и правомъ выступить противъ Турціи самостоятельно.

Переговоры которые мы ведемъ съ Англіей походятъ на дремучій лѣсъ въ которомъ трудно опознаться. Сейчасъ полученная телеграмма изъ Лондона ввергаетъ насъ въ новое недоумѣніе. О чемъ и какъ ведутся переговоры, недавно казалось совсѣмъ прерванные, мы все еще не знаемъ. Но вотъ фактъ: этотъ протоколъ, за подписаніемъ коего Англія такъ ломалась, за который она требовала невозможныхъ условій, вдругъ сталъ ей очень милъ, такъ что она теперь хлопочетъ и боится какъ бы не разстроилось дѣло протокола. Новому англійскому посланнику въ Константинополѣ г. Леярду, по словамъ *Times*, поручается наблюсти чтобы Порта какъ-нибудь не наглупила и преждевременно не

уничтожила значенія протокола. Изъ этой заботливости ясно что Англія видитъ теперь въ протоколѣ и свою выгоду и выгоду для Порты. Въ чемъ эта выгода, чего добилась Англія, это пока остается скрытымъ, но она видимо уже дорожитъ этимъ актомъ.

Берлинская печать удивляется возобновленію переговоровъ съ Англійскимъ кабинетомъ о протоколѣ, и несмотря на оптимизмъ вновь обнаруживаемый англійскими газетами, не очень вѣритъ въ благопріятный исходъ этихъ новыхъ переговоровъ. Не вѣрятъ берлинскія газеты и въ то чтобы въ этомъ дѣлѣ оказала существенное содѣйствіе Австрія, о чемъ усердно извѣщаютъ телеграммы изъ Вѣны, выставляющія поѣздку туда генерала Игнатьева какъ имѣющую именно эту цѣль. Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Вѣны, генералъ Игнатьевъ имѣлъ разговоръ съ однимъ изъ сотрудниковъ газеты *Presse*, и между прочимъ сказалъ что предпринялъ свою поѣздку по Европѣ дабы узнать есть ли Восточный вопросъ—вопросъ европейскій или только русскій. *National-Zeitung* думаетъ что генералъ Игнатьевъ едва ли получилъ какой-либо опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и думаетъ что если и въ Берлинѣ, куда онъ прибылъ 28 марта, онъ не „прозритъ,“ то въ этомъ отчасти „виновато будетъ и то измѣнчивое и колеблющееся освѣщеніе которое исходило изъ Петербурга...“

№ 70.

Москва, 21-го марта.

Зрѣлище какое представила Британская Палата Общинъ, въ засѣданіи 23 марта, по поводу преній о резолюціи г. Фосетта, притыдило самихъ Англичанъ. *Daily News* замѣчаетъ что если Гиббону трудно было опредѣлить въ точности историческій моментъ когда начался упадокъ Рима, то для будущаго историка Англіи не будетъ трудно отыскать такую грань въ эпохѣ нынѣшняго парламента. Не менѣе рѣзокъ отзывъ *Times*. „Вотъ,“ восклицаетъ leader этой газе„ты, вотъ палата общинъ которая тысячу „разъ поднималась какъ одинъ человѣкъ на „защиту правосудія и гуманности, и кото„рой нынѣ запрещается говорить о Туркѣ „и его дѣяніяхъ! Мы должны принимать „на вѣру намѣренія которыя Турція въ „сущности не способна имѣть для испол„ненія обѣщаній кои едва ли даже и по„нятны ей. Ея защитники спрашиваютъ „въ негодованіи: какъ можетъ она разо„ружиться, какъ можетъ она совершить „реформы, какъ можетъ она распустить „свои иррегулярныя войска, какъ мо„жетъ она заняться внутренними дѣла„ми, когда темная туча виситъ надъ нею „и грозитъ ея существованію? Усложненіе „страшное! Но кто посмѣетъ утверждать „что когда бы туча разсѣялась, то Турція, „вздохнувъ еще разъ свободно и познавъ „себя Турціей, примется за реформы чуж„дыя самой ея природѣ и несогласныя „съ ея религіей? Глядя же на Англію, она „знаетъ только что во всю продолжитель„ную борьбу здѣсь царило молчаніе. Исклю„чая немногіе капризные взрывы, парла„ментъ, голосъ страны, не говорилъ ниче„го. Онъ предоставлялъ дѣло министрамъ „и дипломатамъ... Достовѣрно что ни внѣ„парламентская агитація, съ одной сто„роны, ни министерская сдержанность, съ „другой, ничего не сдѣлали для христіан„скихъ подданныхъ Турціи.“

Въ органѣ Лондонскаго Города сегодня говорится то что завтра опровергается, и ея *лидеры* пишутся политическими людьми разныхъ партій. Въ приведенныхъ строкахъ вылилось накопившееся въ комъ-то чувство стыда отъ нравственнаго упадка правящихъ классовъ Англіи, и статью эту вѣроятно писалъ какой-нибудь негодующій либералъ которому заткнули ротъ въ парламентѣ. А наканунѣ, и нѣсколько дней подрядъ, мы читали какъ та же газета горячо поддерживала кабинетъ Беконсфильда и наперерывъ съ министерскими органами доказывала необходимость демобилизаціи русской арміи тѣмъ что иначе де нельзя быть спокойну за сохраненіе мира, ибо какой-нибудь новый случай избіенія христіанъ Турками можетъ вызвать къ дѣйствію готовую русскую армію.

„Обѣтъ молчанія,“ наложенный на себя парламентомъ, конечно не загадка для газеты *Times*. Это не болѣе какъ парламентская тактика, и тактика понятная. Велись переговоры щекотливые. Къ чему клонило англійское министерство, это теперь уже хорошо извѣстно. Англійскіе министры составили себѣ убѣжденіе что Россія хочетъ мира во что бы то ни стало, что она рѣшилась отступиться отъ начатаго дѣла и хлопочетъ только о томъ

что бы соблюсти при этомъ приличіе. Убѣдившись въ этомъ, они считали возможнымъ всего добиться и заставить Россію согласиться на всякія условія. Англійскіе министерскіе органы со дня на день рапортовали о ходѣ переговоровъ, выставляя русскую дипломатію въ самомъ унизительномъ для Россіи видѣ. Лондонскій кабинетъ возмнилъ что Россія готова выбросить за бортъ свои интересы на Востокѣ, то есть всю свою исторію, свое прошедшее и будущее. А такъ какъ Россія для Англіи—бѣльмо на глазу, такъ какъ и доселѣ огромное большинство Англичанъ всѣхъ партій видятъ въ Россіи помѣху и опасность англійскимъ интересамъ, то кабинетъ Беконсфильда злорадно готовился помочь Россіи на пути униженія, чтобы безъ боя нанести ей пораженіе и уронить ее и въ собственномъ ея мнѣніи, и въ Европѣ, и на Востокѣ.

Что дало англійскимъ министрамъ такія надежды? Можетъ-быть прежде всего ревнивая и загребистая англійская политика съ самаго начала не въ состояніи была понять миролюбіе Россіи и безкорыстную цѣль ея политики, которая давала ей возможность приглашать всѣхъ къ участію съ нею въ общемъ христіанскомъ дѣлѣ. Это англійскимъ министрамъ казалось страннымъ, и потому не трудно было имъ истолковать себѣ наши приглашенія, наши ожиданія европейскаго одобренія, какъ нетвердость намѣреній. Затѣмъ пошли далѣе, и объясняли медлительность Россіи ея безсиліемъ. Вѣрили ли этому въ самомъ дѣлѣ за границей? Вѣрили что Россія такъ думаетъ, слыша русскіе голоса которые говорили совершенно въ тонѣ враждебныхъ намъ партій, и по *Journal des Débats* доказывали революціонную опасность и патріотизма, и христіанскихъ сочувствій народа. Факта этого не укроешь. На дняхъ мы приводили выдержку изъ письма всегда правдиваго корреспондента *Daily News*, который, прибывъ въ Петербургъ съ Востока, долго не могъ придти въ себя отъ изумленія слушая тамошніе толки. Онъ, иностранецъ, свидѣтельствуетъ что „большинство офиціальнаго міра говоритъ въ Петербургѣ съ увѣренностью что Россія рѣшилась отступить, только съ возможно меньшимъ ущербомъ для своей чести!“ Если вы дѣйствительно хотите отступить, восклицаетъ корреспондентъ, такъ зачѣмъ же давать это всѣмъ знать? „Угрожать когда „вы не намѣрены ударить и въ то же вре„мя давать всѣмъ знать что вы не намѣре„ваетесь ударить—этого понять нельзя.“ За то весьма понятно что англійское правительство, въ виду этого поразительнаго факта, возымѣло надежду компрометтировать Россію на Востокѣ...

Отсюда понятна и парламентская тактика. Оппозиція молчала, потому что не находила никакой надобности мѣшать правительству въ патріотическомъ для Англіи дѣлѣ—унизить, ослабить и компрометтировать Россію.

Это не предположеніе, а увѣренность. Вождямъ было дано знать какъ обстоитъ дѣло, къ чему оно ведется, и они готовы были ждать результата, ибо хотя оппозиція и хотѣла въ прошломъ году поднять голосъ за христіанъ, но теперь рѣчь о нихъ могла удобно быть отложена для болѣе важнаго дѣла,—посрамленія Россіи. Потому всѣ и молчали. А если кто, нетерпѣливый или недальновидный, поднималъ голосъ, то его тотчасъ прихлопывали. „Одна изъ причинъ молчанія, по край„ней мѣрѣ по скольку это касается оп„позиціи,“ замѣчаетъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Daily News*, „заклю„чается въ томъ что сильное вліяніе од„ного важнаго государственнаго человѣка“ (надо думать лорда Гранвиля) „было на„правлено къ тому чтобы предотвратить „всякое парламентское движеніе которое „даже по виду могло бы клониться къ при„нужденію Турціи.“ Само собою разумѣется, ибо это помѣшало бы правительству требовать отъ Россіи чтобъ она демобилизовала свою армію.

„Происходящіе нынѣ между Россіей и Ан„гліей переговоры о подписаніи протокола,“ пишетъ нашъ константинопольскій корреспондентъ усугубили „самонадѣянность Ту„рокъ и ихъ презрѣніе къ христіанамъ. Если „и теперь когда еще нельзя навѣрное ручать„ся за благопріятный Туркамъ исходъ этихъ „переговоровъ, они при одномъ слухѣ о томъ „такъ высоко подняли голову, то можно „судить до какой степени обуяетъ ими „успѣхъ начатой ими на конференціи по„литики. Если въ виду сильной арміи еже„минутно готовой вступить въ предѣлы Тур„ціи для защиты христіанъ, Турки терза„ютъ свои беззащитныя жертвы, то что „будетъ послѣ того какъ эта армія будетъ „распущена?... Не берусь исчислять ужас„ныя послѣдствія такой, хотя бы и крат-

„ковременной развязки нынѣшняго затруд-
„ненія на Востокѣ. Она отзовется роко-
„выми перемѣнами въ положеніи христіанъ
„и въ отношеніяхъ Россіи къ Востоку.“

№ 71.

Москва, 22-го марта.

Пока дипломаты изощряются въ переговорахъ, торговля и промышленность страдаютъ, и очень положительно.

Фабрики большею частью либо вовсе прекратили, либо сократили работу. Говоримъ не о тѣхъ фабрикахъ которыя закрылись вслѣдствіе банкротства ихъ владѣльцевъ, а о сильныхъ фабрикахъ, принадлежащихъ самымъ солиднымъ фирмамъ. Такія-то фабрики уменьшили число рабочихъ и по большей части вовсе прекратили ночную работу. Кризисъ коснулся даже мелкихъ ремесленныхъ заведеній которыя не находя достаточной работы, а главное, вѣрныхъ платежей, также отпускаютъ часть своихъ рабочихъ. Фабричный кризисъ обратилъ на себя вниманіе правительства. На дняхъ мы извѣщали что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ виду сокращенія и прекращенія работы на многихъ фабрикахъ, собираетъ подробныя свѣдѣнія о томъ сколько рабочихъ осталось безъ средствъ къ жизни. Трудно предугадать какія частныя мѣры могутъ быть приняты въ этомъ направленіи. Ссуды изъ продовольственнаго капитала, какъ извѣстно, мало помогаютъ при промышленномъ кризисѣ; общественныя работы, въ родѣ экстренной постройки желѣзной дороги, еще меньше; что будетъ дѣлать ткачъ или бѣлильщикъ на работахъ, напримѣръ, канала? Впрочемъ, въ экстренныхъ частныхъ мѣрахъ нѣтъ и надобности. Сокращеніе фабричной работы до сихъ поръ не вызывало никакихъ замѣшательствъ. Несмотря на то что, по слухамъ ходящимъ въ средѣ здѣшняго купечества, въ одной Москвѣ разчитано и осталось безъ дѣла до сорока тысячъ фабричныхъ и ремесленниковъ, кризисъ имѣетъ спокойное теченіе если не считать мимолетнаго, быстро прекращеннаго недоразумѣнія между фабричными обанкрутившагося купца Нарышкина. Правда, наши фабричные не разорвали связи съ селомъ; почти у каждаго есть на деревнѣ родители, братья, свой домъ, гдѣ на время бѣды можно преклонить голову; но замѣчательно что теперешнія затрудненія переносятся ими довольно легко вслѣдствіе общей увѣренности что затрудненія причиняются не какимъ-либо органическимъ зломъ, а печальною случайностью, и должны прекратиться какъ только прекратится неизвѣстность настоящаго политическаго положенія. Эта увѣренность одинаково сильна и въ фабрикантахъ, и въ рабочихъ. Миръ или война? Если война, то промышленность мигомъ перестроится сообразно потребностямъ и разчетамъ военнаго времени; она скоро придетъ въ порядокъ и въ томъ случаѣ если миръ будетъ хорошо обезпеченъ, если будутъ основанія для всеобщей увѣренности въ его прочности. По отзывамъ самыхъ опытныхъ фабрикантовъ, теперешнія затрудненія происходятъ прежде всего отъ всеобщаго томленія вслѣдствіе неизвѣстности.

За все это время меморандумовъ, конференцій и протоколовъ съ промеморіями, не возникало никакихъ новыхъ промышленныхъ предпріятій и акціонерныхъ обществъ. Утверждены, правда, нѣсколько промышленныхъ и фабричныхъ товариществъ, напримѣръ, товарищество Третьяковыхъ (К. В. и В. А.); но это не новыя предпріятія; это только новая форма владѣнія давно устроеннымъ имуществомъ. Въ прошломъ году образовалось товарищество по заводамъ С. И. Мальцова, давно всѣмъ извѣстнымъ. Между крупными фабрикантами и промышленниками теперь мода на товарищества, которыя облегчаютъ разныя операціи съ основнымъ капиталомъ и даютъ болѣе простора при распредѣленіи наслѣдства. Не процвѣтаніе, а затрудненія торговаго рынка побудили во многихъ случаяхъ къ образованію товариществъ.

Торговый кризисъ сказывается также цѣлымъ рядомъ банкротствъ, не прерывавшихся въ теченіе цѣлаго года. Точной статистики этихъ банкротствъ, сколько мы знаемъ, у насъ нигдѣ не ведется; но вѣрно то что отдѣлъ объявленій отъ конкурсныхъ управленій становится въ газетахъ все обширнѣе. Милліонныя банкротства считаются теперь ни по чемъ, а каждое влечетъ цѣлые десятки меньшихъ. Слухи ходятъ о возможности банкротствъ самыхъ солидныхъ фирмъ. Представитель одной изъ самыхъ сильныхъ и значитель-

ныхъ фирмъ, въ отвѣтъ на предложеніе занять почетную общественную должность, отвѣчалъ недавно: „благодарю за честь, но не знаю какъ я выдержу теперешнія обстоятельства; опасаюсь что представитель вашъ можетъ оказаться несостоятельнымъ хоть и надѣюсь избѣжать того.“ Банкротства открывшіяся въ началѣ прошлаго года были причинены бывшею предъ тѣмъ чрезвычайною легкостью кредита, въ которомъ многіе зарвались; теперешнія же банкротства, если не послѣдствіе прежнихъ, вызваны, по общему мнѣнію, преимущественно неумѣніемъ совладать съ нынѣшними затрудненіями: неизвѣстностью сбыта, тугостью платежей, неопредѣленностью обстоятельствъ и пр. Но кромѣ явныхъ банкротствъ, сколько еще банкротствъ подспудныхъ, сколько акціонерныхъ обществъ искусно сводящихъ отчеты, сколько заложенныхъ и перезаложенныхъ имѣній и домовъ, сколько обществъ и владѣльцевъ не имѣющихъ копѣйки за душой! Не одни однако эти витязи предпріимчивости, но и множество солидныхъ фабрикантовъ и купцовъ живутъ подъ постояннымъ страхомъ гибели: они сокращаютъ обороты и расходы, и утѣшаютъ себя только тѣмъ что теперешнія затрудненія и неизвѣстность положенія когда-нибудь кончатся. Немедленное разслѣдованіе (enquête) теперешняго состоянія торговли и промышленности могло бы дать весьма интересныя свѣдѣнія. Оно показало бы какъ мало, несмотря на всѣ бѣды и крушенія, поддались унынію наши промышленные и торговые классы, съ какою бодростью ожидаютъ они что всѣ затрудненія прекратятся лишь только опредѣлится положеніе дѣлъ.

Непреложное свидѣтельство о теперешнемъ кризисѣ найдемъ мы въ отчетахъ объ оборотахъ банковъ. Кредитъ сталъ у насъ такъ затруднителенъ и тугъ что не только провинціальные, но столичные банки рѣшаются прибѣгнуть къ ликвидаціи. На дняхъ, какъ извѣстно, Промышленный Банкъ въ Москвѣ постановилъ ликвидировать свои дѣла. Другіе, болѣе прочные, банки значительно сократили свои обороты. Это обстоятельство многіе готовы объяснять паникой возбужденною крушеніемъ Коммерческаго Ссуднаго Банка и реакціей противъ прежней чрезвычайной легкости банковаго кредита. Но это не такъ. Къ прошлому марту прошло уже около полугода отъ крушенія Коммерческаго Ссуднаго Банка, и тревога имъ вызванная улеглась. Сравнимте же мартовскіе балансы нѣкоторыхъ московскихъ банковъ за 1876 и 1877. Начнемъ съ Московскаго Купеческаго Банка. Въ немъ по балансамъ къ 1 марта значится: „учетъ векселей имѣющихъ не менѣе двухъ подписей:“

Въ 1876 — 33.142.521 р.
„ 1877 — 25.062.095 „

Соло-векселей съ обезпеченіемъ:

Въ 1876 — 691.800 р.
„ 1877 — 102.260 „

Счеты съ корреспондентами Банка представляютъ то же самое: въ прошломъ году они превышали 4 милл. руб., въ текущемъ составляютъ лишь 3.200.000 р. (по активу).

Почему же произошло такое значительное сокращеніе операцій? Не уменьшились ли значительно средства Банка? Нѣтъ. Количество вкладовъ упало съ 51.877.000 лишь до 49.324.000 р. Не понесъ ли Банкъ большихъ потерь? И этого нѣтъ. Правда, цифра протестованныхъ векселей поднялась съ 33.816 р. до 299.180 руб., но это потеря сравнительно еще небольшая. Ни средства, ни потери Банка не объясняютъ сокращенія операцій, тѣмъ болѣе что онъ, очевидно, не знаетъ куда и дѣвать свои средства. Помѣщеніе денегъ на текущій счетъ въ Государственный Банкъ очень невыгодно, а оказывается что Московскій Купеческій Банкъ, сокративъ вдвое свои текущіе счеты въ частныхъ банкахъ, двинулъ массу своихъ денегъ въ Государственный Банкъ. Московскій Купеческій Банкъ имѣлъ въ немъ на текущемъ счету:

Въ 1876 — 6 515.000 р.
„ 1877 — 11.700.000 „

Итакъ, въ одно и то же время и сокращеніе оборотовъ, и изобиліе денегъ въ банкѣ! Фактъ знаменательный!

То же и въ Московскомъ Учетномъ Банкѣ. Учетъ векселей доходилъ:

Въ 1876 до 10.761.237 р.
„ 1877 — 7.882 145 „

Счета корреспондентовъ:

Въ 1876 — 2.096.764 р.
„ 1877 — 1.382.003 „

Цифра протестованныхъ векселей точно также повысилась съ 30.000 р. до 217 000 р. и также возросъ текущій счетъ въ Государственномъ Банкѣ, хотя гораздо менѣе значительно чѣмъ въ Купеческомъ Банкѣ.

Приводимъ еще цифры по третьему большому банку въ Москвѣ, по балансу Московскаго Купеческаго Общества Взаимнаго Кредита.

Учетъ векселей упалъ въ немъ за годъ съ 14.091.863 на 10.415.217 руб., уменьшилась также цифра учета векселей съ обезпеченіемъ. Между тѣмъ вклады почти не измѣнились; они были:

Въ 1876 — 18.724.627 р.
„ 1877 — 18.488.020 „

Графа протестованныхъ векселей показываетъ въ 1876 году 1.000 р., а въ настоящемъ—59.331 р.

Въ то же время текущій счетъ въ Государственномъ Банкѣ возросъ съ 3.084.373 руб. до 9.015.185 р., а текущіе счеты въ частныхъ банкахъ уменьшились.

Тѣ же характеристическія черты мы найдемъ и въ отчетахъ другихъ банковъ. Тождество этихъ чертъ поразительно. Переводя цифры на слова и воображая что Государственный Банкъ предложилъ свою сильную помощь частнымъ банкамъ (что и было на дѣлѣ), мы не можемъ представить себѣ другаго отвѣта послѣднихъ какъ слѣдующій: „благодаримъ за предложеніе кредита, но мы сами не знаемъ куда дѣвать наши деньги; справьтесь по счетамъ, наши деньги лежатъ у васъ, но мы не знаемъ кому ихъ можно дать, не знаемъ что и какъ будетъ, какъ повернутся дѣла того или другаго лица, чѣмъ кончится теперешняя неизвѣстность.“

Другое вѣрное мѣрило хода внутренней торговли есть сборъ по желѣзнымъ дорогамъ, особенно подмосковнымъ, подвозящимъ мало грузовъ къ портамъ. Сборы эти значительно упали въ послѣдній годъ. Даже такія дороги какъ Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская (не прекращавшія торговаго движенія во время мобилизаціи войскъ) не досчитались къ декабрю прошлаго года, первая 5,$_7$%, вторая почти 11% своихъ сборовъ сравнительно съ 1875 годомъ. Можно было надѣяться что съ окончаніемъ мобилизаціи задержанные ею грузы сразу двинутся по дорогамъ и значительно поднимутъ ихъ сборы. Но и эта надежда не сбылась. Вообще сборы желѣзныхъ дорогъ непрерывно продолжаютъ падать.

Есть, однако, общая увѣренность что всѣ эти затрудненія быстротечны, что они прекратятся вмѣстѣ съ неопредѣленностью теперешняго положенія дѣлъ. Наши европейскіе противники желаютъ чтобы новый оборотъ Восточнаго вопроса не далъ намъ увѣренности въ прочномъ мирѣ, чтобы чрезъ то наши затрудненія не прекращались, и чтобы даже наша армія была деморализована... Но Богъ посрамитъ эти надежды. Самое тяжелое время мы пережили и перенесли довольно легко; съ Божьею помощію мы выйдемъ и изъ нашихъ политическихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякихъ другихъ затрудненій.

№ 72.

Москва, 23-го марта.

Въ полученныхъ нами сегодня берлинскихъ и вѣнскихъ газетахъ, которыя вышли наканунѣ Свѣтлаго Праздника (по новому стилю), находимъ цѣлый рядъ свѣдѣній о пресловутомъ протоколѣ, во многомъ дополняющихъ и разъясняющихъ извѣстія до сихъ поръ нами полученныя по этому же предмету. Указанныя свѣдѣнія проистекаютъ не изъ какого-либо спеціальнаго источника открытаго лишь для той или другой газеты, а имѣются въ тѣхъ самыхъ депешахъ международныхъ агентствъ (Рейтера, Вольфа и Гаваса) которыя обыкновенно сообщаются и въ русскія газеты безъ сокращеній даже въ тѣхъ случаяхъ когда рѣчь идетъ не объ европейскихъ вопросахъ первостепенной важности, а о внутреннихъ дѣлахъ имѣющихъ лишь мѣстный интересъ. Международный телеграфъ на этотъ разъ почему-то сталъ сокращать извѣстія о результатахъ послѣднихъ переговоровъ, и что всего удивительнѣе: выкидывалось изъ телеграммъ сообщенныхъ въ Россію именно то что относилось къ Россіи! Такъ депешѣ изъ Лондона, отъ 30 марта, въ которой намъ были переданы сообщенія *Morning Post* о благопріятномъ для Англіи (и Турціи) оборотѣ переговоровъ, и о томъ что протоколъ будетъ подписанъ, пропущено изложеніе условій на коихъ состоялось соглашеніе. Условія эти, согласно указанной телеграммѣ, заключаются въ слѣдующемъ: Россія изъ-

явила согласіе демобилизовать свою армію съ тѣмъ чтобъ и Турція розоружилась и чтобы миръ съ Черногоріей былъ заключенъ. Для соглашенія между Россіей и Турціей, о демобилизаціи, Турція пошлетъ де въ Петербургъ особаго уполномоченнаго. Всѣ эти условія, о коихъ согласились между собою Россія и Англія, изложены въ особой промеморіи. Далѣе, мы находимъ въ берлинскихъ газетахъ телеграмму изъ Парижа, въ которой, на основаніи сообщенія газеты *Temps*, слѣдующимъ образомъ комментируется посылка особаго турецкаго уполномоченнаго въ Петербургъ: Турціи будетъ де предложено державами послать въ Петербургъ уполномоченнаго съ цѣлью испросить у Русскаго правительства разоруженія русской арміи. *Этимъ путемъ будетъ де удовлетворено самолюбіе Россіи, и разоруженіе станетъ возможнымъ.* Впрочемъ, судя по указаніямъ офиціозныхъ корреспондентовъ *Кельнской Газеты* изъ Берлина и Парижа, Россія обѣщала не демобилизацію, а лишь „деконцентрацію“ южной арміи. Подтвержденіемъ этого слуха можно считать увѣщанія *Morning Post*, на другой день послѣ подписанія протокола, о томъ чтобы Россія доказала свои добрыя намѣренія и не ограничилась лишь обѣщанною „деконцентраціей“ арміи. Англійская министерская газета не сочла при этомъ нужнымъ пояснить, почему на другой же день послѣ заключенія международнаго обязательства, всегда тяжкаго для независимой и притомъ великой державы, отъ Россіи требуютъ болѣе того на что она обязалась.

Разсужденія вліятельнѣйшихъ иностранныхъ газетъ послѣ подписанія протокола, въ свою очередь, не мало способствуютъ оцѣнкѣ по достоинству дипломатическаго инструмента, установленіе котораго стоило такъ много хлопотъ и треволненій. *Times* отъ 30 марта съ замѣтною ироніей отзывается о протоколѣ. Газета эта находитъ что единственное положительное его значеніе заключается въ томъ „что онъ облегчаетъ Россіи тотъ шагъ на который она и безъ того рѣшилась.“ Протоколъ есть де „золотой мостъ отступленія“ для Россіи о коемъ такъ много было говорено, и ничѣмъ инымъ быть не можетъ. Англія ни отъ чего не отказалась въ своихъ взглядахъ на восточныя дѣла, а потому не можетъ де быть и рѣчи о какихъ-либо уступкахъ съ ея стороны. Англія потребовала отъ Россіи чтобъ она распустила свою армію. Россія, по мнѣнію *Times*, не можетъ будто бы не придти къ заключенію что этотъ путь есть единственный для нея исходъ обусловливаемый ея финансовымъ, политическимъ и военнымъ положеніемъ (точь въ точь какъ говорятъ въ Петербургѣ и писали въ *Journal des Débats* и въ *Revue des deux Mondes*), а потому нѣтъ де сомнѣнія что она это сдѣлаетъ, а за это Англія обѣщала Россіи „одну шестую часть нравственнаго напоминанія Портѣ.“ *Times* въ заключеніе утѣшаетъ себя тѣмъ что „протоколъ никому не причинилъ вреда, такъ какъ Англійское правительство сохранило для себя полную свободу дѣйствій и главнымъ образомъ потому что Англія и теперь столь же рѣшительно отклоняетъ всякую мысль о понужденіи Турціи.“

Съ этими англійскими разсужденіями интересно сопоставить сужденія вѣнской *Политической Корреспонденціи*, которая въ послѣднее время получила репутацію органа получающаго офиціозныя внушенія, между прочимъ и изъ Петербурга, по крайней мѣрѣ несомнѣнно что извѣстія изъ Россіи сообщаемыя въ эту *Корреспонденцію* отличаются особенною полнотою и принимаются какъ достовѣрныя всею иностранною печатью. Здѣсь мы находимъ письмо изъ Берлина, отъ 29 марта, посвященное обсужденію состоявшагося протокола, и въ письмѣ этомъ доказывается что не опасность войны препятствуетъ исполненію реформъ въ Турціи, но что, напротивъ, безъ этой угрозы не было бы и тѣхъ жалкихъ попытокъ какія до сихъ поръ сдѣланы Турціею, не было бы по всей вѣроятности и пресловутаго Турецкаго парламента. Но, разсуждаетъ далѣе корреспондентъ, дѣйствительное осуществленіе того что проповѣдывается Турками на словахъ было бы равносильно установленію господства христіанскаго большинства въ Турціи, и нельзя же ожидать, замѣчаетъ корреспондентъ, чтобъ это преобразованіе совершилось руками повелителя правовѣрныхъ, шейхъ-юль-ислама и прочихъ мусульманскихъ сановниковъ. Разсужденіе это приводитъ корреспондента дружественной Россіи газеты къ слѣдующему заключенію: „Протоколъ не можетъ ни въ чемъ измѣнить этого роковаго положенія. Въ случаѣ разоруженія Россіи, онъ потеряетъ всякое значеніе для Порты. Если разору-

женія Россіи не послѣдуетъ, тогда протоколъ окажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ, ибо центръ тяжести положенія останется въ такомъ случаѣ въ южной арміи."

А вотъ еще голосъ. Берлинская *National-Zeitung*, обсуждая положенія съ своей чисто германской точки зрѣнія, разсуждаетъ такъ: „Чудодѣйственный протоколъ, долженствующій исцѣлить всѣ недуги, состоялся; но у всѣхъ на языкъ напрашивается одинъ еще не разрѣшенный вопросъ: не лучше ли было начать съ этого дипломатическаго акта вмѣсто того чтобы завершить имъ столь безконечный рядъ томительныхъ и тяжелыхъ усилій? Мы могли бы считать удовлетворительнымъ лишь такой исходъ который вызвалъ бы дѣйствительныя, а не бумажныя только измѣненія въ турецкихъ порядкахъ, который дѣйствительно освободилъ бы турецкую райю, и тѣмъ извлекъ бы самый корень того зла которое подрываетъ спокойствіе Европы. Мы лишены воспріимчивости относительно тѣхъ вопросовъ этикета которые обсуждаются между Англіей, Турціей и Россіей, какъ бы ихъ ни выдвигали на первый планъ. Мы не можемъ отдѣлаться отъ опасенія что именно теперь когда дипломатія считаетъ свое дѣло успѣшно оконченнымъ, болѣе чѣмъ когда-либо усилились опасность и запутанность положенія. Дипломатія постоянно черпала воду рѣшетомъ и дошла до протокола; не для той же ли похвальной цѣли послужитъ и этотъ инструментъ?"

Для полноты „концерта" европейской печати по поводу протокола, мы не можемъ не выписать еще отзыва о томъ же предметѣ петербургскаго корреспондента *Daily News*, отличавшагося мѣткостью и безпристрастіемъ своихъ сужденій о Восточныхъ дѣлахъ. „Дипломаты *par excellence* воображаютъ что народы Европы для того и созданы на свѣтъ чтобъ о нихъ писались дипломатическія депеши... Вотъ еще одинъ протоколъ благополучно народился на свѣтъ, стало-быть народы Европы не даромъ существовали." Корреспондентъ поясняетъ что протоколъ ни въ чемъ не измѣнитъ положенія, и что Россіи невозможно разоружиться теперь какъ и прежде. Но даже значеніе нравственнаго вліянія на Турцію который могъ бы имѣть протоколъ, по мнѣнію корреспондента, совершенно потеряно вслѣдствіе торга изъ-за словъ который затѣяла Англія при переговорахъ о протоколѣ, ибо Турція вывела изъ этихъ споровъ *свое* заключеніе о полной своей безнаказанности и въ будущемъ. Это убѣжденіе она могла почерпнуть въ образѣ дѣйствій Англійскаго правительства по предмету протокола. Англія отказала въ обѣщаніи разсмотрѣть въ будущемъ способы къ улучшенію быта турецкихъ христіанъ пока не будетъ устранено единственное для Турокъ побужденіе покориться требованіямъ – боязнь предъ Европой и Россіей. „Нужно вовсе не знать Турокъ чтобы хотя на минуту усомниться въ томъ что какъ переговоры на конференціи, такъ и послѣдніе переговоры о протоколѣ, послужили для нихъ лишь аргументомъ въ пользу ихъ безнаказанности."

Это послѣднее замѣчаніе англійскаго корреспондента нельзя не сопоставить съ нынѣшнею телеграммой изъ Константинополя, сообщающею о томъ какъ Высокая Порта принимаетъ протоколъ.

№ 73.

Москва, 24-го марта.

Вотъ и *Протоколъ* подписанъ! Подвластные Туркамъ христіане могутъ съ облегченнымъ сердцемъ и радостно встрѣтить наступающій великій праздникъ Воскресенія Христова, ощутивъ какъ много сдѣлала для ихъ искупленія отъ тяжкаго рабства христіанская Европа... Впрочемъ, одни ли удрученные христіане имѣютъ поводъ къ ликованію? Всѣ *друзья мира* въ правѣ торжествовать побѣду своихъ высокихъ интересовъ... Но что же это значитъ?—дѣло мира все еще дрожитъ на вѣсахъ. Биржи, возликовавъ сначала, предаются теперь смущенію, въ печати тревога, лондонскій *Economist* находитъ горизонтъ крайне мрачнымъ.

Что за причина? Казалось бы что это великое произведеніе дипломатіи, протоколъ, послѣ долгихъ переговоровъ, былъ такъ хорошо обдуманъ что удовлетворяетъ всѣмъ вкусамъ. Нѣкоторые петербургскіе органы провозглашаютъ что этимъ актомъ вся Европа признала за Россіей полную свободу дѣйствій, и что такимъ образомъ политика лорда Биконсфильда *принуждена* была признаться публично въ своемъ пораженіи (кто ее принудилъ — невѣдомо),

англійскіе же министерскіе органы отнюдь не скрываютъ что, напротивъ, Англія не только сохранила за собой полную свободу дѣйствій, но даже оговорила что если Россія не разоружится, то подпись Англіи подъ протоколомъ станетъ недѣйствительною. Англійскій министръ, какъ извѣщаетъ одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ, похваляется на банкетѣ что при нынѣшнемъ правительствѣ своемъ Англія достигла первенствующаго положенія въ совѣтахъ Европы: это не похоже на „принужденіе“ къ сознанію своего пораженія. Ужь не въ этомъ ли и искусствѣ дипломатіи угодить всѣмъ вкусамъ и есть причина того что протоколъ никого не успокоилъ?

Кромѣ офиціозныхъ органовъ, дипломатическія пререканія мало кого занимаютъ. Всѣхъ болѣе заботитъ мысль отъ кого и отъ чего зависитъ теперь спокойствіе. По общему признанію, рѣшеніе какой оборотъ примутъ событія находится теперь въ рукахъ Порты. Всѣ взоры тревожно обращены на Константинополь, откуда идутъ телеграммы далеко не успокоительныя.

Какое горькое разочарованіе для дипломатіи! Она изъ силъ выбивалась затѣмъ чтобы въ послѣднюю минуту успѣхъ ея стараній остался въ зависимости отъ каприза турецкаго министра, отъ фанатизма мусульманской черни, отъ случайности новаго взрыва

Если и теперь, какъ прежде, все зависитъ отъ самихъ Турокъ, то дипломатія могла бы съ такимъ же успѣхомъ оставаться спокойно сложа руки. Можетъ ли она сказать по крайней мѣрѣ что облегчила Портѣ предстоящую ей задачу, вразумивъ ее? Напротивъ, въ продолженіе всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ, отъ начала конференціи до подписанія протокола, дѣлалось все возможное чтобъ убѣдить Порту что все это не имѣетъ серіознаго значенія. Вѣчный флюгеръ, газета *Times*, понимаетъ это и замѣчаетъ въ послѣднемъ нумерѣ что „Турки, полные „ожесточенной вражды къ Россіи и недо„вѣрія къ кажущимся потатчикамъ Рос„сіи, смотря на петербургскія предложе„нія сквозь призму своего самомнѣнія и „толкуя ихъ какъ признаки слабости и „робости Россіи, можетъ-быть окажутся „еще менѣе податливыми на добрые со„вѣты чѣмъ три мѣсяца тому назадъ.“ Поэтому, названная газета и возлагаетъ надежду на новаго посла, г. Леярда, да внушитъ онъ Портѣ ничего не дѣлать что могло бы уничтожить протоколъ.

Уже въ этихъ словахъ, которыя намъ уже были переданы по телеграфу, ясно что въ Англіи видятъ въ протоколѣ не развязаніе рукъ Россіи, а огражденіе Порты отъ всякихъ рукъ. Самое назначеніе Леярда знаменательно. Это человѣкъ изъ противнаго нынѣшнему министерству лагеря, участвовавшій въ нѣсколькихъ либеральныхъ администраціяхъ, и который прежде, засѣдая въ парламентѣ, не разъ имѣлъ горячія схватки съ нынѣшнимъ премьеромъ когда тотъ былъ мистеромъ Дизраэли. Отчего же ни кто другой, а именно г. Леярдъ, которому собственная партія, въ награду за долговременную службу, не нашла возможнымъ дать мѣсто въ кабинетѣ, а наградила его только синекурой посланника въ Мадридѣ, выбранъ теперь для такого важнаго поста? Ужели въ рядахъ консерваторовъ не нашлось никого кто заслуживалъ бы повышенія и довѣрія? Дѣло ясно. Этотъ Элліотъ, „другъ убійцъ,“ какъ зовутъ его въ Англіи, слишкомъ себя компрометтировалъ, и возратить его было не благовидно въ ту минуту когда толковали о *quasi*-общемъ соглашеніи. Къ тому же и оппозиція въ парламентѣ слишкомъ громко протестовала противъ его возвращенія. Но новый человѣкъ посланный на его мѣсто, хотя бы и вполнѣ благонадежный въ англійскихъ видахъ, могъ для Турокъ на первыхъ порахъ показаться сомнительнымъ и внушить имъ опасеніе, не измѣнило ли въ самомъ дѣлѣ Англійское правительство своей политикѣ. Съ г. Леярдомъ сомнѣніе невозможно. Никто какъ онъ не проповѣдывалъ о возрожденіи Турціи, о доблестяхъ Турецкой націи, никто такъ не помогалъ „пускать“ въ ходъ оттоманскіе займы. Если приличіе не дозволяло тотчасъ же вернуть Элліота, то есть только одинъ другой Элліотъ,—это г. Леярдъ. Для Турокъ онъ *persona gratissima*, и за нимъ они могутъ быть вполнѣ спокойны что Англія ни къ чему ихъ принуждать не станетъ...

Но какъ ни возмутительны эти продѣлки лживой дипломатіи, еще гнуснѣе фарисейская прикраса которая имъ придается. Было бы честнѣе,—потому что правдивѣе,—прямо сказать: мы не желаемъ чтобы христіане вышли изъ порабощенія. Достойнѣе было бы и для другихъ не празднословить о турецкихъ реформахъ. Какія бы при-

чины ни побуждали различныя правительства отложить рѣшеніе Восточнаго вопроса, пусть бы это было дѣломъ ихъ собственнаго усмотрѣнія! Какъ оставить этотъ вопросъ на добрую волю Турокъ! Къ чему продолжать комедію, въ которой наперерывъ состязаются и наши, и англійскіе друзья мира? Какія реформы! Христіане просятъ не реформъ, а возможности *жить* безопасно! Беремъ факты не изъ сочувствующихъ христіанамъ газетъ; беремъ англійскую министерскую туркофильскую *Pall Mall Gazette*, беремъ одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ ея.

Въ эту газету корреспондетъ изъ Вило, въ Ѳессаліи, пишетъ что разбойничество тамъ принимаетъ вновь тревожные размѣры; онъ приводитъ имена извѣстныхъ разбойниковъ, и прибавляетъ: „Считаютъ вѣ„роятнымъ что къ ихъ шайкамъ охотно „пристаютъ баши-бузуки и Черкесы, ко„торые были навербованы въ Салоникскомъ „вилаетѣ для преслѣдованія ихъ, между „тѣмъ какъ поселяне боятся ихъ болѣе „чѣмъ самихъ разбойниковъ. Единствен„нымъ средствомъ противъ этого, кажется, „было бы поручить разбойникамъ преслѣ„довать баши-бузуковъ и Черкесовъ. Это „можетъ быть окончится ихъ взаимнымъ „истребленіемъ и водворитъ миръ и безо„пасность въ удрученныхъ ѳессалійскихъ „селеніяхъ.“ А константинопольскій корреспондентъ той же газеты замѣчаетъ что конференція, вмѣсто придумыванья *новыхъ* реформъ, лучше бы позаботилась *исполненіемъ* существующихъ, при которыхъ можно было бы жить еслибъ онѣ исполнялись. „Турецкое понятіе о реформѣ,“ продолжаетъ онъ, „таково: назначать коммиссіи „и поручать всѣмъ кіатибамъ при Портѣ „писать сочиненія въ формѣ доклада, „письма къ визирю или султанскаго гат„та, и потомъ класть все дѣло въ ящикъ „и забывать о немъ. При слѣдующемъ „кризисѣ представленіе повторяется. Что „касается законовъ, то массы народа такъ „мирны что могли бы жить и безъ нихъ; „нарушители законовъ главнымъ обра„зомъ суть тѣ кому поручено ихъ испол„неніе.“

Это пишутъ собственные корреспонденты самой туркофильской въ Англіи газеты. Какова же безнравственность этихъ фарисеевъ,—зная все это, говорить о возможности турецкихъ реформъ и ограждать Турцію отъ понужденій!

Въ Турціи можетъ имѣть смыслъ только одна реформа, которая и была всѣми признана и даже выговорена самою Англіей въ приглашеніи на конференцію: эта реформа есть автономія. О ней забыли, и толкуютъ о раздѣленіи кантоновъ, и другихъ благахъ для людей живущихъ среди вооруженныхъ грабителей, насильниковъ и убійцъ. Только самостоятельность можетъ спасти христіанъ, и самостоятельность не на бумагѣ, но на дѣлѣ, когда христіанамъ будетъ дано оружіе, и когда, напротивъ, они будутъ избавлены отъ турецкихъ реформъ и отъ ихъ исполнителей, заптіевъ и баши-бузуковъ съ Черкесами. Какъ это сдѣлать, въ какой мѣрѣ, въ какой формѣ,—объ этомъ дипломатія въ теченіе двухъ лѣтъ не подумала, торгуясь и препираясь о словахъ своихъ протоколовъ.

Столь же праздны и толки о европейскомъ мирѣ. Газета *Times* объясняетъ что Россія будто бы могла убѣдиться что „напа„деніе на Турцію отвратитъ отъ нея обще„ственное мнѣніе всѣхъ странъ, не потому „чтобы публика сочувствовала Туркамъ, „но изъ страха что война на Дунаѣ мо„жетъ быть началомъ новыхъ потрясеній „въ Европейской системѣ.“ А потому всѣ правительства и отозвались де съ такою готовностью на русскія предложенія. За то, утѣшаетъ насъ *Times*, „Россія можетъ „по справедливости сказать что если отъ„ступаетъ предъ войной, то не изъ опа„сенія чтобы чего не случилось съ ея ар„міей или съ имперіей, а во вниманіе къ „опасностямъ которыя могутъ угрожать „другимъ государствамъ, ибо еслибы война „и не распространилась отъ Дуная до Рей„на, то страхъ былъ бы почти не лучше „дѣйствительности.“

Мы привыкли къ оскорбленіямъ нашего національнаго чувства. Но что можетъ быть оскорбительнѣе этого безстыднаго глумленія надъ Россіей, которая ради удобства какихъ-то другихъ государствъ (которымъ никто не велитъ ссориться) должна забыть самыя священныя обязательства своей исторіи, самые кровные интересы своего существованія... И каково также глумленіе надъ христіанами Востока которые своими страданіями, позорящими человѣчество и христіанскій міръ, должны искупать чье-то спокойствіе и чьи-то прихоти на Рейнѣ!..

№ 74.

Москва, 30-го марта.

Порта отказалась принять протоколъ и отвергла условія русской декларації: вотъ послѣднее и рѣшительное извѣстіе изъ Константинополя. Турецкій парламентъ протестовалъ огромнымъ большинствомъ противъ всякой территоріальной уступки Черногорцамъ. Въ дипломатическихъ сферахъ не сомнѣваются въ неизбѣжности войны.

А между тѣмъ именно этотъ самый протоколъ, рѣшающій дѣло въ смыслѣ войны, выдавали намъ какъ знаменіе мира... Какая злая ирониа!

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* былъ напечатанъ протоколъ и приложенная къ нему декларація сдѣланная при его подписаніи русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ Шуваловымъ, отъ имени нашего правительства. Въ англійскихъ газетахъ находимъ, кромѣ этихъ актовъ, еще нѣсколько другихъ документовъ представленныхъ одновременно съ ними парламенту. Между этими послѣдними находятся уже давно извѣстный, блаженной памяти циркуляръ князя Горчакова, отъ 19 января, послѣ закрытія Константинопольской конференціи, нѣсколько краткихъ депешъ лорда Дарби къ англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Лофтусу, изъ коихъ главнѣйшая, отъ 13 марта, излагаетъ ходъ переговоровъ происходившихъ при посредствѣ генерала Игнатьева, затѣмъ депеша лорда Дарби къ британскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ по поводу уже подписаннаго протокола, и наконецъ, кромѣ того, декларація сдѣланная предъ подписаніемъ протокола графомъ Дарби. Кромѣ русской и англійской декларації, къ протоколу приложена еще таковая же сдѣланная италіянскимъ посломъ въ Лондонѣ. Представителями Германіи, Австріи и Франціи протоколъ подписанъ безъ всякихъ оговорокъ.

Такъ какъ русская декларація уже извѣстна, то считаемъ не лишнимъ привести остальныя двѣ. Италіянская не имѣетъ большаго значенія и изложена весьма глухо, такъ что можно думать не имѣетъ ли она въ виду оговорить свободу дѣйствій для Италіи, въ виду какихъ-либо соглашеній которыя не считалось желательнымъ устранять подписаніемъ протокола. Текстъ ея слѣдующій:

„Италія считаетъ себя связанною подписаніемъ сегодняшняго протокола только до тѣхъ поръ пока сохранится согласіе благополучно установленное самимъ протоколомъ между всѣми державами.“

Декларація же графа Дарби гласитъ такъ:

„Нижеподписавшійся главный секретарь ея Британскаго величества по иностраннымъ дѣламъ дѣлаетъ слѣдующую декларацію касательно протокола подписаннаго сегодня уполномоченными Великобританіи, Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Италіи и Россіи:

„Такъ какъ единственно въ интересахъ европейскаго мира правительство ея Британскаго величества согласилось подписать протоколъ предложенный Русскимъ правительствомъ, то заранѣе заявляется что въ случаѣ если не будетъ достигнута предположенная цѣль,—а именно взаимное разоруженіе Россіи и Турціи и миръ между ними,—означенный протоколъ долженъ считаться не имѣющимъ ни силы, ни значенія.“

Но протоколъ и безъ того не имѣетъ ни силы, ни значенія, а вся сила заключается въ приложенныхъ къ нему деклараціяхъ сдѣланныхъ Россіей и Англіей. Эти заявленія, діаметрально противоположнаго значенія, рисуютъ намъ въ истинномъ свѣтѣ „поддержаніе согласія“ между державами, еще разъ заявленное въ протоколѣ. Англія считаетъ протоколъ концомъ, а Россія началомъ. Между тѣмъ какъ декларації, русская и англійская, отличаются краткостью и точностью выраженій, текстъ протокола изложенъ самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Въ немъ вовсе не находимъ хотя бы приблизительныхъ указаній ни тѣхъ реформъ которыя державы считаютъ необходимыми для обезпеченія участи христіанскихъ населеній Турціи и европейскаго мира, ни способа надзора надъ исполненіемъ обѣщаній Турецкаго правительства, ни наконецъ тѣхъ мѣръ о которыхъ въ послѣдствіи державы стали бы „разсуждать для наиболѣе дѣйствительнаго обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія.“ Все это изложено въ общихъ фразахъ допускающихъ самыя разнообразныя толкованія. Въ теченіе истекшей недѣли иностранная печать имѣла возможность наговориться о нихъ до сыта. Любопытно при этомъ что въ самомъ розовомъ для Россіи свѣтѣ старались выставить протоколъ въ сферахъ ей несомнѣн-

но враждебныхъ. Насъ всячески старались вразумить относительно будто бы пріобрѣтенныхъ и не понимаемыхъ нами великихъ выгодъ. „По истинѣ,“ писалъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, „Русскіе крайне не „разсудительны въ своемъ недовольствѣ. „Общее впечатлѣніе скорѣе таково что „Россія вполнѣ можетъ быть довольна ди„пломатическимъ успѣхомъ который она „одержала.“ И газета замѣчаетъ что, хотя текстъ первоначальнаго протокола „былъ критически просѣянъ“ британскимъ правительствомъ, однако въ немъ де „сдѣланы не незначительныя уступки взглядамъ Россіи.“ Въ немъ де есть „штрихъ неуваженія“ (*just a touch of disrespect*) въ отношеніи къ Турціи. *Ergo*, Россія и получаетъ „все чего требовала и вѣроятно болѣе чѣмъ ожидала и должна разоружиться. Протоколъ этотъ и подписали де въ увѣренности что она удовольствуется своимъ дипломатическимъ успѣхомъ дозволяющимъ ей почетное отступленіе.“ Поэтому кажется де поразительнымъ и даже невѣроятнымъ извѣстіе изъ Константинополя что Россія требуетъ отъ Порты категорическаго отвѣта какъ относительно принятія протокола, такъ и разоруженія.

Итакъ, для Порты протоколъ ничего не долженъ означать. Это поспѣшилъ объяснить и лордъ Дарби, въ телеграфной депешѣ къ г. Джоселину, британскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, поручая ему заявить турецкому министру иностранныхъ дѣлъ что „противъ протокола, *въ томъ видѣ* какъ онъ подписанъ, Портѣ нечего возражать.“ Наконецъ, въ декларацiи лорда Дарби ясно сказалось что Англiи не столько важенъ европейскій миръ сколько огражденіе Турціи во что бы ни стало. Онъ объявляетъ заранѣе протоколъ недѣйствительнымъ если не будетъ достигнута *главная* цѣль—разоруженіе Россіи!.. Какая поучительная, хотя и грубая откровенность!

Значитъ, протоколъ въ сію минуту уже не имѣетъ силы. Онъ родился и умеръ. Онъ родился мертвымъ.

Заявленіе лорда Дарби діаметрально противоположно русской декларацiи, хотя Россія согласилась сдѣлать ее по желанію Англійскаго правительства. Уступчивость наша не была оцѣнена. Указанія Россіей условій на коихъ она готова вступить въ прямые переговоры съ Портой не принимаются и къ свѣдѣнію. Какъ гласитъ сейчасъ полученная телеграмма, газета *Times* объявляетъ эти условія унизительными для Порты. Въ томъ же духѣ выражается и *Standard*. Россія же выставляется виноватою предъ Высокою Портой, и должна разоружиться безусловно.

Весьма естественно, послѣ всего этого, что Порта отвергла какъ протоколъ, такъ и всякія условія разоруженія.

Этотъ оборотъ является любопытнымъ комментаріемъ соображеній какими занималась въ послѣдніе дни англійская печать по поводу другаго событія. Кромѣ протокола, общее вниманіе возбуждено слухами о неожиданномъ увольненіи князя Бисмарка, по его личному прошенію. Не было никакихъ данныхъ приводить это обстоятельство въ связь съ соглашеніемъ державъ о протоколѣ; но англійская печать готова была и въ этомъ видѣть новое доказательство успѣха англійской политики. Одновременность событій представлялась будто бы неоспоримымъ свидѣтельствомъ ихъ внутренней связи. Изъ разсужденій англійскихъ газетъ выходитъ будто бы германскій канцлеръ своимъ удаленіемъ отъ дѣлъ вымѣщалъ свою досаду на неудачу возбудить войну. Задорная *Morning Post* увлеклась до того что поздравила весь міръ съ „отставкой Бисмарка, какъ вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ европейскаго спокойствія.“ „Паденіе великаго германскаго министра,“ заключаетъ упомянутая лондонская газета, состоящая на послугахъ у лорда Дарби, „удалитъ изъ совѣтовъ „Европы постоянную угрозу смутъ. И те„перь мы можемъ ожидать съ большею „надеждой что *соберемъ плоды Лондонска„го протокола.*“ А *Pall Mall Gazette*, подтверждая: „да будетъ такъ,“ хитроумно разъясняла что это произошло отъ разногласія между княземъ Бисмаркомъ и императоромъ Вильгельмомъ, такъ какъ послѣдній будто бы энергически совѣтовалъ Россіи прекратить свои „опасныя вооруженія,“ а князь Бисмаркъ дѣйствовалъ въ противоположномъ направленіи. *Daily Telegraph* и *Times* темнѣе намекали на ту же причину, то-есть на поворотъ по восточнымъ дѣламъ, несогласный съ видами и желаніями князя Бисмарка.

И эти соображенія оказываются праздными. Германскій канцлеръ не выходитъ въ отставку, а получаетъ только отпускъ. Никто не назначенъ на его мѣсто, а только его многостороннія должности и заня-

тія временно распредѣлены между его ближайшими помощниками, и даже во время отпуска императоръ Вильгельмъ предоставляетъ себѣ обращаться за совѣтами къ канцлеру. Что касается Восточнаго кризиса, то, какъ видно, даже временное удаленіе князя Бисмарка не только не устранило этого кризиса, но и не отсрочило.

№ 75.

Москва, 31-го марта.

А.

Въ Германіи никто не ожидалъ столь мирной развязки „канцлерскаго кризиса“ о которой извѣстилъ насъ вчера телеграфъ. Императоръ Вильгельмъ, послѣ продолжительныхъ размышленій и переговоровъ съ княземъ Бисмаркомъ, написалъ „никогда“ на поляхъ просьбы канцлера объ отставкѣ, и самый отпускъ данъ ему лишь до августа, а не на годъ, какъ говорили еще нѣсколько дней тому назадъ. Въ сущности, дѣло окончилось совершенно такъ какъ и два года тому назадъ. И тогда общественное мнѣніе въ Германіи внезапно было взволновано извѣстіемъ объ удаленіи отъ дѣлъ имперскаго канцлера, поводомъ къ чему выставлено было его разстроенное здоровье, а дѣло ограничилось отпускомъ на нѣсколько мѣсяцевъ съ передачей текущихъ внутреннихъ дѣлъ тогдашнему президенту имперскаго канцлерства г. Дельбрюку, а иностранными г. фонъ-Бюлову, причемъ однако князь Бисмаркъ оставался отвѣтственнымъ, согласно конституціи, за всѣ дѣйствія имперскаго правительства, и въ сущности продолжалъ руководить ими изъ своего Фарцинскаго уединенія. Но несмотря на одинаковость развязки, есть разница между тогдашнимъ и теперешнимъ кризисомъ. Это признаютъ всѣ берлинскія газеты, не исключая и официозныхъ. На этотъ разъ князь Бисмаркъ подалъ просьбу объ *окончательной* отставкѣ, а прежде онъ самъ просилъ только о продолжительномъ отпускѣ. Два года тому назадъ никто не говорилъ о разногласіяхъ между княземъ Бисмаркомъ и императоромъ Вильгельмомъ; самъ князь Бисмаркъ объяснялъ тогда дѣло такъ что ему слишкомъ тяжело становится управлять не имѣя опоры въ безусловно преданной ему партіи, и это заявленіе было понято какъ острастка національ-либераламъ позволявшимъ себѣ нѣкоторыя оппозиціонныя замашки. Острастка возымѣла свое дѣйствіе: либералы смирились, и здоровье князя Бисмарка очень скоро поправилось. Теперь никто не отрицаетъ что причина побудившая князя Бисмарка отказаться отъ дѣлъ находится въ средѣ непосредственно окружающей монарха, и мы имѣемъ основаніе считать вѣрнымъ напечатанныя нами вчера свѣдѣнія сообщенныя намъ по этому предмету нашимъ парижскимъ корреспондентомъ. Въ виду этихъ разъясненій можно допустить предположеніе что комбинація которою разрѣшился этотъ кризисъ есть только переходная стадія къ окончательному удаленію если только императоръ Вильгельмъ не уступитъ и не предоставитъ своему канцлеру еще бо́льшую свободу дѣйствій и бо́льшія гарантіи противъ неизбѣжныхъ служебныхъ столкновеній коихъ однако не выносятъ слабыя нервы „желѣзнаго канцлера“. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно что здоровье князя Бисмарка и теперь не безусловно плохо, и что оно немедленно поправится какъ только будетъ устранено то что̀ разстраиваетъ ему нервы. Въ этомъ отношеніи обратила на себя вниманіе статья появившаяся 6 апрѣля въ берлинской газетѣ *Port*, органѣ близко стоящемъ къ князю Бисмарку. Въ этой статьѣ поводомъ къ просьбѣ объ отставкѣ поданной княземъ Бисмаркомъ выставлено то что его здоровье слишкомъ страдаетъ отъ служебныхъ занятій, при тѣхъ условіяхъ какими они были обставлены до сихъ поръ. Князь Бисмаркъ, сказано далѣе, вовсе не желаетъ чтобъ условія эти измѣнились въ смыслѣ раздробленія отвѣтственности за управленіе имперіей. Офиціозная статья утверждаетъ, напротивъ, что князь Бисмаркъ имѣетъ въ своей головѣ планъ обширныхъ внутреннихъ реформъ. Но онъ не видитъ де возможности къ осуществленію этихъ реформъ при тѣхъ условіяхъ какія теперь существуютъ. „Совсѣмъ иное было бы, сказано далѣе, еслибы князь имѣлъ около себя такихъ помощниковъ которые были бы совершенно проникнуты его намѣреніями, и еслибъ онъ имѣлъ возможность разчитывать на столь преданное ему и рѣшительное большинство въ

Рейхстагѣ которое самою преданностью своею значительно облегчило бы и ускорило бы дѣло задуманныхъ имъ реформъ.“ Изъ этихъ слишкомъ ясныхъ намековъ брошенныхъ наканунѣ рѣшенія императоромъ вопроса объ отставкѣ канцлера ясно проглядываетъ цѣль князя Бисмарка. Онъ не принадлежитъ къ числу государственныхъ людей „парламентарнаго типа“ коихъ искусство въ томъ заключается чтобы стереть себя въ партіи. Онъ требуетъ чтобы партія сама пришла къ нему; въ нѣдрахъ же самаго кабинета онъ желаетъ пользоваться полною свободою дѣятельности.

Но каковы бы ни были сокровенныя причины породившія теперешній кризисъ, вопросы внѣшней политики не играли тутъ никакой роли, вопреки лживымъ увѣреніямъ нѣкоторыхъ англійскихъ и французскихъ газетъ. Германская политика по отношенію къ другимъ державамъ надолго еще сохранитъ то общее направленіе которое ей было дано основателемъ Германской имперіи.

Не такъ однако думаютъ въ Австро-Венгріи: тамошнія газеты какъ нѣмецкія такъ и мадьярскія, пустились преждевременно (какъ теперь оказывается) оплакивать потерю князя Бисмарка, не хуже любаго изъ преданныхъ ему органовъ въ Берлинѣ. Въ этомъ смыслѣ высказывается и вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung*, обыкновенно вѣрно передающій настроеніе тамошнихъ политическихъ сферъ. Въ письмѣ отъ 5 апрѣля корреспондентъ этотъ старается доказать что удаленіе князя Бисмарка съ политической арены можетъ имѣть роковыя для Австріи послѣдствія въ настоящую критическую минуту, когда, вопреки протоколу, дѣла на Востокѣ принимаютъ угрожающій оборотъ. Эту опасность корреспондентъ усматриваетъ въ томъ что съ удаленіемъ князя Бисмарка „долженъ распасться“ и Трехъ-Императорскій Союзъ, имъ основанный „съ цѣлью держать равновѣсіе между далеко расходящимися интересами Россіи и Австріи.“ Въ Вѣнѣ хорошо де знали какихъ случайностей князь Бисмаркъ *не* допуститъ, и вслѣдствіе этого австрійская политика имѣла до сихъ поръ твердую точку опоры въ политикѣ Германіи. Теперь Австрія снова де предоставлена самой себѣ. Правда, нельзя думать чтобы преемникъ князя Бисмарка, кто бы онъ ни былъ, рѣшился употребить политическій вѣсъ Германіи прямо въ ущербъ Австріи; но дурно уже то что никакой преемникъ имперскаго канцлера не будетъ обладать его громаднымъ авторитетомъ „который такъ импонировалъ Россіи.“ Увлекшись этими мрачными предчувствіями насчетъ Австріи, корреспондентъ намекаетъ что самое „паденіе“ князя Бисмарка было ничѣмъ инымъ какъ Русскою интригой (редакція *National Zeitung* сопровождаетъ этотъ намекъ вопросительнымъ знакомъ) и предвидитъ что въ скоромъ времени „весьма чувствительно для Австріи скажется ея изолированное положеніе.“

Не менѣе горестны размышленія на ту же тему и мадьярскихъ газетъ. И онѣ доказываютъ что общность интересовъ между германскою политикой князя Бисмарка и австро-венгерскою была лучшею порукой для Мадьяръ въ томъ, что интересы Венгріи на Востокѣ будутъ охранены во всякомъ случаѣ. Князь Бисмаркъ умѣлъ де внушить Мадьярамъ увѣренность что въ случаѣ войны между Россіей и Портой Австро-Венгерская монархія отъ этого не пострадаетъ, и что послѣдствія войны, каковы бы они ни были, не причинятъ Австро-Венгріи никакого ущерба. Въ политическихъ кругахъ Венгріи,—такъ утверждаютъ вліятельнѣйшія венгерскія газеты—господствовало убѣжденіе что князь Бисмаркъ умѣрялъ и ограничивалъ при Берлинскомъ дворѣ вліяніе Россіи, а политику графа Андраши, колеблющуюся и не всегда соотвѣтствующую общественному настроенію Венгріи, терпѣли тамъ главнымъ образомъ потому что основаніемъ этой политики было полное согласіе съ имперскимъ канцлеромъ. Каждый разъ когда положеніе Андраши становилось шаткимъ вслѣдствіе интригъ военной партіи при дворѣ, въ Венгріи находили де утѣшеніе въ увѣренности что до тѣхъ поръ пока Бисмаркъ остается имперскимъ канцлеромъ нельзя думать объ удаленіи графа Андраши, такъ какъ это повело бы къ ослабленію дружественныхъ узъ соединяющихъ обѣ имперіи. Вотъ почему въ Венгріи удаленіе князя Бисмарка нельзя де не считать злополучнымъ событіемъ.

Всѣ эти элегіи и дурныя предчувствія австро-венгерской печати отчасти упразднены благополучною развязкой кризиса. Тѣмъ не менѣе, они такъ характеристичны что мы сочли не лишнимъ коснуться

ихъ. Характеристичны эти жалобы не только для Австро-Венгріи, но и для князя Бисмарка.

Б.

Турція отвергла и протоколъ, и условія выраженныя въ русской декларації, и требованія Черногорцевъ которые должны покинуть побѣдоносно занятыя ими части турецкой территоріи и заключить съ Портой миръ на условіяхъ ею предписанныхъ, въ противность рѣшеніямъ не уваженной ею Константинопольской конференціи... Вотъ до чего дошла эта политика глумленія которую, при помощи нашихъ внутреннихъ иностранцевъ, навязываетъ намъ Англія! Мы серіозно участвовали въ Константинопольской конференціи, которая завѣдомо не должна была имѣть никакого значенія. Мы серіозно заботились о протоколѣ который якобы долженъ былъ связать Турцію и развязать руки Россіи, а наоборотъ, развязываетъ Турцію, и связываетъ насъ. Когда мы подписывали его, Англія заявила что этотъ протоколъ или не значитъ ничего, или значитъ отреченіе Россіи отъ христіанъ за которыхъ она вступилась. Но фарсъ въ которомъ заставляютъ насъ играть роль, говорятъ, еще не кончился. Чаша униженія, говорятъ, еще не испита нами до дна. Англійская печать, какъ сообщаетъ намъ сегодня агентство Рейтера, полагаетъ что дипломатія еще не сказала своего послѣдняго слова. Турція не соглашается на требованія Россіи, но Россія должна согласиться на требованія Турціи, немедленно разоружиться и отправить въ Константинополь своего посла чтобы просить у Порты извиненія за причиненное ей безпокойство. На Россіи, говоритъ англійская печать, лежитъ обязанность (обязанность!) истощить всѣ средства къ примиренію съ Турціей. Этого мало: послѣднимъ актомъ комедіи должно быть давленіе на Россію, чтобъ она отказалась отъ своихъ намѣреній помочь христіанскимъ населеніямъ Востока. Еще шагъ, еще одна послѣдняя уступка, и возобновится блистательное представленіе 1863 года... Но противники наши зашли слишкомъ далеко въ своихъ разчетахъ на нашу общественную гниль, на нашихъ сочувствующихъ имъ паразитовъ. Они ошиблись: комедія уступокъ приходитъ къ концу. Начинается серіозное дѣйствіе, и вскорѣ предъ врагами нашими предстанетъ Россія въ ея чистотѣ и силѣ, какова она есть и какою Богъ призываетъ ее къ дѣйствію...

№ 76.

Москва, 1-го апрѣля.

Вчерашнія и сегодняшнія телеграммы разогнали туманъ лжи. Ожидать чего-либо еще отъ дипломатіи постыдно до такой степени что даже офиціозныя петербургскія перья нашли благовиднымъ вдругъ измѣнить тонъ и принялись усерднѣйшимъ образомъ марать эту самую дипломатію, опровергая все что прежде къ стыду русской печати писали...

Сегодня истекаетъ срокъ назначенный нашимъ правительствомъ Портѣ для рѣшенія вопроса объ отправленіи посланника въ Петербургъ.

Отвѣтъ уже данъ. Порта отказалась заключить съ Черногоріей миръ на основаніяхъ предложенныхъ конференціей, и истекшее сегодня перемиріе не продолжено. Значитъ, война между Портой и Черною Горой возобновляется. Пока мы съ изумленіемъ слушали разглагольствія о необходимости намъ поладить съ Англіей, то-есть бросить христіанъ на Востокѣ, чтобы заслужить лестное о насъ мнѣніе публицистовъ *Journal des Débats* и *Revue des deux Mondes*, рѣшительный оборотъ дается дѣлу самою Портой, которая за зиму успѣла собрать всѣ свои силы, вооружиться съ ногъ до головы и заручиться дѣятельною помощью англійскихъ баши-бузуковъ, массами спѣшащихъ на защиту угнетателей Турокъ противъ угнетенныхъ христіанъ.

Турція не смущается толками проповѣдниковъ мира во что бы ни стало. Она хочетъ знать только свои интересы, понимаемые ею по своему, и не допуская вмѣшательства постороннихъ желаетъ немедленно покончить съ тревожною неизвѣстностью. Приходится ожидать объявленія *намъ* войны отъ преемника халифовъ, и мы пожалуй дѣйствительно увидимъ вскорѣ турецкія войска по сю сторону Дуная. А чтобы мы не оставались въ сомнѣніи касательно намѣреній Порты, ею уже предъявленъ намъ нѣкоторымъ образомъ ультиматумъ чтобы Россія возвратила посла въ Константинополь для переговоровъ объ

условіяхъ разоруженія какія благоволитъ намъ даровать Блистательная Порта.

Такъ извратились роли благодаря усиліямъ дипломатіи, для которой теперь уже наступаетъ судъ исторіи. Дѣло повернулось такъ что сохраненіе мира должно де уже зависѣть не отъ вниманія Порты къ кроткимъ увѣщаніямъ Европы, а отъ нашей уступчивости предъ требованіями Порты. И въ виду этого англійская печать осмѣливается утверждать что дипломатія еще не сказала своего послѣдняго слова. Нѣтъ, нѣтъ! Дипломатія насказала уже слишкомъ много словъ, и давно пора зажать ей ротъ... Нѣтъ, пусть ея послѣднее слово останется при ней!

Декларація лорда Дарби, которая сама по себѣ была достаточна чтобы показать Портѣ всю ничтожность протокола явившагося на свѣтъ съ такими тягостными родильными муками, была еще не послѣднею продѣлкой англійской дипломатіи. Третьяго дня насъ удивила переданная по телеграфу статья *Times*, которая объявляла что требованія Россіи „унизительны для Порты, такъ какъ тонъ этихъ требованій равносиленъ предписанію обращенному къ побѣжденному врагу.“ А вчера телеграфъ передалъ намъ изъ Лондона же содержаніе отвѣта Порты на сообщеніе ей протокола,—отвѣта изложеннаго буквально въ тѣхъ же самыхъ словахъ какъ напечатанная наканунѣ статья *Times*. Нота Порты гласитъ что „ей лучше подвергнуться опасностямъ войны нежели принять условія которыя могутъ быть наложены только на побѣжденную націю послѣ великихъ пораженій.“ Поразительное совпаденіе во взглядахъ турецкихъ министровъ съ англійскими публицистами! Такъ нагло глумилась надъ нами Англія, заключая соглашеніе, будто бы направленное для вразумленія Порты, и не только тутъ же объявляя его не имѣющимъ для Порты никакой силы, но продиктовавъ ей и самыя выраженія ея отказа сообразныя съ ея достоинствомъ и честью. Фарсъ этотъ такъ понравился англійскимъ политикамъ что они готовы продолжать его до безконечности. Вопросъ о христіанахъ сведенъ къ пререканіямъ объ этикетѣ. Порта требуетъ чтобы не смѣли приставать къ ней съ совѣтами и требованіями, несогласными съ ея независимостью и не допускаемыми ея достоинствомъ.

Интересныя были пренія въ турецкомъ парламентѣ о томъ параграфѣ адреса, который касается заключенія мира съ Черногоріей. Одинъ изъ ораторовъ, улема, сказалъ что „если правительство будетъ сообразоваться со священнымъ закономъ шери, то оно ничего не уступитъ Черногорцамъ. Таково единодушное желаніе націи.“ Другой, Сами-эфенди, прибавилъ:—„Турецкій народъ не хочетъ никакихъ уступокъ.“ Третій, Ахметъ-эфенди-Иснишегерли-Заде отозвался еще категоричнѣе:—„Я не признаю никакого международнаго права, а что я очень хорошо знаю, такъ это то что сумасбродно было бы намъ собственными руками разрушать созданное предками государство; мы должны сберечь его цѣною какихъ бы то ни было пожертвованій.“ То же самое высказалъ одинъ Курдъ, Хаджи-Мустафа-эфенди: —„Вопросъ такъ ясенъ что его пойметъ малый ребенокъ: не зачѣмъ ставить его въ зависимость отъ того что называютъ дипломатическими соображеніями...“ Молодецъ этотъ Курдъ, Хаджи-Мустафъ-эфенди! Вѣдь онъ правду сказалъ, сказалъ лучше и вѣрнѣе нашихъ официозныхъ писателей...

Такъ заявляли всѣ, при общемъ одобреніи, и даже *громъ рукоплесканій*, привѣтствовавшихъ особенно молодецкую рѣчь Курда... Нѣтъ, Порта *не въ состояніи* исполнить требованія Европы! Дипломатія какъ бы отдала дѣло въ ея руки, а съ перваго же засѣданія „турецкаго парламента“ видно что руки ея связаны. Никогда и ничто не совершалось въ Турціи въ пользу христіанъ,—дипломаты и политики сами хорошо знаютъ, — какъ вмѣшательствомъ, какова была Сирійская экспедиція, обособленіемъ и автономіею, какъ поступлено въ свое время съ Дунайскими княжествами. Обособленіе необходимо для огражденія христіанъ отъ мусульманскихъ сожителей, оно не мыслимо безъ вооруженнаго вмѣшательства. Если Порта никогда ничего не могла совершить добраго, что же могла бы предпринять она теперь, когда магометанскій фанатизмъ пріобрѣлъ правительственное вліяніе на ея рѣшенія? Что въ состояніи она сдѣлать съ другими еще болѣе дикими элементами, собранными въ армію, голодными и оборванными? Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одна энергическая настойчивость могла привести къ желаемому исходу: теперь сама Порта находится въ западнѣ, изъ которой нельзя ее иначе вывести какъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ...

№ 77.

Москва 2-го апрѣля.

Судъ исторіи надъ послѣдними недостойными продѣлками политики уже наступаетъ, замѣтили мы вчера. Онъ уже начался. Сегодня телеграммы извѣщаютъ насъ о преніяхъ въ англійскомъ парламентѣ вызванныхъ требованіями оппозиціи объясненій отъ правительства касательно протокола и его послѣдствій. Пренія еще разъ не привели ни къ какому результату, и резолюція внесенная вождемъ оппозиціи маркизомъ Гартингтономъ и возлагавшая на правительство отвѣтственность за теперешнее политическое положеніе была взята имъ назадъ, такъ что меньшинство не засвидѣтельствовало своего протеста противъ результатовъ политики которую оно считаетъ ошибочною. О характерѣ преній, и въ особенности рѣчей оппозиціонныхъ ораторовъ, крайне отрывочное изложеніе ихъ въ телеграммѣ не даетъ достаточно яснаго понятія. Но въ общемъ направленіи нападокъ на правительство кажется сомнѣваться нельзя. Оппозиція встрѣтила правительство на избранной имъ самимъ почвѣ, въ правѣ была спросить къ чему же привели ихъ старанія въ коихъ имъ никто не мѣшалъ, а напротивъ всѣ готовы были помогать.

Англійское правительство постоянно заявляло что его главная и единственная забота есть охраненіе мира; но для достиженія этой благой цѣли оно избрало очень своеобразный способъ. Прямѣе и проще всего было озаботиться устраненіемъ самой опасности для европейскаго мира, которая, очевидно для всѣхъ, заключалась въ безправіи христіанскихъ населеній. Два года смутъ, возстаній и войны показали что Турція сама не въ состояніи ни справиться съ ними, ни принять мѣры которыя могли бы обезпечить христіанскія населенія. Улучшить участь христіанъ и этимъ отвратить опасность возбужденія Восточнаго вопроса могло только вооруженное вмѣшательство, и если Англія относилась недовѣрчиво къ такому вмѣшательству, то прямой разчетъ долженъ былъ побуждать ее не оставлять этого дѣла другимъ, а принять въ немъ участіе и взять его въ свои руки. Такимъ образомъ, было бы исполнено то что самими англійскими министрами было признано необходимымъ, съ другой же стороны сама собой достигалась и главная для Англіи цѣль—сохраненіе мира. Эти соображенія неоднократно и высказывались нѣкоторыми членами оппозиціи.

Кабинетъ Беконсфильда добивался, однако, совсѣмъ другаго. Онъ на словахъ работалъ за миръ, но хотѣлъ достигнуть его сохранивъ въ неприкосновенности возмутительное порабощеніе христіанъ, что считается полезнымъ для англійскихъ интересовъ. Смыслъ его постоянныхъ объясненій на запросы оппозиціи былъ таковъ: къ чему мы будемъ заботиться о христіанахъ, когда мы ручаемся что миръ будетъ сохраненъ и безъ этого; мы поддержимъ его другимъ, болѣе дешевымъ средствомъ — дипломатіей и словопреніями. Предъ такими патріотическими доводами оппозиція умолкала, ожидая результата. Теперь результатъ у всѣхъ на виду.

Все было принесено въ жертву для достиженія мира какого хотѣлось кабинету Беконсфильда-Дарби. Христіане были забыты, гарантіи были отброшены, реформы доводились до ничтожества и оставлялись на добрую волю самихъ Турокъ. Наконецъ, переговоры превратились въ комическія словопренія о томъ какъ поступить чтобы не задѣть щекотливости Турціи. Не отъ Порты, а отъ Россіи Англійскій кабинетъ требовалъ все новыхъ и новыхъ уступокъ, и, къ изумленію всей Европы и самой оппозиціи въ Англіи, встрѣтилъ съ этой стороны неимовѣрную податливость. Россія готова была согласиться на все что предлагалось Англіей. Единственное отдѣльное мнѣніе Россіи было во время предъявленія ультиматума настоявшаго на двухмѣсячномъ перемиріи, когда Англія, за одно съ Портой, стояла за пятимѣсячное. Но на дѣлѣ и въ этомъ состоялось по желанію Англіи: перемиріе растянулось на турецкій срокъ. Англія потомъ предложила конференцію, и конференція состоялась; противъ чего возражала Англія, то конференція тотчасъ же выбрасывала за бортъ; въ угоду ей вмѣсто военнаго занятія были придуманы гарантіи бумажныя, потомъ и отъ нихъ отказались. Когда и это не повело ни къ чему, Англіи вздумалось дать Турціи новый срокъ полной безнаказанности. Начались переговоры о протоколѣ. Англія захотѣла связать ихъ съ разоруженіемъ. И это допускалось на извѣстныхъ условіяхъ. И вотъ, послѣ всѣхъ

этихъ невѣроятныхъ успѣховъ политики торійскаго кабинета, когда христіане казалось совершенно покидались на произволъ Турокъ, все ради сохраненія мира, можетъ ли онъ сказать что эта цѣль по крайней мѣрѣ достигнута? Нѣтъ, англійскіе министры объявляютъ теперь что война неизбѣжна.

Изъ телеграфнаго изложенія англійскихъ преній не видно было ли обращено вниманіе на то что такому результату самъ лордъ Дарби содѣйствовалъ своею декларацією, показавшею Туркамъ что въ глазахъ Англіи протоколъ не имѣетъ никакого значенія и ни къ чему не обязываетъ Порту.

Что касается заявленія англійскихъ министровъ, то они переданы намъ весьма вразумительно, и они вполнѣ согласны какъ съ этою декларацією, такъ и со всѣми ихъ прежними фразами. Они высказываются съ циническою откровенностью. Сэръ-Стаффордъ Норткотъ утверждаетъ что Англійское правительство употребило свое нравственное давленіе на Турціею, но что его усилія были парализованы угрозами военнаго принужденія. Прямѣе нельзя было сказать что Англія не желаетъ чтобы Турокъ принуждали къ справедливому обращенію съ христіанами. Какое же „нравственное давленіе“ употребляла Англія, и что значитъ въ данномъ случаѣ нравственное давленіе? Англія могла развѣ только постараться увѣрить Турокъ чтобъ они не ждали отъ нея помощи. Но англійскіе министры очень хорошо знали что этому Турки не повѣрили бы особенно слыша какъ лордъ Дарби торговался за каждое слово протокола который самъ же объявилъ въ заключеніе не обязательнымъ для Порты, и видя множество Англичанъ считающихъ за честь служить ей, начиная съ Гобартъ-паши и кончая англійскими кочегарами на турецкихъ пароходахъ. Да англійскіе министры этого и не говорили. Тотъ же сэръ-Стаффордъ Норткотъ объявилъ что лордъ Дарби никогда не посылалъ Портѣ ноты съ предупрежденіемъ чтобъ она ни въ какомъ случаѣ не разчитывала на помощь Англіи. Въ чемъ же состояло „нравственное давленіе“ Англіи?

Военный министръ г. Гарди, чтущій неприкосновенность Турціи за догматъ религіи, тоже позволилъ себѣ расчувствоваться о христіанахъ, и сказалъ что Англія всегда дѣйствовала въ ихъ пользу въ согласіи съ другими державами. Но боясь чтобы не подумали что онъ взводитъ на себя напраслину, поспѣшилъ пояснить что, несмотря на свою симпатію къ христіанамъ, Англія не считаетъ себя призванною Богомъ воевать за нихъ. Но если Богъ не призывалъ Англичанъ защищать христіанъ, то не Богъ же призывалъ ихъ къ тому чтобы помогать ихъ угнетателямъ? Г. Гарди грозитъ что еще не произнесено послѣднее слово Англіи въ пользу мира, то-есть для огражденія Турціи. Это уже за два дня мы узнали изъ англійскихъ газетъ, что показываетъ какъ хорошо вліятельные органы печати въ Англіи посвящены въ тайны правительственной политики. Каково бы ни было это послѣднее слово, угроза имъ уже не смущаетъ насъ съ тѣхъ поръ какъ кончилась дипломатическая комедія...

Говорятъ, война неизбѣжна. Но вотъ послѣдняя новость: война уже начинается. Мы затруднялись переходомъ черезъ Дунай: Турки помогаютъ намъ. Они спѣшатъ къ намъ на встрѣчу. У Калафата они наводятъ мостъ черезъ Дунай...

Но вѣдь это со стороны Турокъ нарушеніе трактатовъ... Не обратиться ли къ европейскому концерту, дабы послать Портѣ совокупную ноту, съ тѣмъ что если она не приметъ, собраться снова pour aviser...

№ 79.

Москва, 4-го апрѣля.

А.

Итакъ, война... Была ли возможность избѣжать ея? Но избѣгать ея не слѣдовало. Если можно было предотвратить ее, то развѣ только политикой ультиматума, политикой Царскаго слова въ Кремлѣ, политикой чистаго отъ всякой политики христіанскаго движенія въ нашемъ народѣ, удивившаго и смутившаго нашихъ противниковъ. Вспомнимъ какъ мгновенно Порта покорилась рѣшительному требованію Россіи. Не было тогда рѣчи ни о достоинствѣ Турціи, ни о Парижскомъ договорѣ гарантирующемъ ея независимость. Порта безусловно приняла предписанный нашимъ Государемъ столь невыгодный ей срокъ перемирія, и отказалась отъ своего,

несмотря на британскую поддержку. Порта, мы увѣрены, согласилась бы на дѣйствительныя гарантіи въ пользу своихъ христіанскихъ провинцій, еслибы благовременно убѣдилась въ совершенной серіозности предъявленнаго ей требованія. Серіозное требованіе значитъ неуступчивое требованіе. Либо дѣйствительныя гарантіи, либо никакихъ. Послабленіе въ требованіи заставляло думать что мы не дорожимъ его предметомъ, или не чувствуемъ себя въ силахъ настоять на немъ. Согласились ли бы Турки на временное занятіе своихъ провинцій для водворенія въ нихъ лучшаго порядка? Туркамъ никогда не могло быть пріятно подобное вмѣшательство, но извѣстно что они уступали серіознымъ требованіямъ въ этомъ смыслѣ. Имъ надо было только увѣриться что мы сами увѣрены въ своемъ дѣлѣ. Но съ той минуты какъ пошла рѣчь о европейскомъ концертѣ, дѣло заколебалось, запуталось и—пропало. Одно изъ двухъ: или отстаивать дѣло христіанъ, или вступать въ согласіе съ англійскою политикой, такъ откровенно и такъ непримиримо ему враждебною. Дипломатія европейскаго концерта выбросила весь грузъ изъ своей барки, и занялась налегкѣ эволюціями которыя не имѣли для восточныхъ христіанъ никакого значенія, а Турокъ раздражали и возбуждали... Вмѣсто обезпеченія христіанъ, дипломатія поставила себѣ другую задачу, можетъ-быть очень почтенную, но не имѣющую ничего общаго съ первою: доказать миролюбіе Россіи. Не избавить безоружныя населенія отъ баши-бузуковъ, а доказать русское миролюбіе,—вотъ что вдругъ потребовалось. Вопросъ подмѣнился. Какъ тогда говорили, дѣло было перенесено на почву умѣренности. Въ какихъ же честолюбивыхъ и корыстныхъ видахъ должны мы были неумѣренно показывать свою умѣренность?

Если политика ультиматума могла предотвратить войну, то къ войнѣ неизбѣжно вела политика европейскаго концерта. Мы не имѣли завоевательныхъ цѣлей. Мы не хотѣли колебать основаній европейскаго порядка. У насъ была простая, безкорыстная и ясная цѣль, и съ чистою совѣстію могли мы приглашать всѣхъ къ содѣйствію намъ въ этой цѣли. Соглашеніе со всѣми есть дѣло пріятное, но соглашеніе со всякимъ могло быть у насъ только въ виду этой нашей цѣли. А европейскій концертъ составлялся на основаніи чужой программы и въ противныхъ нашимъ цѣлямъ видахъ. Что же вышло послѣдствіемъ? Убѣжденіе что Россія ищетъ только способа отступить приличнымъ образомъ, что она разстроена, разслаблена, безсильна, что она борется съ тяжкимъ внутреннимъ недугомъ. Мы доказывали наше миролюбіе, а у Турокъ прибывалъ духъ по мѣрѣ того какъ они обманчиво убѣждались въ слабости и неискренности Россіи, и фальшивый духъ возросъ у Турокъ до того что они уже не въ состояніи справиться съ нимъ. Они собрали и напрягли всѣ свои силы. Два года дипломатическихъ ухаживаній за ними подняли въ нихъ самоуваженіе до невѣроятной высоты, и теперь Порта не могла бы еслибъ и захотѣла пойти на мирное соглашеніе.

Итакъ, политика европейскаго концерта, политика уступокъ и мира во что бы ни стало роковымъ образомъ влекла насъ къ войнѣ. Напрасны были предостереженія, неотвратимое совершилось. Такъ было угодно Богу! Въ 1863 году (увы, мы забыли его уроки!) не было войны, но она была бы неизбѣжна еслибы великодушная рѣшимость нашего Государя не положила конецъ той поистинѣ самоубійственной политикѣ которой мы тогда слѣдовали въ нашихъ дѣлахъ... Это было счастіемъ, потому что война въ то время не имѣла смысла; она была бы напраснымъ кровопролитіемъ. Иное дѣло теперь! Возблагодаримъ Бога что Его святая воля судила намъ быть современниками великаго дѣла къ которому готовила Россію вся ея исторія. Искусная политика твердости привела бы насъ къ мирному исходу, но къ результатамъ несущественнымъ и малымъ. Политика уступокъ приводитъ насъ къ событіямъ великаго значенія. Но пусть же знаютъ миролюбцы что ихъ совѣты были не къ миру, а къ войнѣ. Да примирятся они съ этимъ какъ мы примиряемся съ послѣдствіями ихъ политики, и да почтутъ они въ себѣ орудіе Промысла который черезъ нихъ отнялъ разумъ у нашихъ враговъ...

На этихъ дняхъ, въ статьѣ писанной очевидно офиціознымъ перомъ, прочли мы слѣдующее: „Никакія дипломатическія но„ты, никакіе протоколы не принимаются „Портою до тѣхъ поръ пока она не по„лучитъ полной увѣренности что можетъ „быть принуждена силою оружія къ испол-

„нению того чего отъ нея требуютъ.“ Но зачѣмъ же не говорили вы такъ прежде, или зачѣмъ вы не слушали когда говорили вамъ это другіе? А теперь поздно проповѣдывать эти истины, потому что Порта сама называется на войну, которая стала для нея внутреннею необходимостью. То же офиціозное перо продолжаетъ: „Си„ла дружбы и степень уваженія западныхъ „державъ къ Россіи всегда были и будутъ „пропорціональны силѣ энергіи и твердости „въ преслѣдованіи своихъ цѣлей которую „обнаруживаетъ русская политика. Чѣмъ „неуклоннѣе стремилась наша политика къ „достиженію поставленной ею цѣли, чѣмъ „больше обнаруживала она сознанія дѣй„ствительныхъ интересовъ Россіи, тѣмъ „внушительнѣе были ея дѣйствія въ гла„захъ западно-европейскихъ державъ и „тѣмъ слабѣе ихъ противодѣйствіе.“ Но неужели вы только теперь убѣдились въ этомъ? Неужели же вы не вынесли этого убѣжденія изъ событій 1863 года? То же словоохотливое перо пишетъ далѣе: „Рус„ская политика будетъ пользоваться все„общимъ уваженіемъ если обнаружитъ „больше мужества и послѣдовательности „чѣмъ сколько выказали ихъ западно-евро„пейскія державы.“ Послѣднія слова прибавлены очевидно только для завершенія фразы, ибо западно-европейскія державы ничѣмъ не вызывались къ обнаруженію мужества и были весьма послѣдовательны въ своемъ смыслѣ. То же перо продолжаетъ: „Мы глубоко“ (даже глубоко!) „убѣж„дены что принятіе энергическихъ мѣръ „противъ Турціи подниметъ политическій „авторитетъ Россіи въ глазахъ Европы. „Наконецъ, только такимъ образомъ дѣй„ствіе Россіи въ состояніи удержать въ „опредѣленныхъ границахъ недружелюб„ныя намѣренія Западной Европы и еще „тѣснѣе связать съ своею судьбою дер„жавы согласныя идти съ нами объ руку „въ Восточномъ вопросѣ?“ Зачѣмъ же не пришли вамъ на умъ эти хорошія мысли въ то время когда вы, въ началѣ февраля, благимъ матомъ вопили чтобы Россія немедленно разоружилась и мужественно отступила какъ можно поспѣшнѣе? Вы говорите что Россія должна *настаивать* (и подчеркиваете это слово) на дѣйствительномъ улучшеніи участи христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова. Зачѣмъ же вы за два мѣсяца предъ симъ кого-то усиленно убѣждали поскорѣе бросить это дѣло? Вы не убѣдили тѣхъ кого хотѣли убѣдить. Но эта и подобная офиціозная ложь, разносимая по Европѣ телеграммами и литографированными листками агентства soidisant русскаго производила свое дѣйствіе и въ Константинополѣ и въ Лондонѣ, и ей тамъ вѣрили... Вы восклицаете: „Неужели всѣ недавнія великія реформы „сдѣлали Россію менѣе сильною и болѣе „уязвимою чѣмъ она была пятьдесятъ лѣтъ „назадъ? Возможно ли чтобы государствен„ный кредитъ Россіи находился въ худ„шемъ положеніи послѣ двадцатилѣтняго „мира чѣмъ онъ былъ въ началѣ нынѣш„няго столѣтія послѣ семнадцатилѣтнихъ „безпрерывныхъ международныхъ войнъ? „Нѣтъ, современная Россія не представля„етъ ни недостатка производительныхъ „силъ, ни разстройства всѣхъ отраслей „государственной администраціи, ни арены „для какой бы то ни было революціонной „пропаганды.“ Такъ говорите вы теперь. Не тѣ рѣчи слышали мы прежде. Съ негодованіемъ читали мы въ иностранной печати глумленія надъ Россіей, надъ ея безсиліемъ, надъ ея финансовымъ разстройствомъ, читали поруганія Русскаго народа будто бы преисполненнаго элементовъ страшной революціи; но намъ было жутко слышать тѣ же рѣчи вокругъ себя, и мы недоумѣвали гдѣ ихъ источникъ—у насъ или тамъ гдѣ онѣ печатались?

Теперь вы можете говорить что хотите. Время ваше кончилось. Вы уже сдѣлали свое дѣло. Война неизбѣжна. Восточный вопросъ выступаетъ изъ тѣсныхъ границъ въ которыхъ онъ доселѣ заключался, и никто не можетъ предвидѣть какъ онъ разыграется. Возложимъ на Бога наши упованія! Мы сильны правотою, безкорыстіемъ, святостью нашего дѣла. Наши интересы въ этомъ дѣлѣ—интересы человѣчества и христіанства.

Б.

Въ Англійскомъ парламентѣ въ нынѣшнемъ году то и дѣло происходятъ куріозныя объясненія и сцены. Трудно вообразить себѣ какими недостойными и жалкими уловками стараются въ странѣ якобы свободнаго слова всячески заглушить истину которую непріятно слышать турецкимъ пашамъ засѣдающимъ въ Вестминстерѣ. Читатели вѣроятно не забыли какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ былъ заглушенъ голосъ

полковника Мьюра дерзнувшаго одобрительно заикнуться о Сербахъ, а также запросъ сэръ-Джорджа Кампбелла объ англійскомъ позорной памяти офицерѣ Валентинѣ Бекерѣ, нынѣ организаторѣ турецкой жандармеріи. 9 апрѣля, въ Британской Палатѣ Общинъ, произошли не менѣе замѣчательныя объясненія. На дняхъ въ *Manchester Guardian* были напечатаны разказы одного корреспондента о новыхъ случаяхъ насилій совершенныхъ Турками въ Босніи и въ Герцеговинѣ. По этому поводу г. Дженкинсъ сдѣлалъ запросъ правительству, получило ли оно какія-либо свѣдѣнія объ этихъ случаяхъ отъ консула ея величества. Подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ, объявилъ что давно уже поручено консулу Гольмзу доносить о всякихъ насиліяхъ и жестокостяхъ, и что по его донесеніямъ о таковыхъ ничего не слышно въ Босна-Сераѣ. Г. Боркъ прочелъ длинныя выписки изъ послѣднихъ депешъ консула Гольмза, исполненныя брани противъ „славофиловъ“ и „разбойниковъ,“ какъ величаетъ консулъ боснійскихъ инсургентовъ.

Когда кончилось чтеніе, г. Форстеръ все-таки пожелалъ узнать спрашивало ли правительство г. Гольмза по телеграфу не вообще, а именно о двухъ упомянутыхъ случаяхъ. Тотъ же правительственный ораторъ повторилъ что консуламъ поручено доносить вообще, а что касается частныхъ случаевъ, то справляться о нихъ по телеграфу стоило бы слишкомъ много денегъ, а не было бы „никакой существенной выгоды.“ Г. Форстеръ не унялся, и еще разъ потребовалъ отвѣта о двухъ данныхъ случаяхъ. Тогда г. Боркъ сказалъ что спеціальнаго освѣдомленія о данныхъ случаяхъ правительство не требовало, „потому что въ этомъ не было надобности.“

Каково вамъ покажется это объясненіе!

Впрочемъ, г. Гольмзъ знаменитъ своими донесеніями. Въ прошедшемъ году два Англичанина, каноникъ Лиддонъ и докторъ Макъ-Коль, плывя на австрійскомъ пароходѣ по Савѣ, лично видѣли, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, трупъ человѣка посаженнаго на колъ, и обнародовали этотъ фактъ въ газетахъ. Оба путешественника, кромѣ того, въ своихъ письмахъ ссылались на австрійскаго епископа Штросмайера, который отъ католическихъ священниковъ получалъ многія сообщенія о сажаніи Турками на колъ христіанъ. Когда обратились за разъясненіями къ г. Гольмзу, то онъ объяснилъ что оба путешественника „были жертвой оптическаго обмана“ и приняли за человѣка посаженнаго на колъ *бобы* которые вѣшаются на палку для сушки! Когда же это объясненіе показалось слишкомъ неправдоподобнымъ, и очевидцы съ негодованіемъ возразили что они не могли принять *бобы* за *человѣка*, то неистощимая изобрѣтательность г. Гольмза придумала другое. Въ такомъ случаѣ, писалъ онъ, вѣроятно они просто видѣли Турка взобравшагося на шестъ чтобы посмотрѣть что дѣлается въ полѣ!

И эти Гольмзы и Борки—представители цивилизаціи! Что же такое эта цивилизація и чего она стóитъ?

№ 80.

Москва, 5-го апрѣля.

Случайно попали намъ въ руки два нумера одной провинціальной англійской газеты, *Scotsman*, отъ 30 и 31 марта, въ которыхъ мы прочли два весьма интересныя письма о Восточномъ вопросѣ. Авторъ ихъ, что такъ рѣдко встрѣчается въ англійской печати, весьма сочувственно и справедливо относится къ Россіи и строго критикуетъ политику своей страны, которая враждебна къ угнетеннымъ христіанамъ и такъ ревностно поддерживаетъ угнетателей мусульманъ. Письма эти невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, тѣмъ болѣе что это не одни разсужденія, а въ нихъ приводится на память былое.

Начать съ того что авторъ, какъ видно изъ его писемъ подобно многимъ другимъ Англичанамъ, самъ посѣтилъ Турцію. Впрочемъ, состояніе ея такъ хорошо извѣстно въ Англіи что авторъ о немъ и не распространяется. Его задача раскрыть ничтожность побужденій коими стараются оправдать англійскую политику. Главнѣйшій доводъ защитниковъ Турціи есть предполагаемая опасность для Индіи въ случаѣ если Россія окажется побѣдоносною въ войнѣ съ Оттоманскою имперіей. Но авторъ припоминаетъ что еще въ 1861 году, за десять лѣтъ до отреченія Россіей отъ Парижскаго трактата, газета *Times* признавалась: „Никогда не дѣлалось столько усилій для ничего не стóящей цѣли. Невольно

но приходится признаться что гигантское усиліе было сдѣлано, и несчетныя жертвы были принесены напрасно.“ Къ тому же не только де всѣ возгласы о честолюбіи Россіи бездоказательны, но множество фактовъ являются доказательствами въ противномъ смыслѣ. „Россія,“ пишетъ авторъ, и терпѣ„ливо ждала цѣлые годы исполненія лживыхъ „обѣщаній султана данныхъ болѣе двадцати „лѣтъ тому назадъ, оказать справедливость „ея единовѣрцамъ и единоплеменникамъ; она „умѣрила свои весьма разсудительныя тре„бованія далѣе того что могли бы считать „возможнымъ самые пылкіе друзья Турціи, „даже до готовности въ извѣстной степе„ни пожертвовать своимъ достоинствомъ и „послѣдовательностью чтобы сойтись со „взглядами другихъ державъ, и въ особен„ности Англіи; и теперь, когда причина „спора была признана серіозною и спра„ведливою, когда Турція презрительно, над„менно и безразсудно отвергла единодуш„ныя предложенія державъ, я не вижу ка„кимъ образомъ мы могли бы имѣть право „помѣшать Россіи въ ея благородномъ по„рывѣ наложить на Порту рѣшенія кон„ференціи, даже еслибы результатомъ этого „могло быть немедленное паденіе Отто„манской имперіи и занятіе Константино„поля Россіей.“ Что касается до безсовѣстно возводимыхъ (слова автора) обвиненій на Россію въ безграничномъ честолюбіи, въ жаждѣ корысти и въ жестокости, якобы изобличаемыхъ русскими дѣйствіями въ Средней Азіи, то авторъ ссылается на брошюру г. Гладстона о русской политикѣ въ Туркестанѣ, на сочиненія гг. Скайлера и Макъ-Геэна (Mac-Gahan) и на донесеніе китайскаго посланника своему императору, доказывающія совершенно противоположное тому что нравится говорить англійскимъ борзописцамъ. Наконецъ, продолжаетъ онъ, не надо забывать что честолюбивая Россія продала за ничтожную цѣну всѣ свои американскія владѣнія Соединеннымъ Штатамъ, и неоднократно возвращала Турціи и Персіи провинціи которыя были ею заняты и могли быть присоединены; и ей ничего бы не стоило, будь она въ самомъ дѣлѣ такъ безмѣрно честолюбива, какъ утверждаютъ, завоевать Китай, съ населеніемъ вдвое превосходящимъ Индію, сопредѣльный съ Россіей и потрясенный возстаніемъ Тайпинговъ.

Второе письмо еще интереснѣе. Въ немъ сгруппированы историческіе факты, которые вовсе не подтверждаютъ чтобы поддержаніе Турціи было по преданію ведущеюся политикой Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1806 году Англія сама вела войну противъ Турціи. Въ 1812 году она не протестовала противъ уступки Россіи всей Бессарабіи. Въ 1827 году она, вмѣстѣ съ Россіей, уничтожила турецкій флотъ при Наваринѣ и содѣйствовала установленію греческой независимости, хотя герцогу Веллингтону очень не нравилась греческая революція. Въ 1830 году Англія допустила завоеваніе Алжиріи Франціей, что лишило Турцію обширной провинціи и значительной дани. Затѣмъ, въ 1832 году, когда египетскій паша возмутился противъ султана, и когда его сынъ Ибрагимъ завоевалъ Сирію и Малую Азію и былъ всего уже въ 30 миляхъ отъ Константинополя, Англія отказала въ помощи Туркамъ, и они принуждены были молить о помощи Россію, которая отправила эскадру и армію, занявшую Константинополь съ полнаго согласія Англіи. Въ 1839 году, Египетскій паша опять возмутился, и тогда Англія, промедливъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ первый разъ поддержала Турцію, рискуя войной съ Франціей. Положеніе Англіи въ то время было весьма критическое, и однако Россія, вмѣсто того чтобы соединиться съ Франціей и Египтомъ и такимъ образомъ легко обезпечить себѣ завладѣніе Константинополемъ, присоединилась, напротивъ, къ Англіи чтобы силой оружія поддержать цѣлость Оттоманской имперіи. Что касается до Крымской войны, въ которой Англія впервые силой поддерживала Турцію противъ Россіи и съ величайшимъ трудомъ имѣла успѣхъ, при помощи Французовъ, Сардинцевъ и Турокъ, и при косвенной помощи Австрійцевъ, занявшихъ княжества, то эта война ослабила Турцію и разстроила ея финансы гораздо болѣе чѣмъ то могла бы сдѣлать уступка большой территоріи.

Прослѣдивъ такимъ образомъ исторически политику Англіи и Россіи въ отношеніи къ Турціи, авторъ въ заключеніе произноситъ такое сужденіе о нерѣшительной и непослѣдовательной англійской политикѣ, которая слыветъ традиціонною: „Только наша эгоистическая и безразсуд„ная политика помѣшала турецкимъ хри„стіанамъ освободиться отъ мусульманской „жестокости и угнетенія болѣе пятидеся„ти лѣтъ тому назадъ, и бо́льшая часть

„звѣрствъ Греческой войны за независи-„мость была бы предотвращена безъ не-„обходимости для насъ вступать въ войну, „еслибы мы не удерживали Россіи нашими „совѣтами и опасеніемъ нашего вмѣша-„тельства въ пользу Турокъ. Или мы были „неправы уничтоживъ турецкій флотъ при „Наваринѣ и такимъ образомъ установивъ „Греческую независимость, или если, какъ „я полагаю, мы были правы, то мы долж-„ны были бы совершить это нѣсколько „лѣтъ ранѣе, и такимъ образомъ спасти „около третьей части населенія Греціи отъ „смерти или рабства, чѣмъ мы также пред-„отвратили бы жертву жизнью сотенъ ты-„сячъ нашихъ уважаемыхъ друзей Турокъ „которые погибли въ этой безнадежной „борьбѣ. Позорныя и безпримѣрныя избі-„енія въ Хіосѣ имѣли послѣдствіемъ убій-„ство 25.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ „45.000 женщинъ и дѣтей были проданы „въ рабство, а 15.000 бѣжали, и изъ „85.000 жителей только 1.800 остались „въ живыхъ. А между тѣмъ мы не толь-„ко не вступались, но нѣсколько лѣтъ мы „мѣшали другимъ націямъ положить ко-„нецъ звѣрствамъ, въ сравненіи съ кото-„рыми Дагомейскіе обычаи кажутся ми-„лосердыми.“

Всѣ эти фактическія указанія теперь очень кстати, и подобныя разъясненія, основанныя на историческихъ данныхъ и не подлежащія спору лучше всего способны разсѣять туманъ лжи распускаемой про Россію и содѣйствовать распространенію въ массахъ Англійскаго народа здраваго понятія о возмутительной политикѣ его нынѣшняго правительства. Но сейчасъ же невольно является мысль: какое вліяніе могутъ имѣть письма напечатанныя въ мало распространенной шотландской газетѣ? Подумаютъ что это письма анонимныя или писанныя безвѣстнымъ авторомъ. Нѣтъ, авторъ ихъ есть *членъ парламента* сэръ-Джонъ Синклеръ. Мы помнимъ что прежде, напримѣръ во франко-германскую войну, письма его печатались въ *Times*. Какъ же объяснить себѣ что онъ избралъ теперь для своихъ писемъ мало кому извѣстную шотландскую газету, особенно когда онъ излагаетъ вещи интересныя для его соотечественниковъ и по современному вопросу который занимаетъ всѣ умы? Неужели должно предположить что даже членъ парламента въ Англіи не имѣетъ возможности напечатать ни въ одной изъ вліятельныхъ газетъ ничего благопріятнаго для Россіи? Да, такъ. Мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія что лондонскія газеты положительно отказываютъ въ помѣщеніи сообщеній несогласныхъ съ идеями и видами господствующими въ правительственныхъ сферахъ Англіи. Въ этомъ отношеніи англійская печать далеко ушла отъ прошлогодняго осенняго взрыва митинговъ для заявленія сочувствія христіанамъ. Митинги эти смутили руководящія сферы, и политическая дисциплина подтянула общество чтобы не допустить повторенія подобной „аріи“ сентиментализма. Еще собственные корреспонденты нѣкоторыхъ газетъ продолжаютъ изрѣдка сообщать кое-что о турецкихъ безчинствахъ; лицамъ же постороннимъ газетные столбцы открываются только для выраженія мнѣній извѣстнаго направленія. Исключенія допускаются развѣ только для такихъ авторитетовъ какъ г. Гладстонъ...

Скажемъ болѣе: Даже произносимыя въ парламентѣ его членами рѣчи, въ которыхъ высказывается сочувствіе Россіи или восточнымъ христіанамъ, не находятъ себѣ мѣста въ печати. Онѣ передаются въ отчетахъ о парламентскихъ засѣданіяхъ съ сокращеніями и измѣненіями, которыя лишаютъ ихъ не только силы, но нерѣдко и смысла. Такъ рѣчь г. Мьюра, который позволилъ себѣ выразить горячее сочувствіе Сербамъ, газеты передали въ десяти строчкахъ, ссылаясь на то что репортеръ будто не могъ записать ее по причинѣ шума въ палатѣ...

№ 81.

Москва, 6-го апрѣля.

А.

Теперь когда дѣла вступили въ критическій моментъ и взрывъ считается неизбѣжнымъ, начинаются оглядки и перекоры. Англичане на Россію возлагаютъ отвѣтственность за войну: вотъ результатъ всѣхъ усилій дипломатіи доказать миролюбіе Россіи! вотъ къ чему привела наша уступчивость старавшаяся во всемъ сообразоваться съ программой англійской политики! Все дѣлалось по ея указаніямъ и настояніямъ. Она отвергла Берлинскій меморандумъ; она сдѣлала все возможное чтобы произошло

столкновеніе между Портой и княжествами, находя очень полезнымъ *some fighting* между ними. Она произвела революцію въ Константинополѣ, она зарѣзала султана, она совершила въ Болгаріи неистовства которымъ нѣтъ имени и которыя оставили далеко за собою звѣрства въ Индіи надъ Англичанами во время бунта сипаевъ. Она отказалась отъ демонстраціи противъ Турокъ, даже флотской, въ которой предоставлялось ей первенство. Она предложила конференцію въ Константинополѣ которая, какъ торжественно объявлено британскими министрами въ парламентѣ, была комедіей въ поруганіе надъ милліонами христіанскихъ населеній и надъ Россіей. Она поощряла сопротивленіе Турокъ всѣмъ, даже ничтожнымъ, требованіямъ клонившимся къ мирному разрѣшенію вопроса. При подписаніи самаго незначащаго изъ всѣхъ когда-либо подписанныхъ дипломатическихъ актовъ, она возбудила вопросъ о разоруженіи Россіи, и вызвала декларацію которую тотчасъ же затѣмъ признала несогласною съ достоинствомъ Порты, и побудила ее отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ на это заключительное дѣйствіе европейскаго концерта. Сами Англичане съ удивленіемъ находятъ что всѣ дѣйствія политики ихъ правительства клонились къ возбужденію войны. И вотъ, тѣмъ не менѣе, они возлагаютъ отвѣтственность за войну на Россію. Сейчасъ только въ руководящемъ органѣ Лондонскаго Города прочли мы интересныя строки объ этомъ. Русскій народъ и Турецкій народъ, видите ли, это два дикіе звѣря, пламенѣющіе взаимною злобой и ежеминутно готовые ринуться другъ на друга. Пусть будетъ Россія дикій звѣрь; но мы заступимся за Турокъ. У Турокъ есть какая-нибудь вѣра; сталобыть они не совсѣмъ дикій звѣрь, который не знаетъ иныхъ побужденій кромѣ животныхъ и ничего кромѣ себя не признаетъ. Дикій звѣрь, это политика Англіи которая не знаетъ иныхъ побужденій кромѣ себялюбія. Не объявилъ ли недавно одинъ изъ министровъ ея британскаго величества что Богъ не возлагалъ на Англію обязанности спасать погибающихъ, и что она призвана заботиться только о своихъ интересахъ,—какъ будто интересы какой-либо страны и какого бы то ни было человѣка могутъ считаться уважительными, если они сталкиваются съ основными требованіями человѣческой нравственности!.. Скажите, въ чемъ же ваше отличіе отъ дикаго звѣря, съ которымъ вы такъ презрительно отождествляете Турокъ? Не въ томъ ли только что вы инстинктамъ дикаго звѣря подчиняете дары человѣческой природы? Не въ томъ ли что вы дикому звѣрю отдали въ услуженіе вашъ разумъ? Не въ томъ ли что вы создали условную нравственность для прикрытія наготы звѣря и систему лицемѣрія вмѣсто вѣры для его удобства? Не въ томъ ли что вы приносите золотому тельцу въ жертву и справедливость, и истину? Вы не можете сказать слова въ оправданіе вашихъ интересовъ не прибѣгая ко лжи отъ которой покраснѣлъ бы и звѣрь еслибъ онъ могъ краснѣть. Сейчасъ привели мы недавно сказанное въ парламентѣ циническое слово что Богъ не уполномочивалъ Англію спасать христіанъ преданныхъ гнуснѣйшему порабощенію. Но зачѣмъ же призываете вы всуе имя Бога и выставляете себя призванными защитниками попранныхъ правъ человѣчества, когда рѣчь идетъ о торговлѣ Неграми?..

Въ Россіи, говоритъ лондонскій глашатай, есть немногочисленная партія мира. „Есть люди въ С.-Петербургѣ,“ говоритъ онъ, „которые также ясно какъ и всякій Англичанинъ“ (великая въ настоящемъ случаѣ хвала для Русскихъ!) „видятъ трудности и опасности войны — упадокъ финансовъ, разстройство промышленности, возможность что упоеніе побѣды либо бѣшенство пораженія причинитъ какое-либо странное преобразованіе въ государствѣ...“ Въ самомъ дѣлѣ, какая честь русскимъ людямъ, которые на дѣла Россіи смотрятъ тѣми же глазами какъ и Англичане! Въ виду всѣмъ извѣстнаго доброжелательства Англичанъ къ Россіи, какъ поучительно это соревнованіе съ ними предполагаемыхъ русскихъ людей въ заботахъ о нашихъ финансахъ, о нашей промышленности, о судьбахъ нашего государства!

Но партія войны въ Россіи, что же это за партія? „Партія войны въ Россіи,“ продолжаетъ то же перо, „есть, по правдѣ сказать, вся русская нація.“ Слава Богу! виновникъ войны найденъ. Но въ чемъ же обнаружилось это воинственное настроеніе всей русской націи? Она приняла къ сердцу то что вы же сами назвали „ужасами;“ въ этомъ народѣ, который вы осмѣливаетесь честить дикимъ звѣремъ, сказалась душа, въ немъ открылась святыня любви христіанской, которая влекла послѣдняго ни-

щаго нести свою лепту на пользу страждущимъ братьямъ, которая отрывала мужа отъ жены, отца отъ дѣтей, сына отъ матери и стремила ихъ на помощь погибавшимъ, — святыня милосердія разлившаяся во всемъ Русскомъ народѣ,—да во всемъ, начиная отъ вершины до самыхъ глухихъ деревенскихъ убѣжищъ... Объ этой святынѣ говоритъ вамъ ваша религія отъ которой вы отреклись. Предъ ней преклонялись лучшіе умы вашей страны, которымъ она обязана своимъ гордымъ положеніемъ и всѣми выгодами вашей цивилизаціи. И вотъ эта святыня совершилась предъ вами наяву, въ простотѣ и смиреніи сердца, среди того народа который вы безстыдно называете звѣремъ. Гдѣ ваше основаніе утверждать что источникомъ этого чистаго движенія была злоба? Откуда взяли вы ваши показанія о фанатизмѣ Русскаго народа? Вѣдь вы знаете что среди его живутъ мирно, безопасно и счастливо милліоны мусульманскаго населенія, и вы никогда не слыхали чтобы между Русскимъ народомъ и этими иновѣрцами бывало что-либо похожее на тѣ столкновенія которыя такъ часто бывали у васъ въ Ирландіи. Что касается Турціи, то не вы ли еще такъ недавно злобствовали на то что Россія и Турція жили въ ладахъ между собою, и не вы ли старались всѣми мѣрами разстроить добрыя отношенія которыя установились между обоими правительствами? Наконецъ, вы сами же отдаете справедливость той партіи мира въ Россіи которая смотрѣла глазами Англичанъ и дѣйствовала согласно съ ихъ программой: отчего же эта одобряемая вами система дѣйствій не привела къ миру? Не въ томъ ли стало-быть надо искать причины войны что политика европейскаго концерта, въ которую вовлечена была Россія, сообразовалась съ вашими воззрѣніями и шла указаннымъ вами путемъ? Нѣтъ, война требовалась не Россіей; вы это хорошо знаете. Но Россія никогда не уклонялась отъ вызова и, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ, никогда не обнажала она меча своего за болѣе правое дѣло. Она и теперь, какъ всегда, обнажаетъ свой мечъ только для защиты—не своей, но дѣла по истинѣ святаго, которое вы сами такъ не разумно отождествили съ ея интересами. Вы правы: Русская нація единодушна въ этомъ дѣлѣ, и нѣтъ жертвы которой она не принесла бы для его торжества. Вы это увидите вскорѣ, и вы поймете какъ ошибочны были ваши темные разчеты. Не надъ Турціей одною совершится судъ; онъ отзовется и на васъ...

Б.

Въ Лондонѣ и теперь уже ходятъ смутные толки что руководители нынѣшней политики Англіи были только орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и что они дѣйствовали вовсе не въ интересахъ своей страны какъ имъ казалось.

Въ полученномъ нами сегодня листкѣ одной провинціальной англійской газеты, *Manchester Guardian*, прочли мы слѣдующее куріозное телеграфное сообщеніе изъ Лондона свидѣтельствующее о томъ какъ смущено и встревожено тамъ общественное мнѣніе. „Хотя,“ гласитъ эта телеграмма, „отверженіе протокола было дѣломъ „перваго движенія Турокъ и произошло бы „во всякомъ случаѣ; но рѣшеніе Порты „было подкрѣплено, если свѣдѣнія мои вѣр„ны, сообщеніемъ полученнымъ ею отъ гер„манскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Увѣ„ряютъ, какъ это ни кажется невѣроят„нымъ, что германскій канцлеръ совѣто„валъ Портѣ отказать Россіи въ ея тре„бованіяхъ. Если это такъ, то это въ выс„шей степени важно. Я не могу гаранти„ровать вѣрность этого свѣдѣнія, но оно „идетъ изъ такого хорошаго источника что „я не могу не сообщить его.“

№ 82.

Москва, 7-го апрѣля.

Англія, судя по заявленіямъ ея правительства и печати, не хочетъ воевать, по крайней мѣрѣ въ первое время. Внесенный на дняхъ въ парламентъ бюджетъ на текущій годъ не изобличаетъ воинственныхъ намѣреній. Несмотря на уменьшающійся доходъ вслѣдствіе общаго застоя дѣлъ, чувствительно отразившагося и на Англіи, канцлеръ казначейства внесъ самый скромный бюджетъ, удовольствовавшись предполагаемымъ излишкомъ около 200.000 ф. ст., и не возвысивъ ни одного налога, хотя всѣ ожидали что по крайней мѣрѣ будетъ повышенъ акцизъ, въ виду того что и по прошлогодней смѣтѣ Англія совершенно случайно избѣгла де-

фицита, такъ какъ всѣ главные источники доходовъ дали менѣе чѣмъ по смѣтѣ предполагалось, а расходы увеличились сверхсмѣтными суммами, и дефицитъ пополнился только случайнымъ увеличеніемъ разныхъ (*miscellaneous*) доходовъ, которые обыкновенно бываютъ самою неподвижною частью бюджета. Конечно, скромный бюджетъ никого не введетъ въ заблужденіе. Надо было угодить публикѣ въ ту минуту когда всѣ болѣе или менѣе расположены критически отнестись къ политикѣ правительства. Парламентъ же будетъ засѣдать до августа; слѣдовательно, правительство всегда будетъ имѣть возможность испросить сверхсмѣтные кредиты. Можно думать что таковые будутъ назначены для покрытія не только новыхъ непредвидѣнныхъ случайностей, вслѣдствіе возможныхъ политическихъ усложненій, а весьма вѣроятно и для покрытія тѣхъ расходовъ которые уже теперь предусмотрительно производятся. Невозможно же допустить чтобы, напримѣръ, содержаніе въ теченіе года цѣлаго флота британскихъ броненосцевъ въ Средиземномъ морѣ, а особенно восьмимѣсячная стоянка его въ неудобной Безикской бухтѣ, куда по телеграфнымъ извѣстіямъ, онъ вновь отправляется, могло покрываться обычнымъ бюджетомъ мирнаго времени. Это однако укрывается, и до сей минуты Англія не обнаруживаетъ намѣренія принять участія въ войнѣ. Если вѣрить нѣкоторымъ фразамъ, то она какъ бы умышленно желаетъ на первое время остаться въ сторонѣ, заявляя будто до ея интересовъ дѣло еще не такъ скоро дойдетъ, что оно прежде касается ближайшихъ къ Турціи континентальныхъ державъ.

Но какъ объяснить что англійская печать вдругъ, тотчасъ послѣ подписанія протокола, когда оказалось что онъ не можетъ отвратить войны, съ такою злобой и съ такою бранью обрушилась на Россію, обзывая русскія войска „плотоядными собаками,“ какъ будто ожидаемая война была особымъ дѣломъ между Россіей и *Англіей*?

Страннѣе всего что въ своихъ доходящихъ до неприличія нападкахъ на Россію, англійская печать становится на почву протокола. Документъ этотъ умеръ и погребенъ въ самую минуту своего рожденія на свѣтъ. Несмотря на то что англійскими министрами было заявлено въ парламентѣ что отвѣтъ данный Портой на этотъ документъ неудовлетворителенъ и не таковъ чтобы способствовать мирной развязкѣ, англійская печать утверждаетъ что онъ вовсе и не предназначался для Порты, а былъ де обязателенъ только для одной Россіи. Это, видите ли, былъ не болѣе какъ документъ между всею Европой и Россіей, при которомъ Порта была, такъ-сказать, совершенно постороннимъ зрителемъ. И вотъ, съ невообразимымъ безстыдствомъ лондонская печать вопитъ на всѣ лады что Европа вдалась въ обманъ, повѣривъ будто Россія желаетъ избѣгнуть войны, тогда какъ она вовсе не имѣетъ въ виду исполнить данное ею Англіи обѣщаніе.

Для будущаго историка нынѣшней эпохи имѣются обильныя доказательства что англійская политика дѣлала все что было въ ея средствахъ чтобы сдѣлать войну неизбѣжною. Чего въ послѣднихъ переговорахъ добивалась Англія? Разоруженія Россіи. Но какимъ доводомъ всего болѣе подкрѣплялось это требованіе? Говорили что это необходимо чтобы предотвратить столкновеніе съ Турціей, ибо могутъ де случиться новыя избіенія и тогда стоящая въ готовности русская армія неудержимо устремится для наказанія убійцъ. Это по крайней мѣрѣ откровенно; но не есть ли это самый сильный доводъ противъ разоруженія.

Полное несоотвѣтствіе дѣйствій англійской политики съ ея мирными заявленіями не можетъ не возбуждать удивленія людей безпристрастныхъ. Спеціальный корреспондентъ *Daily News*, въ послѣднемъ своемъ письмѣ изъ Петербурга, справедливо замѣчаетъ что именно требованія Англіи касательно русской демобилизаціи сдѣлали сохраненіе мира послѣ подписанія протокола гораздо болѣе затруднительнымъ чѣмъ до того. Мотивы дѣйствій англійскихъ министровъ представляются ему рѣшительно непостижимыми. Приводимъ его слова: „вопервыхъ, лордъ Дар„би и лордъ Беконсфильдъ забрали себѣ „въ голову что Россія рѣшилась избѣг„нуть войны во что бы ни стало и какою „бы то ни было цѣной для своей чести и „значенія. Они увѣрились что Россія не „въ состояніи воевать даже съ Турціей; „что ея армія не вполнѣ организована; „что у ней нѣтъ денегъ, нѣтъ запасовъ, „нѣтъ обозовъ, нѣтъ транспортовъ; сло-

„вомъ, что она не въ состояніи воевать „даже съ шатающеюся Оттоманскою им„періей. Имъ думалось что причиной по„чему Россія оказывалась такою сговор„чивою, столь желающею избѣжать вой„ны, было сдѣланное ею открытіе что она „не можетъ воевать. Поэтому, они и рѣ„шились унизить ее сколь возможно бо„лѣе; ибо, по странной логикѣ характе„ризующей государственныхъ людей этой „школы, они вѣрятъ, въ одно и то же „время, въ совершенную гнилость и сла„бость Россіи, и въ неминуемую опасность „что Россія захватитъ не только Босфоръ, „но и всю нашу Индійскую имперію; они „могутъ вѣрить что этотъ сѣверный ко„лоссъ угрожаетъ безопасности Европы, „и въ то же время что онъ слишкомъ „слабъ чтобы справиться съ такимъ сла„бымъ врагомъ какъ Турція.“

Зачѣмъ же Англія, при ея увѣренности въ безсиліи Россіи справиться съ Турціей, нужно было такъ непремѣнно добиваться нашего униженія? Но требованіе чтобы Россія разоружилась было не простое желаніе добиться дипломатическаго торжества и только унизить Россію, а болѣе серіозный разчетъ, который и отдается теперь въ злобѣ англійской печати. Самые завзятые изъ туркофильскихъ органовъ готовы допустить чтобы протоколъ считался пожалуй какъ бы актомъ въ отмѣну Парижскаго трактата на случай какихъ-либо возможныхъ происшествій въ отдаленномъ будущемъ, тогда быть-можетъ больнаго человѣка и на свѣтѣ не будетъ,— но цѣной этого должно де быть немедленное разоруженіе Россіи. Въ переводѣ на понятный языкъ это означаетъ вотъ что: Англія давно извѣрилась въ возможности возрожденія Турціи и считала войну неизбѣжною. Но русская готовая армія ей бѣльмо въ глазу. Поэтому, всѣ интриги англійской политики, съ одной стороны, ускоряли событія прежде чѣмъ безсильная и разстроенная, по ихъ мнѣнію, Россія могла мобилизовать достаточную армію, а послѣ того, спекулируя на наше миролюбіе, интриги были направлены къ тому чтобы добиться разоруженія. Англійская печать потому такъ теперь и злобствуетъ что этой политикѣ не удалось чтобы неминуемый, угрожающій Турціи кризисъ засталъ Россію совершенно врасплохъ и неприготовленною.

№ 83.

Москва, 8-го апрѣля.

13 апрѣля, какъ уже намъ извѣстно изъ телеграммъ, въ англійской Палатѣ Общинъ были пренія по поводу протокола и его послѣдствій. Иностранная почта запаздываетъ въ послѣднее время, и мы только сегодня получили англійскія газеты съ изложеніемъ этихъ преній. Въ общемъ направленіи ихъ мы не ошиблись.

Оппозиція представляла собою голосъ разума и совѣсти, но звучавшій слабо и бездѣйственно, безпрерывно заглушаемый припадками безумія и страстями. Она высказала всю правду, но правду мертвую, которая своимъ появленіемъ только усиливаетъ впечатлѣніе лжи и ничего не поправляетъ.

Въ критическую минуту когда вопросъ о войнѣ колеблется на вѣсахъ, оппозиція ясно видя безобразіе и несостоятельность политики своей страны, не рѣшилась поставить вопросъ о порицаніи министерству. Подъ предлогомъ требованія сообщить парламенту новые дипломатическіе документы, въ особенности по поводу переговоровъ о протоколѣ, она только прослѣдила критически всѣ дѣйствія англійской политики за полтора года дипломатическихъ усилій, и показала что они привели не къ тому чего хотѣло на словахъ министерство, а совершенно къ противному. Министерство говорило что оно заботилось болѣе всего о сохраненіи мира, а вотъ война неизбѣжна. Оно говорило что желаетъ улучшенія участи христіанъ Турціи и считаетъ это необходимымъ для обезпеченія общаго спокойствія, но ровно ничего для этой цѣли не сдѣлало. Оно говорило что требуетъ наказанія виновниковъ избіеній, а они здравы, невредимы и торжествуютъ. Оно стояло за святость и нерушимость трактатовъ 1856 года, а подписало протоколъ который въ противорѣчіи съ этими трактатами. Оно трепетало за независимость и неприкосновенность Турціи, и сдѣлало такъ что подвергло ее неминуемой опасности, ибо, подписывая протоколъ который долженъ былъ отвратить эту опасность, лордъ Дарби тотчасъ же своею неумѣстною декларацією уничтожилъ его значеніе въ глазахъ Турціи и тѣмъ поощрилъ ее къ сопротивленію. Правительство не довѣряло Россіи и стремилось замѣнить ея отдѣль-

ное дѣйствіе европейскимъ концертомъ, который долженъ былъ безъ войны и потрясеній принудить Турцію къ исполненію того что необходимо для спокойствія Европы. Прекрасно, говоритъ оппозиція, мы и сами не довѣряемъ Россіи, но мы утверждали что для противодѣйствія ея замысламъ нужно взять дѣло въ свои руки, а каковъ былъ результатъ вашего дѣйствія, каковъ результатъ пресловутаго европейскаго концерта? Вы сами, то-есть Британское правительство, вашими поступками разстраивали европейскій концертъ и лишали его всякаго вліянія на Турокъ: вы отклонили Берлинскій меморандумъ; вы посылали флотъ въ Безику для того, какъ говорилъ сэръ-Генри Элліотъ, „чтобы Турки не подумали что они совсѣмъ покинуты;“ вы кричали предъ конференціей о „независимости, о цѣлости Турціи;“ вашъ посолъ совѣтовалъ Туркамъ отклонить рѣшенія конференціи; ваши уполномоченные на конференціи объявляли 14 декабря что англійскіе консулы не вѣрятъ въ опасность для христіанъ, тогда какъ послы другихъ четырехъ державъ заявляли что донесенія ихъ консуловъ утверждаютъ совершенно противное; удаленіе вашего посла изъ Константинополя вы объяснили совершенно иначе чѣмъ другія державы; вы даже хотѣли возвратить его, и въ замѣнъ его послали еще болѣе расположеннаго къ Туркамъ чѣмъ онъ самъ. Всѣ эти отдѣльныя дѣйствія Англіи были противъ европейскаго концерта, и какой же результатъ? Тотъ что дѣло перешло въ руки Россіи, что она одна выступаетъ защитницей христіанъ и остается владычицей положенія. Таковы обличенія высказанныя маркизомъ Гартингтономъ, сэръ-Вильямомъ Гаркортомъ, г. Гошеномъ и другими.

Но искренно ли дѣйствовала оппозиція и облегчаютъ ли ея отвѣтственность эти запоздалыя обличенія? Почему она ранѣе не протестовала съ большею силою противъ политики которую находила несогласною съ интересами своей страны. Именно этимъ упрекомъ и отражали министры нападенія оппозиціи, говоря что она только критиковала ихъ дѣйствія, а не указывала другой политики. Но оправдывая свою политику, люди управляющіе Англіей обличали себя еще рѣзче чѣмъ критика оппозиціи. Мы, говорили они, постоянно были противъ принужденія Турціи, и этимъ хотѣли охранить миръ. Конечно, турецкое правленіе *невыразимо дурно*, говорилъ военный министръ г. Гарди, но мы не призваны Богомъ исправлять его, къ тому же намъ отъ него никакого худа нѣтъ. Христіанамъ мы желаемъ всякихъ благъ, но принуждать Турокъ не можемъ: это грѣшно. Европейскій концертъ для дѣйствія немыслимъ: это означало бы всеобщую войну. А мы вотъ заботились о *мирномъ* концертѣ, о совѣщательномъ концертѣ, для убѣжденія, для *нравственнаго давленія;* мы и протоколъ подписали только потому что думали убѣдить этимъ Россію разоружиться и отказаться отъ принужденія Турокъ, и за это, полагаемъ, лордъ Дарби заслужилъ уваженіе всего міра! Похвалы расточаемыя англійскими министрами другъ другу и всеобщее уваженіе самоприсвоиваемое ими, можетъ-быть весьма для нихъ лестны; но результата ихъ политики, однако, они не измѣняютъ. Они сами принуждены были признать что отвѣтъ турецкаго правительства на протоколъ неудовлетворителенъ и не ведетъ къ миру, о которомъ они такъ заботились, такъ что въ свое оправданіе они только говорили что все еще не оставляютъ заботъ о мирѣ, и что послѣднее слово ихъ для сей цѣли еще не сказано,— не забудемъ что это говорилось за недѣлю до сего. Другой министръ оправдывался что успѣху нравственнаго вліянія мѣшали угрозы принужденія со стороны Россіи. Но требованія оппозиціи пояснить почему же была такая надобность въ концертѣ для простаго увѣщанія, и о какихъ мѣрахъ предполагалось въ самомъ протоколѣ совѣщаться въ послѣдствіи, если не разумѣли подъ этимъ принужденія,— такъ и остались безъ отвѣта.

Такимъ образомъ, въ собственно серіозной части преній мы видимъ все то же что и прежде: неискренность или нерѣшительность оппозиціи, и циническое повтореніе министрами прежней лжи. Праздно повторяя о своемъ будтобы сочувствіи христіанамъ, англійскіе министры имѣли безстыдство открыто ставить вопросъ такъ какъ будто онъ былъ какимъ-то пустымъ споромъ между Россіей и Турціей и вмѣняли себѣ въ заслугу что они выступали посредниками между ними и „умоляли обѣ стороны не прибѣгать къ мечу не истощивъ всѣхъ другихъ способовъ уладить дѣло.“

Нашлись люди и въ англійской палатѣ, на обѣихъ сторонахъ ея, которыхъ воз-

мутила эта ложь. Консерватив г. Форсайтъ напомнилъ что въ 1828 году Россія имѣла совершенно справедливый поводъ къ войнѣ съ Турціей, которая, послѣ двухъ успѣшныхъ русскихъ кампаній, была у ногъ побѣдителя: Россія заняла Молдавію, Валахію, Болгарію, перешагнула Балканы, и достигла Адріанополя, и однако при заключеніи мира возвратила всѣ занятыя ею провинціи. Таково русское властолюбіе. И въ настоящее время, говорилъ онъ, политика Россіи не нуждается въ оправданіи. Онъ не вѣритъ чтобы Россія съ самаго начала желала войны съ Турціей, а убѣжденъ что цѣлью Россіи было добиться лучшаго управленія для несчастныхъ христіанъ угнетенныхъ провинцій Турціи. А Турокъ только страхъ вооруженнаго вмѣшательства можетъ принудить къ исполненію своихъ обязательствъ предъ Европой. Съ не меньшею силой говорилъ то же самое и либералъ г. Ашли, который, вмѣсто общихъ фразъ другихъ критиковъ оппозиціи, прямо указалъ какъ для Англіи возможно было безъ выстрѣла принудить Турцію къ покорности: стóило ей только блокировать турецкій флотъ въ Дарданеллахъ, и свободился бы Критъ, отрѣзаны были бы подкрѣпленія изъ Египта, и Турція смирилась бы; Россія же заняла бы Болгарію, устроила бы въ ней управленіе и удалилась бы, исполняя свое слóво, „котораго она никогда не нарушала.“ Результатомъ же было бы освобожденіе христіанскихъ провинцій отъ тиранніи, а для Турціи—урокъ что допущеніе убійствъ безъ наказанія виновныхъ влечетъ за собой потерю провинціи.

Чтó сказать о грубо-комической сторонѣ этихъ преній? Признаемся, мы касаемся ея съ величайшимъ отвращеніемъ и постараемся изобразить въ самыхъ общихъ чертахъ. Всѣ сколько нибудь непріятныя для большинства рѣчи или встрѣчались Палатой съ ледяною холодностью, или постоянно прерывались шумными восклицаніями и ропотомъ. Но стоило сказать что-нибудь противъ Россіи или за Турцію, и палата не чуяла себя отъ восторга и привѣтствовала почти каждое слово въ этомъ смыслѣ бурнымъ одобреніемъ. На этотъ разъ туркофильская палата рѣшительно превзошла самое себя. Не говоримъ уже о старомъ выжившемъ изъ ума Робакѣ который обзывалъ Россію безчестною; о баши-бузукѣ Джонстонѣ который жаловался что Туркамъ нельзя ни человѣка убить, ни женщины изнасиловать безъ того чтобы въ Европѣ не зашумѣли. Но вотъ встаетъ ораторъ, играющій роль шута въ Палатѣ, всѣми презираемый, бывшій защитникъ лже-Тичборна, и чѣмъ бы, можно думать, онъ заслужилъ шумное одобреніе Палаты. „Меня тошнитъ, говоритъ онъ, отъ этихъ Болгарскихъ христіанъ. Право, слишкомъ много толкуютъ о нихъ и ихъ страданіяхъ; эти лицемѣрные толки дѣлаютъ мнѣ почти противнымъ самое имя христіанства!“ Это было сказано не въ турецкомъ, а въ англійскомъ парламентѣ, и за эту выходку чуть не сдѣлали овацію выборные люди христіанской націи. „Да и на чтò этимъ Болгарамъ жаловаться? спрашивалъ тотъ же ораторъ. Турки потѣшились надъ ними подавляя ихъ возстаніе. Чтò за бѣда! Да и кто жъ этого не дѣлалъ? И въ Ирландіи, и въ Индіи, и въ Ямайкѣ, бывали сцены избіеній. Такъ мы де, Англичане, и не въ правѣ укорять Турокъ за ихъ жестокость. Замѣтьте, это говорилъ не Ирландецъ, а Англичанинъ, и не ради сарказма, а въ защиту и оправданіе политики правительства, хотя онъ и сидитъ въ рядахъ оппозиціи. И большинство съ наслажденіемъ внимало ему вмѣсто того чтобы зажать ему ротъ!

Мудрено ли что посреди этой оргіи, одинъ откровенный эксцентрикъ, стоящій въ сторонѣ отъ политическихъ интригъ партій, не въ силахъ былъ удержать негодующаго слова. Въ отвѣтъ на замѣчаніе военнаго министра что Англія не призвана Небомъ заступаться за христіанъ, а должна заботиться только о своихъ интересахъ, сэръ-Чарлзъ Дилкъ воскликнулъ: „Я не люблю „Россію, но если Англія выставляется въ „такомъ видѣ предъ другими державами, „то я право предпочелъ бы быть Рус„скимъ.“ „Да, повторилъ онъ на ироническія поздравленія со скамей министерскихъ, „я горжусь тѣмъ что я Англичанинъ, но „если мы должны здѣсь жить только для „себялюбивыхъ цѣлей провозглашаемыхъ „министромъ, я предпочту принадлежать „къ націи которая стала выше этого гру„баго эгоизма, и поработала для освобож„денія своихъ угнетенныхъ братьевъ въ „Турецкой имперіи.“

№ 84.

Москва, 9-го апрѣля.

А.

Въ виду надвигающейся войны весьма естественна озабоченность съ какою всякій въ Россіи помышляетъ о нашихъ Черноморскихъ прибрежьяхъ растянувшихся столь длинною линіей, между тѣмъ какъ у насъ въ Черномъ Морѣ нѣтъ достаточной морской силы чтобы не дать разгуливать и хозяйничать въ немъ турецкой эскадрѣ. Невольно вспоминается нашъ славной памяти Азовско-Черноморскій флотъ, который (выписываемъ изъ морской газеты *Яхты*) въ два слишкомъ столѣтія своего существованія имѣлъ 115 сраженій, причемъ потерялъ только 32 судна и одну крѣпость, между тѣмъ какъ непріятель въ то же время понесъ потерю въ 36 крѣпостей и 330 судовъ. Но воспоминаніе это должно только ободрять насъ въ видахъ будущаго, а отнюдь не безпокоить при мысли о настоящемъ. И при неимѣніи флота въ Черномъ Морѣ мы можемъ успокоить себя за омываемые имъ берега наши. Какъ сообщаютъ свѣдущіе люди, наши Черноморскіе берега укрѣплены такъ что опасаться за нихъ нечего. Въ *Яхтѣ* пишутъ:

„Ожидаемая война представляется безпримѣрною: по ту сторону Босфора стоитъ линейный флотъ изъ современныхъ броненосцевъ, а въ Черномъ Морѣ—десятокъ шкунъ, пароходовъ и баркасовъ, вооруженныхъ и загражденныхъ минами. Такое неравенство силъ заставляетъ думать нѣкоторыхъ что наши берега *открыты* для бомбардировки или для высадки дессанта. Скептики эти забываютъ, однако, что въ послѣднюю Франко-Германскую войну сильный французскій флотъ, блокируя берега Германіи, не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Тамъ мелководья мѣшали приблизиться къ берегу, а здѣсь опасность еще болѣе серіозная: минныя загражденія, благодаря которымъ уже теперь даже купеческія суда, приходящія къ нашимъ портамъ съ самыми мирными цѣлями, не могутъ приближаться къ берегу безъ особыхъ лоцмановъ-офицеровъ. Такимъ образомъ, взглянувъ на дѣло безъ предупрежденія, безъ стараго предразсудка объ „открытыхъ“ и „защищенныхъ“ берегахъ, нельзя не видѣть что невозможно ожидать бомбардировки, или, по крайней мѣрѣ, серіознаго вреда отъ тѣхъ снарядовъ, которые турецкій флотъ въ состояніи будетъ послать съ дальняго разстоянія. Что касается высадки дессанта,—эта задача совершенно не исполнимая въ настоящее время на *всемъ протяженіи* русскаго черноморскаго прибрежья... Положеніе турецкаго флота предъ русскими Черноморскими портами будетъ даже хуже положенія французской эскадры у береговъ Германіи, такъ какъ, не имѣя возможности приблизиться ни къ одному русскому порту, онъ долженъ будетъ уходить за пополненіемъ всякихъ запасовъ къ Босфору. А при этомъ раздробленіи силъ, два, три удачные взрыва миноносныхъ баркасовъ могутъ сдѣлать весьма много...“

Говорятъ будто уступчивость нашей политики была отчасти вынуждена необходимостью имѣть время для принятія всѣхъ мѣръ къ правильной оборонѣ южнаго побережья. Такъ или нѣтъ, но вѣрно то что въ короткое время нами сооружены въ разныхъ мѣстахъ на Черномъ Морѣ значительныя укрѣпленія, и если мы примемъ во вниманіе цѣнность матеріаловъ, перевозку артиллеріи съ одного конца Россіи на другой и пр. въ связи со стоимостью работъ, особенно спѣшныхъ, то не можемъ не заключить что потраченныя на этотъ предметъ суммы были очень значительны. Но минуетъ опасность, минуетъ и надобность въ этихъ укрѣпленіяхъ, а тѣхъ же милліоновъ было бы достаточно чтобы въ Черномъ Морѣ была у насъ хорошая броненосная эскадра, которая дала бы намъ могущественное въ этомъ морѣ положеніе и избавила бы насъ отъ необходимости чрезвычайныхъ затратъ на оборону въ случаяхъ надобности. Лучшая оборонительная сила есть сила способная къ наступленію.

Еслибы неудовлетворительность нашей морской военной части зависѣла отъ скудости средствъ отпускаемыхъ на этотъ предметъ Государственнымъ Казначействомъ, то и говорить было бы нечего; но въ ряду европейскихъ морскихъ бюджетовъ, Россія стоитъ кажется третьимъ нумеромъ, непосредственно за Англіей и Франціей: стало-быть есть другая причина. Не вдаваясь въ микроскопическій анализъ бывшаго, всегда подверженный спору, мы едва ли ошибемся если главную причину слабости нашего флота будемъ искать въ недостат-

кѣ ясно опредѣленнаго плана. Не только въ публикѣ, но даже въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ, слышатся самыя разнообразныя объ этомъ предметѣ сужденія, и если съ одной стороны люди, сохраняющіе благодарную память объ Орловѣ-Чесменскомъ, Чичаговѣ, Ушаковѣ, Лазаревѣ, Нахимовѣ и другихъ, вѣрятъ въ нашу морскую будущность, то съ другой стороны, ссылаясь на неблагопріятныя географическія условія, противники морскаго развитія Россіи ограничиваютъ всю роль ея флота береговою обороной. Но такъ ли неблагопріятны естественныя условія для развитія активнаго у насъ флота? Мы обладаемъ безмѣрною береговою линіей и соприкасаемся съ Восточнымъ Океаномъ; у насъ есть славныя морскія преданія; вообще мы находимся въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ чѣмъ, напримѣръ, Германія. А между тѣмъ Германія, послѣ своей послѣдней войны, сразу поставила себѣ цѣль далеко превосходящую то значеніе какое хотятъ на вѣки вѣковъ закрѣпить за нашимъ флотомъ противники его развитія. Въ прошломъ 1876 году уже восемнадцать судовъ германскаго флота находились въ разныхъ моряхъ и океанахъ. Малая Швеція, единственно для обезпеченія своего нейтралитета на случай войны между сильными сосѣдями, выработала опредѣленный планъ развитія своего флота, съ математическими распредѣленіями сроковъ постепеннаго достиженія цѣли. Наконецъ, Италія, пораженная при Лиссѣ и сознающая невозможность удержаться въ ряду великихъ державъ безъ достаточнаго развитія морской боевой силы, напрягаетъ неимовѣрныя усилія чтобы стать морскою державой. Ясность плановъ и послѣдовательность и твердость въ ихъ исполненіи подняли въ этихъ странахъ морское дѣло и привлекли къ нему народное сочувствіе.

Быстрое развитіе кораблестроительнаго искусства, коренное измѣненіе типа плавающихъ судовъ, введеніе въ ихъ постройку весьма цѣнной желѣзной брони, въ связи съ ежегодно-возрастающею силой морской артиллеріи, послѣ многихъ колебаній и дорогихъ опытовъ, привели у насъ, въ началѣ нынѣшняго года, къ назначенію коммиссіи имѣющей выработать опредѣленный планъ. Самый фактъ назначенія этой коммиссіи уже показываетъ что до сихъ поръ не было опредѣленнаго плана, а въ этомъ недостаткѣ и кроется главная причина нашей слабости въ морскомъ отношеніи. Безъ заранѣе обдуманнаго результата, безъ опредѣленной цѣли, затраты пропадаютъ даромъ. Говорятъ что русскій флотъ долженъ ограничиться самыми скромными задачами въ виду невозможности достигнуть достаточной силы для противодѣйствія соединенной Европѣ. Если разсуждать такъ, то какъ разъ придешь къ заключенію что не стóить заводить и арміи, такъ какъ противъ цѣлаго міра одна страна съ успѣхомъ не можетъ бороться, но не слѣдуетъ забывать что сравнительно сильное государство всегда притягиваетъ къ себѣ союзниковъ, и что русскій флотъ можетъ весьма легко увидѣть рядомъ съ собою эскадру Германскую, Французскую, Итальянскую и всякую другую.

Раздѣленіе морей омывающихъ нашу западную и южную границу вынуждаетъ насъ къ содержанію по крайней мѣрѣ двухъ военныхъ флотовъ, а это требуетъ лишнихъ издержекъ. Но опытъ прошлаго года наглядно доказалъ что иная экономія влечетъ за собой усиленные и безплодные расходы. Нужно только чтобы тяжесть расходовъ выкупалась не только практичностію избранной системы, но и возможно меньшимъ рискомъ. Бороться съ Англіей ея же оружіемъ—военнымъ флотомъ—мы были бы не въ силахъ, но каждому очевидно что Англію можемъ мы держать въ страхѣ угрожая ея торговлѣ. Въ виду особыхъ обстоятельствъ мы высылали свои эскадры въ Америку, гдѣ на просторѣ океана значеніе ихъ быстро возрастало принимая угрожающее положеніе. Нельзя не воспользоваться указаніями опыта. Обладая длиннымъ побережьемъ и прекрасными бухтами по Восточному океану, мы силой вещей призваны именно тамъ главнымъ образомъ развивать нашъ наступательный флотъ, уравновѣшивая тѣмъ невыгоды своего географическаго положенія въ Европѣ. Мысль эта была давно уже нами высказана съ полнымъ убѣжденіемъ, и мы радуемся что съ тѣхъ поръ она пріобрѣла кредитъ и все болѣе распространяется и входитъ въ силу.

Но перенося нашъ морской центръ на отдаленнѣйшую окраину Россіи, мы не можемъ ограничиться пассивною ролью на западной своей границѣ. Кромѣ Англіи есть и другія морскія державы,—и Балтійское море, бывшее до послѣдняго вре-

мени почти въ исключительномъ нашемъ обладаніи, увидѣло новаго хозяина, Германію, а Черное Море—турецкую броненосную эскадру. Мы должны въ этихъ моряхъ сознавать себя по крайней мѣрѣ одинаково сильными со своими сосѣдями и поддерживать свое кораблестроительство по крайней мѣрѣ на одной съ ними высотѣ. Было бы весьма желательно чтобы нынѣ засѣдающая коммиссія, принимая въ разчетъ настоящее напряженіе нашихъ финансовъ, не прибѣгала вновь къ дорого стоящимъ опытамъ. Типы современныхъ судовъ выяснились теперь достаточно, и намъ остается только усвоить то что имѣетъ за собой исторію; прибѣгать же къ усиленнымъ постройкамъ судовъ собственнаго изобрѣтенія, быть-можетъ и имѣющихъ достоинства, но не испытанныхъ на дѣлѣ и никѣмъ не признанныхъ, а тѣмъ болѣе тщиться довести ихъ до совершенства въ своемъ родѣ, какъ по слухамъ предполагается, было бы крайне неосновательно. Если потребуются жертвы на развитіе нашего морскаго дѣла, ихъ принесутъ охотно, принесутъ съ радостью, когда каждый будетъ видѣть предъ собой провѣренные результаты, а не сомнительныя нововведенія требующія громадныхъ расходовъ и подверженныя большимъ случайностямъ.

Б.

Въ теченіе преній бывшихъ въ англійской Палатѣ Общинъ 13 апрѣля, о которыхъ мы упоминали вчера, одинъ рьяный ораторъ, глумясь надъ возгласами которые во имя человѣчества поднимаются о страданіяхъ христіанъ отъ Турокъ, захотѣлъ показать свое остроуміе насмѣшливымъ вопросомъ: „Отчего же никто не протестовалъ во имя гуманности противъ русскихъ волонтеровъ, которые, въ нарушеніе всякаго международнаго права, отправлялись въ Сербію убивать оттоманскихъ солдатъ?“ Этому ревнителю международнаго права слѣдовало бы, однако, сдѣлать болѣе нескромный вопросъ своему собственному правительству, близко касающійся чести его страны. Всѣмъ извѣстно что командующій турецкимъ флотомъ Англичанинъ Гобартъ-паша продолжаетъ состоять на англійской службѣ и числится въ спискѣ офицеровъ флота ея Британскаго величества. Но всѣ обстоятельства этого казуса только теперь обнаружились изъ документовъ находящихся въ числѣ представленныхъ парламенту. Оказывается что въ 1868 году капитанъ Гобартъ былъ уволенъ изъ британскаго флота вслѣдствіе того что „поступилъ на турецкую службу безъ разрѣшенія адмиралтейства.“ Онъ просилъ о зачисленіи его вновь на службу, но въ этой просьбѣ было ему отказано, такъ какъ покойный лордъ Кларендонъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, находилъ что принятіе его вновь на службу не требуется государственными интересами. Это было въ 1869 году, но 16 октября 1874 года, капитанъ Гобартъ или адмиралъ Гобартъ-паша писалъ лорду Дарби прося чтобъ его имя было возстановлено въ спискахъ англійскаго флота, на томъ де основаніи что толкованія придаваемыя его увольненію „парализуютъ его усилія и позорятъ его“ На эту просьбу лордъ Дарби не замедлилъ изъявить согласіе 3 ноября 1874 года, выразивъ мнѣніе что „возстановленіе служебныхъ правъ „*адмирала Гобартъ-паши* доставитъ ему „существенное преимущество для поддержанія положенія которое онъ занимаетъ „при Портѣ, и можетъ быть разрѣшено „ему какъ дѣло имперской политики, не „причиняя этимъ прецедентомъ никакого „ущерба дисциплинѣ службы.“

Вотъ какимъ образомъ случилось что турецкій адмиралъ и паша уже *болѣе двухъ лѣтъ* состоитъ на англійской службѣ и пользуется всѣми ея преимуществами, къ вящей чести и славѣ Британской короны.

№ 86.

Москва, 11-го апрѣля.

А.

Несмотря на то что дипломатія, казалось бы, истощила весь запасъ своихъ чернилъ, дня четыре тому назадъ въ Западной Европѣ все еще предавались надеждамъ на какія-то „послѣднія усилія“ къ предотвращенію роковой развязки. Нѣтъ сомнѣнія что значительную долю этихъ росказней слѣдуетъ отнести на счетъ тѣхъ „биржевыхъ судорогъ“ которыя въ современной Европѣ всегда сопровождаютъ моментъ зарожденія великихъ политическихъ событій. Но отчасти и дипломатія не чужда-

этихъ слуховъ. 13 апрѣля англійскій министръ Гарди заявилъ въ парламентѣ что Англія „еще не сказала своего послѣдняго слова по вопросу о мирѣ.“ По поводу этого темнаго намека мы находимъ въ иностранныхъ газетахъ самыя разнообразныя догадки и указанія. Если вѣрить берлинской *National-Zeitung* отъ 16 апрѣля, дѣло идетъ о попыткѣ предпринятой было Австріей; что-то было предложено ею Англіи. Но названная газета тутъ же прибавляетъ что Англія по всей вѣроятности уже „сказала свое послѣднее слово“ и отвергла это предложеніе, такъ какъ и оно клонилось къ тому что Англія безусловно отвергаетъ, а именно къ насильственному вмѣшательству въ турецкія дѣла. Названная газета полагаетъ что этотъ отказъ Англіи отъ загадочнаго предложенія Австріи „долженъ быть поставленъ на длинный и безъ того политическій счетъ Англіи, сумѣвшей стать въ разрѣзъ со всею Европой, въ томъ числѣ и со своимъ старымъ другомъ Австріей.“ Въ ту же газету сообщаютъ изъ Парижа что новый англійскій посолъ въ Константинополѣ, г. Леярдъ, въ бытность свою въ Парижѣ, заявилъ герцогу Деказу что согласно полученнымъ имъ инструкціямъ онъ будетъ энергически побуждать султана и его совѣтниковъ принять въ принципѣ протоколъ, дабы тѣмъ „подать поводъ къ новымъ переговорамъ.“ Далѣе ему, г. Леярду, поручено де заявить Портѣ что такъ какъ она рѣшилась отвергнуть документъ который въ глазахъ Британскаго кабинета заключалъ въ себѣ гарантію независимости и неприкосновенности Турціи, то достоинство Англіи предписываетъ ей отказаться отъ всякой мысли о дальнѣйшей поддержкѣ и оказаніи помощи Турціи. Не придавая однако особеннаго значенія этимъ послѣднимъ слабымъ признакамъ мира, *National-Zeitung* обсуждаетъ ближайшія комбинаціи на случай войны, и въ этомъ отношеніи сообщаетъ что принцъ Вельсскій, будучи на дняхъ въ Парижѣ, предсказывалъ очень скорое окончаніе войны. Сопоставляя это извѣстіе съ мнѣніемъ высказаннымъ въ *Daily News* что Англія должна занять Константинополь съ тѣмъ чтобы не возвратить его Турціи, берлинская газета усматриваетъ во всемъ этомъ „лучъ свѣта“ выдающій виды англійской политики. Нельзя не удивляться этому неизмѣнному пріему берлинской печати „говорить, но не высказываться.“ И что всего страннѣе: этого пріема держатся именно тѣ органы нѣмецкой печати (наиболѣе солидные) которые расположены въ пользу Россіи! Туркофильскіе органы, какъ напримѣръ *Кельнская*, гораздо откровеннѣе. Корреспондентъ кельнскаго органа турецкой дипломатіи, упоминая о готовящейся по слухамъ циркулярной нотѣ князя Горчакова, которая должна якобы предшествовать манифесту о войнѣ, нотѣ долженствующей послужить новымъ подтвержденіемъ предъ Европой безкорыстія Россіи (зачѣмъ это?), доказываетъ что не слѣдуетъ придавать этимъ увѣреніямъ никакой цѣны. Въ глазахъ корреспондента подобные документы, исходящіе отъ русской дипломатіи, ни что иное какъ „передовыя статьи, писать которыя русская дипломатія никакъ не упуститъ случая.“ Но гораздо болѣе чѣмъ эти дипломатическія статьи виды Россіи раскрываются де дѣйствительными передовыми статьями русскихъ газетъ приглашающими Австрію занять Боснію и присоединить эту провинцію къ своимъ владѣніямъ. Изъ этого де ясно что Россія въ свою очередь желаетъ не выпускать изъ своихъ рукъ Болгарію, коль скоро она будетъ занята Русскими войсками. Эти разсужденія не доказываютъ ли лучше всего дѣйствительную безполезность повторенія предъ Европой торжественныхъ увѣреній въ нашемъ безкорыстіи? Да и скажите, ради Бога, хорошій ли это способъ подѣйствовать на противника увѣреніями что мы хотимъ только немножко пощекотать его, а впрочемъ никакого вреда ему не сдѣлаемъ какъ бы онъ ни барахтался. Не значитъ ли это ободрять и поощрять нашего противника? Мудрено ли что Турція такъ тѣшится надъ нами увѣренная что мы ничего не сдѣлаемъ ей? Мудрено ли что война неизбѣжна если мы вяжемъ себѣ руки и увѣряемъ нашего противника что онъ никакому риску не подвергнется.

Въ берлинскихъ газетахъ находимъ, между тѣмъ, офиціозную телеграмму изъ Петербурга которую тамъ считаютъ предвѣстникомъ русскаго циркуляра резюмирующею его содержаніе. Въ этомъ смыслѣ телеграмму эту воспроизвела и полуофиціальная *Провинціальная Корреспонденція*. Вотъ что сказано въ этой телеграммѣ: Теперешнее положеніе Россіи вынуждаетъ ее къ одностороннему дѣйствію. Она одна изъ европейскихъ державъ мобилизовала свою

армію и требовать отъ нея отступленія послѣ рѣзкаго отказа Турціи принять протоколъ значило бы требовать невозможнаго. Турція желаетъ войны; она не только отвергла протоколъ, но въ циркулярѣ отвергаетъ всякое право Европы требовать отъ Турціи реформъ и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій Турціи создано совершенно новое положеніе (вотъ это справедливо), коимъ даже устраняется (непремѣнно устраняется) программа бывшей конференціи. Россія, сказано въ заключеніе телеграммы, мобилизовавшая пять мѣсяцевъ тому назадъ, дабы воспрепятствовать вторженію полумѣсяца въ Бѣлградъ, дабы добиться реформъ въ пользу христіанъ и гарантій исполненія этихъ реформъ съ правомъ наблюденія за этимъ, нынѣ, въ виду упорства обнаруженнаго Турціей, отступить не можетъ и не имѣетъ повода. Это перечисленіе поводовъ къ мобилизаціи русскихъ войскъ считается и программой того чего Россія намѣрена добиться силой оружія.

Дружественныя намъ берлинскія газеты утѣшаютъ насъ указаніемъ на добрыя отношенія между Германіей и Россіей, въ доказательство чего *National-Zeitung* ссылается на то что Германія согласилась принять на себя охрану интересовъ русскихъ подданныхъ въ Турціи во время войны... Нельзя не сознаться что отъ этихъ „признаковъ дружбы,“ такъ тщательно отыскиваемыхъ тѣми изъ нѣмецкихъ органовъ печати которые благоволятъ къ Россіи, еще очень далеко до той картины полнаго единомыслія и чувствъ дружбы и благодарности одушевляющихъ Германію,— картины которую нарисовалъ нашъ нѣмецкій корреспондентъ изъ Берлина въ письмѣ отъ 17 апрѣля. Его бы устами да медъ пить...

Много, слишкомъ много словъ было изведено на депеши; но выработана ли программа политики солидарной съ Германіей? Безъ такого соглашенія, основаннаго на взаимныхъ интересахъ, между государствами не бываетъ прочной дружбы.

Б.

Охотникамъ до дипломатіи рекомендуемъ обратить вниманіе на объясненіе о значеніи пресловутаго протокола данное лордомъ Дарби въ Палатѣ Лордовъ 16 апрѣля. Наши офиціозные публицисты утверждали будто этотъ протоколъ далъ Россіи то чего у нея прежде не было—нравственную санкцію Европы, со включеніемъ Англіи. Такъ ли смотритъ на него англійскій министръ подписавшій документъ? Оппозиція упрекала его зачѣмъ онъ, если могъ подписать протоколъ, прежде такъ безусловно отвергъ Берлинскій меморандумъ, вмѣсто того чтобы просто предложить въ немъ тѣ измѣненія въ текстѣ какія для Англіи могли быть желательны. Въ то время соглашеніе и успѣхъ были бы гораздо легче: съ одной стороны, Россія еще не вооружилась, не было Сербской войны, не было пролито столько крови, а съ другой, и Туркамъ не было дано такъ много поощреній рѣчами англійскихъ министровъ. Въ отвѣтъ на это лордъ Дарби возразилъ что между обоими документами нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Первый, то-есть меморандумъ, какъ показали де событія, имѣлъ въ виду военное занятіе, а что обѣщала Англія въ протоколѣ? Приводимъ текстуально слова лорда Дарби: „Мы обѣща„ли вотъ что: что если извѣстныя вещи не „будутъ сдѣланы Турецкимъ правитель„ствомъ,—а мы сами оставались бы судья„ми сдѣланы ли онѣ или нѣтъ,—то черезъ „нѣкоторое время, каковое не было обо„значено,—а мы же оставались бы и судья„ми когда это время наступитъ,—мы по„обсудимъ съ нѣкоторыми другими держа„вами и скажемъ что мы тогда станемъ „дѣлать.“ Легко понять что эта откровенность вызвала смѣхъ въ Палатѣ.

Прекаанія объ этомъ документѣ, который самъ же лордъ Дарби ухитрился лишить всякаго значенія, теперь уже потеряли значеніе. Но, право, послѣ такого объясненія даннаго главнымъ участникомъ въ послѣднемъ актѣ европейскаго концерта, скрѣпившимъ его своею подписью, приходится благодарить его за услугу оказанную его декларацією, которая убила на мѣстѣ, при самомъ рожденіи, это послѣднее чадо дипломатіи.

№ 87.

Москва, 12-го апрѣля.

А.

Сегодня, 12 апрѣля, подписанъ Государемъ Императоромъ въ Кишиневѣ Манифестъ о войнѣ на защиту нашихъ братъ-

евъ по вѣрѣ и крови... Великое событіе!.. Давно подготовлялось оно; давно ожидала его вся Русская земля. Никогда не предпринималась война болѣе правая, никогда не было такого единодушія между Русскимъ Царемъ и его всегда послушнымъ Ему народомъ, никогда Русскій Царь не обладалъ такимъ могуществомъ, и никогда въ дѣйствіяхъ человѣческихъ не выражалась съ большею явственностію воля Провидѣнія. Мы присутствуемъ при началѣ великаго. Возблагодаримъ Бога судившаго нашему поколѣнію узрѣть нынѣшній день, съ котораго, мы глубоко въ томъ увѣрены, предначинается новая въ исторіи міра эпоха. Напрасны были всѣ усилія задержать или уклонить ходъ событій; напрасны будутъ всѣ усилія обратить вспять или раздробить этотъ неудержимый потокъ направляемый Богомъ. Съ торжествомъ и молитвой въ обновленномъ сердцѣ встрѣчаетъ великій призывъ наша родная, наша святая Русь. Да, святая! Нынѣ во всей истинѣ чувствуемъ мы силу этого именованія...

Знаменія, при которыхъ совершались дѣла послѣдняго времени, даютъ и слѣпымъ уразумѣть истину и предвидѣть исходъ предначинающихся событій.

Какія бы ни встрѣтили мы затрудненія и засады на пути нашемъ,—будемъ твердо увѣрены,— ничто не помѣшаетъ „святому дѣлу“ къ которому народъ нашъ призывается.

Исполнилось слово нашего Государя,— да благословитъ Его Богъ въ великомъ начинаніи! — исполнилось во всемъ. Оно исполнилось и въ той части своей которая менѣе почувствовалась въ то время пламеннаго народнаго одушевленія, но которая еще болѣе, если возможно, сблизитъ народъ съ его возлюбленнымъ Вождемъ. „Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь,“ сказалъ Государь въ то самое время когда изъявлена Имъ великодушная рѣшимость дѣйствовать. Вотъ, въ сердцѣ Царя та причина которая замедляла рѣшеніе. Не благословенно ли то дѣло въ которомъ не жертва медлитъ, а требованіе жертвы? Великое рѣшеніе, полагающее грань въ исторіи, подверглось всѣмъ испытаніямъ и вышло изъ горнила очищеннымъ отъ всякой примѣси страстей человѣческихъ: въ немъ по истинѣ сказалась воля Божія.

Б.

Послѣ открытія сегодняшняго, 12 апрѣля, засѣданія Московской Городской Думы, городской голова, заявивъ собранію что въ Москвѣ полученъ Высочайшій Манифестъ о войнѣ съ Турціей, приступилъ къ чтенію Манифеста при общемъ воодушевленіи гласныхъ, которые встали со своихъ мѣстъ. Едва замолкли послѣднія слова Манифеста, громкое, единодушное *ура* всѣхъ присутствовавшихъ потрясло залу. Восторженное *ура* прерывалось кликами: „Да здравствуетъ Государь! Да здравствуетъ наше воинство“!

Когда смолкли клики, городской голова сказалъ что гласные, послѣ незабвенныхъ словъ Государя, произнесенныхъ въ Кремлѣ, представивъ Его Величеству адресъ съ выраженіемъ своихъ чувствъ, заявили въ немъ готовность жертвовать въ случаѣ нужды всѣмъ своимъ имуществомъ. Минута для этого теперь наступила, заключилъ городской голова...

Слова эти были встрѣчены восторженными изъявленіями сочувствія, послѣ чего гласный Самаринъ сказалъ что такъ какъ гласные имѣли уже возможность обсудить предполагаемое пожертвованіе, то достаточно будетъ прочитать составленный коммиссіей относительно его проектъ приговора.

Вслѣдъ за этимъ, былъ прочитанъ слѣдующій приговоръ Думы:

„Московская Городская Дума, въ виду Высочайшаго Манифеста возвѣстившаго войну на помощь нашимъ братьямъ по вѣрѣ и племени, положила:

„1) Принять на содержаніе города устройство и содержаніе въ Москвѣ, во все время войны, до тысячи кроватей на раненыхъ, по соглашенію съ Обществомъ Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ.

„2) Сверхъ того, назначить изъ городскихъ средствъ одинъ милліонъ рублей для употребленія на санитарныя нужды арміи по указанію Августѣйшей Покровительницы Общества Государыни Императрицы.“

Приговоръ этотъ былъ пущенъ на голоса и принятъ единогласно, съ выраженіемъ полнаго одобренія гласныхъ.

Гласный Найденовъ вслѣдъ за этимъ предложилъ представленіе объ этомъ пожертвованіи послать съ адресомъ Государю Императору, и возбудилъ вопросъ о выборѣ адресной коммиссіи.

Предложеніе гласнаго было сочувственно встрѣчено Думой. Въ адресную коммиссію рѣшено избрать тѣхъ же лицъ которыя составляли прежній адресъ, поданный Его Величеству послѣ произнесенныхъ Государемъ историческихъ словъ въ Кремлѣ. Въ адресную коммиссію избраны гласные: Аксаковъ, Самаринъ, Найденовъ, Горбовъ и Аксеновъ.

До сихъ поръ Берлинскія газеты чрезвычайно осторожно высказывались по вопросу о томъ какое положеніе приметъ Австрія въ виду предстоящихъ событій на Дунаѣ. Все что̀ сообщалось по этому поводу въ эти газеты изъ Вѣны высказывалось полусловами и намеками изъ коихъ можно было вывести и то и се. Рѣшительный темпъ принятый въ послѣдніе дни событіями произвелъ и тутъ перемѣну, и мало-по-малу начинаютъ говорить яснѣе и опредѣленнѣе. Въ добрый часъ!

„Было бы излишне и несвоевременно," пишетъ вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung*, отъ 18 апрѣля,—корреспондентъ хорошо свѣдущій по свидѣтельству газеты,—„налагать на себя попрежнему сдержанность и отрицать что Австро-Венгрія, „въ виду приближающейся русско-турецкой „войны, предпринимаетъ съ своей стороны „военныя приготовленія, и даже что такія уже сдѣланы." Австрія имѣетъ де уже теперь возможность бросить 90.000 войска, въ теченіи 10—14 дней, на тотъ пунктъ гдѣ это понадобится. Тѣмъ не менѣе, по словамъ корреспондента, пройдетъ еще нѣсколько времени прежде чѣмъ Австрія выступитъ дѣятельно на театръ событій. Вопросъ о выступленіи австрійскихъ силъ зависитъ главнымъ образомъ отъ результатовъ первой фазы русско-турецкой войны. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ австрійскій солдатъ не будетъ по всей вѣроятности двинутъ съ мѣста пока русскія войска будутъ еще находиться по сю сторону Дуная. Лишь послѣ того какъ Русская армія совершитъ свою труднѣйшую задачу и перейдетъ чрезъ Дунай, австрійскія колонны двинутся за предѣлы Австріи и вступятъ въ Боснію и Герцеговину. Корреспондентъ спѣшитъ удостовѣрить что это будущее движеніе австрійскихъ войскъ „никоимъ образомъ не будетъ имѣть характера враждебнаго дѣйствія противъ Россіи." Австро-Венгерскій оккупаціонный корпусъ въ Босніи вовсе не будетъ де имѣть своею цѣлью воспрепятствовать русскимъ военнымъ операціямъ въ Болгаріи. Боснія въ австрійскихъ рукахъ будетъ де имѣть лишь значеніе предварительнаго обезпеченія Австріи насчетъ всякихъ случайностей могущихъ произойти вслѣдствіе успѣховъ Русскаго оружія въ Болгаріи. Въ это время предприняты будутъ и переговоры съ Россіей съ цѣлью взаимнаго соглашенія насчетъ указанныхъ результатовъ,—переговоры, коихъ до сихъ поръ равно избѣгали какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ. „Мы не сомнѣваемся," прибавляетъ корреспондентъ, „что когда Рус„скіе будутъ стоять въ Болгаріи, а Ав„стрійцы въ Босніи, соглашеніе состоится „легко и къ обоюдной выгодѣ." Корреспондентъ предусматриваетъ однако возможность которая побудитъ Австрію вступиться въ дѣло и ранѣе перехода Русской арміи чрезъ Дунай. Это именно въ томъ случаѣ „если, вслѣдствіе Русско-Турец„кой войны, въ Сербіи наступятъ событія „которыя не только подвергнутъ опасно„сти спокойствіе австрійскихъ погранич„ныхъ областей съ этой стороны, но мо„гутъ создать препятствія для будущаго „занятія Австріей Сербской территоріи, „что̀ можетъ оказаться нужнымъ." Въ этомъ случаѣ, само собою разумѣется де что районъ австро-венгерскихъ военныхъ операцій значительно расширится. По извѣстіямъ полученнымъ въ Вѣнѣ въ послѣднее время изъ Сербіи, тамъ будто бы готовятся такія вещи которыя съ большою вѣроятностію заставляютъ предположить что Австрія будетъ вынуждена къ указанному шагу. Поговариваютъ будто бы о томъ что въ Сербіи не только поднимаетъ опять голову партія дѣйствія, которая желаетъ извлечь пользу для Сербіи изъ русско-турецкой войны, но и о томъ что *омладина* агитируетъ съ цѣлью свергнуть съ престола князя Милана, и пожалуй возможно де что эта агитація достигнетъ своей цѣли.

Къ этимъ важнымъ сообщеніямъ слѣдуетъ присовокупить еще слѣдующее: въ *Neue Freie Presse* появилось на дняхъ опроверженіе появившагося въ вѣнскихъ газетахъ слуха что генералъ Клапка, находящійся теперь въ Вѣнѣ, прибылъ туда изъ Константинополя со спеціальнымъ порученіемъ отъ Турецкаго правительства къ Австрійскому. Вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* настаиваетъ на вѣрности этого слуха, утверждая что дѣло шло о предложеніи со стороны Турціи доброволь-

но уступить Австріи часть своей территоріи дабы привлечь ее на свою сторону. Опроверженіе турецкаго органа, по словамъ корреспондента, очень понятно, „ибо „попытка Клапки не удалась, а Портѣ не „можетъ быть пріятно чтобы стало извѣ„стно что Австро-Венгрія продолжаетъ „держаться Трехъ-Императорскаго союза „и что графъ Андраши, даже въ виду со„блазнительныхъ предложеній Турціи, пред„почитаетъ согласіе съ Германіей и Рос„сіей дружбѣ съ Турціей.“

Таковы извѣстія изъ Австріи доходящія до насъ *чрезъ Берлинъ*. Но что касается австро-венгерской печати, то въ ней мало отражается этотъ поворотъ въ пользу Россіи, наступившій, какъ увѣряютъ, въ Вѣнѣ. Генералъ Клапка воспользовался своимъ пріѣздомъ въ Вѣну не для однихъ дипломатическихъ переговоровъ въ интересахъ Турціи. Онъ выступилъ и на журнальное поприще рыцаремъ безъ страха и упрека за возлюбленную Порту. Въ *Neue Freie Presse* появился цѣлый рядъ его военныхъ этюдовъ о предстоящей русско-турецкой кампаніи, и эти размышленія мадьяро-турецкаго кондотьера были перепечатаны всѣми австрійскими газетами. Что генералъ Клапка горячо вѣритъ въ успѣхъ турецкаго оружія, это разумѣется само собою. Онъ доказываетъ что и турецкая армія и самыя позиціи Турокъ на обоихъ театрахъ войны, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, далеко не могутъ быть сравнены съ тѣмъ что было въ предшедшія войны Турціи съ Россіей, а потому онъ не только не отчаивается за судьбу кампаніи, но почти увѣренъ въ побѣдѣ Турокъ. Однако мадьярскій „военачальникъ“ благоразумно предусматриваетъ и возможность другаго исхода, и тутъ-то онъ пускаетъ въ ходъ всю силу своихъ аргументовъ чтобы рельефно выставить ту роль которая предназначена Австріи, и доказываетъ что какъ бы ни были рѣшительны успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ и по ту сторону Балкана, Австрія во всякое время имѣетъ возможность рѣшить исходъ кампаніи и превратить русскія побѣды, какъ бы блистательны онѣ ни были, въ столь же рѣшительное пораженіе. Этимъ-то выводамъ „знаменитаго“ генерала австро-венгерская печать придала особенное значеніе и настойчиво ихъ пропагандируетъ.

Другое не менѣе характеристичное явленіе, это готовящаяся въ Пештѣ новая туркофильская демонстрація въ грандіозныхъ размѣрахъ. Поводомъ къ этой демонстраціи долженъ послужить пріѣздъ въ Пештъ султанскаго посланца, Тагиръ-бея, который привезетъ туда рукописи изъ библіотеки Матѳея Корвина, похищенныя Турками при завоеваніи ими Венгріи и нынѣ великодушно приносимыя султаномъ въ даръ Пештскому университету. Само собою разумѣется что доблестное мадьярское студенчество не желаетъ упустить этого случая и всячески старается устроить чествованіе во славу просвѣщенныхъ представителей своихъ за-балканскихъ „кузеновъ.“ Въ этой агитаціи, по свидѣтельству корреспонденціи изъ Пешта въ берлинскія газеты, принимаютъ живѣйшее участіе и многія лица изъ высшихъ классовъ; венгерскій графъ Батани и польскій князь Четвертинскій приняли на свой счетъ всѣ издержки факельнаго шествія приготовляемаго въ честь Тагиръ-бея. Разныя ученыя общества изъ провинціи пришлютъ въ Пештъ депутаціи для присутствія при торжественномъ засѣданіи академіи въ которомъ будутъ переданы драгоцѣнныя рукописи; затѣмъ послѣдуютъ банкетъ со спичами и праздничное представленіе въ народномъ театрѣ. Весь вопросъ теперь лишь въ томъ, приметъ ли Венгерское правительство какое-либо участіе въ этихъ празднествахъ. Объ этомъ былъ спрошенъ министръ-президентъ Тисса; но онъ отвѣтилъ что не получилъ офиціальнаго извѣщенія о дарѣ приносимомъ Венгріи Турецкимъ правительствомъ. Турецкій консулъ, получивъ такой отвѣтъ, поспѣшилъ телеграфировать объ этомъ въ Константинополь, и нѣтъ де сомнѣнія что официальное сообщеніе будетъ сдѣлано, и что на готовящихся празднествахъ Венгерское министерство не будетъ блистать своимъ отсутствіемъ. Къ этому прибавляютъ впрочемъ, очевидно въ видахъ ослабленія слишкомъ ужь яркаго эффекта этого туркофильскаго празднества въ столь критическую минуту, что участіе министровъ *отниметъ* у празднества его политическій характеръ и придастъ оному чистонаучный интересъ.

„Честь и хвала мадьярской наукѣ“ споспѣшествуемой Турками!

№ 88.

Москва, 13-го апрѣля.

Минуты переживаемыя теперь Москвой, а съ нею всей Россіей, рѣдки въ жизни всякаго народа. Счастливы поколѣнія которымъ доводится испытать ихъ. Въ нихъ благодатная обновляющая сила. Не въ одну ли изъ такихъ минутъ видѣлъ Іаковъ лѣствицу, по которой Ангелы нисходили и восходили?

Никогда щедрый даръ не принимался съ большею радостію, благодарностію и одушевленіемъ какъ принимается Русскимъ народомъ этотъ призывъ его Царя къ подвигу требующему жертвъ и крови. Точно тяжесть отлегла отъ сердецъ; будто новая жизнь началась; будто что-то вступило въ нашу душу; будто мы стали сильнѣе, и лучше, и чище.

Одушевленіе великое, но не бьющее черезъ край, а глубокое и спокойное. Праздникъ на всѣхъ лицахъ, радость съ самообладаніемъ, зрячая, ясная. Это не порывъ, не увлеченіе; это испытанная и твердая, оживленная призывомъ, великая народная сила.

Что было бы въ Москвѣ еслибы Самъ Державный Хозяинъ ея былъ теперь въ ея стѣнахъ? Но мы понимаемъ какова должна быть сила того восторженнаго одушевленія которое окружаетъ теперь нашего Государя на рубежѣ Русской земли, посреди Русскаго воинства которое, послѣ столь долгаго ожиданія, наконецъ двинуто къ дѣйствію маніемъ державной руки. Мы умолкаемъ, и обращаемъ читателей къ телеграфному письму нашего кишиневскаго корреспондента объ этихъ великихъ дняхъ которые станутъ эрою въ исторіи нашего отечества. О чемъ еще стали бы мы теперь говорить, въ какую политику могли бы мы пускаться подъ впечатлѣніемъ этихъ событій? Но умолкая, все же не можемъ мы не обратить вниманія читателей на сообщаемыя ниже телеграммы изъ Парижа и Вѣны, которыя свидѣтельствуютъ о смятеніи въ какомъ находится теперь Оттоманская Порта. Во имя Парижскаго трактата, умоляетъ она державы спасти ее своимъ посредничествомъ. Кончилась дипломатическая игра. Прекратилось дѣйствіе обмана одурявшаго Порту. Выступила наконецъ съ грозною рѣшимостью русская сила,—и гдѣ теперь этотъ кичливый тонъ, гдѣ это достоинство, не дозволявшее Турціи внимать увѣщаніямъ Европейскаго концерта, въ серіозность котораго она не безъ основанія не вѣрила, но на бѣду слишкомъ повѣрила уступчивости Россіи. И вотъ напрасны ея ходатайства. Державы, которыя возбуждали въ ней духъ противленія и ставили на дыбы ея фальшивое достоинство, теперь отрекаются и отъ Парижскаго трактата, и отъ ней самой, и говорятъ ей: „опоздала.“

Вотъ еще интересное явленіе: былъ миръ, было миролюбіе, была уступчивость, и дѣла томились въ застоѣ, фонды падали... Но вотъ раздалось снова твердое Царское слово, объявлена война, и биржа вдругъ отвѣчаетъ на это значительнымъ возвышеніемъ фондовъ и всѣхъ цѣнностей...

№ 89.

Москва, 14-го апрѣля.

Русскія войска переступили границу. Вся Россія, въ лицѣ своего Монарха, напутствовала ихъ на честный бой; вся Россія, отъ мала до велика, благословляетъ ихъ и молится за нихъ съ упованіемъ на торжество святаго дѣла.

Никакого противника презирать не слѣдуетъ; и малыми трудностями пренебрегать не должно. У насъ, слава Богу, нѣтъ самохвальства, нѣтъ кичливости. Въ послѣднее время мы были даже наклонны къ противной крайности. Намъ было какъ-то пріятно во всемъ уничижать себя, и преувеличивать трудности какія могутъ намъ встрѣтиться. Но въ рѣшительную минуту смущенію нѣтъ мѣста въ русскомъ сердцѣ. Кто изъ насъ не увѣренъ что и на этотъ разъ наше доблестное воинство явитъ себя, во всякомъ случаѣ, достойнымъ своего великаго и славнаго прошлаго?

Сомнѣнія, если еще въ комъ есть они, обращены не въ эту сторону, а развѣ на политическія обстоятельства. Но и съ этой стороны мы можемъ оставаться спокойны. Въ Европѣ нѣтъ элементовъ для опасной намъ коалиціи. Европу раздираютъ и волнуютъ слишкомъ много тайныхъ и явныхъ антагонизмовъ. Отчего европейскія биржи такъ встревожились когда вдругъ стала всѣмъ очевидна неизбѣжность нашей войны съ Турціей? Не за Турцію конечно встревожились биржевые аферисты всѣхъ

странъ, а также не за Россію еслибъ ей угрожала война съ цѣлымъ міромъ. Въ этой общей тревогѣ сказался страхъ чтобы грохотъ пушекъ на Дунаѣ не подалъ сигнала ко взрыву враждующихъ страстей скопившихся въ Европѣ...

Ближе всѣхъ къ театру войны Австро-Венгрія. Колебанія и двусмысленность ея политики условливаются ея природой. Она состоитъ изъ элементовъ непріязненныхъ между собою и центробѣжныхъ. Мы думаемъ что не столько вражда сколько союзъ съ ней можетъ быть опасенъ для нашего дѣла на Востокѣ; хотя, съ другой стороны, мы убѣждены что вѣрнѣйшая и единственно спасительная для самой Австріи политика была бы та которая соединила бы ее съ Россіей общимъ интересомъ. Не знаемъ возобладаетъ ли когда-либо въ Австріи эта политика, и наступила ли теперь для этого пора; но каково бы ни было ея настроеніе, она не отважится на борьбу съ Россіей, содержа въ своемъ составѣ столько сочувственныхъ и родственныхъ намъ элементовъ; Австрію не можетъ также не удерживать на пути благоразумія и мысль объ Италіи. Въ Италіи теперь, какъ сообщаютъ свѣдущіе люди, съ каждымъ днемъ усиливается движеніе въ пользу Славянъ, и вновь разгарается старинная ненависть къ Австріи. Партія господствующая нынѣ въ Италіи, какъ намъ передаютъ, недовольна нынѣшнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Мелегари, за его колебанія между Англіей и Россіей, и желаетъ чтобъ Италія рѣшительнѣе примкнула къ русской политикѣ. Если же Австрія рѣшилась бы выступить противъ турецкихъ христіанъ и противъ Россіи, то народный порывъ неудержимо устремитъ Италію противъ Австріи, съ которою она еще не свела своихъ счетовъ.

О Франціи и Германіи общій говоръ въ Европѣ что онѣ нейтрализуютъ другъ друга. Что касается Франціи, то она заботится только о томъ чтобъ остаться въ сторонѣ.

Охраненіе русскихъ интересовъ въ Турціи на время войны ввѣряется нашимъ правительствомъ германскому представительству при Портѣ, и Германія съ предупредительною готовностью принимаетъ на себя эту обязанность.

Отношенія между императорскими дворами, нашимъ и Германскимъ, не подлежатъ сомнѣнію, а интересы обѣихъ странъ ни въ чемъ существенно не сталкиваются и могутъ быть теперь соглашены до солидарности.

Могла удивить насъ телеграмма о скоромъ возвращеніи германскаго посла въ Константинополь. Зачѣмъ же было, всякій скажетъ, отзывать пословъ? Развѣ Турція сдѣлала что-нибудь для примиренія съ собой державъ, которыя порвали дипломатическія сношенія съ ней? Нѣтъ, Порта только повторила, и еще рѣзче, свой отказъ; положеніе ея предъ Европой стало еще хуже. Что же значитъ возобновленіе сношеній въ то время когда одна изъ державъ, дѣйствовавшая солидарно со всѣми, вынуждена объявить ей войну? Россія начинаетъ съ Турціей войну, а другія державы возобновляютъ дружескія къ ней сношенія. Англія не примѣръ; она и сама откровенно признается что играла комедію. Не для огражденія же русскихъ подданныхъ въ Турціи могло потребоваться возвращеніе посла Германіи. Ихъ, конечно, могъ бы столь же дѣйствительно охранять и оставшійся германскій повѣренный въ дѣлахъ, или сѣверо-американская миссія.

Но кажущееся на первый взглядъ загадочнымъ обстоятельство можетъ имѣть иное значеніе. Съ началомъ войны, при разгарѣ фанатизма, можетъ грозить опасность не однимъ русскимъ подданнымъ, которыхъ не можетъ быть очень много въ Турціи, а христіанамъ самой Турціи, и для ихъ охраненія дѣйствительно можетъ быть полезно присутствіе посла державы которой слово не можетъ не имѣть вѣса въ Константинополѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не на г. Леярда же положиться христіанамъ, если имъ будутъ грозить новыя опасности, при отсутствіи другихъ пословъ. Да и вообще присутствіе г. Леярда въ Константинополѣ при отсутствіи другихъ пословъ, не можетъ быть полезно. Справедливы подозрѣнія что представитель Англіи прежде всего присланъ съ цѣлью возобновить, при успѣхахъ русскаго оружія, дипломатическую комедію враждебную дѣлу христіанъ въ Турціи.

Германская политика можетъ при начавшейся войнѣ имѣть свои разчеты, но въ добромъ смыслѣ ея рѣшенія отправить новаго посла къ Портѣ ручается имя принца Рейса, если только дѣйствительно состоится это назначеніе. Онъ родственникъ нашему Царствующему Дому и несомнѣнно добрый другъ Россіи. Его не послали

бы за пустымъ дѣломъ; его не послали бы также съ цѣлію недружелюбною относительно Россіи.

Итакъ остается одна Англія. Ея турецкія симпатіи, или, лучше сказать, ея злобная вражда и къ намъ и къ дѣлу которое мы защищаемъ на Востокѣ, дѣло извѣстное. Но Англія, какъ и всегда, будетъ всячески стараться вредить намъ, а въ открытую борьбу съ нами, безъ другихъ союзниковъ кромѣ Турокъ, она не вступитъ. Лордъ Дарби объявилъ въ парламентѣ что Англія воевать не думаетъ, и заботится только объ охранѣ своихъ интересовъ. Посмотримъ какіе новые захваты замышляетъ она подъ видомъ охраны своихъ интересовъ: но ея вражда пугать насъ не можетъ. Она можетъ вредить намъ не столько оружіемъ сколько интригами. Въ дѣлѣ которое мы защищаемъ, она не можетъ быть намъ опасна и потому что ея совѣсть будетъ за насъ, честные и не предубѣжденные люди въ ней самой будутъ на нашей сторонѣ.

Вотъ кстати очень интересный характеристическій случай:

„Въ Плимутѣ, съ недѣлю тому назадъ, въ тамошнемъ Гилдгаллѣ давался концертъ съ благотворительною цѣлью, на который собралось до 2.000 слушателей. Послѣднею піесой въ программѣ было назначено исполненіе оркестромъ и хоромъ русскаго національнаго гимна. Предъ тѣмъ какъ заиграли его, одинъ лордъ изъ Беконсфильдовской партіи со своимъ семействомъ всталъ и вышелъ изъ залы; за ними послѣдовало нѣсколько человѣкъ. Но масса слушателей остались въ залѣ и всѣ встали, а немногіе какъ раздался нашъ гимнъ продолжавшіе сидѣть были *освистаны*.“

№ 90.

Москва, 15-го апрѣля.

12 апрѣля, въ 5 часовъ пополудни, на границѣ Россіи и Румыніи, на станціи желѣзной дороги Унгены, раздались слова Царя Освободителя: „Храни васъ Богъ! Поддержите честь русскаго оружія!“

Это были послѣднія напутственныя слова, съ которыми Государь Императоръ обратился къ офицерамъ войскъ занимавшихъ Унгены, въ ожиданіи приказа перейти границу.

Затѣмъ наши войска вступили въ предѣлы Румыніи, и Суворовскими переходами двинулись къ Дунаю, переходъ черезъ который есть ея первая и самая трудная задача.

Румынскую границу русская армія перешла въ трехъ пунктахъ: въ Унгенахъ, Бештамакѣ и Кубеяхъ, и къ вечеру того же числа войска наши заняли Яссы, Леово, Галацъ, Рени и Барбожскій мостъ на Серетѣ.

Послѣдніе три пункта, то-есть Рени, Галацъ и Барбожскій мостъ, въ этотъ день были заняты передовыми отрядами нашей кавалеріи, а 13-го въ эти пункты, а равно и въ Браиловъ, подоспѣли и остальные роды войскъ, входящіе въ составъ 11-го корпуса, подъ общимъ начальствомъ полковника Бискупскаго. Такимъ образомъ, въ первые два дня по объявленіи войны, русскія войска распространились вдоль теченія Дуная на 150 верстъ, причемъ наиболѣе выдвинувшіяся части ихъ находились отъ конечныхъ точекъ русской границы въ разстояніи слишкомъ 100 верстъ.

Данныя заключающіяся въ телеграммахъ *Правительственнаго Вѣстника* даютъ возможность судить о движеніи только одной колонны русскихъ войскъ, а именно перешедшей границу въ Кубеяхъ. Колонна эта слѣдуетъ дорогой на Бѣлградъ, Галацъ, Браиловъ къ Букуреште и Силистріи. Что же касается остальныхъ двухъ колоннъ, то телеграфныя извѣстія оставляютъ ихъ головы въ Леовѣ и Яссахъ, и о дальнѣйшемъ ихъ движеніи мы почти не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Которой изъ трехъ вышеназванныхъ колоннъ выпадетъ на долю трудная задача форсировать переправу черезъ Дунай, неизвѣстно, какъ неизвѣстенъ и тотъ пунктъ у котораго придется русскимъ войскамъ въ пятый разъ переходить Дунай, для исполненія великой миссіи освобожденія южныхъ Славянъ изъ-подъ турецкаго ига.

Одновременно со вступленіемъ Южной дѣйствующей арміи въ предѣлы Румыніи, вѣроятно и Кавказская армія также перешла Турецкую границу и двинулась къ нашему старому знакомцу, Карсу. Мы еще не имѣемъ объ этомъ своихъ официальныхъ извѣстій, но телеграммы изъ Константинополя свидѣтельствуютъ что не только переходъ этотъ дѣйствительно состоялся, но и произошли уже двѣ стычки, которымъ, впрочемъ, турецкія телеграм-

мы не придаютъ большаго значенія. Гдѣ произошла первая стычка между русскими и турецкими войсками неизвѣстно, что же касается второй, то по извѣстіямъ изъ Константинополя, она имѣла мѣсто въ Гумѣ: это даетъ основаніе полагать что въ этомъ дѣлѣ участвовали войска наступающія изъ Александрополя. Телеграмма Международнаго Агентства сообщаетъ что въ этомъ второмъ боѣ нашъ кордонъ взялъ въ плѣнъ турецкихъ офицеровъ и значительное число нижнихъ чиновъ. Но и изъ турецкихъ телеграммъ ясно что въ этихъ двухъ первыхъ встрѣчахъ на азіятскомъ театрѣ войны верхъ остался за нами. Константинопольская телеграмма не удовольствовалась бы простымъ извѣщеніемъ о стычкахъ еслибъ онѣ могли быть истолкованы въ пользу Турокъ; она провозгласила бы ихъ своими побѣдами еслибы былъ къ тому хотя малѣйшій поводъ.

Главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій будетъ, однако, восточная часть Балканскаго полуострова. Убѣжденные въ томъ что планъ предстоящей кампаніи обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ, что армія наша исполнена наилучшаго духа и снабжена всѣмъ необходимымъ согласно современнымъ требованіямъ военнаго искусства, мы должны однако представлять себѣ ясно и тѣ трудности которыя ей предстоитъ преодолѣть. Настоящая война выходитъ изъ ряда; противникъ чуетъ бѣду и собралъ всѣ свои силы, а потому надо ожидать отчаяннаго сопротивленія. Война давно ожидалась, два года грозила она вспыхнуть со дня на день; стало-быть Туркамъ было достаточно времени принять всѣ мѣры обороны. Не безполезно будетъ воскресить въ памяти топографію театра войны привлекающаго теперь всемірное на себя вниманіе.

Дунай со стороны Турціи прикрываетъ предѣлы Болгаріи отъ Виддина до Галаца, на протяженіи около 600 верстъ и далѣе до Тульчи на правомъ берегу еще верстъ на 70. На всемъ этомъ пространствѣ, правый берегъ, за весьма рѣдкими исключеніями, господствуетъ надъ лѣвымъ, и кромѣ того защищенъ цѣлою системой крѣпостей. Почти при самомъ поворотѣ теченія Дуная съ сѣвера на востокъ находится первоклассная крѣпость Виддинъ, окруженная неприступными по мнѣнію Турокъ верками и защищается, по словамъ иностранныхъ газетъ, значительнымъ гарнизономъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, въ которомъ вмѣстѣ съ гарнизономъ насчитываютъ до 65 тысячъ. Назначеніе этой крѣпости оборонять переправу съ противоположнаго командующаго Валахскаго берега, облегчаемую кромѣ того находящимся по срединѣ Дуная, между Калафатомъ и Виддиномъ, островомъ Марѣ. На протяженіи отъ Калафата до устья рѣки Жіо, лѣвый берегъ Дуная, окаймленный въ нѣкоторомъ разстояніи цѣпью сплошныхъ холмовъ, переходитъ въ равнину, и не представляя никакихъ удобствъ для переправы, обороняется съ турецкой стороны крѣпостью Рахово, расположенною противъ устья названнаго притока. Далѣе, внизъ по теченію Дуная, на всемъ пространствѣ отъ рѣки Жіо до рѣки Ольты, противъ устья которой находится укрѣпленный Никополь, самый удобный пунктъ для переправы близъ селенія Челеи, гдѣ хотя и командуетъ правый берегъ, но нѣтъ укрѣпленій, а длинная коса земли врѣзывающаяся въ Дунай уменьшаетъ размѣры моста, облегчая его постройку. На всемъ длинномъ пространствѣ отъ рѣки Ольты до Калараша, обороняемомъ съ турецкой стороны крѣпостями: Систово, Рущукъ, Туртукай и Силистрія, лѣвый берегъ болотистъ, изрѣзанъ канавами, и по мнѣнію нашего военнаго историка генерала Богдановича непереходимъ иначе какъ зимой, когда замерзаютъ болота, или знойнымъ лѣтомъ, когда они пересыхаютъ. Пространство отъ Силистріи на Черноводы, гдѣ Дунай снова поднимается къ сѣверу до Гирсова, требуетъ двойной переправы, такъ какъ здѣсь образуется треугольникъ, одна сторона котораго Дунай отъ Силистріи до Черноводъ, другая сторона Дунай же отъ Черноводъ до Гирсова и третья длинный рукавъ Дуная Борча отъ Силистріи до Гирсова; здѣсь лѣвый берегъ рукава гористъ и крутъ. Выше Гирсова близъ селенія Гури-Яломица, при возвышенномъ лѣвомъ берегѣ, Дунай достигаетъ ширины не болѣе 350 кв. саж., далѣе же вплоть до самого устья весь лѣвый берегъ рѣки, за исключеніемъ пятиверстнаго пространства у Браилова, крайне болотистъ, и кромѣ того обороняется съ турецкой стороны крѣпостями: Мачитъ, Исакча и Тульча. Не забудемъ что кромѣ неподвижныхъ крѣпостей обороняющихъ это пространство, Турки обладаютъ крѣпостями подвижными, — рѣчною флотиліей заключающею

въ себѣ семь броненосныхъ судовъ вооруженныхъ тяжелою артиллеріей; наконецъ, примемъ во вниманіе значительныя силы собранныя Турками для встрѣчи русской арміи, заключающіяся, по словамъ иностранныхъ газетъ, въ двухъ корпусахъ: *второмъ*, съ главною квартирой въ Шумлѣ, корпусный командиръ Ахмедъ-Эйюбъ-паша, 72.000 солдатъ при 2.888 лошадяхъ, 96 полевыхъ и 1.254 крѣпостныхъ орудіяхъ; и *первомъ* въ резервѣ, съ главною квартирой въ Константинополѣ, корпусный командиръ Гусейнъ-паша, 115.800 солдатъ, при 4.200 лошадяхъ и 182 полевыхъ орудіяхъ. Вотъ съ чѣмъ сейчасъ же придется имѣть дѣло русской арміи; переходъ черезъ Дунай при теперешнихъ условіяхъ будетъ ея первымъ подвигомъ, подвигомъ не легкимъ. Мы ни слова не говоримъ о переправѣ черезъ Дунай со стороны Сербіи, такъ какъ въ этой мѣстности, за исключеніемъ быстраго теченія, достигающаго мѣстами 6 футъ въ секунду, особенныхъ преградъ не встрѣчается.

По извѣстіямъ сообщаемымъ въ иностранныхъ газетахъ, первыми перешли Прутъ слѣдующія части нашей арміи: 53-й Виленскій пѣхотный полкъ, 54-й Минскій пѣхотный полкъ, 14-я артиллерійская бригада, 14 сотенъ Донскихъ, Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ, два баталіона понтонной команды, двѣ роты матросовъ Черноморскаго флота и два саперные баталіона. Эти свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ вѣнской *Политической Корреспонденціи*. Кишиневскій корреспондентъ этой газеты еще 16 апрѣля н. с. сообщилъ о выступленіи этихъ частей изъ Кишинева къ Пруту. Названная вѣнская газета всегда отличалась солидностью свѣдѣній сообщаемыхъ ею изъ Россіи какъ дипломатическихъ, такъ и высшаго свойства. Вся иностранная печать постоянно заимствуетъ изъ нея свѣдѣнія относящіяся до нашихъ обѣихъ армій, Южной и Кавказской. Насколько они вѣрны сказать не можемъ; но свѣдѣнія эти отличаются всегда тономъ искренняго дружелюбія къ Россіи и почти нельзя сомнѣваться что они заимствованы изъ надежнаго источника безъ преступнаго нарушенія стратегическихъ соображеній которыя подлежатъ тайнѣ. Но не странно ли что всѣ эти свѣдѣнія остаются секретомъ для русской печати и что русская публика, коей всѣ помыслы сосредоточены теперь исключительно на нашей дѣйствующей арміи, лишена тѣхъ свѣдѣній которыя безпрепятственно доходятъ до иностранной публики, а стало-быть и до нашихъ враговъ? Мы понимаемъ всю силу тѣхъ соображеній которыя предписываютъ соблюдать величайшую осторожность при обнародованіи свѣдѣній относящихся до передвиженія войска, и нисколько не сѣтуемъ на то что вслѣдствіе необходимости скрыть отъ враговъ направленіе готовящихся имъ ударовъ должно сократиться и наше любопытство. Но что обнародовано за границей, то уже не есть секретъ для непріятеля, почему же оно должно оставаться секретомъ для русской публики?

Эта аномалія есть, конечно, не болѣе какъ случайность, которая, при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ операцій и при возрастающемъ съ каждою минутой интересѣ общества къ военнымъ событіямъ, устранится сама собою.

№ 91.

Москва, 16-го апрѣля.

А.

Еще ли кто будетъ сомнѣваться въ искренности народнаго движенія возбужденнаго въ Россіи событіями на Востокѣ, и въ народности войны которую Русскій Царь предпринялъ на защиту христіанскихъ населеній Востока? Люди которымъ желалось бы, въ какихъ бы то ни было видахъ, разъединить Русскаго Царя съ Его народомъ, готовы клеветать на всякое русское чувство, и видѣть бунтъ даже въ изъявленіяхъ народной любви и преданности народа своему Государю, готовы заподозрить даже Церковь Православную въ возбужденіи мятежныхъ чувствъ и Евангеліе въ распространеніи опаснаго демократическаго духа,—люди такого свойства не могутъ благопріятно смотрѣть на то что творится теперь въ нашемъ Отечествѣ, не могутъ радоваться событіямъ въ которыхъ Русскій Царь и народъ одно мыслятъ и заодно дѣйствуютъ. Они признаютъ только такую политику правильною и безопасною въ которой правительство поступало бы наперекоръ и народному чувству и преданіямъ Русской исторіи, и въ которой правительство было бы органомъ

какихъ угодно интересовъ только не русскихъ. Только такую политику признаютъ они и просвѣщенною и безопасною, и либеральною и консервативною, которая отрекается отъ своей страны и дѣйствуетъ по программѣ враждебныхъ ей интересовъ. Противники Россіи всегда были сильны тѣмъ что находили себѣ подмогу въ этомъ удивительномъ варварствѣ, которое еще держится въ нашемъ обществѣ и которое полагаетъ что цивилизація, гуманность и прочія прекрасныя вещи состоятъ въ отчужденіи отъ своего народа, и что русское правительство должно быть какъ можно болѣе не-русскимъ. Эти люди, такъ же какъ и противники наши за границей, трепещутъ всякаго сближенія Русскаго Царя съ Его народомъ и всякаго дѣйствія, всякой правительственной мѣры вытекающей изъ того единодушія въ которомъ всегда была и всегда будетъ непресборимая сила Россіи. Все въ нашемъ Отечествѣ воскресаетъ и одушевляется при всякомъ выраженіи этого единодушія, при всякомъ случаѣ которымъ оно знаменуется...

Еще ли будутъ сомнѣваться что предпринятая теперь Россіей война популярна въ ней, что сочувствіе дѣлу вызвавшему эту войну не есть искусственное возбужденіе, какъ говорили клеветники? Еще ли будутъ говорить эти люди что Москва умѣетъ только кричать для изъявленія своего патріотизма? Что скажутъ они объ этихъ пожертвованіяхъ которыми Москва сразу привѣтствовала объявленіе войны? Радостно было Нашему Державному Вождю, въ минуту великаго рѣшенія, узнать объ этихъ приношеніяхъ, столь достойныхъ первопрестольной столицы Россіи, и глубоко отозвалось въ ней сердечное слово благодарности Государя... Съ какимъ чувствомъ встрѣтитъ завтра Москва день рожденія родившагося въ ней Царя-Освободителя!

Б.

Сегодняшнія телеграммы не принесли намъ извѣстій которыя могли бы въ чемъ-нибудь существенномъ дополнить сказанное нами вчера о движеніи нашихъ войскъ. Войска наши продолжаютъ бодро подвигаться впередъ, и вчера, 15 числа, 11 армейскій корпусъ занялъ Галацъ и Браиловъ, а 36 дивизіей заняты Измаилъ и Килія.

Повсюду на своемъ пути русскія войска встрѣчаются жителями Румыніи самымъ радушнымъ образомъ. Печатаемый выше въ офиціальной части приказъ, отданный по войскамъ при ихъ выступленіи Главнокомандующимъ, еще болѣе долженъ усилить это естественное сочувствіе къ намъ жителей мѣстностей гдѣ предстоитъ двигаться нашимъ войскамъ, что несомнѣнно облегчитъ ихъ будущія операціи.

На Болгарскій же народъ, какъ видно, вѣсть о выступленіи русскихъ войскъ подѣйствовала съ воскрешающею силою. Онъ встрепенулся, и ждетъ съ трепетною радостью своихъ избавителей. Болгары живущіе въ предѣлахъ нашего отечества несутъ посильныя пожертвованія на помощь арміи идущей избавить ихъ братьевъ отъ ига. Живущіе же въ Румыніи Болгары въ своемъ восторгѣ призываютъ весь Болгарскій народъ къ оружію для содѣйствія своимъ освободителямъ. Мы боимся только чтобы преждевременная вспышка не причинила новыхъ бѣдствій этимъ злополучнымъ населеніямъ. Они находятся во власти Турокъ которые на безоружныхъ могутъ излить свою месть прежде чѣмъ подоспѣютъ освободители. Лучше потерпѣть пока наши войска еще не за Дунаемъ.

Военныя дѣйствія, какъ видно изъ полученной сегодня чрезъ Берлинъ телеграммы, начались и на крайнемъ западномъ театрѣ войны гдѣ наши геройскіе союзники, Черногорцы, ожидаютъ наступленія Турецкой силы значительно превосходящей ихъ численностью. Вѣсть объ объявленіи Россіей войны должна окрылить Черногорцевъ: въ Цетиньѣ встрѣтили ее восторженными кликами: *да здравствуетъ Русскій Царь!* О той рѣшимости съ которою вступаетъ вновь въ борьбу Черногорія и о средствахъ какими на этотъ разъ располагаетъ она, находимъ слѣдующія, особенно интересныя для настоящаго момента, указанія въ письмѣ изъ Цетинья отъ 14 апрѣля въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію*. Когда въ Черногоріи, сказано въ этомъ письмѣ, убѣдились въ неизбѣжности вновь начать борьбу, то приняли твердое рѣшеніе на этотъ разъ не выпускать меча изъ рукъ, пока не будутъ добыты необходимыя для Черногоріи условія существованія. Прежде всего Черногорцы полагаютъ что должна быть присоединена къ Княжеству та часть Герцего-

вины которая клинообразно входитъ въ Черногорскую территорію, то-есть Никшицкое плоскогорье, христіанское населеніе котораго всегда тянуло къ Цетинью. Этимъ Черногорія пріобрѣла бы частицу плодородной земли и нѣсколько тысячъ храбрыхъ воиновъ. Далѣе считается необходимостью во что бы то ни стало пріобрѣсть владѣніе сѣверною частью Албаніи, то-есть областью Колошина, Спужа и Подгорицы, что сблизитъ Мирдитовъ съ Черногорцами и улучшитъ въ значительной степени стратегическое положеніе Черногоріи, такъ какъ Турки постоянно пользовались этими мѣстностями для вторженія въ Княжество. Наконецъ, независимость Черногоріи, высокомѣрно до сихъ поръ не признаваемая Портой, какъ то свидѣтельствуетъ послѣдняя циркулярная нота Савфетъ-паши, должна быть торжественно признана. Какъ утверждаетъ цитуемый нами корреспондентъ, эта программа единогласно была принята на совѣтѣ происходившемъ въ Цетиньѣ 13 апрѣля, и послѣ того дано было приказаніе черногорскимъ делегатамъ изъ Константинополя прослѣдовать въ Кишиневъ, представить эту программу на усмотрѣніе Государя Императора и просить содѣйствія Россіи для ея осуществленія.

Черногорцы, такимъ образомъ, вступаютъ въ войну съ увѣренностью, и въ этой увѣренности ихъ подкрѣпляетъ сознаніе большей чѣмъ прежде подготовленности своей для веденія войны. *Политическая Корреспонденція* сообщаетъ слѣдующіе факты: Въ іюлѣ прошлаго года Черногорія вступила въ войну располагая лишь 13.600 черногорскихъ и 5.400 герцеговинскихъ бойцовъ. Военнаго матеріала у ней было 8.000 скорострѣлокъ, 7.500 винтовокъ и 12.000 старыхъ ружей различной конструкціи, 4 Крупповскія пушки, 24 орудія системы Ла-Гитта, 20 горныхъ орудій, 18.000 ханджаровъ, 800 сабель, 2.800 револьверовъ и 6.750 пистолетовъ. Теперь оружія гораздо больше, качество его значительно лучше и бойцовъ числомъ больше. Силы черногорскія состоятъ теперь: изъ Черногорцевъ перваго призыва, числомъ 15.804 человѣкъ, изъ Черногорцевъ втораго призыва 2.060 человѣкъ и Герцеговинцевъ 6.890, а всего 24.754. Ружей имѣется въ распоряженіи до 39 тысячъ, изъ коихъ 14.200 скорострѣлокъ. Орудій 92, изъ коихъ 16 Крупповскихъ, 24 системы Ла Гитта, 40 горныхъ и 12 осадныхъ. Наконецъ, Черногорія снабжена въ изобиліи деньгами и провіантомъ, котораго достанетъ до 1 октября. Черногорцы Цетинской нахіи, выступая 14 апрѣля на встрѣчу врагамъ къ Дужскому проходу, отвѣчали своему командиру указавшему имъ въ своей рѣчи на важность предстоящей имъ задачи: „Господарь! Мы идемъ къ вѣрной побѣдѣ; мы теперь вооружены какъ никогда.“

№ 93.

Москва, 18-го апрѣля.

А.

Съ радостію печатаемъ сегодня объявленіе отъ устроеннаго въ Петербургѣ и вполнѣ уже организованнаго центральнаго склада Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ. Такой же складъ устраивается и въ Москвѣ. Кто не оцѣнитъ теперь важности такого учрежденія? Центральные склады имѣютъ своимъ назначеніемъ снабжать госпитали *исключительно* дѣйствующей арміи предметами ухода за больными и ранеными, между тѣмъ какъ остальные склады Общества будутъ заботиться о снабженіи тѣми же предметами внутреннихъ госпиталей, куда больные и раненые будутъ уже доставляться изъ первыхъ госпиталей, по мѣрѣ ихъ очищенія.

Утѣшительно видѣть съ самой первой минуты эту живую, столь усердную общественную заботливость о неизбѣжныхъ жертвахъ войны. Августѣйшая Покровительница Общества, Государыня Императрица, принимаетъ живѣйшее участіе въ этомъ истинно святомъ дѣлѣ, и мы не сомнѣваемся что русскій отдѣлъ Краснаго Креста сумѣетъ стать на высотѣ своего призванія и достойно исполнить свои обязанности. Заботливый уходъ за ранеными и больными во время войны, кромѣ своего высокаго христіанскаго значенія, есть одна изъ важнѣйшихъ частей въ общей экономіи арміи. Отъ правильной постановки этой части, столько же какъ отъ хорошаго интендантства, и вообще отъ снабженія арміи необходимыми принадлежностями коихъ требуютъ новѣйшія, весьма усложнившіяся условія военныхъ дѣйствій, зависитъ и самая ихъ успѣшность. Компетентные военные

люди, какъ напримѣръ генералъ-лейтенантъ Богдановичъ, въ предисловіи къ недавно изданной имъ исторіи Восточной Войны, одну изъ причинъ нашихъ неудачъ въ то время видитъ не только въ неудовлетворительномъ вооруженіи войскъ и злоупотребленіяхъ интендантства, но и въ плохомъ устройствѣ санитарной части.

Общество о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ встрѣтило живѣйшее сочувствіе во всѣхъ классахъ народа, во всѣхъ мѣстностяхъ страны. Посмотрите, какъ наперерывъ и съ какимъ усердіемъ, съ какимъ довѣріемъ несутъ города и сословія свои пожертвованія на это дѣло! Слава Богу! Потребности армій, и особенно новѣйшія усовершенствованія въ орудіяхъ истребленія, вызываютъ болѣе усиленное напряженіе для устройства санитарной части. Мы не можемъ ограничиваться только уроками Восточной Войны; мы должны принять къ свѣдѣнію также полезныя указанія и послѣ бывшихъ большихъ войнъ: Итальянской, Австро-Прусской, Франко-Германской. И этого мало. Намъ нельзя ограничиться простымъ усвоеніемъ результатовъ чужаго опыта; намъ предстоитъ еще переработать ихъ для примѣненія къ особеннымъ условіямъ настоящаго театра войны.

Предусмотрительность, заботливость въ приготовленіи всего нужнаго для санитарныхъ нуждъ арміи есть первое дѣло; правильная организація въ снабженіи ея заготовленнымъ есть второе. Ни въ чемъ благотворительность общественная и частная въ время войны не можетъ такъ плодотворно выразиться какъ въ доставленіи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Теперь, при существованіи Краснаго Креста, открывается широкій просторъ для дѣлъ милосердія. Не оскудѣвали и не оскудѣютъ вещественныя приношенія; не оскудѣвала и не оскудѣетъ и готовность жертвы личнымъ трудомъ и участіемъ. Тому и другому нужно только дать направленіе. Особенно важно чтобы все заготовленное и приспособленное доставлялось именно туда гдѣ оно болѣе всего нужно, и въ ту минуту когда потребуется. Для этой-то цѣли главные склады, которые должны заботиться о снабженіи всѣмъ нужнымъ госпиталей дѣйствующей арміи, могутъ принести великую пользу. Привѣтствуемъ въ этой заботливости вѣрный взглядъ на дѣло. Именно тамъ, въ госпиталяхъ дѣйствующей арміи, и встрѣтится прежде всего наибольшій спросъ по всѣмъ предметамъ санитарной части.

Какъ всѣмъ извѣстно, процентъ выздоровленія раненыхъ находится въ зависимости отъ своевременной врачебной помощи на полѣ битвы. По свидѣтельству многихъ хирурговъ, большинство раненыхъ умираетъ на полѣ сраженія отъ кровотеченій, и число смертныхъ случаевъ сокращается съ умноженіемъ полевыхъ хирурговъ. Съ другой стороны, наблюденія показываютъ что чѣмъ менѣе тревожимъ раненый органъ, чѣмъ менѣе безпокоится больной какъ окружающею обстановкой такъ и передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто, тѣмъ скорѣе наступаетъ возстановленіе силъ раненаго. Въ виду этого, при всѣхъ арміяхъ устраиваются военно-полевые лазареты въ тылу; но при современномъ состояніи военнаго искусства эпидемія пуль и ядеръ доходитъ до такихъ размѣровъ что никакое правительство не могло бы удовлетворить потребностямъ арміи въ санитарномъ отношеніи безъ частной помощи. Чѣмъ больше устроено лазаретовъ въ тылу арміи, въ ближайшемъ разстояніи отъ нея, тѣмъ лучше раненымъ. Мало того, многіе могли бы оставаться въ лазаретѣ до полнаго выздоровленія, и выздоровленіе ускорилось бы и сократилось бы число смертныхъ случаевъ.

Теперь всѣми признанъ вредъ отъ скученія больныхъ, и принята система распредѣленія ихъ небольшими партіями. На нее обращаетъ особенное вниманіе и знаменитый хирургъ нашъ академикъ Пироговъ въ своемъ отчетѣ о посѣщеніи лазаретовъ въ Альзасѣ и Лотарингіи въ войну 1870—71 года. Но изъ его же отчета мы узнаемъ что бо́льшая часть германскихъ госпиталей были расположены въ Саарбрюкенѣ, Ромильи, Понтъ-а-Мусонѣ, Корни, Горзѣ, Нанси, Страсбургѣ, Карлсруэ, Швейцингенѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, то-есть или въ самомъ тылу арміи или въ близкомъ отъ нея сосѣдствѣ. Въ этихъ госпиталяхъ онъ нашелъ самый большой процентъ раненыхъ; въ Берлинѣ, несмотря на громадныя помѣщенія, было не болѣе 500 кроватей занятыхъ ранеными. Тѣмъ болѣе придется это соблюдать намъ при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ и при меньшихъ удобствахъ путей сообщенія.

Въ устройствѣ Московскаго центральнаго склада для снабженія госпиталей

Дѣйствующей Арміи принимаетъ участіе Марья Васильевна Дурново, которую благословила на это дѣло Августѣйшая Покровительница Общества, и многія другія лица. Завтра ожидается первое засѣданіе всѣхъ записавшихся въ учредители склада, для коего имѣются уже въ виду значительныя пожертвованія.

Б.

Патріотическое одушевленіе отозвалось и въ учебномъ мірѣ гдѣ зрѣютъ надежды нашего отечества...

Мы слышали что среднія учебныя заведенія Московскаго округа, въ лицѣ какъ служащихъ такъ и учащихся въ нихъ, чувствуя важность переживаемой Россіей эпохи, пожелали принять участіе въ пожертвованіяхъ, которыя такъ обильно шлются со всѣхъ концовъ Россіи, громко свидѣтельствуя о настроеніи какимъ одушевлено все ея населеніе отъ мала до велика.

Очень естественно что люди стоящіе при дѣлѣ воспитанія пожелали и пожертвованія свои соединить съ дѣломъ воспитанія. Въ этихъ видахъ, какъ говорятъ, предполагается:

1. Учредить на добровольныя приношенія служащихъ и учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа *) пять, а если окажется возможнымъ и болѣе, стипендій, присвоивъ имъ наименованіе: Маріинскія стипендіи Краснаго Креста учрежденныя въ память 12 апрѣля 1877 года.

2. Стипендіи эти назначаются для дѣтей воиновъ которымъ суждено будетъ пасть въ войнѣ за освобожденіе христіанъ отъ ига Турокъ.

3. Каждая стипендія, кромѣ общаго наименованія, можетъ имѣть еще особенное, соединенное съ памятью объ одномъ изъ славныхъ именъ нашей исторіи.

4. Собранную къ началу будущаго учебнаго года (къ концу августа) сумму желаютъ представить, чрезъ начальство Округа, въ распоряженіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Въ случаѣ успѣха сего ходатайства, назначеніе стипендіатовъ и стипендіатокъ зависѣло бы отъ Августѣйшей Покровительницы Общества о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ.

*) Нѣтъ сомнѣнія что жертвователями на такое благое дѣло явятся и не одни эти заведенія. Иниціатива принадлежитъ имъ, но къ нимъ, мы увѣрены, примкнутъ многіе.

№ 94.

Москва, 19-го апрѣля.

Какъ разъ въ самый день объявленія войны фельдмаршалъ графъ Мольтке произнесъ въ Германскомъ рейхстагѣ рѣчь которая произвела какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Парижѣ большую тревогу: въ ней увидѣли рѣшительное подтвержденіе упорно державшагося въ разныхъ политическихъ сферахъ мнѣнія что Германія, то есть князь Бисмаркъ, дѣйствовала во все время восточнаго кризиса подъ рукой такимъ образомъ чтобы довести дѣло до войны на Востокѣ, въ видахъ окончательнаго разчета съ Франціей. Рѣчь графа Мольтке мы привели вчера. Пренія вызвавшія эту рѣчь доказываютъ во всякомъ случаѣ одно: что видимый поводъ, по которому „великій молчальникъ,“ какъ называютъ въ Германіи графа Мольтке, отверзъ свои уста, да еще въ такую критическую минуту, далеко не соотвѣтствовалъ цѣли. Рѣчь шла о ничтожномъ расходѣ въ 500 тысячъ марокъ на увеличеніе состава пѣхотныхъ полковъ германской арміи прибавкою по одному капитану на полкъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ что эта статья расхода была была бы утверждена Рейхстагомъ и безъ такихъ сильныхъ средствъ какъ авторитетъ знаменитаго начальника главнаго штаба германской арміи. Предложеніе объ этомъ расходѣ встрѣтило лишь весьма слабое возраженіе со стороны одного прогрессистскаго оратора, слова котораго не могли произвести особаго впечатлѣнія на палату. И вотъ вдругъ, на это возраженіе, поднялся самъ графъ Мольтке. Знаменитый полководецъ не ограничился при этомъ одними техническими соображеніями; но сталъ говорить объ общемъ политическомъ положеніи Германіи по отношенію ко Франціи, замѣтивъ при этомъ что онъ „хотя и раздѣляетъ желанія и надежды предъ симъ говорившаго за поддержаніе мира въ Европѣ, но *увѣренности* въ этомъ не раздѣляетъ.“ Графъ Мольтке указалъ на то что Франція успѣла, путемъ энергической и настойчивой работы которой германскій полководецъ отдаетъ полную справедли-

вость, совершенно преобразовать свою армію и довела ее до боевой силы значительно превосходящей германскую. Но важнѣе всего въ рѣчи графа Мольтке было то мѣсто гдѣ онъ указалъ на угрожающее для Германіи расположеніе французской арміи, а именно на то что между Парижемъ и Германскою границей сосредоточено слишкомъ большое число войска, особенно артиллеріи и кавалеріи, прибавивъ къ этому что „такой порядокъ вещей рано или поздно долженъ вызвать со стороны Германіи соотвѣтственныя уравнительныя мѣропріятія.“

Такія рѣчи въ устахъ графа Мольтке не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія; онѣ должны были вызвать панику въ Парижѣ, хотя графъ Мольтке поспѣшилъ оговориться и засвидѣтельствовалъ о миролюбіи Германіи. Даже берлинскія газеты на первыхъ порахъ истолковали рѣчь графа Мольтке въ смыслѣ политической манифестаціи по адресу Франціи. „Можно съ достовѣрностью утверждать,“ сказано было въ *National Zeitung* въ самый день произнесенія рѣчи, „что заявленіе начальника главнаго штаба было сдѣлано послѣ предварительнаго соглашенія съ имперскимъ канцлеромъ и военнымъ министромъ. Можно даже предположить что формѣ парламентскаго заявленія было отдано предпочтеніе предъ посылкою ноты, которая въ данную минуту могла бы показаться черезчуръ энергическимъ шагомъ.“ Названная газета думаетъ что германскому послу въ Парижѣ будетъ поручено разъяснить Французскому правительству точку зрѣнія Германіи на этотъ вопросъ, и надѣется что взаимныя разъясненія устранятъ недоразумѣнія и поддержатъ миръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ берлинскія газеты сообщаютъ о значительномъ усиленіи войскъ расположенныхъ въ Альзасъ-Лотарингіи, въ видахъ уравненія силъ, о коемъ говорилъ графъ Мольтке. Вопросъ этотъ будетъ де въ подробности разсмотрѣнъ и рѣшенъ въ предстоящую поѣздку императора Вильгельма въ Страсбургъ и Мецъ, куда его будутъ сопровождать наслѣдный принцъ, военный министръ и графъ Мольтке.

Спустя два дня послѣ знаменательной рѣчи графа Мольтке, въ томъ же германскомъ сеймѣ было приложено стараніе чтобы по возможности ослабить слишкомъ тревожное впечатлѣніе этой рѣчи. Трудъ этотъ взялъ на себя депутатъ Ласкеръ, который заявилъ о безусловномъ довѣріи страны и имперскаго сейма къ политикѣ князя Бисмарка, довѣріи столь безграничномъ что онъ считаетъ совершенно излишнимъ требовать оть правительства какихъ бы то ни было разъясненій касательно его намѣреній въ виду возгорѣвшейся войны, на чемъ настаивали со стороны партіи центра. При этомъ, возражая тѣмъ же ораторамъ центра, г. Ласкеръ истолковалъ въ самомъ мирномъ смыслѣ рѣчь произнесенную графомъ Мольтке, а графъ Мольтке сказалъ что г. Ласкеръ „сдѣлалъ это лучше чѣмъ могъ бы онъ самъ.“

Національно-либеральная партія, въ лицѣ г. Ласкера, поспѣшила заглушить „нескромныя разсужденія“ объ иностранныхъ дѣлахъ которыя пытались было поднять католическіе клерикалы. Вожаки этой партіи, гг. Йергъ и Виндгорстъ, были дѣйствительно очень нескромны: они прямо заявили, вопервыхъ, о своей глубокой ненависти къ Россіи, которая является де на Балканскомъ полуостровѣ покровительницею „схизмы,“ а вовторыхъ, эти ораторы указывали на то что Германія вовсе не такъ мало заинтересована въ судьбѣ Балканскаго полуострова какъ старался увѣрять князь Бисмаркъ. Г. Йергъ, какъ Баварецъ, объяснилъ что его отечество есть страна Придунайская и потому не можетъ относиться равнодушно къ судьбѣ низовьевъ этой рѣки. Клерикальный ораторъ доказывалъ что Германія лишь до тѣхъ поръ можетъ оставаться равнодушною зрительницею борьбы между Россіей и Турціей пока не будутъ затронуты жизненные интересы Австріи „которые суть въ то же время интересы Германіи.“ Что касается владычества Турокъ, то баварскій клерикалъ полагаетъ что ему долженъ быть положенъ конецъ, съ замѣной онаго „западно-христіанскимъ управленіемъ,“ причемъ онъ поспѣшилъ оговориться что Россію онъ не причисляетъ къ Западу. Возражая г. Йергу, г. Ласкеръ въ свою очередь замѣтилъ что и по его мнѣнію не слѣдуетъ допускать чтобы Россія добилась настоящею войной какихъ-либо односторонихъ своихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи съ г. Йергомъ согласны де не только всѣ партіи въ Германіи, но и всѣ европейскія государства. Онъ, г. Ласкеръ, спокоенъ на этотъ счетъ лишь потому что князь Бисмаркъ, еще въ рѣчи

произнесенной въ Рейхстагѣ 5 декабря прошедшаго года, удостовѣрилъ что такой опасности со стороны Россіи не существуетъ и что война, какъ онъ надѣется, будетъ локализована; если же она разгорится въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, то князь Бисмаркъ удержалъ де полную свободу дѣйствій для Германіи. Вотъ почему національ-либералы взираютъ на будущее съ полнымъ спокойствіемъ и не требуютъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій отъ правительства.

Таковъ былъ общій характеръ преній происходившихъ въ Германскомъ имперскомъ сеймѣ по поводу возгорѣвшейся войны. Представители правительства хранили глубокое молчаніе и въ то время какъ противная ему партія не стѣсняясь высказывала свои дышащія злобой нападки на Россію, ораторы преданныхъ правительству фракцій не нашли сказать ни слова сочувствія Россіи. Этого сочувствія не нашли мы и ни въ одномъ изъ независимыхъ органовъ берлинской печати, а напротивъ иные заговорили уже о томъ что Германіи слѣдовало бы стать во главѣ европейской коалиціи противъ Россіи.

За то правительственная печать, съ *Имперскимъ Указателемъ* во главѣ, не смущаясь проповѣдуетъ о великой дружбѣ Германіи къ Россіи, чему „блистательнымъ подтвержденіемъ“ служитъ де готовность съ которою Германія приняла на себя защиту русскихъ подданныхъ въ Турціи на время войны...

Жаль только что Турція ослабляетъ силу этого доказательства, не соглашаясь вовсе чтобы русскіе подданные оставались въ предѣлахъ Турціи. Но въ этомъ, конечно, уже не Германія виновата.

№ 95.

Москва, 20-го апрѣля.

А.

Державное слово, повелѣвшее русскимъ войскамъ двинуться въ предѣлы Турціи, отозвалось одушевительно въ нашей странѣ и въ то же время громовымъ ударомъ подѣйствовало на недруговъ Россіи тайныхъ и явныхъ. Послѣ всего что мы выслушали отъ Запада въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ пока Востокъ обливался кровью, мы конечно могли предвидѣть что манифестъ о войнѣ будетъ встрѣченъ тамъ далеко не вездѣ симпатически. Человѣческая совѣсть гдѣ бы то ни было не можетъ не сказаться въ пользу побужденій заставившихъ Россію обнажить свой мечъ; но всѣ ли дѣйствуютъ, всѣ ли говорятъ по совѣсти? Подъ фальшивымъ флагомъ національныхъ интересовъ, даже интересовъ цивилизаціи, нѣкоторая часть заграничной печати трактуетъ насъ яко какихъ-то мятежниковъ противъ Европы и сѣтуетъ что Европа не успѣла остановить насъ, грозя что она все-таки сдѣлаетъ это въ послѣдствіи, а теперь желаетъ намъ всякихъ неудачъ и неуспѣховъ... Такъ ли это? Конечно, это не такъ, конечно, это неправда, ибо въ Европѣ не все ультрамонтаны и Мадьяры, и государственные люди не всѣ таковы какъ графы Дарби и Беконсфильды. Но еслибъ и такъ, еслибы дѣйствительно Европа собиралась рукоплескать лишь турецкимъ побѣдамъ и подготовляла коалицію чтобъ остановить побѣды Россіи, то не должно ли это внушать намъ еще болѣе мужества, еще болѣе укрѣплять насъ въ убѣжденіи что поднятое нами нынѣ трудное, но великое дѣло освобожденія есть въ то же время наше *національное* дѣло, и что какихъ бы жертвъ оно ни потребовало отъ насъ, мы должны довести его до конца. Россія видѣла предъ собою и многочисленныхъ враговъ, и грозныя коалиціи: но не это было причиною ея случайныхъ уступокъ...

Во всякомъ случаѣ мы можемъ быть увѣрены въ нашихъ *естественныхъ* союзникахъ. Никогда еще славянскій міръ не принималъ съ такимъ одушевленіемъ вѣсть о войнѣ Россіи съ Турціей какъ въ эту минуту. Мы не говоримъ уже о томъ какимъ ключомъ забилась кровь при этой вѣсти въ жилахъ бойцовъ не покидавшихъ оружія, какъ Черногорцы и усташи Герцеговины и Босны, или поспѣшившихъ теперь, отъ старика до мальчика, изъ-за Дуная въ ряды болгарскихъ баталіоновъ сформированныхъ при нашей Южной арміи; не говоримъ о трепетныхъ надеждахъ и затаенныхъ мольбахъ которыя, подъ турецкимъ ножомъ, возсылаются къ Небу въ равнинахъ Болгаріи,—христіанская райя не можетъ не предаваться надеждамъ что насталъ часъ ея воскресенія,—но манифестъ возбудилъ не меньшій восторгъ въ Славянахъ и внѣ Турціи. Сербія измучен-

ная борьбою снова порывается въ бой и и молитъ Бога о ниспосланіи побѣды русскому оружію, а печать ея уже нѣсколько дней, въ простодушномъ увлеченіи, называетъ Императора Всероссійскаго Царемъ Славянскимъ. Въ древней Прагѣ раздается призывъ къ Чешскому народу чтобъ онъ, не имѣя самъ возможности участвовать въ борьбѣ, выразилъ свою благодарность Русскому народу взявшему на себя подвигъ освобожденія райи, славянскимъ комитетамъ ставшимъ впереди народнаго движенія, и всего болѣе Тому Кто далъ Свое Царское согласіе на это тяжелое, но великое дѣло. „Нашъ долгъ заявить эти свои чувства," говоритъ пражская печать, „и мы можемъ сдѣлать это путями дозволенными австрійскимъ закономъ: въ газетахъ, собраніяхъ, корпораціяхъ и въ другихъ допущенныхъ закономъ формахъ, и сдѣлать это способомъ достойнымъ своего народа, достойнымъ дѣла, достойнымъ тѣхъ къ кому мы обращаемся съ благодарностью. Да не остается ни въ комъ сомнѣнія въ силѣ славянскаго самосознанія у Чешскаго народа."

Нашимъ читателямъ пріятно будетъ прочесть слова какими пражская *Politik*, отъ 25 апрѣля, сопровождаетъ манифестъ нашего Государя. „Этотъ манифестъ, безъ сомнѣнія, былъ встрѣченъ всеобщимъ энтузіазмомъ населенія исполинской имперіи", говоритъ *Politik*, и указывая на то что дѣйствія Россіи требовала *честь ея*, припоминаетъ слова Фокса: „Честь есть, можетъ-быть, единственно справедливая или разумная причина къ войнѣ для народовъ. Кто защищаетъ честь своей страны, тотъ служитъ ея драгоцѣннѣйшимъ интересамъ. Защитить честь страны, значитъ обезопасить ея миръ... Честь Россіи требовала расторженія хартіи порожденной Крымскою войною. Племенное сродство Россіи съ турецкими христіанами, даже болѣе,— самыя простыя требованія человѣколюбія усиливали ея долгъ и вложили мечъ въ руку ея Императора миротворца. Еслибы Порта сдержала всѣ данныя ею съ 1839 года обѣщанія реформъ, еслибъ она исполнила условія Парижскаго трактата, еслибъ она улучшила невыносимую участь христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ, еслибы вняла хотя бы самымъ настоятельнымъ изъ жалобъ Сербіи и Черногоріи, то Россія, можетъ-быть, объявила бы себя удовлетворенною, ибо тогда усилія сдѣланныя ею въ Крымскую войну не оставались бы столь безплодными. Случилось однако противное. Избіеніе массами Болгаръ, не говоря уже о безчисленныхъ единичныхъ неистовствахъ совершенныхъ въ другихъ мѣстахъ, доказали что Османлы, въ послѣднія двадцать лѣтъ, преуспѣли лишь въ одичалости и звѣрствѣ. Они положительно вызвали Россію къ дѣйствію, они принудили ее требовать дѣйствительныхъ гарантій или взяться за мечъ. Свершилось послѣднее, и русскія арміи спѣшатъ перейти черезъ Дунай. Бываютъ разныя войны, говоритъ мыслитель, и разная слава героямъ; но самой почетной хвалы заслуживаетъ тотъ кто побѣдами открываетъ культурѣ человѣчества новыя поприща и одолѣваетъ варварство въ самыхъ источникахъ его. Къ этой хвалѣ стремится Русскій Императоръ, ограждая въ то же время честь своего народа. Удивительно ли что этотъ народъ привѣтствуетъ своего Вождя громовымъ *ура*, и ради великой цѣли забываетъ тяжести и скорби которыя всякая война влечетъ за собою? Но и далеко за границами Россіи, военный манифестъ Царя во всѣхъ славянскихъ углахъ будетъ восторженно привѣтствуемъ. Во всѣхъ славянскихъ странахъ слова Александра II откликнутся также какъ въ самой Россіи, и раздастся громкая *слава!* на встрѣчу русскому полководцу.

„Небесный миръ, говоритъ пѣвецъ, награда тому кто обнажаетъ мечъ для столь справедливой, для столь богоугодной войны..."

Б.

На дняхъ мы сообщали нашимъ читателямъ ссылаясь на полученныя нами изъ Италіи свѣдѣнія, о возрастающемъ въ этой странѣ, и въ особенности въ господствующей нынѣ партіи, сочувствіи къ Россіи и къ дѣлу которое она отстаиваетъ на Балканскомъ полуостровѣ. Если робкій министръ иностранныхъ дѣлъ еще какъ будто колеблется между Англіей и Россіей; то общественное мнѣніе въ собственной партіи правительства сѣтуетъ на эту нерѣшительность. Въ англійскихъ газетахъ мы находимъ подтвержденіе сообщаемаго нашими корреспондентами чтобъ Италія тѣснѣе примкнула къ русской политикѣ. Римскій корреспондентъ *Daily News*, по поводу преній о Восточныхъ дѣлахъ, быв-

шихъ въ Италіянскомъ парламентѣ 23 апрѣля, пишетъ: „Италія будетъ соблюдать нейтралитетъ и употребитъ всѣ усилія локализовать войну. Что сочувствіе ея правительства на сторонѣ угнетенныхъ населеній Турціи, это, однако, внѣ сомнѣнія. Выраженія кавалера Нигры предъ Русскимъ Государемъ достаточно ясны, а торжественные и добровольные митинги отъ Турина до Рима и Неаполя засвидѣтельствовали объ отвращеніи италіянскаго народа отъ турецкаго злоуправленія и его сочувствіе къ угнетеннымъ не уступало величественнымъ демонстраціямъ въ Англіи. Тонъ италіянской печати за все время, и за ничтожными исключеніями, выражалъ осужденіе Турціи, расположеніе къ Россіи и удивленіе предъ фактомъ что Англія такъ медлитъ уразумѣть что дѣло южныхъ Славянъ и въ нравственномъ и матеріальномъ смыслѣ должно быть ей близко.“

Къ этому должно, однако, прибавить что италіянское движеніе уже потому гораздо чище и выше англійскаго что въ Италіи вовсе не было противоположныхъ демонстрацій сочувствія къ Туркамъ, а также и нѣтъ Италіянцевъ которые подвизались бы подъ знаменемъ полумѣсяца за нерушимость права Турокъ держать христіанъ въ позорнѣйшемъ рабствѣ, подобно Гобартъ-пашѣ, Валентину Бекеру и другимъ. Въ Италіи нѣтъ также Элліотовъ и Беконсфильдовъ....

№ 96.

Москва, 21-го апрѣля.

Англійская печать въ претензіи на Россію за то что она, объявляя войну, не обязалась торжественно не причинять Турціи никакого ущерба и блюсти нерушимость ея территоріи. Наши англійскіе друзья хотѣли бы чтобы Россія и войну противъ Турціи предпринимала лишь для вящаго утвержденія ея независимости и для обезпеченія ея цѣлости. Они хотѣли бы и во время войны продолжать ту же игру какую вели во время мира. Возникъ вопросъ о томъ чтобъ обезпечить христіанскія населенія Турціи, а англійская дипломатія свела его къ тому чтобъ обезпечить Оттоманскую Порту; теперь она желала бы чтобъ и война имѣла своимъ предметомъ тотъ же священный интересъ неприкосновенности Турціи.

Англійская печать позволяетъ себѣ ссылаться на слова Государя Императора сказанныя осенью прошлаго года англійскому послу въ Ливадіи. Но тогда рѣчь шла не о войнѣ съ Турціей, а напротивъ о сохраненіи мира. При этомъ не обязательства какія-либо даны на случай войны, но обозначено общее направленіе русской политики на Востокѣ. Русская политика не искала стяжаній: это святая правда, и англійскіе политики сами хорошо знаютъ это. Не желаніе расширить свою, и безъ того столь громадную, территорію, или пріобрѣсти какія-либо выгоды, заставляло Россію принять участіе въ положеніи христіанъ Востока, а необходимость созданная для ней исторіей. Скажутъ, для Россіи выгодно чтобы христіанскіе народы, раздавленные турецкимъ варварствомъ, воскресли, чтобъ они пріобрѣли самостоятельность, чтобъ эти страны процвѣли, чтобы христіанство въ нихъ было обезпечено. Слава Богу, если такъ! Виновата ли Россія что ея интересы совпадаютъ съ интересами человѣчества, и что ей полезно поддерживать правое дѣло которому суждена будущность? Если кто виноватъ, то развѣ тѣ цивилизованныя, именующіяся христіанскими державы которыя своимъ отступничествомъ и безнравственностью своей политики отдали правое дѣло въ руки Россіи и сдѣлали интересы человѣчества и христіанства на Востокѣ исключительно русскими интересами.

Всѣмъ извѣстно что Россія не возбуждала событій которыя привели къ нынѣшней катастрофѣ. Она напротивъ уклонялась отъ нихъ; она не хотѣла выдѣляться, она старалась напротивъ исчезнуть въ Европѣ. Она не предъявляла Турціи никакихъ съ своей стороны требованій; съ Турціей говорила только такъ-называемая Европа и говорила не то чего хотѣла Россія, а что хотѣла Англія. Въ основаніи европейскаго соглашенія была англійская программа. Она была принята на конференціи, она имѣлась въ виду при составленіи Лондонскаго протокола.... Россія отступала въ видахъ сохраненія мира,—но Богъ судилъ войну! Россія сдерживала свои порывы и сочувствія чтобы не совершить преждевременнаго или самовольнаго шага; но вышло такъ что именно ея усилія сохранить миръ и стали причиной войны. Еслибы Россія была неуступчива въ своихъ требованіяхъ,

еслибы наша дипломатія на Константинопольской конференціи поддержала эти требованія во всей силѣ, и такимъ образомъ предъ Турціей выступили бы двѣ программы, одна англійская поддержанная быть-можетъ всѣми прочими, кромѣ Россіи, державами, другая русская, быть-можетъ ни одною изъ прочихъ державъ не поддержанная; то чѣмъ крѣпче Россія стояла бы на своемъ, не умаляя своихъ требованій, тѣмъ поспѣшнѣе согласилась бы Турція на англійскую программу. Войны бы не было, но христіане остались бы ни причемъ, они были бы обмануты, они были бы принесены въ жертву... На это и разчитывала англійская политика. Лордъ Салсбери удивился быстротѣ съ какою Россія вошла на конференціи въ европейскій концертъ, согласившись на уступки во всѣхъ пунктахъ составлявшихъ существенное отличіе ея программы отъ англійской. *Le pistolet russe a raté*, сказалъ будто бы по этому случаю англійскій дипломатъ. Турція приняла бы программу Европы еслибы Россія осталась при своемъ особомъ мнѣніи. Тогда англійской дипломатіи предстояла бы задача быть посредницей между Россіей и Турціей и убѣждать Россію съ помощію прочихъ державъ къ умѣренности ради сохраненія европейскаго мира. Начался бы торгъ, и постарались бы уговорить насъ не расходиться съ Европой, отложить наши требованія, дать Портѣ льготный срокъ, въ виду уже изъявленной ею готовности исполнить требованія державъ, и т. д. Судя по тому какъ шли дѣла, войны бы не послѣдовало, но кредитъ Россіи упалъ бы на Востокѣ, сама она была бы деморализована, и ущербъ нашъ въ этомъ отношеніи нельзя было бы восполнить потомъ никакими другими выгодными условіями.

Наши англійскіе друзья желали бы чтобы Россія, выступивъ теперь для самостоятельнаго дѣйствія, считала бы себя только исполнительницей англійской программы. Имъ было бы пріятно чтобы Россія понесла тяжкія жертвы и пролила свою кровь не для того чтобъ ея дѣло на Востокѣ было исполнено, а чтобъ оно не было исполнено!.. Какъ разумны и скромны ихъ желанія!

Британскій секретарь иностранныхъ дѣлъ объяснялъ въ парламентѣ что онъ всячески старался предотвратить войну. Изъ его объясненій выходитъ что англійская политика была усердною, хотя и безуспѣшною посредницей между Россіей и Турціей. Но дѣло было не между Турціей и Россіей; дѣло въ сущности было между Турціей и Англіей, такъ какъ Портѣ была предъявлена принятая всѣми англійская программа. Главному секретарю ея Британскаго величества приходилось быть посредникомъ не между Портой и Россіей, которая отказалась отъ особаго мнѣнія, а между Портой и Англіей, которой мнѣніе было принято Европой, но отвергнуто Портой. Политика Беконсфильдова кабинета запуталась въ собственныхъ сѣтяхъ; она сама разрушила свое дѣло; она хотѣла провалить вопросъ объ улучшеніи участи восточныхъ христіанъ, и вотъ онъ возбужденъ теперь во всей силѣ, а провалилась фальшивая сдѣлка подготовленная Англіей. Она хотѣла оградить Турцію отъ русскаго военнаго занятія,—и вотъ она присутствуетъ при вторженіи русскихъ армій въ предѣлы Турціи...

Въ Англіи высказывались смѣлыя ожиданія что Россія, повторивъ предъ Европой (то-есть предъ Англіей) увѣренія что она заранѣе отрекается отъ завоеваній, ограничится на первое время занятіемъ Румыніи безъ объявленія войны, предпочитая выждать такого объявленія со стороны Турціи, такъ что собственно военныя дѣйствія могли бы начаться не ранѣе какъ еще черезъ два или три мѣсяца. Какими разчетами внушались эти ожиданія, это мы знаемъ по опыту прошлаго. Въ 1853 году, Императоръ Николай Павловичъ старался успокоить недовѣріе западныхъ державъ, и для этого Дунайскія княжества были заняты нашими войсками безъ объявленія войны, только въ видѣ залога до удовлетворенія Портой нашихъ требованій, а въ циркулярѣ канцлера было объявлено что Россія не желаетъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и не откроетъ военныхъ дѣйствій пока не будетъ къ тому вынуждена. Послѣдствіемъ этой великодушной умѣренности было то что Турція сама объявила намъ войну, а когда, мѣсяцъ спустя затѣмъ, послѣ вторженія Турокъ въ наши предѣлы и захвата ими нашего поста Св. Николая на азіятской границѣ, были приняты мѣры для обезпеченія Кавказа отъ покушеній Турокъ и совершилось истребленіе турецкаго флота при Синопѣ, то насъ же обвинили въ вѣроломномъ нарушеніи обѣщанія не вести насту-

пательной войны, *) и найденъ былъ нужный Англіи и Наполеону III предлогъ для разрыва съ нами и возбужденія противъ насъ коалиціи.

Теперь, благодаря Бога, положеніе дѣлъ въ Европѣ иное, и въ ней не обрѣтается элементовъ которые согласились бы быть орудіями лживой политики Британскаго кабинета. Но предлогъ ему желательно было бы имѣть на всякій случай. Тѣмъ болѣе радуемся мы что Россія избѣжала повторенія прежней ошибки, и не захотѣла съ самаго начала стѣснить свои военныя дѣйствія дипломатіей.

№ 97.

Москва, 22-го апрѣля.

А.

Нѣтъ словъ передать народное одушевленіе съ какимъ первопрестольная столица Россіи встрѣчаетъ нынѣ Государя Императора какъ бы послѣ великой побѣды. Но не кичливость сказалась въ этомъ превосходящемъ всякое описаніе народномъ восторгѣ. Нѣтъ, не такъ настроенъ народъ нашъ, не такъ воспитала его Церковь наша, чтобъ онъ кичливо предрѣшалъ дѣло суда Божія. Онъ полагается на правоту своего дѣла, но не торжествуетъ еще не одержанныхъ побѣдъ, и безропотно покорится всякому испытанію. Покорность волѣ Божіей проходитъ чрезъ всю его исторію. Таковъ онъ былъ всегда, таковъ онъ и теперь. Народъ Русскій радуется совершенію судебъ своихъ, призывающихъ его на подвигъ и жертвы. Онъ радуется что святое, подъявшее его чувство оказалось не напраснымъ порывомъ, что оно выдержало искусъ и оправдалось рѣшеніемъ въ сердцѣ Царевомъ. Не легко было принять это рѣшеніе. Всякій въ отдѣльности самъ за себя отвѣчаетъ, но тяжко принимать рѣшенія отъ которыхъ зависятъ судьбы милліоновъ. Мы знаемъ теперь, и съ нами знаетъ весь міръ что никакая земная страсть не участвовала въ этомъ рѣшеніи. Всѣ побужденія человѣческія были одно за другимъ побѣждены и смирены, и мы вѣруемъ что въ рѣшеніи Вѣнценоснаго Вождя нашего сказалась по истинѣ воля Божія.

Да пребудетъ же во вѣки нерушимо и свято единеніе въ духѣ Царя и народа на нашей Руси! Въ этомъ единодушіи наша сила и крѣпость; въ немъ залогъ и знаменіе всякаго для насъ успѣха.

Великіе дни! Благодареніе Богу судившему намъ переживать ихъ.

Кто сказалъ что событія застаютъ Россію не готовою? Не знаемъ какъ долго нужно готовиться чтобы казаться готовыми; но вѣрно то что къ великому мы не были бы готовы и при арміи превосходно вооруженной, и при финансахъ отлично устроенныхъ, еслибы въ нашей средѣ не было чувства призванія, не было духа который даетъ силы и создаетъ средства. Духа не приготовишь. Онъ есть или нѣтъ его. Онъ есть въ это время. Онъ чувствуется каждымъ въ себѣ и вокругъ себя. Мы могли бы ждать еще столѣтія, и быть-можетъ не дождались бы того духа, который требуется событіями. Можетъ ли быть народное настроеніе лучше для того призванія на Востокѣ къ которому наша исторія готовила насъ? Тотъ духъ который теперь слышится во всей Русской землѣ, который всѣхъ собираетъ въ одно чувство, въ одно стремленіе, тотъ духъ въ которомъ было принято державное рѣшеніе Властителя нашихъ судебъ, есть духъ Евангелія, духъ нашей вѣры, духъ любви и милосердія. Не инстинктъ самохраненія побуждающій и полумертвое тѣло къ дѣйствію, не гордость, не славолюбіе, не жажда стяжаній, подвигнули наше отечество къ дѣйствію. Никто намъ не угрожалъ, и мы желали только жить въ мирѣ со всѣми. Насъ подняло чувство самое простое, всѣхъ равняющее, и вмѣстѣ самое возвышенное, самое святое, которое одно лишь даетъ цѣну побужденіямъ и дѣламъ человѣческимъ. Доселѣ оно цѣнилось только въ людяхъ, а не въ народахъ. Доселѣ государственная мудрость признавала себя слишкомъ мудрою для того чтобы считаться съ этимъ чувствомъ и допускать наитія этого духа въ свою область. Евангелію предоставлялось спасать души людей; но жизнь народовъ и государствъ считалась изъятою изъ-подъ власти Евангелія и преданною духу міра сего. И однако, все что̀ есть въ нашей цивилизаціи лучшаго, долговѣчнаго, праведнаго, способнаго къ жизни, совершалось подъ наитіемъ евангельскаго

*) См. Богдановича, *Исторію Восточной войны*, т. 1, гл. IV, гл. VI и гл. X.

духа. И теперь міръ, въ полнотѣ своей цивилизаціи, нищенски нуждается для своего обновленія въ этомъ духѣ, въ слѣпыхъ порывахъ и смятеніи ищетъ этого духа, который подъ спудомъ теплился въ нашемъ народѣ и которому принадлежитъ будущее человѣчества...

Прославимъ же рѣшеніе нашего возлюбленнаго, нашего благословеннаго Богомъ Государя, нашего Обновителя и Освободителя, за то что онъ довѣрился чувству своего народа, за то что Онъ подчинилъ евангельскому духу разчеты политической мудрости, за то что Онъ въ святомъ смиреніи сердца послушался велѣнія Бога. Что бы ни ожидало насъ въ ближайшемъ будущемъ, какія бы испытанія ни предстояли намъ, мы твердо вѣруемъ что дѣло столь свято начатое увѣнчается Богомъ.

Не гордымъ и высокомѣрнымъ обѣщано владычество на землѣ. *Блажени кротціи*, сказалъ Спаситель, *яко тіи наслѣдятъ землю.*

Б.

Назначеніе принца Рейса VII германскимъ посломъ въ Константинополь состоялось окончательно, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ, и мы приводимъ ниже письмо нашего берлинскаго корреспондента разъясняющее всю важность этого назначенія. Личность князя Рейса, дѣйствительно, придаетъ новое и совершенно особое значеніе офиціально заявленной Германскимъ правительствомъ готовности принять подъ свое покровительство русскихъ подданныхъ находящихся въ Турціи, и это значеніе не умаляется тѣмъ что Турція, въ своемъ ослѣпленіи, отвергла предложеніе Германіи и изгоняетъ русскихъ подданныхъ изъ своихъ предѣловъ. Въ Турціи, во всякомъ случаѣ, остаются милліоны соплеменниковъ и единовѣрцевъ нашихъ, которые послѣ разрыва Россіи съ Турціей очутились на единѣ со своими вѣковыми притѣснителями, и нельзя же ожидать чтобы представитель Англіи, г. Леярдъ, преемникъ Элліота, сталъ надежнымъ заступникомъ за турецкихъ христіанъ.

Но и помимо этого, одно имя новаго германскаго посла въ Константинополѣ знаменуетъ собою цѣлую программу. Что бы ни говорили недруги Россіи, будто Россія стоитъ теперь, послѣ объявленія войны, совершенно одиноко, и что въ европейскихъ державахъ она имѣетъ лишь противниковъ себѣ, явныхъ или скрытыхъ, но ни одного союзника, что бы ни толковали въ этомъ смыслѣ, назначеніе принца Рейса можетъ служить краснорѣчивымъ опроверженіемъ ихъ инсинуацій. Можно сказать съ увѣренностью что принцъ Рейсъ, дипломатъ столь близкій Русскому двору, будетъ тамъ надежнымъ заступникомъ интересовъ Россіи которые тождественны съ интересами турецкихъ христіанъ, и если онъ принялъ этотъ постъ, то это могло быть не иначе какъ вслѣдствіе увѣренности что, будучи офиціальнымъ представителемъ Германіи, онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ принужденъ тайно или явно дѣйствовать противъ Россіи.

Вотъ почему мы привѣтствуемъ назначеніе принца Рейса какъ несомнѣнный залогъ полнаго согласія продолжающаго существовать между Германіей и Россіей, вопреки всѣмъ толкамъ противоположнаго свойства.

№ 98.

Москва, 23-го апрѣля.

29 минувшаго октября произнесены были въ Московскомъ Кремлѣ приснопамятныя слова которыя имѣли силу великаго событія. Мощно отозвались они въ цѣломъ мірѣ. Они были благовѣстіемъ для роднаго намъ Востока; отъ нихъ встрепенулось благодатнымъ восторгомъ все живое на Руси. Это было вскорѣ послѣ того какъ мощнымъ маніемъ Русскаго Царя былъ остановленъ напоръ турецкихъ полчищъ въ изнуренной неравною борьбой Сербіи. Государь предусматривалъ возможность войны, и возвѣщалъ намъ что можетъ наступить минута когда Онъ признаетъ должнымъ призвать Свой народъ на защиту „святаго дѣла.“

Но выражая твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно если не состоится общее соглашеніе, Государь возвѣщалъ что будетъ стараться о мирномъ исходѣ. „Я желалъ бы,“ говорилъ Государь, „до крайности щадить дорогую мнѣ русскую кровь.“

Прошло полгода. Обѣтъ любви къ народу исполненъ; исполненъ и обѣтъ святаго призванія Россіи. „Я желалъ до нельзя щадить дорогую русскую кровь,“ произнесъ сегодня въ Кремлѣ Государь Императоръ, „но старанія Мои не увѣнчались

успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе.“

Теперь, когда сбылось Царское слово, вѣрнѣе и лучше можемъ мы цѣнить значеніе минувшаго. Въ эти шесть мѣсяцевъ совершилась тяжкая исторія, всѣ моменты которой еще живы въ памяти каждаго. Были употреблены неимовѣрныя усилія для сохраненія мира. Властитель великой Имперіи, чье одно слово рѣшаетъ участь милліоновъ, смирилъ себя въ своемъ величествѣ и перенесъ горькіе отказы и обиды, щадя дорогую ему русскую кровь. „Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло,“ сказалъ Государь войскамъ которыя осматривалъ въ Тирасполѣ, и прослезился...

Трудно было испытаніе, но должно было принести всѣ жертвы, употребить всѣ усилія для сохраненія мира, въ доказательство что не побужденія человѣческія, а „Богъ рѣшилъ дѣло иначе.“

Въ явномъ промыслѣ Бога мы видимъ и оправданіе усилій избѣжать войны, и ея освященіе. Преклонимся же предъ велѣніемъ Божіимъ и повторимъ, за возлюбленнымъ Государемъ нашимъ, слова которыми Онъ заключилъ сегодня свою рѣчь: „Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ благословеніе Его на нашихъ славныхъ войскахъ идущихъ на бой за Вѣру, Царя и Отечество!“

№ 100.

Москва, 25-го апрѣля.

Такъ-называемая независимая либеральная партія въ Венгерской палатѣ представителей внесла 28 апрѣля запросъ правительству о томъ считаетъ ли Австро-Венгрія обязательнымъ для себя Парижскій трактатъ 1856 года, и намѣрена ли она воспротивиться тому чтобы Россія получила территоріальное приращеніе на счетъ Турціи, или чтобъ она прямо или косвенно подчинила своему верховенству вассальныя княжества или провинціи Балканскаго полуострова? Въ этомъ запросѣ какъ въ фокусѣ отражаются тѣ помышленія и страсти коими въ настоящее время проникнута мадьярская половина Австро-Венгерской монархіи. Ничего иного отъ этихъ давнишнихъ благожелателей Россіи и ожидать было нельзя. Газеты преданныя мадьярству старались напередъ придать ожидаемому отвѣту правительства самый благопріятный для Венгерцевъ смыслъ, иныя изъ этихъ газетъ утверждаютъ даже что самый запросъ внесенъ не безъ вѣдома правительства, а въ соглашеніи съ кабинетомъ г. Тиссы, дабы дать ему случай высказаться на счетъ „руководящихъ принциповъ австрійской политики въ настоящую критическую минуту.“ Позволительно сомнѣваться чтобъ это было такъ, ибо если запросъ имѣетъ значеніе желаннаго для правительства повода, то почему же оно отсрочило свой отвѣтъ на неопредѣленное время, очевидно выжидая чего-то что можетъ такъ или иначе повліять на „руководящіе принципы австрійской политики.“

Во всякомъ случаѣ не безынтересно ознакомиться съ тѣми слухами которые поддерживаются въ австро-венгерской печати касательно намѣреній Вѣнскаго кабинета, слухами характеризующими настроеніе политическихъ сферъ въ Австріи. Въ вѣнскомъ *Tagblatt*, отъ 26 апрѣля, находимъ изложеніе давно готоваго будто бы плана, который заключается въ слѣдующемъ: пока на театрѣ войны не наступили рѣшительныя событія, Австрія будетъ де соблюдать строжайшій нейтралитетъ и не предприметъ обширныхъ военныхъ подготовленій. Австрія выступитъ де изъ своего нейтральнаго и выжидательнаго положенія въ томъ случаѣ если Россіи удастся быстрыми ударами достигнуть какого-либо рѣшительнаго успѣха на театрѣ войны, занять Болгарію и проложить себѣ путь чрезъ Балканы. Если Россія, одержавъ побѣды, ограничится своею первоначальною программой, то-есть будетъ настаивать на исполненіи требуемыхъ ею реформъ въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи, тогда де Австрія, отъ имени своего и отъ имени другихъ державъ, дипломатическимъ путемъ употребитъ принадлежащее ей вліяніе для разрѣшенія вопроса о сущности этихъ реформъ и о способѣ ихъ исполненія. Если же, напротивъ, Россія воспользуется своими побѣдами для территоріальнаго пріобрѣтенія, или чтобы достигнуть косвеннаго расширенія своего владычества чрезъ образованіе новыхъ вассальныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, тогда Австрія рѣшительно и энергически воспротивится де такимъ замысламъ Россіи сначала мобилизаціей своей арміи, а въ случаѣ надобности и бо-

лѣе дѣйствительнымъ образомъ. Сербію рѣшено де занять австрійскими войсками въ случаѣ если она вздумаетъ возобновить войну съ Турціей; Боснію же и Герцеговину имѣется въ виду занять въ томъ случаѣ если возстаніе тамъ приметъ болѣе обширные размѣры, особенно если тамъ проявятся панславистскія тенденціи.

Подтвержденіе этихъ *pia desideria* непріязненныхъ намъ партій въ Австріи находимъ и въ пештской корреспонденціи *National-Zeitung* отъ 26 апрѣля. И въ этой корреспонденціи дѣло представлено такимъ образомъ что интерпелляція венгерскихъ „либераловъ“ *желательна* для венгерскаго правительства, такъ какъ она даетъ поводъ ему „успокоить“ общественное мнѣніе „встревоженное извѣстіями противоположнаго свойства идущими изъ вѣнскихъ офиціозныхъ источниковъ.“ Въ подтвержденіе этого, корреспондентъ разказываетъ слѣдующее: министръ-президентъ Тисса, на дняхъ возвратившійся изъ Вѣны, былъ спрошенъ въ клубѣ либеральной партіи однимъ изъ самыхъ близкихъ его друзей, правда ли что въ иностранной политикѣ Австріи произошла перемѣна? Отвѣтъ г. Тиссы былъ де короткій и рѣшительный: онъ удостовѣрилъ что въ политикѣ Австріи и при теперешнихъ обстоятельствахъ ни въ какомъ направленіи перемѣны не произошло. Можно было бы замѣтить, разсуждаетъ корреспондентъ, что этотъ отвѣтъ такъ неопредѣленъ что подъ него можно подвести какія угодно предположенія и комбинаціи; но это не такъ. Стóитъ де припомнить разговоръ который имѣлъ графъ Андраши съ маркизомъ Салсбери, изложенный въ донесеніи послѣдняго помѣщенномъ въ *Синей Книгѣ*. Въ числѣ комбинацій которыя *не желательны* въ интересахъ Австріи, графъ Андраши указалъ „образованіе новыхъ самостоятельныхъ или полусамостоятельныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, а также занятіе какой-либо Турецко-Славянской провинціи русскими войсками.“ Словомъ, программою графа Андраши остается де до сихъ поръ по отношенію къ Востоку *status quo*. Въ виду этого, продолжаетъ корреспондентъ, не можетъ быть и рѣчи о занятіи Австріей Босніи и Герцеговины, такъ какъ это противорѣчило бы указанной программѣ.

Всѣ эти предсказанія мадьярскихъ органовъ и ихъ „достовѣрныя“ сообщенія о рѣшеніяхъ принятыхъ въ Вѣнѣ оказались однако ничѣмъ инымъ какъ клубными толками. Телеграфъ сообщалъ намъ объ отвѣтѣ данномъ правительствомъ 4 мая (22 апрѣля) какъ въ Вѣнской, такъ и въ Пештской палатѣ представителей. Опытъ этотъ, при всей осторожности въ выраженіяхъ и сдержанности тона предписанныхъ положеніемъ минуты, достаточно однако показываетъ что мадьярскія предсказанія имѣютъ мало доступа въ совѣты императора Франца-Іосифа. Австро-Венгерское правительство заявило что оно и теперь не имѣетъ достаточнаго основанія для мобилизаціи и не видитъ никакого повода къ принятію военныхъ мѣръ. Достаточно сопоставить этотъ спокойный и вполнѣ оправдываемый обстоятельствами отвѣтъ съ запросами „либеральныхъ и незавоеванныхъ Мадьяръ“ дышащихъ ненавистью противъ Россіи чтобъ убѣдиться что всѣ эти демонстраціи нашихъ мадьярскихъ друзей знаменуютъ пока скорѣе безсильное озлобленіе нежели тревожный признакъ новыхъ политическихъ замѣшательствъ.

Озлобленіе Мадьяръ разыгралось особенно въ туркофильской демонстраціи устроенной 29 апрѣля въ Пештѣ по случаю прибытія туда депутаціи отъ константинопольскихъ софтъ, которые явились отплатить пештскимъ софтамъ ихъ недавній визитъ. Вполнѣ вѣря искренности родственныхъ чувствъ Мадьяръ къ Туркамъ, не можемъ однако допустить чтобы та бѣшеная вакханалія которая разыгралась въ этотъ день въ Пештѣ была *только* изліяніемъ братскихъ чувствъ къ Туркамъ. 50.000 человѣкъ толпились по улицамъ гдѣ въ торжественной процессіи везли „турецкихъ студентовъ;“ путь ихъ былъ усыпанъ цвѣтами; всѣ дома были убраны флагами и коврами; въ привѣтственныхъ рѣчахъ Мадьяры заявляли „предъ цѣлымъ міромъ“ что Турки ихъ „возлюбленные братья“ и что они, Мадьяры, гордятся этимъ братствомъ и отъ всей души желаютъ имъ успѣха въ предстоящей борьбѣ.

Мадьяры очевидно мечутся какъ угорѣлые, и весьма можетъ быть что они имѣютъ на то достаточныя причины. Фальшивая система австро-мадьярскаго дуализма можетъ-быть болѣе близка къ своему паденію нежели думаютъ, и это быть-можетъ еще болѣе желательно въ интересахъ самой Австріи нежели для благополучнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса.

Дѣло турецкихъ христіанъ такъ велико и такъ рѣзко намѣчено всемірною исторіей что не горсти Мадьяръ остановить его роковое теченіе. Но судьба Австріи тѣсно связана съ этимъ дѣломъ, и внутреннее строеніе этой имперіи при коемъ огромное большинство ея славянскаго населенія насильственно подавляется мадьярскимъ меньшинствомъ само собою должно рухнуть когда въ Турціи снято будетъ съ кореннаго населенія ярмо другаго чуждаго меньшинства.

Мадьяры не даромъ избрали теперешнюю минуту чтобы засвидѣтельствовать предъ міромъ о своихъ братскихъ узахъ съ Турками...

№ 101.

Москва, 26-го апрѣля.

30 апрѣля, въ вечернемъ прибавленіи къ офиціальной *London Gazette*, была обнародована прокламація королевы Викторіи къ своимъ подданнымъ о соблюденіи ими, согласно съ законами страны и международными обязательствами, нейтралитета въ войнѣ вспыхнувшей между Россіей и Турціей, такъ какъ ея Британское величество продолжаетъ пребывать въ мирѣ и дружбѣ со всѣми государями и державами, а въ томъ числѣ и съ обѣими воюющими сторонами. Объ изданіи этой прокламаціи въ тотъ же день было заявлено англійскими министрами и въ палатахъ. Текстъ ея теперь у насъ предъ глазами, и мы видимъ что она совершенно согласуется съ послѣднимъ документомъ такого же рода который былъ изданъ въ 1870 году, по поводу Франко-Прусской войны, и ссылается на актъ утвержденный въ то время парламентомъ съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія обязанностей нейтралитета, въ предупрежденіе недоразумѣній и прекаканій, подобныхъ тѣмъ какія возникли во время Американской междуусобной войны. Итакъ, мы имѣемъ, за подписью королевы Великобританіи и Ирландіи, торжественное свидѣтельство въ томъ что ея правительство рѣшило соблюдать, при настоящемъ случаѣ, такой же строгій нейтралитетъ между Россіей и Портой какой оно соблюдало, въ 1870—71 году, между Германіей и Франціей.

Между тѣмъ, всего чрезъ пять дней послѣ этого извѣщенія, мы узнали изъ телеграммы что министерскій органъ *Morning Post* возвѣстилъ о рѣшеніи правительства какъ можно поспѣшнѣе снарядить всѣ небольшіе мониторы, въ виду какихъ-либо случайностей на Востокѣ, а въ газетѣ *Times*, одновременно съ тѣмъ, обнародованъ списокъ войскъ которыя, если того потребуютъ событія на Востокѣ, будутъ немедленно отправлены въ Мальту, именно семь полковъ кавалеріи, четыре бригады артиллеріи и 59 баталіоновъ пѣхоты, то-есть десантъ около 25 или 30.000 человѣкъ. Конечно, пока это только приготовленія на случай, но никакихъ подобныхъ мѣръ не требовалось при нейтралитетѣ въ 1870 году.

Естественно является любопытный вопросъ: противъ кого направлена эта угроза? Вопервыхъ, никакъ нельзя думать чтобъ эти войска назначались дѣйствовать противъ насъ и на подмогу Туркамъ. Сами англійскіе министры, какъ ни охраняли они въ переговорахъ независимость и достоинство Порты, объявляли положительно что воевать за Турокъ они не намѣрены; было объяснено что никакіе трактаты и не обязываютъ къ этому Англію предъ Портой, и даже г. Леярду поручено было объявить наканунѣ войны эту горькую истину султану и его совѣтникамъ. Еще менѣе можно допустить чтобъ Англія, хотя поздно, спохватилась образумить Турокъ. Намъ памятно что одна мысль объ этомъ заставляла краснѣть англійскаго военнаго министра г. Гарди, и смущала его совѣсть какъ нѣчто противное нравственности и религіи. Однако мы видимъ что религія г. Гарди не запрещаетъ ему употребленія военныхъ силъ, и остаемся въ прежнемъ недоумѣніи, на что же онѣ понадобятся при строгомъ нейтралитетѣ?

Скажутъ: Англія просто готовится ограждать свои интересы, но этимъ мало сказано; приготовленія вовсе несоразмѣрны съ дѣйствительностью. Единственный очевидный для всѣхъ интересъ Англіи—охранять свои сообщенія съ Индіей, на тотъ невѣроятный случай еслибы въ Средиземномъ морѣ вдругъ появился теперь большой русскій флотъ, который могъ бы держать въ блокадѣ или бомбардировать берега и гавани Турціи и ея владѣній, въ томъ числѣ и Египта. Во всякомъ случаѣ, для этой цѣли совершенно достаточно англійскаго броненоснаго флота который вотъ уже цѣлый годъ крейсеруетъ въ водахъ Архипелага и конечно способенъ отстоять

свободу англійской нейтральной торговли отъ всякаго морскаго стѣсненія. Сухопутныя же войска тутъ совершенно безполезны. Для объясненія себѣ ихъ назначенія остается только обширная область гаданій.

Мы знаемъ что интересы Англіи связывались безусловно съ существованіемъ Турціи во всей неприкосновенности ея варварства, которое Англія отстаивала какъ условіе *sine qua non* собственнаго могущества и своей цивилизаціи. Теперь Англія, повидимому, отдѣляетъ *свои* интересы отъ Турціи. Она не захотѣла связать ихъ и съ будущимъ развитіемъ порабощенныхъ нынѣ народностей, и лордъ Дарби отрекся отъ взглядовъ которые высказывалъ тринадцать лѣтъ тому назадъ. Ежеминутно идетъ рѣчь о какихъ-то случайностяхъ, возможныхъ событіяхъ на Востокѣ, но въ чемъ именно предусматривается опасность для англійскихъ интересовъ и какъ понимаютъ ихъ теперь въ Англіи? Какія указанія на это находимъ мы въ ея политикѣ или въ заявленіяхъ ея партій?

Но политика Англіи при нынѣшнемъ кабинетѣ вовсе не отличается ясностью и послѣдовательностью. Въ рядахъ обѣихъ правительственныхъ партій невообразимый хаосъ: всѣ отношенія перепутались; предубѣжденія и увлеченія страстей заступили мѣсто прежней солидарности. Факта этого уже не старается скрывать и англійская печать, и глубоко скорбитъ о немъ.

Начнемъ съ партіи находящейся теперь въ оппозиціи. Прошлою осенью она прошумѣла на митингахъ, возбудила казалось всю страну, и потомъ гордилась будто этимъ принудила министерство нѣсколько измѣнить его туркофильскую политику. Всѣхъ должно было удивить послѣ того что тотчасъ за открытіемъ парламента оппозиція сразу примолкла. Поднимались отдѣльные голоса, но in corpore оппозиція не протестовала противъ политики кабинета. Причина въ томъ что оппозиція сама безнадежно раздѣлена глубокими раздорами. Вигскій элементъ ея, руководимый лордомъ Гранвиллемъ, и его двойникомъ въ Нижней Палатѣ, лордомъ Гартингтономъ, по своимъ сочувствіямъ на сторонѣ лорда Дарби и отнюдь не желаетъ мѣшать ему. Немногія вліятельныя личности въ рядахъ либеральной оппозиціи, съ горячими убѣжденіями, какъ г. Гладстонъ, сэръ-Вильямъ Гаркортъ, герцогъ Аргайль, были противнаго мнѣнія и желали для иностранной политики Англіи установить направленіе болѣе достойное. Но въ палатѣ на ихъ сторонѣ только группа независимыхъ либераловъ, манчестерцевъ, нонконформистовъ и другихъ дробей. Да и эта фаланга ослабляется двусмысленнымъ положеніемъ ирландскихъ автономистовъ, *homerulers*, которые во всемъ враждебны нынѣшнему правительству кромѣ восточной политики, ибо ихъ руководители-паписты не позволяютъ имъ, даже противъ Турокъ, поддерживать восточныхъ христіанъ не признающихъ папы. Въ какомъ неловкомъ положеніи была оппозиція, мы уже имѣли случай видѣть по случаю преній о восточной политикѣ правительства, возбужденныхъ въ прошлый мѣсяцъ профессоромъ Фосеттомъ.

Наконецъ, на дняхъ, чуть было не совершился расколъ въ оппозиціи. По поводу внесенныхъ г. Гладстономъ, отъ своего имени, резолюцій, текстъ коихъ былъ приведенъ во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и которыя обсуждались вчера, собирался частный митингъ бывшихъ членовъ прежняго кабинета г. Гладстона, и тутъ было рѣшено не поддерживать его резолюцій.

Казалось бы въ виду такого разлада, среди и безъ того численно слабой оппозиціи, министерская партія должна стать всесильною. Отчего же однако въ это самое время министерскіе органы рвутъ и мечутъ, и не могутъ сдержать бѣшенства видя усилія г. Гладстона и немногихъ его единомышленниковъ возобновить осеннюю агитацію. Они укоряютъ его за сочувствіе къ Россіи, чуть-чуть не выдаютъ его за русскаго агента, глумятся надъ нимъ и надъ его единствомъ, и все-таки страшатся его агитаціи. Еще нельзя въ точности рѣшить о силѣ вліянія какое можетъ имѣть въ странѣ г. Гладстонъ, не какъ вождь партіи, а какъ лицо высокой честности, блистательныхъ дарованій, заслуженнаго авторитета, много уже сдѣлавшій для народа, и въ какой мѣрѣ можетъ онъ воспользоваться своимъ вліяніемъ, особенно съ той минуты когда онъ перестанетъ стѣсняться солидарностью съ вигами. Преданная ему *Daily News* на это и разчитываетъ. „Г. Гладстонъ,“ говоритъ эта газета, „обратится, какъ онъ это всегда „дѣлалъ, къ странѣ. Посмотримъ къ кому „обратятся съ воззваніемъ его прежніе то-

„варищи.“ Но не это главнымъ образомъ сердитъ министерскую клику. Вопервыхъ, она еще имѣетъ на три года въ своемъ распоряженіи парламентъ, рабски и слѣпо повинующійся всякому кивку Беконсфильда. Поэтому она не хочетъ вѣрить въ искренность народной агитаціи противъ туркофильства. Она утверждаетъ что сами агитаторы сознаютъ свою неудачу. На что же они теперь разчитываютъ? Этого не скрываютъ и министерскіе органы. Они признаютъ что эти зловредные „агитаторы“ болѣе всего разчитываютъ на сильныхъ приверженцевъ своихъ мнѣній въ самомъ министерствѣ, которые неумѣстнымъ сентиментальничаньемъ парализуютъ государственную мудрость лордовъ Дарби и Беконсфильда. Злобное раздраженіе и здѣсь доходитъ до того что консервативнѣйшая *Pall Mall Gazette* не стѣсняется обзывать этихъ членовъ кабинета „крамолой,“ явно разумѣя подъ этимъ лорда Салсбери и немногихъ его товарищей. Такъ теперь невольными признаніями раскрывается то о чемъ давно уже ходили слухи, а именно, что и въ рядахъ консервативной партіи, въ самомъ кабинетѣ, возбужденъ Восточнымъ вопросомъ глубокій раздоръ. И онъ конечно давно бы обнаружился еслибы членамъ кабинета также легко было отдѣлаться отъ энергическихъ и способныхъ товарищей какъ легко перессориться вождямъ оппозиціи. Въ правительствѣ болѣе крѣпкимъ цементомъ служитъ солидарность власти. Можно ожидать однако что разрывъ въ оппозиціи не замедлитъ отозваться расколомъ и въ правительствѣ. Надо думать что воинственныя мѣры принимаемыя кабинетомъ служатъ признакомъ что въ кабинетѣ возобладали взгляды Беконсфильда и Дарби. Вотъ ключъ къ уразумѣнію того что̀ зовется „англійскими интересами.“

Въ виду хаоса и броженія въ рядахъ партій, нѣтъ ничего удивительнаго что люди здравомысленные и стоящіе внѣ партій начинаютъ не на шутку тревожиться. Они не увлекаются трескучими фразами объ англійскихъ интересахъ, а опасаются чтобъ Англія безъ всякой надобности не была втянута въ рискованныя предпріятія, сама не зная зачѣмъ и на что̀ она будетъ тратиться. Такими лицами очевидно писаны послѣднія статьи въ *Times*, усиливающіяся успокоить искусственно возбуждаемую панику и доказать что англійскіе интересы въ настоящій моментъ не болѣе тронуты чѣмъ въ войну 1870 года. Въ такомъ же духѣ пишетъ одинъ анонимный корреспондентъ этой газеты, который указываетъ что въ основаніи поддѣльной паники обнаруживается именно та самая „гордость „обладанія и страсть къ завоеваніямъ,“ въ какихъ укоряютъ Россію. „Англія и Россія,“ пишетъ онъ, „суть два великіе „соперника за всемірное господство, и вотъ „секретъ нынѣшняго настроенія. Цѣлость „Турціи, даже безопасность Константино„поля вовсе не имѣютъ жизненнаго зна„ченія для нашихъ интересовъ, если подъ „ними разумѣть благоденствіе нашихъ ны„нѣшнихъ владѣній. Однако мы тревожим„ся о Турціи, мы рѣшительны въ вопросѣ „о Константинополѣ; а причина тому не „та что мы боимся русскихъ захватовъ, а „та что мы завидуемъ возрастанію Рос„сіи.“ И корреспондентъ спрашиваетъ, справедлива ли эта зависть?

Но въ виду оргіи которую мы видимъ теперь въ большинствѣ англійской печати, трудно ожидать чтобы здравомысленные голоса были спокойно выслушаны.

Сейчасъ получена телеграмма о начавшихся преніяхъ по поводу предложенныхъ г. Гладстономъ резолюцій. Пренія будутъ продолжаться и завтра, такъ что результата ихъ нельзя предвидѣть. Но въ первый день преній, въ послѣднюю минуту, состоялась сдѣлка между элементами оппозиціи: она соглашается поддерживать своего прежняго вождя, за то онъ отказался отъ существеннаго что̀ было въ его резолюціяхъ, устранивъ тѣ которыя выражали желаніе принуждать къ чему-нибудь Турцію, и ограничился платоническимъ заявленіемъ что управленіе Порты очень дурно и не заслуживаетъ ни сочувствія, ни поддержки... Посмотримъ какая судьба постигнетъ эту резолюцію...

№ 102.

Москва, 27-го апрѣля.

О, цивилизація! о, дипломатія! Что̀ ты сдѣлала съ человѣческимъ словомъ? Можно говорить много, долго, красно, чувствительно, возвышенно, ни о чемъ, безъ подлежащаго. Пустословіе создало цѣлое себѣ царство, управляемое своими законами; оно выработало свою особую логику, свою си-

стему эффектовъ. Оно не затрудняется закономъ противорѣчія, не стѣсняется очевидностью, и развязно утверждаетъ то чего нѣтъ и отрицаетъ то что̀ есть.

Обращикъ пустословія восходящаго до пафоса являетъ собою манифестъ султана въ отвѣтъ на русскій манифестъ: рекомендуемъ изучить это образцовое произведеніе охотникамъ до дипломатіи, тѣмъ болѣе что турецкій манифестъ обращенъ не только къ оттоманскимъ населеніямъ, но и къ европейскимъ державамъ.

Оттоманская Порта, считая себя конечно правою въ своихъ глазахъ, желаетъ поставить себя правою и предъ Европой. Она хочетъ говорить такимъ языкомъ который подобаетъ вполнѣ независимой державѣ. „Просвѣщеніе, цивилизація, справедливость, честь и достоинство народа и государя, международныя обязательства, вѣчныя правила международнаго права, независимость внутренней администраціи,“— всѣ эти громкія слова, не имѣющія значенія когда рѣчь идетъ о Турціи, всѣ эти сказуемыя безъ подлежащаго, составляютъ содержаніе манифеста. Онъ возвѣщаетъ что „для защиты этихъ *священныхъ* принциповъ, для отраженія *самаго ненавистнаго и преступнаго* предпріятія, Оттоманская армія пойдетъ на встрѣчу нападающему,“ и что „вся нація, увѣренная въ торжествѣ *справедливѣйшаго* изо всѣхъ дѣлъ, готова сражаться и умереть за свою независимость (вся нація умереть! Какая сила!). Уже изъ этого можно видѣть до чего способно дойти пустословіе называющее „справедливѣйшимъ дѣломъ“ турецкое дѣло!..

Въ виду начавшейся войны не подобаетъ входить въ пререканія съ Турціей. Попробуемъ просто стать на точку зрѣнія турецкаго манифеста. Прежде всего приходится спросить, для чего это обращеніе къ Европѣ, зачѣмъ Европѣ знать что Порта считаетъ свое дѣло справедливѣйшимъ изо всѣхъ дѣлъ? Очень просто. Оправдывая себя, Порта не могла не имѣть въ виду послѣднихъ усилій сдѣланныхъ Европой въ ея же пользу, и излагая по своему исторію бывшихъ переговоровъ, она сама свидѣтельствуетъ что „дружественныя державы дважды пытались достигнуть умиротворенія,“ что „Европа не теряла надежды положить конецъ порядку вещей который она не безъ основанія считала для себя опаснымъ.“ Портѣ нельзя было укрыть фактъ что въ нынѣшнемъ же году засѣдала въ турецкой столицѣ конференція уполномоченныхъ отъ европейскихъ державъ. Что̀ же о ней повѣствуетъ турецкій манифестъ? Онъ утверждаетъ что на этой конференціи делегаты Порты „представили, изъ уваженія къ желаніямъ Европы, самыя полныя и удовлетворительныя надежды относительно реформъ,“ но что если конференція была прервана не достигнувъ ни одного изъ пріобрѣтенныхъ (?) результатовъ, то это послѣдовало по причинѣ отказа Высокой Порты принять два условія такъ-называемыхъ гарантій, которыя державы желали навязать ей. „Отвергла же она ихъ потому что эти условія были посягательствомъ на *независимость* Оттоманской имперіи.“ Вотъ почему она и обращается къ Европѣ напоминая ей о трактатѣ 1856 года, „запрещающемъ всякое вмѣшательство во внутреннюю администрацію Турціи.“

Каково это покажется въ объясненіи имѣющемъ въ виду доказать справедливость Порты въ ея войнѣ съ Россіей? Какъ же могло случиться что Европа, вся Европа, то-есть всѣ державы подписавшія трактатъ 1856 года, обратилась къ независимой державѣ съ представленіями и требованіями касательно ея внутреннихъ дѣлъ? Какъ случилось что уполномоченные европейскихъ державъ, въ самомъ Константинополѣ, обсуждали дѣла этого независимаго государства? Какъ же это независимое правительство допустило такой скандалъ? А допустивъ, какое же оно имѣетъ право говорить о своей независимости? Но дѣло въ томъ что фикція невмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи была дѣломъ самихъ этихъ державъ. Онѣ выдумали эту независимость Порты и условились между собою признавать ее, стало-быть онѣ и въ правѣ были взять свои гарантіи назадъ. Кому же теперь жалуется султанское правительство?

Для того чтобъ имѣть право говорить о независимости, о достоинствѣ не позволяющемъ правительству допускать ничье постороннее вмѣшательство во внутреннія дѣла, дѣйствительно самостоятельное государство не нуждается въ трактатахъ. Россія, Германія, Англія и всякая другая держава не подлежатъ контролю въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не въ силу какихъ-либо трактатовъ, а потому что независимость каждаго независимаго государства охраняется его собственною силой. Но Турція не то что̀ вся-

кое другое государство въ Европѣ, и она сама признаетъ это ссылаясь въ доказательство своей независимости на трактатъ европейскихъ державъ между собою. Независимость Порты признана державами въ ихъ собственныхъ видахъ, и есть искусственное созданіе дипломатіи. Самая опека такого рода есть уже ограниченіе самостоятельности. Кто подъ опекой, тотъ ео ipso не есть лицо самостоятельное. Чья независимость обезпечивается другими, тотъ по этому самому находится отъ другихъ въ зависимости.

И вотъ, ссылаясь на этотъ несчастный трактатъ гарантировавшій Портѣ независимость, она, какъ свидѣтельствуетъ пустословіе ея манифеста, отвергла требованія гарантій въ пользу ея христіанскихъ подданныхъ! Но этихъ гарантій требовала не Россія, а Европа, создавшая и охранявшая Турцію. Требованія Россіи были иныя, и она только согласилась съ прочими державами, отказываясь отъ своихъ взглядовъ единственно изъ желанія не отдѣляться отъ прочихъ державъ и облегчить такимъ образомъ Портѣ возможность сдѣлать что-нибудь для удовлетворенія совѣсти всей Европы. Условія конференціи которыя были отвергнуты Портой, какъ гарантіи, были ничтожны. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ было засвидѣтельствовано, совокупнымъ авторитетомъ сонма всѣхъ европейскихъ державъ, не только тотъ фактъ что Портой, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, не было сдѣлано ничего для исполненія данныхъ ею обѣщаній, но что собственными силами она и не можетъ ничего сдѣлать; что всѣ ея бумажныя реформы были обманъ, а фокусъ конституціи еще нѣчто хуже, такъ какъ она этою своею конституціей лишаетъ христіанъ и того слабаго огражденія какое они могли имѣть въ заступничествѣ иностранныхъ представителей, — такъ какъ этою конституціей узаконяется положеніе, коего продолженіе вся Европа признаетъ невозможнымъ, и власть султана ограничивается въ пользу того элемента которому его религія предписываетъ трактовать иновѣрцевъ за собакъ. Впрочемъ, надъ собаками все-таки не творится тѣхъ неистовствъ какія въ Турціи творятся надъ ея безоружными христіанскими населеніями...

По трактату 1856 Порта имѣетъ дѣло не съ Россіей, а съ Европой. Если Европа находила нужнымъ требовать отъ Порты извѣстныхъ условій, то Портѣ безполезно обращаться къ трактату, ей оставалось только исполнить требованія. Отклонивъ ихъ, и желая присвоить себѣ независимость независимо отъ Европы, она тѣмъ самымъ отвергла ея покровительство и добровольно вышла изъ-подъ трактата. Она сама лишила всякой силы этотъ трактатъ на который ссылается, и тѣмъ дала право каждой державѣ въ отдѣльности которая принимаетъ ближе къ сердцу дѣло христіанства и человѣчества, принять для защиты угнетенныхъ мѣры болѣе энергическія чѣмъ дипломатическое пустословіе.

Турецкій манифестъ преисполненъ лжи во многихъ отношеніяхъ. Онъ рѣшается и теперь послѣ всѣхъ нотъ, меморандумовъ, конференцій и протоколовъ, послѣ депешъ самого лорда Дарби, все еще утверждать, напримѣръ, что возстанія христіанъ въ ея провинціяхъ были вызваны „подстрекательствами панславистскихъ комитетовъ содержимыхъ Россіей...“ Наконецъ, манифестъ восклицаетъ что „нападающій на Турцію есть врагъ также и христіанскихъ населеній, ибо онъ причинилъ и готовитъ имъ такія бѣдствія предъ которыми ничтожны блага обѣщанныя имъ въ его обманчивыхъ возбужденіяхъ.“ Какъ понимать это? Не въ смыслѣ ли косвенной угрозы? Не означаютъ ли эти нелѣпыя въ своемъ прямомъ смыслѣ слова что Турція намѣрена вымѣщать новыми и еще большими неистовствами на подвластныхъ ей безоружныхъ населеніяхъ причиняемое ей Россіей безпокойство? Но каково же заявлять о такомъ намѣреніи предъ лицомъ Европы, отъ которой Порта хотѣла бы получить новый дипломъ на независимость?

№ 103.

Москва, 28-го апрѣля.

Вчера, вмѣстѣ съ турецкимъ манифестомъ, мы воспроизвели депешу Лорда Дарби, отъ 1 мая н. ст., адресованную къ британскому послу въ С.-Петербургѣ, лорду Лофтусу, въ отвѣтъ на послѣдній циркуляръ русскаго канцлера къ представителямъ Россіи при великихъ державахъ. На этотъ разъ произведеніе британскаго статсъ-секретаря порадовало насъ своимъ содержаніемъ. Просимъ обратить вниманіе на заключеніе депеши, гдѣ указана един-

ственная причина почему лордъ Дарби счелъ нужнымъ отвѣчать на циркуляръ Русскаго правительства, который въ сущности былъ не болѣе какъ увѣдомленіемъ дружественныхъ державъ о фактѣ войны, съ весьма естественнымъ указаніемъ всѣмъ извѣстныхъ причинъ ее вызвавшихъ. Лордъ Дарби спѣшитъ заранѣе оговорить „самымъ формальнымъ образомъ“ что рѣшеніе Русскаго правительства „не изъ тѣхъ которыя могли бы вызвать его содѣйствіе или одобреніе.“ Что же побудило его поторопиться отказать намъ въ милостивомъ разрѣшеніи на войну, котораго у него не спрашивали? Въ русскомъ циркулярѣ было сказано: „Принимая на себя это дѣло, нашъ „Августѣйшій Государь исполняетъ долгъ „возложенный на него интересами Россіи, „мирному развитію коихъ препятствуютъ „постоянныя волненія на Востокѣ.“ Затѣмъ было прибавлено: „Его Император„ское Величество сохраняетъ убѣжденіе „что вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ дѣйствуетъ со„гласно съ чувствами и интересами Евро„пы.“ Эти послѣднія слова встревожили осторожнаго лорда Дарби. Онъ обезпокоился какъ бы они не были истолкованы въ томъ смыслѣ что Россія приступаетъ къ дѣйствію только какъ исполнительница рѣшеній европейскаго концерта. И вотъ онъ спѣшитъ засвидѣтельствовать что Россія дѣйствуетъ не въ интересѣ Великобританіи и прочихъ державъ.“ Забывшись, британскій статсъ-секретарь заговорилъ не только отъ имени Англіи, но преждевременно произвелъ себя въ статсъ-секретари Европы.

Но статсъ-секретарь Англіи и „прочихъ державъ“ не сообразилъ какую услугу онъ намъ оказываетъ, лишая насъ своего благосклоннаго одобренія. Если онъ полагалъ привести насъ этимъ въ смущеніе, то онъ ошибся въ разчетѣ. Напротивъ, мы скорѣе были бы встревожены еслибы лордъ Дарби пожелалъ дать русскому циркуляру то самое толкованіе противъ какого онъ добровольно, никѣмъ не вызываемый, протестуетъ; еслибъ онъ истолковалъ рѣшеніе Россіи только какъ исполненіе воли Европы, и выразилъ бы ожиданіе что Россія будетъ покорною исполнительницей англійской программы. Это было бы ловкимъ, хотя и напраснымъ маневромъ. Принявъ дѣло въ свои руки и рѣшившись на тяжкія жертвы, Россія, конечно, постарается съ Божіею помощью достигнуть результатовъ дѣйствительно удовлетворительныхъ, и будетъ поступать по собственной, а не по чужой мысли. Но были основанія опасаться что враждебная намъ политика не откажется отъ своихъ стараній свести дѣло на ничто, и для этого попытается связать Россію и заранѣе истолковать предпринятую ею войну въ смыслѣ экзекуціи ничего незначащихъ постановленій Константинопольской конференціи или Лондонскаго протокола. Намъ пріятно узнать что Лондонскій кабинетъ отказывается отъ всякихъ въ этомъ смыслѣ притязаній...

Чтобъ оцѣнить тѣ неудобства которыхъ мы избѣгли не принявъ на себя никакихъ обязательствъ, стоитъ только взглянуть какъ понимаетъ въ своей депешѣ волю Европы самъ лордъ Дарби, почему-то вздумавшій говорить не за одну Англію, но и за всѣ прочія державы. Онъ не можетъ допустить чтобъ отказъ Порты принять протоколъ „ устранялъ всякую *надежду* на вниманіе съ ея стороны къ желаніямъ и совѣтамъ Европы, и всякую *гарантію* касательно примѣненія реформъ.“ Онъ остается при мнѣніи что этотъ протоколъ вовсе не касался Порты, то-есть простодушный лордъ Дарби ожидалъ что Россія, изъ желанія угодить ему, разоружится, а Портѣ будетъ предоставлена полная свобода расправляться съ ея христіанскими населеніями. Онъ даже имѣетъ духъ повторять что присутствіе Русскихъ военныхъ силъ на границѣ было *препятствіемъ* для реформъ и не можетъ *предположить* чтобы вступленіе русскихъ войскъ улучшило положеніе христіанскаго населенія во владѣніяхъ султана. Наконецъ, англійскій министръ соперничаетъ съ турецкимъ манифестомъ въ указаніи на статьи Парижскаго трактата о независимости Оттоманской имперіи, хотя этотъ же самый лордъ Дарби на дняхъ доказывалъ въ парламентѣ что Парижскій трактатъ вовсе не обязываетъ Англію заступаться за Турцію, ибо трактаты не могутъ быть вѣчными и, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, становятся устарѣлыми.

Итакъ, англійскій министръ на этотъ разъ сказалъ правду: Россія не можетъ считаться исполнительницей чужой воли, и она отнюдь не намѣрена дѣйствовать въ интересахъ Великобританіи какъ понимаетъ ихъ лордъ Дарби.

Это разъясненіе со стороны Лондонскаго кабинета появилось какъ нельзя болѣе

кстати, потому что зловѣщій туманъ навѣянный дипломатіей до сихъ поръ еще не совсѣмъ разсѣялся. Еще есть люди которые съ трудомъ вѣрятъ чтобы война Россіи противъ Турціи за христіанъ была дѣломъ серіознымъ, ждутъ съ упованіемъ что она разрѣшится какимъ-нибудь новымъ пуфомъ дипломатіи. Какъ же намъ не благодарить министра „прочихъ державъ," который, самъ о томъ не думая, разрушаетъ эти зловредныя иллюзіи?

№ 104.

Москва, 29-го апрѣля.

Въ ожиданіи рѣшительныхъ событій на театрѣ войны, европейская печать, и преимущественно туркофильская, наполняетъ ту томительную паузу которая всегда отдѣляетъ моментъ объявленія войны отъ первыхъ рѣшительныхъ ударовъ праздными отчасти толками о томъ въ какой мѣрѣ разразившійся громъ соотвѣтствуетъ тѣмъ или инымъ параграфамъ не существующаго кодекса международнаго права. Само собою разумѣется что газеты продавшія свою честь и совѣсть турецкой дипломатіи (такихъ, увы! до сихъ поръ немало, между вліятельнѣйшими представителями европейской печати) усердно вторятъ турецкому манифесту и англійской нотѣ отъ 1 мая, доказывая что Россія начала теперешнюю войну не имѣя на то никакого юридическаго повода съ точки зрѣнія народнаго права. Наглость этого утвержденія изумительна! Не менѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Россія начала тѣ дипломатическіе переговоры которые разрѣшились войной. Всякому извѣстно каковы были наши отношенія къ Портѣ въ то время когда вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ и какимъ огромнымъ вліяніемъ пользовался нашъ посолъ на ближайшихъ совѣтниковъ султана. Нѣтъ никакого сомнѣнія что Россія могла тогда вступить въ непосредственные переговоры съ Портой и добилась бы въ этомъ случаѣ гораздо бо́льшаго нежели тѣ требованія которыя въ послѣдствіи были поставлены Турціи отъ имени всей Европы чтобы быть опровергнутыми. Но Россія пожелала избѣжать упрека въ односторонемъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Турціи, и не предпринимала до самой послѣдней минуты *ни одного дипломатическаго шага* предъ Портой который не былъ бы результатомъ соглашенія всей Европы. Всѣ эти усилія „европейскаго концерта" оказались напрасными: Турція отвергла все. Это засвидѣтельствовано во всѣхъ относящихся сюда дипломатическихъ актахъ. Споръ возможенъ о томъ умѣстно ли начать войну по поводу отказа Турціи, и каждая держава толкуетъ конечно этотъ вопросъ по-своему не только за себя, но и за другихъ, соображаясь со своими *политическими* видами. Но что касается *юридическаго* повода къ войнѣ, того что въ международномъ правѣ называется „оправдательною причиной" (cause justificative de la guerre), то возможно ли спорить о томъ что рѣшительное уклоненіе Порты отъ исполненія поставленныхъ ей требованій есть вполнѣ законная причина къ войнѣ? Имѣетъ ли вообще какой-либо смыслъ дипломатическое настояніе о чемъ бы то ни было одной или нѣсколькихъ державъ предъ другою, если не считать что такое настояніе будетъ въ крайнемъ случаѣ поддержано оружіемъ?

Старинные учители международнаго права, формулируя такъ-называемое „право войны," признаютъ единогласно что законными, съ точки зрѣнія народнаго права, поводами къ войнѣ одной державы противъ другой могутъ послужить не только уже послѣдовавшее нарушеніе какого-либо права основаннаго на международномъ обязательствѣ, но и основательное опасеніе что подобное нарушеніе можетъ послѣдовать. Такое опасеніе можетъ возникнуть, и поводъ къ войнѣ можетъ быть данъ не вслѣдствіе только дѣйствій непріязненнаго государства, но и въ томъ случаѣ если въ его нѣдрахъ сложится порядокъ вещей который можетъ стать источникомъ замѣшательствъ для другихъ государствъ. Новѣйшій авторитетъ по международному праву, профессоръ Блунчли, признаетъ поводомъ къ войнѣ противъ извѣстнаго государства „тяжкое нарушеніе установившагося въ цивилизованномъ мірѣ общаго порядка." Руководясь этими ученіями теоретиковъ международнаго права слѣдуетъ придти къ тому выводу что всякая война противъ Турціи, независимо отъ какого бы то ни было нарушенія международныхъ обязательствъ съ ея стороны, справедлива, ибо самое существованіе Турціи есть вѣчная угроза спокойствію Европы и противорѣчитъ цѣлямъ и потребностямъ общаго по-

рядка цивилизованнаго, то-есть христіанскаго міра. Но въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности, въ оправданіе войны противъ Турціи, ссылаться на общіе принципы международнаго права: совершенно достаточно указать что война эта есть логическое послѣдствіе того дипломатическаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи которое было предпринято совокупною Европой при созваніи конференціи въ Константинополѣ, и которое предусмотрѣно было какъ возможность даже въ Лондонскомъ протоколѣ. Кто не считаетъ этого вмѣшательства противнымъ европейскому народному праву, тотъ не можетъ признавать таковымъ и предпринятую Россіей войну.

Но было бы смѣшно въ какихъ-то кодексахъ искать оправданія дѣйствій тѣхъ верховныхъ силъ которыя именуются государствами. Эти силы живутъ не по кодексу кѣмъ-либо изданному; онѣ подъ Богомъ живутъ и дѣйствуютъ. Онѣ дѣйствуютъ изъ полноты своего могущества, и въ вопросахъ войны и мира повинуются лишь велѣніямъ своей народной совѣсти и правительственной мудрости въ разумѣніи своихъ интересовъ. Въ самихъ себѣ находятъ онѣ предѣлъ и мѣру своимъ дѣйствіямъ. Не кодексы опредѣляютъ ихъ дѣйствія, а на оборотъ, онѣ своими дѣйствіями создаютъ тѣ кодексы которые составляютъ такъ-называемое международное право и возводятся теоріей къ общимъ принципамъ. Въ настоящемъ случаѣ Россія поступила такъ какъ ей велѣлъ законъ ея существованія и она не нуждается въ справкахъ для того чтобы доказывать правильность своего образа дѣйствій. Но мы коснулись „академическаго“ взгляда на юридическое значеніе настоящей войны потому что вопросъ этотъ теперь, на досугѣ, очень занимаетъ печать ученой Германіи. При этомъ намъ пріятно засвидѣтельствовать что самая вліятельная изъ берлинскихъ газетъ, *National-Zeitung*, сочла должнымъ подвергнуть этотъ вопросъ всестороннему обсужденію, въ виду нелѣпыхъ по содержанію и оскорбительныхъ по формѣ нападокъ на Россію *Кельнской Газеты* и прочихъ органовъ турецкой дипломатіи. Эти журнальные башибузуки вопіютъ противъ Россіи „во имя народнаго права“ и по другому болѣе спеціальному поводу: они находятъ что Россія будто бы нарушила основные принципы этого права тѣмъ что часть русскихъ войскъ перешла Прутъ за нѣсколько часовъ до формальнаго объявленія войны! *National-Zeitung* признаетъ это обвиненіе, основанное будто бы на авторитетахъ международнаго права, крайне наглымъ, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ авторитетовъ не требуетъ чтобъ открытію военныхъ дѣйствій предшествовала формальная церемонія объявленія войны, находя нужнымъ только чтобы воюющія стороны были подготовлены къ подобной развязкѣ. Сверхъ того, справедливо замѣчаетъ названная газета, русскія войска не вторглись въ непріятельскую территорію, а напротивъ вступили въ Румынію послѣ заключенія съ правительствомъ этой страны формальной конвенціи по этому предмету.

№ 105.

Москва, 30-го апрѣля.

Въ минуты историческихъ кризисовъ, однородные элементы, разрозненные положеніемъ, обстановкой, костюмомъ, сближаются и слагаются въ одно дѣйствіе. Они узнаютъ другъ друга, радуются себѣ взаимно, и какъ бы ни раздѣляла ихъ внѣшняя обстановка, чувствуютъ въ эти минуты свое единство въ духѣ. Стамбульскій халифъ, Ватиканскій владыка, лондонскій фарисей, что̀ повидимому разнороднѣе этихъ явленій? Но они дѣти одного духа. Въ другое время они взаимно отталкиваются, но во время общаго кризиса они взаимно притягиваются. Мы далеки отъ всякаго помысла и побужденія хулить разномыслящія съ нами христіанскія исповѣданія. Для христіанина живая вѣра во Христа выше всего, и то что̀ единитъ людей важнѣе того что̀ ихъ рознитъ. Но духъ который закрался въ управленіе Римской церкви, имѣющей одно происхожденіе съ нашею, есть духъ не только чуждый, но враждебный христіанству: это врагъ внутренній, злѣйшій всякаго внѣшняго; это есть осквернение святыни несравненно горшее чѣмъ наружное поруганіе ея символовъ. Исторія „святаго престола“ представляетъ рядъ возмутительныхъ дѣяній, хуже чѣмъ на Голгоѳѣ распинающихъ Христа. Не мы свидѣтельствуемъ объ этихъ дѣяніяхъ, свидѣтельствами о нихъ полны лѣтописи народовъ пребывающихъ и доселѣ подъ скипетромъ Ватиканскаго владыки, подмѣнившаго собой Христа. Не къ людямъ отно-

сятся слова наши, и отнюдь не къ особѣ нынѣшняго первосвященника Римской церкви. Онъ признанъ непогрѣшимымъ; мы готовы признать за нимъ невмѣняемость. Нѣтъ, слово осужденія должно падать и падаетъ на тотъ духъ тьмы и демонскаго властолюбія который поселился на вершинахъ Римской церкви. Бѣдный „святой отецъ“ служитъ только орудіемъ этого духа; дѣлаетъ что велятъ ему, и глаголетъ что влагаютъ ему въ уста.

Какъ только начались смуты на Востокѣ и совершились тамъ дѣла ужаса, отъ которыхъ содрогнулось всякое простое человѣческое сердце, орлы Ватиканскіе возликовали; духъ, тамъ живущій, почувствовалъ что творится его дѣло, и съ тѣхъ поръ во всѣхъ католическихъ земляхъ принялась усиленно работать іезуитская махинація. Въ бѣсноватомъ и самоубійственномъ ослѣпленіи, уже погубившемъ „отчину“ папы, она налегла на больную, потрясенную столькими ударами Францію, раскинула въ ней сѣти своей интриги, и страну которая трепещетъ всякаго столкновенія, которую еще такъ недавно спасло отъ новаго разгрома вмѣшательство Россіи, пытается вовлечь въ безумную борьбу. Французы винятъ въ своихъ бѣдствіяхъ „человѣка желѣза и крови,“ какъ любятъ они чествовать Германскаго канцлера. Но что гибельнѣе того пути на который пытаются вовлечь ихъ французскіе же епископы вдохновляемые *изъ-за горъ?*

Между тѣмъ, по поводу начавшейся на Востокѣ борьбы, духъ Ватиканской лжи уже молвилъ свое слово. Папа, 30-го апрѣля, принимая прибывшихъ къ нему, въ числѣ 300 человѣкъ, пилигримовъ изъ Савоіи, изрекъ слѣдующее:

„Умилительное зрѣлище представляютъ эти мирныя ополченія, прибывшія спеціально въ Италію съ протестомъ противъ законовъ направленныхъ къ стѣсненію религіи. Въ эту минуту одна иновѣрная держава привела въ движеніе многочисленныя арміи для наказанія невѣрной державы, обвиняя ее въ несправедливомъ управленіи и въ долговременномъ притѣсненіи тѣхъ подданныхъ сей послѣдней которые принадлежатъ къ означенной иновѣрной религіи. Борьба уже началась. Я не знаю которая изъ двухъ державъ будетъ побѣдительницей, но мнѣ хорошо извѣстно что надъ одною изъ этихъ державъ, которая называетъ себя православною, и которая есть только схизматическая, рука Божьяго правосудія жестоко тяготѣетъ за безпощадное гоненіе католиковъ, начавшееся столько лѣтъ тому назадъ и продолжающееся донынѣ. Мнѣ извѣстно также что побѣда останется за третьею арміей — за ополченіемъ пилигримовъ.“

Сколько внутренней лжи, и сколько явнаго противорѣчія въ этихъ немногихъ словахъ! Савойскіе пилигримы пришли къ „святому отцу“ протестовать противъ стѣсненія претерпѣваемаго ихъ религіей — гдѣ же, гдѣ? — въ иновѣрной ли Россіи? Нѣтъ, въ той самой Франціи которую ультрамонтанская интрига хочетъ ввергнуть въ борьбу не на животъ, а на смерть для отвоеванія потеряннаго папой царства. Если, по мнѣнію владыки Ватикана, въ странѣ католической, на которой почіютъ его упованія, стѣснена его церковь, то какую же силу могутъ имѣть упреки обращаемые имъ къ державѣ *иновѣрной?* Если онъ недоволенъ положеніемъ своей церкви въ странахъ гдѣ она господствуетъ, гдѣ она своя, то почему же держава иновѣрная должна болѣе соотвѣтствовать его требованіямъ? Католическій міръ тяжко болитъ отъ духа зла проникшаго въ святыню исповѣдуемой имъ вѣры, борется съ нимъ, принимаетъ мѣры огражденія и защиты отъ него. Должны ли только иновѣрныя страны безусловно покорствовать ему?

Но въ борьбѣ начавшейся на Востокѣ споръ идетъ не между двумя христіанскими исповѣданіями, не между двумя церковными управленіями. Россія обнажила свой мечъ на защиту своихъ братьевъ во Христѣ оставленныхъ всѣми, стало-быть порученныхъ ей Богомъ. Дѣло идетъ объ этихъ несчастныхъ, отверженныхъ населеніяхъ, къ участи которыхъ не можетъ не быть чувствительнымъ никакое неиспорченное сердце, тѣмъ болѣе христіанская совѣсть. Дѣло идетъ не о Россіи, а объ избавленіи милліоновъ людей. Когда Римская курія созывала свой якобы вселенскій соборъ, она обращалась къ патріархамъ Востока и приглашала ихъ во имя единой Церкви Христовой принять въ немъ участіе. Въ своихъ грамотахъ римскій епископъ признавалъ въ полной силѣ святыню православной Церкви Востока. Если онъ считалъ представителей этой Церкви правоспособными рѣшать вопросы вѣры христіанской, то какже можетъ онъ оставаться чуждъ и безчувственъ къ столькимъ

христіанскимъ душамъ, которыя неповинны въ церковныхъ разногласіяхъ, не несутъ на себѣ ни въ какомъ случаѣ отвѣтственности за распаденіе Церкви? Духъ который сказался въ словахъ Ватиканскаго первосвященника, именующаго себя викаріемъ Христа, есть противоположность духу Христову, Который заповѣдалъ людямъ братскую любовь безо всякихъ условій и ограниченій, Который не дѣлалъ различія между Іудеемъ и Эллиномъ и не чуждался язычниковъ въ язычествѣ. Не должно ли для христіанина, отступить предъ дѣломъ милосердія всякое соперничество и замолкнуть всякая вражда? Никакія обличенія не могутъ укоризненнѣе обличать духъ лжи угнѣздившійся подъ папскою тіарой чѣмъ эти немногія слова, сказанныя его святѣйшествомъ въ назиданіе добрыхъ пилигримовъ прибывшихъ къ нему изъ Савоіи протестовать противъ законовъ своего государства...

Выходка противъ „схизматической“ Россіи, будто бы предающей католиковъ „безпощадному гоненію,“ есть только уловка дабы прикрыть ненависть къ восточному христіанству, не находящемуся подъ властію того тайнаго чернаго общества которое, подъ видомъ Церкви Христовой, домогается безусловнаго господства и безпощадно добивается цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣломъ Христовымъ. Россія оплотъ этого не подвластнаго духу тьмы христіанства; за то она такъ и ненавистна ему.

Ни въ нравахъ Русскаго народа, ни въ законахъ Россіи нѣтъ фанатизма. Римско-католическая церковь въ Россіи пользуется признаніемъ и охраной законовъ. Нѣтъ никакого стѣсненія принадлежащимъ къ ней людямъ исправлять свои духовныя требы по ея обрядамъ и исповѣдывать символъ ея вѣры. Между католиками и православными въ Россіи никогда не дѣлалось различія. Обстоятельство принадлежности къ католической вѣрѣ не мѣшаетъ въ Россіи достигать высшихъ степеней власти и значенія. Но Римско-католическое церковное учрежденіе въ Россіи, какъ извѣстно всѣмъ желающимъ знать истину и какъ обнаружилось до очевидности въ 1863 году, стало гнѣздилищемъ крамолы и государственной измѣны. Если русское правительство было вынуждаемо принимать оборонительныя противъ него мѣры, то оно принимало ихъ не противъ Римской церкви, какъ церкви, а противъ революціи и мятежа которые въ ней укрывались и ея средствами обманно пользовались. Мѣры эти, къ сожалѣнію, не всегда были послѣдовательны и не всегда были удачны, потому что мы были слишкомъ уступчивы и легко поддавались интригѣ. Но мы не угодили бы ни въ какомъ случаѣ Ватиканскому духу, который не помирился бы съ нами пока мы не покорились бы ему безусловно, и который ни съ какимъ правительствомъ, ни съ какою властью поладить не можетъ, какъ не можетъ поладить ни съ какою свободой. При большей послѣдовательности дѣйствій могли бы мы Римскую церковь у себя освободить отъ той примѣси которая дѣлаетъ ее не столько церковнымъ сколько политическимъ учрежденіемъ. Но именно въ этомъ то и встрѣчали мы противодѣйствіе изъ Ватикана. Темная клика окружающая папу не хочетъ чтобъ управляемая имъ церковь была только церковью. Если были ошибки въ русской политикѣ относительно католицизма, то они обращались въ ущербъ не ему, а намъ самимъ. Мы грѣшили не стѣсненіемъ католицизма, а излишними заботами о немъ. Мы слишкомъ попечительно гарантируемъ и поддерживаемъ его организацію, его дисциплину, авторитетъ его властей. Наши ошибки состояли не рѣдко въ томъ что мы дѣйствовали относительно католицизма слишкомъ согласно съ желаніями нашихъ Ватиканскихъ враговъ.

Исторія сблизила и сдружила насъ съ Германіей. Что исторически установилось и сложилось, тѣмъ слѣдуетъ дорожить. Это капиталъ которымъ должно пользоваться. Надо желать чтобъ узы соединяющія оба государства укрѣплялись ко взаимной ихъ выгодѣ. У нихъ есть общіе интересы, но есть у каждаго свои особые. Общіе интересы должны быть приведены въ ясность; особые, при взаимномъ довѣріи, могутъ быть приведены въ соотвѣтствіе и согласіе. Въ послѣднее время Германія вступила въ энергическую борьбу съ Ватиканомъ, этимъ общимъ и намъ и ей противникомъ. Мы могли бы, ко взаимной пользѣ и ко благу міра, согласить наши дѣйствія; мы могли бы поддержать нашего союзника въ борьбѣ съ нашимъ противникомъ. Мы не знаемъ было ли что-либо сдѣлано нами въ этомъ смыслѣ. Но мы знаемъ,—чего можетъ-быть не знаетъ добродушный престарѣлый намѣстникъ Св. Петра, но что мы полагаемъ не безызвѣстно темной управляющей имъ кликѣ,— мы знаемъ что у насъ есть политики, и

притомъ изъ православныхъ, которые готовы были бы войну объявить Бисмарку въ защиту *du saint siège*. Когда донеслись сюда страшные вопли изъ-подъ Балканъ, когда Россія поднялась на призывъ, когда потребовалось ей собрать и согласить всѣ союзные ей въ Европѣ интересы на пользу восточныхъ христіанъ, — были въ Россіи политики, — да, были! и притомъ изъ православныхъ, — которые потому не хотѣли солидарной съ Германіей программы что при этомъ пришлось бы пожертвовать папой ..

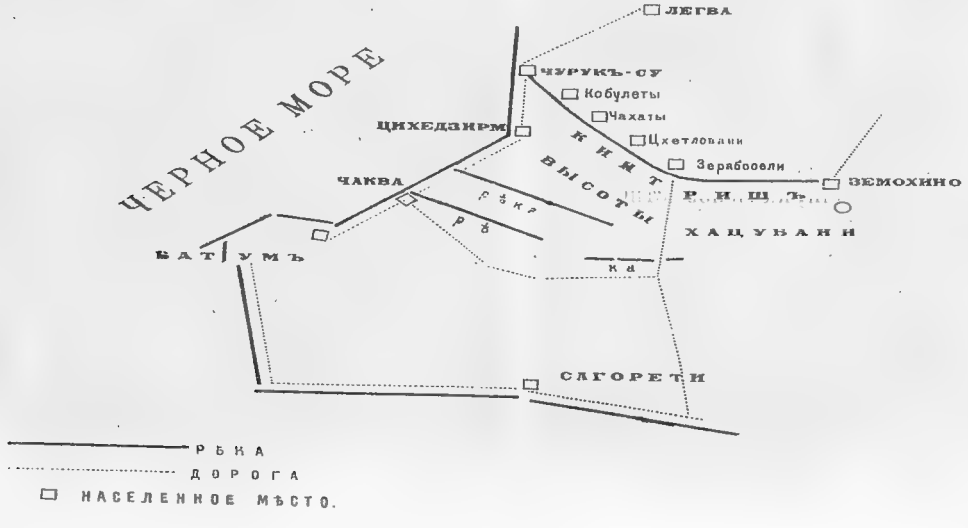
№ 107.

Москва, 2-го мая.

Наши читатели были, по всему вѣроятію, нѣсколько озадачены въ одно время двумя извѣстіями съ театра войны, относящимися къ Ріонскому отряду, который, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, оперируетъ на Батумъ. Дѣло происходило на рѣчкѣ Кинтришѣ впадающей въ морѣ и Чурукъ-су. Два авангарда были выдвинуты за эту рѣчку на окаймляющія ее высоты, и ими взята приступомъ, послѣ горячаго боя, сильная непріятельская позиція. Дѣло было, повидимому, блистательное, которое значительно подвинетъ впередъ операціи нашей арміи въ эту сторону.

Но вотъ вслѣдъ затѣмъ нашъ Петербургскій корреспондентъ телеграфировалъ намъ, въ числѣ другихъ извѣстій обнародованныхъ Петербургскимъ международнымъ телеграфнымъ агентствомъ, сообщеніе изъ Батума о 8-часовомъ боѣ, послѣ коего будто бы обѣ стороны остались на прежнихъ позиціяхъ. Съ перваго разу могло показаться что въ этомъ послѣднемъ извѣстіи рѣчь идетъ о какомъ-либо другомъ дѣлѣ, менѣе для насъ удачномъ, такъ какъ обѣ стороны, по этому сказанію, удержали свои позиціи. Но при малѣйшемъ вниманіи, всякій легко можетъ усмотрѣть что оба извѣстія относятся къ одному и тому же дѣлу происходившему въ пятницу 29 апрѣля, и что послѣднее извѣстіе, — такъ какъ идущее изъ Батума, — есть турецкое эвфемистическое представленіе дѣла въ которомъ Турки потерпѣли пораженіе и понесли большія потери. Разумѣется, Турецкій бюллетень не могъ прямо сознаться въ пораженіи; за то, не только при малѣйшемъ успѣхѣ, но и при сомнительномъ исходѣ ея, онъ зазвучалъ бы трубнымъ гласомъ великой побѣды. Вынужденная скромность Батумскаго извѣстія равносильна сознанію въ пораженіи и потеряхъ. Восьмичасовой кровопролитный бой, — вотъ все что оставалось Туркамъ сказать, съ единственною прикрасой будто они удержались на своей позиціи. Быть-можетъ вдоль рѣчки Кинтриша гдѣ-нибудь они и остались на позиціи, но въ атакованномъ и взятомъ нашими войсками штурмомъ укрѣпленіи на высотахъ Хацубани, Турокъ конечно ужъ не осталось.

Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ атакѣ одной изъ самыхъ сильныхъ позицій на закавказскомъ театрѣ войны, и такъ какъ успѣхомъ этихъ атакъ опредѣляется положеніе въ которое мы приходимъ относительно столь важнаго на Черномъ Морѣ порта какъ Батумъ, то мы считаемъ не лишнимъ немедленно пояснить дѣйствія около этого пункта карточкой сдѣланною типографскими средствами.



Здѣсь, отрядъ нашъ, численность котораго намъ неизвѣстна, дѣйствуетъ отъ Озургетъ. Съ начала военныхъ дѣйствій по 29 апрѣля отрядъ этотъ занимался устройствомъ укрѣпленной позиціи Мухастатинской (впереди Легвы), и дѣлалъ рекогносцировки и фуражировки къ сторонѣ рѣки Кинтрышъ.

Рѣка эта беретъ начало изъ Аджарско-Ахалцыхскаго хребта, верстахъ въ сорока отъ моря, близь перевала черезъ Аджарскій хребетъ изъ поста Гомскаго (въ Россіи) къ селу Земохину въ Турціи и описавъ небольшую дугу, у укрѣпленія Чурукъ-Су вливается въ Черное Море.

Отъ Земохина къ Чурукъ-Су внизъ по рѣкѣ находятся селенія Зерабосели, Цхетловани, Чахаты и Кобулеты.

Правый берегъ рѣки Кинтрыша вообще низменъ, къ лѣвому же берегу примыкаютъ высоты Хадубани,—отроги горы Перанга, Аджарскаго хребта.

Итакъ, атакованная нами турецкая позиція представляетъ собою рядъ высотъ прикрытыхъ съ форта рѣкою Кинтрышемъ и примыкающихъ съ фланговъ къ Черному Морю и горѣ Перангѣ.

Отъ этой сильной позиціи, въ направленіи къ Батуму, предстоитъ форсировать еще четыре линіи не менѣе сильныя и по естественнымъ условіямъ, и по искусственнымъ укрѣпленіямъ такъ какъ Турки уже задолго озаботились привести ихъ въ оборонительное положеніе, устроивъ на нихъ различнаго рода преграды, траншеи и другія укрѣпленія.

Вообще, нужно замѣтить что на Азіатскомъ театрѣ войны предпринятое нами на защиту христіанъ дѣло идетъ быстро и съ полнымъ успѣхомъ на всѣхъ пунктахъ.

Сколько намъ извѣстно изъ послѣднихъ донесеній, которыя мы своевременно передавали въ телеграммахъ, положеніе нашихъ войскъ въ Эрзерумскомъ вилаетѣ теперь таково:

2) Ахалцыхскій отрядъ (генерала Девеля) оперируетъ на Ардаганъ, на который также двинулись войска и изъ Ахалкалаки. У Ардагана и кругомъ его войска наши, по послѣднимъ извѣстіямъ, заняты рекогносцировками.

3) Александропольскій отрядъ подступилъ къ Карсу и производитъ кавалерійскія рекогносцировки кругомъ крѣпости, въ разстояніи отъ нея въ 6 и 10 верстахъ.

4) Эриванскій отрядъ одною колонной (генерала Тергукасова) занялъ Баязидъ и двинулся далѣе по Эрзерумскому шоссе къ Діадину, который уже и занятъ безъ боя; а другая, полковника Граббе изъ Кульпа, заняла городъ Кагызманъ.

Такимъ образомъ всѣ наши отряды углубились въ предѣлы Турціи отъ 70 до 120 верстъ, причемъ крѣпость Карсъ, въ самомъ началѣ войны, притомъ едва ли снабженная всѣми нужными припасами въ размѣрахъ необходимыхъ для долговременной обороны, оказывается отрѣзанною какъ отъ Батума, такъ и отъ Эрзерума, т. е. тѣхъ центровъ откуда крѣпость могла разчитывать на полученіе необходимыхъ подкрѣпленій.

Правда, по послѣднимъ извѣстіямъ, 10.000 войска назначенныхъ въ подкрѣпленіе Карсу, взамѣнъ 60.000 которыхъ просилъ Мухтаръ-паша,—что свидѣтельствуетъ о критическомъ положеніи въ какомъ находятся дѣла Турціи въ Малой Азіи,—уже высадились въ Требизонтѣ и двинулись къ Эрзеруму; но они могутъ подоспѣть къ Карсу только черезъ 16 и даже 20 дней, то-есть, когда отрядъ нашъ оперирующій изъ Баязида черезъ Діадинъ представитъ серіозную опасность для самого Эрзерума, нельзя же считать силою несчастный гарнизонъ Баязида (до 1.700 чел.), оставившій намъ безъ боя цитадель этого города. Извѣстіе изъ Константинополя сообщаетъ что эрзерумскій вали отправился на границу во главѣ 40.000 волонтеровъ навербованныхъ изъ Курдовъ. Сколько лишнихъ нулей въ этомъ извѣстіи—мы не знаемъ, но сомнѣніе беретъ насъ даже относительно предшествующей имъ цифры—4.

Вѣроятно, эрзерумскій вали думаетъ еще навербовать 40.000 и вести ихъ на вѣрное пораженіе; но только не на границу, которая уже далеко осталась въ тылу нашихъ кавказскихъ удальцовъ которые не привыкли уступать то что уже разъ занято ими.

№ 108.

Москва, 3-го мая.

Неудивительно что той части туркофильской печати которая еще недавно объясняла миролюбіе Россіи ея безсиліемъ кажется все совершившееся въ послѣднія двѣ недѣли только дѣломъ счастія, простаго случая. А между тѣмъ, въ эти двѣ недѣли, совершилось уже очень многое. Войска нашей Кавказской арміи одновременнымъ движеніемъ четырехъ отрядовъ совершенно стѣснили непріятеля. Уже обложенъ Карсъ, гдѣ находится до 28.000 гарнизона, а отступленіе Мухтаръ-паши съ 8 баталіонами на Эрзерумъ и неисполнимое требованіе его чтобъ ему выслали еще шестьдесятъ тысячъ войскъ въ подкрѣпленіе, указываютъ на критическое положеніе турецкой арміи. Съ другой стороны, энергическимъ натискомъ подвигается нашъ Ріонскій отрядъ къ Батуму. Быстрота успѣха очевидно условливается заранѣе обдуманнымъ планомъ, приводимымъ въ исполненіе съ замѣчательною точностью. Дружелюбное отношеніе къ намъ пограничныхъ племенъ также не есть случайность или слѣпое счастіе. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ только что миссія Россіи на Востокѣ чувствуется его племенами. Въ Курдистанѣ помнятъ добромъ наши войска бывшія тамъ подъ начальствомъ генерала Муравьева въ 1855 и 1856 годахъ.

Извѣстно что время года отнюдь не благопріятствовало движенію Дунайской арміи. Необыкновенный разливъ южныхъ рѣкъ, причинившій неожиданныя бѣдствія даже въ Россіи, не помѣшалъ нашей переправѣ черезъ Прутъ, и только разъ, и то на малое время, задержалъ наши войска у Леова. Проливные дожди въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль растворили почву, а выступившія изъ береговъ рѣки затопили низменныя мѣстности, такъ что кавалеріи нашей приходилось двигаться иногда по горло въ водѣ; но иностранные корреспонденты удивляются бодрому виду нашихъ солдатъ послѣ этихъ тяжкихъ переходовъ.

Планъ кампаніи, разумѣется, неизвѣстенъ; мѣсто избранное для переправы черезъ Дунай сохраняется въ тайнѣ; но очевидно что первоначальное движеніе русскихъ войскъ поколебало планъ обороны. Можно полагать, на основаніи различныхъ признаковъ, преимущественно же на томъ что близъ Виддина былъ собранъ значительный лагерь, что Турки опасались болѣе всего переправы около Кладова, а потому неожиданное занятіе русскими войсками Рени и Галаца и въ особенности захватъ Барбожскаго моста, привели ихъ въ большое недоумѣніе. Занятіе Барбожскаго моста на Серетѣ, который главнымъ образомъ обезпечиваетъ наши сообщенія, есть успѣхъ громадной важности. Гобартъ-паша караулилъ первые признаки нашего наступательнаго движенія чтобы немедленно взорвать этотъ мостъ. Неожиданно вызванный въ Константинополь, онъ оставилъ у Галаца два турецкіе монитора, приказавъ ихъ командирамъ, немедленно по полученіи первыхъ извѣстій о наступленіи Русскихъ, подняться по Серету и произвести подготовленный взрывъ; но турецкіе командиры не рѣшались и выжидали новыхъ приказаній: это конечно можно назвать счастіемъ, но никакъ нельзя приписать счастливой случайности изумительно быстрое появленіе русской кавалеріи, совершившей въ сутки 120-верстный переходъ и предупредившей Турокъ на этомъ пунктѣ.

Появленіе нашихъ войскъ у Рени и Галаца, а вслѣдъ затѣмъ занятіе Браилова, вынудили Абдулъ-Керима принять торопливыя мѣры для защиты Добруджи; началось лихорадочное передвиженіе турецкихъ войскъ, всегда дурно дѣйствующее на нравственное состояніе арміи. Но турецкій главнокомандующій, возымѣвъ опасеніе что переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай предполагается выше, оставилъ планъ усиленной обороны устьевъ Дуная, и теперь спѣшитъ сосредоточить оборону близъ Траянова вала, на 50-тиверстномъ разстояніи отъ Черноводъ до Кюстенджи, соединенныхъ желѣзною дорогой. Это предположеніе подтверждается вчерашнею телеграммой полученной изъ Вѣны что турецкимъ войскамъ сосредоточеннымъ въ Тульчѣ приказано безъ боя отступить предъ русскими войсками. Между тѣмъ, одновременно съ различными движеніями Русской арміи, направляющейся къ заранѣе назначеннымъ ей мѣстамъ, происходило укрѣпленіе уже занятыхъ нами пунктовъ, Рени, Галаца, Браилова, и въ настоящее время эти пункты можно считать укрѣпленными прочно, благодаря доставленной туда осадной артиллеріи.

А не легко было въ такой короткій промежутокъ времени доставить туда осадныя

орудія. Корреспондентъ вѣнской *Tagblatt*, сообщая о слухѣ будто на укрѣпленіяхъ близь Рени въ одну ночь полевыя орудія были замѣнены осадными, сомнѣвается въ этомъ, „ибо, говоритъ онъ, съ русской границы къ Рени ведутъ только плохія проселочныя дороги, которыя, сверхъ того, сдѣлались почти непроходимы, благодаря непрерывнымъ дождямъ. Кому извѣстны всѣ затрудненія представляемыя доставкой и установкой осаднаго орудія, въ особенности при неблагопріятныхъ условіяхъ почвы, кому случалось видѣть какъ иногда 80 и даже 100 человѣкъ напрягаютъ при такихъ условіяхъ всѣ свои силы въ теченіе цѣлыхъ сутокъ чтобы подвинуть на полкилометра двадцатифунтовую пушку, тому упомянутое извѣстіе покажется нѣсколько невѣроятнымъ.“ Но теперь, послѣ взрыва турецкаго броненосца, нельзя уже сомнѣваться въ присутствіи осадныхъ орудій. Удачныя дѣйствія нашей артиллеріи парализуютъ усилія рѣчной турецкой эскадры, не причинившей доселѣ существеннаго вреда бомбардируемымъ ею городамъ. Вообще не везетъ турецкимъ броненосцамъ. Первоначально выстрѣлами нашими поврежденъ былъ бортъ одного изъ мониторовъ; взлетѣлъ на воздухъ большой броненосецъ; наконецъ сильно поврежденъ мониторъ отъ румынской пальбы во время артиллерійскаго сраженія между Турками, расположенными въ Туртукаѣ, и Румынами въ Ольтеницѣ. Предполагавшееся вторженіе Турокъ въ Румынію не состоялось, какъ оказывается, за недостаткомъ у нихъ необходимыхъ матеріаловъ для постройки моста.

Итакъ, можно полагать съ достаточною достовѣрностью что и на Дунайскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій непріятель поставленъ въ невыгодное положеніе *пассивной обороны*, подающей наступленію всѣ вѣроятія быстраго успѣха.

№ 109.

Москва, 4-го мая.

Мы воспропзвели почти вполнѣ рѣчь г. Гладстона, произнесенную имъ 7 мая въ Палатѣ Общинъ. Останавливаемся на ней съ чувствомъ почтенія къ знаменитому государственному человѣку, къ мыслителю съ умомъ возвышеннымъ, прозорливымъ и мощнымъ, наконецъ просто къ человѣку справедливому, съ душой открытою для высшихъ возбужденій. Это послѣдній изъ славной фаланги государственныхъ людей Англіи, которые высоко вознесли имя Англіи, когда великія идеи не были празднымъ словомъ, не заглушались мелкимъ торгашествомъ и грубымъ эгоизмомъ, когда завистливый, пронырливый и дерзкій духъ Пальмерстона (котораго графъ Беконсфильдъ старается копировать, являя собою его живую каррикатуру) не налагалъ еще своей мрачной печати на англійскую политику.

Теперь слово не за нами. Съ прекращеніемъ операцій дипломатіи, слава Богу покончились и наши счеты съ политикой Англійскаго кабинета. Ее призываетъ на судъ своей страны человѣкъ которому не могутъ не быть дороги ея честь и интересы, который самъ стоялъ во главѣ ея правительства, которому знакомы на дѣлѣ всѣ пружины политическаго механизма, который способенъ видѣть насквозь всѣ мелкія ухищренія вводящія въ обманъ довѣрчивую публику. Можно смѣло сказать что не только изъ нынѣ живущихъ государственныхъ людей Англіи, но со временъ сэръ-Роберта Пиля, едва ли кто болѣе потрудился и болѣе сдѣлалъ для Англіи чѣмъ г. Гладстонъ, и также какъ Пиль онъ добровольно, въ полнотѣ силъ, сошелъ съ арены, чистый и возвышенный надъ приманками власти и честолюбія. Но онъ не вытерпѣлъ оставаться спокойнымъ зрителемъ видя какъ его страну увлекаютъ на путь паденія. И вотъ онъ бичуетъ не промахи только и ошибки,—они могли бы найти себѣ извиненіе,—а двоедушіе, нечестность Беконсфильдовской политики, столько же безнравственной сколько безсмысленной и бездарной; онъ старается вразумить ослѣпленныхъ и ожесточенныхъ приверженцевъ ея, которые своими рѣчами и писаніями обнаруживаютъ фанатизмъ хуже турецкаго. Бывшій правитель Англіи смѣлою рукой разрываетъ ткань лжи и клеветы, ежедневно и неутомимо фабрикуемую массой листковъ потерявшей стыдъ печати. Нельзя не подивиться непреклонному мужеству съ какимъ онъ выступаетъ, наперекоръ укоренившимся въ обществѣ предразсудкамъ, противъ сильнаго министерства, противъ большинства въ парламентѣ, противъ могущественныхъ интересовъ плутократіи, не смущаясь ма-

лодушіемъ своихъ товарищей, не обращая вниманія на брань и клеветы которыя сыплются на него самого.

Въ сознаніи правоты своей критики, г. Гладстонъ не заботится о томъ что всего дороже для англійскихъ политиковъ, объ интересахъ партіи. Онъ говоритъ для Англіи и за Англію. И въ одну недѣлю послѣ того какъ возвѣщены были имъ отъ своего имени, независимо отъ партіи, его резолюціи, по всей странѣ отозвалось множество сочувственныхъ ему народныхъ митинговъ. Оттого-то и злобствуетъ безъ мѣры почти вся столичная печать. Оттого-то и злорадствуютъ враги г. Гладстона въ парламентѣ, глумясь надъ нерѣшительностью его послѣдователей. Въ отвѣтъ на все, онъ одно только сказалъ обращаясь къ тому что онъ называетъ выраженіемъ мнѣнія Лондонскаго Вестъ-Энда: „Вы не нація, вы не выражаете мнѣнія націи.“

Побѣда въ парламентѣ не осталась за нимъ. Въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Противъ него цѣлая сильная организація, не брезгающая никакими средствами. Однако теперь ей труднѣе будетъ продолжать свое дѣло. Г. Гладстонъ сталъ ей поперекъ дороги. Рѣчь его прочтена повсюду въ Англіи, она произведетъ свое дѣйствіе. Онъ раскрылъ интриги, которыми, подъ предлогомъ страха за британскіе интересы, клика такъ фарисейски кричавшая о мирѣ силится теперь вовлечь страну въ рискованныя предпріятія. Онъ сорвалъ покровъ съ тайны кабинета, объявивъ что въ немъ есть люди болѣе согласные съ нимъ чѣмъ со своими товарищами.

Его честная смѣлость ободрила и другихъ. Вслѣдъ за г. Гладстономъ, его бывшіе товарищи, гг. Чильдерзъ и Ло, рѣзко порицали отвѣтную депешу лорда Дарби на русскій циркуляръ, даже рѣзче своего бывшаго вождя. Читателямъ извѣстенъ этотъ документъ, о которомъ мы высказали свое сужденіе только относительно его доводовъ, не касаясь неприличныхъ въ подобномъ документѣ выходокъ противъ Россіи. Мы не хотѣли даже въ безотвѣтственной полемикѣ допускать тонъ который лордъ Дарби позволилъ себѣ внести въ дипломатію.

Но гг. Чильдерзъ и Ло заявили что находятъ выраженія этой депеши недостойными, и спрашивали съ какою цѣлью былъ принятъ этотъ вызывающій противъ Россіи тонъ, и такой поощрительный для Турціи, которой извиняется все ею сдѣланное и почти обѣщается поддержка. Они же указывали, вслѣдъ за г. Гладстономъ, на непростительную ошибку которая сдѣлана въ этой депешѣ,—ошибку на которую мы въ свою очередь тоже указывали,—именно на ту заботливость съ какою лордъ Дарби самъ старается оградить полную самостоятельность дѣйствій Россіи и независимость ихъ отъ европейскаго концерта, который англійскою же политикой лишенъ былъ всякой силы и значенія.

Въ этомъ пунктѣ вся сущность разницы между политикой Дарби-Беконсфильда и тою которую г. Гладстонъ предлагаетъ Англіи. Его политика есть та самая къ которой Россія безкорыстно приглашала другихъ, готовая подѣлиться ея честью. Будь эта политика принята Англіей, она избавила бы турецкихъ христіанъ отъ многихъ страданій, она облегчила бы и дѣло Россіи, но за то и честь его раздѣлилась бы и досталась бы на долю Англіи. Такъ какъ турецкіе порядки стали анахронизмомъ который ни въ какомъ случаѣ не можетъ долго держаться, то эта политика была бы выгодна для Англіи, стяжала бы ей благодарность и сочувствіе молодыхъ силъ коимъ принадлежитъ будущее, между тѣмъ какъ теперь ея интересы связаны съ трупомъ. Но англійскіе министры избрали иной путь: они оттолкнули христіанскія населенія потому что не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіей. Они руководились слѣпою ненавистью къ намъ и задались мыслью нанести намъ безъ войны самое тяжкое пораженіе, которое сопровождалось бы упадкомъ нашего народнаго духа и глубокимъ внутреннимъ разстройствомъ.

Они, конечно, ошиблись; иначе и не могло быть. А потому, воздавая справедливость государственной прозорливости г. Гладстона и высоко цѣня его самоотверженную правдивость, мы не можемъ не замѣтить что для Россіи выгоднѣе политика нынѣшняго кабинета. Благодаря Беконсфильду-Дарби, дѣло за которое выступила Россія досталось ей одной, правда со всѣми жертвами, но и со всею честью, со всѣми его послѣдствіями. Намъ будетъ труднѣе дѣйствовать, но за то весь успѣхъ останется за нами. Даже въ случаѣ неуспѣха, чего не дай Богъ; мы все-таки болѣе выиграемъ чѣмъ потеряемъ. Мы возобновили бы начатое при первой возмож-

ности. Связь наша съ христіанами Востока, запечатлѣнная кровью, пріобрѣла бы во всякомъ случаѣ новую силу. Возвысился бы и нашъ авторитетъ въ Европѣ, всеобщее къ намъ нравственное уваженіе. Они и теперь возвысились. Повсюду, не исключая самой Англіи, понимаютъ какъ лживы были толки о слабости Россіи и какая сила должна быть въ народѣ поднявшемся какъ одинъ человѣкъ на великое и святое дѣло.

Впрочемъ, и министры ея Британскаго величества также стяжали благодарность и симпатію—Турецкаго парламента за отвѣтную депешу лорда Дарби.

№ 110.

Москва, 6-го мая.

Въ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена телеграмма Его Высочества Намѣстника Кавказскаго, отъ 3 мая, увѣдомляющая объ отраженіи дессанта съ турецкаго флота для атаки Сухумъ-Кале. „Пять турецкихъ броненосцевъ," сказано въ телеграммѣ, „бомбардировали Сухумъ-Кале въ теченіи двухъ съ половиною часовъ. Часть города значительно пострадала, но попытка дессанта блистательно отражена пятью ротами и двумя орудіями. На улицахъ осталось много непріятельскихъ тѣлъ. У насъ ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ..."

Сегодня пришла телеграмма изъ Константинополя, отъ 5 мая, въ которой сказано что Сухумъ-Кале занятъ и сожженъ Турками, а гарнизонъ города истребленъ.

Обѣ телеграммы трактуютъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ, и намъ остается только удивляться правдивости константинопольскаго извѣстія.

Въ первый разъ Порта дала вѣрное извѣстіе съ театра войны. Улицы Сухума были дѣйствительно заняты... турецкими тѣлами.

Мы дали (№ 107) краткій очеркъ военныхъ операцій Ріонскаго отряда Кавказской арміи къ сторонѣ Батума. Теперь припомнимъ дѣйствія Александропольскаго отряда, оперирующаго на Карсъ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

До 12 апрѣля, то-есть по день объявленія Высочайшаго манифеста о войнѣ, штабъ-квартира генерала Лорисъ-Меликова находилась въ Александрополѣ. Въ окрестностяхъ этого города были расположены главныя силы Кавказской арміи. 12 апрѣля, по прочтеніи манифеста и помолившись Богу, войска двинулись въ походныхъ колоннахъ къ рѣкѣ Арпачаю, границѣ нашихъ владѣній съ Турціей.

Первыми перешли границу отдѣльные кавалерійскіе разъѣзды и упали какъ снѣгъ на голову на передовые турецкіе посты. Какъ ни готовились Турки ко встрѣчѣ грознаго противника, но на этотъ разъ появленіе драгунъ и казаковъ передъ ихъ саклями было совершенно неожиданно. На большей части постовъ Турки не успѣли даже взяться за оружіе какъ уже были полонены, и къ вечеру дня объявленія войны этихъ плѣнныхъ собралось въ Александрополѣ 107 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ.

Въ то время какъ наши отдѣльные кавалерійскіе разъѣзды снимали турецкіе передовые посты, главныя силы, перейдя Арпачай, двинулись двумя колоннами по направленію къ Карсу. Лѣвая колонна 12 апрѣля дошла до Мулла-Муса, а правая до Башъ-Шурагеня; въ авангардѣ обѣихъ колоннъ шла кавалерія съ конною артиллеріей.

13 апрѣля войска перешли къ селенію Кизилъ-Чахъ-Чаху, лежащему на берегу Карсъ-чая на главномъ и самомъ удобномъ пути изъ Александрополя въ Карсъ, въ 47 верстахъ отъ послѣдняго.

Трудны были эти первые переходы. Дороги въ Турціи, очень дурныя сами по себѣ, послѣ дождей непрерывно лившихъ нѣсколько дней, сдѣлались просто непроѣздными. Обозы растянулись и не поспѣвали за своими частями. Войска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шли чуть не по колѣно въ грязи, но шли бодро и весело. Жители всюду встрѣчали ихъ съ изъявленіемъ покорности, нѣкоторые просились на службу въ русскую армію.

14 числа, пѣхота Александропольскаго отряда оставалась въ Кизилъ-Чахъ-Чахѣ, а кавалерія произвела рекогносцировку до Хаджи-Вали, селенія лежащаго на южной Карско-Александропольской дорогѣ (на юго-востокъ отъ крѣпости Карса). До 14 числа селеніе это было занято 6-ю баталіонами турецкой пѣхоты съ артиллеріей; но получивъ извѣстіе о движеніи нашихъ войскъ, баталіоны эти, еще до полудня 14 числа, отошли къ Карсу, и Хаджи-Ва-

ли было занято нами, какъ и другія попутныя селенія, безъ выстрѣла.

15 апрѣля пѣхота наша перешла къ Кюрюкъ-Дара, а кавалерія занимала Субатанъ и Хаджи-вали.

16 и 17 апрѣля пѣхота была на походѣ къ Заиму, селенію лежащему на р. Карсъ-чай на сѣверо-востокъ и въ 20 верстахъ отъ Карса, а кавалеріи былъ данъ приказъ произвести рекогносцировку мѣстности къ югу и западу отъ Карса черезъ Каны-Кевъ въ обходъ крѣпости. Этотъ кавалерійскій поискъ, въ которомъ участвовали 27 эскадроновъ и сотенъ при 16 конныхъ орудіяхъ, произведенъ былъ двумя отдѣльными отрядами черезъ Каны-Кевъ, Владикарсъ, Тикма-Санебутифъ и Базыгранъ; при этомъ отрядъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, командира Нижегородскаго драгунскаго полка, дошелъ до Лашгирта, гдѣ онъ уничтожилъ на десятиверстномъ протяженіи Карско-Эрзерумскую телеграфную линію; а другой отрядъ, изъ дивизіи генералъ-майора Шереметева, дошелъ до Варимона.

Такимъ образомъ, въ эти два дня кавалерія наша совершила поискъ до самого Саганлуга, гдѣ она настигла 8 баталіоновъ непріятельской пѣхоты съ батареей артиллеріи, которые слѣдовали изъ Карса въ Эрзерумъ, имѣя во главѣ мушира Мухтаръ-пашу. Баталіоны эти долго и настойчиво были преслѣдуемы частью нашей кавалеріи, и движеніе ихъ мало-по-малу обратилось въ формальное бѣгство, Турки побросали свои вьюки и патронные ящики, которые стали боевыми трофеями нашихъ удалыхъ кавалеристовъ.

Молодецки исполненная рекогносцировка произвела очень сильное впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, которые толпами являлись къ командующему нашими войсками изъявлять свою покорность и предлагать себя въ его распоряженіе; но чтобъ еще болѣе усилить это впечатлѣніе и, главное, чтобъ предупредить всякую случайность съ далеко ушедшими отрядами нашей кавалеріи, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ выступилъ 17 апрѣля изъ Заима съ 12-ю баталіонами гренадеръ при 40 орудіяхъ и пяти сотняхъ казаковъ въ Калифъ-Оглу и далѣе въ Визинкевъ, гдѣ и остановился въ ожиданіи прибытія бывшей въ поискѣ кавалеріи.

Въ Визинкевѣ генералъ Лорисъ-Меликовъ простоялъ все 18-е число, и вечеромъ въ этотъ день наша кавалерія, только что вернувшаяся съ поиска, имѣла двухчасовой артиллерійскій бой съ непріятелемъ, вышедшимъ изъ крѣпости въ числѣ восьми баталіоновъ съ полевою артиллеріей. Во все время этого дѣла непріятель держался подъ защитою крѣпостныхъ верковъ, и единственнымъ результатомъ боя было подбитіе непріятельскаго орудія батареей Терскаго казачьяго войска.

19 апрѣля, командующій съ пѣхотою возвратился въ лагерь у Заима, а кавалерія осталась у Визинкева. Такимъ образомъ черезъ 5 дней по объявленіи войны, главныя силы Кавказской арміи уже стояли передъ грозною твердыней Малой Азіи, Карсомъ, преградивъ ему небольшими кавалерійскими отрядами сообщенія съ Эрзерумомъ и Батумомъ.

У Заима и Визинкева наши войска стоятъ и теперь, а авангарды ихъ занимаютъ селенія Меликъ и Мугараджикъ.

Настоящее расположеніе нашихъ силъ у Карса много разнится отъ того которое мы занимали во время блокады этой крѣпости въ 1855 году. Въ то время наша главная ставка была у селенія Чивтликгая (Владикарсъ) лежащаго на ЮЗ. отъ Карса, на сообщеніи этой крѣпости съ Эрзерумомъ. Теперь мы занимаемъ нашими главными силами Заимъ, лежащій въ противоположной сторонѣ отъ крѣпости.

Выборъ Заима для временнаго расположенія главныхъ силъ, по сужденію свѣдущихъ людей, очень удаченъ. Селеніе это лежитъ на СВ. и въ двадцати верстахъ отъ Карса на лѣвомъ берегу рѣки Карсъ-Чай. Оно соединяетъ въ себѣ дороги изъ Александрополя, Ахалкалаки, Карса и селенія Джелаусъ, лежащаго въ 8 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Заима, на большой дорогѣ изъ Карса въ Ардаганъ, которая, кромѣ того, занята нашимъ отдѣльнымъ отрядомъ расположеннымъ у Меликъ-Кея. Генералъ Лорисъ-Меликовъ имѣлъ въ виду, прежде всего, прервать сообщеніе Карса съ Ардаганомъ, черезъ который проходитъ путь въ Батумъ, и тѣмъ совершенно разобщитьэтотъ важный портъ съ Карсомъ, перенять путь которымъ эта крѣпость могла бы получать подкрѣпленія и запасы, причемъ не забытъ и другой очень важный путь сообщенія Карско-Эрзерумскій. Наблюденіе за сообщеніями Карса съ мѣстностью за Саганлугскими хребтами поручено кавалеріи съ

конною артиллеріей, которыя, кромѣ того, занимая Визинкевъ, имѣютъ возможность во всякое время дѣйствовать противъ непріятеля еслибъ онъ рискнулъ выйти въ поле изъ Карса.

28-го генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ вышелъ съ частію своей арміи изъ Заима и направился къ Ардагану, къ которому подступилъ 1 мая, расположился у Хевискяра.

Въ то время когда главныя силы стояли у Заима, кавалерія, занимавшая Визинкевъ, продолжала производить поиски и вокругъ Карса, и по сторонамъ. Изъ этихъ рекогносцировокъ заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ: 24 и 27 апрѣля.

24 апрѣля, полкъ графа Граббе при шести сотняхъ казаковъ, изъ Кульпъ, и отрядъ генералъ-майора Лорисъ-Меликова (Нижегородскій драгунскій полкъ съ 6 сотнями казаковъ), изъ Визинкева, заняли городъ Кагызманъ безъ боя. При обратномъ слѣдованіи отрядъ генералъ-майора Лорисъ-Меликова совершилъ поискъ къ Тихнису и Берну, и возвратился черезъ Хаджи-Халиль въ Визинкевъ.

27 апрѣля, отрядъ генералъ-майора Шереметева, съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ и тремя сотнями Горско-Моздокскаго казачьяго полка, произвелъ рекогносцировку черезъ Айналъ на Топаджикъ и Чахмауръ. При обратномъ слѣдованіи колонна эта имѣла у Бердыкъ-Чая жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ, выславшимъ изъ Карса конницу съ батареей и 4 баталіонами съ цѣлію отрѣзать нашей кавалеріи отступленіе.

Турки устроили засаду за рѣкой Бердыкъ-Чаемъ; но удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ драгунъ и казаковъ, причемъ первые дѣйствовали какъ въ конномъ такъ и въ пѣшемъ строѣ, планъ Турокъ былъ разстроенъ, отряду генералъ-майора Шереметева вполнѣ удался его поискъ.

№ 111.

Москва, 7-го мая.

А.

Въ то время какъ всеобщее вниманіе болѣе всего заинтересовано событіями на Востокѣ, Западъ неожиданно напоминаетъ о себѣ загадкой возбуждающею не мало недоумѣній. Во Франціи, въ одни сутки, совершился министерскій кризисъ при обстоятельствахъ такого рода что многое остается въ нихъ непонятнымъ, пока черезъ нѣсколько времени не раскроется закулисная сторона дѣла. Въ ожиданіи этого, мы можемъ только отмѣтить выдающіеся факты которые могутъ дать намъ путеводную нить въ послѣдствіи.

Кризисъ этотъ не вызванъ парламентскимъ столкновеніемъ. Напротивъ, павшій кабинетъ, хотя и слабо, служилъ какъ бы цементомъ связывающимъ многочисленныя дробленія лѣвой стороны, но все-таки въ общемъ направленіи соотвѣтствовалъ парламентскому большинству, тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію что преемники его суть представители меньшинства правой, которая, съ своей стороны, не отличается стройнымъ единодушіемъ. Причина кризиса на этотъ разъ исходила отъ рѣшенія главы исполнительной власти. Отставка г. Жюля Симона была вызвана письмомъ къ нему маршала Макъ-Магона. Въ сущности самое письмо маршала-президента было извѣщеніемъ президента совѣта о рѣшенной уже отставкѣ кабинета. Франція—страна неожиданностей, и на этотъ разъ оправдала свою репутацію. Какъ поступокъ маршала, такъ и выраженія коими онъ былъ облеченъ, такъ мало согласуются съ его прежними дѣйствіями что на этомъ фактѣ прежде всего останавливается вниманіе.

Маршалъ Макъ-Магонъ не политикъ, но его сочувствія и антипатіи извѣстны. Онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ порядку вещей нынѣ установившемуся во Франціи, и еще менѣе къ людямъ которые силой вещей выдвинулись въ послѣднее время для управленія страной. Сочувствіе маршала всегда было на сторонѣ правой; но какой монархической группѣ собственно онъ лично отдавалъ предпочтеніе, это не обнаруживалось ясно. За то всѣмъ было извѣстно что онъ первый, если даже не одинъ во всей Франціи, подавалъ, стоя во главѣ власти, примѣръ неуклоннаго исполненія долга. Въ этомъ онъ стоялъ выше всѣхъ партій, и его патріотизмъ и политическая честность цѣнились самыми крайними партіями. При его управленіи, несмотря на полную зависимость отъ него арміи, на ея преданность ему и его популярность въ военныхъ сферахъ, страна считала себя обезпеченною

по крайней мѣрѣ отъ всякой попытки на *coup d'état*. И дѣйствительно, маршалъ строго держался законныхъ формъ. Онъ широко пользовался своими прерогативами, отвоевалъ независимость отъ частыхъ кризисовъ и перемѣнъ министерства военнаго и иностранныхъ дѣлъ, которымъ онъ приписывалъ большую важность для реорганизаціи арміи и прочности внѣшнихъ отношеній Франціи, затѣмъ при парламентскихъ кризисахъ онъ старался выбирать себѣ другихъ министровъ изъ людей сколь возможно менѣе крайнихъ убѣжденій, но во всемъ остальномъ подчинился конституціоннымъ формальностямъ и даже въ выборѣ министровъ дѣлалъ большія уступки. Во внутреннее же законодательство онъ почти не вмѣшивался.

Сразу мы видимъ въ этомъ отношеніи рѣзкій переломъ, и въ такую минуту когда, казалось, внутреннія дѣла страны представляли менѣе интереса чѣмъ прежде. Борьба фракцій въ палатѣ продолжалась, но она стала хроническою. Однако, въ минуту когда всего менѣе можно было ожидать, мы видимъ что маршалъ Макъ-Магонъ, въ письмѣ къ г. Жюлю Симону, вызвавшемъ отставку всего кабинета, укорялъ его и министра юстиціи за то что они не воспротивились въ палатѣ отмѣнѣ закона о печати, утвержденнаго два года тому назадъ г. Дюфоромъ, и напоминаетъ что это уже вторая провинность министровъ которые и прежде не противодѣйствовали нѣкоторымъ статьямъ муниципальнаго закона, которыхъ опасность была де признана въ совѣтѣ министровъ. Поэтому, какъ бы сохраняя еще парламентскую формальность, маршалъ потребовалъ отъ министра объясненія въ томъ сохранилъ ли онъ въ палатѣ вліяніе необходимое для проведенія „нашихъ“, какъ сказано въ письмѣ, воззрѣній, а тотчасъ вслѣдъ затѣмъ присовокупляется что это объясненіе необходимо, ибо если самъ маршалъ не отвѣтствуетъ предъ парламентомъ за то онъ отвѣтствуетъ предъ Франціей, и эта отвѣтственность заботитъ его нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо.

Ни разу еще маршалъ не говорилъ такимъ языкомъ. Нельзя не замѣтить что послѣдняя фраза звучитъ преданіями имперіи. Однако главное верховодство управленіемъ поручено вовсе не бонапартисту, а герцогу де-Бролю. Въ составъ же новаго кабинета вошли представители всѣхъ группъ правой, люди уже стоявшіе у кормила власти, и тѣ самые что по неволѣ организовали республику, по невозможности согласиться между собою касательно монархической формы. Это то самое *gouvernement de combat* которое учредило *семилѣтіе* власти маршала Макъ-Магона, чтобы хотя временно отсрочить окончательное рѣшеніе о формѣ правленія, и которое принуждено было удалиться со сцены когда руководимые имъ выборы дали нынѣшнюю палату, этимъ людямъ враждебную. Срокъ власти маршала Макъ-Магона истекаетъ въ 1880 году, и можно было ожидать что до окончанія этого срока партіи принявшія республику только какъ переходную форму не откажутся отъ попытки возобновить свои планы.

Но почему выбранъ для этого нынѣшній моментъ? Новое министерство не можетъ поладить съ нынѣшнею палатой, и должно будетъ прибѣгнуть къ общимъ выборамъ. Если оно берется за дѣло, значитъ оно надѣется на успѣхъ. Вѣроятности, конечно, разчитаны: неизвѣстно только, успѣшнѣе ли чѣмъ четыре года тому назадъ свели свои счеты партіи изъ коихъ оно вышло. Невольно возникаетъ вопросъ, предвѣщаетъ ли этотъ кризисъ просто попытку покончить съ республикой, общая ненависть къ коей собираетъ воедино всѣ группы правой, или же этотъ кризисъ находится въ какой-либо связи со внѣшними дѣлами.

Припомнимъ нѣкоторыя предыдущія обстоятельства. Кромѣ общей ненависти къ республикѣ, правыхъ соединяютъ еще въ немалой мѣрѣ клерикальныя симпатіи. Клерикальная же агитація въ послѣднее время усиленно работала не въ одной Франціи. Никогда въ такомъ обиліи не стекались въ Ватиканъ караваны пилигримовъ изо всѣхъ странъ. Епископатъ повсюду также дѣятельно работалъ. Въ Австріи епископы подписали адресъ императору касательно положенія папы въ Римѣ, которому де Итальянское правительство угрожаетъ уничтоженіемъ его духовнаго авторитета и самыхъ основаній церкви. Адресъ заключался воззваніемъ къ заступничеству, совмѣстно съ другими католическими державами, обезпечить „независимость и свободу“ папы. Подобные же адресы были пущены бельгійскимъ епископатомъ и, странно покажется, также голландскимъ. Все это показывало что ультрамонтаны повидимому не прочь возбудить общія въ Европѣ за-

мѣшательства для своихъ цѣлей. О сильной клерикальной агитаціи во Франціи, о циркулярахъ и адресахъ нѣкоторыхъ епископовъ и католическихъ комитетовъ весьма вызывающаго тона въ отношеніи къ Италіи, подробно писалъ нашъ парижскій корреспондентъ. Изъ его писемъ уже извѣстны нерѣшительныя въ началѣ отношенія г. Жюля Симона къ этой агитаціи, очевидно вслѣдствіе посторонняго вліянія, и результатъ условленнаго съ министерствомъ запроса лѣвыхъ по сему предмету. Возбужденныя тогда пренія, и въ особенности рѣзкая рѣчь г. Гамбетты и рѣшеніе затѣмъ палаты, казалось, должны были укрѣпить кабинетъ опиравшійся на большинство и получившій поводъ успокоить своими заявленіями своихъ приверженцевъ. Но это же самое еще болѣе озлобило сторонниковъ клерикализма противъ республиканцевъ, и дало поводъ къ шумнымъ выходкамъ неугомоннаго бонапартиста Поля де-Кассаньяка. А вскорѣ затѣмъ послѣдовало и паденіе кабинета г. Симона.

Такимъ образомъ, есть какъ будто связь между этимъ событіемъ и интригами клерикаловъ. Сомнительно, однако, чтобы герцогъ де-Броль и его товарищи до такой степени предались ультрамонтанской интригѣ чтобы вовлекать Францію въ опасныя замѣшательства съ Италіей, а слѣдовательно и съ Германіей. Поэтому вѣроятнѣе могло бы казаться что возвращеніе правыхъ ко власти скорѣе указываетъ на ихъ намѣреніе помѣшать упроченію республики и ея окончательному утвержденію, или, пожалуй, и прямо перемѣну правленія въ монархическомъ смыслѣ. Но и здѣсь мы остаемся въ недоумѣніи на чемъ согласились теперь монархическія партіи. Остается также непонятнымъ почему монархическія партіи могли найти удобнымъ пробуждать въ странѣ внутреннія волненія, безъ коихъ не мыслима такая перемѣна, именно теперь когда внѣшній горизонтъ далеко не ясенъ и когда грозный врагъ, опасающійся возмездія и твердо рѣшившійся предупредить его, зорко наблюдаетъ за всѣмъ что дѣлается во Франціи.

Посланіе маршала Макъ-Магона, прочтенное въ палатѣ, едва ли подѣйствуетъ успокоительно на встревоженные умы. Маршалъ обвиняетъ ту часть республиканской партіи которая считаетъ республику дѣломъ серіознымъ, и съ которою оба предыдущіе кабинета должны были считаться для того чтобы не быть въ меньшинствѣ,—онъ обвиняетъ эту фракцію въ замыслахъ произвести какія-то перемѣны въ учрежденіяхъ страны. Маршалъ напоминаетъ при этомъ что до 1880 года только онъ одинъ во всей странѣ можетъ предлагать измѣненія въ ея государственномъ устройствѣ,—и никогда еще маршалъ не говорилъ такъ громко, рѣшительно и рѣзко. Засѣданія палатъ отсрочено на цѣлый мѣсяцъ, и вся власть сосредоточилась теперь въ его рукахъ и избраннаго имъ министерства...

Б.

Оказалось что турецкое извѣстіе о занятіи Сухума относилось не къ первому бомбардированію этого городка, о которомъ извѣщала насъ офиціальная депеша изъ Тифлиса. Первое бомбардированіе происходило 2-го мая, а черезъ два дня турецкая эскадра, подкрѣпивъ себя еще двумя пароходами, снова подступила къ Сухуму и снова бомбардировала его. Бо́льшая часть домовъ была разрушена, и такъ какъ войска, оставаясь въ немъ, были совершенно открыты для выстрѣловъ, то они вышли изъ города и заняли позиціи на возвышенности за рѣчкой Маджарой.

Извѣстно что въ войну 1855 года, какъ только нашъ флотъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, тотчасъ же начались нападенія на наши берега, и одно изъ нихъ отличалось многочисленностію дессантнаго войска, во главѣ котораго стоялъ Омеръ-паша. Мѣстомъ для высадки этого дессанта былъ избранъ тогда тотъ же злополучный Сухумъ, которому и нынѣ пришлось сдѣлаться первою жертвой борьбы предпринятой нами въ защиту христіанъ Востока.

Нападенію Турокъ на Сухумъ очень много способствовали сама мѣстность на которой построенъ городъ и характеръ его построекъ: узкая береговая полоса отдѣляющая городъ отъ моря, незащищенность города и невозможность скрывать въ немъ войска во время бомбардированія, безъ совершенно-напрасной траты въ людяхъ,—все это сильно помогаетъ противнику.

№ 113.

Москва, 10-го мая.

А.

Первое серіозное дѣло, и блистательная побѣда.

Въ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря о движеніи генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова къ Ардагану, мы указали на важное стратегическое значеніе этого города, лежащаго на узлѣ дорогъ изъ Батума, Эрзерума, Карса, Ахалкалаки и Ахалцыха.

Ардаганъ расположенъ на лѣвомъ берегу Куры. Съ сѣвера, востока и юга онъ окруженъ возвышенностями; съ западной же стороны къ нему прилегаетъ обширная равнина.

Укрѣпленія самого Ардагана слабы и не могли бы представить особыхъ затрудненій разрушительному дѣйствію артиллеріи; но въ послѣднее время оборона его была усилена постройкою отдѣльныхъ фортовъ и батарей, въ планировкѣ которыхъ принимали участіе англійскіе инженеры.

Новыя укрѣпленія были устроены не только непосредственно у самаго города, но ими кромѣ того были заняты высоты окружающія городъ. Въ оборонѣ укрѣпленій какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, принимали участіе 14 баталіоновъ пѣхоты, при 90 орудіяхъ. Такимъ образомъ, численность турецкой арміи оборонявшей Ардаганъ простиралась отъ 8 до 10.000 человѣкъ.

Съ нашей стороны, въ атакѣ участвовали: колонна генералъ-лейтенанта Девеля (Ахалцыхскій отрядъ) и колонна генералъ-лейтенанта Геймана (часть Александропольскаго отряда), подъ общимъ командованіемъ начальника дѣйствующаго корпуса генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Атака Ардагана началась 4 мая. Въ этотъ день генералъ Девель со своими войсками атаковалъ форты Гелавчердинскихъ высотъ. Атаку повелъ Елисаветпольскій полкъ.

Генералъ Девель, поддержанный баталіонами Лейбъ-Эриванскаго и Бакинскаго полковъ, съ бою овладѣлъ Гелавчердинскими укрѣпленіями, захвативъ богатую военную добычу.

Атака слѣдующаго дня началась въ три часа пополудни дѣйствіемъ артиллеріи. Послѣ трехчасовой канонады, непріятельскія укрѣпленія сильно пострадали, и открылась полная возможность вести войска въ рукопашный бой. Турки не выдержали натиска, и обратились въ бѣгство.

Доставшіеся намъ трофеи уже извѣстны; но не въ трофеяхъ дѣло. Важно то что побѣда подъ Ардаганомъ показала что наши молодые солдаты дѣйствуютъ не хуже старыхъ, и что съ ними, какъ и съ Суворовскими богатырями, можно ходить на вѣрную побѣду.

Б.

Въ англійской *Blue Book*, то-есть въ *офиціальномъ* представляемомъ парламенту сборникѣ *документовъ*, подъ заглавіемъ *Корреспонденція объ уніатской церкви въ Россіи*, напечатаны депеши великобританскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ, подполковника Мансфильда, и англійскаго посла въ Петербургѣ, лорда Лофтуса, полученныя графомъ Дарби съ сентября 1871 по декабрь 1876.

Что за притча? Съ какой стати *нынѣ* печатается во всенародное свѣдѣніе пачка корреспонденцій за шесть лѣтъ назадъ, и почему внезапно обнародывается переписка о *русскихъ уніатахъ*, когда вниманіе всей Европы и самой Англіи поглощено исключительно *восточными* событіями?..

Дѣло въ томъ что нѣкоторыя изъ депешъ подполковника Мансфильда повѣствуютъ о „насиліяхъ“ которыми будто бы вызвано извѣстное, состоявшееся въ 1875 и 1876 годахъ, присоединеніе холмско-варшавскихъ уніатовъ къ православной церкви: внезапное запоздалое обнародованіе ихъ очевидно клонится къ тому чтобы повѣдать міру какъ эта лицемѣрная Россія, поднимающая оружіе для освобожденія турецкихъ райи, „терзаетъ“ своихъ собственныхъ подданныхъ. Вселенная *должна* повѣрить обличенію! Вѣдь оно „засвидѣтельствовано“ *документами*, офиціальными донесеніями великобританскаго генеральнаго консула.

Вотъ фарсъ недостойный Великобританскаго правительства и „свидѣтельствующій“ не противъ Россіи, а противъ государственныхъ людей, вынужденныхъ въ своей непріязни прибѣгать къ такимъ жалкимъ пріемамъ!

Великобританскій генеральный консулъ, подполковникъ Мансфильдъ, дѣйствительно, сообщаетъ изумительныя вещи. Онъ пишетъ, напримѣръ, что для „принужденія“ уніатовъ къ возсоединенію, въ одной деревнѣ, Сѣдлецкой губерніи, „всѣхъ крестьянъ сѣкли, пока военный медикъ не объявилъ ихъ жизнь въ опасности; немедленно вслѣдъ затѣмъ ихъ *загнали*, для вящей острастки, *въ полузамерзшую рѣку*, вода которой доставала имъ по поясъ, и потомъ потащили промежь строя солдатъ въ церковь.“ Вѣдомо ему также что возсоединенные такимъ образомъ уніаты уклоняются отъ всѣхъ обрядовъ православной церкви, „не сочетаются бракомъ, не крестятъ дѣтей, и для совершенія требъ въ *величайшей тайнѣ* прибѣгаютъ къ католическимъ священникамъ, къ которымъ ходятъ для этого за 200 и 300 верстъ...“

Не станемъ останавливаться ни на очевидной невозможности этого хожденія за требами за триста верстъ, ни на этомъ мелодраматическомъ „загнаніи“ крестьянъ въ полузамерзлую рѣку, ни даже на противорѣчіи показаній генеральнаго консула съ тѣмъ имъ же самимъ засвидѣтельствованнымъ (депеша отъ 1 января 1876) фактомъ что варшавскій архіепископъ Іоанникій не допускаетъ административнаго вмѣшательства въ возсоединеніе. Оставимъ это, но гдѣ живетъ британскій генеральный консулъ подполковникъ Мансфильдъ?

Въ Варшавѣ.

О какой мѣстности доносятъ его рапорты?

О Сѣдлецкой губерніи.

Самъ ли онъ посѣтилъ театръ происшествій которыя передаетъ своему правительству и видѣлъ ли описываемое собственными глазами?

Нѣтъ, въ депешахъ ничего подобнаго не упоминается.

Какъ сдѣлались ему извѣстны совершаемыя *въ величайшей тайнѣ* хожденія крестьянъ за двѣсти и триста верстъ?

„Узналъ я,“ коротко говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ его депеша отъ 12 іюня 1874: ясно что такой секретъ онъ не могъ узнать ни отъ кого другаго кромѣ какъ *отъ польскаго духовенства*.

Кто увѣдомилъ его объ истязаніяхъ и загнаніи въ рѣку крестьянъ одной Сѣдлецкой деревни?

„Джентльменъ, *которому эта деревня принадлежитъ*,“ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ депеша отъ 20 января 1875...

Итакъ, не личное наблюденіе, а польское духовенство и польскій помѣщикъ — вотъ источникъ офиціальныхъ донесеній великобританскаго генеральнаго консула! Великобританскій генеральный консулъ почерпнулъ свои офиціальныя свѣдѣнія изъ того самаго источника откуда льются обыкновенно корреспонденціи клерикальныхъ газетъ!... Англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Лофтусъ, говоря о нихъ въ депешѣ къ графу Дарби отъ 16 февраля 1875, сомнительно отзывается о нихъ какъ о донесеніяхъ „составленныхъ по *вѣроятно* основательнымъ справкамъ...“

И эти-то сомнительные пересказы польскихъ клеветъ выдаетъ англійская *BlueBook* за несомнѣнные документы!

№ 114.

Москва, 11-го мая.

Въ виду приближающейся переправы нашей арміи черезъ Дунай, считаемъ не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на прошедшее и припомнить при какихъ условіяхъ были совершены нами переправы черезъ эту рѣку въ кампаніи 1828 и 1855 годовъ и насколько нынѣшнія условія приближаются къ тѣмъ которыя сопутствовали, помогали и затрудняли разрѣшенію этой важной задачи въ прежнія времена.

Въ обѣ упомянутыя кампаніи войска наши переправились черезъ Дунай на пространствѣ между Измаиломъ и Браиловымъ, причемъ небольшіе отряды переправились на судахъ, а главныя силы перешли рѣку по мосту, наводныя части котораго были заготовлены заблаговременно. Въ то время частью границы нашей былъ Дунай, и мы имѣли полную возможность собрать при Измаилѣ или Рени весь необходимый для перехода матеріалъ чтобы направить его въ послѣдствіи къ пункту который оказался бы наиболѣе удобнымъ для наводки моста.

Настоящую кампанію мы начинаемъ совершенно при другихъ условіяхъ: по Парижскому миру, устья Дуная уже не принадлежатъ намъ, и кромѣ того способы обороны теперь такъ измѣнились противъ прежняго что задача переправы черезъ Дунай становится одною изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ военныхъ задачъ, для разрѣшенія которой недостаточно храбрости войскъ, но требуются кромѣ того слож-

ныя матеріальныя подготовленія, какихъ не имѣли въ виду ни Дибичъ, ни Горчаковъ: имъ было совершенно достаточно знать что лѣсу въ ихъ распоряженіи довольно для наводки моста, и что они начальствуютъ одною изъ храбрѣйшихъ армій въ мірѣ.

Но мы не сомнѣваемся что и въ настоящую кампанію мы совершимъ переправу черезъ Дунай также успѣшно какъ и въ прежнія войны; что мы готовы къ тому и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи, и что эпизодъ этотъ составитъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи.

Теперь обратимся къ обзору перехода нашей арміи черезъ Дунай въ 1828 году.

Форсированіе этой переправы возложено было на 3-й корпусъ, бывшій подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Рудзевича. Корпусъ этотъ, въ ожиданіи окончанія приготовленій къ устройству моста черезъ Дунай, былъ расположенъ въ Бессарабіи. Пунктъ для переправы былъ избранъ противъ селенія Сатунова, расположеннаго между Кагульскимъ и Картальскимъ озерами. Отъ Сатунова до берега Дуная около семи верстъ, изъ коихъ болѣе половины заняты болотомъ. Противоположный берегъ состоялъ изъ нѣсколько болѣе возвышенныхъ луговъ, которые также отчасти болотисты и поросли кустарникомъ.

Выборъ пункта переправы у Сатунова держался въ строгомъ секретѣ. Всюду распространялся слухъ что Русскіе переправятся у Измаила; но обнаруженныя подготовительныя мѣры открыли Туркамъ секретъ, и они немедленно приступили къ укрѣпленію противоположнаго берега. Возведенныя Турками укрѣпленія состояли изъ редута, которому было придано очертаніе соотвѣтствующее заданной цѣли, и изъ окоповъ имѣвшихъ профиль обыкновенныхъ полевыхъ укрѣпленій.

Возведеніе Турками укрѣпленій на противоположномъ берегу сдѣлало переправу болѣе чѣмъ сомнительною; но на нее рѣшились, и въ концѣ мая начали строить по обширнымъ болотамъ гать, длиной въ 7.000 шаговъ, причемъ на протяженіи 3.000 шаговъ должны были прибѣгнуть къ постановкѣ козловыхъ устоевъ. Вмѣстѣ съ симъ было приступлено къ сооруженію батареи на двадцать 24-хъ-фунтовыхъ орудій.

Для форсированія переправы назначены были двѣ дивизіи, которыя и двинулись изъ Бессарабіи въ Сатуновъ, куда 26 мая прибылъ императоръ Николай I, бывшій очевидцемъ подвига своей арміи. Въ это же время наша дунайская флотилія съ мостовыми принадлежностями поднялась отъ Измаила вверхъ по Дунаю доставивъ также къ пункту переправы егерскую бригаду. Съ дунайскою флотиліей прибыли къ переправѣ на своихъ лодкахъ Некрасовцы, казаки, выселившіеся въ Добруджу при Екатеринѣ II, и до 1828 года оказывавшіе большія услуги Портѣ во всѣхъ ея войнахъ съ Россіей.

Упоминаемъ здѣсь о Некрасовцахъ потому что при переправѣ черезъ Дудай 27 мая они оказали намъ чрезвычайно важную услугу, и имъ, а равно храбрости егерской бригады, мы обязаны успѣхомъ труднаго предпріятія, доставшимся намъ сравнительно при очень ничтожныхъ потеряхъ. Егерская бригада, о которой мы упомянули выше, была переправлена Некрасовцами черезъ Дунай и заняла кустарники, на которые не обратили вниманія Турки. Когда же они замѣтили движеніе нашихъ войскъ, то они растерялись и не выдержали удара егерей на первое укрѣпленіе, которое было взято штурмомъ.

Успѣхъ егерей обратилъ 10.000 корпусъ въ бѣгство, и къ 11 часамъ утра наши войска господствовали надъ всею позиціей.

Къ постройкѣ моста черезъ Дунай приступили въ тотъ же день въ 3 часа утра, а къ двумъ часамъ пополуночи слѣдующаго дня онъ былъ наведенъ. Мостъ состоялъ изъ 63 деревянныхъ плашкоутовъ въ 12 футовъ шириною и 36 длиною и 12 парусинныхъ понтовъ. Длина моста простиралась до 900 шаговъ. Постройкой занятъ былъ отрядъ саперныхъ баталіоновъ.

Какъ только мостъ былъ оконченъ, войска двинулись на правый берегъ Дуная, гдѣ ихъ уже ожидалъ императоръ, переправившійся туда ранѣе на лодкѣ гетмана Некрасовцевъ, Гладкаго.

Въ 1854 году, переправа была произведена одновременно на трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ. И если эта переправа, искусно соображенная и превосходно исполненная, не имѣла тѣхъ послѣдствій какихъ слѣдовало ожидать, то это произошло отъ нерѣшительныхъ дѣйствій послѣдовавшихъ за переправой.

Выборъ Браилова и Галаца для переправы зависѣлъ отъ того что Дунай, текущій отъ Гирсова двумя рукавами (лѣ-

вый—Браиловскій, правый — Мачинскій), соединяется между этими городами въ одно русло, и хотя ширина его простирается отъ 250 до 600 саженъ, но господство лѣваго берега надъ правымъ даетъ возможность нашимъ батареямъ обстрѣливать противоположную сторону рѣки и подъ прикрытіемъ огня этихъ батарей произвести высадку части пѣхоты, которая могла бы удерживаться здѣсь въ ожиданіи переправы прочихъ войскъ.

Въ Галацѣ нѣтъ такихъ выгодъ; напротивъ, вслѣдъ за переправой предстоитъ движеніе къ селенію Гарванъ, по крутому подъему на значительную высоту. Но успѣхъ переправы произошелъ отъ того что непріятель не ожидалъ ея на этомъ пунктѣ. Для переправы у Измаила было выбрано мѣсто въ полуторѣ верстѣ выше мыса Четана, гдѣ рѣка суживается до 120 саженъ, а лѣвый берегъ Сулинскаго рукава покрытъ густо разросшеюся ивой, способною укрыть войска отъ взоровъ и выстрѣловъ непріятеля.

По матеріальной части для переправы было собрано: въ Измаилѣ 163 лодки разной величины, которыя могли поднять $2^1/_2$ баталіона; для перевозки шести орудій приспособлены два городскіе парома и одна шаландо; приготовлены два моста на плотахъ и одинъ небольшой на козлахъ, на случай если бы встрѣтилось затрудненіе въ переходѣ чрезъ глубокіе овраги. Въ Галацѣ и Браиловѣ были собраны большія суда, изъ коихъ на каждомъ могло помѣститься по ротѣ. Для артиллеріи и казаковъ — малыя суда и чамы (суда съ палубами), а также барказы и рыбачьи лодки. Для наводки мостовъ были приготовлены въ Галацѣ 54 парома, каждый изъ двухъ плотовъ, и 6 малыхъ судовъ, а въ Браиловѣ 6 паромовъ, 6 малыхъ судовъ, добавочные плоты и понтоны.

Переправа на всѣхъ трехъ пунктахъ предполагалась 10 марта, но была отложена до слѣдующаго дня; между тѣмъ 9 марта была произведена сильная демонстрація противъ Гирсова, для отвлеченія непріятеля отъ мѣстъ переправы. 10 числа, въ 4 часа пополудни, открыта усиленная канонада съ батарей сооруженныхъ у Браилова и на островѣ Бындовѣ. 11-го утромъ канонада была произведена снова, но непріятель не отвѣчалъ на нее; наконецъ, въ 4 часа по полудни, опять произведена усиленная канонада и приступлено къ форсированію переправы. Три баталіона, двѣ роты саперъ, 4 орудія и 50 казаковъ, посаженные на суда, съ пѣснями и криками *ура*, спустились отъ пристани близъ карантина внизъ по Дунаю и успѣшно прибыли къ пристани Гичету; въ то же время была начата наводка моста и приступлено къ устройству предмостнаго укрѣпленія. Цѣлую ночь производилась постройка предмостнаго укрѣпленія, но наводка моста при противномъ вѣтрѣ и сильномъ напорѣ воды шла весьма медленно. 11 же марта, на разсвѣтѣ, было приступлено къ переправѣ и у Галаца, гдѣ наши войска не встрѣтили затрудненія. Потеря у Браилова была самая незначительная; но за то несравненно затрудительнѣе была переправа черезъ нижній Дунай у Измаила. Здѣсь намъ дорого обошелся штурмъ турецкихъ укрѣпленій, но за то успѣхъ его произвелъ такую панику среди Турокъ что они бросили Тульчу, Мачинъ и Исакчу, и безъ боя очистили всю Бабадагскую область.

Въ заключеніе, слѣдуетъ прибавить что время отъ объявленія войны до перехода Русскихъ черезъ Дунай въ кампаніи 1828 и 1853—1856 годовъ было не одинаково. Въ 1828 году переходъ черезъ Дунай совершился черезъ 43 дня по объявленіи войны; въ кампанію же 1853—1856 годовъ, только на слѣдующій годъ по ея открытіи, а именно черезъ 141 день, причемъ всѣ матеріалы къ постройкѣ мостовъ были заготовлены нами заблаговременно.

Обстоятельства эти очень много способствовали успѣху нашихъ переправъ; но еще болѣе помогало то обстоятельство что устье Дуная принадлежало тогда намъ, а потому мы могли быть совершенно спокойны за нашъ лѣвый флангъ, который прикрывала со стороны моря наша дунайская флотилія, принимавшая также дѣятельное участіе въ переправѣ, буксированіемъ и установкою составныхъ частей мостовъ и перевозкою передовыхъ отрядовъ на турецкій берегъ, и въ обстрѣливаніи укрѣпленій, что не мало помогало успѣху первыхъ атакъ.

Такимъ образомъ читатель можетъ видѣть что настоящая кампанія на Дунаѣ открывается при совершенно иныхъ условіяхъ чѣмъ предыдущія, когда мы были, такъ-сказать, хозяевами этой рѣки. На одно сосредоточеніе силъ потребовалось уже около мѣсяца; кромѣ того, пришлось

сооружать батареи о какихъ въ прежнія кампаніи и не думали, а для созданія рѣчной флотиліи на Дунаѣ намъ пришлось везти съ собою разобранныя части канонирскихъ лодокъ и собирать ихъ подъ выстрѣлами сильныхъ морскихъ мониторовъ. Все это, взятое вмѣстѣ, должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ предстоящей переправы черезъ Дунай, и заставить насъ терпѣливо выжидать этого важнаго событія.

№ 115.

Москва, 12-го мая.

А.

Война въ полномъ разгарѣ какъ на европейскомъ, такъ и на азіятскомъ театрѣ войны. Въ Азіи уже началась дѣятельная кампанія. На Дунаѣ, гдѣ предстоитъ затруднительная переправа черезъ рѣку, регулярныхъ сраженій еще не могло быть, но и здѣсь по всему теченію рѣки давно уже кипитъ артиллерійская дуэль, въ которой погибъ большой турецкій броненосецъ. И вотъ, въ эту минуту прошли толки будто дипломатія вновь зашевелилась...

Съ какою цѣлью? Англійская печать распускаетъ объ этомъ такіе куріозные слухи что сама находитъ нужнымъ дѣлать оговорки. Пущена вѣсть будто начались какія-то попытки переговоровъ для обозначенія демаркаціонной линіи военныхъ операцій, дабы положить конецъ недовѣріямъ Англіи и предотвратить замѣшательства. Предвидя вѣроятно что этому едва ли кто серіозно можетъ повѣрить, вѣстовщики замѣчаютъ что слухи о переговорахъ не совсѣмъ точны, и что если дѣйствительно замышляются уговоры касательно будущаго, то они скорѣе должны относиться не къ военнымъ дѣйствіямъ, а къ политическимъ выгодамъ которыя Россія могла бы пожелать извлечь изъ своихъ успѣховъ.

Теперь, однако, подобные толки уже не могутъ смущать насъ, хотя бы потому только что уже нѣтъ почвы для дипломатическихъ переговоровъ на прежнихъ основаніяхъ. Возобновленіе мистификаціи невозможно. Съ громомъ выстрѣловъ исчезъ миражъ никогда не существовавшаго европейскаго концерта, и утратили всякое значеніе депеши, конференціи и протоколы, которые представлялись чѣмъ-то существеннымъ только въ видахъ сохраненія мира. Поздно также заводить рѣчь о трактатахъ ограждавшихъ цѣлость и независимость Турціи. Объ этомъ, если угодно, англійское министерство и оппозиція могутъ безконечно препираться, для взаимнаго назиданія, въ своемъ парламентѣ; но воюющимъ говорить о трактатахъ по меньшей мѣрѣ безполезно. Теперь, для возобновленія какихъ бы то ни было переговоровъ, англійской дипломатіи возможно было бы поднять рѣчь уже не о Турціи, а развѣ о „британскихъ интересахъ;“ но такого рода рѣчь щекотливѣе и опаснѣе...

Поэтому, самая осторожность и какъ будто недовѣріе съ какими въ англійскихъ газетахъ передаются слухи объ ожидаемыхъ новыхъ переговорахъ очевидно скорѣе имѣютъ въ виду затемнить чѣмъ разъяснить сущность дѣла. Слухи эти для насъ не новость; только о нихъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, мы узнали прежде въ иной версіи. Нашъ берлинскій корреспондентъ сообщаетъ что предполагаемое новое дипломатическое дѣйствіе, въ которомъ Россія и Германія выступятъ заодно, должно быть вызовомъ Англіи, хотя и не враждебнымъ. Въ виду ея заявленій что она заботится объ огражденіи своихъ интересовъ, предполагалось умѣстнымъ пригласить ее официально указать гдѣ именно ея жизненные интересы на Востокѣ начинаются и гдѣ оканчиваются.

Между тѣмъ, на другой же день послѣ того какъ изъ Берлина дошли къ намъ вѣсти о планѣ новыхъ переговоровъ, случилось событіе благодаря коему всеобщее вниманіе раздѣлилось между Востокомъ и Западомъ. Во Франціи произошла перемѣна кабинета почти равносильная перевороту. Теперь значеніе ея уже начинаетъ болѣе выясняться, — и нельзя отрицать что она находится въ нѣкоторой связи съ европейскими дѣлами.

Предъ нами два ряда явленій, или лучше сказать двояко направленные интересы которымъ суждено искать сближенія и дѣйствовать заодно. Съ одной стороны, Англія, чтобы не остаться изолированною, имѣетъ интересъ возбуждать замѣшательства и поджигать всякаго рода страсти чтобы при случаѣ имѣть союзниковъ которые стали бы дѣйствовать ей на руку.

Съ другой стороны, клерикально-католическая интрига повидимому потеряла всякую сдержку. Оба тока выходя съ разныхъ сторонъ сливаются въ одномъ направленіи...

Коалиція эта направлена одинаково враждебно противъ Германіи, Италіи и Россіи. Общій врагъ только еще болѣе закрѣпитъ дружественную связь между Германіей и Россіей, и ихъ обѣихъ съ Италіей. Во всякомъ случаѣ мы можемъ спокойно ожидать событій, лишь бы только не напроказила дипломатія...

Б.

По свѣдѣніямъ *Русскаго Инвалида* сосредоточеніе дѣйствующей арміи въ Румыніи приближается къ концу, и осадная артиллерія находится у Дуная. Такимъ образомъ приближается время рѣшительныхъ дѣйствій. Каждый день телеграммы приносятъ намъ краткія извѣстія о распредѣленіи войскъ на Румынской территоріи, и въ настоящее время положеніе какъ русскихъ, такъ и румынскихъ войскъ можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: опершись своимъ лѣвымъ флангомъ на Рени-Галацъ-Браиловъ и укрѣпивъ эти позиціи сильными батареями, Русская армія, продолжая частями свое движеніе на конечные западные пункты до Калафата, постепенно отдѣляла къ Дунаю отряды, которые и заняли все пространство до рѣки Алуты. У впаденія Алуты въ Дунай стоитъ румынскій городъ Турнъ, уже занятый значительными русскими силами; позиція эта приходится посединѣ между недавно укрѣпленною Турками Ломъ-Паланкою и крѣпостью Рущукомъ, какъ разъ напротивъ крѣпости Никополь; такимъ образомъ наша армія непосредственно примыкаетъ къ Дунаю на протяженіи болѣе двухъ третей всего пространства отъ Видина до Рени.

Румынскія войска, прежде занимавшія до Алуты различные пункты по Дунаю, постепенно замѣняются русскими отрядами, и мы уже имѣемъ извѣстіе о такомъ замѣщеніи въ ночь съ 9 на 10 мая въ Ольтеницѣ. За Алутою до Калафата включительно, въ такъ-называемой Малой Валахіи, размѣщается Румынская армія, усиленная русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ. Прибытіе вспомогательнаго корпуса, въ связи съ доставкою русской осадной артиллеріи къ Калафату, объясняетъ ожиданіе бомбардировки Виддина изъ этого пункта. Въ депешѣ изъ Букурешта сказано глухо что ежедневно установляются батареи тяжелыхъ орудій и мортиръ, безъ обозначенія русскихъ или румынскихъ.

Хотя отношенія двухъ армій одновременно сражающихся противъ общаго непріятеля еще не опредѣлены окончательно; но до сихъ поръ между ними не возникало ни малѣйшихъ недоразумѣній. Судя по радушной встрѣчѣ оказанной Великому Князю Главнокомандующему въ Букурештѣ и по общимъ отзывамъ о превосходномъ поведеніи нашихъ войскъ, отношенія ихъ къ румынскимъ нельзя считать иными какъ самыми дружественными.

Главная квартира остается въ Плоешти, по линіи желѣзной дороги, въ вершинѣ треугольника упирающагося одною стороной въ Браиловъ, другою въ Журжево.

Слухи о предполагаемой поѣздкѣ Государя Императора въ дѣйствующую армію подтверждаются офиціально, причемъ самый день отъѣзда уже назначенъ на 21 мая. Вмѣстѣ съ тѣмъ на театръ военныхъ дѣйствій для состоянія при Императорской квартирѣ отправляются сводный гвардейскій отрядъ и сводный же лейбъ-гвардіи казачій полкъ.

Во все время пока происходило сосредоточеніе русской арміи, планъ турецкой обороны выяснился весьма мало; безцѣльное шатаніе турецкихъ мониторовъ по Дунаю и столь же безцѣльное бомбардированіе ими прибрежныхъ румынскихъ городовъ и поселеній не даютъ точныхъ указаній на предполагаемый ими другой пунктъ русской переправы, за исключеніемъ Браилова; вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по телеграммамъ, самый планъ обороны не выработанъ Турками съ достаточною ясностью. Такъ въ настоящее время еще происходятъ будто бы пререканія между командующимъ Дунайскою арміей Ахмедъ-Эюбомъ и сердаремъ Абдулъ-Керимомъ. Осторожный Абдулъ-Керимъ, сознавая слабость своихъ силъ, которыя, за вычетомъ всѣхъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, представляютъ армію немногимъ болѣе 60.000 человѣкъ, желаетъ ограничиться только пассивною обороной. Судя по торопливымъ мѣрамъ принятымъ для укрѣпленія южнаго и западнаго фасовъ Шумлы, Турки повидимому ждутъ русскія войска въ западной Болгаріи.

Въ Константинополѣ, шейхъ-юль-исламъ провозгласилъ, 6 мая, священную войну, участіе въ которой обязательно для всѣхъ мусульманъ. Нѣсколько фанатиковъ улемъ уже отправились на Кавказъ. Вообще Турки употребляютъ большія усилія чтобы возбудить смуты на Кавказѣ, но пока они должны ограничиться маловажными успѣхами по прибрежью, куда турецкіе корабли, подъ начальствомъ Англичанъ и по ихъ мысли, выбрасываютъ старую кавказскую нечисть Черкесовъ.

№ 116.

Москва, 13-го мая.

Въ то время какъ на Дунаѣ оканчивается сосредоточеніе русскихъ войскъ и ожидается переходъ ихъ на правый берегъ рѣки, когда наша Кавказская армія наноситъ противнику ударъ за ударомъ, съ восточнаго берега Чернаго Моря идутъ къ намъ иныя вѣсти. Здѣсь, на протяженіи 500 верстъ, турецкій флотъ бомбардируетъ и жжетъ беззащитныя селенія и высаживаетъ дессанты бывшихъ обитателей Кавказа, которые, по окончательномъ покореніи этого края, предпочли выселиться въ Турцію.

Иностранныя газеты полны описаній турецкихъ подвиговъ у Гудаута, Адлера, Очемчиръ и Сухума, причемъ англійскія апплодируютъ остроумной выдумкѣ Оттоманскаго правительства напасть на восточный берегъ Чернаго Моря и произвести замѣшательства на Кавказѣ. Рукоплесканія „просвѣщенныхъ мореплавателей“ очень нравятся Портѣ и, по послѣднимъ извѣстіямъ, она будто бы отправляетъ къ берегамъ Кавказа всѣ свои морскія силы и громадный дессантъ Черкесовъ.

Чтожь! Относительно это было бы даже не дурно. Это облегчило бы горькую долю бѣдныхъ христіанъ Балканскаго полуострова пока еще не подоспѣла имъ на выручку наша армія. Восточный берегъ Чернаго Моря представляетъ пустыню, гдѣ мало найдутъ себѣ поживы эти дикіе звѣри, и гдѣ ихъ, въ концѣ концовъ, можетъ ожидать конечное истребленіе если они пойдутъ далѣе въ свои родные горы, такъ что увы, „англійскіе интересы“ и цивилизація распространяемая въ мірѣ Англіей, лишатся своихъ защитниковъ и двигателей, столь блистательно показавшихъ въ Болгаріи свое усердіе. Нѣтъ худа безъ добра. Мы сѣтовали до сихъ поръ что Западный Кавказъ, этотъ прекрасный край такъ щедро надѣленный природой, оставался безъ культуры и населенія. По Черноморскому берегу Кавказа до сихъ поръ не проложено никакихъ дорогъ, и рѣдкіе на немъ поселки сносятся между собою на кочермахъ. Мы какъ будто медлили вступить во владѣніе этимъ краемъ, точно также какъ не вступали во владѣніе Чернымъ Моремъ, по которому теперь безнаказанно разгуливаютъ турецкіе броненосцы. Жаль что мы еще не успѣли возобновить нашъ флотъ въ Черномъ Морѣ; но приходится порадоваться тому что Черноморскій берегъ Кавказа остался пустыней. Рѣдкія, кой-гдѣ разбросанныя станицы и поселки имѣли, и теперь имѣютъ, время убрать подалѣе беззащитную и слабую часть своего люда; затѣмъ никакого существеннаго урона черкесскіе дессанты причинить намъ не могутъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на этотъ театръ турецко-черкесскихъ набѣговъ на Кавказѣ. Черное Море, отъ косы Тузлы до форта Св. Николая, омываетъ на протяженіи 600 верстъ наши владѣнія входящія въ составъ Кавказскаго намѣстничества. На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ ни одной удобной гавани кромѣ Новороссійской, Туапсейской и отчасти Сухумской; нѣтъ также ни одного порядочнаго укрѣпленнаго пункта, такъ какъ нельзя же признать крѣпостями Анапу, Новороссійскъ, Гагры, Сухумъ-Кале, Поти, Редутъ-Кале и, еще менѣе, тѣ небольшіе полуразвалившіеся и оставленные нами форты, которые разбросаны по берегу и не имѣютъ никакого значенія въ оборонѣ страны противъ сильной артиллеріи. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ будутъ выжжены; но на этомъ, по-нашему, и долженъ остановиться успѣхъ Турокъ.

Отъ устья рѣки Кубани почти параллельно береговой линіи тянется хребетъ горъ большаго Кавказа. У станицы Суворовской и Витязева онъ представляется въ видѣ незначительныхъ холмовъ, но по мѣрѣ удаленія его на юго-востокъ холмы становятся все выше и выше, и близъ Анапы принимаютъ горный характеръ. Въ сорока верстахъ на юго-востокъ отъ Новороссійска, нѣкоторыя точки хребта достигаютъ уже 3,000 фут. абсолютной высоты (гора

Кенисауръ), а гора Оштенъ, на сѣверовостокъ отъ мыса Адлера, имѣетъ около 9.000 фут. У истоковъ рѣчки Псоу направленіе главнаго хребта измѣняется: отсюда она поворачиваетъ на востокъ и въ этомъ направленіи подходитъ къ горѣ Эльбрусу. Между горами Оштенъ и Эльбрусомъ отъ главнаго хребта отдѣляется нѣсколько побочныхъ хребтовъ, служащихъ естественными границами Абхазіи, Сванетіи и Мингреліи. Направленіе всѣхъ этихъ побочныхъ хребтовъ относительно главнаго есть западное и юго-западное, и въ этомъ же направленіи текутъ многочисленныя рѣчки которыми изрѣзана мѣстность между главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и берегомъ моря.

Междурѣчныя пространства восточнаго берега Чернаго Моря представляются въ видѣ контрфорсовъ главнаго хребта, спадающихъ къ западу обширными террасами, которыя подходятъ къ самому морю, образуя его обрывистый берегъ. Населеніе этой полосы состоитъ изъ русскихъ и туземцевъ, а также изъ небольшаго числа иностранныхъ колонистовъ. Русское населеніе и колонисты преимущественно сосредоточены въ мѣстности лежащей на сѣверъ отъ рѣки Псоу; на югъ отъ этой рѣки мы встрѣчаемъ Русскихъ только въ Цебельдѣ, принадлежащей графу Бобринскому. Туземныя племена — Абхазцы, Натухайцы, Джигиты, Убыхи и Шапсуги; но изъ послѣднихъ трехъ племенъ осталось тутъ не много. Всѣ они или выселились въ Турцію, или переведены за Кубань и водворены тамъ станицами.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мы описали прибрежную полосу Русской земли, которая сдѣлалась теперь театромъ турецкихъ набѣговъ. Думаемъ что за ея предѣлы не перешагнетъ ни одинъ Турокъ и не перенесется зеленое знамя Пророка.

За то туркофильскіе органы за границей поспѣшили эксплуатировать занятіе Турками Сухума. Они выводили изъ этого конечно прискорбнаго, но не важнаго факта самыя безсмысленныя заключенія, толковали что благодаря занятію Сухума и отправленію въ Абхазію 1.000 возвратившихся съ турецкимъ флотомъ Черкесовъ, возобновится съ новою силой война не только на всемъ западномъ Кавказѣ, но и въ Чечнѣ, гдѣ эти высаженные Черкесы уже найдутъ готовымъ начало возстанія, и въ Дагестанѣ, и на Лезгинской линіи... Для всякаго кому сколько-нибудь извѣстенъ Кавказъ, кому извѣстно его прошлое, все это грубая нелѣпость: юго-западный Кавказъ не имѣетъ ничего общаго съ восточнымъ и сѣвернымъ, онъ отдѣленъ отъ нихъ не только обширными пространствами и страшными мѣстными препятствіями, но и языкомъ, и обычаями; и всевозможными племенными различіями; и взаимною ненавистью населеній, и ничто лучше не доказываетъ справедливости этого факта какъ тщета многолѣтнихъ усилій энергическаго вождя какъ Шамиль распространить на западный Кавказъ организацію какую онъ успѣлъ утвердить въ Чечнѣ. Еслибы Сухумъ могъ имѣть такое важное значеніе какое ему приписываютъ туркофильскіе органы, то, конечно, онъ былъ бы и укрѣпленъ, и снабженъ гарнизономъ соотвѣтственнымъ важности пункта; между тѣмъ укрѣпленія его были самыя ничтожныя и въ немъ находилось всего три роты при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Въ 1854 году, какъ только появились въ Черномъ Морѣ союзные флоты, Сухумъ, какъ и всѣ прочія мелкія укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго Моря былъ оставленъ нашими войсками. Ничто, впрочемъ такъ не доказываетъ нелѣпости заключеній выводимыхъ туркофильскими газетами изъ занятія турками Сухума, какъ то что въ сентябрѣ 1855 года высадился тамъ—не толпа Черкесовъ съ нѣсколькими баталіонами войскъ,—а 48.000 корпусъ подъ командой Омеръ-паши, и несмотря на это, не только не усилилось возстаніе въ восточной части Кавказа, но не расширилось и не усилилось оно и въ западномъ Кавказѣ, а Омеръ-паша, пробравшись до Ингура, простоялъ тамъ лагеремъ нѣсколько мѣсяцевъ, и не сдѣлавъ ничего возратился восвояси...

№ 117.

Москва, 14-го мая.

А.

Если вѣрить берлинскимъ газетамъ отъ 23 мая, слухи о переговорахъ между Россіей и Англіей касательно „демаркаціонной линіи“ подтверждаются. Слухи эти, правда, идутъ изъ австрійскихъ источниковъ, и берлинскія газеты, со свойственною имъ осто-

рожностію и сдержанностію, воспроизводятъ ихъ не прибавляя отъ себя никакихъ замѣчаній, хотя особенно дѣятельное участіе въ этихъ переговорахъ приписывается князю Бисмарку. *National-Zeitung* замѣчаетъ что, по свѣдѣніямъ идущимъ изъ Вѣны, переговоры имѣютъ своею цѣлію не столько взаимное *ограниченіе* договаривающихся сторонъ сколько *соглашеніе* о томъ какія выгоды обѣ державы, то-есть Россія и Англія, могутъ извлечь изъ настоящей войны. Вопросъ о Суэзскомъ каналѣ выступаетъ де здѣсь для Англіи на первый планъ. Послѣ того какъ война возгорѣлась и опасность конечнаго распаденія Турціи стала почти неминуемою, для Англіи волей-неволей представляется де необходимость выяснить вопросъ о возможныхъ для нея послѣдствіяхъ этой катастрофы. „И какъ бы въ Англіи ни мало довѣряли Россіи, замѣчаетъ названная газета, однако тамъ должны понять что лучше имѣть какое-либо формальное обѣщаніе Россіи нежели вовсе не имѣть таковаго.“ Вслѣдствіе этого настойчиво поговариваютъ будто бы о томъ что посѣщеніе графомъ Шуваловымъ князя Бисмарка и затѣмъ переговоры его съ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ имѣли цѣлью, вопервыхъ, содѣйствіе сказанному соглашенію, а вовторыхъ, привлеченіе Германіи къ переговорамъ по этому предмету. Германіи предоставляется роль посредника между обѣими державами. Берлинская газета полагаетъ что князь Бисмаркъ не откажется отъ этого посредничества, „такъ какъ онъ всегда готовъ былъ содѣйствовать всему что̀ можетъ повести къ локализаціи войны.“ Такъ разсуждаютъ берлинскія газеты ссылаясь на вѣнскіе источники. Съ другой стороны, въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, официозномъ органѣ венгерскаго министерства, находимъ корреспонденцію изъ Берлина 16 мая, въ которой трактуется о томъ же предметѣ: „Надежды нейтральныхъ государственныхъ людей, сказано въ этой корреспонденціи, что Россія своими военными дѣйствіями на Востокѣ не пожелаетъ непосредственно затронуть интересы Англіи, все болѣе укрѣпляются, и если вѣрить нѣкоторымъ признакамъ, между обѣими державами уже начался обмѣнъ мыслей объ установленіи извѣстнаго пояса до котораго простираются тѣ интересы Англіи кои должны быть приняты во вниманіе, равно какъ тѣхъ пунктовъ, при коихъ интересы Россіи будутъ признаны достигнутыми. Нельзя еще сказать насколько подобное обоюдное щупаніе пульса можетъ быть понятно какъ формальное установленіе *демаркаціонной линіи*. Но *одно* можетъ быть съ достовѣрностью выведено изъ тѣхъ сообщеній которыя идутъ изъ русскихъ политическихъ сферъ: *Россія не прочь чтобъ Англія по своему обезпечила для себя свой ближайшій путь въ Индію.*“

Тотъ же корреспондентъ пишетъ отъ 17 мая еще болѣе рѣшительно: „Не подлежитъ сомнѣнію что при посредствѣ Германіи идутъ переговоры между Петербургомъ и Лондономъ, клонящіеся къ соглашенію касательно военныхъ и политическихъ цѣлей теперешней войны. Посредничество Германіи обращено какъ къ Англіи, такъ и къ Россіи. Если, съ одной стороны, до сихъ поръ не было облеченнаго въ дипломатическую форму заявленія Россіи касательно дѣйствительныхъ цѣлей теперешней войны, то, съ другой стороны, и Англія до сихъ поръ не указала съ точностью какія именно мѣстности она относитъ къ области своихъ жизненныхъ интересовъ. Для Россіи эти переговоры представляютъ мало затрудненій въ виду того что она никогда не помышляла загородить для Англіи ея кратчайшій путь въ Индію чрезъ Суэзскій каналъ.“ Берлинскій корреспондентъ пештской газеты предвидитъ что соглашеніе съ Англіей касательно конечныхъ цѣлей войны вѣроятно не удовлетворитъ тѣхъ „панславистскихъ стремленій въ Россіи которыя возлагаютъ на войну иного рода надежды,“ но онъ увѣренъ что „партія мира“ или лучше сказать „европейская партія,“ во главѣ (!) которой стоитъ графъ Шуваловъ, сумѣетъ побороть партію панславистовъ.

Всѣ эти разсужденія и слухи имѣютъ для насъ интересъ лишь въ томъ отношеніи что ими занимаются самые враждебные Россіи органы, и несомнѣнно указываютъ на новую и опасную интригу...

Рядомъ съ этимъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта: венгерскія газеты въ послѣдніе дни настойчиво распространяли слухъ будто Россія нарушила обязательство принятое ею предъ Австріей А такъ какъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, русскія войска все-таки перешли Алуту и придвинулись къ самому Калафату, то наиболѣе ярые изъ мадьярскихъ органовъ находили въ этомъ *casus belli* для Австріи и требо-

вали чтобы графъ Андраши объявилъ Россіи войну. Въ виду этихъ вызывательныхъ выходокъ, вѣнскимъ газетамъ сдѣлано сообщеніе отъ правительства въ томъ смыслѣ что между Россіей и Австріей не было никакого соглашенія о томъ чтобы русскія войска не переходили черезъ Алуту.

Такимъ образомъ одна изъ „демаркаціонныхъ линій“ поставленныхъ Россіи ея доброжелателями въ Вѣнѣ и Пештѣ уже исчезла. Будемъ надѣяться что такою же химерой окажется и другая.

Дипломатія, дипломатія! Вотъ гдѣ истинная для Россіи опасность.

Соглашеніе съ Англіей можетъ означать лишь безусловную уступку всего что̀ ей нужно. Англійская интрига несомнѣнно будетъ направлена къ тому чтобы воспользоваться плодами русской крови и русскихъ усилій...

Во всякомъ случаѣ нужно ли ободрять Англію въ ея назойливомъ на насъ наступленіи? Нужно ли, напримѣръ, въ настоящее время повторять воспрещеніе каперства? Турки не ведутъ всемірной торговли, и каперовъ не боятся, стало быть не зачѣмъ въ войнѣ съ ними запрещать то чего и ожидать нельзя. Заявленіе о каперствѣ въ настоящее время можетъ имѣть только одно послѣдствіе: усилить Англію противъ насъ и поднять ея притязанія...

Когда Германія вела свои блистательныя войны, она не объявляла никакихъ правилъ къ соблюденію во время войны. Она слѣдовала извѣстнымъ правиламъ, но ни предъ кѣмъ не обязывалась соблюденіемъ оныхъ. Заботы ея военачальниковъ были всѣ сосредоточены на своей арміи и на обезпеченіи ея успѣховъ. Она заботилась о своихъ, а не объ иностранныхъ дѣлахъ.

Правилами составленными нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ для соблюденія во время войны, между прочимъ, предписывается начальству дѣйствующей арміи не препятствовать судоходству и торговлѣ нейтральныхъ судовъ по Дунаю. Однако оно должно было, въ военныхъ цѣляхъ, преградить мѣстами посредствомъ минъ и торпедъ плаваніе по Дунаю. Какъ же тутъ быть, и какъ сдѣлать чтобы въ то время когда съ обоихъ береговъ раздается грохотъ орудій нейтральныя суда могли спокойно разгуливать по Дунаю?

Б.

Въ нашемъ обзорѣ военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи было сказано что колонна генерала Тергукасова, дѣйствующая къ Эрзеруму отъ занятаго нами въ началѣ войны турецкаго города Баязида, остановилась въ Сурпъ-Аганесѣ. Отсюда Эриванскій отрядъ выслалъ впередъ кавалерію, которой удалось открыть что Турки, въ числѣ семи баталіоновъ при девяти орудіяхъ, стали лагеремъ у Каракилиса и тамъ укрѣпились.

Во время стоянки у Сурпа, генералъ Тергукасовъ получилъ свѣдѣнія, вопервыхъ, о движеніи Турокъ противъ Баязида, вовторыхъ, о намѣреніи сильнаго турецкаго отряда, въ числѣ 3.500 Курдовъ, 12.000 баши-бузуковъ, пяти баталіоновъ и семи орудій, перейти изъ долинъ сѣверной стороны озера Ванъ на Хамуръ къ Каракилису, дабы соединиться съ укрѣпившимися тамъ войсками.

Для обезпеченія Баязида отъ случайнаго нападенія, генералъ Тергукасовъ отрядилъ 6 мая изъ Сурпъ-Аганеса часть своихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-майора Амилахварова. Отрядъ этотъ въ тотъ же день прибылъ въ Баязидъ сдѣлавъ 60 верстъ, и Турки, намѣревавшіеся атаковать городъ, отступили къ озеру Ванъ. Послѣ этого генералъ Амилахваровъ произвелъ рекогносцировку въ направленіи къ вышеупомянутому озеру и дошелъ до рѣки Соукъ-су (притокъ рѣки Бендимачису, впадающей въ озеро Ванъ). Результатомъ этого движенія было приведеніе одного Курдскаго племени къ покорности, чего ожидаютъ и отъ другихъ племенъ.

Что же касается турецкаго отряда который шелъ отъ озера Ванъ на Хамуръ къ Каракилису, то повидимому ему удалось достигнуть своей цѣли, такъ какъ въ телеграммѣ изъ Баязида отъ 11 мая сказано что непріятель, значительно усилившись въ Каракилисѣ, намѣревается перейти въ наступленіе.

Такимъ образомъ, въ непродолжительномъ времени мы должны получить важныя извѣстія изъ нашего Эриванскаго отряда.

№ 119.

Москва, 17-го мая.

Война не успѣла еще принять, по естественнымъ условіямъ времени и мѣстности, размѣры соотвѣтственные ея цѣлямъ, какъ уже нѣкоторыя неизбѣжные политическія послѣдствія ея начинаютъ намѣчаться. Провозглашеніе независимости Румыніей, вынужденное, не говоря уже объ интересахъ этой страны, поведеніемъ Порты относительно ея, которое дѣлало невозможнымъ для правительства князя Карла оставаться нейтральнымъ,—это провозглашеніе явилось первымъ предвѣстіемъ Европѣ что то что до сихъ поръ называлось Оттоманскою имперіей ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти изъ войны въ прежнемъ своемъ видѣ. Поэтому интересно взглянуть какое впечатлѣніе этотъ первый признакъ грядущихъ перемѣнъ производитъ тамъ гдѣ неприкосновенность порядка вещей въ этой имперіи возведена была въ политическій догматъ. Что говорятъ объ этомъ событіи наши друзья Англичане?

Возражать противъ этого имъ рѣшительно нечего, такъ какъ Румынія и безъ того была зависима развѣ только по имени. Но они отнеслись довольно спокойно къ событію главнымъ образомъ вѣроятно потому что объявленіе независимости совершилось совершенно внѣ ихъ контроля, а къ совершившимся фактамъ Англичане всегда относятся съ благоразумнымъ почтеніемъ. Тѣмъ не менѣе, было бы великою клеветой на нашимъ друзей утверждать чтобы событіе, совершившееся безъ ихъ спроса и вѣдома, имъ нравилось. Нѣтъ, оно имъ не совсѣмъ нравится. Болѣе задорные крикуны англійской печати не скрываютъ своей безсильной досады.

Pall-Mall Gazette обозвала провозглашеніе независимости „русскимъ присвоеніемъ“ этой страны, и Биконсфильдовскому органу уже мерещится вслѣдъ за тѣмъ не только завоеваніе Болгаріи, но и занятіе Россіей въ Малой Азіи такой позиціи которая дастъ возможность Кавказской арміи „идти на Египетъ.“ *Daily Telegraph* также спѣшитъ прокричать что новорожденное свободное и независимое государство есть во всѣхъ отношеніяхъ „русская провинція.“ Болѣе сдержанный изъ торійскихъ органовъ, *Standard*, усматриваетъ главное значеніе переворота провозглашеннаго въ Букурештѣ во вліяніи какое онъ можетъ оказать на Сербію, и коварно намекаетъ что положеніе становится весьма критическимъ для Австро-Венгріи.

Но очевидно что и болѣе благоразумные органы англійской печати, послѣ преній возбужденныхъ г. Гладстономъ въ парламентѣ замѣтно пріободрившіеся и не безъ успѣха противодѣйствующіе горячкѣ торійскаго шовинизма, не совсѣмъ довольны событіемъ. Они доказываютъ что оно было въ порядкѣ вещей и что его слѣдовало неизбѣжно предвидѣть. Тѣмъ не менѣе *Times* не безъ иронія замѣчаетъ что „на Дунаѣ политическія событія движутся быстрѣе чѣмъ военныя операціи; результаты войны нѣкоторымъ образомъ дисконтируются заранѣе, и шкура медвѣдя продается прежде чѣмъ онъ убитъ.“ Органъ Лондонскаго города съ любезною улыбкой хочетъ показать что онъ равнодушно смотритъ на такую *eventualité*, и замѣчаетъ: „Мы не предполагаемъ чтобы кто-либо изъ лицъ имѣющихъ политическій авторитетъ въ нашей странѣ подумалъ что слѣдуетъ воспротивиться силой перемѣнѣ, а потому намъ и не остается ничего какъ принять ее сколь возможно *de bonne grace*.“ Однако, изъ послѣдующихъ разсужденій *Times* видно что ее занимаетъ мысль, нельзя ли изъ этого извлечь особаго рода выгоды, чтобы вопросъ о турецкихъ христіанахъ снова запутать дипломатіей. Иначе трудно понять соображенія въ какія пускается лондонская газета. Она уже задумывается, будетъ ли власть князя Румынскаго ограничена настоящею территоріей, или же будетъ распространена на освобожденную страну къ югу отъ Дуная, о чемъ вовсе никто и не думалъ. *Times* признаетъ что соединеніе Болгаріи съ Румыніей встрѣтило бы затрудненія въ различіи племени и языка, и однако предается мечтанію что еслибы можно было образовать такое Дунайское государство, съ семью или восемью милліонами жителей, „подъ покровительствомъ и гарантіей Европы,“ то это пожалуй было бы лучшимъ ручательствомъ противъ возобновленія Восточнаго вопроса. Дѣло станетъ де только за сомнѣніемъ, дозволитъ ли Россія такое „благодѣтельное“ рѣшеніе. А потому *Times* и заключаетъ что для испытанія искренно-

сти Россіи было бы полезно пригласить ее теперь учредить нейтрализованное и неприкосновенное государство.

И все это по поводу провозглашенія независимости Румыніи. Лондонская газета не замѣчаетъ что, посмѣявшись сначала надъ торопливостью Румынъ, она весьма наивно сама начала еще болѣе дисконтировать результаты войны и торговаться о шкурѣ еще не убитаго медвѣдя. А всего менѣе пристало торговаться тѣмъ кто, не участвуя въ облавѣ на звѣря, всѣми способами вредитъ охотникамъ и помогаетъ звѣрю. Нельзя идти заразъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ; и смѣшно думать что Россія понесетъ всю тяжесть и всѣ жертвы войны, приметъ на себя весь ущербъ неизбѣжно съ ней сопряженный, а результаты поднесетъ на выборъ и утвержденіе Англіи, дабы они вышли для нея пріятными и выгодными.

Кто въ правѣ требовать отъ Россіи какихъ-то доказательствъ искренности? Россія давала ихъ въ изобиліи когда приглашала всѣхъ и каждаго идти съ нею вмѣстѣ за освобожденіе христіанъ. Но теперь, когда ее оставили дѣйствовать одну, ея дѣйствія вполнѣ свободны. Это сказалъ и лордъ Дарби, увѣдомивъ Россію, хотя и въ невѣжливой формѣ, что она дѣйствуетъ на свой страхъ и отвѣтственность. Спорить съ нимъ не было надобности, а его мнѣніе было одобрено и Англійскимъ парламентомъ. А потому, когда наступитъ часъ освобожденія Болгаріи, никто какъ Россія рѣшитъ какъ устроить несчастную страну наиболѣе для нея самой удобнымъ образомъ.

Интересно обратить вниманіе на отзывъ еще одной англійской газеты по поводу румынской независимости. *Daily News* всегда сочувственно относилась къ освобожденію народностей на Балканскомъ полуостровѣ отъ владычества Оттоманскаго. Она и не горюетъ о томъ что Румынія пожелала сбросить съ себя вассальную отъ Порты зависимость. Но какъ англійская газета и съ англійской точки зрѣнія, она сожалѣетъ что это событіе случилось не инымъ образомъ, то-есть что оно совершилось подъ эгидой одной Россіи. *Daily News* полагаетъ что вслѣдствіе этого Румынія уже теперь вступила въ союзъ съ Россіей, и румынская армія вѣроятно-де во всѣхъ отношеніяхъ и для цѣлей войны будетъ частью русской арміи. „Таково одно изъ неудобствъ“, заключаетъ либеральный органъ, „проистекающихъ для Европы вообще отъ ошибочной политики, во главѣ которой, къ несчастію, стояло наше правительство, и которая поставила Россію въ необходимость или отказаться вовсе отъ дѣла христіанскихъ провинцій Турціи, или выступить на ихъ защиту. При всякомъ распаденіи Оттоманской имперіи, или даже при всякой перемѣнѣ въ ея европейской системѣ, было неизбѣжно что номинальная зависимость Румыніи должна будетъ прекратиться. Но эта связь могла бы быть расторгнута, какъ мы полагаемъ, болѣе удовлетворительнымъ для Европы образомъ еслибъ это было частью условленной политики великихъ державъ чѣмъ являясь просто результатомъ войны между Россіей и Турціей и союза Румыніи съ первою.“

Мы увѣрены что не одинъ еще разъ придется Англичанамъ пожалѣть о послѣдствіяхъ политики ихъ правительства, которая, впрочемъ, не есть личное изобрѣтеніе Беконсфильда, а лишь продолженіе того что̀ дѣлалъ Пальмерстонъ, который и самъ шелъ по слѣдамъ намѣченнымъ Веллингтономъ и Питтомъ. На Востокѣ Англія всегда противилась развитію свободныхъ силъ и ей не на кого, кромѣ себя, пенять что сочувствіе народовъ Востока давно обращено въ другую сторону.

№ 120.

Москва, 18-го мая.

Съ предстоящимъ переходомъ русскихъ войскъ черезъ Дунай, во многомъ измѣнятся условія въ которыхъ они теперь находятся. Какъ ни плохи румынскіе пути сообщенія, все же они представляютъ удобства и для передвиженія войскъ, и для снабженія ихъ довольствіемъ. Наша Дунайская армія находится пока на территоріи дружественнаго государства, румынскіе города и села служатъ достаточно удобными мѣстами для госпиталей и бараковъ. До послѣднихъ дней на лѣвомъ берегу Дуная погода стояла страшно дождливая, войска должны были слѣдовать по страшной грязи, но санитарное состояніе ихъ удовлетворительно, и больныхъ, слава Богу, очень мало. Этотъ результатъ болѣе чѣмъ тридцатидневнаго похода слѣдуетъ припи-

сать предусмотрительности и заботливости начальства, а также и благопріятнымъ условіямъ въ которыхъ они до сихъ поръ находятся. Не то въ Болгаріи, особенно по далѣе отъ Дуная. Нѣтъ сомнѣнія что наши войска благополучно преодолѣваютъ переходъ черезъ Дунай; но надо помнить что главный врагъ нашъ въ прежнихъ турецкихъ войнахъ были не Турки, а санитарныя условія Задунайскаго театра войны.

Мы нисколько не сомнѣваемся что опытъ 1828 и 1829 года не забытъ и что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ придумано очень много полезныхъ мѣръ для борьбы съ неблагопріятными условіями предстоящаго театра войны; мы вѣримъ что эти мѣры будутъ прилагаемы нынѣ лучше чѣмъ прежде, и однако думаемъ что не слѣдуетъ слишкомъ предаваться самообольщенію. Наше замѣчаніе главнымъобразомъ касается *размѣровъ* помощи. Опытъ послѣднихъ войнъ свидѣтельствуетъ что въ этомъ дѣлѣ великую силу имѣетъ частная дѣятельность. Знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ, въ своемъ отчетѣ Общества Попеченія о Больныхъ и Раненыхъ Воинахъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій во Франко-Прусскую войну, называетъ частную помощь, „единственнымъ благодѣяніемъ, порожденнымъ, между множествомъ бѣдствій, этою войной.“ Дѣйствительно, частная помощь во Франко-Прусскую войну достигла въ Европѣ необыкновенныхъ размѣровъ, хотя Америка предупредила ее въ этомъ отношеніи. Америка въ 1861—1862 годахъ имѣла до 30.000 дамскихъ комитетовъ собравшихъ пожертвованій до 400 милліоновъ франковъ. Не менѣе важная заслуга общества была еще та что, кромѣ матеріальныхъ жертвованій, оно въ послѣднія войны внесло *личную* помощь въ дѣло ухода за ранеными и больными воинами, и тѣмъ создало имъ обстановку недоступную для усилій администраціи. Статистическія цифры опредѣляющія результаты частной помощи въ продолженіе Франко-Прусской войны еще не достаточно разработаны; но по дознаннымъ статистическимъ даннымъ Англичане успѣли съ частною помощью уменьшить смертность въ своей Крымской арміи съ 23 до 4 на 100; въ союзныхъ американскихъ войскахъ, во время междоусобной войны, при частной помощи смертность не превышала $3_{,9}$ на 100, тогда какъ, напримѣръ, французская администрація не можетъ спустить ее въ своей арміи и въ мирное время ниже 10 процентовъ. Наконецъ, если припомнимъ что въ войну прошлаго года санитарная помощь Сербіи и Черногоріи была устроена исключительно на частныя средства, явившіяся главнымъ образомъ изъ Россіи, то значеніе частнаго начинанія въ этомъ дѣлѣ въ военное время становится внѣ всякаго вопроса.

Противъ усиленнаго значенія *самостоятельной* частной помощи, въ особенности вблизи театра войны, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ арміей, можетъ возникать лишь одно возраженіе или вѣрнѣе вопросъ: какъ регулировать отношенія частной помощи къ администраціи? Какъ устроить дѣло чтобы первая не мѣшала послѣдней, а послѣдняя не парализовала первую? И здѣсь такой авторитетъ какъ академикъ Пироговъ склоняется къ выводу что частная помощь должна дѣйствовать, и въ военное и въ мирное время, *сама по себѣ*, а администрація *сама по себѣ, какъ можно независимѣе* одна отъ другой. Въ своемъ отчетѣ онъ приводитъ во свидѣтельство поразительные факты какъ прусская администрація, несмотря на свое превосходное устройство и значительныя средства, дѣлала промахи и должна была убѣдиться что „ей одной не по силамъ справиться во время катастрофъ съ требованіями новаго времени и общества.“ Что касается до вида частной помощи которая во Франко-Прусскую войну подавалась на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, то-есть посредствомъ походныхъ лазаретовъ и амбуланцевъ, то, по свидѣтельству г. Пирогова, наиболѣе успѣшно дѣйствовала частная помощь Американцевъ, Англичанъ и Голландцевъ, которые явились на самое мѣсто непріятельскихъ дѣйствій со вполнѣ сформированными госпиталями и со своею самостоятельною администраціей: врачами, аптекарями и сестрами милосердія: „Наша же русская частная помощь, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, мало обратила на себя вниманія и почти стушевалась, потому что не выступила независимо отъ мѣстной администраціи.“

Въ настоящую войну Россіи почти одной приходится принять на себя заботы объ облегченіи участи ея больныхъ и раненыхъ воиновъ. Русскому обществу предстоитъ обширная и благословенная задача. Она удесятеряется главнымъ образомъ потому что общественная помощь потребуется для войскъ дѣйствующихъ на окраинахъ госу-

дарства, на тысячеверстныхъ разстояніяхъ, подверженныхъ неблагопріятнымъ условіямъ, страдающихъ недостаткомъ сообщеній, и обобранныхъ и истощенныхъ самимъ непріятелемъ. Эта врачебная помощь въ Болгаріи окажется необходимою не только для нашихъ войскъ, но и для ограбленнаго, страдающаго болѣзнями болгарскаго населенія, принужденнаго жить въ мѣстностяхъ зараженныхъ вслѣдствіе прошлогодней болгарской рѣзни. Среди насъ является, впрочемъ не мало лицъ готовыхъ на христіанскій подвигъ милосердія, и услуги ихъ потребуются въ особенности по переходѣ дѣйствующей арміи черезъ Дунай. Мы не сомнѣваемся что военная администрація не замедлитъ воспользоваться предлагаемою ей частною помощью.

Со своей стороны мы спѣшимъ сдѣлать извѣстнымъ въ болѣе обширныхъ кругахъ одно изъ предложеній дѣлаемыхъ ординаторомъ хирургической клиники Московскаго университета, докторомъ Д. П. Молловымъ. Въ Сербскую войну почтенный хирургъ самостоятельно руководилъ дѣйствіями подвижнаго походнаго лазарета, устроеннаго при его содѣйствіи на средства собранныя по частной подпискѣ открытой при редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Госпиталь этотъ находился все время Сербской войны въ Ражнахъ, то-есть былъ самый близкій къ мѣсту военныхъ дѣйствій, и руководившій имъ Dr. Молловъ принималъ также участіе на перевязочныхъ пунктахъ на мѣстѣ сраженій. Нынѣ, заручась содѣйствіемъ другихъ врачей, онъ изъявилъ желаніе устроить и руководить подобнымъ же походнымъ госпиталемъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи, для чего онъ, кромѣ опыта, имѣетъ еще то важное условіе что самъ Болгаринъ родомъ. Открывая при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* пріемъ жертвованій съ этою цѣлью, мы надѣемся что наши читатели не откажутъ намъ въ матеріальномъ содѣйствіи полезному предпріятію.

№ 121.

Москва, 19-го мая.

Прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ какъ совершилась перемѣна правительства во Франціи. Новый Французскій кабинетъ старался успокоить тревожныя ожиданія. Опровергались разнесшіеся слухи объ отсрочкѣ назначенной на будущій годъ всемірной выставки въ Парижѣ; удостовѣрялось что отношенія Франціи къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ остались неизмѣнны. Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить чтобы маршалъ Макъ-Магонъ, на которомъ въ сущности лежитъ вся отвѣтственность за будущность Франціи, рѣшился до такой степени подчиниться вліянію іезуитскихъ интригъ чтобы позволить имъ вовлечь страну въ пагубную борьбу.

Однако возбужденныя опасенія, повидимому, все еще не могутъ успокоиться, и сущность не столько въ самой перемѣнѣ правительства совершившейся во Франціи, сколько въ тѣхъ элементахъ которые ищутъ вызвать смуты и стараются воспользоваться перемѣной для своихъ цѣлей, постороннихъ для интересовъ самой Франціи. Мы уже говорили объ этихъ элементахъ и показывали какъ самою силой вещей они влекутся къ союзу между собою. Есть элементы въ Австро-Венгріи, враждебнымъ недовѣріемъ ожидающіе событій на Востокѣ; есть англійская интрига, столь же враждебная всякому началу возрожденія на Востокѣ и томительно жаждущая найти себѣ союзниковъ среди нынѣшняго ненадежнаго общаго положенія дѣлъ въ Европѣ; наконецъ, есть безпокойная и дѣятельная ультрамонтанская интрига, не заботящаяся ни о чемъ кромѣ своихъ интересовъ и въ суетной погонѣ за мірскою властью измѣняющая христіанству. Осуществится ли ихъ союзъ, это другое дѣло; но возможность его представлялась ясно, на что̀ и было обращено нами вниманіе.

Дѣйствительно, все дѣло кажется въ томъ удастся ли ультрамонтанской интригѣ опутать и увлечь Францію. Можно надѣяться что патріотизмъ самого маршала Макъ-Магона устоитъ противъ ея усилій. Однако, нельзя упускать изъ виду что имперіалисты и орлеанисты, составляющіе новый кабинетъ, находятся въ связяхъ съ клерикальною партіей. Остается не извѣстнымъ какою цѣной во внѣшнихъ дѣлахъ можетъ быть купленъ этотъ союзъ клерикаловъ. Официозная берлинская *Post* ожидаетъ худшаго. По ея мнѣнію, переворотъ правительства происшедшій во Франціи есть дѣло заговора направленнаго не только противъ республики, но еще болѣе противъ Германіи. „Такъ какъ французскія

вооруженія," разсуждаетъ *Post*, „доведены теперь до высокой степени, то маска сбрасывается, и дѣлается попытка воспользоваться европейскими замѣшательствами чтобы пріобрѣсти союзниковъ. Франція старается замѣнить анти-клерикальный кабинетъ въ Италіи лицами консортеріи, а также смѣстить графа Андраши и побудить Австрію соединиться съ герцогомъ де-Бролемъ противъ князя Бисмарка." „Сомнительно, продолжаетъ официозный органъ, прежде ли войны замышляютъ эти клерикальные заговорщики установить монархію во Франціи или посредствомъ войны. Но ихъ ближайшая цѣль есть возстановленіе папской власти черезъ униженіе Германіи." Замыселъ этотъ представляется самой газетѣ слишкомъ фантастическимъ, однако она замѣчаетъ что это налагаетъ на всѣхъ германскихъ патріотовъ обязанность сплотиться вокругъ правительства.

Съ другой стороны, между тѣмъ какъ новое Французское правительство старается успокоить такія опасенія, его же друзья въ клерикальномъ лагерѣ отнюдь не церемонятся раздувать ихъ еще болѣе. Тонъ и выраженія клерикальныхъ газетъ не только не скрываютъ ихъ надеждъ, но и прямо ставятъ осуществленіе ихъ въ связь съ восточными замѣшательствами. Въ этомъ отношеніи іезуитскій органъ *Voce della Verità* доходитъ до цинической откровенности, превосходящей даже лондонское безстыдство. Оправдывая, съ своей собственной точки зрѣнія правительственный переворотъ во Франціи и превознося похвалами маршала Макъ-Магона, за его энергію, папскій органъ пускается въ слѣдующія соображенія: „Событіе это почти „отвлекло вниманіе отъ страшной борьбы „начавшейся на Востокѣ. И это не со„всѣмъ безъ основанія, ибо всѣ понимаютъ „что война не останется ограниченною бе„регами Дуная или горами Арменіи; что, „вопреки всѣмъ кажущимся признакамъ, „это не есть только война между двумя „соперничающими націями, а что въ ней „обнаруживается первый взрывъ колос„сальной борьбы, давно тревожно предви„дѣнной и можетъ-быть рѣшительной, ме„жду революціей и порядкомъ, между *хри„стіанствомъ и новомоднымъ невѣрующимъ „варварствомъ, между католическою ци„вилизаціей и возрождающимся язычес„кимъ цезаризмомъ.*" И представьте себѣ, оказываются, по сужденію іезуитовъ, передовымъ оплотомъ христіанства въ этой борьбѣ — Турки съ зеленымъ знаменемъ Пророка и обагренные христіанскою кровью!.. „Россія," продолжаетъ папскій органъ, „сражается за революцію, а Турція стоитъ „за *принципъ соціальнаго охраненія.*"

Поймите всю гадость этого цинизма! Никогда папство не было такъ изобличаемо своими противниками какъ изобличается теперь своими ревнителями. Что это какъ не полное отреченіе отъ христіанства? Турки — только внѣшніе враги христіанства. Не хуже ли ихъ эти отступники отъ Христа въ ризахъ его служителей!

№ 122.

Москва, 20-го мая.

Телеграфъ извѣстилъ насъ объ официозной замѣткѣ появившейся въ парижскомъ *Монитерѣ* 29 мая, въ которой опровергается слухъ будто маршалъ Макъ-Магонъ намѣренъ сложить съ себя званіе президента если встрѣтитъ новыя затрудненія своему образу дѣйствій. Маршалъ, сказано въ замѣткѣ, никогда не помышлялъ объ этомъ, а напротивъ твердо рѣшился „сохранить свою власть до истеченія срока, исполнить свои обязанности и заставить уважать свои права." Это опроверженіе вызвано, какъ должно полагать, извѣстіемъ появившимся во многихъ парижскихъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ, будто республиканская партія съ увѣренностью разчитываетъ что сенатъ не согласится на распущеніе палаты депутатовъ, и что тогда маршалу Макъ-Магону, зашедшему слишкомъ далеко, останется лишь одно — сложить съ себя президентскую власть. Республиканская партія, въ предвидѣніи этого событія, уже рѣшила и вопросъ о преемникѣ. Выборъ сначала остановился на г. Тьерѣ; но эта мысль была вскорѣ оставлена въ виду слишкомъ преклонныхъ лѣтъ эксъ-президента, и рѣшено выбрать г. Жюля Греви, теперешняго президента палаты депутатовъ, пользующагося уваженіемъ всѣхъ республиканскихъ оттѣнковъ.

Чтобы понять значеніе этого энергическаго заявленія новаго французскаго кабинета слѣдуетъ припомнить въ чемъ собственно заключаются тѣ средства „легаль-

ной“ борьбы коими пока ограничиваются обѣ враждебныя стороны. Извѣстно что одновременно съ удаленіемъ министерства Жюль-Симона и назначеніемъ кабинета Броль-Фурту маршалъ Макъ-Магонъ воспользовался принадлежащимъ ему правомъ отсрочки засѣданій палаты на одинъ мѣсяцъ. Но мѣра эта ни къ какимъ положительнымъ результатамъ повести не можетъ, ибо никто не сомнѣвается что коль скоро палатѣ дана будетъ возможность принять какое-либо рѣшеніе, то хотя бы ея возобновленныя засѣданія продолжались лишь одинъ день, она выскажется рѣшительно противъ новаго министерства. Чтобы воспрепятствовать такой демонстраціи имѣются послѣ 16 іюня лишь два легальныя средства: или вновь отсрочить ея засѣданія на одинъ мѣсяцъ, что по конституціи предоставлено единоличной власти президента, но уже въ послѣдній разъ въ одну и ту же сессію; или же распустить палату и назначить новые выборы чрезъ три мѣсяца, что президентъ можетъ сдѣлать лишь съ разрѣшенія сената. Нѣтъ сомнѣнія что весь планъ предпріятія затѣяннаго теперь во Франціи основанъ именно на распущеніи теперешней республиканской палаты, въ виду того что въ сенатѣ республиканская партія находится напротивъ въ меньшинствѣ. Но сенатское большинство, хотя и противное республиканцамъ, само распадается на дроби, которыя не менѣе между собою враждебны. Успѣхъ замысла распущенія палаты зависитъ главнымъ образомъ отъ того насколько новый кабинетъ сумѣетъ, хоть временно, соединить для общаго дѣйствія крайнихъ легитимистовъ съ бонапартистами и ультрамонтановъ съ орлеанистами. Въ этихъ видахъ составленъ новый кабинетъ въ коемъ имѣются представители всѣхъ монархическихъ партій. Но „легальный“ кризисъ не будетъ устраненъ, по мнѣнію республиканцевъ, и въ томъ случаѣ если теперешнему правительству удастся склонить къ согласному дѣйствію всѣ консервативныя фракціи сената. По конституціи, новые выборы должны быть назначены черезъ три мѣсяца; такимъ образомъ, крайній срокъ по истеченіи котораго министерство „борьбы“ будетъ снова стоять лицомъ къ лицу съ враждебнымъ большинствомъ палаты наступитъ 18 октября. А что новые выборы дадутъ такой же, если не большій перевѣсъ республиканской партіи, въ этомъ до сихъ поръ республиканцы не сомнѣваются, несмотря на огромную перетасовку въ мѣстной администраціи и измѣненіе личнаго состава префектовъ которыя были первымъ дѣломъ новаго кабинета.

Если допустить что таковъ дѣйствительно будетъ исходъ выборовъ, то для маршала Макъ-Магона въ самомъ дѣлѣ будетъ предстоять лишь одно изъ двухъ: либо отреченіе предусматриваемое уже теперь республиканскою партіей, либо *coup d'état*. А такъ какъ официозная замѣтка *Монитера* устраняетъ всякую мысль объ отреченіи, то казалось бы что ударъ во Франціи неминуемъ... Но весь вопросъ въ результатѣ предстоящихъ выборовъ. Не должно забывать, вопервыхъ, что благоразумные классы французскаго общества не забудутъ великой услуги оказанной маршаломъ Франціи переустройствомъ ея военныхъ силъ, которое есть дѣло его личной иниціативы и которое дало Франціи полуторамилліонную армію; вовторыхъ, нельзя не признать и того что дѣйствительнымъ преемникомъ маршала Макъ-Магона, въ виду преклонныхъ лѣтъ г. Тьера, будетъ г. Гамбетта. Онъ, а не г. Греви, есть въ настоящее время глава республиканской партіи во Франціи, а потому и естественно предположить что ему, а не кому-либо другому принадлежало бы и президентство Французской республики въ случаѣ паденія теперешняго порядка. Г. Гамбетта въ послѣднее время, правда, значительно измѣнился и во многихъ случаяхъ обнаруживалъ тактъ государственнаго человѣка, столь мало свойственный другимъ вожакамъ радикаловъ. Крайніе радикалы вслѣдствіе этого даже отшатнулись отъ него. Но позволительно сомнѣваться чтобы политически зрѣлымъ кругамъ, хотя бы въ средѣ искреннихъ республиканцевъ, улыбалась перспектива президентства г. Гамбетты. Вотъ почему и нельзя имѣть увѣренность чтобы при предстоящихъ выборахъ страна „единодушно высказалась“ какъ утверждаютъ республиканцы, въ пользу республики, то есть радикализма, если вообще можетъ быть рѣчь о мнѣніи страны при системѣ всеобщей подачи голосовъ господствующей во Франціи. Извѣстно какими средствами обладаетъ каждое данное правительство во Франціи чтобы вліять на исходъ выборовъ, и г. Броль успѣлъ уже очень откровенно заявить что намѣренъ пустить въ ходъ всѣ средства борьбы чтобъ одержать побѣду

надъ своими противниками. А г. Броль, какъ извѣстно, мастеръ своего дѣла. Республиканцы утѣшаютъ себя тѣмъ, что и въ прошедшемъ году выборы подъ руководствомъ министерства г. Бюффе дали республиканское большинство вопреки усиліямъ министерства. Однако при этомъ упускается изъ виду одно важное обстоятельство, именно то что г. Бюффе открыто враждовалъ не только съ республиканцами, но и съ бонапартистами, которые всѣхъ болѣе ловки въ дѣлѣ французскихъ избирательныхъ манипуляцій. Теперешнее же министерство, по всей вѣроятности, найдетъ въ нихъ сильную поддержку, такъ какъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Фурту, считается бонапартистомъ.

Итакъ, шансы министерства „борьбы и нравственнаго порядка," столь неожиданно воскресшаго во Франціи, далеко не такъ ничтожны какъ утверждаютъ его республиканскіе противники...

Но какія бы ни были у маршала Макъ-Магона побужденія, въ какихъ бы видахъ и въ какомъ бы смыслѣ ни дѣйствовалъ онъ теперь, рѣшившись на крутой поворотъ въ дѣлахъ своей страны, мы совершенно убѣждены что происшедшая во Франціи правительственная перемѣна не заключаетъ въ себѣ ничего для насъ неблагопріятнаго. Мы думаемъ напротивъ что перемѣна эта своимъ непосредственнымъ отраженіемъ на европейскія дѣла, и дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ возможныхъ послѣдствій, выгодна для русской политики. Возбужденіе какого бы то ни было духа во Франціи не грозитъ намъ никакою опасностью, если только мы сумѣемъ найтись въ данномъ положеніи. Напротивъ, возникающій на Западѣ антагонизмъ можетъ толоко облегчить насъ на Востокѣ.

Признаемся, мы болѣе опасаемся той дипломатической кампаніи о которой намъ такъ заманчиво пишутъ изъ Берлина... Эта новая кампанія очень походитъ на исторію съ Лондонскимъ протоколомъ...

№ 123.

Москва, 21-го мая.

А.

Между тѣмъ какъ необыкновенные разливы рѣкъ, дожди и порча дорогъ замедляли военныя операціи, дипломатія не дремала. Не подлежитъ сомнѣнію что между великими державами все идутъ какіе-то переговоры. Разница между этими и прежними переговорами та что прежде газеты разглашали ихъ преждевременно, между тѣмъ какъ теперь соблюдается величайшая сдержанность. Бросивъ сперва вскользь извѣстіе объ этихъ переговорахъ, да и то какъ будто съ сомнѣніемъ, столь откровенная въ иныхъ случаяхъ и всезнающая англійская печать притихла, какъ будто ничего болѣе не знаетъ о нихъ и вовсе ими не интересуется. Австрійская офиціозная печать, проникающая даже въ несуществующія дипломатическія тайны, также молчитъ о переговорахъ.

Вотъ первый недобрый признакъ. Когда переговорами требовалось добиться серіозныхъ отъ Турціи гарантій, объ этихъ переговорахъ трубили заранѣе, какъ бы съ цѣлью помѣшать успѣху возбужденіемъ безконечныхъ толковъ которые обнадеживали Порту. Теперь же, какъ видно, гласностью боятся помѣшать цѣлямъ переговоровъ, изъ чего можно заключать что эти цѣли для насъ неблагопріятны.

Если англійскія и австрійскія газеты не сообщаютъ ничего о переговорахъ, то много толкуется объ интересахъ Англіи и Австріи, о необходимости оградить ихъ. На этихъ струнахъ и разыгрывается новая увертюра. Если вѣрить петербургской литографированной *Agence Générale Russe*, то происходящій между державами „обмѣнъ мыслей" касается соблюденія обоюдныхъ интересовъ. Этому не противорѣчитъ и туманное заявленіе Англійскаго правительства въ парламентѣ. Подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ, „имѣетъ основаніе думать" что ни Россія, ни какая-либо другая держава „не мечтаютъ" объ условіяхъ мира иныхъ чѣмъ тѣ на какія „вообще можетъ согласиться Европа." Изъ словъ г. Борка выходитъ что его правительство *имѣетъ основаніе* думать что хотя войну ведетъ Россія, но условія мира предпишетъ Англія. Странная претензія!

Россія, сколько извѣстно, не воюетъ съ Англіей или Австріей, слѣдовательно не можетъ трогать *ихъ* интересовъ. Обѣ эти державы сами предпочли остаться въ сторонѣ: о какихъ же англійскихъ и австрійскихъ интересахъ идетъ теперь рѣчь? Россія ведетъ войну, она жертвуетъ своею кровью: для англійскихъ ли интересовъ она

жертвуетъ своею кровью? Не оскорбительна ли для Россіи презумпція высказанная въ Англійскомъ парламентѣ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ?

Но вотъ является намъ въ утѣшеніе письмо изъ Берлина, которое напечатано въ нашемъ послѣднемъ нумерѣ. Германія, пишутъ намъ, является въ переговорахъ посредницей между Россіей и Англіей; она старается установить между ними соглашеніе касательно условій на которыхъ Англія будетъ сохранять нейтралитетъ. Побуждаетъ къ этой доброй услугѣ Германію общность интересовъ ея и Россіи, которые новыми обстоятельствами связываются еще болѣе чѣмъ прежде. Германія встревожена клерикальными интригами и попыткой къ устройству коалиціи направленной, съ одной стороны, противъ Германіи, а съ другой — противъ Россіи. И вотъ, Германія, столько же въ своемъ интересѣ сколько и въ нашемъ, старается разстроить коалицію, дѣйствуя на Австрію и Италію чтобы не дать въ нихъ преодолѣть ультрамонтанскимъ теченіямъ, и въ то же время заботясь о примиреніи Англіи съ Россіей.

Желаніе Германіи избѣгнуть внѣшнихъ замѣшательствъ и столкновеній, конечно, заслуживаетъ всякой хвалы. Только мы сомнѣваемся въ пригодности средства. Нашъ опытъ могъ бы послужить полезнымъ для Германіи урокомъ. Мы также задавались мыслью угодить всѣмъ и каждому чтобъ избѣжать столкновенія, и намъ это не удалось, ибо для того чтобы подружить съ Англіей требовалось безъ войны понести пораженіе. Мы опасаемся что такую же неудачу потерпитъ и германская дипломатія...

Безнадежность полюбовнаго соглашенія Англіи съ Россіей по восточнымъ дѣламъ не трудно видѣть изъ плановъ которые набрасываетъ вчерашнее письмо изъ Берлина. Выходитъ что Россія только затѣмъ и ведетъ войну чтобы насытить добрый аппетитъ Англіи. Ея государственные люди будто бы заботятся о томъ чтобы Россія не захватила Суэзскаго канала. Вы смѣетесь: когда же Россія замышляла захватить Суэзскій каналъ, и какъ это возможно? Но это только *manière de dire;* это собственно означаетъ что Англія сама хочетъ пріобрѣсти Суэзскій каналъ въ крѣпкое владѣніе. На Суэзскій каналъ Англія и такъ уже наложила руку, но пока онъ все-таки остается путемъ международнымъ. Въ рукахъ же Англіи, какъ ея полная собственность, разумѣется вмѣстѣ съ Египтомъ и Кандіей, онъ совершенно закрѣпостилъ бы ей все Средиземное море и соединилъ бы ее съ Индіей непрерывною линіей. Это должна ей обезпечить Россія. Но какъ Россія дастъ ей то что не находится у ней въ рукахъ? Въ вопросѣ о Суэзскомъ каналѣ и Египтѣ пожелаютъ дать голосъ и другія державы. Тутъ заинтересованы и Франція и Италія... Но куріознѣе всего продолженіе торга. Англія соглашается взять Суэзскій каналъ съ Средиземнымъ моремъ. Слава Богу! Но за это согласіе требуется вознаградить ее. И за эту тяготу она проситъ не малаго: она желаетъ получить Босфоръ съ Дарданеллами! Вотъ это торгъ, такъ торгъ! Въ добавокъ къ захвату Суэзскаго канала Англіи желательно еще заручиться протекторатомъ надъ Константинополемъ. И это называется переговорами для огражденія интересовъ! И для этого должна пролиться русская кровь! И въ этомъ будто бы обѣщается намъ доброе содѣйствіе Германіи! Спасибо...

Мы никакъ не можемъ взять въ толкъ въ чемъ же такъ благопріятно дипломатическое положеніе Россіи, какъ насъ увѣряютъ изъ Берлина? Намъ сулятъ что если переговоры не удадутся, то и Германіи придется выступить. А еслибъ удались, — что же мы пріобрѣтаемъ? Нейтралитетъ Англіи? Нѣтъ, избави Богъ отъ такого нейтралитета. Намъ нѣтъ надобности покупать его такою цѣной. Англіей пугаютъ насъ какъ малыхъ дѣтей; но намъ пора понять что она сама по себѣ безсильна причинить намъ существенный вредъ. Надобно только чтобы мы хорошо убѣдились въ этомъ, и роли съ разу перемѣнятся...

Б.

Смерть, значитъ отлетѣла душа, осталось тѣло. Съ нами случилось нѣчто наоборотъ. Умеръ нашъ Черноморскій флотъ: душа осталась, тѣло исчезло. Затоплены были въ Севастопольской бухтѣ наши корабли, но люди геройски бились на бастіонахъ Севастополя. Они потомъ разбрелись въ разныя стороны. Многихъ изъ этихъ героевъ уже нѣтъ на свѣтѣ; но доблестный духъ живетъ въ нашихъ морякахъ и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе...

У насъ нѣтъ флота, но у насъ есть моряки которымъ позавидовалъ бы всякій флотъ...

Кто говоритъ что мы не можемъ стать морскою націей, и что намъ будто бы слѣдуетъ не возстановлять и усиливать, а сокращать и разрушать наши морскія заведенія? Подвигъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова съ ихъ сподвижниками долженъ пристыдить этихъ малодушныхъ. Дайте тѣло этой душѣ, дайте достойныя суда этимъ морякамъ которые совершаютъ теперь на лодочкахъ чудеса самоотверженія и мужества, — и вы увидите чего можемъ мы достигнуть на морѣ, и какимъ подъемомъ силы и духа отзовется это въ жизни нашего народа и на всемірномъ положеніи Россіи.

Изъ Дѣйствующей Арміи, отъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, мы получили слѣдующую телеграмму, которую и спѣшимъ передать нашимъ читателямъ:

„*Галацъ*, 1 іюня (20 мая). Мы удостоились высокой чести получить отъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ поздравленіе съ успѣхомъ въ дѣлѣ въ которомъ лишь исполнили свой долгъ. Приносимъ горячую благодарность всѣмъ лицамъ и обществамъ за выраженное намъ сочувствіе. Мы просимъ извинить насъ за то что при всемъ желаніи не можемъ отвѣчать каждому отдѣльно. *Дубасовъ* и *Шестаковъ*.

„Просимъ и другія газеты перепечатать эту телеграмму.“

№ 125.

Москва, 21-го мая.

Кто не помнитъ съ какимъ азартомъ враждебная Россіи заграничная печать отстаивала „цѣлость и независимость“ Турціи. Въ ея неприкосновенности полагался ключъ европейскаго равновѣсія; въ ней видѣли надежнѣйшій оплотъ „европейской культуры“ противъ русскаго варварства. Наши друзья среди мадьярскихъ и англійскихъ политиковъ затыкали уши когда имъ говорили что Россія не ищетъ никакихъ завоеваній, и кричали что не вѣрятъ обѣщаніямъ Россіи. Была рѣчь о томъ что Австрія можетъ получить, не обнажая меча, цѣлую провинцію. *Timeo Danaos et dona ferentes*, восклицали и на это ревнители турецкой неприкосновенности, и особенно горячились мадьярская печать и венгерскіе „патріоты,“ доказывая что присоединеніе Босніи будетъ смертнымъ приговоромъ для Венгріи.

И вдругъ, по мановенію волшебнаго жезла, сцена перемѣнилась. И въ Австро-Венгріи, и въ Англіи о турецкой неприкосновенности нѣтъ болѣе рѣчи; и тамъ и здѣсь повели толки о томъ какую бы схватить долю турецкаго наслѣдства послѣ того какъ Турція падетъ подъ ударами русскаго оружія. Комбинацій придумывается много; но въ этихъ дѣлежахъ всегда предполагается что Россія будетъ довольна исполненіемъ своей миссіи состоящей де въ томъ что всѣ другіе разберутъ Турцію по частямъ. Австро-венгерская офиціозная печать уже изрекла свой приговоръ надъ Турціей. Она прикидывается что теперь только убѣдилась въ крайней расшатанности турецкаго государственнаго зданія. Вѣнская *Montags-Revue*, играющая среди многочисленныхъ органовъ вѣнской печати роль сходную съ таковою берлинской *Провинціальной Корреспонденціи*, посвятила въ нумерѣ отъ 28 мая, особую замѣтку послѣднимъ революціоннымъ попыткамъ въ Константинополѣ. Она находитъ что самое сильное пораженіе на полѣ битвы не могло бы столько повредить Турціи сколько послѣднія демонстраціи софтъ. Пораженіе со стороны болѣе сильнаго врага, разсуждаетъ *Montags-Revue*, не могло бы еще служить доказательствомъ противъ жизнеспособности турецкаго государства и противъ возможности его сохраненія и огражденія извнѣ. Но эти періодически возобновляющіяся революціонныя попытки внутри заставляютъ европейскую политику обратить свои взоры именно на этотъ пунктъ. „Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить чтобы *симпатіи* (симпатіи!) *Европы, коими пользовалась Турція, несмотря на всѣ свои тяжкія ошибки*, устояли и впредь въ виду внутренняго политическаго положенія, которое вчера ознаменовалось опрокинутіемъ престола, политическимъ убійствомъ, изгнаніемъ способнѣйшаго изъ государственныхъ людей, а сегодня разразилось вторженіемъ уличной толпы въ залу парламента.“ Замѣтка офиціозной газеты оканчивается удостовѣреніемъ что въ виду существующихъ обстоятельствъ Турція менѣе всего можетъ предаваться мечтаніямъ и должна окончательно отказаться отъ мысли о помощи со стороны.

Покончивъ такимъ образомъ съ химерой турецкой „неприкосновенности,“ офиціозная австро-венгерская печать не замедлила повести рѣчь „о способахъ“ обезпеченія австрійскихъ интересовъ на случай окончательнаго паденія турецкаго владычества. Въ послѣднее время много толковъ было объ образованіи особаго государства изъ Босніи, Герцеговины и *Сербіи*, подъ владычествомъ юнаго эрцгерцога Карла, племянника эрцгерцога Альбрехта и его наслѣдника. Но помимо фантастическихъ плановъ, любопытнѣе всего то что о необходимости присоединенія Босніи къ Австрійской коронѣ стали теперь проповѣдывать мадьярскіе органы. Тотъ самый *Пештскій Ллойдъ*, который такъ еще недавно почти открыто обвинялъ въ измѣнѣ эрцгерцога Альбрехта за то что онъ якобы стоитъ во главѣ такъ-называемой „военной партіи,“ съ самаго начала восточнаго кризиса стремящейся къ пріобрѣтенію Босніи,—этотъ самый *Ллойдъ* 29 мая напечаталъ на своихъ столбцахъ статью въ которой доказывается что присоединеніе Босніи было бы весьма выгодно для Австро-Венгерской монархіи. *Пештскій Ллойдъ*, слывущій органомъ министерства, разбираетъ тѣ аргументы которые до сихъ поръ выставлялись противъ подобнаго пріобрѣтенія съ венгерской точки зрѣнія, и останавливается главнымъ образомъ на двухъ изъ нихъ: вопервыхъ, что присоединеніе Босніи послужило бы сигналомъ для раздробленія Турціи, а вовторыхъ, что это повело бы къ усиленію Славянскаго элемента въ Австріи въ ущербъ Мадьярамъ. Противъ перваго аргумента пештская газета выражается прямо такъ: „теперь уже не время настаивать на неприкосновенности Турціи.“ Воевать для этого противъ Россіи Австріи нѣтъ возможности, а еслибы Турція вышла побѣдительницей изъ настоящей войны, то внутреннія неурядицы тамъ скоро возобновились бы и рано или поздно повели бы ко вмѣшательству Австріи. Вотъ почему *Пештскій Ллойдъ* думаетъ что цѣлость Турціи не можетъ уже болѣе служить руководящимъ принципомъ австрійской политики. Что же касается опасности отъ усиленія Славянскаго элемента, то *Пештскій Ллойдъ* находитъ наиболѣе удобнымъ устранить оную чрезъ включеніе Босніи въ число земель короны Св. Стефана. Вотъ какія изумительныя метаморфозы успѣла уже пройти та самая печать которая не далѣе какъ мѣсяцъ тому торжественно освящала братскій союзъ на жизнь и на смерть между Мадьярами и Турками!

Не менѣе изумительныя трансформаціи продѣлала въ это время и англійская печать. Органъ лорда Биконсфильда, *Standard*, который не менѣе мадьярскихъ газетъ отстаивалъ цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, столь же безцеремонно повелъ теперь рѣчь о „шкурѣ медвѣдя.“ Въ статьѣ появившейся 28 мая названная газета предвидитъ скорое паденіе Турціи подъ ударами Россіи, и въ отвѣтъ на вопросъ, какова въ этомъ случаѣ должна быть англійская политика, приходитъ къ заключенію что каковы бы ни были симпатіи (опять симпатіи!) Англіи къ Турціи, но своя рубашка ближе къ тѣлу, и Англія не можетъ допустить чтобы „благодаря ея чрезмѣрной совѣстливости (!) умалилось Британское могущество.“ „Если, сказано въ заключеніе статьи, прочія державы будутъ настаивать на раздѣлѣ Турціи, то мы возьмемъ себѣ ту часть ея которая намъ нужна, и эту часть мы сумѣемъ отстоять противъ цѣлаго міра.“

Но всего любопытнѣе то что газеты слывущія за офиціозные органы Россіи не только жмурятся въ виду этого знаменательнаго поворота, но, говоря о ближайшихъ послѣдствіяхъ предстоящей войны, тономъ авторитета продолжаютъ тянуть свои сладенькія „успокоительныя“ рѣчи о безкорыстіи Россіи и о полной солидарности ея интересовъ съ интересами Англіи на Востокѣ!

Въ газетѣ *Le Nord*, отъ 30 мая, находимъ корреспонденцію изъ Петербурга въ которой сказано слѣдующее: „Цѣль настоящей войны заключается единственно въ томъ чтобы достигнуть серіознаго улучшенія быта турецкихъ христіанъ при болѣе обширныхъ и болѣе дѣйствительныхъ гарантіяхъ нежели тѣ которыя заключались въ прежнихъ программахъ дипломатіи. Средства измѣнились, но цѣль осталась та же самая. Для достиженія ея Россія не только не имѣетъ надобности затронуть интересъ Англіи, но напротивъ сама имѣетъ интересъ *удовлетворить требованіямъ Англіи* (?!!) дабы тѣмъ скорѣе достигнуть указанной цѣли. Отвѣтъ который будетъ данъ Россіей на послѣдній запросъ Англіи будетъ таковъ что онъ долженъ совершенно успокоить Британскій кабинетъ.“

Если вѣрить газетѣ *Nord*, то наша главная забота въ томъ чтобъ „успокоить Британскій кабинетъ.“ А если вѣрить газетѣ *Standard*, то Британскій кабинетъ помышляетъ уже о томъ какую часть Турецкой имперіи, разрушенной силою русскаго оружія, должна захватить Англія. Австрійская доля добычи также опредѣлена, и разногласіе по этому пункту внутри самой Австріи устранено. Надо думать что ни Англія, ни Австрія не откажутся дать весьма обширныя гарантіи улучшенія быта *бывшихъ* турецкихъ христіанъ. Тогда и *Le Nord*, полагаемъ, „вполнѣ успокоится.“

№ 126.

Москва, 24-го мая.

При всякаго рода замѣшательствахъ въ которыхъ сталкиваются интересы великихъ державъ неизбѣжно приходится слышать праздно повторяемыя слова: Европа, воля Европы, рѣшеніе Европы, европейскіе интересы; а на повѣрку выходитъ что наша старая Европа сама раздирается антагонизмомъ, такъ что каждая партія въ ней толкуетъ по своему и волю, и общественный голосъ Европы, и европейскіе интересы, и подъ этими названіями выдаетъ то что ей пригодно для своихъ цѣлей.

Но обыкновенно упускаютъ изъ виду что теперь существуютъ цивилизованныя государства внѣ Европы, и одно изъ нихъ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, имѣетъ значеніе первоклассной державы. Правда, Соединенные Штаты обыкновенно въ европейскія дѣла не вмѣшиваются, и отвергаютъ европейское вмѣшательство въ дѣла Америки. Но такъ-называемое правило Монроэ дѣйствуетъ не безусловно. Уклоненіе отъ прямаго вмѣшательства въ европейскія дѣла не значитъ безучастное къ нимъ отношеніе. Въ дѣлахъ имѣющихъ всемірное значеніе Американцы несомнѣнно съ своей стороны заинтересованы, и интересъ ихъ всегда отзывается на дѣлахъ если не прямымъ, то косвеннымъ вліяніемъ. Соединенные Штаты служатъ какъ бы противовѣсомъ нашей политической системы, дающимъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Ни для кого не тайна, напримѣръ, что отреченіе Россіи отъ черноморскихъ статей Парижскаго трактата въ 1871 году, встревожившее Англію, дало Соединеннымъ Штатамъ отличный поводъ побудить Англію покончить затянувшуюся Алабамскую распрю полною уступкой всѣмъ ихъ требованіямъ.

Не безынтересно взглянуть и теперь какъ смотрятъ въ Америкѣ на нынѣшній Восточный кризисъ. Мы *a priori* могли быть увѣрены что ея сочувствіе будетъ на нашей сторонѣ. Такъ бывало прежде, въ Крымскую войну, во время Критскаго возстанія, и нѣтъ причинъ чтобы теперь было иначе. Вопросъ могъ быть только въ томъ, болѣе или менѣе интересуются теперь въ Америкѣ Восточнымъ вопросомъ чѣмъ при прежнихъ случаяхъ.

Не можемъ не обратить вниманія на статью одной изъ самыхъ распространенныхъ и вліятельнѣйшихъ органовъ, *New York Herald*, озаглавленную: „Американскій интересъ въ европейской войнѣ.“ Она обнаруживаетъ живой интересъ по ту сторону Атлантическаго Океана къ важнымъ событіямъ происходящимъ въ Европѣ, а еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе по взгляду на ихъ значеніе. Нью-йоркская газета свидѣтельствуетъ что Сѣверная Америка не одними торговыми выгодами заинтересована въ событіяхъ,—выгодами которыя она можетъ извлечь для себя въ качествѣ нейтральной стороны,—но и великими началами которыя связаны съ борьбою на Востокѣ.

New York Herald анализуетъ основанія давнишней связи между Соединенными Штатами и Россіей, не смотря на совершенное несходство ихъ учрежденій. Связь эта, по сужденію нью-йоркской газеты, обусловливается тѣмъ что во внѣшней политикѣ обѣихъ странъ нѣтъ ни одного пункта столкновенія. Но дѣятельное и живое взаимное сочувствіе ихъ еще не объясняется этими отрицательными только соображеніями. „Соединенные Штаты и Россія,“ такъ толкуетъ *New York Herald*, „суть двѣ растущія державы; и та и другая — Геркулесъ-младенецъ. Другія державы, какъ Германія въ послѣдніе годы, могутъ расти простымъ приращеніемъ (*accretion*), но Соединенные Штаты и Россія растутъ естественнымъ развитіемъ. Германія, напримѣръ, достигла степени грозной первоклассной державы въ 1870—71 году сплотивъ обломки Германской имперіи. Но Россія и Соединенные Штаты растутъ инымъ образомъ. Ни та, ни

„другая еще не достигли своего полнаго „развитія. И та, и другая обладаетъ об„ширнымъ пространствомъ неустроенной „или полузаселенной земли. У каждой есть „великолѣпныя средства, еще не вызван„ныя къ дѣлу. Каждой изъ нихъ суждено становиться съ каждымъ годомъ все „могущественнѣе здоровымъ естественнымъ „ростомъ, между тѣмъ какъ густо засе„ленныя страны Западной Европы не мо„гутъ увеличивать свое значеніе иначе „какъ присоединеніями или сплоченіями „подобными тѣмъ какія создали единую „Италію и единую Германію въ наше „время.“

New York Herald замѣчаетъ что западно-европейскія державы понимаютъ этотъ неизбѣжный законъ роста, и отсюда проистекаетъ, по сужденію этой газеты, ихъ неугомонная зависть къ двумъ молодымъ великимъ государствамъ. Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе какъ взаимное сочувствіе этихъ двухъ странъ въ виду соперниковъ лишенныхъ такой же превосходной способности внутренняго роста.

Въ примѣръ указывается что во время американской международной войны Англія и Франція желали успѣха Югу, потому что Соединенные Штаты казались имъ слишкомъ могущественными, но отъ содѣйствія распаденію республики ихъ удерживалъ хроническій страхъ Россіи, и этимъ положеніемъ объясняется доброе согласіе такъ давно утвердившееся между Россійскою имперіей и Американскою республикой. „Западно-европейскія державы,“ продолжаетъ *Herald*, „очень завидуютъ обо„имъ, и ихъ боязнь Россіи есть охрана „для Соединенныхъ Штатовъ.“

Замѣчательно что эти соображенія высказываются именно теперь, когда Соединеннымъ Штатамъ ничто не угрожаетъ. Но морское и торговое соперничество ихъ съ Англіей не можетъ прекратиться пока Англія будетъ безспорно властвовать на моряхъ. Эта мысль прямо не высказывается, но она подразумѣвается въ заключительныхъ замѣчаніяхъ нью-йоркской газеты. Въ Америкѣ, по свидѣтельству этого вліятельнаго органа, совершенно понимаютъ желаніе Россіи пріобрѣсти выходъ и морскіе порты на своей южной границѣ. Контроль Босфора, говоритъ *Herald*, столь же необходимъ для интересовъ Россіи какъ контроль устьевъ Миссисипи для Соединенныхъ Штатовъ. „Ни одинъ Американецъ не сомнѣвается,“ заключаетъ газета, „что еслибы Россія вла„дѣла Босфоромъ, то онъ сталъ бы важ„нымъ торговымъ пунктомъ, а также и въ „томъ что всѣ торговыя націи, въ томъ „числѣ и Соединенные Штаты, выиграли „бы отъ перемѣны. Это была бы побѣда „цивилизаціи надъ варварствомъ, промышленности надъ застоемъ, торговли надъ „отжившею системой угнетенія, христіан„ства надъ азіятскимъ фанатизмомъ. Аме„риканскій народъ полагаетъ что европей„ская зависть къ Россіи столь же нелѣ„па какъ европейская зависть къ Соеди„неннымъ Штатамъ, и въ настоящемъ „столкновеніи его просвѣщенное сочув„ствіе будетъ на сторонѣ Россіи.“

№ 127.

Москва, 25-го мая.

Много ухищреній было пущено въ ходъ нашими врагами чтобы поселить у насъ рознь между правительствомъ и народомъ, въ тотъ моментъ когда Сербія начала войну и когда Россія откликнулась на ея призывъ о помощи. Старались заподозрить дѣятельность Славянскихъ Благотворительныхъ Комитетовъ, толковали о какихъ-то панславистскихъ революціонныхъ обществахъ. Теперь, когда Россія обнажила свой мечъ, перемѣнились рѣчи ея враговъ, ехидно прикрывавшихся личиной дружбы къ ней и заботы о ея консервативныхъ началахъ. Теперь они съ довольнымъ самохвальствомъ повѣствуютъ о томъ какъ мудро поступила Турція подготовивъ еще до начала войны возстаніе въ русскихъ кавказскихъ провинціяхъ, съ какою предусмотрительностью она подвозила военные запасы возставшимъ горцамъ, и какъ ловко провозгласила о вербовкѣ польскаго легіона...

Неужели и теперь найдутся у насъ люди которые въ святомъ дѣлѣ освобожденія христіанскихъ народностей отъ гнуснаго ига будутъ видѣть крамолу и революцію? Неужели мы и теперь не захотимъ понять что эти народы — наши единственно-вѣрные союзники, и что они вмѣстѣ съ нами великая сила если только мы сами не будемъ обезсиливать и себя, и ихъ? Боснійскіе и Герцеговинскіе инсургенты уже снова дѣйствуютъ вмѣстѣ съ дружинами

Черногорскихъ героевъ. Но остается Сербія, остаются Ѳессалія и Эпиръ, остается Кандія, ждущія лозунга: *смерть или свобода*. Неужели мы оттолкнемъ этихъ рвущихся на бой людей, въ угоду дипломатіи?

Петербургскій телеграфъ, взявшій на этотъ разъ привилегію официознаго, спѣшитъ увѣрить Европу что Россія не поощряетъ Сербію примкнуть къ движенію, напротивъ, она не желала бы поощрять развитіе революціонныхъ и панславистскихъ (?) бандъ. Мы недоумѣваемъ что̀ это за мистификація. Какія въ Сербіи панславистскія революціонныя банды? Мы знаемъ что Сербія вмѣстѣ съ Черногоріей первыя пожертвовали кровью своихъ сыновъ на дѣло освобожденія христіанъ, за которое теперь стала Россія. Что̀ бы ни говорили, эта жертва Сербіи была не напрасна. Сербія изнемогла, но устояла. Что̀ удивительнаго что теперь, когда Румынія и Греція, остававшіяся въ бездѣйствіи, собираются пожинать плоды, что̀ удивительнаго если Сербія готовится поднять усталыя руки чтобы не быть на этомъ пиршествѣ послѣднею? Успокоительныя увѣренія посылаемыя по адресу Австріи не успокоятъ и не увѣрятъ никого. Намъ говорятъ что Австрія, соскучившись вынужденнымъ нейтралитетомъ, при которомъ у нея ускользаютъ одна за другою всѣ нити восточной политики, ищетъ только предлога вступить въ дѣйствіе, и первымъ предлогомъ послужитъ ей движеніе въ Сербіи. Въ Австріи не перестаютъ твердить что Восточнымъ кризисомъ затрогиваются ея жизненные интересы. Но мы не ошибемся если скажемъ что *самый жизненный* интересъ для Австріи — *не ссориться съ Россіей*. Своимъ противодѣйствіемъ она не остановитъ разложенія дряхлой Оттоманской имперіи, а только вызоветъ наружу элементы собственнаго своего разложенія. Если же она мудро сознаетъ это, то она не будетъ занимать Бѣлградъ въ то время какъ сербскіе баталіоны двинутся на Нишъ и Виддинъ...

Въ послѣдніе дни то и дѣло приходили изъ Аѳинъ телеграммы объ образованіи новаго кабинета. Мы знаемъ что Делигеорги уступилъ мѣсто коалиціонному министерству, которое наконецъ составилось по желанію патріотовъ. Вожди мелкихъ партій, и Кумундуросъ, и Делигеорги, и Трикупи (бывшій посломъ въ Константинополѣ), и Заими (долгое время президентъ палаты, также бывшій премьеромъ), примирили свои личныя несогласія въ виду важности обстоятельствъ и вошли въ составъ министерства подъ почетнымъ предсѣдательствомъ стараго Канариса, вождя временъ войны за освобожденіе Программа новаго кабинета — война съ Турціей. Во Франціи вполнѣ убѣждены въ этомъ. Въ Германіи *Norddeutche Allgemeine Zeitung*, повидимому болѣе въ пику Французамъ чѣмъ по убѣжденію, стоитъ на своемъ что даже и коалиціонное министерство не рѣшится дѣйствовать. Но дальнѣйшее разсужденіе этой газеты, близкой, какъ говорятъ, къ германскому канцлеру, не лишено интереса. Утверждая что Грецiя, какъ *государство*, даже при коалиціонномъ министерствѣ будетъ скорѣе склонна искать мирнаго соглашенія съ Турціей, берлинскій органъ замѣчаетъ: „Но если Греческое королевство, это несчастное твореніе черезчуръ осторожной (übervorsichtigen) дипломатій, и останется въ ожидательномъ положеніи, и такъ-называемое коалиціонное, министерство будетъ имѣть цѣлью только собрать всѣ силы страны чтобы въ удобный моментъ бросить на чашку вѣсовъ всѣ силы маленькой, но проникнутой *однимъ* чувствомъ и руководимой *одною* мыслію страны, то Грецiя не составляетъ еще всего эллинизма: она не болѣе какъ сравнительно малая кристаллизаціонная точка эллинскихъ стремленій. Гораздо бо́льшая половина Эллиновъ осталась подъ турецкимъ владычествомъ. Неоднократно повторявшіяся, кровавыя возстанія, каково было Кандіотское, правда не разъ приводили міръ къ убѣжденію что Эллинское населеніе Турціи не признаетъ и не можетъ признать человѣческимъ существованіе подъ турецкимъ владычествомъ; но было принято за правило не замѣчать конвульсій въ турецкихъ странахъ: такъ было удобнѣе, и подъ потоками крови, подъ пепломъ и развалинами были „успокаиваемы“ и Греки, точно также какъ вскорѣ поросли бы быльемъ трупы Босняковъ и Болгаръ, еслибъ обстоятельства сложились по желанію и взглядамъ тѣхъ политиковъ которые привыкли соображаться со своими удобствами. Въ этомъ-то населеніи Эллиновъ, болѣе чѣмъ въ самостоятельной Греціи, гдѣ воспоминаніе о турецкомъ гнетѣ и звѣрствахъ стало уже преданіемъ, событія на сѣверѣ должны были отозваться электрическимъ сотрясеніемъ...“

Союзники Турціи пугали Эллиновъ болѣе чѣмъ западную Европу призракомъ панславизма. До сихъ поръ эти внушенія встрѣчали благодарную почву въ дѣйствительно существующихъ мечтаніяхъ панэллинизма. Но дѣйствительно ли такъ велика пропасть между двумя племенами чтобъ имъ не раздѣлиться мирно въ наслѣдіи отцовъ? „Изъ хаоса событій на Востокѣ, говоритъ цитованная нами берлинская газета, начинаетъ пробиваться новая руководящая идея, прежде всего находящая себѣ выраженіе въ союзѣ Румыніи съ Россіей, а также и въ эллинскомъ движеніи: та идея что единоборство между Россіей и Турціей есть борьба *между Исламомъ и Христіанствомъ*. Отъ *серіозности, настойчивости и отъ успѣха направленныхъ сюда усилій* будетъ зависѣть до какого размѣра осуществится эта идея *возстановленія христіанства на Востокѣ*...“

№ 128.

Москва, 26-го мая.

Газета *Голосъ*, временно примолкшая, прошипѣла тотчасъ по объявленіи войны зловѣщее предсказаніе что дипломатія не считаетъ своего дѣла конченнымъ, что она возьметъ въ свои руки направленіе военными дѣйствіями, причемъ заботой ея конечно будетъ не желаніе вести войска къ побѣдѣ,—это не дѣло дипломатіи,—а угодить интересамъ намъ чуждымъ и враждебнымъ, затормозить военныя операціи и сдѣлать напрасными самоотверженныя жертвы русскаго воинства и народа... Мы были испуганы этимъ предсказаніемъ, и не хотѣли вѣрить ему. Но съ замолкшею на время газетой *Голосъ* не замолкъ духъ ее вдохновлявшій. Ничѣмъ не смущаясь, онъ продолжалъ изрекать свои желанія и надежды въ корреспонденціяхъ изъ Петербурга въ бельгійскую газету *Nord*. Если вѣрить имъ, то не англійская, не враждебная намъ дипломатія, а мы сами будто бы хлопочемъ о томъ какъ бы удовлетворить требованіямъ Англійскаго правительства. А чтобы вѣрнѣе устроить это, досужая дипломатія и войну не позволяетъ вести какъ водится; она разрѣшаетъ только, говоря попросту, побаловаться войной, *немножко* повоевать ради приличія, полагая что именно это будто бы „*дастъ возможность* заключить справедливый и достойный миръ.“

Господа офиціозные корреспонденты прежде всего доказывали что мы не хотимъ и *не можемъ* воевать, и довели насъ до войны. И вотъ теперь, когда неисповѣдимою волей Провидѣнія намъ суждено совершить тяжкій, но великій подвигъ, и когда все, и неизмѣнившаяся доблесть нашего воинства, и небывалое воодушевленіе Русскаго народа, откликнувшагося какъ одинъ человѣкъ на зовъ Монарха, и наконецъ самое распредѣленіе силъ на политической шахматницѣ Европы, словомъ, когда все доступное человѣческому предвидѣнію предвѣщаетъ Россіи успѣхъ, и славный успѣхъ въ ея великомъ дѣлѣ, когда народы Востока призываютъ благословеніе Божіе на ея знамена, и ждутъ не дождутся ея мощнаго движенія на ихъ освобожденіе, теперь, въ эту торжественную минуту, этотъ недостойный лепетъ болѣе зловреденъ чѣмъ прежде; скажемъ прямо, онъ преступенъ. Петербургскій корреспондентъ *Nord*, позволяющій себѣ говорить за русскую дипломатію и разглашающій на весь міръ намѣренія которыя онъ ей приписываетъ, долженъ знать что въ военное время всякія дѣйствія направленныя во вредъ военныхъ операцій наказуются наравнѣ съ дезертирствомъ, и что при обсужденіи условій мира потворство враждебнымъ интересамъ всегда считалось измѣной своему отечеству. Оставьте лучше все это говорить лорду Биконсфильду и газетамъ въ родѣ *Débats*, *Pall Mall* или *Пештскаіо Ллойда*. Пусть бы ужь тѣ кому дороги эти интересы обращались со своими настояніями къ Россіи; зачѣмъ же вы, съ такимъ настойчивымъ убѣжденіемъ, заставляете русскую дипломатію забѣгать на задворки и тревожиться о чуждыхъ намъ интересахъ?..

Кровь русская уже пролилась, нѣсколько сотъ жизней уже положили себя на алтарь святаго дѣла. Кто дерзнетъ сказать что эта русская кровь пролилась для успокоенія англійскихъ интересовъ? Кто помыслитъ что жертвуемыя безъ конца Русскими людьми копѣйки и милліоны имѣютъ своимъ назначеніемъ насытить англійскую алчность? Можно ли говорить что не имѣется въ виду доводить войну до крайности въ ту минуту когда врагъ вторгся въ наши предѣлы? Возможно ли, наконецъ, обмануть надежды возбужден-

ныя въ сердцахъ страдальцевъ-христіанъ вѣстію о приближеніи русской арміи, и вмѣсто освобожденія утѣшать ихъ сладкою рѣчью о „справедливомъ“ мирѣ, да о томъ что „Россія имѣетъ несомнѣнный (!) интересъ (!!) дать полное удовлетвореніе желаніямъ Англійскаго правительства.“

Слухи о попыткахъ къ возобновленію переговоровъ мы узнали ранѣе чѣмъ о нихъ заговорили въ газетѣ *Nord*. Мы хотимъ вѣрить что всѣ эти попытки останутся тщетными и встрѣтятъ твердый отпоръ. Но потому-то именно эти петербургскія корресподенціи съ претензіей на офиціозность и возбуждаютъ въ русской средѣ такое негодованіе что онѣ компрометтируютъ русскую политику и дипломатію. Пишущіе эти статейки и того не замѣчаютъ что они сами разрушаютъ цѣль своихъ пламенныхъ желаній. Ужь если они такъ страстно жаждутъ конца войны, то какой разчетъ показывать это противнику?..

Всѣ эти самозванныя истолкованія намѣреній Россіи положительно зловредны. Цѣли своей, мы убѣждены, они достигнуть не могутъ и не остановятъ русскаго дѣла на полупути, ибо не въ этихъ рукахъ направленіе событій. Но они могутъ много вредить и портить, усложняя и путая дѣло. Это забѣганіе къ Европѣ, которая между тѣмъ знать не хочетъ чтобы мы дѣйствовали отъ ея имени (что для насъ выгодно, и чѣмъ мы должны бы пользоваться), только даетъ Туркамъ увѣренность въ ничтожности результатовъ какихъ можетъ добиться Россія...

№ 129.

Москва, 27-го мая.

До насъ дѣйствительно доходятъ вѣсти что Британское правительство, какъ видно, встревоженное грознымъ оборотомъ событій на Востокѣ, передало или намѣрено передать какія то мирныя предложенія нашему правительству отъ имени Турціи. Въ чемъ эти условія мы не знаемъ, но такъ какъ ихъ предлагаетъ Англія, изобличая такимъ образомъ свою заботливость о Турціи, то едвали они могутъ быть благопріятны для цѣлей начатой нами войны. Между тѣмъ и печать заграницей вновь заговорила о дипломатическихъ сношеніяхъ. Важнѣе для насъ самый фактъ что эти попытки дѣлаются именно теперь. Если одно объявленіе войны и сосредоточеніе нашихъ силъ уже принесло такой результатъ, то чего же не можемъ мы ожидать отъ успѣховъ нашей арміи?

Мы сомнѣваемся чтобъ условія такой отсрочки Восточнаго вопроса могли удовлетворить требованіямъ Россіи; но забавнѣе всего что эта тревога и заботливость объ отсрочкѣ не высказываются прямо, а пускается въ ходъ обманъ, и извѣстная часть заграничной печати тщится доказать будто мы встревожены, будто мы опасаемся, и не знаемъ какъ бы скорѣе бѣжать назадъ съ Дуная. Это дѣлается такъ грубо что невольно спрашиваешь себя: да кого же тутъ обманываютъ?

Вотъ обращикъ: Парижскій корреспондентъ *Times* посвящаетъ публику во всѣ тайны, раскрывая ей *опасныя* для Россіи послѣдствія ея предпріятія, коихъ, по его словамъ, она можетъ избѣжать только „быстрымъ и энергическимъ ограниченіемъ своихъ дѣйствій.“ Страшно, но подозрительно: еслибы намъ грозили такія бѣды, то не въ газетѣ *Times* стали бы о насъ заботиться. Послушаемъ далѣе. „Очевидно „что въ тотъ день когда Сербія приметъ „участіе въ войнѣ или румынскія войска „перейдутъ Дунай, Австрія займетъ одно „или оба княжества.“ И вотъ, повѣствуетъ корреспондентъ, Россія, поэтому намѣрена *остановить* армію послѣ первой побѣды, быстро повести переговоры съ султаномъ и покончить войну прежде чѣмъ она приведетъ къ этимъ „угрожающимъ компликаціямъ.“ Мало того, онъ утверждаетъ будто уже теперь „разосланъ русскій цир„куляръ, отвѣчающій на возраженіе Ан„гліи (?) и основанный на заявленіяхъ „англійскихъ (?) министровъ, и что цир„куляръ этотъ успокоитъ Англію и Ев„ропу, пока первая побѣда не дозволитъ „покончить войну удовлетворивъ національ„ную гордость Русскаго народа.“ Замѣтьте: насъ заставляютъ вдругъ успокоивать Англію начавъ рѣчь объ угрозахъ со стороны Австріи. Но послушайте далѣе, и маневръ совершенно объяснится. Предвидятся де въ то же время и препятствія къ отступленію. Въ чемъ же? Со стороны нашихъ враговъ? О, нѣтъ! „Опасаются „что воодушевленіе Русскаго народа и „энтузіазмъ арміи явятся препятствіями для „скораго заключенія мира.“ Такъ вотъ въ

чемъ дѣло! Угрозы Австріей употреблены чтобъ объяснить необходимость для Россіи отступить, а объ этомъ отступленіи хлопочутъ потому что опасаются одушевленія Русскаго народа и энтузіазма нашей арміи и стало-быть успѣха русскаго дѣла.

Насъ, какъ малыхъ дѣтей, пугаютъ то Англіей, то Австріей, и соблазняютъ какъ игрушкой позволеніемъ удовлетворить „первою побѣдой“ нашей національной гордости...

Запугиванія еще забавнѣе. Не будемъ много говорить объ Австріи, и укажемъ только на вчерашнее письмо нашего вѣнскаго корреспондента которое рисуетъ въ разительномъ контрастѣ съ цѣльною и единою въ своемъ чувствѣ Россіей смятеніе господствующее въ разноязычной Габсбургской монархіи. Нѣтъ, не этимъ раздѣлившимся въ себѣ царствомъ стращать насъ...

Насъ пугаютъ Англіей, но что можетъ сдѣлать намъ Англія однѣми своими силами? Со всѣмъ своимъ флотомъ, въ открытой войнѣ, весь вредъ какой она способна причинить намъ будетъ развѣ немногимъ болѣе того что мы уже терпимъ отъ турецкаго флота. Она можетъ, цѣной громадныхъ напряженій, блокировать наши порты, прекратить наше ничтожное торговое судоходство, сжечь два, три доступные выстрѣламъ морскіе пункта, и только. Мы отнюдь не преувеличиваемъ нашей недоступности для англійскаго оружія. Таково впечатлѣніе и постороннихъ людей. Въ *New York Herald*, еще отъ 28 апрѣля, было приведено безпристрастное и подробное перечисленіе морскихъ силъ Россіи, Англіи и Турціи, и сравненіе ихъ приводило американскую газету къ заключенію что громадный флотъ грозныхъ англійскихъ броненосцевъ совершенно безполезенъ на ограниченной поверхности операцій представляемой Балтійскимъ и Чернымъ морями, а такъ какъ они глубоко сидятъ въ водѣ, то они не могутъ приближаться къ мелководнымъ русскимъ гаванямъ загражденнымъ торпедами. Къ тому же участь двухъ турецкихъ большихъ броненосцевъ, взорванныхъ помощью ничтожныхъ средствъ, возбуждаетъ сомнѣніе, не потрачены ли даромъ милліоны на эти морскія чудища, столь легко уязвимыя и такъ мало вредныя для непріятеля.

Мы же, съ своей стороны, могли бы причинить Англіи неисчислимый вредъ угрожая ея всемірной торговлѣ и военными крейсерами и *нанятыми судами*, которыя, по примѣру Германіи, могутъ замѣнить каперовъ. Не было бы парадоксомъ сказать что открытая вражда Англіи была бы для насъ гораздо менѣе опасна чѣмъ ея злокозненная дипломатія.

А наконецъ война за Турцію далеко не была бы популярна въ Англіи и встрѣтила бы сильнѣйшую оппозицію. Г. Гладстонъ серіозно принялъ въ свои руки народную агитацію противъ туркофильской политики кабинета, и пріемъ какой онъ встрѣтилъ въ Бэрмингамѣ показываетъ что и Англія раздѣлилась сама въ себѣ. Это понимаютъ туркофилы, и ихъ злоба на г. Гладстона сильнѣе даже чѣмъ противъ Россіи. Слушать г. Гладстона собираются по 30.000 человѣкъ всякаго званія и состоянія. Могутъ ли его противники, спрашиваетъ даже *Times*, созвать подобный народный митингъ въ пользу своего мнѣнія?

Стараясь поладить съ кабинетомъ Беконсфильдъ-Дарби, мы пошли бы на сдѣлку съ Англіею намъ враждебною, и оттолкнули бы отъ себя ту Англію съ которою дѣйствительно могли бы идти вмѣстѣ. Мы поддержали бы нашихъ враговъ въ ихъ борьбѣ съ нашими друзьями. А между тѣмъ г. Гладстонъ торжественно объявляетъ что нынѣшняя палата перестала служить вѣрнымъ представительствомъ страны, и требуетъ ея распущенія. Не можетъ же государственный человѣкъ такой силы какъ г. Гладстонъ не знать настроенія страны, и требовать обращенія на ея судъ не имѣя увѣренности что она осудитъ нынѣшнее министерство.

№ 130.

Москва, 28-го мая.

Дипломатія снова выступила на первый планъ. Въ этомъ теперь уже трудно сомнѣваться, такъ какъ это подтверждается самыми сдержанными изъ офиціозныхъ иностранныхъ газетъ. Такъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, отъ 2-го іюня, заявляетъ что „усиліямъ дипломатіи удалось перемѣстить центръ тяжести Восточнаго вопроса изъ сферы военныхъ дѣйствій обратно въ область международныхъ переговоровъ.“ Но въ чемъ заключаются эти переговоры, объ этомъ сообщается такая

масса разнообразныхъ и противорѣчивыхъ слуховъ что схватить тутъ какую-либо нить правды нѣтъ возможности. Впрочемъ, о правдѣ едва ли кто изъ многочисленныхъ вѣстовщиковъ и заботится. На наивность читающей публики давно уже перестали разчитывать, и всѣ эти извѣстія изъ „достовѣрныхъ источниковъ“ суть сами для себя цѣль, и входятъ въ составъ той игры которая сопровождаетъ международную интригу именуемую дипломатическими переговорами. Всѣ эти разнообразные слухи имѣютъ лишь то значеніе что ими подтверждается возобновленіе интриги.

Но если ближе всмотрѣться въ свойство и содержаніе „официозныхъ“ сообщеній, то оказывается что самыя *невинныя* и обидныя для Россіи программы исходятъ отъ корреспондентовъ газетъ слывущихъ за русскіе официозные органы. Враждебныя же Россіи газеты, принимая конечно къ свѣдѣнію „миролюбивыя“ разглагольствія петербургскихъ корреспондентовъ газеты *le Nord*, повидимому придаютъ имъ мало вѣры, и это недовѣріе уже не объясняется, какъ прежде, „вѣроломствомъ“ Россіи, а совсѣмъ иными соображеніями, и главнымъ образомъ сознаніемъ что дѣло зашло слишкомъ далеко, и что возстановленіе *status quo* на Востокѣ, въ этой Оттоманской имперіи грозящей рухнуть со дня на день, уже невозможно. Сверхъ того, невольно бросается въ глаза контрастъ между свѣдѣніями идущими будто бы изъ Петербурга и тѣми комбинаціями о коихъ упоминается въ прочихъ обычно-сдержанныхъ иностранныхъ органахъ. Такъ, нельзя было не обратить вниманія на сообщеніе *Wiener Abendpost* отъ 1-го іюня, основанное на корреспонденціи изъ Петербурга. Хотя въ ней также говорится что русское правительство озабочено изысканіемъ средствъ къ скорѣйшему возстановленію мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ категорически опровергаются всѣ слухи о переговорахъ насчетъ установленія демаркаціонной линіи, и прибавлено что война будетъ пока продолжаться со всею энергіей. Лишь по окончаніи войны, Россія намѣрена де доказать Европѣ свое безкорыстіе призвавъ ее къ участію въ установленіи судьбы христіанскихъ провинцій Турціи на международномъ конгрессѣ, причемъ имѣется въ виду будто бы слѣдующій проектъ: установленіе протектората всей Европы надъ Константинополемъ съ тѣмъ что всѣ Дарданельскія укрѣпленія будутъ срыты и проливы будутъ объявлены столь же свободными какъ и Зундскіе послѣ отмѣны Зундскихъ пошлинъ. Вчера мы сообщили со словъ иностранныхъ газетъ получающихъ внушенія отъ разныхъ правительствъ, нѣкоторыя другія комбинаціи болѣе или менѣе рѣшительнаго свойства. Всѣ эти программы имѣютъ ту общую черту что въ нихъ нѣтъ болѣе рѣчи ни о Берлинскомъ меморандумѣ, ни о Константинопольской конференціи. Весь этотъ миражъ считается всѣми разсѣяннымъ послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ,—всѣми кромѣ газеты *Nord*, слывущей услужливымъ органомъ русской дипломатіи.

Даже въ англійской печати произошла рѣзкая перемѣна. Это всего болѣе замѣтно изъ тона и окраски тѣхъ извѣстій которыя сообщаются этою печатью съ Востока. Еще въ началѣ войны, англійскія туркофильскія газеты старались поддержать кредитъ Турціи сообщеніями о небывалыхъ успѣхахъ турецкаго оружія и преувеличенными описаніями ея боевыхъ силъ. Теперь совсѣмъ не то. Въ англійскихъ газетахъ не рѣдко встрѣчаются теперь извѣстія совершенно противоположнаго свойства. И что всего замѣчательнѣе: въ этихъ извѣстіяхъ замѣчается *тенденція* представить положеніе дѣлъ въ Турціи въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Такъ на дняхъ сообщено было о донесеніи англійскаго военнаго уполномоченнаго при азіатской главной квартирѣ турецкой арміи, въ коемъ будтобы сказано что Турки въ Азіи не долго будутъ въ состояніи оказывать Русской арміи сколько-нибудь дѣйствительное сопротивленіе. А о положеніи дѣлъ въ Европейской Турціи *Рейтерово Агентство* сообщило слѣдующую частную телеграмму изъ Сиры отъ 2-го іюня: „Въ средѣ турецкихъ чиновниковъ и вообще лицъ имѣющихъ сношенія съ правительствомъ господствуетъ полное уныніе, ибо для всѣхъ становится очевиднымъ что Турція не имѣетъ возможности сопротивляться Россіи. Надежда на то что занятіе Сухумъ-Кале поведетъ къ возстанію всего Кавказскаго населенія оставлена, такъ какъ мятежные Черкесы уже начинаютъ изъявлять покорность. Турція безсильна матеріально и не можетъ надолго поддерживать борьбу если никто не придетъ къ ней на помощь; нравственная же немощь ея сказывается въ отсутствіи способныхъ военачальниковъ, въ медленности военныхъ операцій и во

внутреннихъ смутахъ." Такого рода „откровенности" о Турціи мы не привыкли встрѣчать въ англійскихъ извѣстіяхъ, и надо думать что подобныя „общія характеристики положенія дѣлъ" распространяются не даромъ чрезъ посредство преданнаго правительству телеграфнаго агентства. Во всякомъ случаѣ, трудно допустить чтобъ это дѣлалось въ виду возможности свести все дѣло на нѣтъ, о чемъ трактуется въ петербургскихъ корреспонденціяхъ брюссельской газеты.

Послѣднія извѣстія изъ Аѳинъ увѣдомляющія о паденіи недавно образованнаго кабинета Кумундуроса и о составленіи коалиціоннаго министерства изъ представителей всѣхъ партій подъ президентствомъ ветерана-бойца за греческую независимость, Канариса,—также указываютъ что пробилъ часъ турецкаго владычества въ Европѣ. Престарѣлаго Канариса сравниваютъ съ генераломъ Эспартеро въ Испаніи, и соединеніе подъ его водительствомъ всѣхъ разнородныхъ политическихъ фракцій служитъ доказательствомъ что вопросъ о войнѣ съ Турціей есть дѣло рѣшенное въ Греціи. На эту воинственную политику пошелъ и глава недавно (30-го мая) павшаго кабинета, г. Делигеорги, вступившій въ составъ новаго кабинета, и который во все время сербской войны и дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ теперешней войнѣ, держался противоположной политики—дружбы съ Портой, отъ которой онъ надѣялся получить мирнымъ путемъ, въ награду за эту дружбу, Ѳессалію и Эпиръ.

Разчеты Грековъ были основаны на томъ что европейскія державы, и главнымъ образомъ Англія съ Австріей, не допустятъ вмѣшательства Россіи въ пользу турецкихъ Славянъ. Сохраняя дружбу съ Турціей, они думали добиться безъ войны увеличенія своей территоріи... Убѣдившись теперь что разчетъ этотъ былъ невѣрный, Греки немедленно перемѣнили фронтъ.

№ 132.

Москва, 30-го мая.

Телеграфъ извѣстилъ насъ о возвращеніи графа Шувалова въ Лондонъ; берлинскія же газеты вчера нами полученныя и берлинскій корреспондентъ нашъ сообщаютъ что русскій посолъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Берлинъ во вторникъ, 5 іюня, вечеромъ, остановился въ домѣ русскаго посольства и на другой день въ 12 ч. дня продолжалъ свой путь въ Лондонъ. На этотъ разъ графъ Шуваловъ „никого въ Берлинѣ не посѣщалъ и никого не принималъ."

Вообще, и главнымъ образомъ судя по тону враждебныхъ Россіи газетъ въ послѣдніе дни, шансы дипломатіи повидимому понизились, и это подаетъ туркофильскимъ органамъ поводъ къ элегіямъ разнаго рода. Такъ *Neue Freie Presse*, отъ 6 іюня, плачется на то что Турція повидимому всѣми покинута; ей особенно прискорбно что англійскія газеты значительно понизили тонъ, что и газета *Times* стала очень хладнокровно разсуждать объ ожиданномъ вторженіи русской арміи за Дунай и даже о возможности занятія Константинополя русскими войсками. *Neue Freie Presse* чуть не съ рыданіями признаетъ что дѣло до того дошло что англійскій первенствующій органъ можетъ безъ судорогъ высказать мысль что казацкія лошади можетъ-быть утолятъ жажду въ Прѣсныхъ Водахъ. Вѣнская газета, считая себя покинутою своими англійскими союзниками, обращаетъ свой гнѣвъ — на кого бы вы думали? на турецкое правительство! Являя примѣръ гражданскаго мужества, *Neue Freie Presse* съ яростью опрокидывается на своихъ благодѣтелей и принимая подъ свою защиту „самоотверженный Оттоманскій народъ," обзываетъ турецкое правительство „толпой невѣжественныхъ, алчныхъ и продажныхъ (!!) царедворцевъ." Есть и другіе признаки указывающіе на то что друзьямъ Турокъ не весело на душѣ. *Пештскій Ллойдъ* приводитъ корреспонденцію изъ Берлина, отъ 3 іюня, въ которой сообщается что князь Бисмаркъ самымъ рѣшительнымъ образомъ рекомендовалъ представителямъ Англіи и Австро-Венгріи доброе согласіе съ Россіей, и высказалъ предъ ними желаніе полнаго успѣха русскому оружію. *Пештскій Ллойдъ* разразился по этому поводу исполненною желчи статьей, направленною противъ Германіи—явленіе за послѣдніе годы небывалое въ австро-венгерской печати. Пештскій органъ напускаетъ на себя по этому поводу оскорбленное чувство „австро-венгерскаго" національнаго достоинства, и доказываетъ

что Габсбургская монархія, пользуясь чьею-либо дружбой, „платитъ равнымъ за равное и не нуждается ни въ чьей милости,“ и что она никогда не унизится до того чтобы по вопросамъ о своихъ жизненныхъ интересахъ подчиняться чужимъ внушеніямъ. По дѣламъ Востока, болѣе чѣмъ по какимъ-либо другимъ, Австро-Венгрія обязана де, если не хочетъ отречься отъ самой себя, держаться *самостоятельной* политики собственныхъ интересовъ и добиться торжества оныхъ, „если можно мирнымъ путемъ, а если нужно то всею силой своего могущества.“ Дальнѣйшее все въ этомъ донкихотскомъ тонѣ, который тѣмъ забавнѣе что мадьярскіе рыцари печальнаго образа упражняются въ этихъ *родомонтадахъ* съ полнымъ „самосознаніемъ.“

Берлинская печать не оставила этой выходки безъ возраженія. „О чемъ шумите вы?“ спрашиваетъ *National-Zeitung*, тономъ высокомѣрнаго пренебреженія, и приходитъ къ заключенію что „духъ мадьярскаго безкровнаго забіячества, дойдя до крайнихъ предѣловъ своего напряженія противъ Россіи, ищетъ себѣ выхода въ нападкахъ и на Германію.“ Берлинская газета полагаетъ что эта невинная забава не стóитъ вниманія.

Рядомъ съ этимъ мы не можемъ не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаній высказанныхъ тою же берлинскою газетой по поводу мирныхъ толковъ возбужденныхъ въ послѣдніе дни въ европейской печати, а также слуховъ о соглашеніи съ Англіей, слуховъ кои были поддержаны въ особенности благодаря пресловутымъ „офиціознымъ“ корреспонденціямъ газеты *Nord*. „Многоразличные слухи,“ говоритъ названная газета, „по поводу отвѣта который имѣетъ передать графъ Шуваловъ Лондонскому кабинету, до такой степени лишены всякой фактической подкладки что было бы слишкомъ рискованно связывать съ ними какія бы то ни было комбинаціи. Одного лишь нельзя не отмѣтить: это то что теперь болѣе не слышно о *демаркаціонныхъ линіяхъ* о коихъ было такъ много толковъ. Мы съ самаго начала не хотѣли вѣрить чтобы Россія добровольно согласилась привязать себя къ предложенному ей шнурку, посредствомъ котораго Англія могла бы въ удобную для себя минуту удержать ее отъ движенія впередъ.“

А по поводу толковъ о мирѣ и неудовольствія единодушно сказавшагося въ виду оныхъ въ русской печати, *National-Zeitung* замѣчаетъ слѣдующее:

„Если припомнимъ и безпристрастно оцѣнимъ ходъ переговоровъ между Россіей и европейскими державами, то нельзя не согласиться что неудовольствіе порожденное теперь въ русской печати вполнѣ послѣдовательно. Правда, возраженія противъ всякаго миролюбиваго посредничества исходятъ отъ людей которые съ самаго начала желали войны; но тѣмъ болѣе они правы теперь ревниво отвергая всякія попытки отнять у войны ея настоящую цѣль. Послѣ всѣхъ громадныхъ жертвъ принесенныхъ страной, послѣ энтузіазма возбужденнаго въ народѣ, который смотритъ на настоящую войну какъ на великую національную борьбу, послѣ блестящихъ надеждъ порожденныхъ военными успѣхами, было бы совершенно несправедливо требовать чтобы Русскій народъ равнодушно смотрѣлъ *какъ за зеленымъ столомъ дипломатіи будетъ испорчено то что пріобрѣтено на полѣ брани.*“

Это сужденіе чужеземнаго органа мы рекомендуемъ особенному вниманію *нашихъ* „офиціозныхъ“ органовъ за границей и ихъ петербургскихъ внушителей.

Объ образѣ дѣйствій Италіи по Восточному вопросу доходятъ извѣстія которыя также нельзя не признать благопріятными. Вѣнская газета *Fremdenblatt* сообщаетъ что Итальянское правительство, слѣдящее особенно зорко за Тунисомъ, такъ какъ эта страна всегда считалась подлежащею прямому вліянію Италіи, успѣло отговорить тунисское правительство отъ посылки войска на помощь Турціи, несмотря на то что въ Константинополѣ уже было офиціально возвѣщено объ ожидаемомъ прибытіи тунисскаго контингента.

Но лишившись помощи Тунисскаго бея, Турецкій султанъ за то окончательно пріобрѣлъ союзника въ лицѣ Римскаго папы. Та же вѣнская офиціозная газета сообщаетъ, отъ 5 іюня, что на дняхъ предстоитъ установленіе формальнаго соглашенія между Оттоманскою Портой и папскою куріей, по предмету правъ католической церкви въ Турціи. Оттоманское правительство соглашается принять въ свое руководство по дѣламъ церковнымъ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, папскую буллу *Reversurus*. Издержки этого соглашенія,

прибавляетъ названная газета, понесетъ прежде всего армянская церковь въ Турціи, „подозрѣваемая въ сочувствіи Россіи.“

Какъ ни знаменательно это формальное соглашеніе между главой Ислама и римскимъ первосвященникомъ въ такую минуту, однако позволительно сомнѣваться чтобы доблестное воинство собранное подъ знаменемъ пророка получило чрезъ это какое-либо существенное подкрѣпленіе.

№ 133.

Москва, 31-го мая.

Среди хаоса предположеній о существѣ возникшихъ какихъ-то новыхъ дипломатическихъ переговоровъ начинаетъ пробиваться проблескъ свѣта, и при слабомъ мерцаніи его уже можно догадываться что эти переговоры вовсе не имѣли такого удовлетворительнаго для чуждыхъ намъ интересовъ характера въ какомъ представляли ихъ нѣкоторыя „услужливыя“ корреспонденіи изъ Петербурга.

Изъ заграничныхъ, и притомъ вовсе не сочувственныхъ намъ газетъ видно что Русское правительство вовсе не искало возобновленія переговоровъ; напротивъ, графъ Шуваловъ повезъ въ Лондонъ только отвѣтъ на вопросы которые имъ же привезены были отъ Англійскаго правительства. Отвѣты на эти вопросы, повидимому, вовсе не были такъ пріятны нашимъ противникамъ какъ писали петербургскіе корреспонденты газеты *le Nord*. Въ этомъ отвѣтѣ находятся слова относящіяся къ возможности временнаго занятія Россіей Константинополя. Объ этомъ пишетъ парижскій корреспондентъ *Times*, замѣчая весьма разумно и какъ бы въ назиданіе нашимъ офиціознымъ публицистамъ: „какимъ образомъ Россія, на„ходясь въ войнѣ съ Турціей, могла бы „объявить *a priori* и публично, *coram populo* (такъ какъ Англійскій парламентъ „пожелалъ бы получить о томъ увѣдом„леніе), что она не пойдетъ въ Констан„тинополь? Такимъ заявленіемъ Россія ли„шила бы себя всякой надежды на заклю„ченіе мира, ибо нація знающая что ея „столица не рискуетъ быть занятою не„пріятелемъ была бы мало расположена „согласиться на условія побѣдителя.“ Парижскому корреспонденту *Times*, чтобы сколько-нибудь скрасить результатъ новой попытки Англійскаго правительства исторгнуть у Россіи какія-либо стѣснительныя обязательства, остается только предполагать что „въ крайнемъ случаѣ“ Россія могла дать Англіи увѣренія и *тайныя* (?) *гарантіи* на случай еслибы временное занятіе Константинополя могло показаться серіозно опаснымъ для британскихъ интересовъ.“ Слова „тайныя гарантіи“ явно не имѣютъ смысла.

Эти полупризнанія англійской печати какъ нельзя болѣе гармонируютъ и съ тѣми свѣдѣніями о которыхъ мы упоминали вчера на основаніи нѣмецкихъ источниковъ. Зачѣмъ же, спрашивается, петербургскія офиціозныя корреспонденціи такъ настойчиво хотѣли ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе Европы? Какая могла быть въ этомъ надобность? Къ чему нужно было это заискиванье? Ни русскимъ газетамъ, ни разнымъ петербургскимъ корреспондентамъ заграничныхъ изданій, не подобаетъ забѣгать съ уступками отъ имени Россіи. Ужь если имъ не терпится помолчать, то приличнѣе было бы преувеличивать требованія русскихъ интересовъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ и дѣлаетъ патріотическая печать другихъ странъ.

Но наши самозванные истолкователи намѣреній и политики Россіи понимаютъ все навыворотъ. Въ петербургской корреспонденціи, о которой насъ на прошлой недѣлѣ извѣщалъ телеграфъ и которую мы теперь имѣемъ предъ глазами, есть совершенно неумѣстная ссылка на слова сказанныя Государемъ Императоромъ въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ въ октябрѣ прошедшаго года. Вопреки баснямъ о завѣщаніи Петра Великаго и замыслахъ Екатерины II, Государь Императоръ указывалъ что русская политика не ищетъ завоеваній и пріобрѣтеній. Это было сказано чтобы побудить другія правительства, главнымъ образомъ Англійское, къ единодушному съ русскою политикой дѣйствію, дабы облегчить достиженіе цѣли справедливой и соотвѣтствующей требованіямъ европейской цивилизаціи и гуманности. Но если хотятъ ссылаться на прошлое, то слѣдовало припомнить каковъ былъ отвѣтъ на это прямодушное обращеніе. Англійскій первенствующій министръ тотчасъ же отвѣчалъ на это бравадой и грозилъ Россіи нѣсколькими войнами. Послѣдующія же дѣйствія Англійскаго правительства постоянно кло-

нились къ тому чтобы разстроить миролюбивыя усилія Россіи и довести ее до войны.

Теперь, когда война началась, кто можетъ сказать что она не приведетъ насъ ко многому, о чемъ мы не могли прежде и думать? Кто возьмется утверждать что то что вчера намъ представлялось нежелательнымъ не сдѣлается завтра необходимостью?

Англійская газета *Daily News* не считаетъ невозможнымъ что Турція послѣ новыхъ пораженій пожелаетъ искать мира, потому что для спасенія отъ гибели ей ничего не остается кромѣ крайне сомнительной надежды на англійское или австрійское вмѣшательство. „Въ настоящее время, „однакоже," продолжаетъ *Daily News*, „оба эти правительства кажется болѣе „заняты планами какъ обезпечить себѣ добычу отъ трупа чѣмъ заботами отгонять „отъ него орловъ." По всему судя, такъ и есть. И если Австрія кажется сама еще не знаетъ чего хочетъ, то Англія уже намѣтила себѣ Египетъ, съ Суэзкимъ каналомъ, даже съ Кандіей. А если это осуществится, если Англія заберетъ себѣ такимъ образомъ все Средиземное Море и поселится у самыхъ нашихъ воротъ, спрашивается, не станетъ ли для Россіи положительною необходимостью обезпечить себя въ Дарданеллахъ и Босфорѣ?

Говорятъ будто Порта дѣлаетъ намъ какія-то мирныя предложенія чрезъ посредство Англіи. Но что такое Порта въ настоящее время? Судя по всѣмъ извѣстіямъ, въ Константинополѣ господствуетъ невообразимое смятеніе. Турецкому правительству, съ одной стороны, грозитъ мятежъ мусульманской черни, а съ другой, его осаждаютъ совѣты и требованія наѣхавшихъ пословъ, изъ которыхъ у каждаго свой кандидатъ на великаго визиря. Съ какимъ правительствомъ вести намъ теперь переговоры когда оно завтра же можетъ быть низвергнуто, и кто знаетъ какой хаосъ можетъ возникнуть въ Турціи, какія новыя бѣдствія обрушатся на христіанъ? Могли ли бы мы быть увѣрены что, распустивъ армію, мобилизація которой стоила намъ не дешево, намъ вскорѣ не пришлось бы начинать дѣло сначала, можетъ-быть при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ чѣмъ теперь...

№ 134.

Москва, 1-го іюня.

Въ настоящую фазу военныхъ дѣйствій всѣ взоры съ тревожною заботливостью обращены на Черногорію. Пока на Дунаѣ наши войска дожидаются спада водъ, а Турки спокойно вылавливаютъ наши торпеды, пока въ Азіи дѣйствія замедляются трудными дорогами, а дипломатія старается успокоить Англію, тамъ, въ этомъ уголку, разобщенномъ и замкнутомъ, недоступномъ для помощи, кипитъ жестокій бой... Черногорцамъ пришлось отражать врага нагрянувшаго на нихъ съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и юга. Горные орлы не смутились и ринулись въ неравный бой. На югѣ воевода Божо Петровичъ побѣдоносно отбилъ Турокъ, наступавшихъ отъ Спужа, и поразилъ ихъ при Мильятѣ. Но болѣе ожесточенный бой пришлось выдержать Черногорцамъ на сѣверѣ, гдѣ несоразмѣрность силъ слишкомъ велика. Они бились геройски, но блескъ славы покупается ими цѣной существованія. 23 мая происходило ожесточенное сраженіе у Кристача, Дужскаго прохода и Горанска, продолжавшееся цѣлый день. Черногорцы одержали блестящіе успѣхи, положили на мѣстѣ множество враговъ, по инымъ извѣстіямъ до 2.000, отняли много оружія и знаменъ, но и сами понесли тяжелую потерю: ихъ пало убитыми и ранеными до 600 человѣкъ... Неудивительно что, несмотря на чудеса храбрости, они принуждены были податься назадъ, удержавъ однако за собой Дужскій проходъ.

Но вотъ сегодня приходятъ извѣстія о новыхъ битвахъ, поражающія ужасомъ. 10 іюня нов. ст. возобновилась у Кристача лютая битва. Страшно сказать, болѣе двухъ сутокъ, *пятьдесятъ пять часовъ*, дрались на ножахъ!.. *Политическая Корреспонденція*, получившая изъ Каттаро извѣстіе объ этомъ ужасномъ боѣ, передаетъ что съ обѣихъ сторонъ легли многія тысячи человѣкъ... А Черногорцевъ такъ не много, и конечно лучшіе и храбрѣйшіе изъ нихъ пали въ этомъ безпримѣрномъ бою! А ужаснѣе всего то что эта жертва крови принесена напрасно. Подавляющее численное превосходство непріятеля заставило Черногорцевъ отступить, и главная квартира князя Николая теперь перенесена изъ Планиницы у Никшича назадъ

въ Острогъ. Объясняется намъ откуда и взялось такое превосходство силъ у Турокъ. Кромѣ сѣвера и юга, на нихъ двинулась гроза еще съ востока, и въ Вассоевичи вторгся, во время боя, на подмогу къ Сулейманъ-пашѣ, корпусъ Мехмедъ-Али паши, отъ Сѣницы, которая лежитъ на юго-западной Сербской границѣ. Такимъ образомъ Турки потѣснили подавляющею численностью неуступчивыхъ въ бою богатырей, стянувъ изъ Албаніи, изъ Босніи и съ Сербской границы всѣ свои силы. Что бы ни писали о правительственной анархіи въ Константинополѣ, но Турки, какъ видно, отлично умѣютъ пользоваться временемъ, и по необыкновенному счастію представляющимися имъ способами чтобы дѣйствовать противъ своихъ непріятелей порознь. Они спѣшатъ какъ можно скорѣе раздавить Черногорцевъ. Ужели намъ, черезъ немного времени суждено будетъ услышать что не только всѣ геройскія усилія Черногорцевъ въ прошедшемъ году будутъ потеряны, но что имъ придется отстаивать шагъ за шагомъ свою родную землю и пасть до послѣдняго человѣка у самаго Цетинья!

Несчастная судьба этой горсти черногорскихъ героевъ, нашихъ самыхъ вѣрныхъ и неизмѣнныхъ союзниковъ! Злой рокъ тяготѣетъ надъ христіанскими княжествами Сербіи и Черногоріи. Имя—ему Австро-Венгрія... Въ прошедшемъ году, они съ самаго начала рвались на помощь страдающимъ братьямъ въ Турціи но ихъ удерживала дипломатія до той поры какъ Турки изготовились встрѣтить ихъ грозными силами. Тогда Турки съ такою же тактикой какъ теперь противъ Черногоріи, обрушились всею тяжестью на Сербовъ. Сербы были раздавлены, задымились сербскіе города и села, и только слово Россіи избавило княжество отъ конечной гибели. Зима затѣмъ прошла въ переговорахъ, которые не привели ни къ чему, и въ теченіе этой томительной неизвѣстности Сербія была вынуждена замириться съ Турціей. Черногорцы не успѣли этого сдѣлать. Они тогда еще не были доведены до крайности какъ Сербы, а мирныя условія Турокъ были слишкомъ несправедливы... Черногорцы встрепенулись когда наконецъ Россія объявила Турціи войну, и радостно снова схватились за свои ятаганы. Переходъ Русскихъ войскъ чрезъ границу радостно отозвался также и въ Сербіи, и можно было ожидать что и тутъ насъ встрѣтятъ союзники уже помѣрявшіеся съ непріятелемъ, уже не прежніе пахари съ кремневыми ружьями, а боевое, обстрѣленное и хорошо вооруженное войско. Но дипломатія постаралась сдѣлать все чтобъ удержать Сербовъ отъ войны. Въ началѣ Турки не слишкомъ этому довѣряли, и держали войска у сербскихъ границъ. Но теперь, повидимому, они совершенно съ этой стороны обезпечены. Да чего же болѣе когда у Порты даже спрашивалось позволеніе на поѣздку князя Милана въ Плоешти? Ему позволено ѣхать туда не иначе какъ съ ошейникомъ турецкаго вассала. И если Порта милостиво разрѣшила эту поѣздку, то конечно не иначе какъ на основаніи положительныхъ удостовѣреній что Сербія ни въ какомъ случаѣ не подниметъ оружія. И вотъ Турки могли двинуть свои войска отъ сербской границы и бросить ихъ въ Черногорцевъ въ рѣшительную минуту жестокаго боя...

Вотъ что разумѣли наши дипломатическіе друзья подъ *локализаціей* войны. Локализація требовалась въ угоду Австріи, которая столько же враждебна Черногоріи и Сербіи какъ сами Турки. Результатъ послѣдней, страшно неравной битвы Черногорцевъ и причина почему столько геройства и столько крови потрачено понапрасну ясно показываютъ что пресловутый нейтралитетъ Австріи въ сущности есть прямое вмѣшательство въ пользу Турокъ, прямая помощь имъ. Еслибы Сербія, не скажемъ вновь выступила противъ Турціи, какъ всѣ сербскіе патріоты того желали, но еслибы, по крайней мѣрѣ, намѣренія ея оставались сомнительными, то Турки не могли бы оставить безъ наблюденія сербскую границу и двинуть оттуда корпусъ противъ Черногорцевъ. А такъ какъ Австрія своими настояніями дала Туркамъ эту возможность, то не все ли это равно что оказать имъ помощь? Бѣдственный для Черногорцевъ исходъ битвы, рѣшенный прибытіемъ Мехмедъ-Али-паши изъ-подъ Сѣницы, все равно что рѣшенъ подоспѣвшими въ пору австрійскими войсками.

Съ одной стороны турецкія войска отъ границъ Сербіи, отъ Сѣницы, двинулись на Черногорцевъ,—съ другой, отъ Тимока, направились противъ насъ, къ Виддину... Итакъ оправдывается то что мы не разъ говорили: для насъ открытая вражда Австріи лучше чѣмъ ея сомнительный ней-

тралитетъ. На открытую вражду противъ насъ и на открытую помощь Туркамъ Австріи не легко еще было бы пойти. Это обошлось бы ей дорогою цѣной и слишкомъ опаснымъ рискомъ, въ особенности при ея внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненіяхъ...

Нѣтъ,—и опять приходится намъ повторять,—не оружіе враговъ и не коалиціи могутъ страшить насъ. Войска наши могутъ постоять противъ всякихъ враговъ, а съ коалиціей могла бы справиться искусная политика, и намъ, съ своей стороны, не трудно было бы найти союзниковъ; но самый опасный врагъ нашъ есть дипломатія создающая для насъ нейтралитеты враждебные, которые, ничѣмъ не рискуя и безъ всякаго труда и жертвъ, оказываютъ дѣятельную помощь нашему непріятелю и губятъ нашихъ самыхъ вѣрныхъ, самыхъ дорогихъ союзниковъ...

№ 135.

Москва, 2-го іюня.

Кто воображаетъ еще что нынѣшняя война можетъ ограничиться только нѣкоторымъ улучшеніемъ быта населеній въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Оттоманской имперіи, и что возможно избѣгнуть существенныхъ перемѣнъ въ самомъ *statu quo* этой имперіи, тотъ жестоко ошибается или добровольно не хочетъ видѣть очевидное. Перемѣны уже начались, и начаты не нами, не воюющею стороной. Мы говоримъ не о провозглашеніи Румынской независимости, которое вноситъ только теоретическія измѣненія въ международныя отношенія Порты. Мы хотимъ указать на перемѣну въ самыхъ принципахъ этихъ отношеній и правъ Порты какъ они были опредѣлены Парижскимъ трактатомъ. Давно ли лордъ Биконсфильдъ гремѣлъ о святости этого трактата? Теперь его собственное правительство, ни мало не стѣсняясь, устраняетъ и верховную независимость и территоріальную неприкосновенность Порты, слѣдовательно разрываетъ трактатъ, но не войной, а почеркомъ пера.

Это признаетъ всякій при просмотрѣ обнародованной Англійскимъ правительствомъ корреспонденціи касательно Суэзскаго канала. Оно можетъ-быть предпочло бы помедлить этимъ обнародованіемъ, но было вынуждено къ тому предстоявшимъ годичнымъ общимъ собраніемъ акціонеровъ компаніи Канала, на которомъ неизбѣжно разгласились бы мѣры принятыя Англіей. Дѣло, какъ видно, было такимъ образомъ. Акціонеры, которые недавно только стали получать дивидендъ, встревожились возможностью остановки движенія по Каналу вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, и г. Лессепсъ еще 10 мая нарочно ѣздилъ въ Лондонъ чтобы предложить Англійскому правительству придуманный имъ планъ для регулированія прохода военныхъ судовъ черезъ Суэзскій каналъ. Онъ представилъ планъ международнаго соглашенія коимъ различныя правительства условились бы между собою поддерживать свободу прохода по Каналу какъ для государственныхъ, такъ и для торговыхъ судовъ, „подъ какимъ бы флагомъ они ни были и безъ всякаго исключенія,“ признавая притомъ что государственныя суда должны подчиняться мѣрамъ какія могутъ быть приняты территоріальною властью „чтобы препятствовать проходящимъ судамъ высаживать на египетской территоріи войска или выгружать военныя принадлежности (*munitions de guerre*). Планъ этотъ г. Лессепсъ предварительно сообщилъ герцогу Деказу, который, по его словамъ, отнесся къ нему благосклонно. Лордъ Дарби, однако, по разсмотрѣніи проекта, отклонилъ его, на томъ основаніи что „предлагавшійся въ немъ планъ нейтрализаціи Канала международною коммиссіей возбуждаетъ слишкомъ много возраженій политическаго и практическаго характера.“ Вмѣсто международнаго соглашенія, Англійское правительство, хотя и заботясь объ интересахъ всемірной торговли, предпочло принять мѣры непосредственно отъ своего имени, какъ будто бы Каналъ былъ его исключительною собственностью. 16 мая оно поручило своему послу въ Парижѣ, лорду Ляйонсу, увѣдомить г. Лессепса что оно дало знать русскому послу что „всякая попытка блокировать или всячески инымъ образомъ стѣснять Каналъ или доступы къ нему будетъ сочтена правительствомъ ея величества за угрозу Индіи и важный ущербъ для всемірной торговли.“ А потому оно „надѣется и вполнѣ увѣрено что ни одна изъ воюющихъ сторонъ не имѣетъ въ намѣреніи такихъ мѣръ, несогласныхъ съ поддержаніемъ Британскимъ правительствомъ пассивнаго нейтралитета.“ Объ этомъ извѣщеніи, доставленномъ Русскому правитель-

ству, были также увѣдомлены Порта и хедивъ, и обоимъ имъ выражена надежда что они съ своей стороны воздержатся отъ стѣсненія судоходства по Каналу и отъ принятія всякихъ мѣръ могущихъ повредить Каналъ или доступы къ нему, „такъ какъ правительство ея величества твердо рѣшилось не допускать чтобы Каналъ сталъ сценой битвъ или другихъ военныхъ операцій.“

Таковы факты. Значеніе ихъ, очевидно, имѣетъ гораздо бо́льшую важность чѣмъ потребность оградить Каналъ отъ случайностей настоящей войны. Не забудемъ что во время Франко-Прусской войны, безо всякихъ такихъ мѣръ, свобода движенія по Каналу не только торговыхъ, но и государственныхъ судовъ была уважаема обѣими воюющими сторонами. Еще менѣе предстояло опасаться загражденія Канала въ настоящее время, несмотря на то что одна изъ воюющихъ сторонъ есть владѣлецъ его территоріи. Турція не посмѣла бы заградить его изъ страха предъ Англіей. А для Россіи прямо нѣтъ разсчета такъ далеко расширять военныя дѣйствія при слабости ея морскихъ силъ, хотя теоретически она можетъ считаться въ войнѣ съ Египтомъ. Остающійся сомнительнымъ вопросъ о томъ могутъ ли, на основаніи мѣръ принятыхъ Англійскимъ правительствомъ, русскія *торговыя* суда продолжать безпрепятственно пользоваться Суэзскимъ каналомъ, практически также не имѣетъ большаго значенія, такъ какъ русскія торговыя суда пользовавшіяся до войны Каналомъ шли изъ Чернаго Моря, откуда выходъ для насъ теперь запертъ.

Главный же и существенный вопросъ въ новомъ международномъ значеніи какое получаютъ Суэзскій каналъ и территорія черезъ которую онъ пролегаетъ. Что́ сталось съ территоріальными правами Порты и ея независимостью? Несмотря на Парижскій трактатъ, они нарушаются не международнымъ соглашеніемъ, котораго знать не хочетъ Англія и о которомъ только мы хлопотали для облегченія участи христіанъ, а почеркомъ пера лорда Дарби!

На бывшемъ 6 іюня, въ Парижѣ, годичномъ собраніи акціонеровъ компаніи Суэзскаго канала, г. Лессепсъ замѣтилъ что мѣры принятыя Британскимъ правительствомъ и его категорическое заявленіе конечно предпочтительнѣе его собственнаго плана международной опеки, который онъ самъ предлагалъ въ Лондонѣ. Заявленіе лорда Дарби, по словамъ англійскихъ корреспондентовъ, встрѣчено общимъ одобреніемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Акціонеры прежде всего заботятся о своемъ карманѣ, а такъ какъ три четверти проходящихъ судовъ суть англійскія, то имъ и пріятно что сильная англійская рука заботится о томъ что и для акціонеровъ выгодно.

Но, помимо интересовъ акціонеровъ, есть политическая сторона вопроса. Хотя акціонеры и получаютъ главную долю барышей отъ англійскихъ судовъ, но построенъ онъ не для нихъ только. До сихъ поръ по Суэзскому каналу проходили не только во время мира, но и въ военную пору не одни торговыя, но и военныя суда всѣхъ націй. Правда, въ этихъ войнахъ не участвовали ни Порта, владѣющая Каналомъ, ни Англія, такъ много въ немъ заинтересованная, но потому именно теперь и возникаетъ впервые важный вопросъ о международномъ значеніи Канала. Планъ нейтрализаціи его международнымъ соглашеніемъ, предлагавшійся г. Лессепсомъ, ограждая интересы англійской торговли, былъ въ то же время справедливъ для всѣхъ государствъ безразлично большихъ и малыхъ. Но Англія отвергла его на основаніи возраженій „практическихъ и политическихъ.“ Въ чемъ состояли эти возраженія, лордъ Дарби не пояснилъ въ своей депешѣ, но англійская печать откровенно высказала если не всѣ, то нѣкоторыя изъ нихъ. Вопервыхъ, по словамъ *Times*, самый фактъ учрежденія международной коммиссіи, коей поручена была бы охрана Канала, означалъ бы что во всѣхъ дѣлахъ касающихся судоходства въ немъ голосъ, напримѣръ, Испаніи имѣлъ бы одинаковую силу съ голосомъ Англіи, что́ явно де не соотвѣтствуетъ фактическому положенію. Тою же газетой было указано что Англія ни въ какомъ случаѣ не могла отказаться отъ права высаживать въ Египтѣ войска или выгружать военные припасы. А *Standard*, съ другой стороны, объявилъ „чудовищнымъ“ предположеніе чтобъ Англія, находясь съ кѣмъ-либо въ войнѣ могла дозволить пользованіе Каналомъ, въ ущербъ ей, для транспорта непріятельскихъ войскъ или для доставки военныхъ припасовъ. Что́ же тутъ, однако, чудовищнаго если Каналъ есть чужая собственность открытая для всѣхъ? А если сама

Англія, въ случаѣ войны, считаетъ себя въ правѣ имъ пользоваться и не допускать другихъ, то это уже ни болѣе ни менѣе какъ полное присвоеніе Канала.

Вотъ къ чему сводятся „практическія и политическія“ возраженія Англійскаго кабинета противъ нейтрализаціи Суэзскаго канала. Поэтому почти нѣтъ сомнѣнія и въ томъ что мѣры принятыя теперь лордомъ Дарби, которымъ такъ радуются французскіе акціонеры, суть только приготовленія къ другимъ, болѣе рѣшительнымъ. Прежде всего, ими не совсѣмъ довольны въ Англіи какъ противники, такъ и приверженцы правительства, и тѣ и другіе по одной и той же причинѣ, — по неизвѣстности дальнѣйшихъ мѣръ которыя считаются неизбѣжными. Нѣкоторые либералы въ Парламентѣ напрасно старались вытребовать у правительства болѣе точныя объясненія, кромѣ повторенія изложеннаго въ депешахъ. Поэтому *Daily News*, не довѣряющая ни въ чемъ министерству, страшится что оно вовлечетъ Англію въ войну или въ рискованныя предпріятія, напримѣръ въ искусственное сооруженіе, цѣной милліоновъ, новаго Гибралтара на другомъ концѣ Средиземнаго Моря. Другой либеральный органъ, *Spectator*, не находитъ, однако, ни малѣйшаго возраженія противъ англійскаго занятія Египта, и даже въ восторгѣ отъ этой мысли. Онъ хочетъ только чтобы вмѣстѣ съ занятіемъ Англія взяла въ свои руки и управленіе страной, и требуетъ чтобы вступленіе Англичанъ въ Египетъ было прекращеніемъ политической власти хедива.

Торійскіе органы также толкаютъ правительство дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе, только не изъ цивилизаторскихъ видовъ, какими разыгрывается воображеніе газеты *Spectator*, а по соображеніямъ болѣе практическимъ. *Pall Mall Gasette*, разсуждая о томъ наступило ли время для рѣшенія Восточнаго вопроса, говоритъ: „Трудно сказать чѣмъ кончится дѣло, за„штопаннымъ миромъ, или попыткой рѣ„шительно покончить съ Восточнымъ во„просомъ. По нашему скромному разумѣ„нію, слѣдуетъ ожидать болѣе широкаго „послѣдствія, и мы даже расположены „надѣяться что оно случится... пото„му что никакой разчетъ шансовъ не „даетъ вѣроятія что черезъ четыре или „пять лѣтъ лихорадочнаго спокойствія мы „будемъ въ лучшемъ положеніи чѣмъ теперь чтобы справиться съ затрудненіями „и опасностями *рѣшенія* Восточнаго во„проса.“ А въ другой статьѣ та же газе„та говорила: „Отложите занятіе Египта, и „черезъ пять лѣтъ мы можемъ встрѣтить „оппозицію съ другой стороны, кото„рая тогда станетъ грозною: то-есть „со стороны возстановленной въ силахъ „Франціи.“ Наконецъ, и *Times*, замѣчая что „Порта только въ искусственномъ „(*artificial*) смыслѣ можетъ считаться хо„зяиномъ Суэзскаго канала,“ прибавляетъ что настоящая война не преминетъ де привести къ радикальной перемѣнѣ въ условіяхъ Оттоманской имперіи.

Вотъ что̀ съ небывалою откровенностью говорится теперь, и конечно не спроста: за словами скрываются уже готовящіяся дѣйствія. Вотъ на что слѣдовало бы дипломатіи давно обратить вниманіе, вмѣсто того чтобы заботиться о планахъ локализаціи войны...

Кстати, укажемъ что *National-Zeitung* основательно находитъ (къ стыду нашихъ „услужливыхъ“ публицистовъ) что политика лорда Дарби касательно Суэзскаго канала весьма несправедлива въ отношеніи къ Россіи. Европейское соглашеніе о нейтрализаціи Канала, по замѣчанію берлинской газеты, дало бы Россіи одинаковыя со всѣми права, между тѣмъ какъ англійскій планъ лишаетъ Россію возможности отстаивать въ тѣхъ краяхъ свои интересы противъ Турціи.

№ 136.

Москва, 3-го Іюня.

Завтра, 16 іюня, истекаетъ отсрочка засѣданій Французской палаты депутатовъ, и не только Франція, но и вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаетъ перваго засѣданія палаты, въ которомъ неминуемо произойдетъ горячая схватка между „министерствомъ борьбы“ и враждебнымъ ему большинствомъ. Изъ двухъ рѣшеній предстоящихъ Французскому кабинету послѣ неизбѣжнаго постановленія о недовѣріи, которое послѣдуетъ вѣроятно немедленно по открытіи засѣданій, — новой отсрочки на мѣсяцъ, или распущенія палаты съ назначеніемъ новыхъ выборовъ не позже какъ черезъ три мѣсяца, — министерство Броль-Фурту, по всему судя,

рѣшилось прибѣгнуть къ послѣдней. Какъ извѣстно, распущеніе палаты и новые выборы должны быть разрѣшены сенатомъ. И вотъ всеобщее вниманіе сосредоточилось теперь около вопроса о томъ какъ отнесется большинство сената къ предложенію правительства о распущеніи палаты депутатовъ. Изъ писемъ нашего парижскаго корреспондента читателямъ нашимъ уже извѣстно что въ истекшій мѣсячный перерывъ засѣданій министерство герцога Броля не жалѣло усилій, чтобы заручиться большинствомъ сената, которое можетъ составиться не иначе какъ при единодушіи всѣхъ трехъ монархическихъ фракцій. Сначала это согласіе подвергалось большому сомнѣнію, такъ какъ легитимисты стали обнаруживать враждебныя новому правительству намѣренія, чувствуя что теперешній кризисъ болѣе всего пойдетъ въ прокъ бонапартистамъ. Но, судя по новѣйшимъ извѣстіямъ, которыя подтверждаются и парижскимъ корреспондентомъ нашимъ, герцогу Бролю удалось успокоить легитимимистовъ, для чего потребовалось прямое вліяніе папы на графа Шамбора, чѣмъ и подтверждается истинный смыслъ послѣдняго переворота во Франціи, какъ онъ понятъ въ Европѣ, вопреки уклончивымъ манифестаціямъ Французскаго правительства.

Любопытно какъ смотрятъ въ Германіи на теперешній кризисъ во внутренней политикѣ Франціи. Этому вопросу посвящена была передовая статья въ *National-Zeitung* отъ 8 іюня, которая передана была намъ въ извлеченіи телеграфомъ.

Вся теперешняя затѣя маршала Макъ-Магона находится, по мнѣнію *National-Zeitung*, въ тѣсной зависимости отъ рѣшенія какое приметъ сенатъ, „и никогда въ обильной переворотами французской исторіи ни одному изъ ея собраній не предстояла болѣе важная и роковая задача. Отъ рѣшенія сената зависитъ судьба Франціи и миръ Европы.“ Вотъ какое значеніе придаютъ въ Берлинѣ готовящемуся во Франціи событію! Благопріятное для теперешняго правительства рѣшеніе неминуемо повлечетъ де за собою государственный переворотъ, а этотъ переворотъ будетъ ничѣмъ инымъ какъ воцареніемъ во Франціи ультрамонтанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщею европейскою войной. Предпріятіе затѣянное теперешнимъ французскимъ кабинетомъ возбудило де удивленіе и негодованіе всей Европы, и если Французскій сенатъ освятитъ этотъ замыселъ своимъ рѣшеніемъ, то повергнетъ Францію въ положеніе испанско-мексиканскихъ республикъ и сдѣлаетъ ее постоянною угрозой европейскому миру.

Берлинская газета доказываетъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ что новые выборы отнюдь не могутъ означать „честнаго спроса страны“ объ ея истинныхъ желаніяхъ. Радикальное измѣненіе всего личнаго состава мѣстной администраціи которое уже успѣло произвести новое министерство ясно де доказываетъ что будущая избирательная комедія будетъ направлена къ тому чтобы „конфисковать Францію“ въ пользу клики насильственно ей теперь навязанной.

„Этотъ переворотъ, разсуждаетъ далѣе *National-Zeitung*, есть прежде всего конечно внутреннее дѣло Франціи, и въ этомъ отношеніи ей самой должно быть предоставлено разбираться въ немъ, какъ ни печально видѣть одну изъ первыхъ культурныхъ націй Европы упавшею на степень южно-американской республики. Но затѣмъ возникаетъ болѣе обширный вопросъ: кому Франція будетъ отдана въ руки? Теперешняя борьба идетъ не между радикальною и консервативною республикой; ее нельзя даже считать борьбой между республикой и монархіей. Съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживается что государственную власть во Франціи стремится захватить ультрамонтанство.“ Только оно составляетъ ту объединяющую силу которая можетъ связать три непримиримо-враждебныя между собою монархическія партіи. Каждая изъ этихъ партій сама по себѣ безсильна, и потому всѣ онѣ могутъ почерпать свою силу лишь въ элементѣ внѣ ихъ стоящемъ—въ католической іерархіи. „И нужно ли говорить, восклицаетъ берлинская газета, какія цѣли преслѣдуетъ этотъ элементъ, какими средствами онъ борется? Всеобщая война не есть только средство длл ультрамонтанства, а сама цѣль, ибо господствующій въ мирѣ порядокъ долженъ погибнуть для того чтобъ осуществились замыслы іезуитовъ. Лишь глупцовъ можно увѣрить что если католической іерархіи данъ будетъ въ руки острый мечъ, то она не поспѣшитъ ринуться съ нимъ на своихъ смертельныхъ враговъ. А такимъ мечомъ для іерархіи, до сихъ поръ воевавшей лишь силою слова, будетъ владычество надъ государственною и военною силой Франціи.“ Вотъ почему торжество уль-

трамонтанства не можетъ де не измѣнить кореннымъ образомъ иностранныхъ отношеній Франціи. Берлинская газета спѣшитъ оговориться что Германія не подумаетъ первая обнажить мечъ противъ Франціи; но положеніе которое будетъ создано грядущимъ переворотомъ не можетъ не вызвать столкновенія, „такъ какъ *политика пессимизма*, проповѣдуемая Ватиканомъ, получитъ мѣсто и голосъ въ европейскомъ ареопагѣ, и трагическая развязка можетъ быть лишь вопросомъ времени.“ Въ заключеніе *National-Zeitung* выражаетъ надежду что Французскій сенатъ пойметъ всю силу лежащей на немъ отвѣтственности, такъ какъ ему предстоитъ предотвратить замышляемый походъ, или стать открыто на сторону силы которая готова пожертвовать спокойствіемъ всего міра для своего властолюбія, и пожертвовать внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ Франціи для дѣла враждебнаго всей современной культурѣ.

Мы сочли нужнымъ подробно изложить содержаніе статьи берлинской газеты не только потому что она была всѣми замѣчена, но и потому что, вопреки установившемуся мнѣнію, изъ нея видно что политическія сферы въ Германіи отнюдь не рады такимъ случайностямъ во Франціи которыя могутъ ускорить ея столкновеніе съ Германіей. Здѣсь повидимому серіозно озабочены возможностью наступательной политики со стороны Франціи. Это совпадаетъ съ частными свѣдѣніями, сообщаемыми намъ изъ Парижа, что князь Бисмаркъ считаетъ настоящій моментъ очень неблагопріятнымъ для Германіи въ видахъ окончательнаго сведенія счетовъ съ Франціей; его, говорятъ, пугаетъ коалиція между Австріей и Франціей, къ которой примкнула бы и Англія, и которая, сверхъ того, могла бы найти сочувствія среди католиковъ въ нѣдрахъ самой Германіи.

Но съ точки зрѣнія интересовъ Россіи эти случайности могутъ оказаться благопріятными. Онѣ могутъ дать ту почву реальныхъ интересовъ на которой могутъ сосчитаться интересы Россіи и Германіи. Здѣсь, на этой почвѣ, а не на эфемерныхъ попыткахъ сближенія съ Англіей, мудрая и патріотическая забота о пользахъ Россіи должна искать себѣ опоры.

№ 137.

Москва, 4-го іюня.

Когда началась война, никто кажется не ожидалъ чтобы взятіе Ардагана могло надѣлать такъ много шуму.

Много говорилось у насъ по поводу этого блистательнаго дѣла, но чуть ли еще не болѣе заинтересовались имъ за границей. Въ свѣдущихъ сферахъ придаютъ этой побѣдѣ рѣшительное значеніе, и находятъ что она можетъ повести за собою уничтоженіе всѣхъ турецкихъ силъ на Азіятскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Толки объ Ардаганѣ и о послѣдствіяхъ его паденія не умолкли и по сей часъ, а въ Парижѣ упорно поддерживается слухъ даже о занятіи нами Карса и Эрзерума и о плѣненіи Мухтаръ-паши.

Слухи эти нѣсколько опережаютъ событія, но судя по настоящему положенію дѣлъ, кажется, не трудно предсказать что они оправдаются въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

А пока обратимся къ фактамъ и посмотримъ какіе ближайшіе результаты дала намъ Ардаганская побѣда. Самый важный, безъ сомнѣнія, заключается въ достигнутомъ соединеніи Александропольскаго и Ахалцыхскаго отрядовъ, у которыхъ теперь развязаны руки для совокупнаго дѣйствія противъ Карса.

Послѣ взятія Ардагана, обратное движеніе отряда генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова въ лагерь у Заима началось 9 мая, а на слѣдующій день выступилъ туда же Ахалцыхскій отрядъ генерала Девеля. Въ Ардаганѣ осталась часть войска подъ начальствомъ генералъ-майора Комарова.

Переходъ до Заима былъ очень тяжелъ. Онъ совершенъ былъ подъ проливными дождями и по испорченнымъ дорогамъ. Обозы постоянно отставали отъ своихъ колоннъ, и войскамъ приходилось становиться на отдыхъ подъ открытымъ небомъ. Колонна генерала Девеля первую ночь провела даже подъ снѣгомъ, но несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, процентъ заболѣвшихъ солдатъ въ отрядахъ былъ ничтожный.

Вступленіе войскъ въ Заимъ было очень торжественное: оставшіяся здѣсь части встрѣтили побѣдителей дружнымъ *ура*; въ особенности же радушно были встрѣчены

артиллерія, подготовившая успѣхъ атаки, и Елисаветпольскій полкъ прославившійся на штурмѣ Геля-Вердинскихъ высотъ и вѣнчавшихъ ихъ фортовъ, взятіе коихъ обезпечило успѣхъ слѣдующаго дня.

Въ отсутствіе ген.-ад. Лорисъ-Меликова изъ Заима, ген.-м. Комаровъ 8 и 10 мая производилъ общія рекогносцировки укрѣпленій Карса; по возвращеніи же корпуснаго командира въ Заимъ, и послѣ того какъ войска наши отдохнули отъ понесенныхъ ими трудовъ, началось формальное обложеніе крѣпости, для чего армія раздѣлилась опять на двѣ части: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Девеля, перешла изъ Заима въ селеніе Мацру, лежащее въ 8 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Карса, имѣя цѣлію блокировать крѣпость со стороны Кара-дага и нижняго лагеря; отрядъ же ген.-ад. Лорисъ-Меликова двинулся 15 мая къ Визинкеву и далѣе черезъ Хаджи-Халиль, Магараджихъ и Ардостъ въ долину рѣки Карсъ-Чая. На этомъ переходѣ кавалерія наша имѣла, 17 мая, удачное дѣло у Магараджиха, и въ тотъ же день была двинута впередъ по направленію къ Саганлугу, откуда показался сильный кавалерійскій отрядъ высланный Мухтаръ-пашой для подкрѣпленія Карскаго гарнизона. На слѣдующій день, то-есть 18 мая, на разсвѣтѣ, отрядъ этотъ, состоявшій изъ 2-й кавалерійской дивизіи со 2-мъ Дагестанскимъ и Кумыко-Кабардинскимъ полкомъ, при 16 орудіяхъ, подъ общимъ начальствомъ князя Чавчавадзе, напалъ врасплохъ на кавалерію Муса-паши Кундухова, стоявшаго бивуакомъ у селенія Бегли-Ахметъ. Противникъ, атакованный съ трехъ сторонъ, защищался отчаянно, но послѣ долгаго, преимущественно рукопашнаго боя, въ которомъ особенно отличился 2-й эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка, непріятель обратился въ бѣгство. На мѣстѣ боя взяты нами два горныя орудія съ четырьмя зарядными ящиками, два значка и разное оружіе.

19 мая отрядъ генералъ-лейтенанта Лорисъ-Меликова сталъ лагеремъ у этой рѣки близъ селенія Тикеча, въ 9 верстахъ на ЮЗ. отъ Карса, и съ того же дня начались постоянныя рекогносцировки укрѣпленій и окрестностей крѣпости. Такъ, 19 мая, генералъ-майоръ Духовской произвелъ кавалерійскую рекогносцировку черезъ Сулонозады, Нижній и Верхній Котанлы, Кирлякъ, Тападжихъ, Кечекъ и Татарлы, и возвратился на Карсъ-Чай.

20 мая была произведена рекогносцировка подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира въ направленіи къ Шорахскимъ высотамъ на Бозгалы, Кочахъ и Тотлиджаны, причемъ была большая аванпостная перестрѣлка. 21 мая генералъ Девель произвелъ рекогносцировку Чахмахскихъ высотъ, причемъ были имъ отбиты у непріятеля лошади и скотъ.

23 мая начаты подготовительныя работы къ осадѣ крѣпости, причемъ отрядъ генералъ-лейтенанта Лорисъ-Меликова занялъ линію отъ Когали черезъ Бозгалу къ рѣкѣ Карсъ-Чаю, на юго-западной сторонѣ крѣпости, а отрядъ генерала Девеля остался на сѣверо-востокѣ ея, у селенія Мацра.

Съ этого времени Карсъ можно считать окончательно обложеннымъ. По свидѣтельству нашего корреспондента, гарнизонъ Карса страдаетъ отъ болѣзней, въ немъ замѣтенъ упадокъ духа и начались побѣги.

26 мая въ лагерь при Мацрѣ прибылъ Главнокомандующій Кавказскою арміей Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

27 мая произведена рекогносцировка колонной генерала Геймана изъ Аравертана къ Шорахскимъ высотамъ, причемъ отбито 150 штукъ скота, а 28 произведена общая рекогносцировка Карскихъ укрѣпленій подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, причемъ была довольно оживленная перестрѣлка между нашими войсками и вышедшимъ къ нимъ навстрѣчу Карскимъ гарнизономъ.

Въ то время когда наши главныя силы были заняты обложеніемъ Карса, боковыя колонны ген.-м. Комарова и ген.-л. Тергукасова двинули свои войска впередъ: первый изъ Ардагана, а второй изъ Сурпъ-Аганеза.

Колонна ген. Комарова, выступивъ изъ Ардагана 20 мая, 21-го утромъ заняла Пенякъ, а вечеромъ городъ Ольту, причемъ разстояніе во 115 верстъ кавалерія прошла въ 36 часовъ, а пѣхота въ двое сутокъ. Турки, въ числѣ 4.000 человѣкъ, занимавшіе вышеназванные пункты, бросили ихъ безъ боя, оставивъ въ нихъ большіе военные и продовольственные запасы, и поспѣшно отступили къ Эрзеруму.

Колонна ген. Тергукасова 21 мая двинулась изъ лагеря подъ Сурпъ-Аганезомъ, гдѣ была занята устройствомъ продоволь-

ственной части. 23-го она заняла безъ боя сильную и укрѣпленную непріятельскую позицію при городкѣ Каракилиссѣ, который Турки также поспѣшно оставили, и отступивъ также по направленію къ Эрзеруму. Къ 28 числу къ ген. Тергукасову явились, съ изъявленіемъ покорности, депутаціи отъ городовъ Хамура и Алашкерта, въ уѣздахъ которыхъ вводится теперь наше управленіе.

Такимъ образомъ, обѣ боковыя колонны стали въ угрожающее положеніе къ Эрзеруму, главному городу вилаета. Къ Эрзеруму также отступили изъ-подъ Саганлуга главныя силы Мухтаръ-паши и остановились лагеремъ у Кепри-Кея, на соединеніи Карскаго и Баязидскаго шоссе, впереди крѣпостцы Гасанъ-Кала. Но едва ли останется турецкій главнокомандующій у Кепри-Кея выжидать наши войска, и едва ли онъ приметъ бой у этого пункта. Съ приближеніемъ колонны Тергукасова онъ, вѣроятно, отступитъ къ Гасанъ-Кала, у котораго на Баязидско-Эрзерумское шоссе выходитъ Ольтинскій путь, и здѣсь дастъ сраженіе, или же прямо перейдетъ къ пассивной оборонѣ Эрзерума, на что отчасти и указываютъ корреспонденты заграничныхъ газетъ.

Итакъ, ближайшими результатами удавшагося Ардаганскаго штурма были:

1) Окончательное обложеніе Карса соединенными силами Александропольскаго и Ахалцыхскаго отрядовъ;

2) Занятіе Ольты и Пеняка нашими ардаганскими отрядами;

3) Занятіе Каракилиссы, Хамура и Алашкерта эриванскими отрядами;

4) Оставленіе Турками сильной Саганлугской позиціи, и

5) Общая паника въ турецкихъ войскахъ.

Другіе результаты пока еще впереди. Богъ дастъ, дождемся и ихъ.

№ 139.

Москва, 6-го іюня.

Масса извѣстій, слуховъ и комбинацій „офиціознаго“ свойства, но тѣмъ не менѣе рѣзко противорѣчащихъ между собою, вотъ чѣмъ ознаменовалась въ европейской печати та „дипломатическая кампанія“ объ „удовлетворительномъ“ окончаніи которой возвѣстилъ намъ вчера нашъ берлинскій корреспондентъ. Кампанія эта открылась телеграммой изъ Петербурга въ берлинскія газеты еще отъ 7 іюня. Эти петербургскія телеграммы появляются обыкновенно подъ флагомъ *Вольфова Агентства*, и принимаются тамъ за несомнѣнно офиціозныя манифестаціи, хотя, кстати замѣтить, мы не запомнимъ такого случая чтобъ эти телеграфныя сообщенія получали офиціальную санкцію чрезъ воспроизведеніе оныхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Въ этой телеграфной замѣткѣ было сказано что увѣренія которыя привезутъ возвращающіеся на свои посты русскіе послы при дворахъ Лондонскомъ, Берлинскомъ и Вѣнскомъ „должны укрѣпить повсюду успокоительную увѣренность что Россія не питаетъ никакихъ замысловъ касательно передѣлки политической карты на Востокѣ, и что цѣлями ея попрежнему остаются заступничество за христіанъ и дарованіе имъ политическихъ гарантій признанныхъ за необходимыя всѣми державами на двухъ конференціяхъ.“ Со времени этихъ конференцій не произошло де никакихъ перемѣнъ въ предположеніяхъ Россіи, и предпринявъ войну для осуществленія своихъ прежнихъ стремленій, Россія этимъ де вовсе не исключила участія всѣхъ прочихъ державъ когда настанетъ время окончательныхъ рѣшеній.

На другой день послѣ этой замѣтки появилась новая версія совершенно иного рода, хотя и тутъ офиціозный штемпель трудно было подвергнуть сомнѣнію, такъ какъ она явилась въ видѣ письма изъ Петербурга въ *Wiener Abendpost*. Письмо это направлено было противъ державшихся тогда упорно слуховъ о близости мира. Корреспондентъ вѣнской газеты начинаетъ съ того что гнилой миръ не соотвѣтствовалъ бы громаднымъ жертвамъ принесеннымъ Россіей. „Продолжительное спокойствіе на Востокѣ,“ продолжалъ онъ, „можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ если турецкая неурядица будетъ кореннымъ образомъ устранена не только въ балканскихъ провинціяхъ, но и въ греческихъ, а также на островахъ Архипелага.“ Тутъ оказывается уже значительное отступленіе отъ пресловутой программы конференцій. И насчетъ этой-то расширенной программы, обнимающей интересы не однихъ Славянъ, но и всѣхъ христіанскихъ народовъ Турціи, Россія ста-

рается де *прійти къ соглашенію съ Англіей*. Рядомъ съ этимъ корреспондентъ вѣнской газеты спѣшитъ „прежде всего“ опровергнуть слухъ будто Россія имѣетъ въ виду пріобрѣсти устье Дуная. Россія признаетъ де что устье Дуная есть жизненная артерія для Германіи и Австріи (какъ будто Германія и Австрія одно государство!) и что послѣднія имѣютъ право требовать чтобы Дунай былъ свободенъ до самаго своего устья. Вотъ почему въ Петербургѣ дѣятельно обсуждается проектъ соединенія Болгаріи съ Румыніей (!). Во всякомъ случаѣ, здѣсь опять мы видимъ коренное отступленіе отъ программъ конференцій, гдѣ неприкосновенность Турецкой территоріи была поставлена аксіомой.

Но не успѣли затихнуть толки возбужденные вторымъ официознымъ сообщеніемъ какъ уже послышался новый голосъ, на этотъ разъ въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, отличающейся доказанною солидностью своихъ сообщеній изъ Россіи. Петербургскій корреспондентъ этой газеты самымъ положительнымъ образомъ опровергалъ всякіе слухи о переговорахъ между С.-Петербургскимъ и Лондонскимъ кабинетами, причемъ весьма резонно добавилъ слѣдующія замѣчанія: „С.-Петербургскій кабинетъ не желаетъ вступить и не вступитъ ни въ какіе переговоры которые здѣсь считаются безполезными и безцѣльными. Послѣ переговоровъ продолжавшихся многіе мѣсяцы Сентъ-Джемскій кабинетъ своею нотой по поводу объявленія войны самъ такъ рѣзко опровергъ значеніе и пользу этихъ переговоровъ что С.-Петербургскій кабинетъ менѣе всего можетъ теперь желать дать Англіи новый поводъ ковать замыслы насчетъ Россіи и выставлять ее нарушительницей европейскаго мира.“ Столь же положительно корреспондентъ опровергалъ извѣстіе будто Германія играла какую-либо роль посредницы между Россіей и Англіей, удостовѣряя въ то же время что отношенія между Россіей и Германіей продолжаютъ быть самыя дружественныя. Но такъ какъ не было никакихъ переговоровъ съ Англіей, то и въ посредничествѣ не было де никакой надобности.

Но вотъ графъ Шуваловъ возвратился въ Лондонъ, и толки о переговорахъ веденныхъ будто бы чрезъ его посредство между графомъ Дарби и княземъ Горчаковымъ возобновились, несмотря на приведенное опроверженіе. Парижскій корреспондентъ *Times*, въ письмѣ отъ 8 іюня, сообщилъ содержаніе письма князя Горчакова къ графу Дарби въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, привезенное будто бы графомъ Шуваловымъ въ Петербургъ. Какъ англійскія, такъ и континентальныя газеты не подвергли ни малѣйшему сомнѣнію это сообщеніе, обсужденію котораго до сихъ поръ посвящается множество статей. По свѣдѣніямъ *Times*, письмо графа Дарби заключало въ себѣ подробное перечисленіе тѣхъ пунктовъ, при коихъ „дѣйствіе“ Россіи въ своемъ развитіи могло бѣ затронуть интересы Англіи, а именно Суэзскій каналъ съ Египтомъ, Константинополь съ Дарданеллами и Персидскій заливъ. Въ своемъ отвѣтѣ князь Горчаковъ признаетъ де великое международное и коммерческое значеніе Суэзскаго канала, и даетъ Англіи самое положительное увѣреніе что Россія отнюдь не намѣрена какъ-нибудь затронуть этотъ каналъ. И Египетъ признается де лежащимъ внѣ сферы военныхъ дѣйствій Россіи, равно какъ и Персидскій заливъ. Важное значеніе Дарданеллъ, сказано будто бы далѣе въ письмѣ князя Горчакова, по необходимости приводитъ къ рѣшенію этого вопроса путемъ общаго международнаго соглашенія. Что же касается Константинополя, то Россія отвергаетъ де всякое намѣреніе завладѣть имъ для себя, но не можетъ допустить чтобъ имъ завладѣла какая-либо иная христіанская держава. Далѣе письмо россійскаго канцлера возвращается будто бы къ программѣ сообща выработанной относительно турецкихъ христіанъ, и увѣряетъ что какъ скоро русское оружіе сломитъ упрямство Турціи, Россія пригласитъ державы возобновить переговоры прерванные чрезъ это упрямство.

Безполезность такого рода увѣреній предъ Англіей, которая доказывалась въ приведенномъ выше письмѣ изъ Петербурга въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію*, какъ нельзя болѣе подтвердилась тѣми сужденіями коими большинство англійской печати встрѣтило этотъ предполагаемый отвѣтъ Россіи въ существованіи котораго никто тамъ не возбудилъ сомнѣнія. Англійскія газеты не только повторили свои обычныя выходки о „вѣроломствѣ“ Россіи и о невозможности положиться на ея увѣренія, но принялись сѣтовать на то что эти увѣренія только *отрицательнаго*

свойства. Какъ бы не замѣчая противорѣчія въ которое онѣ впадаютъ недовѣряя съ одной стороны *никакимъ* заявленіямъ Россіи, а съ другой, упрекая ее въ *недомолвкахъ*, эти газеты находятъ что Россія все-таки „оставила многое недосказаннымъ.“ Онѣ хотѣли бы чтобъ имъ сообщенъ былъ весь планъ кампаніи какъ въ Азіи, такъ и за Дунаемъ, и чтобы русскія войска двигались лишь въ тѣхъ предѣлахъ которые имъ укажетъ Англія. Ихъ тревожитъ, между прочимъ, то что во мнимомъ письмѣ князя Горчакова ни слова не сказано о томъ, предполагаетъ ли Россія временно занять Константинополь. Словомъ, англійская печать возобновила рѣчь о „демаркаціонныхъ линіяхъ,“ коей неприличіе и оскорбительность для Россіи были признаны серіознѣйшими органами самой англійской печати.

Пока всѣ эти оскорбительные для Россіи толки основаны лишь на сообщеніи парижскаго корреспондента *Times* изложившаго содержаніе письма князя Горчакова. Но вотъ въ *Политической Корреспонденціи* отъ 13 іюня появилось новое письмо изъ Петербурга, которое, если подтвердится, должно положить конецъ всѣмъ этимъ толкамъ и разсѣять весь миражъ переговоровъ съ Англіей, умышленно, можетъ-быть, созданный съ цѣлью сбить съ толку общественное мнѣніе Европы. Въ указанномъ письмѣ положительно опровергается существованіе какого бы то ни было дипломатическаго документа, офиціальнаго или полуофиціальнаго, переданнаго будто бы графомъ Шуваловымъ по возвращеніи его въ Лондонъ. Петербургскій кабинетъ, какъ увѣряетъ корреспондентъ вѣнскаго офиціознаго органа, до сихъ поръ оставилъ безъ отвѣта ноту графа Дарби по поводу манифеста о войнѣ, находя ее не соотвѣтствующею дипломатическому приличію. Съ тѣхъ поръ, по его увѣренію, никакой переписки между обоими кабинетами не было. Рѣчь англійскаго министра Кросса въ парламентѣ достаточно выяснила „сферу англійскихъ интересовъ,“ такъ что излагать оные письменно не было надобности, и графу Шувалову даны были на этомъ основаніи инструкціи заявить въ Лондонѣ что Россія не имѣетъ въ виду никакихъ военныхъ операцій противъ Суэзскаго канала и Египта. Этимъ и ограничились де инструкціи данныя графу Шувалову.

Было бы очень желательно чтобы свѣдѣнія сообщенныя въ *Политической Корреспонденціи* оказались самыми вѣрными.

№ 140.

Москва, 7-го іюня.

Вчера, по поводу новыхъ извѣстій вѣнскихъ газетъ, передающихъ теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ послѣдніе переговоры между Англіей и Россіей чѣмъ прежде изображались они различными иностранными, а также и *quasi*-офиціозными петербургскими корреспондентами, мы замѣтили что было бы очень желательно чтобы послѣднія свѣдѣнія *Политической Корреспонденціи* оказались самыми вѣрными.

Но отчасти подтвержденіе этого мы должны видѣть уже въ рѣчахъ англійскихъ министровъ, лордовъ Салсбери и Дарби, произнесенныхъ на банкетѣ Лондонской Корпораціи Портныхъ, о которыхъ на прошедшей недѣлѣ намъ сообщалъ телеграфъ и которыя мы приводимъ ниже. Въ нихъ не только нѣтъ ни малѣйшаго намека на какія-либо гарантіи потребованныя или полученныя Англіей для огражденія своихъ интересовъ, не только нѣтъ ни слова о недавнихъ переговорахъ,—но куда дѣвались всѣ эти трескучія фразы о „британскихъ интересахъ“ которыми въ послѣднее время замѣнены были прошлогоднія грозныя заявленія англійскаго премьера о „святости трактатовъ,“ тѣ фразы которыя такъ недавно еще съ эффектомъ произносились въ парламентѣ, и еще съ большимъ азартомъ подхвачены были хоромъ министерской печати. Въ нынѣшнихъ рѣчахъ не видимъ даже повторенія тѣхъ пунктовъ которые въ прошедшемъ мѣсяцѣ были перечислены другимъ министромъ, г. Кроссомъ, и о которыхъ, какъ было слышно, и возбуждены были переговоры для заблаговременнаго успокоенія Англіи.

Само собою разумѣется что англійскіе министры и на этотъ разъ говорятъ въ высокомъ тонѣ. Они готовы всегда и всюду отстаивать британскіе интересы; они увѣрены что Англійскій народъ всегда откликнется на призывъ къ исполненію долга и т. д. Но говорилось это не затѣмъ чтобы раздуть энтузіазмъ приверженцевъ, а напротивъ съ цѣлью разогнать поддѣльные страхи. Какъ будто повѣялъ новый

духъ, какъ будто возобладали въ кабинетѣ тѣ вліянія на которыя разчитывалъ г. Гладстонъ. Подобно самому г. Гладстону, оба говорившіе министра относятся къ недавнему задору о необходимости безотлагательно оградить англійскіе интересы отъ грозящихъ имъ опасностей, то въ тонѣ легкой ироніи, то голосомъ благоразумнаго увѣщанія. „Величайшая осторожность нужна правительству прежде чѣмъ рисковать повергнуть Европу въ ужасы войны *ради теоріи и мечты*“; „безумно вступать въ войну ратуя противъ кошмара“; „подобаетъ взирать на эти событія съ твердостью и благоразуміемъ, которыя суть лучшія качества храбрости“. Такъ говоритъ лордъ Салсбери, и замѣчательно что вслѣдъ за нимъ секретарь иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дарби, объявилъ что онъ во всемъ согласенъ съ превосходными аргументами своего благороднаго друга, и подтвердилъ ихъ заявленіемъ что нельзя же считать угрозой для британскихъ интересовъ все что дѣлается въ той или другой части свѣта безъ разрѣшенія Англіи и не по ея желанію. Еще съ большимъ удареніемъ указалъ онъ что величайшій интересъ Англіи есть „интересъ мира,“ и что имѣя дѣла со всѣми странами и во всѣхъ частяхъ свѣта, тѣмъ болѣе не можетъ она ограничивать вниманіе *однимъ* какимъ-либо особеннымъ пунктомъ, такъ какъ вступивъ во враждебныя дѣйствія въ одной части свѣта, Англія тѣмъ самымъ можетъ де лишить себя даже необходимой защиты „въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ея интересы могутъ быть гораздо болѣе угрожаемы.“ Любопытно, наконецъ, что всѣ эти замѣчанія, явно относившіяся къ Восточному кризису, были произнесены въ присутствіи Мидхатъ-паши, гостящаго теперь въ Англіи, въ этотъ самый день имѣвшаго продолжительную бесѣду съ лордомъ Беконсфильдомъ и въ числѣ прочихъ именитыхъ гостей приглашеннаго на банкетъ корпораціи.

Въ настоящей перемѣнѣ тона министерскихъ рѣчей прежде всего слѣдуетъ видѣть оказавшееся уже вліяніе агитаціи возбужденной г. Гладстономъ противъ всякой поддержки Турціи, подъ фиктивнымъ предлогомъ охраненія британскихъ интересовъ, и несомнѣнно сочувственнаго отзыва который онъ встрѣтилъ во всей странѣ. Этотъ фактъ, повидимому, придалъ мужество лорду Салсбери, который вообще, послѣ неудачи Константинопольской конференціи и во все время нынѣшней сессіи, держался болѣе въ сторонѣ, и онъ выступилъ теперь впередъ и заговорилъ съ большею энергіей. Въ этотъ же самый день, до банкета, онъ въ палатѣ лордовъ отвѣчалъ съ большимъ сарказмомъ на рѣчь лорда Де-Молея, который, указывая на опасности грозящія Индіи отъ распространенія русскаго владычества въ Средней Азіи, требовалъ назначенія англійскихъ консуловъ въ нѣкоторые изъ тамошнихъ городовъ для наблюденія „за торговыми и *территоріальными* интересами Британской Индіи.“ Требованіе это, конечно, было только предлогомъ для произнесенія филиппики противъ Россіи и для восхваленія варварскихъ среднеазійскихъ племенъ имѣющихъ назначеніемъ служить живымъ буфферомъ между Россіей и Индіей. Лордъ Салсбери отвѣчалъ на это просто совѣтомъ купить карту возможно большаго масштаба, и на ней убѣдиться какіе горные хребты и пустыни ограждаютъ Индію отъ воображаемой опасности; а что касается назначенія консуловъ, то онъ замѣтилъ что наблюденіе за интересами Индіи дѣло не консула, а вице-короля, и что въ отношеніи къ нецивилизованнымъ странамъ не мѣшаетъ также избѣгать неудобствъ компаніи въ родѣ Абиссинской, когда страданія британскаго консула обошлись націи въ девять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Что касается рѣчи лорда Дарби на банкетѣ, то всѣмъ извѣстно что британскій статсъ-секретарь неоднократно уже измѣнялъ тонъ своихъ заявленій, и на этотъ разъ онъ очевидно поддался энергическому вліянію лорда Салсбери.

Но какъ, съ одной стороны, мы несомнѣнно убѣждены что мужественная оппозиція г. Гладстона успѣла умѣрить напускной задоръ торійскаго кабинета во всей его совокупности и ободрила болѣе честные и благоразумные элементы въ немъ, такъ съ другой стороны, мы можемъ видѣть въ этихъ рѣчахъ подтвержденіе свѣдѣній *Политической Корреспонденціи*, что результатъ послѣднихъ переговоровъ съ Россіей не удовлетворилъ притязаній Англійскаго правительства. Еслибы въ этихъ переговорахъ Британскій кабинетъ добился существенныхъ отъ Россіи уступокъ, какіе-либо признаки не преминули бы выступить наружу, а главное, это обстоятельство не только не дозволило лорду Салс-

бери насмѣхаться надъ паникой и призраками, но послужило бы и сильнымъ орудіемъ для правительства противъ оппозиціи г. Гладстона. Не даромъ же, во время толковъ объ этихъ переговорахъ, консервативные органы позорили г. Гладстона упреками въ недостаткѣ патріотизма. Теперь подобные же упреки въ руссофильствѣ посыпались на бѣднаго лорда Салсбери, которому потерявшая всякій стыдъ торійская печать совѣтуетъ взвѣсить можетъ ли онъ при своемъ образѣ мыслей оставаться долѣе въ кабинетѣ.

Для тѣхъ изъ нашихъ читателей которые не совсѣмъ знакомы съ продѣлками англійскихъ партій и могутъ подумать будто въ самомъ дѣлѣ во вліятельныхъ сферахъ обѣихъ англійскихъ партій идетъ теперь борьба между двумя противоположными вліяніями, изъ коихъ одно благопріятно Россіи, а другое склоняется въ пользу Турціи,—несбходимо поясненіе. Дѣло вовсе не въ этомъ. Лордъ Салсбери смѣется теперь надъ паникой возбуждаемою мечтами, призраками, кошмаромъ. Но неужели можно думать что другіе, хотя бы самъ лордъ Беконсфильдъ, вѣрили въ реальность призраковъ и въ самомъ дѣлѣ пугались кошмара? Конечно, нѣтъ. Всѣ эти якобы страхи и ужасы для британскихъ интересовъ не болѣе какъ рычагъ чтобы, сбивая съ толку общественное мнѣніе, распалять задоръ націи, а въ то же время застращивая Россію будто бы голосомъ всей Европы, обращаться къ ней со всевозможными притязаніями, не имѣющими ни малѣйшаго основанія. Коль скоро эти притязанія встрѣчаютъ твердый отпоръ, то неизмѣнно тотчасъ всѣ страхи оказываются пустымъ миражемъ. Но опасность всегда заключается въ уступкахъ. Тогда притязанія, по столь же неизмѣнному закону, должны ежедневно возрастать. Если сегодня можно было выговорить одну уступку, почему не попытаться завтра выговорить другую? Такимъ образомъ происходитъ что требованія растутъ непомѣрно, пока, наконецъ, съ одной стороны окажется невозможнымъ согласіе, а съ другой отступленіе, безъ урона достоинства, и тогда столкновеніе становится неизбѣжнымъ. При настоящемъ запутанномъ положеніи европейскихъ дѣлъ, можно думать что и руссофобская партія въ Англіи на самомъ дѣлѣ желала бы втянуть Англію въ войну. По всему вѣроятію, эта партія все еще продолжаетъ вѣрить въ успѣхъ стараго пріема застращиванья насъ коалиціями и зубами Британскаго льва. Но люди болѣе дальновидные и благоразумные понимаютъ опасность что именно этотъ задоръ скорѣе всего способенъ привести къ столкновенію, потому что они вѣрнѣе понимаютъ и настроеніе Россіи, и невозможность отсрочивать далѣе, даже на короткое время, прекращеніе вопіющихъ безобразій въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи; и вотъ почему они безпощадно разбиваютъ вызываемые алармистами фантомы британскихъ интересовъ.

Но именно этихъ простыхъ соображеній повидимому и не понимали услужливые петербургскіе корреспонденты разныхъ иностранныхъ газетъ, которые все хотѣли удивлять міръ великодушіемъ на счетъ Россіи и съ возмутительною приторностью толковали о ея будто бы готовности на всякія уступки ради ублаготворенія Англіи. Потому-то они и возбудили своими писаніями такое негодованіе во всѣхъ Русскихъ что они дѣйствуютъ совершенно въ духѣ Беконсфильда, и только помогаютъ привести къ столкновенію, противъ коего въ самой Англіи энергически протестуютъ и стараются отвратить его люди высокаго патріотизма какъ г. Гладстонъ...

№ 141.

Москва, 8-го іюня.

„На Дунаѣ ежедневная перестрѣлка русскихъ батарей съ турецкими, то выше, то ниже Рущука...“ „Турки продолжаютъ возводить и усиливать укрѣпленія у Туртукая и Никополя...“ „Сосредоточеніе Дѣйствующей Арміи окончено;“*) „вода на Дунаѣ хотя все еще высока, но безостановочно убываетъ,“ слѣдовательно ширина рѣки суживается, отчасти уменьшается и быстрота теченія... На Нижнемъ Дунаѣ, у Браилова и Галаца, наши войска стоятъ твердою ногой, и небольшія части, перейдя на правый берегъ, подвигаютъ свои аванпосты отъ Гечета къ Мачину.

Все это факты говорящіе о приближеніи момента переправы. Но гдѣ и когда именно она совершится, это хранится въ глубокой тайнѣ. Движеніе и расположеніе

*) *Русскій Инвалидъ.*

нашихъ войскъ таково что турецкая главная квартира имѣющая на лѣвомъ берегу десятки, и можетъ-быть даже сотни шпіоновъ (еще на дняхъ захвачено человѣкъ двадцать заподозрѣнныхъ въ этомъ искусствѣ) и слѣдовательно довольно хорошо оріентированная относительно русскаго расположенія, видимо не можетъ вывести изъ получаемыхъ свѣдѣній никакого заключенія. Туркамъ повидимому первоначально было ясно только то что главная переправа совершится не у Галаца и не у Браилова. Они слѣдовательно понимаютъ или понимали что русскія операціи въ этомъ мѣстѣ имѣютъ цѣлью наиболѣе полное охраненіе сообщеній. Теперь же, если вѣрить послѣднимъ телеграммамъ, то и въ этомъ Турки начинаютъ сомнѣваться и подвигаютъ къ Мачину значительный корпусъ.

Но непріятель не догадывается о пунктѣ переправы и не знаетъ совершится ли она выше или ниже Рущука. Это доказываютъ фортификаціонныя работы предпринятыя ими и выше, и ниже упомянутой крѣпости. Это подтверждается также извѣстіями идущими въ заграничную туркофильскую печать, которая поперемѣнно указываетъ то на окрестности Никополя и Систовой, то на Туртукай, то на какіе-то невѣдомые *пять* пунктовъ разомъ, то наконецъ на Кладово въ Сербіи.

Недоумѣніе непріятеля есть лучшая похвала для штаба Дѣйствующей Арміи и для всѣхъ распоряженій сдѣланныхъ въ видахъ „скрытія истиннаго пункта переправы.“

Скрыть этотъ пунктъ, лишить противника возможности угадать его, значитъ на половину обезпечить успѣхъ предпріятія.

Другое условіе успѣшности переправы, именно возможность сосредоточить къ избранному пункту большія силы въ наикратчайшій срокъ, повидимому, также удовлетворено, тѣмъ болѣе что массы нашихъ войскъ очевидно расположены такъ что могутъ одинаково быстро собраться къ любому пункту, ибо иначе Турки обратили бы большее вниманіе на какой-либо одинъ пунктъ, именно на тотъ куда могутъ быть быстрѣе сосредоточены наши силы.

Такъ какъ начатіе дѣйствій при переправѣ принадлежитъ всегда нападающему, то обыкновенно оборона старается избрать такое расположеніе чтобы съ своей стороны явиться къ угрожаемому пункту въ большихъ силахъ. Соблюденіе этого пріема для Турокъ сопряжено однако съ важными затрудненіями, какъ по направленію и свойству путей пролегающихъ по правому берегу, такъ и въ виду необходимости блюсти значительное число укрѣпленныхъ пунктовъ на берегу. Турки такимъ образомъ почти не могутъ держаться такъ сосредоточенно какъ можетъ-быть хотѣлось бы имъ, и думаютъ восполнить недостатокъ живой силы войскъ укрѣпленіями. Въ результатѣ положеніе сторонъ, въ ожиданіи переправы, обрисовывается въ такихъ чертахъ: Русскія войска сосредоточены, вполнѣ располагаютъ возможностью собрать къ тому или другому пункту силы достаточныя для успѣха предпріятія и скорѣе чѣмъ непріятель можетъ приспособиться къ противодѣйствію. Серіозныя трудности могутъ быть только техническія, при переправѣ черезъ такую рѣку какъ Дунай; затрудненія могутъ встрѣтиться также со стороны турецкихъ „временныхъ“ укрѣпленій, повидимому не особенно сильно вооруженныхъ. Между тѣмъ, Турки лишены возможности хотя приблизительно угадать: *гдѣ*, *когда* и въ какихъ силахъ русскія войска предпримутъ переправу; Турки лишены выгодъ сосредоточеннаго расположенія дабы успѣшно противодѣйствовать переправѣ, а вмѣстѣ и дальнѣйшимъ нашимъ предпріятіямъ.

Съ другаго театра войны, изъ Азіятской Турціи, послѣднее извѣстіе говоритъ о началѣ осадныхъ работъ подъ Карсомъ и объ открытіи дѣйствія нашихъ осадныхъ батарей построенныхъ противъ укрѣпленій вѣнчающихъ Карадагскія высоты, командующія всѣми возвышенностями окружающими городъ, а также противъ укрѣпленія Мухлиса построеннаго на Чахмакскихъ высотахъ. На Карадагскихъ высотахъ въ настоящее время расположены два укрѣпленія: Арабъ и Карадагъ. Оба они сооружены недавно и представляютъ собою очень сильныя укрѣпленія, замкнутыя съ горжи каменными казармами; укрѣпленіе же Карадагъ, кромѣ того, обстрѣливается небольшимъ редутомъ Зіаретъ, сооруженнымъ въ тылу главнаго укрѣпленія, на каменномъ основаніи, имѣющемъ 21 футъ высоты, съ котораго открываются всѣ укрѣпленія форта Карадагъ. Грунтъ Карадагскихъ высотъ очень каменистъ, вслѣдствіе чего земляные валы ихъ укрѣпленій насыпаны изъ привозной земли, и оборона ихъ по той же причинѣ не усилена рвами, а впереди ихъ устроены только гласисы

приспособленные къ артиллерійской и ружейной оборонѣ.

Тылъ обоихъ укрѣпленій обстрѣливается также съ цитадели построенной на продолженіи тѣхъ же Карадагскихъ высотъ, на западномъ ихъ гребнѣ.

Прежнія войны выяснили значеніе этихъ высотъ. Въ кампанію 1828 года, онѣ были удачно штурмованы гренадерскою бригадой Н. Н. Муравьева. Взятіе этихъ высотъ вынудило гарнизонъ крѣпости на безусловную сдачу. Въ кампанію 1855 года огонь съ укрѣпленія Арабъ сильно затруднялъ движеніе колонны генерала Бакланова, штурмовавшаго Чахмакскія высоты, и остановили ихъ первый натискъ на укрѣпленіе Виліамсъ-паша.

Укрѣпленіе Мухлисъ есть то самое которое первымъ пало подъ стремительнымъ натискомъ колонны Бакланова въ 1855 году. Въ настоящее время оно перестроено, причемъ на усиленіе его оборонительныхъ качествъ обращено было особенное вниманіе турецкихъ или, вѣрнѣе сказать, англійскихъ инженеровъ.

Всѣ три выше упомянутые форта суть ключъ Карскаго укрѣпленнаго лагеря, что̀ вполнѣ оправдывается примѣрами предшедшихъ войнъ, которыя указали на важное ихъ значеніе, и нѣтъ сомнѣнія что какъ только нашимъ войскамъ удастся занять эти высоты теперь, участь Карса будетъ рѣшена въ нѣсколько дней, а можетъ-быть и часовъ.

№ 142.

Москва, 9-го іюня.

Возродившаяся недавно дипломатическая газета *Голосъ*, въ № 116, глумится надъ „патріотическимъ хоромъ русскихъ публицистовъ“ разславившихъ на весь міръ въ „жалостныхъ статьяхъ“ *отчаянное* будто бы положеніе Черногорцевъ, и даже доказывавшихъ что оно было результатомъ политики Австро-Венгріи, которая поспѣшила выхлопотать у Россіи нейтралитетъ Сербіи, такъ какъ иначе не могло бы случиться чтобы Черногорцы были подавлены численнымъ превосходствомъ Турокъ, еслибъ угрожающее положеніе Сербіи вынуждало Порту держать у ея границъ извѣстную часть своихъ войскъ.

Дѣйствительно, такъ дѣло и представлялось всѣмъ читавшимъ телеграммы которыя приходили не отъ однихъ нашихъ корреспондентовъ, а также и отъ вѣнскаго телеграфнаго *Correspondenz-Bureau*. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не съ Сербской границы, не отъ Сѣницы и Новаго Базара были стянуты войска которыя, подъ начальствомъ Мехмедъ-Али-паши, ударили съ востока на Черногорцевъ, между тѣмъ какъ имъ уже приходилось отбиваться съ сѣвера и юга отъ превосходныхъ силъ непріятеля? Развѣ Черногорцы не были принуждены снять осаду Никшича, который и снабженъ теперь вновь продовольствіемъ? Развѣ Турки уже не вторглись въ Черногорію? Черногорцы совершаютъ чудеса храбрости, одерживаютъ блестящіе успѣхи, но удерживая еще свои позиціи на югѣ, они принуждены отступать шагъ за шагомъ на сѣверѣ. Развѣ всѣ телеграммы съ этими подробностями не получаются и газетой *Голосъ?* Да, но не всѣ одарены такою проницательностью какъ эта дипломатическая газета, а потому всѣ, кромѣ ея, попались въ просакъ. Только она сумѣла подмѣтить „тенденціозный характеръ“ въ толкахъ объ отчаянномъ положеніи Черногорцевъ, и поясняетъ своимъ читателямъ что „бѣлыя нитки которыми сшита вся эта интрига черезчуръ уже замѣтны.“

Въ чемъ же интрига? Мы были бы несказанно рады еслибъ оказалось что всѣ послѣднія телеграммы были ошибочны, и что, напротивъ, Турки, не смотря на свою подавляющую численность, повсюду бѣжали. Но отчего же, напротивъ, получались все извѣстія противоположнаго, и притомъ *тенденціознаго* характера? И откуда идетъ эта „тенденція?“ А вотъ послушайте.

Упомянутая газета утѣшаетъ читателей вѣстью о полномъ пораженіи Сулейманъ-паши, который, какъ извѣстно, двигался къ Никшичу. Это утѣшеніе дается на основаніи телеграммы изъ *Константинополя* спеціальнаго корреспондента *Голоса* который, безъ всякихъ поясненій, въ двухъ строкахъ объявляетъ что „полное пораженіе Сулейманъ-паши признается Портой.“ Удивительно только какъ это упомянутая газета ежедневно получаетъ телеграммы отъ своего корреспондента изъ Константинополя, которыя доходятъ къ ней въ однѣ сутки, между тѣмъ какъ извѣстно что Порта затрудняетъ передачу телеграммъ даже пословъ, на что̀ обращено было вниманіе ихъ правительствъ. Сознавая однако,

повидимому, слабое основаніе этого факта, газета *Голосъ* подтверждаетъ его собственными соображеніями, болѣе ясными и неопровержимыми. Для нея ясно какъ Божій день что толки объ отчаянномъ положеніи Черногорцевъ не что иное какъ продѣлки „бѣлградскихъ *макіавелей* (sic)," ибо начало этихъ толковъ совпало де съ новою попыткой „сербской партіи войны" вовлечь это княжество въ нынѣшнюю борьбу на Востокѣ. „Какъ только въ Бѣлградѣ узна„ли," наставительно повѣствуетъ *Голосъ*, „что Русскому правительству, по разнымъ „уважительнымъ причинамъ, не совсѣмъ„то желательно *содѣйствіе* Сербіи, немед„ленно же оказалась необходимость дока„зывать *пользу* и даже *необходимость* это„го содѣйствія. И вотъ, изъ Рагузы и изъ „разныхъ другихъ пунктовъ вдругъ поле„тѣли извѣстія о разбитіи Черногорцевъ „на голову, о страшной опасности будто „бы грозящей геройскому *народцу* князя „Николая." Проницательная газета сразу проникла заднюю мысль съ которою распускались эти слухи. Она, впрочемъ, великодушна къ русскимъ публицистамъ, и снисходитъ думать что „люди кричавшіе „объ излишней сговорчивости Русскаго пра„вительства на злокозненныя попытки Авв„стро-Венгрія не догадывались о ловушкѣ „устроенной ихъ горячему патріотизму бѣл„градскими *макіавелями*." И для сихъ послѣднихъ находятся *circonstances atténuantes*. Дипломаты *Голоса* полагаютъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго что сами бѣлградскіе политики были безсознательными орудіями нѣкоторыхъ мадьярскихъ туркофиловъ, „разныхъ гг. Ираньи и К°, ко„торымъ въ настоящую минуту было бы „въ высшей степени желательно чтобы Рос„сія сдѣлала какой-нибудь шагъ позволяю„щій утверждать что она грозитъ (?) инте„ресамъ Австро-Венгріи." Вотъ вамъ загадка! Черногорцы отступаютъ подавляемые численностью враговъ, и Турки вторгаются въ Черногорію, — и это все выдумки гг. Ираньи и К° чтобы поссорить Россію съ Австро-Венгріей. Не покажется ли всякому смыслъ загадки скорѣе въ томъ что дипломаты пишущіе въ *Голосъ* слишкомъ усердно заботятся объ интересахъ Австро-Венгріи?

Но верхъ совершенства, предъ чѣмъ блѣднѣютъ всѣ приведенныя цитаты изъ *Голоса*, есть его заключительное признаніе что для всѣхъ означенныхъ соображеній у него вовсе нѣтъ фактовъ, и что стало-быть все это его собственныя, ни на чемъ не основанныя измышленія. Вотъ буквально его слова:

„Мы не имѣемъ, конечно, подъ рука„ми достаточно убѣдительныхъ фактовъ „для того чтобъ утверждать что такова „была именно подкладка всей этой исто„ріи; но читатели поймутъ, вѣроятно, по„чему, подозрѣвая существованіе этой под„кладки, мы воздерживались отъ всякаго „участія въ хорѣ русскихъ публицистовъ, „сыпавшихъ за это время жалостными стать„ями о горькой участи Черногоріи, поки„нутой Россіей въ угоду Австріи."

Однако самый забавный куріозъ даже не въ томъ что выстрѣлъ противъ русскихъ публицистовъ оказался холостымъ зарядомъ. Выходитъ что *Голосъ* выстрѣлилъ въ себя. Въ томъ же самомъ № 116, на той же страницѣ, и прежде статьи о которой мы сейчасъ говорили, помѣщено военное обозрѣніе, и въ немъ читаемъ слѣдующее: „*Къ сожалѣнію*, теперь на дѣлѣ „Черногорцы испытали вліяніе политики. „*Вынужденный нейтралитетъ Сербіи раз„вязалъ руки Туркамъ и далъ возможность „сосредоточить* значительныя силы."

Въ какое же недоумѣніе поставленъ бѣдный читатель петербургской газеты! Если онъ прельстится остроуміемъ ея дипломатической статьи, то ему остается думать что публицисты *Голоса* находятся подъ вліяніемъ Ираньи и К°. Если же болѣе сильное впечатлѣніе произведутъ на читателя факты военнаго обозрѣнія, то тѣмъ отвратительнѣе для него покажется дипломатическое гаерство вслѣдъ затѣмъ помѣщенной статьи...

№ 143.

Москва, 10-го іюня.

„Скрыть истинный пунктъ переправы черезъ Дунай, лишить противника возможности угадать его, значитъ на половину обезпечить успѣхъ предпріятія," говорили мы третьяго дня, обсуждая теперешнее положеніе нашей Дѣйствующей Арміи въ Румыніи. И въ самомъ дѣлѣ сохраненіе „военной тайны" нигдѣ не имѣло такого громаднаго значенія какъ при предстоящей переправѣ Русскихъ войскъ на правый берегъ Дуная. Какъ бы мы ни были увѣрены

въ успѣхѣ, но нельзя не признать что отъ соблюденія въ секретѣ предположеній и распоряженій главнаго штаба зависятъ размѣры неизбѣжнаго въ этомъ трудномъ дѣлѣ кровопролитія. Вотъ почему нигдѣ такъ не были умѣстны самыя строгія мѣры противъ военныхъ шпіоновъ, лазутчиковъ и соглядатаевъ всякаго рода. Затрудненіе неизбѣжно встрѣченное въ этомъ отношеніи нашими военными властями заключалось въ томъ что армія наша находится на чужой территоріи, и мѣры предупредительныя и карательныя противъ шпіоновъ зависятъ скорѣе отъ румынскихъ властей нежели отъ нашей команды. Повидимому, Турки воспользовались этимъ положеніемъ, и у нихъ нѣтъ недостатка въ шпіонахъ высматривающихъ передвиженія и позиціи нашихъ войскъ на Дунаѣ. Нѣсколько дней тому назадъ мы воспроизвели телеграмму изъ Плоештъ, появившуюся въ *Русскомъ Мірѣ*, въ которой было сообщено что въ районѣ нашей арміи масса шпіоновъ, что въ портовыхъ городахъ Дуная „кишмякишатъ подозрительныя личности," и что попадаются лица съ явными уликами доказывающими что они собираютъ свѣдѣнія для турецкаго лагеря.

Но какъ ни опасны лазутчики по профессіи, за ними все-таки легче услѣдить нежели за лицами которыя занимая болѣе высокое положеніе и подъ видомъ какого-либо опредѣленнаго занятія, могутъ тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ заниматься ремесломъ соглядатая. Отдавая должную справедливость радушію оказанному въ Русской арміи представителямъ печати, мы не можемъ, однако, не имѣть опасенія что среди газетныхъ корреспондентовъ могутъ оказаться люди которые во зло употребятъ оказанное имъ довѣріе. Мы далеки отъ мысли о стѣсненіи того широкаго простора который въ Дѣйствующей Арміи предоставленъ всемірной журналистикѣ. До сихъ поръ этотъ просторъ имѣлъ лишь добрыя послѣдствія, ибо газетныя корреспонденціи разсѣяли всѣ небылицы которыя еще недавно злонамѣренно распространялись о военныхъ силахъ Россіи, между тѣмъ какъ теперь други и недруги одинаково отдаютъ справедливость нашей арміи. Но мы думаемъ что никто не упрекнулъ бы русское начальство въ излишней подозрительности еслибъ она была направлена противъ представителей тѣхъ органовъ заграничной печати которые всѣми способами враждуютъ противъ Россіи и находятся въ сношеніяхъ съ Турецкимъ правительствомъ. Эти газеты, имѣя своихъ офиціально-признанныхъ корреспондентовъ при Русской арміи, и до сихъ поръ продолжаютъ свои злобныя выходки противъ Россіи, и нѣтъ той клеветы и неправды которой они не поспѣшили бы дать ходъ если только она касается Россіи. Для примѣра укажемъ на *Кельнскую Газету*; отношенія ея къ турецкой дипломатіи всѣмъ извѣстны; извѣстно также какъ рѣзко выдѣляется эта газета отъ всѣхъ прочихъ сѣверо-германскихъ газетъ по ея тону къ Россіи и ко всему славянскому міру. *Кельнская Газета* имѣетъ въ Румыніи не одного, а нѣсколькихъ корреспондентовъ. И вотъ въ письмѣ одного изъ нихъ изъ Букурешта, отъ 11 іюня, мы, между прочимъ, встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія именно по щекотливому вопросу о военныхъ шпіонахъ. Эти замѣчанія очень любопытны: корреспондентъ передаетъ „господствующее" будто бы въ Букурештѣ убѣжденіе что Турки „вовсе не позаботились организовать шпіонскую службу въ Румыніи." И онъ видимо сожалѣетъ о такой небрежности Турокъ! „Едва ли можно себѣ представить," разсуждаетъ онъ, „другой театръ войны гдѣ *быстрыя* и *вѣрныя* свѣдѣнія о движеніяхъ русскихъ войскъ имѣли бы для противника столь громадную важность какъ въ данномъ случаѣ." Недовольствуясь и этимъ, корреспондентъ почтеннаго органа указываетъ Туркамъ что „при теперешнемъ развитіи телеграфной сѣти и въ виду близости австрійской границы *было бы вообще очень легко организовать шпіонство*." Согласитесь что трудно также себѣ представить „другой театръ войны" гдѣ газетный корреспондентъ, коему оказано гостепріимство въ одномъ лагерѣ, позволялъ бы себѣ открыто давать подобнаго рода наставленія непріятелю.

Но пусть успокоится заботливый корреспондентъ кельнскаго органа Порты! У Турокъ имѣются шпіоны въ достаточномъ количествѣ, и при томъ не одни лазутчики изъ „темныхъ людей." Въ этомъ отношеніи мы можемъ дополнить приведенное выше сообщеніе русской газеты другимъ еще болѣе интереснымъ. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 11 іюня, помѣщенномъ въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*: „Отъѣздъ здѣшняго военнаго уполномоченнаго при ан-

„глійскомъ посольствѣ, капитана Уэллес-„лея, въ русскую главную квартиру въ „Плоештахъ не имѣетъ теперь никакого „особеннаго значенія. Но нѣсколько не-„дѣль тому назадъ этому обстоятельству „можно было бы придать несомнѣнное „значеніе. Разрѣшеніе данное англійскому „военному уполномоченному, по его прось-„бѣ, присоединиться къ главной квартирѣ, „есть не что иное какъ актъ вѣжливости, „такъ какъ французскій военный уполно-„моченный, полковникъ Гальяръ, уже съ „ноября находится при Дѣйствующей Ар-„міи, а уполномоченные Германіи и Ав-„стріи нынѣ во второй разъ прибыли на „театръ войны въ свитѣ Императора. Вотъ „почему политическое значеніе имѣло бы „лишь недопущеніе англійскаго военнаго „агента. Впрочемъ, капитану Уэллеслею „было внушено чтобъ онъ былъ осмотри-„теленъ при выборѣ лицъ долженствую-„щихъ сопровождать его. Русское началь-„ство недавно имѣло случай убѣдиться что „*представители одной великой державы* „*посылаютъ своему правительству всевоз-*„*можными окольными путями, а иногда* „*безо всякаго стѣсненія изъ среды района* „*самой русской арміи, шифрованныя де-*„*пеши о движеніи русскихъ войскъ*, и что „страннымъ образомъ вслѣдъ затѣмъ пред-„положенія русскаго начальства о пере-„движеніяхъ войскъ становятся въ точности „извѣстны турецкимъ командирамъ и крѣ-„постнымъ комендантамъ. Говорятъ что „былъ даже вычисленъ промежутокъ вре-„мени, и оказалось что онъ равняется какъ „разъ столькимъ часамъ *сколько нужно* „*для препровожденія депеши въ Лондонъ*, „*а оттуда въ Константинополь, Рущукъ*, „*Виддинъ* и пр. Русское начальство довол-„ствовалось пока констатированіемъ этого „факта и сообщеніемъ онаго къ свѣдѣнію „министерству иностранныхъ дѣлъ. Но если „этотъ деликатный намекъ не поведетъ къ „желаемымъ послѣдствіямъ, то все это дѣ-„ло будетъ раскрыто, и очень скоро, предъ „цѣлою Европой.“

Это сообщеніе *Политической Корреспон-денціи* было передано по телеграфу въ Берлинъ вѣнскимъ спеціальнымъ корреспондентомъ *Національной Газеты*. Вотъ тѣ замѣчанія коими названная газета сопровождаетъ это сообщеніе: „Обвиненіе заклю-„чающееся въ этихъ строкахъ, появившись „въ столбцахъ органа занимающаго такое „положеніе какъ *Политическая Корреспон-*„*денція*, столь тяжко что поневолѣ колеб-„лешься придать ему полную вѣру. Пра-„вительство находящееся въ ладу съ дру-„гою державой и во зло употребляющее „свое оффиціальное положеніе для шпіон-„ства, это было бы такимъ нарушеніемъ „народнаго права что это не только да-„вало бы право потерпѣвшему правитель-„ству на самый рѣзкій протестъ, но и „омрачило бы честь правительства винов-„наго въ подобныхъ дѣяніяхъ.“

Мы ограничиваемся воспроизведеніемъ указаннаго сообщенія и замѣчаній чуже-земной газеты впредь до разъясненія этого дѣла, которое нынѣ уже не можетъ остать-ся не раскрытымъ, въ интересахъ самой Англіи.

№ 144.

Москва, 11-го іюня.

Мы замѣтили что Турки не могутъ уга-дать главнаго, или по крайней мѣрѣ на-иболѣе вѣроятнаго, пункта переправы на-шихъ войскъ черезъ Дунай. Полученныя послѣ того телеграммы подтверждаютъ это предположеніе, говоря прямо что „Порту „извѣстили о намѣреніи Русскихъ перейти „Дунай не на востокѣ, а на западѣ. Из-„вѣстіе это вызвало *переполохъ* и немед-„ленно было отдано приказаніе совершить „передвиженіе войскъ на Дунаѣ.“ Въ силу этого приказанія „съ различныхъ пунк-товъ“ турецкія войска были двинуты къ Никополю, то-есть на протяженіе Дуная между Виддиномъ и Рущукомъ, такъ какъ Турокъ уже начало озабочивать „сосредо-точеніе“ русскихъ войскъ у Турнъ-Ма-гурели.

Послѣднее распредѣленіе турецкихъ войскъ на Дунаѣ переданное въ телеграммѣ нашего корреспондента изъ Аѳинъ отчасти объясняетъ причины этого переполоха. Дѣйствительно, дѣля все теченіе Дуная (фронтъ Турокъ) на двѣ части, восточную и западную (правый и лѣвый флангъ), и принимая за средину Туртукай, увидимъ что въ восточной (правой) половинѣ у Ту-рокъ было сосредоточено 127 баталіоновъ, а въ лѣвой, западной, включая и Виддинъ, только 86. При такомъ распредѣленіи, Турки весьма естественно испугались сла-бости своего лѣваго фланга какъ только прослышали о скопленіи противъ него зна-чительныхъ русскихъ силъ.

Можно бы думать что Турки ожидали русской переправы ниже Рущука, даже ниже Силистріи, но внимательное разсмотрѣніе ихъ дислокаціи приводитъ къ иному заключенію. Наибольшая масса турецкихъ войскъ была расположена въ извѣстномъ „четырехъугольникѣ,“ образуемомъ Рущукомъ, Силистріей, Шумлой и Варной. Тутъ было 148 баталіоновъ, половина которыхъ могла бы быть подвезена къ Рущуку по желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ оказывается что Турки, въ ожиданіи пока выяснятся обстоятельства, при которыхъ придется дѣйствовать, держались въ положеніи дававшемъ имъ возможность скоро сосредоточить свои силы на пространствѣ между Рущукомъ и Силистріей. Для Турокъ такая дислокація была тѣмъ что обыкновенно называютъ центральнымъ расположеніемъ за обороняемою линіей.

Передвиженія турецкихъ войскъ начались, какъ извѣстно, уже нѣсколько дней назадъ, такъ что теперь приходятъ, надо полагать, къ концу. Какія бы сосредоточенія и передвиженія Турки ни совершали, основный недостатокъ ихъ расположенія не устраняется, и силы, которыя они стянутъ къ тому или другому угрожаемому пункту, не могутъ быть столь значительны чтобы задержать переходъ нашихъ войскъ за Дунай. Вопервыхъ, Турки располагаютъ въ первой линіи всего лишь 213 баталіонами, т.-е. всего 130 тысячами человѣкъ, изъ коихъ свыше пятидесяти тысячъ должны быть оставлены въ крѣпостяхъ Виддинѣ, Рущукѣ, Силистріи, Шумлѣ и въ Добруджѣ, такъ что для дѣйствія въ полѣ не можетъ быть собрано больше 80 тысячъ человѣкъ. И вотъ все, или почти все, что можетъ быть выставлено Турками противъ русскихъ и румынскихъ войскъ, численное превосходство которыхъ несомнѣнно.

Если Портѣ „дано знать“ за который изъ фланговъ нужно опасаться больше, за который меньше, то конечно сообщено и то что русскія силы сосредоточиваемыя на Дунаѣ далеко значительнѣе нежели предполагали въ Константинополѣ. Для Порты было конечно весьма непріятно узнать свою ошибку которая будетъ стоить такъ дорого. Отсюда *переполохъ*, отсюда торопливыя распоряженія съ цѣлью чтобы хоть сколько-нибудь приготовиться встрѣтить тѣ грозныя силы которыя стоятъ теперь за Дунаемъ и оказываются *значительно больше чѣмъ предполагалось можетъ-быть и не въ одномъ Константинополѣ.*

Оборона Дуная для Турокъ все: лишь только они проиграютъ на Дунаѣ, и Русскіе станутъ твердою ногой на его правомъ берегу, Турки будутъ вынуждены очистить Болгарію, по крайней мѣрѣ по сю сторону Балканъ: недостатокъ кавалеріи, о которомъ свидѣтельствуетъ не одинъ впрочемъ аѳинскій корреспондентъ нашъ, но почти вся заграничная печать, лишаетъ ихъ возможности маневрировать съ толкомъ, то-есть соображать свои движенія и расположеніе съ русскими, и дѣлаетъ ихъ тылъ и сообщенія не обезпеченными.

Что Турки сознаютъ свою слабость на Дунаѣ и ищутъ средствъ такъ или иначе поправить дѣло, это обнаруживается, съ одной стороны, въ усиліяхъ скорѣе подавить Черногорію, а съ другой разчетъ на австрійское занятіе Босніи, Сербіи и Герцеговины,—занятіе, которое дало бы возможность двинуть хоть часть турецкихъ войскъ оттуда къ Дунаю.

Въ Азіи, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣло стоитъ на торной дорогѣ, и участь Карса можно считать рѣшенною. Долго держаться онъ не можетъ. Еще на дняхъ, около 9 іюня, стало извѣстно что продовольственные запасы Карса скудны, что ихъ можетъ хватить развѣ до конца іюня, а не на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ полагали первоначально. Теперь затруднительное положеніе гарнизона, состоящаго, какъ утверждаютъ перебѣжчики, всего изъ 15.000 человѣкъ, стало положительно извѣстно, и притомъ изъ источниковъ не подлежащихъ сомнѣнію. Перехваченная нашими войсками корреспонденція изъ Карса въ Эрзерумъ свидѣтельствуетъ что взаимное неудовольствіе жителей и гарнизона, о которомъ говорили съ первыхъ дней появленія нашихъ войскъ подъ Карсомъ, перешло теперь въ серіозное „волненіе народа требующаго сдачи крѣпости.“ „Ужасъ“ господствующій среди населенія очевидно сообщился и войскамъ: осажденный требуетъ помощи со стороны Эрзерума, угрожая въ противномъ случаѣ сдачей. Удачное дѣйствіе нашихъ осадныхъ батарей конечно не мало способствуетъ упадку духа гарнизона и жителей, а бомбардированіе между тѣмъ продолжается безъ перерыва и притомъ успѣшно. Наши снаряды съ точностью какой можно ожидать только развѣ на учебныхъ полигонахъ ложатся

въ городѣ и въ укрѣпленіяхъ; непріятель отвѣчаетъ слабо и выстрѣлы его почти безвредны: за два дня, 9 и 10 іюня, наша потеря состояла всего изъ девяти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Спасти Карсъ могло бы только движеніе значительныхъ турецкихъ силъ на выручку и удачный бой въ полѣ, который вынудилъ бы снять осаду. Но ожидать чего-либо подобнаго едва ли возможно, да и неоткуда, если и въ самомъ Эрзерумѣ господствуетъ паника. Правда, Мухтаръ-паша какъ гласятъ послѣднія извѣстія, расположился у Кёпри-кіой и могъ бы съ юго-запада подать руку гарнизону Карса, но движеніе генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова къ югу отъ Карса, черезъ Котанлы къ Али-Софы, поддерживая отрядъ дѣйствующій отъ Баязета на Алашкертъ, предупреждаетъ подобную попытку которая должна кончиться для Турокъ также неудачно какъ недавній бой на Баязетскомъ шоссе, у Зейдекана, результатомъ котораго было *поспѣшное*, слѣдовательно безпорядочное отступленіе...

№ 146.

Москва, 13-го іюня.

Оборонительная линія Турокъ на Дунаѣ прорвана. Нижнимъ Дунаемъ окончательно овладѣли русскія войска, еще разъ доказавшія что отвага, самоотверженіе и преданность долгу могутъ преодолѣть всевозможныя препятствія поставляемыя непріятелемъ и самою природой.

Въ ночь съ 9 на 10 іюня, на долю 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи (полки Ряжскій и Рязанскій) выпало серіозное испытаніе. На эту бригаду было возложено, какъ сказано въ телеграммѣ военнаго министра, *трудное порученіе* переправиться на судахъ черезъ Дунай, у Галаца, и занять высоты Буджака.

На подвигъ этотъ посланы первоначально только десять ротъ. Первыми подходятъ къ Турецкому берегу у селенія Азамку Рязанцы. Турки встрѣчаютъ ихъ убійственнымъ огнемъ изъ устроенныхъ на берегу ложементовъ. Не взирая на этотъ огонь и увлеченные примѣромъ своихъ офицеровъ—Эльснера и Сушкова—Рязанцы геройски бросаются впередъ, выбиваютъ непріятеля изъ ложементовъ и утверждаются на берегу. Непріятельская кавалерія бросается остановить ихъ успѣхъ, но подоспѣвшія двѣ роты Ряжскаго полка заставляютъ Турокъ податься назадъ.

Къ семи часамъ утра непріятель получаетъ подкрѣпленіе и переходитъ въ наступленіе. Но несмотря на численный перевѣсъ, на покровительство огня двухъ орудій, несмотря на помощь кавалеріи, Турки не выиграли ни шагу. Наша пѣхота по-Суворовски дралась въ рукопашную, бросаясь въ штыки даже на кавалерію. Только къ концу дѣла прибыло на помощь Рязанцамъ и Ряжцамъ *одно* орудіе. Бой принимаетъ „новый оборотъ.“ Турки прекращаютъ огонь и отступаютъ, а къ нашимъ подходятъ остальныя части бригады и утверждаются на высотѣ Буджака, на полпути отъ Галаца къ Мачину, близъ селенія Гарвина.

Дѣло у Буджака произвело на Турокъ сильное впечатлѣніе. Крѣпость Мачинъ была ими брошена, и утромъ 11-го, четвертый въ 17-й дивизіи, Лейбъ-Бородинскій Его Величества полкъ съ распущенными знаменами торжественно вступилъ въ Мачинъ при звукахъ нашего народнаго гимна, встрѣченный христіанскимъ населеніемъ въ предшествіи духовенства съ крестами, иконами, хоругвями и хлѣбомъ-солью.

Съ занятіемъ Мачина обезпечена переправа бо́льшихъ силъ въ любомъ мѣстѣ этой части Дуная: у Браилова, Галаца или Рени. Устройство моста, для котораго, какъ утверждаютъ, собраны тутъ всѣ необходимые матеріалы, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій.

Сосредоточеніе на правомъ берегу Нижняго Дуная значительныхъ силъ обезпечиваетъ наши сообщенія и облегчаетъ операціи на среднемъ Дунаѣ, гдѣ Турки ждутъ главнаго удара.

Переправа у Галаца есть только приступъ къ переправѣ. На это указываетъ расположеніе нашихъ войскъ занимающихъ всю Большую Валахію, вплоть до Алуты, и пребываніе нашей главной квартиры въ Плоешти.

11 іюня, Его Величество посѣтилъ Галацъ, осчастливилъ милостивымъ вниманіемъ раненыхъ, наградилъ отличившихся.

Слѣдомъ за переправой у Галаца Турки ждали и ждутъ перехода нашихъ войскъ и ниже и выше Рущука, откуда и сообща-

ютъ объ этомъ *за достовѣрное* въ *Кельнскую Газету*.

„За переправой на нижнемъ Дунаѣ долж„на послѣдовать одновременно переправа „между Рущукомъ и Туртукаемъ, и между „Систовой и Никополемъ.“

„Мѣстность въ этихъ пунктахъ, разсуждаютъ въ турецкой главной квартирѣ, представляетъ большія удобства для переправы.“ „Устье Алуты впадающей въ Дунай,“ пишетъ турецкій корреспондентъ *Neue Freie Presse*, „закрыто лѣскомъ дающимъ „возможность скрыто подготовить мостовой матеріалъ, собрать пролеты моста и „затѣмъ вывести ихъ въ Дунай. У Изла„ца, румынскій берегъ командуетъ турец„кимъ, а на Дунаѣ лежитъ значительный и „возвышенный островъ за которымъ очень „удобно совершить посадку на суда дес„санта и безнаказанно подвести его очень „близко къ турецкому берегу. У Турнъ„Магурели переправа также удобна, но „лѣвый берегъ ниже праваго.“ Въ ожиданіи здѣсь предпріятія со стороны Русскихъ Турки сосредоточили въ Никополѣ 15 баталіоновъ съ тремя батареями. На валахъ Никополя поставлено 80 орудій, изъ коихъ 18 Крупповскихъ.

Не менѣе удобною для переправы Русскихъ Турки считаютъ полосу Дуная между Рущукомъ и Туртукаемъ, гдѣ еще такъ недавно наша дунайская флотилія съ геройскимъ самоотверженіемъ произвела минныя загражденія. Здѣсь Турки собрали 13 баталіоновъ и 16 орудій, поставивъ на укрѣпленіяхъ Туртукая между прочимъ четыре десятицентиметровыя Крупповскія пушки.

Ожиданія Турецкой главной квартиры имѣющей такъ много шпіоновъ, и даже шпіоновъ съ офиціальнымъ положеніемъ, могутъ однако не оправдаться, какъ не оправдались они на нижнемъ Дунаѣ. Тамъ, если вѣрить корреспонденту *Кельнской Газеты*, очевидно близко знакомому съ турецкими штабами, Турки ждали Русскихъ на пространствѣ отъ Мачина до Гирсовой, чѣмъ вѣроятно и объясняется то обстоятельство что для противодѣйствія переправѣ у Галаца они располагали всего тремя тысячами войскъ при двухъ только орудіяхъ.

Избраніе пункта переправы у Галаца, именно тамъ гдѣ Турки всего менѣе насъ ожидали, быстрое и энергическое приведеніе задуманнаго плана въ исполненіе свидѣтельствуетъ о мастерскомъ умѣньи достигать серіозныхъ результатовъ съ наименьшимъ рискомъ, „щадя дорогую русскую кровь. Переправа подъ огнемъ, бой до полудня и занятіе огромнаго пространства на правомъ берегу, вмѣстѣ съ турецкою крѣпостью, обошлось относительно не дорого: 44 убитыхъ и 90 раненыхъ. А между тѣмъ офиціальная депеша объ этомъ дѣлѣ говоритъ: „Къ сожалѣнію, успѣхъ стóитъ намъ довольно значительной потери.“ Эта черта ярко отличаетъ настоящую кампанію отъ прежнихъ.

Беречь войска и въ то же время достигать важныхъ результатовъ есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ военнаго дѣла. Исполненіе ея обставлено множествомъ весьма трудныхъ условій, особенно въ настоящую войну, въ виду безчисленныхъ соглядатаевъ. А между тѣмъ нужна тщательная и слѣдовательно неторопливая подготовка предпріятія при быстротѣ исполненія...

Что наша армія сумѣетъ справиться съ такими задачами, это доказали занятіе Барбожскаго моста, постройка батарей и наконецъ эта геройская переправа у Галаца...

Мы можетъ-быть наканунѣ главной переправы, самой трудной операціи въ цѣлой кампаніи. Геройство войскъ и искусство высшаго управленія сулятъ ей успѣхъ.

„Я увѣренъ, изволилъ сказать Его Величество сводному полку, что представители гвардіи никому не уступятъ чести первыми перейти Дунай.“

Гдѣ придется представителямъ гвардіи оправдать слова Монарха, это тайна которую, можно надѣяться, не проникнутъ ни Турки, ни ихъ доброжелатели; но что ожиданія Государя Императора будутъ оправданы съ геройскимъ самопожертвованіемъ отличающимъ русскаго солдата, въ этомъ никто не усомнится, какъ и въ томъ что гарнизонъ Баязида окруженнаго Курдами выдержитъ ихъ атаки также мужественно какъ отбился за нѣсколько лѣтъ предъ симъ гарнизонъ Самарканда отъ полчищъ Бухарцевъ и Шахрисябцевъ.

№ 147.

Москва, 14-го іюня.

Предъ самымъ переходомъ нашихъ войскъ за Дунай посыпались и до сихъ поръ сы-

плются телеграммы тревожнаго характера изъ сферъ намъ завѣдомо недружелюбныхъ, изъ Вѣны и Лондона. Австрія готовится де приступить къ мобилизаціи; Англійское правительство хочетъ требовать у парламента кредитовъ на военные расходы: таковы были толки офиціозно сообщаемые, офиціозно опровергаемые, распространявшіе тревогу на биржахъ и, наконецъ, якобы подтверждаемые самыми опроверженіями...

Никого изъ русскихъ читателей, мы увѣрены въ томъ, эти толки не могли ни смутить, ни обезпокоить, потому что прежде всего они изобличаютъ смятеніе и тревогу въ тѣхъ самыхъ пунктахъ откуда исходятъ. Одинъ слухъ о мобилизаціи только двухъ австрійскихъ корпусовъ уже вызвалъ панику на Вѣнской биржѣ. Да и какъ ей было не встревожиться когда въ хаосѣ вѣстей невозможно и до сихъ поръ опознаться почему и зачѣмъ предполагаются военныя приготовленія, и какія особенныя обстоятельства могли въ настоящую минуту потребовать ихъ. Единственный фактъ къ коему представлялась возможность пріурочить ихъ, есть совершившійся нынѣ переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай, который уже за нѣсколько дней должны были предвидѣть въ Вѣнѣ какъ событіе неминуемое. Но если связь эта дѣйствительно существуетъ, то она характеризуетъ не что иное какъ смятеніе господствующее въ правительственныхъ сферахъ Вѣны. Трудно даже представить себѣ какимъ образомъ неминуемость русской переправы могла произвести тамъ такое сильное впечатлѣніе. Вѣдь къ этому событію въ Вѣнѣ должны были приготовиться съ самаго объявленія войны; въ Вѣнѣ въ точности знаютъ количество русскихъ войскъ давно сосредоточенныхъ въ Румыніи, и знаютъ также что только необычайное въ нынѣшнемъ году разлитіе водъ Дуная замедляло переправу. Вѣдь не могли же австро-венгерскіе политики до послѣдней минуты обманывать себя несбыточною надеждой что Русская армія только для парада собралась въ Румынію, и что всѣ русскія дѣйствія на этомъ театрѣ войны ограничатся пустою демонстраціей...

Не менѣе характеристична и смутность цѣли какая выставлялась въ объясненіе необходимости военныхъ приготовленій. Изъ Берлина шли къ намъ вѣсти будто предстоитъ параллельное дѣйствіе Австріи съ Россіей, и указывался даже въ общихъ чертахъ характеръ этого дѣйствія,—именно что Австрія займетъ де Боснію и Герцеговину, а между русскими и австрійскими войсками, въ качествѣ нейтральнаго пояса, останется Сербія. До нѣкоторой степени сходно съ этимъ, изъ Вѣны, шли толки что Австріи невозможно будетъ долго оставаться въ бездѣйствіи. Еще другаго рода извѣстія, также изъ Вѣны, выставляли поводомъ къ военнымъ мѣрамъ „необходимость спасти Черногорію.“ Между тѣмъ, въ Пештѣ, слышать не хотѣли ни о той, ни о другой изъ этихъ двухъ цѣлей, и допускали военныя мѣры лишь въ смыслѣ благопріятномъ для Турціи, *для ограниченія района* русскихъ военныхъ операцій, въ родѣ занятія Сербіи, даже Румыніи, или по крайней мѣрѣ въ видѣ военной демонстраціи со стороны Трансильваніи, что̀ имѣло бы видъ угрозы въ отношеніи къ Россіи. Итакъ, вотъ три политики: которую же изъ нихъ могло бы избрать Австро-Венгерское правительство?

Графъ Андраши, повидимому, расположенъ удержать Австрію на прежней политикѣ скрытаго доброжелательства къ Турціи. Политику эту, на которую въ Англіи возлагаютъ большія надежды (такъ какъ ничего болѣе безъ риска нельзя сдѣлать въ пользу Турціи), газета *Times* характеризовала такъ: „Австрія уже теперь „принимаетъ мощное, но безмолвное уча„стіе въ войнѣ обозначеніемъ принадлежа„щихъ ей территоріальныхъ интересовъ. „Намъ нѣтъ надобности пришпоривать Ав„стрію чтобъ она береглась противъ рус„скаго наступленія на Балканскомъ полу„островѣ, ибо бо́льшая часть этой терри„торіи несказанно важнѣе для нея чѣмъ „для Англіи. Не будь этого, Сербія по„спѣшила бы послѣдовать примѣру Румы„ніи. Останется ли она долѣе спокойною, „даже предъ страхомъ австрійскаго заня„тія, это еще сомнительно, въ особенно„сти въ виду того что ея *нейтралитетъ „далъ Туркамъ возможность свободно дви„нуть большія силы противъ Черногор„цевъ.*“ Но согласно ли съ нейтралитетомъ самой Австріи такого рода *безмолвное и мощное участіе въ войнѣ?...*

Въ Англіи также мы видимъ болѣе смятеніе чѣмъ что-либо похожее на грозныя приготовленія. Сперва, на прошедшей недѣлѣ, разнесся слухъ будто Англійскій кабинетъ, прежде чѣмъ парламентъ разойдется, потребуетъ спеціальнаго военнаго

кредита въ пять милліоновъ ф. ст., и страннымъ образомъ прежде всего это извѣстіе появилось во французскихъ газетахъ. Потомъ оно опровергалось, а наша благодушная *Agence Générale Russe*, подумавъ должно-быть что этимъ встревожатся русскіе читатели, успокоивала ихъ что кредитъ испрашивается спеціально для Индіи. Подивившись, право, какъ этому дипломатическому Русскому Всеобщему Агентству хорошо извѣстны тайны Англійскаго кабинета. Но вотъ сегодня изъ телеграммы мы узнаемъ, по словамъ *Daily Telegraph*, что внесеніе требованія чрезвычайнаго кредита отсрочено на нѣсколько дней, да и самый кредитъ этотъ сокращается уже до двухъ милліоновъ. Вчера, безо всякаго повода, Агентство Рейтера объявляло лишенными основанія слухи о разногласіяхъ въ Англійскомъ кабинетѣ по поводу этого чрезвычайнаго кредита и объ удаленіи лорда Салсбери. Сегодня, изъ полученныхъ газетъ, разгадка намъ объяснилась. Въ пришедшихъ сегодня нумерахъ торійскіе органы яростнѣе чѣмъ когда-либо выходятъ изъ себя негодуя на лорда Салсбери и прямо говорятъ что кабинетъ въ полномъ раздорѣ (*in a state of complete discordance*), и что поэтому нельзя сказать есть ли у него политика и можетъ ли она быть приведена въ исполненіе. Но почему же товарищи лорда Салсбери не могутъ отъ него отдѣлаться? Мы помнимъ что въ Крымскую войну лордъ Россель и г. Гладстонъ принуждены были выйти въ отставку когда они были противъ продолженія войны. Если предположить что лордъ Салсбери сдерживаетъ воинственный пылъ своихъ товарищей, и въ то же время видимъ что товарищи не могутъ избавиться отъ него, то должно-быть онъ опирается на какіе-либо очень сильные аргументы.

Дѣйствительно, онъ можетъ указать, и это должны видѣть въ Англіи, что при настоящемъ положеніи Европы теперь вовсе нѣтъ элементовъ для такой коалиціи въ защиту Турціи какъ въ пятидесятыхъ годахъ...

№ 148.

Москва, 15-го іюня.

Слава Богу! Армія Сулейманъ-паши разбита Черногорцами. Дай Богъ, чтобъ это извѣстіе оправдалось вполнѣ. Нашъ корреспондентъ въ Вѣнѣ не ошибся: вѣнское телеграфное бюро, такъ быстро и такъ словоохотливо сообщавшее объ успѣхахъ Сулейманъ-паши, теперь молчитъ. Ужъ это одно убѣждаетъ въ вѣрности извѣстія.

Положеніе Сулейманъ-паши послѣ пораженія должно быть критическое: его войскамъ грозитъ полное истребленіе; отступленіе, если не совсѣмъ невозможно, то въ высшей степени трудно. Турецкая армія, говоритъ одна изъ телеграммъ, „не можетъ отступить ни къ Никшичу, ни къ Спужу.“ Потеря *десяти тысячъ*, если это окажется правдой, въ семидневномъ бою который окончился пораженіемъ, не можетъ не разстроить войска, не расшатать всѣхъ внутреннихъ связей обращающихъ массы солдатъ въ войско... Пораженіе понесенное послѣ семидневнаго напряженія должно было окончательно уронить духъ турецкихъ войскъ и возвысить духъ побѣдителя, положеніе котораго можетъ-быть за нѣсколько часовъ было критическимъ.

Между побѣдой и истребленіемъ для Черногорцевъ не было середины. Турки давили ихъ своею численностью. Бои между Турками и Черногорцами имѣютъ особый характеръ, выдѣляющій ихъ изъ современнаго военнаго дѣла. Это бои большею частію рукопашные, которые длятся не нѣсколько мгновеній какъ обыкновенно, даже не нѣсколько часовъ, а много дней. Съ одной стороны страшное численное превосходство и рѣшимость не жалѣя людей раздавить противника; съ другой, высокій подъемъ богатырскаго духа. Искусство отходитъ на второй планъ. Положеніе Черногорцевъ было тѣмъ затруднительнѣе что самыя побѣды ихъ могли быть для нихъ опаснѣе нежели для Турокъ неудачи. Потеря людей Туркамъ не бѣда: за полчищами вторгшимися въ Черногорію есть другія, за Туркомъ есть другой Турокъ готовый заступить мѣсто выбывшаго; но павшаго Черногорца замѣнить некѣмъ; геройскій народъ выставилъ на защиту своихъ голыхъ скалъ все что только можетъ держать въ рукахъ оружіе... Даже одерживая побѣду за побѣдой Черногорія могла остаться безъ войска, и цѣль Турокъ была бы достигнута. Они повидимому уже не сомнѣвались въ этомъ; въ Константинополѣ шли уже толки о назначеніи одного изъ пашей дѣйствующей арміи губернаторомъ Черногоріи...

Были увѣрены въ этомъ не въ одномъ Константинополѣ. Изъ Вѣны настаивали на необходимости Черногорцамъ *покориться своей участи* и подчиниться Портѣ, такъ какъ иначе имъ де грозитъ истребленіе. Кромѣ этого совѣта, дипломатія не находила возможности ничего сдѣлать. Дипломатія, напротивъ, ухудшила ихъ положеніе своею чрезвычайною заботливостью о соблюденіи нейтралитета Сербіей. Пока положеніе ея не было выяснено, Турки не могли сосредоточить противъ Черногоріи всѣхъ тѣхъ силъ которыя выставлены теперь, — они держали противъ Сербіи значительныя силы. Дипломатія освободила ихъ.

Планъ Турокъ былъ ясенъ: имъ во что бы то ни стало было необходимо покончить съ Черногоріей ранѣе начала серіозныхъ дѣйствій на Дунаѣ. И дипломатія, и природа, казалось, были въ ихъ пользу. Необычайный разливъ Дуная задерживалъ наступленіе Русскихъ. И Турки спѣшили раздѣлаться съ Черногоріей.

Тутъ былъ хорошій стратегическій разчетъ. Раздавивъ Черногорію, они лишали русскія войска героя-союзника, привлекавшаго на себя значительныя силы, и въ свою очередь получали возможность двинуть освободившіяся въ Черногоріи войска на Русскихъ, и въ то время когда появленіе ихъ было бы для насъ особенно невыгодно, бросить ихъ во флангъ, а можетъ-быть и въ тылъ нашей арміи...

Планъ этотъ не новъ. Нѣчто подобное имѣлъ въ виду покойный фельдмаршалъ Паскевичъ излагая свои замѣчанія на проектированный императоромъ Николаемъ Павловичемъ планъ прошлой кампаніи. „Если," писалъ фельдмаршалъ, „Адріанополь и Кирикилиса станутъ защищаться, „то наши будутъ достаточно заняты, *особенно имѣя* на правомъ флангѣ войска „нашей Босніи и Далматіи..." „Положимъ, однако, что сіи паши будутъ *заняты* Австріей..." тогда положеніе русскихъ войскъ значительно облегчится. Предположеніе фельдмаршала не оправдалось. Не паши были *заняты* Австріей, не противъ нихъ была выставлена австрійская обсерваціонная армія: она грозила сообщеніямъ нашихъ войскъ дѣйствовавшихъ на Дунаѣ.

Въ настоящую войну Австрія соблюдаетъ нейтралитетъ, но желаетъ сохранить „полную свободу дѣйствій." Она не думаетъ объ оккупаціи въ настоящую минуту, но не совсѣмъ отказывается отъ нея и желаетъ имѣть возможность обратиться къ этой мѣрѣ тотчасъ „какъ того потребуютъ Австрійскіе интересы..." Она не мобилизуетъ ни одного корпуса, потому что, какъ сказалъ министръ Тиса въ Венгерскомъ парламентѣ, ея армія и безъ того де готова и можетъ быть двинута куда укажутъ обстоятельства. „Австрія, прибавилъ венгерскій министръ-президентъ, не допуститъ захвата сосѣдней области иноземною державой."

Ради своихъ интересовъ Австрія не нашла возможнымъ поддержать Черногорію, которая, впрочемъ, отнюдь и не просила ее о вмѣшательствѣ, полагаясь на Бога и на своихъ героевъ-юнаковъ; ради того же Австрія не желала, конечно, чтобы помощь Черногорцамъ явилась съ другой какой-либо стороны.

Нейтралитетъ Австріи, при тѣхъ условіяхъ которыми она обставляетъ его, очень выгоденъ Туркамъ. Они поняли это, и поспѣшили было воспользоваться выгодами.

А между тѣмъ вѣсти съ Дуная указываютъ на приближеніе момента главной переправы нашихъ войскъ. У Никополя и Систовой сосредоточиваются массы турецкихъ войскъ. Канонада съ обоихъ береговъ усиливается на всемъ протяженіи рѣки отъ Слободзеи до Виддина. Особенно сильна была вчера канонада между Рущукомъ и Журжевомъ. Турки выпустили до двухъ съ половиною тысячъ снарядовъ. Журжево сильно пострадало, но наши батареи выставленныя въ этомъ мѣстѣ остались невредимы, и потеря наша ничтожна. Напротивъ, нашими выстрѣлами разрушены двѣ турецкія батареи.

Усиленный артиллерійскій бой есть всегдашній предвѣстникъ форсированной переправы. Сбить непріятельскую артиллерію, отбросить его силы отъ берега и тѣмъ облегчить передовымъ войскамъ утвердиться на противоположномъ берегу — такова цѣль этой канонады. Любопытно что время канонады на Дунаѣ почти совпадаетъ со днемъ когда, по свѣдѣніямъ корреспондента *Politik*, должна была состояться переправа нашихъ войскъ. Разница всего одинъ день: четырнадцатаго іюня вмѣсто тринадцатаго.

№ 149.

Москва, 16-го іюня.

„Многотрудная и сложная задача переправы черезъ Дунай разрѣшена.“ Вчера, 15 іюля, войска 8-го корпуса (г.-л. Радецкаго) имѣя 14-ю дивизію впереди, переправились черезъ Дунай близъ Зимницы. Переправа начата на разсвѣтѣ, и къ 11-ти часамъ утра вся 14-я дивизія, подъ командою Свиты Его Величества г.-м. Драгомирова, была уже на турецкомъ берегу. Нѣсколько выше по Дунаю, противъ Систова, къ тремъ часамъ дня перешла 4-я стрѣлковая бригада и за нею одна бригада 9-й дивизіи. Къ вечеру, переправленъ весь 8-й корпусъ и начала переходить 35-я дивизія (XIII корп.).

Эти факты показываютъ съ какою быстротой совершалась переправа, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ хорошо было задумано дѣло и какъ энергически исполнено. Дѣйствительно, Турки менѣе всего ждали переправы у Зимницы и Систова (Свищова). Сильная канонада у Рущука и Туртукая сбила ихъ съ толку. Сверхъ того, ихъ вниманіе было обращено къ сторонѣ Турнъ-Магурели и Излаза, гдѣ мѣстность представляетъ болѣе выгоды. Въ военномъ дѣлѣ выгоднѣе дѣлать то чего противникъ не ждетъ и не хочетъ и слѣдовательно къ противодѣйствію чему онъ не готовъ.

Дунай отъ устья Алуты внизъ къ Рущуку течетъ сперва однимъ широкимъ русломъ, но пройдя селеніе Фламунди онъ начинаетъ дѣлиться на рукава, образуя много небольшихъ острововъ и кромѣ того одинъ островъ очень значительныхъ размѣровъ, носящій названіе Персинъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ этого острова въ Дунай впадаетъ рѣчка Калмацуй, противъ устья которой находится небольшой болгарскій городокъ Систово, или Свищовъ, прикрытый съ фронта тремя небольшими островками. Внизъ отъ этого острова, ближе къ правому берегу Дуная лежитъ небольшой островъ Вардина, а еще далѣе довольно значительный островъ Криванъ. Отъ устья рѣки Калмацуй къ устью рѣки Веде отъ Дуная, отдѣляется узкій Зимницкій притокъ, на лѣвомъ берегу котораго лежитъ селеніе ЗИМНИЦА, пріобрѣтшая теперь громкое имя въ нашихъ военно-историческихъ лѣтописяхъ. Селеніе Зимница находится на абсолютной высотѣ 220 футовъ.

Правый берегъ Дуная противъ Зимницы возвышенъ, и представляетъ мѣстность очень пересѣченную. Абсолютная высота нѣкоторыхъ холмовъ достигаетъ весьма почтенной цифры 739 футовъ. Лѣвый флангъ Систовской позиціи упирается въ довольно большое озеро, отдѣляющееся отъ Дуная наноснымъ перешейкомъ; правый флангъ позиціи соприкасается съ рѣкою Янтрой. Позиція эта, кромѣ того, усиливается рѣками Текиръ-даде, Пенде-Курадаре и Сары-даре. Особенно важное значеніе имѣютъ рѣки Пендо-Кура и Текиръ, части которыхъ, протекая параллельно Дунаю, представляютъ собою, вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ высотами, вторую линію придунайской позиціи.

Итакъ, на мѣстѣ избранномъ для переправы, турецкій берегъ Дуная командуетъ румынскимъ, но зато нѣсколько возвышенныхъ острововъ даютъ возможность удобнѣе чѣмъ напримѣръ у Турнъ-Магурели посадить войска въ лодки или понтоны и переправить на противный берегъ. На это предпріятіе была послана 14-я дивизія, то-есть полки Волынскій, Минскій, Подольскій и Житомірскій. Дивизія эта считается у насъ одною изъ лучшихъ въ арміи по выучкѣ и выдержкѣ. Методъ ея мирнаго обученія, какъ извѣстно всѣмъ, былъ таковъ что люди пріучались безъ замѣшательства встрѣчать неожиданность боя, молодецки и съ разумѣніемъ дѣйствовать и въ одиночномъ бою, и въ сомкнутыхъ массахъ. Генералъ Драгомировъ, командиръ этой дивизіи, бывшій профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, пріобрѣлъ европейскую извѣстность своими тактическими изслѣдованіями. Его знаютъ въ арміи какъ человѣка энергическаго, предпріимчиваго и рѣшительнаго.

При 14-й дивизіи переправился на турецкій берегъ и Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, какъ офицеръ Генеральнаго Штаба назначенный состоять для порученій при Главнокомандующемъ. Переправа и бой на турецкомъ берегу, несмотря на силу позиціи Турокъ, обошлась безъ большихъ потерь. Къ вечеру въ госпиталь устроенный за мѣстомъ переправы, на румынскомъ берегу, было свезено только до 200 раненыхъ, хотя потеря въ точности пока еще неизвѣстна.

Сравнительно небольшую потерю нужно приписать вліянію быстроты съ которою предпріятіе исполнено и дѣйствію нашей

превосходной артиллеріи, нѣсколько дней до переправы громившей турецкій берегъ.

За переправившимся 9-мъ корпусомъ долженъ былъ въ тотъ же день слѣдовать другой, именно 13-й (генералъ-лейтенанта Гана), штабъ котораго находится неподалеку. За этими корпусами послѣдуютъ другіе, которые по своимъ соображеніямъ признаетъ нужнымъ двинуть Августѣйшій Главнокомандующій украшенный за блистательный переходъ высокою наградой воина, орденомъ Св. Георгія 2-й степени.

Главное дѣло кампаніи, столь блистательно исполненное, совпало съ другимъ радостнымъ событіемъ, побѣдой одержанною Черногорцами надъ турецкими полчищами. Извѣстія объ этой побѣдѣ, которымъ такъ долго не хотѣли вѣрить въ Вѣнѣ, вполнѣ подтвердилось: между Спужемъ и Никшичемъ не осталось ни одного Турка. Даже въ Константинополѣ не рѣшаются отрицать что побѣда осталась на сторонѣ Черногорцевъ; тамъ хотятъ только умалить значеніе этой побѣды и ослабить впечатлѣніе которое она можетъ и должна произвести на Турокъ. Ссылаясь на донесеніе Сулейманъ-паши, говорятъ что уронъ Турокъ не превышаетъ полуторы тысячи, а Черногорцы потеряли будто бы вдвое. Но неправда слишкомъ видна: эти малочисленные, ослабленные „двойною“ потерей Черногорцы представляются столь грозными Туркамъ что они торопливо даютъ приказъ о выступленіи въ Албанію всѣхъ войскъ расположенныхъ въ Герцеговинѣ и вывозятъ оттуда всѣ продовольственные запасы.

Но отдавая этотъ приказъ, Турки еще не знали о переходѣ русской арміи за Дунай, — переходѣ который произведетъ на нихъ потрясающее впечатлѣніе.

№ 150.

Москва, 17-го іюня.

Еще не получено подробныхъ извѣстій о переправѣ черезъ Дунай, а Москва, Петербургъ ликуютъ, а съ ними ликуютъ, конечно и всѣ мѣстности Россіи куда телеграфъ успѣлъ донести вѣсть объ этомъ молодецкомъ подвигѣ нашихъ войскъ, объ этомъ блестящемъ разрѣшеніи важнѣйшей задачи настоящей кампаніи... Служатся молебствія, дѣлаются пожертвованія.

И эта общая радость глубоко отзовется въ сердцахъ нашихъ доблестныхъ дунайскихъ бойцовъ.

Въ лицѣ Ихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича и Августѣйшаго Главнокомандующаго они поспѣшили подѣлиться со всѣми своею радостью.

Выясняются мало-по-малу и подробности дѣла. Переправа началась и шла подъ громомъ музыки батарей всей линіи Дуная, громившихъ укрѣпленія турецкаго берега... Волынскій Имени Его Высочества Николая Николаевича Старшаго полкъ, шедшій во главѣ 14-й дивизіи и первый ступившій на турецкій берегъ, совершилъ славное дѣло которое будетъ украшеніемъ военной исторіи нашего отечества. На турецкомъ берегу „работали на чистоту“, *работа была вся на штыкахъ.*

Съ перваго натиска, прямо съ переправы взято Систово. Турки сбиты съ позиціи которую всякій признаетъ сильною.

Что предпримутъ теперь Турки, выйдутъ ли они въ поле и дадутъ генеральное сраженіе которое рѣшитъ дѣло, запрутся ли въ крѣпостяхъ ища за грудами земли и камня защиты отъ неудержимаго напора нашихъ войскъ? Пока извѣстно одно: Турки, тѣснимые въ Добруджѣ напоромъ 14-го корпуса, стягиваются на укрѣпленной позиціи между Черноводами и Кюстенджи.

Въ Константинополѣ извѣстіе о переправѣ у Систова произвело потрясающее впечатлѣніе. Палата закрыта, въ сераскріатѣ собирается чрезвычайный совѣтъ министровъ, послѣ котораго великій визирь спѣшитъ во дворецъ султана. Озадаченное министерство не рѣшается обнародовать истину. Оно скрываетъ еще отъ народа грозное извѣстіе: въ Константинополѣ извѣстно только что русскіе „покушались переправиться у Систова“. Обманутая палата расходится послѣ молитвы къ Аллаху „о дарованіи побѣды“.

Деморализованныя и обезумѣвшія турецкія войска отступая грабятъ, совершаютъ гнуснѣйшія неистовства...

Едва ли не считаетъ уже теперь Турецкое правительство европейскую кампанію проигранною, неудачу непоправимою. Взоры его обращены на Азіатскій театръ войны. Порта надѣется создать тамъ грозную двухсоттысячную армію прибѣгнувъ къ *набору* рекрутъ въ Малой Азіи.

Разчеты эти также могутъ не сбыться какъ не сбылись надежды на добровольное содѣйствіе населенія войскамъ.

Однако турки шлютъ въ Азію ежедневно сильныя подкрѣпленія и уже успѣли значительно усилить дѣйствующія тамъ войска, особенно со стороны Батума, куда прибылъ Дервишъ-паша съ подкрѣпленіями для войскъ дѣйствующихъ противъ генерала Оклобжіо.

Турки пытались даже перейти въ наступленіе, и въ превосходныхъ силахъ бросились на отрядъ генерала Тергукасова, но были отражены съ большими потерями.

На сторонѣ нашихъ войскъ прежде всего нравственное превосходство, затѣмъ превосходство въ искусствѣ маневрировать и употреблять оружіе, чему спѣшитъ отдать справедливость даже такой яро-недоброжелательный намъ органъ какъ лондонскій *Daily Telegraph*.

Предупреждая Турокъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ атаковалъ центръ ихъ стратегическаго положенія у Зивина, укрѣпленную позицію на которой расположились 23 баталіона подъ начальствомъ Измаилъ-паши.

Зивинъ находится на правомъ берегу рѣки Зивинъ-чая, въ 80 верстахъ отъ Эрзерума, на дорогѣ изъ этого города въ Карсъ; въ 40 верстахъ отъ селенія Дели-Баба, которое находится на юго-востокъ отъ Зивина и въ 15 верстахъ отъ Меджигерта, лежащаго на сѣверо-востокъ отъ него.

Зивинъ прикрываетъ проходы Зивинскихъ горъ, которыми отдѣляется долина рѣки Зивинъ-чая отъ долины Ардостъ-чая. Зивинская позиція—одна изъ сильнѣйшихъ на пути изъ Карса въ Эрзерумъ, и представляетъ еще тѣ удобства что не можетъ быть обойдена подобно Саганлугской. Зивинскую позицію приходится брать съ фронта, что всегда представляетъ не легкую задачу, а въ настоящемъ случаѣ она усложняется трудностью доступовъ къ главной позиціи. Дѣло начато. Наши войска успѣли овладѣть передовыми позиціями. Бой длился съ 2-хъ часовъ до темноты, вынудившей прекратить его.

Напрягая повидимому всѣ усилія, развивая „лихорадочную дѣятельность“ въ ускореніи вооруженій, Турецкое правительство въ пылу тревоги создаетъ себѣ новыя затрудненія. Въ Корфу, по настоянію Русскаго посольства, секвестрованы 180 ящиковъ военной контрабанды шедшей въ Превезу, въ Албанію. Матеріалъ этотъ былъ бы, безъ сомнѣнія, употребленъ противъ Черногорцевъ. Задержаніе его вызвало протестъ со стороны турецкаго посланника, сопровождаемый заявленіемъ что въ Корфу посланы турецкія военныя суда *отнять* ящики. Греція вынуждена охранять силой нейтралитетъ Корфу „гарантированный Англіей,“ и греческіе броненосные корветы, *Георгій* и *Ольга*, уже ушли къ берегамъ Корфу... Можно ожидать столкновенія, а между тѣмъ Англія, обязанная первою озаботиться о нейтралитетѣ водъ и береговъ Корфу, не находитъ въ себѣ достаточной рѣшимости остановить Порту отъ новаго нарушенія международныхъ обязательствъ и наоборотъ дѣйствуетъ въ интересахъ Турціи, продолжая внушать въ Аѳинахъ совѣты жить съ Портой въ добромъ согласіи и принимая съ покорностью и предупредительностью каждый капризъ Порты.

Не забываютъ ли англійскіе министры что Россія, какъ воюющая сторона, имѣетъ право требовать отъ нейтральныхъ державъ чтобъ они не допускали провоза чрезъ ихъ владѣнія военной контрабанды? Въ силу этого права и послѣдовало требованіе Россіи въ Аѳинахъ, которое конечно будетъ настойчиво поддержано.

Съ другой стороны, и Грецію, вынужденная силой охранять себя отъ покушеній Турціи, будетъ имѣть право усматривать въ насильственныхъ дѣйствіяхъ турецкихъ судовъ *casus belli*.

Не лучше ли поэтому, прежде чѣмъ совѣтовать въ Аѳинахъ „не поощрять возстанія въ турецкихъ провинціяхъ,“ обратиться въ Константинополь съ совѣтомъ не называться на новую ссору.

№ 151.

Москва, 18-го іюня.

Одна французская газета передаетъ что генералъ Трошю, узнавъ о катастрофѣ 16 мая, воскликнулъ: „Это повтореніе маршала Седанъ!“ При этомъ генералъ разказалъ о своемъ участіи въ великомъ военномъ совѣтѣ въ Шалонскомъ Лагерѣ на которомъ обсуждался вопросъ куда направить стоявшую тамъ армію находившуюся подъ начальствомъ маршала Макъ-Маго-

на, на прикрытіе ли Парижа, или же на Седанъ, маршалъ,—такъ разказываетъ генералъ Трошю, — колебался тогда между чувствомъ патріотизма, которое подсказывало ему необходимость отступить къ Парижу дабы защитить столицу, и чувствомъ преданности династіи которое отклоняло его отъ этого шага, такъ какъ для императора Наполеона возвращеніе въ Парижъ было уже почти невозможно. Маршалъ обнаружилъ тогда нерѣшительность своего характера. Генералу Трошю удалось убѣдить его въ необходимости движенія на Парижъ, которое и было начато по приказанію маршала. Но по дорогѣ онъ снова подпалъ подъ вліяніе окружавшихъ его бонапартистовъ; его нагналъ г. Руэръ, и благодаря его настояніямъ первое распоряженіе было отмѣнено, и армія предприняла свое роковое движеніе на Седанъ. „Отступившись отъ республиканскаго большинства, замѣтилъ генералъ Трошю, маршалъ повторилъ свой тогдашній маневръ: 16 мая есть новый маршъ на Седанъ. Результатъ будетъ тотъ же: маршалъ будетъ вынужденъ передать команду другому.“

Всѣ эти предсказанія основаны лишь на увѣренности что побѣда на выборахъ останется за республиканцами. Едва ли однако можно сказать что этотъ результатъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Республиканскіе ораторы и республиканскія газеты во Франціи, правда, высказываютъ эту увѣренность съ большимъ высокомѣріемъ. Но такой тонъ необходимо принять имъ въ интересахъ борьбы. Со стороны же, глядя и обсуждая дѣло вполнѣ безпристрастно, можно не раздѣлять этой увѣренности. Стоитъ только припомнить что мы имѣемъ дѣло съ пресловутымъ *suffrage universel*, этимъ послушнымъ политическимъ инструментомъ коимъ Французы всѣхъ партій владѣютъ съ одинаковымъ искусствомъ. Теперешнему кабинету не учиться стать этому искусству; онъ уже принялъ свои мѣры какъ нельзя болѣе дѣйствительныя, и промежутокъ въ три мѣсяца не пройдетъ для него праздно и въ бездѣйствіи. Уже поэтому дѣло республиканцевъ не представляется въ столь розовомъ свѣтѣ какъ хотятъ увѣрить ихъ органы.

Но, сверхъ того, имѣется еще другая возможная случайность, которая можетъ совершенно перемѣшать всѣ шансы теперешней внутренней борьбы. Это внѣшняя война, и кто знаетъ не входитъ ли она главнымъ образомъ въ разчетъ теперешняго министерства. Оно, правда, спѣшитъ при всякомъ удобномъ случаѣ заявлять о своихъ добрыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ; но и эти увѣренія находятъ мало вѣры. Министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, прочелъ въ засѣданіи палаты 18 іюня цѣлый рядъ дипломатическихъ документовъ, въ подтвержденіе того что правительства европейскихъ державъ отнюдь не встревожены внутреннимъ переворотомъ во Франціи и заявили полное довѣріе новому кабинету. Но излишнее усердіе съ коимъ министръ старался извлечь выгоду изъ обычныхъ фразъ дипломатической вѣжливости, далѣе которой ни одно изъ заявленій иностранныхъ правительствъ не заходило въ своихъ увѣреніяхъ, приводитъ скорѣе къ противоположному выводу, а именно къ тому что державы наиболѣе заинтересованныя въ своихъ отношеніяхъ ко Франціи, и изъ нихъ въ особенности Германія, взираютъ съ большимъ недовѣріемъ на то что тамъ совершается.

Это еще болѣе подтверждается рѣшительно враждебнымъ тономъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ, за исключеніемъ ультрамонтанскихъ органовъ, по отношенію къ акту 16 мая. Нѣмецкая печать отчасти объясняетъ свою антипатію къ кабинету Брольи-Фурту своимъ сочувствіемъ къ либеральнымъ идеямъ вообще. Но рядомъ съ общими разсужденіями проглядываютъ болѣе реальныя опасенія новаго нападенія со стороны Франціи какъ въ интересахъ клерикализма, такъ и съ цѣлью отвлечь вниманіе страны отъ готовящагося внутренняго переворота. Эта тревога вызванная въ Германіи событіями во Франціи есть явленіе заслуживающее вниманія. Германія, которая не далѣе какъ два года тому назадъ сама искала предлога затѣять новую войну съ Франціей, видимо находитъ что теперешній моментъ неблагопріятенъ для окончательнаго разчета съ ея непримиримымъ врагомъ. Невольно раждается вопросъ: почему такъ? Казалось бы, если этотъ разчетъ долженъ наступить рано или поздно, — въ чемъ никто въ Германіи не сомнѣвается, — то для нея выгоднѣе не уклоняться отъ борьбы теперь нежели выжидать чтобы Франція еще болѣе собралась съ силами, еще болѣе подготовилась къ „отместкѣ“ которая входитъ въ программу всѣхъ безъ исключенія партій борющихся во Франціи? Съ этой точки зрѣ-

нія и внутреннія смуты во Франціи, или возможность возникновенія подобныхъ смутъ, должны бы казаться неопасными для Германіи. Если тѣмъ не менѣе въ Германіи опасаются столкновенія въ настоящую минуту съ западнымъ сосѣдомъ, то это поневолѣ наводитъ на мысль что Германія, несмотря на кажущееся равнодушіе, слишкомъ озабочена событіями на Востокѣ, или же что она не настолько увѣрена въ прочность сложившихся съ этой стороны отношеній чтобы спокойно обратить свой фронтъ на западъ...

Такое положеніе дѣлъ въ Европѣ, какъ мы неоднократно указывали, не невыгодно для Россіи...

№ 153.

Москва, 20-го іюня.

Переправа нашихъ войскъ у Систова или, вѣрнѣе, Свищова, по мосту и на лодкахъ продолжается безпрепятственно, и теперь, надо полагать, уже близится къ концу. Уважительныя русскія силы выставлены въ этомъ пунктѣ. Авангардъ ихъ, по свѣдѣніямъ вѣнской *Presse*, былъ къ 18 іюня выдвинутъ къ селенію Сары-Яръ.

Расположеніе у Сары-Яра не обнаруживаетъ еще намѣреній Главной Квартиры и не указываетъ куда именно, на первыхъ порахъ, будутъ двинуты наши главныя силы. Отъ Систова идутъ дороги къ Рущуку, къ Казанлыкскому перевалу, къ Тырнову и далѣе къ Травненскому перевалу. Стратеги *National-Zeitung* полагаютъ что русскія войска изберутъ для перехода за Балканы перевалъ у Шибка на Казанлыкъ.

Но каково бы ни было операціонное направленіе, намъ необходимо будетъ занять переправы на Янтрѣ, у Бѣлы, на Рущукской дорогѣ, и самаго Тырнова, „одного изъ важнѣйшихъ дорожныхъ узловъ въ Болгаріи,“ какъ замѣчаетъ *Русскій Инвалидъ*.

Расположеніе авангарда у Сары-Яра даетъ возможность исполнить и то и другое.

Особенно важно обезпечить переправу у Бѣлы, гдѣ на рѣкѣ Янтрѣ построенъ каменный мостъ по коему проходитъ шоссированная дорога въ Рущукъ, положеніе котораго уже внушаетъ Туркамъ опасенія: въ усиленномъ бомбардированіи Рущука, въ возведеніи противъ него новыхъ батарей, Турки усматриваютъ начало серіозныхъ предпріятій противъ упомянутой крѣпости.

Турки обратили вниманіе и на Тырнову, около которой возводятся ими значительныя укрѣпленія, равно какъ и на другихъ путяхъ ведущихъ къ переваламъ черезъ Балканы. Самые перевалы укрѣпляются.

Независимо отъ этого, Турки спѣшатъ дѣйствующія противъ Черногорцевъ войска направить въ Болгарію, всего вѣроятнѣе въ долину Марицы, гдѣ эти силы примутъ, какъ надо ожидать, сосредоточенное расположеніе съ тѣмъ чтобъ обратить ихъ на встрѣчу дебуширующимъ изъ Балканъ русскимъ войскамъ.

При такихъ условіяхъ, переходъ черезъ Балканы становится весьма нелегкою задачей, которая потребуетъ цѣлаго ряда сраженій и можетъ обойтись весьма не дешево. Въ турецкой главной квартирѣ хорошо понимаютъ выгоды своего положенія. „Еслибы, напротивъ,“ думаютъ въ Константинополѣ, „Русскіе воспользовались „Сербіей для своихъ операцій, Турціи ни„чего не оставалось бы дѣлать какъ тольѕко положить оружіе и предаться на вели„кодушіе великихъ державъ, ибо никакое со„противленіе не могло бы тогда остановить „движеніе Русскихъ на Константинополь“ широкою долиной рѣки Марицы чрезъ Софію, Филиппополь и Адріанополь „Но,“ успокоиваютъ себя въ Константинополѣ, „проходъ Русскихъ чрезъ Сербію встрѣтитъ „весьма серіозныя затрудненія со стороны Австріи.“ Такъ представляетъ дѣло вѣнская *Politische Correspondenz* и совершенно справедливо.

Нейтралитетъ Австріи обходится намъ черезчуръ уже дорого. Онъ лишаетъ насъ естественнаго союзника—Сербіи—и закрываетъ выгоднѣйшій и удобнѣйшій путь къ турецкой столицѣ, заставляетъ затянуть военныя дѣйствія и пролить можетъ-быть потоки русской крови.

Такой нейтралитетъ равносиленъ войнѣ: не все ли это равно какъ еслибъ Австрія выставила въ Сербіи и у Софіи сильную армію и такимъ образомъ преградила бы намъ эту дорогу?

Если положеніе принятое Австріей есть нейтралитетъ, то во всякомъ случаѣ нейтралитетъ *вооруженный* и *недоброжелательный*.

Что дѣлаетъ теперь Австрія, то не многимъ отличается отъ ея поведенія въ прошлую кампанію, когда она собрала сильную армію и ею угрожала флангу и тылу нашей Дунайской арміи.

Все это не ново; нова только форма. Исторія записала за Австріей умѣнье и способность одновременно дѣйствовать и съ Турками и противъ Турокъ, если только представлялась возможность извлечь изъ этого какія либо выгоды.

Желаніе этихъ выгодъ руководитъ и теперь австрійскою политикой, называясь на языкѣ австрійскихъ министровъ „охраненіемъ интересовъ Австріи на ея границахъ."

Положеніе дѣлъ въ Добруджѣ выясняется. Весь 14-й корпусъ переправленъ черезъ Дунай. Гирсово, Тульча, Мачинъ въ нашихъ рукахъ; Бабадагъ также. Такимъ образомъ пути ведущіе къ оборонительной линіи между Черноводами и Кюстенджи въ нашихъ рукахъ. По частнымъ телеграммамъ, наши войска достигли даже Черноводъ и Меджидіе.

Въ свою очередь Турки стягиваютъ на упомянутую линію значительныя войска и намѣрены вести активную оборону, можетъ-быть перейти въ наступленіе.

На правомъ флангѣ нашего операціоннаго базиса, противъ Виддина, ожидается съ скоромъ времени переправа Румынской арміи, которая приступитъ къ осадѣ названной крѣпости и такимъ образомъ парализуетъ часть турецкихъ силъ, — а этого Австрія тоже не хотѣла...

На Азіятскомъ театрѣ войны весь интересъ минуты сосредоточивается около Карса, бомбардированіе котораго продолжается. Гарнизонъ Карса по послѣднимъ извѣстіямъ въ нѣмецкихъ газетахъ не великъ. Тамъ состоитъ 9.000 низама, 7.000 редифа и 3.000 ополченія. Кавалерія тамъ состоитъ изъ 800 человѣкъ; регулярныхъ кавалеристовъ только половина. Сдача Карса въ непродолжительномъ времени признается нашими военачальниками неминуемою; все дѣло заключается въ томъ чтобы не допустить Мухтаръ-пашу на выручку Карса. Съ этою цѣлію генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ послѣ атаки укрѣпленнаго лагеря Турокъ у Заима занялъ позицію на Саганлугѣ, по пути отъ Эрзерума къ Карсу.

Расположеніе на Саганлугѣ приковываетъ войска Мухтаръ-паши къ Зивину, атака котораго правда стоившая намъ значительныхъ жертвъ, должна была показать Туркамъ затруднительность всякаго наступательнаго съ ихъ стороны дѣйствія, даже при условіи численнаго превосходства, на что такъ много надеждъ возлагали въ Константинополѣ, откуда почти ежедневно отправляются въ Азію большія подкрѣпленія.

№ 154.

Москва, 21-го іюня.

А.

О происшествіи съ англійскимъ военнымъ агентомъ полковникомъ Уэллеслеемъ, поѣхавшимъ въ штабъ Русской арміи на Дунаѣ, былъ сдѣланъ запросъ 25 іюня въ англійской палатѣ лордовъ, и лордъ Дарби далъ о немъ слѣдующее объясненіе:

„Полковникъ Уэллеслей былъ принятъ „въ русской главной квартирѣ не съ тою „учтивостью какой мы могли бы ожидать „въ отношеніи къ офицеру занимающему „такое высокое положеніе и спеціально ре„комендованному. Что касается полковни„ка Уэллеслея онъ повидимому велъ себя „съ должною сдержанностью и тактомъ какъ „и слѣдуетъ ожидать отъ его характера. „Я получилъ свѣдѣніе о дѣлѣ по телегра„фу, но безъ достаточныхъ подробностей. „Какъ только получилъ я письмо отъ пол„ковника Уэллеслея три или четыре дня „тому назадъ, я снесся частнымъ образомъ „съ русскимъ посломъ въ нашей странѣ, „онъ снесся со своимъ правительствомъ, „и былъ полученъ отъ Русскаго прави„тельства отвѣтъ, содержаніе коего при„водитъ меня къ полнѣйшему убѣжденію „что эта маленькая непріятность не бу„детъ имѣть послѣдствій (*will be got rid „of*), и дѣло кончится удовлетворительнымъ „образомъ. Палата вѣроятно не потребу„етъ чтобъ я пускался въ подробности. „Было бы не только безполезно, но, по оче„виднымъ причинамъ, не желательно сооб„щать корреспонденцію по сему предмету."

Того же числа въ Британской палатѣ общинъ былъ сдѣланъ запросъ о другомъ англійскомъ героѣ, полковникѣ сэръ-Арнольдѣ Кембаллѣ который сопровождаетъ въ Азіи армію Мухтаръ-паши, и который въ сраженіи при Делибабѣ такъ выдавался въ рядахъ турецкой арміи что былъ принятъ казаками за турецкаго генерала

и едва успѣлъ спастись отъ преслѣдованія, благодаря быстротѣ своего коня. На запросъ объ этомъ, подсекретарь иностранныхъ дѣлъ г. Боркъ отвѣчалъ что правительство не получало никакихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, но что инструкціи данныя г. Леярдомъ сэръ-Арнольду, при отправленіи его въ турецкую армію въ Азіи, были таковы чтобы „подробно доносить о ходѣ и успѣхѣ (*progress*) операцій предпринятыхъ оттоманскими войсками, и о ихъ результатѣ.“ Ему предоставлено де притомъ „на благоусмотрѣніе“ какъ вообще исполнять должность делегата отъ нейтральнаго правительства при воюющемъ лагерѣ. Это объясненіе какъ нельзя болѣе понравилось одной торійской газетѣ которая и замѣчаетъ что такъ какъ сэръ-Арнольду Кембаллу предоставлено на благоусмотрѣніе какъ дѣйствовать, то и было бы нелѣпо ожидать что онъ станетъ во время сраженія тамъ гдѣ ему не было бы ничего видно, „изъ одного опасенія что Русскіе могутъ принять его за турецкаго генерала...“ Правда, присовокупляетъ тотъ же органъ, это не послужитъ доказательствомъ „англійскаго нейтралитета,“ — но дѣлать нечего... И къ такому заключенію торійскій органъ присовокупляетъ ироническое замѣчаніе: „въ виду того что случилось въ другомъ мѣстѣ повидимому нечего опасаться чтобы нашего военнаго агента на Дунаѣ могли ошибочно принять за русскаго генерала.“ Конечно, нѣтъ. Въ этомъ отношеніи торійская газета можетъ быть спокойна; но можетъ ли она одинаково быть увѣрена что на Дунаѣ англійскаго агента не могутъ принять за турецкаго агента?

Что касается сэръ-Арнольда Кембалла, то о немъ, впрочемъ, какъ видно, не одни казаки ошибочнаго мнѣнія принимая его за турецкаго генерала и полагая что онъ руководитъ военными дѣйствіями Турокъ въ Азіи.

Вотъ что пишетъ по поводу сэръ-Арнольда Кембалла и другихъ англійскихъ офицеровъ продолжающихъ находиться на службѣ ея Британскаго величества корреспондетъ *Daily News* изъ Константинополя, отъ 15 іюня:

„По словамъ стамбульскихъ газетъ англійскіе офицеры военнаго корабля стоящаго въ Деде-агачѣ въ Архипелагѣ помогали Туркамъ въ постройкѣ брустверовъ въ этомъ мѣстѣ. Турецкая газета „*Бассиретъ* благодаритъ англійскихъ офицеровъ за это доказательство доброты и сочувствія. Если разказъ вѣренъ, то это конечно странный способъ доказывать Британскій нейтралитетъ. Кромѣ того, въ Константинополѣ постоянно утверждаютъ, и всѣ этому вѣрятъ, что сэръ-Арнольдъ Кембаллъ не просто пассивный наблюдатель въ Малой Азіи, но что многія изъ лучшихъ движеній турецкихъ войскъ были сдѣланы по его совѣту; что, на дѣлѣ онъ и былъ посланъ съ цѣлью быть совѣтникомъ турецкаго главнокомандующаго. Сэръ-Арнольдъ Кембаллъ находится на англійской службѣ, и если правительство ея величества желало оказать содѣйствіе Туркамъ, то оно едвали могло послать болѣе компетентнаго офицера. Я полагаю, однако, что слѣдуетъ выяснить фактъ поручило ли наше правительство сэръ-Арнольду Кембаллу помогать Туркамъ или дозволяетъ ему это дѣлать. Если онъ не даетъ никакихъ совѣтовъ, то хорошо было бы абсолютно разсѣять господствующее нынѣ въ Константинополѣ зловредное впечатлѣніе. Если же онъ уполномоченъ давать совѣты, то пусть ваши читатели разсудятъ что̀ означаетъ нейтралитетъ лорда Биконсфильда.“

Итакъ, вотъ какой характеръ имѣетъ должность сэръ-Арнольда Кембалла, офицера спеціально посланнаго самимъ *Англійскимъ правительствомъ* состоять при Турецкой арміи, и убѣжденіе это такъ сильно въ Константинополѣ, что живущій тамъ англійскій корреспондентъ считаетъ необходимымъ разъяснить этотъ фактъ. А между тѣмъ г. Боркъ въ своемъ объясненіи инструкцій сэръ-Арнольду Кембаллу имѣлъ духъ присовокупить что онъ уполномоченъ, „въ случаѣ если до его свѣдѣнія дойдутъ какіе-либо излишества со стороны турецкихъ солдатъ противъ гражданскаго населенія, извѣщать о нихъ *турецкія* военныя власти и употреблять свое вліяніе чтобы прекратить ихъ,“ и что подобныя же инструкціи даны другимъ британскимъ офицерамъ сопровождающимъ турецкія арміи.“

Кто не помнитъ что такою же цѣлью, то-есть порученіемъ доносить о турецкихъ жестокостяхъ въ Сербіи, и въ прошедшемъ году была мотивирована посылка сэръ-Арнольда Кембалла въ армію Абдулъ-Керимъ-паши. А между тѣмъ всеобщее убѣжденіе, подтверждаемое также какъ и теперь пись-

мами англійскихъ корреспондентовъ, было тогда таково что именно только благодаря его совѣтамъ и указаніямъ Турки, хотя цѣной большихъ потерь, форсировали сербскія позиціи у Дюниша. Но о возмутительныхъ жестокостяхъ совершенныхъ тогда Турками надъ Сербами и надъ русскими добровольцами никто не слыхалъ *ни объ одномъ донесеніи* этого англійскаго офицера, хотя эти звѣрства и тогда были удостовѣрены корреспондентами не однѣхъ русскихъ, но и многихъ англійскихъ газетъ. То же самое и теперь. Г. Боркъ говоритъ что инструкціи наблюдать за „излишествами“ турецкихъ солдатъ даны *всѣмъ* англійскимъ офицерамъ при турецкихъ арміяхъ, но не потрудился сказать получены ли отъ нихъ донесенія. А донести было бы о чемъ, потому что возмутительныя звѣрства Турокъ продолжаются безъ перерыва. Телеграмма, отъ 15 іюня, сообщила намъ о полученныхъ въ Букурештѣ извѣстіяхъ о новыхъ звѣрствахъ Турокъ. И это опять подтверждается англійскими корреспондентами. Спеціальный корреспондентъ *Times* телеграфируетъ изъ Букурешта отъ 13 (25) іюня:

„Близъ Мачина баши-бузуки отрѣзали „губы и носы русскимъ солдатамъ, эти изу„родованныя тѣла видѣлъ одинъ иностран„ный корреспондентъ. Вчера, во время бом„бардированія Журжева, Турки стрѣляли „въ госпиталь обнаруживъ намѣреніе не „соблюдать правилъ цивилизованнаго спо„соба военныхъ дѣйствій. Въ Журжевѣ и „въ непосредственномъ его сосѣдствѣ нѣтъ „батарей, и Красный Крестъ ясно видимъ; „но такъ какъ 13 бомбъ попало въ госпи„таль, то дѣло очевидно выходитъ за пре„дѣлы случайности.“

Что же ничего не знаетъ объ этомъ г. Боркъ и молчатъ его военные агенты при турецкихъ войскахъ коимъ поручено доносить объ „излишествахъ?“ Впрочемъ, не будемъ слишкомъ строги къ этимъ злополучнымъ англійскимъ офицерамъ, исполняющимъ двусмысленное назначеніе. По словамъ самого г. Борка, имъ поручено докладывать объ излишествахъ турецкихъ солдатъ только *турецкимъ* же властямъ.

Б.

Въ послѣднее время рѣдкій день не получалось телеграммы объ отправленіи Турками „значительныхъ“ подкрѣпленій на азіатскій театръ войны. Всѣ эти извѣстія въ настоящее время подтвердились. Во всѣхъ послѣднихъ дѣлахъ въ Арменіи противъ насъ являлся превосходный въ силахъ непріятель. Ободренные прибытіемъ подкрѣпленій, Турки начинаютъ переходить въ наступленіе. Такъ, 9 іюня они атаковали отрядъ Тергукасова, 12 іюня Оклобжіо. Атаки эти были вездѣ отражены со значительнымъ уономъ, далеко превосходившимъ наши потери, но не взирая на это, въ Азіи намъ приходится дѣйствовать осторожнѣе, не рискуя вновь быть атакованными въ невыгодныхъ позиціяхъ. Въ силу этихъ соображеній, Тергукасовъ отходитъ къ Алашкерту, а Оклобжіо занялъ 17 іюня позицію у Мухаестата.

Полученная сегодня депеша свидѣтельствуетъ что Турки имѣютъ замыселъ деблокировать Карсъ. Замыселъ этотъ появился въ Зивинскомъ лагерѣ, но едва ли Туркамъ удастся привести его въ исполненіе. Атака Зивинской позиціи войсками генерала Лорисъ-Меликова должна была охладить наступательный жаръ Мухтаръ-паши, и онъ конечно не рѣшится атаковать нашу крѣпкую позицію на Саганлугскихъ высотахъ у Меледюза. Попытка противъ блокады Карса была бы тѣмъ неудачнѣе что Мухтаръ-паша едва ли можетъ ожидать скорой поддержки съ другой стороны: летучій отрядъ нашъ высланный 14 іюня изъ Ардагана на Арданучъ прошелъ почти безпрепятственно разсѣявъ только трехтысячный турецкій отрядъ и захвативъ значительное количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ.

Нужно замѣтить къ тому же что всѣ помянутыя наступательныя дѣйствія Турокъ, да вѣроятно и самая мысль о снятіи блокады Карса, относится ко времени предшествовавшему переправѣ Русскихъ черезъ Дунай... Теперь въ Константинополѣ уже не до Азіи, не до Карса: все вниманіе обращено къ Дунаю, куда шлются подкрѣпленія, на долину Марицы, и къ Софіи гдѣ сосредоточиваются теперь турецкіе резервы. Предоставленный собственнымъ силамъ, Мухтаръ-паша скоро вновь будетъ значительно ослабленъ, частію вслѣдствіе потерь въ бояхъ, частію вслѣдствіе крайне неблагопріятнаго санитарнаго состоянія его арміи.

№ 155.

Москва, 22-го іюня.

А.

Мы уже не разъ говорили о болѣе чѣмъ двусмысленномъ положеніи какого держится Австро-Венгрія по отношенію къ намъ въ настоящей войнѣ. Англійская печать, которой не было надобности раскрывать фактъ еслибъ онъ не былъ слишкомъ общеизвѣстенъ, съ удовольствіемъ замѣтила что „Австрія уже теперь принимаетъ мощное, хотя безмолвное, участіе въ войнѣ," всячески стѣсняя и ограничивая дѣйствія Россіи. Дѣйствительно, факты слишкомъ очевидны. На дняхъ мы замѣчали что, по свѣдѣніямъ даже офиціозной вѣнской *Политической Корреспонденціи*, въ Константинополѣ очень боялись чтобы Русскіе не воспользовались Сербіей для своихъ операцій, но Турки „успокоиваютъ себя тѣмъ что проходъ Русскихъ черезъ Сербію встрѣтитъ весьма серіозныя затрудненія со стороны Австріи." Такая увѣренность не могла же быть безъ достаточнаго основанія. И въ самомъ дѣлѣ, вновь возникаютъ слухи будто Австрія заключила съ Россіей конвенцію чтобы дѣйствія русскихъ войскъ не простирались на западъ за извѣстную черту, и въ особенности не включали Сербіи въ районъ своихъ операцій. Удивительнѣе всего при этомъ что австро-венгерскіе политики хотятъ убѣдить насъ что такое огражденіе австро-венгерскихъ интересовъ выгодно для насъ самихъ, потому что это де есть „единственное" средство предотвратить столкновеніе съ Австріей, тогда какъ для всякаго очевидно что именно это и можетъ привести къ столкновенію, которое, по нашему убѣжденію, несравненно опаснѣе для разноплеменной монархіи чѣмъ для единой, цѣльной и ополчившейся за дѣло Россіи. Политики Пешта и Вѣны жестоко обманываются если думаютъ что ихъ претензіи могутъ отдалить столкновеніе до той поры когда Россія ослабѣетъ въ своихъ напряженіяхъ, и Австрія, сберегшая свои силы, выступитъ рѣшительницей событій. Напротивъ, претензіи эти ведутъ къ неизбѣжной развязкѣ нашихъ международныхъ отношеній, чего, повидимому, въ Вѣнѣ и Пештѣ не желаютъ, такъ какъ нынѣшняя политика имъ дешевле и выгоднѣе.

Можетъ-быть, по многимъ причинамъ которыя намъ не могутъ быть извѣстны, движеніе черезъ Сербію, въ обходъ Балканъ, не соотвѣтствуетъ стратегическимъ видамъ. Можетъ быть также и то что было не желательно подвергать Сербію опасности новаго турецкаго вторженія и опустошенія прежде чѣмъ наши войска были бы въ состояніи оказать ей помощь. Во всякомъ случаѣ полководецъ въ войнѣ руководится единственною цѣлью — обезпечить успѣхъ дѣйствій своей арміи и избираетъ тѣ мѣры которыя въ данную минуту вѣрнѣе и надежнѣе приводятъ къ цѣли. Что вчера представлялось невыгоднымъ, завтра можетъ получить въ глазахъ полководца первостепенную важность и даже сдѣлаться положительно необходимымъ для успѣха. Но нельзя намъ въ своихъ дѣйствіяхъ подчиняться указаніямъ изъ чужой страны. Каково было бы положеніе графа Мольтке еслибъ ему сказали что онъ не долженъ идти за французскою арміей къ Седану такъ какъ этотъ пунктъ лежитъ у бельгійской границы, или еслибы потомъ ему не дозволяли занимать Аміенъ, Гавръ, Орлеанъ, и препятствовать усиліямъ противника выручить изъ осады Парижъ!

Мы конечно не можемъ упустить изъ виду случайности что въ то или другое время, для успѣха нашихъ войскъ, можетъ потребоваться дѣйствіе чрезъ Сербію, какъ и черезъ всякую другую часть территоріи Оттоманской имперіи съ которою мы находимся въ войнѣ. Ограждать тѣ или другія части этихъ территорій, устранять наши войска отъ тѣхъ или другихъ путей, которые вѣрнѣе могутъ вести ихъ къ побѣдѣ, значитъ оказывать помощь нашему врагу, такъ какъ она, обезпечивая его болѣе уязвимые пункты, облегчаетъ сопротивленіе и заставитъ насъ принести бо́льшія жертвы крови и расходовъ. Кто захочетъ такъ помогать нашему противнику тотъ его союзникъ, а намъ врагъ. А въ такомъ случаѣ неизбѣжно чтобы противодѣйствіе намъ сопровождалось соотвѣтствующими жертвами и рискомъ, и Австро-Венгріи остается поставить себѣ вопросъ: готова ли она на то? Помимо этого, уже теперь требуется разъяснить въ дѣйствіяхъ Австро-Венгріи, насколько они *согласны* съ безпристрастнымъ нейтралитетомъ. Они уже въ данную минуту приносятъ существенную пользу нашему врагу, причиняютъ намъ неисчислимый вредъ

и положительно губятъ нашихъ союзниковъ. Сдерживая Сербію, Австро-Венгрія губитъ Боснійское возстаніе, и въ то же время, безпрепятственно допуская доставленіе чрезъ австрійскую территорію Туркамъ военныхъ снарядовъ, австрійскія власти не допускаютъ даже доставки *продовольствія* боснійскимъ инсургентамъ, между тѣмъ какъ продовольствіе никогда не причислялось къ военной контрабандѣ. Когда Деспотовичъ былъ стѣсненъ турецкими войсками, австрійскія пограничныя власти сдѣлали распоряженіе „отрѣзать ему всякое отступленіе," то-есть въ переводѣ на общепонятный языкъ, попросту готовились захватить его чтобы потомъ запереть гдѣ-нибудь въ Австріи какъ въ прошломъ году было сдѣлано съ Любобратичемъ. Страшная жертва крови принесенная Черногорцами падетъ на голову австро-венгерскихъ министровъ и обезславитъ ихъ въ исторіи. Черногорцы совершили чудеса героизма, но выдержанный ими неслыханный бой стоилъ имъ столько жизней сколько они не потеряли во всю прошлогоднюю кампанію, а ихъ бѣдная родина совсѣмъ разорена. Отбились отъ вражескихъ полчищъ эти неустрашимые горные орлы, но имъ уже грозитъ голодъ! Да отбились ли еще? Только благодаря мѣрамъ принятымъ Австріей относительно Сербіи и Боснійскаго возстанія, Турки получили возможность направить 60.000 войска противъ несокрушимой Черной Горы. Четверть этихъ массъ они оставили на пути, но они собираются возобновить нападеніе, и критическая минута для Черногорцевъ быть-можетъ еще впереди. Страшно подумать сколько еще жертвъ предстоитъ имъ, и неужели онѣ должны быть безплодны, для вящаго удовольствія Австріи, и ни откуда не придетъ помощь этой горсти героевъ, между тѣмъ какъ Туркамъ явно подается подмога? Это не можетъ длиться. Австрія должна избрать между честнымъ нейтралитетомъ и открытымъ дѣйствіемъ въ союзѣ съ Турціей.

Мы слышимъ о возможности какого-то *параллельнаго* съ нами дѣйствія Австріи. Ложь удивительно изобрѣтательна на слова. Противъ Турціи намъ не нужна помощь или союзное дѣйствіе Австріи. Параллельное дѣйствіе означаетъ что Австрія предвидитъ возможность выступить „въ одно время" съ нами, но никакъ не противъ Турціи, а чтобы помочь ей противъ насъ. Параллельное дѣйствіе значитъ что Австрія заняла бы Боснію и Герцеговину, и тѣмъ не только избавила бы Порту отъ заботы вѣдаться съ тамошними инсургентами, но и дала бы ей возможность всѣ находящіяся тамъ войска, а также и тѣ которыя должны наблюдать теперь за Сербіей или дѣйствуютъ противъ Черногоріи, исключительно направить противъ Русскихъ перешедшихъ Дунай, которымъ пришлось бы заплатить десятками тысячъ своихъ воиновъ за добрую услугу Австрійцевъ...

Б.

Англія употребляетъ всевозможныя усилія для локализаціи войны—и конечно въ смыслѣ для насъ неблагопріятномъ. Предъ объявленіемъ войны Россіей Турціи отношенія послѣдней съ Тегераномъ были весьма натянуты. Персія даже выставила на турецкой границѣ обсерваціонный корпусъ. Однако переговоры не прекращались. Мѣры принятыя Турецкимъ правительствомъ относительно Персіянъ въ Меккѣ едва не повели къ формальному разрыву, но благодаря чьему-то вліянію этотъ поводъ къ войнѣ былъ улаженъ. Теперь оказывается что миротворцемъ въ этомъ дѣлѣ явилась вѣроятно Англія. По крайней мѣрѣ лордъ Дарби въ Нижней Палатѣ прямо заявилъ что Англійское правительство придаетъ „громадную важность" задачѣ примиренія Персіи съ Турціей и готово употребить въ дѣло „все возможное чтобы предотвратить эту войну."

Въ разчетѣ на эту добрую услугу Англіи, уже не разъ доказывавшей Портѣ свое участіе, Турецкое правительство могло рѣшиться поослабить войска выставленныя имъ на персидской границѣ и часть ихъ двинуть противъ Русскихъ, чѣмъ можетъ-быть и объясняется отчего къ Баязиду явились полчища Курдовъ именно по Ванской дорогѣ, на которую еще за нѣсколько времени до этого обращалъ свое вниманіе геройскій гарнизонъ Баязида, о положеніи котораго въ полученномъ сегодня нумерѣ *Голоса* (№ 130 отъ 21 іюня) мы прочли слѣдующее:

„Телеграфное *Агентство Гирша* сообщаетъ изъ Петербурга, отъ 16 (28) іюня, по поводу извѣстія полученнаго изъ Константинополя, объ отвоеваніи Турками Баязида: „Отрядъ турецкихъ Курдовъ занялъ

городъ Баязидъ. Подполковникъ Ковалевскій держится еще въ баязидской цитадели, между тѣмъ какъ подполковникъ Филипповъ съ тремя сотнями Сунженскаго полка и двумя горными орудіями удалился въ Джингильскія горы, чтобы близъ Оргѣева заградить Курдамъ дорогу въ Эриванскую губернію. На выручку полковника Ковалевскаго двинулись изъ Кагызмана генералъ-майоръ Лорисъ-Меликовъ съ Сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ и шестью орудіями, изъ Кульпи (въ Эриванской губерніи) полковникъ графъ Граббе съ тремя баталіонами пѣхоты, и изъ Діадина подполковникъ Шушевъ съ тремя сотнями казаковъ. Курды вторглись сюда изъ Персіи, гдѣ свирѣпствовали двѣ недѣли и, какъ слышно, разбили на-голову персидскія войска; ими начальствуетъ шейхъ Коло-Мергеваръ."

Было бы желательно узнать изъ офиціальнаго источника насколько справедливо все что сообщаетъ Агентство Гирша ссылаясь на петербургскія свѣдѣнія.

№ 156.

Москва, 23-го іюня.

Полученныя вчера и сегодня телеграммы довольно ясно очерчиваютъ положеніе дѣлъ на Дунаѣ и замыслы Турокъ. Отъ переправы у Систова Турки отступили по двумъ направленіямъ: частію на городъ Бѣлу на Янтрѣ, частію къ Балканамъ чрезъ Тырново на Габрово.

Резиденція турецкаго губернатора перенесена въ Габрово, городъ лежащій на пути отъ Систова и Тырнова къ Казанлыкскому (у Шибка) перевалу черезъ Балканы. Это отступленіе обнаруживаетъ намѣреніе Турокъ оборонять доступы къ Балканскимъ проходамъ и въ особенности къ перевалу Казанлыкскому. На этомъ основаніи Габрово укрѣпляется, Шибка также. Вмѣстѣ съ этимъ Турки принимаютъ мѣры для встрѣчи русскихъ войскъ по ту сторону Балканъ, на линіи отъ Софіи, на Филиппополь и Тырново на Марицѣ, а также въ предгоріяхъ южнаго склона Балканъ, въ долинѣ Тунджи, съ каковою цѣлью возводятся ими укрѣпленія у Казанлыка и Сливна.

Не довольствуясь этимъ и не надѣясь задержать на упомянутыхъ линіяхъ движеніе русскихъ войскъ, Турки приступаютъ къ укрѣпленію Адріанополя и Константинополя въ широкихъ размѣрахъ. На укрѣпленія эти ассигновано 10 милліоновъ франковъ. Константинополь, какъ извѣстилась Краковская газета *Часъ*, „будетъ прикрытъ укрѣпленіями на протяженіи отъ Мраморнаго Моря до Чернаго." Проектъ этотъ составленъ еще прошлою осенью и принадлежитъ теперешнему начальнику штаба арміи Мухтаръ-паши. Вотъ что пишетъ объ этомъ проектѣ корреспондентъ *Пештскаго Ллойда*, имѣвшій случай въ началѣ іюня бесѣдовать съ самимъ Фейзи-пашой въ лагерѣ подъ Зивиномъ.

Линія укрѣпленій должна начаться у городка Беюкъ-Чекмедже на Мраморномъ Морѣ, и окончится у Кара-Бурну на Черномъ Морѣ; слѣдовательно, линія укрѣпленій пройдетъ слишкомъ въ 20 верстахъ отъ Константинопольскаго пролива. На протяженіи этой линіи, длина которой около сорока верстъ, проектировано 45 редутовъ различнаго начертанія. Внутри этого громаднаго укрѣпленнаго лагеря, который будетъ дѣлиться на три части, протекаетъ множество рѣчекъ и лежатъ всѣ резервуары снабжающіе столицу водою; тутъ же находятся пороховой заводъ, арсеналы и другія подобныя учрежденія. Площадь пространства прикрытаго лагеремъ составляетъ около 150 квадратныхъ верстъ. Взглянувъ на карту и сообразивъ цифры, легко понять что для возведенія этихъ укрѣпленій могутъ дѣйствительно понадобиться услуги тѣхъ 250 инженеровъ которые будто бы уже заняты здѣсь, если вѣрить константинопольскимъ извѣстіямъ. Но съ другой стороны, возведеніе такихъ укрѣпленій требуетъ далеко болѣе 10 милліоновъ франковъ даже при безплатномъ содѣйствіи окрестнаго населенія. Нужно наконецъ время для ихъ возведенія. Такимъ образомъ легко можетъ случиться что проектъ Фейзи-паши не удастся исполнить.

Глыбы земли не могутъ сами собою остановить противника. Для обороны ихъ нужно войско и притомъ въ силахъ большихъ нежели тѣ какія выставлены теперь Турціей на Дунаѣ; а войскъ нѣтъ. Не разчитываютъ ли въ этомъ случаѣ Турки на добрую услугу Англіи, флотъ которой идетъ въ Безику, то-есть въ *Константинополь*, какъ сообщаетъ нашъ парижскій корреспондентъ.

Но пока всѣ проектированныя укрѣпленія на Тунджѣ, на Марицѣ, у Адріанополя и Константинополя будутъ готовы, Турки шлютъ на Дунай отрядъ за отрядомъ для подкрѣпленія дѣйствующихъ тамъ войскъ. Военный министръ отправился въ Шумлу, вѣроятно для выигрыша времени, чтобы привести въ исполненіе мѣры противодѣйствія дальнѣйшему наступленію русскихъ войскъ. Въ Шумлѣ, Абдулъ-Керимъ готовится къ рѣшительному сраженію. Гдѣ оно можетъ произойти, на берегахъ Янтры или по ту сторону Балканъ на линіи Филиппополя и Сливна,—это будетъ зависѣть отъ множества военныхъ обстоятельствъ ускользающихъ отъ предварительнаго разчета; вѣрно только что силы которыя Турки въ состояніи выдвинуть въ полѣ не могутъ быть значительны: если вѣрить всегда довольно точнымъ свѣдѣніямъ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, силы эти не свыше 70.000 человѣкъ.

Что касается движенія нашихъ войскъ, то свѣдѣнія передаваемыя телеграммами весьма скудны. Въ турецкомъ лагерѣ полагаютъ что русская Главная Квартира подвигается „прямо на Тырново,“ и что „на этомъ пути должно де произойти большое сраженіе“ какъ только Русскими будутъ сосредоточены здѣсь значительныя силы.

Догадки турецкихъ штабовъ о направленіи нашей операціонной линіи основываются, повидимому, на двухъ обстоятельствахъ: на появленіи тутъ значительныхъ силъ русской кавалеріи „рыскающей между Бѣлой и Акчаиромъ,“ и на избраніи Тырнова какъ главнаго мѣста русской администраціи въ Болгаріи.

Что касается до занятія частью 9-й дивизіи города Бѣлы на правомъ берегу Янтры по шоссе изъ Систова въ Рущукъ и переправы другихъ русскихъ отрядовъ черезъ нижнюю Янтру,—о чемъ извѣстно пока лишь изъ турецкихъ источниковъ,—то операціи эти понимаются Турками за намѣренія противъ Рущука, тѣмъ болѣе по ихъ мнѣнію вѣроятныя что бомбардировка Рущука изъ-за Дуная не ослабѣваетъ, хотя Рущукъ, судя по идущимъ оттуда свѣдѣніямъ, обращенъ въ развалины. Гарнизонъ этой крѣпости требуетъ подкрѣпленій.

Сводя все изложенное къ общему заключенію, нельзя не видѣть что только теперь Турки начинаютъ ясно понимать намѣреніе русской арміи обойти преслоутый турецкій четырехъугольникъ съ запада; совершенно ошеломленные этимъ, Турки торопятся наспѣхъ принять мѣры, которыя они могли бы исполнить заранѣе. Отсюда и проистекаетъ та лихорадочная суетливость, то метанье туда и сюда о которомъ доносятся почти ежедневно вѣсти изъ Константинополя.

На азіатскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ почти не измѣнилось. Движеніемъ на Сары-Камышъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ сталъ между обоими путями ведущими отъ Кепри-Кіоя къ Карсу и тѣмъ надежнѣе прикрылъ ихъ отъ всякихъ покушеній со стороны войскъ Мухтаръ-паши, собранныхъ подъ Зивиномъ. Движеніе это тѣмъ умѣстнѣе что изъ Константинополя настойчиво поддерживаются слухи о новыхъ наступательныхъ замыслахъ Мухтаръ-паши и даже о какомъ-то „большомъ сраженіи“ происходившемъ будто бы у Алашкерта.

Подъ Карсомъ дѣла идутъ, повидимому, успѣшно; батареи противника ослабѣваютъ; открывается возможность нѣкоторыхъ смѣлыхъ предпріятій противъ нихъ. 22 іюля командѣ артиллеристовъ-охотниковъ удалось пробраться на вынесенную впередъ турецкую „временную“ батарею и испортить тамъ нѣсколько орудій „въ виду крѣпости,“ скорое паденіе которой такъ желательно для дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Азіи.

№ 157.

Москва, 24-го іюня.

Карсъ есть одна изъ тѣхъ крѣпостей которыя не подлежатъ формальной осадѣ. Блокада, бомбардированіе, а затѣмъ штурмъ, если не удастся принудить гарнизонъ къ сдачѣ голодомъ, вотъ средства противъ такихъ крѣпостей.

Это обстоятельство налагаетъ особый характеръ на дѣйствія войскъ назначенныхъ взять крѣпость. Первоначально они въ полномъ составѣ располагаются подъ крѣпостью, помогаютъ устройству батарей и отражаютъ попытки гарнизона помѣшать обложенію. Когда послѣднее будетъ исполнено и облагающія войска утвердятся на занятыхъ позиціяхъ, приходится принимать мѣры къ предупрежденію со стороны дѣй-

ствующихъ въ полѣ непріятельскихъ армій всякихъ попытокъ противъ блокирующаго отряда. Вѣрнѣйшее для этого средство выдвинуть впередъ, къ сторонѣ противника, на путь его наступленія, значительныя силы, атаковать его или принять бой на превосходной позиціи. Наконецъ, въ послѣдній періодъ блокады, когда осажденный будетъ значительно ослабленъ лишеніями всякаго рода и дѣйствіемъ артиллеріи, обыкновенно требуется вновь сосредоточить подъ стѣнами крѣпости всѣ силы съ тѣмъ чтобы покончить съ нею или путемъ капитуляціи или посредствомъ штурма.

Таковъ именно былъ образъ дѣйствій генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова до послѣдней минуты. Въ періодѣ первоначальнаго обложенія Карса всѣ войска главнаго отряда были собраны вокругъ Карса, затѣмъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ выдвинулся къ Меджингерту, на путь наступленія Мухтаръ-паши, атаковалъ позицію Турокъ при Зивинѣ и отойдя къ Мелицюзу выжидалъ извѣстій изъ-подъ Карса. Затѣмъ 16 и 17 іюня отрядъ пошелъ назадъ къ Сары-Камышу, 20 остановился въ Саганлугѣ, а 21 іюня вдругъ, обогнувъ Карсъ съ юга, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ въ Мацру, оставивъ генералъ-лейтенанта Геймана на южной сторонѣ крѣпости у Хаджи-Халиля. Не ожиданное и быстрое возвращеніе отряда г.-а. Лорисъ-Меликова къ Карсу можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть признакомъ скорой сдачи этой крѣпости, тѣмъ болѣе что Турки, какъ стало извѣстно въ русскомъ лагерѣ, продолжаютъ дѣятельно укрѣплять Зивинскую позицію, и безъ того трудно доступную.

Но говоря о дѣйствіяхъ и движеніяхъ отряда г.-а. Лорисъ-Меликова слѣдуетъ помнить что они находились въ нѣкоторой связи и взаимной зависимости съ отрядомъ генерала Тергукасова, направлявшимся по Баязидско-Эрзерумской дорогѣ чрезъ Алашкертъ на Кепри-Кіой. 4 іюня отрядъ Тергукасова прошелъ Зейдекянъ и сбилъ Турокъ съ позиціи, принудивъ ихъ отступать на Дели-Баба; затѣмъ, 9 іюня, на позиціи у Даяра, генералъ Тергукасовъ самъ былъ атакованъ превосходными силами Турокъ почти въ то самое время когда полчища Курдовъ окружали Баязидъ. Отбивъ атаку, г.-л. Тергукасовъ двинулся къ Алашкерту, причемъ г.-а. Лорисъ-Меликову, въ видахъ поддержанія Тергукасова, было необходимо удерживать позицію у Мелидюза на Саганлугѣ.

Освѣживъ свои войска изъ Алашкертскихъ депо, генералъ Тергукасовъ продолжалъ свое движеніе къ Кара-Килису, если вѣрить турецкой депешѣ сообщенной всѣмъ представителямъ Порты при европейскихъ правительствахъ. У Кара-Килисы отрядъ Тергукасова расположился въ укрѣпленной позиціи которую и удерживалъ до 20 іюня (2 іюля). Съ отступленіемъ за Алашкертъ Тергукасова, „выдвинутое“ расположеніе колонны Лорисъ-Меликова становилось излишнимъ и можетъ-быть нѣсколько рискованнымъ.

Если вѣрить хоть сколько-нибудь официальному и притомъ торжественному заявленію турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ, отряду Тергукасова пришлось отступать потому что отрядъ его оказался численно слишкомъ слабымъ. Турки полагаютъ его силу въ 10 тысячъ, изъ коихъ значительная часть казачья конница. А между тѣмъ этому, во всякомъ случаѣ слабому, отряду приходилось дѣйствовать самостоятельно, и притомъ по лучшей изъ дорогъ ведущихъ отъ Русской границы къ Эрзеруму, по транзитному пути изъ Персіи чрезъ Малую Азію.

„Путь этотъ,“ читаемъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „пролегаетъ черезъ Баязидскую, „Алашкертскую и Пасинскую равнины, са„мыя населенныя мѣстности Эрзерумскаго „вилаета, отличающіяся здоровымъ клима„томъ, обиліемъ средствъ продовольствія, „подножнаго корма, хорошей воды, а мѣ„стами и топлива.“ Природа даетъ возможность двигать по этому пути большіе, сильные отряды, и тѣмъ скорѣе что онъ весьма удобенъ и въ отношеніи къ профили мѣстности по которой пролегаетъ. На этомъ пути почти не встрѣчается затруднительныхъ спусковъ и подъемовъ. Переваловъ только два, изъ коихъ лишь послѣдній въ Драмъ-дагѣ представляетъ большія трудности для тяжелыхъ повозокъ.

По протяженію, путь этотъ лишь на 50 верстъ длиннѣе пути черезъ Карсъ, и разница эта кажется тѣмъ менѣе существенною что въ военномъ дѣлѣ кратчайшимъ путемъ принято считать не тотъ въ которомъ меньше верстъ, а который удобнѣе, то-есть можетъ быть пройденъ скорѣе и съ меньшими пожертвованіями.

Да полно, съ одною ли Турціей ведемъ мы войну? Намъ сдается что мы находимся

въ войнѣ, только не гласной, и съ другою магометанскою державой, съ Англо-Индійскою имперіей ..

Наши войска ведутъ себя геройски, они берутъ почти неприступныя позиціи, отражаютъ вдвое, втрое многочисленнѣйшаго непріятеля... Но откуда у Турокъ вдругъ явились такія значительныя силы въ Малой Азіи? Турки такъ нуждаются въ войскахъ на Дунаѣ. Отчего же они вдругъ стали такъ богаты ими въ Малой Азіи? Отчего, въ теченіе одного мѣсяца, они такъ собрались съ силами что на всѣхъ путяхъ здѣсь превосходятъ насъ численностью? Г.-л. Оклобжіо доноситъ что въ Батумъ прибыло много свѣжихъ баталіоновъ изъ Арабистана; г.-а. Лорисъ-Меликовъ, штурмуя высоты Зивина, также убѣдился въ громадномъ численномъ перевѣсѣ войскъ собравшихся подъ командой Мухтаръ-паши. При такой же численной несоразмѣрности пришлось биться и отряду г.-л. Тергукасова. Недавно англійскіе министры объявляли въ парламентѣ что Англія готова на всевозможныя усилія для предотвращенія войны между Персіей и Турціей. Она, кажется, и успѣла въ этихъ усиліяхъ. Но думаемъ что этимъ не ограничиваются ея усилія. Мы готовы думать что подъ турецкими знаменами, негласно, собираются подданные императрицы Индійской, подъ видомъ арабистанскихъ баталіоновъ...

№ 158.

Москва, 25-го іюня.

Особенное вниманіе которое, даже въ виду событій на Дунаѣ, обращается Европой на Францію съ той минуты какъ маршалъ Макъ-Магонъ рѣшительнѣе прежняго принялъ бразды правленія въ свои руки, объясняется очень просто. Какъ только маршалъ, въ сознаніи своего долга предъ страной, отъ которой онъ получилъ тяжкое полномочіе охранять ее, покончилъ съ радикальными попытками которыя постепенно, но настойчиво стремились подчинить его своему вліянію, въ Европѣ было почувствовано что Франція снова вступаетъ въ права великой державы, и что при настоящихъ запутанныхъ политическихъ отношеніяхъ ее нельзя опускать изъ разчета.

Вѣрность этого соображенія доказывается тѣмъ что огромное большинство иностранной печати, англійской, австрійской, германской, самыхъ разнообразныхъ направленій и сочувствій, отнеслись съ крайнимъ подозрѣніемъ къ акту 16 мая, но прикрываютъ его стараніями изобразить будто этотъ актъ грозитъ потрясеніями самой Франціи, и потому, въ порывѣ нѣжности къ ней, ея заграничные радѣтели расточаютъ свои симпатіи уволеннымъ радикаламъ, съ которыми многіе восхваляющіе ихъ органы не могутъ имѣть ничего общаго. Маневръ слишкомъ прозрачный. А близорукіе радикалы Франціи похваляются этою симпатіей, съ самодовольствомъ указывая на нее своей странѣ, — какъ будто всѣ въ Европѣ только и заботятся что о единой, сильной, независимой и процвѣтающей Франціи...

Мы поставлены такъ что имѣемъ возможность судить о французскихъ партіяхъ съ большею чѣмъ другіе объективностью. Россія ничего не ожидаетъ и не требуетъ отъ Франціи, но и ничего отъ нея не опасается. Даже самая придирчивая критика должна признать что маршалъ Макъ-Магонъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ законности, не превышая прерогативъ предоставленныхъ ему тѣми самыми учрежденіями коими была обставлена его власть. Это относительно формы. По существу же, право еще очевиднѣе на его сторонѣ. Фикціи консервативной республики никто не вѣритъ въ самой Франціи. На пути радикаловъ къ достиженію цѣли главное препятствіе есть дисциплина въ арміи. Со времени укрощенія мятежа Парижской коммуны, всѣ помыслы радикаловъ единственно направлены къ тому чтобы захватить въ свои руки армію, безъ чего радикализмъ не можетъ стать *maître de la situation*, понявъ что на однѣ баррикады разчеты плохи. А къ чему ведетъ умышленное разстройство арміи это показываетъ недавній опытъ коммуналистскихъ оргій въ разныхъ городахъ Испаніи, пока въ ней разыгрывались республиканскіе опыты. Какъ воинъ и патріотъ, маршалъ не хотѣлъ подвергать свою страну такому же опыту. Онъ дѣлалъ попытки поладить даже съ распущенною нынѣ палатой, гдѣ радикалы случайно захватили большинство, благовидно прикрываясь на выборахъ именемъ маршала. Но и при этихъ попыткахъ онъ не соглашался под-

чинять капризу партій два министерства, обезпечивающія прочность внѣшнихъ отношеній страны,—министерства иностранныхъ дѣлъ и военное. Его первый кабинетъ, Дюфора, представителя *quasi*-консервативной республики, палъ подъ ненавистью радикаловъ. Мѣсто Дюфора заступилъ безхарактерный и бездарный фразеръ Жюль-Симонъ. Идти далѣе значило передать радикаламъ власть *in toto* и самому стать ихъ орудіемъ. Уже при формированіи кабинета Жюль-Симона, они назойливо требовали передать имъ и военное министерство. При дальнѣйшей уступчивости, они навѣрное постарались бы подвергнуть и армію анархической пропагандѣ. И тогда Франціи предстояли бы такія же волненія въ какія была недавно повергнута Испанія Сорильями и Кастелярами. Если, какъ можно ожидать, страна не желаетъ этого опыта, то выборы будутъ неблагопріятны радикаламъ, и тогда всякій признаетъ что дѣйствіе маршала обезпечило странѣ спокойствіе, тогда какъ слабодушная уступка власти радикаламъ неизбѣжно повела бы страну къ новымъ потрясеніямъ. Такимъ образомъ, предъ своею страной, маршалъ добросовѣстно исполнилъ свой долгъ. Ея дѣло сказать чего она желаетъ.

Еще болѣе неосновательными представляются газетныя измышленія будто переворотъ министерства и распущеніе палаты грозятъ непремѣнно нарушеніемъ мира Европы. Намъ представляется что еслибы на самомъ дѣлѣ случилось что миръ Европы будетъ нарушенъ и Франція будетъ втянута въ общія замѣшательства, то это не будетъ ни въ какой зависимости отъ случившагося во Франціи. По скольку отъ нея зависитъ, если она дѣйствительно нуждается въ мирѣ, она должна сама избѣгать столкновеній, и въ этомъ отношеніи опять-таки личность маршала Макъ-Магона, который никогда не былъ авантюристомъ, для Франціи есть гораздо лучшая гарантія чѣмъ доктринеръ Тьеръ или рьяный Гамбетта. Но само собою разумѣется что Франція, спокойная внутри, съ твердою властью охраняющею ее отъ анархіи и съ арміей въ надежныхъ рукахъ маршала, который съ самаго окончанія войны неусыпно о ней заботился, является опять важнымъ элементомъ въ Европейской системѣ. Мы не видимъ въ этомъ повода къ безпокойству, и напротивъ, полагаемъ что для Европейскаго равновѣсія такое положеніе Франціи существенно важно. Вслѣдствіе этого, должны будутъ выясниться гораздо опредѣленнѣе и многія другія международныя отношенія.

Есть одно обстоятельство на которое особенно напираютъ недовольные перемѣной во французскихъ дѣлахъ, усматривая въ ней опасность. Это связь новаго французскаго министерства съ клерикальною интригой. Но эта связь еще очень темна. Пока мы еще не имѣемъ основаній для увѣренности чтобы герцогъ де-Броль и его товарищи, а въ особенности самъ маршалъ Макъ-Магонъ, ради клерикальной интриги, пожертвовали интересами Франціи.

Но допустимъ самое худшее,—допустимъ что между Французскимъ правительствомъ и ультрамонтанскою интригой таится тѣсная связь,—это нисколько не касается нашихъ интересовъ и не мало не должно заботить насъ. Хотя Ватиканъ имѣетъ то сходство съ Англіей что, подобно ей, нѣтъ уголка земли куда бы онъ не простиралъ своихъ завистливыхъ взглядовъ и гдѣ бы не имѣлъ своихъ „интересовъ," неоспоримо что не противъ насъ прежде всего и главнымъ образомъ направлена его злоба. Главный врагъ ультрамонтанства есть Германія. Еслибы въ самомъ дѣлѣ случилось что въ непримиримой борьбѣ которую ведетъ съ Германіей Ватиканъ ему удалось найти себѣ союзниковъ, то и Германія должна, въ своихъ интересахъ, твердо держаться своихъ естественныхъ союзовъ, и прежде всего союза съ Россіей, который и въ прежнее время былъ для нея надежнѣе всякихъ другихъ.

№ 160.

Москва, 27-го іюня.

Сегодня мы воспроизводимъ изъ *Русскаго Инвалида* рапортъ Его Высочества Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміей Государю Императору, отъ 18 іюня, заключающій въ себѣ изложеніе въ строгой послѣдовательности всѣхъ операцій по сосредоточенію войскъ въ Румыніи и подготовкѣ къ переправѣ у Зимницы. Особенно видное мѣсто въ этомъ рапортѣ занимаетъ изложеніе тѣхъ затрудненій съ ко-

торыми пришлось вести непрерывную и трудную борьбу чтобы достигнуть успѣха.

Съ момента объявленія войны все вниманіе было направлено къ одной цѣли: подготовкѣ переправы. Лучшею подготовкой было бы быстрое сосредоточеніе войскъ около Букурешта и затѣмъ къ пункту переправы, которую предполагалось первоначально произвести 25 мая. Движеніе колоннъ было разчитано съ замѣчательною точностью и ясностью. Неожиданныя и неустранимыя препятствія помѣшали дѣлу. „Вслѣдствіе необыкновеннаго разлитія рѣкъ „и продолжительныхъ дождей," сказано въ рапортѣ, „дороги распустились, а многіе „мосты какъ на этихъ, такъ и на желѣз„ныхъ дорогахъ нѣсколько разъ сносило „напоромъ воды." Кромѣ того, „желѣзныя „дороги," излагаетъ Его Высочество, „ока„зались устроенными еще хуже чѣмъ Я „ожидалъ и притомъ крайне недостаточно „снабжены служащими и подвижнымъ со„ставомъ."

Все это задержало движеніе войскъ и особенно понтонныхъ парковъ и осадной артиллеріи „среднимъ числомъ на шесть дней." Независимо отъ всего этого, разливъ Дуная въ нынѣшнемъ году „былъ особенно силенъ и продолжителенъ," „вода спадала необыкновенно медленно."

Вслѣдствіе всего этого, переправу пришлось „откладывать со дня на день." Наконецъ, избрано было 12 іюня, но „борь„ба съ природой и неисправностью желѣз„ныхъ дорогъ продолжалась до самаго по„слѣдняго дня." Войска уже были двинуты къ переправѣ, какъ оказалось что понтонные парки „опоздаютъ на три дня про„тивъ маршрута."

Пунктовъ для переправы было избрано предварительно два, у Браилова и ниже Никополя, хотя первоначальное намѣреніе было переправить войска именно у Систова. Съ выборомъ пунктовъ для переправы началась подготовка къ исполненію ея. Первымъ дѣломъ было загражденіе минами средняго Дуная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что и было исполнено въ періодъ времени съ 8 по 12 іюня. Въ то же время предстояло окончательно выбрать пунктъ переправы, скрыть сосредоточеніе и время исполненія. Мѣры принятыя Его Высочествомъ Главнокомандующимъ въ этомъ отношеніи изумительны. „Въ тотъ же промежутокъ времени, между 8 и 12 іюня, Его Высочество вмѣстѣ съ начальникомъ штаба г.-ад. Непокойчицкимъ и его помощникомъ г.-м. Левицкимъ тайно выѣхалъ изъ Плоешти и произвелъ рекогносцировку береговъ Дуная отъ Зимницы до Турну." Понизившіяся воды позволили окончательно избрать Зимницу. „Благодаря внезапности и скрытности отъѣзда" Его Высочества „даже въ главной квартирѣ никто не зналъ куда и зачѣмъ поѣхалъ". Главнокомандующій, а Турки и не подозрѣвали о личномъ осмотрѣ Главнокомандующимъ берега.

Печать скрытности лежитъ и на всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ Главнокомандующаго. О томъ что переправа будетъ у Зимницы было объявлено только командиру 8-го корпуса, но при этомъ, чтобы замаскировать избранный пунктъ „даже отъ своихъ," 9-ю дивизію 8-го корпуса направили по старому маршруту, а къ Зимницѣ были двинуты прямо только понтонные парки и 14-я дивизія ген. Драгомирова съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на понтонныхъ лодкахъ въ ночь съ 14 на 15 іюня. Девятому корпусу, съ тою же цѣлью скрытія истиннаго пункта переправы, было объявлено „что онъ пойдетъ въ головѣ на переправу у Фламунды." Мѣсто для главной квартиры, деревня Драча, было выбрано въ сторонѣ отъ пункта переправы. Затѣмъ 12 іюня отдано приказаніе бомбардировать Рущукъ, а 13-го начать бомбардированіе Никополя и продолжать его „безостановочно впредь до приказанія."

Только этими мѣрами и было возможно отклонить вниманіе Турокъ отъ избраннаго пункта переправы. Первоначально, „бдительность Турокъ была самая возбуж„денная: по всѣмъ примѣтамъ они за нѣ„сколько дней знали что переправа пред„положена ниже Никополя и, кромѣ того, „видимо ожидали одновременной перепра„вы у Журжева и Ольтеницы." Но ожидая переправы въ нѣсколькихъ пунктахъ, Турки должны были раздробить свои силы и быть слабѣе въ томъ мѣстѣ гдѣ переправа совершалась. Кромѣ того, напряженное ожиданіе привело ихъ къ заключенію: „когда приблизилась рѣшительная „минута, то вниманіе непріятеля очевидно „было уже утомлено и подготовка всѣхъ „средствъ къ переправѣ значительно об„легчилась."

Его Высочество Главнокомандующій съ великою похвалой отзывается о войскахъ которыя въ день переправы „покрыли себя

неувядаемою славой“ и „всѣ безъ исклю„ченія доказали что умѣютъ поддержать „блестящія боевыя преданія храброй рус„ской арміи.“

Но мѣрамъ принятымъ Его Высочествомъ ко скрытію пункта переправы и порядку и отчетливости съ которыми она исполнялась слѣдуетъ приписать то обстоятельство что „потеря наша для такого труднаго дѣла была не велика.“ Войска назначенныя для переправы и даже понтонные парки собрались къ Дунаю „въ совершенной тишинѣ,“ такъ же тихо отплыли лодки, благодаря чему первый вышедшій на турецкій берегъ эшелонъ былъ встрѣченъ „лишь одиночными выстрѣлами „сторожевой цѣпи.“

Затѣмъ Турки открыли канонаду и сильнѣйшій ружейный огонь, пустивъ ко дну пять понтоновъ съ людьми и два орудія „со всею прислугой,“ но понтонеры, казаки-гребцы Уральской сотни и „наши слав„ные моряки спокойно и безостановочно „продолжали перевозить войска не сму„щаясь.“

„Доктора, фельдшера и санитары со спо„койнымъ безстрашіемъ выносили раненыхъ „и подавали помощь подъ сильнымъ огнемъ.“

Этотъ духъ самоотверженія и храбрости при вѣрномъ разчетѣ служитъ ручательствомъ что дѣйствія за Дунаемъ пойдутъ столь же успѣшно какъ и переправа, и Богъ дастъ также безъ большихъ потерь. 15-го совершилась переправа, а 25-го Русская армія овладѣла уже всею линіей рѣки Янтры и обезпечила себѣ доступы къ Балканамъ. 23 іюня заняты городъ Бѣла и мостъ на Янтрѣ, 25-го кавалерія наша „съ боя взяла городъ“ столицу Болгаріи Тырнову, защищаемую тремя тысячами низама, захвативъ при этомъ лагерь и припасы. Этотъ „лихой налетъ“ нашей кавалеріи научитъ Турокъ бояться ея появленія, показавъ имъ что русская кавалерія не „рыскаетъ,“ какъ они выражались, а падаетъ какъ снѣгъ на голову тамъ гдѣ ея не ждутъ—по суворовски.

№ 161.

Москва, 28-го іюня.

Два извѣстія переданныя намъ вчера по телеграфу—одно о послѣдовавшемъ запрещеніи вывоза лошадей изъ Германіи, а другое о предстоящемъ будто бы свиданіи трехъ Императоровъ въ Гастейнѣ—характеризуютъ политическое положеніе настоящей минуты, исполненное противорѣчій, нерѣшительности и колебаній, при коемъ равно находятъ вѣру всякаго рода слухи, хотя бы они взаимно другъ друга исключали. Сенсаціонные политическіе слухи были пущены въ ходъ газетными вѣстовщиками съ той минуты какъ блистательная переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай дала новый толчекъ не только военнымъ операціямъ, но и дѣятельности дипломатіи. Что происходитъ въ тиши кабинетовъ еще труднѣе угадывать нежели стратегическія передвиженія армій, хотя мы знаемъ теперь что и тутъ соблюденіе тайны вполнѣ возможно. Достовѣрно лишь то что дипломатія не дремлетъ. Князь Бисмаркъ возвратился на дняхъ изъ Киссингена въ Берлинъ и имѣлъ тамъ свиданіе съ послами великихъ державъ которые къ тому времени всѣ возвратились къ своимъ постамъ. Правда, имперскій канцлеръ уже уѣхалъ въ Фарцинъ „на продолжительный отдыхъ,“ какъ удостовѣряютъ берлинскія офиціозныя извѣстія, но имперскій канцлеръ умѣетъ и во время своего сельскаго отдыха вести и направлять дѣла. Въ то же время взоры обратились на принца Александра Гессенскаго, посѣтившаго на дняхъ Императорскую Главную Квартиру въ Румыніи. Принцу настойчиво приписываютъ важную „посредническую миссію“ между Австріей и Россіей. Вотъ что говоритъ по этому поводу *Пештскій Ллойдъ*, отъ 2 іюля: „Принцъ Александръ Гессенскій занимаетъ положеніе наиболѣе соотвѣтствующее роли посредника между дворами С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ. Знаменитая *base de politique* которую указалъ Императоръ Александръ украшаетъ и грудь принца Александра: онъ обладаетъ прусскимъ орденомъ *pour le mérite*, русскимъ Георгіемъ и австрійскимъ орденомъ Терезіи. Кромѣ того, онъ имѣетъ чинъ русскаго, прусскаго и австрійскаго генерала. Онъ—шуринъ Императора Александра и пользуется полнымъ довѣріемъ императора Франца-Іосифа.“ По словамъ названной газеты, принцъ Александръ, проѣздомъ чрезъ Вѣну въ Плоешти, имѣлъ ауденцію у императора Австрійскаго, которая продолжалась три часа, и, сверхъ того, очень продолжительное совѣщаніе съ графомъ Андраши. Все это возбудило де живѣйшее вниманіе въ вѣнскихъ политиче-

скихъ кругахъ и подаетъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ комментаріямъ и слухамъ. По свидѣтельству вѣнскаго корреспондента *National-Zeitung*, поговариваютъ о томъ будто принцъ Баттенбергъ (сынъ принца Александра отъ морганатическаго брака) предназначается на престолъ будущаго независимаго Болгарскаго государства...

Съ другой стороны, нѣтъ недостатка и въ слухахъ противоположнаго свойства къ коимъ въ особенности подало поводъ отплытіе англійскаго флота въ Безикскую бухту. Близкіе къ Англійскому правительству органы, какъ напримѣръ *Standard*, стараются ослабить значеніе этой мѣры, высказываясь объ этомъ въ смыслѣ объясненій данныхъ членами кабинета въ парламентѣ. Туркофильскія же газеты, какъ напримѣръ *Daily Telegraph* и *Morning Post*, ликуютъ предсказывая близкое заступничество Англіи за Турцію. Первая изъ этихъ газетъ замѣчаетъ что посылка флота къ Константинополю есть „вѣжливый отвѣтъ“ на переходъ черезъ Дунай, и что такимъ образомъ „выдвинулся новый факторъ въ теперешней стадіи Восточнаго вопроса.“ *Morning Post* утверждаетъ что за первою эскадрой вскорѣ придвинется къ Дарданелламъ вторая, и этимъ названная газета восхищается тѣмъ болѣе что по полученнымъ ею, будто бы достовѣрнымъ извѣстіямъ правительства Англіи и Австріи согласились между собою насчетъ мѣръ предосторожности которыя будутъ де сообща приняты противъ черезчуръ быстрыхъ успѣховъ Россіи.

Весьма вѣроятно что англійская туркофильская газета, въ пылу рвенія, принимаетъ свои горячія желанія за фактъ. Но и изъ совершенно иныхъ источниковъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на то что Австрія „будируетъ,“ или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ видъ будто *она* обижена. Такъ вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* сообщаетъ, отъ 4 іюля, что въ высшихъ политическихъ сферахъ въ Вѣнѣ замѣчается постоянно возрастающее тревожное состояніе. Въ то время когда Черногорія казалась погибающею подъ ударами двухъ надвинувшихся на нее турецкихъ армій, Итальянское правительство обнаружило де наклонность придти на помощь Черногоріи посредствомъ демонстраціи итальянскаго флота у береговъ Албаніи. Вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ будто бы дать понять въ Римѣ что онъ не допуститъ подобнаго вмѣшательства Италіи, въ которомъ впрочемъ миновала и надобность послѣ перемѣны происшедшей на театрѣ войны въ пользу Черногорцевъ. Тѣмъ не менѣе эпизодъ съ Италіей содѣйствовалъ де возбужденію тревожнаго настроенія въ Вѣнѣ. Вслѣдъ затѣмъ полученъ былъ въ Вѣнѣ текстъ Русской прокламаціи къ Болгарамъ, и корреспондентъ свидѣтельствуетъ что прокламація эта произвела тамъ дурное впечатлѣніе которое не скоро изгладится. Особенно непріятно подѣйствовало что въ прокламаціи *Славянскій* интересъ выдвинутъ на первый планъ, тогда какъ въ прежнихъ манифестаціяхъ Русскаго правительства удареніе дѣлалось на турецкихъ *христіанахъ* вообще. Въ заключеніе корреспондентъ указываетъ на слухъ о томъ будто между Россіей и Сербіей состоялось соглашеніе, чтобы Сербія дождалась момента рѣшительнаго пораженія Турокъ въ Болгаріи дабы провозгласить свою полную независимость подобно Румыніи. Такое событіе было бы, по мнѣнію корреспондента, „глубокимъ потрясеніемъ австрійскаго могущества, и согласіе между Россіей и Австріей не могло бы быть сохранено.“

Всѣ эти „запугиванья“ сопровождаются сверхъ того указаніями на то что Австрія хотя еще и не приступила къ мобилизаціи, но тѣмъ не менѣе готова къ войнѣ, и что отпускные солдаты давно уже призваны подъ знамена. А для того чтобъ острастка достигла своей цѣли и имѣла большую убѣдительность,—такъ какъ въ самостоятельное дѣйствіе Австріи мало кто вѣритъ,—не только усердно распространяются слухи, въ родѣ приведеннаго, о соглашеніи между Австріей и Англіей, но всячески дается чувствовать будто и Германія не оставитъ Австріи безъ своей поддержки. Однако берлинскія газеты, хотя и воспроизводятъ всѣ эти комбинаціи въ видѣ перепечатокъ изъ вѣнскихъ газетъ и корреспонденцій изъ Вѣны, отнюдь не подкрѣпляютъ ихъ своимъ авторитетомъ, и даже въ непріязненной намъ *Кельнской Газетѣ*, отъ 5 іюля, встрѣчаемъ по поводу этихъ толковъ сужденіе которое значительно сбавляетъ увѣренный тонъ всѣхъ этихъ австрійскихъ вожделѣній: „Германія не можетъ изъ-за Нижняго Дуная подвергнуть опасности болѣе жизненные интересы свои на Рейнѣ.“

Въ этихъ не многихъ словахъ высказывается мотивъ современной политики Германіи.

№ 162.

Москва, 30-го іюня.

„Получивъ свѣдѣнія о движеніи почти всѣхъ силъ Анатолійской арміи Мухтаръ-паши къ Карсу,—такъ начинается офиціальная наша депеша,—„генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ призналъ необходимымъ прекратить бомбардированіе Карса, отправивъ осадныя орудія въ Кюрукъ-Дара и Александрополь.“ Войска стянуты въ двухъ массахъ къ сѣверу и къ востоку отъ Карса.

Снята осада Карса начатая столь успѣшно, и осадныя орудія отправлены обратно. Прискорбно читать такія депеши въ то время когда, казалось, уже близилась сдача Карса. Впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ что снятіе блокады Карса какъ будто входитъ въ планъ общаго отступленія всѣхъ отрядовъ дѣйствовавшихъ въ Азіятской Турціи. Не слѣдуетъ однако преувеличивать значеніе этой военной мѣры. Въ войнѣ часто нужно жертвовать многимъ чтобы выиграть большее. Противъ насъ выставлены несомнѣнно превосходящія силы. Намъ предстоятъ теперь совершенно иныя задачи, которыя не входили въ первоначальный планъ кампаніи: приходится сдѣлать рядъ операцій вызванныхъ неожиданнымъ и быстрымъ увеличеніемъ силъ противника, перешедшаго затѣмъ въ полное наступленіе.

„Всѣ задачи войны неопредѣленны,“ говаривалъ Наполеонъ I. Предстоящая дѣйствующему Кавказскому корпусу допускаетъ два: или маневрировать выигрывая время до прибытія подкрѣпленій, или нѣсколькими смѣлыми маневрами принудить его къ бою въ открытомъ полѣ, при невыгодныхъ для него условіяхъ, и разбить его.

Въ 1796 году положеніе Наполеона осаждавшаго Мантую казалось критическимъ. Вдвое сильнѣйшій непріятель напиралъ полукругомъ по обѣ стороны Гордскаго озера и путемъ на Верону и Леньяго. 30 іюля Наполеону дали знать что Брешіа занята Австрійцами и сообщеніе съ Миланомъ прервано. Наполеонъ повидимому поколебался. Его совѣтники настаивали на отступленіе, но онъ рѣшилъ иначе: Леньяго, Верона брошены, осада Мантуи снята, осадныя орудія заклепаны, порохъ потопленъ, войска сосредоточены и—непріятель разбитъ по частямъ: сначала Квазданович, затѣмъ и самъ Вурмзеръ, такъ торжественно вступавшій въ Мантую и ждавшій только вѣсти о плѣнѣ самаго Бонапарта. Вся эта компанія противъ Вурмзера кончилась въ *шесть дней*.

Наши войска, кажется, не думаютъ окончательно отказаться отъ Карса. Депеша говоритъ только что блокада и бомбардированіе прекращены только *временно* и притомъ „для приданія войскамъ большей подвижности подъ Карсомъ.“ Наши войска очевидно намѣрены маневрировать, а не отступать: главныя силы пошли не за осадною артиллеріей по дорогѣ на Кюрюкъ-Дара въ Александрополь, а къ Заиму на сѣверъ отъ Карса. Кавалерія, напротивъ, осталась къ востоку отъ Карса, близь Хаджи-вали, для „прикрытія сообщеній.“ Такое расположеніе генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова само по себѣ уже есть маневръ. Дальнѣйшее развитіе этого маневра и окончательный исходъ его зависятъ отъ множества весьма сложныхъ причинъ, а въ числѣ ихъ и отъ событій въ отрядѣ г.-л. Оклобжіо и у Баязида къ которому 26 іюня двинулся г.-л. Тергукасовъ.

Полученная сейчасъ депеша нашего корреспондента изъ Заимскаго лагеря сообщаетъ о пораженіи тридцати тысячъ турецкихъ войскъ, почти цѣлый мѣсяцъ безуспѣшно осаждавшихъ нѣсколько сотъ Русскихъ, засѣвшихъ въ одномъ изъ зданій занятаго ими турецкаго города Баязида. Непріятель разбитъ на голову подоспѣвшимъ наконецъ Эриванскимъ отрядомъ, числомъ вчетверо слабѣйшимъ. Честь и слава Русскому солдату!

Кромѣ высокаго нравственнаго вліянія на войска, эта побѣда развязываетъ руки г.-ад. Лорисъ-Меликову, который такъ долго былъ озабоченъ необходимостью поддерживать малочисленный Эриванскій отрядъ.

Операціи Дунайской арміи продолжаются безостановочно. Теперь уже сами Турки, понявъ что цѣль нашихъ войскъ есть обходъ пресловутаго Четырехугольника, подтверждаютъ что русскія войска стоятъ твердою ногою на Янтрѣ, укрѣпляютъ Тырново, грозятъ Рущуку и подвигаются въ то же время ко всѣмъ Балканскимъ прохо-

дамъ чрезъ Плевно, Сельви и Тырново. Въ какой мѣрѣ вѣрны догадки Турокъ — это другое дѣло; важнѣе что они руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ этими догадками, и собирая въ окрестностяхъ Шумлы и Софіи большія силы намѣреваются съ одной стороны встрѣтить Русскихъ съ фронта въ Балканахъ, а съ другой отъ Шумлы—задержать предполагаемый ими съ нашей стороны обходъ Четыреугольника. Они надѣются сосредоточить тутъ армію свыше полутораста тысячъ и принудить Русскихъ принять бой по сю сторону Балканъ.

Въ виду этого плана, обладаніе линіей рѣки Янтры, прикрывающей со стороны Четырехугольника всѣ дороги къ Балканамъ, становится весьма важнымъ въ стратегическомъ отношеніи. Янтра сбѣгаетъ съ Балканскаго перевала у Шибка и стремится первоначально на востокъ къ Тырнову. Обогнувъ этотъ городъ и прорвавъ въ известковыхъ скалахъ узкое длинное ущелье у Самоводы, верстахъ въ 5 отъ Тырнова, Янтра дѣлаетъ два поворота и затѣмъ устремляется прямо на сѣверъ. Тутъ она принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Рушицу чрезъ которую пролегаютъ всѣ пути на Габрову и Тырново. Отъ впаденія Рушицы рѣка течетъ тише, долина расширяется, вообще саженъ до 50, наибольшая же ширина доходитъ до 100 саженъ слишкомъ. Берега почти вездѣ воздѣланы; правый, на турецкой сторонѣ, круче лѣваго. „Переходъ черезъ Янтру „большихъ массъ войскъ," читаемъ въ военныхъ замѣткахъ *National-Zeitung*, „безъ „мостовъ или значительнаго числа лодокъ „невозможенъ, а потому Янтра есть стра„тегическая преграда," тѣмъ болѣе что на этой рѣкѣ нѣтъ средствъ достать другихъ судовъ кромѣ маленькихъ лодченокъ, а мостъ на всемъ теченіи отъ Тырнова только одинъ, у Бѣлы; да и этотъ теперь уже въ русскихъ рукахъ.

Впрочемъ, ниже Бѣлы, близъ впаденія въ Дунай, на Янтрѣ есть бродъ на грунтовой дорогѣ къ Рущуку; бродомъ этимъ пользуются лѣтомъ жители.

Теченіе Янтры и перевѣсъ въ силѣ и достоинствахъ русской кавалеріи надъ турецкою ставятъ пока Турокъ въ положительную невозможность разгадать куда будетъ направленъ рѣшительный ударъ, на Балканы или на Рущукъ. Это можетъ опять повести къ тому же результату какъ подъ Галацемъ и Систовомъ: ударъ можетъ быть нанесенъ тамъ гдѣ всего менѣе ожидаетъ противникъ. Мастерское умѣнье скрывать планы и маскировать исполненіе маневровъ не можетъ не безпокоить Турокъ, и вѣроятно заставитъ ихъ еще разъ разбросать свои силы и тѣмъ облегчить русской арміи достиженіе предположенной цѣли съ наименьшими потерями.

№ 163.

Москва, 1-го іюля.

А.

Мы живемъ въ странное время извращенія самыхъ обыкновенныхъ понятій и обычаевъ. Напримѣръ, въ настоящую минуту мы поставлены въ совершенную невозможность сказать что̀ разумѣется на европейскомъ международномъ языкѣ нейтралитетомъ?

Давно ли была обнародована послѣдняя дипломатическая корреспонденція возбужденная Англійскимъ правительствомъ съ благовидною цѣлью устранить напередъ „откровенными объясненіями" все что̀ могло бы привести къ недоразумѣніямъ между Англіей и Россіей? Самая корреспонденція эта была дѣломъ совершенно необычнымъ, такъ какъ къ ней рѣшительно не было никакого повода. Англія не имѣла никакого логическаго основанія предписывать несообразныя ограниченія какія она считаетъ необходимыми для огражденія своихъ интересовъ. Съ русской стороны было однако сказано что интересы Англіи будутъ уважены „до тѣхъ поръ пока она будетъ соблюдать нейтралитетъ."

Несмотря на то, съ разныхъ сторонъ доходятъ извѣстія что масса англійскихъ офицеровъ руководятъ турецкими военными операціями. Такое нарушеніе англійскими подданными прокламаціи о нейтралитетѣ, обнародованной отъ имени королевы Викторіи, идетъ прямо въ разрѣзъ съ офиціальными заявленіями Англійскаго правительства. Любопытенъ вопросъ какъ придется смотрѣть на этихъ авантюристовъ если они попадутся въ плѣнъ: могутъ ли они пользоваться правами военноплѣнныхъ наравнѣ съ турецкими офицерами и солдатами, и не должны ли они считаться флибустьерами, за которыхъ не отвѣтствен-

но никакое правительство, такъ какъ Англійское правительство не можетъ отвѣчать за людей преступающихъ его собственныя распоряженія, и которые, поэтому, стоятъ внѣ всякаго международнаго закона.

Не менѣе возбуждаетъ недоумѣній открытое дѣйствіе Англійскаго правительства, выразившееся во внезапномъ перемѣщеніи всего англійскаго броненоснаго флота, стоявшаго въ Пиреѣ, вновь въ Безикскую бухту. Положительно извѣстно что эта мѣра была принята послѣ большихъ споровъ въ кабинетѣ, угрожавшихъ даже кризисомъ и выходомъ нѣкоторыхъ изъ министровъ въ отставку. Полагаютъ даже что кризисъ былъ только временно устраненъ компромиссомъ, и что именно помирились на посылкѣ флота въ Безику вмѣсто *отправки въ Дарданеллы 20-ти тысячнаго англійскаго отряда*. Послѣдняя мѣра конечно была бы уже прямымъ и явнымъ выступленіемъ Англіи изъ принятаго ею положенія нейтралитета,—но что же сказать о компромиссѣ какимъ она временно замѣнена? Мѣра эта, вмѣстѣ съ наплывомъ англійскихъ офицеровъ въ турецкія арміи, не можетъ не усилить увѣренности Турокъ въ скоромъ полученіи прямой помощи изъ Англіи. И они не будутъ неправы, такъ какъ въ самой Англіи болѣе рьяные изъ министерскихъ органовъ по этому поводу предсказываютъ близкое заступничество Англіи за Турцію, а враждебные кабинету органы печати встревожены и смотрятъ на компромиссъ какъ на торжество Беконсфильдовской секціи въ кабинетѣ. Ни въ чемъ не довѣряющая кабинету, газета *Daily News* прямо называетъ посылку флота въ Безику мѣрой Беконсфильдовскою, и не скрываетъ опасеній что она можетъ повести къ серіознымъ и опаснымъ для мира послѣдствіямъ.

Объясненія данныя англійскими министрами въ парламентѣ, по принятому теперь обычаю, ровно ничего не объясняютъ. Какъ морская стоянка, Безикская бухта не имѣетъ никакихъ преимуществъ. Это совершенно открытая и вовсе неудобная бухта, и все ея значеніе только въ томъ что она лежитъ почти у самаго входа въ Дарданеллы. Слѣдовательно посылка туда флота явно указываетъ на политическую цѣль. Англійскіе же министры, на всѣ запросы, могли только отвѣчать что эта стоянка выбрана по ея центральному (?) положенію, такъ какъ оттуда „англійскій адмиралъ будетъ съ одинаковымъ удобствомъ имѣть возможность сноситься какъ съ г. Леярдомъ въ Константинополѣ, такъ и съ правительствомъ въ Лондонѣ.“ Изъ этихъ словъ видно только что англійскій флотъ вновь подчиняется англійскому послу въ Константинополѣ, и значитъ предвидится случайность вмѣшательства которое будетъ зависѣть отъ оборота дѣлъ въ Турціи.

При очевидности этой цѣли *Daily News* опасается что принятая мѣра грозитъ тотчасъ же расширеніемъ сферы борьбы. „Что случилось,“ спрашиваетъ она, „съ тѣхъ „поръ какъ лордъ Дарби объявлялъ что „величайшій изъ британскихъ интересовъ „есть интересъ мира? Дунай перейденъ, „но эта операція есть естественное раз„витіе войны въ которой наша страна про„возгласила себя нейтральною, и этой опе„раціи міръ ожидалъ уже два мѣсяца.“ Не находя никакого разумнаго объясненія мѣры, *Daily News* высказываетъ замѣчаніе что „движеніе британскаго флота къ „берегамъ воюющей стороны есть важное „дѣйствіе которое не можетъ остаться безъ „результата.“ Въ самомъ дѣлѣ, предвидимое упомянутымъ органомъ вслѣдствіе этого расширеніе сферы борьбы было бы самымъ куріознымъ результатомъ тѣхъ заботъ о локализаціи войны, къ которымъ и у насъ иные отнеслись съ добродушнымъ участіемъ. А если это расширеніе предвидятъ какъ неизбѣжное и въ скоромъ времени въ самой Англіи, то не мѣшало бы и намъ принять заблаговременно къ тому свои мѣры...

Б.

Послѣ извѣстной дипломатической переписки объ англійскихъ интересахъ, многіе довѣрчивые люди думали что въ депешѣ лорда Дарби перечислены всѣ тѣ дѣйствительные или мнимые англійскіе интересы оградить которые желаетъ Англія. Добродушные люди ошиблись. Къ депешѣ Дарби послѣдовало интересное *post-scriptum*. Въ полученной сегодня депешѣ изъ Лондона значится что Англичане разыскали на Дунаѣ какіе-то свои интересы для огражденія которыхъ туда посылаются двѣ канонирки, *Flamingo* и *Condor*. Любопытно бы знать какъ эти заморскія птицы залетятъ и спустятся на рѣку загражденную торпедами

въ видахъ охраненія русскихъ *военныхъ* интересовъ? Чтобы плыть по Дунаю нужно вылавливать торпеды, а на это, мы полагаемъ, отвѣтятъ снарядами съ береговыхъ батарей. Думаемъ также что наши моряки не прочь будутъ поохотиться за рѣдкими птицами — въ русскихъ интересахъ...

№ 164.

Москва, 2-го іюля.

Вотъ уже нѣсколько дней всюду слышатся разные толки о ходѣ дѣлъ въ Анатоліи. Всѣ озадачены рѣзкимъ переходомъ отъ мнѣнія въ неготовности и слабости Турокъ къ извѣстіямъ что Турки готовы и что силы ихъ вездѣ многочисленнѣе нашихъ.

Каждый судитъ по своему, — но не рано ли судить, когда мы еще не знаемъ съ кѣмъ дѣйствительно боремся и гдѣ въ данную минуту грань нашихъ военныхъ операцій?

Впрочемъ, все это должно-быть отлично знаетъ *Agence Générale Russe*, такъ какъ это агентство, считая себя органомъ дипломатіи, рѣшается увѣрять насъ что всѣ налагаемыя на насъ разныя военно-дипломатическія ограниченія, а равно стоянка англійскаго флота въ Безикской бухтѣ нисколько не стѣсняютъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Увѣренность эту *Agence Générale Russe* конечно пріобрѣла въ официозныхъ завѣреніяхъ министерства Биконсфильда, которое въ доказательство своей искренности рѣшилось даже усилить англійскую флотилію въ Безикѣ еще нѣсколькими сильнѣйшими судами.

Всякій неслѣпой хорошо видитъ что военныя обстоятельства наши были иныя когда еще не былъ изобрѣтенъ нейтралитетъ Египта съ предоставленіемъ его войскамъ драться съ нами, когда Персія не была вынуждена соблюдать нейтралитетъ, и не то было также до перемѣны стоянки англійскаго флота и пр.

Теперь Египетъ преспокойно шлетъ остатки своихъ войскъ въ Европу и Азію; теперь мы не можемъ дѣйствовать къ сторонѣ южнаго Курдистана и Арабистана; затруднены наши операціи вдоль самаго удобнаго изо всѣхъ мало-азіятскихъ путей и развязаны руки десяткамъ тысячъ турецкихъ низамовъ, редифовъ и баши-бузуковъ, которые вырѣзали мирныхъ жителей Алашкертской равнины; теперь и изъ Константинополя явилась возможность двинуть всѣ войска на театръ военныхъ дѣйствій, на что̀ султанъ не рѣшился бы еслибы не былъ увѣренъ что безопасность его особы и его правительства застрахована отъ всякихъ смутъ въ столицѣ броненоснымъ флотомъ Великобританіи.

Довольно неясная депеша изъ Вѣны, отъ 11 іюля, сообщенная намъ вчера со словъ *St.-Petersburger-Zeitung*, излагаетъ содержаніе обнародованнаго будто бы въ вѣнскомъ *Fremdenblatt* офиціальнаго русскаго документа въ коемъ высказано требованіе чтобъ Австрія согласилась на включеніе Сербской территоріи въ театръ дѣйствій Русской арміи для обхода Балканъ, вслѣдствіе чего Россія сберегла бы 50.000 человѣческихъ жизней. Въ депешѣ прибавлено что „русская нота дѣлаетъ особенное удареніе на совершенное устраненіе Сербской арміи отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.“ Несмотря однако на эту оговорку, сказано далѣе въ упомянутой депешѣ, официозная газета *Fremdenblatt* высказывается противъ желанія Россіи воспользоваться для военныхъ цѣлей Сербскою территоріей. Въ то же время изъ Вѣны и Берлина сообщаютъ о предстоящемъ занятіи Сербіи австрійскими войсками, причемъ, по совѣтамъ вѣнскаго *Tagblatt*, Австрія рѣшилась на этотъ шагъ получивъ увѣренность въ предстоящемъ участіи Сербіи въ Русско-Турецкой войнѣ.

„Дружественная“ намъ и нейтральная Австрія, если вѣрить приведенному извѣстію, считаетъ 50.000 человѣческихъ жизней не чрезмѣрною цѣной которою долженъ быть купленъ ея нейтралитетъ! Невѣроятнаго тутъ однако нѣтъ ничего, ибо рѣчь идетъ о „русскихъ жизняхъ.“ Графъ Андраши не довольствуется даже увѣреніями Россіи что имѣется въ виду воспользоваться Сербскою территоріей лишь для стратегическихъ цѣлей, и что сербское войско будетъ устранено отъ участія въ войнѣ; Австрія рѣшила сама занять Сербію своими войсками. Неужели все это правда, и можно ли допустить чтобы всѣ эти явно враждебныя дѣйствія совершились подъ нейтральнымъ флагомъ?..

Въ другой вѣнской газетѣ находимъ удивительное сообщеніе о чьемъ-то разговорѣ съ нашимъ государственнымъ канцлеромъ. Вотъ что̀ читаемъ въ корреспонденціи изъ

Букурешта, отъ 3 іюля, помѣщенной въ *Presse*:

„Одинъ изъ моихъ друзей, занимавшій нѣкогда высокое мѣсто въ Петербургѣ и издавна находящійся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ князю Горчакову, имѣлъ на дняхъ интересную бесѣду съ канцлеромъ, о содержаніи которой онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ замѣчаній мой другъ высказалъ удивленіе что князь при его столь преклонныхъ лѣтахъ рѣшился оставить Петербургъ и предпринять далекую и утомительную поѣздку. „Вы еще больше удивитесь," отвѣчалъ ему князь, „если я вамъ скажу что „я предпринялъ эту поѣздку по личному „моему желанію. Его Величество Государь „Императоръ предоставилъ мнѣ на выборъ, „оставаться ли въ Петербургѣ, или со„провождать Его сюда. Единственно *Серб„скій вопросъ* побудилъ меня предпочесть „послѣднее. Еще когда Его Величество „Государь Императоръ прибылъ въ Ки„шиневъ чтобы произвести смотръ войскамъ, „то нашелъ тамъ посланнаго отъ Сербскаго „князя Милана съ порученіемъ предложить „намъ содѣйствіе Сербіи. За принятіе этого „предложенія тогда раздавались вліятель„ные голоса, но я представилъ Его Вели„честву Государю Императору, по Его воз„вращеніи, весьма обстоятельно мотиви„рованныя возраженія. Я опасался евро„пейской компликаціи въ случаѣ если Сер„бія выйдетъ изъ своего сдержаннаго по„ложенія. Мнѣ казалось полезнымъ нахо„диться въ началѣ войны вблизи полити„ческихъ событій которыя имѣли совер„шиться на Балканскомъ полуостровѣ. По„этому я рѣшился сопровождать своего „Монарха въ путешествіи. При вступленіи „въ войну мы выставили предъ Европой „*два принципа*. Вопервыхъ, мы дали увѣ„реніе что не будемъ вмѣшиваться во вну„треннія отношенія придунайскихъ странъ, „Румыніи и Сербіи, и не станемъ пред„принимать ничего что могло бы быть ис„толковано въ смыслѣ поощренія ихъ къ „войнѣ съ Турціей. Вовторыхъ, мы объ„явили всѣмъ кабинетамъ что рѣшились „отвергнуть всякое вмѣшательство державъ „во время военной кампаніи. При заклю„ченіи мира державы будутъ имѣть слу„чай заявить всѣ свои отдѣльные интере„сы." Разговоръ перешелъ затѣмъ на войну и на успѣхи одержанные до сихъ поръ русскими арміями. Князь Горчаковъ замѣтилъ, между прочимъ, что Турція выказала гораздо меньшую силу сопротивленія чѣмъ вообще ожидали отъ нея въ Россіи и указалъ на то какъ хорошо извѣстны были силы Турціи генералу Игнатьеву который предсказалъ де все что теперь совершилось. „Изъ Черногоріи," продолжалъ канцлеръ, „я тоже только что получилъ благопріят„ныя извѣстія. Турки понесли тамъ страш„ное пораженіе. Больше нѣтъ ни одного „Турка на Черногорской территоріи, се „sont des gaillards, ces gens-là. Турки „послѣ своихъ послѣднихъ побѣдъ (?) вздумали слишкомъ пренебречь Черногорцами „и отправили бо́льшую часть своихъ войскъ „къ Сербской границѣ (?), опасаясь уча„стія Сербіи въ войнѣ." На вопросъ, долго ли канцлеръ думаетъ еще пробыть въ Букурештѣ, князь Горчаковъ отвѣчалъ что это совершенно зависитъ отъ рѣшенія Императора; *безъ* Его Величества онъ во всякомъ случаѣ не возвратится въ Петербургъ. „Если нашимъ войскамъ удастся прину„дить Турокъ къ открытой битвѣ въ до„линахъ Болгаріи, тогда, полагаю, мы въ „состояніи будемъ рѣшить нашу задачу въ „сравнительно скоромъ времени; если же „враги отступятъ въ Балканы, какъ я имен„но и имѣю основаніе думать, тогда они „еще могутъ причинить намъ много хло„потъ (causeront beaucoup d'ennui), ибо „кромѣ превосходныхъ позицій которыя у „нихъ тамъ имѣются, для нашихъ войскъ „тогда только начнутся затрудненія въ про„довольствіи."

Оставляемъ весь этотъ разказъ на отвѣтственности корреспондента вѣнской газеты; но не можемъ не указать на нѣкоторыя бросающіяся въ глаза несообразности. Трудно повѣрить чтобы государственный канцлеръ могъ такъ разговориться объ интимныхъ дѣлахъ Императорскаго кабинета съ какимъ-то „другомъ моего друга," который сейчасъ же и вынесъ на площадь все такъ довѣрчиво ему переданное. Не вѣрится также чтобы государственный канцлеръ такъ усердно хлопоталъ и нарочно предпринялъ „далекую и утомительную поѣздку" на театръ войны для того чтобъ обезпечить нейтралитетъ Сербіи, въ то же время сознавая какъ много „докуки" будетъ нашимъ войскамъ отъ Турокъ при переходѣ черезъ Балканы и какъ много русской крови прольется вслѣдствіе того что Сербская территорія неизвѣстно зачѣмъ должна быть нейтрализована. Наконецъ,

корреспондентъ совсѣмъ заговорился, заставивъ князя Горчакова сказать: „Турки вздумали слишкомъ пренебречь Черногорцами и отправили бо́льшую часть своихъ войскъ къ сербской границѣ, опасаясь участія Сербіи въ войнѣ.“ Ces gaillards, Черногорцы, подвергались напротивъ очень большой опасности именно потому что Турки, успокоенные за Сербію, отвели свои войска отъ ея границы и бросили ихъ на Черногорцевъ. Мегметъ-Али прямо отъ Сѣницы подоспѣлъ на помощь къ Сулейману, и Черногорцы были спасены только изумительною доблестью своей обороны...

Этотъ разказъ вѣнской газеты облетѣлъ уже всю европейскую печать, — и вотъ вамъ обращикъ той безцеремонности съ какою теперь дѣйствуютъ газетные баши-бузуки...

№ 166.

Москва, 4-го іюля.

Почти съ самаго начала военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, въ заграничной печати идутъ нескончаемые толки о Румынской арміи и въ особенности о ея роли въ военныхъ дѣйствіяхъ. Говорили первоначально что Румынія будетъ дѣйствовать лишь оборонительно, что войска ея не перейдутъ Дуная то по соображеніямъ политическимъ, то по военнымъ. Затѣмъ начали назначать дни и даже часы избранные для переправы румынскихъ войскъ за Дунай, то въ связи съ Сербскими, то безъ нихъ. На дняхъ, наконецъ, въ послѣдній разъ было категорически заявлено, въ формѣ телеграммы изъ Краіовы, что „переходъ зна„чительной части Румынской арміи черезъ „Дунай назначенъ 29 іюня.“

Именно эта-то категоричность заявленія всего болѣе указывала на его несостоятельность. Все что касается совершенія столь сложныхъ и трудныхъ операцій какъ форсированная переправа значительныхъ силъ, въ виду столь сильной непріятельской крѣпости каковъ Виддинъ, содержится обыкновенно въ строгой тайнѣ. Однако, во всѣхъ этихъ „извѣстіяхъ“ и толкахъ была доля правды: всѣ они были продиктованы сознаніемъ что переходъ Румынской арміи на правый берегъ Дуная есть политическая и въ особенности военная неизбѣжность.

Такъ повидимому понимало и само Румынское военное начальство, давно подготовляющее армію къ этому отважному маневру. Ходили слухи будто русскій штабъ предлагалъ Румынскому военачальству совершать переправу лишь силами не свыше 12.000 человѣкъ, но что князь Карлъ признаетъ необходимымъ для сказанной цѣли сосредоточить не менѣе шестидесятитысячнаго корпуса, снабженнаго всѣмъ необходимымъ и вполнѣ обезпеченнаго относительно продовольствія. Съ этою послѣднею цѣлью, писали въ *Politische Correspondenz*, князь Карлъ потребовалъ чтобы каждый изъ 32 дистриктовъ Румыніи выставилъ 150 троечныхъ повозокъ, что̀ составило бы 4.800 телѣгъ съ 14.000 лошадей „Въ глазахъ каждаго знакомаго съ „Румыніей подобное требованіе есть поло„жительная невозможность,“ но въ основаніи оно было справедливо: приготовленія къ переправѣ и къ наступленію дѣйствительно дѣлались.

Столь же разнообразны были толки о пунктѣ переправы румынскихъ силъ. Остановились наконецъ на селеніи Груйя, къ сторонѣ Сербіи. Переправясь здѣсь, Румыны должны были, по увѣренію корреспондентовъ, немедленно приступить къ осадѣ Виддина, опираясь на батареи Калафата все время громившія Виддинъ съ лѣваго берега Дуная.

Въ послѣдніе дни всѣ эти толки замолкли; дѣйствительность уступила мѣсто догадкамъ. 29 іюня, какъ сообщаютъ въ *Neue Freie Presse* изъ Букуреша, „между ру„мынскими батареями въ Расти и турец„кими въ Ломъ-Паланкѣ происходила го„рячая перестрѣлка, оставшаяся однако „безъ результата.“ Перестрѣлка эта продолжалась и въ слѣдующіе дни, какъ извѣстился *Petersburger Herold*. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ идущимъ изъ Букуреша, та же газета узнала черезъ Вѣну „что русскій отрядъ, совершивъ обходъ „Никополя, занялъ Ломъ-Паланку, гдѣ „Турки имѣли не болѣе 1.000 низамовъ.“

Послѣ переправы русскихъ войскъ у Зимницы, въ виду ихъ численнаго превосходства надъ Турками особенно относительно кавалеріи, румынскій военачальникъ поступилъ бы опрометчиво начавъ форсировать переправу и перебрасывать свои войска на берегъ находящійся во власти непріятеля, тѣмъ болѣе что неудача Румынъ могла бы повредить операціямъ глав-

ныхъ силъ Русской арміи. Съ другой стороны, изъ газетныхъ извѣстій видно что главная масса румынскихъ войскъ расположена такъ что можетъ быть одинаково удобно двинута къ переправѣ и противъ устьевъ Тимока, и къ Ломъ-Паланкѣ ниже Виддина.

Весьма легко можетъ случиться что румынскія войска перейдутъ Дунай не у Ломъ-Паланки, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; но уже теперь очевидно что переправа эта не должна и не можетъ-быть форсированною, когда есть возможность переправиться противъ пункта уже занятаго русскими силами. Развѣ только дипломатія не путитъ!..

Пункты которые указывались для переправы румынскихъ войскъ за Дунай мѣнялись корреспондентами очевидно подъ вліяніемъ политическихъ соображеній. Когда шла рѣчь о совмѣстномъ дѣйствіи Румыніи и Сербіи было весьма естественно предполагать что переправа Румынъ совершится выше Виддина, противъ устьевъ Тимока. Еще вѣроятнѣе казалось это въ эпоху слуховъ о происходившихъ будто бы переговорахъ между Россіей и Австріей, переговорахъ относительно занятія линіи Тимока съ цѣлью движенія въ обходъ Балканскихъ горъ. Напротивъ, когда стало положительно извѣстно что линія Тимока не будетъ занята воюющими сторонами, предположенія о переправѣ Румынской арміи выше Виддина потеряли смыслъ, румынскія войска,—это очевидно,—должны избрать для переправы такой пунктъ гдѣ Турки не могли бы стать между ими и русскими силами, т.-е. Румыны должны рѣшиться на переправу ниже Виддина и всего, конечно, лучше на такомъ пунктѣ откуда идетъ прямой путь соединяющій съ Дунаемъ Софію. Ломъ-Паланка удовлетворяетъ этому условію: отъ Ломъ-Паланки черезъ Берковицу къ Софіи пролегаетъ удобная дорога длиною всего во 140 верстъ.

„Русская армія медленно, но вѣрно распространяется по Болгаріи,“ замѣчаетъ телеграмма увѣдомляющая о занятіи Ломъ-Паланки. Русскіе уже стоятъ твердо на всѣхъ путяхъ ведущихъ въ долины Тунджи и Марицы, и не торопясь, „грозно, медленно какъ тучи“ подвигаются къ Балканамъ. Этому не торопливому, систематическому наступленію, конечно, не могутъ помѣшать затрудненія въ продовольствованіи арміи, какъ бы серіозны они ни были. Противъ этихъ затрудненій уже приняты дѣятельныя мѣры. Депеша изъ Турнъ-Северина извѣщаетъ что провіантъ дѣятельно подвозится къ арміи, что дороги заняты интендатскими транспортами съ самаго момента перехода за Дунай.

Русская Главная Квартира не могла конечно не знать что войну придется вести въ странѣ, которой запасы исчерпаны или умышленно уничтожены Турками. Это имѣлось въ виду въ самомъ началѣ кампаніи и можетъ-быть это главнымъ образомъ и рѣшило выборъ способа продовольствія путемъ крупнаго подряда.

Съ затрудненіями по продовольствію войскъ въ Турціи мы давно знакомы, и затрудненія никогда не были въ состояніи парализовать ходъ военныхъ дѣйствій и остановить Русскую армію на пути къ намѣченной ею цѣли. Весь вопросъ о продовольствіи въ настоящее время сводится прямо къ цифрѣ военныхъ издержекъ, которыя естественно должны быть весьма значительны, если только вѣрить свѣдѣніямъ *Голоса* о цѣнахъ на муку и пшеницу въ Румыніи въ настоящее время. „Въ 1854 году,“ читаемъ въ названной газетѣ, „цѣна четверти пшеницы не поднималась выше $3\frac{1}{2}$, „а муки $4\frac{1}{2}$ рублей. *Теперь* цѣны эти „возвысились въ 5, 6, 7 разъ.“ „Вопросъ продовольствія суждено выступить „на первый планъ. Какъ и въ Хивѣ, мы „будемъ въ Болгаріи вскорѣ бороться не „съ Турками, а съ климатомъ, жаждою, „голодомъ...“ Не слишкомъ ли однако все это сильно сказано и не похоже ли все это на тѣ запугиванья къ которымъ съ самаго начала войны прибѣгала извѣстная политическая партія? Говорили что армія наша переболѣетъ, будетъ голодать и растаетъ прежде нежели сойдется со врагомъ...

Любопытно только что *Голосъ* пророчитъ Русской арміи голодъ зная что „продовольствіе въ Болгаріи будетъ производиться на счетъ припасовъ закупаемыхъ въ Румыніи“ гдѣ „запасы хлѣба и фуража велики“ и гдѣ сверхъ того „предвидится урожай.“

Мы дописывали послѣднія строки когда получили депешу о появленіи нашихъ войскъ уже за Балканами. Передовой отрядъ ихъ занялъ Ханкіой въ долинѣ Тунджи. Великое совершилось! Дипломатія, обрекавшая насъ на тяжкія жертвы, разбита на голову, благодаря проницательности и энергіи главнаго начальства нашей арміи.

№ 167.

Москва, 5-го Іюля.

А.

Наши войска за Балканами; ихъ передовые отряды занимаютъ Ханкіой, Ени-Загру, Ямболь въ долинѣ Тунджи, въ 90 верстахъ отъ Адріанополя. Все теченіе Дуная отъ Ломъ-Паланки до Рущука и отъ Черноводъ внизъ до устья въ рукахъ Русскихъ. Никополь, послѣ боя длившагося цѣлый день, сдался безусловно, и въ рукахъ нашихъ очутилось 6.000 плѣнныхъ. Овладѣніе среднею частью Дунайской оборонительной линіи обезпечено; къ Рущуку подошли грозныя силы. Такія же силы грозятъ Силистріи. Ставъ у Ямболя наши войска заняли путь сообщенія Шумлы съ Адріанополемъ. Пресловутый Четырехугольникъ оказался въ блокадѣ, и прямой путь къ Адріанополю открытъ для нашей арміи.

Съ удивительною проницательностью усмотрѣлъ русскій Полководецъ относительную слабость турецкихъ силъ собранныхъ въ Четырехугольникѣ, вѣрно оцѣнилъ значеніе тревоги возбужденной въ Константинополѣ, судорожную дѣятельность Турецкаго правительства по усиленію войскъ на Дунаѣ и однимъ поразительно смѣлымъ и такъ мудро обдуманнымъ маневромъ парализовалъ всѣ эти усилія.

Движеніе въ долину Тунджи совершено съ замѣчательною быстротой. 15 іюня русскія силы молодецки форсировали переправу у Систова, 25 наѣздомъ захватили Тырново и 1-го стояли уже по ту сторону Балканъ.

Турки и на этотъ разъ были застигнуты врасплохъ. Они не успѣли сосредоточить войскъ для обороны Балканскихъ проходовъ. Войска ихъ размѣщенныя западнѣе линіи Казанлыка и Никополя отрѣзаны отъ арміи дѣйствующей въ восточной половинѣ полуострова. Турки сами говорятъ теперь будто думаютъ дѣйствовать двумя арміями, изъ которыхъ, слѣдовало бы прибавить, каждая не довольно сильна для самостоятельныхъ операцій противъ Русскихъ войскъ, такъ что Абдулъ-Керимъ не рѣшился предпринять ничего что могло бы остановить переходъ Русскихъ за Балканы.

Турки и ихъ друзья не безъ цѣли толковали о полутораста тысячной арміи собранной въ Четвероугольникѣ. Нужно было выиграть время для сосредоточенія войскъ. Военная хитрость не удалась. А между тѣмъ для сосредоточенія войскъ къ Дунаю Турки бросили Черногорію и подтягиваютъ на линію Софія-Нишъ большую часть Виддинской арміи Османъ-паши. Наконецъ, къ Дунаю же направляется и часть войскъ Дервишъ-паши, которыя еще такъ недавно были брошены въ Азію, вѣроятно по совѣту Англичанъ, для огражденія главнымъ образомъ ихъ интересовъ. Блестящій успѣхъ Дунайской арміи облегчитъ задачу войскъ дѣйствующихъ въ Арменіи.

Слѣдуетъ замѣтить что время съ половины іюня до половины августа самое неудобное для дѣйствій въ Болгаріи. Солнце не грѣетъ, а жжетъ, термометръ постоянно стоитъ выше 30°. И вотъ подъ этими палящими лучами русскіе передовые отряды прошли усиленными маршами, спѣша исполнить не только военную задачу, но и дѣло человѣколюбія. Быстрое движеніе впередъ, неожиданный захватъ главныхъ населенныхъ пунктовъ Болгаріи спасаетъ населеніе отъ истребленія отступающими турецкими войсками. Турки *готовились* къ истребленію населенія и къ опустошенію страны. Въ Систовѣ, были, напримѣръ, составлены даже списки кого умертвить, кого отвести въ неволю... Но Турки бѣжали, и затѣя ихъ осталась безъ исполненія.

Въ успѣхѣ кампаніи никто не сомнѣвался, боялись звѣрства Турокъ, грозившихъ заранѣе „поголовнымъ истребленіемъ“ болгарскаго населенія. Лишить Турокъ возможности привести этотъ планъ въ исполненіе, — такова была трудная задача выпавшая русскому Главнокомандующему, и она разрѣшена блистательно. Христіанское населеніе спасено, мусульмане ожидавшіе возмездія за прошлое и бѣжавшіе съ приближеніемъ русскихъ войскъ возвращаются и изъявляютъ покорность.

Накопленіе враждебнаго элемента въ тылу арміи предотвращено поразительною энергіей и силой маневровъ, а съ другой человѣчностью и высокою справедливостью управленія окончательно подрывающею авторитетъ Оттоманской власти даже въ глазахъ мусульманъ.

Б.

Мы получили возможность воспроизвести приказъ по войскамъ Эриванскаго отряда генералъ-лейтенанта Тергукасова, отъ 12 іюня за № 102. Съ горячею благодарностью обращается генералъ къ своимъ сподвижникамъ, отдавая справедливость ихъ мужеству и доблести. Напомнивъ войскамъ все ими сдѣланное съ начала войны, генералъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на трудномъ дѣлѣ 9 іюня въ которомъ наши молодыя войска противустояли вчетверо сильнѣйшему противнику, гдѣ наши „роты дрались противъ турецкихъ баталіоновъ“ и вышли съ честью отбросивъ всѣ атаки и удержавъ свои позиціи... „Ваши подвиги,“ говорится въ заключеніе, „возлагаютъ на васъ *обязанность* и впредь быть столь же достойными имени Русскихъ и столь же грозными противнику...“ Войска исполнили эту обязанность на-голову разбивъ подъ Баязидомъ 13 тысячъ турецкихъ войскъ... Генералъ зналъ войска къ которымъ обращено было его задушевное слово...

„12-го іюня 1877 г. Бив. у Дагаръ.

„Сподвижники мои, генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины Эриванскаго отряда! Ввѣренный мнѣ отрядъ предназначался для содѣйствія главному корпусу, облегчая ему трудности въ преодолѣніи непріятеля, защищающаго главныя преграды турецкой Арменіи, искусственныя и природныя. Вы надѣялись дать бой тотчасъ по оставленіи любезнаго отечества, но непріятель, несмотря на похвальбу оказать упорное сопротивленіе близъ границы, поспѣшно отступалъ, а Баязидъ сдался разъѣзду. Вы шли дальше, вездѣ встрѣчая возведенныя непріятелемъ укрѣпленія, которыя однако онъ покидалъ по однимъ слухамъ о вашемъ приближеніи. Наконецъ онъ укрѣпился за высокими горами Драмъ-Дагъ, надѣясь остановить васъ предъ недоступными позиціями, повсемѣстно укрѣпленными, и здѣсь поразить тѣмъ вѣрнѣе что вы уже далеко ушли въ глубь Турціи. Ни недоступность горъ, ни сила укрѣпленій, ни стойкость почти втрое многочисленнѣйшаго противника не остановили васъ; послѣ шестичасоваго боя, 4 іюня, турецкій корпусъ бѣжалъ предъ малочисленнымъ, но крѣпкимъ духомъ Эриванскимъ отрядомъ. Но этимъ главнымъ дѣломъ еще не закончились ваши обязанности: непріятель, зная какія послѣдствія будетъ имѣть ваша побѣда, смѣнилъ разбитый отрядъ свѣжимъ и еще болѣе сильнымъ корпусомъ, въ числѣ 22 баталіоновъ, съ многочисленною кавалеріей подъ личнымъ предводительствомъ самого главнокомандующаго Анатолійскою арміей. Мухтаръ-паша надѣялся раздавить васъ своею многочисленностью. Такъ наступилъ бой 9 іюня. Непріятель, пользуясь тѣмъ что былъ почти вчетверо сильнѣе васъ, хотѣлъ обойти оба фланга, и потому нужно было растянуть позицію слишкомъ на 5 верстъ и противупоставить его баталіонамъ наши роты. Я сдѣлалъ это потому что былъ увѣренъ въ геройской стойкости моего отряда. Я не ошибся; въ теченіи десятичасоваго упорнаго боя вы отбили всѣ приступы непріятеля и показали себя такими же стойкими въ оборонѣ этого дня, какъ непреодолимыми въ наступленіи предшествовавшаго боя 4 іюня. Отброшенный со всѣхъ пунктовъ, непріятель на другой день просилъ позволенія взять своихъ убитыхъ и раненыхъ съ поля битвы, усѣяннаго его тѣлами.

„Горы Турецкой Арменіи, прославленныя побѣдами нашихъ предшественниковъ старыхъ закаленныхъ Кавказскихъ войскъ, предводимыхъ посѣдѣлыми въ бояхъ начальниками, теперь были свидѣтелями дивныхъ подвиговъ молодыхъ солдатъ. Войска Эриванскаго отряда! Вы достойно поддержали славу вашихъ боевыхъ предшественниковъ. Пѣхота, артиллерія и кавалерія, соревнуясь въ усердіи и во взаимной помощи, явили себя одинаково достойными. Я любовался спокойнымъ огнемъ нашей пѣхоты предъ суетливою стрѣльбой Турокъ. Стойкость и хладнокровіе пѣхоты не уступили искусству и достойному удивленія самоотверженію артиллеріи, лихости и бдительности кавалеріи. Драгуны и казаки показали себя такими же лихими наѣздниками какъ и ловкими пѣхотинцами. Я счастливъ, командуя такими войсками. Я счастливъ что могу донести нашему Августѣйшему Главнокомандующему о ихъ мужествѣ и о доблести и распорядительности ихъ достойныхъ начальниковъ.

„Врачи, фельдшера и санитары Эриванскаго отряда! Чины Общества Краснаго Креста и сестры милосердія! Выражаю вамъ мою глубочайшую, сердечную благодарность. Въ дѣлѣ братолюбивой помощи раненымъ вы достойно соревновали съ

доблестными подвигами вашихъ боевыхъ товарищей.

„Войска Эриванскаго отряда! Ваши славные подвиги, радуя нашего возлюбленнаго Государя и отечество, возлагаютъ на васъ обязанность и впредь быть столь же достойными имени Русскихъ и столь же грозными противнику.

„Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ.

„Подлинный подписалъ начальникъ Эриванскаго отряда

„*Генералъ-лейтенантъ Терюкасовъ.*“

№ 168.

Москва, 6-го іюля.

Лондонская печать, по поводу впечатлѣнія произведеннаго посылкой англійскаго флота вновь на стоянку въ неудобную и открытую Безикскую бухту, прикидывается удивленною тѣмъ что эта мѣра никому, какъ ей кажется, не понравилась. Она находитъ страннымъ что Россія видитъ въ этомъ демонстрацію противъ себя: вѣдь Англія откровенно объяснила что будетъ заботиться о своихъ „интересахъ...“ Но еще болѣе представляется для господъ Англичанъ непостижимымъ что и въ Константинополѣ якобы вовсе недовольны этимъ. Какъ пишутъ въ англійскихъ газетахъ, турецкіе министры ожидали гораздо бо́льшаго отъ Англіи, и вотъ въ Безику посылается де эскадра гораздо слабѣе той которая оттуда была отослана лордомъ Салсбери, а Леярдомъ будто бы объяснено Портѣ чтобъ она отнюдь не позволяла вводить себя этимъ въ заблужденіе и не разчитывала бы на помощь Англіи. Поэтому Турки начинаютъ понимать что Англія заботится вовсе не о нихъ, а только объ извѣстныхъ пунктахъ ихъ территоріи, которые она, при случаѣ, желаетъ обезпечить за собой. Вслѣдствіе этого и Порта косо де взглянула на появленіе англійскаго флота въ Безикѣ, видя въ томъ демонстрацію столь же и противъ нея самой.

Но факты интереснѣе толковъ, а фактъ прежде всего въ томъ что, какъ въ прошедшемъ году послѣ Салоникской катастрофы, такъ и теперь, англійская эскадра вслѣдъ за отправленіемъ быстро подкрѣплена самыми сильными броненосцами. Слѣдовательно, еслибъ и справедливо было что сначала Турокъ разочаровала слабость этой эскадры, то причина эта уже устранена.

О намѣреніяхъ же Англійскаго правительства мы знаемъ слѣдующее. Оно, повидимому, отказалось отъ намѣренія требовать чрезвычайнаго кредита въ два милліона на непредвидѣнные расходы въ теченіе настоящей сессіи, до конца которой остается всего съ небольшимъ три недѣли для окончанія самыхъ необходимыхъ дѣлъ. Требованіе заранѣе кредита едва-ли нужно по слѣдующимъ соображеніямъ: еслибы дошло до столкновенія Англіи съ Россіей, то разрѣшенные правительству два милліона оказались бы недостаточными, и пришлось бы тогда все-таки созывать парламентъ, а „тогда и будетъ время испро„сить вмѣстѣ и всѣ деньги какія потре„буются, и *indemnity за всѣ издержки до „разрѣшенія.*“ Въ самомъ дѣлѣ это проще и легче. Парламентскія пренія о чрезвычайномъ кредитѣ въ настоящую минуту хотя и окончились бы пораженіемъ оппозиціи, но, какъ говорятъ торійскія газеты, „могли бы причинить серіозный вредъ національнымъ интересамъ.“ Ясно въ чемъ тутъ дѣло. Теперь какъ бы ни было увѣрено правительство въ покорномъ ему большинствѣ въ парламентѣ, все-таки пришлось бы давать объясненія; поднялась бы полемика въ печати, стали бы въ другихъ странахъ принимать соотвѣтственныя мѣры. При этомъ, по всему вѣроятію, беретъ въ соображеніе и денежный рынокъ на который не могли не оказать вліянія тревожные толки. Во всякомъ случаѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ очевидно что въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ была мысль повести дѣло втихомолку. Черезъ три недѣли парламентъ былъ бы закрытъ, а потомъ черезъ мѣсяцъ или два вновь созвали бы его для утвержденія расходовъ сдѣланныхъ безъ спроса. И тогда само собою разумѣется что торійское большинство въ парламентѣ дастъ какой угодно оправдательный билль кабинету Биконсфильда. Будь оппозиція даже гораздо сильнѣе нынѣшней, и такая едва ли бы рѣшилась отвергнуть *indemnity bill*, что̀ могло бы повредить государственному кредиту. Министерство рисковало бы потерять власть, можетъ-быть надолго; теперь же оно и этимъ не рискуетъ, а напротивъ оппозиція будетъ поставлена въ неловкое положеніе возражать противъ мѣръ которыя были бы де

приняты для огражденія „британскихъ интересовъ.“

Таковы, какъ можно заключать, были планы на которыхъ останавливался Лондонскій кабинетъ дней пять тому назадъ, и намекъ брошенный въ газетахъ имѣлъ цѣлію постепенно приготовить публику къ такому ходу дѣлъ.

Однако, судя по сегодняшнимъ телеграммамъ, быстрое появленіе нашихъ войскъ за Балканами произвело такое сильное впечатлѣніе въ Лондонѣ что тамошняя печать вновь съ лихорадочнымъ азартомъ забила тревогу. Вышеприведенные планы повидимому составлялись въ предположеніи, которое съ увѣренностью высказывалось многими, будто Русской арміи навѣрное потребуется столько же времени на переходъ отъ Дуная до Балканъ сколько было потрачено на приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай. И вдругъ черезъ двѣ недѣли послѣ переправы громовая вѣсть что Русскіе уже за Балканомъ, и что взятіемъ Никополя обезпечено владѣніе среднимъ теченіемъ Дуная, такъ что за сообщенія арміи съ базисомъ нечего и опасаться! Отчасти смѣшно и жалко видѣть эти періодическія судорожныя подергиванья нашихъ добрыхъ пріятелей отъ нашихъ успѣховъ. Сперва ихъ всполошилъ переходъ нашихъ войскъ черезъ границу тотчасъ за объявленіемъ войны, но затѣмъ ихъ убаюкали быстрыя волны и высокія воды Дуная. Смутились они потомъ взятіемъ Ардагана и движеніемъ нашихъ войскъ въ Арменіи,— но и тутъ, не безъ добраго участія ихъ, наступила остановка. Наконецъ воды Дуная спали и переходъ совершился, но въ Лондонѣ утѣшались еще мыслью что переправа запоздала и надеждой на почти непроходимые Балканы. Ссылались даже на мнѣніе графа Мольтке, который когда-то писалъ что при переходѣ Дуная въ іюнѣ невозможно окончить за Балканами войну въ одну кампанію. Такимъ образомъ, разчитывали что военныя дѣйствія затянутся, а тамъ, разумѣется, надѣялись на дипломатію. Теперь и непроходимые Балканы пройдены, и затрудненія Турокъ все увеличиваются. И вотъ, самый рьяный изъ руссофобскихъ органовъ, *Daily Telegraph*, уже вопитъ что „жизненные интересы Ан„гліи и другихъ державъ (какихъ?) тре„буютъ немедленнаго вмѣшательства,“ и совѣтуетъ энергически воспрепятствовать наступательному движенію Русскихъ къ Босфору, такъ какъ занятіе Русскими Константинополя, хотя бы и временное, нанесетъ де „смертельный ударъ Британской имперіи.“

Изъ Константинополя извѣстія еще интереснѣе. Они гласятъ что Англія уже изъявила готовность направить корпусъ войскъ въ турецкую столицу, но что Порта требуетъ заключенія формальнаго союза. По тѣмъ же извѣстіямъ, султанъ въ отчаяніи и стоитъ на своемъ желаніи открыть прямые переговоры съ Россіей. Но еще вчера другія извѣстія изъ Константинополя сообщали что Леярдъ, дабы предупредить непосредственные переговоры Порты съ Россіей, уговаривалъ Турокъ къ крайнему сопротивленію, обѣщая помощь Англіи оружіемъ и деньгами. Извѣщали также что флотъ изъ Безики пройдетъ въ Босфоръ какъ только Русскіе перейдутъ Балканы.

Мы давно уже привыкли къ этимъ крикамъ, и знаемъ имъ цѣну. Англія безъ союзниковъ ничего не можетъ предпринять. А чтобы найти союзниковъ, нужно вызвать замѣшательства въ Европѣ и войну. Но въ такомъ случаѣ и мы не останемся безъ союзниковъ; къ тому же мы освободились бы отъ дипломатическихъ помочей на которыхъ насъ держатъ и отъ того нейтралитета который есть та же война только безъ риска. Мы не ищемъ враговъ, но предпочтемъ открытаго врага лицемѣрной дружбѣ...

№ 169.

Москва, 7-го іюля.

27-го іюня, какъ уже извѣстно, Русскія войска, снявъ блокаду Карса, направились къ Заиму за Карсъ-чай, отославъ осадныя орудія къ Александрополю и выславъ на Александропольскую дорогу всю кавалерію, „для прикрытія сообщеній.“ Снятіе блокады Карса, если вѣрить корреспонденту *Times*, смутило Турокъ; они не доумѣвали какая могла быть причина этой мѣры: первоначально въ штабѣ Мухтаръ-паши думали что Карсъ палъ и занятъ русскими войсками, главныя силы которыхъ вслѣдствіе этого получили возможность маневрировать въ открытомъ полѣ. Затѣмъ, когда ошибка выяснилась, Турки все-таки продолжали опасаться наступательныхъ дѣйствій со стороны войскъ

генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова отъ Заима на Ольти, и подвигались впередъ съ большою осторожностью. Мухтаръ-паша счелъ необходимымъ усилить свою армію войсками гарнизона Карса. Это усиленіе не придало однако рѣшимости Туркамъ, которые почти въ то же время узнали о печальной участи постигшей правофланговый отрядъ Анатолійской арміи подъ Баязидомъ. Мухтаръ-паша со своимъ воинствомъ не рѣшился даже показываться сѣвернѣе Карса.

Между тѣмъ русскія войска, постоявъ по 3 іюля на Карсъ-чаѣ, двинулись обходнымъ путемъ чрезъ Джобаджи (къ сѣверу отъ Заима) на Паргетъ къ сѣверо-востоку отъ Карса на южномъ берегу Карсъ-чая, затѣмъ послѣ непродолжительной тамъ стоянки, какъ сообщаетъ сегодня нашъ корреспондентъ, стянулись на большую Александропольскую дорогу и расположились у Кюрюкъ-Дара, мѣста прославленнаго въ прошлую восточную войну полнымъ пораженіемъ Турокъ. Передвиженіе къ Кюрюкъ-Дара было исполнено какъ разъ вовремя; къ нашимъ войскамъ начали подходить подкрѣпленія, а между тѣмъ и намѣренія Турокъ уже выяснились: они стали къ востоку отъ Карса, если вѣрить извѣстіямъ изъ Константинополя. Такое расположеніе Турокъ ранѣе передвиженія генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова къ Кюрюкъ-Дара показывало что Турки не имѣютъ намѣренія дѣйствовать противъ русскихъ войскъ наступательно, и что цѣль ихъ только прикрытіе Карса съ цѣлью не допустить Русскихъ вновь обложить эту крѣпость. Во взаимномъ положеніи воюющихъ сторонъ съ 27 іюня послѣдовала огромная перемѣна.

Результатомъ маневровъ предпринятыхъ въ окрестностяхъ Карса генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ былъ выигрышъ времени. Время въ военномъ дѣлѣ элементъ великой важности: оно „цѣнится минутами.“ Потерянная минута иногда невознаградима. Обратное значеніе имѣетъ выигрышъ времени ....

Отступая къ Заиму, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ выигрывалъ много: движеніе къ Заиму не могло казаться для русскихъ войскъ отступленіемъ, между тѣмъ какъ движеніе въ направленіи къ Александрополю показалось бы отступленіемъ, а съ другой стороны, не давая Туркамъ никакихъ преимуществъ, движеніе на Заимъ озадачивало ихъ и тѣмъ вынуждало къ потерѣ дорогаго на войнѣ времени.

Дальнѣйшія дѣйствія, однако, все еще зависятъ отъ того что̀ предприметъ турецкій главнокомандующій: рѣшится ли онъ атаковать русскія силы, или будетъ выжидать наступленія съ нашей стороны и затѣмъ начнетъ опять отступать, довольствуясь тѣмъ что̀ ему удалось освѣжить гарнизонъ Карса и такимъ образомъ отдалить время окончательнаго паденія крѣпости. Нѣкоторые иностранные стратеги полагаютъ что Мухтаръ-паша изберетъ именно послѣдній образъ дѣйствій какъ наиболѣе де выгодный и правильный. „Въ „положеніи Мухтаръ-паши, и самъ Мольтке „не могъ и не долженъ бы дѣйствовать „иначе,“ разсуждаетъ стратегъ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*. „Напрасно со„бытія на азіятскомъ театрѣ войны хо„тятъ мѣрить на европейскую мѣрку... „Условія въ Азіи совершенно иныя. Иной „военный матеріалъ, иная мѣстность, иныя „условія продовольствія... Турецкіе гене„ралы знаютъ что съ тѣмъ *военнымъ ма„теріаломъ* какой находится въ ихъ распо„раженіи нужно избѣгать сраженій въ по„лѣ... Имъ извѣстно что армія которою „они располагаютъ есть единственная, что „другой взять не откуда... Вотъ почему „въ то время когда непріятельскія войска „со свѣжими силами, отлично снабженныя, „подавались впередъ, Турки отступали съ „тѣмъ чтобы воспользоваться первою же „ошибкой Русскихъ... Лѣвое крыло Рус„скихъ войскъ зашло слишкомъ далеко „впередъ. Мухтаръ-паша всѣми силами „обрушивается на отрядъ генерала Тергу„касова и оттѣсняетъ его... Но успѣхъ „Турокъ на правомъ флангѣ заставилъ по„даться назадъ и русскій центръ. Гене„ралъ Лорисъ-Меликовъ долженъ былъ „отойти за Карсъ, если только не желалъ „быть обойденнымъ съ лѣваго фланга и „съ тыла.“ Мухтаръ-паша, прибавляетъ стратегъ аугсбургской газеты, вышелъ съ успѣхомъ изъ этого перваго періода кампаніи: „его планъ совершенно оправданъ „событіями, тогда какъ давъ, по совѣту „европейскихъ стратеговъ, бой впереди „Саганлуга, онъ навѣрное проигралъ бы „его, потерявъ армію, а вмѣстѣ съ ней „и Эрзерумъ.“

Если таковъ именно былъ стратегическій планъ Мухтаръ-паши, то повтореніе его теперь уже едва ли возможно. Стратегъ

аугсбургской газеты не договорилъ, можетъ-быть не безъ умысла, главнаго: отступая въ началѣ кампаніи Мухтаръ-паша выигрывалъ время, сближался съ подкрѣпленіями ему обѣщанными и уже бывшими на пути. Притянувъ ихъ къ себѣ, онъ перешелъ въ наступленіе, которое и привело его вновь къ Карсу. Повторить маневръ, въ случаѣ новаго наступленія Русскихъ, было бы безцѣльно: новыхъ подкрѣпленій нѣтъ, и разчитывать на поддержку нечего. Не потому ли турецкій генералъ, не рискуя атаковать Русскихъ, предпочелъ приступить къ укрѣпленію окрестностей Карса, подготовляя оборонительную позицію? Неужели это, по мнѣнію баварскаго стратега, значитъ выйти побѣдителемъ изъ перваго періода кампаніи? Первый періодъ кампаніи! Но развѣ русскія войска не въ предѣлахъ Турціи, развѣ надъ Ардаганомъ еще не развѣвается русское знамя? Развѣ Баязидъ, занятый горстью Русскихъ, не устоялъ окруженный громаднымъ скопищемъ Турокъ, и не остался въ русскихъ рукахъ? Развѣ не во всѣхъ битвахъ, и наступательныхъ съ нашей стороны и оборонительныхъ, Турки не были разбиты, о чемъ свидѣтельствуютъ даже англійскіе корреспонденты въ ихъ лагерѣ? Правда, малочисленность нашихъ войскъ въ сравненіи съ турецкими, получившими большія подкрѣпленія, замедлила наши дальнѣйшіе успѣхи, въ которыхъ не только мы, но и сами Турки сомнѣваться не могутъ. Генералъ Тергукасовъ не могъ же идти къ Эрзеруму, имѣя предъ собою вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. Онъ обязанъ былъ отойти назадъ, но отходя онъ при каждой встрѣчѣ билъ напиравшаго на него противника, и наконецъ при Баязидѣ не только разбилъ на голову, но и уничтожилъ на половину осаждавшія его войска. Мы сняли осаду Карса,—но потому что продолжать ее въ виду подходящаго многочисленнаго непріятеля было бы непростительною ошибкой... Но сосредоточивъ свои войска, мы уже готовы къ наступленію, а Турецкій Мольтке, по сужденію его баварскаго прославителя, долженъ оставаться только въ оборонительномъ положеніи подъ стѣнами сильной крѣпости которую онъ пришелъ спасать.

№ 170.

Москва, 8-го Іюля.

Наши добрыя друзья Англичане продолжаютъ тѣшить себя изобличеніями свирѣпостей якобы чинимыхъ русскими войсками. Любопытнѣйшій обращикъ такого изобличенія представляетъ сообщеніе корреспондента *Morning Post* изъ Шумлы о поголовномъ будто бы избіеніи Русскими магометанъ, не щадя женщинъ и дѣтей, въ разныхъ мѣстахъ лежащихъ далеко отъ мѣстопребыванія корреспондента, въ окрестностяхъ Рущука и Тырнова, а въ Балканахъ, близь Кагне, какъ пишетъ тотъ же корреспондентъ, Русскіе „взяли въ плѣнъ „все населеніе и гнусно оскорбили всѣхъ „женщинъ.“ Такого рода сообщенія могутъ соперничать развѣ только съ турецкимъ извѣстіемъ съ театра войны о томъ что „одинъ турецкій фрегатъ бомбардируетъ *Симферополь*, а другіе отправились къ Севастополю.“

Но, помимо того что̀ измышляется въ англійскихъ газетахъ, съ шутовскою важностью о томъ же предметѣ дѣлаются запросы въ Англійскомъ парламентѣ. 12 іюля, въ отвѣтъ на запросъ г. Ритчи, подсекретарь иностранныхъ дѣлъ г. Боркъ съ серіознымъ видомъ отвѣчалъ слѣдующее: „Отчеты о подобныхъ жестокостяхъ были „получены г. Леярдомъ отъ Порты и лор„домъ Дарби отъ турецкаго посла въ Лон„донѣ. Единственное свѣдѣніе изъ другихъ „источниковъ заключалось въ частномъ „письмѣ изъ Сухумъ-Кале къ британскому „вице-консулу въ Требизондѣ, сущность ко„тораго была телеграфирована въ Лондонъ „г. Леярдомъ, и въ которомъ значилось „что извѣщали о русскихъ жестокостяхъ „въ Адлерѣ, къ сѣверу отъ Сухумъ-Кале, „и что 1.500 семействъ, говорятъ, умер„ли отъ голода будучи принуждены бѣ„жать въ лѣса отъ преслѣдованія каза„ковъ которые все жгли и грабили на сво„емъ пути. Имя автора этого письма не „упомянуто, и не было возможности сдѣ„лать разслѣдованія о точности его сооб„щеній.“ Потомъ, на другой запросъ въ томъ же засѣданіи, правительство обѣщало предъявить парламенту сообщенія по этому предмету полученныя имъ отъ Турецкаго правительства.

Что̀, кромѣ презрѣнія и смѣха, могутъ возбудить не только въ Россіи, но, по-

лагаемъ, и во всемъ мірѣ, эти комедіи которыми тѣшитъ себя Англійскій парламентъ въ послѣдніе дни сессіи? Г. Боркъ даже не замѣтилъ безсмыслицы даннаго имъ отвѣта. Ну, а еслибъ онъ имѣлъ возможность провѣрить разслѣдованіями тѣ сообщенія о которыхъ онъ говоритъ, что же тогда? Неужели кто-нибудь въ Англійскомъ парламентѣ воображаетъ что Россія можетъ нуждаться въ оправданіяхъ англійскими агентами и въ ихъ похвальныхъ отзывахъ?

Сегодняшняя телеграмма изъ Лондона сообщаетъ что тотъ же Боркъ, на запросъ другаго члена, снова обѣщалъ предъявить палатѣ „донесенія консуловъ по поводу сообщеній Порты о жестокостяхъ Русскихъ въ Турціи, также какъ были представлены ей донесенія о жестокостяхъ Турокъ въ Болгаріи, и палата можетъ тогда разсудить сама о степени достовѣрности этихъ сообщеній.“

Нелѣпость этихъ выходокъ бросается въ глаза. Сами Англичане надъ ними смѣются. Указывая на комизмъ этихъ запросовъ, и этого старанья поставить Россію на одну съ Турціей доску, *Daily News* замѣчаетъ: „Англія ни сколько не отвѣтственна за дѣйствія Россіи, но отвѣтственна за дѣйствія Турціи которую поддерживала...“

Допустимъ что нашими войсками совершены были всякія свирѣпости, что же тогда, и въ какой мѣрѣ это можетъ касаться Англійскаго правительства? Г. Боркъ, какъ служащему по иностраннымъ дѣламъ, должно быть свѣдомо что оно не посмѣло бы обратиться къ Россіи съ какими-либо представленіями, замѣчаніями или указаніями. Онъ долженъ знать что за подобнымъ обращеніемъ весьма вѣроятно послѣдовало бы отозваніе нашего посла изъ Лондона...

А если такъ, то какое же значеніе могутъ имѣть эти толки въ Англійскомъ парламентѣ о русскихъ жестокостяхъ? Демонстрація ли это чтобы подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Россіи и смутить ея правительство? Но развѣ можно ожидать чтобы сѣтованія Англійскаго парламента на чьи бы то ни было жестокости могли возбудить что-нибудь кромѣ смѣха? Англійскіе политики огорчаются и возмущаются жестокостями! Mais c'est impayable... Судя по прошлому году, мы думали что эти господа даже нѣкоторое удовольствіе находятъ въ томъ что у нихъ же для пикантности прозвано „ужасами.“ Парламентъ чуть не рукоплескалъ потѣхамъ турецкихъ воиновъ въ Филиппополѣ и Батакѣ. Англійское правительство поощряло и обнадеживало Порту; мало того, оно попускало и подстрекало Турокъ; оно было соучастникомъ въ дѣяніяхъ баши-бузуковъ. Развѣ не Элліотъ присовѣтовалъ Портѣ принять *самыя энергическія* мѣры для предупрежденія въ Болгаріи волненій? Не онъ ли писалъ что для британскихъ интересовъ безразлично 10.000 или 20.000 погибло безоружныхъ людей, стариковъ, дѣтей и женщинъ? Не Дарби ли возражалъ противъ всякаго вмѣшательства для обузданія неистовствъ? Не Биконсфильдъ ли глумился надъ жертвами? Правда, было въ парламентѣ нѣсколько человѣкъ которые возвысили голосъ за оскорбленное человѣчество, но эти несчастные члены были заглушены, осмѣяны, оплеваны. Сколько брани и всякихъ клеветъ пало даже на г. Гладстона! Въ отвѣтъ имъ кричали что все это преувеличено, а когда было доказано что дѣйствительность скорѣе преумалена чѣмъ преувеличена, завопили что нельзя стѣснять свободу независимой Турціи, нельзя оскорблять ея достоинство вмѣшательствомъ въ ея верховную власть; зашумѣли о святости трактатовъ, и прикрыли дѣла баши-бузуковъ „британскими“ интересами. Британскій парламентъ представлялъ зрѣлище болѣе оскорбительное для нравственнаго чувства чѣмъ самыя звѣрства баши-бузуковъ, потому что растлѣнный человѣкъ хуже и омерзительнѣе звѣря. Парламенту ли Англійскому, въ его нынѣшнемъ составѣ, давать уроки человѣколюбія?

Политическое суевѣріе когда-то придавало Англійскому парламенту великое значеніе. Не только старались подражать его устройству и порядкамъ, но и почтительно прислушивались къ его отзывамъ. Эти *patres conscripti* Британской націи, конечно, постарались воспользоваться выгодами такого положенія, и у нихъ выработалось особое искусство посредствомъ котораго они мнили управлять дѣлами цѣлаго міра,—искусство парламентскихъ демонстрацій. Въ былую пору дѣло это шло не дурно и помогало цѣлямъ англійской политики, но съ теченіемъ времени европейская публика стала умнѣе, да и мастера этого искусства перевелись. Ложь и безправ-

ственность этихъ парламентскихъ комедій выступали наружу при иныхъ случаяхъ въ такомъ омерзительномъ видѣ что онѣ утратили всякое значеніе

Стóитъ припомнить демонстраціи которыя чинились въ Англійскихъ палатахъ въ 1863 году, въ разчетѣ подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Россіи и позорное фіаско которое потерпѣли тогда эти комедіи.

Но утративъ достоинство и авторитетъ, Британскій парламентъ еще удерживалъ за собою репутацію смысла. Его послѣднія демонстраціи съ цѣлію подѣйствовать на русское мнѣніе доказываютъ что вмѣстѣ съ достоинствомъ онъ потерялъ и смыслъ.

Изъ сегодняшней же телеграммы мы узнаемъ еще что, по поводу затопленныхъ нами въ главномъ устьѣ Дуная четырехъ судовъ, англійскій посолъ лордъ Лофтусъ выразилъ будто бы нашему правительству надежду что „будутъ приняты мѣры къ устраненію сказаннаго загражденія.“ Неужели это правда? Неужели англійскій посолъ могъ позволить себѣ выражать надежду равносильную требованію чтобы мы не смѣли принимать мѣръ противъ турецкихъ судовъ входящихъ изъ Чернаго Моря въ Дунай?

Нѣтъ, мы не съ Турціей ведемъ войну; мы, очевидно, ведемъ ее съ Англіей. Турки дѣйствуютъ какъ ея орудія, какъ ея наемники, какъ ея союзники. Она всегда такъ воевала, она всегда любила загребать жаръ чужими руками... За Турками, нѣтъ сомнѣнія, стоитъ она, нашъ главный и истинный врагъ. Не приближается ли минута дать ей самой почувствовать невыгоды и опасности военнаго положенія?

№ 171.

Москва, 9-го іюля.

Австро-венгерская печать опять присмирѣла и понизила тонъ. Но не далѣе какъ дней восемь тому назадъ тамъ совершенно серіозно и съ увѣренностью толковали объ англо-австрійскомъ союзѣ съ присовокупленіемъ Турціи. Говорили о предстоящемъ занятіи не только Босніи и Герцеговины, но и Сербіи съ Бѣлградомъ австрійскими войсками, и все это по соглашенію съ Турціей. Занятіе этихъ провинцій, по приглашенію Турціи, — какъ толковали въ мадьярскихъ органахъ, — совсѣмъ не то что занятіе оныхъ съ согласія Россіи, и Мадьяры заранѣе одобряли эту мѣру и уже праздновали окончательное пораженіе Россіи. Впрочемъ, австро-венгерская печать и безъ австро-англійской подмоги находила себя въ правѣ разчитывать на пораженіе Россіи: ужь очень ободрили нашихъ тамошнихъ друзей вѣсти съ азіятскаго театра войны и снятіе осады Карса. Въ упоеніи этихъ „добрыхъ вѣстей,“ — переправа черезъ Дунай всячески умалялась въ своемъ значеніи, и доказывалось что Турки еще покамѣсть ничего не потеряли, что имъ было физически невозможно растянуть свою оборону на всю линію Дуная и обезпечить себя отъ неожиданностей, но что дѣло не въ Дунаѣ, а въ Балканахъ, и что тутъ-то они покажутъ себя. Увлеченіе пріятными надеждами до того дошло что и офиціозныя вѣнскія газеты оставили свой обычно сдержанный тонъ и стали вторить всеобщимъ ликованіямъ. Такъ, въ *Fremdenblatt* отъ 10 іюля появилась статья въ которой доказывалось что еслибы даже „въ концѣ концовъ успѣхъ и склонился на сторону Россіи, то все-таки Россія до тѣхъ поръ будетъ бѣднѣе на цѣлую армію, и Европа напротивъ обогатится убѣжденіемъ что и русскія деревья до неба не доростаютъ.“ Въ томъ же нумерѣ названная офиціозная газета привела корреспонденцію будто бы изъ русскаго источника, — корреспонденцію имѣвшую характеръ отчаянной мольбы отъ Россіи къ Австріи. Съ подобающимъ просителю самоуничиженіемъ, въ ней изъяснялось что Россія „вполнѣ сознаетъ свою зависимость отъ Австріи, что на Востокѣ она можетъ всего достигнуть съ помощью Австріи, безъ нея же очень малаго, а вопреки ей — ничего.“ Просительный пунктъ заключался въ томъ чтобъ Австрія дозволила Россіи воспользоваться долиной Тимока для обхода Балканъ такъ какъ въ противномъ случаѣ Россіи придется де пожертвовать 50.000 своего войска на форсированіе Балканскихъ проходовъ, и при этомъ давалось клятвенное обѣщаніе что сербскія войска отнюдь не присоединятся къ русскимъ. Но *Fremdenblatt* осталось глухо ко всѣмъ этимъ мольбамъ и заклинаніямъ и сурово отвергло просьбу неизвѣстнаго ходатая за Россію. „Если русское военна-

чальство, замѣтила эта газета, убѣдилось теперь что побороть своего врага труднѣе нежели оно предполагало первоначально, то это не можетъ имѣть никакого вліянія на положеніе Австріи.“ Австрійскимъ интересамъ не можетъ де соотвѣтствовать даже простое „вовлеченіе Сербіи въ *шумъ* войны.“

Но протекло еще нѣсколько дней: пришла вѣсть о занятіи Тырнова, а затѣмъ о проходѣ передовыхъ русскихъ отрядовъ за Балканы. Мигомъ тонъ измѣнился, объ англо-австрійскомъ соглашеніи нѣтъ болѣе рѣчи; оно опровергнуто устами *Wiener-Abendpost*, офиціознѣйшей изъ офиціозныхъ, а о грозныхъ рѣчахъ графа Андраши г. Новикову, о коихъ спѣшили возвѣстить какъ о предзнаменованіи еще болѣе грозныхъ дѣйствій, нынѣ сообщаютъ изъ Вѣны совсѣмъ иныя рѣчи. „Англо-австро-турецкій союзъ,“ пишетъ корреспондентъ *National-Zeitung* изъ Вѣны отъ 13 іюля, „о коемъ такъ много говорили, „разсѣялся какъ дымъ. Графъ Андраши „имѣлъ на этихъ дняхъ серіозные разго„воры съ г. Новиковымъ; но этотъ фактъ „доказываетъ только что графъ Андраши „крѣпко держится союзно-дружественныхъ „отношеній къ Россіи.“ Всѣ эти разговоры австрійскаго премьера съ русскимъ посломъ имѣютъ де цѣлью лишь указать Русскому кабинету на то что̀ не нравится Вѣнскому кабинету въ дѣйствіяхъ Россіи, или что внушаетъ ему опасенія насчетъ будущаго, „чѣмъ Россіи дается возможность исправить упущенія.“ Этотъ образъ дѣйствій, по свидѣтельству корреспондента, долженъ имѣть прекрасныя послѣдствія „въ виду воспріимчивости князя Горчакова къ справедливой щекотливости Вѣнскаго кабинета.“ Словомъ, отношенія между Россіей и Австріей, вопреки нѣкоторымъ мимолетнымъ облачкамъ временно омрачившимъ ихъ дружбу, остаются самыя лучшія. Вѣнскій кабинетъ настолько де деликатенъ что „принимаетъ въ раз„четъ и затруднительное положеніе кня„зя Горчакова, которому приходится упо„треблять все свое дипломатическое вліяніе дабы побороть неумѣреннѣйшія по„ползновенія Главной Квартиры.“ Какое странное положеніе хотятъ въ Вѣнѣ дать нашей дипломатіи: она борется не съ противными интересами чужихъ правительствъ, а съ главною квартирой русской арміи!!

Въ сущности эти ехидныя „успокоенія“ хуже нежели прежнія открыто враждебныя ликованія; но ими все-таки знаменуется поворотъ, при коемъ сочтено нужнымъ снова затаить злобу выступившую было наружу, безъ прикрасъ, и принятся за иную тактику. Вмѣсто враждебной коалиціи противъ Россіи, пошли вдругъ толковать о посредничествѣ между воюющими сторонами. Затихли толки не только о грозящемъ разрывѣ между Россіей и Австріей, но отношенія между Россіей и Англіей принялись выставлять въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. *Mémorial Diplomatique*, отъ 15 іюля, привелъ сообщеніе изъ Лондона гласящее будто отношенія между Лондономъ и Петербургомъ вовсе не такъ натянуты какъ вообще думаютъ. Далѣе, въ этомъ сообщеніи говорится что въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ выжидаютъ только перехода Русскихъ войскъ чрезъ Балканъ дабы предложить перемиріе, чрезъ посредство князя Бисмарка и съ согласія всѣхъ великихъ державъ. Вопросъ о перемиріи составляетъ де теперь предметъ переговоровъ которые ведутся въ Берлинѣ, и будто о перемиріи будетъ идти рѣчь при предстоящемъ свиданіи императоровъ Германскаго и Австрійскаго. То же самое извѣстіе о перемиріи подтверждается въ письмѣ вѣнскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, отъ 14 іюля, по словамъ котораго основаніемъ для перемирія и для будущихъ переговоровъ о мирѣ будетъ принята, — что бы вы думали?—нота графа Андраши отъ 20 декабря 1875!

Однако всѣмъ этимъ „миротворцамъ“ не дано было слишкомъ долго убаюкивать себя мечтаніями. Наиболѣе благоразумные и трезвые органы берлинской печати сами поспѣшили опровергнуть воспроизведенные ими слухи идущіе изъ Вѣны, и *National-Zeitung* справедливо заявила что всякое предложеніе сдѣланное теперь Россіи въ смыслѣ мира съ Турціей было бы принято какъ оскорбленіе. Въ другомъ мѣстѣ, та же газета совершенно вѣрно высказываетъ что Россія не можетъ вернуться назадъ не достигнувъ своей цѣли или не истощивъ всѣхъ своихъ силъ, и что еслибъ она поступила иначе и остановилась на полупути, то всѣ принесенныя ею до сихъ поръ жертвы пошли бы въ прокъ лишь Англіи и Австріи.

Что же касается указанія на князя Бисмарка, который будто бы приметъ на себя роль посредника съ согласія прочихъ державъ, то независимо отъ офиціознаго опроверженія появившагося по этому поводу въ *Agence Russe*, упомянутая берлинская газета замѣчаетъ что еслибы Россія нуждалась въ добромъ содѣйствіи Германіи, то она едва ли адресовала бы ей это предложеніе черезъ Вѣну и Лондонъ.

№ 173.

Москва, 11-го іюля.

„*Ура!* Проходъ Шибки сегодня у насъ въ рукахъ.“ Такъ начинается депеша Августѣйшаго Главнокомандующаго отправленная изъ Тырнова 7 іюля. Это сердечное *ура* можетъ служить лучшею оцѣнкой достигнутаго успѣха. Передовой отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко уже недѣлю находился на южной сторонѣ Балканъ, въ долинѣ Тунджи. Связь его съ главными силами поддерживалась черезъ весьма трудный перевалъ ведущій отъ Тырнова на Ханкіой. Тропа эта идетъ по ущелью Килифаръ, лѣсомъ взбирается на хребетъ и круто спускается къ селенію Челенскій Рытъ, расположенному въ верховьяхъ Ханкіойскаго ущелья. „Эта тропа,“ по замѣчанію *Русскаго Инвалида*, „длиною 36 „верстъ, узка, очень крута, проходитъ по „самымъ глухимъ мѣстамъ хребта и только „отчасти доступна выюку.“ Движеніе здѣсь значительныхъ массъ войскъ было невозможно, такъ какъ даже передовой отрядъ „перешагнулъ“ здѣсь Балканы только „послѣ неимовѣрныхъ трудовъ.“

Для арміи нужны колесныя дороги и притомъ такія, по которымъ могли бы съ удобствомъ пройти тяжелыя повозки войсковаго обоза; сверхъ того, для большихъ силъ нельзя довольствоваться однимъ переваломъ. Русская армія владѣетъ теперь *тремя*.

Первый изъ этихъ переваловъ, Шибкинскій, служитъ главнымъ почтовымъ трактомъ между Рущукомъ и Адріанополемъ Весь путь шоссированъ; второй—Травненскій, менѣе удобенъ. Хотя отъ Травны до самаго перевала дорога шоссирована, но „за переваломъ,“ какъ пишутъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „колесная дорога обра„щается въ путь доступный лишь легкимъ „повозкамъ.“ Путь этотъ однако „съ не„значительными исправленіями можетъ быть „приспособленъ къ движенію полевой артиллеріи и обозовъ.“ Все вниманіе Турокъ было обращено на перевалъ Шибкинскій; тутъ они построили нѣсколько укрѣпленій и выставили 14 баталіоновъ редифа съ 8 орудіями.

Когда передовой отрядъ спустился 1 іюля съ Балканъ, первою его задачей было захватить селеніе Ханкіой и затѣмъ обратиться вверхъ по Тунджѣ съ тѣмъ чтобы способствовать овладѣнію главнѣйшими проходами, обходя обороняющія ихъ турецкія войска съ тыла. Въ этихъ именно видахъ передовой отрядъ пошелъ долиною Тунджи и 3 іюля съ боя занялъ значительное селеніе Суфлары, 5-го Казанлыкъ и селеніе Шибку, у подошвы Балканъ.

Одновременно съ этимъ чрезъ Габрово двинуты къ Шибкинскому перевалу Орловскій пѣхотный полкъ съ 30 Донскимъ казачьимъ. Атака съ этой стороны представляла большія трудности. „Дорога, по выходѣ изъ Габрова,“ читаемъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „переходитъ по каменному мосту (40 шаговъ длины) рѣку Янтру „и слѣдуетъ долиной рѣки Козерицы, которую она пересѣкаетъ четыре раза по „мостамъ. На шестой верстѣ шоссе повора„чиваетъ на востокъ, взбирается на отрогъ Червени-брега, гдѣ опять принимаетъ южное направленіе и подлежитъ къ „караулу... За карауломъ дорога склоняется на западъ, изгибаясь по отрогу „между двумя лѣсистыми ущельями, и всходитъ на второй подъемъ ко второму караулу.“ Отсюда въ нѣсколько поворотовъ дорога достигаетъ главнаго перевала, еще болѣе крѣпкаго отъ природы чѣмъ описанные доступы къ нему. На главномъ перевалѣ, „дорога врѣзывается узкою бермою (коймою) въ каменистый скатъ горы, „и изогнувшись около другой высоты увѣнчанной развалинами старинаго укрѣпленія выходитъ къ скалистой вершинѣ Св. „Николы, у которой поставленъ третій „блокгаузъ.“ Далѣе слѣдуетъ крутой (около 20°) спускъ.

Турки могли упорно, шагъ за шагомъ отстаивать перевалъ, гдѣ въ послѣднее время, сверхъ того, было возведено нѣсколько новыхъ укрѣпленій. Такъ Турки и дѣлали. „Орловцы“ говоритъ Его Императорское Высочество, „сбивъ непріятеля „съ нѣсколькихъ позицій не могли одна-

„ко занять самаго перевала,“ занятаго цѣлою турецкою дивизіей.

Только 7 іюля, узнавъ о занятіи деревни Шибка войсками генерала Гурко, князь Святополкъ-Мирскій рѣшился повторить свою атаку. Обойденные съ тыла, Турки въ „паническомъ страхѣ бѣжали безъ выстрѣла.“

Такимъ образомъ, уже 7 іюля наши войска владѣли среднимъ теченіемъ Тунджи, отъ Ямболя до Казанлыка, и сосредоточеніе значительныхъ массъ на южной сторонѣ Балканскихъ горъ было вполнѣ обезпечено. Передовыя конныя части прошли далеко впередъ къ югу и юго-востоку.

Все это совершилось ранѣе нежели Турки успѣли оглядѣться и приготовились встрѣтить русскія силы.

Только теперь принимаются ими мѣры къ средоточенію въ окрестностяхъ Адріанополя войскъ Сулейманъ-паши, по газетнымъ извѣстіямъ силою около 35 тысячъ. Часть этого корпуса должна повидимому расположиться въ укрѣпленіяхъ Адріанополя, а около 18 тысячъ двинуты, какъ утверждаютъ, къ Сливну и Ямболю.

Движеніе войскъ обѣихъ сторонъ на встрѣчу даетъ поводъ предполагать что рѣшительный бой послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени.

Что касается нашихъ войскъ двинутыхъ къ Рущуку, то о движеніи ихъ имѣются лишь газетныя свѣдѣнія еще не подтвержденныя офиціально и притомъ весьма сбивчивыя. Утверждаютъ, напримѣръ, что обложеніе Рущука совершилось, что двадцатипятитысячный турецкій корпусъ отрѣзанный отъ Разграда и Шумлы отступилъ на Рущукъ, гарнизонъ коего дошелъ такимъ образомъ до 50.000 человѣкъ. Какія части русскихъ войскъ направлены къ Рущуку свѣдѣнія также разнорѣчивы и мѣняются изо дня въ день: такъ изъ Систова отъ 8 іюля телеграфировали въ *Голосъ* что къ Рущуку двинуты 11 и 12-й корпуса, а 9 числа изъ Журжева тому же самому *Голосу* телеграфируютъ что Рущукъ окруженъ 12, 4 и 13-мъ корпусами.

Изъ всего этого пока достовѣрно лишь то что къ Рущуку направлены значительныя массы войскъ, что предположена осада этой крѣпости, и что передовыя войска наши проникли весьма далеко и заходятъ даже до Ветовой, деревни лежащей восточнѣе желѣзной дороги, почти на полупути между Разградомъ и Шумлой.

Не менѣе достовѣрно и то извѣстіе что корпуса двинутые къ Рущуку „состоятъ „въ связи съ квартирой Главнокомандующаго,“ причемъ связь эта должна быть поддержана болѣе или менѣе значительными силами.

Отсутствіе офиціальныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ окрестностяхъ Рущука, а равно и въ части войскъ двигающихся изъ Добруджи противъ Силистріи и по послѣднимъ извѣстіямъ прошедшихъ уже за Траяновъ валъ, служитъ, какъ надо полагать, доказательствомъ что предпріятія эти еще не приведены къ концу.

Подводя итогъ всему сказанному, невольно приходится обратить вниманіе на тревожное состояніе Англіи, на ея безпокойство, суетливые сборы, крикъ и хлопоты то о покупкѣ Суэзскаго канала и протекторатѣ надъ Египтомъ, то о высадкѣ въ Галлиполи и занятіи Константинополя. Въ той же мѣрѣ характеристичны недовольство и переполохъ въ Вѣнѣ и Пештѣ. „Офиціальныя сферы ожидаютъ „окончательной турецкой катастрофы въ „теченіе еще нынѣшней недѣли,“ говоритъ нашъ корреспондентъ, и вѣроятно эти сферы, также какъ и Англія, озабочены извлечь изъ этой катастрофы свои выгоды...

№ 174.

Москва, 12-го іюля.

Чтобы судить о громадномъ значеніи военныхъ успѣховъ достигнутыхъ нашими войсками за Дунаемъ, не достаточно знать все то что сообщается по этому поводу изъ офиціальныхъ русскихъ источниковъ и корреспонденціями изъ Русскаго лагеря Успѣхи эти являются въ несравненно болѣе яркомъ свѣтѣ если прослѣдить отзывы тѣхъ кто смотритъ на дѣло съ турецкой точки зрѣнія. Въ Европѣ, какъ извѣстно, нѣтъ недостатка въ различнаго рода радѣтеляхъ о Турецкой имперіи, которые, не успѣвъ заручиться теплымъ мѣстечкомъ по примѣру Гобартъ-паши, Бекеръ-паши и другихъ, продолжаютъ однако „безкорыстно“ пламенѣть въ пользу ислама, изъ ненависти къ Россіи. Къ числу этихъ турецкихъ „гувернеровъ“ принадлежатъ нѣкоторые ученые теоретики, какъ напримѣръ, публицистъ Викеде, оріенталистъ Вамбери и др. Главнымъ же

образомъ принадлежатъ сюда разнаго рода международные искатели приключеній, „неудачники“ былыхъ революцій и всякаго рода „лишніе люди.“ Пресловутый „генералъ“ Клапка давно уже подвизается на этомъ поприщѣ, и въ послѣдніе два года имя его много разъ появлялось въ печати, въ качествѣ „дѣятеля“ по турецкимъ дѣламъ. Въ чемъ собственно состояла его дѣятельность неизвѣстно; но онъ постоянно переѣзжалъ изъ Вѣны въ Константинополь и обратно, и услужливая вѣнская печать каждый разъ отмѣчала эти таинственные переѣзды, а международный телеграфъ въ свою очередь торопился повѣдать о нихъ міру. Шарлатанизмъ этихъ пріемовъ бросается въ глаза, ибо въ сущности кому какое дѣло до личности и передвиженій мадьярскаго искателя приключеній, тщетно предлагающаго свою доблестную саблю на защиту Ислама? Но послѣднія сообщенія появившіяся въ иностранной печати о „генералѣ“ Клапкѣ не лишены интереса и для насъ. Неблагодарные Турки не оцѣнили его любви къ нимъ, и въ борьбѣ между заботливостью объ ихъ судьбѣ и чувствомъ справеливаго негодованія послѣднее взяло наконецъ верхъ, и „генералъ“ уѣхалъ изъ Константинополя въ Вѣну съ тѣмъ чтобы никогда болѣе туда не возвращаться. Такъ заявилъ онъ самъ корреспонденту *Кельнской Газеты* поспѣшившему привѣтствовать его по пріѣздѣ въ австрійскую столицу.

Разговоры этого корреспондента съ „генераломъ“ о турецкихъ дѣлахъ были вкратцѣ переданы на прошедшей недѣлѣ по телеграфу во всѣ концы Европы, въ томъ числѣ и намъ. „Генералъ“ Клапка прибылъ въ Вѣну 14 іюля, и свиданіе его съ корреспондентомъ туркофильской газеты произошло на другой же день. Въ это время еще не было получено извѣстія о переходѣ передовыхъ русскихъ отрядовъ черезъ Балканы. Бесѣда ограничилась разговорами о боевыхъ силахъ Турціи, о прекрасныхъ качествахъ турецкаго солдата, кои однако вполнѣ парализуются де отсутствіемъ дѣльныхъ и свѣдущихъ генераловъ. Тутъ мадьярскій стратегъ безпощадно раскритиковалъ неумѣлость и ослѣпленіе Абдулъ-Керима, и кстати сообщилъ что онъ, Клапка предвидѣлъ всю невѣрность плановъ турецкаго военачальника и указалъ ее; но Абдулъ-Керимъ остался глухъ къ его увѣщаніямъ. Такъ „генералъ“ Клапка считаетъ большою ошибкой то что Турки въ самомъ началѣ кампаніи вздумали дѣйствовать наступательно противъ Черногоріи и отрядили на это безполезное предпріятіе 125 баталіоновъ отборнаго войска, ослабивъ оборону Дуная, между тѣмъ какъ 30 баталіоновъ было бы вполнѣ достаточно для наблюденія за Черногоріей и отраженія ея наступательныхъ дѣйствій. Затѣмъ онъ, Клапка, „предвидѣлъ“ что переправа Русскихъ войскъ совершится именно у Систова и жестоко порицаетъ турецкаго главнокомандующаго за то что онъ не сосредоточилъ здѣсь цѣлой арміи, а растянулъ свои силы отъ Виддина до Варны. „Генералъ“ не счелъ впрочемъ нужнымъ разъяснить почему именно онъ „предвидѣлъ“ что переправа совершится именно въ этомъ пунктѣ. Однако въ этотъ первый разговоръ генералъ Клапка еще не считалъ дѣло Турокъ потерянымъ и увѣрялъ своего собесѣдника что Турки покажутъ себя при оборонѣ линіи Балкана.

Но вотъ 17 іюля получено было въ Вѣнѣ первое извѣстіе что русскія войска успѣли перейти и черезъ Балканы. Корреспондентъ *Кельнской Газеты* снова поспѣшилъ къ „генералу“ Клапкѣ чтобъ услышать изъ устъ его сужденіе, и этотъ разговоръ передалъ немедленно по телеграфу. Размышленія мадьяро-турецкаго патріота на этотъ разъ были весьма печальны. Онъ прямо заявилъ что считаетъ судьбу кампаніи на Балканскомъ полуостровѣ оконченною. Слагая опять всю вину на бездарность и лѣнь турецкой команды, „генералъ“ полагаетъ что Турки теперь не будутъ въ состояніи оказывать Русскимъ какое бы то ни было сопротивленіе. Даже его собственный планъ, о раздѣленіи всѣхъ турецкихъ силъ на двѣ самостоятельно и сосредоточенно дѣйствующія части, который преступнымъ образомъ отвергнутъ былъ Абдулъ-Керимомъ, онъ считаетъ теперь уже неисполнимымъ, такъ какъ 40.000 корпусъ Османъ-паши, расположенный въ Виддинѣ, Нишѣ и Ломпаланкѣ, онъ считаетъ теперь, послѣ взятія Никополя, совершенно парализованнымъ и думаетъ что Сулейманъ-паша, слишкомъ поздно призванный изъ Герцеговины, не успѣетъ уже предотвратить окончательнаго удара готовящагося Туркамъ. Словомъ, „генералъ“ Клапка думаетъ что Турціи остается теперь лишь одно: совершенно покинуть ев-

ропейскій театръ войны и перенести оный въ Азію. Тутъ, по мнѣнію его, Турки могутъ еще много сдѣлать, такъ много что успѣхи русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ будутъ де уравновѣшены съ лихвой, и Россіи будутъ нанесены такіе удары послѣ коихъ, „если она не будетъ окончательно подавлена, во всякомъ случаѣ первая предложитъ миръ.“ Генералъ Клапка еще сомнѣвается нѣсколько чтобы въ Стамбулѣ сумѣли принять энергическое рѣшеніе; но онъ не сомнѣвается что самымъ роковымъ для Россіи оборотомъ было бы то, еслибы Турція, ограничившись въ Европѣ обороной крѣпостей, бросилась своими главными силами въ Азію. Тамъ, поднявъ знамя Пророка, она сосредоточила бы вокругъ около милліона мусульманъ и могла бы предпринять набѣгъ „въ древнемъ стилѣ чрезъ мусульманскія провинціи Россіи въ самое сердце страны... Силы Россіи оказались бы недостаточными чтобы противостать такому набѣгу.“

Тѣмъ не менѣе мадьярскій стратегъ не вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ замышляемаго имъ Тамерлановскаго набѣга на Россію, ибо онъ тутъ же призываетъ на помощь совершенно иную силу—современную европейскую дипломатію. Съ изумительнымъ двоедушіемъ и фальшью, какимъ вѣроятно нельзя было бы найти примѣра и во времена Тамерлана, этотъ современный искатель приключеній не находитъ словъ чтобы достойно заклеймить „Европу“ за ея равнодушіе къ тому „что̀ совершается теперь между Адріатическимъ моремъ и Араратомъ.“ „Я нѣмѣю отъ изумленія, сказалъ г. Клапка, видя что Европа ничего не говоритъ по поводу ужасовъ кои совершаются въ Европѣ и Азіи съ самаго начала этой *позорнѣйшей* изо всѣхъ войнъ. Или тутъ не знаютъ ничего что̀ совершается между христіанами и мусульманами? Какъ повсюду жгутъ, грабятъ, насилуютъ и умерщвляютъ? Сотни тысячъ христіанскихъ и магометанскихъ семействъ ввергнуты въ разореніе съ начала войны. И Европа на все это молчитъ? Гуманная Европа! Дабы не нарушить разчетовъ дипломатіи, допускается свершеніе ужасовъ коихъ Европа не видала въ теченіе пяти вѣковъ.“

Не прошло и года послѣ ужасающей рѣзни въ Болгаріи; у многихъ еще въ памяти тотъ хохотъ коимъ многіе англійскіе джентльмены встрѣтили канибальскія шуточки Беконсфильда по поводу женщинъ и дѣтей зарѣзанныхъ и живыми сожженныхъ баши-бузуками. Мадьярское братаніе съ виновниками этихъ злодѣяній также еще не забыто. И вотъ теперь, когда пробилъ часъ освобожденія для злополучныхъ населеній, когда балканское населеніе спѣшитъ съ ликованіемъ на встрѣчу своимъ избавителямъ, нечестивыя уста турецкихъ сообщниковъ бросаютъ „Европѣ“ упреки въ равнодушіи... Что за наглость! И сколько злой иронія въ этомъ фактѣ!..

№ 175.

Москва, 13-го іюля.

Будемъ говорить о неудавшейся, но тѣмъ не менѣе блестящей атакѣ на городъ Плевно, предпринятой 5-ю пѣхотною дивизіей IX корпуса, уже стяжавшаго лавры штурмомъ Никополя. 8 іюля, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ атаковалъ городъ Плевно съ двухъ сторонъ: Съ сѣвера пошла 1-я бригада дивизіи, полки Архангелогородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ командира бригады генералъ-маіора Кнорринга; съ востока наступалъ первый полкъ 2-й бригады—Костромской. „Атака,“ сказано въ депешѣ Главнокомандующаго, „не удалась, непріятель оказался сильнѣе нежели предполагали...“

Городъ Плевно имѣетъ важное стратегическое значеніе какъ пунктъ пересѣченія двухъ главныхъ въ Болгаріи путей. Одинъ есть шоссе отъ Рущука чрезъ Бѣлу, Плевно и Орханіе въ Софію и имѣетъ сверхъ военнаго еще большое экономическое значеніе; другая дорога ведетъ отъ Никополя чрезъ Плевно и Ловчу къ Траянскому перевалу чрезъ Балканы.

Весьма естественно что Турки занимали Плевно значительными силами, какъ пунктъ лежащій во флангѣ пути сообщенія Систова съ Тырновымъ и Казанлыкомъ, и притомъ въ тылу путей ведущихъ отъ Систова къ Рущуку. Съ другой стороны, русскимъ войскамъ было необходимо овладѣть городомъ Плевно съ цѣлью обезпеченія своихъ сообщеній, а также для облегченія всѣхъ предстоящихъ дѣйствій противъ войскъ корпуса Османа-паши собранныхъ между Видиномъ и Софіей, дѣйствій возложенныхъ на 9-й корпусъ генерала Криднера и начатыхъ столь удачнымъ штурмомъ Нико-

поля и очисткою всего Дунайскаго берега до Ломъ-Паланки включительно.

Городъ Плевно лежитъ въ глубокой долинѣ небольшаго праваго притока рѣки Вида. Судя по картамъ, окружающія его высоты прорѣзаны оврагами; за ними, сѣвернѣе и южнѣе города, сбѣгаютъ небольшіе ручьи, за коими можно удобно расположить войска для обороны отъ непріятеля наступающаго съ сѣвера и съ востока. Сверхъ того, притокъ Вида, на которомъ расположенъ городъ, течетъ, въ направленіи съ востока на западъ, въ глубокомъ и длинномъ оврагѣ совершенно раздѣляющемъ доступы къ городу съ сѣвера и сѣверо-востока отъ доступовъ съ востока и юго-востока. Шоссе изъ Бѣлы въ Плевно также пересѣкаетъ этотъ оврагъ и ближе къ городу идетъ по лѣвому берегу ручья. Самый городъ Плевно довольно значителенъ: онъ имѣетъ 17.000 жителей, изъ нихъ половина магометане.

На сторонѣ обороняющаго было много выгодъ и сверхъ того, какъ оказалось во время самаго боя, — численное превосходство.

Бившіяся подъ Никополемъ войска и здѣсь дрались съ поразительнымъ мужествомъ. Высшіе начальники и офицеры, сознавая стратегическую важность овладѣнія Плевномъ, не щадили себя: изъ строя выбылъ начальникъ бригады, изъ трехъ полковыхъ командировъ въ живыхъ остался только одинъ. Изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ около трети выбыли изъ строя.

Но есть предѣлъ возможнаго. Разстроенныя боемъ войска пришлось отвести назадъ, дать имъ „отдохнуть“ и „устроиться.“ Для отступленія избрано было шоссе ведущее въ Бѣлу. На другой день, 9-го іюля, войска генералъ Шильдеръ-Шульднера получили подкрѣпленіе. Не удавшееся дѣло у Плевно не остановитъ конечно войскъ перешедшихъ Балканы наканунѣ этого дѣла. Оно показало высокія качества войскъ, ихъ несравненное мужество, ихъ русскую готовность къ самопожертвованію при исполненіи своего долга.

Со стороны Рущука приходятъ извѣстія пока только о дѣлахъ нашихъ передовыхъ отрядовъ.

Одновременно съ этими дѣлами гремѣли батареи построенныя противъ Рущука на лѣвомъ берегу Дуная. Дѣла въ окрестностяхъ Рущука предвѣщаютъ скорое обложеніе этой крѣпости, на что намекаетъ и Константинопольская депеша отъ 12 іюля, сообщающая весьма лаконически что „движеніе по желѣзной дорогѣ между Варной „и Разградомъ еще продолжается.“ О дистанціи этой дороги между Разградомъ и Рущукомъ Турки умалчиваютъ, слѣдовательно движеніе уже прекращено по ней, что можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ появленія здѣсь русскихъ войскъ.

Свѣдѣнія эти имѣютъ особое значеніе, такъ какъ стычки о которыхъ идетъ рѣчь происходили нѣсколько дней спустя послѣ неудавшейся атаки на Плевно, что не помѣшало нашимъ предпріятіямъ противъ Рущука.

Около того же времени происходили дѣла у Попкіойя, узла дорогъ изъ Рущука и Тырнова въ Шумлу.

Politische Correspondenz весьма настойчиво утверждаетъ что въ Четырехъугольникѣ Турками собраны столь значительныя силы что за выдѣленіемъ гарнизоновъ крѣпостей и части войскъ двинутой недавно къ Силистріи, можетъ быть выставлено въ поле отъ Разграда не менѣе 60.000. Еслибы свѣдѣнія эти были справедливы, Турки вѣроятно предприняли бы болѣе рѣшительныя дѣйствія съ цѣлью воспрепятствовать нападенію на Рущукъ. Между тѣмъ, они остаются почти пассивными зрителями этого предпріятія, что невольно заставляетъ полагать что силы собранныя Турками въ Четырехъугольникѣ, за выдѣленіемъ гарнизоновъ, весьма незначительны, что отчасти подтверждается идущими изъ Константинополя слухами о причинѣ удаленія Абдулъ-Керима отъ командованія арміей. Султанъ, какъ увѣряютъ, убѣдился что армія которою располагалъ Абдулъ-Керимъ совершенно разстроена и ослаблена болѣзнями и побѣгами.

Турецкое правительство употребляетъ послѣднія силы и средства чтобы задержать появленіе русскихъ войскъ предъ укрѣпленіями Адріанополя, которыя вооружаются орудіями большаго калибра системы Круппа и для обороны ихъ стягивается тридцатитысячный корпусъ, который долженъ встрѣтить наступающія къ Адріанополю Русскія войска съ фронта; а въ то же время въ долинѣ Марицы у Татаръ-Базарджика сосредоточивается другой отрядъ, назначенный дѣйствовать во флангъ и тылъ Русскимъ въ случаѣ ихъ наступленія на Адріанополь.

Но русскія войска перешедшія Балканы могутъ воспользоваться разобщенностью турецкихъ войскъ и поступить съ ними также какъ Пруссаки въ 1866 году съ Австрійцами, т.-е. разбить ихъ по частямъ.

Телеграммы сообщаютъ о молодецкомъ дѣлѣ парохода (если не ошибаемся колеснаго) *Веста* противъ турецкаго броненосца. Командиръ *Весты* капитанъ-лейтенантъ Н. М. Барановъ на дѣлѣ доказалъ что и не броненосное, но вооруженное опасными для броненосцевъ мортирами и тараномъ судно можетъ успѣшно вести бой съ этими новѣйшими созданіями морской техники. *Веста* была уже готова захватить броненосецъ, который вырученъ только другими неожиданно пришедшими къ нему на помощь. Команда *Весты* вела себя геройски. Изъ офицеровъ двое убиты и пятеро ранены, а на *Вестѣ* было всего только 7 офицеровъ.

№ 176.

Москва, 14-го іюля.

Англія безпокоится, Англія тревожится, принимаетъ мѣры къ посылкѣ войскъ, но куда?—объ этомъ телеграфныя извѣстія до сихъ поръ разнорѣчили. Настойчивые слухи утверждаютъ что въ виду движенія Русской арміи за Балканы, Англійское правительство, для заблаговременнаго огражденія „британскихъ интересовъ,“ торопится занять Галлиполи, то-есть Дарданелльскій проливъ. На это указывали и передаваемыя телеграфомъ задорныя статьи министерскихъ органовъ что Англія не можетъ долѣе благодушествовать въ виду угрозы Константинополю. Но послѣднія офиціальныя извѣстія нѣсколько понизили тонъ. Торійскія газеты получили свѣдѣнія что посылка войска имѣетъ цѣлью только усиленіе гарнизоновъ Мальты и Гибралтара, и то же самое объявилъ въ палатѣ канцлеръ казначейства въ отвѣтъ на запросъ, прибавивъ что таковъ единственный отвѣтъ какой можно дать.

Однако, значитъ ли это что въ самомъ дѣлѣ Англія не помышляла и не помышляетъ о занятіи Дарданеллъ. Напротивъ, мы убѣждены въ противномъ, и имѣемъ на это почти несомнѣнныя указанія. Англія давно уже только и думаетъ о томъ какъ бы, при весьма возможномъ полномъ крушеніи Оттоманской имперіи, предупредивъ всѣхъ другихъ, взять себѣ львиную долю. Египетъ съ Суэзскимъ каналомъ еще прежде, безъ зазрѣнія совѣсти, были намѣчены Англіей въ свою пользу; но этого ей мало: ей желательно еще захватить въ свои руки Проливы. Вопросъ только въ томъ какъ это сдѣлать. Будь у Англіи союзники чтобъ ихъ руками можно было загребать жаръ, какъ въ Крымскую войну руками Франціи—другое дѣло. Но такихъ союзниковъ теперь не предвидится, и потому для Англіи все дѣло въ томъ какъ бы достигнуть цѣли безъ риска. Правда, вотъ уже два мѣсяца какъ мы только слышимъ о британскихъ интересахъ которые Англія рѣшилась де отстаивать, хотя и не выступая изъ нейтралитета. Но Англичане сами понимаютъ что это основаніе слабое. Никакіе собственные „интересы“ не могутъ дать права державѣ среди мира и безо всякаго повода занять часть территоріи независимаго государства потому только что это выгодная позиція. Тѣмъ болѣе страннымъ явится такой поступокъ въ отношеніи къ Турціи со стороны Англіи которая такъ недавно еще дипломатически ратовала за независимость Порты. Съ Турціей Англія не воюетъ и какъ сама объявила въ нотѣ графа Дарби по поводу Русскаго циркуляра объ объявленіи войны, не имѣетъ противъ Турціи никакихъ поводовъ неудовольствія. Въ нашей же войнѣ съ Турціей, Англія объявила себя нейтральною. Слѣдовательно, для посылки англійскихъ войскъ чтобы занять какой-либо пунктъ Турціи нѣтъ рѣшительно повода.

Вотъ почему Англія придумала странный способъ добиться занятія Дарданеллъ ради своихъ „интересовъ,“ то-есть въ свою пользу, но *съ согласія Турціи*. Хлопоты ея начались ранѣе появленія нашихъ войскъ за Балканомъ. Еще недѣлю тому назадъ Рейтерово агентство извѣщало что хотя г. Леярдъ не предъявлялъ Портѣ формальнаго требованія дозволить англійскому флоту вступить въ Дарданеллы, но что этотъ предметъ былъ затронутъ „неофиціальнымъ образомъ.“ А въ *Times* находимъ запоздалую корреспонденцію изъ Константинополя, отъ 11 іюля (28 іюня), въ которой читаемъ слѣдующее: „Здѣсь полагаютъ, „въ кругахъ обыкновенно хорошо свѣду„щихъ, что хотя бы и не было сдѣлано

„прямаго предложенія, однако велись пе„реговоры чтобы пощупать турецкій пульсъ „и узнать что здѣсь подумаютъ о прибы„тіи, при извѣстныхъ, невѣроятныхъ слу„чайностяхъ, британскаго флота въ Кон„стантинополь.“

Оставляя пока въ сторонѣ соображеніе что появленіе англійскихъ войскъ въ Турціи будетъ выступленіемъ Англіи изъ объявленнаго ею нейтралитета, любопытно какъ отнеслись Турки къ подобному дружескому предложенію. Корреспондентъ *Times*, въ упомянутомъ письмѣ, не подавалъ никакой надежды на ихъ согласіе вслѣдствіе сильнаго раздраженія противъ Англіи и недовѣрія къ ней, преобладающихъ не только въ турецкихъ правительственныхъ сферахъ, но и вообще между Турками. Турки, по его словамъ, раздражены противъ Англіи за то что она бросила ихъ, послѣ того какъ сама втянула ихъ въ войну. Только де по винѣ англійской политики Турція упорно отказывала въ требованіяхъ всей Европы: сначала прибытіе англійскаго флота въ Безику въ прошедшемъ году поощрило Турцію отвергнуть Берлинскій меморандумъ; потомъ, вслѣдствіе тайнаго совѣта Англіи, Турція отвергла и предложенія конференціи. Наконецъ, Турки теперь утверждаютъ что они приняли бы и протоколъ еслибъ имъ ясно дано было знать что Англія намѣрена соблюдать нейтралитетъ. Объявленіе Англіей нейтралитета было неожиданностью которая поразила Турокъ и привела ихъ въ негодованіе, которое еще усилилось когда Англія показала что ей вовсе нѣтъ дѣла до несчастій ея стараго друга и союзника, поскольку они не касаются британскихъ интересовъ. Эгоистическая забота объ этихъ своихъ интересахъ тѣмъ болѣе оскорбила де Турокъ что Англія пошла далѣе предѣловъ абсолютнаго нейтралитета своимъ вмѣшательствомъ касательно Суэзскаго канала, который все-таки есть турецкая собственность. И теперь появленіе вновь англійскаго флота въ Безикѣ Турки поняли такимъ образомъ что легкость русской переправы черезъ Дунай заставила Англичанъ подумать что недалеко время раздробленія Оттоманской имперіи, и озаботиться захватомъ своей доли добычи. Естественно что при такихъ взглядахъ Турки не могутъ быть расположены заранѣе сами отдать даромъ эту долю Англичанамъ. Напротивъ, корреспондентъ утверждаетъ что Турки уже въ то время наклонны были скорѣе къ тому чтобы, въ случаѣ пораженія, наказать Англію, и позаботиться о своихъ турецкихъ интересахъ „заключеніемъ мира прямо съ Рос„сіей, открытымъ врагомъ, безъ посред„ничества фальшивыхъ друзей.“

Такіе взгляды, по словамъ корреспондента лондонской газеты, господствовали въ турецкой столицѣ двѣ недѣли тому назадъ. Эти сообщенія подтверждаются позднѣйшими телеграммами. Леярдъ настойчиво требовалъ согласія Порты на занятіе Галлиполи и добивался аудіенціи у султана. Порта, съ своей стороны, требовала предварительнаго заключенія союза и гарантіи цѣлости ея владѣній. Турки, какъ видно, взглянули очень резонно на предложеніе: если де Англичане хотятъ къ намъ пожаловать, то милости просимъ ихъ только въ качествѣ друзей и союзниковъ. Они хотятъ также обезпечить себя отъ этихъ друзей. Дѣйствительно, въ 1854 году, трактатъ между Портой и ея союзниками былъ заключенъ за мѣсяцъ до высадки Англо-Французскихъ войскъ въ Галлиполи, и въ этомъ трактатѣ (12 марта нов. ст. 1854 года) значилось, въ третьемъ пунктѣ, что *по достиженіи цѣли договора, союзные войска и флоты оставятъ владѣнія Турціи*, а въ первомъ пунктѣ— что союзныя державы пришлютъ войска *на помощь* Турціи *). Легко понять что Турки не могутъ взять въ толкъ зачѣмъ теперь явятся къ нимъ англійскія войска, при сохраненіи Англіей нейтралитета, если не для захвата турецкой территоріи.

Но столь же понятно почему Англія колеблется заключить такой трактатъ съ Портой. Онъ означалъ бы войну съ Россіей, а затѣвать такую войну для Англіи не разчетъ безъ союзниковъ. Она могла бы найти союзника только въ Австріи... *Les beaux esprits se rencontrent*: Австрія также хлопотала о занятіи турецкихъ провинцій, и также съ „согласія“ Турціи. Объ этомъ также шла рѣчь, и изъ приведеннаго вчера по этому поводу письма турецкаго посла въ Лондонѣ въ *Journal des Débats* читатели могли видѣть съ какою рѣшимостію этотъ даровой захватъ отвергается Портой. „Не только инструк„ціи моего правительства,“ пишетъ Мусурусъ-паша, „не уполномочивали меня

*) См. Богдановича. *Восточная война* т. 1 гл. X.

„говорить слова мнѣ приписанныя, но, по „моему личному мнѣнію, это занятіе было „бы столь же несчастнымъ событіемъ какъ „еслибы великая нейтральная держава при„няла участіе въ войнѣ противъ моей „страны.“

Забавно видѣть какъ наши добрые друзья, такъ своеобразно соблюдающіе нейтралитетъ, запутались въ собственныхъ интригахъ...

№ 177.

Москва, 15-го іюля.

Лордъ Дарби на дняхъ благоволилъ дать публикѣ необычное по откровенности объясненіе разчетовъ съ какими Англія соблюдаетъ свой мнимый нейтралитетъ. Объясненіе это было дано въ отвѣтъ на запросъ лорда Стретедена въ засѣданіи палаты лордовъ 20 іюля, но въ телеграммѣ намъ не были переданы съ надлежащею точностью замѣчательныя слова британскаго статсъ-секретаря, которыя стоятъ вниманія. Лордъ Стретеденъ сдѣлалъ пустой запросъ для того только чтобъ изложить свои жалобы на нейтралитетъ и бездѣйствіе Англіи, и доказывалъ историческими примѣрами ложность мнѣнія будто кто бездѣйствуетъ во время войны можетъ имѣть потомъ вліяніе на переговоры которые должны послѣдовать при ея окончаніи. Такимъ образомъ возникъ вопросъ совершенно теоретическій, и весь интересъ отвѣта лорда Дарби сосредоточился на этомъ пунктѣ. Онъ выразилъ противоположный взглядъ съ цинизмомъ которому мы давно перестали удивляться въ рѣчахъ англійскихъ министровъ. Вотъ что онъ возразилъ поэтому поводу: „Я не могу принять теоріи бла„городнаго лорда, хотя и подкрѣпленной „многими историческими примѣрами. По „его словамъ, нельзя ожидать чтобы, при „окончаніи войны въ которой мы останем„ся нейтральными и бездѣйственными, мы „могли оказать значительное вліяніе на ея „результаты. Я совершенно расхожусь съ „нимъ въ этомъ взглядѣ. Я не могу пред„ставить себѣ положенія въ которомъ мы „могли бы имѣть большее вліяніе какъ при „окончаніи войны, когда воюющія держа„вы будутъ болѣе или менѣе истощены и „утомлены *(exhausted and worn out)* борь„бой, между тѣмъ какъ мы ничѣмъ не за„ручимся и наши собственныя силы оста„нутся свѣжи и нетронуты.“

Кому остается благодарить любезнаго лорда за его предупредительную откровенность: намъ или Туркамъ? Кажется, намъ, такъ какъ Англичане продолжаютъ поощрять Порту къ сопротивленію, и всего болѣе опасаются чтобы Порта преждевременно не вступила въ прямые переговоры съ Россіей.

Интересно что объясненіе лорда Дарби одобрено было только оппозиціонною печатью, а всѣ торійскіе органы отнеслись къ нему болѣе чѣмъ холодно *Daily News*, напримѣръ, въ восторгѣ отъ здраваго смысла лорда Дарби, и вполнѣ усвоиваетъ его вглядъ что какіе бы успѣхи ни одержала Россія, устройство Востока, по окончаніи войны, будетъ де принадлежать не ей, а Европѣ, причемъ, конечно, и Англія будетъ имѣть долю принадлежащаго ей по праву вліянія. Такого же мнѣнія держится и газета *Times*. А между тѣмъ рьяные министерскіе органы высказываютъ большія сомнѣнія. Они не раздѣляютъ благодушныхъ надеждъ лорда Дарби на легкость съ какою нейтральнымъ державамъ удастся убѣдить Россію что всѣ ея усилія были напрасны, всѣ ея побѣды безплодны, и что съ окончаніемъ войны ей останется подчиниться условіямъ какія постановитъ Европа. Они опасаются не заходитъ ли слишкомъ далеко выжидательное благоразуміе лорда Дарби, и указываютъ ему что если Англія замедлитъ, то благопріятный случай для дѣятельнаго вмѣшательства можетъ быть совсѣмъ утраченъ. Такъ убѣждаютъ *Pall Mall Gazette*, *Standard*, *Morning Post*, причемъ ихъ особенно безпокоитъ мысль что война, начавшаяся рядомъ побѣдъ Русскихъ, можетъ окончиться и дипломатическою катастрофой если Порта съ отчаянія поладитъ сама съ Россіей.

Выжидательная политика,—ворчатъ недовольные органы правительственной партіи,—хороша для Австріи, у которой есть большая армія и которая, по своему сосѣдству съ театромъ войны, можетъ выбирать время какое найдетъ удобнѣе для давленія на Россію. Не таково, говорятъ они положеніе Англіи: мы далеко, а того гляди Русскія войска прежде англійскихъ очутятся въ Галлиполи. Англію не любятъ въ Россіи, Англію ненавидятъ въ Турціи, и ни на какую австрійскую политику не-

чего разчитывать, такъ какъ она, по своему выгодному положенію относительно Россіи, можетъ выторговать что̀ ей угодно не останавливаясь никакими соображеніями объ Англіи; а побитые Турки вовсе не подумаютъ заботиться о расположеніи страны которая, по ихъ убѣжденію, измѣнила имъ.

Насъ не можетъ безпокоить мысль о претензіяхъ какія Англія или Австрія могли бы предъявить при заключеніи мира чтобы лишить насъ результатовъ купленныхъ Русскою кровью. Судить объ этихъ результатахъ будетъ прежде всего сама Россія. Если Англія требовала чтобы мы не вели войны съ Египтомъ, между тѣмъ какъ египетскія войска сражаются противъ нашихъ армій, если вѣрно и то что Австрія требовала чтобы мы не пользовались удобными стратегическими путями черезъ Сербію, то обѣ эти державы за свой „нейтралитетъ“ уже получили такое вниманіе къ ихъ „интересамъ“ какого они не имѣли права ожидать, и оно досталось имъ совершенно *даромъ*; а мы не получили взамѣнъ никакихъ выгодъ: развѣ въ отвѣтъ на наше вниманіе къ Египту египетскія войска были отозваны изъ Турціи; и не получаютъ ли они, напротивъ, новыя подкрѣпленія?

Въ одной изъ вчерашнихъ вѣнскихъ телеграммъ было передано весьма странное сообщеніе изъ Петербурга (?) въ официозную *Политическую Корреспонденцію*. Въ сообщеніи этомъ значилось будто „въ русскихъ руководящихъ сферахъ“ смотрятъ на послѣдніе шаги Англіи какъ на „незначительную демонстрацію,“ и что въ случаѣ занятія Англіей Галлиполи столкновеніе послѣдуетъ лишь тогда если англійскія войска соединятся съ турецкими, а что „лишенная военнаго характера высадка Англичанъ въ Галлиполи будетъ просто оставлена Россіей безъ вниманія.“ Возмутительна наглость съ какою *русскимъ руководящимъ сферамъ* въ заграничныхъ официозныхъ листкахъ продолжаютъ приписывать невѣроятные взгляды. То что̀ приписывается якобы *Русскому* правительству есть въ сущности желаніе правительства Англійскаго.

№ 178.

Москва, 16-го Іюля.

Дѣло у Плевна продолжаетъ служить предметомъ толковъ заграничной печати, поторопившейся уже раздуть его въ полное пораженіе русскихъ войскъ. Пущенъ былъ слухъ что Русскіе потеряли нѣсколько орудій, затѣмъ пришлось сознаться что это были не орудія, а только зарядные ящики, вѣроятно брошенные за негодностью. Наконецъ сдѣлалось извѣстнымъ что потери Турокъ, защищавшихъ столь выгодную позицію, почти такъ же велики какъ и потери нашихъ войскъ имѣвшихъ дѣло съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и укрѣпившимся на позиціи требующей наоборотъ значительнаго превосходства въ силахъ нападающаго.

Когда выяснилась незначительность тактическаго успѣха турецкихъ войскъ, пытались придать нашей частной неудачѣ стратегическое значеніе. Пріемъ для этого употребленъ весьма простой. Первоначально сообщено что Турки оттѣснили русскія войска на Вину, т.-е. до полупути между рѣками Видъ и Осма на Бѣльскомъ шоссе; затѣмъ Турки потѣснили де Русскихъ еще далѣе за Осму, къ Болгарени. При этомъ турецкій авангардъ занялъ будто бы этотъ городъ, лежащій, какъ извѣстно, на правомъ берегу рѣки, всего въ 15—20 верстахъ отъ дороги изъ Систова въ Габрову и Казанлыкъ, главнаго пути сообщенія войскъ перешедшихъ Балканы. Оставалось теперь прибавить что турецкіе легкіе кавалерійскіе отряды подходили къ самому Систову и произвели тамъ переполохъ, что войска Турокъ бившіяся подъ Плевной составляютъ всѣ силы находящіяся подъ командой Османъ-паши.

Появленіе Османъ-паши со всѣми его силами у Плевны и Болгарени имѣло бы стратегическую важность еслибы тамъ дѣйствительно были всѣ силы Османъ-паши, еслибы Ловча лежащая южнѣе Плевны и Никополь не были въ рукахъ Русскихъ, и еслибы къ русскимъ силамъ сдѣлавшимъ нападеніе на Плевну не прибыли подкрѣпленія на другой день послѣ боя. Имѣя противъ себя съ фронта и съ обоихъ фланговъ значительныя русскія силы, Турки не могутъ сдѣлать рѣшительнаго шага изъ Плевны ни по одному направленію, кромѣ какъ на западъ, т.-е. отступать.

Вотъ почему дѣло при Плевнѣ, какъ гласитъ телеграмма, не имѣло стратегическаго значенія для Турокъ. Оно не остановило русскихъ силъ дѣйствующихъ за Балканами и не помѣшало имъ нанести чувствительное пораженіе войскамъ Сулейманъ-паши, собраннымъ для обороны Адріанополя. Сраженіе это происходило, какъ говорятъ телеграммы, у Карабунара, но у котораго не сказано. Одинъ Карабунаръ лежитъ на пути изъ Ески-Загры въ Ени-Загру и Ямболь; другой на желѣзной дорогѣ изъ Ямболя въ Адріанополь, не далеко отъ пересѣченія ея линіей идущею отъ Филиппополя. Если справедливо, какъ доноситъ австрійскій военный агентъ, что послѣ дѣла Русскіе заняли Ени-Загру, то сраженіе происходило у перваго изъ Карабунаровъ. Подъ Карабунаромъ была вѣроятно только часть войска Сулейманъ-паши, направленная, какъ сообщалось прежде, къ Ени-Загрѣ и Ямболю, въ составѣ около 18.000 человѣкъ.

Независимо отъ пораженія Сулейманъ-паши, успѣхъ достигнутый нашими войсками со времени перехода за Балканы весьма значителенъ. Онъ заключается въ очисткѣ отъ Турокъ всей мѣстности на флангахъ главныхъ силъ и въ прекращеніи желѣзнодорожнаго сообщенія между Филиппополемъ и Адріанополемъ какъ пунктами гдѣ по слухамъ сосредоточиваются турецкія силы въ долинѣ Марицы.

Одновременно съ этимъ русскія силы продолжаютъ свои дѣйствія противъ турецкаго Четырехъугольника, противъ Рущука, Силистріи, Варны и Шумлы. Рекогносцировка произведенная къ Ески-Джумѣ и Османъ-Базару противъ Шумлы и къ Попкіою противъ Разграда показали что здѣсь нѣтъ значительныхъ турецкихъ силъ; съ другой стороны Русскіе почти безъ выстрѣла прошли оборонительную линію Троянова вала, направляясь съ одной стороны къ Силистріи, а съ другой — къ Базарджику. Если вѣрить извѣстіямъ идущимъ изъ-за границы, Силистрія уже обложена, а у Базарджика, куда выступилъ изъ Варны принцъ Гассанъ съ Египтянами, ожидается сраженіе.

Наступленіе противъ нѣсколькихъ пунктовъ Четырехъугольника разомъ развлекло вниманіе Турокъ и поставило ихъ въ необходимость раздробить свои войска, кои предполагалось первоначально держать сосредоточенно у Разграда для наступательныхъ дѣйствій. Часть этихъ войскъ, до 20 тысячъ, ушла къ Рущуку, затѣмъ такой же корпусъ былъ направленъ къ Силистріи, затѣмъ потребовалось выдвинуть часть войскъ на Базарджикъ. Такимъ образомъ, за вычетомъ гарнизона Шумлы, у Турокъ не осталось въ окрестностяхъ этой крѣпости значительныхъ силъ, а потому и наступательныя дѣйствія изъ Четырехъугольника не могли быть исполнены, какъ это сначала предполагалъ Абдулъ-Керимъ.

Парализовать турецкія силы собранныя на пространствѣ между Рущукомъ, Силистріей, Варной и Шумлой было одною изъ трудныхъ задачъ кампаніи, ибо только при этомъ условіи переходъ за Балканы изъ предпріятія рискованнаго обращается въ надежное, только при этомъ условіи русскія войска могли смѣло спуститься въ долину Тунджи, и ставъ между турецкими арміями, западною и восточною, угрожать Адріанополю.

Отличительная черта русскихъ операцій настоящей войны есть ихъ методичность вмѣстѣ съ поразительною быстротой и неожиданностью движеній; за каждымъ смѣлымъ ударомъ наступаетъ какъ бы затишье: это заносится новый ударъ. Наша армія долго готовилась къ переправѣ, а совершила ее быстро и неожиданно. Съ 15 іюля наступаетъ опять какъ бы затишье, и вдругъ приходитъ вѣсть о взятіи Тырнова. Еще пять дней перерыва, Русскіе перешли Балканы. За Балканами Русскій Главнокомандующій опять не спѣшитъ воспользоваться первымъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на противника чтобы продвинуться впередъ. Вотъ уже 10 дней какъ русскія массы перешли за Балканы, а между тѣмъ онѣ не спускаются южнѣе линіи Энизагра-Ямболь, обезпечивая и устраивая свой тылъ и фланги...

Именно этотъ способъ дѣйствій и затрудняетъ турецкихъ пашей, такъ что они теряютъ нить общаго хода дѣйствій. Кавалерійскіе отряды русскихъ „рыщутъ,“ и окончательно скрываютъ отъ непріятельскаго глаза движенія главныхъ силъ...

№ 180.

Москва, 18-го Іюля.

На дняхъ въ *Times* появилось извѣстіе что часть турецкихъ войскъ расположен-

ныхъ въ Четырехъугольникѣ направлена къ Адріанополю, для усиленія арміи Сулейманъ-паши. То же самое подтверждаетъ теперь и *Politische Correspondenz*, извѣстная солидностью своихъ свѣдѣній, о происходящемъ на театрѣ войны. Турки, говоритъ эта газета, стремятся замаскировать движеніе своихъ войскъ отъ Шумлы къ Адріанополю, гдѣ теперь стягиваются главныя силы ихъ арміи.

Замѣчаніе это въ значительной мѣрѣ разъясняетъ образъ дѣйствій турецкихъ войскъ за послѣднее время и тѣ извѣстія кои доходили изъ турецкаго лагеря. Такъ, въ свое время было сообщено что всѣ небольшія части войскъ расположенныя между Рущукомъ и Разградомъ при появленіи Русскихъ отступаютъ на Разградъ и далѣе въ Шумлу. Съ другой стороны, до послѣдняго времени развѣдки къ сторонѣ Шумлы не обнаруживали въ ея окрестностяхъ присутствія значительныхъ турецкихъ силъ, какъ вдругъ появилось извѣстіе, идущее чрезъ Букурештъ, что къ восточно-болгарской арміи Турокъ прибыло чрезъ Варну до 20.000 подкрѣпленія и что Мехмедъ-Али-паша „съ главными силами“ подвигается отъ Шумлы по направленію къ Османъ-Базару, то-есть по дорогѣ къ Тырнову. Вмѣстѣ съ этимъ довольно настойчиво поддерживается извѣстіе о сосредоточеніи значительныхъ турецкихъ силъ у Плевна, такъ что на поддержку 9-го корпуса двинута де даже часть нашихъ войскъ направленныхъ было противъ Рущука.

Въ то же самое время, когда Турки на бумагѣ, а частію и на дѣлѣ демонстрируютъ противъ русскихъ сообщеній, въ долинѣ Тунджи они атакуютъ наши войска разомъ въ двухъ пунктахъ: у Калофера и у Карабунара, и при томъ въ обоихъ случаяхъ недостаточными силами и безъ успѣха. Безъ сомнѣнія, начиная бой у Карабунара Турки не льстили себя надеждой отбросить Русскихъ за Балканы. Цѣль этого боя, какъ и Калоферскаго, могла заключаться въ развлеченіи вниманія Русскихъ, въ выигрышѣ времени, въ задержкѣ дальнѣйшаго наступленія по долинѣ Тунджи на Адріанополь, дабы дать время сосредоточиться своимъ силамъ. „Русскіе обходятъ съ тыла проходъ чрезъ Балканы на Казанъ“ и слѣдовательно становятся твердою ногой на одномъ изъ путей ведущихъ изъ Шумлы къ Адріанополю. Извѣстіе это, передаваемое также въ *Politische Correspondenz*, въ извѣстной мѣрѣ совпадаетъ съ турецкимъ замѣчаніемъ о появленіи русскихъ войскъ у Ямболи, изъ чего въ Турецкой главной квартирѣ должны были возникнуть опасенія за свои сообщенія съ Шумлой, для огражденія коихъ и могли быть предприняты дѣла у Карабунара и Калофера. Съ другой стороны, наступленіе сильнаго отряда отъ Шумлы къ Османъ-Базару и далѣе къ западу также необходимо въ случаѣ марша турецкихъ войскъ изъ окрестностей Шумлы къ Адріанополю, такъ какъ путь сюда изъ Шумлы проходитъ чрезъ Османъ-Базаръ.

Что Турецкое правительство старается сосредоточить у Адріанополя большія силы и заградить русскимъ войскамъ путь къ столицѣ это весьма естественно. Въ Константинополѣ, какъ видно изъ телеграммъ, весьма опасаются появленія русскихъ силъ „въ ихъ побѣдоносномъ шествіи.“ Султанъ приказалъ приготовить для себя помѣщеніе въ Бруссѣ, драгоцѣнности его дворца уже упаковываются, дворъ готовится бѣжать изъ столицы.

Задержать наступленіе русскихъ войскъ во что бы то ни стало—такова задача которую, повидимому, возлагаютъ на турецкаго главнокомандующаго. Съ этою же цѣлью торопятся возведеніемъ константинопольскихъ укрѣпленій.

Турки ищутъ способа затянуть войну по крайней мѣрѣ до наступленія глубокой осени, но основной планъ ихъ военныхъ дѣйствій гораздо шире и претендательнѣе: онъ довольно ясно высказанъ Мидхатъ-пашой въ одномъ изъ разговоровъ веденныхъ имъ на дняхъ въ Вѣнѣ. Если, говоритъ турецкій ex-министръ нынѣ вновь выписываемый для спасенія отечества, „если Туркамъ удастся прервать сообщенія русскихъ войскъ перешедшихъ Балканы съ Болгаріей и разбить ихъ, тогда наступитъ другое, благопріятное для Турціи положеніе.“ Размѣщеніе турецкихъ войскъ на театрѣ войны и ихъ дѣйствія показываютъ что турки въ общихъ чертахъ руководствуются подобнымъ планомъ. Турецкія силы раздѣлены на нѣсколько самостоятельныхъ частей: одна сосредоточена у Адріанополя для встрѣчи Русскихъ съ фронта; другая собирается у Софіи и Татаръ-Базарджика чтобы тревожить нашъ тылъ и фланги за Балканами; третья собрана на рѣкѣ Видъ для дѣйствій непо-

средственно на сообщенія... Наконецъ пресловутый Четырехъугольникъ долженъ отвлечь на себя бо́льшую часть русскихъ силъ.

Турецкій планъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Мысль вести оборонительную войну двумя или нѣсколькими арміями, изъ которыхъ однѣ должны дѣйствовать съ фронта и развлекать непріятеля, другія безпокоить его тылъ и фланги и заградить ему путь отступленія, — мысль очень старая; но также давно извѣстно что подобный образъ дѣйствій оправдывается только значительнымъ общимъ превосходствомъ силъ, безъ чего отдѣльно дѣйствующія арміи могутъ быть разбиты по частямъ и уничтожены. А силы Турціи далеко слабѣе русскихъ. Сверхъ того, поддержаніе единства въ дѣйствіяхъ и общемъ высшемъ управленіи всѣми силами при раздробленіи войскъ крайне затрудняется.

Каковъ можетъ быть исходъ борьбы при такихъ условіяхъ, это доказывается тревогой въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Изъ Англіи шлютъ войска въ Мальту чтобы при случаѣ высадить ихъ въ Галлиполи или занять Константинополь; въ Вѣнѣ грозятъ мобилизовать армію чтобъ увеличить свою боевую готовность и не допустить образованія „новаго порядка вещей помимо Австріи или вопреки ей.“

Эта тревога свидѣтельствуетъ о приближеніи развязки той драмы которая разыгрывается теперь по обѣ стороны Балканъ, гдѣ готовятся къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и на Марицѣ, и на Видѣ у Плевно, и на Дунаѣ у Рущука и Силистріи, и наконецъ у Хаджи-Оглу-Базарджика...

№ 181.

Москва, 19-го іюля.

Англія и Австрія какъ бы балансируютъ между собою въ той праздной игрѣ которою западно-европейская печать „аккомпанируетъ“ событія на Востокѣ. Быстро чередуются „сенсаціонные“ слухи о близкомъ вмѣшательствѣ въ войну то той, то другой изъ этихъ державъ; но какъ-то ни разу не выходило чтобъ эти извѣстія совпали. Какъ только турецкіе фонды поднимаются высоко въ Лондонѣ, они падаютъ до нуля въ Вѣнѣ, и *vice versa*.

На прошедшей недѣлѣ европейскія биржи (ибо въ сущности для нихъ-то и производится вся эта замысловатая игра) „были встревожены“ внезапною посылкой англійскихъ войскъ въ Средиземное Море и газетными слухами о намѣреніи Англіи занять Галлиполи. Въ это самое время изъ Вѣны сообщались „самыя успокоительныя извѣстія“ о полномъ единодушіи Австріи съ Россіей. За послѣдніе два дня телеграфъ тревожитъ спокойствіе Европы извѣстіями о какихъ-то суетливыхъ переговорахъ въ Вѣнѣ, въ коихъ ни съ того ни съ сего всплываетъ на поверхность имя Мидхатъ-паши, этого вершителя судебъ Оттоманской имперіи, изгнаннаго изъ предѣловъ имъ самимъ созданнаго „отечества“ за крамолу и теперь очутившагося въ Вѣнѣ. А въ это самое время англійскія газеты всячески стараются умалить значеніе послѣднихъ мѣръ принятыхъ Англійскимъ правительствомъ.

Посылка войскъ въ Средиземное Море подала поводъ къ запросамъ въ обѣихъ палатахъ Англійскаго парламента со стороны вожаковъ оппозиціи, лорда Гранвиля и маркиза Гартингтона. На эти запросы лордъ Дарби, въ палатѣ лордовъ, и г. Норткотъ, въ палатѣ общинъ, дали почти тождественный отвѣтъ заключающійся въ томъ что англійскіе гарнизоны въ Средиземномъ Морѣ, по мнѣнію правительства, оказываются ниже своего комплекта, а потому, и въ виду теперешняго тревожнаго состоянія Европы, сочтено нужнымъ пополнить гарнизонъ Мальты тремя тысячами войска. „Вотъ единственное вѣрное основаніе,“ прибавилъ графъ Дарби, „тѣхъ свѣдѣній которыя появились въ газетахъ.“ *Times* усматриваетъ въ этомъ заявленіи нѣкоторое раздраженіе противъ газетныхъ вѣстовщиковъ, протрубившихъ уже о предстоящей высадкѣ англійскихъ войскъ въ Галлиполи, и старается доказать что Англія остается вѣрна своей политикѣ нейтралитета. Въ этихъ отвѣтахъ, данныхъ одновременно и по зрѣломъ предварительномъ обсужденіи, англійская публика можетъ де почерпнуть увѣренность что, каково бы ни было участіе Англіи при окончательныхъ европейскихъ переговорахъ, не слѣдуетъ опасаться поспѣшнаго (hasty) вмѣшательства ея въ Русско-Турецкую войну. А между тѣмъ, еще наканунѣ та же самая газета доказывала что Англія, болѣе нежели Австрія, смежная съ театромъ войны, нуждается въ матеріальной гарантіи, и что лучшимъ обезпеченіемъ того что Россія въ случаѣ

занятія Константинополя не оставитъ его за собою, можетъ послужить занятіе полуострова на коемъ находится Галлиполи. Но понадобилась „другая пѣсня," и руководящій Лондонскій органъ черезъ ночь перестроилъ свою лиру на иной ладъ.

А въ Вѣнѣ между тѣмъ тоже перемѣнили строй, но въ противоположномъ направленіи. 21 іюля вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* сообщилъ оттуда самыя „розовыя" извѣстія о полномъ согласіи между кабинетами С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ. Заслугу этого непрерывающагося согласія корреспондентъ лукаво приписываетъ князю Горчакову, который сумѣлъ де уравновѣсить опасныя для этого согласія теченія постоянно обнаруживающіяся въ Главной Квартирѣ на Дунаѣ: какъ утѣшительно узнать что русская дипломатія хлопочетъ главнымъ образомъ о томъ чтобы противодѣйствовать планамъ полководца Русской арміи! „Благодаря неутомимости его усилій, сказано далѣе, искреннія отношенія между обоими кабинетами ни въ чемъ не измѣнились... Всякій зародышъ недоразумѣнія своевременно устраняется путемъ откровеннаго и дружественнаго обмѣна мыслей. До сихъ поръ иниціатива въ этомъ отношеніи должна была исходить со стороны одной Россіи; на ней лежала забота о томъ чтобъ облегчить графу Андраши продолженіе дружественной политики. Но въ послѣднее время роли иногда стали мѣняться; являлись случаи когда Вѣнскому кабинету приходилось идти на встрѣчу князю Горчакову и устранять зарождавшіеся въ немъ первые признаки недовѣрія къ образу дѣйствій Австріи. Въ русскомъ канцлерѣ повидимому зародилось подозрѣніе что Австрія вступила въ потаенные переговоры съ Англіей отъ которыхъ Россія не могла ожидать для себя ничего хорошаго." Корреспондентъ увѣряетъ что это подозрѣніе, умышленно наброшенное на Австрію съ цѣлью испортить взаимныя отношенія между обѣими державами, было совершенно устранено путемъ непосредственнаго обмѣна мыслей между графомъ Андраши и княземъ Горчаковымъ. Князь Горчаковъ знаетъ де теперь съ достовѣрностью что графу Андраши и въ голову не приходило открыто или тайно сноситься съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ по поводу послѣднихъ событій. И подобно тому какъ въ Вѣнѣ не допускаютъ никакихъ сомнѣній относительно прямодушія князя Горчакова, такъ и въ Букурештѣ питаютъ де полное довѣріе къ искренности графа Андраши. До сихъ поръ это взаимное довѣріе было будто бы въ прокъ обѣимъ сторонамъ (что оно было въ прокъ политикѣ австро-венгерскаго канцлера, это несомнѣнно), и нужно де надѣяться что оно сохранено будетъ и впредь, хотя бы наступили обстоятельства еще болѣе затрудняющія взаимное политическое положеніе.

Однако не совсѣмъ гармонируютъ съ этими успокоительными увѣреніями всѣ послѣдовавшія затѣмъ заявленія вѣнской офиціозной печати. Офиціозный органъ, *Montags-Revue*, отъ 22 іюля, сталъ доказывать что Англія имѣла бы право „поднять вопросъ о гарантіяхъ въ томъ самомъ смыслѣ какъ онъ поднятъ Россіей, только въ противоположномъ направленіи, ибо если Россія нуждается въ матеріальныхъ гарантіяхъ разрѣшенія восточныхъ затрудненій согласно съ ея интересами, то и Англія можетъ потребовать такихъ же гарантій дабы воспрепятствовать чтобъ указанное разрѣшеніе не затронуло вмѣстѣ съ интересами турецкими и интересовъ *англо-европейскихъ*. (?!)" Далѣе объясняется что и Австрія можетъ пожелать такихъ же матеріяльныхъ гарантій нисколько тѣмъ не нарушая своего нейтралитета, и что это будетъ лишь „переходъ отъ пассивнаго къ активному нейтралитету." Въ слѣдующемъ своемъ нумерѣ, вышедшемъ вчера, 29 іюля, *Montags-Revue*, какъ извѣщаетъ телеграфъ, уже сообщаетъ за вѣрное что въ Вѣну созванъ министерскій совѣтъ изъ членовъ обоихъ кабинетовъ, Цислейтанскаго и Транслейтанскаго, который долженъ обсудить не наступила ли для Австріи минута выйти изъ своего пассивнаго положенія, и что графъ Андраши считаетъ этотъ шагъ необходимымъ.

„Пассивное" положеніе въ коемъ до сихъ поръ пребывала Австрія не препятствовало ей, благодаря прямодушнымъ усиліямъ дипломатіи, весьма „активно" вліять на ходъ военныхъ событій. Ей удалось настолько стѣснить свободу движеній Русской арміи что позволительно усомниться достигла ли бы она тѣхъ же для себя выгодъ, еслибъ ей пришлось нести весь рискъ открытой борьбы противъ Россіи. Развѣ нейтрализація Сербіи, напримѣръ, дозволившая Османъ-пашѣ стянуть отъ сербской границы всѣ войска противъ насъ, и кровь пролитая при Плевнѣ, есть послѣдствіе до-

вѣрія къ намъ Австріи и выгода для Россіи? Теперь, если вѣрить офиціозному органу графа Андраши, Австрія этимъ уже не довольствуется и желаетъ перейти къ активной роли, все еще сохраняя притомъ свой „нейтралитетъ.“ Константинополю грозитъ занятіе русскими войсками, и въ виду этого требуются де матеріальныя гарантіи что Россія, вопреки своему обѣщанію, не оставитъ его за собой. Гарантіи эти должны де заключаться въ занятіи частей турецкой территоріи. При этомъ, впрочемъ, отнюдь не скрывается что Турки могутъ на это согласиться лишь подъ условіемъ открытаго союза съ ними, а Россія, въ свою очередь, не можетъ не усмотрѣть поощренія Турокъ къ сопротивленію во всемъ что̀ клонилось бы къ стѣсненію свободы ея движенія на непріятельскую столицу, занятіе коей должно быть естественною цѣлью кампаніи. Это высказываютъ даже безстрастные органы англійской печати...

При всемъ томъ, намъ продолжаютъ твердить о нейтралитетѣ, даже дружественномъ...

№ 182.

Москва, 20-го іюля.

Подъ Плевной Турки сосредоточили большія силы. Вторичная атака на этотъ городъ, предпринятая войсками 9-го корпуса подъ начальствомъ самого корпуснаго командира барона Криденера, произведенная 18 іюля, была, какъ сказано въ офиціальной депешѣ, „безуспѣшна.“ „Подробности неизвѣстны, но сколько можно судить по донесенію Османъ-паши въ Константинополь, дѣло это имѣло совсѣмъ иной характеръ нежели первое нападеніе на Плевну, произведенное 8 іюля только съ тремя полками 5-й дивизіи. Тогда потери наши были значительны, пришлось отступать, дать войскамъ отдохнуть и устроиться. Ничего подобнаго нѣтъ теперь. Утромъ, 18 іюля, какъ доноситъ Османъ-паша, командиръ турецкихъ силъ обороняющихъ Плевну, русскія войска, послѣ двухчасовой артиллерійской подготовки, атаковали турецкія позиціи тремя колоннами. Завязался бой длившійся до поздняго вечера. Въ 10 часовъ, слѣдовательно когда уже стало темно, „Русскіе отошли обратно (zurückzogen, какъ значится въ нѣмецкой передачѣ Вольфа) въ свой лагерь,“ въ полномъ порядкѣ и въ готовности, какъ ожидалъ Османъ-паша, „возобновить бой на слѣдующій день.“ Въ бою 18 іюля мы не потерпѣли неудачи. Сраженіе продолжалось цѣлый день. Русскія войска не были отбиты; даже тактическій успѣхъ могъ быть на нашей сторонѣ, но перепетіи боя показали невозможность въ скоромъ времени достичь предположенной стратегической цѣли — занятія Плевны. Только въ этомъ смыслѣ лаконическая депеша нашего Главнокомандующаго прямо говоритъ что генералъ баронъ Криденеръ „атаковалъ Плевну безуспѣшно.“

Вторичное нападеніе на Плевну произведено, сколько можно судить по телеграммамъ, значительными силами, однако обстоятельства показали что и эти силы недостаточны для завладѣнія тѣми превосходными позиціями кои могли выбрать и занять Турки около Плевны при тѣхъ силахъ какія они успѣли тамъ сосредоточить. Позиціи эти, по всему вѣроятію, были усилены искусственными закрытіями для орудій, ровиками для стрѣлковъ и т. п. Выбить равносильнаго противника изъ такихъ позицій весьма не легко, и слишкомъ настойчивая атака могла бы стоить большихъ жертвъ.

Съ другой стороны, стратегическое значеніе Плевны, какъ важнаго узла дорогъ въ Болгаріи и какъ пункта вблизи нашихъ сообщеній, дѣлаетъ овладѣніе этимъ городомъ необходимымъ. Нельзя допустить чтобъ Османъ-паша со всѣмъ Виддинскимъ корпусомъ, простирающимся свыше 30 тысячъ, кромѣ Плевненскаго гарнизона, оставался спокойно стоять въ полуторѣ перехода отъ дорогъ ведущихъ изъ Систова въ Тырново. Недостаточно было прикрыть эти дороги равносильнымъ корпусомъ, требовалось отбросить Турокъ за рѣку Видъ и оградить наши сообщенія отъ всякихъ покушеній. Именно такія соображенія вынуждали предпринять вторичную атаку на Плевну. Османъ-паша понимаетъ что пребываніе его въ Плевнѣ не можетъ быть терпимо Русскими и ждетъ третьей атаки, къ которой онъ безъ сомнѣнія и готовится; остается только желать чтобы въ этотъ третій разъ на турецкія позиціи были направлены съ нашей стороны самыя достаточныя массы.

Турецкій командиръ, Османъ-паша, не принадлежитъ повидимому къ числу самонадѣянныхъ и хвастливыхъ генераловъ.

Начало неоконченнаго боя онъ не спѣшитъ выдать за блистательную побѣду, а представляетъ дѣло какъ оно было, если только Агентство Вольфа передало въ точности смыслъ его донесенія. Наученный опытами подъ Изворомъ въ прошломъ году, онъ дѣйствуетъ осторожно и какъ будто выжидая какой оборотъ примутъ дѣла Турокъ въ другихъ пунктахъ чтобы сообразно съ этимъ предпринять тотъ или другой маневръ,—наступать или отступать.

Такой образъ дѣйствій заставляетъ употребить энергическія усилія противъ Видинскаго корпуса чтобы достигнуть пораженія Османъ-паши безъ тѣхъ тяжелыхъ потерь которыя неизбѣжны при атакѣ трудныхъ позицій обороняемыхъ многочисленнѣйшимъ и даже равносильнымъ противникомъ.

Нѣтъ сомнѣнія что всѣ затрудненія наши на правомъ флангѣ суть прямыя послѣдствія обезпеченной для Турокъ нейтрализаціи Сербіи, чѣмъ мы обязаны австрійской дружбѣ, между тѣмъ какъ съ лѣваго фланга заботится о насъ англійская дружба, успѣвшая выслать противъ насъ всѣ войска нейтрализованнаго хедива.

Между тѣмъ, въ пятницу, въ нижней палатѣ Британскаго парламента готовится новое представленіе въ пользу новооткрытыхъ *англо-европейскихъ* интересовъ. Г. Вольфъ предложилъ палатѣ вотировать адресъ въ которомъ должно быть выражено что палата, одобряя нейтралитетъ соблюдаемый до сихъ поръ Англіей, считаетъ однако „умѣстнымъ принять мѣры для огра„жденія и поддержанія обязательствъ отно„сительно регулированія судоходства на „Дунаѣ и прохода чрезъ Босфоръ и Дар„данеллы.“ Полуостровъ Галлипольскій, какъ видно, не даетъ покоя англійскимъ джентльменамъ; они во что бы то ни стало желаютъ захватить его. Адресъ вносимый г. Вольфомъ есть не иное что какъ открытый листъ на такое занятіе. Цѣль занятія понятна. Галлипольскій полуостровъ образуетъ собою западный берегъ Дарданельскаго пролива; занявъ его, можно запереть входъ въ Мраморное, а слѣдовательно и въ Черное Море. Съ материкомъ полуостровъ соединяется длиннымъ и узкимъ перешейкомъ, ширина котораго въ иныхъ пунктахъ менѣе дальности выстрѣла большихъ орудій. Дорога идущая по перешейку на полуостровъ, вдоль западнаго берега, на всемъ протяженіи лежитъ подъ выстрѣлами съ моря. На одномъ изъ пунктовъ перешейка, именно у Плаяра, гдѣ и проектировалась высадка Англичанъ, поперекъ всего перешейка можно устроить на высотахъ сильныя укрѣпленія, осада которыхъ была бы невозможна съ сухаго пути, особенно въ виду флота могущаго здѣсь обстрѣливать подступы осаждающаго съ обоихъ фланговъ. Исторія уже указала на этотъ пунктъ. И теперь еще здѣсь видны развалины древней стѣны. Направляясь отсюда въ глубь полуострова, можно почти на каждомъ шагу встрѣтить превосходную оборонительную позицію на берегахъ рѣчекъ впадающихъ въ Дарданельскій проливъ...

№ 183.

Москва, 21-го іюля.

Вчера телеграфъ снова извѣстилъ насъ (не помнимъ уже въ который разъ) что румынская армія перешла Дунай. Извѣстія объ этомъ переходѣ, а затѣмъ опроверженія не переставали чередоваться съ самаго того времени какъ наши войска перешли черезъ Дунай у Систова. Съ точки зрѣнія стратегической и нельзя было ожидать ничего другаго: румынскія войска съ самаго начала кампаніи оперировали на правомъ флангѣ Дунайской арміи, и по всѣмъ предположеніямъ и фактическимъ извѣстіямъ доходившимъ съ театра войны естественно было думать что румынская армія составитъ правое крыло военныхъ силъ дѣйствующихъ противъ Турціи и по перенесеніи театра военныхъ дѣйствій на непріятельскую землю. Съ точки зрѣнія политической также ничего иного нельзя было ожидать, такъ какъ Румынія находится въ войнѣ съ Турціей, и притомъ по начинанію самой Турціи. Турки вторглись бы на Румынскую территорію если бы получили къ тому возможность, и конечно никто изъ нейтральныхъ и не подумалъ бы перечить имъ въ этомъ какъ никто не протестовалъ въ прошломъ году противъ вступленія Турокъ въ Сербію; отсюда само собою вытекаетъ что и Румыны должны были, въ своихъ интересахъ, какъ воюющая сторона, воспользоваться первою возможностью чтобы вторгнуться въ непріятельскую землю. Возможность эта несомнѣнно наступила послѣ 15 іюня. И

вотъ, съ тѣхъ поръ неоднократно повторялось извѣстіе о переходѣ Румынъ черезъ Дунай, а между тѣмъ, если не считать вчерашняго извѣстія которое пока еще не смѣнено обычнымъ опроверженіемъ, Румыны все еще стоятъ по сю сторону Дуная!

Интересныя и назидательныя разъясненія по поводу этой „притчи“ мы находимъ въ сообщеніи букурештскаго корреспондента *Times* который сообщаетъ, отъ 26 іюля что когда русская рекогносцировка показала что Турки сосредоточены въ значительномъ числѣ около Плевны, то русскія военныя власти, — замѣтьте это! — поспѣшно потребовали чтобы румынская дивизія генерала Ману, расположенная въ Пелашѣ и Турнъ-Магурели, переправилась чрезъ Дунай и заняла Никополь, такъ чтобы тамошній русскій гарнизонъ могъ освободиться и двинуться противъ Турокъ; при этомъ слѣдуетъ предположить что русская команда опасалась наступательнаго движенія со стороны Турокъ на линію русскихъ сообщеній. Требованіе Русской Главной Квартиры было передано князю Карлу, и онъ немедленно согласился. Агентъ *Гаваса* на этомъ основаніи телеграфировалъ о занятіи румынскими войсками Никополя какъ о фактѣ совершившемся, и это извѣстіе было затѣмъ подтверждено Букурештскимъ военнымъ министерствомъ. Но затѣмъ генералу Ману было сообщено что въ его дивизіи не нуждаются и что ему будетъ дано знать когда его содѣйствіе понадобится. „Всѣ эти факты, заключаетъ корреспондентъ, очень важны, ибо они указываютъ на существованіе соглашенія по которому румынскія войска должны быть потребованы лишь въ томъ случаѣ когда въ нихъ будутъ нуждаться, а также и на то что Русскіе не опасаются ничего со стороны Турокъ у Плевны. Румыны очень недовольны тѣмъ что имъ не дозволяютъ занять Никополь.“

Факты сообщаемые корреспондентомъ пріобрѣтаютъ интересъ въ виду новыхъ извѣстій изъ-подъ Плевны. Изъ этихъ извѣстій одно явствуетъ несомнѣнно, именно то что *избыткомъ* силъ мы у Плевны до сихъ поръ не обладаемъ, и что стало-быть замѣна Русскаго гарнизона Никополя Румынскимъ была во всякомъ случаѣ не излишня. Тѣмъ не менѣе Румыны Никополь до сихъ поръ не занимаютъ, и стоятъ въ бездѣйствіи на лѣвомъ берегу Дуная. Одно изъ предположеній корреспондента *Times*, — что въ Румынахъ не имѣется никакой надобности, — такимъ образомъ падаетъ. Остается другое: что Румыны не переходятъ Дунай вслѣдствіе „существующаго соглашенія“ по которому они могутъ быть призваны лишь въ случаѣ крайней въ томъ надобности. Но съ кѣмъ, спрашивается, установлено подобнаго рода соглашеніе? Не съ Румынами, конечно, которые, по словамъ самого корреспондента, крайне недовольны своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Очевидно поэтому что тутъ обнаруживается вмѣшательство постороннее. И нужно ли говорить что это одно изъ проявленій „пассивнаго“ нейтралитета Австріи.

Вотъ разгадка тѣхъ „искреннихъ“ и „дружественныхъ“ обмѣновъ мыслей между Вѣной и Букурештомъ о коихъ съ такимъ умиленіемъ повѣствовалъ на дняхъ вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung*, добавляя что эти искренніе переговоры обоихъ канцлеровъ творятъ чудеса, разсѣивая и малѣйшія облачка зараждающіяся на лазоревомъ горизонтѣ австро-русской дружбы. Вотъ въ чемъ заключается то „уравновѣшеніе“ противныхъ теченій обнаруживающихся въ Русской Главной Квартирѣ, за что воздается такая горячая похвала русскому министру...

Сегодня можно уже положительно сказать что бой подъ Плевной 18 іюля не имѣлъ рѣшительнаго характера, и что если русскія войска отошли обратно въ свой лагерь, то исполнили это по распоряженію своего командира, не бывъ принуждены къ тому противникомъ, который стоя въ своей крѣпкой отъ природы и искусственно усиленной позиціи ожидалъ новой атаки съ нашей стороны.

Ожиданія Османъ-паши оправдались. Утромъ, 19 іюля, „русскія дивизіи“ снова атаковали Турокъ, и если вѣрить офиціальному донесенію турецкаго генерала, вынуждены были отойти обратно въ свой лагерь, понеся значительныя потери убитыми и ранеными.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ съ нашей стороны извѣстія объ этой *третьей* атакѣ на позиціи Турокъ восточнѣе Плевны; нельзя поэтому судить съ какими силами предпринята эта новая атака, какія войска принимали въ ней участіе: былъ ли тутъ одинъ 9-й корпусъ или къ нему подошли еще части 16-я и 30-й дивизій 4-го

корпуса генерала Зотова, о прибытіи которыхъ упоминаетъ букурештскій корреспондентъ лондонской *Times*.

Но вѣрно то что дѣла подъ Плевной не то что отдѣльныя сраженія. Это все равно что осада сильной крѣпости которую сразу взять нельзя.

Тѣмъ не менѣе рядъ неудачъ въ атакѣ на позиціи Турокъ у Плевны несомнѣнно поднялъ ихъ духъ и ободрилъ турецкихъ военачальниковъ на другихъ пунктахъ театра войны.

Все это приводитъ къ положительной необходимости сломить, наконецъ, сопротивленіе Турокъ, выбивъ ихъ изъ укрѣпленій и разсѣявъ во время преслѣдованія, или же окруживъ ихъ стальнымъ кольцомъ въ Плевнѣ принудить огнемъ артиллеріи и голодомъ положить оружіе.

Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ противъ турецкаго гнѣзда въ Плевнѣ придется развернуть gros нашихъ резервовъ.

№ 184.

Москва, 23-го іюля.

А.

Говорятъ что англійскій посолъ въ Вѣнѣ поспѣшилъ поздравить турецкаго посла въ Вѣнѣ Алеко-пашу съ побѣдой одержанною турецкими войсками подъ Плевной. Не слишкомъ ли рано послѣдовало это трогательное выраженіе сочувствія въ пользу Турокъ? По крайней мѣрѣ газета *Wiener-Tagblatt* отъ 3-го августа (22 іюля) извѣстилась что Плевна въ среду перешла уже въ руки русскихъ войскъ, хотя господствующія высоты еще удерживаются Турками. Правда въ тотъ же день, 3 августа, въ *Neue Freie Presse* телеграфировали изъ Букурешта что армія Османъ-паши подвигается къ Систову, но это послѣднее извѣстіе можетъ и не быть въ противорѣчіи со свѣдѣніями *Wiener-Tagblatt*; оно можетъ-быть только дополняетъ его, можетъ-быть Османъ-паша подвигается къ Систову и вообще на сѣверо-востокъ не добровольно, а вынужденный ходомъ неудачнаго боя.

Первая атака на Плевну 8 іюля была, какъ извѣстно, ведена съ сѣвера и съ востока; послѣ направленіе было измѣнено, и если вѣрить свѣдѣніямъ идущимъ въ Вѣну изъ турецкихъ источниковъ, наши войска атаковали въ послѣдній разъ съ юго-востока, заходя лѣвымъ плечомъ и обходя позиціи Турокъ, можетъ-быть съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ моста на Осмѣ и слѣдовательно отъ пути отступленія.

Столь же противорѣчивы извѣстія о силахъ сосредоточенныхъ Османъ-пашой у Плевны. По свѣдѣніямъ *Politische Correspondenz*, доставленнымъ изъ Букурешта, Османъ-паша успѣлъ сосредоточить у Плевны, кромѣ войскъ собственно Виддинскаго корпуса, еще войска изъ Ниша и Софіи, будто бы въ составѣ всего до 80.000 человѣкъ. Времени для этого было у него довольно, а съ другой стороны уже нѣсколько дней назадъ было извѣстно что всѣ войска Турокъ стоявшія на границѣ Сербіи ушли оттуда, и гарнизонъ Ниша уходя даже поручалъ мусульманъ этого города покровительству христіанскаго населенія: доказательство что тамъ не оставалось никакой вооруженной турецкой силы. По другимъ извѣстіямъ, также изъ Букурешта, силы Османъ-паши показаны въ 60 тысячъ.

Составъ русскихъ войскъ показанъ различно. По однимъ извѣстіямъ, на усиленіе 9-го корпуса генерала Криденера подошла дивизія 11-го корпуса генерала князя Шаховскаго; по другимъ, прибыли также части 4-го корпуса генерала Зотова и двинута румынская дивизія Ману, мѣсто которой заняла дивизія Анджелеску. Достовѣрно во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ пока лишь то что въ бояхъ за Плевну съ обѣихъ сторонъ участвуютъ значительныя массы, что къ обѣимъ сторонамъ подходятъ резервы и что бой 18 іюля если и не далъ успѣха, то все же былъ славнымъ для русскихъ войскъ дѣломъ съ многочисленнымъ и расположеннымъ на сильной позиціи противникомъ.

Не успѣли еще выясниться толки о событіяхъ подъ Плевной какъ уже возникаютъ новые: съ турецкой стороны сообщаютъ о дѣлѣ возгорѣвшемся будто бы на юго-востокъ отъ Бѣлы, причемъ будто бы Турки обнаружили намѣреніе овладѣть мостомъ черезъ Янтру у Бѣлы. Турки могутъ разчитывать на попытку войти въ связь съ Османъ-пашой чтобы совокупными силами занять пути сообщенія нашихъ войскъ перешедшихъ за Балканы.

Турецкія силы собранныя въ Четырехъугольникѣ показывались за послѣднее вре-

мя довольно сходно, — до 150.000 чел. Букурештская газета *L'Orient* полагаетъ что ихъ теперь гораздо больше, насчитывая, къ 20 іюля, за исключеніемъ гарнизона Рущука и 50.000 отправленныхъ уже за Балканы, 140.000 человѣкъ, изъ коихъ не менѣе 100.000 могутъ быть употреблены для дѣйствій въ открытомъ полѣ отъ Разграда и Шумлы. Такимъ образомъ, для дѣйствія на наши сообщенія Турки могли бы имѣть отъ 160—до 180 тыс. человѣкъ, т.-е. силу превосходящую наши войска по сю сторону Балканскихъ горъ. Наша офиціальная военная газета *Русскій Инвалидъ* не вѣритъ свѣдѣніямъ упомянутаго букурештскаго изданія.

Что касается русскихъ войскъ, то по послѣднимъ извѣстіямъ на правомъ берегу Дуная, за исключеніемъ 14 корпуса генерала Циммермана дѣйствующаго со стороны Добруджи и войскъ перешедшихъ за Балканы, то-есть 8-го корпуса, и передоваго отряда генерала Гурко, находятся въ настоящее время пять корпусовъ, изъ коихъ *два* 12 и 13 оперировали противъ Рущука и къ 8 іюля занимали линію рѣки Кара-Ломъ; *два*, именно 4 и 11, оставались до послѣдняго времени на лѣвомъ берегу Дуная, и только теперь части ихъ подошли къ Плевнѣ, въ дѣлахъ подъ которою участвовалъ главнымъ образомъ 9-й корпусъ, имѣвшій назначеніемъ охранять наши пути сообщенія съ запада.

Такимъ образомъ, отъ Рущука до Плевны, на протяженіи около полутораста верстъ, сосредоточено около 150.000 русскихъ войскъ, то-есть силы достаточныя чтобъ удерживать въ своей власти пути ведущіе отъ Тырнова къ Систову и обезпечивать тылъ войскъ перешедшихъ за Балканы.

Независимо отъ этихъ пяти корпусовъ, на лѣвомъ берегу Дуная собираются теперь еще другія русскія силы и расположены войска румынскія, столько же сколько и мы заинтересованныя въ окончательномъ успѣхѣ кампаніи. Когда потребовалось, румынскія дивизіи были наконецъ двинуты на лѣвый берегъ; одна изъ нихъ заняла Никополь, другая пошла на соединеніе съ Русскими войсками. Можетъ-быть Турки и не безъ основанія, какъ было сообщено изъ Вѣны, опасаются за свои позиціи у Плевны, въ случаѣ перехода главныхъ румынскихъ силъ черезъ Дунай у Рахова, т.-е. во флангѣ и въ тылу Турокъ.

Движеніе за Балканы было предпріятіемъ удивительно энергическимъ и смѣлымъ, но не могло быть рискованнымъ. Не обезпечивъ достаточными силами свои сообщенія, мы не рѣшились бы перейти Балканы.

Османъ-пашѣ благодаря неожиданности, скрытности и быстротѣ движенія удалось сосредочить у Плевны большія силы: онъ явился ранѣе нежели на правомъ берегу были собраны всѣ тѣ войска которыя стоятъ тамъ въ настоящее время. Несмотря на это, Османъ-пашѣ не удалось извлечь никакихъ положительныхъ выгодъ изъ своего маневра. Продвинуться за Плевну онъ не могъ. Войска наши, въ первомъ столкновеніи, въ пять разъ слабѣйшія, загородили ему дорогу, и задержали его до прибытія подкрѣпленій. Этотъ геройскій отпоръ есть лучшее ручательство за благополучный исходъ кампаніи.

Б.

80 или 60 тыс. чел. войска у Османъ-паши? Вотъ что извѣстно намъ изъ сообщеній нашего вѣнскаго корреспондента и вообще изъ австрійскихъ источниковъ: изъ Виддина Османъ-паша, какъ писали, выступилъ съ 30 до 32.000 человѣкъ (что впрочемъ еще очень сомнительно). Къ этому корпусу присоединились войска изъ укрѣпленнаго лагеря подъ Нишемъ. Первоначально эти войска были въ составѣ 10.000 человѣкъ съ *цѣлью наблюденія за Сербскою границей*. Графъ Андраши протестовалъ противъ этого сбора войскъ говоря что это можетъ подать и Сербіи поводъ къ вооруженіямъ; но Порта не обратила вниманія на протестъ, подъ предлогомъ происходившаго въ то время въ Сербіи сильнаго броженія. Дѣйствительно, Сербія, ссылаясь на угрожающее на ея границѣ положеніе Турокъ, стала вооружаться. Но послѣ поѣздки князя Милана и его министра, г. Ристича, въ Букурештъ, вооруженія Сербіи были внезапно прекращены, между тѣмъ какъ Порта, вмѣсто того чтобъ отвести войска отъ Ниша послала туда еще 10.000 человѣкъ.

Отсюда можно заключить что уже тогда Порта имѣла въ виду воспользоваться сербскимъ нейтралитетомъ чтобы въ случаѣ движенія Русскихъ къ Балканамъ направить эти двадцать тысячъ Нишскаго лагеря въ обходъ праваго фланга нашей операціонной линіи.

Такимъ образомъ, если всѣ вышепоказанныя цифры вѣрны, у Османъ-паши, по присоединеніи къ нему войскъ изъ Нишскаго лагеря, могло составиться отъ 50.000 до 52.000 человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись для Османъ-паши, обезпеченнаго со Стороны Сербіи, постоянныя сообщенія съ Забалканскимъ краемъ. Какъ видно изъ сообщаемой сегодня телеграммы въ *St.-Petersburger Zeitung*, оттуда и именно изъ Софіи, подходятъ къ нему подкрѣпленія. Если Османъ успѣлъ притянуть къ себѣ еще тысячъ восемь, то у него и составилась армія въ 60.000 человѣкъ, число, которое могло или можетъ быть доведено до 80.000, если успѣли или успѣютъ присоединиться къ нему войска, съ западной Черногорской границы...

№ 186.

Москва, 25-го іюля.

А.

Наша главная квартира уже не въ Тырновѣ, а въ Чаушъ-Махалѣ, на полупути изъ Плевны въ Бѣлу; генералъ Гурко вынужденъ отступить въ Балканскіе проходы. Таковъ результатъ маневра Османъ-паши на Плевну. Турки заняли „значительными“ силами линію рѣки Видъ и весьма сильно укрѣпили Ловчу и Плевну.

Попытки выбить Турокъ изъ послѣдняго пункта, не приведя къ желанной цѣли, обошлись намъ не дешево: потеря войскъ участвовавшихъ въ дѣлѣ 18 іюля простирается свыше *пяти тысячъ*. Но потери не поколебали духа войскъ. „Во всѣхъ видѣнныхъ мною частяхъ,“ говоритъ Его Высочество Главнокомандующій, „духъ превосходный.“ Войскамъ предстоитъ теперь важная задача... Мы можетъ-быть наканунѣ рѣшительной битвы.

Мы до сихъ поръ при встрѣчахъ съ Турками постоянно въ меньшинствѣ. Такъ было въ Малой Азіи, такъ, кажется, и на Дунаѣ. Мобилизація нашей арміи еще и теперь не окончена; у насъ не было общей мобилизаціи; армія приводилась на военную ногу по частямъ, съ продолжительными антрактами. Вліяніе недостаточности войскъ обнаружилось еще съ большею силой благодаря политикѣ давшей Туркамъ возможность стянуть всѣ свои войска къ границѣ Сербіи и бросить ихъ противъ насъ; той же политикѣ слѣдуетъ приписать и положеніе принятое въ первыхъ числахъ іюля Румынскими войсками, сомнительное бездѣйствіе коихъ внушило Османъ-пашѣ смѣлость бросить Виддинъ и двинуться на Плевну, открывая Румынамъ свой флангъ и тылъ...

Б.

Воскресный нумеръ нашей газеты особенно обиленъ извѣстіями, о „дипломатическомъ понужденіи“ производимомъ Германіей на Австрію съ цѣлью заставить эту державу соблюдать дѣйствительный относительно Россіи нейтралитетъ. Берлинская правительственная печать заявляетъ что „нарушеніе нейтралитета Австріей несомнѣнно возбудило бы протестъ Пруссіи.“

Какъ и слѣдовало ожидать, Пруссія отплачиваетъ намъ въ Австріи услугу оказанную нами ей въ Австріи же, въ 1870 году. Телеграмма заключаетъ изъ этого весьма основательно что „графъ Андраши поэтому будетъ вынужденъ держаться союза съ Германіей.“

И вотъ телеграмма въ воскресномъ же нумерѣ изъ Вѣны уже сообщаетъ о внезапномъ поворотѣ въ отзывахъ вѣнской правительственной печати относительно Россіи. Особенно замѣчателенъ этотъ поворотъ въ газетѣ *Fremdenblatt*, не переставшей, со времени объявленія русской правительственной программы въ Болгаріи, обращаться съ весьма рѣзкими угрозами не только къ Румынамъ и Сербамъ, этимъ естественнымъ союзникамъ нашимъ, но, по поводу ихъ, и къ Россіи. Въ настоящее время, напротивъ, та же газета вдругъ заявляетъ что „никакіе вопли руссофобовъ не побудятъ Австрію выступить противъ Россіи.“ Не менѣе замѣчательна и телеграмма изъ того же источника въ нашемъ воскресномъ нумерѣ. Австро-Венгерское правительство, извѣщаетъ эта телеграмма, вдругъ разрѣшило и въ Загребѣ и въ Любляхъ (Лайбахѣ) митинги долженствующіе служить протестомъ тамошнихъ славянскихъ населеній противъ туркофильскихъ заявленій многочисленныхъ мадьярскихъ митинговъ; мало того, оно уже разрѣшило даже открытіе въ Загребѣ Хорватскаго сейма, несмотря на то что отсрочка этого открытія, вопреки закону,

уже давно была рѣшена Венгерскимъ правительствомъ именно для того чтобы не допустить неизбѣжныхъ въ немъ дружественныхъ Россіи манифестацій въ видѣ отвѣта на трехмѣсячныя бѣшеныя туркофильскія манифестаціи Пештскаго сейма. Правда, разрѣшеніе данное Хорватскому сейму обусловлено строгимъ ограниченіемъ занятій его сферой „мѣстныхъ интересовъ;“ но, опираясь на законъ, Хорватскій сеймъ всегда будетъ имѣть возможность требовать равноправности съ Пештскимъ сеймомъ въ обсужденіи своихъ интересовъ.

Итакъ, благодаря „дипломатическому понужденію Германіи,“ Вѣнскій императорскій кабинетъ и его креатура, венгерскій кабинетъ г. Тисы, рано или поздно будутъ въ необходимости искать себѣ опоры въ славянскихъ населеніяхъ имперіи.

Этому факту придаетъ особенное значеніе моментъ когда онъ совершается, а для оцѣнки момента стóитъ вспомнить тѣ рѣзкія и опредѣлительныя завѣренія какія венгерскій министръ-президентъ Тиса торжественно давалъ на сеймѣ, что никогда Австро-Венгерское правительство не допуститъ образованія новыхъ южно-славянскихъ государствъ. А между тѣмъ, во вчерашнемъ же нумерѣ нашей газеты приведена бѣлградская корреспонденція *Пештскаго Ллойда*, увѣдомляющая что германскій генеральный консулъ въ Бѣлградѣ, г. Край, „объявилъ сербскимъ министрамъ „что желанія Императора Всероссійскаго „относительно Болгаріи находятъ сочув„ствіе въ Берлинѣ, и что Германское пра„вительство не видитъ въ образованіи „южно-славянскихъ государствъ ничего „противнаго интересамъ Европы.“ Итакъ, именно по двумъ предметамъ болѣе прочихъ вызывавшимъ со стороны не только Мадьяръ, но и Вѣнскаго имперскаго кабинета враждебныя Россіи манифестаціи, обнаруживается согласіе Берлинскаго кабинета съ Россіей. Очевидно, чтобы продолжать держаться союза съ Германіей, Вѣнскому императорскому кабинету придется окончательно порвать связь съ „Мадьярскою политикой“ и согласиться съ предложенною Россіей политическою программой, единственною соотвѣтствующею условіямъ прочнаго умиротворенія Востока Европы...

Но стремясь къ извѣстной цѣли, нельзя отвергать и естественныхъ способовъ достиженія ея. Почему заявленіе этихъ воззрѣній Берлинскаго кабинета произошло именно въ Бѣлградѣ? Берлинскій кабинетъ, надо думать, не опасался возбужденія тѣхъ естественныхъ въ Сербіи стремленій къ участію въ войнѣ противъ Турціи, подавленіе которыхъ было до сихъ поръ едва ли не главною заботой Вѣнскаго кабинета. Не будь обезпеченъ Туркамъ нейтралитетъ Сербіи, было бы не мыслимо соединеніе Османъ-паши съ войсками Нишскаго лагеря и самое выступленіе его изъ Виддина. Если Турки будутъ и впредь спокойны за Сербію, то къ Османъ-пашѣ примкнутъ (если еще не примкнули) и тѣ турецкія войска которыя двинулись отъ западной границы Сербіи.

№ 187.

Москва, 26-го іюля.

А.

Въ *Синей Книгѣ* розданной 26 іюля членамъ Англійскаго парламента содержатся исключительно документы касающіеся „жестокостей„ совершаемыхъ на театрѣ войны. Особенно интересна депеша графа Дарби къ лорду Лофтусу, отъ 17 іюля, въ которой британскій министръ иностранныхъ дѣлъ дозволилъ себѣ формуловать по пунктамъ обвинительный актъ противъ Русской арміи, перечисляя разныя насилія совершенныя будто бы русскими войсками и Болгарами противъ „невиннаго и мирнаго“ мусульманскаго населенія. Телеграфъ извѣстилъ насъ на дняхъ что въ Британскомъ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ по поводу этого неслыханнаго по своей дерзости дипломатическаго акта, съ коимъ англійскій министръ рѣшился обратиться къ Русскому правительству. Графъ Дарби обрадовалъ насъ отвѣтомъ что онъ *еще* не получилъ никакого отвѣта отъ Русскаго правительства. Но повидимому Британскій кабинетъ полагаетъ что ему будетъ данъ какой-либо отвѣтъ; въ противномъ случаѣ, едва ли этотъ возмутительный по своей наглости документъ былъ бы написанъ...

Ничто такъ рѣзко не характеризуетъ глубокой безнравственности и лжи такъ-называемаго „общественнаго мнѣнія Европы“ какъ эта агитація, которая со времени перехода нашихъ войскъ за Дунай ведется систематически подъ заглавіемъ

„русскихъ неистовствъ.“ Она еще возмутительнѣе и безнравственнѣе нежели то что въ прошломъ году говорилось и писалось друзьями Турокъ по поводу Болгарской рѣзни. Тогда ограничивались тѣмъ что сперва отрицали факты, а когда истина была обнаружена и установлена способами не допускающими никакого сомнѣнія, стали доказывать что рѣзня эта была естественнымъ послѣдствіемъ племенной вражды, и что въ ней болѣе всего виноваты сами Болгары. „Да и стóитъ ли Европѣ безпокоиться,“ восклицали защитники Турокъ, „по поводу этихъ свинопасовъ-Болгаръ?“ Теперь совсѣмъ иное: намѣренная и презрѣнная ложь не только распространяется всѣми возможными способами, газетными статьями, митингами, *протоколами* частныхъ корреспондентовъ и офиціальными дипломатическими документами, но эти лжецы проникли теперь напускнымъ негодованіемъ къ какому въ дѣйствительности неспособны и которое они съ цинизмомъ отвергали и старались подорвать въ другихъ въ прошломъ году, когда „цивилизованный“ міръ съ ужасомъ узналъ на что способенъ Турокъ терпимый и даже чествуемый имъ въ своей средѣ.

Вся эта игра, очевидно, разчитана исключительно на то чтобы внушить Россіи мысль о томъ будто она должна оправдываться. Нашимъ доброжелателямъ этого именно и нужно, и увы! нужно сознаться что ихъ разчетъ на то что Россія дастся въ эту ловушку и добровольно поставитъ себя на судъ рядомъ съ Турціей былъ несовсѣмъ не основателенъ въ виду наблюденій надъ нашими нравами и привычками. *Times*, отъ 28 іюля, упомянувъ объ обвиненіяхъ кои Турецкое правительство безпрерывно возводитъ на Россію, признаетъ что война на Балканскомъ полуостровѣ уже потому не можетъ идти въ сравненіе съ войнами между цивилизованными народами что здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ борьба между большинствомъ населенія и меньшинствомъ притѣснителей; что со стороны Турокъ озлобленіе усиливается сознаніемъ что рѣчь идетъ для нихъ о томъ „быть или не быть,“ а въ Болгарахъ слишкомъ еще живы воспоминанія о злодѣяніяхъ коимъ нѣтъ равныхъ въ исторіи нашего вѣка. Признавая все это, а съ другой стороны отвергая всѣ фактическія утвержденія Турецкаго правительства какъ не подкрѣпленныя ни тѣнью доказательства, *Times* тѣмъ не менѣе думаетъ что русскія власти должны представить объясненія. Лондонская газета предлагаетъ произвести формальное слѣдствіе по поводу возводимыхъ на Россію обвиненій и думаетъ что русское военное начальство должно такому слѣдствію подчиниться „даже въ разгарѣ военныхъ дѣйствій.“ „Пусть, продолжаетъ лондонская газета, Турецкое правительство назоветъ то мѣсто гдѣ по его словамъ совершены были жестокости; русское начальство узнаетъ тогда *на какіе полки падаетъ обвиненіе*. Дальнѣйшее изслѣдованіе не только покажетъ виновны ли вообще въ чемъ-либо русскіе солдаты, но поведетъ и къ обнаруженію дѣйствительно виноватыхъ.“

Задняя мысль проглядываетъ ясно. Хотятъ чтобы Турецкое правительство выступило обвинителемъ противъ Россіи, и этимъ обвиненіямъ не только даютъ ходъ, но съ притворнымъ участіемъ приглашаютъ насъ оправдываться. Роли такимъ образомъ перемѣнились, и теперь Россія отдана подъ слѣдствіе.

Будемъ надѣяться что мы не дадимся въ ловушку и не будемъ оправдываться. Всякія объясненія съ нашей стороны на допросы чинимые лордомъ Дарби означали бы прежде всего что Россія признаетъ компетентность ихъ суда надъ собою.

Б.

Въ полученномъ сегодня вѣнскомъ офиціозномъ листкѣ, *Politische Correspondenz*, отъ 2 августа, помѣщено письмо изъ Берлина обращающее вниманіе на внезапный переходъ части Румынской арміи въ наступленіе, то-есть на переправу черезъ Дунай. Въ согласіи Русской Главной Квартиры на эту переправу корреспондентъ вѣнскаго правительственнаго листка, по справедливости, видитъ признакъ того что послѣ Плевненскихъ битвъ наступило наконецъ время когда „военныя соображенія должны были возобладать *надъ политическими*.“

Сколько извѣстно, наше военное управленіе не отвергало содѣйствія Румынской арміи, а напротивъ требовало переправы ея черезъ Дунай вмѣстѣ съ нашими войсками...

„Если *въ Россіи* до сихъ поръ,“ продолжаетъ цитуемая корреспонденція, „съ „чувствомъ самодовольствія утверждали что

„войну будутъ вести *безъ союзниковъ*, а „именно безъ содѣйствія Румыновъ и Сер„бовъ, то это мнѣніе оказывается теперь „несостоятельнымъ, по крайней мѣрѣ что „касается первыхъ.“ Нѣтъ, напротивъ, въ *Россіи* общественное мнѣніе никогда не переставало сожалѣть о томъ что въ настоящей войнѣ „военныя соображенія“ приносились въ жертву „дипломатическимъ“ или „политическимъ,“ говоря словами самой *Politische Correspondenz*. Съ этой точки зрѣнія даже о Плевненской битвѣ можно сказать: „Нѣтъ худа безъ добра.“ Дай Богъ чтобъ она открыла намъ глаза на необходимость и впредь, во всякомъ военномъ дѣлѣ, не приносить военныхъ соображеній въ жертву какимъ-то соображеніямъ политическимъ.

Что касается вѣнской офиціозной печати то она обращалась къ намъ съ угрозами каждый разъ когда мы готовились предпринять что-либо, напримѣръ при вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію, при переправѣ черезъ Алуту; но въ виду совершившихся фактовъ она отзывалась весьма умѣренно и сдержанно. Она старалась „faire bonne mine au mauvais jeu.“ Иначе и быть не могло. Дипломатическая наглость, слава Богу, еще не дошла до того чтобы какая-нибудь держава могла заявить Русскому правительству, пока она находится съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, что ея „политическія соображенія“ требуютъ устраненія „военныхъ соображеній“ имѣющихъ цѣлью сберечь русскую кровь. Фактъ вызванный военными соображеніями не можетъ, не долженъ встрѣчать протеста со стороны державы желающей пребывать въ дружественныхъ къ Россіи отношеніяхъ. А именно къ этому разряду „военныхъ соображеній“ и принадлежалъ вопросъ о совокупномъ дѣйствіи Румыновъ съ Русскими за Дунаемъ. Но еще большее значеніе имѣетъ въ этомъ же смыслѣ вопросъ объ удивительномъ запретѣ наложенномъ на Сербію...

Сегодня, телеграмма изъ Вѣны извѣщаетъ будто въ Букурештъ, къ князю Горчакову, Сербское правительство обратилось съ запросомъ принимать ли ему предложеніе Эллинскаго правительства которое желаетъ заключить съ нимъ оборонительный и наступательной союзъ. Мы рѣшительно не понимаемъ какія соображенія могли бы воспрепятствовать заключенію этого союза, какъ и вообще выступленію Сербіи изъ ея вынужденнаго нейтралитета? Еще менѣе мы понимаемъ почему Россія должна отталкивать своихъ естественныхъ союзниковъ въ общемъ дѣлѣ на Востокѣ, которое для Сербіи есть свое дѣло и за которое она безплодно пролила свою кровь. И зачѣмъ стали бы мы пренебрегать содѣйствіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ уже обстрѣляннаго въ бояхъ войска? Еслибы мы ввели въ Турцію полмилліонную армію, то и въ такомъ случаѣ подобною помощью не слѣдовало бы пренебрегать. Чѣмъ больше войска, тѣмъ менѣе кровопролитія и тѣмъ рѣшительнѣе результаты.

№ 188.

Москва, 28-го іюля.

„Русскія войска южнѣе Дуная,“ говорятъ въ Вѣнѣ, „расположены приблизи„тельно по окружности полукруга отъ Ни„кополя, чрезъ Черкесско село на рѣкѣ „Осмѣ, Тырновскіе проходы и далѣе по „рѣкѣ Кара-Ломъ.“

Румынская дивизія дѣйствующая совокупно съ нашими войсками занимаетъ Никополь, поддерживая связь съ войсками выставленными противъ арміи Османъ-паши и состоящими изъ трехъ корпусовъ, 9-го, 11, и 4-го, который около 25 іюля былъ стянутъ у Болгарени еще не въ полномъ составѣ. Далѣе на югѣ, въ Тырновѣ и на перевалахъ находятся войска испытаннаго 8-го корпуса и геройскаго передоваго отряда, всего около трехъ дивизій пѣхоты съ сильною кавалеріей. Связь между войсками въ Балканахъ и у Болгарени поддерживается кавалерійскимъ отрядомъ генерала Скобелева наблюдающаго за Ловчей. На Кара-Ломѣ собраны два корпуса, 12-й и 13-й; связь между ними поддерживается небольшими отрядами чрезъ Попкіой. Такимъ образомъ, въ названномъ полукругѣ расположено 170 баталіоновъ съ сильною кавалеріей и артиллеріей.

Внѣ этого круга расположились турецкія силы. У Рущука, Разграда и Шумлы войска Эйюбъ-паши и главныя силы Мегмедъ-Али-паши. У Плевны, Ловчи и, послухамъ, у Сельви расположены части войскъ Османъ-паши, главныя силы котораго сосредоточены на высотахъ впереди Плевны. На южной сторонѣ Балканъ находится

армія Сулейманъ-паши. Во всѣхъ трехъ главныхъ турецкихъ массахъ числится до 220 тысячъ человѣкъ. Русскія силы имѣютъ преимущество болѣе сосредоточеннаго, связнаго расположенія и возможности взаимной поддержки по хордамъ полукруга, тогда какъ главныя турецкія массы разрознены и могутъ сноситься только по телеграфу, отчасти даже по весьма длинной линіи чрезъ Константинополь.

Вступить въ непосредственную связь между собой Турки могутъ тремя способами. Первый, одно время казавшійся весьма вѣроятнымъ, есть взаимное на встрѣчу движеніе войскъ Четырехъугольника и арміи Османъ-паши. Соединеніе турецкихъ войскъ этимъ путемъ могло бы привести нашъ 8-й корпусъ и отрядъ генерала Гурко въ затруднительное положеніе, такъ какъ ихъ сообщенія съ остальными войсками были бы прерваны Турками. Но такой маневръ со стороны Турокъ совершенно невозможенъ. Разстояніе отъ Разграда до Плевны приблизительно полтораста верстъ. Бѣла, около которой могли бы соединиться турецкія силы, лежитъ почти на полупути, и съ каждой стороны пришлось бы сдѣлать около четырехъ переходовъ, причемъ требовалось бы выдержать нѣсколько дѣлъ съ большими русскими силами, и, какъ замѣчаетъ букурештскій корреспондентъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, „въ довольно отъ„крытой мѣстности... Но этого Турки избѣ„гаютъ зная превосходство русскихъ войскъ „въ открытомъ полѣ.“ Другой способъ соединенія чрезъ Османъ-Базаръ въ направленіи къ Тырнову, замѣчаетъ тотъ же корреспондентъ, „обѣщалъ бы болѣе успѣ„ха благодаря гористой мѣстности, но испол„неніе его потребуетъ такъ много време„ни что Русскіе успѣли бы сосредоточить „значительныя силы у Тырнова и разбить „Турокъ.“

Обстоятельства указываютъ что Турки дѣйствительно не рѣшаются ни на одинъ изъ этихъ маневровъ. „Со стороны Шумлы пока тихо,“ Османъ-паша занятъ только усиленіемъ своей позиціи, что доказываетъ его намѣреніе стоять на мѣстѣ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго для дѣйствія времени. Цѣль его видимо удерживать противъ себя русскія силы протянувъ свой первый флангъ къ югу, какъ бы въ ожиданіи исхода дѣлъ за Балканами и въ Балканахъ. То же самое дѣлаютъ Эйюбъ-паша укрѣпляющійся у Разграда и Мехмедъ-Али стоящій подъ прикрытіемъ укрѣпленій Шумлы. Наступать повидимому предоставляется войскамъ Сулейманъ-паши, которому, если вѣрить константинопольскимъ извѣстіямъ вѣнской газеты *Presse*, приказано форсировать Балканскіе проходы и образовать своими войсками *центръ* Турецкой арміи. Извѣстіе это отчасти согласуется съ замѣчаніемъ нашей офиціальрой депеши отъ 22 іюля, заявляющей объ отступленіи въ Балканы войскъ генерала Гурко тѣснимаго массами Сулейманъ-паши.

Воспрепятствовать Туркамъ сомкнуть свою линію и разбить ихъ по частямъ, такова задача выпадающая теперь нашимъ войскамъ. Нѣтъ сомнѣнія что Сулейманъ-паша встрѣтитъ сильный отпоръ въ Балканахъ и будетъ задержанъ тамъ сколько нужно чтобы сломить сопротивленіе Османъ-паши. Телеграммы изъ Болгарени, полученныя на этихъ дняхъ, гласятъ что готовится новая атака на Плевну, для чего массы корпусовъ выдвинутыхъ въ эту сторону окончательно стягиваются.

Атака ряда укрѣпленныхъ высотъ, при теперешнемъ огнестрѣльномъ оружіи, дѣло не легкое. Для успѣха нужно сосредоточеніе войскъ, массы артиллеріи, хорошая огнестрѣльная подготовка атаки, систематическое неторопливое движеніе впередъ съ позиціи на позицію и наконецъ дружное *ура*, но только не на авось. Атака слабо подготовленная огнемъ артиллеріи, даже при численномъ превосходствѣ войскъ, будетъ отбита если не сумѣютъ вовремя остановить войска, какъ это сдѣлали Прусаки подъ Сенъ-Прива. Прусская гвардія начала атаку слишкомъ рано, прежде нежели успѣхъ ея былъ вполнѣ подготовленъ дѣйствіемъ артиллеріи. Въ нѣсколько минутъ быстро наступавшая пѣхота гвардіи понесла страшныя потери, пришлось остановить ее и докончить артиллерійскую подготовку. Еще опаснѣе слишкомъ порывистое наступленіе пѣхоты. Сбивъ непріятеля съ позиціи, нельзя пускать впередъ тѣ же войска. Разстроенные, ослабленные и вмѣстѣ разгоряченные атакой, они рѣдко бываютъ въ силахъ идти далѣе. Это дѣло тѣхъ частей которыя непосредственно поддерживали атаку. Необходимо прочно утвердиться на занятомъ пунктѣ прежде нежели продолжать дальнѣйшее наступленіе. Обратный способъ дѣйствія, суля минутный успѣхъ, въ результатѣ всегда ведетъ къ излишнимъ жертвамъ и къ потерѣ взя-

тыхъ позицій, такъ какъ противникъ въ этомъ случаѣ всегда будетъ стараться отнять потерянное обратно. Теперь мало сбить противника съ позиціи, необходимо истощить его силы и сдѣлать для него попытку наступать невозможною.

Не грѣшитъ ли наша тактика въ этомъ отношеніи, не слишкомъ ли уступаютъ командиры предъ порывомъ войскъ впередъ и притомъ даже въ томъ случаѣ когда приходится съ меньшими силами атаковать бо́льшія какъ это было въ дѣлахъ подъ Плевной, если только вѣрна характеристика этого сраженія такъ ярко очерченнаго корреспондентомъ *Daily News*, очевидцемъ этого сраженія, живописующимъ несравненное геройство русскихъ войскъ.

№ 189.

Москва, 29-го іюля.

А.

Сегодня мы получили нѣсколько телеграммъ, содержаніе которыхъ требуетъ оговорокъ. Съ одной стороны, изъ Константинополя идутъ офиціальныя донесенія объ отраженіи нѣсколькихъ русскихъ баталіоновъ подъ Ловчей 26 іюля; съ другой, чрезъ Букурештъ и Вѣну сообщаютъ что Османъ-паша „разбитъ на голову," и Плевна занята нашими войсками. Турецкимъ извѣстіямъ, хотя и офиціальнымъ, довѣрять можно только съ большою осторожностью. Хотя Османъ-паша, бывшій офицеръ французской службы, не принадлежитъ, какъ мы уже однажды замѣчали, къ числу хвастливыхъ генераловъ, но донесенія его въ Константинополѣ могутъ подвергаться значительнымъ передѣлкамъ: изъ двухъ донесеній Османа-паши о дѣлѣ при Плевнѣ 18 іюля въ Константинополѣ сочинены *двѣ* реляціи о *двухъ* дѣлахъ. Теперь изъ Константинополя въ одинъ и тотъ же день объ одномъ и томъ же дѣлѣ пущены двѣ совершенно несогласныя между собою депеши. Одна, ссылаясь на донесеніе Османъ-паши, говоритъ что русскій отрядъ „въ составѣ 8 баталіоновъ и 8 эскадроновъ атаковалъ Ловчу, но былъ отбитъ." Другая депеша прибавляетъ что бой этотъ „длился 9 часовъ," что „Русскіе совершенно разбиты и отброшены," но не въ составѣ 8 баталіоновъ, а только *четырехъ*. Чему же вѣрить? Но тутъ еще можно допустить ошибку: строй по двѣ роты Османъ-паша могъ принять за баталіонныя колонны и насчитавъ восемь массъ увѣдомилъ сначала не вѣрно и затѣмъ поправилъ ошибку; но откуда же взялась поправка къ донесенію Османъ-паши объ исходѣ этого сраженія? Она явно выдумана. Въ дополненіе ко всему этому, изъ Вѣны телеграфируютъ въ *Petersburger-Zeitung*, будто во вторникъ, 26 іюля, Османъ-паша сдѣлалъ попытку противъ Сельви, причемъ шесть тысячъ турецкихъ кавалеристовъ „атаковали" русскую укрѣпленную позицію, но были отбиты. Итакъ выходитъ что Османъ-паша въ одно и то же время отразилъ Русскихъ и самъ потерпѣлъ пораженіе.

Въ тотъ же день, 26 іюля, происходила рекогносцировочная стычка у Аязлара, недалеко отъ извѣстнаго по мелкимъ аванпостнымъ дѣламъ селенія Попкіойя и въ 30 верстахъ на западъ отъ Шумлы. Константинопольская депеша, ссылаясь на донесенія Мехмедъ-Али изъ Шумлы, утверждаетъ что стычка у Аязлара была „благопріятна для Турокъ," а между тѣмъ въ вѣнскую газету *Tagblatt* изъ той же Шумлы сообщаютъ что стычка у Аязлара была, напротивъ, „удачна для Русскихъ."

Въ виду такихъ противорѣчій нельзя довѣрять сообщаемой въ *Deutsche Zeitung* телеграммѣ изъ Букурешта что 27 іюля Османъ-паша „разбитъ на голову." Извѣстіе о побѣдѣ Русскихъ надъ Турками именно у Плевны, весьма правдоподобно. Новаго дѣла у Плевны ждутъ уже нѣсколько дней, корпуса сюда направленные сосредоточились, квартира Его Высочества находится тутъ же. И при всемъ томъ, внимательное обсужденіе извѣстія о побѣдѣ при Плевнѣ, переданнаго въ *Deutsche Zeitung*, обнаруживаетъ бѣлыя нитки которыми оно сшито. Извѣстіе послано въ Вѣну изъ Букурешта, куда оно не могло бы дойти ранѣе депеши самого Главнокомандующаго. Сколько мы знаемъ, не допускается передача по военно-походному телеграфу частныхъ депешъ. Надо полагать что при всей неаккуратности нашего телеграфа и при самомъ невѣроятномъ накопленіи депешъ, извѣстіе о блистательной побѣдѣ русскихъ войскъ могло бы дойти прямымъ путемъ до Москвы все же ранѣе нежели чрезъ Букурештъ.

Столица Румыніи со времени перехода русскихъ войскъ за Дунай стала мѣстомъ гдѣ во множествѣ фабрикуются самыя невѣроятныя извѣстія, разсылаемыя во всѣ концы. Румынскія газеты подхватываютъ налету каждый слухъ, каждую сплетню и предаютъ тисненію.

Вѣнская *Deutsche Zeitung* далеко не принадлежитъ къ числу осторожныхъ органовъ печати, какъ и бо́льшая часть вѣнскихъ газетъ. Еще недавно въ *Deutsche Zeitung* была напечатана корреспонція изъ Журжи, причемъ съ величайшею подробностью описывалось небывалое сраженіе между Русскими и Турками на рѣкѣ Кара-Ломъ. Корреспондентъ утверждаетъ что онъ наблюдалъ его съ казачьей вышки на лѣвомъ берегу Дуная и отлично замѣтилъ расположеніе и движеніе войскъ обѣихъ сторонъ. Онъ видѣлъ даже „факелы русскихъ санитаровъ всю ночь подбиравшихъ раненыхъ въ этомъ неудачномъ дѣлѣ.“ Что же послѣ этого стоило корреспонденту *Deutsche Zeitung* сочинить коротенькую телеграмму! Такія телеграммы въ вѣнской печати не новость и не исключеніе. Такъ въ *Tagblatt* отъ 31 (19) іюля напечатана депеша о сраженіи происходившемъ будто бы близь Рущука, причемъ войска Эйюбъ-паши потеряли 30 орудій, 10 знаменъ и 5.000 плѣнныхъ.

Не трудно даже прослѣдить какъ составилось извѣстіе *Deutsche Zeitung* о побѣдѣ при Плевнѣ. Въ Букурештѣ ждутъ сраженія... Появляется слухъ о рекогносцировкѣ будто бы предпринятой Турками вышедшими изъ Плевны. Слухъ этотъ летитъ въ Вѣну и печатается въ *Presse*, но „исходъ рекогносцировки не извѣстенъ,“ прибавляетъ корреспондентъ этой газеты, а *Deutsche Zeitung* ужь знаетъ исходъ...

Во всемъ этомъ есть однако другая сторона: невольно возникаетъ вопросъ, почему подобныя депеши такъ услужливо передаются изъ Вѣны агентствами? Допустить нельзя чтобъ это только слѣдствіе опрометчивости. Русскимъ газетамъ уже случалось получать извѣстія о русскихъ побѣдахъ, положимъ менѣе важныхъ, чрезъ иностранныя изданія: первая телеграмма о штурмѣ и занятіи Никополя получена изъ Вѣны и явилась раньше нежели въ русскихъ газетахъ и раньше нашей офиціальной депеши...

Б.

Пока Франція на буксирѣ у Вѣнскаго кабинета, какъ свидѣтельствовала мѣсяца полтора назадъ парижская корреспонденція въ *Politische Correspondenz*, всѣми силами старалась удержать и Сербовъ, и Румыновъ отъ участія въ войнѣ, подъ предлогомъ недопущенія развитія „панславистской революціи,“ Берлинскій кабинетъ, какъ оказывается, не только не удерживалъ Румынъ, но не признавалъ надобности и въ нейтралитетѣ Сербіи, который такъ много повредилъ намъ. Съ самаго начала войны насъ, да, насъ Русскихъ, пугали наши благопріятели „панславистскою революціей,“ съ тѣмъ чтобы мы отвергли содѣйствіе самыхъ естественныхъ своихъ союзниковъ и даже тѣхъ внутреннихъ духовныхъ силъ которыя возбуждала въ Русскомъ народѣ святость великаго дѣла освобожденія христіанскихъ населеній Востока. Въ самомъ дѣлѣ, какими ужасами грозили Россіи наши французскіе „друзья“ въ *Journal des Débats* и *Liberté*, а особенно наши австро-венгерскіе „друзья“ въ *Neue Wiener-Tagblatt*, *Neue Freie Presse* и *Пештскомъ Ллойдѣ* отъ соціально-демократической революціи принявшей личину панславизма. Даже M. Gambetta дружески предостерегалъ насъ отъ революціи въ этомъ злокозненномъ видѣ. Съ какою горячею дружбой предотвращали насъ друзья наши, особенно Мадьяры, отъ всякаго сближенія съ Сербіей, ославленною ими какимъ-то неисправимымъ революціоннымъ гнѣздомъ! Съ какими напыщенными похвалами отзывались они о нашей дипломатіи, которая чуралась Сербіи какъ чумы!

Какъ ни очевиденъ былъ смыслъ этихъ замѣтныхъ разглагольствій, они производили свое дѣйствіе не только въ „просвѣщенной Европѣ,“ но и у насъ въ тѣхъ „просвѣщенныхъ“ сферахъ, гдѣ обыкновенно судятъ о Россіи съ точки зрѣнія *Journal des Débats* или аугсбургской *Allgemeine Zeitung*.

Статья офиціозной прусской газеты *Mainzer-Zeitung*, воспроизведенная послѣ обстоятельныхъ справокъ и единственно для приданія ей всемірной гласности, въ послѣднемъ здѣсь полученномъ нумерѣ органа князя Бисмарка *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, обнаружила вѣрный взглядъ, какимъ стоящая во главѣ германскаго един-

ства партія взираетъ на панславизмъ вообще и на его значеніе внутри Россіи. Она горячо и сильно протестуетъ противъ всѣхъ фальшивыхъ и злостныхъ сближеній славянскаго движенія съ революціей. „Эти панслависты,“ говоритъ авторъ статьи, „никогда не принимали участія ни въ ка„кихъ нелѣпостяхъ нигилистовъ, ни въ „студенческихъ смутахъ, ни въ распростра„неніи роволюціонныхъ изданій или въ со„ціально-демократическихъ возбужденіяхъ. „Панслависты чувствовали себя на высотѣ „символа своихъ политическихъ воззрѣній, „стоящихъ слишкомъ высоко надъ обык„новенными оппозиціонными выходками...“

Между тѣмъ, „въ нерусской европейской печати,“ сказано далѣе въ той же статьѣ, много твердилось нелѣпостей на счетъ этого пугала, его стремленія даже были низведены на одинъ уровень и смѣшаны со стремленіями какой-то не существующей старорусской партіи, со стремленіями нигилистовъ или эмигрантскихъ колоній въ Цюрихѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ, или съ замыслами революціонной литературы Бакуниныхъ, Герценовъ, Огаревыхъ, Блюмеровъ и Лавровыхъ. Чувство братства съ угнетенными соплеменниками составляетъ въ нашемъ народѣ силу которая, по сознанію цитуемой статьи, въ тяжелый часъ борьбы за ихъ освобожденіе можетъ оказать великую пользу этому великому дѣлу. Что именно эту силу и ея пользу для Россіи уже давно имѣли наши враги, это лучше всего доказываютъ тѣ клеветы которыми они стараются возбудить противъ панславизма недовѣріе не только Европы, но и самого Русскаго правительства. Опровергая же эти клеветы и выставляя въ истинномъ свѣтѣ безусловную честность видовъ и стремленій славянскаго движенія въ Россіи, германская офиціозная печать даетъ намъ лучшее доказательство того что она не имѣетъ ничего общаго съ нашими всякой степени и оттѣнка недоброжелателями и врагами.

№ 190.

Москва, 30-го іюля.

А.

Турки вступили въ предѣлы Эриванской губерніи, таковъ смыслъ телеграммъ почти одновременно полученныхъ въ Москвѣ изъ Александрополя чрезъ Петербургъ и изъ Константинополя чрезъ Вѣну. „Ско„пища баши-бузуковъ и Курдовъ под„держанныя шестью баталіонами турецкой „регулярной пѣхоты, спустившись отъ се„ла Зара-Кунджахи,“ оттѣснили передовые пикеты испытаннаго тяжкими боями Эриванскаго отряда и продвинулись „на два часа пути“ въ наши предѣлы. Теперь уже весь корпусъ Измаилъ-паши, состоящій болѣе чѣмъ изъ полутора десятка баталіоновъ, сосредоточивается у Али-Кочака, въ нашихъ предѣлахъ.

Противъ этого скопища дикихъ звѣрей стоятъ только восемь баталіоновъ Эриванскаго отряда, собирающагося у Игдыря, въ 24 верстахъ отъ границы.

На помощь Тергукасову „послана особая колонна изъ *главныхъ* силъ.“ Но наши главныя силы стоятъ у Кюрюкъ-Дара, и колоннѣ этой придется пройти по меньшей мѣрѣ 80 верстъ, на что потребуется не меньше двухъ сутокъ, въ теченіе коихъ Турки могутъ сравнять съ землей всѣ оставшіяся за ними населенныя мѣста, могутъ также точно злодѣйствовать, жечь, грабить, уводить въ неволю жителей Сурмалинскаго уѣзда, какъ это дѣлали они съ христіанскими жителями въ турецкихъ предѣлахъ на всемъ пути отъ Алашкерта до Баязида...

Численное превосходство на сторонѣ Турокъ. Разбитые на голову Эриванскимъ отрядомъ при Баязидѣ, они чрезъ нѣсколько дней были снова готовы идти впередъ, о чемъ такъ предупредительно и постоянно твердили изъ Константинополя. Предупрежденіе казалось пустою угрозой послѣ побѣды одержанной Эриванцами. Но непріятель былъ только разбитъ, растрепанъ вихремъ боя; онъ не былъ разсѣянъ, и уничтоженъ: для этого отрядъ Тергукасова былъ слишкомъ слабъ. Изъ своей побѣды мы не извлекли пользы; при слабости состава Эриванскій отрядъ не могъ преслѣдовать непріятеля и углубляться въ предѣлы Турціи: онъ отошелъ къ нашей границѣ.

Турки вторглись къ намъ конечно не съ цѣлью обороны своихъ владѣній; ихъ цѣль ясная: отбросить отрядъ Тергукасова, и наступая далѣе, угрожать тылу и флангу нашихъ главныхъ силъ расположенныхъ между Кюрюкъ-Дара и Ани, съ тѣмъ чтобы заставить ихъ отойти далѣе

назадъ къ Александрополю. Турки только повторяютъ тотъ маневръ который заставилъ насъ покинуть позиціи на Саганлугѣ и снять блокаду Карса.

Нельзя не отмѣтить перемѣны въ тонѣ извѣстій идущихъ изъ Константинополя о военныхъ дѣйствіяхъ. Въ то время когда наши войска быстро подвигались впередъ, брали Ардаганъ, облагали Карсъ, константинопольскія депеши были преисполнены хвастливой, заносчивой лжи доходившей до комизма. Теперь совершенно обратное: донесенія наступающихъ нашей кратки, сухи, отрывочны. „Перейдя границу, наши войска продвинулись впередъ на два часа пути," вотъ все что сказано въ депешѣ Измаилъ-паши: о дѣлахъ которыя были при этомъ не говорится ни слова.

Тотъ же характеръ имѣютъ и всѣ депеши Османа, армія котораго все еще занимаетъ Плевну, притягивая на себя будто бы 70.000 русскихъ войскъ, которыя, опять-таки только по вѣнскимъ слухамъ, окружили Плевну. Отъ развязки дѣлъ въ этомъ пунктѣ зависитъ дальнѣйшій ходъ кампаніи въ Болгаріи, такъ какъ Сулейманъ-пашѣ вѣроятно не удастся оттѣснить Русскихъ занимающихъ Балканскіе проходы, атака которыхъ какъ говорится „прямо въ лобъ" сопряжена съ великими трудностями: проходы эти весьма сильно укрѣплены, если вѣрить корреспонденту *Times*, который на дняхъ видѣлъ что къ нашимъ войскамъ въ Шибкинскомъ проходѣ прибыли значительные транспорты фуража и провіанта, такъ что войска князя Святополкъ-Мирскаго и Гурко „въ случаѣ надобности могутъ выдержать двухнедѣльную осаду при сохраненіи полныхъ раціоновъ." Этого времени довольно чтобы покончить съ корпусомъ Османъ-паши, если только подтвердится извѣстіе что онъ окруженъ въ Плевнѣ.

Б.

Знаменитый историкъ нашей турецкой войны въ 1828—29 годахъ майоръ нынѣ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Мольтке, приписываетъ главнымъ образомъ вліянію „политическихъ соображеній" ту малочисленность нашей тогдашней арміи, благодаря которой война затянулась на цѣлые два года. Фактъ малочисленности еще несравненно чувствительнѣе въ настоящей кампаніи чѣмъ тогда. Какая въ настоящее время причина этому факту? Не знаемъ.

Но въ настоящее время, особенно въ англійской печати, высказывается мнѣніе, будто самая растянутость нашей операціонной линіи, самая поспѣшность съ какою мы устремились за Балканы, были результатомъ вліянія политическихъ соображеній, будто бы принудившихъ насъ пренебречь нѣкоторыми военными стратегическими предосторожностями. На чемъ основано это мнѣніе, намъ до сихъ поръ неизвѣстно, но оно высказывается уже нѣсколько дней съ такою настойчивостью что по всей вѣроятности въ основаніи его лежатъ какіе-нибудь намъ неизвѣстные факты.

Съ этою же темой выступаетъ и письмо изъ Варшавы въ полученной нами сегодня вѣнской *Политической Корреспонденціи*. И оно тоже утверждаетъ что „повидимому чисто *политическія соображенія* овладали надъ здравыми ученіями осторожности и правилами военнаго искусства." Но варшавскій патріотъ пописывающій въ вѣнскій правительственный листокъ приписываетъ эти политическія соображенія не вліянію внѣшнихъ „друзей" Россіи, коихъ стремленія до сихъ поръ сосредоточивались на томъ чтобы рано или поздно несомнѣнная побѣда ея обошлась ей какъ можно дороже, а вліянію русской „радикальной" партіи, то-есть той партіи которая осмѣливается утверждать что Россія должна думать своимъ умомъ, а не умомъ г. Клячко, и руководиться своими интересами, а не интересами своихъ враговъ. „Управленіе дунайскаго похода," пишетъ цитуемый корреспондентъ, „до нѣкоторой степени напоминаетъ тайное дѣйствіе радикальныхъ русскихъ элементовъ, которые, послѣ того что они сдѣлали все возможное чтобъ ускорить объявленіе войны, оказались нынѣ черезчуръ нетерпѣливыми чтобы при осуществленіи своихъ видовъ и надеждъ принять въ разчетъ послѣдствія своихъ затѣй для государства." Но какіе же въ штабѣ нашей дѣйствующей арміи нашелъ этотъ варшавскій корреспондентъ *русскіе радикальные элементы?* Отчего онъ не указалъ на нихъ?

№ 192.

Москва, 1-го августа.

А.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій, со дня переправы нашихъ войскъ у Систова, 15 іюня, въ заграничной печати появилось весьма обильное количество корреспонденцій и телеграммъ съ театравойны, бо́льшая часть коихъ оказалась совершеннымъ вымысломъ. Нѣкоторые изъ этихъ вымысловъ были весьма невиннаго свойства; другіе,—и притомъ въ большинствѣ,—были разчитаны на подрывъ того вліянія которое производили на публику извѣстія о нашихъ несомнѣнныхъ успѣхахъ. Къ этому же разряду лживыхъ новостей слѣдуетъ отнести и тѣ въ которыхъ, при вѣрномъ изложеніи фактовъ въ общихъ чертахъ, были преувеличенія и искаженія въ подробностяхъ, а самому изложенію придан мрачный колоритъ. Особенно много было такихъ корреспонденцій послѣ неудачи подъ Плевною. Неудача обратилась въ пораженіе, пораженію дана окраска бѣгства.

Добрая доля такихъ корреспонденцій, то цѣликомъ, то въ извлеченіяхъ, попали и въ русскія газеты, и конечно не могли не встревожить русскую публику, особенно въ виду недостатка и краткости нашихъ офиціальныхъ свѣдѣній. Вотъ почему нельзя не порадоваться энергическому опроверженію всѣхъ подобныхъ слуховъ и толковъ. Его Высочество Главнокомандующій съ негодованіемъ говоритъ объ этой „наглой и систематической лжи распространяемой Турками“ и „враждебною намъ частью европейской печати.“ Негодованіе тѣмъ справедливѣе что Его Высочество „немедленно самъ телеграфировалъ о не„удачахъ когда онѣ случались.“ „Разъ „навсегда прошу,“ сказано между прочимъ въ депешѣ, „не обращать вниманія на всю „эту ложь, зная что отсутствіе извѣстій „съ театра войны значитъ только что все „благополучно и новаго ничего нѣтъ.“

Рѣшительный и твердый тонъ этой депеши ясно даетъ понять благонадежность нашего стратегическаго положенія въ Болгаріи. Армія наша сосредоточилась, къ ней подходятъ резервы, главная квартира перешла въ селеніе Горній Студень, находящееся къ югу отъ Систова, почти на пути изъ Плевны въ Бѣлу и почти въ центрѣ нашего расположенія. А между тѣмъ къ западу отъ рѣки Янтры, именно на линіи между Плевной и Бѣлой, сосредоточено свыше ста тысячъ нашихъ войскъ, не считая корпусовъ двинутыхъ къ Рущуку за Янтру.

„Что касается Турокъ, замѣчаетъ *Deutsche Zeitung*, они не могутъ дѣйствовать наступательно, такъ какъ расположеніе Русскихъ очень сильно,“ и сверхъ того „Русскіе сами желаютъ и могутъ возобновить наступательныя дѣйствія“, для чего нужно только чтобы расположеніе и намѣренія Турокъ окончательно выяснились, особенно со стороны Четырехъугольника, гдѣ все еще „тихо,“ въ то время какъ Османъ-паша растягиваетъ свои войска впереди Плевны, очевидно опасаясь за свои фланги и со стороны Ловчи, и со стороны Никополя. Фронтъ войскъ Османъ-паши занимаетъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, около 40 верстъ. Особенно заботитъ турецкаго генерала его правый флангъ, обходъ котораго угрожаетъ ему наибольшею опасностью. Такое расположеніе Видинской арміи указываетъ что Османъ-паша рѣшился оставаться въ оборонительномъ положеніи, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ предпочелъ бы болѣе сосредоточенное расположеніе войскъ, сила которыхъ, по всѣму вѣроятію, не достигаетъ той слишкомъ уже крупной цифры на которую указывали первоначально.

Всматриваясь въ расположеніе обѣихъ сторонъ на театрѣ войны и соображая историческій ходъ событій не особенно трудно замѣтить что Русская армія переправясь за Дунай и занявъ Балканы застала Турокъ, какъ говорится, еще „не выстроившимися.“ Русскія силы стали между разбросанными турецкими массами и съ перваго удара прорвали ихъ расположеніе. Только когда русскія войска заняли Тырново и вошли въ Балканы, Турки замѣтили свою ошибку и употребили усилія исправить ее. Такими усиліями и были появленіе Османъ-паши у Плевны и затѣмъ стремленіе Сулейманъ-паши возвратить потерянные Балканскіе проходы. До тѣхъ поръ пока Туркамъ не удастся выстроиться, не наше положеніе, какъ говорила враждебная намъ печать, а положеніе турецкихъ войскъ можетъ быть названо критическимъ въ стратегическомъ отношеніи.

Именно желаніе скрыть такое положеніе вещей заставило Турокъ распускать слухи о намѣренномъ будто бы первоначально разбрасываніи турецкихъ силъ съ цѣлью „заманить“ наши войска впередъ... Телеграмма Главнокомандующаго служитъ поясненіемъ какъ мало эти попытки распускать ложные слухи со стратегическою цѣлью принесли пользы Туркамъ.

Б.

Свиданіе 8 августа, въ Ишлѣ, императоровъ Германскаго и Австро-Венгерскаго привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе всей европейской печати. Само собою разумѣется, какъ всегда, каждая газета выводитъ изъ этого факта то заключеніе которое болѣе соотвѣтствуетъ ея видамъ и ея политической программѣ. Всѣхъ болѣе заинтересованы австро-венгерскія газеты; но у нихъ оказывается куріозное разнорѣчіе, даже въ средѣ такъ-называемыхъ „официозныхъ“ газетъ. Такъ *Fremdenblatt*, напримѣръ, утверждаетъ что при этомъ свиданіи не останется неразъясненнымъ ни одинъ изъ вопросовъ требующихъ единомыслія между обоими правительствами, а другая также весьма официозная газета *Presse*, убѣждена напротивъ что все ограничится взаимными выраженіями дружбы, не касаясь никакого вопроса современной политики, и въ доказательство ссылается на то обстоятельство что ни одинъ изъ обоихъ монарховъ не счелъ нужнымъ взять съ собою своего министра иностранныхъ дѣлъ. Гораздо опредѣлительнѣе, однако, высказываются объ Ишльскомъ свиданіи *Пештскій Лойдъ* и *Neue Freie Presse*, выражая надежду что графъ Андраши не упуститъ этого случая чтобы настоять на необходимости для правительства Австро-Венгріи уступить требованіямъ большинства (?) населеній имперіи, — то-есть, въ сущности, однихъ Мадьяръ, да можетъ-быть еще Галицкихъ Поляковъ, — въ смыслѣ прямаго или косвеннаго вмѣшательства Вѣнскаго кабинета въ пользу Турціи. Но каковы бы ни были надежды этихъ передовыхъ баши-бузуковъ печати Габсбургской имперіи, по мнѣнію *Neues Wiener Tagblatt*, имъ суждено было встрѣтить въ Ишлѣ глубокое разочарованіе, такъ какъ императоръ Вильгельмъ явился де на это свиданіе въ качествѣ не только императора Германскаго, но и блюстителя интересовъ „отсутствующаго третьяго“ члена союза Трехъ Императоровъ. Впрочемъ гдѣ нѣтъ нападенія, тамъ нѣтъ повода и къ защитѣ. Тонъ газеты *Fremdenblatt*, заключающей статью свою безусловнымъ удостовѣреніемъ въ неизмѣнности дружбы австро-венгерскаго правительства къ Россіи, а особенно клерикальной *Vaterland*, извѣстной также своими сношеніями съ вѣнскими высшими придворными сферами и припоминающей при этомъ случаѣ услуги оказанныя Россіей Габсбургскому дому въ 1849 году, а также и то знаменательное обстоятельство что изо всѣхъ державъ Европейскаго материка одна Россія никогда не была въ войнѣ съ Австріей, — какъ бы служатъ указаніемъ на то что и самъ императоръ Францъ-Іосифъ, вопреки выходкамъ Мадьяръ, отнюдь не былъ расположенъ подавать своему царственному собесѣднику въ Ишлѣ какой бы то ни было поводъ выступать на защиту интересовъ Россіи...

№ 193.

Москва, 2-го августа.

А.

Тяжело отзывается нейтралитетъ Сербскаго княжества всѣмъ пограничнымъ съ нимъ христіанскимъ населеніямъ. Извѣстно какимъ страшнымъ поголовнымъ избіеніямъ подверглись боснійскіе христіане отъ магометанскихъ милицій (мустегафизъ), которымъ поручена была въ сѣверной Босніи внутренняя безопасность края по выступленіи оттуда регулярныхъ турецкихъ войскъ, переведенныхъ въ Болгарію. Какъ сообщаетъ намъ вѣнскій корреспондентъ жители Старой Сербіи, опасаясь той же участи, при первомъ передвиженіи въ Болгарію турецкихъ регулярныхъ войскъ, не разъ обращались съ просьбой о помощи къ Сербскому княжеству, но мольбы ихъ были отвергнуты въ силу обязательствъ принятыхъ Сербіей относительно Россіи и Австріи. Между тѣмъ именно на основаніи этихъ самыхъ обязательствъ, Оттоманская Порта поспѣшно выводила изъ Старой Сербіи всѣ свои регулярныя силы, дабы сосредоточить ихъ противъ праваго фланга нашей наступавшей къ Балканамъ и за Балканы операціонной линіи; внутренняя же безопасность края, въ Старой Сербіи

какъ и въ Турецкой Хорватіи (Сѣверной Босніи), оставлялась на отвѣтственности милицій и заптіевъ (жандармовъ), формируемыхъ изъ извѣстныхъ своею жестокостью и ненавистью къ христіанамъ мѣстныхъ славянскихъ вѣроотступниковъ. Весьма ясно предвидѣнныя мѣстными христіанскими населеніями естественныя послѣдствія этого событія нынѣ вполнѣ оправдались, какъ видно изъ слѣдующаго письма изъ Призрена въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію:* „На дняхъ Старая Сербія," сказано въ этомъ письмѣ,—

„почти совершенно оставлена турецкими регулярными войсками. Гарнизоны состоятъ нынѣ изъ *мустегафизовъ*, какъ-нибудь созванныхъ со всевозможною поспѣшностью. Занимавшій Сѣнницу послѣдній незначительный отрядъ редифовъ поспѣшно направленъ въ Болгарію чрезъ Митровицу. Туда же отправлено и 300 лошадей съ боевыми припасами. При всемъ томъ, въ Старой Сербіи, нечего опасаться за *внѣшнюю* безопасность края, такъ какъ до сихъ поръ собрано у Явора не болѣе двухъ сербскихъ баталіоновъ. Но за то, высылкою всѣхъ регулярныхъ войскъ на болгарскій театръ войны нанесенъ жестокій ударъ *внутренней* безопасности Старой Сербіи. Составленныя изъ мустегафизовъ подвижныя колонны, коимъ поручено было строгое наблюденіе за мѣстными христіанскими Сербами, *совершаютъ повсюду неслыханныя звѣрства.* Изъ селеній Гуштерица, Добротина, Сушица, Баблянъ, Родовичи, Бадончи, Грачаница, Витица, Конюшъ и Пралова сообщаютъ о звѣрствахъ внушившихъ невыразимый ужасъ всѣмъ христіанамъ. Даже въ Пристинѣ, гдѣ все же находятся высшія турецкія власти, умерщвленъ на базарѣ богатый христіанскій купецъ. На всѣ вопросы христіанскихъ жителей: почему заптіи (жандармы) спокойно взираютъ на подобныя неистовства и оставляютъ ихъ безнаказанными?— заптіи возражали слѣдующимъ стереотипнымъ отвѣтомъ: „Вѣдь бо́льшая часть Сербовъ все-таки *комитаціи* (заговорщики) и государственные измѣнники, а потому и заслуживаютъ порядочной острастки"...

Само собою разумѣется что отъ турецкихъ жандармовъ, какъ уже документально доказано бывшихъ зачинщиками избіенія Грековъ въ Каварнѣ, инаго отвѣта нельзя было и ожидать; особенно если принять въ соображеніе что именно въ Старой Сербіи и Босніи, — за безусловнымъ отсутствіемъ въ нихъ собственно османскаго населенія,—жандармы состоятъ *единственно* изъ злѣйшихъ фанатиковъ, преимущественно изъ славянскихъ вѣроотступниковъ.

Но возвращаемся къ выдержкѣ. „Понятно," сказано въ приводимомъ нами письмѣ,— „что христіане, не имѣя иного средства обезпечить свою жизнь и свое имущество, рѣшились достигнуть этой цѣли собственными вооруженными шайками. До сихъ поръ образованы съ этою цѣлью четыре *четы* со слѣдующимъ уставомъ: Каждое угрожаемое мѣсто будетъ занято особымъ отдѣленіемъ добровольцевъ. Эти добровольцы не должны дѣлать зла никому, даже Туркамъ. Но всякій подверженный опасности жизни христіанинъ доспѣетъ быть выученъ вооруженною силой. Въ случаѣ покушенія на жизнь и имущество христіанъ, мустегафизы (турецкія милиціи) должны быть атакованы и отбиты вооруженною силой. О каждомъ фактѣ самообороны должны быть немедленно увѣдомлены какъ мѣстныя власти, такъ и европейскіе консулы, въ Призренѣ..."

Въ сущности, все это есть не иное что̀ какъ стереотипная исторія всѣхъ христіанскихъ возстаній въ Европейской Турціи. Дѣйствительно, безсиліе, а по большей части и умышленное бездѣйствіе, весьма часто даже злодѣйское сообщничество власти въ насиліяхъ и убійствахъ производимыхъ магометанскими населеніями вынуждаютъ христіанъ къ самооборонѣ, которая мало-по-малу превращается въ явное возстаніе: такова исторія всѣхъ христіанскихъ возстаній, такая исторія начинается нынѣ и въ Старой Сербіи, въ виду страшныхъ избіеній тамошнихъ христіанъ, которымъ подали поводъ вовремя сообщенныя Туркамъ обязательства строгаго нейтралитета принятыя Сербіей.

И всѣ эти послѣдствія сербскаго нейтралитета какъ избіеніе Сербскихъ христіанъ такъ и сосредоточеніе на сербской границѣ Турецкихъ войскъ чтобъ угрожать правому флангу нашей операціонной линіи, были *буквально* предсказаны, мѣсяца полтора назадъ, нашимъ вѣнскимъ спеціальнымъ корреспондентомъ...

Б.

Телеграммой *отъ 28 іюля*, изъ Александрополя, начальникъ штаба Кавказ-

скаго военнаго округа сообщилъ что часть непріятельской арміи вторглась въ русскую территорію, именно въ Эриванскую губернію, и оттѣснивъ нашъ пограничный пикетъ и подоспѣвшій на помощь ему Уманскій полкъ, сосредоточивается къ Али-Кургану, тогда какъ армія генерала Тергукасова выжидаетъ у Игдыря высланныхъ ей изъ главной арміи подкрѣпленій.

Только сегодня вечеромъ, *2 августа* узнаемъ мы наконецъ что благодаря генералу Тергукасову русская территорія очищена отъ непріятельскаго занятія, и турецкая армія Измаилъ паши отброшена назадъ за границу.

Но откуда идетъ къ намъ это утѣшительное извѣстіе? Изъ Эрзерума, откуда прибыло оно въ Лондонъ, потомъ въ Берлинъ, и оттуда передано агентствомъ Вольфа. Отъ нашей главной квартиры за Кавказомъ, мы получили лишь прискорбное извѣстіе о вторженіи турецкихъ полчищъ въ Эриванскую губернію. Отрадное же извѣстіе объ очищеніи русской территоріи мы получаемъ чрезъ Константинополь, изъ источника неблагонадежнаго.

Сегодня же извѣщаетъ насъ телеграмма изъ главной квартиры за Дунаемъ объ отправленіи курьера съ реляціями о сраженіяхъ при Никополѣ и при Плевнѣ. Но всѣ русскія газеты давно уже напечатали подробныя реляціи, сообщенныя о нихъ по телеграфу въ лондонскія и берлинскія газеты.

Русскій народъ со свойственнымъ ему патріотическимъ участіемъ слѣдитъ за ходомъ военныхъ дѣйствій. За неполученіемъ официальныхъ свѣдѣній, волею неволей приходится пробавляться свѣдѣніями иностранныхъ газетъ.

№ 194.

Москва, 3-го августа.

А.

У всѣхъ еще въ памяти то мѣсто въ корреспонденціи *Daily News*, гдѣ описывалось какъ въ ночь послѣ битвы подъ Плевной турецкіе шакалы разсыпались по полю битвы и умерщвляли раненыхъ которые не могли или не успѣли оттуда удалиться. Сегодня мы приводимъ новый, еще болѣе ужасающій разказъ о злодѣяніяхъ совершенныхъ Турками при отступленіи изъ Шипкинскаго прохода. Нѣсколько десятковъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ, — раненыхъ вслѣдствіе предательскаго нарушенія Турками общепринятыхъ правилъ войны, — попали имъ въ руки, и на другой день, когда Турки совершивъ новый актъ предательства, ушли со своей позиціи неизвѣстно куда, всѣ эти раненые оказались умерщвленными, обезглавленными, звѣрски изуродованными, при жизни растерзанными на части. Да, живыми! Въ этомъ, по свидѣтельству англійскаго корреспондента и другихъ очевидцевъ изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ и представителей печати, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Эти злодѣянія совершены, согласно тому же свидѣтельству, безо всякой пѣли, единственно по звѣрской злобѣ на которую могутъ быть способны лишь „обезьяны или идіоты.“ Тутъ были только „регулярныя войска его величества султана“ „хорошо откормленныя и отлично одѣтыя на болгарскія сбереженія и на англійскія деньги.“

Всѣ великія идеи и всякая святая борьба всегда имѣли своихъ мучениковъ. И наши страдальцы, погибшіе не въ бою съ открытымъ врагомъ, но умерщвленные въ ужасныхъ мученіяхъ предательскою рукой злодѣевъ, не даромъ стяжали свой мученическій вѣнецъ, который выше всякой военной славы. Весь цивилизованный и христіанскій міръ съ содроганіемъ услышитъ объ этихъ ужасахъ коимъ нѣтъ примѣра въ исторіи европейскихъ войнъ за многіе вѣка.

Но прежняя преступная игра продолжается: попрежнему значительная часть европейской печати не только закрываетъ глаза на турецкій способъ веденія войны, но всячески старается оклеветать русское воинство. До сихъ поръ по городамъ и селамъ мадьярской земли разъѣзжаетъ авантюристъ Клапка собирая митинги противъ „русскихъ жестокостей.“ И правительство ея Британскаго величества продолжаетъ обнародывать „документы“ заключающіе въ себѣ гнусныя инсинуаціи противъ Россіи, и все приводитъ къ тому заключенію что эта цѣпь лжи и клеветъ не есть что-либо случайное, охотно подхваченное недружелюбною рукой, и хладнокровно-обдуманный планъ и систематически приведенный въ исполненіе. Мы уже имѣли случай высказать по поводу *Синей Книги* о „русскихъ жестокостяхъ“ предъявленной

англійскому парламенту во второй половинѣ іюля, изъ которой обнаружилось что Британскій кабинетъ взялъ на себя смѣлость облечь свои клеветы въ форму дипломатическаго документа и поставить С.-Петербургскому кабинету на видъ злостныя измышленія Турокъ переданныя британскими агентами. Спустя недѣли двѣ, именно 1 августа, лордъ Дарби представилъ парламенту новый сборникъ изъ 15 документовъ по тому же предмету. Въ это время газетная гласность уже успѣла сдѣлать свое дѣло; истина, хотя далеко не вполнѣ, успѣла уже обнаружиться благодаря появившемся то тамъ, то здѣсь показаніямъ очевидцевъ. Вотъ почему второй сборникъ англійскихъ документовъ уже заключаетъ въ себѣ два-три указанія какъ бы подрывающія достовѣрность донесеній англійскихъ агентовъ; въ самыхъ этихъ донесеніяхъ встрѣчаются фразы въ родѣ того что составитель онаго самъ не вполнѣ довѣряетъ разсказамъ Турокъ и увѣренъ въ ихъ преувеличенности. Тѣмъ не менѣе и этотъ дополнительный сборникъ документовъ имѣетъ характеръ обличенія направленнаго противъ Россіи.

Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Услужливый телеграфъ за послѣдніе полтора мѣсяца, то-есть со времени перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, то и дѣло передавалъ содержаніе офиціальныхъ сообщеній Турецкаго правительства своимъ представителямъ при европейскихъ дворахъ о русскихъ жестокостяхъ; перечислялись мѣстности разоренныя нашествіемъ Русскихъ и указывались цифры избіенныхъ Русскими мусульманъ, цифры иногда доходившія до нѣсколькимъ тысячъ. Затѣмъ стали появляться и сообщенія газетныхъ корреспондентовъ изъ турецкаго лагеря какъ бы подтверждавшія турецкія офиціальныя донесенія. „Безпристрастные“ изъ органовъ европейской печати наиболѣе смущены были этими газетными сообщеніями и выражали желаніе чтобы Россія по этому поводу объяснилась. Нашлась даже одна петербургская газета которая стала настойчиво доказывать что слѣдовало бы учредить наблюдательную коммиссію изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ на театрѣ войны, дабы эта коммиссія засвидѣтельствовала невиновность Россіи!!

Но и эта мистификація была не продолжительна. Гласность взяла свое, и гнусная махинація не замедлила обнаружиться. Въ *Times* стали появляться краткія телеграфныя сообщенія константинопольскаго корреспондента этой газеты о томъ что въ Турціи *систематически* фабрикуются извѣстія о русскихъ жестокостяхъ. Затѣмъ, въ той же газетѣ, появилось письмо корреспондента изъ Шумлы, изъ котораго видно къ какимъ средствамъ рѣшаются прибѣгать въ турецкомъ лагерѣ для подкрѣпленія своихъ измышленій, коимъ никто не вѣритъ, *безпристрастнымъ* свидѣтельствомъ иностранцевъ. Корреспондентъ лондонской газеты приводитъ, вопервыхъ, тѣ правила коимъ подчинены иностранные корреспонденты въ турецкомъ лагерѣ. Въ Шумлѣ имѣется особое „бюро“ для наблюденія за корреспондентами; телеграммы могутъ быть отправляемы не иначе какъ съ разрѣшенія этого бюро; а со всякой корреспонденціи (которая обязательно посылается чрезъ турецкую только почту) должна быть представлена въ бюро точная копія, и если въ корреспонденціи заключаются сообщенія неблагопріятныя для Турокъ, то корреспондентъ не только немедленно изгоняется, но можетъ быть преданъ военному суду. Не довольствуясь и этимъ, бюро Тавфикъ-бея, на котораго возложено наблюденіе за корреспондентами, попросту отправляетъ *подложныя* телеграммы отъ имени корреспондентовъ. Одна такая телеграмма, въ которой повѣствуется все о тѣхъ же русскихъ жестокостяхъ, была составлена и подписана отъ имени корреспондента *Times* въ то время какъ послѣдній отлучился на нѣсколько дней изъ Шумлы. Случайно эта телеграмма, уже запечатанная въ пакетъ для отправленія на телеграфъ, попала въ руки возвратившагося между тѣмъ корреспондента, и онъ приложилъ ее къ своей корреспонденціи отправленной изъ Константинополя, куда корреспондентъ удалился, убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго пребыванія въ турецкомъ лагерѣ. Въ этой же корреспонденціи снова подтверждается что Турки распространяютъ клеветы противъ Россіи по заранѣе обдуманному плану, и что на Кавказѣ турецкія власти пытками принуждаютъ Армянъ показывать что Русскіе подвергали ихъ разнымъ жестокостямъ.

Таковы факты. Теперь спрашивается, по собственной ли иниціативѣ лжетъ и клевещетъ Турецкое правительство, или же оно это дѣлаетъ по чьему-либо наущенію?

Прямую пользу для Турціи тутъ трудно усмотрѣть. Кто могъ бы серіозно повѣрить турецкимъ извѣстіямъ о русскихъ жестокостяхъ? Но для кабинета Дарби-Беконсфильда нужно, во что бы то ни стало, изгладить въ собственной странѣ негодованіе противъ прошлогодней рѣзни въ Болгаріи и снять съ себя обвиненіе въ преступномъ сообщничествѣ съ Турками,— прямой разчетъ обвинять Россію въ дѣяніяхъ равносильныхъ турецкимъ, дабы тѣмъ доказать что она лицемѣрно заступается за христіанъ, прикрывая свои корыстные виды. Вотъ почему Британскій кабинетъ поторопился обнародовать свои *Синія Книги* основанныя на турецкихъ донесеніяхъ *ad hoc* сфабрикованныхъ.

Но судъ исторіи надъ этою презрѣнною махинаціей наступилъ скорѣе чѣмъ можно было ожидать.

Б.

„Атака Плевны," прочли мы на дняхъ въ *Политической Корреспонденціи*, „ма„ло измѣнила положеніе воюющихъ сто„ронъ. Русскіе попрежнему занимаютъ „пространство отъ Никополя и Пиргоса „до Балканскихъ проходовъ между Шип„кой и Демиръ-Капу; они попрежнему дер„жатъ турецкую армію раздѣленную на „три части" и слѣдовательно могутъ разбить ее по частямъ. Отсюда прямо слѣдуетъ тотъ выводъ который мы сдѣлали третьяго дня что не русская, а турецкая армія находится теперь въ критическомъ положеніи. Туркамъ не удалось „выстроить ся" ранѣе сосредоточенія русскихъ силъ и укомплектованія войскъ бившихся подъ Плевной 8 и 18 іюля, которое теперь уже почти окончено. Сулейманъ-паша остался за Балканами, не рѣшаясь послѣ данной ему генераломъ Гурко острастки двинуться рѣшительно впередъ и атаковать Балканскіе проходы. Эйюбъ-паша и Мегмедъ-Али остаются неподвижными, армія Османъ-паши занимающая Плевну и Ловчу со дня на день ослабѣваетъ отъ болѣзней. Потери понесенныя ею въ дѣлахъ 8 и 18 іюля были весьма велики и до сихъ поръ остаются не пополненными, и замѣстить убыль въ турецкихъ рядахъ нечѣмъ. „Турки," какъ замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція*, „вооружили нынѣ все поч„ти до послѣдняго человѣка и при самыхъ „большихъ усиліяхъ не въ состояніи воз„мѣстить своихъ потерь." Напротивъ Русскіе въ ихъ совершенно нетронутыхъ еще резервахъ „имѣютъ средство поддерживать „*до безконечности* свои войска въ полномъ составѣ." Каждый день турецкая армія ослабѣваетъ, каждый день усиливается русская. Исходъ этого движенія въ противуположномъ направленіи предвидѣть не трудно. И Турки ждутъ катастрофы, торопясь собрать еще нѣсколько рекрутъ въ своихъ азіятскихъ провинціяхъ. Но когда придутъ на театръ войны эти подкрѣпленія Турокъ, ихъ окажется опять недостаточно чтобы дать перевѣсъ турецкой силѣ.

Плевненское дѣло стоило намъ тяжелыхъ потерь, но оно было пробою нашихъ молодыхъ войскъ и пробой блистательною. Германская армія гордится дѣломъ при Марсъ-ла-Турѣ, но оно было не кровопролитнѣе Плевненскаго; при томъ Нѣмцы дрались въ открытомъ полѣ, къ нимъ постоянно подходили подкрѣпленія. Наши войска были въ другомъ положеніи: они брали одну за другою укрѣпленныя позиціи у превосходнаго въ силахъ непріятеля и затѣмъ покойно отошли назадъ когда обнаружилось что главная цѣль боя—овладѣніе Плевной—не можетъ быть достигнута при данныхъ силахъ. Подъ Марсъ-ла-Туромъ въ рядахъ германскихъ войскъ стояло до 40% людей окуренныхъ порохомъ въ войну 1866 года, ими командовали генералы успѣвшіе пріобрѣсти опытность въ высшемъ командованіи. У насъ все было молодо. Самыя ошибки, скрывать которыхъ нѣтъ надобности, свидѣтельствовали лишь о высокихъ боевыхъ качествахъ войскъ неудержимо рвавшихся впередъ ранѣе прочной подготовки успѣха огнемъ. „Русскіе слишкомъ рано бросались въ штыки," замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція*. Способность войскъ бросаться въ штыки подъ убійственнымъ огнемъ современнаго вооруженія и довести, какъ говорится, атаку „до конца," „окрасивъ штыки непріятельскою кровью," свидѣтельствуетъ о высокомъ нравственномъ достоинствѣ войскъ, что служитъ первымъ залогомъ успѣха въ бою.

Таковы условія въ которыхъ находится наша армія въ Болгаріи, теперь уже численно превосходящая турецкую, какъ это замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція*, исчисляя наши силы во 150 и турецкія во 135 тысячъ комбатантовъ, дѣйствующихъ въ полѣ.

На азіятскомъ театрѣ войны дѣло точно также принимаетъ иной оборотъ. Эриванскій отрядъ, прогнавъ Турокъ изъ русскихъ предѣловъ, прошелъ опять далеко въ турецкія владѣнія, и разъѣзды его достигли Алашкертской равнины.

Армія Мухтаръ-паши расположенная на высотахъ Аладжи съ каждымъ днемъ слабѣетъ отъ развившейся въ ней сильной диссентеріи, по слухамъ побудившей вывести въ поле даже гарнизонъ Карса. Напротивъ, и здѣсь къ нашимъ войскамъ подошли подкрѣпленія, и мы ожидаемъ „новостей“ со стороны главныхъ силъ дѣйствующаго Кавказскаго корпуса, готоваго уже открыть наступательныя дѣйствія.

№ 195.

Москва, 4-го августа.

Между корреспондентами газетъ и иностранными офицерами состоящими при штабахъ дѣйствующей арміи составились два противные взгляда на положеніе созданное боями подъ Плевной. Одни держатся того мнѣнія что появленіе Османъ-паши у Плевны и повторенная атака этого пункта не измѣнили ничего; другіе, обратно, полагаютъ что эти обстоятельства обусловливаютъ полную перемѣну плана кампаніи.

Столь рѣзкая противоположность во взглядахъ возможна только при незнакомствѣ препирающихся сторонъ съ дѣйствительнымъ планомъ войны и при различной оцѣнкѣ силъ нашего противника и обстоятельствъ въ коихъ онъ находится. Факты самой кампаніи въ ихъ послѣдовательной связи могутъ лучше всего послужить критеріемъ при возбужденномъ вопросѣ.

Мы уже имѣли случай на дняхъ замѣтить что приступая къ военнымъ дѣйствіямъ русская армія заставала турецкія силы неготовыми къ отпору, не выстроившимися. Благодаря этому обстоятельству, вѣрно понятому нашимъ Главнокомандующимъ, переправа чрезъ Дунай совершилась вполнѣ успѣшно, и съ ничтожными потерями. Послѣ переправы надлежало воспользоваться какъ можно быстрѣе ошибками непріятеля, разобщивъ окончательно его разбросанныя силы и вырвавъ у него, пока возможно безъ потерь, главнѣйшую его оборонительную линію — Балканы. Турки понимали стратегическое значеніе Балканъ. Еще Омеръ-паша, въ прошлую войну, негодуя на высадку Англо-Французовъ и ихъ экспедицію въ Добруджу, говорилъ что естественная оборонительная линія Турціи противъ Русскихъ суть Балканы. Въ настоящую войну Турки укрѣпляли Балканы и стягивали туда войска. Промедленіе могло стоить страшныхъ потоковъ крови, какъ этого ожидали всѣ полагавшіе вмѣстѣ съ Турками что Русская армія не рѣшится такъ быстро ринуться къ Балканамъ. Въ Вѣнѣ и Пештѣ уже потирали руки отъ удовольствія при мысли какъ трудно будетъ русскимъ войскамъ пробивать себѣ путь черезъ Балканы, когда путь черезъ Сербію запертъ для нихъ.

Въ виду этого, Главнокомандующій рѣшился занять Балканскіе перевалы и спуститься въ долину Тунджи, не ожидая полнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ на правомъ берегу Дуная. Планъ наступленія былъ очень осторожный. Для успѣха предпріятія требовалось прикрыть тылъ и фланги арміи. Съ этою цѣлью, прежде всего надлежало парализовать турецкія силы собранныя въ Четырехъугольникѣ, для чего туда былъ двинутъ съ востока корпусъ генерала Циммермана, заблаговременно переправленный въ Добруджу; съ запада къ Рущуку и Разграду, и отчасти для наблюденія за Варной, были направлены за Янтру корпуса 12-й и 13-й, кои къ 8-му іюля заняли теченіе рѣки Кара-Ломъ. Для отпора войскамъ Виддинскаго корпуса Османъ-паши былъ высланъ къ Никополю 9-й корпусъ генерала Криденера, которому и приказано „буде возможно“ взять Никополь, а затѣмъ Плевну, узелъ важнѣйшихъ дорогъ въ Болгаріи, и вмѣстѣ съ нею овладѣть всѣмъ теченіемъ рѣки Вида. Съ этою же цѣлью, 5-го іюля, была занята и Ловча отрядомъ высланнымъ отъ войскъ занявшихъ Тырново.

Всѣ эти мѣры были вполнѣ достаточны для обезпеченія предпріятія къ Балканамъ, тѣмъ болѣе что на правомъ берегу ожидалось прибытіе 11-го и 4-го корпусовъ, а Османъ-паша былъ развлеченъ съ фронта Румынскою арміей, образовавшею крайній правый флангъ расположенія нашихъ войскъ на базисѣ. Приказъ данъ, и линія Янтры занята, Криденеръ окружилъ Никополь, 8-й корпусъ занялъ Тырново, и наши передовыя войска перешли за Балканы. Между тѣмъ Турки въ свою очередь принимали мѣры противъ наступленія Рус-

скихъ за Балканы, и Османъ-паша, вѣрно разчитывая что со стороны Румынъ еще долго нельзя ожидать серіозныхъ предпріятій и совершенно успокоенный за Сербію, рѣшился скрытно стянуть свой корпусъ и броситься на выручку Никополя и къ Плевнѣ. Къ Никополю онъ не поспѣлъ. 4-го іюля гарнизонъ Никополя сдался безусловно, и только послѣ этого можно было думать о занятіи Плевны, куда 5-го іюля и были направлены три полка 5-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріей. Гарнизонъ Плевны былъ слабъ, и занятіе города не представляло само по себѣ никакихъ трудностей; но туда форсированными маршами спѣшилъ Османъ-паша, о приближеніи котораго ничего не было извѣстно въ штабѣ 9-го корпуса. Случилось такъ что русскія войска наткнулись у Плевны на главныя силы Османъ-паши и должны были отступить, и Османъ утвердился на пунктѣ имѣющемъ неоспоримо важное стратегическое значеніе.

Являлось необходимымъ взять этотъ пунктъ, и съ этою цѣлью туда былъ направленъ 9-й корпусъ, въ помощь которому направлены и части 11-го и 4-го корпусовъ подъ начальствомъ генерала князя Шаховскаго. Послѣдовала новая атака Плевны, неудача которой, раскрывъ высокія достоинства нашихъ войскъ, показала однако что силы двинутыя сюда были недостаточны, вслѣдствіе чего пришлось временно пріостановить дѣйствіе войскъ перешедшихъ за Балканы, и слѣдовательно поставить ихъ въ оборонительное положеніе на хорошихъ позиціяхъ. Такими позиціями представляются Балканскіе проходы, куда и отошли наши войска по приказу Главнокомандующаго.

Пріостановка движенія впередъ была сдѣлана исключительно въ видахъ частной цѣли войны: взятія Плевны и уничтоженія корпуса Османъ-паши. Достигнувъ этой цѣли тѣми или другими средствами, наши войска опять могутъ продолжать свое движеніе за Балканами. Выбивать ли Османъ-пашу изъ Плевны атакуя ее въ третій разъ тѣми войсками кои имѣются уже подъ рукою, или же выждать прибытія свѣжихъ войскъ въ значительныхъ силахъ двинутыхъ на театръ войны? Первый способъ сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ, второй вполнѣ надеженъ, вслѣдствіе чего ему, повидимому, и отдано предпочтеніе. Таково истинное положеніе дѣла. Иначе понимать его могутъ только тѣ кто думаютъ что корпусъ Османъ-паши дѣйствительно такъ силенъ какъ первоначально утверждала *Политическая Корреспонденція*, то-есть состоитъ изъ 80.000; а между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ что подъ командою Османъ-паши теперь имѣется не болѣе 40—50 тысячъ войска. Такая сила не можетъ заставить измѣнить планъ кампаніи при арміи какова собранная въ настоящее время за Дунаемъ вмѣстѣ съ подходящими къ ней резервами. Въ общемъ ходѣ войны маневръ Османъ-паши и атака Плевны могутъ стать такою же интермедіей какою было движеніе Макъ-Магона къ сѣверу, вызвавшее временную перемѣну операціонной линіи всей германской арміи и кончившееся Седаномъ. Нельзя было обвинять нашу команду въ томъ что Османъ-паша явился подъ Плевной неожиданно и прошелъ туда незамѣченнымъ. Въ военномъ дѣлѣ такіе сюрпризы не рѣдкость. Движеніе Макъ-Магона также не было первоначально замѣчено Прусаками. Въ день сраженія при Гравелотѣ, утромъ, отдавая приказъ начать наступленіе, съ юга на сѣверъ, Прусская главная квартира еще не знала гдѣ непріятель, спокойно между тѣмъ стоявшій на правомъ флангѣ предположеннаго Прусаками наступленія, вслѣдствіе чего имъ пришлось мѣнять фронтъ и иначе повести наступленіе.

Тѣ кто думаютъ что появленіе корпуса Османъ-паши у Плевны, какъ обходъ нашего фланга, можетъ вынудить перемѣну плана всей кампаніи забываютъ что въ результатѣ успѣхъ каждаго военнаго предпріятія зависитъ отъ силы и качества войскъ; что обходящій въ то же время самъ обойденъ и можетъ быть истребленъ; что съ хорошими войсками можно рѣшаться на битвы становясь къ своему операціонному базису не только флангомъ, но и лицомъ и обращаясь тыломъ къ непріятельской столицѣ, въ каковомъ положеніи дрались Прусаки подъ Гравелоттой.

Наши войска доказали что они стоятъ на высотѣ своего призванія. Они бились геройски и поразили удивленіемъ очевидцевъ сраженія; даже Османъ-паша свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей реляціи; иностранные военные агенты находятъ энергію нашихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ „безпримѣрною.“ Ошибка была, но такая которая дѣлаетъ честь войскамъ: они слишкомъ рвались впередъ.... Остановить из-

лишній порывъ — еще не означаетъ необходимости мѣнять тактику, какъ это думаютъ нѣкоторые, обвиняя нашу команду въ томъ будто она еще держится началъ старой тактики сомкнутыхъ колоннъ. Наши уставы, наша тактика соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ: стрѣлковымъ цѣпямъ дано въ ней самое широкое значеніе, и наши войска въ эту войну не разъ уже показали что они вполнѣ владѣютъ искусствомъ дѣйствовать въ разсыпномъ строю: такъ дѣйствовали они между прочимъ на Систовской переправѣ, такъ дѣйствовали они въ дѣлахъ въ Анатоліи, поражая своею ловкостью корреспондентовъ враждебныхъ намъ англійскихъ газетъ, какъ напримѣръ *Daily Telegraph*.

Этого кажется довольно чтобъ оцѣнить по достоинству всѣ сказки объ отчаянномъ положеніи нашей арміи и о неумѣніи нашихъ войскъ дѣйствовать сообразно съ требованіями новѣйшей тактики. Это та болтовня противъ которой такъ энергически высказался Августѣйшій Главнокомандующій.

№ 196.

Москва 5-го августа.

А.

Англійскій парламентъ закрытъ 2 (14) августа, и тронная рѣчь переданная намъ по телеграфу заключаетъ въ себѣ относительно внѣшней политики почти буквальное повтореніе того что было высказано въ прошедшій четвергъ лордомъ Биконсфильдомъ въ палатѣ лордовъ. „Относительно нашей политики скажу лишь что „она была ясно установлена и настойчиво поддерживалась. Не вдаваясь въ ненужныя пререканія, я лишь напомню вамъ, „милорды, что когда началась эта жестокая и истребительная война, правительство ея величества объявило что оно будетъ соблюдать строгій, но условный „нейтралитетъ. (*Слушайте*). Условіе заключалось въ томъ чтобъ интересы нашей страны не подверглись опасности. Вы „припомните, милорды, что вслѣдъ за этимъ „объявленіемъ было сдѣлано сообщеніе „Русскому правительству, которое дало „отвѣтъ весьма сговорчиваго свойства. Правительство не имѣетъ никакого повода „сомнѣваться въ томъ что Россія честно „исполнитъ условія кои были предметомъ „этой переписки; но во всякомъ случаѣ „поддержаніе этихъ условій и есть полити„тика правительства ея величества.“

Первенствующія лондонскія газеты, какъ напримѣръ *Daily News* и *Times*, считаютъ нужнымъ съ особеннымъ удареніемъ указать на то что офиціальное заявленіе главы кабинета, который хранилъ глубокое молчаніе со времени его памятной рѣчи на банкетѣ лордъ-мера въ декабрѣ, въ сущности высказывается въ томъ же духѣ какъ и прочіе члены кабинета имѣвшіе случай выражать свое мнѣніе по этому предмету. Названныя газеты не только считаютъ нужнымъ указать на это единство взгляда установившееся въ кабинетѣ, но и намекаютъ довольно ясно что это единогласіе существуетъ недавно, причемъ припоминаютъ отправку нѣсколькихъ тысячъ отборнаго англійскаго войска въ Средиземное Море, — отправку, которую эти газеты отнюдь не склонны толковать въ томъ смыслѣ какъ было офиціально заявлено правительствомъ, то-есть что войска отправляются лишь „для пополненія мальтійскаго гарнизона.“ *Times* не скрываетъ того что предположеніе о занятіи англійскими войсками Турецкой территоріи еще недавно существовало и встрѣчало настойчивую поддержку со стороны тѣхъ кто „считалъ въ интересахъ Британіи выгоднымъ и необходимымъ поддержаніе существованія Турецкой имперіи.“ Почему же теперь оставлена мысль о занятіи Галлиполя и что повело къ установленію полнаго единомыслія въ кабинетѣ, *Times*, а также и *Daily News*, отвѣчаютъ на это что сама Турція наотрѣзъ отказалась дозволить Англіи занять какую-либо часть Турецкой территоріи иначе какъ подъ условіемъ дѣятельнаго съ нею союза. Первенствующій органъ британской печати находитъ что подобное притязаніе Турціи весьма естественно. „Въ самомъ дѣлѣ,“ замѣчаетъ названная газета, „Турція признала бы себя больнымъ и близкимъ къ кончинѣ человѣкомъ, еслибъ „она дала свое согласіе на занятіе завѣдомо разчитанное на обстоятельства долженствующія наступить послѣ ея кончины; не говоря ужь о томъ что этимъ она „дала бы возможность той самой иностранной державѣ которую бы она сама допустила въ свои предѣлы нанести ей по-

„слѣдній и смертельный ударъ. Турція не „можетъ не предложить себѣ вопроса: а „что если Англія снова войдетъ въ согла„шеніе съ Россіей и прочими державами, „и воспользуется занятіемъ Константино„поля какъ средствомъ принужденія про„тивъ самой Турціи?“

Таковы объясненія которыя даетъ англійская журналистика въ виду „дружелюбныхъ“ Россіи заявленій, столь неожиданно раздавшихся, изъ устъ лорда Биконсфильда. Но если англійскія газеты сами теперь сознаются что отправленныя недѣли три тому назадъ въ Средиземное Море англійскія войска имѣли другое назначеніе, а не пополненіе мальтійскаго гарнизона, другими словами, если воинственные замыслы еще такъ недавно гнѣздившіеся въ одной части британскаго кабинета, уступили мѣсто инымъ, болѣе миролюбивымъ соображеніямъ, то одна ли Турція тому причиной? Не слѣдуетъ ли предположить что недавнія поползновенія Англіи встрѣтили отпоръ еще и съ другой стороны, болѣе авторитетной нежели Турція?

Довольно ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ сообщеніяхъ, болѣе или менѣе офиціозныхъ, появившихся вслѣдъ за свиданіемъ двухъ императоровъ въ Ишлѣ. Наиболѣе подробныя сообщенія по этому поводу появились въ самой газетѣ *Times*, въ видѣ корреспонденціи изъ Вѣны. Сущность этихъ сообщеній сводится къ тому что союзъ Трехъ Императовъ продолжаетъ существовать во всей силѣ; что свиданіе въ Ишлѣ могло имѣть цѣлью не установленіе чего-либо новаго, а лишь подтвержденіе рѣшеній которыя приняты уже прежде; что Австрія ни въ какомъ случаѣ не заступится за Турцію, коей паденіе было предусмотрѣно съ самаго начала войны, и не выступитъ враждебно противъ Россіи какъ бы ни шумѣли Мадьяры. Далѣе *Times*, отъ 8 августа, утверждаетъ, на основаніи достовѣрныхъ извѣстій полученныхъ изъ Вѣны, что Сербія вѣроятно очень скоро приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ; что Румынія, въ свою очередь, увеличитъ свои военныя силы новымъ наборомъ (о чемъ между тѣмъ уже извѣстилъ насъ телеграфъ), и что Греція въ скоромъ времени вѣроятно послѣдуетъ примѣру Сербіи и Румыніи. „А это, восклицаетъ *Times*, есть уже разложеніе Турціи;“ но тутъ же добавляетъ что Австрія, по полученнымъ свѣдѣніямъ, не воспротивится всему этому, „а приметъ лишь свои мѣры со стороны Босніи.“

Вотъ, полагаемъ, чѣмъ лучше всего объясняется внезапное благодушіе лорда Биконсфильда. Умолкли рѣчи о готовности Австріи съ минуты на минуту выступить на театръ войны дабы помѣшать „опаснымъ для нея успѣхамъ Россіи,“ и нѣтъ ни малѣйшихъ видовъ на то чтобъ она согласилась вынимать для Англіи каштаны изъ огня. Французскіе органы туркофильства, въ родѣ *Journal des Débats*, также „съ удивленіемъ“ сдѣлали открытіе что союзъ Трехъ Императоровъ не есть химера, а нѣчто дѣйствительно существующее.

Поневолѣ и въ Англіи приходится faire bonne mine au mauvais jeu.

Б.

Свиданіе императоровъ Германскаго и Австрійскаго въ Ишлѣ и сочувственныя телеграммы отправленныя обоими царственными собесѣдниками „отсутствующему третьему“ признаются нынѣ въ цѣлой Европѣ новымъ подтвержденіемъ Союза Трехъ Императоровъ. Именно съ этой точки зрѣнія возбуждаетъ оно во Франціи неудовольствіе той партіи, о которой преимущественно можно сказать что „она ничему не выучилась и ничего не позабыла,“ и что она до сихъ поръ живетъ преданіями того времени когда Франція, на буксирѣ у Англіи, жертвовала тысячью пятьюстами милліонами франковъ и жизнію ста тысячъ Французовъ чтобъ истребить нашъ Черноморскій флотъ, который могъ бы оказаться для Франціи единственнымъ и положительно незамѣнимымъ союзникомъ чтобъ оспаривать у Англіи,—давней и естественной соперницы Франціи во всемъ,—полновластное господство надъ Средиземнымъ Моремъ...

Такова дѣйствительно характеристическая черта политики орлеанистской партіи и ея двухъ главныхъ органовъ, *Journal des Débats и Revue des deux Mondes*. Особенно замѣчательно завзятое руссофобство перваго изъ этихъ изданій. Въ настоящее время всѣ усилія его направлены на Австрію чтобы предостеречь ее отъ страшныхъ опасностей, якобы грозящихъ ей со стороны Россіи и Германіи, заключившихъ де тайный оборонительный и наступательный союзъ, имѣющій цѣлью изгнаніе Турокъ изъ Европы, что будто бы соотвѣт-

ствуетъ гибели самой Австро-Венгерской монархіи. *Journal des Débats* не видитъ иного спасенія для Австро-Венгріи какъ въ союзѣ съ Франціей и Англіей съ цѣлью ополчиться за независимость и цѣлость Турецкой имперіи. Что во враждѣ съ Россіей и Германіей Австро-Венгрія распадется сама собою даже безъ войны, до этого конечно нѣтъ дѣла орлеанистской газетѣ.

Не существованіе или распаденіе Турецкой имперіи, а сохраненіе дружбы съ Россіей и Германіей—вотъ жизненное условіе для Габсбургской имперіи, и именно сознаніемъ этой политической аксіомы, повидимому, отличается политика графа Андраши отъ политики его предмѣстника графа Бейста, прославляемой орлеанистскою газетой какъ идеалъ государственной мудрости. Но, по весьма справедливому замѣчанію берлинской *Post*, во всемъ этомъ высказывается въ *Journal des Débats* не одно завзятое туркофильство, но и просто досада что союзъ Трехъ Императоровъ изолируетъ Францію и почти вовсе лишаетъ ея серіознаго вліянія на европейскій концертъ. *Post* приходитъ въ негодованіе противъ германской радикальной печати, какъ извѣстно, весьма недолюбливающей Россію. *Post* напоминаетъ этимъ „ослѣпленнымъ и непонимающимъ современныхъ политическихъ обстоятельствъ“ германскимъ газетамъ что, держась антирусской и туркофильской политики и совѣтуя то же и Австріи, онѣ въ сущности дѣйствуютъ заодно со злѣйшими врагами Германіи. „Мы желали бы знать,“ восклицаетъ въ заключеніе цитуемая берлинская газета, „выяснили ли себѣ эти политиканы каково было „бы положеніе Германіи еслибы результатомъ настоящей войны оказалась ослабленная, побѣжденная Россія, стоящая противъ Австріи съ непримиримою, смертельною враждой къ ней?“ Съ этой точки зрѣнія, а также въ виду положенія принятаго большею частью французской печати, вся нынѣшняя война, по мнѣнію другихъ національныхъ газетъ Германіи, должна послужить къ укрѣпленію союза Трехъ Императоровъ, такъ что, благодаря ей, впредь „болѣе не найдется рускаго канцлера,“ говоритъ напримѣръ *Hannoverscher Courrier* въ статьѣ, изъ коей выдержки перепечатаны въ большей части органовъ германской національной партіи, „который выступитъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ князь Горчаковъ въ Берлинѣ (въ 1875 году), въ качествѣ непрошеннаго посредника и ангела-миротворца, а во Франціи требованіе отместки окажется еще тише чѣмъ нынѣ...“

Итакъ, органы германской національной партіи нисколько не скрываютъ нынѣ что они взираютъ на спасшее Францію, въ 1875 году, примирительное вмѣшательство русской дипломатіи какъ на дѣйствіе враждебное Германіи и выражаютъ надежду что благодаря положенію принятому Германскимъ правительствомъ, это дѣйствіе впредь окажется невозможнымъ. Нельзя однако не замѣтить что многія газеты во Франціи вполнѣ сознаютъ анти-патріотическіе промахи своихъ туркофильскихъ собратій. Но *Journal des Débats* до такой степени неисправимъ что назойливость его туркофильства, вопреки всѣмъ интересамъ Франціи, подаетъ основательный поводъ заподозрить его просто въ продажности. Положеніе принятое имъ тѣмъ гнуснѣе что во всей Франціи выказываются нынѣ опасенія за сохраненіе мира съ Германіей въ случаѣ успѣха клерикальной партіи на предстоящихъ выборахъ въ національное собраніе. Но, повидимому, именно этотъ моментъ признается органами Орлеанской партіи самымъ удобнымъ для убѣжденія и Австріи и Англіи въ необходимости союза ихъ съ Франціей противъ Россіи. Съ этой точки зрѣнія очень любопытно политическое обозрѣніе пресловутаго г. де-Мазада въ только что полученной книжкѣ отъ 1 августа *Revue des deux Mondes*. Въ сущности, этимъ обозрѣніемъ резюмируется вся политика провѣдуемая уже болѣе мѣсяца продажными борзописцами *Journal des Débats*. Г. де-Мазадъ злобно упрекаетъ и графа Дарби, и графа Андраши за ихъ будто бы гибельный для Турціи нейтралитетъ; ему не нравятся безпрестанныя заявленія вѣнскихъ офиціозныхъ газетъ и даже недавнее заявленіе графа Дарби предъ палатой общинъ что лучшее положеніе для дѣйствительнаго вмѣшательства есть моментъ окончанія войны, когда воюющія державы истощены, „а „нейтральныя, не компрометтировавъ се„бя ни въ какую сторону, располагаютъ „свѣжими и совершенно непочатыми силами!“ По мнѣнію *Revue des deux Mondes*, все это хорошо только въ теоріи, „еслибы война вдругъ окончилась прямымъ соглашеніемъ между Россіей и Турціей, то ее конечно не возобновили бы чтобъ оспаривать у побѣдителя плодъ его побѣды...“

Все это положеніе нейтральныхъ кажется публицистамъ парижскаго періодическаго изданія не довольно рѣшительнымъ, а причиной этого неопредѣленнаго положенія оказывается „отсутствіе Франціи“ на аренѣ великихъ политическихъ столкновеній Европы. „Тамъ гдѣ Франція не можетъ исполнять всей своей роли,“ вздыхаетъ въ заключеніе цитуемое обозрѣніе, „тамъ не достаетъ чего-то въ ходѣ (le jeu) „великихъ событій міра. Отсутствіе Франціи, — это война 1828 года, это война 1877 „года, развивающіяся предъ Европой обреченной на роль безпокойнаго, но безсильнаго зрителя. Присутствіе же Франціи въ „этихъ событіяхъ, — это война 1854 года, „плодъ союза двухъ военныхъ націй на защиту интереса Европы...“

Таковы теперь мудрованія французскихъ публицистовъ. Спасибо хоть за откровенность... Конечно, болѣе всего останутся довольны ею берлинскіе политики...

№ 197.

Москва, 8-го августа.

Нѣсколько дней тому назадъ, разбирая высказываемые въ заграничной печати взгляды на стратегическое положеніе созданное неудачами подъ Плевной, мы замѣтили что неудачи эти не могутъ имѣть никакого вліянія на общій планъ кампаніи, и что дѣла подъ Плевной суть не болѣе какъ эпизодъ, конецъ коего можетъ быть весьма неблагопріятенъ для Турокъ.

Полученныя нами свѣдѣнія подтверждаютъ наше мнѣніе. Начнемъ съ подробностей Плевненскаго боя доставленныхъ нашимъ корреспондентомъ и вполнѣ достовѣрныхъ. Заграничная печать главною причиной неудачи находила устарѣлую будто бы тактику нашихъ войскъ которую необходимо де немедленно перемѣнить, а перемѣнить вдругъ трудно. Нѣкоторые указывали, сверхъ того, на ошибочный образъ дѣйствій командовавшихъ подъ Плевною генераловъ; причемъ обвиняли генерала князя Шаховскаго въ слишкомъ поспѣшномъ движеніи впередъ, а генерала Криденера въ слишкомъ медленномъ, то наконецъ въ недостаточно энергическомъ веденіи имъ атаки противъ „ключа“ турецкаго расположенія — Гривицкаго редута. Во всемъ этомъ, какъ было не разъ замѣчено нами, есть доля правды, но небольшая.

Главнѣйшая причина неуспѣха состоитъ прежде всего въ томъ что диспозиція къ бою отданная генераломъ Криденеромъ не была исполнена съ надлежащею точностью, неизвѣстно по чьей винѣ. Здѣсь могла произойти одна изъ весьма не рѣдкихъ въ военномъ дѣлѣ случайностей. Планъ атаки Плевны, выработанный на военномъ совѣтѣ и выраженный въ диспозиціи, заключался въ слѣдующемъ: 9-й корпусъ долженъ былъ атаковать Гривицкія высоты съ фронта; двѣ бригады подъ начальствомъ князя Шаховскаго, выступивъ изъ Порадима и пройдя между Сгалуйцемъ и Пелишатомъ, поддержать атаку съ фронта на ключъ турецкой позиціи, атакуя позиціи Турокъ къ востоку и сѣверо-востоку отъ Радишева и „стараясь,“ какъ сказано въ диспозиціи, „занять артиллеріей такія позиціи на высотахъ южнаго „берега Гривицкаго ручья съ которыхъ „она могла бы поражать во флангъ и тылъ „непріятеля расположеннаго у Гривицы и „къ сѣверу отъ Плевны.“ Сверхъ того, князю Шаховскому вмѣнялось въ обязанность „постоянно сохранять самую тѣсную связь“ съ войсками 9-го корпуса. При такихъ условіяхъ Гривицкій редутъ могъ быть взятъ направленными противъ него массами войскъ, и у насъ достало бы резерва для поддержанія боя до конца. Со взятіемъ же Гревицкихъ высотъ Турки были бы вынуждены очистить позиціи около Плевны и отойти за рѣку Видъ. Диспозиція не была исполнена. Вмѣсто того чтобы выйти къ Радишеву, дивизія князя Шаховскаго вышла на Тученицу, то есть далеко южнѣе. Вслѣдствіе этого, въ центрѣ нашего боеваго порядка образовался сильный прорывъ поглотившій большую часть нашего резерва, и кромѣ того, Гривицкія высоты не могли быть обстрѣливаемы вовремя съ фланга и тыла, такъ что около трехъ часовъ дня генералъ Криденеръ признавалъ атаку почти невозможною, и если началъ ее, то лишь для поддержки войскъ князя Шаховскаго. Эта атака на Гривицкій редутъ, лишенная достаточной подготовки, въ свою очередь потребовала лишнихъ силъ изъ общаго резерва. Проволочка времени повлекла сверхъ того скопленіе излишнихъ силъ и противъ князя Шаховскаго; гене-

ралъ Скобелевъ съ кавалеріей и баталіономъ пѣхоты демонстраціями съ юга до трехъ часовъ дня удерживалъ противъ себя цѣлую бригаду турецкой пѣхоты. Бригада эта обратилась затѣмъ противъ войскъ князя Шаховскаго.

Такова главнѣйшая причина неудачи подъ Плевной; она конечно могла бы быть парализована еслибъ у насъ было болѣе войскъ въ резервѣ. Что касается тактики войскъ, то она была такова какою и должна быть тактика ихъ „въ наши казнозарядные дни.“ Войска наступали къ Гривицѣ по такой же открытой мѣстности какъ путь прусской гвардіи подъ Гравелоттой; они шли „гдѣ ползкомъ, гдѣ грудью.“ За пѣпью были конечно сомкнутыя части, но безъ этого обойтись нельзя: они всегда были и у Прусаковъ въ минувшую войну. Если наши резервы и сомкнутыя части понесли большую потерю въ людяхъ, то это можетъ-быть объяснено отчасти развѣ тѣмъ что Турки, укрѣпляя позицію, заранѣе опредѣлили разстоянія до различныхъ пунктовъ чрезъ кои имѣли проходить наши войска...

Турки выиграли бой случайно, а потому положеніе ихъ въ Плевнѣ легко можетъ стать критическимъ. Они не смѣютъ атаковать нашихъ позицій, а вслѣдствіе численнаго превосходства нашей кавалеріи пути сообщенія ихъ могутъ быть прерваны, какъ это уже и случилось, если вѣрить свѣдѣніямъ передаваемымъ *Политическою Корреспонденціей*, которая гласитъ: „положеніе Османа очень трудное, такъ „какъ многочисленная кавалерія восьми„десятитысячнаго русскаго корпуса отрѣ„зала ему сообщенія съ Софіей и затруд„няетъ продовольствіе его войскъ.“

Поставить Османъ-пашу въ иное положеніе, высвободить его изъ западни можетъ развѣ лишь общее наступленіе Турокъ на всѣхъ пунктахъ и въ этомъ только случаѣ еслибы Сулейманъ-пашѣ удалось войти въ связь съ одной стороны съ Османомъ, съ другой съ Мегмедъ-Али... Не въ этихъ ли видахъ, какъ сообщаетъ нашъ спеціальный корреспондентъ изъ Горняго Студня, Турки старались раскрыть наши силы по всей линіи нашего расположенія? Такъ, 4 августа, они произвели рекогносцировку на Нижнемъ Кара-Ломѣ, показались „въ силахъ“ со стороны Османъ-Базара, пытались атаковать Ханкіойскій проходъ. Со стороны Плевны Турки произвели 3 августа рекогносцировку къ Тученицѣ, но были прогнаны. 5 августа маневръ этотъ Турки повторили въ другой разъ также безъ успѣха.

А между тѣмъ предпринятое нами около того же времени обстрѣливаніе Рущука увѣнчалось успѣхомъ: гарнизонъ Рущука лишился средствъ для перемола зерна, такъ какъ нашими выстрѣлами сожжены турецкія паровыя мельницы, что не можетъ не затруднять продовольствія турецкихъ войскъ. Съ другой стороны Четырехъугольника, корпусъ генерала Циммермана весьма крѣпко держитъ оборонительную линію между Черноводами и Кюстенджи, пользуется пролегающею тутъ желѣзною дорогой и высылаетъ отряды для дальнихъ развѣдокъ, готовясь къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

На Азіятскомъ театрѣ войны мы наконецъ переходимъ въ наступленіе. Нѣсколько дней тому назадъ мы имѣли основаніе высказать ожиданіе оттуда *новостей*. Теперь эти *новости* уже получены. 5 августа, сообщаетъ нашъ корреспондентъ, войска генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова охватывали лагерь Мухтаръ-паши на Аладжа-дагѣ, расположась полумѣсяцемъ отъ Паргета чрезъ Кюрюкъ-Дара на Башкадыкъ-Ларъ; 6 августа, Кюрюкъ-даринскій лагерь выдвинули впередъ послѣ удачнаго боя, во время котораго нашимъ войскамъ удалось сбить Турокъ съ высотъ Ягны на ихъ лѣвомъ флангѣ, у Хаджи-Вали въ центрѣ и у Инахъ-Тепеси на ихъ лѣвомъ флангѣ и преслѣдовать до самаго Визинкева. Цѣль этого предпріятія пока неизвѣстна и не совсѣмъ понятна; но оно, во всякомъ случаѣ, показало возможность безъ большихъ усилій овладѣть доступами къ главной позиціи Турокъ, армія которыхъ терпитъ большой недостатокъ въ продовольствіи и теряетъ ежедневно значительное число людей больными и дезертирами.

Что касается отряда генерала Тергукасова, то извѣстіе о движеніи его въ турецкія владѣнія, о чемъ сообщалось на дняхъ изъ Константинополя, оказалось преждевременнымъ. Генералъ Тергукасовъ все еще стоитъ у Игдыра въ предѣлахъ Эриванской губерніи: 3 августа къ нему прибыли на подкрѣпленіе семь баталіоновъ пѣхоты (только!!) съ двумя полками кавалеріи и 12 орудіями. Турки подъ начальствомъ Измаилъ-паши занимаютъ Чин-

гильскія высоты составляющія нашу границу съ Турціей.

№ 198.

Москва, 9-го августа.

А.

Мобилизація гвардіи, а затѣмъ и призывъ подъ знамена части перваго разряда ополченія — какъ разъ послѣ дѣла при Плевнѣ — вызвали сумашедшія ликованія въ легіонѣ руссофобскихъ газетъ Европы, особенно Австро-Венгріи. По мнѣнію этихъ баши-бузуковъ, Россія уже вынуждена теперь выдвинуть на театръ войны свои *послѣднія* военныя силы. Но никто не высказывался объ этомъ съ такимъ лаемъ какъ военная австро-венгерская газета, *Militär-Zeitung*, вопреки тѣмъ сочувствіямъ къ Россіи которыя не разъ высказывались въ высшихъ военныхъ сферахъ Габсбургской монархіи. „За Дунаемъ“ восклицаетъ названная газета,—

„Россія уже не имѣетъ способной къ военнымъ дѣйствіямъ арміи и всѣ подкрѣпленія ея съ оставшимися въ распоряженіи правительства войсками не будутъ въ состояніи превратить въ способнаго къ бою фактора разбитые остатки (deroutirter Ueberrest) первой Русской арміи... Внутри Россіи свободныхъ войскъ болѣе не имѣется... Такимъ образомъ оказывается что съ Россіей покончено, и что въ настоящемъ году походъ также покончень... Въ военномъ отношеніи споръ между Турціей и Россіей рѣшенъ: насколько первая доказала свою жизненную силу, настолько послѣдняя — свое безсиліе... Окончательно поражены тѣ кто требовали вмѣшательства Австро-Венгріи въ пользу Россіи. Но вѣдь это было бы то же самое что выдать оправдательный приговоръ вышедшему на добычу вору, вломившемуся ночью въ домъ сосѣда разбойнику...“

Выписывая эти мерзости, мы смягчаемъ ихъ... Хотя мы убѣждены что эта вѣнская *военная газета* не имѣетъ ничего общаго съ высшими военными сферами Габсбургской монархіи, но она существуетъ 30 лѣтъ, единственно иждивеніемъ австро-венгерскаго военнаго люда, а потому мы и не считаемъ возможнымъ не обратить вниманія на ея лай, такъ противорѣчащій любезностямъ расточаемымъ именно нынѣ Россіи вѣнскими официозными органами.

Газета *Politik*, славянскій органъ въ Прагѣ, выписывая съ негодованіемъ эту возмутительную выходку вѣнской военной газеты противъ державы съ которою Австрійское правительство находится въ союзѣ и дружбѣ, съ удивленіемъ спрашиваетъ, да что же дѣлаетъ, въ виду этого, русскій посолъ въ Вѣнѣ?..

Ни одна война, какъ бы побѣдоносна она ни была, не можетъ происходить безъ нѣкоторыхъ частныхъ неудачъ. Даже въ столь блистательную для насъ турецкую войну въ 1828 и 1829 годы, войска наши, но особенно лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, понесли жестокое пораженіе въ окрестностяхъ Варны, при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ. При первомъ извѣстіи объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, въ австрійской печати тогда поднялись почти такія же ликованія о „военной несостоятельности“ и „совершенномъ истощеніи силъ Россіи;“ какъ извѣстно, въ 1829 году этотъ лай австрійской печати послужилъ даже поводомъ графу Нессельроде, въ депешѣ къ нашему представителю въ Вѣнѣ, упрекнуть Австрію за ея „жалкую политику“ и тенденціозное направленіе ея печати. Что же касается собственно отправленія гвардіи на театръ войны, то теперь какъ и въ 1828 году оно произошло въ то время когда еще бо́льшая часть Русской арміи и не думала трогаться съ мѣста. Дѣйствительно, теперь, когда выступаютъ въ походъ гвардейскіе полки, въ самомъ Петербургѣ остаются нетронутыми двѣ дивизіи 1-го пѣхотнаго корпуса, а въ Твери стоитъ неподвижна 1-я кавалерійская дивизія; по слухамъ, даже на Кавказѣ 19-я, 20 и 21-я пѣхотныя дивизіи до сихъ поръ не тронуты. Самая мобилизація войскъ Виленскаго и Варшавскаго военныхъ округовъ, составляющихъ главную массу нашихъ военныхъ силъ, какъ извѣстно, начинается только нынѣ.

Такимъ образомъ, выходитъ что призывъ перваго разряда нашего ополченія состоялся даже ранѣе мобилизаціи всей нашей арміи, чѣмъ и опредѣляется характеръ этой мѣры: ополченіе это не имѣетъ иной цѣли какъ пополненіе убыли въ дѣйствующей на театрѣ войны арміи. А такъ какъ убыль эту можно было предвидѣть съ самаго начала войны, то слѣдуетъ удивляться не тому что вообще призывъ этотъ

состоялся, а тому что онъ не состоялся тотчасъ по объявленіи войны. Истощенъ ли вслѣдствіе этого призыва весь запасъ нашей арміи, объ этомъ пусть въ Вѣнѣ судятъ по слѣдующимъ строкамъ тамошней министерской газеты *Политическая Корреспонденція*. „Рекрутскіе наборы послѣднихъ трехъ лѣтъ доказали," сказано въ письмѣ изъ Петербурга въ названный листокъ, — „что ежегодный контингентъ людей двадцати одного года простирается въ Россіи до 700.000 человѣкъ; изъ нихъ неспособными къ военной службѣ считаются около 250.000 человѣкъ, принимается на службу круглымъ числомъ до 200.000 человѣкъ, остальные 250.000 зачисляются въ ополченіе. Этотъ резервъ, заступающій мѣсто австрійскаго и германскаго ландвера 1-го разряда, простирается нынѣ до 960.000 чел. Если изъ нихъ призываются нынѣ на службу 188.600, а за изъятіемъ Бессарабіи отъ участія въ этомъ призывѣ—всего 185.467 человѣкъ, то эта убыль вознаграждается зачисленными въ прошломъ году въ ополченіе 22-лѣтними людьми, и въ остаткѣ окажутся все еще 800.000 людей 1-го разряда ополченія (отъ 21 до 23-лѣтняго возраста), прежде чѣмъ пришлось бы приступить къ призыву ландвера 2-го и 3-го разрядовъ..."

Конечно, было бы лучше еслибы при самомъ объявленіи войны была мобилизована *вся* Русская армія и тутъ же была бы призвана на службу нынѣ вступающая въ нее часть ополченія перваго разряда. Но такъ или иначе, а нашимъ вѣнскимъ друзьямъ еще долго придется подождать чтобы Россія выдвинула свои *послѣднія* силы, даже въ случаѣ еслибы пришлось проучить и какого-нибудь другаго сосѣда...

Б.

Еще въ воскресенье телеграмма изъ Петербурга сообщила намъ сущность корреспонденціи въ *Русскомъ Мірѣ*, извѣщавшей о страшныхъ турецкихъ звѣрствахъ,— не въ Болгаріи, не въ Добруджѣ,— а на русской землѣ, надъ русскими подданными, въ Крыму, у Евпаторіи.

Вчера получили мы и самый текстъ этой корреспонденціи. По словамъ ея, 29 іюля подошли къ Евпаторіи три турецкіе корабля, высадившіе на шлюпкахъ до 600 человѣкъ, которые предали мученической смерти всѣхъ попавшихся имъ прибережныхъ рыбаковъ, ихъ женъ и дѣтей; всѣмъ этимъ жертвамъ вырѣзали на груди красные кресты и отрубили головы, которыя увезли съ собою; нѣкоторыя изъ жертвъ были „положительно изрублены на куски," продолжаетъ корреспондентъ, „другія разорванныя висѣли по деревьямъ, тамъ и сямъ валялись перерѣзанныя пополамъ дѣти..." Турки хозяйничали такимъ образомъ на Русской землѣ съ утра до трехъ часовъ пополудни; въ шесть часовъ вечера турецкіе корабли „исчезли изъ виду *по направленію къ Сухумъ-Кале*" (?)... 30 іюля состоялся крестный ходъ на мѣсто убійствъ. Была де вырыта большая могила, и въ ней въ два этажа поставлено было 20 гробовъ. „*Сколько именно истреблено людей—неизвѣстно*," говоритъ въ заключеніе корреспондентъ, „потому что, какъ я уже сказалъ выше, многіе буквально изсѣчены, и все это свалено въ кучу..."

Значеніе Евпаторіи извѣстно всякому. Въ 1854 году въ ней высадились союзныя войска. Въ продолженіи всей тогдашней войны, она служила главнымъ складочнымъ мѣстомъ и операціонною базой непріятельскаго дессанта. Неужели Турки высадились тутъ и нынѣ безъ всякаго сопротивленія со стороны нашей арміи?

По словамъ цитуемой корреспонденціи, при первомъ появленіи Турокъ, они были встрѣчены „*градомъ* гранатъ" съ нашихъ батарей. Но если батареи наши были такъ сильны что могли осыпать непріятеля „*градомъ* гранатъ," то неужели при нихъ не было ни *одного баталіона* пѣхоты, котораго оказалось бы весьма достаточно чтобы прогнать и проучить какъ слѣдуетъ какихъ-нибудь 600 разбойниковъ? Несмотря на этотъ „градъ гранатъ," продолжаетъ корреспондентъ, „Турки не обращали на него никакого вниманія!" Но еслибы „градомъ гранатъ" были потоплены хотя бы только три-четыре шлюпки, то Турки, конечно, обратили бы на него вниманіе. Но вотъ Турки высаживаются: помѣшать же высадкѣ, по мнѣнію корреспондента, батареи наши не могли, „потому что мѣсто высадки было защищено самою природой отъ выстрѣловъ." Это тоже что-то странно: главная цѣль береговыхъ батарей именно и состоитъ въ томъ чтобы не допускать непріятельской высадки, а тутъ онѣ оказываются расположенными такимъ образомъ что именно мѣсто высадки для нихъ мертвое пространство, закрытое отъ

ихъ выстрѣловъ. Турки разсыпаются по берегу и начинаютъ жечь и уничтожать прибрежныя поселенія: „съ валовъ города было видно какъ Турки хозяйничали въ хижинахъ рыбаковъ и бѣдныхъ жителей города Евпаторіи,“ — а батареи все-таки молчатъ, — потому что невозможно стрѣлять гранатами отдѣльно въ каждаго человѣка!

Итакъ, въ продолженіе 7 или 8 часовъ сряду, 600 Турокъ „хозяйничаютъ“ по-своему, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ на Русской землѣ совершенно безнаказанно, несмотря на присутствіе русской артиллеріи, довольно сильной чтобъ осыпать ихъ сначала „градомъ гранатъ.“ Въ Крыму стоитъ цѣлый армейскій корпусъ, а о присутствіи при этой многочисленной артиллеріи какого-нибудь пѣхотнаго или кавалерійскаго прикрытія корреспондентъ не упоминаетъ; торпедъ тоже не оказывается для защиты избраннаго Турками для высадки мертваго пространства предъ нашими батареями; даже о числѣ, родѣ, расположеніи нашихъ артиллерійскихъ орудій, корреспондентъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ онъ какимъ-то чуднымъ образомъ угадалъ что изъ Евпаторіи турецкіе корабли пошли „по направленію къ Сухуму,“ хотя по топографическому положенію Евпаторіи, пока изъ нея можно слѣдить глазомъ за движеніемъ удаляющихся отъ берега кораблей, курсъ ихъ одинаковъ и для Сухума, и для Босфора, даже для устьевъ Дуная...

Понятно недовѣріе, съ какимъ мы встрѣчаемъ сообщеніе цитованной нами корреспонденціи. Само собою разумѣется что недовѣріе наше подтверждалось тѣмъ соображеніемъ что объ этомъ ужасающемъ событіи, совершившемся на русской почвѣ и надъ русскими подданными *29 іюля*, даже *9 августа* не получено никакого офиціальнаго извѣщенія. Нынѣ уже третій день какъ телеграфныя проволоки разнесли по всей Россіи потрясающія душу подробности этого страшнаго извѣстія, а до сихъ поръ нѣтъ ни подтвержденія, ни опроверженія...

Мы не допускаемъ и предположенія чтобы корреспондентъ русской газеты могъ пустить „утку“ по столь серіозному и глубоко прискорбному предмету. Но свѣдѣніе его можетъ быть преувеличено; сообщаемый имъ фактъ могъ далеко не имѣть тѣхъ размѣровъ какіе приписываетъ ему корреспондентъ: важенъ однако самый фактъ турецкой высадки у Евпаторіи. Очень вѣроятно что эта первая незначительная высадка имѣла цѣлію лишь рекогносцировку. За 600 безнаказанно высадившимися Турками могутъ вскорѣ высадиться и 6.000. Что станется тогда съ Евпаторіей? За Евпаторіей они могутъ опустошить и весь южный берегъ Крыма. Владѣя моремъ, Турки во всякое время могутъ угрожать серіозною опасностью нашему черноморскому побережью. Въ Крыму у насъ стоитъ цѣлый армейскій корпусъ; въ крымскихъ водахъ есть у насъ теперь и цѣлая флотилія, не разъ предпринимавшая дальнія крейсерства черезъ все Черное Море, къ Крымскому берегу, къ устьямъ Дуная. Искуснымъ комбинированіемъ ея дѣйствій съ дѣйствіями сухопутныхъ войскъ, особенно при помощи торпедъ, берега Крыма могутъ быть рѣшительно недоступны для тѣхъ десантовъ какими въ настоящее время могутъ располагать Турки...

№ 199.

Москва, 10-го августа.

„Нѣтъ человѣческихъ словъ описать что совершилось въ округѣ Ески-Загры“... „Повторяются прошлогоднія картины,“ такъ пишутъ изъ Болгаріи въ письмахъ вчера нами напечатанныхъ. Англійскіе корреспонденты, и притомъ не изъ Русскаго, а изъ Турецкаго лагеря, не только подтверждаютъ факты сообщаемые нашими корреспондентами, но представляютъ дѣло въ краскахъ еще болѣе мрачныхъ. „Прошлогоднія дѣла становятся ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ что совершается теперь,“ телеграфируетъ константинопольскій корреспондентъ *Times* отъ 12 августа, сообщая что турецкій главнокомандующій осудилъ на смерть все мужеское населеніе въ Ески-Загрѣ и что этотъ приговоръ былъ исполненъ въ точности. Букурештскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ, въ телеграммѣ отъ 12 августа, слѣдующія подробности о рѣзнѣ въ Ески-Загрѣ, полученныя имъ отъ лица прибывшаго за три дня до того изъ Казанлыка, за полную достовѣрность котораго корреспондентъ ручается: 31 іюля Турки вытѣсненные за нѣсколько времени до того изъ Ески-Загры преимущественно болгарскимъ легіономъ, получивъ значительныя подкрѣпленія изъ Адріанополя, подступили къ городу; болгарскій легіонъ

вынужденъ былъ отступить потерпѣвъ большія потери. Христіанское населеніе города, въ ужасѣ предъ тѣмъ что ожидало его, бросилось вслѣдъ за отступавшими войсками; но Турки окружили городъ сторожевою цѣпью и никого не выпустили. „И тогда, продолжаетъ корреспондентъ, начались сцены свирѣпаго избіенія, коего подробности описать невозможно. Ни полъ, ни возрастъ не были пощажены; смерть не была худшимъ изъ золъ для несчастныхъ мучениковъ; Турки умѣютъ заставить свои жертвы, мущинъ, женщинъ и дѣтей, долго выжидать смерти какъ желаннаго успокоенія отъ нечеловѣческихъ истязаній. Именитые турецкіе граждане города, скрывавшіеся въ окрестностяхъ во время занятія онаго русскими войсками и поджигавшіе ближайшія села съ помощію баши-бузуковъ, немедленно возвратились и собственноручно принялись избивать Болгаръ жившихъ на ихъ земляхъ въ качествѣ арендаторовъ. Мнѣ сообщили имена этихъ турецкихъ „нотаблей;“ вотъ они: Тефикъ-бей, Седикъ-бей, Акифъ-бей и Даджа-Ахметъ. Госпиталь, гдѣ находились раненые Русскіе и Болгары, былъ сожженъ вмѣстѣ съ ранеными. Лишь немногіе изъ жителей успѣли спастись. Полагаютъ что въ Ески-Загрѣ и окрестностяхъ, представляющихъ одну изъ самыхъ плодородныхъ и роскошныхъ мѣстностей въ Европѣ, были уничтожены до 30 церквей, до 500 школъ и многія тысячи домовъ. Число убитыхъ по крайней мѣрѣ равняется количеству людей потерянныхъ Русскими подъ Плевной. Рѣзня продолжалась цѣлую ночь при зловѣщемъ освѣщеніи горѣвшихъ жилищъ.“ Совершенно тѣ же свѣдѣнія сообщаетъ отъ того же числа и корреспондентъ *Daily News*, добавляя къ этому что подвергшійся разоренію Ширпанскій округъ, къ коему принадлежитъ Ески-Загра, есть одинъ изъ богатѣйшихъ въ Турціи; количество сожженныхъ деревень простирается до 60, а число убитыхъ до 15.000. Черезъ два дня тотъ же корреспондентъ телеграфировалъ вновь что по дальнѣйшимъ извѣстіямъ приводимыя свѣдѣнія не только вполнѣ подтверждаются, но оказываются „ниже дѣйствительности.“

Нѣкоторые изъ эпизодовъ этой ужасающей рѣзни другой корреспондентъ *Times* описываетъ *какъ очевидецъ* въ пространной корреспонденціи изъ Тырнова-на-Маричѣ, деревни по ту сторону Балканъ. Вотъ одинъ изъ этихъ эпизодовъ: „26 іюля Реуфъ-паша сдѣлалъ рекогносцировку изъ Ени-Загры и провелъ ночь у деревни Магалиссе, лежащей между Ени-Загрой и упомянутымъ селеніемъ Тырновомъ. Въ эту деревню ворвался отрядъ Черкесовъ. Они прежде всего забрали множество молодыхъ женщинъ, объ участи которыхъ безъ ужаса нельзя подумать. Убѣдившись затѣмъ что остальныя женщины съ дѣтьми нашли убѣжище въ церкви, Черкесы ворвались туда и умертвили всѣхъ. Англійскіе военные агенты при турецкой арміи, полковникъ Ленноксъ и лейтенантъ Чермедъ, вмѣстѣ съ гг. Лесли и Мейрикъ, агентами Общества Попеченія о Больныхъ и Раненыхъ, вытащили изъ церкви и предали землѣ 175 труповъ женщинъ и дѣтей. Они не находятъ словъ чтобы передать весь ужасъ того что они видѣли въ этой церкви. Убитые и умирающіе набросаны были кучами; маленькія дѣти карабкались около нихъ отыскивая своихъ матерей; раненыя матери старались распознать своихъ дѣтей, но и найдя своихъ малолѣтокъ съ трудомъ узнавали ихъ вслѣдствіе глубокихъ сабельныхъ ударовъ поразившихъ ихъ головки. Многія женщины были изнасилованы; у беременныхъ женщинъ были взрѣзаны животы, у другихъ вырѣзаны груди и отсѣчены руки. Грудной ребенокъ копошился у груди своей мертвой матери, а другой, болѣе взрослый, толкалъ трупъ стараясь разбудить его. Даже въ то время когда названные джентльмены находились въ деревнѣ, рѣзня не прекращалась, и сами они подвергались весьма серіозной опасности отъ разсвирѣпѣвшихъ злодѣевъ.“

Спрашивается: есть ли хоть тѣнь какой-либо надежды чтобъ этимъ ужасамъ былъ положенъ предѣлъ въ тѣхъ мѣстностяхъ на которыя не простирается сила русскаго оружія? Можно ли разчитывать чтобъ европейская дипломатія, въ лицѣ своихъ представителей при турецкомъ правительствѣ, повліяла на прекращеніе дѣяній за которыя вся отвѣтственность падаетъ на просвѣщенную Европу... Если еще есть оптимисты питающіе подобныя надежды, то они очень ошибаются. Англійская дипломатія, которая одна имѣетъ теперь вліяніе въ Константинополѣ, попрежнему продолжаетъ свою въ полномъ смыслѣ преступную игру. До сихъ поръ злодѣянія

Турокъ находятъ въ ней не только ревностнаго адвоката, но и прямое поощреніе,—ибо что же какъ не поощреніе эта неслыханно-наглая ложь офиціально распространяемая Турціей съ помощію англійской дипломатіи? Турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ *ежедневно* разсылаетъ своимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ протесты противъ „русскихъ жестокостей," и эти документы немедленно появляются въ столбцахъ англійскихъ газетъ, переданные по телеграфу черезъ *Рейтерово Агентство*, коего тѣсная связь съ англійскимъ правительствомъ всѣмъ извѣстна. Вотъ, между прочимъ, обращикъ изъ депеши турецкаго министра, отъ 8 августа:

„Оканчивая этотъ длинный и печальный перечень новыхъ жестокостей совершенныхъ Русскими, я не могу не напомнить вамъ что съ той минуты какъ непріятель ступилъ на нашу территорію не проходило дня чтобы намъ не пришлось отмѣтить какой-либо совершенный имъ актъ разрушенія и жестокости. Мы съ горестью спрашиваемъ себя: неужели Европа и впредь останется безстрастнымъ зрителемъ этихъ предумышленныхъ нарушеній законовъ войны и гуманности, и неужели мы осуждены видѣть какъ до безконечности увеличивается списокъ мучениковъ среди Оттоманскаго населенія?

Повѣритъ ли будущій историкъ что злодѣи обагренные еще кровью *десятковъ тысячъ* вчера ими зарѣзанныхъ жертвъ могли такъ говорить предъ лицомъ „цивилизованнаго міра?"

И англійская печать неуклонно воспроизводитъ эти турецкіе дипломатическіе документы доставляемые ей чрезъ посредство правительственнаго агентства. Англійское правительство, въ самый день закрытія парламента, роздало новую (третью) *Синюю Книгу* въ которой находится между прочимъ пространное донесеніе г. Леярда отъ 30 мая. Было бы омерзительно воспроизвести этотъ документъ вполнѣ. Ничего подобнаго намъ не приводилось читать даже въ донесеніяхъ сэръ-Генри Эллиота. Подобно своему предмѣстнику, г. Леярдъ взялъ на себя роль адвоката Турціи; но онъ исполняетъ ее еще съ большею горячностью и съ безстыдствомъ все превосходящимъ. Г. Леярдъ прежде всего указываетъ на то что Турція совершенно безсильна противъ обрушившихся на нее клеветъ, „такъ какъ она совсѣмъ не прибѣгаетъ къ агитаціи посредствомъ печати и чрезъ особыхъ агентовъ" (!!). Вслѣдствіе этого, она подверглась де страшнымъ и совершенно незаслуженнымъ клеветамъ въ прошедшемъ году. Клеветою оказывается даже то что было подтверждено спеціальнымъ агентомъ Англійскаго правительства. Въ прошломъ году вырѣзано де въ Болгаріи *всего только* 3.500 человѣкъ (а не 12.000 какъ донесъ г. Берингъ). Не говоря ужь о томъ что въ это число слѣдуетъ включить и Турокъ павшихъ отъ руки христіанъ, нужно де имѣть въ виду что это была расправа съ мятежниками которые, будучи подстрекаемы русскими и панславистскими агентами, сговорились вырѣзать всѣхъ мусульманъ. Болгарское населеніе до сихъ поръ пользуется де замѣчательнымъ благосостояніемъ. „Христіанское населеніе Турціи, или по крайней мѣрѣ наиболѣе просвѣщенная часть онаго, и теперь убѣждено что подъ властью Турокъ оно имѣетъ гораздо болѣе шансовъ добиться своихъ національныхъ цѣлей, *сохранить свою вѣру* и развить свою политическую свободу чѣмъ еслибъ они подпали подъ власть Россіи... Я убѣжденъ, заключаетъ г. Леярдъ, что думающіе такъ вполнѣ правы."

Это то донесеніе г. Леярда отъ 30 мая кабинетъ Беконсфильдъ-Дарби счелъ нужнымъ обнародовать теперь, когда, по свидѣтельству англійскихъ же корреспондентовъ при турецкой арміи, въ Болгаріи совершаются дѣла предъ коими блѣднѣютъ прошлогоднія злодѣянія Турокъ!

Какого же еще нужно доказательства что способъ веденія войны принятый Турками и тѣ звѣрскія избіенія коимъ она подвергаетъ цѣлыя населенія не могутъ быть смягчены и остановлены силою „негодованій Европы."

Пока Россія находится въ войнѣ съ Турціей она имѣетъ въ своихъ рукахъ лишь одно *законное* и дѣйствительное средство: военныя репресаліи. На варваровъ можно дѣйствовать лишь страхомъ, и этимъ средствомъ не слѣдуетъ пренебрегать. Если будетъ объявлено турецкой командѣ что за каждаго умерщвленнаго раненаго, за всякое насиліе противъ мирныхъ христіанъ, за употребленіе разрывныхъ пуль и за прочія нарушенія правилъ войны будетъ казнено соотвѣтственное число Турокъ; если баши-бузуки перестанутъ вообще счи-

таться военноплѣнными и каждаго изъ этихъ „шакаловъ“ постигнетъ давно заслуженная имъ участь: Турки перемѣнятъ способъ войны. Дипломаты изъ Турокъ, можетъ-быть, будутъ попрежнему писать о русскихъ жестокостяхъ; но сами башибузуки, регулярные и иррегулярные, хорошо уразумѣютъ смыслъ предостереженія.

№ 200.

Москва, 11-го августа.

Рано утромъ, 9 августа, Османъ паша отдалъ приказъ атаковать перевалъ черезъ Балканы у Шипки. „Теперь или никогда,“ долженъ былъ думать турецкій генералъ, „теперь или никогда“ болѣе не удастся возстановить связь между отдѣльными турецкими массами и спасти ихъ отъ пораженія по частямъ. Съ прибытіемъ на театръ войны идущихъ къ Дѣйствующей Арміи подкрѣпленій, о наступательныхъ дѣйствіяхъ Турокъ не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ уже теперь положеніе Османъ-паши въ Плевнѣ становится не только не надежнымъ, но въ высшей мѣрѣ затруднительнымъ. Османъ-паша не можетъ ни отступить, ни двинуться впередъ, не рискуя быть разбитымъ на голову. Спасеніе его заключается лишь въ помощи отъ Сулейманъ-паши, который не можетъ ждать никакого содѣйствія даже со стороны Четыреугольника, уже давно и прочно парализованнаго. Такимъ образомъ Сулейманъ-паша, предоставленный собственнымъ силамъ, долженъ форсировать проходъ „прямо въ лобъ,“ а это есть предпріятіе, удача котораго зависитъ не только отъ численной силы войскъ, но и отъ ихъ нравственныхъ качествъ, отъ энергіи и настойчивости начальника.

Сила войскъ Сулейманъ-паши весьма значительна: депеша нашего Главнокомандующаго исчисляетъ силу Сулеймана въ 40 баталіоновъ, что̀ составитъ приблизительно около 30 тысячъ штыковъ. Вся эта масса состоитъ изъ людей обстрѣленныхъ, освоившихся съ боемъ и настолько выдержанныхъ что становится возможнымъ настойчивое повтореніе неудачныхъ атакъ. Ходъ боя свидѣтельствуетъ не менѣе и объ энергіи турецкаго генерала: начавъ бой 9 августа, около 7 часовъ утра, Сулейманъ-паша произвелъ 10 атакъ, но всѣ они были отбиты. „Бой пріостановился въ „сумерки, и возобновился съ восходомъ „луны, прекратился ночью, и опять на„чался 10 августа въ 5 часовъ утра“... Турки вводятъ въ дѣло свѣжія войска, „приступы возобновляются одинъ за дру„гимъ, но до сихъ поръ всѣ отбиты на„шими молодцами съ большимъ урономъ „для Турокъ,“ сказано въ депешѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго посланной изъ Горнаго Студня въ 3 часа 40 мин. пополудни. Потери не останавливаютъ атакующаго, онъ настойчиво напираетъ, но безъ успѣха. „По послѣднимъ извѣстіямъ отъ 6 часовъ вечера сего 10 августа,“ говоритъ нашъ корреспондентъ, „наши продолжаютъ отбивать Турокъ.“

Теперь вѣроятно уже можно сказать что попытки Турокъ не имѣли успѣха, такъ какъ къ защитникамъ перевала поспѣшили подкрѣпленія подъ командой генераловъ Радецкаго и Драгомирова.

Силы, два дня такъ блистательно защищавшія перевалъ, не могли быть велики, судя по тому что они состояли подъ начальствомъ генералъ-майора Дерожинскаго, командира 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, входящей въ составъ 8-го корпуса. Бригада эта состоитъ изъ полковъ Орловскаго, уже отличившагося при взятіи у Турокъ Шипкинскаго прохода, и Брянскаго—имѣющаго славныя боевыя преданія. Сверхъ этихъ шести баталіоновъ, въ распоряженіи генерала Дерожинскаго могло находиться еще нѣсколько баталіоновъ изъ войскъ входившихъ въ составъ передоваго отряда генерала Гурко; во всякомъ случаѣ, двухдневную оборону прохода вели съ нашей стороны не болѣе 10 тысячъ пѣхоты, о геройскую стойкость которыхъ разбились всѣ усилія тридцатитысячнаго турецкаго корпуса.

Предпринимая атаку Балканскихъ проходовъ, Сулейманъ-паша едвали имѣлъ надлежащія свѣдѣнія о силѣ тѣхъ русскихъ войскъ съ которыми ему придется помѣриться: иначе онъ не предпринялъ бы атаки ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ для него было бы тогда совершенно ясно что соединеніе съ Османомъ и Мегмедомъ-Али разомъ, посредствомъ наступленія чрезъ Балканы, совершенно невозможно. Дѣйствительно, у Тырнова и въ Балканахъ Русскіе располагали еще мѣсяцъ назадъ всѣмъ 8-мъ корпусомъ и передовымъ отрядомъ генерала Гурко, что̀ составитъ

$34^1/_2$ баталіона пѣхоты съ 44 эскадронами и 80 орудіями. Но съ тѣхъ поръ къ этимъ силамъ могли прибыть, и дѣйствительно прибыли, подкрѣпленія, и, какъ мы полагаемъ значительныя. Еслибы Сулейманъ-пашѣ удалось сбить передовыя войска оборонявшія проходъ, то и въ этомъ случаѣ онъ выигралъ бы весьма мало: Сулейманъ-паша слишкомъ хорошо изъ опыта знакомъ съ войной въ горахъ; онъ знаетъ чего стоитъ проходъ въ тѣснинахъ даже при условіи подавляющаго численнаго превосходства, если противникъ стоекъ и способенъ кинуться грудью впередъ, сойтись на штыкъ.

Въ турецкомъ лагерѣ хорошо сознавали трудность того дѣла на которое рѣшился Сулейманъ. Это видно изъ корреспонденцій посланныхъ изъ турецкаго лагеря въ австрійскія газеты. Всѣ онѣ настойчиво твердили за послѣдніе дни что Сулейманъ-паша двигается чрезъ Беброво и Елену и, соединясь съ войсками Мегмедъ-Али, пойдетъ противъ Тырнова съ востока, по Османъ-Базарской дорогѣ. Весьма вѣроятно что корреспонденты приняли за совершившіеся факты желанія лицъ составляющихъ турецкій штабъ, или даже просто имъ были сообщены ложныя свѣдѣнія съ цѣлью ввести противника въ заблужденіе и тѣмъ самымъ облегчить себѣ задачу.

То же самое подтверждаетъ и образъ дѣйствій Сулейманъ-паши. Онъ двинулся не прямо къ перевалу у Шипки, а предварительно произвелъ за нѣсколько дней — 5 августа — атаку на Ханкіойскій перевалъ. Атака была отбита, но тѣмъ настойчивѣе были слухи о наступленіи противъ этого прохода. „Ханкіойскій перевалъ уже въ распоряженіи Сулеймана,“ читали мы на дняхъ въ одной изъ вѣнскихъ газетъ состоящихъ въ услуженіи у турецкой квартиры.

Но всѣ уловки не повели ровно ни къ чему: русскія войска зорко слѣдили за движеніями Сулеймана, и уже нѣсколько дней русская команда разгадала куда будетъ направленъ рѣшительный ударъ, и безъ сомнѣнія приготовилась встрѣтить его.

Занявъ Тырново и Балканскіе проходы, русская команда сумѣла оцѣнить всю важность этого успѣха и принять самыя энергическія мѣры для удержанія этихъ пунктовъ, отъ обладанія коими зависитъ весь дальнѣйшій ходъ кампаніи. Въ дефилеяхъ у Тырнова уже давно возводились укрѣпленія, которыя окончены и вооружены. Корреспондентъ *Times*, побывавшій въ Тырновѣ и Шипкѣ, писалъ вскорѣ послѣ втораго дѣла у Плевны что къ Балканамъ доставлены также запасы продовольствія, и что ихъ должно достать на нѣсколько недѣль.

Нельзя не обратить вниманія на маневръ вторично исполненный Турками съ востока и съ запада расположенія нашей арміи. 4 августа Сулейманъ-паша атаковалъ Ханкіойскій перевалъ, и его поддержали мелкими демонстраціями со стороны Рущука, Османъ-Базара и отъ Плевны. Тогда это могло быть истолковано намѣреніемъ Турокъ „раскрыть наши силы по всей линіи нашего расположенія;“ теперь иное дѣло: Сулейманъ-паша употребляетъ отчаянныя усилія для завладѣнія проходомъ у Шипки, нуждается въ поддержкѣ своей атаки предпріятіями во флангъ и тылъ, — а вмѣсто этого турецкіе генералы ограничиваются лишь незначительными, чисто демонстративными попытками „прорвать наши сторожевые посты;“ съ востока это дѣлали въ оба дня; съ запада, отъ Ловчи, только 9 августа „вышли было баши-бузуки, но были отбиты“ нашимъ авангардомъ прикрывающимъ Сельви. Ничтожность этихъ попытокъ служитъ, какъ намъ кажется, неопровержимымъ доказательствомъ на сколько грозно занятое Русскою арміей положеніе. „Позиціи занимаемыя Русскими чрезвычайно сильны,“ говорила недѣли двѣ тому назадъ *Провинціальная Корреспонденція*; объ атакѣ со стороны Ловчи или съ востока турецкіе генералы едва ли осмѣлятся и подумать.

Не осмѣлятся Турки предпринять ничего рѣшительнаго даже и противъ войскъ генерала Циммермана, къ которому также прибываютъ значительныя подкрѣпленія. Турки разчитывали было высадиться у Кюстенджи, во флангѣ этого корпуса, и этимъ принудить его податься назадъ, но ошиблись въ разчетѣ: позиціи генерала Циммермана весьма сильны, а Кюстенджи укрѣпленъ „сильнѣйшимъ образомъ,“ укрѣпленъ тяжелыми крѣпостными орудіями, какъ сообщаетъ *Политическая Корреспонденція*.

Такимъ образомъ успѣхъ кампаніи обезпеченъ, и можетъ-быть не далеко то время когда Русская армія перейдетъ къ энергическому наступленію съ такими силами

съ которыми можно окончить кампанію гораздо быстрѣе нежели предполагаютъ тѣ кто обращаютъ особенное вниманіе на русскія „приготовленія къ зимней кампаніи,“ на новыя заготовки, подряды, закладку магазиновъ въ Турнъ-Северинѣ, Зимницѣ и Турнъ-Магурели.

Заготовленія эти необходимы въ видахъ огражденія арміи отъ всякихъ случайностей, но они вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ что русская команда признала невозможнымъ кончить войну еще въ настоящемъ году. Война съ Франціей была кончена, а Германская армія еще долго простояла тамъ дабы гарантировать точное исполненіе договора...

№ 201.

Москва, 12-го августа.

А.

Рука опускается, слово замираетъ... До разсужденій ли и толковъ въ эту минуту когда быть-можетъ рѣшается судьба этого четырехдневнаго, почти непрерывнаго боя который кипитъ теперь въ Балканахъ? Геройство нашихъ войскъ... Шесть, семь тысячъ человѣкъ защищаютъ горный проходъ отъ шестидесятитысячной арміи; трое сутокъ эти люди не спятъ и остаются почти безъ пищи подъ дѣйствіемъ страшныхъ, дальняго боя орудій, постоянно въ бою, ежеминутно готовые къ бою... Но, Боже, какъ бы счастливы были мы если-бы войскамъ нашимъ было менѣе поводовъ давать доказательства своего героизма! Давно уже турецкій полководецъ, стянувъ большія силы, рыщетъ у Балканъ, и несомнѣнно что цѣль его была отнять у насъ этотъ Шипкинскій перевалъ, такъ легко и счастливо занятый нами. Онъ пытался перейти Балканы въ другихъ мѣстахъ, но дѣлалъ это только затѣмъ чтобъ отвести намъ глаза, а все вниманіе его было устремлено на Шипку. Наконецъ, 7-го августа, онъ подошелъ къ ней, и горсть ея защитниковъ изготовилась къ оборонѣ. Прошелъ день 8 августа; атака началась 9-го. Въ этотъ день десять приступовъ были отражены, но бой возобновился 10-го. Наконецъ слава Богу, прибыли къ 11-му числу подкрѣпленія. Они двинулись въ ночь съ 10-го на 11-е, и въ одинъ переходъ сдѣлали 50, почти 60 верстъ. Нужны были неимовѣрныя усилія чтобы подоспѣть на помощь. Стрѣлки прискакали на казацкихъ лошадяхъ, въ самую критическую минуту, когда Турки вломились было въ нашу позицію. Опоздай они на полчаса, и Богъ знаетъ какія были бы послѣдствія. И командиры, и солдаты явили при этомъ энергію необычайную,—слава имъ! Но если бы подкрѣпленія пустились въ путь 7-го числа, а не 10-го, они прибыли бы на мѣсто легко, и бой потребовалъ бы меньшихъ усилій...

Нѣтъ, разсуждать теперь мы не въ силахъ. Мысли наши путаются. Намъ остается только молиться. Будемъ молиться!... Да будутъ избавлены отъ новыхъ испытаній въ своемъ героизмѣ, въ своемъ самоотверженіи, эти герои, эти дорогія дѣти нашего народа, эти доблестные защитники святаго дѣла, эти истинные воины Христовы...

Б.

Не даромъ Великій Князь Главнокомандующій предостерегалъ на дняхъ русскую публику противъ идущихъ изъ-заграничныхъ газетъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе слѣдимъ за лживыми извѣстіями туркофильскихъ газетъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ какими-нибудь случайными ошибками, а съ цѣлою, вполнѣ организованною системой фальшивыхъ свѣдѣній, разчитанныхъ на то чтобы вводить не только публику, но косвенно, чего добраго, и команду русскихъ армій въ заблужденіе на счетъ видовъ и дѣлей турецкихъ полководцевъ. Главную роль при этомъ играютъ корреспонденты изъ разныхъ турецкихъ лагерей. Замѣчательно также и то согласіе съ какимъ вторятъ имъ и находящіеся въ занятыхъ нашими войсками мѣстностяхъ корреспонденты туркофильскихъ газетъ. Такъ, въ субботу и въ воскресенье получили мы изъ вѣнскихъ газетъ, на разстояніи всего нѣсколькихъ часовъ, двѣ телеграммы о переходѣ Сулейманъ-паши чрезъ Ханкіойскій перевалъ и о движеніи его на Тырново. Одна изъ этихъ телеграммъ была отправлена изъ Османъ-Базара, слѣдовательно изъ турецкаго лагеря, другая изъ Систова, находящагося въ тылу нашей операціонной линіи. Печатая послѣднюю изъ

этихъ телеграммъ, мы оговорили въ выноскѣ неправдоподобность сообщеннаго ею свѣдѣнія, и подивились какъ корреспондентъ въ тылу нашей арміи могъ извѣститься *черезъ всю Болгарію* о состоявшемся *въ тотъ же день* переходѣ Турокъ черезъ Балканы

А между тѣмъ Сулейманъ-паша и не думалъ переходить черезъ Ханкіойскій перевалъ; онъ просто сосредоточивалъ тогда силы свои на южномъ ихъ склонѣ съ тѣмъ чтобы форсировать занятый русскими войсками перевалъ Шипки... Само собою разумѣется что въ интересахъ Сулейманъ-паши было заставить вѣрить что онъ идетъ на соединеніе съ Мегметъ-Али другими, болѣе восточными проходами ..

Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ принимаютъ, однако, всѣ эти извѣстія за чистую истину и основываютъ на нихъ самыя замысловатыя стратегическія комбинаціи...

№ 202.

Москва, 13-го августа.

А.

Телеграмма нашего корреспондента изъ Горнаго Студня, отправленная еще въ 9 часовъ вечера, свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ нашего малаго отряда у Шипки. Вчера, 12 августа, въ 4 часа пополудни, ему удалось сбить лѣвый флангъ Турецкой арміи и принудить ее убрать два орудія сильно безпокоившія насъ съ тыла. Телеграмма Великаго Князя Главнокомандующаго, отъ того же числа, дополняетъ эти свѣдѣнія. Какъ видно изъ нея, 11 августа, въ 6 часовъ, подоспѣла на помощь нашимъ шипкинскимъ героямъ вся четвертая стрѣлковая бригада съ шестью орудіями; ночью съ 11 на 12 августа должны были прибыть на Шипку болѣе „значительныя подкрѣпленія.“ Но уже наканунѣ въ 9 часовъ вечера, 16-й стрѣлковый баталіонъ овладѣлъ высотою предъ нашимъ правымъ флангомъ.

Итакъ, малочисленная дружина защитниковъ Шипки, какъ только подоспѣли первыя подкрѣпленія, уже не ограничилась одною обороной: въ тотъ же вечеръ овладѣла она высотой предъ правымъ флангомъ, а на другой день окончательно сбила лѣвый непріятельскій флангъ который обстрѣливалъ нашу позицію „перекрестнымъ огнемъ.“

Какъ ни лживы турецкія депеши, однако помѣщенная ниже константинопольская телеграмма косвенно подтверждаетъ неуспѣхъ Турокъ. Сулейманъ-паша доноситъ что „нѣсколько русскихъ вылазокъ геройски (геройство не трудно при громадномъ численномъ превосходствѣ!) *выдержаны* Турками,“ но не говоритъ что эти вылазки были *отбиты*. Бо̀льшаго отъ турецкой реляціи нельзя и ожидать.

Турецкіе генералы, подстрекаемые англійскими и мадьярскими совѣтодателями, очевидно употребляютъ теперь всѣ усилія чтобы воспользоваться временемъ пока еще не подошли ожидаемыя нами на театръ войны сильныя подкрѣпленія и пытаются со всѣхъ сторонъ перейти въ наступленіе. Сулейманъ-паша со всѣми своими силами бьется у Шипки чтобы прорваться по сю сторону Балканъ. Османъ-паша въ то же время затѣялъ было неудавшееся ему движеніе изъ Ловчи. Правый флангъ Турецкой арміи, гдѣ находится ея новый главнокомандующій, Мехмедъ-Али, также пришелъ въ движеніе. Большія силы съ этой стороны двинулись къ рѣчкѣ Кара-Лому чрезъ Джуму. На берегу ея выдвинулся къ югу передовой отрядъ нашъ у селенія Аяслара. Турки употребили всѣ усилія чтобы завладѣть этою позиціей. Нѣсколько разъ возобновляли они свои атаки и были отбиваемы; наконецъ имъ удалось завладѣть этою позиціей; ихъ снова оттуда прогнали; они возвратились съ новыми силами, и передовой отрядъ нашъ отошелъ нѣсколько далѣе отъ рѣки къ главнымъ силамъ сосредоточенной здѣсь нашей арміи. Будутъ ли Турки продолжать свое движеніе и атаковать наши позиціи на лѣвомъ берегу Кара-Лома? Или думая занять насъ здѣсь фальшивымъ движеніемъ, они замышляютъ двинуть значительныя силы отъ Османъ-Базара на Тырново? .

Б.

Мадьярскій патріотъ, генералъ Клапка, почти также усердно хлопочетъ о возбужденіи своихъ соотечественниковъ къ войнѣ противъ Россіи какъ хлопоталъ онъ и въ 1849, и въ 1859, и въ 1866 годахъ о возбужденіи ихъ къ войнѣ противъ Габсбургской монархіи. Дѣйствительно, въ

1849 году, онъ былъ душей возстанія Мадьяръ, онъ защищалъ послѣднюю крѣпость мятежниковъ, Коморнъ, а въ 1859 и 1866 годахъ въ пользу Италіи и въ пользу Пруссіи образовалъ противъ той же Габсбургской монархіи пресловутые „мадьярскіе легіоны.“ Иное дѣло нынѣ. Клапка вдругъ оказывается ревностнымъ защитникомъ какихъ-то „интересовъ“ этой самой Габсбургской монархіи. Во имя этихъ интересовъ онъ созываетъ безчисленные туркофильскіе и руссофобскіе митинги своихъ „храбрыхъ“ соотечественниковъ. Онъ нашептываетъ имъ ихъ рѣчи, онъ воодушевляетъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ, онъ диктуетъ имъ резолюціи. И все это „интересовъ монархіи“ ради...

Но вотъ берлинская *Post* подвергла сомнѣнію безкорыстіе этой „патріотической“ агитаціи. По ея предположенію, Клапка дѣйствуетъ просто какъ подкупленный Турціей политическій агентъ. Это предположеніе подтверждается константинопольскимъ письмомъ въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*. „Турецкое правительство,“ сказано въ этомъ письмѣ, „доказываетъ „что какъ ни тяжело ему въ настоящее „время, но оно все-таки располагаетъ до„статочными средствами чтобы наградить „по достоинству дѣйствительныя заслуги. „Какъ всѣмъ извѣстно, здѣсь, въ воздаяніе дружескаго расположенія къ ней, „столь дѣятельно доказаннаго генераломъ „Клапкой во время его пребыванія въ Ав„стро-Венгріи, Порта препроводила ему „*весьма приличный знакъ* (ein sehr anständiges Zeichen) *своей благодарности*...“

И въ самомъ дѣлѣ, если вникнуть въ сущность агитаціи, столь дѣятельно“ доказывавшей Портѣ дружбу мадьярскаго „патріота,“ то она окажется едва ли не враждебнѣе для Габсбургской имперіи чѣмъ была дѣятельность его не только въ 1859—66 годахъ, но даже и въ 1849 году. Дѣйствительно, въ 1849 году Габсбургская монархія оставалась въ дружбѣ съ Россіей, и этой дружбы было достаточно чтобы спасти ее. Разрывая узы этой дружбы, Клапка нанесъ Габсбургской монархіи тотъ ударъ который не успѣли нанесть ей всѣ его прежнія козни. Но краснорѣчіе мадьярскаго „патріота“ оказывается напрасно. Какъ извѣстно, графъ Андраши не хотѣлъ и выслушать Клапку, и даже отказался принять его при отъѣздѣ его изъ Вѣны въ Пештъ, предъ началомъ столь „прилично“ награжденной нынѣ Портою агитаціи. Но истина очевидно беретъ свое даже въ средѣ самыхъ завзятыхъ мадьярскихъ патріотовъ. Не только *Hon*, вопреки своимъ министерскимъ связямъ, поблажавшій до сихъ поръ руссофобскому бѣшенству своихъ соотечественниковъ, но даже оппозиціонный *Ellenör* начинаютъ вразумлять мадьярскую публику что война противъ Россіи была бы дѣломъ нелегкимъ и что Австро-Венгріи пришлось бы вести ее „не съ одною Россіей.“ Дѣйствительно, не говоря даже о *внѣшнихъ врагахъ*, которыхъ можетъ вызвать противъ Габсбургской монархіи война съ Россіей, въ самой Венгріи Мадьяры нажили себѣ много озлобленныхъ *внутреннихъ враговъ*, съ которыми имъ пришлось бы сводить непосильные счеты въ случаѣ войны съ Россіей. По свидѣтельству австро-венгерскихъ и берлинскихъ газетъ, „настроеніе въ Хорватіи и по всей Военной Границѣ такъ рѣшительно враждебно „Венгріи что ни банъ Хорватіи, ни военный генералъ-губернаторъ Хорватіи и „Военной Границы не нашли болѣе возможнымъ противиться ему.“ *Предлогомъ* къ заявленію этого опаснаго для Венгріи настроенія послужилъ вопросъ о пограничныхъ желѣзныхъ дорогахъ. До двухъсотъ общинъ протестовали противъ утвержденнаго Венгерскимъ правительствомъ желѣзнодорожнаго проекта, и военный генералъ-губернаторъ, фельдцейхмейстеръ Моллинари, принялъ депутаціи этихъ общинъ и ходатайствовалъ о принятіи ихъ императоромъ. Органы мадьярскаго патріотизма въ негодованіи; это объявляется ими „государственною измѣной,“ плодомъ подпольныхъ козней подосланныхъ Россіей „панславистскихъ агитаторовъ.“ По мнѣнію же *National-Zeitung*, во всемъ этомъ обнаруживается естественная реакція противъ мадьярскихъ демонстрацій. Истиннымъ „панславистскимъ агитаторомъ“ оказывается такимъ образомъ самъ Клапка.

Положеніе Венгріи такъ теперь серіозно что въ самыхъ отъявленныхъ мадьярскихъ органахъ произошелъ замѣчательный поворотъ. Органъ венгерскаго министерства, *Hon*, вдругъ отрезвился до такой степени что даже считаетъ нужнымъ приготовить своихъ соотечественниковъ къ мысли о безпрепятственномъ допущеніи вмѣшательства Сербіи въ настоящую войну. „Пусть Сербія,“ восклицаетъ названная газета, „по примѣру „Румыніи вовлечется въ войну, лишь бы

„въ Вѣнѣ рѣшились, въ часъ разчета, бро„сить на вѣсы голосъ нашей монархіи...“
„Жаль,“ присовокупляетъ къ этому восклицанію берлинская *National-Zeitung*, „что министерскія газеты только нынѣ до„гадались завесть такую трезвую рѣчь!..“ Дѣйствительно „жаль,“ скажемъ и мы,— но въ ихъ опьяненіи не была ли отчасти виновата и дипломатія наша?..

№ 204.

Москва, 16-го августа.

А.

Бой на Шипкѣ наконецъ прекратился. Турки отступили и засѣли гдѣ-то въ горахъ.

Какъ оказывается, главное управленіе Турецкой арміи имѣло уже съ 17 (5) августа обдуманный планъ всесторонняго наступленія, съ фронта (на Шипку) и съ обоихъ фланговъ противъ нашей операціонной линіи въ Болгаріи, а наша главная квартира уже подготовляла тѣ силы, которыя принимали участіе въ послѣднихъ битвахъ. Еще 17 (5) августа, писали изъ Галаца въ *Политическую Корреспонденцію*, что „наступившему уже нѣсколько недѣль назадъ затишью въ военныхъ дѣйствіяхъ, повидимому, *предстоитъ близкій конецъ*. Турецкое главное военное начальство должно-быть убѣдилось что пришло время предпринять болѣе энергическія дѣйствія и перейти въ наступленіе... Но за движеніемъ арміи Сулейманъ-паши, какъ кажется, не слѣдятъ съ должнымъ вниманіемъ...“

Отъ того же 5-го числа, г. Форбсъ, военный корреспондентъ *Daily News*, писалъ что *вскорѣ на Шипкѣ станетъ очень жарко*, что это въ Главной Квартирѣ предвидятъ, и что тамъ рѣшено отправить на Шипку подкрѣпленія. Однако, по свѣдѣніямъ его же, г. Форбса, была отправлена только четвертая стрѣлковая бригада при шести орудіяхъ, и это въ сущности незначительное подкрѣпленіе пошло не прямымъ путемъ (главная дорога была оставлена для провоза провіанта), а проселками, такъ что несмотря на сдѣланные имъ страшно форсированные марши (по 56 верстъ въ день), оно подоспѣло *только что вовремя*...

Не столько пущенное Турками фальшивое извѣстіе о переходѣ Сулейманъ-паши черезъ Ханкіойскій перевалъ (о чемъ въ одинъ голосъ свидѣтельствовали всѣ румынскіе корреспонденты вѣнскихъ и берлинскихъ газетъ, даже и обыкновенно столь благонадежные корреспонденты *Политической Корреспонденціи* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*), сколько ожиданіе общаго, одновременнаго движенія Османъ-паши и Мехмедъ-Али поставило нашу Главную Квартиру въ необходимость не отдѣлять на подкрѣпленіе Шипкинскаго отряда болѣе значительныхъ силъ изъ сосредоточенной въ центрѣ нашей операціонной линіи главной массы нашихъ войскъ. Дѣйствительно, всѣ приведенныя выше и не разъ высказанныя нами предположенія о планѣ общаго наступательнаго движенія Турокъ подтверждаются константинопольскими телеграммами въ берлинскія газеты. Такъ 7 (19) августа извѣщаютъ онѣ о занятіи деревни Шипки (предъ самимъ ущельемъ) Сулейманъ-пашой, а вечеромъ 8 (20) августа сообщаютъ что наканунѣ началось одновременно съ трехъ сторонъ наступленіе Турокъ. Дивизія Шекиръ-паши, изъ корпуса Сулейманъ-паши, атаковала Шипкинскій проходъ въ то самое время когда дивизія Адиль-паши, изъ корпуса Османа, наступала къ юго-востоку, угрожая тылу борющихся въ Шипкинскомъ проходѣ русскихъ войскъ, между тѣмъ какъ дивизія Савфетъ-паши начала было наступать изъ Османъ-Базара въ направленіи къ западу...

Но усилія Турокъ воспользоваться послѣднимъ остающимся для нихъ временемъ не увѣнчались успѣхомъ. Ихъ наступательныя движенія не удались, и Шипкинскій проходъ, на вѣки прославленный геройскою обороной, остался послѣ шестидневнаго, почти непрерывнаго боя за нами...

Б.

Извѣстно значеніе происходившаго въ Ишлѣ свиданія между императорами Германскимъ и Австро-Венгерскимъ. Оно повсемѣстно признано подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ союза Трехъ Императоровъ. Но именно поэтому-то оно *многимъ* пришлось не по сердцу. Сюда относятся баши-бузуки всѣхъ возможныхъ европейскихъ національностей, между которыми честь первенства, конечно, принадлежитъ

Мадьярамъ и польско-турецкимъ органамъ оттѣнка *Journal des Débats*, живущимъ до сихъ поръ преданіями и ученіями Духинскаго проповѣдывавшаго „просвѣщенной“ Европѣ изгнаніе Русскихъ „варваровъ“ за Волгу, возстановленіе Польши и „освобожденіе“ Кавказа, для образованія изъ нихъ двухъ „оплотовъ европейской цивилизаціи противъ русскаго варварства.“ Дѣйствительно, какъ разъ ко времени этого свиданія вдругъ обнаружилось во всѣхъ газетахъ служащихъ органомъ турецко-польско-мадьярскому духу усугубленіе злобы противъ Россіи; къ этому же времени относятся и цитованныя нами недавно гнусныя ругательства вѣнской военной газеты противъ Россіи и Русской арміи. Но еще замѣчательнѣе брошюра, изданная какъ видно однимъ изъ поклонниковъ, а можетъ быть и сотрудниковъ этой газеты, майоромъ Австрійскаго № 49 полка, фонъ-Бишофомъ, подъ заглавіемъ: *Кавказъ и его значеніе для Россіи въ отношеніи къ ея европейскимъ и азіятскимъ дѣламъ...*

Мы не читали этой брошюры, но интересенъ отзывъ о ней въ органѣ князя Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*.

„Эту брошюру, говоритъ эта газета, случилось намъ прочесть какъ разъ въ день свиданія въ Ишлѣ императора Вильгельма съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Оба находятся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Русскому царственному дому, оба также вполнѣ законно владѣютъ отдѣльными частями бывшей Польской республики, а потому насъ поразило заключеніе брошюры фонъ-Бишофа: изъ-подъ пера штабъ-офицера, состоящаго на дѣйствительной императорско-королевской службѣ, это заключеніе, особенно въ настоящее время, привело насъ въ недоумѣніе. Въ заключеніи этомъ, коимъ резюмируется и вся брошюра, сказано слѣдующее:

„Завоевательной по истинѣ Россіи и ея стремленію расширить сферу своей власти отъ Китайскаго моря до Средней Европы лишь тогда можетъ быть поставлена преграда когда удастся отторгнуть у Россіи Кавказъ и польскій поясъ крѣпостей. Исполненіе того и другаго зависитъ отъ силы европейскихъ армій, поддержанныхъ англійскимъ флотомъ, наконецъ и отъ настроенія населеній Кавказа и Польши. Пока Россія будетъ владѣть Кавказомъ и группой польскихъ крѣпостей, она не откажется отъ своей давней завоевательной политики и отъ стремленія завладѣть всемірною торговлей, и останется грозящею опасностью для существованія самостоятельныхъ государствъ и народовъ.“

„Еслибы такія фразы,“ продолжаетъ органъ князя Бисмарка, „послужили въ 1854 году какому-нибудь модному публицисту темой для передовой статьи и были выражены тогда съ такимъ же *aplomb*, даже съ такою же увѣренностью, то это показалось бы тогда совершенно въ порядкѣ; но когда ихъ печатаетъ въ 1877 году состоящій на дѣйствительной императорско-королевской австрійской службѣ майоръ полка Германскаго императора Вильгельма, и именно въ то время когда нѣкоторыя племена Кавказа явно возстаютъ противъ русской власти, то это болѣе чѣмъ интересно и поучительно... Намъ кажется что простая географическо-статистическая компиляція не должна была бы давать состоящему на дѣйствительной службѣ штабъ-офицеру, — коего царственный военачальникъ отнюдь не принимаетъ враждебнаго положенія относительно Россіи, — права къ такому рѣшительному политическому сужденію какое высказано въ приведенномъ нами заключеніи...

„Странное дѣло эта брошюра, — странное столько же по положенію ея автора, какъ и по той враждебности которая высказывается въ ней противъ сосѣдней и дружественной державы, особенно же по противорѣчію между политикой императорско-королевскаго австро-венгерскаго правительства и воззрѣніями одного изъ ея штабъ-офицеровъ!“

Приведенная нами статья *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* ясно опредѣляетъ ту точку зрѣнія съ какой берлинскій кабинетъ смотритъ на всякую попытку возбужденія такъ-называемаго „польскаго вопроса.“ Этимъ взглядомъ объясняются и усилія Вѣнскаго кабинета во что бы ни стало не допустить въ Галиціи никакихъ враждебныхъ Россіи манифестацій со стороны польскихъ „патріотовъ.“ Оно запретило созваніе во Львовѣ анти-русскаго митинга и, какъ слышно, намѣрено привлечь къ судебной отвѣтственности нарушителей этого запрета публично прочитавшихъ враждебную Россіи резолюцію изъ окна ратуши.

№ 205.

Москва, 17-го августа.

Извѣстно что по возвращеніи изъ Черногоріи Сулейманъ-паша едва успѣлъ собрать на южномъ склонѣ Балканъ 10 — 12.000 человѣкъ оборванныхъ и изнуренныхъ послѣ тяжкаго и кровопролитнаго Черногорскаго похода. Въ вѣнской *Политической Корреспонденціи* было очень живо изображено жалкое состояніе этихъ осколковъ арміи „побѣдоносно“ вторгнувшейся изъ Герцеговины въ Черногорію и спасавшейся въ сторону противоположную своей базѣ—въ Албанію. Но и эти остатки были потомъ разбиты легкимъ отрядомъ генерала Гурко...

По свидѣтельству Константинопольской телеграммы въ берлинскія газеты, нѣсколько дней спустя, при первой атакѣ Шипкинскаго прохода, армія Сулеймана вдругъ оказалась въ *40.000 человѣкъ*; въ настоящее время въ ней уже насчитывается *до 100 баталіоновъ*, или, какъ свидѣтельствуетъ вѣнская *Политическая Корреспонденція*, 70.000 человѣкъ. А что эти войска не изнурены какъ были остатки Черногорской арміи Сулеймана, что это войска свѣжія и бодрыя, объ этомъ свидѣтельствуютъ и депеши Его Высочества, и вчерашняя телеграмма нашего корреспондента при Главной Квартирѣ.

Эта отличная армія, которую Сулейманъ-паша, „съ желѣзною энергіей,“ говоря словами нашего корреспондента, бросалъ въ продолженіе цѣлой недѣли на штурмъ нашихъ укрѣпленій на Шипкѣ—совсѣмъ не та армія которую Сулейманъ едва-едва успѣлъ собрать у Адріанополя. Нѣтъ сомнѣнія что въ этотъ промежутокъ времени вдругъ совершилась у Турокъ если не перемѣна декораціи, то перемѣна актеровъ. Откуда взялись новыя войска Сулеймана? Извѣстно что за Балканами, кромѣ остатковъ его арміи, не имѣлось у Турокъ иныхъ резервовъ регулярной арміи кромѣ войскъ стоявшихъ лагеремъ при Нишѣ и подвинутыхъ къ Плевнѣ, да только что собираемыхъ и пріучаемыхъ къ военному дѣлу ополченцевъ, ни числомъ, ни боевою готовностію не имѣющихъ ничего общаго съ теперешними войсками Сулейманъ-паши.

Откуда же вдругъ взялись эти войска?

Ни откуда болѣе какъ изъ арміи сердарь-экрема Мегметъ-Али. *Соединеніе Сулейманъ-паши съ Мегметъ-Али дѣйствительно состоялось*,но не по сю сторону Балканъ, какъ неумолчно твердили безчисленными телеграммами подкупленные Турками агенты, а по ту сторону хребта,—не Сулейманъ-паша, какъ, вопреки очевидности, утверждали эти агенты, перешелъ черезъ Балканы на соединеніе съ Мегметъ-Али, а этотъ выслалъ къ нему свои лучшія войска. Къ Сулейману присоединились, какъ надо думать, и тѣ отборные арабскіе баталіоны которые сѣли на суда въ Батумѣ и будто бы отправились куда-то на сѣверъ, на самомъ же дѣлѣ высадились въ Варнѣ.

Инымъ способомъ нѣтъ возможности объяснить появленіе у Сулейманъ-паши семидесятитысячной, хорошо выученной и дисциплинированной арміи. Это предположеніе подтверждается и всѣми бывшими въ послѣднее время военными дѣйствіями. Наступательныя движенія, предпринятыя противъ нашей операціонной линіи Османомъ и Мегметъ-Али, какъ разъ предъ началомъ атаки на Шипку, были слабы и вялы, и имѣли характеръ фальшивой вспомогательной демонстраціи, а не самостоятельныхъ дѣйствій, серіозно стремившихся прорвать центръ нашей операціонной линіи. Военныя обозрѣнія берлинскихъ газетъ, особенно *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, такъ же объясняютъ эти движенія, которыя „имѣли цѣлью,“ говоритъ послѣдняя газета, „отвлечь вниманіе Русскихъ отъ горъ, и занимая и безпокоя ихъ незначительными стычками и рекогносцировками, облегчать такимъ образомъ наступленіе Сулейманъ-паши... Наступленіе это было предпринято съ большою осторожностью и *медленностью*... 16 августа Сулейманъ атаковалъ Гайнъ-Бугазскій (Гаинъ-Кіойскій) проходъ, но былъ отбитъ. И только 21 августа, утромъ, атаковалъ онъ всѣми своими силами Шипкинскій проходъ.“ Атака эта очевидно вела къ той же цѣли: отвлечь Русскихъ отъ истиннаго предмета на который должны были направиться главныя усилія Турокъ. Но къ чему же была нужна эта „медленность,“ обнаружившаяся въ наступленіи турецкаго генерала какъ не къ тому чтобы дать значительной части арміи Мехметъ-Али и высадившихся въ Варнѣ египетскихъ войскъ (одна изъ телеграммъ изъ нашей Главной Квартиры упоминала же о Египтянинѣ взятомъ въ плѣнъ на Шипкѣ) переправиться черезъ

Балканы и присоединиться къ Сулейманъ-пашѣ?

Очень вѣроятно что съ этою же цѣлью—отвлечь вниманіе Русскихъ отъ горъ, хотя и въ болѣе серіозныхъ размѣрахъ,—было предпринято на второй день штурма Шипки, 10 (22) августа, нападеніе на русскую позицію на Кара-Ломѣ, у Аяслара.

Между тѣмъ, на Шипкинскихъ высотахъ, въ первое время, стояло всего 3.000 Русскихъ! Естественно что Турки имѣли поводъ разчитывать на блистательный успѣхъ своего маневра поддержаннаго систематическою ложью телеграммъ. Дѣйствительно, уже 10 августа константинопольскія депеши собщали что „на овладѣніе Шипкой имѣются самыя вѣрныя надежды," а 11 августа какой-то болѣе усердный корреспондентъ сообщалъ что „Русскіе оставили Шипкинскій проходъ." Турецкой комбинаціи пришлось однако разбиться о непоколебимую стойкость горсти защитниковъ Шипкинскаго прохода...

Но нельзя не замѣтить что такъ какъ бо́льшая часть арміи Сулейманъ-паши переведена за Балканы изъ Болгаріи, то Мегметъ-Али долженъ быть значительно ослабленъ и находится или находился въ опасномъ положеніи...

№ 206.

Москва, 18-го августа.

А.

Любопытно что ни въ Лондонѣ, ни въ Вѣнѣ, какъ видно изъ послѣднихъ нумеровъ полученныхъ нами газетъ, уже имѣя извѣстія о третьемъ днѣ непрерывныхъ битвъ на Шипкѣ, все еще не хотѣли давать серіознаго значенія турецкому наступательному движенію въ этомъ направленіи. Военные критики англійскихъ газетъ вообще одобряли переходъ Турокъ въ наступленіе именно въ настоящее время, пока къ русскимъ войскамъ въ Болгаріи не успѣли еще подойти новыя, со дня на день ожидаемыя; но наступленіе представлялось ими совсѣмъ въ другомъ видѣ. „Казалось бы почти чудовищнымъ," телеграфировалъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, отъ 24 (12) августа, „чтобы Сулейманъ-паша сталъ со всѣми своими „силами пробиваться чрезъ Шипкинскій „проходъ, и дѣйствительно, передовой отрядъ его праваго фланга, какъ передаютъ, находится въ Бебровѣ, на сѣверномъ склонѣ Балканъ, на Тырновской дорогѣ: такъ что онъ долженъ былъ пройти проходомъ Демиръ-Капу, къ востоку отъ Елены." Поэтому корреспондентъ заключалъ предположеніемъ что у Шипки осталась только часть войскъ Сулеймана, не соединившаяся съ Мехмедъ-Али.

Еще глубокомысленнѣе разсуждаетъ на эту тему докторальнымъ тономъ авторъ военнаго обозрѣнія въ этомъ же нумерѣ *Times*. Онъ сомнѣвался даже чтобъ атаки на Шипкѣ повторялись три дня сряду. „Вѣдь разказъ объ этомъ событіи идетъ только изъ русскихъ источниковъ, говоритъ онъ, а съ другой стороны мы имѣемъ *ясныя* указанія что турецкая атака на Шипкинскій проходъ была скорѣе *диверсіей* чѣмъ серіозною и рѣшительною попыткою выбить русскіе отряды охранявшіе дефилей." Какія же это указанія? Первымъ изъ нихъ приводится аванпостная атака на высотахъ восточнаго берега Кара-Лома которая была де отражена, но очевидно предпринималась де въ ожиданіи общаго наступленія со стороны Турокъ. Изъ этого аванпостнаго дѣла заключалось объ „убѣжденіи" русскаго штаба что Мехмедъ-Али сосредоточиваетъ свои силы. Шипкинская же атака только де отводила глаза русскимъ командирамъ, ибо Сулейману не было никакой выгоды пробиваться здѣсь когда вправо у него были повидимому свободный Хаинъ-Бугазскій проходъ, а еще лѣвѣе совершенно свободный проходъ Демиръ-Капу, или Желѣзныя ворота, прямо ведущій на Елену и Эски-Джуму. Всѣ эти соображенія приводили автора обозрѣнія къ убѣжденію что пока лѣвый флангъ Сулеймана отвлекалъ вниманіе Русскихъ къ Шипкѣ, главныя его силы быстро и втихомолку передвигались де на соединеніе съ Мегмедъ-Али въ равнинахъ между Эски-Джумой и Тырновомъ, откуда движеніе большими силами могло гораздо вѣрнѣе заставить Русскихъ очистить Балканскіе проходы, чтобы находящіеся тамъ отряды не были отрѣзаны. Ко всему этому присовокуплялось утвержденіе что главная необходимость для Турокъ есть сосредоточеніе ихъ войскъ, а какъ оно считалось почти несомнѣнно состоявшимся, то положеніе русской арміи объявлялось критическимъ.

Теперь не трудно видѣть сколько во всѣхъ этихъ толкахъ, предварительно разносившихся телеграфомъ, было фальши. Втихомолку происходило соединеніе Сулеймана съ Мегметъ-Али не на Сѣверномъ, а на южномъ склонѣ Балканъ. Повторенныя затѣмъ еще въ теченіи четырехъ дней атаки Сулеймана доказываютъ что если онъ самъ не получилъ подкрѣпленій отъ сердаря, то во всякомъ случаѣ онъ *не могъ* отправить главную массу своихъ войскъ къ нему другими свободными проходами. Какъ бы могъ онъ производить эти непрестанныя атаки, съ огромными потерями, на русскія позиціи даже по прибытіи къ нимъ подкрѣпленій?

Какъ было важно Туркамъ занятіе Шипкинскаго прохода, объ этомъ свидѣтельствовали, еще 6 августа (25 іюля), слѣдующія размышленія адріанопольскаго корреспондента вѣнской *Политической Корреспонденціи* по поводу только что распространившагося тамъ ложнаго извѣстія о занятіи Ханкіойскаго прохода Сулейманъ-пашой: „На общій ходъ великихъ военныхъ событій," писали тогда въ городѣ гдѣ была главная квартира Сулейманъ-паши, „это не могло бы имѣть значительнаго вліянія. Совсѣмъ иное дѣло еслибы „Сулейманъ-пашѣ удалось завладѣть Шипкинскимъ проходомъ, который служитъ „ключомъ всего къ югу отъ Балканъ простирающагося театра войны. Какъ только Сулейманъ-пашѣ удалось бы овладѣть „этимъ проходомъ — а овладѣть имъ онъ „долженъ во что бы то ни стало — Русская армія будетъ принуждена покинуть „всѣ свои позиціи и отступить окончательно..."

Вотъ значеніе какое придавали занятію Шипки въ Адріанополѣ. Этимъ мнѣніемъ опредѣляется, прежде всего, та великая услуга, какую оказала всей русской арміи малочисленная, но доблестная дружина выдѣленная ею на защиту Шипки.

Весь разчетъ турецкаго генерала основывался очевидно на томъ что Шипкинскій проходъ былъ слишкомъ слабо защищенъ, что Русскіе, ожидая нападенія справа и слѣва и напуганные якобы совершившимся переходомъ войскъ Сулейманъ-паши и соединеніемъ ихъ съ арміей турецкаго главнокомандующаго, не успѣютъ достаточно подкрѣпить защитниковъ этого важнаго прохода; наконецъ, была надежда что демонстрація съ праваго и лѣваго фланга противъ русской арміи увѣнчаются лучшимъ успѣхомъ чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Разчетъ не удался. Посмотримъ что послѣдуетъ далѣе и куда Сулейманъ поведетъ свои растрепанные баталіоны. Но замѣчательно что иностранный телеграфъ, который былъ такъ плодовитъ послѣ Плевненскго дѣла какъ будто ничего не знаетъ о гигантскихъ бояхъ на Шипкѣ...

Б.

Скоро ли начнутся дожди въ Мадрасѣ? Вотъ вопросъ отъ рѣшенія котораго зависитъ болѣе жизней нежели быть-можетъ во всей Турціи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ въ одной Мадрасской провинціи погибло несравненно болѣе людей чѣмъ въ теперешней Русско-Турецкой войнѣ. До сей минуты умерло отъ голода уже 500.000 Индійцевъ. Страшная опасность угрожаетъ 20-милліонному населенію если не прекратится засуха.

Но люди хорошо знакомые съ индійскимъ климатомъ утверждаютъ что надѣяться на дождь нечего; къ тому же о жатвѣ на нынѣшній годъ и рѣчи быть не можетъ: всѣ поля превратились въ раскаленныя степи. „Въ Индіи, заключаютъ они, неминуемо погибнетъ болѣе людей въ одинъ годъ чѣмъ погибло во всѣ европейскія войны нынѣшняго столѣтія." Скота уже болѣе нѣтъ; нерѣдко встрѣчаются телѣги въ которыя запряжены пять-шесть человѣкъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія въ 1781 году, была почти такая же засуха и такой же моръ въ Мадрасской провинціи, пока небо не сжалилось и не послало дождей. При отсутствіи путей сообщенія, смежныя провинціи, гдѣ хлѣбъ гнилъ за недостаткомъ сбыта, не могли придти на помощь голодающимъ.

Такой опытъ могъ бы послужить урокомъ на будущее; но и теперь въ Мадрасской провинціи очень мало проселочныхъ дорогъ и всего одна желѣзная дорога. Колодцы вездѣ или высохли или до того дурны что вода въ нихъ мгновенно производитъ самыя злокачественныя болѣзни. Какъ доставить туда помощь? Да и гдѣ достать хлѣба на 20 милліоновъ людей? Нѣкоторыя мѣстности уже теперь покрыты мертвыми тѣлами будто послѣ страшной битвы. Смерть уноситъ ежеднев-

но тысячи жертвъ, число которыхъ ежедневно увеличивается.

Лордъ Салсбери уже съ мѣсяцъ тому назадъ указывалъ на приближающійся голодъ въ Индіи; но тогда еще надѣялись на дождь, и во всякомъ случаѣ думали что дѣло ограничится одною или двумя провинціями. Слѣдовало немедля принять какія-нибудь мѣры.

Но англійскому министерству было не до того: оно предпочитало упорно бороться съ вымышленными опасностями, науськивать Европу на Россію, „угрожающую англійскимъ интересамъ въ Индіи;“ о дѣйствительныхъ же опасностяхъ почему-то говорилось мало и сдержанно. Теперь уже долѣе молчать невозможно: зажиточные классы въ Индіи начинаютъ роптать и недоумѣваютъ: „Отчего же Англія такъ печется о судьбѣ Турокъ, говорятъ они, а приближающаяся наша гибель какъ будто не заслуживаетъ никакого состраданія?“

Прошлаго года лордъ Биконсфильдъ настаивалъ въ парламентѣ на необходимости поднести королевѣ Викторіи титулъ императрицы Индіи. Протестъ оппозиціи остался безъ послѣдствій: „королева превратилась въ императрицу чтобы польстить Индійцамъ,“ пояснили члены кабинета.

Откровенный и рѣшительный профессоръ Фосеттъ вскорѣ послѣ этого превращенія присутствовалъ на одномъ либеральномъ митингѣ. „Странно понимаютъ у насъ Индію, говорилъ онъ, если думаютъ такимъ способомъ заслужить любовь ея! Англія должна заботиться о благосостояніи матеріальномъ и нравственномъ своихъ подданныхъ, а лордъ Биконсфильдъ придумалъ ихъ осчастливить назначеніемъ въ Дели цѣлаго ряда празднествъ которыя придется оплачивать изъ индійской же казны.“

Теперешнія событія оправдываютъ слова г. Фосетта: громадныя деньги истраченныя прошлою осенью теперь бы пригодились...

№ 207.

Москва, 19-го августа.

А.

Сообщенная ниже обширная депеша *Международнаго Телеграфнаго Агентства* живописуетъ потрясающую картину защиты Шипкинскаго прохода. Первый натискъ непріятеля,—громадное превосходство силъ котораго, повидимому, еще не было вполнѣ извѣстно въ нашей арміи,—выдержалъ одинъ Орловскій пѣхотный полкъ; только съ полудня 9 августа подоспѣлъ къ нему на помощь Брянскій пѣхотный полкъ, и одна эта бригада, оказавшаяся подъ конецъ только въ половинномъ составѣ, *лишенная даже боевыхъ припасовъ*, выдерживала натискъ громадной непріятельской арміи до самаго вечера 11 августа

Особенно замѣчательно въ этой депешѣ извѣстіе что „Турки знали что перевалъ защищается однимъ Орловскимъ полкомъ.“ Дѣйствительно, на этомъ былъ основанъ весь этотъ смѣлый планъ атаки нашей позиціи съ фронта, которой, по свидѣтельству *Times* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, не рѣшались вѣрить ни въ лондонскихъ, ни въ берлинскихъ военныхъ сферахъ: до того подобная атака казалась тамъ рискованною. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было предполагать что Шипкинскій перевалъ защищался только однимъ полкомъ, и что защитники цѣлые три дня оставались безъ подкрѣпленій, а въ послѣдній изъ этихъ трехъ дней—даже безъ боевыхъ припасовъ, безъ патроновъ, безъ зарядовъ для артиллеріи?... Но Сулейманъ-паша повидимому зналъ это, и на это разчитывалъ, и ему навѣрное удался бы его разчетъ еслибъ онъ имѣлъ дѣло съ иными войсками.

Полученная нами сегодня *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сообщаетъ интересныя топографическія свѣдѣнія о Шипкинскомъ проходѣ, проливающія новый свѣтъ на происходившіе тамъ бои Фронтъ русской боевой линіи на вершинѣ Шипкинскаго перевала простирался на 4.500 метровъ, то-есть, безъ малаго, на *четыре съ половиною версты*, при сравнительной высотѣ 700 метровъ; среднее наклоненіе простиравшагося предъ нашею позиціей спуска выражается пропорціей 1: $6^3/_4$. Если для штурмующихъ колоннъ столь крутой подъемъ былъ большимъ препятствіемъ къ наступленію, то еще большую трудность для обороны позиціи столь малыми силами представляло чрезмѣрное протяженіе фронта нашей боевой линіи въ сильно пересѣченной мѣстности.

Но въ настоящее время опущенъ занавѣсъ надъ потрясающею драмой. Разностороннія свѣдѣнія объ исходѣ ея согла-

сны въ томъ что разстроенныя войска Сулейманъ-паши не въ состояніи возобновить свои отчаянныя попытки противъ нашихъ укрѣпленій на Шипкѣ. Что же будетъ теперь дѣлать эта армія? По первымъ свѣдѣніямъ о ней, она отступила въ горы и стала окапываться. Уже вчера корреспондентъ нашъ изъ главной квартиры выражалъ мнѣніе что она быть можетъ направится въ обходъ Шипкинскаго перевала. По извѣстіямъ вѣнской *Presse*, обыкновенно получающей хорошія свѣдѣнія съ театра войны, Сулейманъ намѣренъ идти восточными дефилеями на соединеніе съ арміей сердаря Мегметъ-Али-паши, дабы вмѣстѣ съ нимъ ударить на лѣвый флангъ нашей операціонной линіи и тѣмъ принудить къ отступленію занимающій Шипку русскій отрядъ. Можетъ-быть; но быть-можетъ также Сулейманъ готовится, въ случаѣ нужды, поспѣть на помощь Осману въ Плевнѣ. Дѣйствительно, положеніе этого послѣдняго можетъ на дняхъ стать очень серіознымъ даже и до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. Не говоря уже объ ожидаемомъ выступленіи Сербіи, князь Румынскій, назначенный командиромъ русско-румынскихъ войскъ на оконечность праваго крыла нашего операціоннаго фронта, направляется изъ Корабіи въ тылъ позиціи Османъ-паши, что должно обратить сюда все вниманіе Турокъ, а положеніе Сулейманъ-паши на Тунджѣ представляется, съ этой точки зрѣнія, весьма удачно выбраннымъ чтобы, смотря по обстоятельствамъ, либо идти прямо на соединеніе съ Османомъ, либо подать ему помощь вторженіемъ въ Сербію, либо наконецъ направиться на соединеніе съ Мегметъ-Али-пашой. Но въ виду ожидаемыхъ нашею арміей подкрѣпленій, для Турокъ теперь дорогъ каждый часъ. Поэтому весьма возможно что за неудачей фронтальной атаки противъ нашей операціонной линіи послѣдуетъ вскорѣ какая-нибудь отчаянная попытка противъ одного изъ ея фланговъ, а можетъ-быть и противъ обоихъ фланговъ разомъ. Невольно наводитъ насъ на эту мысль новая кампанія со стороны турко-фильскихъ корреспондентовъ и редакцій чтобы заставить всѣхъ думать что къ Сулейманъ-пашѣ со всѣхъ сторонъ, а особенно изъ арміи Мегметъ-Али, спѣшатъ подкрѣпленія, и что онъ только ожидаетъ прибытія ихъ чтобы возобновить свои штурмы на Шипкинскія высоты. Полученныя нами сегодня заграничныя телеграммы также обильны этого рода извѣстіями какъ были обильны наканунѣ боевъ на Шипкѣ мнимыя телеграммы о состоявшемся переходѣ Сулейманъ-паши черезъ Балканы, о занятіи имъ Елены и Беброва и о соединеніи его съ войсками Мегметъ-Али, въ то самое время когда, напротивъ, самъ Мегметъ-Али по всему вѣроятію высылалъ за Балканы, на подкрѣпленіе Сулейманъ-паши, значительную часть своихъ войскъ. Но тогда Туркамъ было нужно отвлечь наше вниманіе отъ Шипки. Кто поручится что теперь, наоборотъ, Турки не затѣваютъ такого же обмана чтобъ отвлечь наше вниманіе отъ другихъ мѣстъ и сосредоточить его на грозящія Шипкѣ новыя опасности? Во всякомъ случаѣ, мы стоимъ наканунѣ событій. Время слишкомъ дорого для Турокъ....

Б.

Сегодня изъ Петербурга *Международное Телеграфное Агентство* телеграфируетъ сюда слѣдующее:

„Телеграмма *Московскихъ Вѣдомостей* изъ Горнаго Студня, во всемъ касающемся *Голоса—наглая ложь*. Ни одинъ корреспондентъ *Голоса* не сообщалъ о соединеніи Турецкой арміи; корреспондентъ же высылающій *Голосу* телеграммы лично извѣстенъ Главнокомандующему и почерпаетъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ.“

Ничего „наглаго“ и никакой „лжи“ въ означенной телеграммѣ не заключается. Телеграмма эта ничего не говоритъ о корреспондентѣ *Голоса* „лично извѣстномъ Главнокомандующему и почерпающемъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ.“ Полученная нами телеграмма отзывается объ извѣстіяхъ почерпнутыхъ вовсе „не изъ лучшихъ источниковъ“ которыя сообщались вѣнскимъ корреспондентомъ *Международнаго Агентства* и печатались въ *Голосѣ* безъ всякихъ оговорокъ. Эти извѣстія, дѣйствительно, настойчиво утверждали о соединеніи Сулейманъ-паши съ Мегметъ-Али-пашой на сѣверномъ склонѣ Балканъ.

Вотъ, напримѣръ, телеграмма *Международнаго Агентства*, доставленная изъ Вѣны спеціальнымъ корреспондентомъ *Голоса:*

„*Вѣна*, 18 (6) августа. *Tagblatt* изъ „Османъ-Базара: Вся армія Сулеймана пе-

„решла Балканы, главныя силы ея зани-„маютъ Елену. Сулейманъ идетъ въ Тыр-„ново.“

„*Presse* изъ Константинополя: Турец-„кая армія не перейдетъ немедленно въ „наступленіе. Мегметъ-Али произведетъ „смотръ войскамъ Сулеймана.“

Впрочемъ, съ своей стороны мы не считаемъ справедливымъ винить этого вѣнскаго корреспондента за сообщеніе подобныхъ извѣстій. Онъ считалъ своею обязанностію передавать немедленно то что̀ находилъ въ вѣнскихъ газетахъ, корреспонденты которыхъ, въ свою очередь, имѣли конечно въ виду не публику, при сообщеніи своихъ ложныхъ извѣстій, а штабъ нашей арміи, надѣясь ввести его въ заблужденіе касательно стратегическихъ видовъ Турокъ.

№ 208.

Москва, 20-го августа.

А.

Усилія дипломатіи сохранить миръ во что̀ бы то ни стало привели къ войнѣ. Были испробованы всѣ способы соглашенія, былъ истощенъ весь запасъ примирительныхъ уступокъ, и война явилась неизбѣжною. Быть-можетъ при большой твердости съ самаго начала, дѣло было бы улажено, и тогда Восточный вопросъ былъ бы отсроченъ на неопредѣленное время... Но не того хотѣло Провидѣніе.

Война началась. Напрасно думали, если кто думалъ, что война съ Турціей въ настоящее время есть дѣло легкое и могло бы ограничиться только военною прогулкой. Но еслибы мы сосредоточили сразу большія силы и заняли Турецкую территорію полмилліонною арміей, то борьба была бы непродолжительна. Еслибы съ самаго начала война поведена было совершенно серіозно, то заключеніе мира не могло бы замедлить. Миръ быть-можетъ теперь былъ бы уже заключенъ. Порта согласилась бы на уступки, и разрѣшеніе Восточнаго вопроса было бы снова отсрочено на неопредѣленное время.

Но вопросъ этотъ возникъ съ силою рока. Если не обманываютъ признаки, приспѣло время его разрѣшенія. И вотъ война затянулась. Легкое начало войны подняло въ Туркахъ духъ, и они собрали всѣ силы для ожесточенной и отчаянной борьбы, которая не можетъ окончиться легкимъ миромъ...

Наконецъ, еслибы съ самаго начала война была поведена при полномъ развитіи всего военнаго могущества Россіи, то стратегія своими успѣхами не дала бы обнаружиться всей святынѣ того духа который сказался въ нашемъ народѣ и который проявляется въ его воинствѣ, проявляется такъ очевидно, такъ поразительно, такъ доказательно, что злѣйшіе враги наши отступаютъ предъ нимъ въ нѣмомъ изумленіи. Для великой открывшейся предъ нами задачи одна военная побѣда была бы недостаточна. Требуется побѣда духовная. Требуется великое испытаніе, и оно совершается. Совершаются дѣла неслыханнаго самоотверженія; приносятся жертвы крови не только покорно, но радостно; наши воины не только бьются какъ герои, но свидѣтельствуютъ какъ мученики... Герои Баязида, Плевны и Шипки, какое дѣло не было бы свято засвидѣтельствованное вашею кровью...

Б.

Систематическая ложь, составляющая всю мудрость оттоманской политики, пришлась по сердцу герцогамъ Беконсфильду и Дарби; но Турки ошиблись въ разчетахъ понадѣявшись что примѣненіе этого „великаго либеральнаго принципа“ увѣнчается успѣхомъ въ другихъ европейскихъ столицахъ. На дняхъ, представителямъ Порты пришлось потерпѣть непріятное *фіаско*. Въ Берлинѣ оттоманское посольство представило офиціальное заявленіе своего правительства о томъ что сообщенное вѣнскою *Политическою Корреспонденціей* извѣстіе объ освобожденіи зачинщиковъ прошлогоднихъ убійствъ въ Салоникахъ, — жертвою которыхъ былъ, какъ извѣстно, и германскій консулъ, — „лишено всякаго основанія.“ На другой же день по обнародованіи этого сообщенія, органъ князя Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, возразилъ что такъ какъ не разъ было доказано что подобнаго рода отрицанія со стороны турецкаго правительства „не заслуживаютъ никакого довѣрія,“ то и настоящее заявленіе его не заслуживаетъ лучшей участи. Въ то же время противъ заявленія Порты возразилъ и затронутый

имъ органъ вѣнскаго кабинета, *Политическая Корреспонденція*. Не первоначальники Салоникскаго злодѣйства,—въ самомъ дѣлѣ они, быть-можетъ, стоятъ *слишкомъ высоко* и въ тюрьму не попали,—а исполнители его, то-есть убійцы консуловъ, возражаетъ вѣнскій правительственный листокъ, „по показанію нашего корреспондента освобождены въ Виддинѣ.“ Въ подтвержденіе этого извѣстія, названная газета приводитъ фактъ что изъ башни Ааули-Кула, въ Салоникахъ, 185 приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ преступниковъ выпущены теперь на волю и обучаются военному дѣлу, такъ какъ условіемъ освобожденія ихъ было поступленіе ихъ въ военную службу!..

Но Оттоманское правительство не удовольствовалось этимъ урокомъ. Оно заявило въ Берлинѣ что и извѣстіе о повальномъ избіеніи Грековъ въ Каварнѣ также „лишены всякаго основанія,“ и все дѣло ограничилось де „нѣсколькими отдѣльными убійствами.“ „Но и это заявленіе,“ восклицаетъ выведенная изъ терпѣнія *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, „на основаніи официальныхъ отчетовъ и дипломатическихъ представленій нѣкоторыхъ правительствъ, должно быть признано *ложью*.“ Въ подтвержденіе своего мнѣнія органъ князя Бисмарка ссылается на помѣщенную въ томъ же нумерѣ римскую корреспонденцію, изъ которой видно что по вопросу о каварнской „кровавой банѣ“ Римскій кабинетъ дѣйствительно выразилъ Портѣ свое негодованіе, а на дерзкое возраженіе Порты не одному Римскому кабинету, но и всѣмъ державамъ, что „въ то самое время когда державы дѣлали изъ каждаго *незначительнаго турецкаго излишества* предметъ новаго дипломатическаго представленія, онѣ не молвили ни слова о русскихъ звѣрствахъ, на которыя указывалъ официальный турецкій документъ.“ Итальянское правительство, вмѣстѣ съ прочими державами, отвѣчало что эти „мнимыя русскія жестокости“ не подтверждаются безпристрастными свидѣтельствами и не соотвѣтствуютъ всѣми признанной „отличной дисциплинѣ Русской арміи...“ Итакъ, на этотъ разъ, Портѣ съ трехъ сторонъ категорически сказано что заявленія ея лживы.

„Теккереевскій мистеръ Пиквикъ всегда бывалъ на той сторонѣ которая кричала громче, и вотъ Порта приняла кажется всю Европу за нѣкіихъ мистеровъ Пиквиковъ, разчитывая что чѣмъ громче будетъ она кричать о русскихъ жестокостяхъ, тѣмъ вѣроятнѣе что мистеры Пиквики повѣрятъ ей, а не Русскимъ,“ говоритъ берлинскій корреспондентъ *Daily News* въ своемъ письмѣ отъ 20 августа. Германскій военный агентъ, состоящій при русской Главной Квартирѣ, свидѣтельство котораго нельзя уже заподозрить ни съ какой стороны, видѣлъ собственными глазами какъ Турки заманиваютъ русскій парламентерный флагъ и затѣмъ стрѣляютъ по немъ. Дѣло было обдумано хладнокровно и исполнено методически. Тотъ же агентъ свидѣтельствовалъ предъ своимъ правительствомъ о жестокостяхъ совершенныхъ турецкими регулярными солдатами въ первомъ и во второмъ дѣлѣ подъ Плевною. Между тѣмъ, рядомъ съ этими несомнѣнными свидѣтельствами, подтвержденными не съ одной только германской стороны, Порта не переставала вопить о русскихъ варварствахъ, и Садуллахъ-бей продолжалъ являться со своими представленіями въ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ. „Терпѣніе самого императора и германскаго правительства наконецъ истощилось, говоритъ далѣе корреспондентъ. Турецкіе разчеты оказались невѣрны. Въ особенности императоръ былъ возмущенъ этими продѣлками...“

Б.

Что сталось съ Никшичемъ? Не разъ была рѣчь о взятіи Черногорцами окружающихъ его укрѣпленій; однажды было сообщено даже извѣстіе о вторженіи Черногорцевъ въ самый городъ, но перешелъ или не перешелъ окончательно Никшичъ во власть Черногорцевъ, этого до сихъ поръ не видно даже изъ весьма обстоятельныхъ черногорскихъ корреспонденцій въ *Политическую Корреспонденцію*. Сколько намъ извѣстно, средневѣковая цитадель Никшича построена на командующей всею мѣстностью голой скалѣ; стѣны ея изъ дикаго камня, связаннаго превосходнымъ гернымъ цементомъ, какъ по толщинѣ, такъ и по матеріалу изъ котораго онѣ сложены, могутъ долго выдерживать огонь тѣхъ орудій которыя могутъ быть доставлены туда по адскимъ, по истинѣ головоломнымъ тропинкамъ Черногоріи и Герцеговины. Правда, Черногорцы уже совер-

шили не мало чудесъ своею отвагой, но чуть ли не величайшимъ было бы взятіе Никшича инымъ способомъ какъ блокадой.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Политической Корреспонденціи* помѣщено письмо изъ Цетинья, изъ котораго видно что Черногорцы готовятся къ какому-то чрезвычайно серіозному наступленію на Албанію, такъ какъ единственно съ этою цѣлью, въ виду необходимости обезпечить сообщенія наступающей къ Подгорицѣ арміи, князь Черногорскій рѣшился устроить на рѣкѣ Морачѣ мостъ, который обойдется ему очень дорого.

Итакъ Черногорія, при всей скудости ея финансовыхъ средствъ, готовясь къ наступленію, прежде всего заботится объ установленіи прочнаго сообщенія наступательной арміи съ ея операціонною базой. А на дняхъ воспроизвели мы изъ вѣнской *Presse* корреспонденцію недоумѣвающую почему Русскіе до сихъ поръ не предпринимаютъ ни у мостовъ на Дунаѣ, ни въ Болгаріи, никакихъ работъ для обезпеченія и упроченія своихъ сообщеній до новаго полноводія и невылазныхъ осеннихъ и зимнихъ болгарскихъ грязей. Даже у Систовскаго моста, по словамъ этой корреспонденціи, нѣтъ до сихъ поръ благонадежнаго тетъ-де-пона, ибо таковымъ нельзя считать временныхъ укрѣпленій наскоро сооруженныхъ еще генераломъ Драгомировымъ, выше Систова, въ день взятія этого города. Но устройство дорогъ едва ли не важнѣе теперь даже сооруженія тетъ-де-поновъ...

№ 210.

Москва, 21-го августа.

Турецкій главнокомандующій сообщилъ нашей Задунайской главной квартирѣ копію съ его приказа по войскамъ, предписывающаго уваженіе къ Красному Кресту. Изъ Константинополя г. Леярдъ донесъ своему правительству что великій визирь приказалъ перевесть на турецкій языкъ условія Женевской конвенціи и раздать войскамъ экземпляры этого перевода. Послѣ шести лѣтъ со времени принятія всею Европой этихъ правилъ, Турція благоволила наконецъ принять мѣры къ ихъ исполненію. А почему она это дѣлаетъ теперь? Ее принудилъ единодушно заявленный ей, по иниціативѣ императора Германскаго, протестъ цѣлой Европы. Какъ извѣстно, къ этому протесту присоединились даже второстепенныя державы Европы. Представленія державъ имѣли цѣлью не просто напоминаніе Турціи ея обязательствъ относительно Женевской конвенціи, но и требованіе чтобъ она положила предѣлъ звѣрствамъ ея „иррегулярныхъ“ войскъ. Но, такъ или иначе, а торжественное извѣщеніе Турціей о принятіи теперь этихъ мѣръ доказываетъ что онѣ до сихъ поръ не были приняты, и что слѣдовательно г. Ристичъ былъ правъ, въ прошломъ году, обращая вниманіе Европы на неистовства Турокъ съ сербскими и русскими ранеными воинами, врачами и санитарами. Но дипломатія оставила тогда всѣ жалобы Сербскаго правительства безъ вниманія. Онѣ были признаны либо неосновательными, либо преувеличенными; Сербы и русскіе добровольцы были распинаемы, были сожигаемы за-живо на медленномъ огнѣ; Сербскіе санитары были обезглавлены, и лѣвыя предплечія ихъ были отрублены какъ разъ на высотѣ нашитаго на рукавѣ Краснаго Креста: все это было офиціально засвидѣтельствовано, но все это было оставлено безъ послѣдствій.

Вопросъ о турецкихъ звѣрствахъ принялъ теперь болѣе широкіе размѣры. Стоитъ вникнуть въ потрясающія подробности этихъ ужасовъ чтобъ убѣдиться что мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльными фактами, а съ цѣлою *системой*, не имѣющею иной цѣли какъ истребленіе Болгарскаго народа. Порта до сихъ поръ слагала всю отвѣтственность за эти жестокости на „иррегулярныя“ войска. Оказывается, однако, что иниціативу повальныхъ избіеній христіанъ не разъ принимали, какъ напримѣръ въ Каварнѣ и въ Старой Сербіи, *даже жандармы* (заптіе), то-есть именно тѣ отборные люди которымъ въ европейскихъ государствахъ правительство поручаетъ охрану общественной безопасности. Самыя власти, допускавшія или поощрявшія эти избіенія, какъ было въ Каварнѣ, или даже подававшія примѣръ этихъ избіеній, остаются безнаказанными; зачинщикъ прошлогоднихъ избіеній въ Болгаріи, Шевкетъ-паша, даже былъ награжденъ и повышенъ по службѣ.

Что же касается регулярныхъ войскъ, то они почти вездѣ либо оставались равнодушными зрителями избіенія христіанъ,

либо соперничали въ звѣрствахъ съ Черкесами и баши-бузуками. Приводимое ниже, со словъ *Политической Корреспонденціи*, донесеніе одного изъ иностранныхъ консуловъ въ Филиппополѣ подтверждаетъ этотъ фактъ поразительными примѣрами. „Въ Эски-Загрѣ," сказано въ этомъ донесеніи, „*солдаты Сулейманъ-паши* (все *низамы*) немилосердно перестрѣляли и перекололи *все мужеское населеніе*, не исключая десятилѣтнихъ мальчиковъ. Всѣ селенія въ окрестностяхъ Эски-Загры были сожжены *артиллерійскимъ огнемъ* (in Brand geschossen), *вмѣстѣ съ жителями*..." Если и были такія исключенія что начальники регулярныхъ войскъ вступались за избиваемыхъ, то въ заступничествѣ, какъ сказано въ томъ же донесеніи, не было ничего „серіознаго," и взбѣсившіеся звѣри не обращали на него ни малѣйшаго вниманія...

Очевидно что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ необузданностью полчищъ дикарей, а съ системою. Турецкое правительство не довольствуется повальными избіеніями цѣлыхъ населеній. Болгаръ, случайно уцѣлѣвшихъ отъ избіеній, приводятъ въ Филиппополь, Адріанополь и другіе города: дѣло, начатое войсками, завершается „суммарными казнями" военныхъ судовъ, какъ приводили мы на дняхъ со словъ адріанопольскаго корреспондента *Политической Корреспонденціи*: „избирается дерево съ крѣпкими сучьями и на него разомъ вздергиваютъ по шести или семи несчастныхъ Болгаръ. *Не проходитъ дня* безъ десяти или пятнадцати такихъ суммарныхъ казней." Какъ только разомъ повѣсятъ отъ тридцати до пятидесяти Болгаръ, — константинопольскій офиціальный телеграфъ съ радостью объявляетъ это цѣлому міру... „Если такъ продолжится еще нѣсколько времени," восклицаетъ въ заключеніе цитуемый корреспондентъ, „то Болгарія вскорѣ не будетъ уже нуждаться *ни въ какой администраціи!*"

А между тѣмъ *Кельнская Газета* полагаетъ что и Русскимъ не мѣшало бы помочь Туркамъ въ дѣлѣ истребленія Болгаръ, и дружески совѣтуетъ намъ также разстрѣлять „дюжины двѣ Болгаръ," дабы „оправдаться предъ Европой" въ приписываемыхъ намъ „жестокостяхъ!.."

Но все это дѣла прошлаго. Теперь, говорятъ, Турецкое правительство вдругъ отказалось отъ систематическаго истребленія болгарской національности... Если-бы такъ, то она начала бы съ того что торжественно признала бы факты убійствъ и отозвалась бы о нихъ съ негодованіемъ. Но Порта объ этомъ и не думаетъ. Напротивъ, всѣ объясненія ея клонятся къ тому чтобъ оправдать или извинить виновныхъ и умалить значеніе фактовъ. На первыя представленія державъ о турецкихъ жестокостяхъ, Порта имѣла дерзость отвѣчать упрекомъ державамъ за пристрастіе, и отозваться о злодѣйствахъ превышающихъ всякую мѣру какъ о простыхъ *излишествахъ* со стороны ея „иррегулярныхъ войскъ!"

Но вотъ и факты въ подтвержденіе сказаннаго. Первыя представленія державъ о турецкихъ звѣрствахъ въ Каварнѣ были сдѣланы еще въ *началѣ текущаго мѣсяца*. Между тѣмъ, даже въ ультра-туркофильскую *Standard* писали изъ Константинополя, *отъ 24 августа*: „Г. Леярдъ не только не успѣлъ настоять на исполненіи даннаго ему обѣщанія что казнь приговоренныхъ военными судами къ смерти Болгаръ будетъ отсрочена, но Высокая Порта даже отдала приказъ уполномочивающій корпусныхъ командировъ продолжать казни, не давая себѣ труда сообщать въ Константинополь о каждомъ приговорѣ..."

Итакъ, всѣ настоянія державъ, въ сущности, привели Порту лишь къ усугубленію системы истребленія болгарской національности. Отъ настояній Европы Порта, очевидно, надѣется, въ этотъ разъ какъ и всегда, отдѣлаться пустыми фразами, лживыми обѣщаніями и фиктивными мѣрами. А между тѣмъ принятая ею система уже приноситъ свои, — весьма выгодные для Турціи, — плоды. Дѣйствительно, по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, одна изъ главныхъ причинъ колебаній Эллиновъ по вопросу о войнѣ заключается именно въ страхѣ чтобы примѣняемая нынѣ къ Болгарамъ система не была распространена и на Грековъ. Въ депешѣ сообщенной на дняхъ Аѳинскому правительству, Порта прямо намекаетъ на примѣненіе къ Греціи той же системы, грозя что, въ случаѣ возстанія Грековъ, турецкія войска пойдутъ въ Аѳины „дабы вырвать тамъ *самый корень зла*..." Можно ли теперь ожидать большой пользы отъ этихъ дипломатическихъ представленій? Даже *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* не придаетъ много вѣры офиціальнымъ мѣ-

рамъ принятымъ Турціей вслѣдствіе настоянія Германскаго правительства и поддержанныхъ всею Европой. „На основаніи вынесеннаго опыта,“ сказано въ названной газетѣ, „къ несчастію, въ этомъ случаѣ оказываются слишкомъ справедливыми сомнѣнія въ способности Турецкой исполнительной власти, и даже усилій г. Леярда оказывается недостаточно чтобы положить конецъ примѣняемой Турціей къ Болгарамъ *системы истребленія*...“ Дѣйствительно, съ разсвирѣпѣвшимъ дикимъ звѣремъ дипломатіи дѣлать нечего. Тутъ должно дѣйствовать не слово, а сила. Звѣря надо повалить, связать или убить. Будь начата война съ полумилліонною арміей, Турки не успѣли бы приняться за избіенія, такъ какъ цѣль войны была бы уже достигнута. Въ виду неотвратимаго погрома, они не посмѣли бы и думать объ избіеніи христіанъ. Но въ этомъ болѣе всего виновна дипломатія. Она отсрочивала войну пока Турція не кончила своихъ вооруженій. Она же препятствовала мобилизаціи, съ самаго начала, всей русской арміи. Она наконецъ, удерживала до сихъ поръ Россію отъ репрессалій. Но и теперь,—будетъ ли у насъ достаточно силъ и въ Болгаріи и въ Малой Азіи чтобы разомъ повалить взбѣсившагося звѣря?

№ 211.

Москва, 23-го августа.

А.

Туркофильскія газеты находили положеніе нашей арміи въ Болгаріи „отчаяннымъ,“ потому что оно клиномъ далеко входитъ въ непріятельскую землю, и что ему съ трехъ сторонъ угрожаетъ непріятель. Но развѣ могло быть иначе когда нами былъ прерванъ центръ непріятельской оборонительной линіи? Развѣ не въ такомъ же положеніи былъ Наполеонъ при Аустерлицѣ когда былъ имъ прорванъ центръ союзныхъ армій? Въ этомъ, напротивъ, и состоитъ выгода нашего положенія, что прорвавъ непріятельскій центръ мы занимаемъ трехъугольникъ, коего основаніе простирается до Дуная, между Чернымъ Ломомъ и Корабіей, а острый уголъ упирается на Шипку. Мы занимаемъ центральное положеніе, которое позволяетъ намъ быстро перенести наши главныя силы на всякій угрожаемый пунктъ нашей позиціи, между тѣмъ какъ Турки занимаютъ внѣшнюю линію, и различныя части ихъ арміи разобщены между собой. Не будь этой диспозиціи, мы, при численномъ превосходствѣ Турокъ до прибытія нашихъ подкрѣпленій, едва ли могли бы и держаться на правомъ берегу Дуная. Эта диспозиція есть единственный оставшійся намъ серіозный результатъ нашихъ первоначальныхъ успѣховъ. Она же обезпечиваетъ намъ и будущіе успѣхи; она даетъ намъ возможность, согласно основному Наполеоновскому условію побѣды, „быть сильнѣе непріятеля на данномъ пунктѣ...“

Къ несчастію, до сихъ поръ намъ не удалось воспользоваться этимъ столь выгоднымъ для насъ положеніемъ. Мы постоянно и вездѣ оказывались слабѣе непріятеля. Въ первой битвѣ у Плевны, только нерѣшительности Османъ-паши, — необъяснимой съ огромными силами, — преслѣдовать наши отступавшіе *три полка*, обязаны мы спасеніемъ этой горсти героевъ. Послѣдующія битвы также не увѣнчались для насъ побѣдой. Конечно, туманъ, при неудовлетворительности рекогносцировокъ, способствовалъ нашей неудачѣ, но главною причиной ея было все-таки громадное численное превосходство непріятеля. На Шипкѣ горстью самоотверженныхъ защитниковъ задержана и отбита семидесятитысячная армія. Еслибы хотя въ послѣдній день поспѣли туда болѣе значительныя силы, то ослабленной и числомъ и духомъ арміи Сулеймана могло бы быть нанесено полное пораженіе. На оконечности нашего лѣваго фланга, генералу Леонову, съ 3.500 отрядомъ, опять пришлось выдержать геройскую борьбу противъ 12.000 Турокъ. Правда, сраженіе происходило нѣсколько *спереди нашей линіи*, на правомъ берегу Чернаго Лома; значитъ, генералъ Леоновъ имѣлъ только развѣдочный или наблюдательный отрядъ; но какъ не подоспѣли къ нему главныя силы корпуса расположеннаго на лѣвомъ берегу Чернаго Лома? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе серіозенъ что наступленіе Турокъ къ Карагассанкіою, лежащему на сѣверъ отъ Аяслара, очевидно указываетъ на намѣреніе Турокъ обойти лѣвый флангъ этой арміи.

Но вотъ, у Плевны, слава Богу, отчаянная попытка Османъ-паши прорваться была отбита, а сегодняшняя телеграмма Главно-

командующаго извѣщаетъ о взятіи приступомъ Ловчи. Важная побѣда! Мы переходимъ въ наступленіе, и Османъ-пашѣ теперь трудно сдобровать.

Что касается прошедшаго, то полученныя сегодня серіозныя и безпристрастныя заграничныя газеты всѣ соглашаются съ давно выраженнымъ нами мнѣніемъ что толки о состоявшемся будто бы переходѣ войскъ Сулейманъ-паши на сѣверную сторону Балканъ нарочно были пущены Турками чтобы ввести нашу главную квартиру въ обманъ на счетъ истиннаго ихъ намѣренія сосредоточить главныя силы свои для фронтальной атаки на Шипку. „Ожидалась совсѣмъ иная атака,“ замѣчаетъ галацкій корреспондентъ *Политической Корреспонденціи*, „такъ какъ турецкіе отдѣльные отряды пытались перейти Балканы по едва проходимымъ тропинкамъ, но были остановлены болгарскими добровольцами. Настойчивость и энергія нападеній доказываетъ какъ высоко цѣнило турецкое военное начальство занятіе Шипки и занимаемое Сулейманъ-пашой центральное положеніе. Но болѣе всего изъ битвъ на Шипкѣ явствуетъ что столь громко возвѣщеннаго изъ Константинополя соединенія Сулейманъ-паши съ Мегмедъ-Али на сѣверѣ Балканъ вовсе не было...“ На основаніи самыхъ благонадежныхъ свѣдѣній, корреспондентъ утверждаетъ что армія Мегмедъ-Али оказывается *нынѣ слишкомъ слабою* (иначе оно и быть не могло послѣ весьма значительныхъ, какъ надо думать, подкрѣпленій отправленныхъ ею къ Сулейманъ-пашѣ) чтобы предпринять рѣшительную атаку противъ русской позиціи; также и Османъ-пашѣ, вслѣдствіе неудачи атакъ на Шипкѣ, остается теперь лишь ожидать наступленія русскихъ колоннъ. По мнѣнію цитуемой корреспонденціи, весь разрушенный стойкостью Русскихъ на Шипкѣ турецкій планъ былъ предпринятъ слишкомъ поздно, а пока Турки успѣютъ вновь приготовиться къ общему наступленію, Русскіе получатъ ожидаемыя ими подкрѣпленія.

При всемъ томъ корреспондентъ настаиваетъ на выгодахъ занимаемаго нынѣ Сулейманомъ на Тунджѣ центральнаго положенія. Дѣйствительно, это положеніе даетъ ему возможность, — пока не испортились дороги на Балканахъ, — быстро переправить главную массу своихъ войскъ на сѣверъ отъ Балканъ для нападенія на тотъ или другой изъ нашихъ фланговъ...

Того же мнѣнія держится и берлинская *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, военныя обозрѣнія которой заслужили вниманіе цѣлой Германіи, такъ что иныя оппозиціонныя газеты уже съ ироніей намекаютъ что для составленія ихъ нарочно командируется изъ главнаго штаба германской арміи спеціалистъ этого дѣла. Теперь, въ обозрѣніи этомъ высказывается предположеніе что вслѣдствіе неудачи своихъ кровопролитныхъ фронтальныхъ атакъ Сулейманъ-паша повидимому готовится къ нападенію на наши фланги. „Съ этою цѣлью, укрѣпивъ сильными шанцами и батареями свои позиціи на Тунджѣ, онъ выдвигаетъ передовыя отряды свои для отысканія проходовъ въ Балканахъ по обѣ стороны Шипки.“ По мнѣнію *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, эти попытки заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія что эшелонированные для прикрытія съ сѣверной стороны доступовъ къ Балканамъ русскія войска, — въ Тырновѣ, Сельви и у Ловчи, — могли быть значительно ослаблены высланными ими, на помощь защитникамъ Шипки, подкрѣпленіями. Возвѣщаемому же столь громко турецкими телеграммами возобновленію нападеній Сулеймана на Шипку берлинская газета не придаетъ никакой вѣры. Авторъ обозрѣнія правъ. Сулейманъ не могъ не убѣдиться что возобновленіемъ своихъ атакъ онъ только погубитъ свою армію. Съ другой стороны, Шипкинская позиція доказала и намъ что при достаточныхъ укрѣпленіяхъ можно защищать ее и съ небольшими силами. Правда, въ этой позиціи оказалось много существенныхъ недостатковъ. Она чрезвычайно растянута. Впереди ея, даже на разстояніи только ста саженъ, есть глубокія лощины гдѣ могутъ сосредоточиться цѣлыя бригады совершенно закрытыя отъ нашихъ выстрѣловъ. Сверхъ того, очевидцы упоминаютъ о какихъ-то рощахъ на разстояніи полружейнаго выстрѣла, откуда Турки, совершенно закрытые отъ насъ, производили по нашимъ войскамъ убійственный огонь. Наконецъ, противъ нашего праваго фланга, Турки занимали командующую высоту. Но бо́льшая часть этихъ неудобствъ можетъ быть исправлена. Рощу можно вырубить, оборонительную линію нашу можно выдвинуть на командующую высоту; могутъ быть приняты и мѣры ко фланговому обстрѣливанію мертваго пространства въ лощинахъ. Нѣтъ сомнѣнія что обо всемъ этомъ уже

озаботились защитники Шипки. А если такъ, то для обороны ея не требуется массировать много войскъ въ этомъ проходѣ.

Б.

Скоропостижная кончина Тьера, о которой сегодня извѣстилъ телеграфъ, есть крупное событіе для Франціи въ настоящую минуту. Угасъ человѣкъ который въ теченіе болѣе сорока лѣтъ имѣлъ большое вліяніе на судьбы своей страны, хотя нельзя сказать чтобъ оно было очень плодотворно и полезно ей. Съ 1830 года онъ дѣятельно участвовалъ въ низверженіи всѣхъ правительствъ и не помогъ прочному установленію никакой власти...

Онъ никогда и не былъ особенно популяренъ, и если выдвинулся въ годину бѣдствія 1870 года, то единственно по грустной причинѣ что, при полномъ крушеніи, не нашлось во Франціи другаго человѣка практически знакомаго съ механизмомъ государственныхъ дѣлъ.

Фикція консервативной республики, которая, при данныхъ условіяхъ, всего болѣе удовлетворяла его честолюбіе, такъ какъ онъ въ ней мнилъ быть первомъ лицомъ, была его послѣднимъ даромъ Франціи. Радикалы отлично разгадали его и сумѣли прикрыться его именемъ. Для нихъ его смерть—незамѣнимая потеря въ эту минуту, но мы не можемъ сказать чтобъ это была большая потеря для Франціи.

Въ Восточномъ вопросѣ онъ, человѣкъ рутины, былъ всегда слѣпымъ противникомъ Россіи. Это заблужденіе завѣщалъ онъ и радикаламъ принявшимъ его себѣ за образецъ въ иностранныхъ дѣлахъ, въ которыхъ они такъ мало смыслятъ.

№ 212.

Москва, 24-го августа.

На прошедшей недѣлѣ телеграфъ извѣстилъ насъ что Англійскимъ правительствомъ обнародовано донесеніе его военнаго агента въ Букурештѣ, категорически опровергающее разказы о жестокостяхъ Русскихъ въ Болгаріи. Теперь англійскія газеты принесли намъ текстъ этого документа. Въ немъ англійскій военный агентъ удостовѣряетъ что хотя онъ лично не посѣщалъ мѣстъ гдѣ, по разказамъ, совершались жестокости, находясь при Императорскомъ штабѣ, однако онъ видѣлъ много достовѣрныхъ лицъ какъ Русскихъ, такъ и Англичанъ, бывшихъ въ дѣлахъ, и всѣ они безъ исключенія отрицаютъ чтобы видѣли хотя одинъ случай жестокости со стороны русскихъ солдатъ. Результатъ всѣхъ его разслѣдованій привелъ его „къ честному и твердому убѣжденію что разказы о русскихъ жестокостяхъ совершенно лишены основанія.“ Вѣроятно чтобы доказать нагляднѣе свое безпристрастіе англійскій агентъ тотчасъ же прибавляетъ: „Конечно возможно что подобные случаи „могли происходить не доходя до моего „свѣдѣнія или до тѣхъ лицъ у коихъ я „почерпалъ мои свѣдѣнія; но едва ли воз„можно чтобы поголовныя избіенія (*who„lesale massacres*) могли быть совершаемы „русскими войсками, и чтобъ объ этихъ „фактахъ не узнали столь многіе коррес„понденты англійскихъ газетъ слѣдовав„шіе за военными движеніями съ начала „войны, не будучи нисколько стѣсняемы „въ своихъ движеніяхъ.“ Далѣе онъ пишетъ: „Я долженъ прибавить что хотя я „совершенно не вѣрю разказамъ о рус„скихъ жестокостяхъ, я увѣренъ что въ „настоящей войнѣ мало дается или ожи„дается пощады съ обѣихъ сторонъ. Слу„чаи грабежа русскими войсками доходи„ли до моего свѣдѣнія, но не въ боль„шихъ размѣрахъ. Я также слышалъ о „многихъ случаяхъ поджоговъ и грабежей „со стороны Болгаръ, но я увѣренъ что „русскія власти употребляютъ всѣ усилія „чтобы воздерживать этотъ *варварскій и „мстительный* народъ.“ Въ заключеніе донесенія, онъ снова прибавляетъ что его долговременное знакомство съ русскими солдатами пріучило его видѣть въ нихъ „людей добродушныхъ и мягкосердечныхъ „и совершенно неспособныхъ на жестокіе „поступки какіе имъ приписываются.“

Несмотря, однако, на такой похвальный аттестатъ выдаваемый нашимъ солдатамъ иностранцемъ, мы вовсе не считаемъ себя въ долгу предъ нимъ и не ощущаемъ ни малѣйшаго влеченія выражать ему признательность. Причина тому весьма простая: мы столь же равнодушны къ похвальнымъ отзывамъ англійскаго агента какъ были бы въ томъ случаѣ еслибъ онъ написалъ и совершенно противоположное. Предъ кѣмъ оправдываютъ этимъ наши войска отъ нареканій? Конечно не предъ

русскою публикой которая не нуждается въ оправданіяхъ чужеземцами своихъ геройскихъ солдатъ. Разумѣется, англійскій агентъ пишетъ для своихъ соотечественниковъ, для Англичанъ. Но именно предъ Англичанами мы всего менѣе и желаемъ или имѣемъ нужду оправдываться. Англійскій агентъ объясняетъ что обвиненія Русскихъ въ жестокостяхъ будто бы произвели такое глубокое впечатлѣніе въ Россіи, и особенно въ Русской арміи, что онъ поэтому и счелъ полезнымъ отправиться въ Англію чтобы сообщить всѣ факты которые дошли непосредственно до его свѣдѣнія. Въ этомъ, смѣемъ увѣрить его, онъ глубоко заблуждается. Въ Россіи вовсе не такъ чувствительны къ тому что въ настоящее время о насъ говорятъ, пишутъ или думаютъ Англичане и Турки. Мы обстрѣлялись, и въ насъ давнымъ-давно не возбуждаютъ никакого чувства, кромѣ развѣ презрѣнія, всякая ложь и клевета распускаемыя о насъ въ Англіи.

Оправданіе хотя бы противъ самыхъ неправдоподобныхъ выдумокъ можетъ имѣть цѣну только предъ тѣми чьимъ мнѣніемъ о себѣ мы можемъ дорожить, предъ людьми которые сами относятся къ намъ честно. Можемъ ли мы это сказать объ Англичанахъ, и въ особенности объ Англійскомъ правительствѣ, котораго дѣйствія относительно насъ изобличаютъ самую возмутительную недобросовѣстность? Нѣтъ, и потому именно что оно само есть главный агентъ распространяющій о насъ всевозможныя небылицы, не довольствуясь тѣмъ что принимаетъ весьма нескрытое участіе въ дѣйствіяхъ противъ насъ. Доказательство налицо. Донесеніе англійскаго военнаго агента заключается въ новомъ сборникѣ 43 документовъ обнародованныхъ Англійскимъ правительствомъ. Какіе же это документы? Кромѣ донесенія полковника Уэллеслея, есть краткое донесеніе лорду Дарби отъ консула Зораба изъ Эрзерума, выражающее изумленіе по поводу протеста Порты противъ русскихъ жестокостей въ Малой Азіи и утверждающее что поведеніе Русскихъ повсюду въ Малой Азіи было самое гуманное и справедливое относительно какъ мусульманъ, такъ и христіанъ; еще есть донесеніе лорда Одо-Росселя о томъ что обвиненія Порты противъ Русскихъ были приняты холодно въ Берлинѣ, гдѣ высокаго мнѣнія о дисциплинѣ Русской арміи. Остальные 40 документовъ всѣ состоятъ изъ донесеній англійскаго посла въ Константинополѣ, г. Леярда, съ приложеніями къ нимъ, сплошь переполненныхъ разказами о тѣхъ самыхъ фактахъ которые отрицаютъ гг. Уэллеслей и Зорабъ. И эти разказы подносятся публикѣ уже не въ качествѣ жалобъ Порты, а за подписью англійскаго посла!

Мы не имѣемъ желанія возмущать нашихъ читателей обращиками этихъ гнусностей, но приведемъ нѣсколько извлеченій которыя показываютъ какую силу могутъ имѣть донесенія англійскаго посла въ Константинополѣ и на сколько согласенъ съ нейтралитетомъ тонъ въ какомъ онъ позволяетъ себѣ писать. 24 іюля, напримѣръ, онъ писалъ что „дѣйствія Русскихъ и Болгаръ въ Болгаріи и Румеліи убѣдили мусульманъ и Турецкое правительство въ явномъ намѣреніи Россіи *истребить мечомъ* мусульманское населеніе или изгнать его изъ страны;“ и что „возмутительныя насилія, которыя, какъ въ томъ *едва ли можно сомнѣваться*, были совершены Русскими или Болгарами, подъ ихъ покровительствомъ, поразили терроромъ мусульманскія населенія.“ Изъ этихъ словъ казалось бы что г. Леярдъ твердо убѣжденъ въ томъ что̀ пишетъ. Однако *на слѣдующій же день* онъ докладываетъ иначе: „Я препроводилъ къ вамъ, милордъ, многочисленные разказы полученные мной отъ Порты и изъ другихъ источниковъ относительно жестокостей и ужасовъ, какъ утверждаютъ, совершенныхъ русскими войсками и Болгарами надъ мусульманскимъ населеніемъ округовъ занятыхъ Русскими. При этомъ я желаю дать ясно понять что я *отнюдь не ручаюсь въ ихъ истинѣ*. (Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ доносить ихъ, и зачѣмъ потомъ этотъ вздоръ обнародовать?) Смѣю сказать что многіе изъ нихъ могутъ быть сильно преувеличены. Едва ли и могло быть иначе при настоящихъ обстоятельствахъ.“ И далѣе въ той же депешѣ читаемъ слѣдующее: „Такъ какъ считается долгомъ посольства посылать правительству всѣ исторіи о жестокостяхъ, не позволяя себѣ выбора и устраненія тѣхъ которыя могутъ казаться явно преувеличенными или даже *несправедливыми*, то я могу только передавать вамъ, милордъ, тѣ которыя доходятъ ко мнѣ изъ разныхъ источниковъ. Я имѣю, однако, причину сомнѣваться чтобы многія изъ нихъ были

„основательны.“ И послѣ такихъ полупризнаній негодности своихъ донесеній, представитель Англіи позволяетъ себѣ, въ депешѣ 1 августа, говорить: „То что теперь „дѣлаютъ Болгарскіе христіане повидимому „доказываетъ что они сдѣлали бы еслибъ „имъ удалось въ прошедшемъ году *про-„длить жестокости которыя они начали* „надъ мусульманами и которыя навлекли „на нихъ страшное возмездіе, такъ справедливо возбудившее негодованіе Европы. „Значительная часть Болгаріи и нѣкото-„рые изъ округовъ къ югу отъ Балканъ „опустошены и обезлюдѣли отъ совокуп-„ныхъ дѣйствій казаковъ и Болгаръ.“

Къ сожалѣнію, г. Леярду приходится упомянуть и о нѣкоторыхъ „излишествахъ“ совершенныхъ Черкесами. Были де одинъ или два (!) случая очень дурные, между прочимъ въ Каварнѣ. Добрый г. Леярдъ убѣждалъ Турецкое правительство въ необходимости обуздать Черкесовъ, и оно „обѣщало“ это сдѣлать. Но что же дѣлать если страна повержена въ анархію и, по увѣренію Порты, по винѣ Россіи которая вызвала Турцію на войну за существованіе? За то, когда война кончится, „правительство обратитъ вниманіе на полицію и на водвореніе и поддержаніе внутренняго порядка.“ Наконецъ, въ pendant аттестату англійскаго военнаго агента Русскимъ, г. Леярдъ еще раньше озаботился выдать такой же Туркамъ: „Прибытіе въ „Константинополь,“ пишетъ онъ, „нѣсколь-„кихъ тысячъ жертвъ жестокаго способа „какимъ Россія ведетъ войну, безъ со-„мнѣнія, возбудило негодованіе между му-„сульманами. Но они до сихъ поръ еще „не обнаруживали расположенія излить его „на христіанъ. Турки, несмотря на дур-„ную репутацію какую они имѣютъ въ „Англіи, вообще гуманный и милосердый „(charitable) народъ... Турки по безраз-„судству дѣла своего милосердія совер-„шаютъ втайнѣ, вмѣсто того чтобы публи-„ковать о нихъ въ газетахъ и возвѣщать „о нихъ на публичныхъ митингахъ.“

Англійскому военному агенту ѣздившему въ Лондонъ чтобы представить свое донесеніе, вѣроятно, были не безызвѣстны эти донесенія другаго цвѣта, ранѣе его доставленныя лицомъ ближе его стоящимъ къ его правительству, а если нѣтъ, то теперь, по ихъ обнародованіи, онъ долженъ понять ошибочность своего мнѣнія будто обвиненія противъ русскихъ солдатъ могли произвести какое-либо впечатлѣніе въ Россіи, а также почему Русская армія не нуждается въ благосклонно-одобрительномъ аттестатѣ англійскихъ агентовъ. Оправдываться намъ въ чемъ-либо предъ Англичанами болѣе чѣмъ смѣшно; это хуже чѣмъ еслибы мы стали оправдываться предъ Турками.

Въ самой Англіи нѣкоторые устыдились обнародованной корреспонденціи г. Леярда. Членъ оппозиціи, сэръ-Джорджъ Кэмпбеллъ, говоря предъ своими избирателями въ Шотландіи, выразилъ сильное подозрѣніе касательно соблюденія Англійскимъ правительствомъ нейтралитета, который ораторъ по справедливости находитъ нейтралитетомъ „съ сильнымъ пристрастіемъ къ Туркамъ.“

Подтвержденіе этому сэръ-Джорджъ находитъ въ этой самой обнародованной корреспонденціи въ которой „г. Леярдъ обна-„руживаетъ себя ярымъ и безразсуднымъ „сторонникомъ Турокъ. Онъ преувеличи-„ваетъ добродѣтели и скрываетъ недостат-„ки Турокъ, между тѣмъ какъ преувели-„чиваетъ недостатки Русскихъ и прини-„маетъ неосновательныя увѣренія Турокъ „о русскихъ жестокостяхъ. Онъ открыто „хвалитъ г. Валентина Бекера и нѣкото-„рыхъ британскихъ офицеровъ за услуги „оказанныя Туркамъ, между тѣмъ какъ „они должны бы быть наказаны за нару-„шеніе нейтралитета.“ Это говоритъ Англичанинъ вовсе не расположенный къ Россіи. Припомнимъ кстати что г. Валентинъ Бекеръ, восхваляемый англійскимъ посломъ за его рвеніе на пользу Порты, есть тотъ самый Бекеръ позорной репутаціи по своему покушенію въ вагонѣ на честь дѣвушки (за что по суду подвергался тюремному заключенію), и которому настоящее мѣсто быть предводителемъ башибузуковъ.

№ 213.

Москва, 25-го августа.

Вчерашнія телеграммы извѣщали объ энергическихъ представленіяхъ англійскаго консула въ Бѣлградѣ противъ вмѣшательства Сербіи въ войну, которыя даже произвели будто бы сильное впечатлѣніе, хотя, по извѣстіямъ изъ Вѣны, тамъ увѣрены что эти усилія останутся безъ резуль-

тата. Эти извѣстія о пробудившейся вновь дѣятельности англійской дипломатіи согласны съ тѣмъ что̀ мы предъ тѣмъ читали въ англійскихъ газетахъ. Различные корреспонденты ихъ изъ Вѣны и Бѣлграда то и дѣло сокрушались о неблагодарности Сербіи, такъ скоро забывшей что̀ сдѣлали для нея державы упросившія де Турцію согласиться на умѣренныя условія міра. Поэтому, разсуждали они, державы которыя убѣдили Порту пощадить Сербію и не налагать на нее гарантій были бы теперь обязаны воздержать Сербію, которую онѣ спасли отъ гибели. Всего удобнѣе могла бы это сдѣлать Австрія, но ея увѣщаніе было бы дѣйствительно только при угрозѣ, а такъ какъ это найдено Вѣнскимъ дворомъ неудобнымъ, то роль эта выпала на долю Англіи, которой оставалось де предостеречь Сербію также съ нѣкотораго рода угрозой, а именно увѣдомить ее что въ случаѣ если она не вонметъ увѣщаніямъ и рѣшится на войну, то „державы предоставятъ ее собственной участи.“

Каковъ бы ни былъ исходъ этихъ стараній англійской дипломатіи, только ими повидимому принуждено было ограничиться намѣреніе, возвѣщенное канцлеромъ казначейства, сэръ-Стаффордомъ Норткотомъ, въ рѣчи произнесенной имъ въ Плимутѣ 27 августа, „воспользоваться вліяніемъ Ан„гліи чтобы при первой возможности по„собить скорому окончанію этой несчаст„ной, этой бѣдственной, этой жестокой и „самой варварской войны.“ Британскій министръ при этомъ хотѣлъ оправдать свою страну отъ упрековъ въ излишнемъ эгоизмѣ. Правда, говорилъ онъ, Англія заботится о своихъ интересахъ и должна защищать ихъ, но она не объ одной себѣ заботится: „ради человѣчества, ради Европы, ради всего міра, мы желаемъ помочь, если будетъ возможно, прекращенію этой несчастной ссоры.“

Первый опытъ, однако, былъ выбранъ не совсѣмъ удачно для убѣжденія тѣхъ кто могли забыть недавнюю игру Англіи въ такъ-называемомъ Европейскомъ концертѣ. Кто же не пойметъ что горячее стараніе Англіи воздержать Сербію отъ участія въ войнѣ внушено ей вовсе не заботливостью о Европѣ и еще менѣе о самомъ княжествѣ, а единственно желаніемъ избавить Турцію отъ новаго затрудненія и облегчить ей борьбу? Англія которая заставляетъ хедива выслать всѣ его войска на помощь султану и въ то же время уговариваетъ шаха Персидскаго держать найтралитетъ, а теперь Сербію и Черногорію съ угрозами убѣждаетъ поладить съ Турціей чтобъ она могла подольше оказать сопротивленіе, чтобы война, о которой такъ фарисейски слезно отзывается сэръ-Стаффордъ Норткотъ, затянулась... Ясно до какой степени искренно желаніе англійскаго правительства помочь своимъ вліяніемъ“ скорѣйшему окончанію „варварской“ войны, и какого рода окончаніе для него желательно.

Можно почти съ увѣренностью сказать что, кромѣ давленія на Сербію, пыталась было Англія устроить нѣчто въ родѣ посредничества между воюющими. Не даромъ газета *Times* недавно объявляла что „довольно сдѣлано съ обѣихъ сторонъ для удовлетворенія чести“ (какъ будто рѣчь идетъ о дуэли), а *Morning-Post* предупреждала что всѣ вскорѣ будутъ удивлены неожиданнымъ миромъ, и предсказывала что „дипломатія вскорѣ возобновитъ свою дѣятельность къ счастію Европы.“ Какъ видно, эти мечты встрепенулись вслѣдствіе нашей случайной неудачи подъ Плевной и наши добрые друзья уже разчитывали на нашу податливость чтобъ опять привести насъ на конференцію. Иллюзія ихъ, однако, не могла быть продолжительна, и вскорѣ *Daily Telegraph* съ горечью принужденъ былъ опровергнуть мирные слухи какъ неосновательные. „Англійскій кабинетъ,“ замѣчалъ этотъ туркофильскій и бекон-сфильдовскій органъ, „всегда былъ и теперь также готовъ употребить свое вліяніе... Однако государственному человѣку „руководящему судьбами *фатерлянда* (то„есть князю Бисмарку) благоразсудилось „отклонить всякія предложенія въ этомъ „направленіи, а что касается Австріи, то „ея колебанія въ отношеніи къ Сербіи и „Румыніи обратили ее лишь въ орудіе зла. „Лучше, поэтому, не ласкать себя мечта„ніями насчетъ мира. Даже еслибы первая „кампанія и не привела къ результату, „весьма сомнительно найдетъ ли Англія „поддержку со стороны континентальныхъ „державъ въ ея стараніи предотвратить „возобновленіе войны.“ И *Times* сегодня въ отчаяніи восклицаетъ: „Неужели Евро„па совершенно неспособна сдѣлать что„нибудь чтобы положить конецъ этой борь„бѣ?“ Который это уже разъ въ теченіе двухъ лѣтъ Англія обращается съ мольбой къ Германіи...

Помимо этихъ газетныхъ вздоховъ мы имѣемъ другое указаніе что дѣйствительно была попытка въ родѣ той на которую есть намекъ въ приведенныхъ строкахъ. Оно явно проглядываетъ въ рѣчи лорда Гранвиля, произнесенной въ Брадфордѣ на другой же день послѣ рѣчи канцлера казначейства. Въ сущности, обѣ рѣчи слѣдуетъ читать вмѣстѣ. Какъ членъ оппозиціи, лордъ Гранвиль могъ свободнѣе чѣмъ министръ говорить о предметѣ болѣе всего интересующемъ Англичанъ, о настоящей войнѣ. Но его рѣчь представляла странную смѣсь. Для виду онъ упрекнулъ правительство за безцѣльныя демонстраціи, ничего не прибавляющія ни къ достоинству, ни къ могуществу страны; онъ находилъ смѣшнымъ упреки Россіи въ честолюбіи совмѣстно съ провозглашеніемъ на весь свѣтъ что націи должны руководиться только заботой о своихъ интересахъ, и осуждалъ старанія возбудить противъ Россіи предубѣжденія. Въ то же время онъ осмѣивалъ преувеличенное мнѣніе о ловкости русской дипломатіи и о военномъ могуществѣ Россіи. Глядите, говорилъ онъ, развѣ было дипломатическимъ искусствомъ вовлечь государство въ такую войну которая только изобличаетъ безразсудство націи пытающейся порѣшить, на свой счетъ, великій европейскій вопросъ. А каково де ея могущество когда требуется напряженіе всѣхъ силъ имперіи противъ полуварварскаго и обанкрутившагося врага? Сущность же рѣчи была въ заключеніи, гдѣ лордъ Гранвиль говоритъ что страна желаетъ нейтралитета, но не такого который равнодушно выжидаетъ, какъ это было прошлымъ годомъ въ Сербскую войну, и гдѣ онъ обѣщаетъ правительству поддержку всѣхъ классовъ, безъ различія партій, „если оно, со„блюдая возвѣщенный нейтралитетъ, бу„детъ искать перваго возможнаго случая „чтобы непосредственнымъ дѣйствіемъ по „соглашенію съ Европой остановить эту „ужасную войну.“

Изъ этихъ словъ очевидно что между вожаками партій былъ сговоръ и что лордъ Гранвиль, также хорошо какъ министръ, зналъ что дѣется и подготовлялъ къ тому публику.

Тѣмъ не менѣе въ самой Англіи туркофильская политика встрѣчаетъ отпоръ. Вмѣстѣ съ лордомъ Гранвилемъ былъ въ Брадфордѣ другой либеральный вождь, г. Форстеръ, который держалъ рѣчь послѣ него. Онъ имѣлъ мужество напомнить своему товарищу совѣтъ который онъ давалъ правительству въ началѣ сессіи—сдѣлать что-нибудь для христіанъ. „Еслибъ этому „совѣту послѣдовали,“ говорилъ г. Форстеръ, „война могла бы быть предотвра„щена. Теперь же, когда она началась, „намъ остается только держаться абсолют„наго нейтралитета, и вы можете быть увѣ„рены что всякое усиліе съ нашей сторо„ны вступиться не остановитъ войны, а „только усилитъ борьбу и страданія Евро„пы.“ Онъ совѣтовалъ всѣмъ желающимъ сохраненія нейтралитета зорко наблюдать за г. Леярдомъ, за его пристрастіями и предубѣжденіями. Г. Форстеру, который въ прошедшемъ году самъ посѣтилъ Турцію, дѣлаетъ честь то что онъ заступился за несчастныхъ оклеветанныхъ Болгаръ. Вотъ его слова: „У меня есть достовѣрный „документъ, но я не смѣю обнародовать „имени его автора, который извѣщаетъ что „большой болгарскій городъ Эски-Загра, „съ 20.000 жителей, былъ преданъ огню, „мечу и насилію какъ городъ взятый при„ступомъ. Вамъ извѣстны разказы, кото„рые приводятся въ извиненіе, будто та„кія же насилія совершались Болгарами. „По свѣдѣніямъ на которыя я вполнѣ по„лагаюсь, разказы эти вымышлены. Я по„лагаю справедливымъ что нѣкоторые были „преданы смерти какъ шпіоны, но неправ„да чтобы были сдѣланы насилія которыя „можно было бы сравнивать съ поголов„нымъ опустошеніемъ которое совершаютъ „Турки.“

Г. Форстеръ вовсе не такъ довѣрчивъ какъ лордъ Гранвиль и къ твердости нейтралитета соблюдаемаго правительствомъ. Онъ выразилъ *благодарность* Туркамъ за то что они не согласились пустить англійскія войска въ Галлиполи иначе какъ въ качествѣ открытыхъ союзниковъ. Слѣдовательно, фактъ что Англія добивалась у Турокъ разрѣшенія занять Галлиполи не подлежитъ сомнѣнію.

Въ особенности заслуживаютъ вниманія заключительныя слова г. Форстера, которыя можетъ-быть болѣе всего способны будутъ отвратить здравомыслящихъ Англичанъ отъ софизмовъ туркофиловъ. „Еслибы „мы нуждались въ предостереженіи или „урокѣ чтобъ оставаться нейтральными въ „этой войнѣ или во всякой другой, когда „того не требуютъ положительно наша бе„зопасность или долгъ, въ чемъ можемъ

„мы яснѣе видѣть его какъ не въ томъ „страшномъ голодѣ въ нашей Индійской „имперіи гдѣ намъ предстоитъ избавить отъ „голодной смерти около пятнадцати милліо„новъ людей? Вотъ страшное предупрежде„ніе чтобы мы занимались своими дѣлами „не мѣшаясь въ дѣла другихъ націй."

Не трудно понять что министерская печать обрушилась съ великою злобой на рѣчь г. Форстера...

Наконецъ, вполнѣ достойное нашей арміи извѣстіе. Послѣ двѣнадцатичасоваго боя взята Ловча, крайняя на югѣ позиція Османъ-паши. Непріятель разбитъ на-голову, и мы ждемъ подробностей и извѣстій о послѣдствіяхъ битвы чтобъ имѣть возможность оцѣнить стратегическую важность этой побѣды. Въ Лондонѣ она отозвалась какъ ударъ грома. Армія Османъ-паши очутилась теперь въ положеніи критическомъ...

№ 214.

Москва, 27-го августа.

А.

Какъ весьма вѣрно предвидѣли лондонскія газеты, наша побѣда при Ловчѣ нанесла Туркамъ чувствительный ударъ. Но до сихъ поръ нѣтъ подробностей объ этомъ дѣлѣ кромѣ сообщаемыхъ лондонскою газетой *Daily News*. Турки, какъ видно изъ вчерашней депеши Великаго Князя Главнокомандующаго, пытались вновь овладѣть Ловчей, но поплатились за это новымъ пораженіемъ...

Къ сожалѣнію, не такъ успѣшно идутъ наши дѣла на противоположной оконечности нашего операціоннаго фронта, по Черному Лому. На дняхъ старались мы опредѣлить въ общихъ чертахъ стратегическую важность сосредоточеннаго положенія занимаемаго нашими войсками въ Болгаріи, въ сравненіи съ разобщеннымъ, занимаемымъ вокругъ нашихъ позицій турецкими арміями. Дѣйствительно, это положеніе даетъ нашимъ арміямъ возможность, съ главными силами, ударить на любой угрожаемый непріятелемъ пунктъ нашей позиціи. Мы не могли не пожалѣть что при столь важной выгодѣ нашего положенія мы до сихъ поръ постоянно оказывались слабѣе непріятеля на всѣхъ подвергавшихся его атакамъ пунктахъ. Полученныя сегодня доброжелательныя намъ иностранныя газеты изъявляютъ такое же удивленіе. Сообщаемыя ими подробности по истинѣ прискорбны. Такъ въ продолженіи сраженія при Кизилярѣ 21 (9) августа, какъ мы сообщали вчера со словъ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, наша 35-я дивизія стояла неподвижно менѣе чѣмъ въ 25 верстахъ отъ поля битвы, и только къ концу ея начальникъ этой дивизіи, генералъ Барановъ, отрядилъ де на помощь нашимъ, уже „отступавшимъ" войскамъ, *всего одинъ полкъ*. Сегодня *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сообщаетъ что въ то самое время когда на помощь Мегметъ-Али, 30 (18) августа, при Карагассанкіоѣ, поспѣли даже египетскія войска, благодаря чему Мегметъ-Али успѣлъ переправиться на лѣвый берегъ Чернаго Лома и овладѣть приступомъ лежащею на этомъ берегу деревней Гайдеркіой, войска русскаго 11-го корпуса оставались неподвижно всего въ 35 верстахъ оттуда, въ Тырновѣ, а 12-й корпусъ предъ Рущукомъ, всего въ 28 верстахъ отъ поля сраженія. „Достойно замѣчанія," присовокупляетъ цитуемая газета, „что при всемъ томъ, на самомъ полѣ сраженія, Русскіе опять оказались въ меньшинствѣ!" „Въ продолженіе всего девяти дней, 21 и 30 августа," восклицаетъ по этому же поводу до сихъ поръ весьма безпристрастная и обыкновенно весьма хорошо извѣщенная вѣнская *Presse*, *„на томъ же флангѣ* русскаго операціоннаго фронта, Туркамъ удалось два раза, съ превосходными силами, атаковать Русскихъ и принудить ихъ къ отступленію..." Не менѣе удивительно и другое общее всѣмъ, даже самымъ благопріятствующимъ намъ иностраннымъ газетамъ, свѣдѣніе, будто бы въ эти оба раза Турки застали войска наши *врасплохъ*, что и приводитъ эти газеты къ заключенію что въ Русской арміи форпостная служба вообще исполняется крайне неудовлетворительнымъ образомъ... Припомнимъ что Турки также *врасплохъ* 13 августа заняли подъ Карсомъ нашу позицію на горѣ Кизилъ-Тапа...

Изъ вчерашнихъ депешъ Августѣйшаго Главнокомандующаго явствуетъ что на той же оконечности нашего лѣваго фланга, 24 августа, Турки перешли, повидимому, въ общее наступленіе, и на сторонѣ ихъ опять оказался огромный перевѣсъ силъ. Правда, изъ этой депеши видно прежде

всего что если Турки и переправились 30 (18) августа на лѣвый берегъ Чернаго Лома и заняли на немъ деревню Гайдеркіой, то они не могли удержаться въ ней, такъ какъ 24 августа атаки свои повели они, очевидно, опять съ праваго берега Лома; но за то въ этотъ день, на лѣвомъ берегу Чернаго Лома, овладѣли они деревней Кацлевовъ, занятой всего 5-ю баталіонами и 8-ю эскадронами, крѣпко державшимися въ продолженіе шести часовъ противъ 15 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 23 орудій Турокъ. Нѣсколько правѣе, вверхъ по Черному Лому, „отрядъ“ нашъ также боролся съ превосходными силами, но удержалъ за собою деревню Абланово и отбилъ всѣ атаки непріятеля. Между тѣмъ, гораздо болѣе къ сѣверу, на правомъ берегу Лома, у Кадыкіоя, Турки повидимому ограничились одною демонстраціей противъ главныхъ силъ нашего Рущукскаго корпуса; такую же повидимому демонстрацію дѣлали другія турецкія войска противъ Папкіоя на оконечности праваго фланга нашего операціоннаго фронта по Черному Лому. Надо думать что цѣль непріятеля здѣсь не иная какъ прорвать центръ этой линіи; но этого, конечно, не допуститъ расположенный подъ Рущукомъ корпусъ, которому представится тогда возможность ударить своими главными силами на правый флангъ и даже въ тылъ наступающимъ Туркамъ.

Б.

Война, при нынѣшнихъ способахъ ея веденія, требуетъ большихъ издержекъ. Но какъ бы ни были громадны вызываемые военными надобностями внутренніе расходы, Министерство Финансовъ едва ли можетъ встрѣтить большое затрудненіе для ихъ удовлетворенія. Суммы на ихъ покрытіе всегда могутъ быть добыты путемъ внутреннихъ займовъ.

Но для покрытія заграничныхъ военныхъ расходовъ наши бумажныя деньги, которыми мы можемъ обходиться дома, не годятся. Тутъ нужна звонкая монета имѣющая не условную только, а существенную цѣнность. И надо признаться что въ такой монетѣ у насъ не только нѣтъ избытка, но ощущается видимый недостатокъ, вслѣдствіе чего и привлеченіе ея въ казначейство естественно должно встрѣчать немаловажныя затрудненія. Этихъ затрудненій, конечно, не было бы еслибы мы сумѣли воспользоваться долгимъ слишкомъ двадцатилѣтнимъ періодомъ мира для исправленія системы нашего денежнаго обращенія, еслибы мы, напримѣръ, не пугаясь даже двухсотъ-или трехсотмилліоннаго займа, успѣли востановить свободный размѣнъ бумажныхъ денегъ, хотя бы не al pari, но по прочному, разъ навсегда установленному курсу. Звонкая монета не была бы тогда вытѣснена изъ обращенія, а оставалась бы въ странѣ въ количествѣ достаточномъ для удовлетворенія и ежедневныхъ и экстренныхъ нуждъ; вексельный курсъ стоялъ бы твердо; нѣсколько милліоновъ процентовъ которые пришлось бы казнѣ платить по займу которымъ были бы куплены эти важныя удобства, избавили бы страну, на время войны, отъ потери можетъ-быть не одной лишней сотни милліоновъ. Но говорить о сдѣланныхъ упущеніяхъ теперь не время. Надо брать вещи не какъ онѣ могли бы быть, а какъ онѣ есть, и преодолѣвать встрѣчающіяся затрудненія не сѣтуя на то что они не были устранены заблаговременно.

Ощущаемая нашимъ казначействомъ потребность въ звонкой монетѣ на военные расходы, за недостаточностью суммъ поступающихъ въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, всего проще могла бы быть удовлетворена внѣшнимъ, то-есть металлическимъ займомъ. Но въ иную минуту условія такого займа могутъ быть черезчуръ тяжки, особенно при увѣренности заграничныхъ кредиторовъ въ необходимости займа для заемщика при разчетѣ что заемщика можно прижать, что онъ принужденъ будетъ принять всякія условія какія вздумаетъ продиктовать ему кредиторъ. По счастію, мы еще не находимся въ такомъ безвыходномъ положеніи чтобы безъ внѣшняго займа не могли ступить шагу. Хотя и долго тяготѣетъ надъ страной неправильная денежная система, однако не могла же она вытѣснить изъ страны всю звонкую монету до послѣдней копѣйки; на массы же металла не въ монетѣ, а въ издѣліяхъ, эта система и вовсе не могла имѣть вліянія. Поэтому, и безъ внѣшняго займа, недостатка въ звонкой монетѣ для военныхъ расходовъ у насъ пока еще не было; нашъ монетный дворъ не остается и, Богъ дастъ, не останется безъ работы.

Въ настоящее время правительство, для удовлетворенія военныхъ надобностей въ звонкой монетѣ, скупаетъ ее внутри стра-

ны чрезъ посредство банкировъ и мѣнялъ. Скупается не одна годная къ обращенію монета, но и старая, слѣпая и стертая, какъ 84-й, такъ и 72-й пробы, чекановъ прошлаго столѣтія; скупается не какъ монета поштучно, а какъ серебряный ломъ, съ вѣсу, для перечеканки. Наравнѣ съ монетой скупается и просто серебро въ слиткахъ, въ лому, въ вещахъ. Недостатка въ предложеніи серебра, какой бы спросъ ни предъявила на него казна, безъ сомнѣнія не окажется. Но постоянная покупка его казной въ значительныхъ количествахъ у мѣнялъ и банкировъ не можетъ также обходиться и безъ нѣкоторыхъ ощутительныхъ неудобствъ. Эти неудобства, во-первыхъ — большая коммиссіонная премія которую оставляютъ въ свою пользу мѣнялы, во-вторыхъ — вздорожаніе серебра, невыгодно отзывающееся на нашемъ курсѣ. Невыгоды эти могли быть ослаблены, еслибы хоть нѣкоторая часть нужнаго казнѣ металла поступала въ нее минуя третьи руки корыстныхъ посредниковъ между публикой и правительствомъ.

При полной готовности изъявляемой всѣми классами Русскаго народа оказывать правительству содѣйствіе во всемъ что̀ могло бы облегчить ему разрѣшеніе трудныхъ поставляемыхъ войной задачъ, нѣтъ сомнѣнія что наша публика охотно пойдетъ ему навстрѣчу и въ его заботахъ о доставленіи монетному двору матеріала для перечеканки въ монету. Нужно только чтобъ она знала чѣмъ и какими путями она можетъ облегчить эти заботы.

Пожертвованія на вызванныя войной нужды продолжаютъ притекать отовсюду непрерывною и обильною струей. Жертвуются преимущественно деньги и такія вещи и припасы которые, какъ извѣстно публикѣ, могутъ быть съ пользой употреблены для улучшенія положенія какъ раненыхъ и больныхъ такъ и здоровыхъ воиновъ. Но публика пока еще мало знаетъ какъ полезенъ могъ бы быть еще особый видъ пожертвованій — металлическими вещами годными для передѣлки въ монету. Въ этомъ отношеніи, подкрѣпленная дѣломъ патріотическая мысль А. Гр. Лопатина заслуживаетъ полнаго вниманія. Полученныя нами отъ него серебряныя вещи пожертвованныя имъ для перечеканки въ монету уже сданы, согласно его желанію, въ Московское казначейство. Можно надѣяться что поданный имъ примѣръ не останется безъ подражанія, и мы съ полною готовностью открываемъ въ нашей конторѣ пріемъ серебряныхъ и золотыхъ вещей жертвуемыхъ для передѣлки въ монету. Въ любомъ достаточномъ семействѣ найдутся сломанныя серебряныя ложки, погнутая посуда и тому подобныя лишнія не находящія употребленія въ домашнемъ быту вещи, и владѣльцы ихъ, безъ сомнѣнія, охотно будутъ жертвовать ихъ на патріотическое дѣло. При этомъ, конечно, нѣтъ необходимости чтобы вещи жертвовались спеціально для передѣлки въ монету. Онѣ пойдутъ для этой цѣли, но стоимость ихъ можетъ обращаться въ пользу раненыхъ и на иныя вызванныя войной нужды; для казны выгоднѣе выдать ихъ стоимость Обществу Краснаго Креста чѣмъ мѣнялъ. Но желательно разъяснить публикѣ двоякую пользу какую могутъ приносить ихъ пожертвованія золотыми и серебряными вещами и облегчить поступленіе именно такихъ пожертвованій открытіемъ возможно бо́льшаго числа мѣстъ ихъ пріема. Нужно чтобы какъ пріему, такъ и употребленію этого спеціальнаго вида пожертвованій дана была правильная организація. При соблюденіи этого условія, можно разчитывать на значительный приливъ пожертвованій металлическими вещами, могущій послужить важнымъ подспорьемъ казнѣ при нынѣшнихъ затрудненіяхъ.

В.

Вполнѣ сочувствуемъ замѣткѣ князя В. П. Мещерскаго по поводу опубликованной Международнымъ Агентствомъ депеши одесскаго головы г. Новосельскаго съ неумѣстною выходкой противъ *братьевъ**) Болгаръ. Ничѣмъ нельзя оправдать ни тона, ни содержанія этой выходки. Приличенъ ли Русскому въ настоящее время этотъ тонъ попрека, и имѣетъ-ли смыслъ обвиненіе цѣлаго народа за распоряженіе какихъ-то болгарскихъ властей, которыя въ настоящее время могутъ быть только русскими властями? Развѣ Болгарія имѣетъ теперь самостоятельное управленіе? Наконецъ, не довольствуясь упрекомъ въ томъ что̀ случилось, одесскій голова спѣшитъ заодно упрекнуть Болгаръ и за то чего еще не было, а что по его соображенію можетъ

*) Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* это неприлично-ироническое выраженіе выброшено.

случиться. „Такихъ же требованій отъ Болгаръ," говоритъ онъ, „ожидаю въ Систовѣ..."

№ 216.

Москва, 31-го августа.

Въ началѣ іюля, у Плевны атака трехъ далеко не полныхъ русскихъ полковъ на сильно укрѣпленную позицію была отбита многочисленною турецкою арміей. Нѣсколько дней спустя, эта позиція, еще сильнѣе укрѣпленная и защищаемая семидесятитысячною арміей, вновь атакована русскими войсками въ числѣ около 28.000 человѣкъ. Турки были выбиты изъ позицій, но Русскіе по малочисленности, а также по нерѣшительности и разрозненности команды, не удержались на отбитыхъ позиціяхъ и отступили на прежнія. Не было побѣды, но не было и пораженія.

Тѣмъ не менѣе, почти вся Европа вторила побѣдному гимну Турокъ и ихъ друзей.

Въ концѣ августа, на Шипкѣ, сначала три тысячи, затѣмъ до шести тысячъ, наконецъ всего около восемнадцати тысячъ Русскихъ, на позиціи наскоро укрѣпленной, легко обходимой, легко обстрѣливаемой съ командующей ею высоты, съ лѣсистыми доступами, прикрывающими наступленіе непріятеля,—выдержали и отбили безпрестанно возобновлявшіеся семидесятитысячною арміей штурмы, бомбардированіе и обходы.

И вотъ почти вся Европа продолжаетъ до сихъ поръ прославлять не горсть геройскихъ защитниковъ прохода, но тѣхъ же Турокъ за настойчивость ихъ нападеній.

Таково дѣйствіе рекламы. Турки, дѣйствительно, оказываются мастерами этого дѣла. Они сравнялись въ немъ даже съ Поляками 1863 года.

Въ началѣ іюля реклама имѣла, впрочемъ, ясно опредѣленную ближайшую цѣль. Она должна была облегчить имъ заемъ у „друзей" Англичанъ. Эта цѣль была достигнута. Успѣхъ займа превзошелъ всѣ ожиданія Турокъ. Но, въ сущности, реклама была тутъ ни причемъ. Какъ весьма справедливо замѣчала въ то время берлинская *Post*, этотъ заемъ имѣлъ тогда гораздо болѣе характеръ субсидіи со стороны Англійскаго правительства чѣмъ денежной сдѣлки съ англійскою публикой.

Теперь обнаруживается отдаленнѣйшая цѣль рекламы. Требовалось доказать жизненность Турціи, но тутъ фокусъ не удался.

И, странное дѣло, изобличителями фокуса являются закупленные Турками органы *Journal des Débats* и *Кельнская Газета*, устами знатока Турціи, г. Каница, и только что смѣщеннаго турецкаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, Алеко-паши, фанарскаго Грека Вогоридеса, родственника князя Самосскаго.

Читателямъ извѣстно уже изъ *Прибавленія* къ *№ 215 Московскихъ Вѣдомостей* (отъ 31 августа) содержаніе телеграммы отправленной къ секретарю султана изъ Вѣны внезапно смѣщеннымъ тамошнимъ турецкимъ посломъ, Алеко - пашой. Это преданный слуга Порты извѣщалъ о своемъ рѣшеніи ѣхать не въ Константинополь, а въ Парижъ, въ увѣренности „что судьи призванные рѣшить между имъ и великимъ визиремъ не будутъ имѣть столько безпристрастія и мужества чтобы высказать откровенно свое мнѣніе, не опасаясь за послѣдствія ихъ откровенности." Увольненіе Алеко-паши произошло именно въ моментъ мнимыхъ „турецкихъ побѣдъ." При всей своей преданности султану, Алеко-паша не вѣритъ въ эти побѣды. Онъ „жалѣетъ о Турецкой націи, искупающей „нынѣ беззаконія прежде управлявшихъ „его министровъ, проливающей свою драгоцѣнную кровь, видящей себя осужденною на горькую участь безплодно приносить страшныя налагаемыя ею на себя „жертвы и принужденной ожидать такихъ „же бѣдствій и въ будущемъ. Оттоманская имперія," продолжаетъ ея дипломатъ, занимавшій едва ли не самый важный изъ ея иностранныхъ постовъ, „не *упрочится* „и не создастъ себѣ счастливой будущности *даже по заключеніи благопріятнаго „мира...*" Единственное спасеніе ея, по мнѣнію ея сановника, состоитъ въ перемѣнѣ всей ея политической системы, оправдывающей своими дѣйствіями „нападенія ея враговъ, — въ водвореніи и упроченіи справедливости, единственной основы всякаго могущества," — а такъ какъ осуществленіе этой единственной спасительной для Турціи программы кажется ему невозможнымъ, онъ и рѣшается попросту бѣжать отъ султана, „не переставая молиться" за него...

Что касается отзыва г. Каница, на дняхъ напечатаннаго въ *Journal des Débats* о будущности Турціи, даже въ случаѣ немыслимой побѣды ея въ настоящей войнѣ, то онъ едва ли еще не сильнѣе чѣмъ отзывъ бывшаго турецкаго посла въ Вѣнѣ. Какъ ни немыслима такая побѣда, а все-таки она кажется г. Каницу гораздо болѣе возможною чѣмъ мечтаемое западными туркофилами преобразованіе Турціи въ смыслѣ требованій цивилизаціи и духа времени. „Къ несчастію," говоритъ онъ, „не „достаетъ для этого при дворѣ султана „во всемъ что требуется подобнымъ пре„образованіемъ: въ умѣніи, просвѣщеніи, „бережливости, настойчивости, духѣ спра„ведливости и доброй волѣ." И противодѣйствующія всякому существенному преобразованію Турціи силы, по сужденію г. Каница, такъ могучи что противъ нихъ не помогутъ никакія перемѣны министровъ; ибо причина зла не столько въ исполнителяхъ, сколько въ самомъ принципѣ магометанскаго господства. Г. Каницъ, какъ видно, принадлежитъ къ числу цѣнителей Мидхатъ-паши, главнаго виновника бѣдствій злополучной Болгаріи. Но и „правленіе Мидхата оказалось бы эфемернымъ „и безплоднымъ," восклицаетъ г. Каницъ. „Какъ только Порта одолѣла бы настоящія затрудненія свои..." она поспѣшила бы возвратить къ кормилу правленія тѣхъ же турецкихъ государственныхъ дѣятелей, „которымъ такъ отлично удалось привести одну изъ лучшихъ странъ міра въ то жалкое состояніе въ какомъ она находится нынѣ..." Затѣмъ слѣдуетъ картина повальной продажности и дикости всѣхъ членовъ турецкаго правительственнаго организма и невѣжества народа. „Эти *честные* люди," восклицаетъ онъ въ заключеніе, „старались бы усыпить европейскихъ публицистовъ зрѣлищемъ нѣкоторыхъ эффектныхъ конституціонныхъ декорацій, а между тѣмъ преспокойно продолжали бы управлять въ томъ же духѣ какъ и прежде. Но именно этого, къ чести европейской цивилизаціи, по крайней мѣрѣ въ европейскихъ владѣніяхъ султана, *допустить невозможно*..."

Итакъ новые, улучшенные порядки, согласные съ требованіями европейской цивилизаціи, въ Турціи—*невозможны*. Но и старые порядки тоже *невозможны*. Процессъ разложенія обнаруживается повсюду. Какъ гальваническая искра оживляетъ трупъ, такъ оживляетъ нынѣ Турцію доведенная до горячечнаго пароксизма судорожная энергія предсмертной борьбы. Внутренняя анархія, разнузданность самыхъ звѣрскихъ страстей, довершили бы то чего не покончилъ бы мечъ.

№ 217.

Москва, 1-го сентября.

А.

Телеграмма Августѣйшаго Главнокомандующаго изъ Порадима извѣщаетъ о побѣдоносномъ штурмѣ четырехъ турецкихъ редутовъ у Плевны. Еще наканунѣ штурма, депеша Его Высочества извѣщала что „28 августа наши батареи обстрѣливали Плевну цѣлый день на разстояніи 600 — 700 саженъ." Это безъ малаго полторы версты. Чтобы пробѣжать ихъ солдату въ мундирѣ, въ высокихъ сапогахъ и въ полномъ вооруженіи, необходимо не менѣе пятнадцати минутъ; а при скорострѣльномъ оружіи въ пѣхотѣ и артиллеріи, въ этотъ промежутокъ времени, каждый обороняющійся можетъ сдѣлать болѣе ста выстрѣловъ. Вотъ почему иностранные наблюдатели, на основаніи первыхъ телеграммъ о началѣ нашей атаки на Плевну, высказывали увѣренность что мы приступимъ либо къ правильной осадѣ, либо къ бомбардированію, и начнемъ штурмъ не прежде какъ успѣхи нашей артиллеріи доведутъ насъ по крайней мѣрѣ на полружейный выстрѣлъ отъ полуразрушенныхъ непріятельскихъ верковъ.

Но употребленіе того или другаго способа атаки зависитъ преимущественно отъ топографическихъ условій, о которыхъ издали судить трудно. Быть-можетъ что по овладѣніи тѣми позиціями на которыя, какъ видно изъ вчерашней депеши, были „передвинуты" 29 августа наши осадныя батареи (въ депешѣ не сказано на какое именно разстояніе совершилось это „передвиженіе"), условія мѣстности требовали штурма. Но такъ или иначе, надо полагать что главная причина значительной потери понесенной нами при штурмѣ передовыхъ редутовъ турецкой позиціи заключалась именно въ предстоявшей нашимъ штурмовымъ колоннамъ необходимости проходить безъ всякаго закрытія, раз-

стояніе цѣлой версты и можетъ-быть болѣе.

Рѣшающимъ моментомъ для атаки Плевны была побѣда наша при Ловчѣ и занятіе этого города. Дѣйствительно, пока Ловча,—занятая еще 27 (15) іюня дивизіей Адиль-паши изъ арміи Османа,—оставалась въ рукахъ непріятеля, не могло быть и рѣчи объ обложеніи Плевны. Съ тѣхъ поръ Османъ-паша не разъ высылалъ подкрѣпленія къ Ловчѣ. Теперь едва ли можно сомнѣваться что сраженіе 22 августа было не простою вылазкой, а попыткой Османа очистить главнымъ силамъ своимъ путь къ Ловчѣ. И эта забота его объ оконечности своего праваго крыла была весьма основательна. Пока въ рукахъ его оставалась Ловча, ему было открыто отступленіе либо на Троянъ къ Балканамъ, либо въ обходъ Балканъ на Софію; съ паденіемъ же Ловчи онъ лишился надежды на первый изъ этихъ путей, и даже отступленію его на Софію грозитъ весьма серіозная опасность. Теперь армія Османа повидимому оцѣплена со всѣхъ сторонъ, и ей приходится биться на смерть чтобъ избѣжать сдачи.

Что касается силъ сосредоточенныхъ съ обѣихъ сторонъ у Плевны, то опредѣлить ихъ въ точности довольно трудно. Армія Османъ-паши простиралась до 70.000 человѣкъ, но изъ этого надо вычесть дивизію которая занимала Ловчу и всѣ посланныя ей подкрѣпленія, а также понесенныя 22 августа огромныя потери. Съ нашей стороны, по свѣдѣніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, стоятъ у Плевны 4, 9 и 11 корпуса, при второй пѣхотной дивизіи, только что прибывшей изъ Россіи и уже такъ блистательно отличившейся при взятіи Ловчи; къ ней же примкнула и кавалерія генерала Скобелева 2-го; оконечность праваго крыла блокирующей арміи составляютъ три румынскія дивизіи. По мнѣнію прусскихъ газетъ, союзными войсками у Плевны командуетъ князь Румынскій, но засвидѣтельствованное сегодняшнею телеграммой присутствіе Великаго Князя Главнокомандующаго въ Порадимѣ даетъ поводъ сомнѣваться въ этомъ.

Отчаяннымъ положеніемъ въ какомъ находится у Плевны армія Османъ-паши опредѣляется значеніе наступательныхъ движеній Мегмедъ-Али и Ахмедъ-Эйюба въ долинѣ Кара-Лома, изъ коихъ послѣдняя повела атаки на Карагассанкіой и Аблоново, тогда какъ первая, поддержанная вылазками Рущукскаго гарнизона, направлялась на главныя силы нашего Рущукскаго отряда, и именно на Кадыкіой. Всѣ эти движенія, повидимому, имѣли главною цѣлью отвлечь вниманіе Русскихъ отъ Плевны. Но, какъ можно было предвидѣть, главная атака Турокъ была поведена не на Кадыкіой, не на лѣвое крыло, а на центръ русской линіи по Черному Лому, въ надеждѣ прорвать его и обойти правое крыло Рущукскаго отряда. Громадный перевѣсъ непріятельскихъ силъ обезпечилъ бы успѣхъ этого предпріятія, еслибы наши войска не предупредили его своевременнымъ отступленіемъ. Этотъ численный перевѣсъ Турокъ на Кара-Ломѣ оказывается гораздо значительнѣе чѣмъ полагали первыя полученныя нами объ этихъ дѣлахъ офиціальныя телеграммы. По свѣдѣніямъ прусскихъ газетъ, 3.500 человѣкъ отряда генерала Леонова „геройски“ (по сознанію даже туркофильскихъ вѣнскихъ газетъ) выдержали напоръ *цѣлыхъ трехъ турецкихъ дивизій*, и отступили не давъ непріятелю никакихъ трофеевъ. По свѣдѣніямъ изъ турецкихъ источниковъ, авангарды турецкіе уже дошли до Обретника и Монастыря, между Кара-Ломомъ и Янтрой. Но такъ или иначе, а по всему видно что уже начато сосредоточеніе нашего Рущукскаго отряда къ долинѣ Янтры. По мнѣнію компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ иностранныхъ газетъ, можетъ-быть было бы лучше и не выступать за линію Янтры, а ограничиться сильнымъ занятіемъ ея до прибытія значительныхъ подкрѣпленій. Линія Янтры есть единственная во всей при Дунайской Болгаріи обладающая всѣми условіями сильной оборонительной линіи. Ключъ этой линіи есть Бѣла, коей значеніе Турки, при переправѣ нашей арміи черезъ Дунай, не сумѣли оцѣнить по достоинству. „Даже еслибы Русскіе вовсе оставили долину Лома,“ свидѣтельствуетъ вѣнская *Presse*, „то по долинѣ Янтры, на протяженіи отъ Тырнова до устья этой рѣки, у нихъ все-таки остается самая сильная оборонительная линія Болгаріи.“ „Хорошо расположенный корпусъ,“ присовокупляетъ къ этому замѣчанію берлинская *Post*, „въ продолженіе нѣсколькихъ дней можетъ задержать у Бѣлы огромную армію.“ Того же мнѣнія и *Norddeutsche*

Allgemeine Zeitung, вполнѣ одобряя обнаруживающійся взглядъ Русской главной квартиры, придающій де линіи по Лому лишь второстепенное значеніе. Весьма возможно что именно въ виду приближенія Турокъ къ долинѣ Янтры было признано необходимымъ скорѣе кончить счеты съ Османъ-пашой у Плевны.

Б.

Несмотря на малочисленность нашей Мало-Азіатской арміи, по всему видно что магометанскія населенія Анатоліи далеко не спокойны и боятся будущаго вторженія Русскихъ, хотя, въ надеждѣ успокоить ихъ, турецкія власти ложно увѣряютъ ихъ, какъ видно изъ Трапезундскаго письма въ *Политическую Корреспонденцію*, будто Русская армія, даже доведенная до двухсоттысячнаго состава, не посмѣла бы предпринять наступленіе противъ „побѣдоноснаго“ Мухтаръ-паши, и будто уже съ половины сентября прекращается въ Верхней Арменіи, подъ вліяніемъ суроваго климата, всякая возможность военныхъ дѣйствій. Удивительно что даже такая серіозная и безпристрастная газета какъ *Политическая Корреспонденція* принимаетъ подобныя нелѣпости за нѣчто серіозное и тѣмъ какъ бы вторитъ турецкой лжи, будто въ настоящемъ году уже миновала для насъ возможность поправить дѣло. Уже вѣнская газета забываетъ что въ 1853 году нашъ походъ начался въ концѣ октября, что 19 ноября былъ нанесенъ Туркамъ Башъ-Кадыкъ-Ларскій погромъ при отличной и даже жаркой погодѣ, и что самая сдача Карса Турками произошла въ 1855 году только 16 ноября?

Именно осень, почти до самаго декабря мѣсяца, въ Карсскомъ пашалыкѣ есть самое благопріятное для военныхъ дѣйствій время года, такъ какъ въ продолженіи всего лѣта тамъ свирѣпствуетъ причиняющій разныя болѣзни и выжигающій траву мучительный и изнурительный зной. Подоспѣли бы достаточныя подкрѣпленія, были бы приняты нашимъ военнымъ начальствомъ всѣ мѣры къ привлеченію на театръ войны тѣхъ силъ Кавказской арміи которыя не непремѣнно необходимы для внутренней охраны Кавказскаго края, и мы увѣрены что наши войска воспользуются наступающею осенью чтобы повторить безсмертные подвиги 1853 года, когда возстаніе на Кавказѣ, подъ начальствомъ геніальнаго человѣка Шамиля, охватывало весь нагорный Дагестанъ, Большую и Малую Чечню, располагало 70 орудіями съ отлично выученными артиллеристами, и составляло по истинѣ грозную организацію. Но въ 1853 году вся Кавказская армія состояла *изъ трехъ съ половиною дивизій* (19, 20, 21-й, и гренадерской бригады, къ которымъ только что подоспѣла 15-я дивизія, между тѣмъ какъ нынѣ на Кавказѣ *цѣлыхъ семь дивизій* (не считая уже прибывшей изъ Москвы 1-й гренадерской дивизіи), а тамъ и сямъ возникающія между горцами *вспышки* оказываются совершенно ничтожными въ сравненіи съ *настоящею войной* свирѣпствовавшею въ 1853 году на всемъ разстояніи между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

Извѣстно что въ 1855 году главнокомандующій Кавказскою арміей, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, дабы обойтись при проектируемой блокадѣ Карса безъ присылки новыхъ подкрѣпленій изъ Россіи, торговался съ полковыми командирами едва ли не о каждомъ оставляемомъ ими въ штабъ-квартирѣ мастеровомъ. Неужели внутреннее управленіе Кавказа нуждается нынѣ въ большемъ числѣ войскъ чѣмъ въ 1853 году.

№ 218.

Москва, 2-го сентября.

А.

Чѣмъ живѣе и глубже интересуется все русское общество извѣстіями съ театра войны, тѣмъ труднѣе сознающей свой долгъ печати удовлетворять его требованіямъ. Мы можемъ говорить только о томъ что̀ знаемъ и слѣдовательно что̀ знаютъ и наши читатели. Въ подобныя минуты сильнаго напряженія благоразумнѣе воздерживаться отъ сужденія.

Примѣръ слишкомъ торопливыхъ сужденій мы видимъ въ заграничной печати, и особенно въ печати къ намъ нерасположенной. Уже сколько разъ, въ теченіе кампаніи, предположенія ея оказывались несостоятельными, а она все-таки не унимается, и каждый день, на основаніи по-

слѣднихъ телеграммъ, продолжаетъ строить все новыя остроумныя стратегическія соображенія. Не говоримъ уже объ органахъ австро-венгерскихъ. Возьмемъ англійскую журналистику, и заглянемъ въ болѣе трезвый и сдержанный органъ ея, газету *Times*. Вотъ предъ нами послѣдній нумеръ этой газеты: что за глубокомысленные разчеты читаемъ мы въ ея военномъ обозрѣніи по поводу дѣла у Кацелевой, на рѣкѣ Кара-Ломѣ, въ которомъ, даже по турецкимъ извѣстіямъ, съ нашей стороны была въ дѣлѣ одна дивизія, а со стороны Турокъ—двѣ. Какъ ни прискорбно что и на этотъ разъ Турки оказались въ превосходномъ числѣ, однако очевидно что дѣло это отнюдь не имѣло значенія генеральной битвы. Между тѣмъ *Times*, а за этою газетой и вся англійская печать, оставляя въ сторонѣ взятіе Русскими Ловчи, все вниманіе устремляли исключительно на линію рѣки Лома, единственно потому что здѣсь была пріятная возможность говоритъ о *турецкихъ* успѣхахъ. И чего не мерещится англійскимъ стратегамъ вслѣдствіе дѣлъ на этой линіи, гдѣ русскихъ войскъ *maximum* бывало по дивизіи, да и турецкія войска, хотя и превосходили наши, не представляли собою главныхъ силъ арміи Мегмедъ-Али. Кстати сказать, армія эта до сихъ поръ представляетъ собою величину миѳическую. Утверждали будто сердарь, за исключеніемъ всѣхъ гарнизоновъ, можетъ располагать 160.000 человѣкъ. Однако, и по турецкимъ телеграммамъ, онъ нигдѣ не направлялъ на русскія позиціи болѣе двухъ-трехъ дивизій. Тѣмъ не менѣе *Times* усматриваетъ въ этихъ дѣйствіяхъ важные стратегическіе успѣхи, едва не рѣшающіе всю участь кампаніи. Русскіе отступили отъ Кацелева, разсуждаетъ военный критикъ *Times*, слѣдовательно блокада Рущука должна быть снята. Мало того: отступленіе Русскихъ отъ Кацелева должно де оставить мостъ у Пиргоса открытымъ для атаки, и этотъ мостъ черезъ Дунай *вѣроятно* де уже разрушенъ или занятъ турецкими войсками. Но и этимъ не исчерпываются стратегическіе успѣхи Турокъ, по указанію *Times*: Бѣла,—этотъ центральный пунктъ территоріи занятой Русскими, всего въ 30 миляхъ отъ Рущука и въ 22 отъ Кацелева, но въ 40 миляхъ до Плевны, гдѣ теперь главныя силы Русскихъ: *ergo* турецкія войска, находясь ближе къ этой главной линіи русскихъ сообщеній, угрожаютъ ей и положеніе Русской арміи болѣе чѣмъ когда-либо становится критическимъ. *Times* находитъ *вѣроятнымъ* что аванпосты Мегмедъ-Али находятся уже *недалеко* отъ Бѣлы. *Правда*, говоритъ онъ, *нѣтъ извѣстій о битвахъ на этой линіи, но въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго*, такъ какъ у Русскихъ здѣсь *вовсе нѣтъ* войскъ, кромѣ одной дивизіи стоявшей у Кацелева и такъ сильно пострадавшей что она, конечно, не въ состояніи противиться движенію 150.000 арміи.

Итакъ, по мнѣнію лондонской газеты, въ самомъ дѣлѣ Мегмедъ-Али уже передвинулъ всю свою армію вправо, перемѣнивъ свой базисъ у Османъ-Базара на Рущукъ, откуда онъ можетъ дѣйствовать вдоль Дуная на русскія сообщенія у Систова, „не подвергаясь большой опасности.“ Да, дѣйствительно, еслибъ это случилось, то онъ ничѣмъ ни рисковалъ бы, развѣ тѣмъ что поставилъ бы себя между рѣкой, съ одной стороны, и русскими силами съ другой...

Не этимъ ли убѣжденіемъ въ критическомъ положеніи русской арміи былъ проникнутъ лордъ Дарби, когда онъ, въ своей рѣчи на банкетѣ при открытіи галлереи искусствъ въ Ливерпулѣ, произнесъ тономъ оракула слѣдующее новое поясненіе англійской политики. Замѣтивъ что настоящая минута еще неблагопріятна для вмѣшательства постороннихъ въ интересахъ мира, хотя можетъ-быть и недалека минута для этого которою Англія не преминетъ воспользоваться, онъ присовокупилъ: „Мы сдѣлаемъ что можемъ чтобы вытащить нашихъ сосѣдей изъ ямы, но при „этомъ мы должны поостеречься чтобъ они „и насъ не втянули туда же.“ Газета *Times* очень сѣтуетъ на сухосердечіе министра, который ничего де не рѣшается сдѣлать для прекращенія „ужасной“ войны. Но она явно лукавитъ. Англійское правительство было бы радо найти возможность для посредничества, и менѣе опытная въ лицемѣріи газета *Daily Telegraph* проговаривается замѣчая что „главное препятствіе „для скораго мира заключается въ тайномъ „нерасположеніи другихъ державъ къ ско„рому окончанію войны и въ степени до „которой онѣ, или по крайней мѣрѣ одна „изъ нихъ, можетъ поддерживать Россію „въ требованіи условій на которыя невоз„можно согласиться пока Турція не со„крушена окончательно.“ То-есть, другими словами, Англія не можетъ найти себѣ под-

держку въ Европѣ, а сама по себѣ не въ силахъ что-либо открыто предпринять въ пользу Турокъ. Вѣдь и *Times*, по поводу все тѣхъ же словъ лорда Дарби, хотя и журитъ его за черезчуръ холодную осторожность, признается однако что „одна „изъ обязанностей министерства избѣгать „всего что̀ могло бы втянуть страну въ „войну которая была бы ей *совершенно не „по силамъ* (*Would bs utterly beyond her „strength*).“

Англичанамъ остается только тѣшиться надеждами что авось Турки, своими блестящими маневрами, сами дадутъ отпоръ Русскимъ, и пока помогать имъ всячески только подъ рукой...

Б.

Турецкія извѣстія съ театра войны остаются вѣрны своей репутаціи. Сообщенное нами вчера турецкое извѣстіе, съ указаніемъ на его источникъ, будто турецкіе авангарды показались уже у Обертеника и Монастыря, оказывается положительно ложью. То же самое, конечно, слѣдуетъ замѣтить и о всѣхъ основанныхъ на этомъ небываломъ фактѣ комбинаціяхъ туркофильскихъ газетъ о будто бы состоявшемся обходѣ праваго фланга стоящей противъ Рущука арміи Наслѣдника Цесаревича. Депеша Великаго Князя Главнокомандующаго изъ Порадима, отъ 27 августа (8 сентября,) извѣщала просто что „по занятіи Турками Кацелева, рущукскій отрядъ хотя и отбилъ атаку на Абланово, но отошелъ весь на новую позицію.“ Но гдѣ именно находится эта „новая позиція,“ объ этомъ мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни офиціальныхъ, ни даже изъ иностранныхъ источниковъ. Однако, изъ полученныхъ сегодня иностранныхъ газетъ видно что сообщеніе арміи Наслѣдника Цесаревича съ Бѣлой, на Янтрѣ, совершенно обезпечено, и что на дорогѣ отъ Рущука къ Бѣлой до сихъ поръ не показывалось еще ни одного непріятельскаго отряда. Мегмедъ-Али и Ахмедъ-Эйюбъ-паши, очевидно, дѣйствуютъ съ прежнею ихъ робостью. Если припомнить при этомъ недавно приведенное нами свѣдѣніе *Политической Корреспонденціи* о неготовности ихъ армій къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то изъ образа дѣйствій ихъ окажется очевиднымъ что все наступленіе ихъ не имѣетъ иной цѣли какъ только отвлечь вниманіе нашей Главной Квартиры отъ Плевны, а потому и ограничивается демонстраціями. Нѣтъ сомнѣнія что еслибъ имъ удалось привлечь противъ себя значительныя массы войскъ, то армія обоихъ пашей немедленно отступила бы на Шумлу...

Весьма характеристично также сообщеніе константинопольскаго корреспондента *Агентства Гаваса* въ иностранныя газеты что до сихъ поръ Турецкое правительство отказывается отъ сообщенія свѣдѣній о потерѣ понесенной Турками на Шипкѣ и при Ловчѣ. „Наши потери еще не приведены въ извѣстность,“ доносилъ Сулейманъ-паша изъ лагеря передъ Шипкой, тутъ же исчисляя въ подробности, — конечно по своему,—потерю понесенную въ этомъ дѣлѣ Русскими.

В.

Въ *National-Zeitung*, отъ 11 сентября, находимъ слѣдующую замѣтку, на которую берлинская газета обращаетъ вниманіе русской печати: „Мы случайно узнали что въ Германіи сдѣланы заказы шерстяныхъ рубашекъ для русской арміи по цѣнѣ шести марокъ („шести марокъ!“ прибавляетъ съ ужасомъ газета). Одинъ изъ друзей нашей газеты, имѣвшій случай бесѣдовать съ купцомъ имѣющимъ отношеніе къ сказанной коммиссіи, спросилъ: какъ долго проносится такая рубашка? — *Ни одного дня*, былъ отвѣтъ; *она разорвется при первомъ же надѣваніи*. Да рубашки эти и не предназначаются для носки, а только для подряда. Мы удивляемся „хладнокровію“ съ которымъ дѣлается и принимается подобный заказъ. Въ интересѣ русскихъ солдатъ, которымъ предстоитъ носить такое зимнее платье, мы не могли не обратить вниманіе на этотъ *отвратительный обманъ*.“

№ 219.

Москва, 3-го сентября.

А.

Штурмъ Плевны, повидимому, невозможенъ безъ предварительной правильной осады. Дѣйствительно, только „оборонительнымъ наступленіемъ,“ какъ называется постепенное приближеніе къ непріятельскимъ веркамъ посредствомъ траншей, мо-

гутъ наши батареи подойти такъ близко къ непріятелю чтобы дать ему почувствовать всю свою силу, а наши войска очутиться предъ нимъ на разстояніи довольно близкомъ для того чтобъ добѣжать до него безъ слишкомъ чувствительныхъ потерь. Эту задачу можетъ исполнить только правильная осада, веденіемъ *сапы*, то-есть ровиковъ, откуда земля выкидывается въ сторону непріятеля на предварительно поставленныя круглыя корзинки безъ дна, извѣстныя подъ названіемъ *туровъ*, и подъ прикрытіемъ другой гораздо большей корзины, извѣстной подъ названіемъ *мантелета*, которая перекатывается въ направленіи предполагаемой сапы. По мѣрѣ приближенія къ непріятелю, по обѣ стороны этихъ закрытыхъ путей, сооружаются параллельно атакуемымъ фасамъ другія насыпи, называемыя *параллелями*, на которыхъ сооружаются сначала демонтиръ-батареи, имѣющія главною цѣлью сбитіе непріятельскихъ орудій, а затѣмъ, на самомъ близкомъ разстояніи, брешь-батареи, для разрушенія непріятельскихъ верковъ и пробитія въ нихъ отверстія.

Эта тяжелая необходимость правильной атаки, требующей, конечно, очень много времени, есть единственное заключеніе какое можно вывести изъ потрясающихъ извѣстій о ходѣ Плевненскаго штурма. На необходимость правильной осады указываетъ сообщенная нами вчера телеграмма изъ Радишева отъ корреспондента *Times*. Но нельзя не замѣтить что кромѣ потери времени, правильная осада сопряжена и съ другими неудобствами. Необходимо присутствіе цѣлаго инженернаго парка, о существованіи котораго при нашей арміи мы до сихъ поръ не имѣемъ свѣдѣній. Этотъ паркъ долженъ быть снабженъ нѣсколькими тысячами туровъ, а при безлѣсіи Придунайской Болгаріи, заготовка туровъ, состоящихъ изъ хвороста, представляетъ большое затрудненіе. Какъ видно изъ описанія войны 1828—1829 годовъ графомъ Мольтке, это затрудненіе значительно замедлило тогда осаду Браилова, хотя за неимѣніемъ хвороста наши инженеры очень удачно придумали строить туры и мантелеты изъ тростника. Но если около Браилова, на низовьяхъ Дуная, оказалось большое обиліе этого матеріала, то можно ли надѣяться на такое же обиліе между Систовомъ и Никополемъ,—вопросъ для рѣшенія котораго мы не имѣемъ данныхъ.

Впрочемъ, во всемъ что̀ касается вопроса объ атакѣ какой бы то ни было сильно укрѣпленной позиціи, Русская армія имѣетъ въ рядахъ своихъ получившаго всемірную извѣстность спеціалиста этого дѣла, генерала Тотлебена.

Однако правильная осада не есть *единственное* средство овладѣть Плевной. Есть еще средство: это блокада. Позиціи отбитыя генераломъ Скобелевымъ 30 августа давали намъ возможность совершенно отрѣзать Османъ-пашѣ отступленіе. Но на слѣдующій день послѣ отбитыхъ шести ожесточенныхъ турецкихъ атакъ, наши войска все-таки нашлись вынужденными покинуть эти позиціи. Неужели нельзя было, въ продолженіе цѣлаго дня боя, подослать имъ подкрѣпленія? Взятые генераломъ Скобелевымъ редуты всего важнѣе для Турокъ, а стало-быть и для насъ. Османъ весьма естественно направилъ всѣ усилія чтобъ отбить ихъ обратно; и намъ точно также естественно было употребить всѣ усилія чтобъ удержать за собой столь важныя и вмѣстѣ такъ дорого купленныя позиціи.

Дѣйствительно отрѣзавъ у Османъ-паши сообщеніе съ Софіей, для чего необходимо сооруженіе по Виду окоповъ съ довольно сильною профилью, русская армія лишила бы его всякой возможности получать подкрѣпленіе и припасы. Но прежде чѣмъ приступить къ блокадѣ требуется имѣть хоть приблизительныя свѣдѣнія объ имѣющихся у Османъ-паши продовольственныхъ запасахъ. Судя по свѣдѣніямъ константинопольскаго корреспондента *Политической Корреспонденціи*, во всѣхъ турецкихъ арміяхъ, даже у Мегмедъ-Алипаши, который пользуется подвозами и съ моря и по занимаемой имъ Рущукско-Варнской желѣзной дорогѣ, оказывается уже теперь большой недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, такъ что солдаты его принуждены питаться травой и кореньями.

Б.

Сегодня телеграмма изъ Константинополя возвѣщаетъ о возобновленной будто бы Сулейманомъ атакѣ Шипки. Извѣстіе это болѣе чѣмъ сомнительно не по одному только грубо хвастливому тону. Въ иностранныхъ газетахъ, въ послѣднее время, почти ежедневно печатались въ этомъ родѣ извѣстія изъ турецкихъ источниковъ

о продолжающихся будто бы артиллерійскихъ дѣлахъ на Шипкѣ, между тѣмъ какъ изъ нашихъ офиціальныхъ депешъ мы знаемъ что тамъ въ послѣднее время было все спокойно. Англійскій корреспондентъ, посѣтившій Шипку уже по прекращеніи атакъ, писалъ что позиція Русскихъ стала неприступною, и что противъ нихъ остались только египетскія войска, а самъ Сулейманъ находится неизвѣстно гдѣ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстію о возобновленіи его атакъ, въ коихъ онъ уже безплодно положилъ столько своего войска, едва ли можно вѣрить. Не имѣютъ ли цѣлью всѣ эти извѣстія отвлечь наше вниманіе отъ дѣйствительнаго направленія принятаго Сулейманомъ? Ему могъ предстоять выборъ искать соединенія съ Османомъ или съ Мегметъ-Али. Первое взятіемъ Русскими Ловчи весьма затруднено и могло бы совершиться только очень кружнымъ путемъ на Софію, такъ какъ путь черезъ Балканы на Троянъ выходитъ къ Ловчѣ. Для соединенія же съ Мегметъ-Али, Сулейману есть изъ долины Тунджи открытый путь вправо на Сливно и черезъ проходъ Желѣзныя ворота или Демиръ-Капу на Османъ-Базаръ. Предполагая что онъ можетъ имѣть такое намѣреніе, невольно подумаешь не находится ли съ этимъ въ связи движеніе частей арміи Мегмедъ и Ахмедъ-Эйюба противъ арміи Наслѣдника Цесаревича, въ виду которой, пока она занимала позиціи на Ломѣ, было бы Туркамъ не безопасно предпринимать движеніе отъ Османъ-Базара къ Тырнову. Теперь же, когда эта часть нашей арміи, быстрыми послѣдовательными атаками превосходныхъ силъ непріятеля поперемѣнно на различные пункты ея растянутой позиціи, принуждена была сосредоточиться нѣсколько къ сѣверу, и всѣ ея позиціи на верхнемъ Ломѣ оставлены, то Мегмедъ-Али, соединившись съ Сулейманомъ, можетъ гораздо свободнѣе двинуться по дорогѣ отъ Османъ-Базара къ Тырнову въ обходъ гористой и почти незаселенной возвышенности лежащей между бассейнами Лома и Янтры, не опасаясь удара съ тыла. Это только предположеніе, но полагаемъ что возможность этого движенія предусмотрѣна въ нашемъ штабѣ, и что дорога отъ Османъ-Базара къ Тырнову не оставлена безъ сильнаго прикрытія.

В.

Настоящее положеніе дѣлъ на театрѣ войны за Дунаемъ представляетъ достаточный поводъ чтобы заняться изслѣдованіемъ какія причины мѣшаютъ дальнѣйшимъ успѣхамъ русскаго оружія. Объ этомъ предметѣ въ иностранной печати высказывались различные взгляды. Объясняли наши неудачи ошибками тактическими и подобными. Не будемъ отрицать ошибокъ; но произошло ли бы у Плевны то что случилось еслибы русскія силы соотвѣтствовали, хотя бы приблизительно, цѣли? Осмѣлился ли бы Османъ-паша пойти въ пасть льву, пошелъ ли бы онъ на Плевну, еслибы въ Дунайскихъ княжествахъ было у насъ сосредоточено 500.000 человѣкъ? Османъ-паша зналъ какимъ числомъ войскъ располагаютъ Русскіе, и былъ увѣренъ что ему не грозитъ серіозной опасности. Неудачи у Плевны суть главнымъ образомъ слѣдствіе меньшинства въ которомъ находились русскія силы. То же самое повторяется и на востокѣ, на Черномъ-Ломѣ. Чтобы помѣшать соединенію турецкихъ армій, лѣвое русское крыло должно было занять весьма растянутое расположеніе, что облегчало для Мегмедъ-Али-паши возможность атаковать превосходными силами тотъ или другой пунктъ этого расположенія и форсировать переправу черезъ Ломъ. Въ томъ что случилось, вина нестолько тактики или стратегіи, сколько численной слабости нападающаго въ сравненіи съ предстоящею ему задачей.

У насъ нѣтъ точныхъ документальныхъ свѣдѣній о численности нашихъ войскъ на театрѣ войны, но мы судимъ по тому давленію которое оказываетъ на насъ непріятель. Еслибы Турки имѣли противъ насъ совершенно равныя числомъ войска, то и въ такомъ случаѣ положеніе наше было бы очень трудное. Турки располагаютъ четыреугольникомъ крѣпостей съ соотвѣтственными гарнизонами и сильно укрѣпленными позиціями. Еслибъ у насъ оказался даже излишекъ противъ численности турецкихъ войскъ, то излишкомъ этимъ нельзя было бы воспользоваться на полѣ сраженія, а потому нельзя и брать его въ разчетъ. Этотъ излишекъ оказался бы въ разбродѣ, въ видѣ этаповъ, мелкихъ отрядовъ, командъ и пр., для чего въ Русской арміи до сихъ поръ не было особа-

го матеріала, такъ что для этого приходится выдѣлять контингентъ изъ самой арміи.

Походъ на Константинополь можетъ увѣнчаться успѣхомъ только когда четыреугольникъ крѣпостей будетъ сдѣланъ безвреденъ, и пути сообщенія нашихъ войскъ будутъ вполнѣ обезпечены. Походъ на Константинополь облегчается, далѣе, если берегъ Чернаго Моря отъ Сулины до Бургоса будетъ находиться въ русскихъ рукахъ, и если Русскіе будутъ владѣть дорогой отъ Адріанополя до Ниша. Для парализованія Четыреугольника и Виддина потребуется 180.000 человѣкъ. Для занятія берега до Бургоса 60.000 человѣкъ. Для занятія или обложенія Филиппополя, Софіи, Акъ-Паланки, Пирота и Ниша, вообще для обезпеченія пути на Софію — 60.000. Для этапной и мелкой службы около 50.000. *Всего 350.000 человѣкъ приблизительно, съ 1.000 орудій, для обезпеченія успѣха похода на Константинополь.* Настоящая операціонная армія, которой выпадетъ задача дѣйствовать за Балканами, обложить Адріанополь, осадить Константинополь и занять прибрежныя мѣстности на югѣ (Салоники и другія), а также прикрываться съ запада, должна насчитывать по меньшей мѣрѣ 300.000 человѣкъ также съ 1.000 орудій, при этомъ мы считаемъ для осады Константинополя 180.000, Адріанополя 60.000, для прикрытій съ берега и запада 60.000 человѣкъ.

Чѣмъ болѣе будетъ отставать численность Русской арміи отъ упомянутыхъ цифръ, тѣмъ сомнительнѣе будетъ успѣхъ, тѣмъ болѣе будетъ отдаляться предоставленная цѣль, не принимая уже въ разчетъ политическихъ и финансовыхъ послѣдствій замедленія или неудачи.

№ 221.

Москва, 5-го сентября.

А.

Должно надѣяться что письмо изъ Горнаго Студня инспектора госпиталей нашей Дѣйствующей Арміи, генералъ-майора Коссинскаго, напечатанное въ № 219 нашей газеты, не останется безъ серіознаго вниманія всѣхъ кому о томъ вѣдать надлежитъ, и въ особенности главнаго и мѣстныхъ управленій нашего Краснаго Креста, также какъ и всѣхъ имѣющихъ въ своемъ распоряженіи не оскудѣвающую частную помощь раненымъ воинамъ. Наши воины имѣютъ право на неусыпную, не ослабѣвающую ни на одно мгновеніе заботливость всего русскаго общества. Мы ни на минуту не можемъ успокоиться мыслію что исполнили *весь* долгъ нашъ предъ людьми самоотверженно приносящими себя въ жертву отечеству, пока останется не исполненною хотя бы малѣйшая подробность способная утолить ихъ страданія.

Но письмо инспектора госпиталей обращаетъ вниманіе не на маловажную подробность, а на существенный пробѣлъ въ организаціи помощи нашимъ раненымъ, — на пробѣлъ такой важности что безъ неотложнаго принятія соотвѣтственныхъ мѣръ, жертвы деньгами и личною помощью не принесутъ пользы.

При спѣшности, или можетъ-быть при нашей вѣчной неосмотрительности, наша организація попеченія о раненыхъ упустила изъ виду то въ чемъ они *прежде всего* нуждаются. Мы хотѣли не отстать отъ Европы въ приспособленіи новѣйшихъ усовершенствованій санитарнаго дѣла и снарядили въ изобиліи красивые санитарные желѣзнодорожные поѣзда, устроенные по разнообразнымъ системамъ, для развозки больныхъ и раненыхъ изъ тыла арміи по разнымъ городамъ нашего отечества. Города соревнуютъ въ желаніи имѣть какъ можно больше раненыхъ для ухода за ними. Но сооружая санитарные поѣзда, мы не подумали объ одномъ обстоятельствѣ которое имѣетъ особенную важность для раненыхъ: мы какъ будто вовсе забыли что война ведется далеко отъ желѣзныхъ дорогъ, въ мѣстностяхъ гдѣ вообще пути сообщенія въ такомъ же первобытномъ состояніи какъ и въ нашихъ отдаленныхъ захолустьяхъ; мы не подумали что прежде чѣмъ добраться до роскошнаго поѣзда на желѣзнодорожной станціи, раненыхъ придется везти за 100, 200, а на Кавказѣ и болѣе верстъ. А еще прежде требуется перевозъ раненыхъ съ поля битвы въ ближайшіе лазареты. При размѣрахъ потерь въ нынѣшнія войны быстрая уборка раненыхъ стала гораздо труднѣе. Приняты ли, однако, всѣ мѣры чтобъ удовлетворять этому требованію, не подвергая страдальцевъ терзаніямъ мучительной перевозки?

Генералъ-майоръ Коссинскій, посѣтивъ позиціи на Шипкѣ для заботы о раненыхъ, воздаетъ хвалу самоотверженію врачей, фельдшеровъ и санитарной прислуги; онъ свидѣтельствуетъ также о постоянной помощи Краснаго Креста въ изобиліи являющейся во всѣхъ трудныхъ случаяхъ. Но при этомъ онъ пишетъ: „Самая слабая „сторона нашего санитарнаго дѣла — это „перевозочныя средства; незначительное „число лазаретныхъ линеекъ далеко не въ „состояніи удовлетворить *самой скромной* „потребности; простыя русскія телѣги или „нѣмецкіе фургоны интендантскаго вѣдом„ства, болгарскія арбы, частію съ при„способленіями Завадовскаго и частію дру„гихъ системъ, а *при спѣшности и зна„чительномъ требованіи и просто съ под„стилками изъ соломы*, являются главны„ми, весьма незатѣйливыми и *не всегда „удобными* средствами для перевозки ра„неныхъ.“ Очевидцы прибывшіе съ мѣста рисуютъ намъ еще въ болѣе мрачномъ видѣ этотъ дѣйствительно незатѣйливый способъ перевозки чѣмъ его изображаетъ въ краткомъ письмѣ г. Коссинскій. Часто, если не большею частью, для перевозки раненыхъ нѣтъ другихъ средствъ какъ телѣги возвращающіяся послѣ перевозки провіанта, и на нихъ кладутъ раненыхъ *безо всякой подстилки*, которой негдѣ взять, и счастливымъ считать себя можетъ тотъ кому въ жаркомъ боѣ не случилось потерять шинели, которая и служитъ единственною подстилкой. А ѣхать приходилось много, много верстъ по гористой дорогѣ, гдѣ каждый толчокъ долженъ былъ отзываться ужасными страданіями. Что же удивительнаго что врачи въ нашихъ лазаретахъ жалуются что они *менѣе* теряютъ больныхъ отъ ранъ чѣмъ *отъ перевозки!* Еще болѣе сильныя жалобы слышатся съ Азіатскаго театра войны: тамъ, какъ сообщаетъ князь Хилковъ, пока еще раненые доберутся до поѣзда желѣзной дороги, приходится накладывать ихъ человѣкъ по пяти въ грузинскую воловую арбу и тащить *дней по пяти* по камнямъ, оврагамъ и буеракамъ; стоны и крики даютъ знать о такомъ транспортѣ задолго до его появленія, а раны въ дорогѣ загниваютъ оттого что наложенная первая перевязка лежитъ нѣсколько дней, ибо на дорогѣ дѣлать перевязки и некому, и нечѣмъ. Въ результатѣ, весьма естественно что и на Кавказѣ раненые умираютъ не столько отъ ранъ сколько отъ страданій причиняемыхъ такою перевозкой. Вотъ въ какомъ положеніи находится способъ первой перевозки раненыхъ съ поля битвы и затѣмъ по этапамъ отъ лазарета до лазарета, пока они достигнутъ желѣзнодорожныхъ станцій откуда отправляются внутрь Россіи...

Самый компетентный въ этомъ вопросѣ авторитетъ, Н. И. Пироговъ, въ своемъ „Отчетѣ о посѣщеніи военносанитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 г.“ (Спб. 1870), *) писалъ: „Двѣ самыя вопіющія потребности нынѣш„нихъ войнъ должны служить главнымъ „предметомъ заботъ администраціи и част„ной помощи,—это *спѣшное удаленіе ра„неныхъ изъ подъ огня* и *скорѣйшая*, со „всѣми удобствами сдѣланная, *транспор„тировка* на постоянное мѣсто... Хорошо „устроенный и приспособленный къ мѣст„ности экипажъ *также сильно вліяетъ на „участь раненаго* какъ и полевая и сани„тарная прислуга“ (стр. 61). И далѣе, въ V главѣ книги, приступая къ вопросу о томъ какой урокъ изъ войны 1870 года можетъ извлечь для себя наша военно-врачебная администрація и наша частная помощь, почтенный академикъ первымъ пунктомъ ставитъ: заняться самымъ серіознымъ образомъ участью раненыхъ остающихся на полѣ сраженія и принять, во что бы ни стало, всѣ мѣры для скорѣйшаго удаленія раненыхъ съ поля битвы. Онъ предостерегалъ насъ отъ увлеченій, и говоря о транспортной дѣятельности во Франко-Германскую войну, писалъ:

„Тутъ, дѣйствительно, было чему поучиться и что позаимствовать для нашей военно-госпитальной практики. Но многое, конечно, и тутъ останется для насъ непримѣнимымъ... Намъ нельзя помышлять объ устройствѣ транспортовъ совершенно похожихъ на западные. Намъ не ввести того порядка въ поѣздахъ желѣзной дороги который господствовалъ въ Германіи при безпримѣрной мобилизаціи ея войскъ. *Тутъ*

*) Кстати замѣтимъ что книга эта, вышедшая въ свѣтъ всего семь лѣтъ тому назадъ, теперь стала рѣдкостью. Многіе врачи сожалѣютъ что ее *невозможно* достать. Это насъ удивляетъ, такъ какъ упомянутый *Отчетъ* есть изданіе Общества Попеченія о Больныхъ и Раненыхъ Воинахъ. Неужели оно не поспѣшитъ новымъ изданіемъ этой книги въ настоящее время когда совѣты нашего знаменитаго хирурга могутъ дать много полезныхъ указаній не только врачамъ, но и всѣмъ посвящающимъ себя санитарному дѣлу?

былъ разчитанъ каждый шагъ и каждый часъ. Намъ нельзя забывать что наши уѣздные города хуже многихъ германскихъ селъ, а наши желѣзные пути окружены не благоустроенными дорогами, а грязью и безпутицей. Итакъ касательно транспортовъ намъ нужно очевидно позаботиться хоть о какомъ-нибудь удобствѣ доставки *до желѣзныхъ дорогъ и лазаретовъ*... Въ этомъ отношеніи я не нахожу болѣе удобныхъ и болѣе примѣнимыхъ къ нашимъ дорогамъ транспортныхъ средствъ какъ тарантасы и наши еврейскіе товарные фургоны. Ни одинъ нагруженный экипажъ въ распутицу не выдержитъ переѣзда по ступицу въ грязи лучше этого фургона, и ни одинъ лучше тарантаса не предохранитъ, безъ ломки, отъ толчковъ по нашимъ ухабамъ. Жителю западныхъ губерній вѣрно не разъ приходилось видѣть какъ въ топкую весеннюю и осеннюю грязь ѣдутъ еврейскіе фургоны на своихъ огромныхъ колесахъ: ни прусскіе, ни наши полковые не примѣнимы къ этимъ дорогамъ. О рессорахъ и думать нечего. Тарантасъ, неудобный на поворотахъ, но за то и не легко опрокидывающійся, хорошъ особенно тѣмъ что въ немъ лежать почти также удобно какъ и въ рессорномъ экипажѣ, особливо если жерди сдѣланы изъ упругой рябины. Это всякій изъ насъ довольно изучилъ на самомъ себѣ и по хорошей дорогѣ, и въ распутицу. Тарантасъ не трудно устроить для транспорта 2 лежачихъ и для 2 и даже 4 сидячихъ (2 внутри и 2 снаружи). Для бо́льшаго же удобства лежачихъ раненыхъ, можно уменьшить сотрясеніе при ѣздѣ укрѣпивъ подъ лежаньемъ рессорныя рамы подставляемыя за границей подъ матрацы госпитальныхъ кроватей. Когда невзначай устанавливается зимній путь, то тарантасъ также легко поставить и на полозья. Еврейская фура трясетъ сильнѣе чѣмъ тарантасъ; за то она на своихъ огромныхъ колесахъ ѣдетъ еще легче и не легко вязнетъ въ грязи; но и въ томъ и въ другомъ экипажѣ нужно устроить, для вноски больныхъ, входъ сзади, — какъ въ прусскихъ фургонахъ, — а не съ боку (стр. 128—129)."

Главное Управленіе Краснаго Креста, имѣющее своихъ уполномоченныхъ на обоихъ театрахъ войны, болѣе всего можетъ пособить въ этомъ дѣлѣ. Лица свѣдущія утверждаютъ что въ Болгаріи безъ затрудненія можно достать для перевозки транспортовъ съ ранеными и лошадей и погонщиковъ. Полагаемъ что и въ Арменіи то же самое. Но главная нужда въ удобныхъ экипажахъ, а у мѣстныхъ распорядителей частною помощью нѣтъ денегъ которыя они могли бы употребить спеціально на этотъ предметъ...

Б.

Вотъ новый примѣръ недобросовѣстности, съ какою публикуются Англійскимъ правительствомъ дипломатическіе документы: въ одной изъ обнародованныхъ недавно депешъ лорда Леярда къ лорду Дарби значилось:

„Меня извѣщаютъ что греческій генеральный консулъ въ Константинополѣ недавно освободилъ нѣсколько завѣдомо дурныхъ лицъ въ тамошней греческой тюрьмѣ, осужденныхъ за различныя преступленія, и отослалъ ихъ въ Грецію съ другими опасными людьми, набранными изъ подонковъ здѣшняго греческаго населенія. Меня увѣряютъ что они должны быть употреблены для наступательныхъ дѣйствій и для нарушеній турецкой границы."

Обнародованіе этого документа, какъ пишетъ корреспондентъ *Times*, возбудило большое негодованіе въ Аѳинахъ, такъ какъ по себѣ онъ даетъ думать будто заключающееся въ немъ обвиненіе имѣло основаніе. На дѣлѣ же было совсѣмъ не такъ.Ославъ въ Лондонъ эту депешу, г. Леярдъ сообщилъ копію съ нея и англійскому посланнику въ Аѳинахъ, г. Стюарту, который снесся по этому предмету съ греческимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Трикупи, а этотъ послѣдній телеграфировалъ въ Константинополь и получилъ отъ греческаго генеральнаго консула положительное отрицаніе заявленіе г. Леярда. Объ этомъ г. Трикупи увѣдомилъ г. Стюарта, который свой разговоръ съ греческимъ министромъ по этому предмету изложилъ въ депешѣ къ лорду Дарби. Почему же, спрашиваютъ всѣ въ Греціи съ раздраженіемъ, въ *Синей Книгѣ* нѣтъ *этой депеши*, а помѣщена только депеша г. Леярда, содержащая голословныя клеветы на Грецію и ея представителей, когда г. Леярдъ ничѣмъ не могъ подтвердить своего показанія? „Еслибы г. Леярдъ лучше знялъ греческія дѣла," прибавляетъ корреспондентъ, „онъ самъ отвергъ бы этотъ разказъ какъ нелѣпый. Онъ зналъ

„бы что Греческое правительство употре-
„бляетъ всѣ усилія чтобы предотвращать
„нарушенія границы, и что и безъ осво-
„божденія преступниковъ, оно можетъ рас-
„полагать бо́льшимъ числомъ волонтеровъ
„чѣмъ сколько можетъ экипировать.“

№ 222.

Москва, 6-го сентября.

А.

Вокругъ Плевны гремитъ безъ умолка артиллерія. Послѣ двухдневныхъ битвъ, окончательно за нами остался одинъ изъ взятыхъ редутовъ, у селенія Гривицы. Всѣ усилія Турокъ овладѣть имъ были отбиты, и ихъ попытки не могли обойтись имъ безъ огромныхъ потерь. Гривицкій редутъ, однако, по своему стратегическому положенію не такъ опасенъ для Турокъ какъ угрожающіе отступленію Османа на его единственную операціонную базу, Софію, первые два редута, коими овладѣлъ было, 30 августа, „бѣлый генералъ,“ какъ прозвали Турки генерала Скобелева. Но Гривицкій редутъ лишаетъ Османъ-пашу всякой надежды на вылазку по направленію къ нашей главной операціонной линіи, то-есть по дорогѣ на Горный Студень и Чаушу-Махалу, куда, по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, перешла съ 8 августа главная квартира Государя Императора, съ цѣлью приблизиться къ ежедневно посѣщаемому Его Величествомъ театру военныхъ дѣйствій, то-есть къ Плевнѣ. Къ тому же, Гривицкій редутъ, какъ извѣстно, имѣетъ большое тактическое значеніе, ибо онъ господствуетъ надъ всѣми прочими верками турецкой позиціи, такъ что съ пріобрѣтеніемъ его усилилась потеря наносимая Туркамъ неумолкающимъ огнемъ нашихъ 250 осадныхъ орудій. Какъ видно изъ депеши Главнокомандующаго, Его Высочество лично объѣзжалъ поле сраженія и выбралъ новыя позиціи для нашихъ батарей, что̀ означаетъ, конечно, приближеніе нашей осадной артиллеріи къ непріятельскимъ веркамъ, а такъ какъ на огонь нашъ непріятель отвѣчаетъ все слабѣе и слабѣе, то очень можетъ быть что недостатокъ боевыхъ припасовъ его артиллеріи значительно облегчитъ ходъ дальнѣйшаго бомбардированія его позицій. По мнѣнію *Политической Корреспонденціи*, Плевненская позиція, при всей ея силѣ, не можетъ долго служить убѣжищемъ Османъ-пашѣ, и всякая серіозная угроза отрѣзать путь отступленія его на Софію должна вызвать его къ какой-нибудь рѣшительной атакѣ въ эту сторону, чѣмъ подтверждается выраженное нами мнѣніе о необходимости усилить нашу позицію поперекъ дороги на Софію по направленію перерѣзывающей эту дорогу долины рѣчки Вида. Съ другой стороны, органъ турецкаго посольства въ Вѣнѣ, *Neue Freie Presse*, утверждаетъ будто Мегмедъ-Али-паша возлагаетъ всѣ свои надежды на то чтобъ Османъ-паша удержался въ Плевнѣ еще хоть одну недѣлю, въ увѣренности что къ тому сроку восточнымъ турецкимъ арміямъ удастся не только оттѣснить отрядъ Наслѣдника Цесаревича за Янтру, но и овладѣть этою первенствующею въ Нижней Болгаріи оборонительною линіей.

Чего желаемъ тому легко и вѣрится. Но туркофильскія газеты напрасно радуются. Утрата „линіи“ Чернаго Лома далеко не имѣетъ для отряда Наслѣдника Цесаревича того значенія какое такъ усердно приписываютъ ему вѣнскіе баши-бузуки. „То что̀,“ замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція* на основаніи хорошихъ свѣдѣній, „называется *линіей Лома*, есть
„не что̀ иное какъ воображаемая линія и
„ни въ какомъ отношеніи не можетъ слу-
„жить оборонительною линіей для арміи
„Наслѣдника Цесаревича, такъ какъ рѣч-
„ка Ломъ ни въ какомъ случаѣ не мо-
„жетъ считаться естественнымъ препят-
„ствіемъ, и обозначающая теченіе ея цѣпь
„холмовъ еще менѣе соотвѣтствуетъ усло-
„віямъ стратегической позиціи: эти холмы,
„внѣ линіи ихъ огня, фланкируются доли-
„нами, по которымъ холмы эти легко мо-
„гутъ быть обойдены.“ По оставленіи этой пресловутой, но въ сущности небывалой „линіи“ Лома, значительнымъ затрудненіемъ для арміи Наслѣдника Цесаревича могла бы оказаться необходимость защищать разомъ и лежащую за центромъ ея линію отступленія на Бѣлу, и оставшійся на оконечности ея лѣваго крыла недавно наведенный Русскими мостъ у Пиргоса (близь Рущука); но, какъ сообщаетъ даже *Neue Freie Presse*, это затрудненіе устранено предусмотрительностью Великаго Князя Наслѣдника, распорядившагося

заблаговременнымъ разобраніемъ этого моста и перенесеніемъ его гораздо выше по Дунаю. По свѣдѣніямъ той же газеты, по отступленіи отъ Чернаго Лома, русскій отрядъ занялъ новую позицію на параллельной теченію рѣчки цѣпи холмовъ, упираясь лѣвымъ флангомъ на Мечку, и простираясь къ Трестенику и Обертенику, на дорогѣ изъ Рущука въ Бѣлу. По замѣчанію *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, этими деревнями обозначается позиція одного 12 корпуса; что же касается позиціи 13 корпуса, то, по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, она упирается оконечностью своего праваго фланга на Чирковну и Тесерово; до 8 сентября (27 августа) главная квартира Наслѣдника Цесаревича была въ Оссиковѣ, въ верховьяхъ самаго восточнаго притока Янтры; расположеніе это, хотя и нѣсколько болѣе сосредоточенное чѣмъ прежнее, все-таки еще очень растянуто, по всей вѣроятности, вслѣдствіе необходимости наблюдать за непріятелемъ въ направленіи къ Османъ-Базару.

Къ сожалѣнію, ни съ какой стороны мы не имѣемъ до сихъ поръ свѣдѣній о томъ что происходитъ за оконечностью праваго фланга арміи Наслѣдника Цесаревича, отъ Лешковца на Елену и на Беброво, гдѣ проходитъ прямая дорога изъ Старорѣки въ Тырново, по которой могла бы нечаянно появиться черезъ Желѣзныя Ворота армія Сулейманъ-паши.

Что же касается находящейся на этомъ театрѣ войны Турецкой арміи, то до сихъ поръ дѣйствія ея, по оставленіи Русскими „линіи“ Чернаго Лома, далеко не оправдываютъ возлагаемыхъ на нее вѣнскими и пештскими туркофилами надеждъ. Перейдя на лѣвый берегъ Лома, эта армія уперлась правымъ флангомъ на Пиргосъ, и осталась неподвижна. Хотя вѣнскія туркофильскія газеты и утверждаютъ что эта армія „гораздо сильнѣе чѣмъ полагаютъ“ и простирается до 100.000 человѣкъ, но по свѣдѣніямъ съ театра войны въ *Политическую Корреспонденцію*, главною причиной нерѣшительности и медленности дѣйствій Мегмедъ-Али есть именно недостатокъ силъ, такъ какъ за оставленіемъ въ Рущукѣ, Силистріи, Варнѣ и Шумлѣ никакъ не менѣе 80.000 человѣкъ, турецкій главнокомандующій никакъ не располагаетъ болѣе какъ 60 тысячами для наступленія. Хотя и въ этихъ размѣрахъ наступающая армія Мегмедъ-Али все-таки имѣетъ большой численный перевѣсъ надъ арміей Наслѣдника Цесаревича, особенно же при необходимости для послѣдней чрезмѣрно растягивать фронтъ свой по направленію къ Балканамъ, но она не довольно сильна чтобъ отойти далеко отъ своей базы съ перспективой внезапной встрѣчи со значительными силами Русскихъ въ *чистомъ полѣ*, — перспективой, которую турецкія арміи тщательно стараются избѣгать.

Въ послѣднее время Мегмедъ-Али, какъ видно, оставался безо всякихъ извѣстій объ Османѣ-пашѣ въ Плевнѣ, и его безпокойство, по мнѣнію туркофильскихъ газетъ, было главною причиной его бездѣйствія. Весьма возможно что теперь, получивъ извѣстіе о состоявшемся 30 августа штурмѣ Плевны и о сосредоточеніи во кругъ этого города значительныхъ силъ нашей арміи, Мегмедъ-Али рѣшится на болѣе энергическое наступленіе. Но на эту возможность, какъ видно, уже обращено вниманіе нашей главной квартиры, такъ какъ, по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, къ арміи Наслѣдника Цесаревича направляются прибывающія изъ Россіи подкрѣпленія (до 7 сентября переправились у Систова части гвардейскаго корпуса и вся 26 пѣхотная дивизія, генерала Самсонова), до 5.000 человѣкъ въ день.

Замѣчательно также извѣстіе той же газеты что въ Галацѣ ожидается прибытіе 24 пѣхотной дивизіи. Надо полагать что дивизія эта назначается для подкрѣпленія корпуса генерала Циммермана въ Добруджѣ. Дѣйствительно, со стороны этого корпуса, остающагося въ бездѣйствіи, могло бы быть предпринято наконецъ какое-нибудь наступательное движеніе, которое послужило бы для арміи Наслѣдника Цесаревича полезною диверсіей. Бездѣйствію корпуса генерала Циммермана въ настоящій моментъ удивляются компетентныя въ военномъ дѣлѣ иностранныя газеты.

Б.

Намъ часто приходится изобличать недобросовѣстность англійской политики; мы не пропускаемъ случая изобличать ложь англійской печати. Но исполняя нашъ долгъ въ этомъ отношеніи, мы не обви-

няемъ всего Англійскаго народа, и не желаемъ возбуждать ненависть къ Англіи въ Русскомъ народѣ. Напротивъ, намъ всегда было пріятно отдавать справедливость высокимъ личностямъ которыя, при всемъ своемъ англійскомъ патріотизмѣ, умѣли стать выше національныхъ предразсудковъ. Въ числѣ такихъ достойныхъ личностей, мы не разъ изъявляли наше уваженіе и сочувствіе извѣстному англійскому историку г. Фриману. Стоя въ сторонѣ отъ партій, не присутствуя на митингахъ, не произнося рѣчей, этотъ почтенный человѣкъ науки нашелъ возможность скромною и не видною дѣятельностью принести большую пользу дѣлу человѣколюбія, о размѣрахъ которой мы только теперь узнаемъ изъ англійскихъ газетъ. Съ декабря 1875 и до іюля настоящаго года, г. Фриманъ, по своей иниціативѣ, безъ публикацій, сумѣлъ, при помощи многихъ добрыхъ людей, собрать и отправить 9.328 фун. ст. (болѣе 60.000 р.) на помощь страдальцамъ въ различныхъ частяхъ Далматіи, Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Теперь г. Фриманъ, истощивъ всѣ данныя въ его распоряженіе средства, обратился съ письмомъ въ *Times*, прося своихъ соотечественниковъ о дальнѣйшей помощи для дѣла которое онъ не хочетъ оставить. Обращаясь къ сердцу англійской публики и приглашая ее дать ему возможность продолжать начатое дѣло, г. Фриманъ указываетъ тѣ предметы на которые онъ намѣренъ направить помощь.

Всѣ приношенія, если цѣль ихъ не будетъ спеціально обозначена, онъ предполагаетъ раздѣлить на четыре равныя части. Одну часть онъ назначаетъ для дѣла помощи надъ которымъ успѣшно работаютъ миссъ Эрби и ея товарищи вдоль Боснійской границы, въ Славоніи и Сѣверной Далматіи, гдѣ бѣдствія выходцевъ изъ Босніи ужасны: „поверхность свобо„ды и христіанства,“ пишетъ онъ, „со„кратилась; на храбрый народъ сражаю„щійся за свой очагъ выпущенъ безпо„щадный врагъ; множество безпомощныхъ „существъ выгнаны и ищутъ убѣжища „гдѣ могутъ, — и все это благодаря ан„глійскому чиновнику который признаетъ „это своимъ дѣломъ.“

Другую часть онъ предоставляетъ Черногоріи, для помощи больнымъ и раненымъ черногорской арміи и выходцамъ изъ Герцеговины. Указывая на страшную нищету въ Черногоріи, онъ говоритъ: „Ни одна „страна, ни одинъ народъ, не имѣютъ „болѣе высокаго права на помощь какъ „эта непреклонная цитадель свободы и ея „защитники.“

Третью часть приношеній г. Фриманъ желаетъ посвятить для выходцевъ, особенно для школъ въ Рагузѣ, именно потому что это дѣло, благодаря его стараніямъ, поставлено хорошо, и жаль было бы бросить его, тѣмъ болѣе что видъ этихъ несчастныхъ, два года тому назадъ, впервые поразилъ г. Фримана и возбудилъ въ немъ рвеніе посильно помочь имъ

Наконецъ, четвертую часть г. Фриманъ предполагаетъ назначить для больныхъ и раненыхъ „освобождающей Русской арміи.“ Объ этомъ предметѣ приводимъ его собственныя слова: „Выступивъ за благород„нѣйшее дѣло за какое когда-либо армія „шла на бой, она ведетъ войну съ вра„гомъ не знающимъ ни чести, ни поща„ды. Однако она не поддается искушенію „точно также обращаться съ этимъ вра„гомъ. Между тѣмъ какъ русскіе плѣн„ные въ турецкихъ рукахъ предаются из„біенію или пыткѣ, съ турецкими плѣн„ными Русскіе обращаются по законамъ „цивилизованной войны. Больные и ране„ные Турки раздѣляютъ у нихъ участь „больныхъ и раненыхъ Русскихъ. Здѣсь „мнѣ могутъ пособить и любители Турокъ. „Посылая помощь въ русскіе госпитали „они помогутъ, по крайней мѣрѣ гдѣ слу„чится, и раненымъ и больнымъ Туркамъ. „Еслижеонидовѣрятъ свои деньги въ турец„кія руки, то весьма невѣроятно чтобъ „эти деньги дошли до больныхъ и ране„ныхъ Турокъ.“

Намъ сообщаютъ нѣсколько обращиковъ „гуманности“ нѣкоторыхъ дамъ относительно „несчастныхъ“ турецкихъ плѣнныхъ офицеровъ, которымъ, между прочимъ, живется въ плѣну такъ привольно какъ не доводится ихъ товарищамъ жить въ Турецкой арміи, гдѣ они нищенствуютъ даже въ своихъ штабъ-квартирахъ, напримѣръ въ Сараевѣ, по извѣстному намъ свидѣтельству тамошнихъ консуловъ, между тѣмъ какъ на театрѣ войны, не говоря уже о побояхъ наносимыхъ имъ нагайками ихъ начальниковъ, они питаются травой и кореньями. А вотъ, въ Орлѣ напримѣръ, одна изъ „гуманныхъ“ дамъ, какъ намъ сообщаютъ, устроила въ честь тамошнихъ плѣнныхъ турецкихъ

офицеровъ обѣдъ, какъ разъ напротивъ губернаторскаго дома; другая поподчивала этихъ же офицеровъ прогулкой по госпиталю съ нашими ранеными.

Намъ пишутъ изъ Калуги что находящіеся тамъ плѣнные Турки съ негодованіемъ жаловались на несогласное де „съ законами европейской цивилизаціи“ обращеніе съ ними, такъ какъ ихъ кормили чернымъ хлѣбомъ и гречневою крупой; на отвѣтъ же что такимъ же хлѣбомъ и крупой продовольствуются и русскіе солдаты, Турки будто бы отвѣчали что ихъ оскорбляетъ сравненіе ихъ съ русскими солдатами. И вотъ, говорятъ, требованіе ихъ послѣ этого было немедленно исполнено, и имъ стали выдавать бѣлый хлѣбъ и рисъ.

№ 223.

Москва, 7-го сентября.

А.

Кабинетъ Беконсфильда-Дарби есть истинный виновникъ настоящей войны. Къ этому была направлена вся политика его въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Она поощрила Порту отвергнуть столь выгодный для нея Лондонскій протоколъ. Теперь Англія помогаетъ Туркамъ деньгами, вооруженіемъ ихъ арміи, присылкой имъ офицеровъ; но это не спасаетъ Турцію, и Турки ожидали инаго. Они разчитывали на открытое участіе Англіи въ войнѣ, и они поняли, наконецъ, что послужили лишь безсознательнымъ орудіемъ англійской политики. Они разочаровались въ своихъ разчетахъ на вооруженную помощь Англіи. „Англія втянула насъ въ войну,“ восклицала правительственная константинопольская газета *Вакитъ*, „заставивъ насъ „полагать что она будетъ намъ вѣрною „союзницей. Она не исполнила своихъ „нравственныхъ обязательствъ, и ея не„опредѣленная, нерѣшительная политика „окончательно доказываетъ теперь что она „не въ состояніи выступить на сцену. Ве„ликобританію обыкновенно считаютъ мо„гущественною державой. Это оптическій „обманъ. И эти пресловутые англійскіе „интересы которыми намъ прожужжали „уши—оградить она не въ силахъ. Когда „настанетъ минута, мы *заключимъ миръ „прямо съ самою Россіей*, ни мало не за„ботясь объ англійскихъ интересахъ и о „платонической англійской дружбѣ...“

Дѣйствительно, султанъ не разъ отказывалъ Леярду въ испрашиваемыхъ имъ аудіенціяхъ; на всѣ его просьбы чтобы Порта выговорила въ пользу англійской дипломатіи изъятіе изъ запрещенія шифрованной телеграфной корреспонденціи между представителями европейскихъ державъ въ Константинополѣ и ихъ агентами на театрѣ войны, Порта постоянно отвѣчала самымъ рѣшительнымъ отказомъ. Такой же участи подверглись и требованія заявленныя г. Леярдомъ касательно пропуска англійскаго военнаго флота въ Дарданеллы, Мраморное Море и Босфоръ, а также вынутія заграждающихъ входъ въ Дарданеллы торпедъ, не допускающихъ ночнаго плаванія даже и для купеческихъ судовъ. Все это происходило еще въ то время когда русскія арміи почти безпрепятственно проходили за Балканы, въ Европѣ, и за Саганлугъ, въ Азіи. Константинопольскій корреспондентъ вѣнской *Политической Корреспонденціи* пишетъ: „До сихъ поръ всѣ „взоры здѣсь не переставали обращаться „на Европу. Отъ Европы одной чаяли по„мощи и спасенія. Въ этомъ смыслѣ рас„пространялись и толковались здѣсь пар„ламентскія заявленія министровъ друже„ственныхъ державъ. Но въ то же время „высказывалось негодованіе что факты не „соотвѣтствовали этимъ словамъ и за„явленіямъ. Тѣмъ не менѣе все еще питали „надежду, и, при отсутствіи довѣрія въ „собственныя силы, повсюду высказыва„лось убѣжденіе что Европа, *но преиму„щественно Англія*, внезапнымъ вмѣша„тельствомъ своимъ превратитъ настоя„щую войну во второе изданіе Крымской „войны. Эти надежды не осуществились. „За то сознаніе совершеннаго изолирова„нія Турціи наступило именно въ то время „когда положеніе ея на театрахъ войны „ободрило Турокъ, и у нихъ возникла на„дежда что они и одни смогутъ остано„вить сѣвернаго исполина. Съ этого вре„мени весьма мало заботятся здѣсь о Евро„пѣ, и не придаютъ болѣе никакого зна„ченія европейской дипломатіи, оконча„тельно признанной здѣсь нравственно без„сильною...“ Это настроеніе опять прежде всего отозвалось на представителяхъ Англіи. Въ первую минуту страха предъ русскимъ вторженіемъ Порта торжественно

обѣщала г. Леярду отсрочить до окончанія войны утвержденіе безчисленныхъ произнесенныхъ военными судами смертныхъ приговоровъ надъ Болгарами. Но вслѣдъ за первымъ отступательнымъ движеніемъ Русскихъ было приказано Портой немедленно приводить въ исполненіе эти смертные приговоры даже безъ утвержденія ихъ константинопольскою центральною властью. По свидѣтельству *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, эти суммарныя казни производятся нынѣ въ такихъ размѣрахъ что турецкая юстиція прямо продолжаетъ прошлогоднюю работу баши-бузуковъ. Даже органъ Лондонскаго кабинета *Daily Telegraph* объявилъ на дняхъ что г. Леярдъ возмущенъ наглостью съ какою Порта отвергаетъ до сихъ поръ всѣ его протесты противъ этого систематическаго нарушенія всѣхъ данныхъ ему Портой торжественныхъ обѣщаній. Но что Порта пренебрегаетъ нынѣ европейскою дипломатіей, это, послѣ всѣхъ турецкихъ обѣщаній согласоваться съ законами Женевской конвенціи, лучше всего доказываетъ сообщенное на дняхъ телеграфомъ вѣроломство войскъ Османъ-паши, стрѣлявшихъ по парламентерскому флагу и по санитарамъ Румынской арміи.

Такимъ образомъ выходитъ что, вопреки всѣмъ протестамъ лорда Дарби, Россія остается единственною защитницей интересовъ цивилизованной Европы...

Неизбѣжное паденіе Турціи будетъ результатомъ покровительства ея западныхъ друзей, и этимъ сознаніемъ резюмируются, въ сущности, всѣ впечатлѣнія выносимыя Турками изъ настоящей войны.

Б.

„Что сталось съ Русскими плѣнными которые были взяты или по крайней мѣрѣ, должны бы быть взяты послѣ турецкой побѣды при Плевнѣ (18 іюля)?“ вотъ вопросъ который интересовалъ не однихъ Русскихъ послѣ разказовъ нашихъ солдатъ о найденныхъ ими изувѣченныхъ и приколотыхъ Турками своихъ раненыхъ товарищахъ, а также и корреспондентовъ иностранныхъ газетъ сопровождающихъ наши войска. Этотъ самый вопросъ былъ поставленъ и военнымъ корреспондентомъ газеты *Times*, и въ полученномъ сегодня нумерѣ этой газеты мы находимъ характеристическій отвѣтъ ея же константинопольскаго корреспондента. Онъ справедливо замѣчаетъ что во всякой другой странѣ, послѣ битвы въ такихъ широкихъ размѣрахъ какъ Плевненское дѣло 17 іюля, плѣнные считались бы сотнями. „Я опасаюсь,“ присовокупляетъ онъ, „что плѣнные вовсе „не берутся...“ Корреспондентъ обращаетъ вниманіе что послѣ страшныхъ битвъ на Шипкинскомъ перевалѣ можно было бы также ожидать нѣсколько плѣнныхъ. Однако онъ не слыхалъ еще, до 8 сентября, ни объ одномъ. Между тѣмъ есть весьма зловѣщее указаніе на ихъ участь въ одной изъ депешъ Сулейманъ-паши, гдѣ онъ говоритъ о „1.000 найденныхъ въ „одномъ мѣстѣ русскихъ тѣлъ, но *ни объ „одномъ плѣнномъ*.“ „Невозможно предпо„ложить,“ говоритъ корреспондентъ, „что„бы при 1.000 убитыхъ не оставалось на „мѣстѣ въ живыхъ нѣкотораго числа ра„неныхъ, *если только они не были умыш„ленно преданы смерти послѣ битвы*. „Явный выводъ отсюда что, вопреки Же„невской конвенціи и несмотря на недав„но сдѣланное Портѣ предостереженіе что „она не можетъ устранить эту конвенцію „безъ нарушенія международныхъ обяза„тельствъ, *русскіе раненые все еще хла„днокровно избиваются на полѣ битвы*.“ Фактъ этотъ, по словамъ корреспондента, до такой степени завѣдомъ что даже филотурки признаютъ его.

Любопытно что объ этомъ фактѣ, извѣстномъ въ Константинополѣ, хранилъ скромное молчаніе англійскій посолъ г. Леярдъ, такъ заботливо собиравшій и доставлявшій своему правительству турецкія розказни о небывалыхъ *русскихъ* жестокостяхъ...

В.

Судя по переданной намъ телеграммой изъ Парижа сущности манифеста президента Французской республики, надо полагать что съ предстоящими нынѣ генеральными выборами для Франціи наступитъ моментъ кризиса. Не только во Франціи, но и во всей Европѣ, а особенно въ Германіи, слѣдящей съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми проявленіями общественной и политической жизни своего побѣжденнаго, но все-таки еще опаснаго западнаго сосѣда, большинство органовъ печати настойчиво высказывалось до сихъ поръ въ томъ смыслѣ что, въ виду вѣроятно

непріятнаго правительству исхода выборовъ, маршалу-президенту не останется иной альтернативы какъ отказаться отъ президентства, либо прибѣгнуть къ насильственному государственному перевороту. „*Во всякомъ случаѣ* президентъ останется на своемъ постѣ," отвѣчаетъ на эту дилемму манифестъ маршала Макъ-Магона; если выборы будутъ неблагопріятны его политикѣ, тѣмъ хуже для тѣхъ кто вызвали такой результатъ; если же выборы состоятся въ смыслѣ одобренія его политики, то этимъ устранятся столкновенія: таково резюме всей изложенной манифестомъ правительственной программы относительно исхода выборовъ. Маршалъ говоритъ тономъ человѣка не только власть имущаго, но и увѣреннаго въ томъ что она настолько прочна чтобъ одолѣть всѣми враждебными ей общественными проявленіями. Съ этой точки зрѣнія, манифестъ есть настоящее объявленіе войны демагогіи. Увѣренный въ прочности своей власти маршалъ не находитъ нужнымъ считаться съ требованіями демагогіи.

№ 224.

Москва, 9-го сентября.

А.

Предпринятая отборными турецкими войсками (гвардіей султана и арабистанскими баталіонами) рѣшительная атака была отбита генераломъ Радецкимъ послѣ девятичасоваго боя. По донесенію Сулейманъ-паши, въ продолженіе этого боя Турки будто бы овладѣли господствующимъ надъ окружающею мѣстностью укрѣпленіемъ Св. Николая и держали его цѣлыхъ шесть часовъ, но принуждены были уступить его обратно неотразимому натиску Русскихъ. Итакъ, сами Турки сознаются въ пораженіи, послѣ девятичасоваго боя, въ продолженіе котораго они завладѣли было русскими укрѣпленіями, но были выбиты изъ этихъ укрѣпленій и отступили по крутому и совершенно открытому спуску съ высоты Св. Николая,—и при всемъ томъ потеряли они, будто бы, только 100 человѣкъ убитыми и 200 ранеными! Неужели, при столь незначительной потерѣ, пожертвовали они ключомъ атакуемой ими уже цѣлый мѣсяцъ позиціи? Но чтобъ оцѣнить по достоинству этотъ новый подвигъ нашихъ войскъ на Шипкѣ, припомнимъ тѣ побѣдныя телеграммы, коими Сулейманъ-паша извѣщалъ въ послѣднее время Порту о своихъ мнимыхъ подвигахъ. Уже отъ 13 (1) сентября, въ полной надеждѣ на окончательную побѣду, Сулейманъ телеграфировалъ въ Константинополь что войска его послѣ трехчасоваго боя, но опять-таки съ потерею всего 2 человѣкъ убитыми и 4 ранеными, овладѣли лежащими противъ его лѣваго фланга укрѣпленіями на горѣ Буслуджѣ, вслѣдствіе чего во власти его осталась де дорога на Травну. На другой день сообщилъ онъ объ артиллерійскомъ боѣ съ русскими укрѣпленіями на Шипкѣ; 4 и 5 сентября о соединеніи его лѣваго фланга съ правымъ флангомъ турецкихъ войскъ на сѣверѣ отъ Балканъ. Всѣ эти извѣстія, на пути въ Букурештъ,—который теперь сталъ лабораторіей всевозможныхъ сенсаціонныхъ извѣстій, и гдѣ каждый корреспондентъ выбираетъ подходящую тенденціямъ своей газеты новость,—„a fait boule de neige," какъ говорятъ Французы, и вотъ телеграмма изъ Букурешта въ *Deutsche Zeitung* вдругъ извѣщаетъ будто „Сулейманъ-паша, пройдя черезъ Балканы, Трояновымъ переваломъ, у Розалиты, спѣшитъ съ 30.000 къ Плевнѣ." Усердный корреспондентъ, очевидно, принялъ монастырь Св. Николая въ Трояновомъ перевалѣ за лежащій отъ него верстахъ въ 25 въ непроходимой мѣстности, монастырь Св. Николая въ Шипкинскомъ проходѣ...

Но еслибы только путь отъ Базарджика въ Троянъ былъ сколько-нибудь проходимъ для цѣлой арміи съ полевой артиллеріей и обозомъ, то послѣ занятія Ловчи, нѣтъ сомнѣнія, Трояновъ перевалъ былъ бы также занятъ и укрѣпленъ нами какъ и Шипкинскій проходъ.

Что же касается высоты Буслуджи, то она лежитъ восточнѣе Шипки. По ней проходитъ тропинка въ Травну доступная развѣ лишь для Черкесовъ, и то только пѣшихъ.

Между тѣмъ, изъ Константинополя сообщаютъ въ вѣнскія газеты будто высланныя изъ Константинополя войска, также въ числѣ 30.000, на подкрѣпленіе Османъ-пашѣ, уже прибыли въ Орханіе, въ верховьяхъ Малаго Искера, откуда они дѣйствительно могли бы обойти съ правой стороны занятые нами перевалы Балканъ и спуститься въ долину Дуная...

Трудно найтись въ этомъ хаосѣ разнорѣчивыхъ телеграммъ. Отчаянная атака Сулеймана на укрѣпленіе Св. Николая, въ Шипкинскомъ проходѣ, едва ли могла быть только диверсіей имѣющею цѣлью маскировать какое-либо фланговое движеніе главныхъ силъ его арміи.

Что же касается извѣстія сообщеннаго донесеніемъ Сулеймана будто уже 13 (1) сентября, по небываломъ овладѣніи имъ высотой Буслуджи, пользуясь будто бы открытымъ для него путемъ на Травну, онъ уже вошелъ въ связь съ правымъ флангомъ турецкихъ армій въ при-Дунайской Болгаріи, то тутъ мы имѣемъ дѣло съ очевидною ложью. „Свѣдѣнія будто войска Сулеймана показались уже у Травны и Габрова,“ замѣчаетъ *Norddeutsche Allgemine Zeitung*, „принадлежатъ, очевидно, къ области фантазій туркофильскихъ корреспондентовъ.“ Дѣйствительно, въ такомъ случаѣ какая надобность была бы Сулейману, четыре дня спустя, возобновлять свои отчаянные штурмы на Шипку?..

Однако всѣ эти лживыя извѣстія не лишены нѣкотораго значенія въ томъ отношеніи что въ нихъ обнаруживается стремленіе Сулейманъ-паши обойти Шипкинскій проходъ, какъ только онъ окончательно убѣдится въ невозможности форсировать его. Дѣйствительно, какъ видно изъ константинопольскаго письма въ *Политическую Корреспонденцію*, въ турецкомъ военномъ министерствѣ громко высказывается убѣжденіе что Шипкинскій проходъ необходимо не форсировать, а обойти.

Особенное вниманіе заграничной печати обратила на себя въ послѣднее время армія Наслѣдника Цесаревича. Если не подтверждается до сихъ поръ сообщенное нами вчера извѣстіе вѣнскихъ газетъ о перенесеніи ея главной квартиры въ Систово, то письмомъ изъ Систова въ *Политическую Корреспонденцію* подтверждается что эта армія уже отступила за Янтру и укрѣпляется по теченію этой первостепенной въ цѣлой придунайской Болгаріи оборонительной линіи. Иного, впрочемъ, нельзя было и ожидать въ виду не только численнаго превосходства наступающихъ непріятельскихъ армій, но и въ виду уже объясненной нами несостоятельности такъ-называемой „линіи по Черному Лому“ и всѣхъ позицій между Ломомъ и Янтрой, не представлявшихъ никакой фронтальной защиты и подверженныхъ опасности обхода съ обоихъ фланговъ. Теперь становится очевиднымъ что главныя усилія Мегмедъ-Али были направлены противъ лѣваго фланга арміи Наслѣдника Цесаревича съ цѣлью угрожать ея отступленію на Дунайскіе мосты. Во всякомъ случаѣ, Турки напрасно кичатся овладѣніемъ линіей Чернаго Лома и отступленіемъ русской арміи за Янтру: при всемъ своемъ громадномъ численномъ превосходствѣ и при полной неудовлетворительности всѣхъ занимаемыхъ Русскими позицій по Лому и между Ломомъ и Янтрой, армія Мегмедъ-Али въ *продолженіи слишкомъ трехъ недѣль* едва успѣла подвинуться *на пятьдесятъ верстъ* впередъ!..

Б.

Вчера сообщали мы изъ Горнаго Студня, отъ 7 сентября, офиціальную телеграмму въ которой было сказано: „Вчера, 6 сентября, все было тихо.“

А сегодня получили мы телеграмму *Международнаго Агентства*, изъ *Гривицы*, то-есть съ самаго поля сраженія у Плевны, о новомъ штурмѣ, происходившемъ 6 сентября и увѣнчавшемся побѣдой, такъ какъ войскамъ нашимъ и румынскимъ удалось овладѣть важнымъ редутомъ.

Другая сообщаемая сегодня телеграмма, изъ Вѣны, передаетъ по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, изъ Букурешта, будто послѣ полудня 6 сентября былъ отбитъ Турками штурмъ Румыновъ на самый большой изъ турецкихъ редутовъ... Обѣ телеграммы присовокупляютъ будто въ ночь съ 5 на 6 сентября была отбита, съ большимъ для Турокъ урономъ, ихъ попытка отвоевать у насъ Гривицкій редутъ...

Не знаемъ какъ согласить всѣ эти извѣстія.

№ 225.

Москва, 10-го сентября.

Приводимая нами сегодня депеша *Новаго Времени* передаетъ подробности одержанной нами новой на Шипкѣ побѣды. „Потери Турокъ простираются до 3.500 одними убитыми,“ сказано въ этой депешѣ, „тѣла Турокъ лежатъ грудами...“ На Шипкѣ отплачены Туркамъ наши потери при Плевнѣ. „Плѣнныхъ нѣтъ,“ лакони-

чески сообщаетъ въ заключеніе депеша. Это избавитъ нашихъ черезчуръ гуманныхъ дамъ отъ совершенно излишнихъ „frais d'amabilité...“

За то какъ горько читать описанія Плевненскихъ штурмовъ 30 и 31 августа! Корреспонденція *Daily News* бросаетъ яркій свѣтъ на это дѣло! Сколько героизма, самоотверженія, сколько святой доблести,— и сколько напрасно пролитой крови! Истиннымъ героемъ этихъ дней, дѣйствительно, какъ сообщалъ на другой день нашъ корреспондентъ, былъ генералъ Скобелевъ. Но чудеса отваги и мужества оказались напрасными. Скобелевъ бился со всею Турецкою арміей, и напрасно ждалъ подкрѣпленій! Наконецъ, они были высланы ему, въ числѣ всего 1.200 человѣкъ, какъ разъ въ то время когда онъ, послѣ неимовѣрнаго боя, былъ вынужденъ начать свое отступленіе...

Если вѣрить вѣнскимъ телеграммамъ, то впереди долины нижней Янтры началось или ожидается большое сраженіе. Краткая депеша нашего корреспондента изъ Горнаго Студня подтверждаетъ это извѣстіе. Главная Квартира Государя Наслѣдника находится нѣсколько къ юго-востоку отъ Бѣлы, на правомъ берегу Янтры, у Бейбунара. Отсюда явствуетъ также что вообще армія Наслѣдника Цесаревича еще не переправлялась на лѣвый берегъ Янтры, а занимаетъ тѣ же позиціи какія были описаны нами на дняхъ, то-есть отъ Мечки до Гольбунара. Помѣщаемая ниже въ извѣстіяхъ съ театра войны интересная корреспонденція *Голоса* изъ Бѣлы вполнѣ подтверждаетъ сказанное нами не разъ о вызванной необходимостью растянутости лѣваго фланга нашей операціонной линіи, на разстояніи 60 верстъ отъ Дуная до Кесарева, а также о трехнедѣльномъ боевомъ отступленіи нашего такъ-называемаго Рущукскаго отряда предъ статысячною арміей Мегмедъ-Али. Какъ видно изъ сегодняшнихъ депешъ, въ продолженіе этихъ трехъ недѣль отрядъ Наслѣдника Цесаревича отступилъ даже не на 50 верстъ, а всего только на 20 лѣвымъ флангомъ своимъ и на 35—правымъ; если же принять въ соображеніе не только громадный численный перевѣсъ непріятельской арміи,—почти *втрое сильнѣйшей* Рущукскаго отряда,—но и тактическія неудобства нашихъ оборонительныхъ позицій, то это отступленіе, выигравшее цѣлыя *три недѣли* въ то время когда главная задача нашихъ войскъ состояла въ ожиданіи подкрѣпленій, въ глазахъ свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей, безъ сомнѣнія, займетъ одно изъ блистательнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи настоящей войны Въ приводимой нами сегодня корреспонденціи изъ Бѣлы обнаружился до сихъ поръ неизвѣстный намъ фактъ, а именно что съ самаго начала боевъ въ Шипкинскомъ проходѣ изъ отряда Наслѣдника Цесаревича, столь малочисленнаго въ сравненіи съ грозившимъ непріятелемъ и съ протяженіемъ прикрываемой этимъ отрядомъ мѣстности, то и дѣло высылались войска въ Тырново и Габрово для замѣщенія выдвигаемыхъ оттуда на защиту Шипки отрядовъ.

Турки доселѣ не смогли или не сумѣли воспользоваться благопріятнымъ для нихъ моментомъ. Именно въ продолженіе Шипкинскихъ битвъ господствовало по всей линіи Кара-Лома совершенное затишье. Мало того, когда Мегмедъ-Али рѣшился наконецъ на наступленіе, онъ сосредоточилъ главныя усилія свои на Кацелево, то-есть на центръ нашего операціоннаго фронта по рѣкѣ Кара-Лому, когда всякій рѣшительный натискъ его на любой изъ нашихъ фланговъ могъ угрожать всему Рущукскому отряду весьма опаснымъ для него обходомъ. Мегмедъ-Али очевидно надѣялся прорвать центръ нашей, по необходимости, весьма растянутой линіи, и это предпріятіе, какъ видно изъ цитуемой нами корреспонденціи, дѣйствительно удалось бы ему еслибъ Августѣйшимъ начальникомъ „Рущукскаго отряда,“ при стойкости его войскъ, не было обезпечено отступленіе лѣвому флангу нашей оборонительной линіи.

Въ настоящее время, несмотря на диверсіи не разъ предпринимаемыя незначительными непріятельскими отрядами по дорогѣ на Елену и Тырново, изъ послѣдняго города передвинулась къ Бѣлѣ, на подкрѣпленіе Рущукскаго отряда, большая часть 11 армейскаго корпуса. Дай Богъ, чтобъ это не обезсилило насъ на лѣвомъ флангѣ, который теперь подвергается нападенію...

№ 227.

Москва, 12-го сентября.

Отдохнувъ четыре дня послѣ понесеннаго 5 сентября пораженія, Сулейманъ-паша 9-го возобновилъ бомбардированіе нашей позиціи. По всему видно что этотъ новый артиллерійскій бой имѣлъ характеръ демонстраціи, быть-можетъ въ надеждѣ помѣшать сосредоточенію впереди Янтры слишкомъ значительныхъ силъ нашихъ для отпора начавшейся того же числа общей атаки Турокъ на армію Наслѣдника Цесаревича. Если-бъ эта канонада должна была служить подготовленіемъ къ новому нападенію Турокъ на укрѣпленіе Св. Николая, то она продолжалась бы и на другой день, и мы конечно уже были бы извѣщены объ этомъ. Но во всѣхъ полученныхъ съ тѣхъ поръ депешахъ съ болгарскаго театра войны о Шипкѣ болѣе не упоминается. Pas de nouvelles, bonnes nouvelles.

Между тѣмъ, при всей малочисленности своей, армія Наслѣдника Цесаревича побѣдоносно отбила въ открытомъ полѣ почти втрое сильнѣйшаго непріятеля. Первый стремительный натискъ арміи Мегмедъ-Али выдержалъ, у Церковны, отрядъ генерала Татищева. Отбитые на оконечности нашего праваго фланга, Турки возобновили свои атаки противъ центра и противъ лѣваго фланга. Повсюду встрѣтили они тотъ же геройскій отпоръ. Дальнѣйшія подробности этого дѣла, къ сожалѣнію, еще неизвѣстны. Послѣдняя телеграмма Главнокомандующаго сообщаетъ только что, вопреки всѣмъ благопріятствовавшимъ непріятелю обстоятельствамъ, потеря наша ограничивается двадцатью офицерами и четырьмя стами нижнихъ чиновъ. Непріятель отступилъ. А между тѣмъ время выиграно, и къ намъ уже подходятъ подкрѣпленія. Еще немного терпѣнія...

Но вотъ, съ югозападной стороны, въ направленіи къ Плевнѣ, является новый факторъ. Уже нѣсколько дней назадъ, съ разныхъ сторонъ извѣщали насъ телеграммы о сосредоточеніи до 30.000 человѣкъ у Орханіе, на большой дорогѣ изъ Софіи къ Плевнѣ. Послѣднія туркофильскія телеграммы называли начальника этого отряда Шевро-пашой, Шакиръ-пашой. Какъ видно, туркофилы конфузились провозгласить позорное имя Шевкетъ-паши во главѣ отдѣльнаго, сильнаго отряда, соотвѣтствующаго численностью цѣлому армейскому корпусу.

Что этотъ отрядъ выдѣленъ изъ арміи Сулейманъ-паши, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Надо полагать даже что Сулейманъ-паша поддержитъ наступленіе Шевкета на Плевну новыми демонстраціями, можетъ-быть и атаками на Шипку. Шевкетъ подошелъ къ Плевнѣ уже верстъ на двѣнадцать, къ Рахитѣ и Телишу. У послѣдней деревни подполковникъ Тутолминъ отбросилъ непріятеля; къ сожалѣнію, полученная нами объ этомъ телеграмма не упоминаетъ ни числа тактическихъ единицъ, ни даже рода оружія отряда подполковника Тутолмина.

Въ приводимой сегодня телеграммѣ изъ Букурешта утверждаютъ что „соединеніе Сулеймана съ Османомъ невозможно.“ Дѣйствительно, если справедлива цифра 105.000 человѣкъ, какою вчерашняя телеграмма *Международнаго Агентства* опредѣляла численность нашихъ и румынскихъ войскъ подъ Плевной, и если нами приняты всѣ требуемыя воннымъ искусствомъ предосторожности, то подходящій къ Осману вспомогательный отрядъ, съ боевыми и жизненными припасами, не только можетъ, но и долженъ быть разбитъ на голову,— а при отдаленіи его отъ своей базы, и совершенно истребленъ, хотя онъ и подошелъ къ Плевнѣ на двѣнадцать верстъ. Дѣйствительно, огромныя потери несомнѣнно понесенныя Османомъ въ послѣдніе неоднократные штурмы должны были много ослабить его армію. Для удержанія Османа въ Плевнѣ и отбитія всякой вылазки его, конечно, было бы достаточно 50 тысячъ человѣкъ, а остальной части нашего войска подъ Плевной было бы болѣе чѣмъ достаточно для рѣшительнаго удара отряду Шевкета.

Само собою разумѣется что и эта задача можетъ быть значительно облегчена и успѣхъ ея совершенно обезпеченъ лишь въ томъ случаѣ если съ нашей стороны будутъ приняты предписываемыя законами современнаго военнаго искусства предосторожности. Въ чемъ состоятъ эти предосторожности, — это понятно всякому кто имѣетъ ясное понятіе объ успѣхахъ новѣйшаго огнестрѣльнаго оружія какъ перевозимаго, такъ и переноснаго. Успѣхи эти такъ велики, дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія нынѣ такъ истребительно, что по-

левая фортификація становится нынѣ неразлучною спутницей тактики. Надо отдать справедливость Туркамъ, они поняли это требованіе новѣйшаго военнаго искусства. Едва завладѣютъ они клочкомъ позиціи, они тотчасъ же спѣшатъ окопаться. Не только предъ Шипкой, но и по Тунджѣ—Сулейманъ-паша, по занятіи Аяслара и Кацелева—Мегмедъ Али-паша, въ Малой Азіи на Аладжадагѣ—Мухтаръ-паша, на Чингильскихъ высотахъ—Измаилъ-паша,—всѣ они, съ каждымъ шагомъ впередъ или назадъ, немедленно окапываются. Съ перваго дня, Османъ-паша окопался въ Плевнѣ и теперь превратилъ его во второй Севастополь. Даже Шевкетъ, только что прибывъ въ долину Искера, какъ видно изъ нашей офиціальной телеграммы, уже успѣлъ окопаться...

Нѣтъ сомнѣнія что послѣ своего численнаго превосходства Турки болѣе всего обязаны своими успѣхами этому знанію законовъ современнаго военнаго искусства. Даже Румыны, какъ извѣстно, стали было подходить къ Плевнѣ сапой. Еслибы, два мѣсяца назадъ, когда началась столь дорого стóившая намъ Плевненская исторія, мы начали вести правильную осаду, то въ настоящее время Плевна вѣроятно была бы взята съ незначительною, въ сравненіи съ настоящею, потерей.

Если вѣрить слухамъ, то въ нашемъ генеральномъ штабѣ, до перехода черезъ Дунай, господствовало такое отвращеніе къ инженерному искусству что еще въ Букурештѣ будто бы шли по этому поводу горячіе споры. Опытные военные люди всѣхъ родовъ войскъ поддерживали мнѣніе инженеровъ что шанцевый инструментъ составляетъ почти такую же неотъемлемую часть вооруженія солдата какъ ружье или сабля; генеральный же штабъ будто бы утверждалъ что для солдата шанцевый инструментъ только излишняя тягость, безполезное затрудненіе его движеній, а потому лучше де оставить его въ Букурештѣ...

Между тѣмъ, именно теперь могло бы оказаться почти рѣшающее значеніе фортификаціи какъ помощницы тактики. Еслибъ у насъ были выведены вокругъ Плевны параллели, франкируемыя батареями съ сильными профилями, то для отраженія какихъ бы то ни было вылазокъ Османъ-паши было бы достаточно небольшаго числа войскъ, и съ подходящими къ нему подкрѣпленіями можно было бы навѣрное покончить однимъ ударомъ.

№ 228.

Москва, 13-го сентября.

Съ одною ли Турціей мы находимся въ войнѣ?—вотъ вопросъ который не одинъ разъ уже представлялся всякому читающему извѣстія съ театра войны, и онъ неотвязчивѣе чѣмъ когда-либо выступаетъ при чтеніи приведеннаго въ № 224 нашей газеты письма корреспондента *Times*, находящагося при арміи Мехмедъ-Али-паши. Проявленіе неожиданной лихорадочной энергіи у Турокъ совпало съ паденіемъ прежняго сераскира Редивъ-паши. Англійская печать рукоплескала этому паденію, такъ какъ перемѣна въ министерствѣ открыла широкій путь массѣ англійскихъ военныхъ авантюристовъ, которые давно рвались взять въ свои руки распоряженіе турецкими войсками, но которыхъ систематически устранялъ прежній военный министръ, полагая что такъ какъ Турція была оставлена союзниками и воюетъ одна, то ей и нечего подчиняться чужимъ указаніямъ. Неудачи, однако, повлекли паденіе Редифъ-паши, а вслѣдъ за нимъ былъ смѣненъ и Абдулъ-Керимъ-паша, и новый главнокомандующій пріѣхалъ съ цѣлымъ штабомъ англійскихъ офицеровъ, въ числѣ коихъ былъ и вновь пожалованный турецкій „генералъ“ Бекеръ, получившій отдѣльную команду. Англійскіе инструкторы, приглашенные Портой якобы для устройства жандармеріи имѣвшей, по плану Константинопольской конференціи, ограждать христіанъ отъ Черкесовъ,—принялись за другое дѣло: начались ежедневныя обученія, инспекціи войскъ, марши и контръ-марши, и наконецъ столь давно желанныя Англичанами наступательныя дѣйствія, въ коихъ учителя принимали дѣятельное участіе. Изъ описанія дѣла при Карагассанѣ корреспондентомъ *Manchester Guardian*, видно какое дѣятельное и рѣшительное участіе въ немъ имѣлъ англійскій башибузукъ Валентинъ Бекеръ-паша. Кромѣ того, Порта вообще измѣнила теперь взгляды касательно помощи иностранныхъ руководителей: Гобартъ-паша получилъ бóльшую свободу дѣйствій и грозитъ дать знать о себѣ Русскимъ; въ Константинополѣ по-

думаютъ также о томъ какъ бы успокоить разобиженнаго мадьярскаго генерала Клапку и уговорить его поскорѣе вернуться въ турецкую столицу. Англійская туркофильская печать рада что Турки взялись за умъ, но горюетъ что Мехмедъ-Али подвигается уже слишкомъ медленно и что Сулейманъ-паша знать не хочетъ англійскихъ указаній, и вмѣсто того чтобы соединиться съ сердаремъ и всею массой ударить на русскія сообщенія, продолжаетъ стукаться лбомъ о Шипку.

Но между тѣмъ какъ англійскіе военные офицеры и моряки принимаютъ такое нескрываемое участіе въ войнѣ на сторонѣ Турціи, печать англійская не находитъ словъ для выраженія негодованія при видѣ „безнравственности“ и „возмутительнаго нарушенія права“ Румыніей, выступившею въ войну, и Сербіей которая, какъ давно говорятъ, готовится къ тому же. На дняхъ еще, одна англійская газета обрушилась всею силой своего гнѣва на правительства обоихъ княжествъ за ихъ „безаконное нападеніе на безобиднаго сосѣда,“ выражала злорадную надежду что Румынамъ не посчастливится и прибавляла поучительно что „ничѣмъ не вызванное вторженіе въ безобидное государство вполнѣ заслуживаетъ наказанія.“ Въ заключеніе та же газета внушительно высказывала увѣренность что это „нравственное преступленіе“ *(moral guilt)* Сербскаго и Румынскаго правительствъ припомнится имъ „если когда-либо европейскія державы получатъ голосъ въ переговорахъ которые послѣдуютъ за войной.“ Что же сказать о *нравственномъ* уровнѣ этихъ публицистовъ которые находятъ вполнѣ естественнымъ и похвальнымъ присутствіе Англичанъ въ рядахъ баши-бузуковъ, и порицаютъ ополчающихся противъ этихъ дикихъ звѣрей?

Стоитъ ли, впрочемъ, задумываться надъ ежедневною ложью безсовѣстной печати когда предъ нами остается фактъ гораздо болѣе поразительный и непостижимый. Понять невозможно какимъ образомъ, посреди всѣхъ этихъ ужасовъ и мерзостей, люди цивилизованные и все-таки христіане могутъ оставаться въ невозмутимомъ благодушіи и не только спокойно созерцать происходящее на ихъ глазахъ, но ревностно помогать торжеству палачей. Турки поголовно истребляютъ Болгаръ вѣшая ихъ десятками заразъ, вѣшаютъ въ назиданіе корреспонденту *Times*, позволившему себѣ выразиться неодобрительно о казняхъ, вѣшаютъ даже врача лѣчившаго турецкихъ раненыхъ и служившаго у англійскихъ врачей, за то только что онъ Болгаръ. Англійскіе офицеры видятъ все это и продолжаютъ распоряжаться оттоманскими полками и сражаться въ ихъ рядахъ, между тѣмъ какъ англійскимъ консуламъ даны инструкціи не вмѣшиваться и не заступаться за казнимыхъ Болгаръ.

Но пусть эти джентльмены позорятъ свою страну сообщничествомъ съ извергами, они не остановятъ неизбѣжнаго. Эти ежедневно умножающіяся извѣстія о необузданномъ свирѣпствѣ мусульманскаго фанатизма только яснѣе выставляютъ намъ трудность подвига предпринятаго Россіей и необходимость довершить его. И Россія совершитъ начатое ею дѣло. Яснѣе понимаемая съ каждымъ днемъ трудность задачи только заставитъ ее развернуть бо́льшія силы. Когда возстаетъ и вооружается поголовно съ помощью Англіи весь оттоманскій міръ, то пора и Россіи явиться во всеоружіи своего могущества.

№ 229.

Москва, 15-го сентября.

А.

Итакъ, къ прискорбію, блокада Плевны оказалась недѣйствительною. „Около десяти тысячъ турецкой пѣхоты съ артилеріей, шедшихъ изъ Софіи,“ по сообщенію Главнокомандующаго, „пробились 10 сентября сквозь нашу кавалерію въ Плевну.“ Турецкому вспомогательному отряду удалось, безъ сомнѣнія, не только усилить собой численность плевненскаго гарнизона, но и снабдить его необходимымъ провіантомъ и запасами. Изъ сличенія офиціальныхъ телеграммъ видно что удачное для Турокъ дѣло произошло на другой день послѣ рекогносцировокъ произведенныхъ кавалерійскими отрядами флигель-адъютанта полковника Штакельберга и полковника Тутолмина, которые открыли 9 сентября, близъ деревень Рахиты и Телиша, значительныя силы непріятельской пѣхоты. Оказывается что у самаго важнаго пункта позиціи Османъ-паши, съ той стороны откуда только онъ и могъ ожидать подкрѣпленій и подвозовъ, мы

имѣли только кавалерію, которая весьма естественно не могла остановить значительнаго войска подходившаго изъ укрѣпленнаго при Орханіе лагеря. Трудно, даже совершенно невозможно допустить мысль чтобы важное для насъ значеніе Софіи-Плевненской дороги, было не только упущено изъ виду въ Главной Квартирѣ, но не обратило на себя ея усиленнаго вниманія. Депеши о продолженіи блокады очевидно намекали на принятыя мѣры именно въ юго-западномъ направленіи отъ Плевненскихъ позицій, и если мы не достигли цѣли, то конечно только потому что опять оказались слабѣе наступавшаго противника, и что мы не можемъ поддерживать дѣйствительную блокаду на сорокаверстномъ разстояніи съ тѣми силами которыя находятся въ распоряженіи Главной Квартиры.

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о численности нашихъ силъ подъ Плевной; но иностранные корреспонденты свидѣтельствуютъ о ихъ недостаточности для дѣйствительной блокады. Корреспондентъ вѣнской *Presse*, описывая послѣдніе бои подъ Плевной, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Когда я прибылъ въ Главную Квартиру, то услышалъ что Русскіе располагаютъ тутъ болѣе чѣмъ статысячною арміей, но когда я искалъ этой арміи подъ Плевной, то не находилъ ея, а видѣнныя мною войска едва ли достигаютъ и половины сказанной цифры. Такъ румынскія войска состояли изъ двухъ атакующихъ и одной резервной дивизіи, всего въ количествѣ не болѣе 25 тысячъ комбатантовъ; русская же армія не превышала 40.000 человѣкъ.“ Если свѣдѣнія этого корреспондента хотя приблизительно вѣрны, и если принять въ разчетъ громадныя потери понесенныя нами въ послѣднихъ битвахъ подъ Плевной, то неудача предпринятой нами блокады объясняется сама собой.

Намъ остается обратить особенное вниманіе всѣхъ кому близко къ сердцу положеніе нашихъ дѣлъ на театрѣ войны (а кому оно не близко?) на помѣщаемую нами превосходную статью генералъ-майора М. Я. Попелло-Давыдова. На простой здравый смыслъ она дѣйствуетъ убѣдительно. Пожелаемъ что бы такъ же убѣдительно подѣйствовала она и на военныхъ спеціалистовъ. Почтенный авторъ указываетъ на огромное значеніе мортиръ, то-есть орудій навѣсной стрѣльбы которымъ у насъ такъ не посчастливилось. Будемъ ли мы пользоваться ими подъ Плевной, не знаемъ; но Сулейманъ-паша отлично пользуется этими орудіями на Шипкѣ. Поставленныя имъ противъ насъ четырнадцать (только четырнадцать) мортиръ дали намъ тяжко чувствовать себя въ послѣднихъ артиллерійскихъ бояхъ на Шипкинскомъ перевалѣ.

Авторъ нашей статьи въ послѣдовательномъ изложеніи своей мысли старался предусмотрѣть каждую случайность, и раскрываетъ тѣ новые способы тактики какихъ требуютъ условія настоящей войны.

Б.

Достовѣрный корреспондентъ изъ Лондона пишетъ отъ 22 сентября:

„Здѣсь сильно хлопочутъ о заключеніи турецкаго займа на сумму отъ 10 до 20 милліоновъ фунт. стерл. Султанъ, визирь, шейхъ-юль-исламъ, мекскій шерифъ, маскатскій имамъ, и другія свѣтскія особенно же духовныя власти, приглашаютъ, усердствуютъ и ручаются. Капиталы привлекаются преимущественно изъ Индіи. Лордъ Дарби не противорѣчитъ и нисколько не намѣренъ препятствовать. Въ настоящую минуту идутъ дѣятельные переговоры съ однимъ банкирскимъ домомъ въ Сити о заключеніи контракта съ Турецкимъ правительствомъ. Деньги предполагается употребить въ Англіи главнѣйше на пріобрѣтеніе оружія, снарядовъ и запасовъ для турецкой арміи.“

Корреспондентъ прибавляетъ: *This is most authentic*. Онъ имѣетъ значительныя связи въ коммерческихъ кругахъ между агентами.

О намѣреніи Турецкаго правительства заключить заемъ въ Лондонѣ давно уже поговаривали въ газетахъ, хотя довольно глухо и неопредѣленно. Очевидно, тутъ соблюдается нѣкая таинственность, а всего таинственнѣе то какъ находитъ Турецкое правительство кредитъ когда оно не въ состояніи платить прежнихъ обязательствъ. Уловка будто имѣется въ виду привлечь для этого займа капиталы изъ Индіи слишкомъ наивна: не изъ этой злополучной страны пораженной страшнымъ бѣдствіемъ голода и ожидающей отъ англійскаго казначейства субсидіи для покрытія дефицита, могутъ, конечно, явить-

ся деньги нужныя Портѣ. Если планъ состоится, то заемъ можетъ быть покрытъ только англійскими банкирами, и такъ какъ кредитъ Порты окончательно подорванъ, то не иначе какъ при гарантіи самой Англіи. Другими словами, *заемъ* этотъ, какъ и прежній, будетъ не что иное какъ замаскированная субсидія.

Вѣнская телеграмма извѣщаетъ насъ что Турецкое правительство заказало въ Манчестерѣ зимнюю одежду для арміи. Въ виду благоразумной предусмотрительности Порты, остается пожелать чтобъ и наше интендантство, на обязанности коего лежитъ попеченіе о снабженіи всѣмъ нужнымъ Русской арміи, позаботилось къ зимѣ одѣть нашихъ солдатъ такъ же хорошо какъ несомнѣнно будетъ обезпечена теплою одеждой Турецкая армія доброю заботливостью манчестерскихъ фабрикантовъ, которые порадѣютъ о томъ какъ о близкомъ ихъ сердцу дѣлѣ.

Да порадѣютъ не менѣе и наши интенданты о русскомъ солдатѣ.

№ 230.

Москва, 16-го сентября.

А.

Одно изъ главныхъ неудобствъ веденія настоящей войны есть громадность разстояній до обоихъ театровъ военныхъ дѣйствій, а также недостатокъ желѣзныхъ дорогъ, особенно въ Румыніи. Цѣлыхъ два мѣсяца потребовалось на то чтобы собрать и доставить къ мѣсту назначенія войска гвардейскаго корпуса и гренадерскихъ дивизій, а сколько неимовѣрныхъ усилій потрачено, въ это безконечно тянувшееся время, для удержанія легко завоеваннаго пространства, въ виду оправившагося нравственно и матеріально, многочисленнаго непріятеля. Слабая числомъ, но крѣпкая духомъ, Русская армія честно сослужила свою службу Царю и Отечеству, ожидая той счастливой минуты когда необходимое равновѣсіе силъ дастъ ей возможность перейти въ наступленіе. Минута эта приближается, съ разныхъ сторонъ получаются извѣстія о прибытіи подкрѣпленій, и въ скоромъ времени мы вѣроятно услышимъ добрыя вѣсти.

Уже теперь вѣнскія газеты всѣ согласно извѣщаютъ что армія Мегметъ-Али, вслѣдствіе прибытія значительныхъ русскихъ силъ, а также по причинѣ труднаго снабженія продовольствіемъ, начала 12 сентября отступленіе на прежнія позиціи. Это значитъ что Мегметъ-Али отказывается отъ наступленія и переходитъ въ оборонительное положеніе, столько разъ удачно испытанное Турками въ настоящую кампанію. Слухи о намѣреніи Мегметъ-Али укрѣпиться по линіи Баницкаго-Лома, параллельно путямъ сообщенія изъ Бѣлы на Тырново, и устроить на этой позиціи вторую Плевну, не лишены вѣроятія.

По свѣдѣніямъ *Международнаго Телеграфнаго Агентства* изъ Букурешта, отъ 13 сентября, въ скоромъ времени предстоитъ общая атака Плевны: свѣдѣніе это едва ли заслуживаетъ довѣрія, какъ по весьма сомнительному источнику не разъ уже вводившему публику въ заблужденіе, такъ и въ виду вчерашней телеграммы Великаго Князя Главнокомандующаго о прорывѣ десяти тысячъ Турокъ сквозь линіи нашей блокады. Едва ли настоящій моментъ будетъ удобенъ для штурма, и упорство взять Плевну безъ предварительной серіозной подготовки снова ознаменовалось бы потоками безполезно пролитой крови.

Теперь, когда противникъ снова ожилъ и получилъ припасы быть-можетъ на долго, фронтальная атака едва ли можетъ быть допущена. Снова обращаемъ вниманіе на статью М. Я. Попелло-Давыдова, которая напечатана въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты.

По сообщенію нашего корреспондента, отъ 14 сентября, изъ Караяла, первая гренадерская дивизія, хорошо знакомая Москвѣ, пришла въ лагерь дѣйствующаго корпуса. Такимъ образомъ, и Кавказскій корпусъ получилъ наконецъ подкрѣпленія; событія не замедлятъ показать достаточны ли эти подкрѣпленія: для серіознаго успѣха, по крайней мѣрѣ удастся ли намъ отбросить непріятельскія арміи отъ нашей границы и обезпечить ее на зимнее время отъ непріятельскихъ вторженій.

Б.

Что же Сербія? Прежде ее удерживали *угрозы* Австріи; теперь Австрія, повидимому, предоставила ей полную свободу дѣйствія. Правда что не препят-

ствуя Сербіи вмѣшаться въ войну, Вѣнскій кабинетъ тѣмъ сильнѣе затормозилъ другаго нашего естественнаго союзника, боснійское возстаніе. Какъ въ началѣ войны мы въ угоду Австріи гнали отъ себя называвшихся на содѣйствіе намъ Сербовъ, такъ нынѣ прогнали мы боснійскихъ „усташей.“ Упавъ духомъ, боснійское возстаніе притихло и исчезаетъ...

Итакъ, была бы Боснія спокойна, Сербіи предоставлена наконецъ „свобода дѣйствія.“ Но тутъ, какъ бы по свистку невидимаго машиниста, вдругъ совершилась для публики непредвидѣнная перемѣна декорацій. Нравственное давленіе въ сущности осталось въ Бѣлградѣ то же самое. Перемѣнились только актеры исполнявшіе роль *пугалъ*. Вмѣсто австрійскаго агента, князя Вреде, эту роль принялъ на себя англійскій агентъ, г. Уайтъ. Грозному тону его увѣщаній вторилъ жалобною фистулой агентъ италіянскаго министра Мелегари, прошлогодній приверженецъ Сербіи, графъ Іоаннини. Если только тронется Сербія, твердятъ эти господа, то ее отдадутъ Туркамъ на съѣденіе...

Между тѣмъ всѣ угрозы какими дипломатія и стамбульскія телеграммы стараются удержать Сербію отъ участія въ войнѣ, стращая ее турецкимъ нашествіемъ „прямо на Бѣлградъ,“ едва ли имѣютъ серіозное значеніе. По свѣдѣніямъ всегда такъ вѣрно извѣщаемой *Политической Корреспонденціи*, въ Константинополѣ не думаютъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи. Въ виду занятія долины Янтры и Шипкинскаго прохода русскими войсками, и ожидаемыхъ нами подкрѣпленій, едвали Турки рѣшились бы предпринять движеніе къ Бѣлграду. Турція готовится лишь къ сильной оборонѣ своей границы.

Но вотъ, въ предпослѣднемъ полученномъ нами нумерѣ *Политической Корреспонденціи*, тотъ же корреспондентъ сообщаетъ, отъ 12 сентября, по этому дѣлу еще болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Въ Константинополѣ толки о предстоящемъ вступленіи Сербіи на арену войны приводили всѣ официальныя сферы въ невыразимое смущеніе. „Наравнѣ съ извѣстіями „съ театра войны,“ сказано въ этомъ письмѣ, „всю эту недѣлю сербскій вопросъ „занималъ и Порту, и иностранную дипло„матію. Толки о намѣреніяхъ Сербіи при„нимали тревожный характеръ, и съ ча„са на часъ ожидалось вступленіе ея въ „дѣйствіе. Уже были отправлены Салихъ„Цекки пашѣ приказанія сосредоточить „войска и привести въ оборонительное со„стояніе крѣпости на Сербской границѣ, „когда здѣшній сербскій дипломатическій „агентъ, г. Христичъ, по порученію сво„его правительства, вчера объявилъ Вы„сокой Портѣ что Сербія твердо рѣши„лась не нарушать мира.“ Корреспондентъ однако замѣчаетъ что Порта не придала большаго значенія этому заявленію. „Впрочемъ,“ присовокупляетъ онъ, „турецкіе солдаты не питаютъ большаго уваженія къ Сербской арміи.“ Къ этому побуждаетъ де ихъ прошлогодній опытъ. Мы полагаемъ, напротивъ, что послѣ четырехмѣсячной борьбы, побѣдой 200 тысячнаго хорошо обученнаго и вооруженнаго войска надъ вооруженными всякимъ арсенальнымъ хламомъ 60.000 новобранцами едва ли не болѣе имѣютъ право гордиться побѣжденные чѣмъ побѣдители....

Но въ настоящее время, Турція, для дѣйствія противъ Сербіи, не имѣетъ этихъ 200.000 войска. Она не имѣетъ для этого и 50.000. Но, пишетъ константинопольскій корреспондентъ, „въ случаѣ объявле„нія войны Сербіей Турціи, послѣдняя на„пуститъ на Сербію боснійскихъ беговъ и „башибузуковъ, а также всѣхъ оставшихся въ ея распоряженіи Черкесовъ, и пре„доставитъ полный просторъ ихъ крово„жадности“.... Это опять угроза. Дѣйствительно, повинуясь дипломатіи, боснійское возстаніе почти совсѣмъ исчезло. Благодаря этому Порта можетъ располагать нынѣ, для вторженія въ Сербію, силами занятыми до сихъ поръ борьбой съ возстаніемъ, то-есть не только массой боснійскихъ баши-бузуковъ, предводимыхъ воинственными и свирѣпыми бегами, но и не малымъ числомъ регулярныхъ войскъ. Какъ гарантировали мы Турціи сначала нейтралитетъ Сербіи, такъ гарантируемъ мы ей нынѣ нейтралитетъ Босніи. Послѣдствія оказываются тѣ же самыя; какъ благодаря сербскому нейтралитету занимавшія сербскую границу турецкія войска были направлены противъ насъ, такъ благодаря нейтралитету Босніи занимавшія ее турецкія войска могутъ быть обращены теперь противъ Сербіи, при ея первомъ движеніи въ нашу пользу.

Всякому понятно что въ случаѣ присоединенія къ намъ Сербіи съ самаго нача-

ла войны, Османъ-паша не смѣлъ бы и двинуться изъ Виддина. Присутствіе Османа въ Плевнѣ было просто на просто дѣломъ дипломатіи. Такого же рода послѣдствій слѣдуетъ ожидать и отъ теперешняго вынужденнаго бездѣйствія Сербіи.

Но и этотъ грѣхъ можетъ искупить нашъ солдатъ. „Всего болѣе опасаются здѣсь," продолжаетъ цитуемый корреспондентъ, „чтобы въ Сербію не были посланы рус„скія войска. Во всякомъ случаѣ, такая „диверсія Русскихъ въ Сербію могла бы „имѣть для Турецкой арміи самыя при„скорбныя послѣдствія..." Дѣйствительно, появленіемъ хоть одной русской дивизіи въ Сербіи почти безъ боя была бы рѣшена участь Османа и Шевкетъ-паши, и были бы открыты для Русской арміи не только путь на Софію, но и новая, болѣе широкая и совершенно безопасная операціонная база. Что же касается боснійскихъ баши-бузуковъ и беговъ, то они могутъ быть страшны для Сербіи только благодаря ея недостатку въ кавалеріи. Но именно въ этомъ родѣ войскъ у насъ не можетъ быть недостатка.

№ 231.

Москва, 17-го сентября,

А.

Въ предпослѣднемъ нумерѣ нашей газаты напечатано горячее приглашеніе отъ Московскаго Центральнаго Склада при Обществѣ Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ къ пожертвованіямъ, между прочимъ, на крайне необходимое дѣло скорѣйшаго устройства удобной перевозки нашихъ раненыхъ съ поля битвы до перевязочныхъ пунктовъ и лазаретовъ и далѣе до станціи желѣзныхъ дорогъ. Отъ души радуемся что грустныя извѣстія съ обоихъ театровъ войны о нуждахъ этой важнѣйшей части полеваго санитарнаго дѣла скоро нашли отзывъ въ учрежденіи которое ближе всего можетъ принять на себя начинаніе въ этомъ благомъ дѣлѣ, и мы увѣрены что приглашеніе Московскаго Центральнаго Склада встрѣтитъ и на этотъ разъ достойную поддержку. „За нашимъ войскомъ дѣло не стало," сказано въ приглашеніи. Тѣмъ менѣе должно стать дѣло за пособіями для облегченія страданій и для спасенія многихъ тысячъ жизней которыя еще возможно спасти, такъ какъ *большая часть* раненыхъ погибаетъ не отъ ранъ, а отъ перевозочной пытки. При громадномъ процентѣ раненыхъ какой имѣется уже въ настоящее время, минуты дороги.

Помощь нужна быстрая и въ большихъ размѣрахъ; но надо прежде озаботиться чтобъ она была хорошо направлена. Чтобъ избѣжать ошибокъ, всего правильнѣе было бы не ограничиваться одними соображеніями и предположеніями строителей перевозочныхъ средствъ, не смущаться также сравненіемъ цѣнъ разныхъ способовъ перевозки, а принять къ руководству указанія людей бывшихъ на мѣстѣ и знающихъ что болѣе всего требуется и какъ лучше и скорѣе возможно удовлетворить потребности. Въ этихъ видахъ мы спѣшимъ подѣлиться тѣми данными какія намъ доставлены отъ лицъ свѣдущихъ.

По свѣдѣніямъ отъ уполномоченнаго Общества Краснаго Креста, Е. И. Барановскаго и брата его А. И. Барановскаго, бывшихъ на мѣстѣ въ Болгаріи, *) гдѣ они ознакомились съ положеніемъ санитарно-перевозочной части на Дунаѣ, крайняя необходимость представляется: вопервыхъ, въ приспособленіяхъ къ существующимъ средствамъ перевозки раненыхъ, и вовторыхъ, въ устройствѣ новыхъ средствъ передвиженія.

Въ первомъ отношеніи, рекомендуется устройство приспособленій по системѣ Завадовскаго къ интендантскимъ фурамъ, телѣгамъ и повозкамъ. Приспособленія эти состоятъ въ матрацахъ для двухъ лежащихъ или четырехъ сидящихъ больныхъ, и въ крѣпкомъ двойномъ полотнѣ съ навѣсами изъ брезента. Матрацы обыкновенно привязываются въ уровень съ краями телѣги, и они раздѣляются и поддерживаются продольно протянутою веревкой для уменьшенія тряски и страданій. Въ примѣненіи къ интендантскимъ экипажамъ,

---

*) Гг. Барановскими доставлены свѣдѣнія относящіяся до Дѣйствующей Арміи за Дунаемъ, но таковыхъ не имѣется о Кавказкой арміи. Хотя общія условія перевозки, по всему вѣроятію, и тамъ одинаковы, но быть-можетъ нѣкоторыя мѣстныя особенности отчасти измѣнятъ ихъ. У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о качествѣ и количествѣ требующихся на Кавказѣ перевозочныхъ средствъ и приспособленій. Просимъ всѣхъ знающихъ лицъ поспѣшить сообщеніемъ таковыхъ печатно.

эти приспособленія даже могутъ быть на первое время замѣнены кольцами ввинченными въ края экипажа, черезъ которыя и будетъ проходить веревочный переплетъ. Стоимость матраца, съ приспособленіемъ системы Завадовскаго, около 10 руб. Въ виду мѣстныхъ потребностей, такихъ матрацовъ и приспособленій нужно нѣсколько тысячъ.

Еще бо́льшая потребность настоитъ въ устройствѣ достаточнаго количества новыхъ средствъ перевозки. Приспособленіями къ существующимъ неудобнымъ и мучительнымъ экипажамъ въ крайнемъ случаѣ возможно довольствоваться только за неимѣніемъ лучшаго. Но раненые въ битвахъ имѣютъ право на возможно лучшее. Поэтому существенно необходимы скорѣйшее сооруженіе и присылка изъ Россіи повозокъ или колесныхъ носилокъ, одноконныхъ и двуконныхъ, самаго простаго, легкаго для употребленія и прочнаго типа. Общія требованія отъ такого рода повозокъ состоятъ въ томъ что онѣ должны быть покрыты брезентомъ и состоять изъ одного или двухъ матрацовъ приспособленныхъ, напримѣръ, по упомянутой системѣ Завадовскаго. По приблизительному разчету, какъ намъ сообщаютъ, повозка обойдется, при заказѣ ея въ Букурештѣ, приблизительно во 140 р. с. (или около 345 франковъ). Пара воловъ или лошадей, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, будетъ стоить до 150 р., упряжь около 30 руб. Содержаніе кучера и лошадей на каждую повозку будетъ стоить въ мѣсяцъ 75 р. Повозки такого рода, которыя по возможности будутъ обезпечивать раненыхъ отъ излишнихъ и новыхъ страданій, должны быть сосредоточены въ распоряженіи главныхъ военнаго и медицинскаго инспекторовъ Дѣйствующей Арміи; отряды, по мѣрѣ надобности, надо организовать въ 50 и 100 повозокъ. Само собою разумѣется что каждый отрядъ долженъ быть подчиненъ сопровождающему его врачу, и что онъ долженъ имѣть фельдшера, одного или нѣсколькихъ санитаровъ, смотря по надобности, походную аптеку, кухню и необходимое количество бѣлья. По всѣмъ отрядамъ слѣдуетъ также распредѣлить уполномоченныхъ Краснаго Креста, которые могли бы входить въ нужды отряда и заботиться о ихъ удовлетвореніи.

Таковы свѣдѣнія и указанія переданныя намъ съ мѣста. При сооруженіи перевозочныхъ средствъ въ большомъ количествѣ внутри Россіи можетъ-быть окажется возможнымъ воспользоваться и другаго рода повозками. Было бы, конечно, хорошо заготовлять рессорные экипажи, только должно заранѣе освѣдомиться въ состояніи ли они выдержать переѣзды по дорогамъ Румыніи и Болгаріи. Снова припоминаемъ замѣчаніе высказанное Н. И. Пироговымъ о нашихъ тарантасахъ, которые, на своихъ упругихъ дрожинахъ, по ухабистымъ и вязкимъ дорогамъ отчасти замѣняютъ рессорные экипажи, не подвергаясь ломкѣ.

Снаряжающимъ отряды перевозочныхъ поѣздовъ слѣдуетъ также позаботиться заготовленіемъ теплой одежды для раненыхъ, которые часто выходятъ изъ боя безъ шинелей и въ изорванныхъ мундирахъ. Шерстяныя фуфайки, нижнее бѣлье и носки, въ особенности одѣяла шерстяныя или войлочныя, вотъ предметы первой необходимости при наступающихъ холодахъ которые уже теперь и здоровымъ даютъ себя чувствовать ранѣе обыкновеннаго.

Не мѣшало бы также снабдить каждый отрядъ въ нѣсколько десятковъ повозокъ чаемъ и походнымъ самоваромъ или мѣднымъ чайникомъ для кипяченія воды. Это также далеко не роскошь для страждущихъ отъ физической боли, а медицинское средство укрѣпляющее и возбуждающее силы.

Будемъ надѣяться что главнѣйшія потребности правильнаго ухода за ранеными въ Дѣйствующей Арміи будутъ удовлетворены въ наискорѣйшемъ времени сердечнымъ участіемъ русскаго общества. Какъ бы отлично ни были организованы лазареты, какъ бы обильно ни были они снабжены средствами изъ складовъ, сколько бы самоотверженныхъ усилій ни было расточаемо врачами и сестрами милосердія,—пока весь народъ не придетъ на помощь дѣлу перевозки раненыхъ, ему придется отмѣчать въ своемъ сердцѣ убыль столькихъ дорогихъ, свѣжихъ и молодыхъ силъ, между тѣмъ какъ многихъ возможно сохранить, оберегая отъ напрасныхъ и разрывающихъ душу мученій при перевозкѣ. Время не терпитъ, и каждый часъ на который, благодаря пособію общества, будетъ ускорено улучшеніе перевозки раненыхъ, будетъ часомъ вырваннымъ у смерти и страданій.

Б.

Усердіе туркофильскихъ корреспондентовъ часто оказываетъ Портѣ медвѣжьи услуги. Такъ, въ самый день сраженія при Церковнѣ, изъ Вѣны телеграфировали въ *Кельнскую Газету:* „Всѣ полученныя здѣшнимъ военнымъ министерствомъ депеши въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ что Русскіе *разбиты на голову* при Бѣлѣ; *сами Русскіе опредѣляютъ свою потерю въ 4.000 человѣкъ.* Другія телеграммы въ здѣшнихъ офиціальныхъ газетахъ утверждаютъ что потеря Русскихъ *доходитъ до 12.000 человѣкъ.* Наслѣдникъ Цесаревичъ перенесъ свою главную квартиру въ Систово, вся армія Его отступила за Янтру, но 20 (8) сентября Бѣла *пока* была *еще* во власти Русскихъ!..“ Та же телеграмма была немедленно передана и въ Константинополь. Но тамъ, конечно, уже было получено отъ самого Мегмедъ-Али противоположнаго свойства извѣстіе, изъ котораго явствовало что послѣдствія его неудачи такъ серіозны что ему придется начать попятное движеніе. Само собою разумѣется, надо было спѣшить приготовить туркофильскую публику къ этому разочарованію, и вотъ офиціальный телеграфъ въ Константинополѣ сообщилъ на другой же день, 22 (10) сентября, что тамъ „до сихъ поръ *еще* не получено никакого офиціальнаго извѣстія о возвѣщенной иностранными газетами побѣдѣ Мегмедъ-Али. Битва, вѣроятно, еще продолжается...“ Между тѣмъ битва давно уже была окончена, и окончена дурно для турецкой арміи. Вопреки своему численному превосходству, она была отбита на всѣхъ пунктахъ отрядомъ генерала Татищева. Послѣдующія турецкія и туркофильскія телеграммы мало-по-малу сообщили что „ночь прекратила битву,“ которая осталась де „не рѣшенною,“ что „дурныя дороги“ (!) препятствовали наступленію, но что бой „возобновится;“ самъ Мегмедъ-Али счелъ нужнымъ утѣшить свое правительство извѣстіемъ что хотя его потеря и значительна, но потеря Русскихъ „вдвое“ де больше. Благодаря этой осторожной постепенности, черезчуръ чувствительная туркофильская публика оказалась достаточно подготовленною къ переходу отъ извѣстія о пораженіи на голову русской арміи къ извѣстію о рѣшительномъ отбитіи всѣхъ турецкихъ атакъ. Сообщеніе этого непріятнаго факта выпало на долю корреспондента лондонской газеты *Daily Telegraph* въ лагерѣ Мегмедъ-Али. „Повтореннымъ атакамъ Турокъ не посчастливилось,“ возвѣстилъ этотъ ревностный газетный башибузукъ, „вслѣдствіе недостаточности подкрѣпленій (двумъ дивизіямъ, — Измаила и Салихъ - пашей, — противъ двѣнадцати-баталіоннаго отряда Татищева). Русскіе удержали свои позиціи. *Потеря Турокъ чрезвычайно велика...*“ Чтобъ утѣшить своихъ кліентовъ, туркофильскій корреспондентъ не ссылается уже на „дурныя дороги.“ Онъ придумалъ другое извиненіе: численное превосходство Русскихъ.

Мы привели эти обращики систематической турецкой и туркофильской лжи чтобъ еще разъ предостеречь нашихъ читателей противъ свѣдѣній этого же свойства, столь щедро распускаемыхъ въ нашей публикѣ телеграфными агентствами.

Но, благодаря депешамъ Главнокомандующаго, хоть въ этомъ случаѣ истина предупредила у насъ иностранную ложь. Въ настоящее время ложь вполнѣ изобличена и доказана самими фактами. Мегмедъ-Али отступаетъ. „Дурное состояніе дорогъ,“ будто бы помѣшавшее его наступленію, нисколько не препнуло его отступленія. По свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, армія его понесла огромныя потери. Пройденныя ею въ *три недѣли* отъ *20 до 35 верстъ*, даже въ мѣстности самой неблагопріятной для обороны, обошлись ей слишкомъ дорого. Битва при Церковнѣ окончательно убѣдила Мегмедъ-Али что при всемъ его численномъ превосходствѣ, ему не сломить арміи Наслѣдника Цесаревича. Вынужденный прекратить наступленіе, онъ увидѣлъ опасность оставаться на значительномъ разстояніи отъ своей базы, занимая позицію годную для наступленія, но слабую для обороны. Таковы причины отступленія Мегмедъ-Али. Сраженіе при Церковнѣ было такимъ образомъ не простымъ отпоромъ, а блистательною побѣдой. Помѣщенная ниже офиціальная телеграмма изъ Горнаго Студня бросаетъ новый свѣтъ на значеніе этой побѣды. Турки отступили такъ спѣшно что бросили походный телеграфъ и нѣсколько патронныхъ ящиковъ. Такое отступленіе называется бѣгствомъ. Побѣдой при Церковнѣ обозначается моментъ рѣшительнаго поворота на этой части театра войны. Операціи арміи Наслѣдника

Цесаревича, въ продолженіе слишкомъ мѣсяца, займутъ блистательное мѣсто въ военной исторіи. Такое же мѣсто принадлежитъ обходу и атакѣ турецкой позиціи на Шипкѣ. О защитѣ нашими войсками Шипкинскаго перевала и говорить нечего. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ одинаково оказались выше всякой похвалы и наши генералы, и наши солдаты...

№ 233.

Москва, 19-го сентября.

А.

Ужасныя вѣсти изъ-за Балканъ о кровавой расправѣ Турокъ съ несчастнымъ болгарскимъ населеніемъ! Вотъ что читаемъ въ письмѣ изъ Филиппополя въ *Политическую Корреспонденцію*: „Чтобъ избѣжать ужасныхъ сценъ представляемыхъ казнями массы людей, чѣмъ въ Адріанополѣ приходится наслаждаться почти каждый день за исключеніемъ пятницъ и воскресеній, я поѣхалъ въ Филиппополь. Я ошибся и вынужденъ былъ горько сожалѣть о своей ошибкѣ. Всюду, гдѣ я проѣзжалъ на короткомъ пути, мнѣ представлялось то же мрачное зрѣлище. Часть осужденныхъ Адріанопольскимъ военнымъ судомъ (и эти палачи называютъ себя судьями!) вѣшается въ окрестныхъ деревняхъ; также поступаетъ и судъ Филиппопольскій. Куда ни пріѣдешь, только и видишь что повѣшенныхъ Болгаръ. Самая пересылка этихъ несчастныхъ представляетъ страшное зрѣлище. Вокругъ шеи у каждаго осужденнаго желѣзное кольцо; сквозь кольцо продѣта цѣпь опоясывающая тѣло, а руки связаны назади веревками; четверо или пятеро осужденныхъ соединяются такъ чтобъ идти гуськомъ.“ Корреспондентъ прибавляетъ здѣсь описаніе особаго рода висѣлицы поднимающей заразъ нѣсколько Болгаръ и тѣмъ облегчающей работу палача, но его описаніе уже устарѣло. Англійскій иллюстрированный журналъ *Graphic* даетъ фотографическое изображеніе турецкой гильйотины, и теперь господа Англичане вдоволь могутъ любоваться дѣлами своихъ друзей. „Большая часть осужденныхъ“, продолжаетъ далѣе письмо, „принадлежитъ къ сельскому люду, но и другія сословія подвергаются той же участи. Третьяго дня повѣшенъ въ Адріанополѣ докторъ изъ Эни-Загры, окончившій курсъ въ Пражскомъ университетѣ. Здѣсь, въ Филиппополѣ, дѣйствуютъ проще съ казнями. Осужденный вѣшается на первомъ попавшемся домѣ, и къ этому такъ привыкли что купцы въ сосѣднихъ лавкахъ даже не прерываютъ своей торговли. Идешь ни о чемъ не думая по оживленнымъ обыкновенно улицамъ, и вдругъ предъ тобой предстаетъ повѣшенный: впечатлѣніе ужасное. Изъ девятнадцати несчастныхъ жертвъ казненныхъ третьяго дня, двое были священники и одинъ учитель; сегодня изъ восьми страдальцевъ двое священники, повѣшенные лицомъ къ лицу другъ противъ друга.“ Приведенное письмо было писано 8 сентября (27 августа). Сколько же новыхъ мучениковъ лишено жизни въ три недѣли истекшія съ той поры! Сколько послѣдуетъ ихъ впредь!

Но мы еще не исчерпали всего. Въ вопіющей своимъ цинизмомъ корреспонденціи изъ Перы въ туркофильскую *Кельнскую Газету*, мы находимъ полную картину террора господствующаго нынѣ въ Болгаріи и закулисную его сторону. Суды турецкіе устроены чуть не во всѣхъ городахъ за Балканами, въ Филиппополѣ, Карловѣ, Чирегане, Хаскіойѣ, Адріанополѣ и т. д. Они состоятъ исключительно изъ мусульманъ и имѣютъ единственною цѣлью внести возможную быстроту въ дѣло смертныхъ приговоровъ. Сосѣдніе съ Адріанопольскою тюрьмой жители всю ночь должны слушать стоны мучимыхъ Болгаръ. „Пытка въ измѣненной формѣ еще въ модѣ здѣсь, въ особенности для Болгаръ“, остритъ туркофильскій корреспондентъ. Кромѣ казней, гонители прибѣгаютъ и къ такимъ мѣрамъ: Болгары сгоняются толпами къ югу въ окрестности Дедеагача и Эноса, къ истокамъ болотистой Марицы, и тамъ предаютъ ихъ гибели. „Мѣсто благопріятное“, прибавляетъ корреспондентъ, „тамъ нѣтъ главной докуки офиціальной Турціи, консуловъ и драгомановъ, и стоны погибающихъ поглащаются воздухомъ полнымъ лихорадки и забвенія.“

Всѣ эти свѣдѣнія о новыхъ злодѣйствахъ въ Болгаріи нашли, какъ сообщаетъ корреспондентъ, официальный путь въ Константинополь чрезъ австрійскихъ консуловъ въ Филиппополѣ и Адріанополѣ, а также чрезъ французскаго консула; но донесенія англійскаго консула Блёнта (Blunt)

были діаметрально противоположны. Въ кругу пословъ въ Константинополѣ возникло де сомнѣніе „не подлили ли первые господа слишкомъ много сожалѣнія къ Болгарамъ въ свои чернила“, и въ Адріанополь былъ посланъ англійскій генеральный консулъ Фосетъ,—что же открывшій? Слѣды заговора противъ Болгаръ, главные члены котораго Ахмедъ-Вефикъ (адріанопольскій губернаторъ), тотъ же англійскій консулъ Блёнтъ, Али-Суави-эфенди, бывшій директоръ галатскаго сераля, и его другъ „эксцентрическій англійскій депутатъ“ Ботлеръ Джонстонъ. „Блёнтъ — туркоманъ до мозга костей и достаточно извѣстенъ (мы цитуемъ того же корреспондента). Я самъ имѣлъ случай изъ личнаго съ нимъ разговора во время Константинопольскихъ конференцій убѣдиться насколько онъ безъ разсужденій и безъ зазрѣнія совѣсти готовъ согласиться со всѣмъ что выгодно для Турокъ. Ахмедъ-Вефикъ-паша его закадычный другъ. Энергическій и несовѣстливый при настоящихъ обстоятельствахъ, онъ какъ разъ годился для роли минотавра въ болгарской глуши. Онъ былъ посланъ съ полномочіями и денежными средствами чтобы замѣстить прежняго губернатора, добродушнаго Ибрагимъ-пашу. Перемѣна произошла вовремя. При Ибрагимѣ Русскіе были недалеко отъ Адріанополя, теперь они опять въ Балканахъ... Ахмедъ-Вефикъ продолжаетъ казнить. Блёнтъ не перестаетъ оправдывать его дѣйствія и говоритъ, какъ недавно за обѣдомъ, что разбойничья шайка Черкесовъ лучше Болгаръ. Али-Суави-эфенди и его другъ „эксцентрическій“ Англичанинъ Ботлеръ-Джонстонъ впали было въ немилость Порты оттого что не сумѣли произвести возстанія на Кавказѣ, и теперь злодѣйствами въ Болгаріи поправляютъ свою репутацію.“

Итакъ, представитель Великобританіи и ея эксцентрическій законодатель въ сговорѣ съ турецкими палачами и купаются въ болгарской крови... За вѣрность факта ручается свидѣтельство англійскаго же генеральнаго консула.

Б.

Двадцать два года назадъ, 17 сентября 1855 года, ровно въ 5 часовъ утра, былъ предпринятъ главнокомандующимъ генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ достославный, но неудачный штурмъ Карса. Это отважное предпріятіе, прервавшее уже давно весьма успѣшно продолжавшуюся блокаду, коей предшествовали совершенное истребленіе непріятельскихъ запасовъ во всѣхъ окрестностяхъ Карса, удивило тогда не только всю Россію, но и оба враждующіе въ Малой Азіи лагеря. Но нельзя сказать чтобъ оно не было зрѣло обдумано. Положеніе нашей Анатолійской арміи было одно изъ тѣхъ, въ которыхъ, если только представляется какая-нибудь серіозная вѣроятность успѣха, необходимо испытать счастіе въ той страшной азартной игрѣ которая называется штурмомъ. Всѣ имѣвшіяся у главнокомандующаго свѣдѣнія указывали на вѣроятность успѣха. Многочисленные перебѣжчики каждую ночь свидѣтельствовали объ упадкѣ духа гарнизона. Уже въ ночи 24 и 25 августа бѣжало изъ Карса по 25 человѣкъ вдругъ. Дабы остановить побѣги, по требованію англійскаго генерала Уильямса, Васифъ-паша приказомъ по войскамъ объявилъ что пойманныхъ дезертировъ будутъ разстрѣливать, а поимщикамъ обѣщалъ 500 піастровъ награды; происходили ежедневныя казни; изъ уличеннаго въ укрывательствѣ дезертировъ семейства было повѣшено два человѣка. Вопреки этимъ суровымъ мѣрамъ, побѣги продолжались; „однажды бѣжалъ къ намъ унтеръ-офицеръ, только наканунѣ участвовавшій въ исполненіи приговора суда надъ товарищемъ,“ сказано въ *Исторіи войны за Кавказомъ въ 1855 году* самого генерала Муравьева...

Но если была вѣроятность успѣха, то съ другой стороны была и настоятельная необходимость штурма. У насъ, за Кавказомъ, кромѣ нѣсколькихъ слабыхъ отрядовъ, не было другой арміи кромѣ осаждавшей Карсъ. Между тѣмъ, въ Батумѣ и Сухумъ-Калѣ высадился Омеръ-паша съ отборными войсками въ числѣ 40.000. По взятіи Карса имѣлось въ виду обратить противъ него главныя силы овладѣвшей имъ арміи. Не будь этого столь важнаго соображенія, нѣтъ сомнѣнія что главнокомандующій нашею арміей не рѣшился бы прервать столь успѣшно начатую имъ блокаду.

Штурмъ былъ отбитъ несмотря на чудеса храбрости нашихъ колоннъ. Выбыло у насъ изъ строя 4 генерала, 248 штабъ и оберъ-офицеровъ и около 6.250 нижнихъ чиновъ: это много; но увы! это не много

въ сравненіи съ громадными потерями подъ этою ничтожною Плевной... Недаромъ въ простонородьи, покачивая головой, говорятъ что подъ Плевной насъ „лукавый обошелъ“...

„Штурмъ неудался оттого,“ пишетъ генералъ Муравьевъ, „что всѣ начальники колоннъ и большая часть полковниковъ, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, падшихъ во главѣ своихъ частей, были убиты или ранены при самомъ началѣ дѣла.“

По другимъ свѣдѣніямъ, не мало способствовало этой неудачѣ отсутствіе лѣстницъ и фашинъ, а также осадныхъ орудій, остававшихся большею частію въ Александрополѣ. „Успѣхъ Турокъ,“ сказано въ другомъ мѣстѣ цитуемой книги, „должно отнести къ довѣрію которое генералъ Уильямсъ и соотечественники пріобрѣли между Турками, къ извѣстной стойкости турецкихъ войскъ за валами, а всего болѣе къ бдительности и дѣятельности Кмети (Мадьяръ)...“

Несмотря на большія потери, духъ арміи остался на своей высотѣ. При посѣщеніи госпиталей, генерала Муравьева „поразилъ тотъ необыкновенный духъ который оказывался между ранеными. Ни стона, ни вопля не было ни откуда слышно; на привѣствія же главнокомандующаго, страдальцы отзывались бодро и съ жаромъ выражали надежду на скорое выздоровленіе, дабы отомстить Туркамъ за падшихъ товарищей и случившуюся неудачу... *Турку*, говорили солдаты, *нельзя сразу добить*...“ Въ лагерѣ тоже люди не унывали, „по вечерамъ прослышивались пѣсенки ...“

И дѣйствительно, хотя неудача штурма чрезвычайно ободрила Турокъ, но какъ разъ черезъ два мѣсяца безъ одного дня, 16 ноября, Уильямсъ, съ его штабомъ изъ англійскихъ офицеровъ, Васифъ-паша и вся турецкая армія положили оружіе. Въ числѣ десяти мадьярскихъ и польскихъ выходцевъ сдавшихся съ турецкою арміей и выпущенныхъ на свободу, оказался и Мадьяръ Кмети, главный виновникъ неудачи нашего штурма...

В.

Въ № 228 нашей газеты нами было сказано что „если вѣрить слухамъ, то въ штабѣ нашей арміи, до перехода черезъ Дунай, господствовало такое отвращеніе къ инженерному искусству что еще въ Букурештѣ шли по этому поводу горячіе споры,“ и что въ штабѣ утверждали что такъ какъ для солдата шанцевый инструментъ только излишняя тягость, то лучше де оставить его въ Букурештѣ. На наше замѣчаніе послѣдовало возраженіе со стороны лицъ свѣдущихъ которыя полагали что тутъ ошибка, къ которой подало поводъ состоявшееся еще въ 1862 году распоряженіе чтобы солдаты несли только тогда на себѣ шанцевый инструментъ коимъ „снабжаются полевыя войска“ когда въ немъ представляется необходимость; но что въ походѣ инструментъ этотъ возится на патронныхъ ящикахъ. Намъ указывали притомъ что и перевозка шанцеваго инструмента не представляетъ никакой трудности. Но вотъ сегодня можемъ привести сообщеніе весьма свѣдущаго корреспондента *Daily News* изъ-подъ Плевны, который телеграфируетъ что 11 сентября нашего стиля шанцевый инструментъ былъ *только* у Румынъ, а наши войска еще *ожидаютъ* его черезъ мѣсяцъ или недѣль шесть. Стало-быть оказывается что наши первыя свѣдѣнія были болѣе вѣрны чѣмъ послѣ доставленная намъ поправка, и что неимѣніе шанцеваго инструмента дѣйствительно есть одна изъ тѣхъ злополучныхъ случайностей которыя преслѣдуютъ насъ подъ Плевной.

Вотъ что телеграфируетъ корреспондентъ *Daily News* изъ Сталинца, подъ Плевной, отъ 11 (23) сентября:

„Положеніе дѣлъ здѣсь мало измѣнилось. Атака Плевны перешла въ осаду. Съ того дня какъ Скобелевъ былъ отброшенъ со взятыхъ имъ редутовъ, не происходило никакого серіознаго дѣла. Впрочемъ, Румыны упорствовали въ безполезныхъ попыткахъ овладѣть вторымъ Гривицкимъ редутомъ. Теперь они постепенно подвигаются къ нему летучею сапой и вѣроятно возьмутъ его черезъ нѣсколько дней.

„Русскіе, съ своей стороны, думаютъ прибѣгнуть къ той же тактикѣ *какъ только будетъ доставленъ имъ шанцевый инструментъ*. Главному штабу, наконецъ, посчастливилось уразумѣть что этотъ инструментъ бываетъ иногда очень полезенъ въ войнѣ, и потому онъ распорядился о доставленіи его. Если не помѣшаютъ какія-нибудь особыя препятствія, черезъ мѣсяцъ или недѣль шесть шанцевый инструментъ будетъ доставленъ, и тогда можно будетъ приступить къ серіозной осадѣ, но все это,

конечно, въ томъ случаѣ если Румынамъ, имѣющимъ шанцевый инструментъ, не удастся еще до того времени овладѣть Плевной.

„Правильныя аппроши и тѣсное обложеніе, вотъ средства принятыя теперь для покоренія Плевны. Но вѣдь этотъ образъ дѣйствій былъ столько же возможенъ 1 августа какъ и 1 октября.“

№ 234.

Москва, 20-го сентября.

А.

Вотъ уже дня три какъ вѣнскія телеграммы все говорили о какомъ-то *мадьярскомъ* вооруженномъ движеніи въ *румынской* Трансильваніи съ цѣлью нападенія на Румынію. Какъ ни нелѣпы казались первыя извѣстія объ этомъ предпріятіи, но вчера телеграмма изъ Вѣны не только подтвердила ихъ, но и сообщила интересныя подробности. Видно „очень приличная награда“ данная султаномъ старому мадьярскому бунтовщику Клапкѣ одушевила его новымъ рвеніемъ. Онъ отпирается, но на слово этому рыцарю нельзя повѣрить. На него указываютъ какъ на вожака Трансильванской затѣи. Какъ въ 1859 году образовалъ онъ „легіонъ“. Мадьяръ чтобы помогать Италіи въ войнѣ съ Австріей, какъ въ 1866 году возобновилъ онъ свою доблестную дѣятельность чтобы помогать Пруссіи въ войнѣ съ Австріей, такъ и нынѣ собралъ онъ Мадьяръ, вѣрныхъ служенію не своему государю, а турецкому султану, чтобы *разграбить австрійскіе арсеналы* въ Трансильваніи и вмѣстѣ съ *баши-бузуками* разорять Румынію.

Итакъ, Мадьяры не только братаются съ баши-бузуками, но и собирались вмѣстѣ съ ними на дѣла которымъ соотвѣтствуетъ висѣлица у всѣхъ народовъ. „Большинство вѣнскихъ и пештскихъ газетъ,“ присовокупляетъ телеграмма *Международнаго агентства*, „называютъ эту затѣю непростительнымъ *легкомысліемъ*.“ Хорошо „легкомысліе“!

Но вотъ и другія, не менѣе характеристичныя подробности этого легкомыслія: „начало исполненія задуманнаго Мадьярами плана совпадаетъ съ пребываніемъ Мидхатъ-паши въ Вѣнѣ.“ Какъ разъ въ то время когда Мидхатъ-паша былъ въ Вѣнѣ, во всѣхъ вѣнскихъ газетахъ, но особенно въ *Tagblatt*, печатались сенсаціонныя телеграммы извѣщавшія объ открытіи въ Трансильваніи то заговора тамошнихъ Румынъ въ видахъ присоединенія Трансильваніи къ Румыніи, то тайныхъ комитетовъ для вербованія трансильванскихъ Румынъ въ армію князя Карла, то тайныхъ складовъ оружія и образованія шаекъ румынскихъ добровольцевъ, и разныя другія того же свойства извѣстія о „крамольныхъ“ приготовленіяхъ и „государственной измѣнѣ“ Трансильванскихъ Румынъ... Толки эти надѣлали такъ много шума что ими встревожились даже мѣстныя власти, и первымъ распоряженіемъ мадьярскихъ агентовъ среди румынскихъ населеній Трансильваніи было закрыть всѣ образовавшіяся въ Румыніи *дамскія* общества для вспоможенія раненымъ Румынамъ и Русскимъ. А между тѣмъ, подъ шумокъ этой мистификаціи, господа Мадьяры устраивали свою „легкомысленную“ затѣю...

Венгерское правительство предало суду по обвиненію въ *государственной измѣнѣ* сербскаго депутата Венгерскаго сейма, Милетича, и на время слѣдствія засадило его въ тюрьму главнымъ образомъ за то что Милетичъ задумалъ въ прошломъ году организовать вооруженную помощь Сербамъ на Венгерской территоріи. Интересно будетъ знать, такъ ли поступитъ г. Тиса со своими соплеменниками которые замышляли организовать вооруженное пособіе баши-бузукамъ.

Полное разслѣдованіе дѣла важно и для раскрытія того участія какое принимаетъ Англія въ возбужденіи революціонныхъ элементовъ противъ Россіи. Еще недавно изъ Берлина весьма обстоятельно указывалось на англійскія деньги пущенныя въ ходъ для устройства возмущенія въ нашихъ польскихъ провинціяхъ. Теперь англійскія деньги употреблены на изготовленіе мадьярскаго набѣга въ Румынію. Въ самомъ дѣлѣ, не въ войнѣ ли мы съ Англіей?

Б.

До какихъ нечестныхъ проявленій разгараются въ Англіи страсти во всемъ что̀ касается Восточнаго вопроса, любопытнымъ обращикомъ является недавняя исторія случившаяся съ г. Гладстономъ. Около

мѣсяца тому назадъ, въ *Daily Telegraph* появилась корреспонденція изъ Константинополя, въ которой разказывалось что за два мѣсяца предъ тѣмъ, то-есть приблизительно въ іюнѣ, г. Гладстонъ писалъ письмо къ одному греческому купцу въ турецкой столицѣ и совѣтовалъ Грекамъ „соединиться со Славянами для нападенія на Турцію“ Корреспондентъ присовокупляетъ что это письмо было „показано всему дипломатическому корпусу, который строго осудилъ непрошеное вмѣшательство г. Гладстона,“ какъ несогласное съ нейтралитетомъ соблюдаемымъ Англіей. Для завзятой туркофильской торійской печати такое извѣстіе было настоящій кладъ, тѣмъ болѣе что самъ г. Гладстонъ, узнавъ о возведенномъ на него нареканіи, не счелъ нужнымъ пускаться въ оправданія, а ограничился тѣмъ что указалъ на свои печатныя статьи касательно Греціи въ *Contemporary Review*, утверждая что онъ не помнитъ чтобъ онъ писалъ что-либо идущее далѣе того что̀ извѣстно всей публикѣ. При всякомъ другомъ случаѣ подобное заявленіе лица стоящаго такъ высоко какъ г. Гладстонъ было бы найдено вполнѣ достаточнымъ, и *onus probandi* палъ бы на его анонимныхъ обвинителей. Но торійскіе журналы, на основаніи анонимной клеветы, цѣлый мѣсяцъ ежедневно возобновляли самыя непристойныя выходки противъ бывшаго премьера, выставляли его „безчестность,“ и тѣмъ болѣе глумились надъ нимъ что, по свѣдѣніямъ того же корреспондента, совѣты г. Гладстона были весьма холодно отклонены лицомъ къ кому онъ писалъ.

И вотъ оказывается что во всемъ этомъ не было и тѣни правды. Греческій негоціантъ съ которымъ переписывался г. Гладстонъ оказался г. Негропонтисъ, и на дняхъ онъ напечаталъ въ англійскихъ газетахъ письмо въ которомъ говоритъ что онъ самъ первый обратился къ г. Гладстону съ вопросами, на которые тотъ весьма любезно отвѣчалъ, но при этомъ не писалъ ничего подобнаго тому что̀ утверждалось въ *Daily Telegraph*. Г. Негропонтисъ присовокупляетъ что фактъ переписки сталъ извѣстенъ благодаря нескромности одного лица къ которому онъ, плохо зная языкъ, обратился для разъясненія одного мѣста въ письмѣ г. Гладстона. Однако, и заявленіе г. Негропонтиса все еще казалось не довольно убѣдительнымъ, такъ какъ текстъ самаго письма г. Гладстона оставался неизвѣстенъ публикѣ.

Но вотъ, наконецъ, наступило полное разъясненіе. Въ послѣднихъ нумерахъ англійскихъ газетъ напечатано письмо г. Гладстона, изъ коего узнаемъ и всю правду, и причину его долгаго молчанія. Вопервыхъ, оказывается что г. Гладстонъ потребовалъ отъ *Daily Telegraph* чтобъ его корреспондентъ воспроизвелъ документъ который въ Константинополѣ „сталъ всѣмъ извѣстенъ,“ прибавляя что дѣлаетъ это изъ вниманія къ самому корреспонденту, такъ какъ онъ могъ быть введенъ въ заблужденіе „поддѣльными письмами“ которыя въ послѣднее время „фабриковались отъ его имени самымъ безсовѣстнымъ образомъ.“ Приглашеніе г. Гладстона оставалось напраснымъ, и онъ не получалъ отвѣта. Но по счастію, конечно не для его репутаціи которая не нуждалась въ этомъ, а для массы обманываемой публики, ему удалось найти черновую спорнаго письма. Что̀ же оказалось? Вопервыхъ, что оно было писано не за два мѣсяца и не во время войны, а болѣе полугода тому назадъ, когда засѣдала Константинопольская конференція, слѣдовательно когда всѣ надѣялись на мирный исходъ затрудненій и когда совѣтовать Греціи начинать войну было нелѣпо; а во вторыхъ, что въ немъ не было ни одного слова которое могло бы быть истолковано какъ такой совѣтъ. Г. Гладстонъ обнародовалъ и текстъ найденнаго имъ письма. Вотъ существенная часть его:

„Восточный вопросъ занимаетъ меня непрестанно, и въ настоящее время я ни въ чемъ не отказываюсь отъ того что̀ я писалъ въ пользу Эллиновъ и Эллинскихъ провинцій въ *Contemporary Review* за прошедшій мѣсяцъ. Но я не болѣе какъ частный человѣкъ, не имѣющій средствъ привести въ дѣйствіе мою мысль; къ тому же я имѣю лишь весьма неполныя и довольно неопредѣленныя свѣдѣнія о множествѣ фактовъ касающихся Славянскаго вопроса, который сталъ предметомъ обсужденій Константинопольской конференціи.

„Поэтому я могу говорить только вообще (*en termes généraux*) и съ подобающею сдержанностью.

„По моему, Восточный вопросъ еще не есть вопросъ христіанства противъ ислама; однако, это вопросъ христіанъ противъ Порты и правящихъ Оттомановъ; потому

что всѣ жалобы мусульманскихъ подданныхъ и Іудеевъ, и безъ сомнѣнія таковыя есть, должны исчезнуть когда будетъ дано дѣйствительное удовлетвореніе жалобамъ христіанъ которые составляютъ массу угнетенныхъ.

„Я не понимаю разногласій въ этомъ дѣлѣ; для меня дѣло одно, и я не могу похвалить ни Грековъ отказывающихъ въ нравственномъ содѣйствіи Славянамъ, ни Славянъ отказывающихъ въ немъ Грекамъ.

„Это дѣйствительное удовлетвореніе я нахожу въ развитіи мѣстныхъ льготъ всякой провинціи страданія коей доказаны, для того чтобы положить конецъ бѣдствіямъ отъ коихъ содрогнулся весь міръ, чтобы положить конецъ эгоистическимъ проискамъ, буде таковые есть, какой бы то ни было державы, и чтобы дать Турціи способность, или по крайней мѣрѣ возможность успокоенія котораго она никогда не получитъ при настоящихъ условіяхъ, ни при томъ, что̀ называютъ ея конституціей.

„Справедливое разграниченіе провинцій Эллинскихъ и провинцій Славянскихъ, вопросъ довольно трудный и важный, есть также вопросъ позднѣйшій, который, по моему, можетъ уладиться удовлетворительнымъ образомъ только когда Греки и Славяне безразлично, на основаніи проекта мѣстныхъ льготъ, будутъ относиться другъ къ другу со взаимнымъ сочувствіемъ, одинаково великодушнымъ и мудрымъ.“

Итакъ г. Гладстонъ говорилъ единственно о нравственномъ взаимномъ содѣйствіи Грековъ и Славянъ, и если припомнить что письмо было писано во время конференціи, то смыслъ его для всякаго ясенъ. Но за то *не ясно* какъ можно было воспользоваться имъ для клеветы. Г. Гладстонъ снисходительно полагаетъ что корреспондентъ *Daily Telegraph* былъ обманутъ, и замѣчаетъ: „какой-то Полоній скрывается за занавѣсомъ, и я приглашаю его выйти наружу.“ Изъ прежде обнародованнаго письма г. Негропонтиса можно думать что онъ показывалъ письмо г. Гладстона кому-то изъ дипломатовъ, и газета *Times* замѣчаетъ что любопытно бы знать кому именно, высказывая почему-то полную увѣренность что виновнымъ въ разглашеніи несправедливаго нареканія на г. Гладстона не могъ быть Англичанинъ: „наши офиціальные соотечественники,“ сказано въ этой газетѣ, „слишкомъ точны въ своихъ „идеяхъ чести и въ своемъ пониманіи грамматической тонкости чтобы найти въ письмѣ г. Гладстона подстрекательство къ войнѣ.“ Но мы знаемъ что весьма недавно британскій посолъ въ Константинополѣ, г. Леярдъ, на основаніи сообщеній которыя онъ не потрудился даже провѣрить, взвелъ *совершенно ложное* обвиненіе на греческаго консула въ Константинополѣ, и что это было поводомъ къ дипломатическимъ объясненіямъ которыя Англійское правительство не постыдилось обнародовать въ *Синей Книгѣ*, а между тѣмъ вскорѣ потомъ г. Леярдъ принужденъ былъ *отказаться* отъ своего обвиненія которое ничѣмъ не могъ подтвердить... Вотъ какъ точны идеи чести у офиціальныхъ соотечественниковъ газеты *Times*!

№ 235.

Москва, 21-го сентября.

А.

Сейчасъ, одну за другою, получили мы двѣ телеграммы отъ нашего корреспондента изъ-подъ Карса. Начался бой, быть-можетъ рѣшительный. Вчера, съ ранняго утра, наши войска, получивъ подкрѣпленія, атаковали армію Мухтаръ-паши по всей линіи ея диспозиціи. Первая побѣда послѣдовала быстро за нападеніемъ. Часа черезъ два, черезъ три, взята была приступомъ важная и сильная турецкая позиція на горѣ Большая Ягны. Къ ночи бой было прекратился, но обманчиво... Въ десять часовъ, среди темноты, раздалось грозное *ура* на Аладжа-Дагѣ у форта Авліяра. Это наши брали приступомъ турецкую позицію. Ружейный огонь, которымъ Турки встрѣтили штурмовавшую колонну, разомъ смолкъ: это значитъ что наши ударили въ штыки. Спустя нѣкоторое время, въ той же сторонѣ, еще громче раздалось *ура*, далеко огласившее окрестность: другая турецкая позиція пала. Съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ будемъ мы всѣ ждать завтра извѣстія о концѣ боя, который возобновился утромъ. Послѣдняя депеша отправлена была къ намъ съ Караяла въ десять часовъ утра. Быть-можетъ завтра утромъ получимъ мы вѣсть о дальнѣйшемъ.

Армія Мухтаръ-паши занимаетъ длинную линію, не менѣе 25 верстъ, начиная около Ани, близь границы, и идетъ налѣво по Аладжѣ до Визинкева, а отсюда съ юга на сѣверъ гдѣ, укрѣпившись на горѣ Большой Ягны, прикрываетъ Карсъ. Нападеніе нашей арміи направлено на лѣвый флангъ турецкой позиціи, Авліяръ — отдѣльная круглая гора составляющая оконечность Аладжадага на лѣвомъ флангѣ турецкаго расположенія; на ней находится укрѣпленный непріятельскій лагерь. Между Большою Ягны и Авліяромъ—широкій проходъ къ Визинкеву. Намѣреніе нашей арміи, очевидно, отрѣзать армію Мухтара отъ Карса и притиснуть его къ границѣ. Если это удастся, то это будетъ великій успѣхъ.

Въ свою очередь и Турки вѣроятно направятъ усилія на нашъ лѣвый флангъ съ цѣлью отбросить его отъ границы, и поставить наши войска между Карсомъ и своею арміей. Отсюда видно до какой степени важенъ завязавшійся бой. Успѣхъ на одномъ флангѣ еще не рѣшаетъ дѣла; только побѣда по всей линіи измѣнитъ ходъ кампаніи въ Малой Азіи...

Б.

Въ теченіе долгой дипломатической кампаніи которая предшествовала войнѣ, насъ все пугали европейскою коалиціей. Война началась, — гдѣ жъ коалиція? Россія остается наединѣ съ Турціей.

Естественно что наши неудачи, которыми мы обязаны единственно самимъ себѣ, а никакъ не Туркамъ, возбудили злорадство всей туркофильской печати въ Европѣ. Турцію поздравляли что она разрушила иллюзію военнаго могущества Россіи. Намъ предсказывали скорое отраженіе нашихъ армій за Дунай, даже за Прутъ, а если де Россія рѣшится на вторую кампанію, то и того хуже, ибо тогда ее постигнетъ полное банкротство. Вотъ какъ потѣшались надъ нами за недѣлю съ небольшимъ тому назадъ. Въ эту недѣлю на театрѣ войны не произошло ничего особеннаго. Толки о нашей будто бы слабости, правда, продолжаются и понынѣ; но въ нихъ явственно слышится тонъ уныніе, потому что надежда на *посредничество* для прекращенія войны противъ Турціи исчезла окончательно. А только что предъ тѣмъ на успѣхъ его возлагались большія надежды и, странное дѣло, всего болѣе въ сферахъ намъ враждебныхъ. Англія готова была принять на себя иниціативу предложенія, лишь бы найти поддержку въ другихъ. Строили планы на томъ что германскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Мюнстеръ, повидавшись съ лордомъ Дарби, ѣхалъ въ Зальцбургъ съ какими-то проектами. А изъ Вѣны шли слухи будто и Австрія не прочь предложить свои добрыя услуги если Турція обратится къ ней съ такою просьбой, конечно изъ жалости къ Россіи. Но графъ Мюнстеръ не доѣхалъ до Зальцбурга, а графъ Андраши, вернувшись оттуда, спохватился тушить „безумныя“ затѣи своихъ задорныхъ соплеменниковъ въ Трансильваніи. И вотъ быстро исчезла затѣя составить нѣчто въ родѣ европейскаго ареопага чтобъ охранить Турцію отъ дальнѣйшихъ случайностей войны...

Еслибы продолженіе войны грозило, напротивъ, Россіи крушеніемъ и бѣдствіями какія ей предсказывали, то зачѣмъ бы ея недругамъ отказываться отъ исполненія дешевымъ способомъ завѣтныхъ своихъ желаній и останавливать Россію на пути погибели, особенно когда Турція обнаружила жизненность преисполнившую радостью христіанскія сердца Англичанъ и Мадьяръ? Но нѣтъ; наши недруги лучше насъ знаютъ что Порта напрягла послѣднія силы, что обнаруженная ею жизненность есть только вспышка агоніи, бѣшенство отчаянія, и что нашими неудачами, повторимъ, мы обязаны только самимъ себѣ, а никакъ не Туркамъ, при всемъ содѣйствіи ея англійскихъ и мадьярскихъ друзей; они сами не вѣрятъ въ турецкіе успѣхи, и понимаютъ что мы не все же будемъ оставаться подъ обаяніемъ морока. *Inde anxietas* и торопливость поставить между воюющими европейское посредничество. Легко усмотрѣть это, напримѣръ, въ жалобномъ стонѣ *Standard*, который и теперь еще не рѣшается отказаться отъ надежды что „до наступленія зимы Россія можетъ согласиться на компромиссъ.“ А почему это нужно такъ спѣшно?—потому что, какъ читаемъ далѣе въ газетѣ, „невѣроятно чтобы другой подобный шансъ представился весной.“

Корреспонденты англійскихъ газетъ пускаются въ весьма откровенныя объясненія. Ключъ европейской политики, по ихъ толкованію, въ рукахъ Германіи, а Германія именно расположена еще тверже дер-

жаться Россіи чѣмъ прежде, по разчетамъ весьма понятнымъ. Вопервыхъ, въ Берлинѣ увидѣли что неудачи русской стратегіи оживили и ободрили Австрію, которая, какъ полагаютъ, все еще питаетъ нѣкоторую досаду противъ Пруссіи. Затѣмъ, главные враги Германіи—Франція и католицизмъ, и обѣ эти силы все свое сочувствіе отдаютъ на сторону Турціи. Въ началѣ восточныхъ замѣшательствъ Франція, правда, нѣсколько кокетничала съ Россіей, но если тогда и было въ странѣ нѣкоторое сочувствіе къ намъ, то оно теперь не только охладѣло, но совершенно повернулось на сторону Турокъ. Что касается воинствующаго католицизма, то онъ не только теперь, но и съ самаго начала рѣшительно и со страстью, какъ всѣмъ извѣстно, взялъ подъ свою защиту правовѣрную Турцію противъ схизматической Россіи. Неприличіе рьяныхъ клерикаловъ дошло до того что одинъ изъ нихъ отзывался съ нѣкоторою нѣжностью о Коранѣ, такъ что даже ультрамонтанская *Germania* нашла нужнымъ умѣрить подобныя выходки замѣчаніемъ что хотя и должно радоваться побѣдамъ Турокъ надъ ненавистными Русскими, но не ловко выражать прямо сочувствіе исламу. Такъ какъ *mot d'ordre* католицизма замѣчательно совпадаетъ съ перемѣной общественнаго мнѣнія Франціи въ пользу Турокъ, и такъ какъ Австрія, тоже католическая, имѣетъ интересы противные Россіи, то въ Берлинѣ естественно опасаются возможности такой католической и анти-прусской лиги, въ которую могли бы потомъ быть привлечены ультрамонтанскіе и сепаратистскіе интересы южной Германіи, и „даже Англія.“ Такъ толкуютъ англійскіе корреспонденты, но несомнѣнно что Англіи принадлежитъ главная роль въ интригахъ.

Итакъ, мы попрежнему остаемся наединѣ съ Турціей. Положеніе наше не стало хуже отъ испытанныхъ неудачъ, и намъ нечего опасаться помѣхъ если только мы сами не захотимъ вредить себѣ. Мы пошли на войну какъ на игрище, и вотъ намъ только напомнили что война съ какимъ бы то ни было противникомъ есть дѣло серіозное...

№ 236.

Москва, 22-го сентября.

Не только вѣнскія, но и берлинскія газеты вчера и сегодня нами полученныя переполнены сужденіями по поводу разъясненій данныхъ 27 сентября въ обоихъ парламентахъ австровенгерской монархіи обоими министрами-президентами относительно политики Австріи по Восточнымъ дѣламъ. Сущность этихъ разъясненій довольно подробно передана намъ по телеграфу; но въ виду важнаго значенія которое придается имъ нелишнимъ будетъ повторить ихъ содержаніе.

Министръ-президентъ Цислейтаніи князь Ауэрспергъ на запросъ внесенный лѣвою стороною палаты отвѣтилъ слѣдующее: правительство не намѣревалось слѣдовать и не слѣдуетъ перемѣнчивой политикѣ сообразующейся съ обстоятельствами (Politik von Fall zu Fall); оно, напротивъ, съ самаго начала ясно сознавало предлежащую ему цѣль и слѣдовало оной съ твердостью. Задачей его съ начала войны было соблюденіе нейтралитета монархіи и настойчивое охраненіе въ каждомъ данномъ случаѣ интересовъ Австро-Венгріи, не принимая сторону ни той, ни другой изъ воюющихъ державъ. Что касается вопроса о Сербіи, то, указавъ на противорѣчіе заключающееся въ запросѣ,—такъ какъ въ ономъ, съ одной стороны, рекомендуется полный нейтралитетъ, а съ другой, предлагается употребить всю силу политическаго вліянія Австріи чтобъ удержать Сербію отъ участія въ войнѣ,—министръ-президентъ заявляетъ „что правительство не считаетъ сообразнымъ съ интересами монархіи напередъ высказаться о томъ какъ оно отнесется къ возможному вступленію Сербіи въ дѣйствіе,“ и проситъ палату, имѣя въ виду отвѣтственность правительства, избавить оное отъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Венгерскій министръ-президентъ г. Тиса былъ гораздо словоохотливѣе своего цислейтанскаго товарища. Давая въ тотъ же день объясненія въ Венгерской палатѣ, онъ сказалъ въ сущности слѣдующее: Внѣшняя политика которой до сихъ поръ слѣдовало правительство имѣла тотъ важный результатъ что интересамъ монархіи, и въ особенности Венгріи, не угрожаетъ никакая опасность, между тѣмъ какъ для охра-

ненія этихъ интересовъ не потребовалось никакихъ чрезвычайныхъ жертвъ. Опровергнувъ упрекъ въ томъ будто бы нейтралитетъ соблюдается въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для Россіи нежели для Турціи, г. Тиса отрицаетъ также и то будто бы между правительствомъ и общественнымъ настроеніемъ страны существуетъ разладъ, „такъ какъ все дѣло лишь въ томъ чтобы предотвратить такія событія которыя могли бы нынѣ или въ будущемъ угрожать преуспѣванію Австрійской монархіи.“ Политика правительства заключается де прежде всего въ томъ чтобъ охранить интересы страны по возможности не вступая въ войну, но во всякомъ случаѣ такъ чтобы на Востокѣ ничто не совершилось безъ согласія Австро-Венгріи. Вслѣдствіе требованія министерства иностранныхъ дѣлъ, заявленнаго въ самомъ началѣ войны, Русскій кабинетъ далъ обѣщаніе что *русскія войска не перенесутъ своихъ военныхъ операцій на сербскую территорію*. На это обѣщаніе Россіи было де обращено вниманіе Турціи, съ приглашеніемъ ее послѣдовать этому примѣру, на что Турція охотно согласилась. Но Австрія не дала де Турціи никакихъ указаній, ни предостереженій на тотъ случай еслибы сама Сербія нарушила миръ, и Австрія въ этомъ отношеніи и не намѣрена стѣснять свободу дѣйствій Турціи; сама же она поступитъ въ этомъ случаѣ какъ окажется нужнымъ въ виду указанной выше цѣли и соотвѣтственно съ событіями. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ что слѣдуетъ разумѣть подъ такъ-называемымъ Союзомъ Трехъ Императоровъ, г. Тиса заявилъ что союза въ смыслѣ взаимныхъ обязательствъ по отношенію къ опредѣленнымъ вопросамъ, и въ особенности по восточнымъ дѣламъ, не было и нѣтъ. Три Императора согласились де лишь между собою въ интересахъ европейскаго мира дѣйствовать по возникающимъ вопросамъ въ *соглашеніи*, но не сообща, и этотъ способъ дѣйствій удавался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. И въ настоящее время, если не возгорѣлась общеевропейская война, то въ этомъ *отчасти* заслуга дружественныхъ отношеній между тремя правительствами. По возстановленіи мира, союзъ этотъ *можетъ снова пригодиться* какъ средство охраненія мира. То обстоятельство что одно изъ союзныхъ правительствъ, вопреки воззрѣніямъ двухъ прочихъ, начало войну, не породило ни для одного изъ остальныхъ, и всего менѣе для Австро-Венгріи, какихъ-либо обязательствъ въ отношеніи къ Восточному вопросу. Въ заключеніе венгерскій министръ-президентъ ставитъ вопросъ: есть ли поводъ къ тому явленію которое обнаружилось нынѣ въ Венгріи, а именно что Мадьяры оказываются болѣе горячими турецкими патріотами нежели сами Турки? Само по себѣ это настроеніе Мадьяръ, такъ мѣтко имъ самимъ характеризованное, повидимому не поражаетъ мадьярскаго министра; онъ только находитъ что эта фанатическая экзальтація за Турокъ ничѣмъ не мотивирована. Австро-Венгерское правительство далеко де отъ мысли участвовать въ раздробленіи Турціи. Еслибъ оно этого хотѣло, оно могло бы этого достигнуть съ небольшими силами въ самомъ началѣ войны, тогда какъ теперь дѣло это гораздо де труднѣе. Наконецъ, на вопросъ о Зальцбургскомъ свиданіи министръ-президентъ сказалъ что отношенія между Австріей и Германіей уже очень давно хороши и таковыми остаются и нынѣ.

Приведенныя разъясненія съ особенною горячностью привѣтствовала *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*. Она видитъ въ нихъ не только правдивое и согласное съ прошедшими событіями изложеніе образа дѣйствій коему слѣдовало Австрія до сихъ поръ, но усматриваетъ тутъ и нѣчто большее. „Для внимательнаго читателя,“ такъ разсуждаетъ берлинскій официозный органъ, „заявленія гг. Ауэрсперга и Тисы „суть не только случайные отвѣты на слу„чайные вопросы, но они заключаютъ въ „себѣ цѣлую программу, въ которой со„держатся основныя черты будущихъ ново„образованій. Разъясненія данныя предъ „парламентами Вѣны и Пешта сводятся „главнымъ образомъ къ тремъ пунктамъ: „вопервыхъ, что Австро-Венгрія приготов„влена ко всякимъ оборотамъ которые мо„гутъ еще выступить на свѣтъ въ восточ„ной проблемѣ; далѣе что никакой изъ „этихъ оборотовъ не будетъ въ против„ности съ интересами Габсбургской монар„хіи, и наконецъ что охраненіе интересовъ „Австро-Венгріи совершится на почвѣ со„глашенія и солидарности съ прочими дер„жавами Европы.“ На этомъ основаніи берлинская официозная газета воздаетъ хвалу австрійскимъ министрамъ-президентамъ находя что они „вновь укрѣпили общеевро„пейскую увѣренность въ томъ что важ-

„ное вліяніе коимъ располагаетъ Австро-„Венгрія руководимо высокими воззрѣніями „и направляется къ высокимъ цѣлямъ со-„отвѣтственно программѣ установленной „тройственнымъ союзомъ.“ Съ своей стороны, и мы не можемъ не констатировать утѣшительнаго факта въ этихъ официальныхъ заявленіяхъ. Утѣшительно то что существованіе тройственнаго союза подтверждено предъ Венгерскою палатой въ такую минуту когда туркофильскія страсти разыгрались у Мадьяръ до бѣшенства. Сверхъ того, нельзя не обратить вниманія что одновременно съ этимъ заявленіемъ на словахъ Венгерское правительство принялось энергически за раскрытіе и подавленіе таившейся въ нѣдрахъ страны туркофильской крамолы, которая уже готова была выступить съ оружіемъ. Все это убѣждаетъ что Зальцбургское свиданіе не осталось безъ вліянія на политику Австріи.

№ 237.

Москва, 23-го сентября.

А.

Надо отдать справедливость Туркамъ. Они во всѣхъ отношеніяхъ скромнѣе, даже честнѣе, но особенно благоразумнѣе своихъ завзятыхъ защитниковъ въ христіанской Европѣ... Какъ ни лживы турецкія телеграммы, но онѣ никогда не сравняются съ наглою изобрѣтательностью вѣнскихъ газетныхъ баши-бузуковъ. Одна изъ германскихъ газетъ, берлинская *Börsen-Zeitung*, занялась на дняхъ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ бѣдствій которыя потерпѣла Русская армія отъ вѣнскихъ туркофиловъ. По этому исчисленію, генеральныхъ сраженій гдѣ Русскіе были разбиты на голову, но которыя до сихъ поръ существуютъ *только въ воображеніи туркофильскихъ публицистовъ*, — вѣнская *Deutsche-Zeitung* выиграла семь, *Tagblatt* девятнадцать, *Extra-Blatt* семнадцать, *Vorstadt-Zeitung* девять, *Neue Freie Presse* три, *Tages-Presse* два, даже *Fremdenblatt* и правительственная *Wiener-Abendpost* по одному. Для начала это не дурно. Но еще куріознѣе потери приписываемыя туркофильскими газетами въ этихъ *небывалыхъ* сраженіяхъ злополучной русской арміи. Ужь лгать такъ лгать. Вѣнскіе публицисты, въ этихъ небывалыхъ сраженіяхъ, убили Русскихъ чуть ли не вдвое болѣе чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности во всѣхъ нашихъ арміяхъ. Самою кровожадною газетой оказывается органъ вѣнскаго турецкаго посольства *Neue Freie Presse*. Бойкимъ перомъ своихъ борзописцевъ она убила 390.000 Русскихъ. За нею пальма принадлежитъ любимой газетѣ вѣнскихъ извощиковъ *Extra-Blatt*: она убила 380.000 Русскихъ. *Neues Wiener-Tagblatt* убилъ 210.000 Русскихъ, чтобы доказать несправедливость посыпавшихся на эту газету обвиненій за пристрастіе къ Славянамъ. Затѣмъ отличились: *Deutsche-Zeitung*, убившая 176.000 Русскихъ и 5.000 Румынъ, предварительно потопивъ въ Дунаѣ цѣлый русскій полкъ; *Morgen-Post* — 140.000, и пр.

Понятно что читая всѣ эти ужасы, благодушные вѣнскіе *бюргеры* уже давно порѣшили съ Россіей. Дѣйствительно, любимыя ихъ газеты, перебивъ вдвое болѣе Русскихъ чѣмъ ихъ было съ самаго начала похода на Турецкой землѣ, въ согласіи съ сочиненными ими событіями, пришли къ заключенію что Россія, упавъ духомъ и истощившись людьми, только и думаетъ что о ходатайствѣ за нее какой-либо европейской державы, именно Германіи, чтобъ испросить у Турціи милостивый миръ. Но и въ этомъ отношеніи надо отдать Туркамъ справедливость: они гораздо благоразумнѣе своихъ вѣнскихъ поклонниковъ. Если турецкіе правительственные органы ихъ, какъ напримѣръ *Бассиретъ*, вторя пущеннымъ по этому предмету изъ Вѣны „уткамъ,“ и поговариваютъ уже объ уступкѣ Крыма какъ объ одномъ изъ условій, подъ коими „Высокая“ Порта согласилась бы внять моленіямъ о мирѣ. Если по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи* изъ Константинополя, отъ 21 сентября, этимъ толкамъ придали вѣру европейскіе банкиры и вообще всѣ проживающіе въ столицѣ Османовъ иностранные подданные, и легковѣріе ихъ уже отозвалось на спекуляціяхъ тамошней биржи, то на нихъ „рѣшительно не обратило никакого вниманія собственно турецкое, магометанское населеніе Константинополя,“ такъ какъ оно убѣждено что „Россія ни о какомъ „примирительномъ посредничествѣ и слы-„шать не захочетъ, пока не истощитъ „всѣхъ средствъ чтобы вызвать на театрѣ „войны рѣшительный поворотъ.“ Естествен-

но что при этомъ убѣжденіи побѣдныя телеграммы Турокъ не возбуждаютъ восторга въ турецкомъ населеніи Константинополя.

Турки знаютъ своего противника, а потому имъ и нельзя не предвидѣть что въ концѣ концовъ они все-таки будутъ побиты и что имъ очень тяжело отзовутся ихъ эфемерные успѣхи.

Но по свѣдѣніямъ того же вѣнскаго корреспондента изъ турецкаго лагеря предъ Шипкой, Турки отличаются отъ своихъ вѣнскихъ защитниковъ еще и добродѣтельною откровенностію. Пока Турецкое правительство, въ отвѣтъ на представленія державъ, можетъ-быть въ десятый разъ повторяетъ въ циркулярной нотѣ *обѣщаніе* что впредь турецкія арміи будутъ въ точности соображаться съ правилами Женевской конвенціи, Сулейманъ-паша, ожидавшій со дня на день что непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ онъ ослабитъ защитниковъ Шипки и обезпечитъ успѣхъ новаго штурма, безъ церемоніи объявилъ что если ему удастся завладѣть Шипкинскими укрѣпленіями, то онъ до послѣдняго человѣка *перерѣжетъ* всѣхъ Русскихъ кои попадутся въ плѣнъ. Иного, впрочемъ, никто не ожидаетъ ни онъ него, ни отъ его товарищей. Вопреки нескончаемымъ *обѣщаніямъ* Порты, участь румынскихъ раненыхъ, санитаровъ и парламентеровъ послѣ послѣдняго штурма Плевны говоритъ громче заявленій турецкой дипломатіи, и подтверждаетъ приписываемыя Сулейману слова...

Но турецкій полководецъ ошибся въ разчетѣ: огонь его артиллеріи не имѣлъ ожиданныхъ имъ послѣдствій; онъ не помѣшаетъ защитникамъ Шипки отбить и всѣ послѣдующіе штурмы.

Полученныя чрезъ Вѣну извѣстія изъ Константинополя вполнѣ подтверждаютъ то значеніе какое мы придавали увѣнчавшемуся побѣдой при Церковнѣ блистательному отступленію арміи Наслѣдника Цесаревича перешедшей нынѣ въ наступленіе. Еще на дняхъ офиціальная константинопольская телеграмма отрицала это значеніе. Но вотъ Мегмедъ-Али смѣненъ. Признаться, мы и не ожидали чтобы Порта такъ скоро подтвердила наши заключенія о дѣйствіяхъ ея Дунайской арміи. Какой сюрпризъ для Константинопольскаго населенія послѣ цѣлаго ряда побѣдныхъ телеграммъ Мегмедъ-Али! Понятнымъ становится то недовѣріе Турокъ къ кичливымъ завѣреніямъ своего правительства, о которомъ мы говорили выше.

Б.

Сегодняшняя депеша Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміей извѣщаетъ что въ прошлый понедѣльникъ, 19 сентября, изъ Плевны вышелъ на рѣку Видъ для фуражировки турецкій отрядъ всѣхъ родовъ оружія и проникъ до деревни Митрополье. Турки были встрѣчены нашею артиллеріей, спѣшенными драгунами и кавалеріей состоявшею изъ драгунъ, Кубанскихъ казаковъ и Румынъ. Непріятель долженъ былъ вернуться въ Плевну. Итакъ, кольцо вокругъ Плевны стягивается: Митрополье находится почти прямо на западѣ отъ Плевны, на лѣвомъ берегу рѣки Видъ, верстахъ въ шести отъ рѣки, верстахъ въ двѣнадцати отъ Плевны. Значитъ, Плевна обложена теперь даже съ самой западной стороны, въ промежуткѣ расположенія румынскихъ и русскихъ войскъ. Недѣли двѣ тому назадъ русская кавалерія пропустившая въ Плевну 10.000 Турокъ съ артиллеріей (подробности еще неизвѣстны) дѣйствовала у Телиша и Раказы, затѣмъ у Дубника, то-есть въ 30—25 верстахъ отъ Плевны. Но отряды облегающіе Плевну съ запада еще не подкрѣплены пѣхотой: вылазка на Митрополье была отражена спѣшенными драгунами.

Бой между главными силами Кавказскаго дѣйствующаго корпуса и арміей Мухтаръ-паши, начавшійся еще во вторникъ, и вчера не былъ конченъ. Съ замираніемъ сердца слѣдимъ мы всѣ за ходомъ этого боя, который можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Въ первый день мы заняли позиціи у Суботана и гору Большая Ягны, которая составляетъ вторую линію турецкихъ укрѣпленій. Между нашими войсками и Большою Ягны находится гора Малая Ягны укрѣпленная столь сильно что штурмъ ея признанъ преждевременнымъ. Какъ сильны эти укрѣпленія видно изъ того что даже занятіе нами въ тылу ихъ Большой Ягны не принудило Турокъ къ отступленію. Но если Малая Ягны устояла, то наши войска на лежащей за нею Большой Ягны могли подвергнуться огню и нападенію чуть не съ четырехъ сторонъ. Мы оставили эту гору, сохранивъ за собою занятыя нами позиціи у Суботана и противъ Малой Ягны.

№ 238.

Москва, 24-го сентября.

А.

Страшныя вѣсти приходятъ изъ-за Балканъ и къ намъ, и въ заграничныя газеты. Мы сообщали нашимъ читателямъ письма полученныя нами изъ Филиппополя; мы приводили изъ писемъ иностранныхъ корреспондентовъ разказы о невообразимомъ террорѣ господствующемъ повсюду въ Болгаріи, превосходящемъ, по словамъ очевидцевъ, даже всѣ прошлогодніе ужасы. Турки совершенно обезумѣли отъ фанатизма который разожгли ихъ безсовѣстные подстрекатели. Казни совершаются надъ массами лицъ заразъ, а сопровождающія ихъ неописанныя насилія и мерзости стали дѣломъ обычнымъ въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ гдѣ только есть Болгары. Всего болѣе пострадали Казанлыкскій округъ и вся долина Тунджи,—именно мѣстности которыя кратковременно были заняты нашими войсками. Когда наши слишкомъ рано выдвинувшіеся отряды принуждены были оставить эту мѣстность, то, въ отмщеніе за то что жители ея радостно встрѣтили Русскихъ, вся она обращена въ пустыню, зараженную, по разказамъ англійскихъ корреспондентовъ, міазмами отъ массы разбросанныхъ труповъ. А въ Филиппополѣ и Адріанополѣ Турки свирѣпствуютъ уже безъ всякаго предлога. Тамъ не было ни русскихъ войскъ, ни волненій между жителями, а казни все умножаются, и разсвирѣпѣлый мусульманскій фанатизмъ не знаетъ удержу. Рука убійцъ расходилась и бьетъ по адской прихоти. Если можно подмѣтить какую-нибудь систему въ избіеніяхъ, то развѣ въ томъ что нещадно подвергаются имъ люди болѣе зажиточные ради добычи. Арестъ купцовъ Гешовыхъ въ Филиппополѣ показываетъ что отъ преслѣдованія не спасаетъ даже номинальное англійское подданство; даже предписанія изъ Константинополя не исполняются.

Этихъ несчастныхъ населеній, которыя едва осмѣливаются показываться изъ своихъ жилищъ и подвергаются ужаснымъ мученіямъ голода, пока еще не въ силахъ достигнуть наша помощь. Но многія семейства, при отступленіи нашихъ войскъ къ Шипкинскому перевалу, не рѣшились дожидаться возвращенія Турокъ и бѣжали вслѣдъ за нашими солдатами, конечно лишившись почти всего что имѣли. Еще большее число такихъ бѣглецовъ столпилось теперь въ долинѣ Янтры со всего пространства между этою рѣкой и Кара-Ломомъ, когда стоявшій прежде на этой рѣчкѣ Рущукскій отрядъ, въ стратегическихъ видахъ, оставилъ свое прежнее расположеніе чтобы занять другія, болѣе сосредоточенныя позиціи. Отрядъ отошелъ назадъ не болѣе какъ на сорокъ верстъ, но на всей этой полосѣ между обѣими рѣками бѣжало поголовно все болгарское населеніе. При спѣшномъ отступленіи и сосредоточеніи нашей арміи, жители бѣжавшіе вслѣдъ за нею почти ничего не успѣвали захватить съ собой. И вотъ, тамъ и тутъ, набралось уже далеко не малое, увы! число безпріютныхъ, въ крайней нищетѣ, угрожаемыхъ голодною смертью... Мы должны поспѣшить съ посильною имъ помощью.

Вспомнимъ еще что этимъ дѣломъ христіанскаго милосердія мы только уравновѣсимъ для страдальцевъ помощь которая открыто шлется изъ другой христіанской страны ихъ гонителямъ. Здѣсь говоримъ мы не о скрытой помощи деньгами или военными средствами правительству Порты, а объ открытыхъ благотвореніяхъ щедро посылаемыхъ изъ Англіи и раздаваемыхъ англійскими агентами мусульманскому населенію. Въ Англіи составился особый „сострадательный фондъ“ *(The Compassionate Fund)*, назначенный для раздачи мусульманскимъ семействамъ якобы пострадавшимъ отъ русскаго нашествія. Съ этою цѣлію посланъ въ Румелію англійскій генеральный консулъ г. Фосетъ, консулъ г. Блонтъ и другія лица, которые ревностно исполняютъ возложенное на нихъ порученіе. Но вотъ что случилось даже съ этими людьми. Прибывъ на мѣсто, они встрѣтили такую массу болгарской нужды что какъ ни крѣпились они, какъ ни закаляли свои сердца, какъ ни отворачивались отъ страшныхъ картинъ, но наконецъ, не выдержали и, на свой страхъ, изъ данныхъ имъ средствъ, оказали помощь въ Карловѣ и Сопотѣ, рисомъ, мукой и пр., четыремъ тысячамъ женщинъ и дѣтей, изъ коихъ только 37 были изъ турецкихъ семействъ, остальныя же болгарскія. Спеціальный корреспондентъ газеты *Times*, который самъ, какъ видно, въ числѣ агентовъ означеннаго фонда, разказывая объ этомъ, пишетъ въ

свое оправданіе предъ англійскою публикой: „Такъ какъ сострадательный фондъ „собранъ только для мусульманскаго на„селенія, то г. Фосетъ превысилъ свои ин„струкціи оказавъ пособіе болгарскимъ „женщинамъ въ Сопотѣ и Карловѣ. Мы „всѣ однако такъ были убѣждены что под„писчики на этотъ фондъ не возразятъ „противъ оказаннаго пособія что полков„никъ Блонтъ, г. Мастеръ и я не думали „что подвергаемся серіозному риску по„ручившись совокупно генеральному кон„сулу въ обезпеченіе его отъ денежной „потери, при едва вѣроятной возможности „что комитетъ не признаетъ этого расхо„да.“ Что можетъ краснорѣчивѣе этого случая свидѣтельствовать о бѣдствіяхъ Болгаръ и о ихъ страшной нуждѣ.

Да будетъ позволено намъ выразить желаніе чтобъ изъ обильной массы приношеній которыя собираются со всѣхъ сторонъ земли Русской, удѣлялась нѣкоторая доля для непосредственной помощи тѣмъ несчастнымъ жертвамъ звѣрства, за коихъ подняла свой мечъ Россія... Крайняя нужда ихъ вопіетъ не менѣе громко чѣмъ и другія вызванныя войной. Пока жребій войны дастъ имъ начало лучшаго будущаго, нельзя не призрѣть на ихъ ужасное настоящее...

Б.

По поводу послѣднихъ битвъ на Малоазіатскомъ театрѣ войны, не безынтересно вспомнить приведенное въ № 216 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 1-го сентября, со словъ тифлисскаго корреспондента *Политической Корреспонденціи*, описаніе позиціи арміи Мухтаръ-паши. Позиція эта опиралась лѣвымъ флангомъ на гору Ташъ-Тапа, обороняемую батареями съ 12-ю орудіями при двухъ баталіонахъ прикрытія, и Малую и Большую Ягны съ батареей о четырехъ орудіяхъ при трехъ баталіонахъ. Ташъ-Тапа и Малая Ягна лежатъ по обѣ стороны большой дороги изъ Александрополя въ Карсъ близь Мешко. Турецкая позиція простиралась къ югу отъ нея, дугой, съ выдающимися къ русскому лагерю флангами. Въ Хаджи-Вали, поперекъ дороги изъ Визинкева въ Суботанъ, были расположены за окопами 4 орудія; передовые посты лѣваго крыла доходили до Яйлы, на большой дорогѣ. Нѣсколько позади, въ видѣ второй линіи лѣваго крыла, поперекъ дороги изъ Визинкева на Колоникевъ, сооружались тогда (въ половинѣ августа) окопы, вооружавшіеся привозимою изъ Карса *осадною артиллеріей;* при дальности боя этихъ орудій, ими легко обстрѣливалось разстояніе между Большою и Малою Ягнами. Въ Визинкевѣ стояли 3 баталіона и 4 эскадрона.

Такимъ образомъ выходитъ что на лѣвомъ крылѣ непріятеля, между Малой и Большой Ягнами и Хаджи-Вали, Колоникевомъ и Визинкевомъ было сосредоточено, въ двухъ линіяхъ, за окопами, 13 баталіоновъ, при двадцати полевыхъ орудіяхъ, не считая подвезенныхъ изъ Карса дальнобойныхъ осадныхъ орудій.

Сверхъ того, на половинѣ разстоянія между оконечностью лѣваго фланга турецкой позиціи и ея центромъ, по скату горы Аладжи, верстахъ въ пяти отъ каждаго изъ этихъ пунктовъ, въ Буланахѣ и Суботанѣ, также за окопами, стояли еще 9 баталіоновъ. Все разстояніе между лѣвымъ флангомъ и центромъ было укрѣплено ровиками для стрѣлковъ.

Такимъ образомъ, въ случаѣ рѣшительнаго натиска Русскихъ на Большую или Малую Ягны, Турки имѣли возможность сосредоточить немедленно на угрожаемомъ пунктѣ до 21 баталіона.

Свѣдѣнія эти вполнѣ совпадаютъ съ извѣстіями телеграммы нашего корреспондента, опредѣляющаго въ 20 баталіоновъ численность Турокъ во время послѣдней отбитой атаки ихъ.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ вѣнскаго листка, центръ турецкой арміи былъ расположенъ по укрѣпленному скату горы Аладжи. Его занимали всего 5 баталіоновъ. Незначительность этой силы объясняется не только недоступностью самой позиціи, но и тѣмъ обстоятельствомъ что эта позиція оказывалась также во второй линіи, такъ какъ впереди ея, верстахъ въ шести, на получившей прискорбную извѣстность горѣ Кизилъ-Тапа,—нѣкогда занятой лишь однимъ русскимъ баталіономъ,—за сильными верками, стояли шесть баталіоновъ при двухъ эскадронахъ и 24 орудіяхъ. Правый флангъ непріятеля находился гораздо ближе къ центру чѣмъ его лѣвый флангъ, занимая разстояніе отъ Козлуджи, у подошвы Аладжи, до Инахъ-Тепеси. Аванпосты центра турецкой арміи, состоящей изъ Черкесовъ и баши-бузуковъ подъ начальствомъ Гази-Магомедъ-Шами-

ля, простирались до Куль-Верни; разъѣзды ихъ подходили къ славному въ нашей военной исторіи Башъ-Кадыкъ-Лару.

Съ первой половины минувшаго августа, вся эта позиція укрѣплялась сильными полевыми верками.

Одного этого, извлеченнаго изъ вѣнской газеты описанія достаточно чтобъ объяснить трудность фронтальной атаки противъ позиціи Мухтаръ-паши.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, нашъ дѣйствующій корпусъ располагаетъ одною драгунскою дивизіей и 12 казачьими и 6-ю мусульманскими полками. При этой грозной массѣ кавалеріи состоитъ достаточное число отличной конной артиллеріи, какъ Донскаго такъ и Кавказскаго казачьихъ войскъ. За казаками, впрочемъ, въ Малой Азіи у насъ не можетъ стать дѣло, имѣя въ резервѣ всегда вполнѣ готовое Кавказское линейное казачье войско, съ его конною артиллеріей.

Что̀ значитъ для кавалеріи поддержка конной артиллеріи, особенно такой удобоподвижной по всякимъ дорогамъ и даже безъ дорогъ какъ казачья, это доказала два раза, въ послѣднюю нашу турецкую войну, состоящая, кажется, и нынѣ въ составѣ Александропольскаго корпуса № 9 Донская конная батарея. При Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, 19 ноября 1853 года, 1-й дивизіонъ этой достославной батареи, подъ командой эсаула Кульгачева, подъ убійственнымъ огнемъ подскакавъ въ карріеръ на 100 саженъ къ непріятельскимъ баталіоннымъ каре стрѣлковъ, вооруженныхъ знаменитыми карабинами Минье, и поразивъ ихъ двумя картечными залпами, далъ возможность третьему дивизіону Нижегородскаго драгунскаго полка, съ командиромъ его майоромъ Петровымъ *) во главѣ, ворваться въ каре и изрубить непріятельскихъ стрѣлковъ. Тотъ же подвигъ былъ повторенъ Кульгачевымъ, хотя и съ огромною потерей, 25 іюля 1854 года, въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара На этотъ разъ, драгуны отплатили конной артиллеріи за оказанную ею при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ услугу.

Ни кавалерія безъ конной артиллеріи, ни конная артиллерія безъ кавалеріи не въ состояніи показать всю свою боевую силу. По слухамъ, за подлинность коихъ мы впрочемъ не ручаемся, у Турокъ нѣтъ конной артиллеріи. Въ послѣднюю нашу войну съ ними, у нихъ положительно не было ея. Но имѣютъ или не имѣютъ нынѣ Турки конную артиллерію, а боевое превосходство нашей конницы надъ турецкою, по свидѣтельству всѣхъ иностранныхъ газетъ, такъ велико что турецкая конница только тогда и рѣшается вступать съ нашими всадниками,—не только регулярными, но и казаками,—въ рукопашный бой когда на ея сторонѣ оказывается громадное численное превосходство. Блистательнымъ успѣхомъ блокады Карса Муравьевъ былъ въ значительной мѣрѣ обязанъ искусству, съ какимъ онъ умѣлъ пользоваться боевымъ превосходствомъ своей кавалеріи, неразлучной съ состоявшею при ней конною артиллеріей. Съ самаго начала армія его была слишкомъ малочисленна чтобы предпринять тѣсную блокаду Карса, на разстояніи отъ 45 до 55 верстъ. Чтобы лишить Карсъ всякихъ подвозовъ, генералъ Муравьевъ, занимая главными силами сообщенія Карса съ Эрзерумомъ, отправлялъ во всѣ стороны летучіе отряды изъ драгунъ и казаковъ, съ конною артиллеріей и казачьими конными ракетными командами. Эти отряды, при всей своей малочисленности, удалялись иногда слишкомъ на 100 верстъ отъ арміи, уничтожая повсюду запасы, перехватывая подвозы и курьеровъ и парализуя дѣйствіе расположенныхъ у Керпи-Кева и Пеняка довольно значительныхъ непріятельскихъ отрядовъ. Только по исполненіи этой задачи, коей успѣхъ обезпечивался *въ особенности* безспорнымъ боевымъ превосходствомъ нашей конницы надъ непріятельскою, а также если не вездѣ гористою, то *повсюду* сильно волнистою мѣстностью, генералъ Муравьевъ приступилъ къ тѣсной блокадѣ Карса, причемъ почти всѣ отряды по сѣверную, сѣверо-восточную и восточную стороны крѣпости состояли единственно изъ кавалеріи съ конной артиллеріей.

Только благодаря искусству, съ какимъ генералъ Муравьевъ умѣлъ пользоваться боевымъ превосходствомъ своей кавалеріи, оказалось что если и не удался *вынужденный* обстоятельствами штурмъ Карса, то все-таки, два мѣсяца спустя, въ незабвенный день 16 ноября 1855 года, Карскій гарнизонъ, съ его англійскими, мадьярскими и польскими инженерами, артилле-

*) Нынѣ начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи въ Дагестанѣ.

ристами и офицерами генеральнаго штаба, положилъ оружіе.

В.

Результатъ многодневной битвы нашихъ Кавказскихъ войскъ съ арміей Мухтаръ-паши до сихъ поръ еще не выяснился. Полученныя телеграммы не полны, не довольно ясны и во многомъ противорѣчивы. *Международное Телеграфное Агентство* чрезъ корреспондента своего съ Караяла сообщаетъ отъ четверга 22 сентября что битва уже кончена, что наши войска вернулись въ лагерь; напротивъ, Мухтаръ-паша телеграфируетъ отъ того же 22 сентября что бой продолжается. Самыя существенныя черты сраженія у Кизилъ-тапы и Суботана передаются изъ разныхъ источниковъ различно. Корреспондентъ *Daily News* разказываетъ согласно съ нашимъ корреспондентомъ, почерпающимъ свѣдѣнія изъ совершенно надежныхъ источниковъ. Что же касается телеграммы *Международнаго Агентства*, передавшей намъ довольно странно изложенную депешу газеты *Голосъ*, то мы принимаемъ ее лишь къ свѣдѣнію.

Изъ Дунайской Дѣйствующей Арміи получено извѣстіе что еще въ прошлый понедѣльникъ наша кавалерія разрушила мостъ на большой дорогѣ изъ Плевны въ Софію у деревни Радомирцы. Эта деревня находится почти на половинѣ пути между Плевной и Орханіе, далеко южнѣе Телиша и Ракиты, гдѣ первоначально наша кавалерія встрѣтила турецкія войска послѣ вошедшія въ Плевну. 20 сентября разрушенъ мостъ у Червенъ-брега: это деревня на Искерѣ, сѣвернѣе Радоницы.

№ 240.

Москва, 27-го сентября.

А.

Нельзя не подивиться скудости и отрывочности офиціальныхъ сообщеній съ театра войны въ Малой Азіи. О послѣднемъ столь кровопролитномъ и значительномъ боѣ была послана начальникомъ штаба Кавказскаго округа только одна депеша, отъ 22 сентября, когда бой еще не совсѣмъ окончился и результаты его еще не выяснились. Съ тѣхъ поръ получены нами и Мухтаровы депеши, и депеши корреспондента *Daily News*, а отъ штаба никакого сообщенія, кромѣ нынѣшняго отрывочнаго свѣдѣнія о большой потерѣ понесенной войсками Мухтаръ-паши...

За то мы имѣемъ совершенно вѣрныя и довольно обстоятельныя, хотя и краткія, сообщенія прямо съ поля битвы отъ нашего корреспондента изъ Караяла. Соединивъ ихъ, одно послѣ другаго, по порядку времени отъ 20 по 24 сентября, читатели будутъ имѣть полную картину боя въ его главныхъ моментахъ и съ его послѣдствіями.

Офиціальная депеша отъ 22 числа остановилась на томъ что наши войска, по недостатку воды, оставили занятыя ими позиціи; но въ этотъ же день, въ четвертомъ часу, возгорѣлся ожесточенный бой у Кизилъ-Тапы между нашими войсками и главными силами Мухтаръ-паши. О ходѣ и результатѣ этого боя согласно разказываютъ и нашъ корреспондентъ и корреспондентъ лондонской газеты *Daily News*. Мухтаръ-паша потерпѣлъ полное пораженіе, и войска его въ полномъ бѣгствѣ преслѣдовались до Суботана. Результатомъ боя, какъ узнали мы изъ послѣдней депеши нашего корреспондента отъ 24-го, было то что Мухтаръ-паша вынужденъ былъ снять часть своего лагеря и оставить свои Кюрюкъ-Даринскія позиціи. Это косвенно подтверждается полученнымъ нами сегодня черезъ Берлинъ сообщеніемъ Мухтаръ-паши отъ 22-го, которое носитъ на себѣ печать того разстройства которое потерпѣла его армія. Выходитъ, по его, что Русскіе оставили Кабахъ-Тапу и отошли къ подножію Караяла, а между тѣмъ будто бы не оказывается никакого слѣда Русскихъ позади Караяла! „Лагерь снятъ,“ отрывочно оканчиваетъ свое сообщеніе Мухтаръ-паша, а умалчиваетъ чей лагерь...

Мухтаръ-паша, разбитый у Суботана и обойденный съ сѣвера, не могъ долѣе оставаться на Кюрюкъ-Даринской равнинѣ и отступилъ на Аладжайское плоскогорье.

Б.

Сегодня телеграммы съ разныхъ сторонъ изобилуютъ свѣдѣніями о Сулеманъ-пашѣ. Къ нему прибыли подкрѣпленія и транспорты съ хлѣбомъ; онъ перенесъ главную квартиру свою изъ Кацелева въ Иванъ-Чифтликъ; онъ готовится къ новымъ атакамъ. Такова сущность этихъ свѣдѣній. Какое

можно вывести изъ нихъ заключеніе? Иванъ-Чифтликъ (хуторъ) находится на лѣвомъ берегу Кара-Лома, верстахъ въ пятнадцати отъ Рущука. Изъ этихъ топографическихъ данныхъ можно съ большою вѣроятностью заключать что Сулейманъ избралъ въ Иванъ-Чифтликѣ позицію не для обороны, а для наступленія, такъ какъ нельзя же предполагать что такой опытный полководецъ какъ Сулейманъ-паша изберетъ оборонительную позицію опираясь тыломъ на рѣчку, какова бы она ни была. Перенесеніе сюда главной квартиры, то-есть ближе къ Дунаю, какъ бы указываетъ на намѣреніе Сулеймана сосредоточить главныя силы своей будущей атаки противъ оконечности лѣваго фланга арміи Наслѣдника Цесаревича и угрожать нашимъ мостамъ у Систова. Предъ нимъ простирается мѣстность волнистая и перерѣзанная нѣсколькими рѣчками, впадающими въ Дунай; по всей вѣроятности эта мѣстность представляетъ болѣе удобствъ для обороны арміи опирающейся лѣвымъ флангомъ своимъ на Дунай, чѣмъ та по которой недавно тридцатитысячная армія Наслѣдника Цесаревича такъ блистательно отступала, шагъ за шагомъ, предъ стотысячною арміей Мегмедъ-Али, отъ Кацелева, Абланова и Габова къ долинѣ Янтры.

По послѣднимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ,—впрочемъ уже довольно старымъ,—оконечность лѣваго фланга арміи Наслѣдника Цесаревича стояла у Мечко, верстахъ въ двухъ отъ Дуная и въ семи отъ Иванъ-Чифтлика. Сегодняшняя телеграмма изъ Вѣны, со словъ *Политической Корреспонденціи*, опять косвенно подтверждаетъ извѣстіе объ отправленіи значительныхъ подкрѣпленій къ отряду Наслѣдника Цесаревича.

Что касается назначенія Сулейманъ-паши главнокомандующимъ Дунайскою арміей на мѣсто Мегмедъ-Али, то *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* приписываетъ эту вторую перемѣну сердарь-экрема интригамъ которыя уже давно ведетъ Сулейманъ-паша чтобы принудить своего начальника къ бездѣйствію неисполненіемъ подъ разными предлогами неоднократныхъ приказаній его переправиться чрезъ Балканы и со всею арміей своею стать подъ его начальство.

Если это извѣстіе вѣрно, то оно, конечно, не дѣлаетъ большей чести пресловутому Шипкинскому „герою,“ „съ желѣзною энергіей“ посылавшему на бойню свои войска единственно чтобы не стать въ подчиненное положеніе и чтобы сломить шею своему начальнику.

Но по мнѣнію названной берлинской газеты, не очень довѣряющей „геройству“ Сулеймана, хотя прибытіе его въ главную квартиру и предвѣщаетъ „Русской арміи „на Янтрѣ цѣлый рядъ кровопролитныхъ „битвъ, но если онъ и тутъ поведетъ войну такимъ же образомъ какъ велъ до „сихъ поръ, то Русскимъ придется только „порадоваться послѣдней перемѣнѣ турецкаго главнокомандующаго... Замѣчательно однако,“ присовокупляетъ въ заключеніе *Сѣверо-Германская Газета*, „какъ „скоро успѣлъ теперь Сулейманъ найти „путь въ Разградъ, отыскать который не „могли побудить его нѣсколько дюжинъ „предписаній Мегмедъ-Али.“

Не лишена также интереса доставленная въ вѣнскую *Deutsche Zeitung* телеграмма изъ Цетинья, отъ 3 октября, увѣдомляющая будто въ письмѣ на имя Государя Императора князь Черногорскій заявилъ что „такъ какъ верхняя Герцеговина совершенно очищена отъ турецкихъ войскъ, „то *онъ считаетъ оконченнымъ походъ „Черногорцевъ.*“

Особенное значеніе придаютъ этой телеграммѣ слѣдующія свѣдѣнія *Политической Корреспонденціи* изъ Сараева: „Здѣсь „далеко не столько безпокоятся босній„скимъ возстаніемъ сколько тревожными „извѣстіями идущими изъ Герцеговины. „Здѣсь извѣстно что Самихъ-паша, ко„мандующій нынѣ *боснійскими войсками „въ Герцеговинѣ*“ (видно, благодаря дипломатіи, въ Босніи нынѣ Турки уже не нуждаются въ войскахъ), „далеко не геній „и не герой, и вовсе не расположенъ при„нимать на себя роль какого-нибудь Су„лейманъ-паши. Если удастся Черногор„цамъ овладѣть Мостаромъ, гдѣ сосредо„точены нынѣ послѣднія войска, то предъ „ними совсѣмъ открытъ путь и на Са„раево, отдаленный отъ Мостара всего на „пять переходовъ, и изъ котораго высту„пили на дняхъ въ Мостаръ послѣдніе ба„ши-бузуки. Что касается регулярныхъ „войскъ, то *все что только можно было со„братъ ихъ изъдѣсь, и въ Травникѣ и въ Банялукѣ, уже выступило къ Сербской гра„ницѣ...*“ По мнѣнію цитуемаго корреспондента, Черногорцы могутъ занять Сараево „безъ боя...“

Съ другой стороны *Сѣверо-Германская Газета* извѣщаетъ что и Али-Саибъ-паша, въ Скутари, имѣя всего 3.000 регулярныхъ войскъ и опасаясь со дня на день появленія Черногорцевъ, въ ужасѣ обратился телеграммой въ Константинополь моля о немедленной помощи...

Итакъ, Черногорцевъ „съ ужасомъ“ ожидаютъ и въ Скутари, и въ Сараевѣ. Вездѣ имъ стоитъ показаться чтобы овладѣть почти безъ боя главнымъ городомъ обширной области со значительными запасами всякаго рода...

И вотъ именно въ этотъ моментъ князь Черногорскій извѣщаетъ что онъ считаетъ „походъ свой оконченнымъ!..“

Какъ объяснить эту несообразность? Очень просто. Уже въ прошломъ году, послѣ побѣды при Вучьемъ Долѣ, князь Черногорскій собирался идти на Мостаръ. Это движеніе было *запрещено* ему подполковникомъ Теммелемъ, австрійскимъ агентомъ, во имя интересовъ Габсбургской монархіи. Въ этомъ году телеграфъ не разъ сообщалъ намъ что Австрія провела въ Герцеговинѣ „демаркаціонную линію,“ за которую она Черногорцамъ не позволяетъ переступать. На югъ, къ Скутари, Черногорцамъ также идти нельзя. Да въ Скутари имъ невозможно было бы и держаться если они не завладѣютъ теченіемъ Бояны и небольшою частью Адріатическаго побережья съ городомъ Антивари. Но не о берегѣ Адріатики, ни объ Антивари имъ не позволяется и думать. Этотъ запретъ наложенъ на нихъ Константинопольскою конференціей въ которой участвовала и наша дипломатія...

Такимъ образомъ походъ Черногорцевъ можетъ дѣйствительно считаться „оконченнымъ.“ Но виноваты въ этомъ не Черногорцы... Сначала мы гарантировали Турціи нейтралитетъ Сербіи. За эту услугу Турція отплатила намъ посадивъ въ Плевнѣ Османъ-пашу. Мы взяли назадъ эту гарантію, а взамѣнъ ея гарантировали нейтралитетъ Босніи. За эту услугу Турція отплатила намъ сосредоточеніемъ всѣхъ своихъ войскъ изъ Босніи на границѣ Сербіи. Теперь остается гарантировать нейтралитетъ Черногоріи. Турція не останется и тутъ въ долгу: она передвинетъ изъ Герцеговины всѣ свои войска и баши-бузуковъ на границу Сербіи. Въ концѣ концовъ мы лишимся самаго доблестнаго изъ нашихъ естественныхъ союзниковъ. Этому радуются и въ Константинополѣ, и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ; но ни въ Бѣлградѣ, ни въ Цетиньѣ этому не радуются...

№ 241.

Москва, 28-го сентября.

А.

Не знаемъ вполнѣ ли достигнута предположенная цѣль при атакѣ турецкихъ позицій между Карсомъ и Александрополемъ 20, 21 и 22 сентября, но вѣрно то что эти бои кончились рѣшительнымъ пораженіемъ Мухтаръ-паши. 24-го числа онъ принужденъ былъ оставить Кюрюкдаринскую равнину, а вчера долженъ былъ бросить пресловутую гору Кизилъ-тапу и уйти далѣе на высоты Аладжадага. Наши войска преслѣдовали его и выбили Турокъ изо всѣхъ позицій до Ягны и Паргета. Еще одинъ сильный и хорошо разчитанный ударъ, и армія Мухтаръ-паши, разбитая и деморализованная, можетъ подвергнуться окончательному истребленію. Во всякомъ случаѣ мы можемъ порадоваться результату многодневнаго боя какъ весьма важной побѣдѣ. Она не могла обойтись безъ жертвъ, но жертвы пали не напрасно. Первые дни боя, 20 и 21 сентября, успѣхъ повидимому колебался. Мы заняли сильныя турецкія позиціи и отбили гору Большія Ягны; но въ ночь на 22-е оставили ее, также какъ и другія позиціи, и отошли, какъ сообщалъ начальникъ штаба Кавказскаго округа, на старыя мѣста. Но около трехъ часовъ, какъ мы знаемъ, закипѣлъ новый бой который, повидимому, не предусматривался въ первоначальной диспозиціи. Мухтаръ-паша сдѣлалъ нападеніе на нашъ центръ, и тутъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Вчерашній день довершилъ побѣду.

Позиція, сильная по условіямъ мѣстности, которая укрѣплялась *въ продолженіе полутора мѣсяца* и была вооружена привезенными изъ Карса *осадными орудіями*; позиція, сверхъ того, сильно угрожавшая нашимъ сообщеніямъ, стоившая такъ много крови, наконецъ собственная прямая линія сообщенія съ Карсомъ—все это оставлено Турками, и оставлено вслѣдствіе ожесточеннаго боя продолжавшагося нѣ-

сколько дней сряду и стоившаго непріятелю *слишкомъ 9.000 человѣкъ*.

Нынѣшняя телеграмма Великаго Князя Главнокомандующаго Дунайскою арміей сообщаетъ объ аванпостной стычкѣ у Кадыкіоя. Кадыкіой названіе безпрестанно встрѣчающееся на картѣ Болгаріи. Въ депешѣ сказано что это происходило „близъ Османъ-Базарской дороги.“ Надо полагать что тутъ рѣчь идетъ о дорогѣ изъ Тырнова къ Османъ-Базару. Здѣсь, на правомъ берегу рѣчки Яйлы-Дере, верстахъ въ пяти къ сѣверо-востоку отъ Кезрова, дѣйствительно есть деревня Кадыкіой. Другая аванпостная стычка произошла у Елены, по дорогѣ изъ Тырнова къ перевалу Темиръ-Капу, въ Балканахъ. Не предвѣщаютъ ли эти двѣ стычки наступленіе какого-нибудь сильнаго отряда изъ-за Балканъ на Тырново? Но офиціальныя телеграммы уже нѣсколько дней сообщаютъ что на Балканахъ идетъ „большой снѣгъ.“ Это, конечно, затрудняетъ для арміи и безъ того уже трудную въ Темиръ-Капу переправу чрезъ Балканы.

Гораздо серіознѣе извѣстіе изъ Рущукскаго отряда. Тамъ тоже происходятъ аванпостныя стычки. Тамъ тоже есть селеніе Кадыкіой. Оно также лежитъ „по Османъ-Базарской дорогѣ,“ но изъ Рущука, верстахъ въ семнадцати отъ него на правомъ берегу Чернаго Лома, верстахъ въ четырехъ на востокъ отъ Иванъ-Чифтлика. Это извѣстіе совпадаетъ съ полученнымъ вчера изъ Вѣны извѣстіемъ о сосредоточеніи главныхъ силъ Сулейманъ-паши у Иванъ-Чифтлика. По всей вѣроятности, именно съ этой стороны послѣдуетъ его наступленіе, съ цѣлью угрожать нашимъ мостамъ у Систова. Но тутъ наши аванпосты выдвинуты довольно далеко и, слава Богу, не дремлютъ. Турецкія атаки на нихъ отражены благодаря вовремя подоспѣвшимъ резервамъ.

Б.

Вѣрность высказанныхъ нами вчера замѣчаній о причинахъ побудившихъ Черногорскаго князя ограничить свои дѣйствія пріобрѣтенными уже имъ успѣхами въ Верхней Герцоговинѣ, и затѣмъ считать свою кампанію съ этой стороны конченною какъ нельзя болѣе подтверждается тѣмъ что и въ Вѣнѣ, какъ видно, находятъ для этого обстоятельства то же самое объясненіе какое было приведено нами. Совпаденіе мнѣнія на этотъ предметъ въ Москвѣ и Вѣнѣ тѣмъ болѣе замѣчательно что сообщающій это объясненіе вѣнскій корреспондентъ *Times* почти буквально говоритъ то что было нами высказано. Въ полученномъ сегодня нумерѣ этой газеты читаемъ слѣдующую телеграмму ея корреспондента изъ Вѣны, отъ 4 октября:

„Подтверждается слухъ что князь Николай отказался отъ всякаго намѣренія распространять далѣе свои наступательныя движенія въ Герцеговинѣ, и что онъ обратился на югъ для овладѣнія долиной Зеты отъ Спужа до Подгорицы. Только войска необходимыя для охраненія территоріи занятой въ Верхней Герцеговинѣ оставлены на указанныхъ для нихъ позиціяхъ, а остальныя находятся на пути къ югу. Не можетъ быть сомнѣнія что политическія скорѣе чѣмъ военныя соображенія привели къ этому рѣшенію со стороны князя, чему есть достаточное доказательство въ томъ фактѣ что территорія занятая и удерживаемая Черногорцами съ этой стороны въ точности совпадаетъ съ демаркаціонною линіей установленною въ прошедшую осень международною коммиссіей и которая равнымъ образомъ была предложена и принята предварительною конференціей для такого исправленія пограничной линіи какое въ послѣдствіи могло бы быть дано Черногоріи. Линія эта включала округи Баньянъ, Никшичъ, съ Дужскимъ проходомъ до Крестца, Пивы и Дробняка, и единственное различіе теперь только въ томъ что лежащія внутри этой линіи укрѣпленныя позиціи, тогда занятыя Турками, Билекъ, Никшичъ и блокгаузы въ Дужскомъ проходѣ, также какъ Горанско близъ Пивы, теперь взяты Черногорцами. Умѣренность обнаруженная княземъ Николаемъ *тѣмъ болѣе замѣчательна* что въ виду слабости турецкихъ войскъ съ этой стороны ему представлялось доступнымъ для пріобрѣтенія значительно большее пространство цѣнной территоріи, напримѣръ, Требинье, Попово Поле и плоскогорье Гачко, и однако онъ устоялъ противъ искушенія, остановившись какъ разъ на линіи проведенной предварительною конференціей.“

Въ фактѣ дипломатическаго принужденія повліявшаго на рѣшеніе князя Николая слѣдовательно мы отнюдь не ошиб-

лись. Но этимъ совпаденіе нашего заключенія съ вѣнскими взглядами впрочемъ и ограничивается. Вѣнскій корреспондентъ *Times* въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ хочетъ доказать что рѣшеніе князя Черногорскаго, свидѣтельствующее о его хладнокровной разчетливости, въ то же время будто бы какъ нельзя болѣе согласуется и съ истинными интересами „его страны и его народа.“ Въ этомъ, конечно, мы сомнѣваемся.

№ 242.

Москва, 29-го сентября.

А.

На дняхъ мы сообщили интересное письмо извѣстнаго англійскаго историка г. Фримана по поводу сочувствія Туркамъ которое открыто высказывается въ Англіи даже людьми офиціальнаго положенія, какъ напримѣръ статсъ-секретаремъ Ирландіи. Г. Фриманъ, также какъ г. Гладстонъ, остается вѣренъ себѣ, и его глубоко возмущаютъ софизмы и празднословіе коими люди пользующіеся авторитетомъ сбиваютъ съ толку общественное мнѣніе. Дѣйствительно, не трудно понять что людей непредубѣжденныхъ, не привыкшихъ подчинять своего сужденія руководству пристрастныхъ газетныхъ толковъ, должны возмущать повседневная ложь и непрестанные зазывы и понужденія къ выраженію сочувствія Туркамъ. Недобросовѣстная политическая пропаганда успѣла оказать дѣйствіе, и туркофильство несомнѣнно господствуетъ теперь въ англійскомъ обществѣ. Результаты его до нѣкоторой степени мы видимъ въ невполнѣ еще выяснившемся участіи Англичанъ въ мадьярскомъ заговорѣ для вторженія въ Румынію, хотя для болѣе практическихъ цѣлей возбужденнымъ его усиліями настроеніемъ англійскаго общества кабинетъ Беконсфильда не могъ воспользоваться при неблагопріятномъ для его плановъ общемъ положеніи Европы. Что же касается самой Англіи, то въ ней не легко плыть противъ потока...

Всякому свѣжему человѣку, однако, фальшь туркофильскаго возбужденія рѣзко бросается въ глаза. Примѣръ тому мы видимъ въ только что вернувшемся въ Англію военномъ корреспондентѣ газеты *Times*, который былъ при Русской арміи и теперь напечаталъ въ этой газетѣ длинную статью подъ заглавіемъ: „Заблужденія относительно войны.“ Онъ сознается что его поразило господство анти-русскаго настроенія въ Англіи, и особенно куріознымъ показалось ему то что въ этомъ отношеніи сходятся люди самыхъ разныхъ мнѣній, которые оправдываютъ свою непріязнь къ русской политикѣ совершенно противорѣчивыми доводами. Одни, напримѣръ, до сихъ поръ еще не очнулись отъ страха русскаго вторженія въ Индію и продолжаютъ трепетать при мысли о русскомъ военномъ могуществѣ; другіе же, напротивъ, доказываютъ что такая *слабая* военная нація какъ Россія не должна была браться за дѣло которое не въ силахъ исполнить. То же противорѣчіе замѣчается и въ политическихъ толкахъ. Одни пугаютъ опасностью для Европы отъ Славянской лиги; другіе съ торжествомъ кричатъ что Болгары и Сербы уже научились де ненавидѣть своего исполинскаго сосѣда, который вмѣшивается въ ихъ дѣла; одни презрительно осмѣиваютъ Россію за ея варварство и отсталость въ либеральныхъ учрежденіяхъ, другіе пророчатъ ей гибель отъ внутреннихъ волненій и неурядицы; и эти самые люди что̀ ждутъ не дождутся возмущеній въ Россіи строжайше осуждаютъ Болгаръ за ихъ недовольство турецкимъ управленіемъ. Такой хаосъ сужденій встрѣтилъ корреспондента по возвращеніи на родину. Но всѣ они неизмѣнно сходятся въ одномъ,—въ ненависти къ Россіи.

Анализуя это явленіе, корреспондентъ замѣчаетъ что на материкѣ политикамъ должны казаться крайне забавными постоянные возгласы Англичанъ о завоевательныхъ наклонностяхъ Россіи. Не странно ли слышать подобное обвиненіе отъ Англіи которая ежегодно совершаетъ новыя присоединенія? Безнравственность пріобрѣтенія новыхъ территорій отнюдь не можетъ въ дѣйствительности такъ возмущать совѣсть Англичанъ чтобы въ ней была причина гнѣва ихъ противъ Россіи. Въ основѣ же этого чувства, по откровенному объясненію корреспондента, оказывается слѣдующее разсужденіе: „Россія намъ соперникъ, и будетъ великимъ соперникомъ. Всѣ соперники суть враги для гордой націи; а потому Россія есть врагъ, и со временемъ будетъ великимъ врагомъ.“

Затѣмъ другая черта въ англійскомъ общественномъ мнѣніи, поразившая корреспондента, есть нѣкоторая неспособность къ точной оцѣнкѣ истиннаго положенія дѣлъ въ настоящемъ положеніи кампаніи. Доводы корреспондента противъ ходячихъ теперь въ публикѣ заблужденій весьма не лишены интереса и для насъ, такъ какъ у насъ многіе бываютъ черезчуръ склонны малодушно поддаваться чужимъ, враждебнымъ для насъ, сужденіямъ. Корреспондентъ находитъ что и въ Россіи и внѣ ея слишкомъ низко цѣнили боевую силу Турціи, а теперь замѣтна наклонность преувеличивать военную доблесть Турокъ. Онъ находитъ это совершенно неосновательнымъ, и говоритъ что Турокъ и теперь остается и въ военномъ отношеніи такимъ же какимъ всегда былъ. Турецкій солдатъ храбръ и дерется хорошо, особенно за укрѣпленіями, обученный и руководимый англійскими офицерами. Кромѣ того, въ настоящей войнѣ Турки имѣли выгоды какихъ у нихъ прежде никогда не бывало: они господствуютъ на морѣ, и ихъ артиллерія и пѣхота вооружены лучше Русскихъ. (Не грустно ли однако это обстоятельство? Отчего же мы вооружены хуже Турокъ? Что же наши военныя реформы, и къ чему послужили намъ опыты послѣднихъ войнъ?) Но преимуществами своими Турки, продолжаетъ корреспондентъ, не умѣли и не умѣютъ пользоваться. А почему? По коренному недостатку всегда свойственному ихъ арміямъ: по существенной неспособности ихъ къ организаціи, отчего ихъ арміи лишены подвижности и способности маневрировать, и вслѣдствіе этого недостатка, въ случаѣ пораженія, вся организація ихъ совершенно рушится. Примѣровъ тому корреспондентъ приводитъ много именно изъ настоящей кампаніи: какъ Турки допустили Русскихъ завладѣть Дунаемъ при помощи торпедъ, хотя, владѣя моремъ, имъ легче было бы самимъ воспользоваться на Дунаѣ торпедами противъ Русскихъ; какъ они допустили непріятеля перейти рѣку почти безъ сопротивленія; какъ въ Тырновѣ три баталіона съ орудіями отступили въ паникѣ предъ пятью эскадронами драгунъ, и съ такою поспѣшностью что оставили палатки, багажъ и огромное количество зарядовъ, хотя легко могли защищать свою позицію; какъ то же самое случилось при переходѣ отряда Гурко за Балканы; какъ въ Ханкіоѣ и Шипкѣ турецкія войска разбѣгались или сдавались въ плѣнъ казакамъ. Корреспондентъ еще обращаетъ особенное вниманіе на то что Турки не умѣли и не могли воспользоваться и тѣми успѣхами какіе имѣли. Такъ Османъ-паша, занявъ Плевну, засѣлъ въ ней и началъ укрѣпляться, не подумавъ преслѣдовать и тѣснить непріятеля слабѣйшаго числомъ и потерпѣвшаго, при атакѣ его позицій, большія потери. Такъ точно и Мегмедъ-Али, оттѣснивъ слабые, растянутые аванпосты Рущукскаго отряда, не отважился атаковать его послѣ того какъ онъ сосредоточился, а самъ отошелъ назадъ. Въ обоихъ случаяхъ обнаружился недостатокъ подвижности Турецкой арміи, и по убѣжденію корреспондента, Турки не пользовались благопріятными для нихъ обстоятельствами, потому что не могли. Многократныя же атаки Сулеймана на Шипку, несмотря на блестящую храбрость его войскъ, были совершенно безплодны.

Въ итогѣ корреспондентъ *Times* приходитъ къ слѣдующему заключенію: „При разчетѣ шансовъ войны, необходимо брать „въ соображеніе не только позицію и силы „противниковъ, но также ихъ коренныя „особенности, которыя зависятъ отъ услоівій до сихъ поръ не измѣнившихся. Мы „можемъ ожидать что русскія арміи будутъ „болѣе подвижны чѣмъ султанскія и сохранятъ дисциплину даже при пораженіи „и неудачахъ, между тѣмъ Турки не будутъ быстро дѣйствовать даже въ упоеніи „успѣха, а побитые разстроятся, какъ это „было съ отрядомъ Реуфа и другими. При „уравновѣшеніи результатовъ сравнительно „съ обстоятельствами, окажется что весьма „значительное превосходство остается на „сторонѣ Русскихъ, и что намъ нечего „ожидать что ихъ армія будетъ опрокинута за Дунай, какъ многіе теперь ожидаютъ. Мы можемъ пойти далѣе и сказать что вовсе не считаемъ невѣроятнымъ „что чрезъ немного дней успѣхъ можетъ „снова склониться къ Русскимъ знаменамъ.“

Корреспондентъ увѣряетъ своихъ читателей что онъ говоритъ это совершенно безпристрастно и безъ всякаго предубѣжденія. Онъ увѣренъ что „какъ ни разгорячены умы Англичанъ въ настоящее „время, но разсудокъ и здравый смыслъ „въ непродолжительномъ времени неизбѣжно одержатъ верхъ.“ Онъ ожидаетъ что анти-русское настроеніе скоро потеряетъ силу, и даже не удивится услышать что

его страна „вскорѣ признаетъ что Россія „ведетъ предпріятіе которое со временемъ „можетъ произвести результаты столь же „благодѣтельные для Англіи какъ и для „общей цивилизаціи.“

По всему, однако, что̀ намъ ежедневно доводится читать въ англійской печати, сомнительно чтобъ эти надежды могли вскорѣ осуществиться.

Б.

По всему видно что на обоихъ театрахъ войны приближается моментъ рѣшительнаго поворота. Въ Плевнѣ Турки даже не могутъ безпрепятственно смѣнять свои траншейные караулы. Имъ становится тѣсно; ихъ душатъ русско-румынскія аппроши. Этотъ способъ оборонительнаго наступленія принуждаетъ ихъ самихъ перейти изъ обороны за валами въ наступленіе. Исходъ этихъ отчаянныхъ попытокъ предвидѣть не трудно.

Впрочемъ, участь Османа еще далеко не была бы рѣшена еслибы Шевкетъ-пашѣ удавалось доставлять ему изъ Орханіе припасы и подкрѣпленія. Подробно описанные въ телеграммѣ Главнокомандующаго блистательные подвиги *одной* сотни казаковъ подъ начальствомъ войсковаго старшины Тарасова показываютъ какія услуги можетъ и должна оказывать наша легкая кавалерія, при ея несомнѣнномъ боевомъ превосходствѣ. Казаки Тарасова показали себя достойными боевыхъ преданій Донскаго Войска. А мало ли такихъ, и гораздо болѣе сильныхъ кавалерійскихъ отрядовъ, можемъ мы посылать на сообщенія Османъ-паши, и къ Софіи, и къ Виддину, откуда были доставлены ему всѣ имѣющіяся у него осадныя орудія.

Объ участи этихъ летучихъ отрядовъ, о сообщеніяхъ ихъ съ арміей—заботиться нечего. Кавалерію, какъ замѣчала на дняхъ *Сѣверо-Германская Военная Газета*, непріятельская *пѣхота отрѣзать не можетъ*. Опасность въ этомъ отношеніи можетъ грозить ей отъ кавалеріи же, а турецкая кавалерія съ благоразумною осторожностію избѣгаетъ рукопашной схватки съ нашею. Такъ было и въ 1855 году.

Что же касается Шевкетъ-паши, то хотя у него и сосредоточено въ Орханіе до 40.000 человѣкъ,—бо́льшая часть коихъ оказывается взятою изъ Эски-Загры, изъ остатковъ бывшей арміи Сулейманъ-паши, но, какъ не безъ основанія полагаютъ въ Бѣлградѣ, эта армія имѣетъ назначеніемъ не столько выручку Османа въ Плевнѣ какъ наблюденіе за Сербскою границей. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, онъ вошелъ въ сообщеніе со стянутыми къ Сѣнницѣ *всѣми* турецкими регулярными войсками занимавшими Боснію и Герцеговину. Австрія обезпечиваетъ Турцію со стороны боснійскаго возстанія. По свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, австрійскими войсками схваченъ въ Землинѣ отправлявшійся въ Боснію извѣстный вождь тамошняго возстанія Пелагичъ. По всему видно что именно эти обстоятельства и побуждаютъ Сербію отсрочивать со дня на день моментъ своего вступленія въ дѣйствіе. Армія Шевкета исполняетъ такимъ образомъ въ Орханіе слишкомъ важную задачу, такъ что ее не рѣшатся вывести въ *чистое поле*.

В.

Не везетъ турецкимъ броненосцамъ. Одно за однимъ безслѣдно исчезаютъ эти морскія чудовища, на которыя бывало любовался султанъ Абдулъ-Азизъ, мечтавшій основать на нихъ турецкое могущество. На этотъ разъ броненосецъ взлетѣлъ на воздухъ не отъ случайнаго пушечнаго выстрѣла, даже не отъ геройскаго нападенія всегда сопряженнаго съ громаднымъ рискомъ, а отъ заранѣе принятыхъ мѣръ, выработанныхъ наукою которою, къ счастію, мы въ этомъ случаѣ воспользовались, не оставляя дѣла на авось.

Краткое извѣстіе не сообщаетъ никакихъ подробностей, но изъ сопоставленія одновременно полученныхъ телеграммъ можно заключить что пострадавшій броненосецъ принадлежалъ къ эскадрѣ пресловутаго Гобарта-паши, который поторопился исполнить полученное предписаніе „форсировать устья Дуная и разрушить устроенныя Русскими препятствія судоходству.“ Едва ли послѣ подобнаго урока Гобартъ-паша будетъ очень настойчивъ, и вѣрнѣе что, удовольствовавшись первымъ неудачнымъ опытомъ, онъ предпочтетъ вернуться вспять и не захочетъ форсировать рядъ минныхъ заграждeній чтобы встрѣтить въ заключеніе легкую флотилію нашихъ миноносцевъ подъ командой Дубасова.

Такимъ образомъ, линію сообщеній Добруджинскаго отряда можно считать вполнѣ обезпеченною и всякую попытку проник-

нуть въ тылъ Циммермановскаго корпуса—безразсудною. Не имѣя возможности не признавать существованія турецкаго флота, напротивъ сознавая въ этомъ отношеніи свою слабость, мы съ самаго начала приняли всѣ мѣры для возможнаго уравновѣшенія силъ, и что же?—ни одна изъ принятыхъ мѣръ не пропала даромъ; мнимое турецкое могущество разлетѣлось, и исторія дѣйствій нашего не существующаго флота будетъ очень поучительна.

Дѣйствительно, въ нашихъ морскихъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ—ни одного промаха и рядъ послѣдовательныхъ успѣховъ: раздѣленіе Дуная линіями минныхъ заграждеиій на участки, прекращеніе всякаго сообщенія между участками для непріятельскихъ судовъ, наконецъ уничтоженіе и плѣненіе запертыхъ турецкихъ броненосцевъ,—вотъ послѣдствія этихъ дѣйствій. Россія не забудетъ что въ минуты мимолетныхъ испытаній наши моряки всегда умѣли утѣшить родину какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ, и вмѣстѣ съ ними порадуется салюту непріятеля въ Сулинскомъ гирлѣ наканунѣ наступающей пятидесятилѣтней годовщины Наваринскаго погрома.

№ 243.

Москва, 30-го сентября.

А.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи послѣднихъ дней есть безъ сомнѣнія „трансильванская вспышка“ (Puttsch), какъ называютъ нѣмецкія газеты задуманное частью доблестнаго Мадьярскаго племени, Секлерами, вооруженное вмѣшательство на собственную руку въ настоящую войну. Любопытна не только эта исторія сама по себѣ, но и то какъ отнеслись къ ней венгерское правительство, печать и народное представительство. Венгерская офиціозная печать, купно съ офиціознымъ телеграфомъ, на первыхъ порахъ весьма усердствовала въ разоблаченіи „заговора;“ нѣкоторые органы венгерской печати открыли что преступная затѣя возникла при посредствѣ чужеземныхъ происковъ и премущественно на англійскія деньги. Но и мадьярскіе агитаторы не были пощажены, и сами венгерскія газеты не придали никакой вѣры отнѣкиванью пресловутаго генерала Клапки протестовавшаго противъ указаній на его участіе въ этомъ дѣлѣ. Но по прошествіи нѣсколькихъ дней въ настроеніи австровенгерской печати произошла рѣзкая перемѣна: стало замѣтно желаніе „замять“ эту исторію и отнять у нея то несомнѣнное значеніе которое она имѣетъ. На эту внезапную перемѣну указываютъ и берлинскія газеты, отнюдь не раздѣляя мнѣнія будто бы дѣло представляется менѣе важнымъ нежели показалось съ перваго раза, а Вѣнскій корреспондентъ *National-Zeitung* объясняетъ этотъ поворотъ тѣмъ что Венгерское правительство, приступивъ къ изслѣдованію дѣла, „раскрыло то чего не ожидало, и потому рѣшилось дѣло замять.“ Въ этомъ смыслѣ Венгерское правительство даетъ теперь внушенія офиціозной печати, и въ этомъ же смыслѣ оно даетъ свои объясненія предъ палатой. Венгерская же палата напротивъ, что не менѣе замѣчательно, въ виду замысла носящаго на себѣ явно-революціонный характеръ и грозившаго, сверхъ того, серіознымъ международнымъ столкновеніемъ „общему отечеству,“ сочла даже возможнымъ публично обвинять правительство за его способъ дѣйствій по поводу заговора, находя оный черезчуръ строгимъ и произвольнымъ. 8 октября, какъ извѣстилъ насъ телеграфъ, дѣло дошло въ Пештской палатѣ до „кабинетнаго вопроса,“ и правительство устояло лишь благодаря тому что *большинство* (покамѣсть неизвѣстно какое) подало голосъ за предложенный правительствомъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Между тѣмъ берлинскія газеты, основываясь на извѣстіяхъ самостоятельно ими получаемыхъ изъ Трансильваніи, не только не умаляютъ значенія открытаго тамъ революціоннаго заговора, но, напротивъ, придаютъ этому дѣлу важное значеніе. Особенно интересны свѣдѣнія сообщаемыя въ корреспонденціи изъ Германштадта, отъ 2-го октября, помѣщенной въ *National-Zeitung*. Вотъ какъ корреспондентъ излагаетъ весь ходъ этого дѣла: 26 сентября, рано утромъ, согласно телеграммѣ венгерскаго министра внутреннихъ дѣлъ, были подвергнуты тщательному осмотру товарные склады на станціи Кронштадтъ (крайнемъ пунктѣ восточной линіи венгерской государственной желѣзной дороги). По обыску найдены были 13 ящиковъ съ

ружьями которыя значились „частями машинъ“ и были сданы въ Вѣнѣ. Кромѣ того, найдено нѣсколько тюковъ съ турецкими фесками. Одновременно съ этимъ произведены были обыски и на ближайшихъ станціяхъ Репсъ-Кронштадтской желѣзной дороги, гдѣ также конфискована была разная военная контрабанда, такъ что всего въ этотъ день попалось въ руки властей 6.000 ружей, множество патронныхъ сумокъ съ эмблемой полумѣсяца, а также масса патроновъ. Всѣ станціи на коихъ оказалась эта контрабанда находятся въ прямой связи съ такъ-называемымъ Секлерскимъ округомъ Трансильваніи, то-есть восточною ея частью, гдѣ Мадьярское племя Секлеровъ составляетъ не менѣе 90 процентовъ населенія, тогда какъ въ прочихъ частяхъ этой страны большинство населенія составляютъ Нѣмцы (Саксы) и Румыны. Схваченные тюки были адресованы въ Секлерскій округъ, а значительная часть (до 5.000 ружей) посылалась на имя гонведскаго полковника Игнаца Горвата, извѣстнаго со времени венгерскаго возстанія 1849 года. Нѣсколько дней спустя, на нѣкоторыхъ изъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Вѣнѣ были опять конфискованы ящики и тюки со многими тысячами ружей, патронныхъ сумокъ и свыше милліона ружейныхъ патроновъ. Всѣ эти посылки, имѣвшія ту же надпись „машинныя части,“ также адресованы были въ разныя мѣста Секлерскаго округа. Уже одно количество найденной контрабанды доказываетъ, по замѣчанію корреспондента, что дѣло было задумано въ широкихъ размѣрахъ. Что и правительство такъ смотрѣло на это дѣло доказывается тѣмъ что 27 сентября, то-есть на другой день послѣ открытія транспорта въ Кронштадтѣ, былъ высланъ оттуда въ разные пункты названнаго округа одинъ баталіонъ пѣхотнаго имени Императора Александра полка для охраненія правительственныхъ военныхъ складовъ и для усиленія гарнизоновъ. Пять дней спустя двинутъ изъ Германштадта еще одинъ баталіонъ съ тою же цѣлью.

О самомъ заговорѣ, насколько онъ раскрытъ до сихъ поръ, упомянутая корреспонденція сообщаетъ „изъ достовѣрныхъ источниковъ“ слѣдующее: Уже нѣсколько недѣль тому назадъ по всей странѣ Секлеровъ образовались тайные комитеты, которые, подъ шумъ повсемѣстныхъ въ Венгріи туркофильскихъ демонстрацій, происходившихъ въ то время, стали вербовать охотниковъ. Имѣлось въ виду собрать до 15.000 человѣкъ, и этотъ отрядъ долженъ былъ собраться 28 сентября на восточной границѣ Трансильваніи, оттуда вторгнуться въ Молдавію, разрушить желѣзную дорогу и особливо мосты, а затѣмъ соединиться съ турецкимъ отрядомъ который долженъ былъ пойти имъ на встрѣчу, переправившись черезъ Дунай изъ Силистріи. Географическія условія какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому замыслу: юго-восточные склоны трансильванскихъ горъ вдаются далеко внутрь молдавской равнины. Отъ карпатскихъ горныхъ проходовъ Остошъ и Будзау легко можно достигнуть до Галаца въ теченіе 48-часоваго перехода. Отрядъ Секлеровъ, хорошо знакомыхъ съ горными тропинками и вообще съ мѣстностью, который выступилъ бы изъ Остоша 28 сентября, въ 7 часовъ вечера, могъ бы, по свидѣтельству корреспондента, на другой день утромъ достигнуть станціи Муратешти на румынской дорогѣ, а на слѣдующій день, еслибы русско-румынскія войска не преградили ему дорогу, отрядъ мадьярскихъ волонтеровъ достигъ бы Барбожскаго моста. Вторгшись въ Румынію, Секлеры могли разчитывать на поддержку своихъ многочисленныхъ сородичей поселившихся въ разныхъ мѣстахъ Румыніи вслѣдствіе бѣдности почвы въ своемъ гористомъ отечествѣ.

Таковъ былъ планъ вовремя открытый „энергическими“ мѣрами Венгерскаго правительства. Что же это за народецъ который оказывается наиболѣе „мадьярскимъ“ изо всего племени Мадьяръ и который отъ демонстрацій на словахъ въ пользу дорогихъ венгерскому сердцу Турокъ рѣшился перейти прямо къ дѣлу, и подготовилъ для этого столь смѣлый и ловкій замыселъ? На этотъ вопросъ мы также находимъ весьма любопытныя и чрезвычайно характерныя для Мадьяръ указанія въ упомянутой корреспонденціи, писанной лицомъ живущимъ на мѣстѣ и хорошо знакомымъ съ исторіей края и съ тамошними племенными отношеніями.

Секлеры составляютъ отрасль Мадьярскаго племени вообще; большинство изъ нихъ шляхтичи, и ихъ дворянскія права ревниво оберегаются Мадьярскимъ правительствомъ и парламентомъ въ ущербъ прочему населенію Трансильваніи. Благодаря своимъ шляхетскимъ правамъ, они

пользуются наибольшимъ количествомъ избирательныхъ голосовъ. Дѣйствительное же общественное положеніе Секлерскаго населенія далеко не соотвѣтствуетъ этимъ политическимъ преимуществамъ; они бѣдны и невѣжественны. Скалистая почва ихъ земли весьма неплодородна, и большинству Секлерскаго населенія приходится искать пропитаніе въ поденномъ трудѣ и батрачествѣ у Нѣмцевъ и Румынъ, занимающихъ болѣе плодородныя части Трансильваніи. Многія тысячи этихъ мадьярскихъ „аристократовъ“ не умѣютъ ни читать ни писать, а между тѣмъ имъ принадлежитъ почти поголовно избирательное право. Вычислено что въ нѣкоторыхъ комитатахъ число избирателей изъ Секлеровъ, простирающееся мѣстами до 15.000, сократилось бы до одной десятой доли еслибы введенъ былъ между ними хотя бы самый низкій имущественный цензъ, который требуется отъ Саксовъ и Румынъ, или еслибъ условіемъ участія въ выборахъ поставлена была простая грамотность. Понятно что политическое преобладаніе полудикаго населенія надъ прочими племенами Трансильваніи, выше его стоящими въ культурномъ отношеніи и по матеріальному богатству, посѣяли тамъ непримиримую племенную ненависть, которая отъ времени до времени прорывается наружу и пораждаетъ страшныя столкновенія. Словомъ, Трансильванія по своимъ племеннымъ отношеніямъ очень напоминаетъ турецкіе порядки. И дѣла творились тамъ очень напоминающія Турцію. Самыя ужасающія воспоминанія о такого рода столкновеніяхъ сохранились со времени венгерской революціи 1848—49 годовъ. Секлеры тогда принялись грабить и убивать поголовно Саксовъ и Румынъ. Одинъ нѣмецкій городъ былъ ими превращенъ въ груду развалинъ, причемъ мущины прибивались за уши къ воротамъ домовъ, а ихъ жены и дѣти умерщвлялись тутъ же на ихъ глазахъ. Такими подвигами отличались Секлеры лѣтъ 30 тому назадъ. Что жь удивительнаго что сердца ихъ возгорѣлись страшнымъ желаніемъ подать руку помощи ихъ „братцамъ“ баши-бузукамъ.

Б.

Со времени назначенія Сулейманъ-паши сердарь-экремомъ, со дня на день ожидаются рѣшительныя событія на оконечности лѣваго фланга нашего операціоннаго фронта. Какъ мы замѣчали вчера, предвѣстіемъ этихъ событій могутъ считаться происходящія тамъ аванпостныя стычки. Какая же можетъ быть для Турокъ цѣль этихъ ожидаемыхъ „рѣшительныхъ событій?“ По свѣдѣніямъ весьма вѣрно извѣщаемой изъ Константинополя вѣнской офиціозной *Fremdenblatt*, „на повторенныя „требованія Порты, настаивавшей на бо„лѣе энергическомъ наступленіи ея Ду„найской арміи, Мегмедъ-Али отвѣчалъ „что, при крайней *неудовлетворительно„сти военной подготовки* ввѣренныхъ ему „войскъ, попытка форсировать линію Ян„тры была бы только *безполезнымъ крово„пролитіемъ*.“ Но если Мегмедъ-Али именно потому и былъ смѣненъ что не рѣшался форсировать линію Янтры, отговариваясь неблагонадежностью своей арміи, то Сулейманъ-паша именно только потому и былъ назначенъ на его мѣсто что на запросъ объ этомъ изъ Константинополя „герой“ Шипкинской бойни вызвался исполнить эту задачу. Сами событія, однако, подтверждаютъ справедливость мнѣнія Мегмедъ-Али о своей арміи. По замѣчанію *Сѣверо-Германской Газеты*, вопреки всѣмъ турецкимъ побѣднымъ телеграммамъ объ арміи Мегмедъ-Али, „при всемъ своемъ чи„сленномъ превосходствѣ, въ сущности, „его армія не одержала *ни одной побѣды*. „Пресловутыя битвы при Карагассанкіоѣ, „Аяслярѣ, Кацелевѣ и другія были вы„держаны со стороны Русскихъ лишь незна„чительными передовыми отрядами противъ „громаднаго численнаго превосходства не„пріятеля, и при всемъ томъ уступка Рус„скими позицій ни разу не имѣла харак„тера пораженія. При Церковнѣ, напро„тивъ, гдѣ впервые стало нѣсколько ме„нѣе значительно численное превосходство „Турокъ, всѣ атаки ихъ были рѣшительно „отбиты,“ — и до такой степени что *Политическая Корреспонденція* ставитъ въ большую заслугу Мегмедъ-Али-пашѣ его своевременное отступленіе, которымъ „онъ успѣлъ избѣжать окончательнаго разгрома.“

Все это было извѣстно Сулейману, и однако жь онъ взялся исполнить съ этими войсками задачу, которую его предмѣстникъ счелъ невозможною...

Что касается топографическихъ условій линіи Янтры, то по мнѣнію изслѣдовавшаго ихъ зимницкаго корреспондента *Политической Корреспонденціи*, форсирова-

ніе линіи Янтры есть дѣло совершенно несбыточное, развѣ на сторонѣ атакующаго окажется громадный численный перевѣсъ. Но въ настоящее время, по мнѣнію того же корреспондента, именно того перевѣса на сторонѣ Турокъ не оказывается, такъ какъ къ арміи Наслѣдника Цесаревича присоединились уже 27 (15) сентября три армейскія пѣхотныя дивизіи и одна гвардейская, при одной кавалерійской дивизіи. Съ тѣхъ поръ прибыли въ Болгарію еще болѣе значительныя силы. Какъ сообщаетъ полученная сегодня *Политическая Корреспонденція*, 30 сентября прибыла вся гвардія; завтра, 1 октября, должна быть окончена почти на всемъ своемъ протяженіи желѣзная дорога изъ Бендеръ въ Галацъ. Но даже и при громадномъ численномъ превосходствѣ Турки могли бы надѣяться на успѣхъ атаки на линію Янтры развѣ только въ верховьяхъ этой рѣки, гдѣ она еще не представляетъ серіознаго тактическаго препятствія; но за то тамъ чрезвычайно труденъ доступъ къ самой долинѣ Янтры. Что же касается всего теченія Янтры ниже Борилы, особенно у Бѣлы, то тутъ къ естественному препятствію представляемому рѣкой присоединяются значительныя, воздвигнутыя Русскими, укрѣпленія, вооруженныя осадными орудіями.

Но Сулейманъ-пашѣ, повидимому, до всего этого нѣтъ дѣла. Ему не опротивѣло еще „съ желѣзною энергіей“ посылать свои войска на вѣрную бойню. Но на Янтрѣ эта *забава* можетъ обойтись ему еще дороже чѣмъ на Шипкѣ...

Стоитъ ли говорить о константинопольскихъ телеграммахъ, какими такъ обильно угощаютъ насъ иностранныя телеграфныя агентства? Вчера одна изъ такихъ телеграммъ уныло сообщала что „изъ Плевны нѣтъ извѣстій.“ На другой день, какъ видно, спохватились,—и вотъ посыпались на насъ удивительныя извѣстія: въ Плевну *безпрепятственно* идутъ де изъ Орханіе всякаго рода подвозы; какой-то выступившій изъ Плевны отрядъ соединился де съ авангардомъ Шевкета; самъ Шевкетъ *долженъ былъ* соединиться съ Османомъ 28 сентября... Правда, тутъ есть оговорка. Соединеніе только *должно было* состояться; движеніе транспортовъ *замедляется* плохими дорогами...

Мы имѣемъ офиціальныя русскія телеграммы также отъ 28 сентября. Ничего онѣ объ этихъ чудесахъ не упоминаютъ. Напротивъ, сообщая о подвигахъ Тарасова съ его казаками, онѣ подаютъ надежду что наконецъ кавалерія наша приспособляется къ своему прямому назначенію, состоящему въ прерваніи сообщеній непріятеля. Другія приводимыя сегодня телеграммы сообщаютъ весьма обстоятельно о бѣдствіяхъ въ Плевнѣ вслѣдствіе недостатка продовольствія.

№ 244.

Москва, 3-го октября.

А.

Въ виду созданнаго войной исключительнаго финансоваго положенія, полученная надняхъ таможенная вѣдомость о ходѣ нашей внѣшней торговли по привозу и отпуску за первые семь мѣсяцевъ текущаго года читается по истинѣ съ необычайнымъ интересомъ. Прежде всего поражаетъ небывалыми размѣрами сокращеніе оборотовъ по привозной торговлѣ. Уменьшеніе привоза такъ велико что мы не повѣрили бы ему еслибъ оно не было засвидѣтельствовано офиціально. Оказывается, однако, что готовность Русскаго народа, ради великаго дѣла, стѣснить себя въ житейскомъ быту, сокративъ свои потребности до послѣдней возможности, есть не пустое слово, а фактъ подтверждаемый офиціальными цифрами. Приведемъ эти цифры, сравнивая привозъ иностранныхъ товаровъ за семь первыхъ мѣсяцевъ текущаго года съ привозомъ ихъ въ соотвѣтственные мѣсяцы минувшаго пятилѣтія 1872—1876.

При всѣхъ колебаніяхъ въ размѣрахъ привоза иностраннаго сахара, эта статья привозной торговли все-таки занимала среди другихъ не послѣднее мѣсто. Именно, въ послѣднее пятилѣтіе, привозъ сахара (беремъ только первые семь мѣсяцевъ каждаго года) колебался между 85.000 (въ 1873 году) и 1.037.000 пудовъ (въ 1875). Въ текущемъ году привозъ этого товара можно сказать *совсѣмъ прекратился:* во всѣ семь мѣсяцевъ, по 1 августа, привезено его всего полторы тысячи пудовъ.

Чаю, въ первые семь мѣсяцевъ года, привозилось среднимъ числомъ 400.000 пудовъ (отъ 360.000 въ 1876 году до

444.000 въ 1872); въ текущемъ году привозъ его уменьшился до 100.000 пуд., то-есть *вчетверо*. Обыкновенно привозилось его въ одинъ іюль сколько теперь привезено въ семь мѣсяцевъ.

Привозъ кофе колебался между 206 (въ 1873) и 283 (въ 1875) тысячами пудовъ; въ текущемъ году онъ сократился *почти вдвое*, упавъ до 127.000 пудовъ.

Вина виноградваго въ бочкахъ привозилось отъ 557 (въ 1876) до 636 (въ 1872) тысячъ пудовъ. Теперь привозъ его сократился *слишкомъ вчетверо, чуть не впятеро*, упавъ до 126.000 пудовъ.

Привозъ нешипучихъ винъ иностранной разливки со средней цифры 222.000 бутылокъ упалъ до 66.000, то-есть уменьшился *слишкомъ втрое, почти въ три съ половиной раза*.

Сокращеніе потребленія шампанскаго еще разительнѣе. Вмѣсто обычнаго привоза, ото 588.000 (въ 1876) до 707.000 (въ 1873), мы видимъ скромную цифру 68.406 бутылокъ, то-есть *чуть не въ десять разъ* менѣе.

Соли привозилось отъ $6^1/_2$ до $7^1/_3$ милліоновъ пудовъ; теперь ея привезено съ небольшимъ два милліона, *слишкомъ втрое* менѣе.

Сельдей среднимъ числомъ привозилось 2.222.000 пудовъ; теперь ихъ привезено 1.169.000 пуд.—*почти вдвое* меньше. Привозъ прочей рыбы понизился еще въ бо́льшихъ размѣрахъ.

Листоваго табаку привозилось отъ 118.000 пуд. (въ 1872) до 153.000 (въ 1876); въ текущемъ году его привезено *вдвое или втрое* менѣе, всего 58.000 пудовъ. Уменьшеніе привоза крошенаго табаку и сигаръ еще значительнѣе: обычный привозъ этого цѣннаго иностраннаго товара со средней цифры 2.106 пудовъ упалъ до 371 пуда, т.-е. уменьшился почти *вшестеро*.

Деревяннаго масла привозилось отъ 748.000 (въ 1876) до 1.007.000 пудовъ (въ 1875). Теперь привозъ его уменьшился *почти втрое* противъ 1875 года и *слишкомъ вдвое* противъ любаго изъ остальныхъ годовъ минувшаго пятилѣтія.

Петролея, привозившагося среднимъ числомъ въ количествѣ 775.000 пудовъ, привезено только 333.000 пудовъ.

Бумажныхъ издѣлій привозилось среднимъ числомъ 61.638 пудовъ; теперь привезено только 18.850 — *слишкомъ втрое* менѣе.

Шерстяныхъ издѣлій, въ средней сложности, привозилось 83.297 пудовъ; теперь привезено 30.283—*слишкомъ въ $2^1/_2$ раза* меньше.

Шелковыхъ издѣлій, въ среднемъ выводѣ, привозилось 6.840 пудовъ; теперь привезено 2.072—*слишкомъ втрое* менѣе.

Привозъ иностраннаго полотна со средней цифры 1.521.000 рублей упалъ до 556.000 рублей, то-есть уменьшился *почти втрое*.

Привозъ хлопка со средней цифры 2.963.000 пуд. упалъ на 1.952.383, то-есть *уменьшился на милліонъ пудовъ*. Привозъ бумажной пряжи со средней цифры 192.569 пудовъ сократился до 74.065, то-есть уменьшился *слишкомъ въ $2^1/_2$ раза*.

Привозъ шерсти-сырца со средней цифры 130.000 пудовъ сократился до 72.000, то-есть *почти вдвое;* въ томъ же, если не въ большемъ размѣрѣ уменьшился привозъ и всѣхъ другихъ сортовъ шерсти.

Привозъ шелка со средней цифры 9.750 пудовъ упалъ до 3.964, то-есть сократился *почти въ $2^1/_2$ раза*.

Привозъ соды со средней цифры 628.000 пудовъ упалъ до 413.000, то-есть сократился *въ полтора раза*.

Даже привозъ металловъ сравнительно со средними цифрами послѣдняго пятилѣтія сократился весьма значительно: свинца привезено только 268.000 пуд. (вмѣсто средней цифры 430.000), полосоваго желѣза—1.421.000 (вмѣсто 2.202.000), желѣза броневаго—575.000 (вмѣсто 820.000), желѣза рельсоваго — 542.000 (вмѣсто 2.403.000) пудовъ. Привозъ паровозовъ, локомобилей и принадлежностей машинъ также понизился со средней цифры 1.340.000 пуд. до 941.000, то-есть уменьшился *почти въ полтора раза*.

Затѣмъ, во всемъ ряду главныхъ привозныхъ товаровъ упоминаемыхъ въ таможенной вѣдомости, мы нашли *только два*, привозъ которыхъ сравнительно съ минувшимъ пятилѣтіемъ увеличился. Эти два товара—каменный уголь и рельсы изъ бессемеровской стали. Но увеличеніе привоза по этимъ двумъ статьямъ едва возмѣщаетъ недочеты по привозу однихъ металловъ.

Такова общая картина *привозной* торговли за первые семь мѣсяцевъ текущаго года. Совершенно въ иномъ видѣ представляется, за тотъ же періодъ времени, наша *отпускная* торговля.

Отпускъ хлѣба въ первые семь мѣсяцевъ года, по среднему выводу за минувшее пятилѣтіе 1872—1876, былъ около $12^1/_2$ милліоновъ четвертей; въ первые семь мѣсяцевъ текущаго года, несмотря на прекращеніе торговли Черноморскихъ портовъ, отпущено за границу *болѣе семнадцати милліоновъ* четвертей, почти *на пять милліоновъ четвертей болѣе*. Такого громаднаго отпуска не представляетъ, за соотвѣтственный періодъ времени, ни одинъ изъ годовъ минувшаго пятилѣтія. Можно подумать что указанный фактъ есть результатъ торопливаго лихорадочнаго вывоза хлѣба изъ нашихъ южныхъ портовъ въ первые три мѣсяца сего года, предъ началомъ войны. Но нѣтъ, напротивъ, отпускъ хлѣба изъ Одессы въ первую четверть года (800.000 четвертей) былъ даже менѣе отпуска соотвѣтственныхъ мѣсяцевъ прошлаго года (846.000 четвертей). Отпускъ хлѣба возросъ вопреки всѣмъ препятствіямъ которыя встрѣчала хлѣбная торговля, и возросъ бы еще болѣе еслибы желѣзныя дороги, особенно югозападныя, не были вынуждены отдавать значительную часть своего подвижнаго состава подъ военные поѣзды, оставляя безъ движенія на всѣхъ станціяхъ горы хлѣбныхъ грузовъ.

Льна (самая важная статья отпуска послѣ хлѣба) въ первые семь мѣсяцевъ года среднимъ числомъ въ минувшее пятилѣтіе отпускалось съ небольшимъ $5^1/_2$ милліоновъ пудовъ; въ первые семь мѣсяцевъ текущаго года льна отпущено болѣе $8^1/_2$ милліоновъ пудовъ, *слишкомъ на три милліона пудовъ болѣе*. О льнѣ приходится повторить то же что о хлѣбѣ: такого отпуска какъ въ этомъ году не было еще ни въ одинъ изъ годовъ минувшаго пятилѣтія.

Отмѣченный фактъ громаднаго успѣха въ отпускѣ хлѣба и льна есть фактъ первостепенной важности. При той роли какую играютъ хлѣбъ и ленъ въ нашемъ отпускѣ, успѣшность хлѣбной и льняной торговли означаетъ успѣшность всей отпускной торговли. Еслибы по всѣмъ прочимъ статьямъ отпускной торговли и оказалась заминка, то удача по торговлѣ хлѣбомъ и льномъ выкупила бы все, и общій ходъ отпускной торговли, въ общемъ результатѣ, все же оказался бы весьма благопріятнымъ.

Но никакой заминки по другимъ статьямъ отпускной торговли, слава Богу, не оказывается. Напротивъ, почти противъ каждой статьи отпуска мы видимъ въ таможенной вѣдомости отмѣтку: *болѣе* (сравнительно съ соотвѣтственными мѣсяцами прошлаго года) *на столько-то*. Немногіе отпускные товары при которыхъ значится отмѣтка *менѣе* прошлогодняго не имѣютъ не только серіознаго, но почти никакого значенія въ нашемъ отпускѣ, за исключеніемъ лѣснаго товара. Но если отпускъ лѣса въ текущемъ году и ниже прошлогодняго, то онъ не только не уменьшился, а напротивъ увеличился противъ средней цифры за минувшее пятилѣтіе.

Но всѣмъ сказаннымъ успѣшность хода нашей отпускной торговли не ограничивается. Мы должны отмѣтить еще одинъ отрадный фактъ первостепенной важности. Въ текущемъ году, въ числѣ отпускныхъ товаровъ появился новый, доселѣ у насъ небывалый—сахаръ, и сразу занялъ видное мѣсто въ нашей отпускной торговлѣ. Въ какіе-нибудь семь мѣсяцевъ уже отпущено за границу *болѣе трехъ милліоновъ пудовъ сахарнаго песку русскаго производства*. Кромѣ сахарнаго песку, впервые пошелъ за границу и русскій рафинадъ, котораго уже вывезено болѣе 110.000 пудовъ.

Разительный контрастъ между неслыханнымъ сокращеніемъ привоза и сильнымъ увеличеніемъ отпуска бросается въ глаза и невольно наталкиваетъ на разные выводы. Мы остановимся пока только на одномъ изъ нихъ, могущемъ бросить нѣкоторый свѣтъ на дѣйствительныя условія нынѣшняго финансоваго положенія Россіи и ея кредита.

На внутреннихъ и внѣшнихъ рынкахъ постоянно обращается масса векселей выданныхъ съ одной стороны Русскими иностранцамъ, съ другой—иностранцами Русскимъ. Ходъ оборотовъ нашей внѣшней торговли въ текущемъ году долженъ былъ измѣнить въ ту или другую сторону количественное отношеніе между русскими и иностранными векселями. Какого рода было это измѣненіе?

Покупка иностранныхъ товаровъ сократилась до минимума. Русскіе покупатели, какъ мы видѣли, выписали вдвое, втрое, вчетверо менѣе товаровъ чѣмъ обыкновенно, и стало быть дали на себя иностранцамъ векселей на сумму вдвое, втрое, вчетверо меньшую противъ обычной. Въ то же время покупка иностранцами русскихъ товаровъ не только не уменьшилась,

а много возросла, и заграничные покупатели должны были выдать на себя русскимъ продавцамъ векселей на сумму не меньшую, а бо́льшую противъ обычной. По размѣнѣ однихъ векселей на другіе, въ русскихъ рукахъ должна такимъ образомъ оставаться (принимая въ разчетъ *только* операціи внѣшней торговли за первые семь мѣсяцевъ текущаго года) цѣлая масса иностранныхъ векселей, по меньшей мѣрѣ на сотню милліоновъ рублей только за семь мѣсяцевъ.

Полагаемъ, этотъ результатъ внѣшней торговли текущаго года заслуживаетъ полнаго вниманія, и непростительно было бы не воспользоваться имъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Въ виду военныхъ надобностей, государство нуждается въ звонкой монетѣ, а въ ней—благодаря печальной системѣ денежнаго обращенія отъ которой мы въ двадцать лѣтъ мирнаго времени не сумѣли или не хотѣли отдѣлаться,—въ звонкой монетѣ у насъ не только нѣтъ избытка, а положительный недостатокъ. Казна, какъ извѣстно, озабочена теперь пріобрѣтеніемъ серебра и золота, которыя и скупаются повсюду неслыханно дорогою цѣною. Полуимперіалъ дорожаетъ съ каждымъ днемъ и дошелъ уже до 8 руб. 80 коп. Соотвѣтственно вздорожанію звонкой монеты, цѣнность кредитнаго рубля падаетъ не по днямъ, а по часамъ,—и неизвѣстно на чемъ это паденіе остановится. Неужели, однако, эта лихорадочная покупка серебра и золота, ведущая къ такому прискорбному результату какъ обезцѣненіе нашей монетной единицы, есть роковая необходимость? Указанный выше результатъ оборотовъ внѣшней торговли—избытокъ иностранныхъ векселей долженствующихъ оставаться въ русскихъ рукахъ—заставляетъ усомниться въ такой необходимости. Финансовое управленіе, какъ намъ кажется, можетъ скупать у русскихъ векселедержателей массы иностранныхъ векселей безъ особыхъ къ тому препятствій и реализовать ихъ по своему усмотрѣнію. А располагая массой иностранныхъ векселей, оно едва ли могло бы встрѣтить непреодолимыя затрудненія и къ заключенію заграничныхъ займовъ, проценты по коимъ удобно уплачивались бы тѣми же иностранными векселями. Кредитъ Россіи вовсе не такъ низко упалъ какъ думаютъ, и за границей конечно не хуже нашего знаютъ что, напримѣръ, уже въ настоящее время русское правительство обезпечило уплату процентовъ по всѣмъ своимъ заграничнымъ займамъ не только за текущій, но и за весь будущій 1878 годъ, по 1 января 1879.

Затрудненія при заключеніи заграничныхъ займовъ въ настоящее время заключаются для насъ единственно въ стѣснительности поставляемыхъ кредиторами условій, въ высотѣ процента. Но какъ бы ни были тяжки эти условія, какъ бы ни былъ высокъ требуемый процентъ,—помириться со всѣмъ этимъ гораздо разумнѣе чѣмъ съ обезцѣненіемъ кредитнаго рубля, къ которому мы нынѣ стремимся съ такою поразительною быстротой, принимая къ тому сугубыя мѣры, съ одной стороны—лихорадочную покупку серебра и золота, съ другой—усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ.

Послѣдній способъ добыванія денегъ, конечно, самый легкій, не требующій ни ума, ни хлопотъ и ни малѣйшихъ финансовыхъ соображеній: сто́итъ взять бумаги и напечатать кредитныхъ билетовъ сколько угодно. Но такой способъ заключенія принудительныхъ безпроцентныхъ внутреннихъ займовъ сопровождается слишкомъ вредными послѣдствіями чтобъ его можно было одобрить. Простое благоразуміе требуетъ чтобы всякій излишекъ выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ *немедленно* же извлекался изъ него путемъ внутреннихъ займовъ. Въ видахъ успѣшности подписки на эти займы, скупиться на повышеніе процентовъ значило бы придерживаться économie de bouts de chandelles. Убытки отъ упадка цѣнности монетной единицы несравненно крупнѣе чѣмъ отъ какихъ бы то ни было высокихъ процентовъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ достаточно сообразить какъ великъ убытокъ который уже несетъ казна отъ упадка цѣнности кредитнаго рубля.

Итогъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ на текущій годъ, за исключеніемъ таможенныхъ поступающихъ звонкою монетой, былъ исчисленъ, какъ извѣстно, въ 480 милліоновъ кредитныхъ рублей, и такъ какъ въ началѣ января кредитный рубль стоилъ приблизительно 77 копѣекъ, то вся сумма ожидаемаго дохода равнялась 370 милліонамъ рублей металлическихъ. Теперь кредитный рубль едва ли сто́итъ 58 копѣекъ, и 370 мил-

лiоновъ обратились уже всего въ $278^1/_2$ металлическихъ рублей. Оказывается потеря въ доходахъ свыше 90 милліоновъ металлическихъ рублей, то-есть такая потеря какой казна не понесла бы на уплатѣ процентовъ даже по займу въ 900 милліоновъ рублей хотя бы по десяти процентовъ. И если будетъ допущено дальнѣйшее паденіе цѣнности кредитнаго рубля, потеря казны будетъ еще больше. А не надо забывать что не въ потеряхъ казны заключается главный вредъ обезцѣненія монетной единицы. Неизмѣримо важнѣе то что оно разстраиваетъ всѣ экономическія отношенія въ государствѣ, извращаетъ всѣ долговыя и денежныя сдѣлки, весь экономическій бытъ народа.

По счастію, Россія не находится въ такомъ положеніи чтобъ она могла мириться даже съ мѣрами неизбѣжно ведущими къ подобнымъ результатамъ. Она далеко еще не исчерпала своего кредита. Если, можетъ-быть, и упущено время для заключенія заграничныхъ займовъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, то за повышенный процентъ они могутъ быть заключены и и теперь безъ особыхъ затрудненій, въ чемъ убѣждаетъ, между прочимъ, разсмотрѣніе упомянутой выше таможенной вѣдомости. О затрудненіяхъ же къ заключенію внутреннихъ займовъ смѣшно и говорить когда частный дисконтъ упалъ до $4^1/_4$ процентовъ.

Б.

Цѣлый рядъ парижскихъ телеграммъ сообщаетъ сегодня о результатѣ выборовъ во Франціи. Въ сущности результатомъ этимъ ничего не измѣняется въ прежнихъ отношеніяхъ палаты къ правительству. Республиканцы потеряли 27 мѣстъ, но выиграли 15. На сторонѣ ихъ все-таки остается огромное большинство. Въ виду этого большинства правительство остается въ прежнемъ стѣсненномъ положеніи. Согласно своему манифесту, президентъ республики обратился къ націи приглашая ее поддержать его въ борьбѣ съ демагогіей. Нація высказалась въ пользу большинства палаты, противъ коего именно и были направлены и манифестъ и самые выборы... Что же станетъ дѣлать правительство? Въ манифестѣ президента было сказано весьма опредѣлительно: „Каковъ бы ни былъ результатъ выборовъ, президентъ останется на своемъ постѣ.“ Въ заключеніе извѣстій о результатѣ выборовъ, парижскій корреспондентъ нашъ сообщаетъ: „Порядокъ полный,“ но все-таки присовокупляетъ: „Приняты большія военныя предосторожности...“

Но сегодня же сообщаемъ мы насчетъ выборовъ во Франціи и телеграмму нашего берлинскаго корреспондента. „Въ случаѣ если выборы окажутся благопріятными клерикальной партіи,“ сказано въ его телеграммѣ, „*Германія немедленно приметъ энергическое положеніе.*“ Исходъ выборовъ оказался безусловно *неблагопріятнымъ* для клерикальной партіи; стало-быть, пока для Германіи нѣтъ надобности принимать „энергическое положеніе.“ Но что если именно этимъ результатомъ будетъ вызванъ давно предрекаемый ударъ, coup d'état, въ смыслѣ возстановленія того что называютъ „клерикальнымъ“ правительствомъ? Не признаютъ ли тогда въ Берлинѣ немедленное принятіе энергическаго положенія еще болѣе необходимымъ чѣмъ въ случаѣ клерикальнаго исхода выборовъ?

№ 245.

Москва, 4-го октября.

Наконецъ!

Первое генеральное сраженіе, подготовленное цѣлымъ рядомъ битвъ, и блистательная, рѣшительная побѣда. Главная непріятельская армія въ Малой Азіи разбита, и разбита на голову, отрѣзана отъ своей базы и находится въ полномъ разстройствѣ.

Итакъ, мы были въ правѣ уже послѣ дѣла 23 сентября провозгласить побѣду; мы имѣли уже тогда основаніе ожидать рѣшительныхъ послѣдствій. Планъ русской атаки клонился къ тому чтобъ отрѣзать армію Мухтара отъ Карса: это было очевидно,—и рядъ послѣдовательныхъ, неторопливыхъ, но неуклонныхъ и успѣшныхъ дѣйствій привелъ къ полной побѣдѣ,—побѣдѣ можно сказать рѣшающей судьбу кампаніи. Лишь бы только преслѣдованіе продолжалось энергически, лишь бы только не ослабѣть въ торжествѣ, но чѣмъ полнѣе побѣда тѣмъ съ бо́льшимъ усиліемъ продолжать ея дѣло...

Мухтаръ понималъ безнадежность своего положенія, и пытался выпутаться, но съ каждою попыткой запутывался все болѣе.

Удары нанесенные ему 20—22 сентября страшно ослабили его армію и уронили въ ней духъ. Ему уже не по силамъ было занимать столь растянутую позицію. Надо было покидать занятые пункты и стягивать свои силы. Отступленіе Мухтара началось съ оконечности его праваго фланга. Однимъ этимъ движеніемъ уже достаточно характеризуется поворотъ въ его планѣ. Правый флангъ его, почти опираясь на рѣчку Арпачай, нашу границу, угрожалъ нашимъ сообщеніямъ съ базой. Отводя назадъ свой правый флангъ и удерживая на мѣстѣ только лѣвый, дабы обезпечить свои сообщенія съ Карсомъ и Эрзерумомъ, Мухтаръ отказывался отъ надежды перейти въ наступленіе и заботился только о томъ чтобъ обезпечить свое отступленіе...

Итакъ, первымъ результатомъ почти непереставшихъ съ 20 сентября битвъ было радикальное измѣненіе непріятельскаго плана кампаніи.

Обратное занятіе нашими войсками, вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, позицій на Большой Ягны ускорило развязку...

Укрѣпившись на этой горѣ, устроивъ впереди ея редутъ, мы съ часу на часъ грозили Мухтару прорвать его центръ и отрѣзать ему отступленіе на Карсъ.

Предвѣстникомъ этой развязки было нападеніе Турокъ на Большую Ягны. Мухтаръ долженъ былъ отважиться на это чтобы попытаться выйти изъ своего отчаяннаго положенія. Но нападеніе было побѣдоносно отбито, непріятель былъ обращенъ въ бѣгство.

Это было 1 октября, и тутъ обнаружился упадокъ духа въ турецкой арміи послѣ понесенныхъ ею пораженій. Дальнѣйшія послѣдствія теперь на глазахъ. Занимая столь тактически сильныя позиціи какъ подножіе горы Аладжи, вершина Авліара, Визинкевскія высоты и Малая Ягны, Турки не выдержали геройскаго натиска нашихъ кавказскихъ гренадеръ. Двухъ часоваго боя было достаточно чтобы взять приступомъ Авліаръ. При этомъ нельзя не отдать справедливости столь вѣрному со стороны Августѣйшаго Главнокомандующаго опредѣленію ключа непріятельской позиціи. Этимъ ключемъ именно была гора Авліаръ. Овладѣвъ ею, наши гренадеры прорвали непріятельскій центръ.

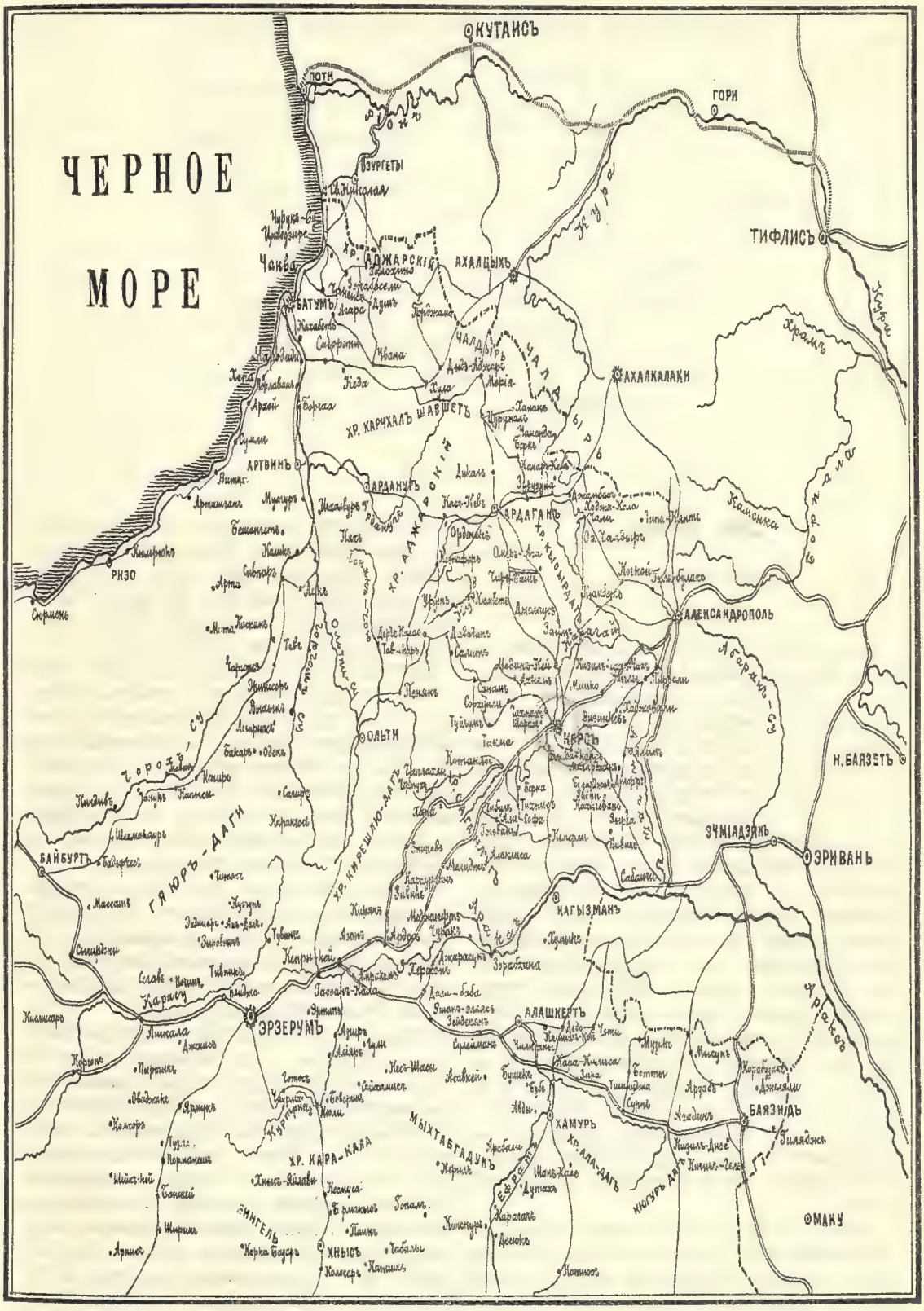
Мы не имѣемъ еще подробностей этой блестящей побѣды. Но чтобъ оцѣнить ея результаты, достаточно факта что Мухтаръ-паша *отступаетъ на Кагизманъ*, а наши войска уже вчера *ночевали въ Орлокѣ*. Дѣйствительно, отступленіе Мухтара на Кагизманъ наглядно показываетъ что онъ отрѣзанъ отъ своей базы, Карса, и отъ прямаго сообщенія съ Эрзерумомъ. Занявъ Орлокъ, наши войска стали между арміей Мухтара и Карсомъ. Правда, Мухтару все еще представляется возможность пройти въ Карсъ обходомъ нашего праваго фланга, чрезъ Ардостъ, по правому берегу Карсъ-Чая; также и на Эрзерумскую дорогу могъ бы онъ еще пройти прямо чрезъ Гоневанъ на Котанлы, по дорогѣ сравнительно довольно удобной, по крайней мѣрѣ въ сухое время. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ, его легко могутъ предупредить наши войска и въ Ардостѣ и въ Котанлы, а совершенно открытый правый флангъ его во время движенія можетъ ежеминутно подвергнуться внезапной атакѣ и конечному истребленію.

Но что станется съ арміей Мухтаръ-паши если, вмѣсто этихъ опасныхъ фланговыхъ движеній, онъ рѣшится отступить прямо на Кагизманъ?

Отступленіе на самый городъ Кагизманъ должно обойтись Мухтаръ-пашѣ чрезвычайно дорого, если только наши войска будутъ неотступно преслѣдовать его. Спускъ въ долину Аракса у селеній Харъ и Карсъ, по труднымъ дорогамъ, можетъ стоить ему остатковъ его артиллеріи и всѣхъ какія еще остались у него тяжестей. Разъ прижатому въ Кагизманѣ, — если только войсками нашими будетъ занята дорога на Гечеванъ, — Мухтаръ-пашѣ не останется иного отступленія какъ въ долину Евфрата, черезъ Агридагскій хребетъ, „по скалистой едва проходимой стезѣ,“ какъ выражается генералъ Муравьевъ въ описаніи войны 1855 года. Не многимъ удобнѣе и тропинка у подножія Ала-Дага, чрезъ Чурукъ, на большую дорогу изъ Карса въ Эрзерумъ...

Для большей наглядности прилагаемъ двѣ карты: одну представляющую во всей подробности театръ послѣднихъ битвъ, а другую болѣе обширнаго района, захватывающую Карсъ, Кагизманъ и Эрзерумъ.

Карта театра военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи



желѣзныя дороги; большая дорога; малая дорога; губернскіе города; городъ; крѣпость; фортъ; деревня;
границы: русско-турецкая; русско-персидская; персидско-турецкая.

Мѣстность послѣдняго боя близь Карса.

№ 246.

Москва, 5-го октября.

А.

Полученныя сегодня извѣстія о блистательной побѣдѣ нашей Мало-Азіятской арміи превосходятъ всѣ ожиданія. На правомъ флангѣ непріятеля положили оружіе цѣлыя три дивизіи съ семью генералами при 33 орудіяхъ; сверхъ того, съ бою взято еще 4 орудія и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. По свѣдѣніямъ *Новаго Времени*, всего взято до 20.000 плѣнныхъ. Самъ Мухтаръ бѣжалъ въ Карсъ. Онъ, слѣдовательно, не успѣлъ даже отступить съ главною частью остатковъ своей арміи. Турки стойки за валами; также и при наступленіи, пока есть надежда на побѣду, они бываютъ храбры. Иное дѣло отступленіе. Турецкія арміи искони были неспособны къ этому самому трудному военному дѣлу. Во всей ихъ военной исторіи не было напримѣръ ничего подобнаго тому мужественному отступленію, въ полномъ порядкѣ и съ постоянными боями, какое совершилъ въ продолженіи цѣлыхъ трехъ недѣль нашъ 30-ти тысячный „Рущукскій отрядъ."

Имѣя въ виду эти данныя, можно съ достовѣрностью предсказать что если только со стороны побѣдителя будетъ организовано правильное и энергическое преслѣдованіе, то отступающіе остатки арміи Мухтаръ-паши неминуемо распадутся на мелкія шайки, которыя, въ свою очередь, вскорѣ просто разбѣгутся. Великое, трудное дѣло совершено. Предстоящая теперь задача,—преслѣдованіе,—есть дѣло сравнительно легкое, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важное, такъ какъ только имъ можетъ завершиться великая побѣда.

Побѣда была ближайшимъ образомъ подготовлена чрезъ обходное движеніе на Орлокъ. Уже нѣсколько дней назадъ корреспондентъ нашъ сообщалъ объ отправленіи колоннъ въ обходъ непріятельской позиціи. Это обходное движеніе, какъ оказывается, имѣлось въ виду уже съ перваго шага „для окончательнаго разчета съ Мухтаромъ," то-есть 20 сентября.

20 сентября, честь успѣшнаго штурма Большой Ягны принадлежитъ четвертому (Несвижскому) полку сроднившейся съ Москвой первой гренадерской дивизіи. Первый шагъ ея на театрѣ войны ознаменовался блистательнымъ дѣломъ.

Мухтаръ въ Карсѣ, а Османъ въ Плевнѣ, повидимому, уже обречены одинаковой катастрофѣ. „Число перебѣщиковъ изъ Плевны увеличивается съ каждымъ днемъ," извѣщаетъ одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ. Легко понять значеніе какое имѣетъ этотъ фактъ для арміи заключенной въ кольцо тѣсной блокады. Но Османъ не унываетъ. *Политическая Корреспонденція* основательно обращаетъ вниманіе на извѣстіе что Турки свезли свои орудія съ редута противъ котораго направляются производимые Румынами подступы. Нѣтъ сомнѣнія что этимъ фактомъ изобличается замыселъ со стороны Турокъ. „Полагаютъ

что подъ этотъ редутъ Турки подвели мины," присовокупляетъ вѣнская телеграмма. Дѣйствительно, иначе не было возможности объяснить увозъ орудій съ редута, на который со дня на день слѣдовало ожидать новаго штурма.

Б.

Въ *Политической Корреспонденціи* появилась сущность ноты въ которой Порта официально заявила Лондонскому кабинету что, въ случаѣ малѣйшаго движенія эллинскихъ населеній въ Эпирѣ и Θессаліи, турецкія войска пойдутъ прямо въ Аѳины дабы *вырвать тамъ самый корень зла*. Это заявленіе не ново. Оно было немедленнымъ *результатомъ первыхъ турецкихъ успѣховъ подъ Плевной*. Имъ характеризуются послѣдствія всякой неудачи русскаго оружія.

Московскія Вѣдомости приводили на дняхъ выдержку изъ депеши г. Леярда, отъ 30-го іюня, о томъ что будто эллинскою миссіей въ Константинополѣ высланы бродяги „изъ подонковъ населенія столицы" для возбужденія возстанія среди греческихъ населеній Эпира и Θессаліи. Во всей этой исторіи не было ни йоты правды. Противъ этой клеветы энергически возстало Эллинское правительство. Сначала г. Леярдъ пытался оправдывать свои донесенія. Его поддерживало и его правительство, объясняя что оно не можетъ же, въ угоду Греціи, отрицать истину. Но эллинскій кабинетъ настаивалъ на своемъ, подтверждая свои требованія неопровержимыми доводами Наконецъ истина выяснилась. Все донесеніе представителя Великобританіи окончательно признано ложью. Дѣлать было нечего. Сколько ни мялся, сколько ни сердился Леярдъ, а пришлось письменно отречься отъ своей офиціальной напраслины, сознаться въ лживости своихъ донесеній и взять назадъ свои завѣренія. Въ лѣтописяхъ европейской дипломатіи не бывало примѣра столь позорнаго сознанія во лжи.

Событія доказали что ложь и клевета представителя Великобританіи служили основаніемъ обдуманной кампаніи замышляемой Портой противъ Грековъ. Честь первенства въ дѣлѣ изобличенія офиціальной англійской лжи принадлежитъ органу нынѣшняго греческаго кабинета, *Аѳинскому Вѣстнику*. Уже мѣсяца за полтора предъ симъ, онъ выразилъ убѣжденіе что вымышленныя Леярдомъ басни объ отправленіи греческою миссіей въ Константинополѣ разныхъ негодяевъ въ пограничныя съ Грецією турецкія области для возбужденія въ греческомъ населеніи возстанія имѣли цѣлію дать Портѣ благовидный предлогъ къ начатію звѣрствъ въ Θессаліи и Эпирѣ, а съ другой стороны, — когда этими звѣрствами былъ бы вызванъ въ Европѣ взрывъ негодованія подобный вызванному болгарскими ужасами,—чтобъ имѣть въ готовности оправданіе ихъ, подобное тому коимъ обезсмертилъ себя въ прошломъ году предмѣстникъ г. Леярда, сэръ-Генри Эллiотъ.

И вотъ теперь вполнѣ оправдываются зловѣщія предсказанія *Аѳинскаго Вѣстника*. „Извѣстія ежедневно доставляемыя „почтой изъ Эпира и Θессаліи," пишутъ отъ 30 сентября въ *Политическую Корреспонденцію*, „съ каждымъ днемъ стано„вятся все отчаяннѣе. Бѣдствія христіан„скихъ населеній этихъ странъ достигли „крайнихъ предѣловъ. Ихъ имущество, „ихъ честь, ихъ жизнь преданы на про„изволъ варварскихъ шаекъ Черкесовъ, Ге„говъ и Зейбековъ, величаемыхъ Портою *солдатами*, коими она наполнила эти „области будто роемъ саранчи. И не надо „думать что эта необузданная солдатчина „ограничиваетъ свои подвиги только сель„скими захолустьями... На дняхъ, напри„мѣръ, шайкой высаженныхъ изъ Смирны „1.200 Зейбековъ ограбленъ до тла городъ „Воло; Турново, Элассонъ, Олимпія и сотни „другихъ населенныхъ христіанами мѣстъ „также были ограблены и опустошены са„мымъ неистовымъ образомъ; въ Лариссѣ, „гдѣ греческое консульство только съ тру„домъ и опасностью умѣло предупредить „такое же насильственное вторженіе, сре„ди бѣла дня, на улицахъ и площадяхъ, „открытъ настоящій рынокъ для сбыта „награбленнаго и въ Лариссѣ и въ ея ок„рестностяхъ имущества... Что же касает„ся турецкихъ властей, то тѣ изъ нихъ „кои сохранили еще хоть сколько-нибудь „совѣсти даютъ себѣ видъ будто онѣ обо „всемъ этомъ ничего не знаютъ и ничего „не слыхали; остальные, неисправимо на„глые турецкіе чиновники,—а къ сожалѣ„нію огромное большинство ихъ прина„длежитъ именно къ этой категоріи,—явно „дѣйствуютъ заодно съ этими разбойника„ми-солдатами. По всему видно что кон„стантинопольское центральное правитель-

„ство какъ будто старается открыть путь „этому току и накопленіемъ насилій вы„вести наконецъ изъ терпѣнія своихъ гре„ческихъ подданныхъ и ускорить взрывъ „возстанія, повидимому составляющаго тай„ную цѣль ея въ этой гнусной трагедіи...“

А между тѣмъ, ничего не было бы легче для Порты какъ положить предѣлъ неистовствамъ ея баши-бузуковъ. Для этого стоило бы лишь прекратить ничѣмъ не оправдываемый, безпрестанный привозъ дикарей изъ Малой Азіи въ Эпиръ и Ѳессалію. Съ другой стороны, нѣсколько примѣрныхъ казней тоже мгновенно остановили бы разнузданныхъ дикарей.

Замѣчательно что въ настоящее время Турки уже льстятъ себя надеждой что ими достигнута главная цѣль ихъ вооруженнаго сопротивленія Россіи,—отсрочка войны до зимы,—а слѣдовательно де и до весны.

Турки судятъ о Русской арміи по своимъ войскамъ. По свѣдѣніямъ изъ Константинополя въ *Политическую Корреспонденцію*, люди египетскаго, сирійскаго и анатолійскаго контингентовъ турецкой арміи уже теперь не въ состояніи выносить суровый для нихъ климатъ Болгаріи, и мрутъ какъ мухи. Турки воображаютъ что то же самое будетъ и съ Русскою арміей. Они забываютъ что для русскаго солдата болгарская зима можетъ напоминать развѣ начало осени его отечества. При всемъ томъ, именно на надеждѣ что Русскіе не лучше Египтянъ могутъ выносить болгарскую зиму, Порта основываетъ уже теперь цѣлую систему истребленія греческой національности. „Сравнительный неуспѣхъ „русскаго оружія, перспектива вынужден„наго зимнею непогодой перемирія въ Бол„гаріи, при внѣшнемъ спокойствіи Греціи, „продолжающей втихомолку свои воору„женія,“ продолжаетъ уже цитованный нами аѳинскій корреспондентъ вѣнскаго офиціознаго листка, „все это способствовало воз„бужденію въ турецкомъ правительствѣ „желанія ускорить *окончательную ликви„дацію своихъ разчетовъ съ Эллинскимъ „королевствомъ*... Такимъ образомъ обна„руживается все коварство турецкой по„литики. Оно стремится къ своей цѣли „и вызываетъ столкновеніе, но при этомъ „имѣетъ въ виду сохранить *внѣшнее при„личіе* и выставить себя не нападающею „стороной, а жертвой нападенія...“

Именно въ этомъ отношеніи нынѣшній представитель Англіи въ Константинополѣ, г. Леярдъ, и является достойнымъ пособникомъ замышляемаго Портой злодѣянія.

„Такимъ образомъ объясняется,“ продолжаетъ цитуемая корреспонденція, „что „Порта не только нагло и категорически „отрицаетъ всѣ разбои производимые ея „солдатами, и высказываетъ сомнѣніе на „счетъ документально доказанныхъ фак„товъ, но уже теперь обращается къ Ан„гліи съ жалобами на будто бы нестерпи„мое положеніе принятое Греціей, подго„товляющею все ко вторженію своихъ войскъ „въ Турцію. *Къ несчастію, Англія другъ „Турціи.* Вмѣсто того чтобы разсѣять ни „на чемъ не основанные страхи Турціи, „Англія принялась школить (hofmeistern) „Грецію и упрекать ее въ дѣйствіяхъ *ко„ихъ подлинность уже опровергнута ве„ликобританскимъ посланникомъ въ Аѳи„нахъ...*“

Итакъ, и въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ, представители Англіи *принуждены* отрицать приписываемые Портой Греціи факты,—а Англійское правительство продолжаетъ основываться на этихъ, завѣдомо ложныхъ, фактахъ чтобы „школить“ Эллинское правительство и противиться его вооруженіямъ. Видно что въ концѣ концовъ кабинетъ Беконсфильдъ-Дарби считаетъ въ числѣ пресловутыхъ „англійскихъ интересовъ“ также и задачу „школить“ Грековъ по той самой программѣ какъ школятся Болгары. Къ этому, очевидно, идетъ дѣло. По несчастію настоящее эллинское министерство имѣетъ во главѣ своей людей, какъ напримѣръ г. Трикупи, слѣпо подчиняющихся вліянію Англіи и теряющихъ изъ вида что отечество ихъ можетъ жестоко поплатиться за ихъ неисправимое ослѣпленіе. Неужели эти люди не убѣдятся наконецъ что Британскій кабинетъ дѣйствуетъ совершенно заодно съ Турціей, и уже впередъ принимаетъ на себя роль *пособника ея злодѣяній?..*

Но Порта ошибается въ своихъ разчетахъ. Не только русскіе солдаты вынесутъ зиму Болгаріи лучше чѣмъ египетскіе выносятъ ея лѣто, и зима не будетъ препятствіемъ къ продолженію похода, но съ прибытіемъ подкрѣпленій весьма возможно что Русскіе окончатъ уже и до зимы затянутую ихъ роковою малочисленностью войну. Въ этомъ смыслѣ высказывается и берлинскій корреспондентъ *Политической Корреспонденціи.* По свѣдѣніямъ этого, близко

стоящаго къ официальнымъ сферамъ, корреспондента, удивившая всю Европу „жизненность“ Турціи поддерживалась до сихъ поръ только *самою же Европой* и особенно Англіей. Въ самомъ дѣлѣ, въ составѣ турецкой арміи находится *безчисленное* множество офицеровъ изо всей Европы, въ томъ числѣ четырнадцать состоящихъ до сихъ поръ *на дѣйствительной службѣ въ Британской арміи*, не считая инженеровъ, лаборантовъ, литейщиковъ, оружейниковъ и другихъ ученыхъ спеціалистовъ и мастеровъ, *тысячами* доставляемыхъ изъ Англіи. Но и этотъ призракъ искусственной „жизненности“ видимо де уже начинаетъ исчезать... Наплывъ новобранцевъ изъ Азіи и Африки съ каждымъ днемъ уменьшается; арсеналы истощаются, подвозы умаляются; о кредитѣ нѣтъ и помину. „Еслибы Русскимъ удалось нанесть теперь „же рѣшительный ударъ одной изъ двухъ „борющихся съ ними въ Болгаріи турец„кихъ армій,“ присовокупляетъ въ заключеніе цитуемый корреспондентъ, „то имъ „и въ этомъ году можно было бы возоб„новить свое движеніе за Балканы, и тогда, „въ Адріанополѣ, они едва ли встрѣтятъ „какое-либо серіозное препятствіе...“

Во всякомъ случаѣ одна Россія, а никакъ не Англія, спасетъ Грецію отъ грозящей ей страшной участи. Совѣтуя Греціи прекратить свои вооруженія, Англія очевидно имѣетъ въ виду лишь облегчить Туркамъ расправу съ Греціей. Весьма понятно что Россія подаетъ въ этомъ случаѣ Греціи совѣты діаметрально противоположные тѣмъ кои такъ назойливо повторяются въ Аѳинахъ представителемъ Англіи. Участь Греціи нынѣ въ ея собственныхъ рукахъ. Не сдобровать ей если она послѣдуетъ политикѣ эллинскихъ англомановъ и англійскихъ филэллиновъ...

№ 247.

Москва, 6-го октября.

А.

Послѣ завтра, 8 октября, минетъ первое полстолѣтіе со дня Наваринскаго морскаго сраженія. Какія разнорѣчивыя чувства должна вызвать эта достославная годовщина съ одной стороны въ Россіи, въ Греціи, во всемъ восточномъ христіанствѣ, съ другой—въ Англіи и Франціи! Насколько можетъ гордиться этою достославною тризной Россія, оставшаяся вѣрною своему дѣлу, настолько должны быть пристыжены ею западныя державы, систематически направляющія съ тѣхъ поръ всѣ силы чтобъ уничтожить это, съ ихъ участіемъ начатое, великое дѣло! Какія чувства, наконецъ, должна вызвать эта годовщина въ нашихъ воинахъ, борющихся и нынѣ, какъ полвѣка назадъ ихъ доблестные предки, съ тѣмъ же врагомъ въ долинахъ Дуная и Аракса, а особенно между нашими доблестными моряками безъ флота!

8 октября 1827 года, въ Наваринскую бухту, на западномъ побережьи Мореи, подъ начальствомъ главнокомандовавшаго тремя эскадрами англійскаго вице-адмирала Кодрингтона, въ исполненіе наканунѣ посланнаго Портѣ ультиматума, стали подвигаться вмѣстѣ, на всѣхъ парусахъ, флаги Россіи, Англіи и Франціи. Во главѣ колонны плылъ русскій линейный корабль *Азовъ*, съ незабвеннымъ для всего русскаго, но въ особенности для Черноморскаго флота, капитаномъ Лазаревымъ, и подъ флагомъ командира русской эскадры графа Гейдена. Противъ союзнаго флота о 28 судахъ, при 1.298 орудіяхъ, стоялъ турецко-египетскій флотъ Ибрагимъ-паши египетскаго, того самаго кто, принявшись за „истребленіе греческой національности“ съ цѣлью замѣстить ее магометанскими выходцами, также какъ Мидхады и Шевкеты принялись прошлаго года за истребленіе болгарской націи, вызвалъ въ цѣлой Европѣ взрывъ негодованія, который разразился тогда не безплоднымъ дипломатическимъ пустословіемъ, а отправленіемъ въ Архипелагъ эскадръ трехъ первенствовавшихъ въ то время морскихъ державъ Европы. Подъ начальствомъ Ибрагима, осторожно сдавшаго на время боя команду Тагиръ-пашѣ, турецкій флотъ состоялъ изъ 65 судовъ при 2.106 орудіяхъ и подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ сотъ орудій береговыхъ батарей и фортовъ. Полагаясь на такое громадное превосходство матеріальныхъ силъ, Ибрагимъ, по приказанію Порты, измѣннически нарушилъ только что заключенное перемиріе. И вотъ грянулъ громъ Наварина! По медленно вступавшему въ тѣсную Наваринскую бухту русскому флагманскому кораблю и впереди его шедшей парламентерской лодкѣ, двѣ

слишкомъ тысячи металлическихъ жерлъ вдругъ разразились огнемъ и желѣзомъ. Русскія суда спокойно, *безъ выстрѣла*, продолжали свое шествіе... Но вотъ раздался сигналъ, и не прошло *четырехъ часовъ*, какъ отъ всего турецко-египетскаго флота осталось лишь *три* египетскія судна, коимъ великодушный побѣдитель даровалъ пощаду...

Казалось, громовымъ ударомъ Наварина должны были бы сразу разрѣшиться судьбы христіанскаго Востока. Благодаря дипломатіи, вышло противное. Западная Европа испугалась собственнаго геройства. Наваринъ вызвалъ никѣмъ не предвидѣнный поворотъ. Онъ повелъ не къ совокупному разрѣшенію Восточнаго вопроса, а къ обращенію союзныхъ державъ противъ Россіи. Хотя въ Англіи и прославляли Наваринъ „самою честною побѣдой“ въ исторіи, но именно Англія, въ досадѣ за Наваринъ, первая обратилась противъ Россіи. Она хотѣла было „взять за руку“ Россію. Но оказалось что Россія повела Англію... Хотя менѣе явно чѣмъ Англія, но Франція тоже, судя по дѣйствіямъ командира ея эскадры вице-адмирала де-Риньи, всѣми силами старалась перечить предпринятому Россіей великому дѣлу. А особенно враждебно отнеслась къ Россіи Меттерниховская Австрія. Россія осталась одна...

Тутъ приходится намъ уступить слово замѣчательной и интересной книгѣ, въ прославленіе Наваринской годовщины только что изданной бывшимъ мичманомъ нашего Черноморскаго флота, служившимъ именно на кораблѣ *Память Азова*, извѣстнымъ бойцомъ за Сибирскую желѣзную дорогу, полковникомъ Е. В. Богдановичемъ. Книга эта продается „въ пользу вдовъ и сиротъ матросовъ убитыхъ въ войну 1877 года.“ Не говоря уже о чрезвычайно интересныхъ и не появлявшихся до сихъ поръ въ печати историческихъ матеріалахъ коими изобилуетъ книга г. Богдановича, въ ней обозначены всѣ замѣчательнѣйшія фазы эпохи отъ 1827 по 1829. Особенно интересны приводимые г. Богдановичемъ въ параллель общіе выводы изъ главныхъ событій ознаменовавшихъ и тогдашнюю и нынѣшнюю войну, а равно причины неудачъ при началѣ обѣихъ войнъ. Не менѣе интересны подробности характеризующія постепенный поворотъ совершившійся послѣ Наварина въ воззрѣніяхъ Англійскаго правительства на Восточный вопросъ, а также иллюзіи увлекавшія и тогда нашу дипломатію...

Какъ въ 1876 году, въ Кремлѣ, по возвращеніи Государя изъ Ливадіи, присовокупляетъ г. Богдановичъ, такъ и въ знаменитой депешѣ графа Нессельроде въ 1828 году, единымъ царственнымъ словомъ исправились всѣ нескончаемыя ошибки, всѣ наивныя предположенія и несбыточныя надежды дипломатіи. „Каковъ бы ни былъ „въ Лондонѣ и Парижѣ пріемъ нашимъ „предложеніямъ,“ присовокуплялъ въ концѣ депеши графъ Нессельроде, „Государь „рѣшился принять мѣры требуемыя для „исполненія трактата 6 іюля и прибѣгнуть „для этого къ силѣ оружія.“ Вопреки фальшивымъ свѣдѣніямъ и убѣжденіямъ дипломатіи, Государь одинъ обладалъ полнымъ сознаніемъ истины, и если Англія и Франція могли находить согласнымъ со своими интересами предаваться относительно Наварина Пенелопиной работѣ и напрягать всѣ силы чтобъ уничтожить плоды геройства своихъ сыновъ, то Русскій царь не находилъ согласнымъ ни съ честью, ни съ интересами Россіи чтобы пролитая въ Наваринѣ русская кровь осталась безплодною.

И она не осталась безплодною. Вопреки угрожающему положенію принятому Англіей, особенно Австріей,—и не современною Австріей, *раздѣлявшеюся на ся* и выброшенною изъ Германіи,—а Австріей Меттерниха, управлявшею не только Германіей, но и Италіей, юный Императоръ Россіи объявилъ Турціи войну, и хотя численная слабость русской арміи (причиненная дипломатическими вліяніями) не позволила ей окончить войну въ первый годъ; за то въ слѣдующемъ году Россіей былъ предписанъ въ Адріанополѣ миръ, коимъ впервые выговорено полное освобожденіе по крайней мѣрѣ части христіанъ. И тогда, и нынѣ „все дѣло въ терпѣніи, въ выносливости,“ присовокупляетъ г. Богдановичъ. „Въ этомъ отношеніи современная Россія не уступитъ не только Россіи 1828, но и Россіи 1812 годовъ. Великое дѣло не обходится безъ великихъ жертвъ.“ Но и въ тотъ разъ какъ и нынѣ, Русскій Государь истощилъ всѣ средства и къ примиренію, и къ совокупному съ нимъ дѣйствію Европы. Онъ обращался къ Англіи и къ Франціи. На предложенія его послѣдовалъ отказъ. „Еслибы Англія и Франція,“ замѣчаетъ по этому поводу г. Богдановичъ, исполнили добросовѣстно всѣ при-

нятыя ими обязательства, то послѣ Наваринскаго погрома Порта, конечно, просто приняла бы коллективный ультиматумъ трехъ державъ. Войны бы не было; но не было бы и полнаго освобожденія Греціи и значительныхъ льготъ *дарованныхъ* Турціей Сербіи *по требованію* Россіи при заключеніи мира. Все дѣло кончилось бы установленіемъ въ *одной* Мореѣ вассальныхъ отношеній вмѣсто полнаго подданства. Чѣмъ дороже достается побѣда, тѣмъ дороже долженъ поплатиться за нее побѣжденный... Провидѣніе видимо руководило Россіей, направляя ее на кровавый, но славный путь ея историческаго призванія. И орудіемъ Божественному Промыслу служили именно самые заклятые враги этого призванія..."

Б.

Изъ Караяла нѣтъ извѣстій. Но въ этомъ случаѣ,—болѣе чѣмъ когда-либо—pas de nouvelles, bonnes nouvelles. До того ли чтобы разказывать сдѣланное, когда надо дѣлать, когда дѣло должно кипѣть...

Куріозны приводимыя сегодня о погромѣ Мухтара турецкія и туркофильскія телеграммы. Оказывается что Мухтаръ, какъ будто „по домашнимъ обстоятельствамъ", отправился въ Карсъ, взявъ съ собою *часть войскъ*. Все остальное изложено со свойственными этому „enfant chéri de la victoire" комическими умолчаніями. Онъ покинулъ позицію которую укрѣплялъ въ продолженіи полутора мѣсяца; второпяхъ потерялъ на пути 32 орудія; куда дѣвалась вся его армія онъ, повидимому, самъ не знаетъ... Ужь лгать такъ лгать... А изъ строя у него выбыло никакъ человѣкъ восемьсотъ.

Не дурна также *тифлисская* телеграмма корреспондента туркофильскаго вѣнскаго *Tagblatt*. Онъ сознается въ пораженіи Мухтара, но какая же де тутъ слава для Русскихъ? Вѣдь ихъ ихъ было де *70.000 противъ 30-тысячной арміи Мухтара*...

„Противъ Измалъ-паши тоже принимаются мѣры," говоритъ вѣнскій туркофилъ въ заключеніе. Дѣйствительно, было бы хорошо теперь ударить на армію Измаилъ-паши, расположенную на Чингильскихъ высотахъ, на самой границѣ нашей, къ сѣверу отъ Баязида. Отъ Баязида къ Галанъ-Кале ведетъ весьма удобная большая дорога. Но, судя по картѣ, къ Чингильскимъ высотамъ ведутъ изъ окрестностей Карса и другія дороги, минуя не проходимый для *полевой* артиллеріи Агридагскій хребетъ, отдѣляющій долину Аракса отъ долины Евфрата.

Любо читать въ депешѣ Главнокомандующаго изъ Горнаго Студня о дѣйствіяхъ казаковъ. Они освободили 700 злополучныхъ существъ изъ рукъ гнусныхъ скотовъ, которыхъ право грѣхъ миловать, хотя англійскіе филантропы *Daily Telegraph* и *Standard* при первомъ извѣстіи о разгромѣ арміи Мухтара уже суетились какъ бы спасти этихъ „бѣдныхъ" Турокъ ради „англійскихъ интересовъ."

Только теперь оказывается какую огромную пользу могли бы принести нашей арміи храбрые наѣздники съ береговъ Дона, Кубани и Терека, еслибъ ими лучше воспользовались при первомъ появленіи Османа у Плевны. Припомнимъ что̀ было говорено объ этомъ въ нашей газетѣ еще въ концѣ іюня, по поводу извѣстія что изъ Виддина перевозилась въ Плевну *осадная артиллерія*...

№ 248.

Москва, 7-го октября.

Когда эти строки появятся въ печати, уже совершится полувѣковая годовщина Наваринской битвы. Озираясь на пройденную съ тѣхъ поръ стезю, Россія можетъ съ достоинствомъ праздновать эту тризну и поздравлять съ нею своего Государя, доблестно выступившаго на путь открытый Его родителемъ. „Наваринъ долженъ быть первымъ шагомъ къ освобожденію Греціи," писалъ главнокомандующій тогда союзными эскадрами, адмиралъ Кодрингтонъ. Предсказаніе это исполнилось. Но исполнилось оно *не при содѣйствіи* двухъ боевыхъ союзниковъ Россіи въ Наваринской бухтѣ, какъ надѣялся Кодрингтонъ, — а *вопреки противодѣйствію* этихъ двухъ бывшихъ союзниковъ, вдругъ превратившихся во враговъ, — особенно Англіи, — при первомъ признакѣ что этимъ союзомъ можетъ быть достигнута не тайная и вѣроломная цѣль его—парализовать усилія Россіи,—а та которой домогалась Россія, то-есть независимость Греціи. Вѣрно то что Греція обязана своею независимостію *Россіи*, и *одной* Россіи. Но если вопросъ

о политической независимости Греціи былъ понятъ всѣми какъ естественный результатъ побѣды Россіи надъ Турціей, тѣмъ болѣе что быстрымъ заключеніемъ Адріанопольскаго мира Европѣ было предоставлено лишь признаніе „совершившагося событія," то иную участь имѣлъ вопросъ о границахъ для вновь создаваемаго государства. Еще до открытія военныхъ дѣйствій, и въ продолженіи всей войны, вопросъ этотъ былъ предметомъ дипломатическаго диспута происходившаго въ Лондонѣ. Впрочемъ, уже при Императорѣ Александрѣ I, Петербургскимъ кабинетомъ былъ поставленъ этотъ вопросъ такъ что, кромѣ Мореи и Аттики, въ составъ предполагавшагося тогда вассальнаго Портѣ греческаго государства должны были входить и Эпиръ, и Кандія, этотъ ключъ и перлъ Архипелага. Но въ Греціи и тогда была сильна англійская интрига. Ея стараніями была вызвана якобы „патріотическая" агитація, требовавшая включенія въ составъ Греціи всего Архипелага, какъ будто всѣ второстепенные острова могли долго оставаться во власти Турціи еслибы Кандія присоединена была къ Греціи! Результатомъ этой агитаціи былъ протестъ *противъ предложеній Россіи*, и съ этимъ протестомъ мнимые эллинскіе патріоты обратились — къ Англіи! „Само собою разумѣется," присовокупляетъ къ этому разказу г. Богдановичъ въ только что изданной имъ книгѣ *Наваринъ*, „Лондонскій ка„бинетъ встрѣтилъ съ восторгомъ такъ „неожиданно игравшій ему въ руку эллин„скій *патріотизмъ*. Опираясь на него, „*либеральная* Англія поспѣшила явиться „въ Петербургѣ *защитницей правъ эллин„ской національности*. Эта роль была по„ручена нарочно отправленному для этого „въ Петербургъ сэръ-Стратфордъ Каннин„гу, ознаменовавшему себя въ послѣдствіи „самою ожесточенною враждой противъ „всего восточнаго христіанства..." Во имя *правъ эллинской національности*, этотъ негаданный защитникъ ея объявилъ что онъ не можетъ участвовать въ созванной для обсужденія русскаго предложенія конференціи. Но отклонивъ русское предложеніе, Англичанинъ *забылъ* представить въ замѣнъ другое, лучшее, предположеніе. Россія замолкла, — и уже въ Европѣ не было болѣе рѣчи объ окровавленной, измученной Греціи, продолжавшей отчаянную борьбу со свирѣпымъ Ибрагимъ-пашой...

Какой назидательный урокъ для современныхъ греческихъ англомановъ, слѣдующихъ совѣтамъ британской дипломатіи!

Но съ воцареніемъ Императора Николая Россія снова подняла греческій вопросъ. На этотъ разъ Греки были благоразумнѣе, что̀ доказывается уже избраніемъ ими графа Каподистріи во главу своего правительства. Вновь былъ возбужденъ въ Лондонѣ вопросъ о границахъ предполагаемаго новаго государства. Недавняя защитница правъ эллинской національности, Англія, предложила ограничить его одною Мореей, и предложеніе это было поддержано Франціей и Австріей. Но уже вскорѣ послѣ Наваринской битвы Россія протестовала противъ притязанія державъ устраивать судьбу Греціи не спросясь самой Греціи. 21 марта 1828 года, графъ Нессельродъ писалъ графу Гейдену: „Съ объявленіемъ „войны Турціи, Россія можетъ считать „Грековъ своими естественными союзни„ками. Поэтому вы доставите имъ всякое „пособіе... Государь считаетъ необходимымъ „чтобы въ день заключенія мира Греція „находилась въ положеніи которое дало бы „намъ право и возможность, вопреки ви„дамъ Англіи, Франціи и Австріи, устано„вить основы для ея возрожденія и гра„ницы ея владѣній..." *) Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 14 августа, русскій канцлеръ доказывалъ необходимость образовать изъ Греціи государство „могущее держаться собственными силами," и непремѣннымъ условіемъ такого государства находилъ присоединеніе Кандіи, Негропонта и большей части острововъ Архипелага...

Но благія намѣренія Русскаго Царя, къ несчастію, не могли вполнѣ осуществиться благодаря упорному противодѣйствію Англіи и Австріи, которыя находили себѣ, хотя и робкую, поддержку во Франціи. Греція получила Негропонтъ и Циклады, но ни Эпира, ни геройской первоначальницы возрождавшагося эллинизма, Кандіи, ей не дали западные фальшивые друзья... Кандію предали они на жертву разсвирѣпѣвшему звѣрю. Вопреки не разъ повтореннымъ съ тѣхъ поръ усиліямъ геройскаго острова, вопреки не прекращавшимся протестамъ Россіи въ его пользу, Европа до сихъ поръ не допускала избавленія Кандіи... Вотъ великія историческія поученія какія Наваринская годовщина

*) *Наваринъ*. Богдановича стр. 72 и 73.

должна преподать Грекамъ и напомнить имъ что Грецію создала *Россія* и *одна* Россія.

Но и намъ, Русскимъ, эта достославная годовщина должна дать не мало поученій. Предъ самою войной, Турція вдругъ вздумала мириться съ Греціей на основаніи полной амнистіи и *statu quo ante bellum*. Англія и Франція настаивали чтобы Греки приняли это предложеніе. Но Россія поддержала Грековъ, и предложеніе было отвергнуто. „Содѣйствіемъ Греціи, увлекшей за собой и бо́льшую часть Албаніи," сказано по этому поводу въ книгѣ г. Богдановича, „Россіи была оказана не малая услуга въ продолженіе ея войны съ Турціей въ 1828—1829 годахъ. Полвѣка спустя, Порта, рѣшившись на войну съ Россіей, дѣйствовала по той же программѣ относительно будущихъ естественныхъ и самыхъ полезныхъ союзниковъ послѣдней... Но въ этотъ разъ сама русская дипломатія соперничала съ англійскою и австрійскою, чтобы побудить именно *самаго полезнаго* своего *естественнаго союзника*, Сербію, заключить съ Турціей отдѣльный миръ почти наканунѣ объявленія войны..."

Впрочемъ, не будь Россіи, не находись во главѣ русской эскадры въ Архипелагѣ такой энергическій и честный человѣкъ какъ графъ Гейденъ, въ Кандіи уже во время войны 1828—29 года была бы приведена въ исполненіе начатая было въ Морeѣ Ибрагимъ-пашой система истребленія греческой національности. Въ силу опредѣленій Лондонскаго договора, Кандія, какъ главное складочное мѣсто египетской арміи въ Морeѣ, уже съ 1827 года была оцѣплена тѣсною блокадой судовъ союзнаго флота. Но въ 1828 году, Лондонскою же конференціей, этотъ островъ не былъ включенъ въ число странъ предназначенныхъ въ составъ новаго государства. Подъ этимъ *предлогомъ* было предписано снятіе блокады Кандіи. Едва состоялось это предписаніе какъ въ Кандію явился съ войскомъ кровожадный Сулейманъ-паша, поспѣшившій приводить въ исполненіе замышленную Ибрагимомъ систему. Греки и Каподистрія обратились съ мольбой къ союзнымъ эскадрамъ о помощи. Только графъ Гейденъ отозвался на это моленіе отправивъ два военныя судна въ крейсерство къ берегамъ Кандіи. Эта мѣра спасла Кандію, но вызвала дипломатическую бурю со стороны Лондонскаго кабинета. Вотъ заключеніе отвѣта графа Нессельрода на *угрозы* Англіи: „Государь предписываетъ вамъ," писалъ онъ русскому послу въ Лондонѣ, „обратить вниманіе англійскаго правительства на слѣдующій фактъ: Кандія не входитъ въ составъ Греціи; но *слѣдуетъ ли изъ этого что на глазахъ соединенныхъ силъ трехъ первыхъ державъ въ мірѣ жители этого острова должны быть преданы мести и звѣрству Турокъ?*" И графъ Гейденъ былъ оправданъ, и блокада была удержана...

№ 249.

Москва, 8-го октября.

А.

Не успѣлъ затихнуть громъ русской побѣды въ Арменіи, какъ одинъ изъ англійскихъ министровъ, генералъ-почтмейстеръ лордъ Маннерзъ, поспѣшилъ всенародно сказать въ Ипсвичѣ что „Британское правительство *готово* вмѣшаться для прекращенія войны на основаніи удовлетворительномъ *для военной чести обѣихъ воюющихъ сторонъ* и справедливо соотвѣтствующемъ интересамъ Европы."

Прежде чѣмъ остановиться на значеніи этихъ странныхъ словъ британскаго министра, его признаніе даетъ намъ случай оцѣнить характеръ доброй услуги которую вызывается оказать намъ Англійское правительство. Толки о посредничествѣ начались именно въ то время когда вся туркофильская печать предавалась необузданному ликованію по поводу выдуманныхъ ею турецкихъ побѣдъ и восторгалась жизненностью какую будто бы обнаружила Оттоманская имперія (благодаря англійскимъ конфортативамъ). Въ то же самое время не было конца глумленіямъ надъ нашимъ безсиліемъ. Намъ предрекали всевозможныя бѣдствія. Кампанія нынѣшняго года на обоихъ театрахъ войны объявлялась рѣшительно конченною, а для зимней кампаніи, для продолженія войны, Россія совершенно де неспособна. Войска ея должны де будутъ перемереть отъ болѣзней и голода, при невозможности продовольствовать ихъ, и, кромѣ того, ей грозитъ де полное финансовое банкротство. Казалось бы о чемъ же и хлопотать благо-

пріятелямъ Турціи? Однако, этимъ морочилась только легковѣрная часть публики. Люди свѣдующіе спѣшили только воспользоваться передышкой, которая казалась благопріятною для Порты. И дѣйствительно, извѣстно что въ это самое время графъ Бейстъ ѣздилъ совѣщаться съ лордомъ Дарби въ его помѣстье, а австрійскій посолъ въ Константинополѣ графъ Зичи имѣлъ у султана аудіенцію облеченную такою тайной что бесѣда велась при помощи особаго неофиціальнаго драгомана. А вслѣдъ за этимъ, султанъ, напутствуя выступавшихъ въ походъ новобранцевъ, выразилъ надежду что война скоро окончится выгодно для Турціи, и можно де будетъ приступить къ уврачеванію ея бѣдствій и къ необходимымъ реформамъ. Порту, видите ли, склоняли къ снисходительности, а намъ совѣтовали воспользоваться ея примирительнымъ расположеніемъ пока не наступила распутица. По крайней мѣрѣ, въ это самое время британскій канцлеръ казначейства обнадеживалъ своихъ слушателей въ Экзетерѣ что если настоящая война была обильна сюрпризами, то равномѣрно всѣ могутъ быть пріятно удивлены неожиданнымъ миромъ. Тогда мы впервые услышали фразу объ удовлетвореніи военной чести. Пророческимъ тономъ объявлялъ онъ что усматриваетъ „лучъ надежды“ на скорый миръ по крайней мѣрѣ въ томъ обстоятельствѣ что оба противника равно удовлетворили требованіямъ военной чести.

Что попытки Англіи потерпѣли неудачу, это явствуетъ изъ того что черезъ немного дней затѣмъ другой министръ, лордъ Салсбери, державшій рѣчь въ Брадфордѣ, принужденъ былъ разсѣять надежды только что возбужденныя его товарищемъ. Онъ не отрекался что Британское правительство не пощадитъ усилій для достиженія мира, но достигнуть этой цѣли, присовокуплялъ онъ, возможно только въ томъ случаѣ когда тою или другою стороной будетъ одержана рѣшительная побѣда, *any overwhelming victory*, или когда одинъ изъ противниковъ совершенно истощитъ свои средства. Къ своему крайнему сожалѣнію, однако, благородный лордъ не усматривалъ еще этихъ признаковъ истощенія, и замѣтилъ: „никто не можетъ предсказать ожидаетъ ли насъ скорый миръ или продолжительная война.“ Рѣчь лорда Салсбери даетъ чувствовать что авансы Англіи встрѣтили холодный пріемъ почти повсюду. Предостерегая своихъ слушателей отъ увлеченій, онъ увѣдомилъ ихъ что есть два рода дипломатіи: одна даетъ просто совѣты, другая же скрываетъ за совѣтами угрозу. Для Англіи, говорилъ онъ, доступна только первая, то-есть давать миролюбивые совѣты и надѣяться что они будутъ приняты. „Но не требуйте,“ убѣждалъ онъ, „чтобы мы дѣлали кирпичи безъ соломы; „не требуйте чтобы мы пользовались авторитетомъ военнаго правительства, когда въ то же время вы налагаете на насъ „обязанность поддерживать миръ. Еслибы „вы захотѣли походить на военную держа„ву которую мы всѣ можемъ назвать, если „бы вы захотѣли имѣть большой наборъ, „служить поголовно въ арміи, и давать „деньги на ея содержаніе, выиграть двѣ „или три успѣшныя войны, то нѣтъ со„мнѣнія что тогда вы будете пользоваться „въ совѣтахъ Европы тѣмъ господствомъ „какое принадлежитъ успѣшному мечу.“ Прямодушный лордъ Салсбери или не хотѣлъ, или еще не искусился подражать хвастовству своихъ соотечественниковъ о вліяніи Англіи, и прямо высказалъ то что и безъ него очень хорошо знаютъ всѣ Англичане. Очевиденъ въ словахъ его намекъ на Германію, которая отклонила посредническія старанія Англіи.

Но вотъ грянула побѣда надъ Мухтаромъ, и Англія, въ отчаяніи за опекаемую ею Турцію, спѣшитъ устами того же министра, лорда Маннерза, провозгласить эту побѣду именно такою „подавляющею“ какой ждалъ лордъ Салсбери, и заявить о своей готовности помочь заключенію мира на основаніи „удовлетворяющемъ честь обѣихъ воюющихъ сторонъ.“ Эту фразу подхватываютъ хоромъ туркофильскія газеты. Удивительный пріемъ сумѣли усвоить себѣ англійскіе политики! Выдумаютъ сами что-нибудь и начинаютъ преспокойно разсуждать о томъ какъ о дѣлѣ неопровержимо признанномъ и требуемомъ всѣми. Такъ, если вѣрить имъ, Англія одна только во всемъ мірѣ держава не честолюбивая и не завоевательная. Также точно они преспокойно твердятъ что интересы Англіи суть интересы „всемірной цивилизаціи и всей Европы,“ какъ будто въ этомъ всѣ давнымъ давно убѣждены. И вотъ, съ такою же развязностью заговорили они теперь объ „удовлетвореніи“ нашей военной чести. Россія одержала де, наконецъ, блистательную побѣду: чего же ей болѣе, и къ чему про-

должать войну? Какъ будто Россія предприняла войну ради потѣхи, и какъ будто англійскіе министры призваны быть судьями ея военной чести!

Но объ этомъ конечно не стóитъ говорить. Англія, по словамъ лорда Салсбери, вольна давать совѣты; но навязывать ихъ она, по его же сознанію, безсильна. У Англіи можетъ имѣться въ виду одинъ только союзникъ на котораго она могла бы положиться: это мадьярская Австрія. Но у Австріи вообще есть *свои* интересы отличные отъ англійскихъ, и прежде всего интересъ самосохраненія. Австрія, несмотря на всѣ интриги Англичанъ и Мадьяръ, предпочитаетъ оставаться въ Союзѣ Трехъ Императоровъ. И не одно личное влеченіе удерживаетъ ее на этомъ безопасномъ для нея пути, несмотря на страсти влекущія ее въ другую сторону. Достаточно обратить вниманіе какъ много шума возбудило такое казалось бы не важное событіе какъ поѣздка въ Берлинъ президента Италіянской палаты, г. Криспи. Отчего эта поѣздка и рѣчи произнесенныя въ Берлинѣ г. Криспи возбудили такое озлобленіе какъ въ вѣнской, такъ и въ туркофильской лондонской печати? А между тѣмъ никакіе толки не могли до сихъ поръ доказать что г. Криспи ѣздилъ съ дипломатическимъ порученіемъ. Можетъ-быть что-нибудь подобное и не лишено вѣроятія, но пока его поѣздка только дала удобный поводъ напомнить о тѣсной солидарности между Италіей и Германіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось припомнить Австріи что у ней остались еще кое-какіе непоконченные счеты, и слѣдовательно хладнокровнѣе взвѣсить выгоды вѣрности Трехъ-Императорскому Союзу.

Безъ содѣйствія Австріи, Англія безсильна что-нибудь предпринять. Стало-быть, что бы ни говорили британскія министры, рѣшеніе не въ ихъ рукахъ. Устоитъ ли Австрія противъ искушенія,—это вопросъ болѣе серіозный, отъ коего будетъ зависѣть многое не на одномъ Востокѣ, но и на Западѣ. Въ настоящее время вся Европа опутана вопросами сложными, рѣшеніе коихъ должно послѣдовать согласно съ историческими требованіями, а не по внушенію личныхъ страстей и торгашескаго эгоизма Англіи. Обращаемъ вниманіе на письмо нашего вѣнскаго корреспондента въ позавчерашнемъ № нашей газеты. „Въ настоящее „время,“ говоритъ онъ, „дѣло идетъ уже „не объ одной только борьбѣ между Турціей и Россіей. Мы стоимъ у порога новыхъ событій и борьбы иной, въ размѣрахъ гораздо болѣе обширныхъ, которая, „подъ давленіемъ неизбѣжныхъ историческихъ и національныхъ условій, должна „обнять вмѣстѣ съ Востокомъ и Западъ; „то будетъ борьба новой Европы противъ „Европы старой... Въ этой борьбѣ одинаково затронуты существенные интересы „Германіи, Италіи и Россіи со Славянскимъ „міромъ.“

Предотвратить эту борьбу, которая можетъ потрясти всю Европу, будетъ зависѣть не отъ насъ. Въ этомъ отношеніи, Австрія и сама Англія гораздо болѣе нуждаются въ миролюбивыхъ совѣтахъ...

Б.

Сегодняшнія телеграммы оправдываютъ сказанное нами о безусловной неспособности турецкихъ армій къ правильному отступленію. Разбитая армія Мухтара распалась на мелкіе отряды, которые на дняхъ должны совершенно разсѣяться если преслѣдованіе ихъ будетъ продолжаться съ тою же энергіей какъ было начато. Блистательное дѣло подполковника Петина, у Зырчи, гдѣ имъ взяты командовавшій артиллерійскою бригадой паша, три орудія и 300 плѣнныхъ, доказываетъ что Турки отступаютъ къ Кагызману не стройною массой, а раздробленными отрядами, иначе *одному* казачьему полку не было бы возможности одержать такой блестящій успѣхъ. Съ этой точки зрѣнія подвигъ Хоперцевъ долженъ служить лучшимъ доказательствомъ до какого ничтожества доведены нынѣ не попавшіе въ Карсъ остатки арміи Мухтара. Захваченный Петинымъ отрядъ ихъ не успѣлъ даже перевалиться за Кара-Дагскій хребетъ, отдѣлявшій его отъ долины Аракса.

„Русская армія направляется противъ Карса; вчера двинутъ туда же осадный паркъ,“ сообщаетъ одна изъ приводимыхъ сегодня депешъ; „Карсъ *частью* обложенъ и обстрѣливается; телеграфное сообщеніе съ Карсомъ прервано...“ Послѣднее изъ этихъ извѣстій едва ли не важнѣе всѣхъ прочихъ. Обложенъ могъ быть Карсъ только *частью*; обстрѣливать его, хотя бы и осадными орудіями, при значительномъ господствѣ всѣхъ укрѣпленій Карса надъ окружающею ихъ мѣстностью, возможно

будетъ съ успѣхомъ только когда правильная осада позволитъ нашимъ батареямъ придвинуться къ Карсу на самое близкое разстояніе. Но и это дѣло не легкое, а во всякомъ случаѣ очень продолжительное. Рѣшающее значеніе для участи Карса можетъ имѣть преимущественно блокада; но для этого требовалось немедленно занять дорогу изъ Карса на Эрзерумъ. Правда, одна вѣнская телеграмма сообщаетъ сегодня что генералъ Лазаревъ отправилъ одну колонну на Хаджихалиль, „на дорогу изъ Карса къ Эрзеруму.“ Но сообщившій въ Вѣну это извѣстіе тифлисскій корреспондентъ ошибается. Хаджихалиль лежитъ къ югу отъ Карса, верстахъ въ тридцати; отъ Хаджихалиля до Большой Ягны, ближайшаго къ нему пункта по Карско-Эрзерумской дорогѣ, не менѣе двадцати верстъ; но тутъ еще предстоитъ переправа чрезъ Карсъ-Чай, представляющая не малую задержку для движенія „колонны“ съ артиллеріей...

Именно всѣмъ этимъ и объясняется сообщаемое изъ Константинополя извѣстіе что Мухтаръ не только уже выступилъ изъ Карса, но и пробрался на Саганлугъ, занявъ одну изъ многочисленныхъ на этомъ хребтѣ сильныхъ позицій поперекъ дороги въ Эрзерумъ. Мухтаръ, безъ сомнѣнія, ничего лучшаго и сдѣлать не могъ. Онъ вѣроятно вспомнилъ примѣръ Базена, котораго пребываніе въ Мецѣ, съ его арміей, было главною причиной голода, вызвавшаго сдачу этой крѣпости. Въ крѣпостяхъ столь сильныхъ какъ Карсъ и Мецъ, нѣтъ надобности въ сильномъ гарнизонѣ; тутъ главное дѣло сберечь провіантъ. Быстрымъ выступленіемъ изъ Карса Мухтаръ гораздо болѣе способствуетъ продолжительности его обороны чѣмъ могли бы сдѣлать то оружіемъ остатки его арміи. Паденіе Карса могло бы быть значительно ускорено пребываніемъ въ немъ нѣсколькихъ тысячъ лишнихъ ртовъ. Но на сколько было важно для Мухтара и для Карса по возможности скорое выступленіе въ Эрзерумъ разбитыхъ остатковъ турецкой Анатолійской арміи, на столько было важно и для нашей арміи предупредить это выступленіе, заблаговременнымъ занятіемъ прославленнаго нашею военною исторіей бывшаго стана Владикарсъ...

В.

Въ полученныхъ сегодня иностранныхъ газетахъ мы находимъ нѣсколько совершенно безсмысленныхъ извѣстій о Плевнѣ. По свѣдѣніямъ *Times*, напримѣръ, русскій драгоманъ Макѣевъ,—о поѣздкѣ котораго въ турецкій лагерь упоминалъ нашъ корреспондентъ изъ Пелишата,—былъ посланъ парламентеромъ въ Плевну „съ цѣлью испросить перемирія не только для погребенія убитыхъ, но также вообще для прекращенія на нѣкоторое время военныхъ дѣйствій.“ Но развѣ Турки нападаютъ на насъ предъ Плевной? Не мы ли, напротивъ, ведемъ противъ нихъ постоянную атаку? А въ такомъ случаѣ, какая надобность намъ испрашивать у Турокъ „прекращенія на нѣкоторое время военныхъ дѣйствій?“ Не зависитъ ли такое прекращеніе *единственно отъ насъ самихъ?*..

Не менѣе лживы, очевидно, и корреспонденціи изъ Орханіе, то-есть изъ лагеря Шевкетъ-паши, въ ультратуркофильскую *Daily Telegraph*, извѣщающія съ безконечными подробностями о новомъ доставленіи транспортовъ провіанта въ Плевну и объ установленіи свободнаго сообщенія между Плевной и Орханіе. Наши официальныя реляціи, если онѣ грѣшатъ чѣмъ, то скорѣе преувеличенною скромностью, и нельзя упрекнуть ихъ въ недостаткѣ правдивости. Когда Шевкету дѣйствительно удалось доставить въ Плевну и подкрѣпленіе и транспортъ съ провіантомъ, то первое извѣстіе объ этомъ несчастіи было сообщено намъ и цѣлой Европѣ именно русскою официальною депешей. Почему же вдругъ наша Главная Квартира именно теперь стала бы скрывать извѣстіе о повтореніи этого несчастія?

Намъ положительно извѣстно что на сообщеніи между Плевной и Орханіе стоятъ значительныя силы. Что сообщеніе между Плевной и Орханіе нынѣ прервано, это ничѣмъ лучше недоказывается какъ тѣмъ что *собственно изъ Плевны* ни въ одной иностранной газетѣ нѣтъ нынѣ *никакихъ извѣстій*, ни телеграммъ, ни корреспонденцій.

А между тѣмъ есть даже русскія газеты которыя перепечатываютъ всѣ эти нелѣпыя выдумки безъ оговорки и возраженія...

№ 251.

Москва, 10-го октября.

А.

Англійская филантропія широко раскинулась. Она не ограничивается предѣлами Великобританіи. Она простерлась и на Болгаръ съ Босняками. Благодѣтельницей первыхъ явилась было леди Странгфортъ, пока нѣжное сердце не побудило ее вдругъ перенесть свою благотворительность отъ Болгаръ къ Туркамъ, и посвятить уходу за турецкими ранеными энергію и капиталы назначенные первоначально на помощь Болгарамъ. Бѣдствія Босняковъ принялъ къ сердцу докторъ Зиманъ (Zieman), тотъ самый что взялъ на себя оповѣстить цѣлой Европѣ будто боснійская національность протестуетъ противъ адреса поданнаго боснійскими *усташами* Императору Всероссійскому, такъ какъ де въ цѣлой Босніи нѣтъ ни единаго человѣка кто пожелалъ бы обращаться за помощью и покровительствомъ къ Россіи. Почему простой англійскій туристъ, выдающій себя за уполномоченнаго отъ какого-то „Манчестерскаго человѣколюбиваго общества," считалъ себя не только въ правѣ выдавать себя также уполномоченнымъ отъ „боснійской національности," и *отъ ея имени; не подписывая своего*, разсылать чрезъ посредство вѣнскаго *Correspondenz-Bureau* депеши во всѣ газеты міра, не исключая и русскихъ,—вопросъ, о которомъ этотъ человѣколюбивый джентльменъ до сихъ поръ не счелъ нужнымъ объясниться.

Но этимъ не ограничивается дѣятельность человѣколюбиваго джентльмена. Какъ извѣстно, во второй половинѣ минувшаго сентября, Турецкое правительство было очень озабочено предстоявшею въ то время вѣроятностью близкаго вооруженнаго участія Сербіи въ войнѣ. Изъ константинопольскихъ сообщеній (всегда идущихъ изъ хорошаго источника) вѣнской *Политической Корреспонденціи* читателямъ нашимъ извѣстно какое рѣшающее значеніе въ ходѣ военныхъ событій придавала Порта участію Сербіи. Требовалось поскорѣе сосредоточить турецкія силы на ея границахъ. Но откуда было Портѣ взять эти силы? Было для этого одно средство. Ей оставалось взять не только всѣ разбросанныя въ Босніи и Герцеговинѣ регулярныя войска, но и все вооруженное магометанское населеніе Босніи, ея баши-бузуковъ, съ кровожадными бегами во главѣ, и бросить все это скопище на границу Сербіи...

Проектъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ не дуренъ. Но исполнить его было не легко. Исполненію его препятствовали побѣдоносное наступленіе Черногорцевъ въ Герцеговинѣ и боснійское возстаніе вспыхнувшее съ новою силой послѣ паденія Деспотовича. Пока были въ дѣйствіи эти два грозные фактора, не было возможности разыграть въ Сербіи второе представленіе болгарскихъ ужасовъ. Положеніе становилось труднымъ. Приходилось отказаться отъ хорошаго проекта. Но на помощь Турціи, въ ея замыслахъ противъ сербскихъ христіанъ, подоспѣла и въ этотъ разъ дипломатія. Черногорцамъ была назначена „демаркаціонная линія." Повелительное *veto* не позволило имъ продолжать свои завоеванія далѣе извѣстнаго предѣла, коимъ должна была удовольствоваться ихъ „военная честь." Что же касается боснійскихъ *усташей*, то будто бы даже сама русская дипломатія посовѣтовала имъ оставить всякую надежду, и притихнуть...

И вотъ князь Черногорскій остановился. Порта поспѣшила воспользоваться этимъ чтобы вывести свои войска изъ Герцеговины въ Старую Сербію. Но возстаніе въ Босніи не прекратилось. Накопленные вѣками горючіе матеріалы съ часу на часъ грозятъ новымъ пожаромъ. Баши-бузукамъ пришлось бы отказаться отъ пріятной перспективы предать Сербію огню и мечу и потѣшиться надъ сербскими женщинами предъ преданіемъ ихъ мученической смерти...

Но тутъ на помощь баши-бузукамъ явилась англійская филантропія. Благодаря усиліямъ Манчестерскаго человѣколюбиваго общества, быть-можетъ имъ и можно будетъ потѣшиться въ Сербіи. Основанное во имя христіанской благотворительности общество считаетъ долгомъ своимъ дать ходъ ихъ скотскимъ страстямъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ оказывается тотъ же человѣколюбивый туристъ, г. Зиманъ. Уже 10 октября (28 сентября), въ *Политическую Корреспонденцію* сообщали изъ Загреба что Зиманъ посѣтилъ боснійскихъ усташей „съ примирительною цѣлью," но эти злополучные люди, „несмотря на свои неописуемыя бѣдствія," все-таки требовали чтобы Порта обязалась

назначить въ Боснію христіанскаго губернатора и образовать въ ней христіанскую милицію. „Г. Зиманъ," присовокупляло сообщеніе, „просилъ инсургентовъ *по крайней мѣрѣ въ настоящее время* остаться спокойными..."

Дѣйствительно, Портѣ только и нужно чтобы *въ настоящее время* притихло боснійское возстаніе. Послѣ она пожалуй сама постарается вызвать въ Босніи новое возстаніе, дабы сосредоточить противъ нея всѣ свои оставшіяся свободными въ Сербіи войска...

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Политической Корреспонденціи* помѣщено письмо изъ Сараева, въ которомъ изложены характеристическія подробности касательно англійскихъ филантроповъ въ Босніи и изобличаются истинныя побужденія, руководящія ихъ благотворительностью. „Дѣйствительно стоитъ того," сказано въ этомъ письмѣ, „познакомиться поближе съ дѣятельностью г. Зимана, а равно и многихъ англійскихъ дамъ уже давно *прославившихъ* здѣсь человѣколюбіемъ и чрезвычайно интересующихся участью боснійскихъ райевъ. Уже давно нѣтъ никакого сомнѣнія что г. Зиманъ и усердно помогающіе ему женскіе апостолы человѣколюбія руководствуются далеко не одними филантропическими побужденіями, расточая полными руками огромныя суммы народу, столь далеко отъ границъ Великобританіи влачащему свое жалкое существованіе. Суммы коими располагаютъ эти члены англійскихъ благотворительныхъ обществъ такъ велики что ими подтверждается давно распространенное здѣсь убѣжденіе что въ этомъ проявленіи англійской частной благотворительности играетъ самую *значительную роль* Англійское правительство, съ его легко объяснимыми тенденціями..." И дѣйствительно, все это объясняется очень легко. Какъ видно изъ приводимыхъ сегодня телеграммъ, даже нагло-туркофильская вѣнская *Tagblatt* сообщаетъ о найденныхъ доказательствахъ что армія Мухтара не только управлялась англійскими генералами, но и содержалась на англійскія деньги. Точно также англійскія деньги, — и не изъ частнаго, а изъ правительственнаго кошеля, — подъ предлогомъ христіанской благотворительности, расточаются въ Босніи англійскими филантропами чтобъ освободить турецкія войска въ угрозу Сербамъ. Чего не успѣла сдѣлать дипломатія, то додѣлываетъ англійская филантропія. Но именно эти усилія показываютъ какъ важно Туркамъ и ихъ друзьямъ, въ эту критическую минуту, не допустить Сербію до участія въ войнѣ...

Б.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ газеты *Times* читаемъ слѣдующую телеграмму изъ Филадельфіи отъ корреспондента этой газеты, помѣченную 16 (4) октября:

„Британскій пароходъ *J. B. Walker* отплылъ изъ Ньюгавена въ Константинополь съ 2.150 тоннъ военныхъ запасовъ для Турціи, стоимостью почти на 2.000.000 долларовъ.

„Британскій пароходъ *John Middleton* также прибылъ въ Ньюгавенъ изъ Глазго для нагрузки новаго военнаго транспорта для Турціи."

Вотъ съ какою гласностью на всю Европу англійскія торговыя суда занимаются снабженіемъ Турокъ военными запасами, въ то время какъ мы узнаемъ что Венгерское правительство задерживаетъ какъ „военную контрабанду" купленные г. Поляковымъ рельсы для желѣзной дороги!

На что же суда нашей эскадры крейсирующей въ Средиземномъ Морѣ? Что же нашъ Балтійскій флотъ? Отчего мы ни разу не слыхали даже о попыткѣ со стороны нашихъ крейсеровъ перехватить и конфисковать эти англійскіе транспорты, такъ дерзко нарушающіе нейтралитетъ и прокламацію королевы Викторіи, въ коей было сказано что ея подданные нарушающіе объявленныя въ ней запрещенія, въ числѣ коихъ значилась и доставка воюющимъ предметовъ военной контрабанды, лишаются покровительства англійскихъ законовъ?

В.

Вчера нами получены были двѣ телеграммы изъ Караяла, отъ нашего корреспондента, обѣ еще отъ 5 октября, слѣдовательно сильно запоздавшія, вслѣдствіе поврежденій телеграфа. Одна изъ этихъ депешъ попала вчера въ особое прибавленіе, выпускаемое нами, но въ нынѣшнемъ нумерѣ была случайнымъ образомъ пропущена. Обѣ депеши, по причинѣ своей запоздалости, не прибавляютъ ничего существеннаго къ уже извѣстному о побѣдѣ въ Малой Азіи, но нѣкоторыя подроб-

ности не лишены интереса. Въ обозначеніи часовъ отправленія запоздавшихъ депешъ не совсѣмъ ясна ихъ послѣдовательность, но какъ видно изъ текста онѣ должны читаться въ слѣдующемъ порядкѣ:

„*Караялъ*, 5 октября. Разбитый на го„лову Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. „20 баталіоновъ пѣхоты и нѣсколько эс„кадроновъ кавалеріи, съ артиллеріей, бо„лѣе 100 офицеровъ и 7 генераловъ, сда„лись на капитуляцію. Взяты два знаме„ни, нѣсколько тысячъ ружей, зарядные „и патронные ящики, обозъ, лагерь; уни„чтоженъ телеграфъ Турокъ. Значитель „ная часть арміи Мухтара разбѣжалась „послѣ погрома, бросивъ оружіе. Наши „войска и главная квартира заняли Ви„зинкевъ и его окрестности. Анатолійская „армія перестала существовать.

„*Караялъ*, 5 октября. Число плѣнныхъ „болѣе чѣмъ вчера показано: 26 баталіо„новъ пѣхоты, 8 (7?) генераловъ, 30 штабъ„офицеровъ, 211 оберъ-офицеровъ поло„жили оружіе, не считая раненыхъ, число „которыхъ составляетъ нѣсколько сотъ „человѣкъ. Взяты: генералъ лейтенанты „Омеръ и Решидъ, генералъ-майоры Шев„кетъ, Омеръ, Османъ, Махмудъ и на„чальникъ штаба Гассанъ, 36 орудій, 2 „знамени, ружей нѣсколько тысячъ. Мух„таръ-паша раненъ.“

Полученная нами сегодня депеша нашего корреспондента, доставленная отъ вчерашняго числа, которую читатели найдутъ ниже, дополняетъ приведенныя подробности новыми свѣдѣніями. Число плѣнныхъ офицеровъ возросло до 280, взятыхъ орудій до 42; плѣнныхъ солдатъ показывается до 7.000. Цифра эта не оправдываетъ прежнихъ слуховъ о двадцати тысячахъ плѣнныхъ,—слуховъ, которые основывались на извѣстіи о сдачѣ трехъ турецкихъ дивизій; но она соотвѣтствуетъ числу 26 баталіоновъ, такъ какъ прежнія догадки строились на преувеличенной оцѣнкѣ численности турецкихъ баталіоновъ, а въ арміи Мухтара, послѣ громадныхъ понесенныхъ ею потерь, едва ли оставалось круглымъ числомъ по 300 человѣкъ въ каждомъ. Можно, конечно, пожалѣть что наши трофеи еще не приведены въ полную извѣстность, что въ подробностяхъ многое еще остается темнымъ, и что мы не знаемъ результатовъ съ тою точностью какъ было бы желательно. Но, съ другой стороны, это самое обстоятельство указываетъ на неотступность преслѣдованія разбитаго и деморализованнаго непріятеля. Войска наши не отдыхаютъ на лаврахъ, и команда ихъ, спѣша извлечь всю выгоду изъ одержанной побѣды, не имѣетъ времени заняться подробною описью своихъ трофеевъ. Весьма радостно въ этомъ отношеніи извѣстіе только что полученной лондонской телеграммы. Корреспондентъ *Daily News* извѣщаетъ что войска наши уже идутъ на Эрзерумъ, а Карсъ обложенъ и ожидается сдача его.

Итакъ, первое слѣдствіе побѣды, блокада Карса, уже приведено въ исполненіе, и мѣстопребываніе Главной Квартиры въ селеніи Большой Такмѣ, къ юго-западу отъ Карса, показываетъ что блокада дѣйствительно строгая. Обращено серіозное вниманіе и на армію Измаилъ-паши, противъ которой, въ подмогу Эриванскому отряду, направлена колонна генерала Лазарева.

Между тѣмъ въ *Times* телеграфируютъ объ отступленіи арміи Сулеймана на Разградъ. Такъ наша побѣда въ Азіи отзывается ощутительно и въ Болгаріи. Причиной отступленія Сулеймана выставляется непроходимость дорогъ, но *истинною* причиной, полагаемъ, должно считать пораженіе Мухтара. Оно должно было побудить Сулеймана къ осторожности, такъ какъ всѣ резервы, какіе только могутъ еще найтись, придется теперь направлять въ Азію, и слѣдовательно ему не откуда будетъ ждать подкрѣпленій...

№ 252.

Москва, 11-го октября.

Результаты французскихъ выборовъ, страннымъ образомъ, не оправдали общихъ ожиданій. Какъ бы ихъ ни толковали въ томъ или другомъ смыслѣ, они не дали того безспорнаго рѣшенія которое неизбѣжно привело бы къ немедленной развязкѣ продолжительной борьбы между двумя главными группами—республиканцами и антиреспубликанцами—подъ знаменами коихъ распредѣлились политическія партіи Франціи. Выборы не дали такой рѣшительной побѣды одной группѣ чтобъ отнять у другой возможность продолжать борьбу. Въ сущности положеніе измѣнилось весьма немного, и борьба будетъ про-

должаться по крайней мѣрѣ еще нѣсколько времени на прежнихъ условіяхъ; но чѣмъ она кончится, это остается предметомъ тревожной неизвѣстности.

Разсматривая результатъ выборовъ съ точки зрѣнія внутренней политики Франціи, мы видимъ прежде всего что правительству маршала Макъ-Магона не удалось освободиться отъ враждебнаго ему республиканскаго большинства которому оно не хотѣло подчиниться въ прежней палатѣ. Новая палата, сколько теперь уже извѣстно, будетъ состоять изъ 316 республиканцевъ и 199 депутатовъ правой. Отношеніе этихъ цифръ можетъ лишь весьма мало измѣниться предстоящими четырнадцатью перебаллотировками и выборами четырехъ колоніальныхъ депутатовъ. Послѣдніе почти навѣрное будутъ республиканцы, а относительно первыхъ ожидаютъ что перебаллотировки окончатся большею частью въ пользу министерскихъ кандидатовъ. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ министерство Броль-Фурту будетъ имѣть противъ себя большинство отъ 110 до 120 голосовъ. Теоретически, господство въ новой палатѣ остается попрежнему въ рукахъ республиканцевъ. Они располагаютъ большинствомъ болѣе 100 голосовъ; однако въ прежней палатѣ они имѣли большинство свыше 200. Значитъ, торжество ихъ неполное, и изъ 363 прежнихъ депутатовъ только 292 были переизбраны, кромѣ того выбрано 24 новыхъ республиканскихъ кандидатовъ, а около 50 республиканцевъ должны были уступить свои мѣста консерватива̀мъ, и хотя эта частная побѣда не искупаетъ общаго пораженія, но она обнадеживаетъ послѣднихъ къ продолженію борьбы, что̀ прямо и высказывается консервативными органами печати, къ великой досадѣ республиканцевъ, не скрывающихъ своего негодованія при видѣ что министерство не подаетъ немедленно въ отставку. Сейчасъ покажемъ, въ чемъ̀ тутъ собственно дѣло. Но прежде замѣтимъ что если маршалъ Макъ-Магонъ не хотѣлъ подчиниться огромному большинству прежней палаты, то до сихъ поръ ничто не указываетъ на намѣреніе съ его стороны измѣнить свою политику въ виду большинства, правда, враждебнаго его кабинету, но значительно ослабѣвшаго. Можно предположить что онъ сдѣлалъ бы шагъ въ направленіи къ этому большинству еслибы замѣтилъ въ немъ примирительное расположеніе. На лѣвой сторонѣ, при ослабѣвшемъ большинствѣ, единодушіе и согласіе всѣхъ фракцій еще болѣе необходимы чѣмъ прежде, а это обстоятельство возвышаетъ значеніе каждой изъ нихъ. Лѣвый центръ, напримѣръ, теперь можетъ поставить себя независимѣе отъ радикаловъ и, при случаѣ, вступить въ переговоры съ маршаломъ. Къ сожалѣнію, обнародованныя цифры результатовъ выборовъ говорятъ только о числѣ выбранныхъ республиканцевъ *en bloc*, не давая понятія о распредѣленіи ихъ по группамъ, и потому пока еще вовсе нельзя судить будутъ ли въ новомъ большинствѣ радикалы въ хвостѣ лѣваго центра или наоборотъ. Съ другой стороны, орлеанисты и такъ-называемые макмагонисты консервативнаго меньшинства, то-есть то что̀ прежде называлось правымъ центромъ, въ виду неудачи выборовъ могутъ быть расположены вовсе отстать отъ союза съ имперіалистами и примкнуть къ лѣвому центру еслибы послѣдній, въ свою очередь, разорвалъ всякую связь съ радикалами. Сліяніе обоихъ центровъ, дѣйствительно, могло бы дать первую пробу такъ называемой консервативной республикѣ, то-есть такой которая устраняетъ настоящихъ республиканцевъ отъ всякаго вліянія и власти. Но такая комбинація слишкомъ искусственна. О ней мечтали уже давнымъ давно, и если она не удавалась до сихъ поръ, въ теченіе семи лѣтъ, то можно ли надѣяться чтобъ она удалась теперь когда политическія страсти разгорѣлись сильнѣе чѣмъ когда-либо?

Во всякомъ случаѣ, это только предположенія для будущаго. Теперь потребовалась бы перемѣна по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ лицъ въ кабинетѣ. Но мы знаемъ что кабинетъ маршала Макъ-Магона остается у дѣлъ въ полномъ своемъ составѣ и будетъ продолжать борьбу при департаментскихъ выборахъ. Департаментскіе выборы въ сущности важнѣе для партіи чѣмъ выборы депутатовъ палаты, и этимъ объясняется досада республиканцевъ на то что министерство, могущее сильно вліять на выборы, не подаетъ тотчасъ же въ отставку. Почему же партіи такъ озабочены этими выборами? Очень просто: потому что окружные и генеральные совѣты, вмѣстѣ съ делегатами отъ муниципалитетовъ, суть выборщики сената, а третья часть этого собранія, по кон-

ституціи, подлежитъ замѣщенію въ началѣ 1879 года. Но такъ какъ годъ спустя затѣмъ оканчиваются и полномочія маршала Макъ-Магона, то понятно какое огромное значеніе пріобрѣтаютъ эти выборы въ настоящую минуту. Итакъ, въ сущности, окончательное рѣшеніе борьбы остается отложеннымъ до 4 ноября, и до того времени всякіе суммарные выводы были бы преждевременны. Отъ исхода департаментскихъ выборовъ 4 ноября будетъ зависѣть и то какимъ образомъ нынѣшній кабинетъ встрѣтится съ новою палатой.

Отсюда ясно можно видѣть что результатъ совершившихся выборовъ остается не совсѣмъ опредѣленнымъ и для внѣшней политики Франціи. Въ виду подозрительной связи нынѣшняго Французскаго кабинета съ клерикальною партіей, этими выборами остались только до извѣстной степени довольны въ тѣхъ сферахъ гдѣ наиболѣе заинтересованы интригами ультрамонтанства. Въ Италіи не скрываютъ своей радости въ виду того что министерство Броля во Франціи потерпѣло пораженіе на выборахъ, и особенно довольны тѣмъ что это пораженіе объясняется его связью съ ультрамонтанскими интригами. Италіянцы даже сложили новую пословицу на этотъ счетъ: *Quos Deus vult perdere, Papa adjuvat* говорятъ они,—„кого Богъ захочетъ покарать, тѣмъ папа помогаетъ.“ Однако, и италіянская печать не скрываетъ своихъ опасеній что ультрамонтанская партія дѣйствія способна начать новыя интриги. Въ Берлинѣ же, какъ писалъ нашъ корреспондентъ, бывшими французскими выборами довольны развѣ только въ томъ отношеніи что клерикалы не одержали полной побѣды, но не совсѣмъ успокоены въ виду того что рѣшеніе вновь отсрочено на неопредѣленное время, и что сомнительное положеніе бывшее до выборовъ остается и послѣ нихъ.

До какой степени соображенія внѣшней политики въ свою очередь реагировали на французскіе выборы можно видѣть изъ слѣдующаго любопытнаго обстоятельства. Если допустить связь нынѣшняго Французскаго кабинета съ клерикализмомъ, то торжество послѣдняго могло грозить Франціи внѣшними замѣшательствами, отъ коихъ болѣе и прежде всѣхъ пострадали бы восточные департаменты страны. Анализуя же результатъ выборовъ и раздѣляя Францію на двѣ половины, восточную и западную, мы дѣйствительно видимъ что въ восточныхъ департаментахъ, то-есть ближе къ границѣ, торжество республиканцевъ было полнѣе; напротивъ, монархисты и вообще консервативные кандидаты имѣли гораздо болѣе успѣха на западѣ.

№ 253.

Москва, 12-го октября.

А.

Быстро пошли дѣла въ Малой Азіи. Пока летучіе кавалерійскіе отряды наши преслѣдуютъ разбросанные будто вихремъ и не попавшіе въ Карсъ остатки турецкой арміи, главныя силы наши у Такмы переняли линію сообщенія Карса съ Эрзерумомъ, къ которому уже и отряжена часть войскъ. Но и не доходя до Эрзерума, уже въ Гассанъ-Кале, этотъ отрядъ можетъ совершить блистательное дѣло. Къ Гассанъ-Кале примыкаетъ *единственная* дорога по которой корпусъ Измаилъ-паши можетъ отступить изъ окрестностей Баязида къ своей базѣ въ Эрзерумъ, и войска наши могутъ изъ Гассанъ-Кале ударить ему въ тылъ. Правда, на пути отрядъ нашъ можетъ повстрѣчать уведенные Мухтаромъ остатки его арміи. Но при томъ полномъ разстройствѣ въ какомъ должны находиться теперь эти остатки, съ ними затрудненій не предвидится.

Между тѣмъ, подъ Плевной былъ произведенъ Румынами штурмъ. Хотя, по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, Румыны уже довели траншеи „на пистолетный выстрѣлъ“ отъ Гривицкаго редута и уже приступили къ вѣнчанію его гласиса, но и этотъ штурмъ не удался. Штурмующія колонны засѣли во рву и не могли взобраться на брустверъ. Какъ видно, и Румынами были упущены при этомъ нѣкоторыя указанныя военною наукой предосторожности. Еслибъ они запаслись фашинами или набитыми чѣмъ-либо легкимъ мѣшками, то переправа чрезъ ровъ могла бы совершиться легко. Не достаточно ли этого для доказательства безполезности въ настоящемъ случаѣ штурмовъ, пока брешь-батареями, или лучше минами, не будетъ произведенъ въ брустверѣ обвалъ, коимъ засыплется хоть часть рва и от-

кроется довольно значительный проходъ въ самомъ брустверѣ?

Но по сужденію не разъ цитованнаго нами и повидимому весьма свѣдущаго Зимницкаго корреспондента *Политической Корреспонденціи*, даже успѣшный штурмъ передовыхъ Плевненскихъ верковъ едва ли повелъ бы къ достиженію желанной цѣли, такъ какъ по утратѣ этихъ верковъ Турки всегда успѣли бы соорудить позади ихъ новую линію укрѣпленій, овладѣніе коими обошлось бы русско-румынской арміи также дорого какъ и штурмъ первой линіи укрѣпленій. Къ тому же, „пока турецкая позиція," присовокупляетъ корреспондентъ, „не будетъ оцѣпле„на цѣлымъ рядомъ шанцевъ связанныхъ „непрерывною циркумвалаціонною линіей, „въ послѣдній моментъ Туркамъ всегда „представится возможность отступить изъ „Плевны, съ тѣмъ чтобы нѣсколько да„лѣе къ западу занять другую сильную „естественную позицію." Предположенію этому придаетъ особенное значеніе то соображеніе что въ этотъ самый моментъ, на встрѣчу къ отступающему Осману всегда могутъ двинуться подкрѣпленія изъ Орханіе.

Въ этомъ случаѣ, овладѣвъ столь дорого стоившею намъ Плевной, по справедливому замѣчанію цитуемой корреспонденціи, мы не будемъ имѣть даже того утѣшенія что пріобрѣли какую-нибудь значительную крѣпость или важную стратегическую позицію, такъ какъ Плевна рѣшительно не имѣетъ ни того, ни другаго значенія. Намъ не Плевна нужна; намъ нужно взять армію Османа...

А этой цѣли мы не достигнемъ бомбардированіемъ. За нѣсколько дней до штурма 30 августа, мы обсыпали всѣ Плевненскія укрѣпленія градомъ артиллерійскихъ снарядовъ. Сожженъ громадный капиталъ; результаты же оказались небольшіе.

Не много болѣе надежды на достиженіе этой цѣли представляетъ и штурмъ и даже правильная осада, если она не будетъ опираться на дѣйствительную блокаду.

Къ тому же одной линіи подступовъ какая приводится англійскими газетами рѣшительно недостаточно чтобы дать сильнымъ резервамъ возможность находиться вблизи штурмующихъ колоннъ и вовремя подоспѣть къ нимъ на помощь съ разныхъ сторонъ.

Но и при исполненіи всѣхъ этихъ стоящихъ такъ много времени и труда приготовленій, достиженіе цѣли не обошлось бы безъ новыхъ тяжкихъ жертвъ. Турки успѣли теперь, по всему вѣроятію, довести до возможнаго совершенства свои верки расположенные въ нѣсколько линій.

Не остается лучшаго средства какъ установленіе кругомъ Плевны тѣсной блокады чтобы рѣшительно пресѣчь всякое сообщеніе между Плевной и Орханіей.

По словамъ цитованной зимницкой корреспонденціи въ вѣнскій листокъ, вопросъ о штурмѣ или блокадѣ былъ въ подробности обсуждаемъ „въ русско-румынскихъ военныхъ совѣтахъ; князь Карлъ настаивалъ на необходимости блокады и предлагалъ занять Телишъ (верстахъ въ тридцати югозападнѣе Плевны по дорогѣ въ Софію) пятнадцатью тысячами Румынъ, „но мнѣніе его не одержало верха," присовокупляетъ корреспондентъ, „ему возра„зили что озаботиться объ оцѣпленіи Плев„ны всегда успѣютъ, такъ какъ для при„нятія этой мѣры остается впереди еще „дѣлая зима." Въ заключеніе корреспондентъ сообщаетъ что „по всей вѣроятности штурмъ состоится прежде чѣмъ рѣшатся на современное оцѣпленіе Плевны непрерывными осадными работами." Дѣйствительно, штурмъ состоялся. За неудачей его наконецъ заняли Телишъ.

Занятіе Телиша, еслибъ оно оказалось достаточно сильнымъ, было бы важнымъ фланговымъ движеніемъ; такъ поступила наша Кавказская армія, занявъ теперь предъ Карсомъ селеніе Такму. Но занятіе Такмы дополнилось въ Азіи и другимъ замѣчательнымъ движеніемъ. Мы разумѣемъ движеніе части нашихъ войскъ на Эрзерумъ. Что Эрзерумъ для Карса, то Орханіе для Плевны.

Османа надо бить не въ Плевнѣ, а въ Орханіе. Разбитый здѣсь, онъ живьемъ отдастся въ руки...

Хорошо разчитанный и хорошо исполненный, маневръ на Орханіе былъ бы блистательнѣйшимъ дѣломъ. Онъ и Сербамъ развязалъ бы руки...

Б.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Times* помѣщено письмо, въ которомъ находимъ замѣчательную оцѣнку стратегическаго значенія побѣды разгромившей армію Мух-

таръ-паши. Изложивъ вкратцѣ, на основаніи телеграммъ, весь ходъ послѣдовательныхъ битвъ корреспондентъ продолжаетъ:

„Невозможно слишкомъ преувеличить важность этой побѣды. Въ ложномъ предположеніи что Русскіе деморализованы, турецкому генералу мерещились грезы,—которыя были распространены и между его солдатами,—торжественнаго вступленія и въ Гумри, и въ Эривань. Для этой цѣли всѣ годные солдаты были двинуты изъ Эрзерума и окружающихъ его оборонительныхъ позицій, изъ Дрюрджи Богаза и Деви-Боюна для подкрѣпленія Гази-Мухтаръ-паши. Даже въ Карсѣ былъ оставленъ гарнизонъ только изъ восьми баталіоновъ, совершенно недостаточный для его защиты. Если, какъ повидимому указываетъ телеграмма, разсѣянные остатки Визинкевской дивизіи пробрались въ крѣпость, то болѣе чѣмъ вѣроятно что Великій Князь попытается взять ее посредствомъ *coup de main*, какъ это сдѣлалъ Паскевичъ въ 1829 году, и съ одинаковымъ шансомъ на успѣхъ. Если онъ найдетъ эту мѣру не подходящею и предпочтетъ блокировать крѣпость, то мы безъ сомнѣнія черезъ немного дней услышимъ о быстромъ движеніи на Эрзерумъ. Нынѣшнею осенью была обильная жатва во всей этой мѣстности, и армія Великаго Князя найдетъ всякаго рода продовольствіе, хлѣба и скота въ изобиліи, во всѣхъ деревняхъ отъ Визинкева до Эрзерума. Гарнизонъ этого послѣдняго города состоитъ въ настоящую минуту изъ четырехъ баталіоновъ, немногихъ сотенъ артиллеристовъ и одной полевой батареи, а между Карсомъ и цѣлью русскаго похода нѣтъ ни одного баталіона. Кеприкей, гдѣ въ самомъ началѣ кампаніи казалось возможнымъ задержать непріятеля, укрѣпленъ, но солдаты и орудія отсюда были двинуты во фронтъ, и линіи укрѣпленій теперь почти обезлюдены. Измаилъ-паша не можетъ подать никакой помощи городу, куда онъ такъ недавно назначенъ губернаторомъ. Его земляки Курды опустошили мѣстность между Зоромъ и проходомъ Дели-бабы, и самъ онъ въ такомъ затрудненіи отъ недостатка продовольствія что нѣтъ ничего невѣроятнаго что и онъ вскорѣ послѣдуетъ примѣру войскъ на Аладжадагѣ и положитъ оружіе.

„Остается еще третья турецкая колонна, подъ начальствомъ Гассанъ-бея въ Пенякѣ. Ея движенія, однако, нѣсколько затрудняются русскою дивизіей въ Ардаганѣ, которая превосходитъ ее численностію; а если, какъ весьма вѣроятно, Великій Князь двинется двумя колоннами, одною черезъ Доганли, Меджингердъ, Хоросанъ и Кеприкей на Эрзерумъ, а другою черезъ Шакарли, Бордузъ, Идъ и Джюрджи-Богазъ, то Гассанъ-бею будетъ отрѣзано отступленіе, и онъ принужденъ будетъ идти на Артвинъ и соединиться съ передовою бригадой Дервишъ-паши.

„Есть мало основаній предполагать что Русскіе будутъ дѣйствовать съ большею быстротой чѣмъ въ прошедшемъ іюнѣ, когда они были почти въ такомъ же положеніи какъ теперь; но если они научились многочисленными ошибками которыя они совершили въ теченіе лѣта, если ихъ коммиссаріатъ и транспортная служба въ добромъ порядкѣ, и если они имѣютъ, какъ передаютъ слухи, 64 баталіона въ своей главной арміи, и по цѣлой дивизіи на обоихъ флангахъ, то ничто не помѣшаетъ имъ прозимовать въ Эрзерумѣ.“

№ 254.

Москва, 13-го октября.

А.

Прежде всего должны мы отмѣтить прискорбное извѣстіе сообщенное въ только что полученной депешѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго изъ Тученицы о кончинѣ Князя Романовскаго Герцога Лейхтенбергскаго, Сергія Максиміліановича, павшаго смертію храбрыхъ въ одномъ изъ аванпостныхъ дѣлъ Рущукскаго отряда, 12 октября. Пуля, какъ сказано въ депешѣ, убила его наповалъ. Члены Царской Семьи не жалѣютъ себя въ этой великой по истинѣ народной войнѣ. Они во главѣ арміи, они въ ихъ рядахъ, подвергаясь опасности наравнѣ съ простымъ солдатомъ. Никогда единство народа и его династіи не выражалось такъ могущественно и такъ очевидно какъ въ эту войну. Самое народное изъ всѣхъ движеній въ нашемъ отечествѣ имѣетъ во главѣ своей Самого Государя и Его Августѣйшую Семью. Они двигатели этого святаго, завѣщаннаго намъ исторіей дѣла; они являются истинными представителями и героями народа

исполняя его призваніе. Эта святая война, исполняя наше призваніе на Востокѣ, запечатлѣетъ съ новою силой и въ высшемъ духѣ единеніе власти и народа въ нашемъ Отечествѣ.

Не успѣли мы молвить слово о томъ гдѣ и какъ всего вѣрнѣе можетъ постигнуть рѣшительный ударъ турецкую армію у Плевны, какъ ударъ уже грянулъ. Турецкая позиція на дорогѣ къ Орханіе,—крѣпкая позиція которая обезпечивала сообщенія Османъ-паши,—пала. Онъ отрѣзанъ отъ своей базы. Побѣда столько же блистательная сколько важная по результатамъ которые должны быть ея послѣдствіемъ...

Б.

Спеціальный корреспондентъ *Daily News*, въ телеграммѣ изъ Букурешта, отъ 18 октября, которую мы прочли въ полученномъ сегодня нумерѣ этой газеты, сообщаетъ своимъ соотечественникамъ весьма полезныя для нихъ свѣдѣнія. Онъ извѣщаетъ ихъ что къ слухамъ о посредничествѣ для заключенія мира относятся „съ презрѣніемъ“ какъ въ Главной Квартирѣ Русской арміи, такъ и въ дипломатической канцеляріи въ Букурештѣ, и на фразы англійскаго канцлера казначейства, сэръ-Стаффорда Норкота, смотрятъ какъ на пустую болтовню. Корреспондентъ объясняетъ и причину этого. Британскій министръ, въ своей рѣчи, обнадеживалъ что такъ какъ нынѣшняя война была обильна сюрпризами, то возможно де что всѣ неожиданно могутъ быть удивлены и внезапнымъ заключеніемъ мира. Корреспондентъ *Daily News*, разбиваетъ эти иллюзіи переводомъ туманной фразеологіи на языкъ общепонятный и согласный съ фактами. „Единственнымъ шансомъ для мира,“ говоритъ онъ, „было бы вмѣшательство Англіи и Австріи противъ Россіи, а это означало бы европейскую войну. Такой случайности, долженъ я сказать, Россія какъ видно, ни малѣйшимъ образомъ не страшится. Она очевидно разчитываетъ съ увѣренностью на своихъ союзниковъ. Между тѣмъ какъ, благодаря внутреннимъ замѣшательствамъ, Франція, которая обыкновенно такъ много значила въ системѣ европейскаго равновѣсія, теперь совершенно нейдетъ въ счетъ, о союзникахъ Россіи можно легко догадаться; единственнымъ же возможнымъ союзникомъ Англіи была бы Австрія, которая почти такъ же сильно раздирается внутри какъ и Франція.“

Къ этому корреспондентъ присовокупляетъ еще что „всеобщее мнѣніе въ Россіи таково что война должна продолжаться до послѣдняго конца,“ и что нѣтъ ни одного Русскаго который сомнѣвался бы въ конечномъ результатѣ и въ томъ что Турки будутъ сломлены. Для людей свѣдущихъ и въ Англіи все это столь же хорошо извѣстно какъ въ Россіи. Не можетъ быть чтобъ англійскіе министры менѣе знали о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и европейскихъ отношеній чѣмъ газетный корреспондентъ, хотя бы и самый свѣдущій. Это хорошо знаютъ и всѣ наши завзятые враги, туркофильскіе органы, которые привыкли ежедневно обманывать читающую публику систематическою ложью. Ярая туркофильская газета, *Pall Mall Gazette*, не находя возможности сомнѣваться въ вѣрности сообщенія корреспондта *Daily News*, осуждаетъ его за оглашеніе истины! Однако, пора англійской публикѣ знать истину которую такъ старательно укрываетъ отъ нея пресловутая „свободная“ печать. Сознаніе того что факты извѣстны массѣ публики воздержитъ писакъ отъ неумѣстнаго самохвальства, а также побудитъ къ осторожной сдержанности и публичныхъ ораторовъ, не исключая и министровъ, которые позволяютъ себѣ шутить наивными выдумками будто настоящая война есть какая-то дуэль и ведется для какого-то удовлетворенія военной чести. Подобныя фразы пускаются въ свѣтъ не только съ цѣлью морочить публику, но и для рекогносцировки нельзя ли съ успѣхомъ разыграть какой-либо новый дипломатическій фокусъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія письма петербургскаго корреспондента газеты *Times*, который имѣетъ порученіе развѣдывать о всякихъ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія въ Россіи. Это человѣкъ хорошо знающій и нашу страну и русскій языкъ; онъ не ограничивается изложеніемъ того что пишется въ русскихъ газетахъ, но передаетъ часто свои разговоры съ лицами разныхъ классовъ русскаго общества, и даетъ вообще весьма вѣрныя свѣдѣнія. Неоднократно въ своихъ письмахъ, мѣтко и дѣльно, подсмѣивался онъ надъ баснями распускаемыми въ англійской печати будто Россіи могутъ

грозить какія то революціонныя потрясенія. Безпристрастіе его доходитъ до того что онъ, для вразумленія своихъ соотечественниковъ, находитъ нужнымъ опровергать нѣкоторыя замѣчанія въ передовыхъ статьяхъ той самой газеты въ которую пишетъ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, этотъ корреспондентъ счелъ также своимъ долгомъ сообщить что рѣчь сэръ-Стаффорда Норткота въ Экзетерѣ произвела самое дурное впечатлѣніе въ Россіи. На Англичанина находящагося не предъ платформой восторженныхъ слушателей, которымъ только и твердятъ что о величіи Англіи, осмѣивая и унижая всѣ другія страны, а посреди русскаго общества, рѣчь англійскаго министра производитъ комическій эффектъ. „Русскіе," пишетъ онъ, „не такія дѣти чтобы думать что ихъ военная репутація нуждается только въ побѣдѣ безо всякихъ существенныхъ результатовъ. Никакія дипломатическія вѣжливости или остроумные эвфемизмы не могутъ скрыть факта что подобный исходъ былъ бы для Россіи серіознымъ униженіемъ. Вотъ пунктъ который всѣ непризванные посредники постоянно должны имѣть въ виду. Какіе бы мотивы ни руководили Россіей, результатъ практически одинъ и тотъ же, но миротворцы желающіе имѣть успѣхъ должны избѣгать выраженій которыя давали бы понять будто Русскіе равнодушны къ серіознымъ результатамъ и желали бы только сберечь свою военную репутацію." Корреспондентъ безпощадно разбиваетъ вообще всякую надежду на возможность успѣшнаго посредничества *со стороны Англіи* слѣдующими интересными замѣчаніями: „Ясно что минута для посредничества еще не наступила, а когда она наступитъ, то не Англіи начинать. Всякое предложеніе съ этой стороны будетъ встрѣчено съ крайнимъ подозрѣніемъ. Русскіе въ послѣднее время такъ много слышали о британскихъ интересахъ что они теперь не вѣрятъ британскому безкорыстію. Единственная держава которая имѣетъ нѣкоторый шансъ для нравственнаго вліянія на Россію есть Германія, а потому когда для посредничества наступитъ благопріятная минута, то починъ долженъ будетъ взять на себя не лордъ Дарби, а развѣ князь Бисмаркъ."

Не знаемъ можетъ ли это заключеніе очень утѣшить Англичанъ, которымъ не безызвѣстно что у Германіи и ея канцлера не мало своихъ дѣлъ, помимо огражденія „англійскихъ интересовъ..."

B.

Приводимъ изъ берлинской *National Zeitung* слѣдующія свѣдѣнія изъ Ниша о состояніи укрѣпленій и лагеря въ Орханіе: „Укрѣпленія сооруженныя Шефкетъ-пашой у Орханіе," сообщаетъ названная газета, „состоятъ *всего изъ двухъ редутовъ*, имѣющихъ цѣлію господствовать надъ дорогой въ Плевну. Работами руководятъ ученики военной школы въ Константинополѣ, тѣ же самые коимъ былъ порученъ надзоръ за крѣпостными работами въ Софіи. Но *лагерь у Орханіе не укрѣпленъ*. Войска собираемыя въ этомъ лагерѣ состоятъ преимущественно изъ частей гарнизоновъ Софіи, Виддина и Ниша, а также изъ вызванныхъ изъ Македоніи отрядовъ жандармовъ...."

№ 255.

Москва, 14-го октября.

A.

Изъ окрестностей Карса нѣтъ прямыхъ извѣстій, а на основаніи отрывочныхъ сообщеній въ заграничныя газеты довольно трудно составить себѣ ясное понятіе о происходящемъ въ тѣхъ мѣстахъ. Въ *топографическомъ отношеніи* объ воюющія стороны находятся теперь въ положеніи довольно сходномъ съ бывшимъ въ концѣ іюля. Дѣйствительно, теперь какъ и тогда Карсъ обложенъ и бомбардируется; теперь какъ и тогда Мухтаръ защищаетъ дорогу на Эрзерумъ; теперь какъ и тогда Измаилъ-паша находится въ окрестностяхъ Алашкерта. Но въ іюлѣ объ турецкія арміи были полны энергіи и самоувѣренности, благодаря своему численному превосходству, и наступали на насъ. Теперь по той же дорогѣ спасаются разбитые остатки главной турецкой арміи. Несмотря на естественную силу Саганлугскихъ позицій, Мухтаръ не нашелъ возможнымъ выжидать въ нихъ натискъ преслѣдующаго непріятеля и рѣшился на послѣднюю отчаянную попытку сопротивленія, у Зевина или у Меджингерта, — объ мѣстности отстоятъ одна отъ другой всего верстъ на пятнад-

пать,—съ тѣмъ чтобы дать время Измаилъ-пашѣ спуститься въ долину Аракса у Кюпри-Кёва. Надо отдать справедливость турецкому генералу: онъ оцѣнилъ огромное значеніе Кюпри-Кёва, гдѣ Баязидская дорога, перевалившись черезъ снѣговой хребетъ Ала-Дага, переправляется по мосту черезъ Араксъ чтобы слѣдовать къ Гассанъ-Кале и Эрзеруму. Судя по приводимымъ сегодня телеграммамъ, Измаилъ уже достигъ до Гергеръ, въ 10 верстахъ отъ Кара-Килиссы, гдѣ къ Баязето-Эрзерумской дорогѣ примыкаетъ дорога ведущая черезъ Агридагскій хребетъ изъ Кагызмана. Въ Кагызманѣ же, также по сегодняшнимъ телеграммамъ, стоитъ уже генералъ Лазаревъ, преслѣдовавшій отрѣзанные отъ Карса остатки разбитой арміи Мухтара. Успѣли ли эти остатки перевалиться черезъ Агридагъ и примкнуть къ арміи Измаилъ-паши, послѣдуетъ ли и Лазаревъ этою же дорогой, непроходимою для *полевой* артиллеріи, чтобъ ударить во флангъ или въ тылъ Измаилъ-паши, или же соединится съ преслѣдующимъ его отрядомъ Тергукасова,—ничего неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, изъ сказаннаго видно что оба турецкіе генерала вполнѣ цѣнятъ рѣшительное значеніе настоящаго момента. Дѣйствительно, если преслѣдующія Мухтара русскія войска успѣютъ занять Кюпри-Кёвъ до прихода туда арміи Измаилъ-паши, то ея положеніе будетъ отчаянное...

Сегодня не получено дальнѣйшихъ извѣстій о побѣдѣ одержанной генераломъ Гурко при Горномъ Дубнякѣ. Этотъ обходъ арміи Османъ-паши не долго останется безъ рѣшительныхъ результатовъ. Изъ Адріанополя, отъ 9 октября, писали въ *Политическую Корреспонденцію* что Османъ настоятельно требуетъ новаго транспорта, *въ особенности съ провіантомъ*. Корреспондентъ весьма справедливо заключалъ что доставленнаго въ сентябрѣ провіанта достало Осману не на долго, и что онъ уже предвидитъ скорое истощеніе своихъ запасовъ, что, впрочемъ, совершенно согласно со свѣдѣніями полученными въ нашей Главной Квартирѣ изъ самой Плевны отъ перебѣщиковъ. Если допустить что въ Плевну пришла 21 (9) сентября дѣйствительно тысяча подводъ съ провіантомъ, то полагая не менѣе 40 пудовъ на возъ,—въ Болгаріи, какъ и во всей Турціи, въ тяжелую упряжь употребляются волы,—это составило бы 40.000 пудовъ провіанта,—запасъ огромный, и армія Османа могла бы продовольствоваться имъ довольно долго. Но весьма сомнительно чтобы транспортъ былъ такъ великъ какъ сообщали турецкія телеграммы; къ тому же, онъ доставилъ въ Плевну не одинъ провіантъ, а также боевые припасы и фуражъ, для чего понадобилось конечно не менѣе трехъ четвертей перевозочныхъ средствъ этого транспорта...

Во всякомъ случаѣ фактъ крѣпкаго занятія нашими войсками Горнаго Дубняка долженъ произвесть на армію Османа подавляющее дѣйствіе. Она видитъ грозное приближеніе роковаго часа когда ей придется въ открытомъ полѣ пробивать себѣ дорогу сквозь стальную стѣну русскихъ штыковъ. Вся надежда ея была на Сулеймана, который былъ назначенъ на мѣсто Мегемедъ-Али именно съ тѣмъ чтобы „форсировать линію Янтры.“ Это принятое Сулейманомъ обязательство и доставило ему званіе сердарь-экрема. Разчитывая на его энергію, Османъ-паша, при поддержкахъ отъ Орханіе, могъ ожидать что со дня на день дѣйствія на Янтрѣ будутъ отвлекать отъ Плевны все бо́льшія массы русскихъ войскъ. Но Сулейманъ, едва принялъ команду надъ турецкою „Дунайскою арміей,“ вдругъ одумался. Онъ рѣшился держаться того же плана какому слѣдовалъ Мегемедъ-Али. Изъ первыхъ телеграммъ его уже было видно что онъ и не думаетъ о „форсированіи линіи Янтры“ и вообще о наступленіи. Послѣ своихъ первыхъ рекогносцировокъ онъ доносилъ что „почва размякла,“—какъ будто онъ не могъ убѣдиться въ этомъ и безъ рекогносцировокъ, въ своемъ лагерѣ,—и что это состояніе почвы „чрезвычайно затрудняетъ движеніе,“—хотя въ той же телеграммѣ онъ доносилъ что имъ замѣчено со стороны Русскихъ „движеніе“ сильныхъ колоннъ по направленію къ Рущуку... Въ настоящее время главныя силы Сулеймана отступили за Бѣлый Ломъ. Что же касается плана переправиться между Силистріей и Рущукомъ черезъ Дунай, то едва ли это не есть только благовидный предлогъ чтобъ оправдать свое бездѣйствіе и отступленіе. Во всякомъ случаѣ, съ русской стороны приняты мѣры къ предупрежденію подобной диверсіи, которая обошлась бы новому сердарь-экрему едва ли не дороже чѣмъ попытка форсировать линію Янтры...

Б.

Потрясающій фактъ самоубійства генералъ-майора Гартунга, послѣ выслушаннаго имъ обвинительнаго приговора присяжныхъ, наводитъ на серіозныя и тяжелыя размышленія не только по вопросу о томъ соотвѣтствовалъ ли истинѣ этотъ приговоръ, но и болѣе общаго свойства.

Виновность генерала Гартунга даже въ томъ весьма суженномъ присяжными, сравнительно съ обвиненіемъ, размѣрѣ, подвергалась сомнѣнію многими внимательно слѣдившими за ходомъ судебнаго слѣдствія. Но несмотря на энергію и страстную горячность съ которою поддерживалось обвиненіе, конечный выводъ изъ судебной процедуры несравненно болѣе склонился въ пользу подсудимаго Гартунга нежели противъ него. Несомнѣнно выяснилось лишь то что покойный, придя вслѣдствіе денежныхъ затрудненій въ соприкосновеніе съ человѣкомъ у котораго не могло быть съ нимъ ничего общаго ни по занятіямъ, ни по сферѣ интересовъ, ни по общественному положенію, генералъ Гартунгъ тѣмъ не менѣе сталъ близкимъ человѣкомъ „дисконтеру“ Занфтлебену, такъ что принялъ на себя званіе его душеприкащика. Доказано что генералъ Гартунгъ въ день смерти Занфтлебена увезъ къ себѣ всѣ денежные его документы; обвиненіе усматривало въ этомъ заранѣе обдуманное и условленное съ другими „тайное похищеніе“ этихъ документовъ съ корыстною цѣлью. Несообразность этого обвиненія бросалась всѣмъ въ глаза, да оно и отвергнуто присяжными. Но въ числѣ должниковъ покойнаго Занфтлебена состоялъ и самъ генералъ Гартунгъ на сумму 6.500 р. Обвиненіе утверждало что *свои* векселя онъ утаилъ и уничтожилъ, и въ этомъ онъ признанъ виновнымъ. Генералъ Гартунгъ утверждалъ что векселя его на имя Занфтлебена были замѣнены еще при жизни послѣдняго векселями на имя его жены. Это подтвердили на судѣ нѣкоторые свидѣтели; но кромѣ того *несомнѣнно доказано* (и это обстоятельство прокуратура вынуждена была признать предъ присяжными) что вдова Занфтлебена взыскивала и взыскала съ него эти деньги. Сверхъ того, онъ признанъ виновнымъ въ участіи въ похищеніи другаго векселя, на 8.000 р. (вексель Базилевскаго). Генералъ Гартунгъ представилъ отчетъ въ употребленіи денегъ взысканныхъ по этому векселю. Доводы обвиненія противъ этого отчета основывались главнымъ образомъ на томъ что показанные расходы слишкомъ велики и потому неправдоподобны; но лица указанныя въ счетѣ Гартунга признали полученіе этихъ суммъ. Эти лица (Алферовъ и Мышаковъ) по вопросу объ участіи въ *этомъ* похищеніи присяжными оправданы, стало-быть признано что они получили эти деньги не путемъ преступнаго соглашенія съ генераломъ Гартунгомъ.

Но еслибы выясненные на судѣ факты и набрасывали нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на образъ дѣйствій Гартунга, то смерть на которую онъ обрекъ себя немедленно по выслушаніи приговора даетъ основаніе къ обратному умозаключенію о дѣйствительной его невиновности. Смерть служитъ роковою, но сильною „уликой“ въ его пользу. Онъ и получаса не прожилъ подъ тяжестью постигшаго его осужденія; а между тѣмъ ему не могло быть неизвѣстно что съ формальной стороны, въ глазахъ закона, этотъ приговоръ еще не имѣлъ силы. Онъ не выждалъ и резолюціи суда, который *могъ* по закону кассировать приговоръ присяжныхъ, признавъ что осужденъ невинный. *Такъ* не умираютъ люди нравственно-павшіе и равнодушные въ вопросахъ чести, какимъ былъ бы генералъ Гартунгъ еслибъ онъ былъ виновенъ.

Но и помимо вопроса о личности генерала Гартунга и его печальной кончины, нельзя не обратить вниманія на ту чрезмѣрную страстность съ которою ведено было обвиненіе. Обвинитель началъ свою рѣчь указаніемъ на „торжество правосудія“ по тому поводу что два лица, принадлежащія къ высшему обществу, посажены на скамью подсудимыхъ. Въ этомъ усматривалось блистательное осуществленіе принципа равенства предъ судомъ положеннаго въ основаніе нашихъ судебныхъ уставовъ.

Но чѣмъ выше положеніе человѣка тѣмъ больше онъ теряетъ нравственно и матеріально отъ одного привлеченія къ суду. Гдѣ же равенство? Поэтому обвиненіе должно поступать несравненно осторожнѣе и осмотрительнѣе когда рѣчь идетъ о привлеченіи къ суду человѣка пользующагося извѣстностью и занимающаго видное положеніе въ обществѣ, нежели при возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ лицъ темныхъ коимъ терять нечего.

Желательно конечно чтобъ обвиненіе вообще поступало съ большою осмотрительностью; но ошибки и увлеченія въ дѣлѣ обвиненія тѣмъ пагубнѣе бываютъ чѣмъ выше общественное положеніе обвиняемаго.

№ 256.

Москва, 15-го октября.

А.

Быстро подвигаются дѣла на югѣ Балканскаго полуострова. Порта повидимому уже отказалась отъ угрожающаго тона своихъ дипломатическихъ сношеній съ Эллинскимъ кабинетомъ. Она поставила вопросъ такимъ образомъ что Турція, въ виду враждебнаго положенія принятаго Греціей, имѣетъ теперь полное право принимать всѣ мѣры къ дѣятельной самообороне. Извѣстно въ чемъ заключаются эти мѣры. Всѣ пограничныя съ Греціей области свои, — Ѳессалію, Эпиръ, даже Македонію (хотя огромное большинство населенія послѣдней состоитъ не изъ Грековъ, а изъ Болгаръ), а также злополучную Кандію, Порта будто ядовитыми насѣкомыми покрыла роемъ Черкесовъ, Геговъ, Зейбековъ и всякихъ другихъ баши-бузуковъ. Не менѣе извѣстна и цѣль съ какою дѣйствуетъ такимъ образомъ Порта: она надѣется вызвать возстаніе эллинскихъ населеній дабы разомъ „вырвать зло въ самомъ корнѣ," то-есть воспользоваться ожидаемымъ ею зимнимъ затишьемъ въ Болгаріи чтобы расправиться съ Греціей.

Что эта внезапная перемѣна тона дипломатическихъ сношеній Порты съ Греціей произошла отнюдь не отъ энергической витіеватости возраженій Эллинскаго кабинета,—это лучше всего доказывается тѣмъ что если Порта и измѣнила свой тонъ, то она нисколько не думаетъ измѣнять свой образъ дѣйствій относительно Грековъ. На обстоятельство это указываетъ, впрочемъ, и официозный защитникъ Эллинскаго кабинета. „По прежнему получаемыя Гре„ческимъ правительствомъ официальныя до„несенія," пишетъ аѳинскій корреспондентъ *Политической Корреспонденціи*, отъ 15 октября, „не содержатъ ничего иного кромѣ „извѣстій о повальныхъ избіеніяхъ, о под„жогахъ, разбояхъ и другихъ злодѣяніяхъ. „Все это повторяется каждый день съ ва„ріаціями, благодаря неслыханной жесто„кости и чудовищному звѣрству Черкесовъ, „этихъ застрѣльщиковъ магометанской ци„вилизаціи, коими Турецкое правительство, „вопреки своимъ торжественнымъ отрица„ніямъ, продолжаетъ заселять Македонію „и Ѳессалію." По сознанію корреспондента, само Греческое правительство, въ виду этого разногласія между дѣломъ и словомъ, убѣдилось теперь что успокоительнымъ увѣреніямъ Порты не стоитъ придавать ни малѣйшаго значенія, и потому, несмотря на увѣщанія британской дипломатіи, продолжаетъ свои вооруженія съ сугубою энергіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно желаетъ раскрыть всю истину предъ Европой и сложить съ себя отвѣтственность за неизбѣжныя послѣдствія турецкихъ козней.

Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ высказывается третья и самая замѣчательная нота греческаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Трикупи, отъ 10 (22) сентября, на имя греческаго посланника въ Лондонѣ, съ порученіемъ сообщить ее лорду Дарби. Г. Трикупи рѣшился высказать всю правду Британскому кабинету и упрекнуть его въ намѣреніи вызвать столкновеніе своими поблажками клеветамъ Порты.

Напоминая о дерзкихъ угрозахъ съ какими Порта недавно обращалась къ Эллинскому королевству, г. Трикупи пишетъ: „Если держава гарантировавшая незави„симость Греціи, вмѣсто того чтобы встрѣ„тить подобныя угрозы должнымъ порица„ніемъ, сама берется передать намъ эти „угрозы безо всякаго съ своей стороны „возраженія, то въ этомъ Эллинское пра„вительство видитъ указаніе что впредь, „для защиты своихъ правъ, оно должно „полагаться только на свои собственныя „силы." По поводу замѣчанія англійскаго представителя Уиндгама что Британское правительство лишь „въ интересѣ мира" дѣлаетъ свои предостереженія, г. Трикупи говоритъ: „Эллинское правительство не „согласно купить миръ цѣною своихъ правъ; „Эллинская нація готова на всѣ жертвы „для огражденія своихъ правъ и для ис„полненія своихъ обязанностей въ нынѣш„немъ кризисѣ. Не совѣтами уступить „угрозамъ или непріязненнымъ дѣйствіямъ „можно удержать въ мирѣ Эллинскую на„цію. Что происходитъ въ Ѳессаліи, Эпи„рѣ, Македоніи и Критѣ, вотъ что должно „бы обращать на себя вниманіе державъ, „а не то что маленькое государство какъ

„Грецiя, въ виду угрозъ своимъ правамъ „и достоинству и предоставленная своимъ „собственнымъ силамъ, вынуждена воору„жаться. Порта, повидимому, умышленно „поступаетъ такъ чтобы вызвать возста„ніе въ греческихъ провинцiяхъ Турцiи, „доводя ихъ терпѣніе, равно какъ и тер„пѣніе сосѣдняго государства, *до край„ности.*“

Въ заключеніе своей отповѣди, греческiй министръ иностранныхъ дѣлъ перечисляетъ всѣ мѣры Турецкаго правительства, состоящiя именно въ томъ чтобъ истребить безоружное греческое населеніе и собрать разбойничьи шайки разной сволочи чтобы потомъ напустить ихъ и на Грецiю. „Ѳессалiя,“ говоритъ онъ, „раз„граблена баши-бузуками изъ Гегарiи, ко„торые были привезены сюда изъ Малой „Азiи для довершенiя дѣла Зейбековъ. Гра„бежи, убiйства, насилiя, вотъ законы подъ „коими стенаютъ христiане этой провин„цiи. Еще вчера были высажены въ Воло „1.200 Зейбековъ привезенныхъ изъ Смир„ны. Ограбивъ городъ, они отправились „вечеромъ въ Лариссу, гдѣ, какъ надо „опасаться, доканчиваютъ теперь дѣло „опустошенiя. Нѣсколько дней назадъ, въ „той же самой Ларисcѣ, 200 конныхъ ба„ши-бузуковъ произвели энергическое на„паденiе на Эллинское консульство, такъ „что мы должны были потребовать самаго „блистательнаго удовлетворенiя, и ожида„емъ его. Въ Эпирѣ и Македонiи, гдѣ зло „хотя и не достигло тѣхъ размѣровъ какъ „въ Ѳессалiи, положеніе христiанъ, со „времени провозглашенiя осаднаго поло„женiя, стало также нестерпимо. Не до„вольствуясь произволомъ надъ оттоман„скими подданными, турецкiя власти пре„тендуютъ подчинить закону объ осадномъ „положенiи и эллинскихъ подданныхъ на„ходящихся въ Турцiи, несмотря на при„вилегiи даруемыя имъ капитуляцiями. Пор„та попираетъ права Грецiи, ограничивая „свободу плаванiя судовъ на эллинскомъ „прибрежьи Артскаго залива. Она нару„шаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ трактаты занявъ „значительными военными силами мысъ Пун„та у входа въ этотъ заливъ, и устраи„вая тамъ новыя укрѣпленiя. Несмотря „на письменныя обязательства остановить „колонизацiю Черкесовъ, въ Салоники при„везены новые переселенцы для размѣщенiя „въ Македонiи и Ѳессалiи. Наконецъ, „критскiе христiане не могли добиться „исполненiя обязательствъ данныхъ имъ „Оттоманскимъ правительствомъ, и ихъ „делегаты все еще ждутъ отвѣта на свои „послѣднiя представленiя.“

Турцiя гордо отвергавшая всякую тѣнь вмѣшательства въ свои дѣла обращается теперь официально къ Англiи. Англiи же, которая ужасалась при мысли допустить занятiе истерзанной Болгарiи чьими-либо войсками, какъ несовмѣстное съ „независимостью“ Порты, остается занять Грецiю „въ интересѣ мира.“ Но что скажутъ другiя державы покровительницы?

Б.

Сегодняшняя краткая телеграмма нашего корреспондента изъ Кюрюкъ-Дара сообщаетъ въ высшей степени важныя свѣдѣнiя. Въ Малой Азiи мы наканунѣ рѣшительныхъ событiй. Уже идутъ переговоры о сдачѣ Карса, и на дняхъ, быть можетъ завтра, надъ этою неприступною крѣпостью водрузится русское знамя, а Измаилъ-пашѣ, также скоро, грозитъ участь постигшая Мухтара.

Сегодня мы узнаемъ нѣкоторыя дополнительныя, хотя и не официальныя подробности изъ телеграммъ петербургскихъ газетъ о дѣлѣ въ которомъ погибъ славною смертью Е. И. В. Князь Сергiй Максимiлiановичъ. Дѣло это было обширною рекогносцировкой произведенною на нашемъ лѣвомъ флангѣ по всей линiи Лома.

Что касается побѣды, одержанной въ одинъ день съ этою рекогносцировкой, 12 октября, генераломъ Гурко на Софiйскомъ шоссе между Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, то мы еще ожидаемъ подробностей, хотя важность ея очевидна и теперь. Изъ телеграммы корреспондента *Times*, изъ Горнаго Студня, въ сегодняшнемъ нумерѣ этой газеты, узнаемъ что за восемь дней до этого, именно 4 октября, полное обложеніе Плевны и прекращеніе всякаго сообщенiя между ею и Орханіе можно было считать совершившимся фактомъ, такъ какъ генералъ Гурко стоялъ уже твердо на Софiйской дорогѣ и уже 4 октября захватилъ нѣсколько транспортовъ назначавшихся для Плевны.

Корреспондентъ *Times* сообщаетъ что новое распоряженіе о запрещенiи всѣмъ частнымъ корреспондентамъ отправляться подъ Плевну или во фронтъ предъ Бѣлой строго соблюдается „и не безъ основанiя,“

прибавляетъ онъ, „такъ какъ очевидно „что преждевременное разглашеніе приго„товленій могло бы повредить ихъ успѣху.“

№ 258.

Москва, 17-го октября.

Сдѣланное нами на прошедшей недѣлѣ, въ № отъ 11 октября, замѣчаніе по поводу того что нашимъ флотомъ не принимаются мѣры для перехвата транспортовъ оружія безостановочно привозимаго изъ американскихъ портовъ на англійскихъ судахъ въ Турцію, вызвало совершенно неожиданный отвѣтъ со стороны морской газеты *Яхта*. На наше любопытство узнать отчего мы ни разу не слыхали о попыткѣ нашихъ крейсеровъ перехватить и конфисковать эти англійскіе транспорты, такъ дерзко нарушающіе нейтралитетъ?—морской органъ, поучая наше невѣдѣніе о томъ что творится нашимъ флотомъ, вразумительно отвѣчаетъ: „Зачѣмъ столько „шуму? Больше двухъ мѣсяцевъ уже ни „въ Средиземномъ морѣ, ни въ Атланти„ческомъ Океанѣ *нѣтъ ни одного русскаго „военнаго суда* (курсивъ въ подлинникѣ). „Кому же перехватывать и конфисковать „дерзкихъ нарушителей нейтралитета?“

На нѣтъ и суда нѣтъ. Теперь намъ становится вполнѣ яснымъ и то удивительное обстоятельство что эти транспорты военной контрабанды совершаются съ такою гласностью что о прибытіи и выходѣ ихъ телеграфируютъ изъ американскихъ портовъ въ англійскія газеты. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь эти данныя очень важно и интересно знать хозяевамъ англійскихъ судовъ занимающихся этою контрабандой, интересно и важно вовремя узнать о нихъ и Туркамъ, а разглашеніе этихъ свѣдѣній не сопряжено ни съ малѣйшимъ рискомъ когда на пути этихъ транспортовъ *нѣтъ ни одного русскаго военнаго судна*, которое могло бы перехватить и конфисковать ихъ.

Причины же почему это такъ приключилось, мы сами собой никакъ не были бы въ состояніи доискаться; но предупредительная морская газета не желаетъ и тутъ оставить насъ въ недоумѣніи. На нашъ вопросъ о Балтійскомъ флотѣ она поясняетъ что „Балтійскій флотъ отослалъ „на Дунай и въ Черное Море чуть не всю „(?!) свою команду. Тамъ на югѣ, на дѣйствительномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, „команда Балтійскаго флота принесетъ „дѣйствительную, а не эфемерную только „пользу. Да и что сдѣлалъ бы нашъ Бал„тійскій флотъ? Онъ могъ бы конечно за„держать *J. B. Walker и John Middleton*; „ну а еслибы на выручку этихъ транспор„товъ явились англійскіе броненосцы?“ И эту тираду *Яхта* сентенціозно заключаетъ поученіемъ что „худой миръ лучше доброй ссоры.“

Однако къ чему тутъ зашла рѣчь объ англійскихъ броненосцахъ? Военная контрабанда для Турціи перевозится на частныхъ судахъ, которыя вполнѣ законно могутъ быть перехвачены и конфискованы, безъ всякой „ссоры“ съ кѣмъ бы то ни было. Если это суда англійскія, тѣмъ хуже для нихъ, ибо въ прокламаціи королевы Викторіи заранѣе было объявлено всѣмъ ея подданнымъ что лица оказывающія помощь той или другой изъ воюющихъ сторонъ лишаются покровительства англійскихъ законовъ и дѣйствуютъ на свой страхъ. Это предувѣдомленіе, впрочемъ, имѣло значеніе только для англійскихъ подданныхъ. Для дѣйствія же нашего флота противъ Турціи мы вовсе не нуждались въ немъ, ибо на основаніи не только обычнаго морскаго права, но Парижской декларації, международнаго акта подписаннаго какъ Англіей, такъ и Турціей, военный флотъ нашъ имѣетъ полное право искать въ открытомъ морѣ и конфисковать военную контрабанду привозимую для нашего противника, чьимъ бы флагомъ она ни прикрывалась. Англійскіе же броненосцы тогда только могли бы появиться на защиту этихъ нарушителей нейтралитета когда предварительно сама Англія открыто вышла бы изъ своего нейтралитета. Или можетъ-быть газетѣ *Яхта* извѣстно нѣчто болѣе чѣмъ намъ, и не хочетъ ли она своимъ намекомъ объ англійскихъ броненосцахъ дать понять что было какое либо дипломатическое домогательство чтобы мы не мѣшали англійскимъ судамъ доставлять военные транспорты въ Турцію?

Еще одно слово. Мы полагаемъ трудно доказать чтобы пресѣченіе подвоза моремъ военныхъ припасовъ было только „эфемерною“ пользой, а не такою же важною и дѣйствительною военною операціей какъ, напримѣръ, прегражденіе доставки всякихъ припасовъ для арміи Османъ-паши у Плев-

ны. Съ трудомъ также можемъ повѣрить чтобы „чуть не всю команду“ Балтійскаго флота потребовалось отослать на Дунай и Черное Море для нѣсколькихъ миноносцевъ и двухъ-трехъ судовъ наскоро приспособленныхъ къ военнымъ цѣлямъ. Намъ говорятъ что команда Балтійскаго флота принесетъ болѣе существенную пользу на югѣ, на дѣйствительномъ театрѣ войны. Да, если-бы вмѣстѣ съ нею могли перенестись какимъ-либо волшебствомъ изъ моря въ море и самыя суда Балтійскаго флота. Какая-то злополучная судьба преслѣдуетъ у насъ морское дѣло! Выходитъ что на Черномъ Морѣ мы имѣемъ героевъ-моряковъ—безъ флота, а въ Балтійскомъ—флотъ безъ моряковъ...

Впрочемъ, мы совершенно понимаемъ что наши моряки весьма нужны на Дунаѣ и Черномъ Морѣ, гдѣ они приносятъ существенную пользу, и что вслѣдствіе этого экипажъ Балтійскаго флота не могъ не быть ослабленъ, хотя бы и не въ такой мѣрѣ какъ утверждаетъ *Яхта*. Но въ настоящемъ случаѣ требовались не какія-либо военныя операціи; требовались два-три крейсера для перехвата котрабанды. Неужели не нашлось бы экипажа для двухъ-трехъ крейсеровъ? Во всякомъ случаѣ ничто не мѣшало намъ принять мѣру которую не считала ниже своего достоинства Германія во время войны съ Франціей, и приступить къ вооруженію крейсеровъ, посредствомъ найма для перехвата военной контрабанды. У Турціи нѣтъ торговаго флота и весь вопросъ въ настоящемъ случаѣ состоялъ бы только въ захватѣ того оружія которое, будучи регулярно доставляемо въ Турцію, стоитъ намъ не мало дорогой русской крови.

№ 259.

Москва, 18-го октября.

Съ изумительною быстротой бѣгства Измаилъ-паши отъ Чингильскихъ высотъ можетъ сравниться только не менѣе изумительная быстрота преслѣдованія его отрядомъ генерала Тергукасова. Отъ 6-го по 15-е октября (полученное 17 октября въ Такмѣ извѣстіе изъ Кеприкёя не могло оставаться въ дорогѣ менѣе двухъ дней), значитъ въ девять дней, обѣ арміи эти прошли 245 верстъ, что составляетъ слишкомъ 27 верстъ въ день, безъ дневокъ, по мѣстности постоянно очень гористой и дорогамъ крайне неудобнымъ при нынѣшнемъ позднемъ времени года. Эта быстрота бѣгства Измаила дѣлаетъ ему честь, такъ какъ онъ вѣрно оцѣнилъ важность настоящаго момента: еслибъ онъ поспѣлъ къ Кеприкёю когда это мѣсто уже было занято отряженнымъ изъ Такмы для преслѣдованія Мухтара генераломъ Гейманомъ, то онъ оказался бы отрѣзаннымъ отъ Эрзерума и отъ Мухтара. При этой перспективѣ ему была дорога всякая минута...

Рядъ рекогносцировокъ о которыхъ сообщаетъ запоздавшая на пути депеша Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміей служитъ какъ бы предвѣстникомъ рѣшительнаго наступленія со стороны арміи Наслѣдника Цесаревича. Судя по общему направленію отступавшаго непріятеля, по дугѣ между Босарбовымъ (у Рущука), Ниссовой, Соленикомъ и Костанцей можно заключить что непріятельская армія оставляетъ Рущукско-Разградскую дорогу, сосредоточиваясь на Рущукско-Шумлинской. Занятіемъ обѣихъ этихъ дорогъ нашими войсками Рущукъ будетъ отрѣзанъ отъ главныхъ силъ арміи Сулейманъ-паши.

Какъ пишутъ изъ Зимницы въ *Политическую Корреспонденцію*, движеніе генерала Гурко, увѣнчавшееся блестящею побѣдой при Горномъ Дубнякѣ и капитуляціей занимавшихъ Телишъ турецкихъ войскъ, было начато уже 8 октября отрядомъ изъ 14 полковъ кавалеріи, 8 конныхъ батарей и 3 стрѣлковыхъ баталіоновъ. Между 8 и 17 октября, генералъ Гурко успѣлъ уже занять дорогу изъ Плевны въ Орханіе и тѣмъ прекратить всякіе подвозы къ арміи Османъ-паши, изъ чего можно заключить что если Османъ телеграфировалъ 9 октября въ Адріанополь чтобъ ему выслали новый транспортъ съ провіантомъ, то это требованіе *уже не могло быть исполнено*. Далѣе, по свѣдѣніямъ той же корреспонденціи, 7 октября выступили по дорогѣ къ Ловчѣ 1-я пѣхотная и одна бригада 5-й пѣхотной гвардейскихъ дивизій, переправившіяся де 15-го чрезъ Видъ, у Свинара, и достигшія 16 октября Телишъ. Тутъ произошло соединеніе этой части гвардейской пѣхоты съ отрядомъ генерала Гурко; немедленно затѣмъ окончательно была сомкнута блокадная линія установленіемъ сообщенія

между отрядомъ генерала Гурко и стоявшимъ сѣвернѣе его отрядомъ генерала Лошкарева, у Трестеника, Этрополя и Азаге-Дубницъ. Итакъ, съ 16 (14) октября надо считать Османъ-пашу совершенно отрѣзаннымъ и отъ Софіи, и отъ Виддина. Цитуемая корреспонденція сознается что теперь для турецкаго полководца, чтобъ избѣгнуть капитуляціи, остается одно средство: пробиться сквозь нашу блокаду. По мнѣнію корреспондента, какая-либо возможность успѣть въ этомъ могла бы представиться ему развѣ только при попыткѣ прорваться на Виддинъ и *никакъ не на Софію;* но и въ Виддинѣ ему нельзя де будетъ оставаться долго, за скудостью тамошнихъ провіантскихъ запасовъ; во всякомъ случаѣ ему необходимо торопиться, такъ какъ иначе онъ вскорѣ не будетъ въ состояніи и поднятся изъ Плевны...

Имѣя въ виду всѣ эти свѣдѣнія, надо полагать что атака Горнаго Дубняка была не со стороны Плевны, а со стороны Телиша, по дорогѣ изъ Орханіе въ Плевну.

Дѣло у Телиша, хотя и окончилось новымъ погромомъ Турокъ, но представляетъ въ результатѣ необъяснимую загадку. Въ маломъ видѣ сраженіе при Телишѣ напоминаетъ собою битву при Седанѣ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ побѣда рѣшена сосредоточеніемъ огромной массы артиллеріи. Но Германская армія разстрѣливала Французовъ въ Седанѣ пока не вынудила ихъ къ *безусловной сдачѣ* на милость побѣдителя. Между тѣмъ у Телиша, послѣ трехчасовой канонады, Турки сдались *на капитуляцію,* по которой имъ возвращена свобода. Понятно что они поспѣшатъ воспользоваться ею чтобы возвратиться въ Орханіе, гдѣ имъ будетъ дано новое оружіе. То же самое предложилъ было и Наполеонъ III послѣ первыхъ часовъ страшной канонады. Но германская армія продолжала канонаду еще нѣсколько часовъ, и многочисленная армія съ императоромъ во главѣ сдалась безусловно.

№ 260.

Москва, 19-го октября.

Недавно,—и въ № 189 *Московскихъ Вѣдомостей* было своевременно обращено на это вниманіе,—*Сѣверо-Германская Всеобщая Газета,* органъ князя Бисмарка, во главѣ своего нумера воспроизвелъ какъ передовую статью энергическія возраженія напечатанныя въ другомъ прусскомъ офиціозномъ органѣ, *Майнцской Газетѣ,* противъ фальшивыхъ и злостныхъ сближеній Славянскаго движенія съ революціей, коими стращали Россію самыя враждебныя ей въ цѣлой Европѣ партіи. „Панслависты," сказано было въ этой честной и правдивой статьѣ быть-можетъ внушенной или одобренной самимъ германскимъ канцлеромъ, „никогда не принимали уча„стія ни въ какихъ нелѣпостяхъ нигили„стовъ, ни въ студенческихъ смутахъ, ни „въ распространеніи революціонныхъ изда„ній или въ соціально-демократическихъ „возбужденіяхъ. Панслависты чувствовали „себя на высотѣ символа своихъ полити„ческихъ воззрѣній стоящими слишкомъ „высоко надъ обыкновенными оппозиціон„ными выходками... Между тѣмъ въ евро„пейской печати много твердилось нелѣ„постей насчетъ этого пугала; стремленія „панславизма были низведены на одинъ „уровень и смѣшаны со стремленіями ка„кой-то не существующей старо-русской „партіи, со стремленіями нигилистовъ и „эмигрантскихъ колоній въ Цюрихѣ, Брюс„селѣ и Лондонѣ, или съ замыслами ре„волюціонной литературы Бакунинныхъ, Гер„ценовъ, Огаревыхъ, Блюмеровъ и Лав„ровыхъ... Со всѣмъ этимъ панславизмъ „не имѣетъ ничего общаго. Онъ хочетъ „Россію съ ея Государемъ..." говорила въ заключеніи цитуемая статья. Что же касается мечтаній панславизма о будущемъ въ области международной политики, весьма естественно открывающей болѣе простора фантазіи, то тутъ, къ сожалѣнію, германская офиціозная газета сама поддалась страху „пугала," указывая на чуждый русскому обществу миѳъ *политическаго* объединенія Славянъ какъ на конечную цѣль внѣшней политики панславизма, между тѣмъ какъ русскіе панслависты, въ сущности, ни когда не простирали своихъ видовъ далѣе *духовнаго* объединенія Славянства. Но и въ этомъ случаѣ *Сѣверо-Германская Газета* отдавала имъ справедливость: въ приписываемомъ имъ домогательствѣ не находила она ничего революціоннаго, такъ какъ и эту цѣль панслависты имѣютъ де въ виду достигнуть не иначе какъ съ „русскимъ Государемъ во

главѣ Славянъ," и „не путемъ революціи, „измѣны или отпаденія, а *если невозможно „иначе*, то силой меча, — и то не воль„ныхъ шаекъ съ гарибальдійскими лозун„гами, но силой меча русской арміи."

Имѣя въ виду эти благонадежныя основы всей такъ-называемой панславистской программы, прусскіе официозные органы находили весьма естественнымъ что Русское правительство даетъ у себя просторъ этимъ стремленіямъ „насколько то соотвѣтствовало его собственнымъ желаніямъ и цѣлямъ." Дѣйствительно, чувство братства съ угнетенными единовѣрцами и соплеменниками составляетъ въ нашемъ народѣ силу которая, по признанію цитуемой статьи, въ годину борьбы за ихъ освобожденіе можетъ оказать великую пользу этому великому дѣлу. Поддерживая въ Русскомъ народѣ воодушевленіе и готовность къ пожертвованіямъ, Славянскіе комитеты были де въ войнѣ съ Турціей весьма полезными и по истинѣ патріотическими факторами...

За исключеніемъ ложно понимаемой конечной цѣли внѣшней политической программы панславизма, приведенными мнѣніями означенной статьи вѣрно характеризовалось значеніе славянскихъ сочувствій въ Россіи въ настоящее время. Съ этой точки зрѣнія, такъ-называемый панславизмъ въ Россіи не есть программа какой-либо партіи, а политическая исповѣдь Русскаго народа; онъ созданъ не мудрованіями отдѣльныхъ мечтателей, а исторіей, и имъ написаны самыя блестящія страницы русской исторіи, съ нимъ неразлучно связаны имена Петра Великаго, Екатерины Второй, Николая...

И вотъ этотъ честный порывъ русскаго народнаго чувства поддержать свое правительство въ исторической борьбѣ съ заклятымъ врагомъ за святое дѣло вдругъ ославляется интригой какъ дѣло одной сомнительной и опасной партіи, русское народное чувство выставляется подъ именемъ панславизма какъ нѣчто революціонное и мятежное. Что та же сила сказалась въ незабвенную годину Наварина и Кулевчи за Грековъ какъ теперь за Славянъ, что она же въ сущности и съ тою же энергіей проявлялась и въ 1812 году, что она же и съ тою же энергіей обнаружилась въ 1863 году, когда, по случаю взбунтовавшейся шляхты, Россія повидимому была наканунѣ борьбы почти съ цѣлою Европой,—до всего этого интригѣ нѣтъ дѣла. Съ оскорбительною для Россіи увѣренностью разчитываетъ она подѣйствовать на ея правительство и поселить въ немъ разладъ съ исторіей своей страны, съ духомъ и призваніемъ своего народа, наконецъ съ самимъ собою.

Къ сожалѣнію, почтенная редакція *Сѣверо-Германской Газеты* помѣщаетъ иногда въ столбцахъ своей газеты корреспонденціи изъ *Петербурга* (замѣтьте!) совершенно расходящіяся съ ея воззрѣніями. Такъ, на дняхъ, помѣстила она *петербургскую* корреспонденцію вторившую тѣмъ лживымъ толкамъ о значеніи „панславизма" въ Россіи, противъ которыхъ такъ доказательно возставала сама газета находя въ нихъ не иное что̀ какъ выраженіе ребяческаго страха предъ пугаломъ русскаго панславизма. По словамъ этой петербургской корреспонденціи, „панславизмъ," обнаруживая стремленія „къ переходу изъ области отвлеченныхъ умозрѣній въ область практической жизни," будто бы вызываетъ противъ себя со стороны правительства рѣшительныя мѣры, и такъ какъ это стремленіе съ особенною силой высказалось де именно по поводу временныхъ нашихъ неудачъ, по поводу „Плевненскаго періода," то настало де время для правительства выступить во всеоружіи противъ этого внутренняго своего противника... Дѣйствительно, русскій патріотизмъ никогда не чувствовалъ сильнѣе своего долга выступить на поддержку защищаемаго Русскимъ правительствомъ дѣла какъ именно въ моментъ временныхъ невзгодъ нашего оружія, — и именно это патріотическое движеніе и выставляется врагами Россіи какъ злокозненное проявленіе!

Но неудовольствіе этого петербургскаго корреспондента противъ „панславистовъ" обнаружилось и до наступленія „Плевненскаго періода." Уже тогда ставилъ онъ имъ въ упрекъ разныя, какъ онъ выражается, „безсмысленныя требованія," какъ-то: „мобилизаціи всей арміи, созванія ополченія и даже отправленія гвардіи и гренадеръ на театръ войны..." Во всемъ этомъ высказывалось де со стороны панславистовъ революціонное стремленіе „направлять правительство согласно цѣлямъ своей *партіи*..."

Замѣчательнѣе всего то что именно съ тѣми же самыми упреками противъ панславистовъ выступалъ и польскій патріотъ

пописывающій изъ Варшавы въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію*...

А между тѣмъ въ недавно напечатанной *Сѣверо-Германской Газетой* превосходной передовой статьѣ о причинахъ нашихъ временныхъ неудачъ, сообщается что именно эти „требованія," еще до объявленія войны, были высказаны самымъ высшимъ въ Россіи авторитетомъ, но не исполнены вслѣдствіе совѣтовъ дипломатіи и военной администраціи...

Петербургскій корреспондентъ дѣлаетъ даже попытку затронуть и столь чувствительную нынѣ струну нѣмецкаго національнаго чувства, утверждая будто русскимъ „панславистамъ" (въ ряды ихъ зачисляются, конечно, и *Московскія Вѣдомости*) несносны въ русской арміи нѣмецкія имена генераловъ Циммермана, Криденера, Тотлебена...

Стóитъ ли отвѣчать на это? Какъ нарочно имя Тотлебена было впервые произнесено именно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* когда явились затрудненія подъ Плевной, а его на театрѣ войны не было...

Но и въ этомъ случаѣ надо отдать справедливость газетѣ князя Бисмарка: она усвоила себѣ статью *Майнцской Газеты*, но не обратила никакого вниманія на присланную ей петербургскую корреспонденцію, напечатавъ ее повидимому только въ угожденіе какой-то партіи въ Петербургѣ... Въ этомъ фактѣ обнаруживается сила этой *какой-то* партіи у насъ, которая, возставая противъ русской политики Русскаго правительства, старается всѣми силами привести въ уныніе нашу публику, и для этого не находитъ лучшаго средства какъ чернить и злословить русское народное чувство... Въ Петербургѣ есть газета которая служитъ явнымъ органомъ этой партіи. Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* недавно появилось письмо которое наизлѣйшіе враги Россіи, какъ напримѣръ органъ вѣнскаго турецкаго посольства *Neue Freie Presse*, съ восторгомъ перепечатали цѣликомъ, озаглавивъ его *Русскимъ покаяніемъ* (*Russisches Selbstbekentniss*). Нѣсколько дней спустя, по поводу арестованія въ Галиціи г. Иловайскаго, по лживому доносу польскаго ксендза, *Биржевыя Вѣдомости* снова пустились въ дерзкую филиппику противъ русскаго патріотическаго чувства, обзывая его „панславизмомъ" въ дурномъ смыслѣ, а въ промежутокъ отъ одной статьи до другой фельетонисты этой газеты то и дѣло толковали что война всѣмъ „начинаетъ пріѣдаться," что „общій интересъ" къ ней „ослабъ," что публика не хочетъ читать извѣстій о войнѣ,—такъ они ей надоѣли,—что она даже не покупаетъ телеграммъ съ театра войны... Понятно, что отъ этой лжи въ восторгѣ *Neue Freie Presse*...

№ 261.

Москва, 19-го октября.

Корреспонденты изъ Турціи получили теперь mot d'ordre прославлять Турцію. Болѣе всѣхъ отличается константинопольскій корреспондентъ петербургской газеты *Голосъ*. Болѣе возвышеннаго, болѣе горячаго турецкаго энтузіазма невозможно себѣ представить. Сердца русскихъ читателей корреспонденціи, изъ которой предлагаются выписки въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты, должны исполниться ужаса, читая о величіи и могуществѣ Оттоманской имперіи которая, какъ увѣряетъ насъ корреспондентъ, будетъ съ теченіемъ войны становиться все могущественнѣе и грознѣе. Оказывается что каждый Турокъ есть герой, который съ молокомъ матери всасываетъ мужество; каждый рождается доблестнымъ слугою Пророка и его намѣстника калифа... Но объ этой корреспонденціи *Голоса* нельзя говорить слегка, особенно если правда что эти корреспонденіи пишутся въ самомъ Петербургѣ. Поговоримъ теперь о забавномъ.

Въ непроизвольномъ комизмѣ своихъ сообщеній корреспонденты англійскихъ газетъ достигли небывалаго совершенства. Нѣсколько дней тому назадъ константинопольскій корреспондентъ *Times* умиленнымъ тономъ, пространно и напыщенно разсуждалъ о новой эрѣ прогресса которую обѣщаетъ Турціи замѣчательный переворотъ совершаемый султаномъ и доказывающій его благія намѣренія. Дѣло было... въ томъ что султанъ удостоилъ пригласить къ своему обѣду г-жу Леярдъ, супругу англійскаго посла, чего прежде никогда не бывало! Послѣ того онъ принималъ и супругу германскаго посла, принцессу Рейссъ. Европейскія женщины допущенныя во святилище султанскаго дворца! Да этотъ фактъ способенъ переродить

все мусульманское общество, пересоздать нравы и воспитаніе! Какихъ еще нужно доказательствъ для убѣжденія въ просвѣщенныхъ и либеральныхъ намѣреніяхъ султана? И разсужденія на эту тему наполняли не одну корреспонденцію въ такой газетѣ какъ *Times!*..

Сегодня, въ той же газетѣ, находимъ новый обращикъ этого рода. Корреспондентъ передаетъ по телеграфу разказъ объ аудіенціи которою, по просьбѣ г. Леярда, султанъ удостоилъ адмирала Горнби, командующаго Безикскою эскадрой, и двухъ членовъ Англійскаго парламента, г. Эдвардса и г. Гольднея, недавно прибывшихъ въ Константинополь, и, какъ сказано, „дѣятельно изучающихъ на мѣстѣ все что можетъ дать наилучшія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи войны и о послѣднихъ фазахъ Восточнаго вопроса. „Свиданіе, разказываетъ корреспондентъ, имѣло необычайный интересъ. Вопервыхъ, султанъ принялъ своихъ гостей съ величайшею учтивостью, всталъ и пожавъ имъ руки „немедленно“ пригласилъ садиться. Затѣмъ началась продолжительная бесѣда, въ которой главное участіе принималъ самъ султанъ при помощи гофъ-маршала, служившаго переводчикомъ. Султанъ выразилъ де величайшее желаніе осуществить всѣ тѣ реформы и улучшенія которыя были указаны въ его послѣднихъ декретахъ. Онъ сожалѣлъ что ему приходится бороться съ закоренѣлыми предразсудками; но тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ де рѣшился положить основаніе для дальнѣйшихъ реформъ; въ особенности же онъ озабоченъ мѣрами которыя обезпечили бы равноправность всѣмъ его подданнымъ. Далѣе, разговоръ принялъ еще болѣе живой интересъ коснувшись парламентскихъ учрежденій. Султанъ сказалъ что онъ читалъ въ газетахъ о занятіяхъ Англійскаго парламента и остался очень доволенъ; надѣется и свой со временемъ привести въ порядокъ. Наконецъ султанъ просилъ своихъ гостей передавать въ Англію вѣрный и буквальный отчетъ о всемъ что они видятъ въ Турціи, объявляя что онъ желаетъ чтобы въ Англіи была извѣстна истина, и только истина, такъ какъ было де распущено слишкомъ много превратныхъ толковъ. Должно-быть, при этомъ находился и корреспондентъ *Голоса*.

Гости султана откланялись ему чрезвычайно довольные его учтивымъ пріемомъ и проникнутые убѣжденіемъ въ его искренности и твердой рѣшимости привести въ исполненіе задуманныя мѣры.

Само собой разумѣется что здѣсь многое не досказано. Корреспондентъ проговаривается объ одной подробности бесѣды, которая стоитъ всей остальной болтовни, передавая что султанъ также выразилъ желаніе ввести въ своей имперіи однообразный кодексъ законовъ и туземныхъ судей, вмѣсто консульскихъ судовъ всякихъ національностей, которые де только ослабляютъ власть правительства и ведутъ къ величайшимъ замѣшательствамъ и затрудненіямъ. Корреспонденту не было надобности прибавлять что это замѣчаніе султана было самое важное изо всего разговора. Это очевидно само собою. Если султанъ въ разговорѣ не ограничивался общими фразами, а торговался о капитуляціяхъ, то значитъ было о чемъ торговаться, значитъ его англійскіе гости, представленные г. Леярдомъ, ему нѣчто предлагали и совѣтовали нѣчто для нихъ желательное. О томъ что говорили эти джентльмены, корреспондентъ осторожно умалчиваетъ; но не трудно узнать какія вообще домогательства употребляетъ теперь Англія въ Константинополѣ.

Розказни о благихъ намѣреніяхъ султана, помимо своего комизма, могутъ имѣть и опредѣленную цѣль. Повидимому, они подготовляютъ нѣкоторую, такъ сказать моральную, raison d'être для посредничества съ которымъ страстно желаетъ Англія поскорѣе выступить. Но, помимо желанія, нуженъ еще предлогъ и поддержка. Поддержки Англія пока еще не могла найти, ибо Австрія, которой закинуты были сѣти, принуждена была сознаться что такая попытка неудобна въ настоящее время, пока ни одна изъ воюющихъ сторонъ не проситъ этой услуги. Поэтому Англія и напрягаетъ свои усилія чтобъ *убѣдить* Порту обратиться къ Англіи съ просьбой о посредничествѣ. Въ виду оборота принимаемаго войной, въ Англіи опять начинаютъ опасаться чтобы Порта не покончила прямымъ обращеніемъ къ Россіи для примиренія. Надняхъ еще торійская *Standard*, по поводу извѣстій изъ Константинополя о возрастающемъ тамъ недовѣріи къ иностранцамъ, замѣчала: „Отчаявшись въ успѣхѣ на войнѣ и въ европейскомъ вмѣшательствѣ, Турки естественно могутъ обратить свои мысли къ

„такому миру который всего скорѣе отомстить нейтральнымъ, чьи интересы они „отстаивали въ борьбѣ за свое существованіе. Они уже доказали Европѣ что ихъ „дипломатическій талантъ не уступаетъ „ихъ военному таланту, и они могутъ удивить насъ чѣмъ-либо такимъ что будетъ „столь же непріятно какъ и русское занятіе Константинополя".

Но, кромѣ давленія на Турцію, несомнѣнно ведется и другая игра. Въ Англіи понимаютъ что еслибъ и удалось убѣдить Порту просить англійскаго посредничества, то немного еще было бы выиграно, такъ какъ нужно было бы еще убѣдить и Россію принять это посредничество. Самый обыкновенный пріемъ Англичанъ въ такихъ случаяхъ пускать въ ходъ угрозы и застращиванья, и въ этомъ отношеніи *leading article* во вчерашнемъ *Times* весьма похожа на угрозу. Обсуждая настоящее отношеніе Европы къ войнѣ, она замѣчаетъ что всѣ теперь смотрятъ на нее спокойнѣе, потому де что военное могущество Россіи оказалось вовсе не такъ страшнымъ какъ воображали. „Однако", прибавляетъ она, „нейтральныя правительства не могутъ забыть что „рано или поздно событія возложатъ на „нихъ важныя обязанности. Они могутъ „воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для посредничества; или, если Турція попроситъ мира, они могутъ предло„жить способъ рѣшенія который наиболѣе „соотвѣтствуетъ европейскому миру". Другими словами, Россія, послѣ всѣхъ жертвъ, должна будетъ исполнить велѣнія Англіи. Органъ Города Лондона увѣренъ что державы должны были все это время обмѣниваться идеями и предложеніями. Въ особенности же, Англійское правительство должно было осмотрительно составить „свои планы", не стѣсняемое на этотъ разъ ни народными митингами, ни брошюрами г. Гладстона. Напрасно де всѣ привыкли упускать изъ разсчета правительство которое недавно еще пользовалось наибольшимъ вліяніемъ въ Константинополѣ, то-есть французское. „Пусть только во Франціи утвердится республика, и окажется „что она не отказалась ни отъ одного „изъ своихъ правъ на участіе въ дѣлахъ „Востока". Объ Австріи же нечего и говорить.

Гармоніи этой дипломатической комбинаціи вредитъ однако одно обстоятельство. „Наибольшее любопытство", по признанію Лондонскаго органа, „возбуждаетъ поло„женіе Германіи, потому что оно, каково „бы оно ни было, будетъ имѣть рѣшаю„щее значеніе". А если, такимъ образомъ, ключъ рѣшенія не въ рукахъ Англіи, то о чемъ же она хлопочетъ?

№ 262.

Москва, 21-го октября.

А.

Извѣстіе сообщаемое намъ сегодня изъ Лондона о попыткахъ Англіи къ посредничеству для возстановленія мира на случай еслибъ увѣнчался успѣхомъ принятый наконецъ планъ овладѣнія Плевной,—это извѣстіе, указывающее на встрепенувшуюся интригу, является не впервые. Уже нѣсколько дней тому назадъ, а именно 26 (14) октября, вѣнская *Политическая Корреспонденція* сообщала, *sous toute réserve*, дошедшее до нея сообщеніе изъ Лондона о томъ что представитель Англіи въ Константинополѣ, г. Леярдъ, послѣ недавней аудіенціи у султана обратился къ лорду Дарби съ вопросомъ, согласенъ ли будетъ Англійскій кабинетъ принять на себя посредство въ дѣлѣ возстановленія мира въ случаѣ извѣстнаго въ этомъ смыслѣ желанія султана? Лордъ Дарби немедленно принялъ свои мѣры чтобы *сондировать* вліятельныя русскія сферы, и въ случаѣ благопріятнаго отвѣта обѣщалъ посредство Англіи. Въ Англіи надѣются де что на этотъ разъ Россія окажется склонною къ переговорамъ. Вѣнскій органъ однако не раздѣляетъ этой надежды и, какъ сказано, передаетъ указанное сообщеніе съ оговоркой.

Еще недовѣрчивѣе отнеслась къ этимъ слухамъ и берлинская печать. *National-Zeitung* полагаетъ что въ приведенномъ *Политическою Корреспонденціей* слухѣ можно повѣрить лишь тому что *Турція* очень желала бы добиться мира. Но, замѣчаетъ названная газета, „это ужь не первый голубь выпущенный изъ ковчега чтобы посмотрѣть не окажется ли гдѣ-нибудь клочокъ суши на который могъ бы опуститься погибающій оттоманскій государственный корабль." Берлинская газета думаетъ что эти сообщенія вѣрны лишь

въ томъ смыслѣ что какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Лондонѣ очень бы желали положить теперь же конецъ войнѣ. Цѣль войны съ точки зрѣнія Турціи и Англіи можетъ де считаться достигнутою; Турція доказала свою „жизнеспособность,“ а не много спустя пожалуй окажется „неспособность.“ Вотъ почему какъ нельзя болѣе понятно что Турція горячо желаетъ мира, и что столь же горячо желаетъ этого ея вѣрный другъ—Англія. Берлинская газета не обинуясь признаетъ что обвиненія которыя со стороны Россіи дѣлались Англіи за ея поддержку Турціи вполнѣ справедливы. Слишкомъ много фактовъ указываютъ де на то что Англія помогаетъ Турціи и положительно и отрицательно, облегчая притокъ матеріальной помощи для нея въ одномъ мѣстѣ и парализуя въ другомъ всякое направленное противъ него движеніе. Чтобъ убѣдиться въ помощи которую Англія оказываетъ Туркамъ, нѣтъ надобности указывать на англійскихъ офицеровъ въ турецкихъ рядахъ. Есть указанія болѣе несомнѣнныя и болѣе важныя. Египетъ, какъ всѣмъ извѣстно, не можетъ теперь вздохнуть „чтобы не чувствовать англійской пятерни у своего горла;“ а между тѣмъ, продолжаетъ берлинская газета, сынъ египетскаго хедива въ Шумлѣ, и приливъ денегъ и войскъ изъ Египта идетъ непрерывно. Точно также и Тунисъ обнаруживаетъ признаки жизни лишь вслѣдствіе толчковъ англійскаго генеральнаго консула; а между тѣмъ мы постоянно слышимъ о деньгахъ и припасахъ присылаемыхъ оттуда въ Турцію, и сверхъ того оттуда ожидаютъ со дня на день подкрѣпленій войсками. Съ другой стороны, Турція посылаетъ Эллинскому правительству свои угрожающія ноты чрезъ обязательное посредство лорда Дарби, и по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Бѣлграда, сообщаемымъ въ *Политическую Корреспонденцію*, Сербія снова отсрочила на неопредѣленное время свое вступленіе въ дѣйствіе, и этому содѣйствовало главнымъ образомъ „энергическое настояніе“ англійскаго генеральнаго консула.

Все это, по сужденію берлинской газеты, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ что Англія дѣятельно усердствуетъ въ пользу Турціи, и стараясь спасти ее, хлопочетъ теперь о скорѣйшемъ заключеніи мира. Но *National-Zeitung* не усматриваетъ ни малѣйшаго повода и признака почему миръ могъ бы быть желателенъ въ настоящее время съ точки зрѣнія Россіи. Для Россіи, замѣчаетъ названная газета, мириться теперь значило бы запечатлѣть свое пораженіе. „Такой миръ,“ сказано далѣе, „подорвалъ бы на десятки лѣтъ политическое положеніе Россіи въ Европѣ, и объ историческомъ призваніи Россіи не могло бы быть болѣе и рѣчи.“ Въ виду этого, для берлинской газеты немыслимо чтобы Россія согласилась на посредничество исходящее отъ Англіи, и думаетъ что „голубь и на этотъ разъ возвратится въ ковчегъ безъ столь желанной масличной вѣтви.“

Б.

Со словъ *Journal de St.-Pétersbourg* привели мы вчера текстъ депеши турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ съ притворнымъ негодованіемъ опровергавшей обвиненіе возводимое румынскимъ министромъ Когальничано противъ арміи Османъ-паши, добивавшей оставленныхъ на полѣ сраженія раненыхъ румынскихъ офицеровъ и стрѣлявшей по румынскимъ санитарамъ. Полученный сегодня нумеръ *Съверо-Германской Всеобщей Газеты* также воспроизводитъ текстъ турецкой депеши, сопровождая двумя вопросительными знаками завѣренія турецкаго министра что онъ считаетъ всѣ эти нареканія „за оскорбленіе турецкой арміи, которая *никогда* не „позорила себя подобными преступленіями.“ Въ заключеніе же органъ князя Бисмарка присовокупляетъ слѣдующія размышленія: „Въ виду вполнѣ доказанныхъ „событій въ Шипкинскомъ проходѣ, въ „виду теперь же засвидѣтельствованнаго „генераломъ Гурко, со стороны Турокъ, „злоупотребленія парламентерскимъ флагомъ, наконецъ въ виду сообщеній русскаго офицера генеральнаго штаба Кавказской арміи объ увѣчьяхъ нанесенныхъ „Турками убитымъ и раненымъ русскимъ „солдатамъ, это завѣреніе турецкаго министра болѣе чѣмъ странно. Какъ можетъ правительство вообще ручаться въ „чемъ бы то ни было за армію набранную „изъ баши-бузуковъ, Черкесовъ, Зейбековъ, Курдовъ и обитателей тюремъ...“

Дѣйствительно, по свѣдѣніямъ вѣнской *Presse* изъ константинополя, „Турецкое „правительство не пренебрегаетъ никакими мѣрами усиленія своихъ войскъ. Оно

„обратилось теперь къ тюрьмамъ, и мас-„сами освобождаетъ заключенныхъ пре-„ступниковъ дабы записать ихъ въ ряды „арміи. Правительственныя газеты сопро-„вождаютъ эту мѣру глубокомысленнымъ „замѣчаніемъ что тюрьмы доставятъ арміи „контингентъ отъ 25 до 30.000 человѣкъ.“

Дѣйствительно, съ такимъ составомъ арміи трудно правительству ручаться за ея нравственность.

Но что скажетъ объ этой мѣрѣ комплектованія арміи турецкій корреспондентъ *Голоса* который такія чудеса разказываетъ намъ о турецкомъ патріотизмѣ?

В.

Третьяго дня мы обратили вниманіе на какую-то партію внутри Россіи дѣйствующую въ согласіи съ ея врагами и готовую помогать Туркамъ въ ихъ борьбѣ съ нею, — партію русскихъ Англо-Мадьяръ, которой ненавистно всякое проявленіе нашего народнаго духа, всякое дѣйствіе нашего правительства въ этомъ духѣ и которая русскій патріотизмъ ставитъ на одну линію съ нигилизмомъ и революціей, — партія которая питаетъ гнуснѣйшими корреспонденціями враждебную намъ заграничную печать. Едва была сдана наша статья въ печать какъ телеграмма нашего петербургскаго корреспондента передала намъ сущность обнародованнаго *Правительственнымъ Вѣстникомъ* сообщенія, изобличающаго новыя продѣлки этой партіи. Въ то самое время когда между Плевной и Орханіе наша армія имѣла блистательные успѣхи, въ Петербургѣ интрига распускаетъ слухи о пораженіи будто-бы понесенномъ этими самыми побѣдоносными войсками, стараясь распространить въ публикѣ уныніе, и старается такъ усердно что правительство сочло необходимымъ предостеречь публику отъ подобныхъ злоумышленныхъ слуховъ.

Г.

Вѣнскій корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* ухитрился писать въ одномъ духѣ съ органомъ турецкаго посольства въ Вѣнѣ *Neue Freie Presse*, и заслужить одобреніе и сочувствіе этой газеты. Не служитъ ли этотъ корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* также органомъ какого-нибудь посольства?

Въ соотвѣтствіи съ нимъ пишетъ константинопольскій корреспондентъ *Голоса*. Объ общемъ характерѣ его корреспонденцій читатели *Московскихъ Вѣдомостей* могутъ судить по приведеннымъ вчера обращикамъ. Такихъ горячихъ и восторженныхъ *турецкихъ* патріотовъ не встрѣчаемъ мы даже въ вѣнской *Neue Freie Presse*.

Представьте себѣ читателя, который получаетъ только двѣ петербургскія газеты, *Голосъ* и *Биржевыя Вѣдомости*. Беретъ онъ *Голосъ*, и находитъ въ немъ яркую картину патріотическаго одушевленія, объявшаго все мусульманское населеніе Оттоманской имперіи, блестящаго состоянія Турецкой арміи, могущества духа у Турокъ со включеніемъ Курдовъ и Зейбековъ, — картину великихъ реформъ которыя готовитъ султанъ для своихъ подданныхъ, — картину неистощимыхъ силъ Турціи, которая въ борьбѣ только закаляется и становится все могущественнѣе во славу Пророка... Удивительная картина! Затѣмъ читатель берется за *Биржевыя Вѣдомости* — другая картина, — картина бѣдной, жалкой, разстроенной, гибнущей Россіи, завлеченной Славянскимъ комитетомъ въ борьбу не по силамъ, и которая въ борьбѣ даже побѣдоносной должна потерпѣть конечное крушеніе... Миръ, во что бы то ни стало, скорѣе миръ, хотя бы на основаніи Лондонскаго протокола!

№ 263.

Москва, 24-го октября.

А.

Съ разгромомъ Мухтаръ-паши и заключеніемъ Карса и Плевны въ тѣсную блокаду снова воцарилось уныніе въ Константинополѣ. Объ этомъ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ всѣ идущія оттуда извѣстія. Страхъ дошелъ до того что стамбульскому населенію уже мерещится новое движеніе генерала Гурко за Балканы, прямо на Адріанополь. Опасенія эти, повидимому, раздѣляетъ и Оттоманское правительство. Изъ Константинополя послано Шевкетъ-нашѣ, въ Орханіе, а также всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ на протяженіи между Софіей и Адріанополемъ, приказаніе сосредоточить всѣ имѣющіяся

въ ихъ распоряженіи рабочія силы чтобы возвести укрѣпленія на всемъ пути отъ Орханіе, чрезъ Софію, въ Адріанополь. Дѣйствительно, на всемъ этомъ пути, даже въ самомъ Адріанополѣ, по свѣдѣніямъ *Политической Корреспонденціи*, Русскіе едва ли встрѣтятъ какое-либо серіозное сопротивленіе. Съ опасеніями Турокъ замѣчательно совпадаютъ сообщенные на дняхъ телеграфомъ толки изъ Букурешта, будто со стороны Русскихъ дѣйствительно готовится семидесятитысячный корпусъ предназначенный для движенія за Балканы, даже до сдачи Османа, которая не можетъ замедлиться если вѣрить свѣдѣніямъ изъ Зимницы, отъ 26 октября, въ *Политическую Корреспонденцію*, опредѣляющимъ въ 25.000 „армію“ генерала Гурко, отрѣзавшую Османъ-пашу отъ Орханіе. Приводимыя сегодня телеграммы доказываютъ что войска наши не ограничились занятіемъ Горняго Дубняка и Телиша: передовые отряды ихъ стоятъ уже верстахъ въ тридцати отъ Орханіе.

На дняхъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, изъ вѣрныхъ источниковъ, сообщала что кругомъ Плевны сосредоточено у насъ до 130.000 войска. Въ Добруджѣ, противъ *арміи* генерала Циммермана, за исключеніемъ гарнизона необходимаго для *одной обороны* крѣпости Варны, стоитъ въ Базарджикѣ всего 8.000 Турокъ. Наконецъ, полученная сегодня *Политическая Корреспонденція* извѣщаетъ что Рущукскій отрядъ нашъ значительно усилился полученными подкрѣпленіями. Не говоря объ этомъ лѣвомъ крылѣ нашего операціоннаго фронта, противъ котораго все-таки стоитъ *единственная* сколько-нибудь способная къ наступленію турецкая армія,— изъ войскъ занимающихъ Добруджу и окрестности Плевны, а также и части войскъ оставленныхъ нами въ Румыніи между Журжевомъ, Ольтеницей и Каларашемъ можно было бы, дѣйствительно, еслибы потребовалось, составить семидесятитысячную армію для движенія за Балканы.

Итакъ, если опасенія Турокъ и преждевременны, то никакъ нельзя сказать чтобъ они были бы неосновательны. Между тѣмъ уже нынѣ обнаруживается весьма естественное дѣйствіе этихъ опасеній на общую политику Порты. Какъ первымъ результатомъ нашихъ временныхъ неудачъ былъ грозный и придирчивый тонъ вдругъ принятый Турецкимъ правительствомъ относительно Эллинскаго, такъ первымъ результатомъ нашихъ побѣдъ было не только внезапное пониженіе тона Оттоманской Порты, но и совершенно не свойственная ей уступчивость. „Еще нѣсколько дней назадъ,“ пишутъ изъ Константинополя отъ 19 октября въ *Политическую корреспонденцію*, „рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе „какъ объ отправленіи въ Аѳины ультиматума; обсужденію этого вопроса были „посвящены цѣлыя два засѣданія совѣта „министровъ.“ Но „вдругъ одержала верхъ удивительная умѣренность...“ И вотъ, вмѣсто ультиматума, въ Константинополѣ всячески стараются угодить маленькой слабой Греціи. Арестованное Турками, за два мѣсяца предъ симъ, въ Превезскомъ заливѣ, греческое судно съ оружіемъ вдругъ освобождается отъ ареста по распоряженію турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, не обращавшаго до сихъ поръ никакого вниманія на всѣ жалобы по этому поводу со стороны Эллинскаго правительства. До сихъ поръ Турецкое правительство упорно отказывало Греціи въ удовлетвореніи за оскорбленіе ея консула въ Ларисѣ; теперь Высокая Порта вдругъ изъявляетъ полную готовность къ уступкамъ. Само собою разумѣется что аѳинскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Трикупи, поспѣшилъ приписать этотъ поворотъ страху будто бы внушенному Портѣ рѣшительнымъ тономъ его послѣдней депеши. Но депеша его имѣла своимъ послѣдствіемъ засѣданіе совѣта турецкихъ министровъ на коемъ уже обсуждался ультиматумъ Греческому правительству. „Понесенное „Мухтаръ-пашой совершенное пораженіе,“ пишетъ цитуемый корреспондентъ вѣнскаго листка, „произвело на Турокъ пода„вляющее дѣйствіе. Они предвидятъ что „это пораженіе будетъ вступленіемъ къ „нескончаемому ряду бѣдственныхъ для „цѣлой имперіи событій. Вообще въ Кон„стантинополѣ господствуетъ нынѣ такое „настроеніе что на каждомъ шагу слы„шенъ вопросъ не насталъ ли благопрі„ятный моментъ когда Порта съ большою „благодарностью приметъ всякое предло„женіе посредничества...“ Вотъ гдѣ истинная причина внезапныхъ любезностей Порты съ Греціей. Но и этого мало. Портѣ приходится нынѣ задабривать не одну Грецію. Она уже видитъ необходимость искать спасенія въ посредничествѣ великихъ державъ. И вотъ со стороны Турецкаго пра-

вительства уже принимаются мѣры и въ этомъ смыслѣ. Порта, оставлявшая безъ вниманія съ самаго начала войны всѣ жалобы и протесты державъ противъ запрета наложеннаго ею на выходъ нейтральныхъ судовъ изъ Русскихъ Черноморскихъ портовъ, вдругъ объявила что она готова снять этотъ запретъ...

Между тѣмъ Англійское правительство дало еще новый примѣръ своего „безпристрастнаго“ отношенія къ Турціи и своей заботливости о соблюденіи интересовъ и достоинства Порты. Изъ телеграммы аѳинскаго корреспондента *Times*, отъ 27 октября, мы узнаемъ что на послѣднюю депешу г. Трикупи, англійскій посланникъ въ Греціи отвѣчалъ нотой, въ которой объясняется что цѣлью сообщеній Англійскаго правительства вовсе не было вмѣшательство въ права Греціи какъ независимой націи, но что оно хотѣло только „побудить Эллинское правительство воздержаться отъ придирокъ къ Турціи;“ въ заключеніе же нота выражаетъ что „правительство ея величества съ величайшимъ удовольствіемъ узнало изъ недавнихъ офиціальныхъ отчетовъ что Грецiя, повидимому, имѣетъ мирныя намѣренія, хотя оно, не находя греческаго отвѣта удовлетворительнымъ, не сообщитъ его Портѣ.“

Англійскій министръ хотѣлъ выразить въ этой краткой нотѣ свое презрѣніе къ Греціи и сорвать по крайней мѣрѣ на словахъ свою досаду: но предавшись этому порыву, онъ не подумалъ въ какомъ невыгодномъ свѣтѣ выставляетъ онъ самого себя и свое посредничество. Греческаго отвѣта онъ не *хочетъ* передавать Портѣ потому что *находитъ* его неудовлетворительнымъ, а жалобы и требованія Порты онъ передавалъ Греціи, и настаивалъ самъ на нихъ, конечно потому что *находилъ* ихъ основательными.

Б.

Путевой Дневникъ князя В. П. Мещерскаго помѣщенный въ особомъ прибавленіи къ № 262 *Московскихъ Вѣдомостей* можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ невѣрнымъ заключеніямъ. Характеризуя настроеніе нашего общества, авторъ находитъ въ немъ, по его выраженію, *унылыхъ* и *впрующихъ*. Унылые, по его замѣчанію, составляютъ *маленькій* міръ въ высшихъ слояхъ общества. Къ сожалѣнію, авторъ, продолжая характеризовать этотъ маленькій міръ, слишкомъ обобщаетъ свои выраженія и придаетъ слишкомъ большое значеніе тѣмъ экземплярамъ которые случилось ему открыть. Мы не сомнѣваемся что люди малодушные, на характеристику которыхъ авторъ не щадитъ красокъ, найдутся во всѣхъ слояхъ общества, но едва ли въ Москвѣ они составляютъ особый міръ, хотя бы и маленькій.

Напротивъ, никогда настроеніе нашего общества не достигало большей высоты какъ въ нынѣшнее время, и въ высшихъ слояхъ его господствуетъ не уныніе, а удивительная бодрость духа, живая христіанская и патріотическая дѣятельность, мужественная готовность къ жертвамъ и лишеніямъ. У всѣхъ предъ глазами образцы истинно высокой доблести въ этой средѣ. Тягости и жертвы войны падаютъ теперь на высшихъ быть-можетъ еще чувствительнѣе чѣмъ на низшихъ; но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ ни тѣни унынія, ни ропота...

№ 264.

Москва, 25-го октября.

Изъ Эрзерума, черезъ посредство одного изъ самыхъ враждебныхъ намъ органовъ, лондонской газеты *Ежедневный Телеграфъ (Daily Telegraph)*, отъ ея корреспондента, который на дняхъ находился въ плѣну у генерала Геймана, идетъ сегодня извѣстіе о значительной побѣдѣ нашихъ войскъ. Послѣ десятичасоваго боя палъ послѣдній оплотъ Эрзерума, Деви-Буюнъ. Вмѣстѣ съ нимъ долженъ пасть и самъ Эрзерумъ, первопрестольная столица Османовъ. Съ 1855 года, Деви-Буюнская позиція считалась почти неприступною. Въ іюлѣ 1855 года, за нею укрылся отступавшій изъ Кепри-Кея отрядъ Вели-паши. Пользуясь хребтомъ съ вершинами до 6.300 футовъ, перерѣзывающимъ поперекъ, въ восьми верстахъ отъ Эрзерума, дорогу изъ Кепри-Кея, а также извивающимися у подножія его притоками Аракса, Вели-паша въ нѣсколько часовъ успѣлъ укрѣпиться такъ сильно что генералъ Муравьевъ нашелъ что жертвы какихъ потребовало бы овладѣніе этою позиціей не соотвѣтствуютъ главной цѣли его похода сюда. Дѣйствительно, цѣлью тогдашняго похода могъ быть только Карсъ,

а пожертвованіе нѣсколькими тысячами людей на овладѣніе Эрзерумомъ могло только ослабить наше дѣйствіе въ виду этой цѣли. „Въ стѣнахъ Карса заключили всю „Анатолійскую армію," писалъ генералъ Муравьевъ въ своей исторіи блокады Карса, „и Карсъ, сохраняя громкое назва„ніе свое оплота Малой Азіи, въ сущно„сти служитъ только убѣжищемъ войску „предназначавшемуся для обороны всей „страны... *Не собственно Карсъ намъ ну„женъ былъ, а защитники его.* Съ пріобрѣтеніемъ сей крѣпости не ключъ пріобрѣтали мы Малой Азіи, *а поражали „всѣ дѣйствующія силы непріятеля...*"

Этими самыми словами опредѣляется нынѣшнее значеніе для насъ Эрзерума. Турецкая Анатолійская армія находится нынѣ не въ Карсѣ, какъ въ 1855 году, а въ Эрзерумѣ. Нѣтъ сомнѣнія что въ Карсѣ оставлено Мухтаромъ только крайне необходимое число войска; все остальное, конечно, выступило оттуда съ главнокомандующимъ, очевидно старавшимся избѣжать грубой ошибки союзниковъ въ 1855 году, на которую съ удареніемъ указывалъ Муравьевъ (см. стр. 163 и 164 первой части *Войны за Кавказомъ въ 1855 году*,) а именно заключенія всѣхъ оборонительныхъ силъ страны въ одну крѣпость. Въ свое время мы уже отдали въ этомъ отношеніи Мухтару справедливость за поспѣшность съ какою онъ оставилъ Карсъ послѣ Авліарскаго погрома. Но по соединеніи его съ отступившимъ съ Чингильскихъ высотъ (на границѣ Эриванской губерніи) Измаилъ-пашой и съ отступленіемъ обоихъ на хребетъ Деви-Буюна, весь интересъ на этомъ театрѣ войны перешелъ изъ Карса на Эрзерумъ, и все что генералъ Муравьевъ писалъ о значеніи Карса въ 1855 году примѣняется теперь къ Эрзеруму.

Этимъ замѣчаніемъ опредѣляется важное значеніе побѣды одержанной 23 октября (5 ноября) генералами Тергукасовымъ и Гейманомъ надъ соединенными силами Мухтара и Измаила. Эта побѣда рѣшаетъ участь турецкой Анатолійской арміи, а слѣдовательно и Карса, наконецъ турецкаго господства въ этой части Анатоліи.

А между тѣмъ, какъ разъ сегодня утромъ получена петербургская газета *(Голосъ)* которая, на основаніи ложныхъ толкованій цитуемой нами книги Муравьева, усиливается доказать что нашимъ войскамъ нѣтъ надобности взятіемъ турецкой позиціи на Деви-Буюнѣ открывать себѣ путь на Эрзерумъ!

Но чтобъ оцѣнить по достоинству одержанную новую побѣду недостаточно имѣть въ виду сосредоточеніе армій Мухтара и Измаила на хребтѣ Деви-Буюнскомъ. Въ полученной сегодня берлинской *National-Zeitung* находится константинопольская корреспонденція, отъ 24 октября, свидѣтельствующая о великомъ значеніи какое Порта придаетъ сохраненію—не Карса, а именно Эрзерума, или точнѣе, арміи сосредоточенной для защиты этого города. „Не„медленно по полученіи извѣстія о погро„мѣ Мухтара подъ Карсомъ," пишетъ цитуемый корреспондентъ, „совѣтомъ ми„нистровъ единогласно постановлено со„здать въ наикратчайшій срокъ новую азіят„скую армію. Первая мѣра принятая въ „этомъ смыслѣ состояла въ отправленіи „всѣхъ имѣющихся подъ рукой войскъ въ „Трапезунтъ, какъ извѣстно самый близ„кій отъ Эрзерума Черноморскій портъ. „Первое отплытіе этихъ подкрѣпленій со„стоялось 16 (4) октября; оно продол„жалось безъ перерыва 17, 18 и 19 ок„тября; всего было отправлено въ эти дни „10.000 человѣкъ пѣхоты и артиллеріи, ка„валеріи же—ничего... Когда вы получи„те это письмо, войска эти уже будутъ „высажены въ Трапезунтѣ..." Но десятитысячнаго подкрѣпленія, конечно, не могло быть достаточно. По свѣдѣніямъ корреспондента, всего сосредоточивается къ Эрзеруму съ разныхъ сторонъ, даже изъ Багдада (!), а главное изъ окрестностей весьма не далеко отъ Эрзерума находящагося Ванскаго озера, до 40 баталіоновъ. Еслибы, согласно писателямъ вышепомянутой петербургской газеты, генералы Гейманъ и Тергукасовъ отступили безъ боя отъ Деви-Буюна, то черезъ нѣсколько недѣль со стороны Эрзерума подвинулась бы на выручку Карса *новая турецкая азіятская армія.*

Конечно, сосредоточеніе это не могло состояться до 23 октября (5 ноября). Но завладѣвъ центральнымъ пунктомъ на которомъ предположено было состояться этому сосредоточенію, соединенные отряды генераловъ Геймана и Тергукасова будутъ имѣть возможность *предупредить* это сосредоточеніе и разбить порознь войска подходящія изъ Трапезунта и со стороны Ванскаго

озера. Конечно, значеніе Карса (не какъ „ключа Малой Азіи," а какъ главнаго складочнаго мѣста и базы всякой стоящей на нашей границѣ турецкой арміи) отъ этого не умаляется. Но взятіе Карса, какъ всякой крѣпости въ блокадѣ, есть дѣло *одного времени*, и нѣтъ сомнѣнія что съ пораженіемъ турецкихъ армій при Деви-Буюнѣ и со взятіемъ Эрзерума ускорится и паденіе Карса. Во всякомъ случаѣ, вѣрно что послѣ Деви-Буюнской побѣды, если только мы извлечемъ изъ нея всю пользу, никакая посторонняя непріятельская сила не помѣшаетъ этому паденію. Дѣйствительно, лишь бы наши соединенные въ Эрзерумѣ отряды успѣли вовремя занять дороги ведущія изъ Трапезунта и съ Ванскаго озера въ Эрзерумъ, — и кампанія на Мало-Азіатскомъ театрѣ войны можетъ считаться дѣломъ окончательно рѣшеннымъ.

№ 265.

Москва, 26-го октября.

Итакъ, по настояніямъ изъ Вѣны, Венгерское правительство сняло запретъ съ задержанныхъ имъ въ Оршовѣ рельсовъ и выпустило ихъ въ Румынію. Вотъ страна гдѣ имѣются два правительства, съ разными взглядами на одинъ и тотъ-же предметъ, съ разною политикою, и гдѣ одно правительство бываетъ вынуждено „настаивать" предъ другимъ?

Подробныя свѣдѣнія объ этой исторіи съ рельсами находимъ въ вѣнской корреспонденціи лондонской *Times*. Дѣло было такъ: одинъ вѣнскій купецъ заключилъ контрактъ съ Румынскимъ правительствомъ на поставку въ извѣстный срокъ рельсовъ и другихъ предметовъ необходимыхъ для постройки желѣзной дороги черезъ Валахію. Первая часть матеріала была недавно отправлена по назначенію, не встрѣтивъ ни малѣйшаго противодѣйствія со стороны Австрійскаго правительства, но по прибытіи въ Венгрію транспортъ былъ захваченъ мѣстными властями какъ военная контрабанда. Узнавъ объ этомъ, вѣнскій купецъ обратился къ своему *собственному* правительству, объявляя что если онъ не исполнитъ контракта въ условленное время, то потеряетъ болѣе двухъ милліоновъ гульденовъ и совершенно разорится. Тогда Вѣнскій кабинетъ, не теряя времени, обратился къ пештскимъ властямъ съ требованіемъ освободить товары, такъ какъ ни въ Австріи, ни въ Венгріи не было де объявлено офиціальнаго запрещенія вывоза извѣстныхъ предметовъ торговли, и вмѣстѣ съ поясненіемъ что означенные рельсы, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть включены въ число предметовъ запрещенныхъ къ вывозу во время войны. Не смотря на это, однако, Венгерское правительство, то-есть правительство другой половины имперіи, продолжало держаться своего мнѣнія и отказывалось отпустить рельсы. Оно, съ своей стороны, толковало что, такъ какъ Австро-Венгрія объявила нейтралитетъ въ настоящей войнѣ, то вполнѣ де ясно что, даже безъ предварительнаго запрещенія со стороны правительства, всякіе товары посылаемые на театръ войны должны считаться военною контрабандой если они такого свойства что могутъ вредить одному изъ воюющихъ принося пользу другому. Слѣдовательно, такъ какъ де эти рельсы очевидно были заказаны Румыніей ко вреду Турціи, то строгій долгъ предписываетъ Венгріи, какъ державѣ нейтральной, не допустить ихъ транспорта. Въ виду важности принципа, Венгерское правительство не могло де допустить чтобы на его рѣшеніе могъ повліять частный ущербъ какой могъ потерпѣть контрагентъ.

Такова дѣйствительно куріозная исторія этого дѣла. Въ одной и той же странѣ одно правительство вынуждено отстаивать интересы своего подданнаго предъ другимъ правительствомъ, и притомъ рѣшеніе вопроса не зависитъ отъ тѣхъ или другихъ законовъ страны или офиціально объявленныхъ распоряженій правительства, а сводится къ толкованію вопросовъ международнаго права. Случай до того не бывалый что даже корреспондентъ *Times*, сообщающій эти свѣдѣнія и извѣстный своимъ туркофильствомъ, не знаетъ какъ ему тутъ разсудить кто правъ и кто неправъ, и не безъ иронія замѣчаетъ что „можетъ-быть обѣ стороны принуждены будутъ прибѣгнуть къ третейскому посредничеству международнаго трибунала."

По счастію удалось, какъ видно, покамѣсть обойтись безъ этой крайней мѣры. Но случай этотъ нагляднѣе всякихъ другихъ примѣровъ показываетъ всю шаткость политическаго устройства Австріи. Если интересы каждаго изъ ея собствен-

ныхъ подданныхъ ежедневно должны зависѣть отъ пререканій между разными правительствами коимъ подчинены его дѣйствія въ обѣихъ половинахъ имперіи, то спрашивается во-сколько разъ труднѣе должно быть опредѣленіе отношеній такой державы къ другимъ странамъ, и не приходится ли уже *a priori* заключать о слабости и зависимости ея въ выборѣ внѣшней политики?

Но вліяніе того же самаго раздвоенія мы видимъ и въ вопросахъ болѣе существенныхъ, касающихся общихъ интересовъ всей имперіи. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить послѣднее письмо нашего берлинскаго корреспондента и вчерашнюю корреспонденцію изъ Вѣны: тамъ и тутъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же, о неудачѣ переговоровъ для возобновленія торговаго трактата между Германіей и Австріей. Эта неудача поразила Австрію какъ громомъ. „Князь Бисмаркъ хочетъ прижать Австрію къ стѣнѣ,“ — вопятъ въ Вѣнѣ, и офиціозная вѣнская печать, которая не далѣе какъ мѣсяцъ тому назадъ толковала о союзѣ Австріи съ Германіей помимо Россіи, теперь откровенно высказывается что „отчужденіе отъ Германіи можетъ совершиться само собою.“ Для всякой другой страны случай совершенно невѣроятный чтобы торговые вопросы могли имѣть такое существенное вліяніе на политическія отношенія. Дѣло въ томъ что въ Австріи отъ успѣха торговыхъ переговоровъ съ Германіей находится въ зависимости и возобновленіе ея пресловутаго *Ausgleich* съ Венгріей. Внутреннее положеніе имперіи обнаруживаетъ свою непрочность при малѣйшемъ колебаніи самыхъ обыкновенныхъ международныхъ отношеній, и въ то же время ея иностранная политика парализуется внутреннимъ раздвоеніемъ. Не странно ли было со стороны вѣнскихъ политиковъ ожидать что князь Бисмаркъ не воспользуется, въ своихъ видахъ, такимъ выгоднымъ для него положеніемъ внутреннихъ дѣлъ въ Австро-Венгріи? А по словамъ нашего берлинскаго корреспондента, у германскаго канцлера были при этомъ, кромѣ экономическихъ, и другіе, болѣе обширные политическіе планы. Онъ не хочетъ чтобы Австрія въ своей иностранной политикѣ была совершенно свободна. Князь Бисмаркъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ важность возобновленія торговаго трактата для соглашенія между обѣими половинами Австро-Венгріи, но онъ, какъ писалъ нашъ корреспондентъ, на это именно и разчитывалъ: „Неудачей „таможенныхъ переговоровъ Австро-венгерское соглашеніе отдаляется на долгія „времена, и распря въ дуалистскомъ государствѣ становится постоянною. На „почвѣ же австро-венгерской распри всего „лучше возрастаетъ и созрѣваетъ иностранная политика князя Бисмарка, ибо „Австрійская имперія лишена главнаго „условія существованія,—гармоніи и согласія; гдѣ одной половинѣ желательно то „чего чурается другая, тамъ невозможно „энергическое дѣйствіе.“

И такъ внутренняя распря въ Австріи, ослабляющая ее и не допускающая ее выступить непріязненно противъ насъ, одинаково выгодна и нужна для Германіи, ибо только въ Австріи Франція могла бы найти себѣ союзника.

Хорошимъ коментаріемъ къ размолвкѣ между Германіей и Австріей является статья *Венерской Корреспонденціи*, органа графа Андраши. Она показываетъ что, вслѣдствіе неудачи переговоровъ о торговомъ трактатѣ, въ Пештѣ раздражены противъ Германіи не менѣе чѣмъ въ Вѣнѣ. Между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ офиціозные органы хотятъ еще увѣрить что торговая размолвка не повредитъ доброму политическому согласію обѣихъ имперій, пештскій органъ уже предвидитъ распаденіе соглашенія межлу тремя сѣверными державами, если Германія не одумается въ своей неуступчивости. Забавно еще что въ этомъ случаѣ взываютъ къ Германіи „въ интересѣ Союза Трехъ Императоровъ“ изъ Пешта, гдѣ всегда съ такимъ недовѣріемъ и ненавистью относились къ этому союзу...

№ 266.

Москва, 27-го октября.

А.

Наконецъ получено офиціальное подтвержденіе депеши лондонской газеты о новомъ пораженіи Мухтаръ-паши. Изъ Эрзерума въ Лондонъ извѣстіе полетѣло тотчасъ же по телеграфу, а отъ Деве-Бойну до ближайшаго русскаго телеграфа, въ Кюрюкъ-Дарѣ, слишкомъ двѣсти верстъ,

Итакъ, соединенныя турецкія войска разбиты на голову и бѣжали, бросивъ и лагерь и артиллерію. Новыя свѣдѣнія изъ англійскихъ газетъ сообщаютъ что Мухтаръ хотѣлъ было отсиживаться въ Эрзерумѣ, но этому воспротивилось шестидесятитысячное населеніе этого города. И должно быть, съ одной стороны, это *патріотическое* сопротивленіе жителей Эрзерума было очень энергично, а съ другой—армія Мухтара приведена была въ совершенное разстройство, такъ какъ Мухтаръ не нашелъ возможнымъ вразумить жителей Эрзерума и принужденъ былъ бѣжать далѣе. Жители Эрзерума бѣгутъ въ Байбуртъ, извѣстный изъ исторіи войны 1829 года пораженіемъ тамъ турецкой арміи, чѣмъ Паскевичъ отрѣзалъ Эрзерумъ отъ Требизонда и нанесъ ударъ господству Оттоманской Порты въ этой части Анатоліи.

Стóитъ прочесть заимствованное нами изъ *Русскаго Инвалида* описаніе Эрзерума и его укрѣпленій, а также взглянуть на прилагаемый планъ этихъ укрѣпленій чтобъ оцѣнить все важное значеніе нашей послѣдней побѣды, если только подтвердится извѣстіе лондонскихъ газетъ объ отступленіи Мухтара изъ Эрзерума. Что же касается извѣстія вѣнской *Presse* объ участи шести турецкихъ баталіоновъ направлявшихся изъ Батума къ Эрзеруму, то случай этотъ доказываетъ съ какою предусмотрительностью было соображено преслѣдованіе разбитой при Авліарѣ арміи Мухтара. Вскорѣ послѣ этого погрома, бывшій Ардаганскій отрядъ генерала Комарова былъ направленъ къ Ольтѣ, очевидно для пресѣченія всякаго сообщенія между Батумомъ и дорогой изъ Карса въ Эрзерумъ. Эта благоразумная мѣра увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Спѣшившіе на подкрѣпленіе къ Мухтару шесть баталіоновъ бѣжали обратно въ Батумъ, оставивъ много оружія, лошадей, обозъ. Теперь съ этой стороны опасаться нечего, и какихъ-нибудь подкрѣпленій Мухтаръ можетъ теперь ожидать только отъ Требизонда, куда были направлены изъ Константинополя 10.000 войскъ въ самый день полученія извѣстія о пораженіи Мухтара. Что же касается подкрѣпленій на которыя разчитывалъ турецкій главнокомандующій со стороны Ванскаго озера, то уже занятіемъ нашими войсками Кепри-Кёя путь имъ отрѣзанъ.

Но пока въ окрестностяхъ Эрзерума рѣшается участь турецкой анатолійской арміи, въ самой оградѣ укрѣпленій Карса, какъ сообщаетъ уже поздно вечеромъ полученная депеша начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, нашимъ блокаднымъ корпусомъ нанесенъ первый ударъ Карскому гарнизону. Преслѣдуя непріятельскую вылазку, полковникъ Фадѣевъ, съ двумя баталіонами Кутаисскаго пѣхотнаго полка ворвался въ укрѣпленіе *Хафизъ-паша*, заклепалъ его орудія и перекололъ штыками бóльшую часть его гарнизона. Это отобьетъ у защитниковъ Карса охоту дѣлать вылазки, и заставитъ ихъ отказаться отъ этого столь важнаго для осажденныхъ способа обороны.

Обширная депеша изъ Богота сообщаетъ намъ подробности кровавой побѣды генерала Гурко при Горномъ Дубнякѣ. Изъ этой реляціи мы видимъ что взятіе этого укрѣпленія было не какимъ-нибудь счастливымъ coup de main, какъ можно было полагать до сихъ поръ, а результатомъ генеральнаго сраженія, обнимавшаго въ общей сложности разстояніе въ нѣсколько верстъ. Въ то время когда главныя силы арміи генерала Гурко направлялись на штурмъ Горнаго Дубняка, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ производилъ фальшивыя атаки на Телишъ, а значительныя массы нашей кавалеріи съ румынскою пѣхотой удерживали Турокъ занимавшихъ Дольній Дубнякъ, между тѣмъ какъ одновременное съ этимъ общее бомбардированіе Плевны удерживало въ неподвижности армію Османа. Благодаря совокупности всѣхъ этихъ дѣйствій удалась, хотя и съ чувствительными потерями, отважная попытка вырвать изъ самаго центра линіи турецкихъ укрѣпленій между Плевной и Телишемъ столь важную въ стратегическомъ и сильную въ тактическомъ отношеніи позицію какъ Горный Дубнякъ, или вѣрнѣе *Дубникъ*.

Считаемъ нелишнимъ отмѣтить предостереженіе нашего букурештскаго корреспондента, родомъ изъ Болгаръ, касательно Брестовица или Берковца, въ случаѣ еслибъ Осману удалось пробиться изъ Плевны къ западу.

Б.

Въ числѣ семи пашей, взятыхъ въ плѣнъ на Аладжѣ, есть двое чьи имена не безизвѣстны русской публикѣ.

Карсскій укрѣпленный лагерь.

Одинъ изъ нихъ Османъ-паша. Говорятъ будто этотъ Османъ есть тотъ самый турецкій паша который въ прошломъ году былъ взятъ въ плѣнъ, при Вучьемъ Долѣ, Черногорцами, и о которомъ не разъ писалъ въ *Московскія Вѣдомости* нашъ тогдашній спеціальный корреспондентъ въ Цетиньѣ. Плѣнный Османъ-паша сказывался родомъ изъ Шемахи; по его словамъ, онъ родился магометаниномъ и былъ привезенъ отцомъ въ Константинополь когда ему было только двѣнадцать лѣтъ отъ роду; воспитывался де онъ въ Константинопольской военной школѣ, гдѣ кое-какъ выучился по-французски; русскому же языку, на которомъ онъ объясняется гораздо лучше чѣмъ на французскомъ, выучился де онъ самъ, по выходѣ изъ военной школы; въ 1855 году, будучи капитаномъ турецкаго генеральнаго штаба, онъ участвовалъ въ оборонѣ Карса, но успѣлъ де выбраться изъ него въ Эрзерумъ въ ту самую ночь когда высланная изъ Карса турецкая кавалерія пыталась пробиться сквозь линію нашей блокады.

Этимъ разсказамъ мало вѣрили въ Цетиньѣ. Говорили что Османъ-паша просто перебѣжавшій въ Турцію русскій офицеръ изъ закавказскихъ магометанъ. Полагали что одной чистоты выговора его на русскомъ языкѣ было достаточно чтобъ опровергнуть басню будто русскому языку онъ выучился самоучкой въ Константинополѣ.

Уже въ Цетиньѣ Османъ-паша не скрывалъ своего намѣренія, при первой возможности, перейти на службу въ азіятскую армію гдѣ, на болѣе знакомомъ ему театрѣ войны, онъ желалъ продолжать службу свою съ прежнимъ начальникомъ Мухтаръ-пашой.

Тотъ ли Османъ-паша взятъ нынѣ въ плѣнъ который былъ уже въ плѣну у Черногорцевъ, или другой,—въ этомъ нашему кавказскому начальству удостовѣриться не трудно. Во всякомъ случаѣ стоитъ объ этомъ навести справки. Если же этими справками подтвердится что нашъ плѣнный Османъ есть тотъ же самый что былъ въ плѣну у Черногорцевъ, то не мѣшало бы выяснить въ состояніи ли невмѣняемости двѣнадцалѣтняго мальчика или въ качествѣ русскаго офицера перешелъ онъ въ турецкое подданство.

Но гораздо важнѣе догадка заявленная намъ вчера двумя Черногорцами касательно личности другаго плѣннаго паши, Шевкета. Утверждаютъ будто плѣнный Шевкетъ есть тотъ самый Шевкетъ-паша, который ознаменовалъ себя въ прошломъ году страшными и гнусными свирѣпствами надъ Болгарами, тотъ самый котораго кары требовала тогда Россія и съ ней вся Европа и изъ-за кого, можно сказать дѣло дошло до войны. На зло и на смѣхъ всѣмъ настояніямъ дипломатіи, Шевкетъ-паша, виновный въ злодѣяніяхъ которымъ нѣтъ имени, былъ не наказанъ, а награжденъ за нихъ Портой: его перевели въ Малую Азію съ повышеніемъ.

И вотъ въ Малой Азіи взятъ въ плѣнъ *тоже Шевкетъ-паша*. Какъ не обратить вниманія на это совпаденіе именъ? А то пожалуй найдутся „гуманныя“ дамы которыя будутъ подносить злодѣю заклейменному кровью многихъ тысячъ женщинъ и дѣтей дорогіе букеты и послѣ шикарнаго обѣда водить его любоваться въ госпиталяхъ страданіями нашихъ раненыхъ...

А между тѣмъ, Высочайшимъ Манифестомъ къ Болгарскому народу, немедленно по вступленіи арміи нашей въ Болгарію, было объявлено что пойманные нашими войсками участники въ прошлогднихъ звѣрствахъ въ Болгаріи подвергнутся заслуженной ими карѣ...

№ 267.

Москва, 28-го октября

Хотите ли заглянуть въ британскую совѣсть и почудиться гадамъ въ ея мутной глубинѣ? Вотъ вамъ образчикъ.

Г. Форбзъ былъ однимъ изъ лучшихъ англійскихъ корреспондентовъ, находившихся при нашей арміи въ Болгаріи. Онъ писалъ въ *Daily News*, и его корреспонденціи о военныхъ дѣлахъ отличались точностью и читались съ интересомъ. Болѣзнь заставила его въ послѣднее время оставить сцену войны и возвратиться домой, гдѣ онъ воспользовался свободнымъ временемъ чтобы написать, на основаніи своихъ впечатлѣній, о Русскихъ, Туркахъ и Болгарахъ и о ихъ дѣйствіяхъ съ начала войны, и напечаталъ этотъ отчетъ въ послѣднемъ нумерѣ журнала *Nineteenth Century*. Объ этомъ то отчетѣ, который, еще болѣе чѣмъ Русскихъ, Турокъ и Болгаръ, рисуетъ Англичанина, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Конечно, насъ прежде всего должно заинтересовать то что говоритъ г. Форбзъ о Русской арміи, которую онъ имѣлъ случай наблюдать вблизи. Въ этомъ отношеніи мы читаемъ у г. Форбза лишь подтвержденіе того что сообщалось всѣми другими корреспондентами, видѣвшими вблизи нашихъ солдатъ. Онъ отдаетъ справедливость русскому характеру, въ которомъ находитъ много прекрасныхъ качествъ. Онъ говоритъ что Русскіе „очаровательные товарищи, что добродушіе ихъ неистощимо, что они переносятъ лишенія бодро и весело, что они гуманны, великодушны, и никогда не позорятъ непріятеля.“ Нѣкоторыя черты русскаго добродушія даже приводятъ его въ немалое удивленіе, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго замѣчанія: „Откровенная простота арміи доводилась до серіозной военной ошибки; шпіоны могли бродить толпами безъ опроса. Газетнымъ корреспондентамъ, разъ они были приняты, предоставлялась полная свобода движеній, и смѣлость ихъ замѣчаній не только допускалась съ самою либеральною терпимостью, но часто даже встрѣчала откровенное поощреніе, *безпримѣрное* въ лѣтописяхъ войны.“ О русскихъ офицерахъ онъ отзывается что они „отличаются блестящею храбростію своей націи, что въ нихъ нѣтъ хвастовства, что они дерутся просто исполняя свое дѣло.“ Съ высокою похвалой отзывается г. Форбзъ и русскомъ солдатѣ, видя въ немъ превосходнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ боевой матеріалъ. „Русскій солдатъ обладаетъ необычайною способностью къ походу и бодро идетъ немедленно въ бой послѣ самаго долгаго похода не ѣвши. Онъ никогда не ропщетъ, онъ искренно набоженъ, и это качество, вмѣстѣ съ его душевною преданностью Царю и съ его врожденнымъ мужествомъ, дѣлаетъ его въ битвѣ бодрымъ, стремительнымъ и отважнымъ. Наконецъ, онъ недоступенъ паническому страху.“

Г. Форбзъ высказываетъ также не мало критическихъ замѣчаній объ администраціи нашей арміи,—но мы безъ него сами хорошо знаемъ въ чемъ тутъ наше горе. Недостатки военной администраціи,—вещи поправимыя (Богъ дастъ эта война научитъ насъ многому), между тѣмъ какъ тѣхъ качествъ русской арміи которыя Форбзъ перечисляетъ невозможно было бы пріобрѣсти никакими усиліями еслибъ они не были въ природѣ, въ духѣ народа, въ его исторіи.

Итакъ, пока идетъ рѣчь о русской арміи, мы слышимъ честнаго военнаго человѣка, въ которомъ на минуту забылся Англичанинъ. Но вотъ г. Форбзъ заговорилъ о Туркахъ и Болгарахъ,—и Англичанинъ прорвался неудержимо черезъ всѣ преграды—совѣсти, чести, здраваго смысла.

Всѣми путешественниками, и англійскими консулами въ добавокъ, давно было засвидѣтельствовано что изъ всѣхъ племенъ населяющихъ Европейскую Турцію, Болгары самый трудолюбивый и выносливый народъ. Естественно что при благословенной почвѣ, рачительный трудъ долженъ былъ приносить плодъ. Что же вмѣсто того чтобы похвалить этотъ мирный и работящій народъ, который даже подъ ужаснымъ многовѣковымъ гнетомъ не переставалъ работать не только на себя но и на своихъ угнетателей, а въ послѣднее время обнаружилъ жажду нравственнаго совершенствованія, заводя у себя школы и ища просвѣщенія, г. Форбзъ проклинаетъ его. У британскаго фарисея своя логика. А! смотрите, говоритъ онъ, у Болгаръ есть скотъ, у нихъ цѣла еще прошлогодняя солома, у оконъ ихъ хижины вьется виноградъ! Что же кричали объ угнетеніи ихъ? Не ясно ли что имъ вовсе не такъ плохо живется подъ турецкимъ управленіемъ? Ну пограбятъ ихъ иной разъ заптіи и Черкесы—такъ что за бѣда? Еще довольно осталось у нихъ добра...

Г. Форбзъ съ паѳосомъ восклицаетъ что девонширскій крестьянинъ зарабатывающій девять шиллинговъ въ недѣлю охотно помѣнялся бы участію съ Болгариномъ. Такія фразы ложатся недурно въ печати, но еслибъ опытъ былъ возможенъ, то г. Форбзъ долженъ былъ бы предупредить своего девонширскаго земляка что переселяясь на тучныя поля Болгаріи, гдѣ растутъ розы и виноградъ, онъ будетъ рабомъ не только турецкихъ чиновниковъ, но каждаго Турка, что честь его жены и дѣтей будетъ подвергаться гнусному поруганію, что наконецъ онъ самъ въ качествѣ христіанской собаки можетъ ежедневно попасть на висѣлицу или на колъ.

Ужели г. Форбзъ забылъ всю эту страшную лѣтопись прошлаго года, описанную англійскими корреспондентами, удостовѣренную чиновниками англійскаго посольства; уже ли онъ забылъ это системати-

ческое истребленіе десятковъ тысячъ невинныхъ людей, женщинъ и дѣтей, совершавшееся по приказанію Турецкаго правительства его войсками, подъ начальствомъ Шефкетовъ и другихъ, награжденныхъ за эти подвиги,—ужели, говоримъ, забылъ онъ все это чтобы говорить что подъ турецкимъ управленіемъ весьма сносно живется, что участь Болгарина лучше участи девонширскаго крестьянина? Ужели онъ не знаетъ что не благословенная природа Болгаріи, производя розы и виноградъ, а положеніе Болгаръ въ качествѣ гяуровъ-собакъ требуетъ исправленія. Нѣтъ, онъ очень хорошо знаетъ все это. Но британская логика отстаивающая свои грязные интересы не смущается противорѣчіями. Г. Форбзу представляется все это въ порядкѣ вещей. „Конечно, благопристойному человѣку не подобаетъ быть защитникомъ турецкихъ дикихъ звѣрей которые опустошали и свирѣпствовали въ прошломъ году; но, съ другой стороны, негодованіе неумѣстно противъ дикихъ звѣрей которые попросту дѣлаютъ то что свойственно ихъ природѣ.“ Невѣроятнымъ покажется, но г. Форбзъ даже сокрушается о томъ что Турки не вполнѣ послѣдовательны въ своихъ варварскихъ наклонностяхъ, и что эти варвары „которымъ нѣтъ вовсе дѣла до цивилизаціи, которыхъ религія съ ея предписаніями и происхожденіе исключаютъ изъ участія въ кругѣ европейской семьи,“— что эти Турки, какъ старыя бабы, носятся и плачутся съ Женевскою конвенціей, которой они сами не соблюдаютъ, вмѣсто того чтобъ откровенно предупредить міръ что они будутъ жечь, мучить и истязать плѣнныхъ что впрочемъ они весьма добросовѣстно и дѣлаютъ, какъ это г. Форбзъ видѣлъ своими глазами. Турки сдѣлали большую ошибку что не предупредили объ этомъ; это, по мнѣнію г. Форбза, навело бы на всѣхъ страхъ, и пожалуй предотвратило бы войну.

Другую, еще болѣе важную военную ошибку онъ ставитъ въ упрекъ Туркамъ: въ виду вторженія, зачѣмъ они не опустошили сплошь Болгарію, не пощадивъ въ ней ни одного селенія, не угнали всѣхъ жителей, не оставили за собой пустыню? Это было бы де ихъ долгомъ. „Пусть фанатики филантропы кричали бы о безчеловѣчіи этой мѣры; но разсудительные люди съ прискорбіемъ признали бы ее за суровую необходимость вѣчно жестокой войны. Тѣмъ болѣе было *обязанностью* Турокъ не отвлекаться гуманными соображеніями когда въ странѣ оставались Болгары, единовѣрцы вторгшагося врага, завѣдомо сочувствующіе его дѣлямъ, которые навѣрное будутъ служить проводниками и шпіонами, будутъ рубить дрова и носить воду для своихъ *избавителей*, будутъ охотно продавать имъ свои достатки. Турки должны были бы изгнать Болгарское населеніе до послѣдняго человѣка и не оставить и колоса ячменя который могъ быть уничтоженъ. Не сдѣлать этого было чистымъ военнымъ безумiемъ.“ Но Турки совершили это безуміе, а неблагодарные Болгары не чувствуютъ этого безпримѣрнаго *благодѣянія*, которое такъ велико что должно бы заставить ихъ позабыть даже память четырехвѣковаго угнетенія!...“

Чѣмъ же вызвана такая ненависть къ цѣлому и безъ того забитому и оплеванному христіанскому народу? За что такая злоба? Понятно за что: Болгары—причина войны, которая неизбѣжно должна кончиться ихъ освобожденіемъ изъ когтей варваровъ, звѣрскія наклонности коихъ такъ по сердцу англійскому джентльмену, и ослабленіемъ турецкаго могущества нужнаго для интересовъ Англіи. Г. Форбзъ предвидитъ этотъ исходъ и страшится его: оттого-то онъ такъ неистощимъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ доводами что Турки не должны властвовать надъ Болгарами: „Этакъ и мы пожалуй должны оставить и Гибральтаръ, и Индію, и мало ли что!“ Но довольно...

Разумѣется, эта статья г. Форбза была находкой для туркофильскихъ органовъ, въ родѣ *Кельнской* или лондонской *Пель-Мельской Газеты*, которыя дѣлаютъ изъ нея длинныя выписки. Для нихъ даже его похвальные отзывы о русской арміи пришлись кстати какъ приличная вывѣска чтобы прокричать „истину“ о Болгарахъ, повѣствуемую такимъ „безпристрастнымъ“ человѣкомъ.

№ 268.

Москва, 29-го октября.

Чтобы судить о громадномъ значеніи послѣднихъ успѣховъ нашего оружія на обоихъ театрахъ войны достаточно озна-

комиться съ содержаніемъ военныхъ обозрѣній во вліятельнѣйшихъ органахъ европейской печати, и сравнить ихъ теперешній тонъ съ недавнимъ еще тономъ злорадства, открытаго или затаеннаго, который въ нихъ господствовалъ. Прежнихъ ликованій по поводу неудачъ русскаго оружія и критическаго положенія русской арміи коими переполнены были туркофильскія газеты не осталось и слѣда; они уступили мѣсто унылымъ разсужденіямъ о конечной гибели грозящей „доблестному“ турецкому воинству.

Въ берлинской *National-Zeitung* находимъ корреспонденцію изъ Караяла отъ 6 (18) октября, въ которой подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла описана битва при Аладжа-Дагѣ 3 октября. Это блестящее дѣло корреспондентъ сравниваетъ съ битвой при Вертѣ и приписываетъ успѣхъ этого дня „чрезвычайно искусной стратегической комбинаціи, исполненной тактически съ изумительною точностью.“ Корреспондентъ признаетъ въ этомъ чудо военнаго искусства, въ виду условій мѣстности, неизмѣримо болѣе затруднительныхъ нежели поле битвы которая открыла нѣмецкимъ войскамъ путь внутрь Франціи. Корреспондентъ подтверждаетъ что огромную услугу оказалъ въ этомъ случаѣ полевой телеграфъ, благодаря которому вполнѣ удалось обходное движеніе генерала Лазарева на линію сообщеній непріятеля съ Карсомъ, причемъ линія телеграфа развертывалась по мѣрѣ движенія отряда Лазарева на Орлокъ, и это дало возможность вовремя предупредить ударъ значительной части турецкихъ силъ на этотъ отдѣльный отрядъ, такъ какъ главная атака съ фронта турецкой позиціи была предпринята именно въ то время какъ обходное движеніе генерала Лазарева было окончено.

Совсѣмъ въ иномъ тонѣ обсуждаетъ положеніе дѣлъ за Дунаемъ, и въ особенности подъ Плевной, *Кельнская Газета*. И она находитъ что дѣла подъ Горнымъ Дыбникомъ и Телишемъ были громаднымъ успѣхомъ русскаго оружія; но успѣхъ этотъ представляется нѣмецкому органу турецкой дипломатіи бѣдственнымъ, „роковымъ“. *Кельнская Газета* находитъ что положеніе арміи Османъ-паши почти безнадежное, и не скрываетъ своей глубокой горести по этой причинѣ. Въ своей заботливости объ участи турецкаго генерала, она изыскиваетъ способы для его спасенія. Эти разсужденія не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, тѣмъ болѣе что они довольно живо рисуютъ положеніе на томъ пунктѣ военныхъ дѣйствій гдѣ должна рѣшиться участь кампаніи.

Кельнская Газета находитъ что отступить безъ боя въ открытомъ полѣ Османъ-паша могъ бы теперь лишь въ сѣверо-западномъ направленіи, на Виддинъ; но это отступленіе кажется ей слишкомъ рискованнымъ, ибо оно грозитъ въ будущемъ большимъ пораженіемъ если не окончательною катастрофой. Вотъ почему, разсуждаетъ купленная Турками нѣмецкая газета, „турецкому главнокомандующему представляется съ повелительною силою вопросъ: имѣетъ ли онъ право долѣе удерживать *доблестное воинство ввѣренное ему падишахомъ* (каково!) въ той опасной позиціи которую оно занимало до сихъ поръ, или же ему предстоитъ горькая обязанность отвести свои *побѣдоносные* полки за Балканы?“ Признавая что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ не только спасеніе арміи, но и „благо имперіи“, *Кельнская Газета* взвѣшиваетъ всѣ шансы, и предлагаетъ на благоусмотрѣніе своего паши трояkій способъ разрѣшенія поставленной задачи:

Вопервыхъ, Османъ останется въ Плевнѣ и не будетъ пытаться отбросить генерала Гурко съ линіи своихъ сообщеній съ Софіей. Для этого необходимо чтобы турецкая армія въ Плевнѣ имѣла обильные запасы; но выгоды этого положенія вполнѣ де очевидны: непріятельская армія задерживается кругомъ Плевны, и можно разчитывать что климатическія условія зимняго времени значительно разрѣдятъ ея ряды. За то, съ другой стороны, непріятель съ каждымъ днемъ будетъ де все болѣе и болѣе укрѣплять желѣзное кольцо осадныхъ укрѣпленій окружающихъ Плевну. Осажденные „герои“, отрѣзанные отъ родины и томясь въ бездѣйствіи, могутъ пасть духомъ и возроптать. Османъ-паша вынужденъ тогда будетъ все-таки попытаться прорвать осадную линію. „Военная исторія“, уныло прибавляетъ газетный стратегъ, „хотя и знаетъ много примѣровъ окруженныхъ армій, но мы не припомнимъ случая когда бы такое положеніе не окончилось капитуляціей.“ Единственный въ этомъ случаѣ благопріятный шансъ былъ бы тотъ еслибы Русскіе взду-

мали повторить штурмъ Плевны; но надежда на такую *ошибку* непріятеля очень де слаба.

Вовторыхъ, Османъ-паша попытается теперь же, удержавъ за собою Плевненскія укрѣпленія посредствомъ оставленныхъ тамъ небольшихъ гарнизоновъ, прорвать линію осаждающихъ. Вычисляя количество послѣднихъ вмѣстѣ съ Румынами во 100.000 слишкомъ, стратегъ *Кельнской Газеты* полагаетъ что это задача исполнимая въ виду растянутости осадной линіи, и полагаетъ что Османъ могъ бы кинуться на гвардейскіе полки у Горнаго Дыбника, отдаленные отъ лѣваго крыла главныхъ силъ арміи на 20 километровъ и сверхъ того отдѣленные отъ него рѣкою Видомъ, и опрокинуть ихъ въ эту рѣку.

Наконецъ, втретьихъ, Османъ-паша могъ бы совсѣмъ оставить свою позицію въ Плевнѣ и всѣми силами двинуться по дорогѣ на Софію. *Кельнская Газета* считаетъ и это возможнымъ, такъ какъ въ полное „окруженіе“ Плевны она не вѣритъ, и лишь совѣтуетъ Османъ-пашѣ хранить этотъ планъ въ глубокой тайнѣ дабы непріятель, узнавъ объ этомъ заранѣе, не успѣлъ придти на помощь всѣми своими силами отдѣльному отряду стоящему за Видомъ и не атаковалъ бы Турокъ съ фланга во время движенія на югъ. *Кельнская Газета* отдаетъ этому плану предпочтеніе предъ остальными, и полагаетъ что ради его успѣха стоило бы даже пожертвовать всею крѣпостною артиллеріей которая должна остаться въ Плевнѣ.

Итакъ, вотъ какія скромныя желанія высказываются уже теперь для самой сильной изъ турецкихъ армій, отъ участи которой, по сознанію самихъ туркофиловъ, зависитъ и участь всей имперіи!

Но *Кельнская Газета* все-таки еще слишкомъ оптимистически обсуждаетъ положеніе арміи Османъ-паши. Она не вѣритъ чтобы кольцо окружающее Плевну было вполнѣ замкнуто. Не такъ судятъ другіе. Вотъ что мы читаемъ въ корреспонденціи изъ Зимницы отъ 1 ноября, помѣщенной въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Политической Корреспонденціи:*

„Полное замкнутіе Плевны должно счи„таться фактомъ совершившимся. Османъ„паша теперь совершенно изолированъ и „не можетъ ожидать подмоги ни съ ка„кой стороны. Положеніе его тѣмъ болѣе „стало критическимъ что онъ не можетъ „уже теперь помышлять и о томъ чтобы „прорваться, и это по многимъ причи„намъ: прежде всего русско-румынская ар„мія укрѣпила свою позицію цѣлымъ ря„домъ редутовъ и траншей которые Ос„ману пришлось бы брать съ бою. Но „еслибы даже удалось ему прорвать ли„нію осады, положеніе его было бы весь„ма критическое, такъ какъ ему съ 40.000 „его войска пришлось бы выдержать сра„женіе въ открытомъ полѣ съ противни„комъ болѣе многочисленнымъ и занима„ющимъ болѣе выгодную позицію.“

По этимъ соображеніямъ корреспондентъ думаетъ что паденіе Плевны есть вопросъ лишь нѣсколькихъ недѣль. Онъ убѣжденъ въ этомъ и потому еще что та деморализація среди Плевненской арміи, которой такъ опасается *Кельнская Газета*, уже наступила, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ взятые въ плѣнъ турецкіе офицеры. Они разказываютъ что ропотъ и уныніе господствуютъ въ рядахъ арміи Османа; провіанта осталось такъ мало что бо́льшая часть лошадей обоза и артиллеріи или пали по недостатку корма, или съѣдены. Сверхъ того, англійскіе врачи взятые подъ Телишемъ свидѣтельствуютъ что число больныхъ и раненыхъ въ Плевнѣ превышаетъ 10.000, причемъ нѣтъ ни госпиталей, ни медикаментовъ, ни врачей.

Какъ видно, туркофилы не даромъ пали духомъ, и не даромъ лордъ Биконсфильдъ въ новой застольной рѣчи выражаетъ надежду что война когда-нибудь кончится... Да, война когда-нибудь кончится, и Богъ дастъ не къ выгодѣ Англіи...

№ 270.

Москва, 31-го октября.

Присутствіе англійскихъ министровъ на ежегодныхъ банкетахъ при вступленіи въ должность новаго лорда мера есть старый обычай. Въ нынѣшнемъ году, однако, было сомнѣніе появится ли на банкетѣ глава кабинета, другіе министры давно приняли приглашеніе, но говорили что лордъ Биконсфильдъ, по нездоровью, едва ли въ состояніи будетъ оказать корпораціи города Лондона обычную любезность. Нездоровье было, по всему вѣроятію, только

отговоркой, такъ какъ онъ не пропускалъ предъ этимъ ни одного изъ засѣданій кабинета. Уклониться отъ произнесенія ожидаемой и неизбѣжной рѣчи могло быть для премьера желательно по разнымъ соображеніямъ. Но должно-быть товарищи упросили своего вождя не слагать бремени на ихъ плечи.

Рѣчь великаго визиря Британской имперіи на банкетѣ лондонскаго головы 10 ноября нов. ст., о которой мы знаемъ изъ телеграммы, подтверждаетъ толки о стараніяхъ Англіи вновь выступить со своею дипломатіей для огражденія Турціи, и въ то же время изобличаетъ безсиліе этихъ попытокъ.

Графъ Беконсфильдъ хочетъ обнадежить своихъ слушателей въ томъ что̀ они жаждали услышать. Онъ просилъ ихъ подождать когда можно будетъ содѣйствовать обезпеченію мира, „вмѣстѣ съ другими державами.“ Въ сущности это не болѣе какъ сознаніе что „теперь“ другія державы вовсе не расположены входить въ виды Англіи. Это пишетъ и берлинскій корреспондентъ нашъ, всегда хорошо извѣщаемый; но интересно признаніе самого британскаго министра. Для болѣе вѣрной оцѣнки этого признанія въ своемъ безсиліи, въ безуспѣшности усилій Англіи устроить дипломатическое посредничество и взять въ свои руки опредѣленіе условій мира, не мѣшаетъ бросить взглядъ на то что̀ писалось предъ тѣмъ въ крайнихъ торійскихъ газетахъ. Онѣ уже за недѣлю вопили и требовали чтобъ Англія вступилась какъ можно скорѣе, пока еще „не пала Плевна.“ „Когда случится это бѣдствіе,“ плакалась *Morning Post*, „тогда контроль надъ Ев„ропой и Азіей перейдетъ совершенно въ „руки русско-германской конфедераціи, къ „исключительной выгодѣ русско-герман„скихъ интересовъ.“ И ей вторили другіе туркофильскіе органы *Standard* и *Daily Telegraph*. Разногласіе было только въ способахъ. Одни стояли за *устрашеніе*, въ увѣренности что „за первымъ вмѣшательствомъ Британскаго могущества послѣдуетъ быстрое предложеніе (конечно со стороны Россіи) взять во вниманіе мирныя условія;“ другіе же разчитывали вѣроятно на слабость русской дипломатіи, толкуя что „Россія можетъ разочаровать своихъ самыхъ горячихъ приверженцевъ показавъ себя менѣе требовательною чѣмъ они того желаютъ.“ А за три дня до банкета пришла громовая вѣсть объ оставленіи Эрзерума разбитымъ Мухтаромъ и поразила эти органы страшнымъ смятеніемъ; чувствовалось что сама Англія понесла тяжкое пораженіе. „Завтра объ этомъ событіи,“ скорбѣлъ *Telegraph*, „станутъ толковать на „всѣхъ индійскихъ базарахъ, по всему Во„стоку, и конечно выведутъ заключеніе что „могущество Англіи падаетъ, если и не „подумаютъ, словами фразы приписываемой князю Бисмарку, что она есть дер„жава покоренная (*pouvoir fini*).“ И вѣрная *Post* вторила: „Съ нашимъ престижемъ „исчезнетъ и наша имперія. Прежде чѣмъ „еще не поздно, мы должны возвысить свой „голосъ и дать почувствовать свою силу „и, чего бы это ни стоило, должны еще „разъ заявить о жизненности Англіи и от„стоять безопасность нашей имперіи.“

Для этихъ страстныхъ воззваній и заклинаній рѣчь лорда Беконсфильда была конечно все равно что̀ стаканъ холодной воды. Онъ рекомендуетъ терпѣніе, потому что очевидно Англія одна ничего предпринять не можетъ, а съ другими не удается, потому, вопервыхъ, что ея интересы совершенно особые, до коихъ никому другому нѣтъ дѣла, а главное потому что положеніе дѣлъ въ Европѣ, какъ мы постоянно это доказывали, вовсе не благопріятно для гегемоніи Англіи, какъ это бывало въ пресловутую эпоху ея *entente cordiale* съ Франціей. Въ утѣшеніе своихъ земляковъ, англійскому премьеру осталось только убѣждать ихъ что политика нейтралитета или вынужденнаго бездѣйствія есть наилучшая, не только для Англіи, но и для Турціи, которой этимъ дана де возможность „показать свою силу и претендовать на справедливую независимость.“ Въ этомъ и въ другихъ замѣчаніяхъ англійскаго премьера вновь сказался прежній тонъ высокомѣрія, довольно забавно примѣшавшійся къ его увѣщаніямъ о терпѣніи, и вниманіе на нихъ можно обратить развѣ только въ томъ отношеніи что они характеристически рисуютъ намъ какими надеждами еще обольщаютъ себя въ Англіи и въ какомъ извращенномъ видѣ усиливаются тамъ выставлять настоящую войну. Похвала Россіи изъ устъ лорда Беконсфильда оскорбительнѣе для ней чѣмъ его угрозы. Онъ присвоиваетъ себѣ право быть судьей военной чести Россіи, благоволя даровать Русскимъ патентъ храбрости и увѣдомляя что „военная репутація Россіи не пострадала.“

Россія, по мнѣнію англійскихъ министровъ, ведетъ войну для показанія своей храбрости. Храбрость показана — чего же еще болѣе? Съ другой стороны, Турція показала свою силу и стяжала право на „справедливую независимость.“

Въ этомъ сопоставленіи значенія войны для Россіи и Турціи заключается программа желательнаго Англіи посредничества. Непостижима наглость съ какою все это говорится послѣ того какъ посредническая попытка Англіи потерпѣла полную неудачу.

№ 271.

Москва, 1-го ноября.

Лордъ Биконсфильдъ, въ своей застольной рѣчи, сказалъ большую новость: Англія держитъ де теперь нейтралитетъ, — и присовокупилъ съ гримасой угрозы что нейтралитетъ она будетъ держать пока не будутъ затронуты или не подвергнутся опасности британскіе интересы. А мы думали что именно съ Англіей мы и ведемъ теперь войну...

Развѣ возможна была бы эта война, развѣ навлекла бы ее на себя Порта предъ рѣшительнымъ и дружнымъ требованіемъ всей Европы, требованіемъ столь незначительнымъ, почти ничтожнымъ? Турецкіе государственные люди были не безумцы и не стали бы подвергать свою страну опасности и бѣдствіямъ еслибы не были подстрекаемы англійскою дипломатіей которая сулила имъ вѣрный успѣхъ, обѣщала поддержку, составляла планы вторженія на Кавказъ, и обращала европейскій концертъ въ постыдный фарсъ.

Говорятъ будто въ Константинополѣ ожидали прямаго участія Англіи въ войнѣ. Но Англія ведетъ войну противъ насъ единственнымъ доступнымъ ей способомъ. Она вооружила турецкихъ солдатъ и доставляетъ имъ боевые припасы, заботится о теплой одеждѣ для нихъ, шлетъ имъ своихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ которые дѣятельно руководятъ военными операціями. Корреспондентъ *Times* при турецкой арміи въ Малой Азіи самъ разказываетъ что „турецкіе офицеры были въ полномъ убѣжденіи что арміей Мухтара распоряжался состоящій при немъ генералъ англійской службы Кембалъ. Генералъ этотъ, въ прошедшемъ году воевавшій такимъ же образомъ въ Сербіи, въ концѣ лѣта удостоился производства въ генералъ-лейтенанты, вѣроятно за Зивинское дѣло. Подъ Телишемъ взятъ англійскій полковникъ Коспъ, навязавшій себѣ на руку красный полумѣсяцъ между тѣмъ какъ оказалось что онъ числится на турецкой службѣ и состоитъ въ корпусѣ жандармеріи извѣстнаго Бекера. А на Шипкѣ послѣднюю атаку на гору Св. Николая велъ Англичанинъ Кампбеллъ, и тамъ же на Шипкѣ умеръ отъ лихорадки храбрый поручикъ Леярдъ. Да стóитъ ли перечислять?.. А англійскія суда открыто перевозящія для Турокъ изъ Америки оружіе и боевые припасы, столь открыто что о приходѣ и выходѣ этихъ британскихъ пароходовъ телеграфируютъ изъ американскихъ портовъ въ лондонскія газеты для свѣдѣнія? Не Англія ли также заставила Египетъ, которому въ будущемъ году грозитъ голодъ отъ обмелѣнія Нила въ настоящемъ, послать свой контингентъ въ Болгарію, и не она развѣ побуждаетъ теперь къ тому же Тунисъ?

Чего же болѣе желаютъ Турки, что же болѣе *могла бы* сдѣлать имъ въ помощь Англія? Послать въ подмогу тысячъ двадцать наемныхъ англійскихъ солдатъ? Но что же сами Турки какъ не наемныя войска Англіи? Посылка даже двадцатитысячнаго корпуса стоила бы для Англіи громаднаго напряженія, а на исходъ борьбы не повліяла бы ни мало. Такая помощь не много пользы принесла бы Турціи, а только вынудила бы насъ къ принятію мѣръ обороны очень дѣйствительныхъ...

Какой же смыслъ имѣетъ угроза британскаго премьера что Англія выступитъ изъ своего нейтралитета *если* британскіе интересы подвергнутся опасности? Англія уже ведетъ войну защищая свои „интересы“ единственнымъ доступнымъ ей способомъ, то-есть чужими руками. Торійскіе органы правы говоря что торжество Россіи надъ Турціей будетъ пораженіемъ Англіи, но за это имъ не на кого пенять кромѣ какъ на собственную политику. Эти „проклятые интересы“ которые воплощаются въ существованіи Турціи должны же когда-нибудь потерпѣть пораженіе! Пораженіе ихъ было бы великимъ благомъ для человѣчества, однимъ изъ величайшихъ успѣховъ современнаго міра. Долженъ же міръ быть избавленъ отъ этихъ „интересовъ“ которые нуждаются въ существо-

ваніи самаго возмутительнаго для человѣчества положенія ...

Лордъ Биконсфильдъ говоритъ о нейтралитетѣ, о мирѣ который долженъ де обезпечить независимость Европы (?),—а его собственная рѣчь развѣ не къ войнѣ клонитъ? Согласно ли съ нейтральнымъ отношеніемъ къ обѣимъ сторонамъ провозглашать радостно что Турція въ этой войнѣ показала свою силу и потому въ правѣ претендовать на „справедливую независимость?“ Не значитъ ли это предрѣшать вопросъ въ интересѣ одного изъ противниковъ и поощрять его къ ожесточенному, хотя очевидно безнадежному, сопротивленію? А если подобное говорится во всеуслышаніе на всю Европу, то что же въ правѣ мы заключать о тѣхъ совѣтахъ которые ежедневно даются англійскою дипломатіей въ турецкой столицѣ, и о поощреніяхъ которыя тамъ расточаются? Нѣтъ, не миромъ дышатъ слова британскаго министра...

Англія жестоко поплатится Чѣмъ труднѣе будетъ для Россіи предпринятое ею дѣло, тѣмъ полнѣе совершитъ она свое призваніе; чѣмъ ожесточеннѣе и чѣмъ долѣе будетъ сопротивляться Турція, тѣмъ полнѣе и крушительнѣе будетъ ея пораженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіе тѣхъ интересовъ которымъ она нужна...

Настанетъ время когда Англичане рукоплещущіе Беконсфильду будутъ вспоминать о времени его правленія какъ о самомъ позорномъ періодѣ своей исторіи, но для справедливости они должны будутъ припомнить что онъ только льстилъ ихъ собственнымъ страстямъ...

№ 272.

Москва, 2-го ноября.

Извѣстія изъ-за Дуная съ каждымъ днемъ все болѣе подтверждаютъ что паденіе Плевны неизбѣжно, и что этой роковой катастрофы для турецкой военной силы слѣдуетъ ожидать очень скоро. А давно ли даже самыя безпристрастныя изъ иностранныхъ газетъ рисовали совсѣмъ иныя картины? Давно ли даже *Политическая Корреспонденція*, устами своего военнаго, вообще правдиваго хроникера за Дунаемъ, предсказывала полное затишье на театрѣ военныхъ дѣйствій и видѣла успѣхъ для русскихъ войскъ уже въ томъ чтобъ удержать военное *status quo* и сохранить свои позиціи противъ „энергическаго удара“ на лѣвый флангъ со стороны Сулейманъ-паши, наступленіе котораго съ цѣлью освободить Плевну казалось тогда неизбѣжнымъ? Теперь тотъ же корреспондентъ не только ужь ничего не говоритъ о возможности турецкаго наступленія, не только не пророчитъ вынужденнаго бездѣйствія на время зимы нашимъ войскамъ, но не ограничивается указаніемъ на близкое паденіе Плевны, а идетъ гораздо дальше и предсказываетъ новый походъ за Балканы.

Относительно осадныхъ работъ подъ Плевной, указанный корреспондентъ въ письмѣ изъ Зимницы, отъ 4 ноября сообщаетъ что работы эти съ особенною энергіей производятся къ юго-западу; съ этою цѣлью, съ 24 октября, тысячи лопатъ работаютъ надъ возведеніемъ редутовъ у Брестовца, Кацубани и въ особенности у Дольняго Дубника, долженствующихъ преградить Османъ-пашѣ путь на Орханіе. Такія же работы производятся и въ сѣверо-западномъ направленіи, и вскорѣ наступитъ де моментъ когда Туркамъ будетъ отрѣзана всякая возможность предпринять въ какомъ бы то ни было пунктѣ наступленіе противъ желѣзнаго кольца коимъ они окружены. Русскіе же повидимому отказались отъ мысли о повтореніи штурма. То что Османъ-паша ничего не предпринялъ чтобы подоспѣть на помощь войскамъ Шефкетъ-паши во время дѣлъ подъ Горнимъ Дубникомъ и подъ Телишемъ, всѣми толкуется въ томъ смыслѣ что его силы слишкомъ слабы; другаго толкованія нельзя де и допустить, такъ какъ Османъ-паша доказалъ что умѣетъ дѣйствовать энергически и что онъ обладаетъ военною зоркостью. Генералъ Тотлебенъ выразился по этому поводу, какъ передаетъ корреспондентъ, слѣдующимъ образомъ: „Если Османъ-паша не атаковалъ генерала Гурко во время битвы подъ Горнимъ Дубникомъ, то это потому что онъ этого сдѣлать не могъ; стало-быть паденіе Плевны есть лишь вопросъ раціоновъ.“ Вообще въ Главной Квартирѣ питаютъ де убѣжденіе что Плевна не можетъ держаться болѣе двухъ недѣль, а потому тамъ убѣждены что Османъ-паша сдѣлаетъ попытку пробиться или по пути къ Софіи, или по направленію къ Раховой, и соот-

вѣтственно этому предположенію принимаются всѣ мѣры продосторожности.

Сверхъ того, корреспондентъ вѣнскаго офиціознаго листка сообщаетъ кое-что и насчетъ дальнѣйшихъ плановъ, и хотя мы не можемъ придавать особеннаго значенія этимъ указаніямъ, но не излишне будетъ ознакомить съ ними и нашихъ читателей.

Военныя операціи на западѣ Болгарскаго театра войны распались теперь, по словамъ указаннаго корреспондента, на двѣ разныя, хотя и имѣющія между собою тѣсную связь части. Движеніе значительныхъ русскихъ силъ на Орханіе имѣетъ своею цѣлью съ одной стороны замкнутіе Плевненской осады, а съ другой оно служитъ началомъ новой весьма важной операціи, именно новой экспедиціи за Балканы которая будетъ де предпринята при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ. Но на этотъ разъ главныя силы направятся де въ обходъ Балканскаго хребта съ Запада, чѣмъ освободится и другой путь въ Румелію, а именно войска которыя пойдутъ на Софію будутъ, двинувшись къ востоку, угрожать тылу Реуфъ-паши стоящаго у самаго устья Шипкинскаго прохода, дѣйствія послѣдняго будутъ парализованы, и такимъ образомъ дебушированію русскихъ войскъ чрезъ Шипку и Ханкіойскій проходъ не будетъ серіозныхъ преградъ. Что эта новая экспедиція будетъ имѣть гораздо болѣе рѣшительный характеръ и несравненно бо́льшіе размѣры нежели первый походъ генерала Гурко, это доказывается де количествомъ и качествомъ войскъ кои предназначены для этой операціи. Движеніе къ Орханіе предпринято съ 40.000 отборнаго войска, къ коимъ имѣютъ присоединиться еще 10.000. До сихъ поръ различныя колонны этой „экспедиціонной арміи“ совершали свое движеніе концентрически. На первыхъ порахъ задача этихъ войскъ заключалась въ томъ чтобы вышибить Турокъ съ тѣхъ этапныхъ пунктовъ кои служили Шевкетъ-пашѣ для поддержанія сношенія съ Плевной по Софійской дорогѣ. Дабы турецкіе гарнизоны охранявшіе эти укрѣпленные пункты Горный Дубникъ, Телишъ, Радомірца и Петревень не имѣли возможности подать другъ другу руку при атакѣ на каждый отдѣльный этапъ, русскія колонны были двинуты съ одной стороны изъ Богота по направленію къ Телишу и Радомірцѣ, черезъ Чириково и Агленъ, а съ другой изъ Ловчи, чрезъ Угурчени и Торосъ на Петревень. Вслѣдствіе такого движенія русскихъ войскъ, турецкія этапныя позиціи были всѣ угрожаемы съ фланга, и потому не могли двинуться на соединеніе другъ съ другомъ. Это фланговое движеніе Русскихъ стало въ особенности яснымъ послѣ того какъ ими были заняты съ боя Горній Дубникъ и Телишъ, когда Шевкетъ-паша оставилъ Радомірцу, и теперь нѣтъ де сомнѣнія что оно составляло главную цѣль предпріятія. Это видно изъ того что изъ войскъ принимавшихъ участіе во взятіи Горняго Дубника и Телиша одна часть вернулась въ Горній Дубникъ и, укрѣпившись тамъ, восполнила окруженіе Плевны съ юго-запада, другая же часть подвинулась дальше по дорогѣ къ Орханіе, и разсѣявъ тамъ нѣсколько слабыхъ отрядовъ турецкой кавалеріи, соединилась у Луковца съ колонной которая шла изъ Аглена. Въ то же время войска выступившія изъ Ловчи подвинулись на Петревень, турецкій гарнизонъ которой былъ такимъ образомъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и вынужденъ былъ отступить на Бѣлинцы, оставивъ въ рукахъ Русскихъ сложенные здѣсь огромные запасы снарядовъ и провіанта.

Въ виду всего этого, корреспондентъ *Политической Корреспонденціи* не думаетъ чтобы Шевкетъ-паша имѣлъ еще возможность оказать серіозное сопротивленіе дальнѣйшему движенію впередъ русскихъ войскъ; онъ привлекъ къ себѣ, правда, съ большою поспѣшностью, слабые остатки тѣхъ силъ которыя держали цѣпь сообщеній съ Плевной. Но если онъ и будетъ съ ихъ помощью обороняться у Яблоницы и Осикова, то развѣ только для того чтобы выиграть время и укрѣпиться въ Орханіи.

№ 273.

Москва, 3-го ноября.

Полученныя сегодня англійскія газеты принесли намъ описаніе извѣстнаго банкета у новаго лорда мера Города Лондона, — банкета на которомъ ораторствовалъ лордъ Беконсфильдъ. Обстановка этого празднества была тоже не лишена интереса. На банкетѣ присутствовало министерство въ полномъ составѣ, и весь

онъ долженъ былъ послужить демонстраціей въ пользу Турціи. Начать съ того что еще утромъ, при представленіи новаго лорда мера судьямъ (баронамъ) казначейства (*barons of the exchequer*), главный баронъ (*lord chief baron*) нашелъ нужнымъ увѣдомить лорда мера (чего тотъ должно-быть не зналъ) что „миръ Европы снова „нарушенъ войной, на которую Англія „взираетъ съ серіознымъ безпокойствомъ „и даже съ тревогой". И затѣмъ этотъ членъ одного изъ высшихъ судовъ Англіи, продолжая свою рѣчь къ новому сочлену своей корпораціи (такъ какъ лордъ меръ въ своемъ районѣ пользуется властью мироваго судьи), самымъ невоздержнымъ образомъ изобличалъ честолюбіе Германіи и Россіи, и трепеталъ при мысли что̀ станется съ Европой и съ „дражайшими интересами Англіи, съ ея торговлей, съ ея свободой", если эти двѣ континентальныя державы, располагая вмѣстѣ силами равными могуществу перваго Наполеона въ то время какъ онъ давалъ законы всей Европѣ, вступятъ въ союзъ и приступятъ къ совершенію ужаснѣйшаго дѣянія — къ раздробленію великой страны „великой Турецкой имперіи!" Но какъ ни страшна эта перспектива, сэръ-Фисрой Келли выразилъ увѣренность что Англія не устрашится никакого множества враговъ и подобно тому какъ она одна (!) своими силами одолѣла величайшаго полководца, сокрушила его имперію, а его самого заточила на крошечный островъ, такъ и снова можетъ де „вызвать на бой и поразить какое угодно количество Европейскихъ державъ". Вотъ шовинизмъ такъ шовинизмъ!

На банкетѣ было до 900 гостей, и новый лордъ меръ, чествуя ихъ, показалъ что полученное имъ поутру судебное внушеніе пошло ему въ прокъ. Предлагая тостъ за „иностранныхъ представителей", онъ обратился къ турецкому послу и порадовался чести которую тотъ оказалъ празднеству своимъ присутствіемъ, несмотря на затрудненія въ какихъ посолъ Турціи находится „вслѣдствіе угнетенія (*oppression*) отъ коего его страна теперь страдаетъ и совершающейся великой бойни (*slaughter*), самой несправедливой." Тостъ былъ принятъ присутствующими самымъ радушнымъ образомъ. Польщенный такимъ вниманіемъ представитель Оттоманской имперіи, съ своей стороны, излился въ чувствахъ къ Англіи. Онъ воздалъ дань удивленія англійскому могуществу, англійскому прямодушію, англійской добросовѣстности, англійской политической и личной свободѣ, послужившей де примѣромъ для всѣхъ конституціонныхъ странъ. „Вотъ и „моя страна," говорилъ онъ, „въ числѣ „другихъ націй обязана Англіи этимъ при„мѣромъ которому она послѣдовала. Его „величество султанъ Абдулъ-Меджидъ, „славный отецъ нынѣшняго султана, озна„меновалъ свое царствованіе прокламаціей, „которая обезпечила жизнь, собственность „и честь всѣхъ его подданныхъ, безъ раз„личія вѣроисповѣданій и племени." (Однихъ этихъ словъ достаточно чтобы судить о грубомъ шутовствѣ всей этой демонстраціи.) „Эти принципы были потомъ „развиты важными и многочисленными по„литическими реформами, а его величе„ство настоящій султанъ, мой августѣй„шій государь, какъ только вступилъ на „престолъ своихъ предковъ, увѣнчалъ ве„ликое дѣло добровольно даровавъ пол„ную либеральную конституцію, основан„ную на свободномъ представительствѣ „всѣхъ населеній имперіи. Я не сомнѣва„юсь что это политическое преобразованіе „имперіи по англійскимъ принципамъ до„ставляетъ удовольствіе Англичанамъ." И гости лорда мера подтвердили эту увѣренность; они выразили тутъ же свое удовольствіе какъ за эти слова, такъ и въ виду заявленія Мусурусъ-паши что въ настоящей войнѣ „его страна защищаетъ свою независимость и цѣлость". Само собою разумѣется что гости еще съ живѣйшимъ сочувствіемъ ловили слова произнесенной затѣмъ рѣчи премьера, о которой мы уже достаточно говорили и которая была только завершеніемъ всей этой грубо-комической манифестаціи сочиненной для прославленія и возвеличенія Турціи.

Но забавнѣе всего то что демонстрація въ пользу Турціи вышла на дѣлѣ демонстраціей противъ Англіи. Турецкій посолъ отвѣчалъ на тостъ въ честь иностранныхъ представителей какъ старѣйшій изъ дипломатовъ аккредитованныхъ въ Англіи. Но кто же изъ этихъ представителей были на банкетѣ? Посланники китайскій, республики Либеріи, Сандвичевыхъ острововъ. Изъ представителей же европейскихъ державъ, кромѣ турецкаго посла, не было *никого!* Не говоря о русскомъ или германскомъ или италіянскомъ, не было ни французскаго, ни испанскаго, ни кого отъ мень-

нихъ государствъ, не было даже австровенгерскаго, хотя въ одной изъ телеграммъ было ошибочно упомянуто о присутствіи графа Бейста на банкетѣ. Такимъ образомъ вся Европа, отсутствіемъ своихъ представителей, протестовала противъ демонстраціи. Британское министерство въ полномъ составѣ, и ни одного изъ представителей европейскихъ державъ, кромѣ турецкаго посла! Не было ли это разительнымъ символомъ изолированности Англіи съ ея „пресловутыми интересами?“

Кстати объ этихъ интересахъ Англіи. Лордъ Беконсфильдъ съ угрозой напомнилъ что нейтралитетъ Англіи только де условный, пока не подвергнутся опасности ея интересы. Но на это заявленіе былъ заранѣе данъ отвѣтъ въ самой Англіи, г. Джономъ Брайтомъ. Мнѣнія г. Брайта о Восточномъ вопросѣ хорошо всѣмъ извѣстны, но также извѣстно что онъ не любитъ льстить своимъ соотечественникамъ и говоритъ имъ правду въ глаза. За два дня до лондонскаго банкета, на митингѣ въ Рочделѣ онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ одномъ я вполнѣ увѣ„ренъ: Англія не вступитъ въ войну ради „цѣли которой никто въ мірѣ не сочув„ствуетъ и для которой нигдѣ мы не мо„жемъ найти *ни одного союзника*. Это „было бы все равно что вообразить что „вы поставили во главѣ правительства „такого человѣка и съ такими товарищами „которымъ мѣсто въ домѣ умалишенныхъ.“

Кстати, въ свою очередь г. Гладстонъ иронически замѣтилъ что въ рѣчи лорда Беконсфильда, хотя еще и упоминается о независимости Турціи, но уже нѣтъ ни слова о ея цѣлости....

№ 274.

Москва 4-го ноября.

Банкетомъ у новаго лорда-мера Лондонскаго Города и рѣчью произнесенною на немъ лордомъ Беконсфильдомъ лишь знаменуется возобновленіе того тревожнаго состоянія англійской политики которое притихло было подъ вліяніемъ такъ называемыхъ „турецкихъ побѣдъ.“ Система застращиваній снова пущена въ ходъ. Но эффектъ ихъ, увы! далеко не прежній. Не только шовинистскія самовосхваленія англійскаго всемогущества, но и пускаемыя изъ Лондона, въ видѣ *ballon d'essai*, дипломатическія угрозы возбуждаютъ лишь улыбку и вызываютъ глумленія даже во французскихъ газетахъ, которыя до сихъ поръ не отличались особеннымъ безпристрастіемъ и здравомысліемъ въ отношеніи къ Восточнымъ дѣламъ. Во французской газетѣ *Assemblée Nationale* появилась на дняхъ телеграмма изъ Лондона, отъ 8 ноября, въ которой сообщалось что „лордъ Дарби приготовляетъ *весьма энергическую ноту* адресованную князю Горчакову, въ которой онъ заявляетъ что Англія ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ занятія Арменіи.“ Эта нота, одобренная всѣми членами Англійскаго кабинета, имѣетъ де быть отправлена въ тотъ же вечеръ въ Императорскую Главную Квартиру. Это сенсаціонное извѣстіе, очевидно разчитанное на эффектъ, вызвало въ другой французской газетѣ *l'Estaffette* лишь слѣдующія замѣчанія: „Эта депеша имѣла „бы значеніе еслибъ она существовала. „Но Джонъ Булль не имѣетъ привычки „торопиться, и нужно выждать болѣе пол„ныхъ извѣстій прежде чѣмъ повѣрить что „„Мальбругъ въ походъ пустился.““

Но въ Константинополѣ родомонтады съ береговъ Темзы произвели обычное дѣйствіе. Турки опять пріосанились и не могли стерпѣть сообщеніе появившееся третьяго дня въ *Agence Générale Russe* о томъ что Порта обратилась къ принцу Рейссу съ просьбой о посредничествѣ Германіи для возстановленія мира, и что германскій посолъ отвѣтилъ совѣтомъ обратиться для этого непосредственно въ Русскую Главную Квартиру. Въ тотъ же день Порта горделиво, чрезъ посредство вѣнскихъ газетъ, отреклась отъ подобнаго шага. Очевидно что какъ самое опроверженіе, такъ и поспѣшность съ которою оно сдѣлано, были прямымъ послѣдствіемъ поощрительныхъ рѣчей въ Гильдгаллѣ, отъ которыхъ воспрянулъ въ Туркахъ „духъ бодрости и энтузіазмъ.“ Ободреніе англійскаго премьера оказалось даже болѣе могущественнымъ нежели внушенія Пророка который, какъ толкуютъ въ Стамбулѣ, являлся во снѣ султану и совѣтовалъ ему поспѣшить заключеніемъ мира.

Но какую цѣну слѣдуетъ придать этому опроверженію изъ Константинополя, лучше все видно изъ депеши сообщенной намъ вчера нашимъ берлинскимъ корреспондентомъ. Нашъ корреспондентъ, имѣющій воз-

можность знать то что происходитъ въ нѣдрахъ Берлинскаго кабинета, сообщаетъ что между кабинетами возникъ споръ относительно вопроса о мирѣ. „Германія хочетъ чтобы миръ былъ заключенъ непосредственно между Россіей и Турціей, Англія желаетъ участія великихъ державъ.“ Надѣются, однако, прибавляетъ нашъ корреспондентъ, что европейскія державы присоединятся ко взгляду Германіи.

Если Германія не желаетъ ни сама принять на себя посредничество, ни допустить чтобы въ это дѣло вмѣшалась Англія и другія державы, а требуетъ чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ путемъ непосредственныхъ переговоровъ между воюющими сторонами, то это значитъ, другими словами, что Германія признаетъ Россію *единственнымъ* судьею въ случаѣ войны и мира. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть наилучшаго признака искренности и прочности дружественныхъ отношеній связующихъ насъ съ сосѣднею державой. Что таковы взгляды не только правительства Германіи, но вліятельнѣйшихъ политическихъ партій этой страны, видно изъ сужденій берлинской *Національной Газеты*, которая въ статьѣ, отъ 10 ноября, обсуждая общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„Никогда руки Россіи не были болѣе „развязаны на югѣ чѣмъ теперь, и ни„когда, быть можетъ, она не будетъ имѣть „большей возможности нанести рѣши„тельный ударъ варварскому владычеству „на прекрасномъ Балканскомъ полуостровѣ „не опасаясь препятствій со стороны дру„гихъ державъ. И нужно сознаться что „этотъ ударъ принесетъ пользу всей Ев„ропѣ въ виду грезившейся еще нѣсколько „недѣль тому назадъ перспективы побѣ„доноснаго мусульманства, которое выка„зало способность изрыгать изъ нѣдръ „Азіи потоки своей мертвящей лавы на „цвѣтущія и способныя къ культурѣ поля „юго-востока Европы. Ожидать улучшенія „для этихъ странъ путемъ мирныхъ зако„нодательныхъ реформъ было бы тщетно. „Чтобы пробудить эти народы къ плодо„творной жизни необходимы тяжкіе удары „извнѣ и великія потрясенія. Такія по„трясенія именно и совершаются теперь „на Востокѣ.“

Указавъ далѣе на то что Англія пользуется теперь нераздѣльнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ и трепещетъ чтобъ оно не ускользнуло изъ ея рукъ и не перешло снова къ Россіи, для которой владычество Турокъ въ Византіи, подъ условіемъ господствующаго вліянія, есть де наиболѣе выгодное разрѣшеніе вопроса о Константинополѣ, названная газета продолжаетъ такъ: „Миръ въ настоящую ми„нуту былъ бы лишь исходнымъ пунктомъ „новыхъ бореній за дипломатическое вліяніе въ Константинополѣ, которыя въ „концѣ концовъ разразились бы новою „войной. Пока есть возможность достиг„нуть еще какихъ-либо результатовъ „на театрѣ войны, нельзя и говорить „серіозно о мирѣ. Съ тѣми силами какими „располагаетъ Россія, *гнилаго* мира не „заключаютъ доколѣ имѣется еще воз„можность добиться новыхъ успѣховъ и „болѣе выгоднаго политическаго положе„нія. Турція едвали сочтетъ себя окон„чательно побѣжденною даже послѣ па„денія Плевны, а для Россіи каждая но„вая побѣда имѣетъ столь важное значе„ніе что она едва ли можетъ считать свою „задачу рѣшенною даже подъ стѣнами „Константинополя.“

На эти слова вліятельнаго германскаго органа вѣроятно послѣдуютъ энергическія возраженія въ нѣкоторыхъ органахъ петербургской печати и обвиненія въ панславизмѣ...

№ 275.

Москва, 5-го ноября.

„Вонъ Турокъ изъ Европы!..“ Можно вообразить себѣ какіе крики о дерзости московскихъ панславистовъ, о властолюбивыхъ замыслахъ Россіи на Босфоръ, Индію и Богъ знаетъ еще что, раздались бы въ кругахъ европейскихъ туркофиловъ и пожалуй привели бы въ трепетъ нашихъ доморощенныхъ Европейцевъ, постоянно помышляющихъ о томъ „какъ на насъ посмотрятъ,“ да „что о насъ скажутъ,“ — еслибъ этотъ лозунгъ былъ произнесенъ кѣмъ-либо громко въ Россіи. Нѣтъ, это сказано въ Германіи, „не имѣющей непосредственныхъ интересовъ на Востокѣ“ (какъ выражался князь Бисмаркъ), честнымъ Нѣмцемъ, не имѣющимъ надобности казаться Европейцемъ...

Недѣли три тому назадъ берлинскій корреспондентъ нашъ упоминалъ о выходѣ въ

свѣтъ въ Эрфуртѣ брошюры подъ заглавіемъ: *Вонъ Турку изъ Европы (Hinaus mit dem Turken aus Europa!)*. Авторъ ея германскій публицистъ Юліусъ Гроте. Нашъ корреспондентъ указывалъ на эту брошюру въ ряду другихъ подобныхъ манифестацій, прибавляя что „презрѣніе къ турецкой породѣ проникло такъ глубоко въ образованное общество Берлина что встрѣтить кого-нибудь кто бы, по глупости или по особеннымъ личнымъ интересамъ, назвалъ себя туркофиломъ, все равно что встрѣтить бѣлаго ворона."

Г. Юліусъ Гроте не допускаетъ никакого сомнѣнія въ окончательной побѣдѣ Россіи. „Противникамъ Россіи въ этомъ отношеніи придется только записать лишнее разочарованіе въ свои памятныя книжки, а потому можно позволить имъ минутное удовольствіе доставляемое сочиненіемъ и чтеніемъ ложныхъ извѣстій о турецкихъ побѣдахъ или ожиданіями такихъ побѣдъ."

Достойную цѣль предпринятой Россіей войны германскій публицистъ видитъ только въ прекращеніи владычества Турокъ тяготѣвшаго надъ христіанскими племенами въ теченіе пяти вѣковъ. Онъ разсуждаетъ въ общемъ интересѣ цивилизаціи и человѣчества, и находитъ что очистить Европу отъ турецкаго зла есть *призваніе* Россіи. „Нѣтъ надобности, говоритъ онъ, отрицать что въ прежнія столѣтія Россія въ своихъ войнахъ съ Турціей руководилась для округленія своихъ границъ завоевательными цѣлями; но въ то время это было въ порядкѣ вещей; нынѣ же взгляды и правила въ этомъ отношеніи измѣнились. Нынѣ признаютъ земельныя пріобрѣтенія какъ вознагражденіе за тягости войны, но завоеванія перестали служить цѣлями войны; во всякомъ случаѣ войны Россіи съ Турціей, въ настоящемъ столѣтіи, завоевательныхъ цѣлей не имѣли."

Какъ видимъ, стоитъ только германскому публицисту обмокнуть перо не въ тѣ чернила которыми пишутся аугсбургская *Всеобщая* или *Кельнская Газета*, и пугало панславизма, которымъ нѣтъ-нѣтъ, но случается обмолвиться и сочувствующимъ нашему дѣлу органамъ, исчезаетъ или вѣрѣе сводится къ совершенно естественному съ нашей стороны мотиву освобожденія Востока.

Въ своемъ очеркѣ восточнаго кризиса въ его послѣдовательномъ развитіи, германскій публицистъ всюду останавливается на усиліяхъ англичанъ помѣшать правильному разрѣшенію кризиса, и описывая поворотъ англійской политики отъ лицемѣрнаго плача при вѣстяхъ о болгарскихъ убійствахъ прошлаго года, до поощренія ихъ и явнаго союза съ Турціей въ нынѣшнемъ году, онъ не скупится на откровенныя и весьма нелестныя для британскихъ джентльменовъ выраженія.

Взглядъ германскаго публициста на англійскую политику, распространенный въ Германіи, пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ настоящую минуту, когда между кабинетами возникъ *споръ* по вопросу о мирѣ, причемъ Германія стоитъ за непосредственное заключеніе мира между Россіей и Турціей, между тѣмъ какъ Англія желаетъ вмѣшательства великихъ державъ, надѣясь при общемъ шумѣ свести всю войну, какъ говорится, на *нѣтъ*.

Авторъ брошюры не скрываетъ своихъ опасеній что, по разрѣшеніи задачи войны, задача мира будетъ стоить не малой дипломатической борьбы. Онъ беретъ въ разчетъ три рѣшенія: или оставить Турцію въ настоящихъ границахъ, или уменьшить ея размѣры, или прекратить существованіе Турціи какъ самостоятельнаго государства. „Поддержка турецкаго правительства иностранными державами при исполненіи навязанныхъ ему противъ воли реформъ," говоритъ брошюра, „создали бы большія затрудненія. Самыя реформы, равно какъ и присутствіе иностранныхъ коммиссаровъ и войскъ въ странѣ, вызвали бы повторяющіяся возстанія Турокъ и постоянное кровопролитіе. Наконецъ, такой способъ рѣшенія только поддерживалъ бы завистливыя козни различныхъ европейскихъ державъ." Авторъ рѣшительно склоняется къ радикальному рѣшенію вопроса. „Предъ важными интересами человѣколюбія, культуры и цивилизаціи не могутъ идти въ сравненіе какія-то права и притязанія варварскаго племени... Это ни на одинъ моментъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при заключеніи мира. Пусть взгляды и желанія относительно прочихъ опредѣленій на Балканскомъ полуостровѣ расходятся. Европейскія державы, наконецъ, согласятся и условятся между собой; только никакого болѣе соглашенія съ исконнымъ врагомъ христіанства, съ кровожаднымъ варваромъ, который позоритъ собою семью европейскихъ народовъ: вонъ Турку изъ Европы!" Такъ разсуждаетъ гер-

манскій публицистъ. Но, признаемся, мы видимъ еще худшее зло и еще большій позоръ для цивилизаціи въ Англичанинѣ, который сожалѣетъ о томъ что Турки *заблаговременно не перерѣзали до чиста Болгаръ!*

№ 277.

Москва, 7-го ноября.

Съ быстротой молніи разнеслось по Москвѣ радостное извѣстіе о взятіи Карса. Также быстро разнеслось оно сегодня по всему великому Русскому Царству. „Твердыня Малой Азіи," неприступный Карсъ взятъ, и взятъ приступомъ. Его защитники пали или въ плѣну. Взято 7.000 плѣнныхъ, 300 орудій, знамена, запасы. Слава Августѣйшему Главнокомандующему! слава его войскамъ! Чтобы штурмовать крѣпость дѣйствительно неприступную, и притомъ при нынѣшнихъ артиллерійскихъ орудіяхъ, при нынѣшнихъ скорострѣльныхъ ружьяхъ, которыми Турки такъ хорошо снабжены, между тѣмъ какъ военное искусство не придумало еще ничего въ защиту и облегченіе штурмующихъ колоннъ, — для этого надобно имѣть войска необыкновенныхъ свойствъ. Почтимъ же еще нашего солдата, и въ немъ нашъ народъ, который является теперь предъ изумленнымъ міромъ во всей своей доблести...

Карсъ имя хорошо всѣмъ знакомое. Въ третій разъ въ теченіе полустолѣтія этотъ оплотъ турецкаго могущества въ Малой Азіи переходитъ въ наши руки, съ каждымъ разомъ при новыхъ и бо́льшихъ трудностяхъ. Въ 1828 году всѣ укрѣпленія Карса состояли только въ стѣнѣ съ башнями и лишь въ одномъ наружномъ фортѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, на Карадагскихъ высотахъ. Это были простые деревянные срубы засыпанные землей. Въ 1855 году, пишетъ Муравьевъ, „новыя земляныя работы совершенныя Англичанами для усиленія обороны Карса простирались по обоимъ берегамъ рѣки (Карсъ-чая) и составляли обширный укрѣпленный лагерь, который, вмѣстѣ съ промежуточными и отдѣльными фортами, окружалъ старую крѣпость на большое разстояніе отъ городскихъ предмѣстій." Въ то время уже были на правой сторонѣ рѣки форты: *Арабъ-Табіе*, *Карадагъ*, *Зіаретъ-Табіе*, *Гафизъ-Табіе* и нѣкоторые другіе. *Гафизъ-Паша-Табіе*, тотъ самый который штурмовали теперь наши войска, профилемъ своимъ господствовалъ надъ всѣмъ лагеремъ; съ лѣвой стороны рѣки явились укрѣпленія сильной профили, *Чимъ* и *Вели-Паша-Табіе*, прикрывавшія своимъ положеніемъ главную дорогу на Чахмакскія высоты; кромѣ того, укрѣплены были высоты Шорахскія и такъ-называемая Баши-бузуцкая гора. Послѣ Восточной войны Турки воспользовались указаніями опыта. Во всѣхъ слабыхъ мѣстахъ была усилена оборона. Отъ полевыхъ укрѣпленій 1855 года, говоритъ *Русскій инвалидъ*, не осталось и слѣда, хотя существующія укрѣпленія возведены на прежнихъ мѣстахъ и сохранили даже свои названія. Теперь укрѣпленія эти, получивъ примѣненное къ мѣстности и взаимной оборонѣ, очертаніе, имѣютъ сильную профиль, а нѣкоторыя снабжены сводчатами постройками. Кромѣ усиленія профили линіи, впереди укрѣпленій устроены ложементы, которыми страшно усилены средства обороны. Нормальное вооруженіе крѣпости состояло изъ 150 орудій.

Въ 1828 году, Карсъ палъ вслѣдствіе одновременнаго штурма, съ юго-западной и юго-восточной сторонъ, войсками состоявшими подъ командой Паскевича. Войска наши заняли обнесенныя стѣной предмѣстья, и гарнизонъ положилъ оружіе.

Въ 1855 году, штурмъ Карса представлялъ уже громадныя трудности, такъ что командовавшій осаднымъ корпусомъ генералъ Муравьевъ предпочелъ блокаду. Но блокада затянулась, и опасаясь поздняго времени года съ неразлучными болѣзнями и трудностями, а также подъ вліяніемъ извѣстія о паденіи Севастополя, Муравьевъ рѣшился на штурмъ, избравъ для этого юго-восточную позицію, именно Шорахскія высоты. Штурмъ не увѣнчался успѣхомъ, и только благодаря желѣзной твердости Муравьева, ни на минуту подъ вліяніемъ неудачи не ослабившаго блокады, Карсъ сдался на капитуляцію черезъ два мѣсяца послѣ штурма.

Теперь обстоятельства сложились совершенно особеннымъ образомъ. Блистательная побѣда 3 октября на Аладжадагскихъ высотахъ, разгромившая армію Мухтара и вынудившая его бѣжать съ ея остатками къ Эрзеруму, вмѣстѣ съ тѣмъ осла-

била и Карсскій гарнизонъ, который принималъ участіе въ этомъ сраженіи; но Карсъ былъ превосходно снабженъ всякимъ продовольствіемъ, такъ какъ Мухтаръ предполагалъ зимовать въ немъ. Войска оставшіяся въ Карсѣ могли, очевидно, выдержать очень долгую блокаду, на что, конечно, Мухтаръ и разчитывалъ. А потому немедленно было рѣшено взять крѣпость приступомъ,—рѣшено и сдѣлано.

Не зная подробностей, мы остановимся только на необычномъ времени выбранномъ для нападенія. Въ 8 или 9 часовъ вечера, 5 ноября, войска двинулись на приступъ, и подъ покровомъ ночи происходила битва, увѣнчавшая новою славой наши войска. Но если ночь способствовала неожиданности нападенія, то она конечно требовала и безукоризненно точнаго исполненія плана и всѣхъ обязанностей отъ начальника до послѣдняго солдата. Честь же и слава войскамъ, геройски исполнившимъ свой долгъ на общую радость всего Русскаго царства, всего христіанскаго міра!

Впрочемъ, взятіе Карса штурмомъ нельзя считать лишь случайнымъ, хотя и счастливымъ, послѣдствіемъ побѣды на Аладжѣ. Нѣтъ, планъ военныхъ дѣйствій Августѣйшаго Главнокомандующаго прямо велъ къ тому съ самаго начала. Въ № 10 *Военнаго Сборника* помѣщенъ отчетъ о первомъ въ эту кампанію обложеніи Карса: уже тогда наши войска имѣли въ виду „открыть „самый усиленный огонь изъ 150 орудій „и затѣмъ *штурмовать* обстрѣленныя ар„тиллерійскимъ огнемъ части крѣпости.“ Въ первоначальной диспозиціи полагалось вести атаку не только противъ сѣверо-восточнаго угла укрѣпленій (Араба, Карадага, Мухлиса), но и противъ юго-западнаго (Техмасъ, Тихъ-тепеси). Предполагалось нападеніе и на Гафизъ-пашу. Но этотъ планъ не былъ исполненъ по недостатку войскъ, которыхъ Главнокомандующій давно требовалъ и такъ долго не могъ дождаться. Одною изъ главныхъ причинъ быстраго отступленія Геймана отъ Зевина и Саганлуга было полученное имъ извѣстіе что штурмъ Карса не состоялся.

Русскія войска отступили въ ожиданіи подкрѣпленій, и съ ихъ прибытіемъ вернулись къ прежнему плану: отрѣзать Мухтара отъ Карса и взять эту крѣпость силой. Дѣйствительность превзошла ожиданія; армія Мухтара была почти уничтожена, и вотъ палъ Карсъ.

Англичане не ошибаются считая паденіе Карса важнѣйшимъ успѣхомъ одержаннымъ нами въ эту кампанію. „Въ концѣ 1854 года,“ разсказываетъ Муравьевъ, „рус„ское общее мнѣніе направляло войска „Кавказскаго корпуса чрезъ всю Малую „Азію къ Босфору въ надеждѣ симъ от„важнымъ движеніемъ, угрожающимъ Ца„рюграду, отвлечь непріятельскія силы отъ „береговъ Чернаго Моря (изъ Крыма). Но „исполненію сей мѣры, занимавшей съ пер„вой поры и генерала Муравьева, должно „было предшествовать обезпеченіе Кавка„за отъ вторженія внѣшняго непріятеля „и Горцевъ, занятіе Карса и уничтоже„ніе турецкой арміи, которая засѣвъ въ „крѣпости угрожала нашимъ границамъ и „обороняла доступы къ Эрзеруму.“

Итакъ, всѣ цѣли, кои поставилъ себѣ Муравьевъ въ 1855 году, уже достигнуты теперь; сдѣлано даже болѣе. Намъ уже нечего опасаться за Кавказъ. Турецкая армія въ Малой Азіи уничтожена, главный складъ ея, Карсъ, въ нашихъ рукахъ,—русскія войска уже подъ Эрзерумомъ послѣ славной побѣды на Деве-Бойну. Эрзерумъ значительно укрѣпленъ со времени 1829 (когда его взялъ Паскевичъ) и еще болѣе послѣ 1855, но онъ все-таки гораздо слабѣе Карса; многія укрѣпленія его еще не достроены. За Эрзерумомъ же, по выраженію Муравьева, нѣтъ препятствій къ дальнѣйшему походу, хотя бы до Босфора, кромѣ разстоянія.

№ 278.

Москва, 8-го ноября.

Сейчасъ полученная депеша отъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа сообщаетъ нѣкоторыя, хотя все еще весьма скудныя подробности взятія Карса. Планъ штурма, въ сущности, былъ тотъ же самый который былъ уже разъ успѣшно исполненъ подъ руководствомъ князя Паскевича въ 1828 году. Хотя въ то время не было отдѣльныхъ фортовъ облегающихъ нынѣ Карсъ, но атака точно также была ведена съ юго-востока, противъ предмѣстій Орта-Капи и Байрамъ-паша, лежащихъ за нынѣшними юго-восточными укрѣпленіями Карса, Хафизомъ и Канлы, построен-

ными въ послѣдствіи по указаніямъ англійскаго генерала Вильямса. Точно также и тогда, возвышенность Карадага была брошена непріятелемъ какъ только были взяты Русскими юго-восточныя предмѣстья.

Такое громадное дѣло какъ взятіе штурмомъ цѣлаго укрѣпленнаго лагеря окружавшаго важнѣйшую въ Азіятской Турціи крѣпость цѣлымъ рядомъ сильныхъ отдѣльныхъ фортовъ, распланированныхъ и вооруженныхъ англійскими инженерами, было совершено съ сравнительно небольшою потерей до 2.500 человѣкъ убитыми и ранеными. Почтимъ память павшихъ героевъ; но утѣшимся мыслью что жертва принесена не напрасно.

Эта побѣда должна нанести окончательный ударъ лжи которая такъ обильно плодилась въ недавнее время. Не смѣшно ли теперь припомнить недавнее восторженное удивленіе англійскаго премьера предъ силой и жизненностью обнаруженною Турціей? Лордъ Биконсфильдъ находитъ что „жребій войны мѣняется съ каждымъ мѣсяцемъ,“ и вотъ объ этомъ „жребіи войны“ пошли толковать туркофильскіе органы. Но никакой перемѣны „жребія“ войны не было. И въ Болгаріи Турки ничѣмъ не могутъ похвалиться, кромѣ упорнаго сопротивленія Плевны. Въ Азіи же на долю Турокъ ни разу не доставалось даже такого пассивнаго успѣха. Тамъ войска наши ни разу ни при атакѣ, ни при оборонѣ не терпѣли неудачи или пораженія. Даже самое кровопролитное и тяжкое по потерямъ дѣло при Зивинѣ отнюдь не было пораженіемъ, такъ какъ войска наши удержали занятыя ими позиціи, и оставили ихъ послѣ потому что не было надобности удерживаться на нихъ при данныхъ условіяхъ. А условія эти попросту заключались въ томъ, что мы начали войну какъ въ Европейской, такъ и въ Азіятской Турціи съ крайне недостаточными силами для исполненія предпринятаго плана. Такимъ образомъ весь „жребій“ войны сводится единственно къ тому что въ достиженіи предположенныхъ результатовъ встрѣтилась задержка, и черезъ шесть мѣсяцевъ достигнуть то, чего можно было достигнуть въ три мѣсяца, но въ этомъ мы не вправѣ винить Кавказскія войска. Все исполненное ими теперь могло бы быть сдѣлано въ іюлѣ, еслибъ они тогда же получили тѣ подкрѣпленія которыя въ послѣдствіи къ нимъ прибыли. И подкрѣпленій то требовалось вовсе не что-либо необычайное: всего трехъ дополнительныхъ дивизій было достаточно для успѣха плана кампаніи. Но слѣдуетъ воздать честь командиру дѣйствующаго корпуса что въ ожиданіи этихъ трехъ дивизій войска наши мастерски исполнили задачу которая сама собою представилась при обнаружившемся недостаткѣ силъ. Болѣе всего требовалось выждать время до прибытія этихъ давно желанныхъ подкрѣпленій. И это было исполнено. Главная пока забота состояла въ томъ чтобъ избѣгать и уклоняться отъ большихъ сраженій, такъ какъ при тогдашней численности войскъ мы не могли бы должнымъ образомъ воспользоваться результатами побѣдъ. Нужно было заботиться о томъ чтобы сдерживать непріятеля до прибытія къ намъ подкрѣпленій. Начатая было еще лѣтомъ, но оказавшаяся безполезною при малочисленности войскъ, осада Карса была снята вовремя; выдвинутыя на встрѣчу Мухтара войска послѣ Зивина отошли въ полномъ порядкѣ и заняли у границы позицію, которая только завлекла турецкаго военачальника обманчивыми мечтами и не допустила его запереться въ Карсѣ или заняться обезпеченіемъ этого ключа всей Арменіи; блистательное же отступленіе отряда Тергукасова было рядомъ побѣдъ надъ непріятелемъ: наши войска останавливались чтобы дать отпоръ и нанести пораженіе насѣдавшему непріятелю, и генералъ Тергукасовъ не только привелъ свой отрядъ въ цѣлости съ незначительными потерями, но прикрывалъ уходъ массы христіанскихъ жителей, бѣжавшихъ отъ звѣрскаго мщенія Турокъ, и высвободилъ геройски отбивавшійся гарнизонъ Баязида.

А какъ только прибыли подкрѣпленія, дѣла пошли быстро, и то что было задумано еще лѣтомъ стало тотчасъ же совершившимся фактомъ. Обозрѣвая событія послѣдняго мѣсяца и сравнивая ихъ съ началомъ кампаніи, мы убѣждены, что теперь былъ приведенъ въ исполненіе тотъ же самый планъ который уже имѣлся въ виду, и совершенно напрасны толки будто кто-то пріѣзжалъ на театръ войны и подсказалъ Главнокомандующему планъ дѣйствій... Нужны были только тѣ три дивизіи которыхъ Кавказской арміи не доставало при началѣ.

Не ясно ли что британскій министръ слишкомъ поторопился, восхваляя жизнен-

ность обнаруженную Турціей. За то кстати припомнить теперь слова лорда Дарби, который мѣсяца за два предъ симъ похристіански заботился о томъ какъ бы помочь „ближнему выбраться изъ ямы“, разумѣя подъ ближнимъ конечно Россію которая, какъ онъ изображалъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ воображалъ, попала въ яму откуда ей трудно выйти безъ позора. Но едвали и въ Англіи думали дѣйствительно такъ, и тревога туркофильскихъ газетъ по поводу взятія Карса показываетъ что они, обманывая публику, не слишкомъ-то сами вѣрили въ измѣнчивость „жребія“ войны съ каждымъ мѣсяцемъ. Жребій войны все время былъ и теперь остается въ нашихъ рукахъ, и никакіе возгласы лорда Биконсфильда и туркофильскихъ органовъ не въ силахъ измѣнить ходъ событій..

№ 279.

Москва, 9-го ноября.

Послѣднія телеграммы вновь напомнили о вѣрномъ союзникѣ нашемъ въ борьбѣ съ Турціей, о маленькой геройской Черногоріи. Остановленные дипломатіей на сѣверѣ, Черногорцы обратили свое оружіе на югъ, и тамъ дѣйствуютъ съ такою же энергіей и успѣхомъ. Въ стратегическомъ отношеніи планъ ихъ былъ задуманъ и исполненъ съ большимъ искусствомъ. Едва успѣли мы прочесть что князь Николай выѣхалъ изъ Цетинья и что тамъ никому неизвѣстны его планы, какъ телеграфъ уже извѣстилъ насъ что онъ быстрымъ маневромъ, вмѣсто Подгорицы подступилъ со всѣми силами къ Антивари. А сегодня мы узнаемъ что не только этотъ портъ, а также и Спицца, съ господствующимъ надъ нею укрѣпленіемъ, достались Черногорцамъ. Самъ князь находится въ Антивари, коего цитадель, еще остающаяся въ рукахъ Турокъ, конечно не въ состояніи будетъ долго противиться. Черногорцамъ, однако, и на югѣ нѣтъ покоя отъ давящей ихъ дипломатической опеки, и, если вѣрить вѣнской *Tagblatt*, то Австрія будто бы заявила имъ что вопросъ о портахъ не можетъ быть рѣшенъ оружіемъ, такъ какъ онъ „затрогиваетъ интересы державъ.“ Не странность ли эта притворная тревога австрійской дипломатіи послѣ того какъ она сама передвинула сюда дѣйствія Черногорцевъ съ сѣвера, наложивъ на нихъ свое *veto* въ Герцеговинѣ? Какіе интересы могли бы подвергнуться опасности (!) или потерпѣть ущербъ еслибы бѣдная, маленькая Черногорія получила выходъ въ море для торговли? Увы! этимъ предлогомъ опасеній со стороны первоклассной державы предъ крошечнымъ княжествомъ, отовсюду замкнутымъ, слишкомъ прозрачно прикрывается политика всячески душить стремленія геройскаго народа, кровавою цѣной и изумительными подвигами покупающаго право на существованіе.

Самомнѣніе нашихъ добрыхъ друзей, Англійскихъ торіевъ, однако, еще интереснѣе. Они воображаютъ что имъ стóитъ только захотѣть, то и Россія очутится въ положеніи Черногоріи. Торійскій органъ *Standard*, какъ извѣщаетъ телеграфъ, побуждаетъ свое правительство, въ виду паденія Карса, принять мѣры „къ поддержанію того положенія которое обозначено въ майской депешѣ Дарби.“ *Risum teneatis amici!* Принять мѣры! Да англійское правительство давно уже приняло всѣ мѣры какія ему были подручны чтобы ослабить и парализовать дѣйствія Россіи. Достигнуть цѣли конечно эти „мѣры“ Англіи не могли, и если наши военныя дѣйствія замедлялись, то это произошло лишь отъ случайныхъ ошибокъ съ нашей стороны. Кромѣ уже принятыхъ Англіей мѣръ, другихъ она принять не могла. Затѣмъ только и осталось что лорду Дарби писать депеши, а лорду Биконсфильду произносить рѣчи.

Наши англійскіе друзья разчитываютъ добиться угрозами того чего не удалось имъ достигнуть инсинуаціями главной роли въ обсужденіи мирныхъ условій когда настанетъ къ тому время. Стóитъ обратить вниманіе на таинственные и до сихъ поръ не разъясненные слухи объ обращеніи Порты съ просьбой о посредничествѣ къ германскому послу, который будто бы посовѣтовалъ ей прямо обратиться къ Россіи. До сихъ поръ не удостовѣрено имѣлъ ли поводъ принцъ Рейссъ къ такому отвѣту. Въ константантинопольскихъ корреспонденціяхъ англійскихъ газетъ глухо говорилось что если офиціальнаго запроса Порты не было, то вообще возможно де было что у германскаго посла, какъ и у другихъ, Турки развѣдывали стороной о взглядахъ его правительства. Отсюда можно заключить что

Англія, предвидя неуспѣхъ своего прямаго посредничества, совѣтовала Портѣ искать такого чрезъ Германію, такъ какъ Англіи нужно только подъ какимъ-либо предлогомъ возобновленіе дипломатической игры. Подобнымъ надеждамъ, если онѣ были, должна нанести суровый ударъ статья берлинской официозной *Сѣверо-Германской Газеты*, передаваемая ниже вътелеграммѣ.

Не можемъ также не обратить вниманія на другую статью той же берлинской газеты, переданную намъ вчера телеграфомъ и полемизирующую противъ одной статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* о значеніи Франціи для Россіи. Такая чувствительность со стороны берлинскаго органа показываетъ какое значеніе онъ приписываетъ сохраненію нынѣшнихъ отношеній между Германіей и Россіей. Отношенія эти основаны на весьма *реальныхъ* общихъ интересахъ, опредѣлившихъ нынѣшнее политическое положеніе Европы. Въ настоящей тяжелой борьбѣ Россіи, Германія твердо стоитъ на нашей сторонѣ своими сочувствіями и политикой. Большей услуги мы не желаемъ отъ Германіи. Не помощи же войсками намъ ждать отъ нея: это было бы унизительно для самой Россіи. Но мы не можемъ считать „идеальными“ узы соединяющія насъ съ Германіей и обезпечивающія насъ отъ враждебной коалиціи, а эта услуга столько же въ интересѣ Германіи какъ и Россіи, и въ этомъ залогъ прочности ихъ отношеній.

До какой степени взятіе Карса приступомъ было подвигомъ необычайнымъ, доказывается, между прочимъ, разсужденіями военныхъ спеціалистовъ о положеніи дѣлъ на азіатскомъ театрѣ войны, писанными до полученія извѣстія о паденіи Карса. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ военный „глоссаторъ“ берлинской *Національной Газеты*, отличающійся большою основательностью своихъ сужденій и подъ часъ большимъ знакомствомъ съ топографіей.

Указавъ на громадное значеніе обѣихъ побѣдъ при Авліярѣ и на Деве-Бойну нѣмецкій стратегъ ставитъ вопросъ, какія еще цѣли можетъ себѣ поставить въ настоящую кампанію русская армія въ Анатоліи? Онъ находитъ что ближайшею цѣлью должно быть овладѣніе Эрзерумомъ. Овладѣніе этою крѣпостью онъ считаетъ возможнымъ, вопервыхъ, по неудовлетворительности и неоконченности ея укрѣпленій, а вовторыхъ, потому что тамошнее населеніе очень велико и что оно теперь уже возстаетъ противъ мысли объ упорной защитѣ города противъ русской блокады или русскаго штурма. Но дабы ускорить паденіе Эрзерума слѣдуетъ де все-таки позаботиться о томъ чтобы преградить путь тѣмъ подкрѣпленіямъ которыя спѣшатъ на выручку Мухтаръ-паши изъ Трапезунта. По извѣстіямъ изъ Константинополя, туда направлены всѣ резервы какія только могли быть отпущены изъ столицы; резервы эти прибыли въ Трапезунтъ 25 октября (н. ст.); имъ необходимы двѣ недѣли чтобы достигнуть Эрзерума; и вотъ цитуемый спеціалистъ полагаетъ что удержать эти подкрѣпленія на пути можетъ только колонна выступившая изъ Ардагана 18 октября, которой тоже необходимы двѣ недѣли чтобы достигнуть Трапезунто-Эрзерумской дороги, но она де единственный *свободный* русскій отрядъ. Этотъ отрядъ можетъ пересѣчь указанную дорогу направившись къ оной черезъ Ольту, Идъ и Ханджикъ, и запереть оную близъ моста черезъ Оваджикъ занявъ дефилеи Джеджендага и Мегъ-Манзура. Затѣмъ, когда Мухтаръ-паша вынужденъ будетъ очистить Эрзерумъ, ближайшая задача будетъ де заключаться въ томъ чтобъ отрѣзать ему путь отступленія. Этихъ путей три, и всѣ они имѣютъ западное направленіе: въ 13 километрахъ отъ Эрзерума находится важный стратегическій пунктъ Илиджи лежащій еще на лѣвомъ берегу Евфрата; здѣсь главная дорога изъ Эрзерума развѣтвляется: одна вѣтвь направляется къ юго-западу на Эрзингіанъ, а другая на западъ и перейдя на правый берегъ Евфрата здѣсь въ свою очередь раздвояется: одна дорога идетъ на Келкидъ-Чифтликъ, а другая къ сѣверо-западу на Байбуртъ въ Трапезунтъ. Вотъ почему нѣмецкій стратегъ полагаетъ что русскимъ войскамъ слѣдуетъ во что бы то ни стало завладѣть узломъ дорогъ у Илиджи, гдѣ Мухтаръ-пашѣ былъ бы отрѣзанъ путь къ отступленію по выходѣ изъ Эрзерума.

Затѣмъ нашъ стратегъ ставитъ вопросъ: что еще можетъ предпринять русская армія въ настоящую кампанію послѣ паденія Эрзерума? Онъ повидимому считаетъ невозможнымъ чтобы Карсъ могъ сдаться, а еще менѣе чтобъ онъ былъ взятъ приступомъ еще до паденія Эрзерума. И вотъ

онъ говоритъ что всякія дальнѣйшія операціи за Эрзерумомъ еще въ эту зиму были бы ошибкой, *въ виду того, что значительныя русскія силы связаны подъ Карсомъ.* Движеніе за Эрзерумъ къ западу кажется ему потому рискованнымъ что Карсъ служилъ бы угрозой линіи русскихъ сообщеній. Собственно по этой причинѣ нѣмецкій стратегъ не считаетъ возможнымъ движенія изъ Эрзерума на Трапезунтъ съ цѣлью отрѣзать Туркамъ всякую возможность получать подкрѣпленія изъ Европы, а ставитъ единственною задачей на зиму, послѣ занятія Эрзерума и Илиджи, *блокаду* Карса и Батума съ *тѣмъ чтобъ овладѣть ими при первой возможности.*

Мы дописывали эти строки какъ пришелъ нумеръ берлинской *Національной Газеты,* отъ 17 ноября, въ которомъ помѣщено письмо спеціальнаго корреспондента этой газеты изъ Константинополя, отъ 7 ноября. Въ корреспонденціи сообщаются, между прочимъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ азіятскомъ театрѣ войны, коими дополняются и разъясняются вышеприведенныя соображенія военнаго глоссатора этой газеты. Еще 9 октября, сообщаетъ корреспондентъ, бывшій начальникъ штаба Мехмедъ-Али-паши, Рифаатъ-паша, получилъ приказаніе немедленно отправиться въ главную квартиру Мухтара. Въ послѣдствіи стало извѣстно что ему поручено было принять подъ свою команду войска сосредоточенныя въ Трапезунтѣ до 15.000 человѣкъ, и съ ними идти на соединеніе съ Мухтаромъ. Но по прибытіи въ Трапезунтъ Рифаатъ нашелъ тамъ лишь пять баталіоновъ готовыхъ къ походу и не дожидаясь остальныхъ пустился съ ними въ путь на Эрзерумъ. Но по ту сторону Байбурта Рифаатъ-паша нашелъ дорогу прегражденною уже подоспѣвшими туда русскими войсками; здѣсь произошла стычка продолжавшаяся пять часовъ, въ которой былъ тяжело раненъ Мустафа-паша. Вслѣдствіе этого, турецкіе баталіоны отошли назадъ въ Байбуртъ и, по словамъ корреспондента, они или совсѣмъ тамъ останутся чтобы защищать дорогу на Трапезунтъ, или же выждутъ подкрѣпленій чтобы все-таки попытаться пробиться къ Эрзеруму.

Таковы сообщенія идущія изъ турецкаго лагеря. Мы не знаемъ о какой стычкѣ нашихъ войскъ, по ту сторону Байбурта, говоритъ корреспондентъ. Но во всякомъ случаѣ видимо то что на дорогу изъ Трапезунта въ Эрзерумъ,—главный путь сообщеній для турецкой арміи—уже обращено съ нашей стороны должное вниманіе. Не мѣшаетъ также принять къ свѣдѣнію указанія на ту позицію которую заняли Турки у Байбурта прикрывающаго подступы къ Трапезунту.

№ 280.

Москва, 10-го ноября.

Порта тревожно озабочена положеніемъ Османъ-паши въ Плевнѣ, и это безпокойство конечно должно было усилиться послѣ паденія Карса. Неизбѣжное въ болѣе или менѣе скоромъ времени паденіе Плевны будетъ для Порты еще болѣе сильнымъ ударомъ, потому что оно будетъ равносильно на европейскомъ театрѣ войны паденію Карса и разсѣянію арміи Мухтара на азіятскомъ театрѣ взятымъ вмѣстѣ. Плевна сама по себѣ имѣетъ теперь важность для Порты только какъ весьма сильная укрѣпленная позиція, которая даетъ возможность держаться лучшей турецкой арміи. Но эта армія въ то же время прикована къ своей позиціи, и потому гибель ея неизбѣжна, и отсрочка сводится только къ вопросу о продовольствіи какое при ней имѣется если не будутъ приняты мѣры чтобъ ее высвободить. Собственными силами пробиться Осману едва ли можно и думать послѣ того какъ линія обложенія его крѣпко-на-крѣпко замкнута со всѣхъ сторонъ. Въ Константинополѣ прямыхъ свѣдѣній отъ Османа въ послѣднее время вовсе не получается. Пробиваясь Османъ все равно столь же неизбѣжно рискуетъ потерять свою армію какъ еслибъ онъ недостаткомъ провіанта вынужденъ былъ къ сдачѣ.

Отказавшись отъ штурма почти неприступныхъ позицій защищаемыхъ цѣлою арміей, мы повели правильную блокаду Плевны, въ связи съ сосредоточеннымъ огнемъ осадныхъ орудій. Теперь, благодаря войскамъ гвардейскаго корпуса, Плевна дѣйствительно окружена со всѣхъ сторонъ. Съ паденіемъ Горняго и Дольняго Дубниковъ и Телиша, наиболѣе укрѣпленныхъ пунктовъ по Софійскому шоссе, со-

общеніе Османа со вспомогательною арміей прервано.

Съ одной стороны, истощаются средства обороны, съ другой усиливаются профили русскихъ укрѣпленій и все тѣснѣе сдавливаются Плевненскія позиціи. Въ этомъ отношеніи, особенно важно занятіе „Зеленыхъ Высотъ“ генераломъ Скобелевымъ 2-мъ. Эти высоты господствуютъ надъ всѣми южными позиціями, а потому понятны усильныя, но напрасныя попытки Турокъ три раза подрядъ, 28, 29 и въ ночь на 30 октября отбить обратно эти гребни.

Сегодня пришло еще хорошее извѣстіе: румынскія войска овладѣли Раховомъ, небольшою крѣпостцей, но довольно значительнымъ городомъ на Дунаѣ, находящимся нѣсколько верстъ восточнѣе отъ впаденія въ него рѣки Скита чрезъ Рахово проходитъ удобная дорога изъ Плевны въ Виддинъ, по которой въ прошломъ іюнѣ двигалась часть арміи Османъ-паши спѣшившая на выручку Никополя, но опоздавшая и попавшая въ Плевну. Съ занятіемъ Рахова отрѣзывается послѣдній изъ путей отступленія Плевненской арміи. Лучшій изъ этихъ путей—Софійское шоссе загорожено гвардіей у Телиша и обоихъ Дубниковъ; средній путь идущій на Врацу прегражденъ занятіемъ этого города; послѣдній сѣверный путь къ Дунаю на Рахово также занятъ теперь. Правда, между Раховомъ и Врацой есть много проселковъ ведущихъ къ западу отъ Плевны, но Враца и Рахово соединены большою хорошею дорогой, и наши войска всегда могутъ загородить эти проселки.

Занятіе Телиша, Врацы и Рахова не только отрѣзываетъ Османъ-пашѣ всѣ пути отступленія, но и пресѣкаетъ возможность прибытія въ Плевну подкрѣпленій и продовольствія. Наша позиція на Софійскомъ шоссе, у Телиша и Дубниковъ, надо полагать, настолько сильна что можетъ дать отпоръ войскамъ какъ идущимъ изъ Плевны, такъ и идущимъ къ ней Враца и Рахово въ такомъ разстояніи отъ Плевны что въ случаѣ приближенія подкрѣпленій по проходящимъ къ нимъ дорогамъ союзныя русскія и румынскія войска всегда успѣютъ стянуть противъ нихъ достаточныя силы. Съ другой стороны, еслибъ Османъ рѣшился пробиваться къ сѣверо-западу, то послѣ разрыва кольца окружающаго Плевну, войскамъ его пришлось бы имѣть дѣло еще съ отрядами на линіи Враца-Рахово.

Говорятъ что Осману приказано изъ Константинополя держаться до послѣдней возможности. Тамъ повидимому надѣются одновременными дѣйствіями другихъ турецкихъ армій отвлечь по возможности наши силы отъ Плевны. Вотъ почему нельзя не обратить особаго вниманія на цѣлый рядъ послѣдовательныхъ авангардныхъ дѣлъ предпринятыхъ въ послѣднее время арміей Сулеймана противъ Рущукскаго отряда. Послѣ двухъ рекогносцировокъ 28 октября предпринятыхъ со стороны праваго фланга этого отряда въ окрестностяхъ Попкіоя, 5 ноября, какъ видно изъ телеграммы Главнокомандующаго, кромѣ движенія 8-ми таборовъ къ Царевицѣ, со стороны Турокъ были одновременно двинуты по три табора отъ Басарбова на Пиргосъ и отъ Иванъ-Чифтлика на Кашево. Турки отражены были на всѣхъ пунктахъ; но изъ телеграммы Главнокомандующаго отъ 8 ноября видно что Турки не оставили своего намѣренія добиться успѣха на лѣвомъ флангѣ Рущукскаго отряда, такъ какъ на этотъ разъ рекогносцировка предпринята была съ болѣе значительными силами, а именно 7 ноября въ 9 часовъ утра уже 16 турецкихъ таборовъ отъ Рущука, Басарбова и Иванъ-Чифтлика атаковали наши авангардныя позиціи, причемъ даже завладѣли временно Пиргосомъ, который и сожгли, но были опрокинуты за Ломъ натискомъ всей 1-й бригады 12-й дивизіи. Усиленныя рекогносцировки производимыя войсками Сулейманъ-паши даютъ поводъ думать что за ними скрывается серіозное намѣреніе сдѣлать съ своей стороны все возможное для выручки Плевненскаго гарнизона; такимъ образомъ на долю Рущукскаго отряда и Его Августѣйшаго Командира вторично выпадаетъ не легкая задача обороны 60-ти-верстнаго протяженія. Надо полагать что на этотъ разъ силы находящіяся подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича болѣе соразмѣрны съ силами непріятеля чѣмъ въ августѣ и сентябрѣ, и что если въ настоящую минуту не требуется на Дунайскій театръ войны новыхъ подкрѣпленій изъ числа сформированныхъ 12-ти резервныхъ дивизій, то только потому что на всѣхъ пунктахъ мы обладаемъ вполнѣ достаточными силами не только для пассивнаго отпора, но и для необходимаго наступленія.

№ 281.

Москва, 11-го ноября.

Торійскій органъ *Standard*, какъ видно изъ вчерашней телеграммы, рѣшительно не даетъ покоя своему правительству, еще настойчивѣе чѣмъ прежде побуждая его пригрозить Россіи уже не одними словами, а какимъ-то способомъ „не допускающимъ недоразумѣній," дабы она не смѣла двигаться „далѣе извѣстныхъ предѣловъ." Донкихотство торійской печати, право, должно ставить кабинетъ Биконсфильда, который самъ раззадорилъ этотъ напускной шовинизмъ, въ пренеловкое положеніе. Какъ ему быть чтобъ удовлетворить своихъ приверженцевъ? Съ одной стороны, крикуны требуютъ чтобъ Англія выступила „открытымъ и рѣшительнымъ противникомъ" Россіи на Востокѣ. А на дняхъ другой торійскій органъ обращалъ серіозное вниманіе правительства въ другую сторону, на Бельгію, откуда также можетъ де встрѣтиться опасность. Вѣдь и тамъ есть „англійскіе интересы." Да и гдѣ ихъ нѣтъ? *Pall Mall Gazette* прозрѣла, наконецъ, что Восточный вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ Западнымъ, имѣющимъ де жизненный интересъ для Англіи. Какимъ же образомъ? Послѣ Франко-Германской войны, всегда дальновидная и предусмотрительная политика князя Бисмарка старалась де „обработать" Бельгію, ибо, послѣ потери Меца и Страсбурга, для Франціи, при новомъ столкновеніи съ Германіей, не представляется де другаго, болѣе удобнаго пункта для вторженія въ Германію какъ черезъ Бельгію. Эту опасность Германія и желаетъ де предупредить, понуждая Бельгію, убѣжденіями или угрозами, приступить къ военной системѣ Германіи и такимъ образомъ стать авангардомъ Германской имперіи, взамѣнъ чего ей самой даруется весьма существенная гарантія ея полной независимости во всемъ что̀ касается ея собственнаго управленія. Такимъ образомъ, Бельгіи изъ нейтральнаго государства суждено де превратиться въ спутника великой военной державы, и успѣхъ этихъ домогательствъ почти несомнѣненъ, такъ какъ никто иной не можетъ доставить Бельгіи столь дѣйствительнаго покровительства, а отказъ отъ него грозилъ бы ей раздѣломъ или поглощеніемъ. По увѣренію торійской газеты, домогательства уже сдѣлали значительный путь къ успѣху, и хотя встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе „въ высокихъ сферахъ," однако они допускаются де въ сферахъ „еще высшихъ."

Что нѣчто подобное не считается невѣроятнымъ въ Англіи, доказывается тѣмъ что того же вопроса касается также оппозиціонный органъ, *Spectator*, только съ иной точки зрѣнія, замѣчая что „бываютъ несчастія въ политическомъ, какъ и въ естественномъ, мірѣ противъ коихъ нѣтъ средства, и если Бельгія, по свободному выбору, пожелаетъ стать частью Германіи, то Англіи останется только смотрѣть и дивиться; мы не имѣемъ никакого нравственнаго права что-нибудь сдѣлать противъ этого и по неволѣ должны будемъ сидѣть спокойно." Подобный аргументъ, конечно, приводитъ въ величайшее негодованіе торійскую газету, которая не находитъ никакой разницы для англійскихъ интересовъ въ томъ послѣдуетъ ли перемѣна въ положеніи Бельгіи путемъ уговора или принужденія.

Но блюстительницѣ „англійскихъ интересовъ" всюду мерещатся страхи. Въ другой статьѣ, обозрѣвая путаницу французскихъ внутреннихъ дѣлъ, *Pall Mall Gazette* не на шутку боится что Германія втянетъ и Францію въ сѣть своей обширной политики, если во Франціи одержатъ верхъ республиканцы, которые весьма не прочь возстановить искренно добрыя отношенія къ Германіи. Конечно, послѣдняя за это не уступитъ отнятыхъ провинцій, но территоріальное вознагражденіе можетъ де быть найдено въ другихъ мѣстахъ, а потому для Англіи и есть де поводъ къ безпокойству не только насчетъ территоріальнаго распредѣленія въ Европѣ, а также въ придачу еще въ Азіи и Египтѣ.

При этомъ торійская газета пускается, для вящшаго убѣжденія въ основательности своего взгляда, въ откровенности. Она говоритъ что и Англія прежде будто бы получила приглашеніе вступить въ сдѣлку „къ ея собственной выгодѣ," но отклонила его, „повидимому разчитывая на возможность образовать союзъ съ Австріей и Франціей чтобы не допустить никакихъ перемѣнъ въ Европѣ." А именно по этому Германія, которая была бы „парализована такимъ союзомъ" и которая видитъ въ немъ опасность для своей плохо сплоченной имперіи, смѣло обращается къ самой Франціи, видя въ ней сильную пар-

тію которая полагаетъ лучшимъ средствомъ возвратить своей странѣ ея прежнее значеніе въ Европѣ посредствомъ немедленнаго соглашенія съ самою Германіей.

Это очень любопытно. Но что бы это было за предложеніе Германіи которое Англія отклонила? Судя по темнымъ намекамъ торійской газеты, можно предположить только что со стороны Германіи было сдѣлано указаніе на Египетъ въ успокоеніе антагонизма Англіи относительно Россіи. Такъ какъ Англія болѣе всего озабочена обезпеченіемъ своихъ сношеній съ Индіей, то въ Берлинѣ могли заключить что, ставъ твердою ногой въ Египтѣ, Англія не имѣла бы болѣе повода тревожиться за Турцію. Мы не знаемъ было ли что-либо въ самомъ дѣлѣ въ родѣ такихъ намековъ, но допустивъ возможность этого, интересно догадаться почему бы Англія нашла нужнымъ „отклонить“ приглашеніе, если вѣрить *Пель-Мельской Газетѣ*. Самымъ простымъ объясненіемъ было бы то что Англія, наложивъ и безъ того уже свою руку на Египетъ и распоряжаясь въ немъ какъ въ своей колоніи, не удовольствовалась предоставляемою ей долей и домогалась бо́льшаго. Но есть, полагаемъ, и другая причина. Дѣло въ томъ что мудрая политика нынѣшняго Англійскаго кабинета сумѣла и въ Египтѣ связать такъ неразрывно англійскіе интересы съ турецкими что отдѣленіемъ ихъ теперь можетъ быть опасалась повредить своему вліянію и въ Египтѣ. На эту мысль наводятъ весьма любопытныя сообщенія случайнаго корреспондента *Times* изъ Александріи.

Корреспондентъ разказываетъ о впечатлѣніи какое производятъ въ Египтѣ извѣстія съ театра войны и объ интересѣ какой они возбуждаютъ. Что касается многочисленныхъ иностранцевъ живущихъ въ Египтѣ, то они относятся къ войнѣ весьма различно: Греки всѣ очень желаютъ успѣха Россіи, а также Сирійцы. О другихъ иностранцахъ корреспондентъ не отзывается съ такою опредѣлительностью, но говоритъ что всѣ Англо-Египтяне рѣшительно гнутъ въ пользу Турціи, а потому пользуются благорасположеніемъ официальныхъ сферъ. Что касается туземцевъ, то низшіе классы, Арабы-магометане, по религіознымъ побужденіямъ, естественно желаютъ Туркамъ успѣха; но въ нихъ вовсе де не замѣтно патріотизма даже египетскаго, а еще менѣе турецкаго, и вообще они апатичны и заботятся единственно о своемъ скудномъ достаткѣ.

За то дворъ и высшіе чиновники всѣ чрезвычайно интересуются войной, такъ какъ почти всѣ они Турки. Не то было, говоритъ корреспондентъ, года два тому назадъ, когда первымъ министромъ Египта былъ Нубаръ-паша, Армянинъ родомъ, но всею душой преданный интересамъ Египта. Теперь же всѣ министры Турки, и самъ вице-король также расположенъ въ пользу Турціи. Отъ этого и происходитъ что въ началѣ еще Сербской войны болѣе 20.000 египетскихъ войскъ, отлично вооруженныхъ, были отправлены въ Турцію, между тѣмъ какъ въ Египтѣ большія поля хлопка остаются не убранными по недостатку рабочихъ рукъ, а въ будущемъ году это отсутствіе рабочихъ рукъ еще болѣе дастъ себя чувствовать при ожидаемомъ неурожаѣ вслѣдствіе мелководія Нила.

Итакъ, интересы Египта приносятъ въ жертву туркофильской политикѣ, которая поощряется Англіей. А потому пораженіе Турціи можетъ вызвать въ Египтѣ реакцію въ ущербъ англійскому вліянію, чѣмъ въ свою очередь могутъ воспользоваться Франція и Италія...

Но кто же будетъ виноватъ въ этомъ какъ не близорукая политика лорда Беконсфильда которая сумѣла такъ тѣсно связать интересы Англіи съ режимомъ баши-бузуковъ и Черкесовъ? Поздно теперь взывать торійскимъ органамъ къ своему правительству о защитѣ „англійскихъ интересовъ“ когда они будутъ затронуты. *Standard* и ему подобные органы, въ слѣпотѣ своей, не видятъ и не замѣчаютъ что эти англо-турецкіе интересы уже потерпѣли пораженіе съ той самой минуты какъ русскія войска перешли границу. Англія сама протрубила на весь Востокъ, всему мусульманскому міру, всѣмъ своимъ мусульманамъ въ Индіи, что ея процвѣтаніе, ея могущество, ея *prestige*, связаны съ Турціей, и теперь весь Востокъ и вся Индія въ каждомъ пораженіи Турціи чуютъ и видятъ пораженіе Англіи и ослабленіе ея могущества...

№ 282.

Москва, 12-го ноября.

Газеты переполнены толками о неудачѣ постигшей на дняхъ подписку на русскій внѣшній заемъ. Для враговъ Россіи эта неудача сущій праздникъ. Приведенная въ отчаяніе разгромомъ турецкихъ войскъ въ Малой Азіи и безвыходнымъ положеніемъ другой турецкой арміи на европейскомъ театрѣ войны, туркофильская печать готова утѣшиться неудачей понесенною Россіей на финансовомъ поприщѣ и спѣшитъ придать этой неудачѣ размѣры полнаго пораженія. Нашимъ недоброжелателямъ улыбается мысль, что недостатокъ финансовыхъ средствъ не позволитъ Россіи воспользоваться ея побѣдами и принудитъ ее поторопиться заключеніемъ мира на условіяхъ не соотвѣтствующихъ тѣмъ жертвамъ которыя уже принесены ею на предпринятое дѣло... Нужды нѣтъ что неудача нашего внѣшняго займа не представляетъ ни малѣйшихъ основаній для подобныхъ выводовъ. Органы Биконсфильда и Мидхата, конечно, и сами не вѣрятъ въ это; но отчего не говорить чему не вѣришь, въ разчетѣ убѣдить русскую публику, а буде возможно то и правительство русское,—что неудачей нашего займа доказана финансовая несостоятельность Россіи, которой поэтому не остается же другаго выхода какъ заключеніе мира во что́ бы то ни стало?

Никакихъ офиціальныхъ извѣстій о неудачѣ нашего внѣшняго займа до сихъ поръ нѣтъ, какъ нѣтъ полныхъ и положительныхъ свѣдѣній ни объ условіяхъ на которыхъ заключенъ заемъ, ни о тѣхъ обстоятельствахъ которыми сопровождалась не удавшаяся подписка,—и отсутствіе вѣрныхъ по этому предмету свѣдѣній, само собою разумѣется, даетъ полный просторъ всякимъ злорадным сужденіямъ и предположеніямъ о финансовыхъ средствахъ Россіи и ея кредитѣ. За неимѣніемъ вѣрныхъ свѣдѣній, и намъ приходится пока довольствоваться слухами. Слухи эти весьма разнорѣчивы. Между тѣмъ какъ въ германскихъ газетахъ чуть не въ одинъ голосъ говорятъ что подписка превзошла ожиданія, петербургскія газеты доводятъ размѣръ подписки до крайняго minimum. Такъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости* утверждаютъ что, вмѣсто потребованныхъ 15 милл. ф. стерл., подписка дала только 5 милліоновъ, а *St.-Petersburger Zeitung* понижаетъ эту цифру даже до $3^1/_2$ милліоновъ. „Повидимому“—замѣчаютъ *Биржевыя Вѣдомости*—„свѣдѣнія русской журналистики вѣрнѣе иностранной...“ „Люди имѣющіе трезвый взглядъ на *наше финансовое положеніе*“ не безъ нѣкотораго злорадства, прибавляетъ та же газета, „ничего другаго и не ожидали отъ подписки на новый заемъ.“

Чей бы взглядъ ни былъ вѣрнѣе,—петербургскихъ ли газетъ, или болѣе чѣмъ онѣ расположенныхъ къ Россіи германскихъ,—фактъ что заемъ не удался, что не только не понадобилось разверстки, но не покрыта подпиской самая сумма займа, остается не сомнѣннымъ. Фактъ непріятный тѣмъ болѣе что неудачѣ внѣшняго займа предшествовали по внутреннимъ займамъ, сперва—не оправдавшій чрезмѣрно раздутыхъ ожиданій успѣхъ ноябрьскаго стомилліоннаго выкупа билетовъ Государственнаго Банка, потомъ—неуспѣшность до сихъ поръ не вполнѣ разобраннаго двухсотмилліоннаго „Восточнаго“ займа. Но признавая этотъ фактъ во всемъ его непріятномъ значеніи, надобно или совсѣмъ не знать условій и обстоятельствъ при которыхъ заключались всѣ эти займы, или быть злорадным клеветникомъ Россіи чтобы приписывать неудачи постигавшія эти займы „нашему финансовому положенію.“ Относить неудовлетворительные результаты послѣднихъ внутреннихъ и внѣшняго займа къ финансовой несостоятельности Россіи тоже самое что́ относить послѣдовательныя неудачи трехъ штурмовъ Плевны къ несостоятельности русскаго солдата.

Результаты трехъ послѣдовательныхъ займовъ на лицо. Изъ внутреннихъ займовъ, первой покрытъ подпиской лишь съ небольшимъ избыткомъ, а по подпискѣ на второй оказался недочетъ который нынѣ мѣшкотно восполняется продажей отъ Банка неразобранныхъ облигацій; наконецъ, по внѣшнему займу уже полная неудача. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Но финансовое ли положеніе Россіи причиной такого печальнаго оборота дѣлъ?

Успѣшность государственныхъ займовъ зависитъ не отъ одного финансоваго положенія государства. Она гораздо болѣе зависитъ отъ способа заключенія займовъ отъ обдуманнаго соображенія условій займа съ положеніемъ денежныхъ рынковъ на

которыхъ онъ долженъ быть помѣщенъ: Какъ бы ни было хорошо финансовое положеніе страны, она никогда не можетъ, не прибѣгая къ насилію, заключить займы на условіяхъ невыгодныхъ въ данное время для публики. Какъ ни богата Франція, но подписка на ея милліардные займы, еслибъ они были объявлены на условіяхъ недостаточно выгодныхъ для публики, не только не дала бы тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые удивили миръ и подняли кредитъ страны, а потерпѣла бы полное фіаско и затруднила бы всѣ дальнѣйшія финансовыя операціи ея правительства. Чѣмъ выгоднѣе для публики условія займа, тѣмъ обезпеченнѣе успѣхъ подписки и чѣмъ неблагопріятнѣе условія денежнаго рынка, чѣмъ крупнѣе заемъ который долженъ быть на немъ помѣщенъ, тѣмъ большія выгоды должны быть предоставлены публикѣ, если желаютъ чтобы подписка дала хорошіе результаты. Эти хорошіе результаты могутъ иногда обойтись не дешево, но серіозные успѣхи не пріобрѣтаются даромъ, и временныя жертвы приносимыя государствомъ для обезпеченія успѣшности подписокъ на его займы не остаются безъ пользы. Блестящій успѣхъ одной подписки поднимаетъ кредитъ страны и обезпечиваетъ успѣхъ слѣдующихъ подписокъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Эта азбука займовыхъ операцій еще недавно практиковалась и у насъ съ полнымъ успѣхомъ. Припомнимъ условія третьяго выпуска билетовъ Государственнаго Банка въ 1869 году. Выпускались они на номинальную сумму всего 15 милл. рублей. Но не смотря на относительную ничтожность такой суммы, для обезпеченія подписки найдено было нужнымъ предоставить публикѣ весьма серіозныя выгоды. Билеты были выпущены по 83 за сто, на 4% ниже средней цѣны въ какой стояли на биржѣ въ теченіе мѣсяца предъ займомъ билеты 2-го выпуска, и на $8^1/_4$% ниже средней цѣны, за то же время, билетовъ 1-го выпуска. При заключеніи втораго Англо-Голландскаго займа 1866 года, какъ болѣе крупнаго, были предоставлены публикѣ и большія выгоды: заемъ былъ реализованъ по 83 за 100; на $9^1/_2$—$8^1/_2$% ниже лондонскихъ и на 10% ниже берлинскихъ биржевыхъ отмѣтокъ по первому Англо-Голландскому займу.

Соблюдены ли эти элементарныя условія успѣшности займовыхъ операцій при заключеніи займовъ потребованныхъ нынѣшними военными обстоятельствами? Пусть говорятъ факты.

Въ ноябрѣ 1876 выпускалось билетовъ Государственнаго Банка не на 15, а на 100 милліоновъ. Слѣдовало ожидать что для обезпеченія подписки на такую сумму будутъ предоставлены публикѣ бо̀льшія выгоды чѣмъ въ 1869 году. Вышло наоборотъ. Чтобы помѣстить 15 милліонный заемъ въ мирное время, онъ былъ выпущенъ по 83 за сто, со скидкою $6^1/_8$% со среднихъ биржевыхъ цѣнъ. Чтобы реализовать 100 милліонный заемъ наканунѣ войны, его выпустили по 92 за сто и удовольствовались скидкой всего $3^1/_2$%.

Въ іюнѣ и іюлѣ текущаго года шла подписка на Восточный заемъ, еще болѣе крупный въ 200 милліоновъ. Какими выгодами для публики обезпечивался успѣхъ этой подписки? Подходятъ ли эти выгоды, напримѣръ, къ тѣмъ условіямъ которыя были найдены нужными для успѣшности несравненно меньшаго займа, втораго Англо-Голландскаго?

Предъ подпиской на Восточный заемъ, выпущенные въ ноябрѣ прошлаго года билеты Государственнаго Банка 4-го выпуска рѣдко котировались на биржѣ по 94 и легко пріобрѣтались съ небольшимъ за 93 и даже менѣе. И въ виду этого, приманкой для успѣшности подписки на двухсотмилліонный заемъ, выпущенный по 90 за сто, должна была служить ничтожная скидка съ небольшимъ трехъ процентовъ съ биржевой цѣны недавно выпущенныхъ билетовъ, съ которыми, впрочемъ, облигаціи Восточнаго займа не совсѣмъ-то можно и сравнивать. Меньшая привлекательность ихъ сразу бросается въ глаза. Билеты Государственнаго Банка предпочтительнѣе уже потому что это бумага знакомая и привычная, но еще важнѣе то что тиражи погашенія этой бумаги идутъ вдвое быстрѣе, ибо на нихъ отчисляются ежегодно вдвое большія суммы. На погашеніе билетовъ Государственнаго Банка отчисляется ежегодно цѣлый процентъ, а на погашеніе Восточнаго займа положено отчислять ежегодно всего полпроцента.

Удивляться ли что при столь малой приманчивости подписокъ на послѣдніе внутренніе займы онѣ шли вяло и не давалось тѣхъ суммъ которыя требовались? Вѣдь не разчитывали же въ самомъ дѣлѣ что недостаточная выгодность условій подписки можетъ быть возмѣщена тѣмъ что при

объявленіи подписки дѣлалось маленькое воззваніе къ патріотизму, или что самому займу дано громкое наименованіе. Эти воззванія до сихъ поръ давали только враждебной намъ печати совершенно неосновательный поводъ кричать о недостаткѣ въ Русскомъ народѣ сочувствія къ цѣлямъ предпринятой войны, но серіознаго значенія для займовой операціи они не имѣютъ. Каждый знаетъ что при покупкѣ денежныхъ фондовъ имѣетъ значеніе только денежный разчетъ. Патріотизмъ тутъ ни при чемъ, и не на биржѣ онъ проявляется.

Отъ внутреннихъ займовъ переходимъ ко внѣшнему. Финансовое ли положеніе Россіи, или что̀ другое были причиной его неудачи?

Внѣшнія займы заключаются черезъ посредство иностранныхъ банкировъ, и выборъ между ними тѣхъ или другихъ имѣетъ для успѣшности займа часто большее значеніе чѣмъ самая выгодность для публики условій займа. По отношенію къ крупнымъ финансовымъ операціямъ, каковы государственные займы, банкирскіе дома не дѣйствуютъ разрозненно, каждый самъ по себѣ; нѣтъ, между князьями биржи существуютъ союзы какъ и въ политическомъ мірѣ, и каждая союзная группа банкировъ дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ.

Самый могущественный въ биржевомъ мірѣ союзъ представляетъ многочисленная группа банкировъ всѣхъ странъ во главѣ коей стоятъ Ротшильды, и къ которой примыкаетъ, между прочимъ, и берлинскій домъ Блехредера. Съ этою группой соперничаетъ другой, тоже сильный союзъ банкировъ, во главѣ коего стоитъ домъ Беринга и Гоппе. Кромѣ этихъ двухъ есть другія группы, но несравненно слабѣйшія, и между ними Мендельсоновская, въ составъ которой входятъ, между прочимъ, банкирскіе дома: Мендельсонъ и К⁰ въ Берлинѣ, Липпманъ, Розенталь и К⁰ въ Амстердамѣ и Crédit Général въ Парижѣ.

Эта-то послѣдняя, слабая вліяніемъ на фондовыхъ биржахъ, группа и была избрана посредникомъ между русскимъ правительствомъ и иностранными биржами при заключеніи внѣшняго займа текущаго года. Ей, обойдя банкирскіе дома съ которыми велись подобныя дѣла въ прежнее время, была предоставлена столь важная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ операція внѣшняго займа. Кредитъ Россіи былъ такимъ образомъ поставленъ въ зависимость отъ того малаго авторитета какимъ пользуется на биржахъ и среди заграничной публики избранный банкирскій консорціумъ.

Результатомъ предпочтенія оказаннаго этому консорціуму было то что и Ротшильдовская и Беринговская банкирскія группы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ имѣющія съ ними дѣла, то есть почти весь биржевой міръ со всѣми его кліентами, устранились отъ всякаго участія въ подпискѣ на русскій заемъ, а можетъ-быть подъ рукой и препятствовали ея успѣху. Кто не пойметъ что одного этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы подорвать успѣхъ любой финансовой операціи на заграничныхъ биржахъ, даже операціи комбинированной самымъ безупречнымъ образомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ? Упоминать ли, послѣ этой главной, еще и о другихъ причинахъ неудачи постигшей нашъ внѣшній заемъ? Говорить ли, напримѣръ, о Лондонской биржѣ? Она какъ извѣстно рѣшила во все время войны не допускать, соблюдая „безпристрастный“ нейтралитетъ, ни русскихъ, ни турецкихъ займовъ; сомнительно, судя по денежнымъ средствамъ какія доставляются Туркамъ изъ Англіи, чтобъ это рѣшеніе соблюдалось относительно ихъ съ чрезмѣрною строгостью, — но по отношенію къ Россіи оно несомнѣнно соблюдается. Какую поддержку нашему займу, при такихъ обстоятельствахъ, могла оказать лондонская контора парижскаго Crédit Général? Но этого мало. Видный членъ того консорціума на который мы оперлись, Crédit Général, самъ захромалъ и оказался нуждающимся въ поддержкѣ какъ разъ въ то время когда ожидалось что онъ поддержитъ подписку на русскій заемъ... Прибавьте ко всему этому вліяніе враждебной Россіи печати, которая вся находится на содержаніи у банкировъ ставшихъ въ враждебное отношеніе къ русскому займу, и которой, по мѣрѣ силъ, усердно содѣйствовали нѣкоторые изъ нашихъ внутреннихъ „пессимистовъ бюрократическаго типа,“ авторитетно провозглашавшіе, между прочимъ, устами *Биржевыхъ Вѣдомостей*, незадолго до открытія подписки на заемъ (по $76^1/_2$ за 100), что не смотря на всѣ усилія, мы не можемъ реализовать внѣшній заемъ 1877 года даже по курсу 72 за сто. (*Биржевыя Вѣдомости* № 254, отъ 8 октября). Удивляться ли послѣ всего этого что заемъ потерпѣлъ неудачу?

Въ другой газетѣ кто то уже прямо, безъ обиняковъ, рекомендуетъ отказаться отъ мысли о какихъ бы то ни было займовъ внѣшнихъ или внутреннихъ. Вмѣсто металлическихъ займовъ, кто то въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* предлагаетъ израсходовать полутораста - милліонный металлическій фондъ обезпеченія кредитныхъ билетовъ, выпустивъ одновременно, вмѣсто внутреннихъ займовъ, на 200 или болѣе милліоновъ кредитныхъ билетовъ, сверхъ находящагося уже въ обращеніи милліарда. Этихъ средствъ хватитъ де чтобы докончить войну, такъ какъ до заключенія мира остается де всего отъ трехъ до шести мѣсяцевъ... Что пришлось бы дѣлать Россіи еслибы до заключенія мира оставалось не шесть, а болѣе мѣсяцевъ,—объ этомъ финансистъ благоразумно умалчиваетъ.

На подобныя выходки, конечно, не стоило бы обращать вниманія, еслибы, къ сожалѣнію, практика нашихъ финансовыхъ операцій за послѣдніе два года, по непонятному стеченію обстоятельствъ, не представляла во многомъ поразительнаго совпаденія съ программой появившеюся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Выпускъ кредитныхъ билетовъ, сверхъ обычно находившихся въ обращеніи, дошелъ къ 6 сего ноября уже до 261.200.000 рублей. Металлическій фондъ еще въ прошломъ году сократился съ 229.398.000 рублей до 148.985.000 руб., то есть слишкомъ на 80 милліоновъ. Наконецъ, наши внутренніе и внѣшніе займы, благодаря вышеуказаннымъ пріемамъ заключенія оныхъ, получили на дѣлѣ такой видъ какъ будто мы намѣренно отказываемся отъ самой мысли прибѣгать къ займамъ до окончанія войны...

Но возвратимся къ непосредственной причинѣ неудачи нашего внѣшняго займа.

Что побудило наше финансовое управленіе обратиться для заключенія внѣшняго займа именно къ Мендельсоновскому консорціуму, намъ неизвѣстно. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ еще весной, въ маѣ, когда эта банкирская группа выдала русскому правительству авансъ подъ этотъ заемъ; въ вознагражденіе за этотъ авансъ, ей была представлена операція реализаціи займа по курсу, какъ слышно, не ниже 74½ %. Мендельсонъ и К° съ товарищами не остались въ накладѣ при этой сдѣлкѣ. Открывъ подписку выше чѣмъ по 76½, почти по 77%, они вернули весь свой авансъ съ крупной коммиссіей. Весь недочетъ подписки достался на долю Россіи, неудача займа пала на ея кредитъ. Не дешево обошелся намъ майскій металлическій авансъ!

Былъ ли этотъ авансъ необходимымъ до такой степени чтобы купить его столь дорогою цѣной, не знаемъ. Но судя по тѣмъ даннымъ которыя имѣются въ виду, надо думать что нужда въ нѣсколькихъ милліонахъ звонкою монетою настала вдругъ, совершенно неожиданно. По крайней мѣрѣ не далѣе какъ въ прошломъ году, въ то время когда войны нельзя было не предвидѣть, мы не только не заботились о томъ чтобы запасаться звонкою монетой, но напротивъ старались сбывать ее. Закупленныя Государственнымъ Банкомъ въ 1871—1874 годахъ массы золота быстро извлекались въ 1876 изъ его кладовыхъ и продавались на биржѣ, вслѣдствіе чего полуимперіалы появились тогда въ обращеніи въ такомъ изобиліи и лажъ на нихъ такъ упалъ что многіе фабриканты навязывали ихъ при разчетахъ по 6 руб. за штуку своимъ рабочимъ, которые много роптали на такое притѣсненіе, ибо полуимперіалъ сталъ ходить тогда ниже 6 рублей. И вотъ вдругъ, чрезъ какіе нибудь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, настала крайняя нужда не въ 80 милліонахъ звонкой монеты, изгнанной изъ кладовыхъ Банка, а въ несравненно меньшой суммѣ! Какъ случилось такое чудо, это пока неразрѣшимая для насъ загадка.

Будемъ надѣяться что загадки эти когда-нибудь разрѣшатся и что „случайныя и неслучайныя обстоятельства,“ о которыхъ толкуетъ дѣльная статья въ *Голосѣ* посвященная обсужденію результатовъ не удавшагося внѣшняго займа, не замедлятъ обозначиться. Но и до разъясненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нельзя не видѣть что причины нашихъ финансовыхъ неудачъ лежатъ отнюдь не въ финансовомъ положеніи Россіи, а въ способахъ распоряженія ея кредитомъ, и что для устраненія въ будущемъ неудачъ нашихъ займовъ нужно только иначе приступать къ нимъ.

№ 284.

Москва, 15-го ноября.

А.

Новое блестящее дѣло на восточномъ флангѣ Дѣйствующей Арміи за Дунаемъ.

Уже поздно вечеромъ получили мы депешу о побѣдѣ одержанной Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ надъ значительными турецкими силами у Трестеника и Мечки. „Дѣло было серіозное и для 12-го корпуса славное“, доставившее Августѣйшему Командиру высокую военную награду.

Очевидно что Турки, постоянно возобновляя свои атаки на отрядъ Наслѣдника Цесаревича, имѣютъ въ виду помочь этимъ какъ-нибудь Осману запертому въ Плевнѣ. Но ихъ усилія оказываются напрасными. Рядъ ихъ атакъ здѣсь былъ непрерывнымъ рядомъ ихъ пораженій.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ увеличиваются признаки близкой развязки дѣла подъ Плевной. Всѣ признаютъ положеніе Османъ-паши отчаяннымъ; ему повидимому ничего не остается какъ положить оружіе, и вотъ уже возникаютъ слухи о переговорахъ начатыхъ въ этомъ смыслѣ турецкимъ главнокомандующимъ съ нашею Главною Квартирой.

Таковъ ближайшій результатъ плана, не только хорошо обдуманнаго, но и приведеннаго въ исполненіе съ достаточными средствами. Подходъ значительныхъ подкрѣпленій далъ наконецъ возможность нашей Главной Квартирѣ, въ началѣ прошлаго мѣсяца, приступить къ правильной блокадѣ, а успѣшныя дѣйствія отряда генерала Гурко, прочно утвердившагося на Софійскомъ шоссе, были первымъ серіознымъ ударомъ нанесеннымъ западной турецкой арміи.

День 12 октября, купленный дорогою цѣной, разомъ измѣнилъ все положеніе дѣлъ въ западной Болгаріи, съ одной стороны прекративъ дальнѣйшій подвозъ въ Плевну провіанта и снарядовъ, съ другой, подорвавъ надежду въ осажденной арміи на помощь корпуса Шефкетъ-паши и новоформируемой арміи въ Софіи.

Но утвердившись на Софійскомъ шоссе, войска гвардейскаго отряда не ограничились пассивною блокадой. Близость вспомогательнаго корпуса Шефкетъ-паши и возможность съ его стороны наступленія обратили туда вниманіе.

9 ноября, гвардія въ двухъ колоннахъ, подъ начальствомъ генераловъ графа Шувалова и Рауха, оставила свои позиціи и двинулась въ юго-западномъ направленіи трудными путями, особенно колонна генерала Рауха, которой пришлось „идти ужасающими горными трущобами, пролагая путь динамитомъ и перетаскивая на рукахъ артиллерію.“

Объектомъ дѣйствій гвардейскаго отряда избрана была Правецкая позиція лежащая на 40-ой верстѣ по прямому направленію къ юго-западу отъ Плевны и верстъ на десять отъ Орханіе, въ направленіи сѣверо-восточномъ близь самого изгиба Софіе-Плевненскаго шоссе.

Главныя силы подъ начальствомъ графа Шувалова прибыли къ Правцу еще утромъ 10 числа, но какъ по диспозиціи успѣхъ боя долженъ былъ зависѣть отъ движенія обходной колонны, то не вступая въ сраженіе, а ограничившись сбитіемъ передовыхъ непріятельскихъ войскъ и подъемомъ артиллеріи на кручи, съ фронта турецкихъ позицій, отрядъ графа Шувалова не смыкая глазъ прождалъ весь день 10-го, ночь и утро 11 ноября. Въ полдень 11-го появилась наконецъ колонна генерала Рауха и смѣлымъ ударомъ опрокинула непріятеля вдоль позиціи, причемъ Туркамъ пришлось бѣжать подъ огнемъ артиллеріи графа Шувалова.

Точное и вѣрное исполненіе предположеннаго плана, заслуживающее всякой хвалы, имѣло своимъ послѣдствіемъ взятіе важной позиціи, во флангѣ сообщеній непріятеля, и почти безъ потерь. Такія побѣды имѣютъ особую цѣну.

На другой день послѣ дѣла у Правца два гвардейскіе отряда предводимые Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и полковникомъ Любовицкимъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Дандевиля, заняли укрѣпленный турецкій городъ Этрополь, обративъ въ бѣгство непріятеля. Занятіе этого пункта расположеннаго у истоковъ Малаго Искера важно въ томъ отношеніи что онъ командуетъ надъ двумя Балканскими проходами.

Таковы успѣхи достигнутые войсками гвардейскаго корпуса. Надо полагать что рядъ блестящихъ побѣдъ, начиная съ 12 октября и до занятія Этрополя, нравственно подѣйствуютъ на непріятеля, и что одного приближенія гвардейскаго отряда будетъ достаточно для обращенія Турокъ въ бѣгство, какъ это уже разъ и было съ авангардомъ Шефкетъ-паши, въ виду появившихся разъѣздовъ конногренадерскаго полка у Радомірца.

Рядъ всѣхъ этихъ успѣховъ отнимаетъ у Османъ-паши послѣднюю надежду на

выручку. Плевна падетъ,—но что послѣдуетъ далѣе? Нельзя не обратить вниманія на сообщеніе кореспондента газеты *Times* изъ Варны, будто еще недавно приступлено къ новому набору милицій въ Малоазіатскихъ провинціяхъ, набору высчитанному на бумагѣ въ 250.000 человѣкъ. Корреспондентъ англійской газеты благоразумно находитъ что число это подлежитъ ограниченію, и скидываетъ на разные недочеты 50.000; но предполагая что разчеты Англичанина все-таки не вѣрны и что сбросить со счетовъ слѣдуетъ гораздо больше, нельзя однако не признать что рессурсы Турокъ, напрягающихъ свои послѣднія усилія, еще не исчерпаны въ конецъ, и что они могутъ дать имъ возможность вторичнаго сопротивленія уже за Балканами.

Конечно освобожденіе всей нашей арміи блокирующей въ настоящую минуту Плевну дастъ намъ достаточныя силы для нанесенія быстрыхъ ударовъ, однако опытъ долженъ научить насъ осторожности, и поэтому, приготовляясь ко всякимъ случайностямъ, лучше заранѣе обезпечить себя новыми подкрѣпленіями двинувъ на театръ войны часть резервныхъ дивизій...

Б.

Настоящая война, помимо разнообразнаго интереса ею возбуждаемаго, предлагаетъ любопытную этнографическую загадку. Что это за „бѣлые Арапы“ въ рядахъ разноплеменнаго мусульманскаго воинства, о которыхъ въ послѣднее время приходится слышать? Примѣты ихъ, какъ разказываютъ, тѣ что они мусульманской вѣры, и по одеждѣ почти де ничѣмъ не отличаются отъ Турокъ, но они *не говорятъ* по-турецки и привезены *изъ Индіи*. Да и подъ египетскимъ контингентомъ также, какъ видно, скрываются люди сомнительной національности; взятый въ Горнемъ Дубникѣ Ахметъ-Хивзи-паша говорилъ что онъ и самъ не знаетъ откуда явились эти люди, не понимающіе по турецки и привозимые на пароходахъ какихъ-то частныхъ компаній въ Портъ-Саидъ, гдѣ они получаютъ обмундированіе и орудіе и затѣмъ перевозятся въ Европу.

Вотъ оправданіе высказанной нами еще лѣтомъ догадки „что и арабистанскіе баталіоны, которые были высажены въ Батумѣ, суть просто на просто войска поставляемыя противъ насъ Англичанами. Въ географическихъ учебникахъ Аравія можетъ-быть и продолжаетъ значиться составною частью Оттоманской имперіи; но это давно уже фикція. Весь юго-восточный и южный берегъ этой страны раздѣленъ между независимыми шейхами, которые не признаютъ даже номинальной зависимости отъ султана, и когда года три тому назадъ, Порта хотѣла было возстановить надъ ними свою прежнюю власть, то этому воспротивилось Англійское правительство, которое со всѣми этими мелкими арабскими владѣльцами имѣетъ *трактаты* и платитъ имъ субсидіи. Непрерывная цѣпь такихъ мелкихъ владѣній подъ *протекторатомъ* Англіи тянется отъ самаго Адена и до Персидскаго залива. Откуда, слѣдовательно, прибыли въ Портъ-Саидъ „бѣлые Арапы,“ не говорящіе по турецки, изъ Арабистана ли или изъ Индіи,—это почти безразлично. Сама Порта своею волей не могла вытребовать къ себѣ на службу людей не признающихъ ея власти, — и для этого потребовалось содѣйствіе *нейтральной* Англіи...

Что касается пароходовъ „какихъ-то частныхъ компаній“, на которыхъ, по словамъ Ахметъ-Хивзи-паши, перевозились эти импровизуемыя въ Египтѣ войска, то, не вдаваясь въ произвольныя догадки, мы ограничимся перепечаткой слѣдующаго письма къ издателю газеты *Times*, помѣщеннаго за подписью *Insaf*:

„Многія изъ нашихъ газетъ, прицѣпляясь къ термину „доброжелательный нейтралитетъ,“ читаютъ длинныя поученія о безчинствѣ одной германской фирмы снабжающей Русское правительство порохомъ. Но по какому принципу Турціи дозволяется получать все что ей нужно отъ нейтральныхъ державъ, между тѣмъ какъ Россіи это запрещается.

„Оттоманское правительство пріобрѣтаетъ себѣ оружіе въ Америкѣ, откуда оно доставляется англійскимъ пароходомъ; сухари для ея солдатъ привозятся изъ Марсели на судахъ *Messageries Maritimes*; ея *войска* и запасы доставляются изъ Антивари въ Скутари, изъ Стамбула въ Батумъ на корабляхъ Австрійскаго Ллойда; Турція даромъ снабжена превосходнымъ госпитальнымъ устройствомъ, благодаря щедрости Комитета Стаффордъ-Гауса; наконецъ, она *снабжается деньгами для продовольствія войны* черезъ „Турецкій Со-

страдательный Фондъ“ (Turkish Compassionate Fund), въ пользу коего такъ усердно ратуютъ тѣ самыя газеты что̀ обличаютъ Германію.

„Конечно, прежде чѣмъ обращать вниманіе на спицу въ глазѣ брата, слѣдовало бы подумать о бревнѣ въ своемъ.“

B.

Можно бы думать что вопросъ о Парижскомъ трактатѣ давно уже порѣшенъ настоящею войной. А вотъ оказывается иначе. Именно *Политическая Корреспонденція* сообщаетъ извѣстіе своего букурештскаго корреспондента отъ 18 (6) ноября о сильномъ переполохѣ произведенномъ въ Букурештѣ словами сказанными будто бы нашимъ канцлеромъ что Парижскій трактатъ долженъ быть измѣненъ не только въ принципѣ, но и фактически со всѣми своими послѣдствіями. Изъ этихъ словъ Румыны заключаютъ что по всѣмъ вѣроятіямъ Россія имѣетъ въ виду возсоединеніе и отошедшей отъ нея по этому договору къ Румыніи части Бессарабіи. Такой де выводъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ что, какъ увѣряютъ, князь Горчаковъ не скрываетъ своего взгляда на Парижскій трактатъ, и въ отвѣтъ на предложенный ему относительно Бессарабіи вопросъ отвѣтилъ молча и съ усмѣшкой пожатіемъ плечъ. Пріятно узнать что наконецъ и въ дипломатическихъ кругахъ начинаютъ убѣждаться въ необходимости покончить съ отношеніями столь же неестественными сколько и устарѣлыми, навязанными намъ коалиціей 1853—56 года. Странно было бы еслибы мы сами старались о поддержаніи условій договора направленнаго противъ Россіи. Свою историческую и логическую несостоятельность эти созданныя трактатомъ отношенія обнаружили уже въ самое первое время по его заключеніи; можно даже сказать что de facto нѣкоторыя его статьи и до войны считались какъ бы не существующими, именно вслѣдствіе своей несостоятельности. Но война окончательно уничтожила трактатъ и въ принципѣ, и на фактѣ, и упоминать о немъ можно развѣ лишь въ исторіи. Что же касается опасеній Румынъ относительно Бессарабіи, то намъ кажется что имъ, подобно нѣкоторымъ нашимъ отечественнымъ политикамъ, слѣдовало бы пока подождать ставить воюющимъ мирныя условія, тѣмъ болѣе что Румыны, насколько это извѣстно, не забыли о своихъ интересахъ вступая въ союзъ съ Россіей.

№ 285.

Москва, 16-го ноября.

Слухъ о томъ какъ отнесся германскій посолъ въ Константинополѣ къ предложенію Турціи чтобы Германія приняла на себя посредничество для соглашенія мира до сихъ поръ служитъ предметомъ толковъ въ печати. На первыхъ порахъ сообщеніе *Agence Russe* объ этомъ предметѣ встрѣчено было съ недовѣріемъ не только вѣнскими, но и берлинскими газетами; но вотъ въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, отъ 21 ноября, появилась замѣтка, (сущность ея передана намъ по телеграфу), которая хотя и косвеннымъ образомъ, но вполнѣ подтверждаетъ что Германія дѣйствительно смотритъ на вопросъ о мирѣ какъ на дѣло въ коемъ Россіи, и только ей одной, принадлежитъ рѣшающій голосъ, и полагаетъ что всякое постороннее вмѣшательство въ это дѣло было бы оскорбительно для національнаго достоинства Россіи. Упомянутый органъ замѣчаетъ что „Германія въ 1871 году сочла бы несогласнымъ съ дружбой связывающею Россію съ Германіей и даже оскорбительнымъ для Германіи еслибы Россія, по просьбѣ Франціи, взяла на себя роль посредника; по той же причинѣ и теперь Германія едва ли взяла бы на себя обязанность ходатая за турецкія мирныя желанія предъ Россіей.“ Вотъ почему офиціозная берлинская газета, обходя съ обычною осторожностью вопросъ о томъ правда ли что принцъ Рейссъ рекомендовалъ Портѣ обратиться съ своими мирными предложеніями прямо въ Русскую Главную Квартиру, тѣмъ не менѣе довольно ясно говоритъ что еслибы принцу Рейссу пришлось дать отвѣтъ на предложеніе Порты о посредничествѣ, то отвѣтъ ему приписываемый „былъ бы самый благоразумный.“

Въ корреспонденціи изъ Берлина, отъ того же числа, помѣщенной въ *Политической Корреспонденціи*, также подтверждается что Германія не можетъ взять на себя роль посредника, и что отвѣтъ приписываемый принцу Рейссу — все равно, былъ ли онъ данъ или нѣтъ — есть именно

тотъ который въ Берлинѣ считали бы наиболѣе подходящимъ.

Не менѣе характеристичны заявленія берлинской печати по поводу набата объ англійскихъ интересахъ, въ который ударили англійскіе торійскіе органы вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о паденіи Карса. *Національная Газета* спѣшитъ отвѣтить на это что Россія, которой еще въ 1828 и 1855 Карсъ стоилъ такъ много крови, должна была бы потерпѣть очень тяжкія пораженія чтобы рѣшиться теперь выдать Карсъ обратно, завоевавъ оный въ третій разъ въ теченіи 50 лѣтъ. Притомъ же, замѣчаетъ далѣе названная газета, въ депешѣ графа Дарби о пресловутой „демаркаціонной линіи англійскихъ интересовъ“ была рѣчь о неприкосновенности Египта, Дарданеллъ, Персидскаго залива и Константинополя; но о Карсѣ и Эрзерумѣ въ ней не было ни слова. По другому поводу, та же газета въ замѣткѣ отъ 22 ноября доказываетъ что Россіи не время еще теперь помышлять о мирѣ, и что послѣ всего совершившагося съ начала войны Россія отнюдь не можетъ довольствоваться тѣми требованіями кои были ею поставлены во время Берлинскаго меморандума и Константинопольской конференціи.

Если органы болѣе или менѣе близко стоящіе къ Германскому правительству высказываются такъ настойчиво въ смыслѣ столь дружелюбномъ, то съ другой сторонѣ нельзя не отмѣтить того факта что въ настоящее время совершенно умолкли скептическіе голоса всячески старавшіеся зародить сомнѣніе въ искренности и прочности дружескихъ узъ соединяющихъ Россію съ Германіей. Да и странно было бы высказывать такія сомнѣнія теперь когда союзъ этотъ уже выдержалъ пробу событій. Получивъ начало въ связи династій, союзъ обоихъ государствъ мало-по-малу сложился въ тѣсное политическое единеніе, скрѣпленное не только отсутствіемъ какихъ бы то ни было поводовъ къ соперничеству и розни, но и потому что оказались могучіе интересы относительно коихъ обѣ страны могутъ и должны идти рука объ руку. Такова „культурная борьба“ поднятая знаменитымъ руководителемъ германской политики. Россія не менѣе, если не болѣе Германіи, испытала на себѣ пагубное вліяніе противугосударственныхъ притязаній Ватикана.

Но есть и другая враждебная сила, не менѣе опасная чѣмъ вражда іезуитовъ, не менѣе ея безграничная въ своихъ притязаніяхъ и пагубная для естественнаго роста общечеловѣческихъ интересовъ. Это — притязанія Англіи на всемірное владычество, та назойливая политика „англійскихъ интересовъ“ которая повсюду суется съ своими требованіями, всюду вмѣшивается и хвастливо толкуетъ о своемъ въ сущности фальшивомъ могуществѣ. До сихъ поръ Россія болѣе всѣхъ другихъ державъ имѣла случай сталкиваться съ этими пресловутыми „англійскими интересами.“ Но недалеко то время когда и Германіи придется имѣть дѣло съ англійскою притязательностью. Уже теперь нѣмецкое населеніе, частію вслѣдствіе экономическихъ неудобствъ въ отечествѣ, частію по врожденному этому племени, не менѣе нежели англо-саксонскому, влеченію къ эмиграціи и колонизаціи, является опаснымъ конкуррентомъ Англичанъ въ Восточномъ Океанѣ и китайскихъ водахъ. Нѣмецъ, трудолюбивый, но скромный и умѣренный, ведетъ дѣло во многомъ гораздо лучше избалованныхъ сыновъ Альбіона, въ которыхъ слишкомъ внѣдрилась традиція стараго времени, когда „просвѣщенные мореплаватели“ были дѣйствительно единственными хозяевами-распорядителями въ отдаленныхъ полудикихъ странахъ. „Барскія“ замашки англійскихъ негоціантовъ должны будутъ спасовать предъ трезвою и работящею дѣятельностью германскихъ дѣльцовъ. Нѣмецкія факторіи въ Китаѣ и Японіи умножаются съ каждымъ годомъ и нѣмецкій купеческій флотъ растетъ не по днямъ, а часамъ, такъ что Германія вотъ уже нѣсколько лѣтъ содержитъ у юговосточнаго побережья Азіи свои военныя суда въ огражденіе германскаго флага въ тамошнихъ водахъ. Въ Англіи давно уже взираютъ съ худо скрываемымъ безпокойствомъ на усиленіе нѣмецкаго судоходства и колонизаціи, особливо съ тѣхъ поръ какъ Германія выказала не на шутку свое стремленіе стать морскою державой и имѣть стоянки для своего флота въ отдаленныхъ моряхъ. Но, съ другой стороны, и князь Бисмаркъ не изъ тѣхъ политиковъ которые жмурятся въ виду возможныхъ столкновеній. Онъ напротивъ умѣетъ идти на встрѣчу врагу. По этой причинѣ онъ первый бросилъ вызовъ Ватикану. Торійская традиціонная политика объ англійскихъ

интересахъ на всѣхъ пунктахъ Земнаго Шара, а въ сущности о всемірномъ владычествѣ поддерживаемомъ не столько дѣйствительнымъ могуществомъ сколько происками и интригами, имѣетъ много общаго съ домогательствами папской куріи. И не мудрено что именно у князя Бисмарка зародилась идея о необходимости положить конецъ „мороченію міра повсюдными интересами Англіи," и что онъ замышляетъ открыть дипломатическую кампанію противъ притязаній Англіи, какъ о томъ сообщаетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ нашъ хорошо свѣдущій берлинскій корреспондентъ.

№ 286.

Москва, 16-го ноября.

А.

По мѣрѣ того какъ общее вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивается на Плевнѣ, лихорадочно выжидая момента ея паденія, возрастаютъ трудности обороны нашего восточнаго фронта. Войскамъ Наслѣдника Цесаревича, съ самаго начала кампаніи, досталась на долю многосложная и трудная задача запереть въ пространствѣ знаменитаго четырехъугольника главную и многочисленнѣйшую турецкую армію. Общій голосъ, еще до перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, именно этой арміи приписывалъ самое серіозное значеніе; на нее возлагались надежды не только туркофиловъ, но и Турецкаго правительства; ею лично начальствуетъ главнокомандующій всѣхъ турецкихъ силъ.

Принявъ на себя обязанность охранять сперва центръ, а затѣмъ главнѣйшимъ образомъ лѣвый флангъ нашей арміи, Рущукскій отрядъ исполнялъ достославно свое назначеніе. Непредвидѣнныя обстоятельства измѣнили предполагавшійся ходъ кампаніи. Вмѣсто быстраго движенія за Балканы пришлось надолго остановиться подъ Плевной, и убѣдиться что всякое движеніе впередъ невозможно до окончательнаго пораженія укрѣпившихся здѣсь турецкихъ войскъ, а для этого необходимо было стянуть какъ можно большія силы подъ Плевну. Подкрѣпленія изъ Россіи не могли прибывать съ достаточною скоростью, надо было пользоваться всѣмъ находившимся подъ рукою; въ такомъ положеніи не только постепенно прибывавшія подкрѣпленія двигались на лѣвый флангъ, но изъ самого Рущукскаго отряда оттягивались отдѣльныя части по мѣрѣ необходимости. Порѣдѣвшій Рущукскій отрядъ очутился въ критическомъ положеніи. Не ожидая ни откуда помощи, онъ принужденъ былъ принять на себя ударъ нетронутой непріятельской арміи, имѣвшей во главѣ новаго главнокомандующаго, Мегемедъ-Али-пашу, которому приписывались въ то время всѣ качества составляющія полководца. Потребовалось собрать наши войска съ растянутой линіи Кара-Лома на линію Янтры. У всѣхъ еще свѣжи въ памяти подробности этого блистательнаго отступленія. Сосредоточивъ свои разбросанныя части, войска Наслѣдника Цесаревича наконецъ остановились, и приняли сраженіе у Церковны. Сейчасъ же оказались результаты одержанной здѣсь побѣды. Турецкій главнокомандующій былъ смѣненъ. Турки быстро отступили по всей линіи, и мы по ихъ пятамъ обратно заняли наши позиціи на Ломѣ, обезпечивъ тылъ главныхъ нашихъ силъ подъ Плевной, такъ что онѣ могли совершенно свободно располагать своими дѣйствіями и спокойно выжидать себѣ подкрѣпленій. Всѣ попытки Турокъ съ восточной стороны разбились о стойкость Рущукскаго отряда. Общій голосъ очевидцевъ свидѣтельствуетъ что въ войскахъ Наслѣдника Цесаревича были предусмотрѣны всѣ случаи и въ тишинѣ принимались мѣры къ обезпеченію успѣха труднаго дѣла съ малыми средствами. Наступилъ новый періодъ Плевненской эпопеи. Благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ, Плевна подверглась тѣсному обложенію и вторично потребовала дѣятельной помощи извнѣ. Въ турецкую армію расположенную противъ Наслѣдника Цесаревича назначенъ былъ новый главнокомандующій прославившійся безумною рѣшимостію. Успѣхъ кампаніи теперь снова зависитъ отъ дѣйствій Рущукскаго отряда; снова начались безпрерывныя со стороны Турокъ попытки, которыя направляются теперь не на центръ какъ прежде, а на оба удаленные одинъ отъ другаго фланга. Производя рекогносцировки на правый флангъ арміи Наслѣдника Цесаревича и быть-можетъ подготовляя тамъ ударъ, Сулейманъ-паша на лѣвомъ флангѣ уже въ третій разъ выступаетъ съ значительными силами.

Побѣда о которой самъ Государь Наслѣдникъ возвѣстилъ въ своей депешѣ на имя московскаго генералъ-губернатора была по истинѣ блистательнымъ дѣломъ, котораго значеніе выяснится еще болѣе когда оно будетъ извѣстно во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Предводимые полководцемъ, который съ такою ожесточенною настойчивостью штурмовалъ Шипку, турецкія войска добѣгали близко къ нашимъ укрѣпленіямъ, были во ста шагахъ отъ нихъ, и каждый разъ были обращаемы въ бѣгство. Можно представить себѣ каково было понесенное ими пораженіе!

Августѣйшій Военачальникъ знаетъ сердце Москвы и приписываетъ свою побѣду ея молитвѣ. Велика и радость Москвы при вѣсти объ этой побѣдѣ, которая отнимаетъ у Турокъ послѣднюю надежду поколебать центральный оплотъ нашей арміи и смутить войска осаждающія Плевну.

Б.

По поводу вызванныхъ рѣшительными успѣхами нашего оружія толковъ заграничной печати о мирѣ, *Голосъ* спѣшитъ заявить что „мы, Русскіе, должны воздержнѣе всѣхъ“ касаться этого предмета, и напомнивъ читателямъ о своемъ „наибольшемъ миролюбіи“ предъ войною, приступаетъ къ разработкѣ первыхъ основъ прочнаго мира. При этомъ органъ г. Краевскаго мужественно увѣряетъ читателей что онъ готовъ преодолѣть на пути къ рѣшенію этого вопроса затрудненія созданныя „положеніемъ“ принятымъ Лондонскимъ кабинетомъ.“ „Вызывающія угрозы раздающіяся съ Темзы,“ не безъ геройской осанки говоритъ миролюбивая газета, „не должны колебать нашего благоразумія и умѣренности, которыя всего болѣе согласны съ достоинствомъ великой державы“ (*Голосъ* увлекшись своею офиціозностью грамматически отнесъ себя къ числу великихъ державъ). Подъ давленіемъ этой умѣренности газета говоритъ: „Если невозможно безусловное упраздненіе государственной турецкой власти надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова, то нужно сдѣлать серіозный шагъ (ужели одинъ?) на пути къ пріобрѣтенію политической самостоятельности одною областью за другою и постепенному превращенію вассальныхъ областей въ независимыя и подданныхъ въ вассальныя.“ Органъ г. Краевскаго, допуская что Болгарія пребудетъ въ составѣ Турецкой имперіи, великодушно обѣщаетъ истерзанной странѣ самостоятельное немусульманское управленіе... Но и здѣсь не конецъ умѣренности. Миролюбивая газета разрѣшаетъ вопросъ о вознагражденіи. Она готова отказаться отъ денежнаго вознагражденія, по трудности взысканія таковаго. Это очень великодушно, только спрашивается: за себя ли одного *Голосъ* готовъ отказаться отъ вознагражденія, или же и за Россію, и если за Россію то съ какихъ поръ г. Краевскій состоитъ ея повѣреннымъ?

№ 287.

Москва, 18-го ноября.

Между тѣмъ какъ всякіе, и удачные и неудачные, результаты военныхъ операцій оглашаются немедленно, безъ малѣйшей утайки, результаты финансовыхъ операцій умалчиваются и маскируются такъ тщательно что публика до сихъ поръ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній не только о послѣднемъ внѣшнемъ займѣ, но и о внутреннихъ 6 ноября 1876 года и 17 мая 1877. Напримѣръ, всѣ свѣдѣнія ея о результатахъ подписки на прошлогодній ноябрьскій заемъ ограничиваются послѣдовавшимъ въ томъ же ноябрѣ извѣщеніемъ Государственнаго Банка что „на предложенные къ подпискѣ сто милліоновъ рублей поступило заявленій на сумму 123.590.000 рублей,“ и что въ виду сего подписчики на сумму до 1 милл. рублей включительно получаютъ подписанное число 5% банковыхъ билетовъ сполна, а излишняя подписка 23.590.000 р. будетъ списана пропорціонально съ подписчиковъ на суммы выше 1 милл. рублей. Казалось бы, прямой смыслъ этого яснаго заявленія не даетъ поводовъ къ недоразумѣніямъ: весь заемъ сразу былъ реализованъ сполна и доставилъ казнѣ всю ту сумму которую долженъ былъ дать, ибо не только всѣ предложенные публикѣ банковые билеты разобраны, но ихъ не достало для полнаго удовлетворенія предъявленныхъ на нихъ крупными подписчиками требованій. На дѣлѣ, однако, тѣ кто поняли вышеприведенное заявленіе въ прямомъ его смыслѣ впали въ большую ошибку. Въ немъ умолчано на сколько

милліоновъ участвовалъ въ подпискѣ самъ Банкъ, съ цѣлью сбыта билетовъ изъ своихъ конторъ и отдѣленій, и въ какой мѣрѣ эта забота Банка о ихъ сбытѣ помѣшала его успѣшности уменьшивъ долю билетовъ пришедшуюся крупнымъ подпищикамъ, которымъ подписанная ими сумма была выдана со скидкой по разверсткѣ между ними и Банкомъ. Значительная часть суммы какая пришлась по этой разверсткѣ на долю Банка осталась при этомъ на его рукахъ нереализованною. Судить о цифрѣ билетовъ оставшихся такимъ образомъ въ фондовомъ портфелѣ Банка можно лишь гадательно, сравнивая цифры ежемѣсячныхъ балансовъ Государственнаго Банка, и такое сравненіе *) приводитъ къ убѣжденію что при подпискѣ давшей излишнихъ 23.590.000 руб., было покрыто лишь около двухъ третей займа. Свѣдѣнія о результатахъ Восточнаго займа еще неопредѣленнѣе чѣмъ о ноябрьскомъ выпускѣ банковыхъ билетовъ. Вслѣдъ за окончаніемъ подписки на оный, продолжавшейся съ 15 іюня по 15 іюля, Государственный Банкъ ограничился лишь извѣстнымъ заявленіемъ что изъ числа облигацій Восточнаго займа 1877 года, всѣ таковыя облигаціи назначенныя для продажи въ С.-Петербургѣ, въ Государственномъ Банкѣ, и въ Москвѣ, въ мѣстной его конторѣ, уже распроданы, и дальнѣйшая продажа ихъ въ сихъ мѣстахъ прекращена.“ Но какое именно количество облигацій было назначено для продажи въ столицахъ и какое количество распродано изъ назначенныхъ для продажи въ другихъ мѣстахъ, — это по нынѣ покрыто мракомъ неизвѣстности, и только ежемѣсячные балансы Государственнаго Банка *) позволяютъ догадываться, конечно съ вѣроятностью крупной ошибки, что подписка на 200 милліонный Восточный Заемъ дала въ общемъ итогѣ около 150—160 милл. рублей. Наконецъ, что касается послѣдняго внѣшняго займа, то о результатахъ его не имѣется уже ровно никакихъ офиціальныхъ свѣдѣній, и публика понынѣ не знаетъ даже на какихъ именно условіяхъ онъ былъ заключенъ и вынуждена довольствоваться по этому предмету единственно свѣдѣніями сообщенными въ газету *Times* ея петербургскимъ корреспондентомъ.

Тайна въ финансовыхъ операціяхъ безспорно можетъ быть полезна пока эти операціи еще только обдумываются и комбинируются, но всякія умолчанія, кажется, положительно вредны когда эти операціи уже пущены въ ходъ и заключены. Такія умолчанія способны только пораж-

*) Сравненіе этихъ балансовъ показываетъ быстрое послѣ подписки возрастаніе цифръ въ рубрикѣ „процентныхъ бумагъ принадлежащихъ Банку.“ При нормальномъ ходѣ операцій Банка, цифры этой рубрики вообще не подвержены слишкомъ большимъ колебаніямъ; какъ въ 1875 году, такъ и въ 1876, по 1 ноября включительно, цифра принадлежащихъ Банку процентныхъ бумагъ ни разу не падала ниже 2.840.000 р. и ни разу не доходила до 4 милліоновъ. Но въ балансѣ на 1 декабря 1876, первомъ послѣ разверстки займа, цифра эта разомъ поднялась почти до 11 милліоновъ, въ балансѣ на 1 января, послѣ оплаты декабрьскаго взноса по подпискѣ,—свыше 16 милл., въ балансѣ 1 февраля, послѣ январьскаго взноса — болѣе $19\frac{1}{4}$ милл., въ балансѣ 1 марта, послѣ февральскаго взноса, — около $25\frac{3}{4}$ милл., въ балансѣ 1 апрѣля, послѣ мартовскаго взноса,—около $26\frac{7}{8}$ милл., наконецъ, въ балансѣ 1 мая, послѣ послѣдняго, апрѣльскаго, взноса, — около 28 милл. Одновременно и въ балансахъ конторъ и отдѣленій Банка, обычно скромная цифра соединенныхъ въ одно рубрикъ процентныхъ бумагъ, расходовъ и разныхъ выдачъ, тоже вдругъ выросла, превышая нормальныя цифры, приблизительно: 1 января на $5\frac{1}{4}$ милл., 1 февраля на 4 милл., 1 марта на $3\frac{1}{2}$ милл., 1 апрѣля на $6\frac{1}{4}$ милл., и наконецъ 1 мая на 10 милл. Въ общемъ выводѣ оказывается что къ 1 мая на рукахъ Банка оставалось не разобранныхъ банковыхъ билетовъ 4-го выпуска приблизительно на сумму 34 милліоновъ рублей.

*) Сумма принадлежащихъ Банку процентныхъ бумагъ, вслѣдствіе постепенной продажи и, частію, перевода ихъ въ конторы и отдѣленія, понизилась къ 1 іюля до 22.679.000 рублей Въ балансѣ на 1 августа, первомъ по окончаніи подписки на Восточный заемъ, цифра эта поднялась до 27 милл., а въ балансѣ на 1 сентября, послѣ августовскаго взноса,—свыше $32\frac{1}{2}$ милл. Въ то же время, въ балансахъ конторъ и отдѣленій Банка, сумма процентныхъ бумагъ, простиравшаяся къ 1 іюля приблизительно до $13\frac{1}{}$ милл., поднялась къ 1 августа до $37\frac{3}{4}$ милл., а къ 1 сентября до $40\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей. Въ общей сложности, итогъ процентныхъ бумагъ возросъ къ 1 сентября противъ 1 іюля на 35—37 милл. рублей — сумма въ которую и можно опредѣлить оставшіяся на рукахъ Банка неразобранными облигаціи Восточнаго займа, допуская что облигаціи оставшіяся на рукахъ Банка оплачены имъ вполнѣ; допустить же это можно съ полнымъ вѣроятіемъ, такъ какъ вслѣдъ за октябрьскимъ взносомъ по облигаціямъ, сумма принадлежащихъ Банку бумагъ не только не повысилась, что было бы еслибъ онѣ прежде не были оплачены, а напротивъ, вслѣдствіе продолжающейся продажи, понизилась къ 1 ноября, противъ 1 сентября, приблизительно на $2\frac{1}{2}$ милліона рублей.

дать неблагопріятные толки и усиливать пессимистическое настроеніе биржи и публики, и безъ того всегда расположенной представлять себѣ всякое дѣло въ худшемъ видѣ чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Скрывать и маскировать неудачи значитъ заставлять публику раздувать размѣры неудачъ до колоссальныхъ размѣровъ: ужь видно плохо дѣло когда находятъ нужнымъ скрывать его исходъ, должна быть страшная неудача когда не рѣшаются въ ней сознаться. Не путемъ ли именно такихъ умозаключеній произошли преувеличенные толки о совершенной неудачѣ всѣхъ нашихъ, вызванныхъ войною, займовъ, которыми иные доброжелатели Россіи пользуются между прочимъ для убѣжденія въ невозможности довести до желаннаго конца нынѣшнюю войну, если она затянется долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ? И эти преувеличенные толки о нашихъ финансовыхъ неудачахъ, конечно, не оставались безъ вреднаго вліянія на государственный кредитъ. Неясное и раздутое представленіе о неуспѣхѣ ноябрьскаго выпуска банковыхъ билетовъ не могло не вредить успѣху Восточнаго займа; туманное и еще болѣе раздутое представленіе о безрезультатности Восточнаго займа не могло не отозваться еще болѣе вреднымъ образомъ на реализаціи послѣдняго внѣшняго займа. Этотъ внѣшній заемъ былъ бы несомнѣнно удачнѣе еслибъ ему предшествовали иные результаты внутреннихъ займовъ, или еслибы, по крайней мѣрѣ, своевременнымъ раскрытіемъ дѣйствительныхъ результатовъ ихъ были устранены невѣрныя и преувеличенныя представленія о характерѣ и размѣрахъ неудачъ постигшихъ эти займы. Свойства и размѣры этихъ неудачъ таковы что они скорѣе способны поднять чѣмъ уронить нашъ кредитъ. Результаты нашихъ внутреннихъ займовъ, въ виду тѣхъ обстоятельствъ при коихъ они заключались, таковы что русской публикѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода стыдиться ихъ. Напротивъ, Русскій народъ можетъ даже въ отдаленномъ будущемъ указывать на результаты этихъ займовъ со справедливою гордостью.

Наши два послѣдніе внутренніе займа не были правильными финансовыми операціями, не нося на себѣ тѣхъ признаковъ какими подобныя операціи отличаются. Разчетъ этихъ операцій не былъ основанъ на томъ чтобы привлечь капиталы предложивъ имъ выгодное помѣщеніе. Нѣтъ, предлагалось помѣщеніе капиталовъ при данныхъ обстоятельствахъ явно невыгодное, и операціи были разчитаны преимущественно на то что публика, изъ побужденій патріотическаго самопожертвованія, помирится съ невыгодностью помѣщенія своихъ сбереженій. Спекуляціи на патріотизмъ нигдѣ въ мірѣ не практикуются, ибо повсюду принято аксіомой что покупка фондовъ есть дѣло экономическаго разчета, а не патріотизма, который на биржахъ не котируется. Правда, биржевые дѣятели не пренебрегаютъ иногда, на ряду съ рекламами и распусканіемъ разныхъ слуховъ, прибѣгать между прочимъ и къ затрогиванію патріотическихъ струнъ; но на эти послѣднія разчитывается обыкновенно всего менѣе, такъ какъ онѣ, при покупкѣ фондовъ, могутъ повліять развѣ на предпочтительный выборъ одной бумаги предъ другою, равно выгодною, но не болѣе. У насъ же были сдѣланы два призыва публики къ явно-невыгоднымъ денежнымъ сдѣлкамъ, и, — въ нарушеніе общихъ законовъ денежнаго рынка, — массы людей шли разбирать банковые билеты 4-го выпуска и облигаціи Восточнаго займа не только безъ всякаго экономическаго разчета, а прямо вопреки такому разчету, принося своимъ участіемъ въ этихъ займахъ, сознательно и безсознательно, безкорыстныя и безвѣстныя жертвы. И на такихъ условіяхъ забвенія личныхъ экономическихъ интересовъ притекло въ Банкъ по двумъ займамъ болѣе двухсотъ милліоновъ рублей! Нигдѣ въ мірѣ займы на подобныхъ условіяхъ не дали бы столь блестящихъ результатовъ, и нѣтъ надобности скрывать и маскировать патріотическую жертву тамъ гдѣ всего менѣе можно было ожидать ея.

Да, соображая условія подписки на наши послѣдніе внутренніе займы съ положеніемъ денежнаго рынка и политическими обстоятельствами, нельзя не придти къ убѣжденію что люди шедшіе подписываться на нихъ приносили именно патріотическую жертву. Еще въ декабрѣ прошлаго года мы указывали какъ мало могло быть у публики побужденій, помимо патріотическихъ, къ пріобрѣтенію банковыхъ билетовъ 4-го выпуска по объявленной цѣнѣ 92 за 100. Не говоря уже о томъ что одновременно съ подпиской на эти билеты

публика могла находить отличное помѣщеніе для своихъ сбереженій въ пользующихся прекрасною репутаціей облигаціяхъ городскихъ обществъ, продававшихся много дешевле банковыхъ билетовъ, она не могла не видѣть что 92 за 100 слишкомъ высокая цѣна для новаго выпуска банковыхъ билетовъ, по сравненію съ прежними выпусками. Въ теченіе мѣсяца предъ подпиской, когда ея еще и не ожидали, на Петербургской биржѣ бывали случаи продажи банковыхъ билетовъ по 93, а на Московской даже и по $91^1/_2$ за 100. Какой же цѣны банковыхъ билетовъ можно было ожидать въ ближайшемъ будущемъ, съ увеличеніемъ находящейся въ обращеніи массы этихъ билетовъ на сумму ста милліоновъ? А билеты новаго выпуска, естественно, въ теченіи многихъ лѣтъ должны цѣниться ниже старыхъ уже по одной разницѣ въ разчетахъ на тиражъ. Въ виду всего этого, на сколько-нибудь привлекательную премію немедленно по заключеніи подписки на новый ихъ выпускъ не могло быть надежды. Затѣмъ, въ виду приближавшейся войны и неизбѣжности новыхъ займовъ, представлялось несомнѣннымъ что трудно разчитывать на премію и въ болѣе отдаленномъ будущемъ, по крайней мѣрѣ до окончанія войны. Вмѣсто преміи, пріобрѣтателямъ новой бумаги предстояла лишь перспектива потерять на курсѣ въ случаѣ надобности продать ее. Но такая перспектива не останавливала подпищиковъ на заемъ: около двухъ третей его было разобрано, и было бы разобрано гораздо больше еслибы срокъ подписки и число мѣстъ пріема ея было больше, да еслибы Государственный Банкъ выдалъ безъ скидки подписанное количество билетовъ лицамъ подписавшимся на милліоны. И мы видѣли потомъ какъ люди пріобрѣтшіе такимъ образомъ въ ноябрѣ банковые билеты 4-го выпуска по 92 р. имѣли въ январѣ удовольствіе продавать ихъ и по своей цѣнѣ и съ уступкой: и по 92, и по $91^3/_4$ и даже по $91^3/_8$ р. за штуку. Затѣмъ, эти билеты нѣсколько поднялись въ цѣнѣ, но очень не много, и полгода спустя послѣ ихъ выпуска, въ мѣсяцъ предшествовавшій Восточному Займу, мало кому удавалось продавать ихъ по 94, но многимъ приходилось отдавать по своей цѣнѣ, — 92 за сто. Подписка на Восточный заемъ вновь уронила цѣну билетовъ ноябрьскаго выпуска, и ихъ вновь приходилось отдавать дешевле чѣмъ они пріобрѣтены, по $91^3/_4$ и по $91^3/_8$ за сто.

Отъ подпищиковъ на Восточный заемъ требовались жертвы еще бо́льшія чѣмъ отъ подпищиковъ на ноябрьскіе билеты 4-го выпуска. Имъ предлагалась бумага со вдвое меньшимъ тиражемъ чѣмъ банковые билеты. Разница въ размѣрахъ тиража, бо́льшая и меньшая вѣроятность воспользоваться его выгодами, выражается весьма замѣтно на цѣнахъ бумагъ одинаковыхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этой разницы, напримѣръ, банковые билеты 1-го выпуска цѣнятся вообще (кромѣ случаевъ очень высокаго подъема ихъ цѣнъ, близко къ номинальной, когда тиражъ теряетъ свою привлекательность, какъ это обозначилось напримѣръ при тиражахъ 23 марта и 31 мая 1876 года) приблизительно рубля на два дороже билетовъ 2-го выпуска. Для подпищиковъ на Восточный заемъ было поэтому очевидно что облигаціи его будутъ котироваться на биржѣ по меньшей мѣрѣ на два или на три рубля дешевле банковыхъ билетовъ 4-го выпуска. Эти послѣдніе продавались на Петербургской биржѣ, въ теченіи мѣсяца подписки на Восточный заемъ, по 92 и ниже, по $91^3/_4$, по $91^1/_2$, даже по $91^3/_8$; сбросьте съ этихъ цѣнъ по два, по три рубля, и получите цѣны облигацій, какихъ могли ожидать подпищики на Восточный заемъ. И дѣйствительно, въ теченіи мѣсяца и болѣе по окончаніи подписки, облигаціи Восточнаго займа почти не удавалось сбывать по 89, а приходилось продавать по $88^3/_4$, по $88^1/_2$, даже по $88^1/_4$ р. Публика покупавшая у Банка эти облигаціи по 90 р. имѣла такимъ образомъ въ виду не премію, а такъ сказать штрафъ за участіе въ Восточномъ займѣ, и штрафъ весьма чувствительный, отъ 1 рубля до 1 руб. 75 коп. за облигацію. Но и такое тяжкое условіе не остановило публику уже обжегшуюся на ноябрьскомъ займѣ, и она разобрала Восточныхъ облигацій на сумму отъ 150 до 160 милліоновъ рублей!

Если такіе, по истинѣ блестящіе результаты получены при столь невѣроятныхъ условіяхъ, неизмѣримо далеко отступающихъ отъ обычныхъ основаній на которыхъ совершаются займовыя операціи, то какіе же результаты могли бы и могутъ быть достигнуты при займахъ на условіяхъ не затрудняющихъ, а обезпечиваю-

щихъ ихъ успѣхъ, на условіяхъ предоставленія публикѣ необходимыхъ выгодъ, а не требованія отъ нея пожертвованій, которыя должны идти своими, приличными имъ путями, а не путемъ покупки невыгодныхъ въ данное время фондовъ.

Люди мрачнаго взгляда на финансовыя средства Россіи и ея кредитъ, печатно выражавшіе, незадолго до недавней подписки на внѣшній заемъ, сомнѣніе насчетъ возможности реализовать его не только на предложенныхъ условіяхъ, но и по курсу 72 за сто, и привѣтствовавшіе неудачу этого займа заявленіемъ что „люди имѣющіе трезвый взглядъ на наше финансовое положеніе ничего другаго и не ожидали отъ подписки на новый заемъ,“—эти самые люди, поучающіе публику на столбцахъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, по странному противорѣчію, находятъ что условія подписокъ на ноябрьскій и Восточный внутренніе займы были весьма выгодны для публики. Заключить внѣшній 5% заемъ съ 37-лѣтнимъ погашеніемъ по курсу 76¹/₈, 74 и даже 72 за сто невозможно; но подписные курсы 92 за сто по таковому же внутреннему займу *) и по 90 за сто по займу не съ 37-лѣтнимъ, а съ 49-лѣтнимъ погашеніемъ,—это де курсы вовсе не высокіе! Разсужденія о высокомъ выпускномъ курсѣ облигацій Восточнаго займа не имѣютъ де основанія, такъ какъ этотъ заемъ „благодаря разсроченнымъ взносамъ, низкому залоговому проценту и нѣкоторымъ другимъ льготнымъ условіямъ“ представлялъ де такія выгоды подпищикамъ о которыхъ мы и понятія не имѣемъ. Такія льготы финансисты *Биржевыхъ Вѣдомостей* признаютъ совершенно достаточными чтобы вознаградить публику за невыгоды предстоявшей въ перспективѣ продажи бумагъ купленныхъ по 90 р. за 89 р. и ниже. Ужь и въ самомъ дѣлѣ не были ли эти льготы неслыханно громадными? Сравнимъ ихъ со льготами при реализаціи какого-нибудь изъ прежнихъ займовъ, заключенныхъ не въ военное, а въ мирное время, когда надобности во льготахъ было гораздо менѣе. Припомнимъ, напримѣръ, условія реализаціи желѣзнодорожныхъ консолидированныхъ 5% облигацій 3-го выпуска (1872 года). Онѣ были выпущены по 87 за сто, съ уплатой въ *десять* сроковъ *равными частями*. Еслибы та же льгота была дана по Восточному займу, подпищикамъ пришлось бы вносить въ десять сроковъ по 9 руб.; но отъ нихъ потребовалась уплата, не въ десять, а въ *пять* сроковъ, въ первые четыре по 16, и въ послѣдній—26 р. Разница ощутительная и вовсе не свидѣтельствующая о громадности льготъ предоставленныхъ публикѣ. Пониженіе на одинъ годъ процента при залогахъ въ Государственномъ Банкѣ бумагъ Восточнаго займа до 5%, конечно, не лишено значенія, но лишь въ той мѣрѣ что гарантируетъ отъ упадка курса въ теченіе перваго года ниже 81 рубля—суммы которую можно безъ продажи получить изъ Банка. И это отнюдь не такая льгота чтобы заставить публику разбирать на расхватъ бумагу съ перспективой не повышенія, а пониженія ея цѣны противъ подписнаго курса.

Впрочемъ, финансисты *Биржевыхъ Вѣдомостей* и сами едва ли думаютъ то что говорятъ, и въ ихъ апологіи проглядываетъ очевидная иронія: рядомъ съ защитой финансоваго плана внутреннихъ займовъ, они, на одномъ и томъ же столбцѣ газеты, защищаютъ и планъ того самого внѣшняго займа который на дняхъ такъ торжественно объявили безнадежнымъ въ глазахъ людей „имѣющихъ трезвый взглядъ на наше финансовое положеніе.“ Нечего сказать, лестный комплиментъ...

Вообще статья появившаяся въ полученномъ сегодня № 294 *Биржевыхъ Вѣдомостей*, представляющая собой апологію нашего финансоваго управленія и преисполненная яростныхъ нападеній на насъ за факты приведенные въ статьѣ № 282 *Московскихъ Вѣдомостей*, отличается изобиліемъ подобныхъ сюрпризовъ. Приведемъ одинъ интересный обращикъ. Мы указали на дняхъ на фактъ продажи Государственнымъ Банкомъ звонкой монеты въ 1876 году, наканунѣ войны. *Биржевыя Вѣдомости* объявляютъ что продажа, въ виду возможности войны, и въ ихъ глазахъ „представлялась бы непростительною ошибкою.“ Но виноваты въ этой ошибкѣ не Государственный Банкъ, не финансовое управленіе, а наша газета якобы не указавшая имъ шансы возможности войны и на необходимость предусмотрительности въ виду осложненія политическихъ обстоятельствъ. Безъ указанія съ нашей стороны, Госу-

*) Разницу въ валютѣ займа нѣтъ основанія принимать въ разчетъ, ибо проценты уплачиваются по займамъ въ той же валютѣ въ какой получены по нимъ капиталы.

дарственный Банкъ въ 1876 году находился де насчетъ войны въ такой же неизвѣстности, какъ и весь міръ, наше финансовое вѣдомство, какъ явствуетъ изъ откровенія *Биржевыхъ Вѣдомостей*, не замѣтило ни вспыхнувшаго въ 1875 году Боснійскаго возстанія и вызваннаго имъ дипломатическаго вмѣшательства, ни Болгарской рѣзни, ни Сербской войны, ни положенія принятаго Россіей... А вѣдь именно время этихъ послѣднихъ событій, съ 1 января по 1 ноября прошлаго года, и было, какъ показываютъ балансы Государственнаго Банка, эпохой никогда прежде у насъ не бывалой въ такихъ размѣрахъ трассировки золота!

Но возвратимся къ послѣднему внѣшнему займу, столь неожиданно нашедшему себѣ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* пылкаго защитника. Не будемъ спорить о томъ высокъ или низокъ былъ подписной курсъ, и насколько выгодны или невыгодны были для подпищиковъ другія условія. Не въ этихъ условіяхъ, сколько можно судить по имѣющимся пока свѣдѣніямъ, заключается *главная* причина неудачи займа, а въ выборѣ того банкирскаго синдиката которому была поручена займовая операція. Этого не отрицаютъ и *Биржевыя Вѣдомости*, но оправдывая выборъ, говорятъ: „едва ли наше финансовое управленіе отдавало когда-либо предпочтеніе Мен„дельсону предъ Ротшильдомъ и Берин„гомъ, но если Ротшильды и Беринги не „принимаютъ нашихъ условій, то понево„лѣ приходится обращаться къ Мендель„сонамъ.“ Откровеніе весьма интересное, и жаль только что оно не дополнено разъясненіемъ какія условія предлагали Беринги и Ротшильды вмѣсто „нашихъ,“ дабы возможно было судить о степени важности тѣхъ соображеній которыя побудили предпочесть свои условія даже при безнадежности осуществить ихъ черезъ тотъ синдикатъ который на нихъ согласился. Остается судить объ этихъ соображеніяхъ по аналогіи съ финансовою политикой выразившеюся въ условіяхъ внутреннихъ займовъ, политикой руководившеюся чрезмѣрною заботой о томъ чтобы занять за невозможно малый для военнаго времени процентъ и выгадать какой-нибудь ничтожный процентъ на курсѣ. Такая экономія походила бы на то какъ еслибы изъ экономіи не двигать на театръ войны достаточныхъ для ея успѣха силъ...

Ошибочная при внутреннихъ займахъ, подобная экономія столь же ошибочна и при займахъ внѣшнихъ. Могли ли мы занять за границей нужныя намъ суммы за 5% по 76½ или по 74 за 100,—отвѣчать на этотъ вопросъ было бы трудно, такъ какъ главная причина неудачи, повторяемъ, заключалась не въ курсѣ займа, а въ свойствахъ синдиката реализовавшаго заемъ. Но ясно что вслѣдствіе этой неудачи мы, для успѣшности будущаго займа, должны непремѣнно увеличить выгодность условій предлагаемыхъ заграничной публикѣ, отъ которой мы не можемъ ожидать такихъ жертвъ какъ отъ своей. Понизить ли курсъ 5% займовъ, или выпустить, вмѣсто 5%-ныхъ, 6%, 6½% и даже 7%-ныя облигаціи,—объ этомъ можно судить различно,—но несомнѣнно то что мелочная разчетливость въ дѣлѣ займовъ на военныя надобности не должна быть допускаема. Какъ бы ни были тяжки проценты, они не лягутъ на страну такою тяжестью какъ громадные выпуски ассигнацій, употребляемыхъ не только на внутренніе вызываемые войной расходы, но и на покупку непомѣрно дорогою цѣной звонкой монеты и металлическихъ векселей.

№ 288.

Москва, 19-го ноября.

А.

Г. Гладстонъ прочиталъ 23 ноября, въ своемъ помѣстьѣ Говарденѣ, публичную лекцію о Восточномъ вопросѣ. Эта новая манифестація неутомимаго вождя англійскихъ либераловъ представляла на этотъ разъ особенный интересъ въ виду сенсаціи произведенной въ Англіи вѣстью о паденіи Карса и новыхъ родомонтатъ раздававшихся по этому поводу въ тамошней туркофильской печати, обращики коихъ были и намъ переданы по телеграфу. Г. Гладстонъ не оставилъ безъ возраженій разглагольствія о необходимости для Англіи „указать Россіи не дипломатическимъ путемъ, а дѣломъ, что она почти достигла предѣла за коимъ начинается сфера англійскихъ интересовъ и что преступивъ этотъ предѣлъ она встрѣтится съ Англіей какъ съ открытымъ противникомъ.“ Главнымъ же образомъ чтеніе это посвя-

щено было характеристикѣ Турціи, Россіи и Болгарскаго народа на основаніи извѣстной статьи о томъ же предметѣ корреспондента *Daily News*, г. Форбза, въ журналѣ *Nineteenth Century*, съ которою мы уже имѣли случай познакомить нашихъ читателей. Придавая большое значеніе показаніямъ г. Форбза какъ очевидца, и вполнѣ довѣряя его искренности и правдивости, г. Гладстонъ рѣзко критиковалъ его, однако, за его *сужденія*, находя ихъ незрѣлыми и необдуманными. Упреки эти касались нападокъ г. Форбза на Болгаръ за то что они не прониклись благодарностью къ Туркамъ. Турки, по мнѣнію г. Форбза, не только могли, но съ своей точки зрѣнія *имѣли полное право* расправиться по своему турецкому способу съ болгарскимъ населеніемъ къ сѣверу отъ Балканъ, въ то время какъ русская армія перешла черезъ Дунай и турецкое населеніе поголовно бѣжало изъ сѣверозападной Болгаріи. Къ удивленію г. Форбза, Турки на этотъ разъ не причинили никакого насилія Болгарамъ; а между тѣмъ Болгары не оцѣнили этой великой милости Турокъ и пустились разорять и грабить оставленныя Турками жилища. Г. Гладстонъ не видитъ ни малѣйшаго повода къ благодарности со стороны Болгаръ, а сталобыть и къ тѣмъ рѣзкимъ нападкамъ на нихъ которыя дозволилъ себѣ г. Форбзъ. Съ другой стороны, самый фактъ „турецкой милости“ оказанной Болгарамъ является въ его глазахъ новою уликой противъ Турокъ и Турецкаго правительства, коего безнравственность и низость, говоритъ г. Гладстонъ, не имѣютъ примѣра въ исторіи. Сѣверные Болгары были де пощажены не потому чтобы Турокъ вдругъ обуяло великодушіе. Нѣтъ: убійство, грабежъ и насиліе неизмѣнно остаются основными мотивами турецкой „правительственной системы.“ Другихъ способовъ для поддержанія своего владычества Турки не знаютъ; но они не посмѣли рѣзать Болгаръ единственно изъ страха предъ грозною силой надвигавшеюся изъ-за Дуная. Это между прочимъ доказываетъ де что и прошлогодняя рѣзня къ югу отъ Балканъ могла бы быть предотвращена еслибы Турки опасались со стороны Европы не дипломатическихъ протестовъ, а дѣйствительнаго принужденія и возмездія.

Но важнѣйшею, въ политическомъ смыслѣ, частью этого чтенія г. Гладстона было заключеніе, въ коемъ онъ съ большею нежели до сихъ поръ опредѣленностью высказался относительно новой агитаціи о вмѣшательствѣ поднятой англійскими туркофилами послѣ паденія Карса. „До тѣхъ поръ,“ сказалъ онъ, „пока правительство, „согласно послѣднему заявленію перваго „министра въ Гальдгаллѣ, сохранитъ свой „условный нейтралитетъ, мы будемъ со„блюдать условное спокойствіе. Но и намъ „приходится зорко слѣдить за большин„ствомъ политическихъ друзей перваго ми„нистра и за большею частью преданныхъ „ему органовъ печати, которые всячески „усиливаются втянуть націю въ войну въ „защиту неправаго дѣла. Еслибы прави„тельство уступило этому давленію и от„ступило отъ нейтралитета, тогда и мы, „какъ я думаю и надѣюсь, выйдемъ изъ „бездѣйствія дабы не принять на себя „отвѣтственности за національный позоръ „и преступленіе. Мы вступимъ въ бой (съ „министерствомъ) какъ истые Англичане. „Нація будетъ судьей въ этомъ единобор„ствѣ.“

По странной случайности (если только это была случайность) содержаніе чтенія г. Гладстона было передано лондонскимъ телеграфомъ въ Берлинъ въ искаженномъ видѣ. Въ телеграммѣ словамъ г. Гладстона былъ приданъ тотъ смыслъ будто бы и либералы не безусловно противятся заступничеству Англіи за Турцію; что и они вступятъ въ бой въ защиту англійскихъ интересовъ коль скоро настанетъ моментъ когда Англія вынуждена будетъ отказаться отъ своего условнаго нейтралитета. Словомъ, выходило будто бы г. Гладстонъ, встревоженный паденіемъ Карса, публично отрекся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и не только высказалъ довѣріе къ правительству на случай его вмѣшательства въ войну, но обѣщалъ ему дѣятельную поддержку своей партіи. Берлинская печать не замедлила высказаться по поводу „отсутствія твердыхъ принциповъ“ въ англійскихъ государственныхъ людяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ берлинская *Національная Газета* поспѣшила свести къ нулю угрозы со стороны Англіи по поводу русскихъ завоеваній въ Малой Азіи.

Между тѣмъ телеграфъ принесъ содержаніе рѣчи произнесенной третьяго дня (28 ноября) графомъ Дарби, изъ которой видно что не только г. Гладстонъ, но и само министерство весьма далеко отъ вмѣ-

шательства въ войну. Ни долина Евфрата, ни Трапезунтъ не кажутся ему теперь лежащими на пути въ Индію. Словомъ, кабинетъ г. Дизраэли очевидно не только имѣетъ причины не уступать настояніемъ своихъ туркофильскихъ друзей, но счелъ благовременнымъ укротить ретивый пылъ ихъ посредствомъ „струи холодной воды.“

Тѣмъ не менѣе, для насъ не лишены интереса замѣчанія одной изъ вліятельнѣйшихъ берлинскихъ газетъ. *Національная Газета* полагаетъ что послѣдніе успѣхи русскаго оружія въ Малой Азіи открываютъ новые горизонты къ разрѣшенію Восточнаго вопроса. Возможно де что Россія, оставляя неприкосновенными турецкія владѣнія въ Европѣ (за исключеніемъ части Бессарабіи отошедшей въ 1856 году) и не требуя отъ Турціи денежной контрибуціи, которой та все равно дать не можетъ, захочетъ вознаградить себя въ Малой Азіи. И вотъ газета рисуетъ перспективу того что должно привести въ ужасъ Англичанъ всѣхъ оттѣнковъ партій: „Арменія, Эрзерумъ, можетъ-быть „и Трапезунтъ, можетъ-быть еще дальнѣйшія пріобрѣтенія Россіи; Черное Море, „Дарданеллы въ рукахъ Россіи; истоки „Тигра и Евфрата въ тѣхъ же рукахъ, „вся Анатолія открыта русскому вліянію.“ Все это, по мнѣнію берлинской газеты, можетъ быть пугаломъ для Англіи, не только для одной Англіи. Она увѣрена что ни Австрія, ни Италія никакими приманками не могутъ-быть побуждены къ сопротивленію пріобрѣтеніямъ Россіи въ Азіи. „Что же касается Германіи,“ говоритъ далѣе *Національная Газета*, „то „мы думаемъ что она будетъ взирать не „только безъ досады, *но съ радостью* на „распространеніе владычества Россіи надъ „тѣмъ прекраснымъ краемъ который до „сихъ поръ былъ закрытъ для культуры. „Англія не можетъ и помышлять чтобы „Германія оказала ей въ этомъ дѣлѣ хотя „малѣйшую поддержку.“

Эти слова лучше всего дополняютъ и разъясняютъ послѣднюю „миролюбивую“ манифестацію графа Дарби...

Б.

Говоря о блистательномъ отраженіи атаки Сулейманъ-паши войсками Наслѣдника Цесаревича, и именно корпуса командуемаго Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, мы выразили увѣренность что важность этого дѣла выяснится болѣе когда оно будетъ извѣстно во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Въ настоящее время изъ сопоставленія извѣстій, хотя еще далеко не полныхъ, оказывается что бой 14 ноября принадлежитъ къ числу самыхъ серіозныхъ сраженій. Сулейманъ-паша вывелъ 40 баталіоновъ пѣхоты, при кавалеріи и 8 батареяхъ, и сегодня мы узнаемъ какъ велика была потеря непріятеля: 2.500 турецкихъ тѣлъ были подняты предъ нашими позиціями, между тѣмъ какъ вся наша потеря при взятіи штурмомъ Карса, и убитыми, и ранеными, не превышаетъ этой цифры. Общую убыль въ войскахъ Сулеймана въ этомъ сраженіи надо полагать по крайней мѣрѣ въ 7—8.000 человѣкъ. Цифра эта сама говоритъ за себя не требуя комментарій и даетъ право полагать что едва ли, несмотря на все свое упорство, турецкій военачальникъ найдетъ возможнымъ вскорѣ повторить свою попытку, которая хорошо напомнила ему августовскіе дни его приступовъ на Шипку.

№ 290.

Москва, 22-го ноября.

А.

Англійское правительство значительно понизило свой недавно еще задорный тонъ. Это явно сказалось въ отвѣтѣ данномъ графомъ Дарби какой-то являвшейся къ нему депутаціи для врученія ему записки требующей вмѣшательства Англіи. Лордъ Дарби благодушно замѣчаетъ что Англіи нѣтъ причины отказываться отъ объявленнаго ею нейтралитета, такъ какъ британскіе интересы не подвергаются опасности: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ничто не угрожаетъ Суэзскому каналу... Какъ должно быть пріятно торійскимъ органамъ поднявшимъ было гвалтъ объ англійскихъ интересахъ въ Арменіи, услышать отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ что путь въ Индію вовсе не лежитъ черезъ Малую Азію, и что онъ спокойно ожидаетъ и занятія Русскими Трапезунта, ибо это нисколько не касается Суэзскаго канала... Все дѣло въ томъ что Англія осталась изолированною, а для одиночнаго вмѣшательства она безсильна. Стóитъ обратить вни-

маніе на то какъ отзывается лордъ Дарби объ Австріи, въ которой торійская печать съ увѣренностью видѣла готовую союзницу.

Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ излагаются чуть не по пунктамъ, съ большими подробностями, проекты будущаго мирнаго договора. Извѣстно что объ этомъ не давно заводили рѣчь наши недруги съ понятною цѣлью. Но къ чему теперь подобныя диссертаціи въ русской печати.

Газета *Times* уже подхватила разсужденія князя Васильчикова по сему предмету въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, и обрадовалась случаю дать ему свысока отвѣтъ отъ имени „великихъ державъ.“ Органъ Лондонскаго Города напоминаетъ якобы Россія „дала обязательство“ не дѣлать завоеваній, и начиная войну объявила будто она выступаетъ въ качествѣ „уполномоченной“ отъ Европейской конференціи. Когда это было? спрашиваемъ мы въ изумленіи,—но послушаемъ далѣе... А потому европейскія державы участвовавшія въ конференціи и рѣшившія тогда чего требовать отъ Порты „безъ войны,“ точно также и послѣ войны должны де настоять чтобы всякія дополнительныя условія мира были ими предложены, ибо Россія сама де заранѣе признала что „ея права на завоеванія могутъ быть лишь весьма ограниченныя.“ По увѣренію *Times*, легко и предвидѣть принципы коими эти права будутъ ограничены „великими державами,“ а именно: „всякія перемѣны ведущія къ спокойствію Болгаріи будутъ допущены, но всякія перемѣны благопріятныя для развитія Русскаго могущества не будутъ допущены.“

Россія дѣйствительно не желала и не искала войны, а потому ея правительство вполнѣ искренно говорило что не имѣетъ ни воинственныхъ ни завоевательныхъ намѣреній. Не ограничиваясь словами, оно доказывало свое миролюбіе дѣломъ. Не пренебрегая никакою возможностью для сохраненія мира, Россія обнаружила крайнюю уступчивость въ своихъ справедливыхъ требованіяхъ, и не только соглашалась дѣйствовать сообща, но и охотно предоставляла другимъ первенство въ дѣлѣ касающемся ея самыхъ дорогихъ интересовъ. Затѣмъ, никакихъ обязательствъ Россія ни предъ кѣмъ не несетъ и нести не можетъ. Это было объявлено ею столь же откровенно какъ были искренни ея усилія сохранить миръ. Устами своего Монарха, Россія объявила что если ея усилія останутся тщетными, то она твердо рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Желанію Русскаго Государя и Его народа сохранить миръ не суждено было сбыться, и началась война. При началѣ войны, вслѣдствіе неясностей слабой дипломатіи, могла казаться нѣсколько затемненною роль принятая на себя Россіей, но выяснить ее поспѣшила сама Англія, и лордъ Дарби, опасаясь недоразумѣнія и боясь показаться противникомъ Турціи, объявилъ въ своей депешѣ что не признаетъ чтобы Россія дѣйствовала въ качествѣ исполнительницы воли европейскихъ державъ, и что слѣдовательно начиная войну Россія дѣйствуетъ на свой страхъ. Газета *Times*, конечно, не могла забыть этого обстоятельства, хотя недобросовѣстно умалчиваетъ о немъ.

А если Россія ведетъ войну вполнѣ самостоятельно, то и при заключеніи мира она останется столь же самостоятельною въ своихъ рѣшеніяхъ. На это даютъ ей право какъ справедливость дѣла ею защищаемаго, такъ благопріятное для нея европейское положеніе которое лишаетъ Англію первенствующаго голоса. Каковы будутъ условія мира, это извѣстно одному Богу. Миръ есть послѣднее слово войны. Преждевременные же толки объ условіяхъ мира суть не болѣе какъ праздная болтовня.

Сколько наивна претензія нашихъ мирозаключителей говорить за Россію и опредѣлять не только что ей требуется, но и чего ей не нужно, такъ забавна и претензія лондонской газеты говорить за „великія державы.“ Газета *Times* должна знать какъ Европа отнеслась къ недавнимъ попыткамъ Англіи, и много ли представителей великихъ державъ было на лондонскомъ банкетѣ который англійскимъ министрамъ хотѣлось обратить въ туркофильскую демонстрацію. Къ чему же пустое хвастовство когда извѣстно что между великими державами нѣтъ согласія необходимаго для коалиціи противъ Россіи, а если есть согласіе, то развѣ противъ Англіи.

Times, кромѣ того, предостерегаетъ насъ еще указаніемъ на интересы „морскихъ державъ,“ и уже не говоря ото всей Европы, указываетъ спеціально на Францію и Италію, то-есть, другими словами хочетъ пригрозить намъ частною коалиціей

въ спеціальномъ интересѣ. И это не впопадъ. Очень сомнительно чтобъ интересы Франціи и Италіи въ Средиземномъ морѣ были сходны съ таковыми Англіи. Впрочемъ, пусть графъ Дарби попытается...

Относительно доводовъ *Times* о правѣ великихъ державъ участвовать въ опредѣленіи условій мира сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Развѣ забыла лондонская газета какъ горячо лордъ Биконсфильдъ толковалъ недавно что Турція доказала свою независимость полумилліономъ воиновъ ее защищающихъ? Но величіе независимости не даромъ достается. Независимая Турція ничѣмъ стало-быть не отличается отъ другихъ державъ и, въ случаѣ пораженія, должна подвергаться одинаковой съ ними участи. Независимая Австрія въ 1859 и и 1866 году, независимая Франція въ 1871 году, приняли миръ изъ рукъ побѣдителя. Даже маленькая независимая Данія въ 1864 году была въ такомъ же положеніи. То же самое будетъ и съ независимою Портой которая, отвергнувъ совѣты европейской конференціи, предпочла освободиться изъ-подъ опеки Европы и попытать счастія въ качествѣ независимой державы. Да и лордъ Дарби, признаетъ за Турціей такое положеніе говоря что она не имѣла основанія ожидать военной помощи отъ Англіи. На какомъ же основаніи можетъ Англія требовать участія въ заключеніи мира?

Б.

Армія Мегемеда-Али, формируемая въ Софіи и будто бы уже числящая въ себѣ свыше 50.000 человѣкъ, не успѣла исполнить свое ближайшее назначеніе, то-есть во-время явиться на выручку запертаго въ Плевнѣ Османа. Дѣйствіями гвардейскаго отряда для нея отрѣзанъ самый удобный путь, Софійское шоссе, а движеніемъ генерала Арнольди по дорогѣ на Берковецъ и предварительное занятіе другимъ нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Леонова, города Врацы запертъ и второй, гораздо менѣе удобный, путь.

Чтобъ яснѣе представить себѣ значеніе послѣднихъ извѣстій съ театра войны, слѣдуетъ припомнить что изъ Софіи на Плевну идетъ шоссе пересѣкающее такъ-называемые Этропольскіе Балканы. По сю сторону перевала, въ узкой долинѣ, расположенъ городъ Орханіе, гдѣ и былъ сосредоточенъ отрядъ Шевкетъ-паши который поддерживалъ связь съ Плевной рядомъ укрѣпленныхъ этаповъ, расположенныхъ другъ отъ друга на разстояніи 5 и 10 верстъ. Ближайшими этапами къ Плевнѣ были: Телишъ, Горній и Дольній Дубники, по взятіи коихъ связь Орханіевскаго корпуса съ Плевненскою арміей была совершенно прервана.

Но разрѣшивъ удачно первую задачу, то-есть достигнувъ полнаго обложенія Плевны, армія наша не могла этимъ ограничиться. Въ тылу ея слишкомъ близко находился непріятельскій отрядъ, который въ свою очередь пріобрѣлъ новое значеніе. За Этропольскими Балканами формировалась армія Мегемеда-Али. Сознавая важность этой арміи Турки принимали всѣ мѣры чтобы довести ее до скорѣйшей возможности перейти въ наступленіе, и съ этою цѣлью ослаблена была армія Реуфъ-паши подъ Шипкой и взяты свободныя войска изъ Адріанополя, которыя и были направлены къ Софіи. Формированіе новой арміи требовало конечно времени, а потому легко понять какую цѣнность имѣлъ для Турокъ удобный перевалъ, обладая которымъ они могли легко перейти Этропольскіе Балканы и сдѣлать серіозную диверсію въ пользу Османовой арміи. Корпусъ Шефкета получилъ значеніе передоваго поста охраняющаго сообщенія, а укрѣпленныя позиціи его можно было сравнить по значенію съ предмостными укрѣпленіями.

Позиціи эти не ограничивались только укрѣпленіями Орханіе и Правца, но главнымъ образомъ, сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, заключались въ оборонѣ самаго горла перевала. Здѣсь по вогнутой линіи горъ у подножія которыхъ расположено селеніе Врачешъ, устроена была система обороны изъ редутовъ въ два яруса, причемъ доступы къ редутамъ защищались шанцами съ двойными валами.

Штурмовать такую позицію было крайне рисковано, да и самую удачу пришлось бы купить слишкомъ дорогою цѣною. Поэтому, какъ видно изъ телеграммъ Главнокомандующаго, предпринято было обходное движеніе увѣнчавшееся блистательнымъ успѣхомъ при незначительныхъ потеряхъ. Занятіе Правецкой позиціи, а вскорѣ затѣмъ и Этрополя, угрожая турецкому тылу, поставило Шефкета въ положеніе крайне затруднительное и вынудило его

очистить Орханіе. Дальнѣйшее же движеніе Этропольскаго отряда на высоту Грeота, т.-е. къ серединѣ перевала, вынудило Турокъ къ поспѣшному очищенію Врачешскихъ позицій и къ отступленію за перевалъ на южный склонъ его къ Арабъ-Конаку. Такимъ образомъ, главнѣйшій перевалъ западной Болгаріи очутился въ нашихъ рукахъ съ потерею всего 350 человѣкъ убитыми и ранеными, армія же Мегемеда-Али утратила свое ближайшее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла вѣроятно и послѣдняя надежда въ защитникахъ Плевны. Депеша Главнокомандующаго сообщаетъ далѣе что отрядъ генерала Эллиса съ Правецкой позиціи двинулся вслѣдъ за непріятелемъ, прошелъ Орханіе и Врачешъ, и 19 ноября, соединившись съ отрядомъ генерала Дандевиля, остановился въ виду позицій Арабъ-Конака, обстрѣливаніе коихъ должно было начаться 21 ноября. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по извѣстіямъ *Международнаго Телеграфнаго Агентства*, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ отправился въ Этрополь и Орханіе для указаній по инженернымъ работамъ, что даетъ поводъ предполагать что наступленіе гвардейскаго отряда временно пріостановится ограничившись пріобрѣтенными важными успѣхами, и что Мегемеду-Али въ свою очередь едва ли удастся двинуться впередъ не рискуя возобновить безплодную бойню испытанную на Шипкѣ его преемникомъ по главной командѣ.

№ 291.

Москва, 23-го ноября.

А.

Высказанныя нами вчера замѣчанія о положеніи военныхъ дѣлъ въ западной Болгаріи подтверждаются и во многомъ дополняются хорошо свѣдущимъ корреспондентомъ *Политической Корреспонденціи* изъ Зимницы. Предъ нами два письма этого корреспондента, одно отъ 22, другое отъ 25 ноября. Сущность содержанія ихъ сводится къ тому что для Османъ-паши потеряна послѣдняя надежда на освобожденіе. Еще не зная о послѣднихъ нашихъ успѣхахъ въ Этропольскихъ Балканахъ и о занятіи нашими войсками Орханіе, важнѣйшаго этапнаго пункта на пути изъ Софіи въ Плевну, корреспондентъ считаетъ совершенно химерой тѣ надежды которыя друзья Турокъ и всѣ скорбящіе о судьбѣ Османа возлагаютъ на армію Мегемеда-Али; онъ доказываетъ что для Мегемеда-Али совершенно немыслимо прорвать осадную линію или даже предпринять какую-либо значительную диверсію, дабы отвлечь часть русскихъ силъ на себя и тѣмъ дать Осману возможность попытаться прорвать эту линію изнутри. Русскимъ военнымъ начальствомъ приняты всѣ мѣры чтобы всякое движеніе Турокъ изъ Плевны на какой бы то ни было пунктъ становилось немедленно извѣстно по всей линіи осады. Кромѣ полеваго электрическаго телеграфа устроенъ еще оптическій, который сигнальными огнями извѣщаетъ о всякомъ ночномъ движеніи непріятеля. Словомъ, корреспондентъ не сомнѣвается что „судьба Османа рѣшена.“ Но спрашиваетъ онъ, что будетъ дальше? И отвѣчаетъ что едва ли съ паденіемъ Плевны Россія охотно склонится къ предложеніямъ о мирѣ. Корреспондентъ не вѣритъ въ эти разчеты въ виду имѣющихся предъ нимъ фактовъ. „Военныя приготовленія здѣсь,“ сообщаетъ онъ, „съ каждымъ днемъ принимаютъ „болѣе широкіе размѣры. Милліоны и мил„ліоны расходуются на всякаго рода воен„ныя сооруженія и на военныя припасы; „новыя войска также продолжаютъ при„бывать въ количествѣ все возрастающемъ; „съ поставщиками, большими и малыми, „заключаются контракты на шесть мѣся„цевъ; во Фратешти сооружаются желѣз„ные бараки для госпиталей; сверхъ того, „во всѣхъ главныхъ городахъ Румыніи „нанято до 80 домовъ подъ военныя боль„ницы; срокъ найма также на шесть мѣ„сяцевъ. Болѣе тысячи паровыхъ мель„ницъ работаютъ надъ изготовленіемъ су„харей; заготовляются колоссальные запа„сы ячменя и овса, такъ что Румынія не „можетъ одна удовлетворить всѣмъ тре„бованіямъ на эти продукты, несмотря на „то что въ этомъ году тамъ былъ богатый „урожай. Все это даетъ мало поводовъ „разчитывать на близость мирныхъ пере„говоровъ.“

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же корреспондентъ передаетъ что онъ слышалъ въ военныхъ кругахъ о предположеніяхъ касательно дальнѣйшей кампаніи послѣ паденія Плевны. Имѣется де въ виду съ одной стороны оперировать противъ Рущука, а съ

другой, предпринять новое движеніе за Балканы и двинуть въ Румелію армію въ 80—100.000 человѣкъ. Россія желаетъ де воспользоваться благопріятными шансами теперешняго политическаго положенія и еще въ теченіе этой зимы подвинуться подъ самыя стѣны Константинополя, „такъ какъ „до весны политическія комбинаціи могутъ „измѣниться и быстрое дѣйствіе можетъ „предупредить всякіе неблагопріятные шан„сы въ будущемъ.“ Сооруженіе военныхъ желѣзныхъ дорогъ подвигается де быстро, чему неожиданно благопріятствуетъ наступившая въ Румыніи теплая погода; Бендеро-Галацкая дорога уже готова; дорога изъ Фратешти въ Зимницу будетъ готова еще въ этомъ году, и тысячи рабочихъ заняты по ту сторону Дуная постройкой дороги изъ Систова въ Тырново. Уже приступлено де къ сосредоточенію резервной арміи въ Румыніи; значительные отряды вступили въ Бессарабію, а авангарды ихъ уже прошли чрезъ Галацъ и Браиловъ; на румынскихъ дорогахъ ожидаютъ прохода значительныхъ воинскихъ поѣздовъ, вслѣдствіе чего скорый пассажирскій поѣздъ изъ Букурешта до Романа пріостановленъ. По Бендеро-Галацкой дорогѣ ожидается де проѣздъ цѣлаго армейскаго корпуса.

Таковы свѣдѣнія идущія изъ района нашей Дѣйствующей Арміи. Со стороны Турокъ также имѣются указанія на то будто бы и они преисполнились вновь военнаго пыла и намѣрены „биться до послѣдней крайности.“ Въ этомъ смыслѣ *Neue Freie Presse* привѣтствовала упраздненіе дари-шура (великаго военнаго совѣта) въ Константинополѣ. Душою этого совѣта былъ Махмудъ-Даматъ-паша, и на него то вѣнская туркофильская газета, вмѣстѣ съ авторами недавнихъ революціонныхъ прокламацій въ Стамбулѣ, возлагаетъ всю тяжесть отвѣтственности за военныя неудачи, и приписываетъ ему, также въ полномъ единомысліи съ константинопольскими заговорщиками, „предательскіе замыслы насчетъ мира.“ Махмудъ-Даматъ-паша вдругъ сталъ въ глазахъ туркофиловъ представителемъ партіи мира, тогда, какъ прежде онъ слылъ главнымъ поборникомъ войны до послѣдней крайности!

Все это, по мнѣнію берлинской *Національной Газеты*, свидѣтельствуетъ лишь то что въ Стамбулѣ снова совершились какія то важныя перемѣны, коихъ значеніе еще должно выясниться. Но во всякомъ случаѣ берлинская газета не думаетъ чтобы паденіе Махмудъ-Дамата означило торжество партіи крайняго военнаго сопротивленія. Всего де вѣроятнѣе что Махмудъ-Даматъ потерялъ свой кредитъ въ глазахъ султана вслѣдствіе неудачи постигшей его при попыткахъ побудить Германію и Австрію къ посредничеству. Но *Національная Газета* не думаетъ чтобы восторжествовавшіе противники Махмудъ-Дамата представляли собою помѣху къ миру, такъ какъ о самомъ султанѣ извѣстно что онъ страстно желалъ бы добиться мира. Все дѣло лишь въ томъ насколько вообще возможно чтобы обѣ воюющія стороны нашли теперь почву для соглашенія...

Б.

Показанія данныя въ Русской Главной Квартирѣ взятыми въ плѣнъ при Телишѣ англійскими врачами гг. Вечеломъ и Дугласомъ, какъ согласно свидѣтельствуютъ телеграммы Вольфова и Рейтерова агентствъ, произвели непріятное впечатлѣніе въ офиціальныхъ сферахъ Константинополя. Этими показаніями были очень смущены и турецкія, и англійскія власти въ Оттоманской столицѣ. Но смутили ихъ не факты, коихъ гг. Вечелъ и Дугласъ были очевидцами, не утонченныя звѣрства которыя совершены были воинами страны присоединившейся къ Женевской конвенціи, а совсѣмъ другое. Они пришли въ ужасъ отъ поступка гг. Вечела и Дугласа, которые, въ тройномъ качествѣ англійскихъ подданныхъ, врачей и представителей Общества Краснаго Креста, позволили себѣ возмутиться тѣмъ что видѣли и не сочли святымъ долгомъ потворствовать злодѣйству укрывательствомъ. Рѣшено было немедленно принять мѣры чтобы впредь ни одинъ англійскій врачъ не могъ провиниться въ подобномъ проступкѣ, и въ этихъ видахъ „старшій англійскій врачъ г. Кеннетъ,“ — какъ гласитъ телеграмма *Агентства Рейтера* изъ Константинополя, отъ 24 (12) ноября, *) — „обратился циркулярно ко всѣмъ англійскимъ врачамъ и хирургамъ служащимъ въ турецкихъ лазаретахъ съ напоминаніемъ что въ случаѣ еслибы кто изъ нихъ попался въ плѣнъ, то не долженъ сообщать Русскимъ никакихъ свѣ-

*) См. „Послѣднюю Почту“ въ № 289 *Моск. Вѣд.*

дѣній которыя могли бы послужить имъ въ пользу какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія."

Итакъ, англійскіе врачи отправляющіеся на театръ войны подъ знаменемъ Краснаго Креста, во имя великой идеи христіанскаго человѣколюбія, для облегченія и смягченія причиняемыхъ войной страданій, отнынѣ будутъ знать въ чемъ должна состоять ихъ первая и прямая обязанность въ виду отрѣзыванія у раненыхъ ушей, носовъ и головъ, сожженія у нихъ животовъ и т. п. *). Эта первая и прямая обязанность ихъ—заглушать въ себѣ всякое человѣческое чувство негодованія противъ изверговъ и состраданія къ ихъ жертвамъ и всячески скрывать истину дабы не повредить турецкимъ и не послужить русскимъ политическимъ интересамъ!

Если такова должна быть роль представителей англійскаго человѣколюбія, если даже имъ предписывается такое служеніе турецкимъ интересамъ, то какова же должна быть роль, какое служеніе Туркамъ требуется отъ англійскихъ политическихъ агентовъ? Поучительный въ этомъ отношеніи обращикъ дѣятельности англійскихъ офиціальныхъ агентовъ представляютъ англійскія офиціальныя донесенія о Болгарской рѣзнѣ минувшаго года и участіе англійскихъ офиціальныхъ агентовъ въ турецкомъ заговорѣ съ цѣлію истребленія Болгаръ, обнаруженномъ, благодаря германскому посольству въ Константинополѣ, вскорѣ послѣ похода генерала Гурко за Балканы.

Таково свойство *нейтралитета* соблюдаемаго Англіей при нашей борьбѣ съ угнетателями восточныхъ христіанъ...

№ 292.

Москва, 24-го ноября.

А.

Гвардейскій отрядъ продолжаетъ дѣйствовать съ блистательнымъ успѣхомъ, въ точности слѣдуя хорошо обдуманному плану въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Послѣдовательные захваты сильно укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій дополняются новымъ успѣхомъ: „Колонна генерала Эллиса заняла съ бою высоты командующія надъ турецкою позиціей при Арабъ-Конакѣ къ западу отъ Софійскаго шоссе," говоритъ телеграмма Главнокомандующаго, то-есть именно то мѣсто гдѣ обозначена на картѣ высота Камирли, упомянутая въ депешѣ Мегемедъ-Али.

Турки, сознавая важность этой позиціи, угрожающей Арабъ-Конаку гдѣ они укрѣпились, настойчиво пытались помѣшать нашему передовому отряду утвердиться на занятыхъ высотахъ, но несмотря на тройное превосходство силъ были окончательно отброшены, и высоты остались за нами.

Въ этомъ горячемъ бою, за все время своего наступленія къ югу, гвардейскія войска встрѣтили въ первый разъ упорное и ожесточенное сопротивленіе; но несмотря на свою малочисленость они отбили непріятеля съ удивительною стойкостью и мужествомъ, и лишь только была отбита третья атака, какъ уже на мѣсто боя приведены были графомъ Шуваловымъ значительныя подкрѣпленія.

Изъ одного этого факта усматривается разумная распорядительность гвардейской команды, ничего не предоставляющая случайности. Вообще все это движеніе гвардейскаго отряда не только украситъ собою лѣтописи нашей военной исторіи, но и послужитъ поучительнымъ примѣромъ для будущаго. Особенную важность имѣетъ мудрое правило обходныхъ движеній, которыя практикуются въ данномъ случаѣ съ такимъ очевиднымъ успѣхомъ. Сколько дорогой крови сохранено благодаря разумной осторожности, разчетливости и выдержкѣ! Стóитъ припомнить примѣръ данный въ этомъ отношеніи графомъ Шуваловымъ. Прійдя съ своимъ отрядомъ къ Правецкой позиціи сутками ранѣе обходной колонны генерала Рауха, онъ не позволилъ себѣ увлечься и терпѣливо выжидалъ товарища, чѣмъ ввелъ въ заблужденіе непріятеля вовсе не ожидавшаго опасности именно съ той стороны откуда она ему грозила. То же самое повторено было на другой день принцемъ Ольденбургскимъ при занятіи Этрополя, и нынѣ успѣшно дѣлается въ третій разъ отрядомъ посланнымъ на Златицу. Этому отряду, состоящему подъ начальствомъ генерала Курнакова, удалось спуститься со Златицкаго перевала, и 21 ноября, опрокинувъ Турокъ, вынудить ихъ къ отступленію въ

*) См. въ № 274 *Моск. Вѣд.* копію съ *Протокола* подписаннаго гг. Вечеломъ и Дугласомъ 19 (31) минувшаго октября.

Златицкій укрѣпленный лагерь; но не переходя въ дальнѣйшее наступленіе генералъ Курнаковъ выждалъ прибытія колонны полконника графа Камаровскаго, шедшей къ нему съ восточной стороны отъ Тетевенскаго перевала. Самое движеніе на Златицу вѣроятно имѣетъ цѣлью, появленіемъ въ тылу Орханійскаго перевала, понудить Турокъ къ очищенію Арабъ-Конака по возможности безъ боя, подобно тому какъ уже были очищены Орханіе и Врачешъ лишь благодаря угрожающему положенію послѣдовательно принятому Этропольскимъ отрядомъ.

Къ сожалѣнію, одновременно съ этими успѣхами нашихъ войскъ въ югозападномъ направленіи, произошло неудачное для русскаго оружія дѣло у Еленинскаго перевала. 22 ноября, Турки въ значительномъ числѣ, отъ 20 до 30 тысячъ, атаковали наши позиціи у Марены. Слабый отрядъ князя Святополка-Мирскаго, состоявшій изъ одного пѣхотнаго Орловскаго и одного Сѣверскаго драгунскаго полковъ, всего въ количествѣ до четырехъ тысячъ человѣкъ, не выдержалъ напора многочисленнаго непріятеля, и послѣдовательно уступивъ Маренинскую и Еленинскую позиціи, съ боемъ отошелъ на заранѣе укрѣпленную позицію у деревни Яковицы, верстахъ въ десяти за Еленою въ направленіи къ Тырнову, въ тридцати верстахъ отъ этого города. Яковицкая позиція, расположенная на командующихъ высотахъ, къ тому же защищенная съ фронта и фланговъ теченіемъ рѣки Дреневы, представляетъ значительныя выгоды для обороны, и если слабый отрядъ Святополка-Мирскаго удержалъ эту позицію въ теченіе всего дня 23 ноября, то онъ сумѣетъ тѣмъ болѣе удержать ее теперь благодаря прибывшимъ и прибывающимъ подкрѣпленіямъ. Но самая возможность неожиданнаго появленія непріятеля въ столь значительныхъ силахъ указываетъ на недостаточное развитіе аванпостной службы. Знай мы заранѣе о готовящемся нападеніи, отряду князя Мирскаго не пришлось бы болѣе сутокъ выжидать необходимыхъ подкрѣпленій, своевременное прибытіе которыхъ могло бы сразу измѣнить весь ходъ дѣла.

Тридцатитысячный корпусъ Турокъ вытѣснившій насъ изъ Еленинскаго перевала пришелъ, очевидно, отъ Адріанополя гдѣ формируется новая турецкая армія. Туркамъ тѣмъ легче удалось вытѣснить насъ изъ этой важной позиціи что малочисленный передовый отрядъ нашъ былъ, какъ видно, въ слишкомъ слабой связи съ главными силами.

Во всякомъ случаѣ, малоожиданное появленіе непріятеля въ значительныхъ силахъ съ этой стороны даетъ поводъ предполагать возможную связь между наступленіемъ Турокъ къ Еленинскому перевалу и сосредоточеніемъ арміи Сулейманъ-паши на Османъ-Базарской дорогѣ, о которомъ въ послѣднее время не разъ сообщали иностранные источники. Какъ ни рискована была бы попытка Турокъ пробиваться въ направленіи къ Тырнову, но задавшись цѣлью сдѣлать все возможное для выручки Плевнинской арміи и понуждаемые изъ Константинополя, турецкіе полководцы могутъ попытать счастія и въ этомъ направленіи. Будемъ надѣяться что и здѣсь ихъ ожидаетъ та же участь какая уже не разъ постигла ихъ на линіи охраняемой войсками Наслѣдника Цесаревича

Б.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщаемъ подробную карту Плевны и ея окрестностей съ турецкими позиціями, составленную на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Одного взгляда на предлагаемую карту достаточно чтобъ убѣдиться, съ какимъ опытнымъ въ инженерномъ искусствѣ противникомъ имѣемъ мы дѣло, и ознакомиться съ тѣми трудностями которыя войскамъ нашимъ приходится преодолѣвать до послѣдней минуты.

Прикованный къ своимъ позиціямъ съ начала іюля мѣсяца, Османъ-паша не теряя времени приступилъ къ ихъ оборонѣ, и занимая восемнадцативерстную площадь съ востока на западъ и восьмиверстную съ сѣвера на югъ окружилъ ее сплошнымъ кольцомъ взаимно фланкирующихся укрѣпленій, вокругъ котораго въ свою очередь выросло желѣзное кольцо Тотлебеновской блокады, подробныя линіи которой естественно скрываются въ возможной тайнѣ.

Плевнинскія позиціи, какъ видно на планѣ, дѣлятся рѣкою Видомъ на двѣ неравныя части: восточную, собственно составляющую укрѣпленный лагерь, и западную, предназначенную для защиты тыла. Начиная съ праваго берега Вида, почти до самаго Букова, идутъ *сѣверныя укрѣпленія*,

заключающіяся въ двухъ, открытыхъ снаружи, но соединенныхъ траншеями люнетахъ, и въ одномъ ссмкнутомъ укрѣпленіи, котораго неправильный видъ требовался ради возможно большаго количества линій обстрѣла... Называя укрѣпленія люнетами, мы стараемся только подвести ихъ подъ извѣстный типъ фортификаціонной постройки, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, имѣя временный характеръ и видоизмѣняясь по требованіямъ момента, они едва ли подлежатъ точнымъ обозначеніямъ

На *сѣверо-востокъ и востокъ* отъ Букова до Рущукско-Плевнинскаго шоссе, укрѣпленія идутъ уже двумя линіями: передняя линія состоитъ изъ двухъ такъ-называемыхъ Гривицкихъ редутовъ, изъ коихъ № 1-й взятъ штурмомъ 30 августа, а № 2-й представляя замкнутое укрѣпленіе самой неправильной формы донынѣ находится въ рукахъ Турокъ; задняя же линія состоитъ изъ ряда люнетовъ предназначенныхъ для тыльной и фланговой обороны. На *юго-востокъ* укрѣпленія идутъ отъ шоссе до Гривицкаго ручья; здѣсь, за исключеніемъ одного большаго укрѣпленія, называемаго по словамъ *Политической Корреспонденціи*, Хазисъ-бей-Табіе, всѣ укрѣпленія состоятъ изъ нѣсколькихъ линій взаимно обороняющихся ложементовъ, очевидно приспособленныхъ не только къ перекрестному, но и къ фланговому огню съ цѣлью защиты южныхъ укрѣпленій. Противъ Хафисъ-бей-Табіе и сказанныхъ ложементовъ, въ день штурма 30 августа, дѣйствовали войска 4-го корпуса подъ начальствомъ генерала Крылова. На *югъ и юго-западъ* отъ Гривицкаго ручья до рѣки Вида, пересѣкая Зеленыя Горы, устроена двухъярусная оборона, а) изъ передовыхъ редутовъ, занятыхъ 30 августа генераломъ Скобелевымъ, и б) цѣлой линіи сильной профили люнетовъ обращенныхъ не только въ тылъ первой линіи, но и къ востоку и юго-западу. Если прибавить къ двумъ названнымъ линіямъ рядъ ложементовъ находившихся на первомъ гребнѣ Зеленыхъ Горъ, взятыхъ штурмомъ генераломъ Скобелевымъ въ ночномъ дѣлѣ 27 октября, то въ южномъ направленіи, какъ оказывается, устроена была трехлинейная защита, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду самыхъ профилей укрѣпленій, имѣющихъ по описаніямъ *Русскаго Инвалида* трехъярусную оборону и защищаемыхъ двумя рвами. На западъ отъ рѣки Вида, параллельно ея теченію съ юга и вплоть до сѣверныхъ позицій, тянется новая линія укрѣпленій, вѣроятно значительно усиленная въ виду послѣднихъ успѣховъ нашей и румынской армій въ этомъ направленіи.

Такимъ образомъ Османъ-паша употребилъ всѣ усилія къ возможно равномѣрной защитѣ своихъ позицій, и генералу Тотлебену предстояло обширное поприще выказать свое искусство.

По послѣднимъ извѣстіямъ, генералъ Тотлебенъ уже воздвигъ вокругъ укрѣпленій непріятеля цѣлый рядъ другихъ укрѣпленій, все болѣе стягивающихъ кольцо осады. Блокада между тѣмъ поддерживается строго, и близокъ день когда Плевнинскія укрѣпленія падутъ предъ соединенными усиліями разума и мужества.

№ 293.

Москва, 25-го ноября.

По поводу рѣчи лорда Дарби, въ которой онъ сознался въ неумѣстности англійскаго вмѣшательства, мы имѣемъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Изъ полученныхъ теперь англійскихъ газетъ мы узнаемъ что это была за депутація являвшаяся съ ходатайствомъ о принятіи Англіей участія въ войнѣ противъ Россіи. Это были представители трехъ обществъ: Общества Огражденія Британскихъ Интересовъ отъ Захватовъ Россіи на Востокѣ, Ассоціаціи Турецкой Обороны и Польскаго Общества Бѣлаго Орла. Уже одни названія этихъ обществъ достаточно показываютъ какого рода делегаты явились къ англійскому министру бесѣдовать съ нимъ не только о „британскихъ интересахъ,“ но и объ „интересахъ Европы...“

Особенно хороша „Ассоціація Турецкой обороны.“ Вотъ самоличный свидѣтель что мы воюемъ не съ одною Турціей, а что она получаетъ изъ Англіи постоянную, подъ рукой организованную помощь. Существованіе и дѣятельность подобнаго учрежденія въ Англіи не хотятъ считать несовмѣстнымъ съ нейтралитетомъ, хотя это прямо противорѣчитъ какъ смыслу, такъ и буквѣ прокламаціи обнародованной отъ имени королевы Викторіи. Дѣйствія этой ассоціаціи уже не подходятъ подъ категорію поступковъ отдѣльныхъ лицъ, дѣй-

ствующихъ на свой страхъ и за которыя отвѣтственность правительство могло бы не принимать на себя. Это цѣлое общество, во главѣ коего находится лордъ Кэмпбеллъ и которое организовалось въ нарушеніе прокламаціи королевы, и самъ лордъ Дарби неосмотрительно далъ ему офиціальное признаніе благодушно снизойдя, въ качествѣ министра, принять адресъ отъ его делегатовъ. Подумалъ ли англійскій министръ что онъ быть-можетъ готовитъ своей странѣ новое затрудненіе въ будущемъ, въ родѣ Алабамскаго? Ему точно также въ послѣдствіи нельзя будетъ отозваться невѣдѣніемъ о дѣятельности этихъ нарушителей англійскаго нейтралитета какъ на третейскомъ судѣ въ Женевѣ коммиссары Англіи не могли опровергнуть свидѣтельства Соединенныхъ Штатовъ о томъ что крейсеры мятежныхъ Южанъ снаряжались въ англійскихъ портахъ и выходили оттуда въ море *свѣдома* англійскихъ властей, которыя не принимали противъ того никакихъ мѣръ. Казалось бы опытъ Алабамы долженъ былъ научить Англійское правительство что и двусмысленныя враждебныя дѣйствія предпринимаемыя подъ маской нейтралитета не обходятся даромъ, а оставляютъ долгіе слѣды и рано или поздно влекутъ заслуженное возмездіе.

Легко вообразить какихъ рѣчей пришлось наслушаться лорду Дарби отъ любезно принятыхъ имъ подобныхъ делегатовъ. Какъ врученный ему адресъ, такъ и произнесенныя разными ораторами рѣчи, дышали ненавистью къ Россіи и были переполнены самыми яростными противъ нея выходками. Однако, въ самомъ задорѣ уже слышалось уныніе, въ которомъ крикунами какъ бы предчувствовался отвѣтъ статсъ-секретаря. Они признавали что теперь Англія не имѣетъ той поддержки какъ въ 1853 и что, такъ какъ Англіи приходится „одной защищать европейскіе интересы и трактаты,“ то ея усилія поневолѣ должны быть ограниченны. Они требовали чтобы правительство энергически вступилось за „окровавленную Высокую Порту которая отстаиваетъ свое существованіе въ интересѣ Европы,“ но полагали возможнымъ сдѣлать это не вступая въ войну. Одинъ эксцентрическій ораторъ даже вообразилъ что возможно не выступая изъ нейтралитета заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей, который вполнѣ оградилъ бы ее. На такую наивную мысль лорду Дарби конечно пришлось отвѣтить тѣмъ что заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза съ одною изъ воюющихъ сторонъ означаетъ попросту вступленіе въ войну.

Отвѣтъ лорда Дарби былъ вообще весьма обстоятельно переданъ намъ по телеграфу. Но при передачѣ было пропущено одно довольно характеристическое мѣсто.

Подсмѣиваясь надъ воинственнымъ задоромъ части англійской публики, лордъ Дарби сказалъ: „Всѣ мы помнимъ какъ одинъ министръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринялъ великую войну для *престижа*, и какъ онъ говорилъ что начинаетъ ее съ легкимъ сердцемъ, но ни онъ, ни его государь, ни его страна, не вышли изъ этой войны съ легкимъ сердцемъ.“ Это напоминаніе о пресловутой фразѣ злополучнаго Эмиля Олливье предъ началомъ Франко-Германской войны было какъ нельзя болѣе кстати, и оно вполнѣ подходитъ къ настоящему положенію Англіи, которая чувствуетъ что отъ нея ускользаетъ обаяніе ея долговременнаго, основаннаго на интригахъ, первенства въ европейской политикѣ, какъ ни обидно сознаніе въ томъ для гордости Англичанъ. Но къ однимъ ли только слушателямъ лорда Дарби было обращено это напоминаніе? Не могъ ли этотъ намекъ относиться къ лицу гораздо выше ихъ поставленному? На эту мысль наводятъ нѣкоторыя замѣчанія газеты *Daily News*. Либеральный органъ особенно доволенъ рѣчью лорда Дарби, потому что она появилась въ критическую минуту и поможетъ де разсѣять нѣкоторые тревожные слухи распространившіеся въ послѣднее время въ Англіи и за границей. Слухи же эти были такого рода: „Толкуютъ о заявленіяхъ угрожающаго характера сдѣланныхъ будто бы первымъ министромъ при офиціальныхъ свиданіяхъ съ высокими дипломатическими лицами. „Лордъ Биконсфильдъ, какъ полагаютъ, „далъ понять что если Русскіе захватятъ „Адріанополь, то вниманіе къ нашимъ интересамъ на Востокѣ принудитъ Великобританію вмѣшаться въ войну, и что, въ „случаѣ такого событія, выславъ наши „войска изъ Индіи и изъ Англіи, мы можемъ выставить въ поле армію въ 200 „или 300.000 человѣкъ.“ Если въ этихъ толкахъ было хотя что-либо близкое къ истинѣ (а должно замѣтить что подобное

хвастовство, дѣйствительно, наполняло въ послѣднее время страницы самыхъ задорныхъ торійскихъ органовъ, въ родѣ *Morning Post*), то нельзя не признать что напоминаніе объ участи Эмиля Олливье было весьма нелишнимъ для англійскаго премьера, и *Daily News*, зная практическій складъ ума своихъ соотечественниковъ, основательно заключаетъ замѣчаніемъ что „вся „эта безсмыслица не переживетъ удивительнаго здраваго смысла высказаннаго „лордомъ Дарби не только отъ своего имени, но и отъ всего правительства, включая лорда Биконсфильда.“ Бѣдный лордъ Биконсфильдъ! Незавидно же его положеніе когда ему пришлось выслушать жестокій намекъ и сравненіе съ несчастнымъ французскимъ министромъ изъ устъ своего, доселѣ столь вѣрнаго клеврета, скептическаго лорда Дарби, который нашелъ нужнымъ охладить струей здраваго смысла слишкомъ разыгравшуюся восточную фантазію своего принципала...

№ 294.

Москва, 26-го ноября.

А.

Злополучное дѣло нашего передоваго отряда у Марены и Елены снова выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о томъ имѣемъ ли мы достаточную силу за Дунаемъ чтобы быть обезпеченными на будущее время отъ подобныхъ неожиданностей? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно что мы не имѣемъ на театрѣ войны достаточно войскъ для наступательнаго дѣйствія какое требуется и вынуждены держаться лишь оборонительнаго положенія, намъ теперь несвойственнаго.

На дняхъ приводили мы сообщеніе зимницкаго корреспондента *Политической Корреспонденціи* что подвозъ русскихъ войскъ на театръ войны идетъ безостановочно, и что въ Румыніи формируется резервная русская армія. Къ тому же, въ письмѣ отъ 29 ноября помѣщенномъ въ полученномъ сегодня нумерѣ названнаго листка, тотъ же корреспондентъ сообщаетъ что пересылка свѣжихъ войскъ въ Болгарію въ послѣдніе дни нѣсколько уменьшилась, но что резервная армія въ Румыніи продолжаетъ усиливаться. Четвертая резервная дивизія уже вступила де въ Галацъ и ожидаютъ будто бы прибытія еще двухъ корпусовъ (?), какъ только установится правильное движеніе на Бендеро-Галацкой военной дорогѣ. Но открытіе этой дороги замедлилось, и его нельзя ожидать ранѣе 1 декабря ст. ст. Пріемочная коммиссія имѣла начать объѣздъ и освидѣтельствованіе линіи 23 ноября, а работы коммиссіи должны продолжаться по крайней мѣрѣ 8 дней.

Между тѣмъ нельзя сказать чтобы наступательныя дѣйствія со стороны Турокъ противъ нашего лѣваго фланга были совершенною неожиданностью. Въ военныхъ обозрѣніяхъ туркофильскихъ газетъ, какъ напримѣръ въ *Neue Freie Presse*, мы давно уже читаемъ соображенія что помощь Османъ-пашѣ должна быть подана не со стороны Софіи, а войсками Сулеймана при содѣйствіи силъ собираемыхъ по ту сторону Балканъ у Адріанополя. И въ цитуемомъ нами письмѣ изъ Зимницы мы также встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „Въ восточной Болгаріи продолжаются аванпостныя „стычки между обѣими арміями безъ существенныхъ результатовъ. *Однако возможно что со стороны Турокъ будетъ „предпринятъ серіозный ударъ.*“

Тотъ же корреспондентъ продолжаетъ передавать въ видѣ слуховъ толки и разсказы о Плевнѣ которые ему приходится слышать въ русскихъ военныхъ кругахъ. Такъ онъ слышалъ что Османъ-паша дѣйствительно присылалъ въ Главную Квартиру парламентера съ заявленіемъ что у него имѣется провіанта еще на нѣсколько мѣсяцевъ; тѣмъ не менѣе Османъ будто бы предлагаетъ очистить Плевну и сдать весь находящійся тамъ военный матеріалъ съ тѣмъ чтобъ его арміи было дозволено отступить въ Софію, солдатамъ безъ оружія, а офицерамъ съ оружіемъ. Но Русская Главная Квартира отвергла де это предложеніе, изъявивъ лишь согласіе отпустить офицеровъ на честное слово что они не будутъ болѣе принимать участія въ этой кампаніи. На томъ переговоры и прекратились.

Другой слухъ, имѣющій по мнѣнію корреспондента болѣе вѣроятія, заключается въ томъ что въ скоромъ времени слѣдуетъ ожидать новой общей атаки противъ Плевны. Такое измѣненіе бывшихъ повидимому до сихъ поръ предположеній основывается будто бы на слѣдующихъ мотивахъ: „Планъ

„осажденія Плевны и принужденія ея гар„низона къ сдачѣ посредствомъ голода „былъ принятъ, большинствомъ военнаго „совѣта лишь съ тѣмъ условіемъ что при „первомъ благопріятномъ стеченіи обстоя„тельствъ все-таки будетъ сдѣлана попыт„ка къ штурму. Этимъ объясняется по„стоянное приближеніе передовыхъ линій „къ турецкимъ веркамъ. Такого рода при„ближеніе, сопряженное съ постоянными „потерями, не было бы необходимо еслибъ „имѣлось въ виду лишь принужденіе къ „сдачѣ посредствомъ осады. Но въ виду „смѣшанной системы, принятой съ самаго „начала, приближеніе къ турецкимъ вер„камъ объясняется само собою. Въ поль„зу ускоренія приступа имѣются теперь „повидимому и другія соображенія: вопер„выхъ, удачный штурмъ Карса какъ бы „подкрѣпилъ доводы той партіи въ рус„скомъ лагерѣ которая съ самаго начала „была за штурмъ; вовторыхъ, въ турец„комъ лагерѣ начинаютъ появляться при„знаки деморализаціи, и втретьихъ, выго„ды которыя должно принести Русскимъ „скорое занятіе Плевны столь громадны „что ради ихъ можно рѣшиться и на зна„чительныя жертвы, лишь бы штурмъ былъ „удаченъ“. Всѣ эти соображенія, по сло„вамъ корреспондента, должны были под„крѣпиться при послѣднихъ успѣхахъ рус„скаго оружія въ юго-западной Болгаріи. Во всѣхъ важныхъ этапныхъ пунктахъ Софійской дороги занятыхъ русскими вой„сками были найдены громадные склады всякаго рода запасовъ, а это даетъ поводъ къ несомнѣнному заключенію что Турки, снабдившіе всѣ этапы къ Плевнѣ всѣмъ необходимымъ, тѣмъ усерднѣе снабдили припасами всякаго рода самую Плевну, что они могли дѣлать совершенно безпрепятственно въ теченіе 2½ мѣсяцевъ.

Тѣмъ не менѣе корреспондентъ считаетъ своимъ долгомъ привести и другой упорно держащійся въ высшихъ сферахъ слухъ, что дѣло до штурма не дойдетъ, и что Плевна сдастся на капитуляцію не позднѣе 10 декабря новаго стиля.

Б.

Въ *Neue Freie Presse* напечатано любопытное письмо Мидхата-паши изъ Неаполя, отъ 19 ноября, адресованное имъ одному изъ турецкихъ государственныхъ людей который находится у дѣлъ. Письмо это любопытно въ двоякомъ отношеніи: оно характеризуетъ теперешнее настроеніе турецкихъ „патріотовъ“ и сверхъ того заключаетъ въ себѣ важныя историческія разоблаченія касательно обстоятельствъ предшествовавшихъ войнѣ. Воспроизводить это довольно длинное письмо цѣликомъ нѣтъ надобности. Оно очевидно предназначено для печати и потому преисполнено тѣхъ лживыхъ и гнусныхъ въ своемъ лицемѣріи фразъ на которыя способны только Турки. Въ этомъ отношеніи можно ограничиться лишь однимъ обращикомъ. Мидхатъ-паша раздѣляетъ „справедливыя сѣтованія“ Турокъ на Европу. „Она,“ говоритъ онъ, „поступила противъ насъ крайне „несправедливо. Та самая Европа, которая „хвалится тѣмъ что она распространила „свѣтъ цивилизаціи на самыя отдаленныя „страны земли, та самая Европа которая „такъ гордится своею гуманностью, не „сумѣла достойно заклеймить нападенія „на насъ со стороны Россіи; она дозво„лила Русскимъ совершить безчисленныя „жестокости и молча взирала на умерщвле„ніе нашихъ дѣтей, женщинъ и стари„ковъ.“

Тѣмъ не менѣе Мидхатъ-паша не совѣтуетъ ни предаваться фанатизму, ни отчаиваться въ Европѣ. Онъ всячески возстаетъ противъ мысли о сепаратномъ мирѣ съ Россіей, и полагаетъ что еще есть возможность „войти въ соглашеніе съ Европой“ и измѣнить ея равнодушіе къ Турціи. Еще четыре мѣсяца тому назадъ онъ имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться, въ то время какъ Русскія войска перешли Балканы и двигались на Адріанополь. Его патріотическое сердце было глубоко встревожено русскими успѣхами. Находясь въ Вѣнѣ „онъ имѣлъ случай вступить въ сношенія „съ нѣкоторыми государственными людьми „коихъ настроеніе было благопріятно Тур„ціи.“ Онъ не вытерпѣлъ и обратился къ султану съ телеграммой въ которой предложилъ ему свои услуги; но это ни къ чему не повело, и онъ даже не былъ удостоенъ отвѣта. Затѣмъ онъ уѣхалъ изъ Вѣны въ Парижъ, и оттуда вынужденъ былъ переселиться въ Неаполь вслѣдствіе своихъ ревматическихъ страданій, гдѣ и прожилъ все время въ одиночествѣ, скорбя о злополучной судьбѣ своего любезнаго отечества. Повторить прежнюю попытку и снова предложить султану свои услуги онъ не намѣренъ, но онъ подаетъ совѣты сво-

ему корреспонденту который, какъ видно изъ письма, имѣетъ возможность „дѣятельно вліять на судьбы своего отечества.“ Обозрѣвая событія прошедшаго года, Мидхатъ-паша находитъ что Турецкое правительство одержало три блестящія побѣды, но не сумѣло воспользоваться плодами ни одной изъ нихъ и своими ошибками сгубило достигнутый успѣхъ, чѣмъ де и отвратило отъ себя Европу.

Первою изъ указанныхъ побѣдъ было „распущеніе константинопольской конференціи.“ Программа конференціи была такова что она должна была повести къ упраздненію Турецкой монархіи безъ войны, и потому распущеніе конференціи было спасеніемъ для Турціи. Но вслѣдъ затѣмъ былъ составленъ Лондонскій протоколъ. По мнѣнію Мидхата-паши, *этотъ протоколъ не заключалъ въ себѣ ничего такого что подвергало бы опасности цѣлость и независимость Турціи.* Изъ него можно было выкинуть нѣкоторыя унизительныя для Турціи выраженія и принять оный чѣмъ была бы предотвращена война. „Но, при„бавляетъ Мидхатъ паша, наше правитель„ство отвергло протоколъ съ безпримѣр„нымъ легкомысліемъ и съ дерзкою спѣсью „на какую не было бы способно самое „могущественное и внушающее уваженіе „правительство.“ Этимъ не только была де навлечена война, но и вызвано справедливое раздраженіе Европы, которымъ объясняется ея теперешнее равнодушіе.

Второю побѣдой оказывается провозглашеніе турецкой конституціи, долженствовавшей сразу положить конецъ старому режиму Турціи, который авторъ конституціи признаетъ „гнуснымъ.“ Но благодаря интриганамъ нынѣ окружающимъ султана, Оттоманская конституція „стала третьею мертвою буквой пресловутаго гатти-гумаюна.“ Это опять-таки отвратило отъ Турціи симпатіи Европы.

Наконецъ, втретьихъ, турецкій солдатъ сумѣлъ доказать міру какія великія качества таятся въ турецкой душѣ. Но рядъ новыхъ ошибокъ свелъ къ нулю первые успѣхи турецкаго оружія.

Несмотря на все это Мидхатъ увѣщеваетъ своихъ соотечественниковъ быть стойкими въ бѣдѣ и отнюдь нейти на соглашеніе съ исконнымъ врагомъ.

№ 296.

Москва, 28-го ноября.

На прошедшей недѣлѣ мы съ удовольствіемъ обратили вниманіе на чуткость съ какою берлинская печать отозвалась о чтеніи г. Гладстона въ Говарденѣ, и заподозривъ въ его словахъ нѣкоторую перемѣну въ направленіи, воспользовалась этимъ случаемъ чтобъ еще разъ и яснѣе чѣмъ когда-либо выразить свое сочувствіе и доброжелательство къ дѣлу Россіи на Востокѣ. Заявленіе это тѣмъ замѣчательнѣе что казалось оно было вызвано недоразумѣніемъ вслѣдствіе не совсѣмъ точной передачи лондонскимъ телеграфомъ въ Берлинъ содержанія словъ сказанныхъ г. Гладстономъ. Нѣкоторыя берлинскія газеты истолковали ихъ тогда такъ что либеральная партія, съ г. Гладстономъ во главѣ, въ виду неудачи дипломатіи нынѣшняго кабинета и падающей популярности торіевъ, готовится захватить власть чтобы на Востокѣ продолжать ту же враждебную Россіи политику, только болѣе успѣшнымъ образомъ и иными способами чѣмъ кабинетъ лорда Биконсфильда.

Съ перваго взгляда заключенія могли казаться преждевременными и преувеличенными, но многіе признаки подмѣченные въ теченіе недѣли заставляютъ отдать честь зоркости берлинскихъ публицистовъ. Намъ пріятно также признать что высказанныя ими сужденія свидѣтельствовали не только о ихъ политическомъ разумѣніи, но и о тѣсной связи установившейся между взглядами Германіи и Россіи. Мы теперь хотимъ пояснить нашимъ читателямъ въ чемъ именно берлинскія газеты не ошибались.

Всѣмъ извѣстно что иностранная политика въ Англіи давно перестала быть предметомъ борьбы партій. Она слѣдуетъ однимъ и тѣмъ же путемъ какіе бы люди ни стояли у дѣлъ. Различіе если и бываетъ, то развѣ только въ пріемахъ, въ способахъ дѣйствія, да и то болѣе кажущееся чѣмъ дѣйствительное. Замѣчательнѣе всего при этомъ что партія находящаяся въ оппозиціи и громящая министерство за ошибочное направленіе политики вовсе не стѣсняется потомъ, достигнувъ власти, дѣйствовать въ духѣ своихъ предмѣстниковъ. Такъ, нынѣшній лордъ Дарби, лѣтъ около 15 тому назадъ, изобличалъ ошибочность политики отчуждающей

отъ Англіи христіанскія населенія Турціи, которымъ принадлежитъ будущность, а потомъ онъ же, будучи министромъ во время Критскаго возстанія, запретилъ англійскимъ кораблямъ перевозить женщинъ и дѣтей бѣжавшихъ отъ турецкихъ неистовствъ. Въ послѣднее же время дѣйствія его слишкомъ хорошо извѣстны. Такъ точно и корифеи нынѣшней либеральной оппозиціи: это тѣ самые люди которые руководили Англіей во время Крымской войны, и конечно они повели бы ее и теперь по тому же пути. Неискренность возгласовъ либеральной оппозиціи достаточно, впрочемъ, обнаружилась въ минувшую парламентскую сессію. Оппозиція ни разу не рѣшилась прямо поставить вопросъ въ парламентѣ, а заявленія ея признанныхъ вождей, лорда Гартингтона, лорда Гранвиля, г. Форстера, отличались двусмысленностью. Вполнѣ искренними можно считать только заявленія такихъ людей какъ, напримѣръ, историки Карлейль и Фриманъ, пасторъ Макъ-Коль, то-есть людей не принимающихъ участія въ политикѣ и потому не имѣющихъ никакого вліянія на дѣло.

Болѣе загадочнымъ казалось положеніе принятое г. Гладстономъ, такъ какъ бывшій премьеръ отказался отъ государственной дѣятельности. Искренно ли было его отреченіе? Этому мало вѣрятъ до сихъ поръ; но онъ громче и настойчивѣе чѣмъ кто-либо изобличалъ туркофильскую политику, а потому всякія колебанія въ его словахъ замѣтнѣе чѣмъ у другаго. Въ его лекціи читанной въ Говарденѣ берлинскія газеты можетъ-быть слишкомъ поспѣшно подмѣтили признаки колебанія. Но послѣ того онъ держалъ рѣчь къ своимъ избирателямъ въ Уатби, и тутъ онъ говорилъ совершенно такимъ тономъ какой обыкновенно принимаютъ Англичане присвоивая себѣ опеку надъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ не думаетъ что Россія поступила благоразумно объявивъ войну Турціи: Россія *должна* де знать что она не можетъ одна рѣшить Восточный вопросъ, ибо и другія страны имѣютъ въ немъ жизненные интересы. Впрочемъ, если Россія останется вѣрна своимъ заявленіямъ, то г. Гладстонъ милостиво обѣщаетъ ей „одобреніе и благодарность Европы.“ Что касается Турціи, то вопросъ вовсе не въ прекращеніи ея существованія: „никто не желаетъ уничтожить Турецкое царство; намъ нужно только обезпечить хорошее управленіе въ европейскихъ провинціяхъ Турціи.“ А что называется хорошимъ управленіемъ и какъ его обезпечить, этого конечно нельзя будетъ рѣшить безъ согласія и одобренія гг. Англичанъ, которые съ своей стороны сдѣлали все чтобъ удержать эти провинціи подъ варварскимъ игомъ. Г. Гладстонъ видитъ и опасность для пути въ Индію, но великодушно довѣряется обѣщаніямъ, полученнымъ отъ Россіи.

Здѣсь дѣйствительно мы слышимъ совсѣмъ иной тонъ чѣмъ прежде. Но загадка не замысловата. Какъ человѣкъ, г. Гладстонъ былъ конечно возмущенъ неистовыми звѣрствами болгарской рѣзни и со свойственною ему страстностью характера выразилъ негодованіе требуя изгнанія изъ Болгаріи поголовно всѣхъ турецкихъ чиновниковъ „съ чемоданами и багажомъ“ (*bag and baggage*). А какъ политикъ, какъ бывшій и можетъ-быть будущій премьеръ, г. Гладстонъ не упускаетъ изъ виду такъ-называемыхъ „британскихъ интересовъ,“ и говоритъ о Турціи иначе. Его послѣдняя рѣчь такова что ее, не опуская ни слова, могъ бы произнесть лордъ Дарби, а послѣдняя рѣчь британскаго статсъ-секретаря ничѣмъ не отличается отъ этой рѣчи г. Гладстона. Въ виду явной перемѣны тона послѣдняго, съ одной стороны, и пониженія министерскаго задора, съ другой, можно ожидать поворота въ пріемахъ, но не въ направленіи англійской политики.

Припомнимъ, въ чемъ въ сущности было разногласіе между политикой лорда Беконсфильда и либеральной оппозиціи. Большинство либераловъ, и настойчивѣе всѣхъ г. Гладстонъ, доказывали что было ошибкой со стороны Англіи стоять на *statu quo* и устраняться отъ европейскаго вмѣшательства въ дѣла Турціи. Напротивъ, убѣждали они, Англіи слѣдовало взять ихъ въ свои руки, а не отдавать Россіи. И нельзя не признать что такъ-называемые „британскіе интересы“ этимъ несомнѣнно были бы гораздо надежнѣе обезпечены чѣмъ теперь. Но было ли бы это въ интересѣ Россіи и христіанъ Востока,—это совсѣмъ другой вопросъ: подъ „британскими интересами“ разумѣется не иное что какъ ослабленіе Россіи на Востокѣ и подавленіе всѣхъ сочувственныхъ ей тамъ элементовъ. Осуществить политику рекомендуемую г. Гладстономъ было легко такъ какъ Россія болѣе всего заботилась о сохраненіи ми-

ра. Извѣстно что и въ Англійскомъ кабинетѣ было мнѣніе желавшее воспользоваться такимъ выгоднымъ для Англіи положеніемъ, изъ чего видно что между г. Гладстономъ и правительствомъ вовсе не было такого радикальнаго разногласія какъ казалось. Споръ шелъ только о пріемахъ въ политикѣ. Еслибы совѣты г. Гладстона одержали верхъ, то много крови было бы сбережено и много жизней сохранено, но „интересы Россіи“ потерпѣли бы великій ущербъ, а вліяніе Англіи развилось бы неизмѣримо, и конечно не къ пользѣ христіанскихъ населеній Востока, которыя не получили бы ничего существеннаго.

Лордъ Беконсфильдъ увлекся слѣпымъ разчетомъ на слабость и малодушіе Россіи. Англичане были увѣрены въ недостаточности нашихъ военныхъ приготовленій, предвидѣли наши неудачи и ждали что мы испугаемся трудности дѣла, остановимся на полупути и попросимъ „ближняго вытащить насъ изъ ямы.“ Предполагалось нанести русскимъ интересамъ на Востокѣ пораженіе болѣе тяжкое и чувствительное чѣмъ Крымской войной, но безъ всякихъ жертвъ и усилій со стороны Англіи. Это была *spirited foreign policy* обѣщанная лордомъ Беконсфильдомъ своей странѣ. Теперь ошибочность разчета стала вполнѣ очевидна. Что же остается дѣлать изолированной Англіи съ ея пресловутыми „интересами?“ Ей нужно втереться въ дѣло чтобы затормозить и испортить его. Оттого мы и читаемъ теперь то и дѣло въ англійской печати самоувѣренные толки что „реформы“ въ управленіи христіанскихъ провинцій Порты должны быть поставлены подъ „гарантію и наблюденіе“ Европы то-есть Англіи. Оттого и видимъ теперь сближеніе въ рѣчахъ лорда Дарби и г. Гладстона.

Но политика Англіи не избѣгнетъ посрамленія. Если для сохраненія мира Россія готова была на многія жертвы, то не теперь, когда столько дорогой русской крови пролилось и проливается, отступится она отъ законно пріобрѣтеннаго ею вліянія на Востокѣ. Что намъ за дѣло что британское обаяніе меркнетъ? Слава Богу что меркнетъ. Мы радуемся этому. Тысячи русскихъ героевъ, павшихъ славною смертью на поляхъ битвъ, множество русскихъ плѣнныхъ и раненыхъ стяжавшихъ мученическій вѣнецъ, принесли свою великую жертву, положили жизнь свою, конечно, не за возвеличеніе „британскихъ интересовъ.“ Ради святой памяти ихъ, Россія не поступится ни предъ торійскою, ни предъ либеральною Англіей.

№ 297.

Москва, 29-го ноября.

Четыре съ половиной мѣсяца тому назадъ, въ то время когда Россія съ восторгомъ, а Европа съ изумленіемъ слѣдили за безостановочнымъ и быстрымъ движеніемъ нашей арміи къ Адріанополю, когда войска наши, почти не встрѣчая сопротивленія, въ теченіе немногихъ дней не только переправились за Дунай, но и перешли за Балканы, когда не только съ каждымъ днемъ, но и съ каждымъ часомъ мы казалось приближались къ цѣли, и испуганная Англія судорожно металась ища союзниковъ чтобы положить предѣлъ нашему торжественному шествію,—вдругъ совершенно неожиданно получено было извѣстіе что слабый числомъ отрядъ генерала Шильдеръ-Шульднера потерпѣлъ 8 іюля неудачу въ городѣ *Плевнѣ*.

Имя Плевны было произнесено, но никому и въ голову не приходило что съ этимъ именемъ на долгій срокъ будутъ связаны всѣ наши помыслы и ожиданія. Наша неудача казалась отдѣльнымъ эпизодомъ, неизбѣжнымъ во всякой войнѣ, и только постепенныя разъясненія дали почувствовать серіозность дѣла: оказалось что на правомъ флангѣ нашей арміи, въ сорока верстахъ отъ главнаго пункта сообщеній, выросла многочисленная армія, превосходно вооруженная, съ замѣчательнымъ генераломъ во главѣ, и исполнявшая хорошо обдуманный планъ.

Продолжать движеніе впередъ не покончивъ съ этимъ новымъ факторомъ войны было невозможно; но противникъ, съ кѣмъ приходилось намъ имѣть дѣло, еще не ясно обозначался для насъ послѣ дѣла 8 іюля. Османъ-паша не воспользовался своимъ успѣхомъ какъ можно было ожидать. Онъ не пошелъ на Систово, какъ поступилъ бы всякій полководецъ во главѣ европейской арміи. Османъ-паша основалъ свой планъ на стойкости Турокъ въ оборонѣ за укрѣпленіями и на новыхъ условіяхъ внесенныхъ въ военную тактику усовершен-

ствованіемъ огнестрѣльнаго оружія которымъ такъ обильно и хорошо снабжена турецкая армія.

Восемнадцатаго іюля рѣшено было атаковать укрѣпившуюся армію Османа. Съ этою цѣлью, въ подкрѣпленіе незначительныхъ силъ 9-го корпуса состоявшихъ подъ командою генерала Криденера, передвинутъ былъ съ лѣваго фланга нашего расположенія корпусъ князя Шаховскаго, и этимъ соединеннымъ войскомъ въ количествѣ тридцати тысячъ человѣкъ предстояло штурмовать страшно укрѣпленныя позиціи. Была увѣренность въ успѣхѣ основанная на прирожденной русскому солдату удали и храбрости столь много разъ покрывавшей славою русскія знамена.

Но силы непріятеля оказались гораздо значительнѣе чѣмъ ихъ предполагали, а усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и богатое снабженіе патронами давали Туркамъ возможность, скрываясь за земляными укрѣпленіями, осыпать штурмующія колонны массой свинца. Русскія войска все-таки смогли не только овладѣть двумя линіями турецкихъ укрѣпленій на лѣвомъ флангѣ, но и проникнуть въ самую Плевну подъ начальствомъ храбраго генерала Горшкова. Сдѣлать болѣе было невозможно: малочисленность и условленная тѣмъ разрозненность обоихъ фланговъ принудили наши войска къ отступленію ослабивъ ихъ на 6.000 человѣкъ выбывшихъ изъ строя.

Первымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ Плевнинской неудачи было сознаніе съ нашей стороны въ недостаточной численности войскъ выдвинутыхъ нами на театръ войны, и на другой же день послѣ отбитаго Турками штурма послѣдовало Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи Гвардейскаго корпуса и Гренадерскихъ дивизій.

Наступилъ долгій, томительный періодъ — періодъ сознанной нами временной слабости и ожесточенныхъ нападеній непріятеля, увлеченнаго успѣхомъ. Подъ Плевной все затихло, только со всѣхъ сторонъ направлялись къ ней свободныя русскія войска, ослабляя тѣмъ лѣвый флангъ нашего расположенія. Наступила страшная Шипкинская недѣля, наступило время сосредоточенія Рущукскаго отряда съ линіи Кара-Лома на Янтру.

Слухи о посредничествѣ затихли. Туркофилы уже торжествовали побѣду. Ежедневно, по ихъ сказаніямъ, русскія войска терпѣли пораженія, и вычисленныя туркофилами потери наши превосходили вдвое все число нашихъ войскъ находившихся въ Болгаріи.

Но не смущалось сердце Царево, не дрогнула вѣра Русскаго народа въуспѣхъ предпринятаго дѣла.

Намъ пришлось, однако, понести подъ Плевною еще одну неудачу, и притомъ самую чувствительную. Обстоятельства на театрѣ войны понуждали нашу Главную Квартиру перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ прежде чѣмъ могли подоспѣть всѣ вызванныя изъ Россіи подкрѣпленія. Въ концѣ августа, усилившись доставленными изъ-подъ Силистріи осадными орудіями, содѣйствіемъ Румынской арміи и пополнивъ убыль въ войскахъ маршевыми баталіонами, мы рѣшили въ третій разъ атаковать открытою силой укрѣпленія подъ Плевной. У всѣхъ свѣжи въ памяти событія этого кровопролитнаго дѣла.

Почти не тревожимый съ западной стороны за малочисленностью осаждающаго войска, Османъ-паша быстро пополнялъ свои потери какъ въ людяхъ, такъ и въ военныхъ запасахъ, ограждая себя вмѣстѣ съ тѣмъ съ фронта и съ фланговъ рядами грозныхъ укрѣпленій, заслужившихъ похвалу такого авторитета въ инженерномъ дѣлѣ какъ генералъ Тотлебенъ.

Послѣдняя недѣля августа, включительно съ потерями во время штурма, обошлась Русско-Румынской арміи подъ Плевной въ 16.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Посреди изумительныхъ подробностей этого необычайнаго для нашего времени боя выросло предъ цѣлымъ міромъ слава *молодаго* русскаго солдата.

Съ этого момента вопросъ о Плевнѣ пересталъ быть вопросомъ исключительно военнымъ, онъ сталъ вопросомъ народнымъ. Каждый русскій человѣкъ сознавалъ что покончить съ Плевной полумѣрой невозможно, что только плѣнъ всей арміи засѣвшей въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Плевной можетъ быть удовлетворительнымъ концомъ этой исторіи.

Такъ и понято было дѣло въ нашей Главной Квартирѣ. Всѣ подходившія подкрѣпленія обращались къ Плевнѣ. На мѣсто дѣйствій приглашенъ былъ знаменитый защитникъ Севастополя, чтобы противупоставить его испытанное искусство достойному сопернику; и скоро окруженный со всѣхъ сторонъ Османъ-паша почувство-

валъ на себѣ обхватъ непобѣдимой силы.

Отрѣзанный и сжатый, Османъ-паша держался храбро. Потерявъ надежду освободиться собственными силами, онъ терпѣливо выжидалъ движенія своихъ товарищей, но движенія эти претыкались благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ; ближайшая надежда на Софійскую армію исчезла, благодаря превосходно обдуманному движенію гвардейскаго отряда, и едва ли могла достигнуть Плевны вѣсть о движеніи Сулеймана, когда, доведенный до крайности, Османъ рѣшился на отчаянную попытку пробиться сквозь наши линіи.

Попытку эту сторожили давно. Вокругъ Плевны не оставалось ни одного свободнаго промежутка, и послѣ пятичасоваго горячаго боя съ нашими гренадерами Турки были отброшены. „Окруженный надвинувшимися на него войсками нашими, говоритъ телеграмма, Османъ-паша сдался въ плѣнъ со всею арміей.“ . . . . . .

Таково рѣшеніе Плевнинскаго вопроса. Кошемаръ исчезъ, и наши войска теперь свободно двинутся впередъ... . . . . .

Быстро, какъ бы самъ собою, распространился вчера вечеромъ въ Москвѣ слухъ о паденіи Плевны. Давно ожиданное событіе совершилось. Съ какимъ напряженіемъ всѣ ожидали его! Какъ у всѣхъ наболѣла эта Плевна! Какъ горячо всѣми, отъ мала до велика и до послѣдней глубины народа, почувствовалось торжество этой побѣды! Памятна будетъ Плевна въ Русской исторіи; но военныя лѣтописи наши хранятъ память о дѣлахъ не менѣе блистательныхъ. Недавно торжествовали мы событіе почти безпримѣрное въ военной исторіи, — это чудесное взятіе приступомъ крѣпости подобной Карсу. Но народное чувство придаетъ нынѣшнему торжеству особое значеніе. Плевна была какъ бы нашею искупительною и очистительною жертвой. Она была для насъ и для нашего дѣла великимъ испытаніемъ. Благословимъ память нашихъ братьевъ павшихъ на поляхъ и холмахъ Плевны: они возвеличили и прославили свой народъ, но не въ суетномъ, а въ святомъ, истинно Христовомъ смыслѣ. Они своею кровію и оправдали, и обезпечили успѣхъ нашего народнаго дѣла. Плевна пребудетъ святымъ воспоминаніемъ въ нашемъ народѣ; она пребудетъ величайшею славой нашего возлюбленнаго Государя, нашего Царя Освободителя, какъ подвигъ предъ Богомъ, какъ крестъ который Онъ несъ въ царственномъ смиреніи предъ цѣлымъ міромъ. Какою любовью отзывается на этотъ подвигъ наше народное чувство въ глубинахъ своихъ!

Какъ слышалась эта живая любовь въ сегодняшнихъ кликахъ народа въ Кремлѣ!

№ 298.

Москва, 30-го ноября.

А.

Вездѣ паденіе Плевны вызываетъ народное ликованіе. И изъ чужихъ краевъ, тамъ гдѣ намъ сочувствуютъ и доброжелательствуютъ, несутся къ намъ горячія поздравленія. Свалился тяжелый камень который насъ задерживалъ. Наши войска, до сихъ поръ связанныя и парализованныя, получаютъ свободу движенія. Періодъ испытанія, слава Богу, кончился; теперь должно начаться быстрое и рѣшительное дѣйствіе. Дай Богъ только чтобъ испытаніе, такъ блистательно обнаружившее боевыя достоинства русскаго солдата, послужило намъ въ пользу и своими уроками. Что задержало насъ подъ Плевной? Особенная ли доблесть Турокъ? Нѣтъ, Турки и теперь что были всегда. Нельзя отрицать ихъ боевыхъ достоинствъ. Они стойки и умѣютъ умирать. Но они никогда не выдерживали состязанія съ русскими войсками, и не боевыя качества ихъ могли оспаривать побѣду у нашихъ войскъ. Нѣтъ, Плевна не есть величина положительная; Плевна есть величина отрицательная. Не доблесть турецкая въ ней выразилась, а только нѣкоторые наши недочеты дали ей силу которая потребовала у насъ много жертвъ, и такъ долго держала насъ подъ тяжелымъ искусомъ и въ неподвижности.

Армія Османа, въ отчаянныхъ усиліяхъ пробиться сквозь наши линіи, ударила всею массою своею на слабѣйшій пунктъ ихъ. Сначала только одинъ Сибирскій полкъ, а потомъ еще подоспѣвшіе къ нему на помощь Астраханскій и Самогитскій гренадерскіе полки, выдержали отчаянный натискъ шестидесяти Османовыхъ таборовъ, и отбросили ихъ назадъ. Вотъ героизмъ который мы должны почтить прежде всего. Какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ прежнихъ атакахъ и отбояхъ, наши молодые солдаты не посрамили русскаго

имени. Если же мы не могли такъ долго одолѣть укрѣпленныхъ турецкихъ позицій подъ Плевной, то виною тому не перевѣсъ турецкой доблести, а страшная неравномѣрность условій при которыхъ происходила борьба. Турки были вооружены превосходно; у нихъ были лучшіе какія есть на свѣтѣ ружья; у нихъ было неистощимое изобиліе патроновъ превосходнѣйшаго приготовленія; они не пренебрегали ничѣмъ что могло прикрыть ихъ отъ непріятельскаго огня; они, какъ кажется, не стѣснялись и въ употребленіи разрывныхъ пуль. Очевидцы съ ужасомъ говорятъ о ружейномъ огнѣ изъ турецкихъ траншей. Превосходство оружія не можетъ не придавать духа войскамъ даже плохимъ. Но только великая нравственная сила, только истинная доблесть можетъ поддерживать духъ въ войскахъ когда они видятъ себя предъ непріятелемъ относительно безоружными и беззащитными...

Б.

Вступленіе Сербіи въ войну, если не случатся какія-либо совершенно непредвидѣнныя событія, кажется дѣло рѣшеное. На это указываютъ не только не переставшія военныя приготовленія Сербіи, о которыхъ чуть не ежедневно сообщаетъ намъ телеграфъ, но и переданныя *Политическою Корреспонденціей*, органомъ заслуживающимъ довѣрія, слова князя Милана къ выступившимъ изъ Бѣлграда въ походъ войскамъ. Онъ объявилъ что Сербія вступаетъ въ *войну*, и можетъ разчитывать на лучшій успѣхъ чѣмъ въ прошломъ году потому что лучше вооружена и опирается на могущественнаго союзника. Такія рѣчи не произносятся громко безъ твердаго рѣшенія. Бѣлградскій корреспондентъ *Times*, правда, находитъ нужнымъ еще въ послѣднюю минуту мистифировать публику, пуская въ ходъ какія-то „важныя депеши“ неизвѣстнаго содержанія и „министерскій кризисъ“, но его инсинуаціи уже опровергнуты *Политическою Корреспонденціей*, которой ближе знать что происходитъ въ Бѣлградѣ. Любопытно что тотъ же корреспондентъ пытается отрицать и существованіе англійской ноты къ Сербскому правительству послѣ того какъ стало извѣстно что Ристичъ намѣренъ оставить эту ноту безъ отвѣта. Такого пріема именно и заслуживаетъ британская политика всюду сующаяся со своими совѣтами, предостереженіями и угрозами, за которыми нѣтъ ни силы, ни воли исполнить ихъ. Британская нота предостерегаетъ Сербію отъ участія въ войнѣ, грозя лишеніемъ гарантій самостоятельности. Право, можно подумать что лорду Дарби отъ усиленныхъ заботъ причиненныхъ Восточнымъ вопросомъ все стало казаться въ обратномъ видѣ, и событія прошлаго года успѣли уже изгладиться изъ его памяти. Не мечтала ли Порта еще въ прошломъ году, раздавивъ своими войсками одинокую Сербію, лишить ее самостоятельности, какъ мечтала она въ послѣдствіи посадить губернаторомъ въ Цетиньѣ Сулейманъ-пашу, когда тому удалось ворваться въ Черногорію? Лицемѣрныя усилія Англіи не могли побудить Порту тогда даже къ заключенію перемирія, но грянулъ русскій ультиматумъ, и въ виду грозной силы на границѣ Порта пошла не только на перемиріе, но и на миръ. Въ русскомъ ультиматумѣ, и только въ немъ одномъ, заключалась гарантія для Сербіи. Она хорошо понимаетъ это какъ понимаетъ и лордъ Дарби, хотя благоразумно о томъ умалчиваетъ разыгрывая роль непрошенаго опекуна и покровителя.

Извѣстно что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ въ недавнемъ своемъ разговорѣ съ сербскимъ агентомъ Христичемъ, явившимся къ нему протестовать противъ нарушеній сербской границы турецкими войсками, выразился довольно откровенно. Онъ сказалъ что Порта и воевать съ Сербіей не станетъ, а пошлетъ сто тысячъ баши-бузуковъ для расправы съ „мятежниками“. Турецкій министръ, конечно, немного погорячился: сто не сто тысячъ, но слова турецкаго министра ясно указываютъ къ какому способу, въ турецко-англійскомъ вкусѣ, намѣрена прибѣгнуть Порта въ случаѣ новой войны съ Сербіей. Она помышляетъ устроить нѣчто въ родѣ хищническаго набѣга, преимущественно со стороны Босніи, гдѣ уже нѣсколько времени среди мусульманъ распространяется воззваніе султана къ войнѣ съ Сербіей и организуется войско. Въ лучшемъ средствѣ противъ разбойниковъ, именно въ кавалеріи, у Сербовъ полный недостатокъ, почему имъ и приходится особенно озаботиться устройствомъ укрѣпленій и охраненіемъ границы по Дринѣ и

Ибару. Задача усложняется здѣсь еще тѣмъ что благодаря запрету Австріи, Сербы не могутъ искать боснійскихъ башибузуковъ въ ихъ собственныхъ гнѣздахъ, и наступленіе открывается имъ лишь въ сторону Старой Сербіи. Собственно матеріальныя условія для веденія войны въ настоящее время для Сербовъ благопріятнѣе чѣмъ въ прошломъ году. Зимняя, нерабочая пора менѣе отвлекаетъ милиціонеровъ, составляющихъ большинство сербскаго войска, мыслями о домѣ; милиція является нынѣ обстрѣляннымъ войскомъ, и, наконецъ, обѣщанное присутствіе значительнаго количества русскихъ офицеровъ въ рядахъ Сербской арміи ручается что и руководство ея будетъ находиться въ надежныхъ рукахъ.

Одно изъ настоящихъ неудобствъ для Сербіи, это то что ея прошлогодніе союзники, Черногорцы, заняты теперь въ сторонѣ совершенно противоположной. Вѣрный своей программѣ, главнымъ условіемъ которой было пріобрѣтеніе гавани для Черногоріи, князь Николай обратился въ сторону моря и занятъ теперь осадой Антивари. Нѣкоторая медленность черногорскихъ операцій здѣсь объясняется, какъ свидѣтельствуетъ цетинскій корреспондентъ *Presse*, желаніемъ князя по возможности щадить своихъ людей. Поэтому, взятіе пяти фортовъ окружающихъ цитадель Антивари, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ, стоило Черногорцамъ только сорока двухъ человѣкъ, да и тѣ пострадали не столько при штурмѣ, сколько при занятіи окрестныхъ деревень въ уличной битвѣ. Съ тѣхъ поръ въ Антиварскую гавань входили два или три турецкіе броненосца, но ихъ попытка высадить дессантъ и освободить цитадель была почти безъ потерь отбита Черногорцами.

Едва ли нужно доказывать какъ необходимъ для Черногоріи какой-либо морской портъ. Эта мысль не покидала ее съ тѣхъ поръ какъ Вѣнскій конгрессъ ни съ того, ни съ сего, опредѣлилъ отнять у Черногорцевъ Каттаро. Еще болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, нашъ путешественникъ Ковалевскій, очевидно служа лишь истолкователемъ черногорскихъ думъ, писалъ: „Нормально ли положеніе страны для которой, при первомъ на нее неудовольствіи двухъ сосѣднихъ державъ, часто по капризу паши, закрывается выходъ изъ нея жителямъ, не имѣющимъ у себя первыхъ потребностей существованія. Сколько разъ, по случаю невыдачи какого-нибудь бѣглеца, котораго можетъ-быть не могли и отыскать въ Черногоріи, по случаю потравы полей черногорскимъ скотомъ, ссоры двухъ пограничныхъ племенъ, закрывались для всѣхъ Черногорцевъ безъ изъятія тѣ немногіе базары которые ей открыты въ австрійскихъ и турецкихъ владѣніяхъ, и *страна среди всеобщаго мира гибла отъ голода или принуждена была добывать себѣ хлѣбъ и соль силою оружія.*“ Само собою разумѣется что нынѣ Черногорія не можетъ упустить момента для исполненія своего завѣтнаго желанія. Вѣнскіе газетные крикуны успокоившись насчетъ движенія Черногорцевъ во глубь Герцеговины, нынѣ пустились доказывать невозможность для Австріи допустить чтобы Черногорія обладала морскою гаванью. Они изображаютъ Черногорцевъ въ этомъ случаѣ превратившимися въ морскихъ пиратовъ и стращаютъ тѣмъ что черногорская гавань будетъ попросту станціей для русскаго флота. Такой пріемъ не новость въ продажной журналистикѣ. Припомнимъ время предъ Крымскою войной когда Гривасъ поднялъ знамя возстанія въ Эпирѣ, Ѳессаліи и Македоніи и тѣмъ поставилъ въ неловкое положеніе Францію и Англію, принужденныхъ закрѣплять оковы Грековъ. Тогда, какъ и теперь, явилась на помощь продажная печать, которая принялась представлять возставшихъ Грековъ въ видѣ разбойниковъ и сволочи не заслуживающей вниманія „образованныхъ націй“.

Но вотъ умныя строки адресованныя однимъ „свѣдующимъ человѣкомъ и хорошимъ австрійскимъ патріотомъ“ въ вѣнскую *Presse*: „На Австрійскомъ приморьѣ отнюдь не раздѣляютъ мнѣнія что Черногорія владѣющая береговою полосой, хотя бы то была вся территорія между Скутарійскимъ озеромъ, Бояной и моремъ, можетъ сдѣлаться для Австріи болѣе неудобнымъ сосѣдомъ чѣмъ доселѣ. Напротивъ, думаютъ что такое владѣніе сдѣлаетъ Черногорію еще податливѣе. Береговая полоса съ двумя, тремя гаванями будетъ самою драгоцѣнною частью княжеской области. Приморскія мѣстечки будутъ служить таможенными пунктами для транзитной торговли направляющейся внутрь страны, которые въ свою очередь станутъ служить источникомъ дохода для скудной каз-

ны въ Цетиньѣ. Княжеское правительство вскорѣ научится изъ финансовыхъ соображеній цѣнить береговую полосу и будетъ остерегаться дѣлать непріятности такой странѣ какъ Австрія, которая при помощи двухъ канонирокъ можетъ вполнѣ господствовать надъ этимъ берегомъ.“ Относительно утвержденія Русскихъ на Албанскомъ берегу корреспондентъ *Presse* выражается такъ: „Пугало русской каменноугольной станціи въ Спицдѣ или Антивари могутъ серіозно принимать только сухопутныя крысы.“

№ 299.

Москва, 1-го декабря.

Слова Россіи были искренни когда она увѣряла что не хочетъ войны и не ищетъ завоеваній. Она доказала искренность своихъ увѣреній очевидными, до послѣдней крайности доходившими, усиліями предотвратить войну. Она доказала свою искренность еще разительнѣе когда наконецъ была вынуждена обнажить свой мечъ. Всѣ обвиняли ее въ воинственныхъ замыслахъ, и всѣ въ то же время издѣвались надъ ея неприготовленностью къ войнѣ. Вѣрно было то что она воинственныхъ замысловъ не имѣла и къ войнѣ не приготовлялась. Она вышла какъ была, полагаясь только на правоту своего дѣла и на свою природную силу. Такъ какъ она не искала войны, то она и не готовилась къ ней; она не усиливала числа своихъ наличныхъ войскъ, не заказывала лучшаго оружія и не дѣлала запасовъ какихъ должно было потребовать великое военное предпріятіе. Она выступила сначала какъ бы только для угрозы, ожидая что противникъ съ которымъ приходилось ей имѣть дѣло уступитъ въ виду серіозности ея требованій, и надѣялась при этомъ на нравственную поддержку отъ державъ съ которыми она до той поры старалась дѣйствовать заодно. И вотъ война началась....

Что можетъ быть блистательнѣе начала этой войны? Она открылась при самыхъ неблагопріятныхъ для Россіи условіяхъ, но сразу ознаменовалась успѣхами которые привели въ трепетъ нашихъ враговъ, и явныхъ, и тайныхъ. Мы были лишены столь важнаго и столь могущественнаго въ войнахъ съ Турціей морскаго пособія. Наши моряки дѣлали чудеса, но у насъ на Черномъ Морѣ не было флота, и все безмѣрное протяженіе нашей береговой линіи было беззащитно въ виду противника располагавшаго большими морскими силами. Казалось, не было и возможности переправиться черезъ Дунай, которымъ командовали и могущественныя крѣпости, и англійской работы броненосныя суда. Въ полуусмиренныхъ мусульманскихъ населеніяхъ Кавказа уже началось заранѣе подготовленное броженіе, на которое нашъ противникъ разчитывалъ какъ на вѣрную союзную силу въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ. А между тѣмъ дипломатія держала насъ на помочахъ, и врываясь въ дѣла полководца, сама предначертывала намъ стратегическіе планы, запрещая дѣйствовать иначе какъ въ указанныхъ ею границахъ. Она повидимому и не считала объявленную войну дѣломъ серіознымъ. Однако нашимъ Полководцамъ на обоихъ театрахъ войны предстояло серіозно начать военныя дѣйствія. Имъ предстояло начать ихъ съ малочисленными, какъ оказалось, совершенно не соотвѣтствовавшими обстоятельствамъ силами. Наши войска на Азіятскомъ театрѣ войны были такъ незначительны что ихъ даже арміей не называли, а называли только дѣйствующимъ корпусомъ. На Европейскомъ же театрѣ войны Главнокомандующему приходилось разрѣшать свою многотрудную задачу съ арміей которая по своей численности была достаточна для демонстраціи, но отнюдь не для серіознаго наступленія, отнюдь не для вторженія въ государство, хотя и варварское, но громадное, располагающее давно и крѣпко организованными военными силами и многочисленными, фанатическими, пріобыкшими къ оружію населеніями,—въ государство которое изготовилось для борьбы на смерть и которое для борьбы съ нами всегда находитъ усердную поддержку въ богатой и могущественной Европейской державѣ связавшей съ нимъ свои жизненные „интересы.“ Да, мы не имѣли воинственныхъ замысловъ и къ войнѣ не готовились; но Турція, при руководствѣ и пособіи Англіи, была къ войнѣ приготовлена до напряженія всѣхъ силъ своихъ, и была, какъ оказывается въ преизбыткѣ снабжена всѣми пособіями какихъ требуютъ нынѣшнее веденіе войны. Никто, казалось, не вѣрилъ чтобы мы рѣшились и

чтобы мы смогли переправиться за Дунай. Къ изумленію цѣлаго міра, мы однако переправились, и успѣшнѣе и легче чѣмъ когда-либо въ прежнія войны. На обоихъ театрахъ войны блистательные успѣхи послѣдовали быстро одинъ за другимъ. Едва мы успѣли перейти за Дунай какъ наши войска уже овладѣли Балканскими проходами почти безъ потерь, между тѣмъ какъ то, такъ и другое, по сужденію самыхъ компетентныхъ авторитетовъ, должно было бы стоить намъ страшной цѣны крови. Ошеломленная быстротой нашихъ успѣховъ, непріятельская столица уже лихорадочно заторопилась въ приготовленіяхъ къ отчаянной оборонѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы въ то время, вслѣдъ за летучимъ авангардомъ генерала Гурко, перешла за Балканы армія какой нашъ Главнокомандующій не имѣлъ въ своемъ распоряженіи на всемъ театрѣ войны, то дѣло было бы кончено также быстро и блистательно какъ было начато. Но великое дѣло даромъ не дается; оно требуетъ жертвъ. И вотъ на обоихъ театрахъ войны мы вдругъ были остановлены, мы вдругъ преткнулись, — и единственно потому что мы были искренни въ нашихъ отреченіяхъ отъ воинственныхъ замысловъ, что мы не хотѣли войны, что мы выдвинули не соотвѣтственно малыя силы, и что мы слишкомъ полагались на добросовѣстность нашихъ союзниковъ по дипломатической кампаніи...

Наступила пора испытанія. Оно было томительно долго для нашего чувства и потребовало много жертвъ; но Россія переносила его безропотно и съ незыблемымъ упованіемъ; оно было тяжко, но не постыдно ни для нашего военнаго знамени, ни для нашей народной чести... Нѣтъ, оно еще лучше, и чище чѣмъ самыя блистательныя побѣды обнаружило доблесть нашего воина и святыню нашего народнаго духа; нѣтъ, не просто съ гордостью, но съ благоговѣніемъ и молитвеннымъ чувствомъ будемъ мы вспоминать, и будутъ вспоминать наши потомки, всѣ событія этой поры, какъ ни тягостно было намъ переживать ее...

Да, Плевна стоила намъ много дорогой крови. Но великое дѣло, за которое Россія обнажила свой мечъ, могло ли обойтись безъ великихъ жертвъ и многой крови? Подумаемъ чего должна была бы стоить намъ, даже при наилучшихъ условіяхъ, одна переправа черезъ Дунай, которую Богъ помогъ Августѣйшему полководцу нашему совершить съ чудеснымъ успѣхомъ и почти безъ потерь...

Намъ дорого стоили геройскія атаки укрѣпленій подъ Плевной; насъ тяготило мучительно долгое обложеніе Османовой арміи. Но слава Богу что эта армія, которая первоначально простиралась, какъ считали, до восьмидесяти тысячъ, придвинувшись къ театру войны засѣла крѣпко на мѣстѣ и зарылась въ землѣ. Лучше ли было бы еслибы турецкій полководецъ двинулся по пятамъ наткнувшихся на него двухъ русскихъ полковъ и вышелъ на наши сообщенія? Лучше ли было бы еслибы загнанный нашими атаками въ свои норы онъ не засѣлъ въ нихъ слишкомъ надежно, а поспѣшилъ вовремя выйти на Софійскую дорогу, которая еще не такъ давно была въ его полной власти, а потомъ, блистательнымъ обходомъ нашей гвардіи, была ему отрѣзана? Кончилось тѣмъ что лучшая Турецкая армія, предводимая достойнѣйшимъ изъ турецкихъ генераловъ, наполовину истреблена и наполовину взята живьемъ. Безплодно ли простояли мы четыре съ половиной мѣсяца подъ этою Плевной? Безуспѣшно ли прошло это время и на другомъ театрѣ войны, завершившись пораженіемъ и плѣномъ другой турецкой арміи и взятіемъ крѣпости какихъ немного на свѣтѣ, и которая всѣми признается неприступною?

Испытаніе кончилось, и торжество нашего дѣла начинается. Было бы не только грѣшно и постыдно, было бы безсмысліемъ подумать что мы именно теперь-то и остановимся, обрадовавшись что раздѣлались съ Османъ-пашой и забывъ о великой цѣли за которую пролито столько дорогой крови. Лишь полное торжество этого дѣла можетъ быть достойнымъ концомъ его, и только въ этомъ смыслѣ русское народное чувство ликуетъ и радуется при успѣхахъ нашего оружія. „Да поможетъ Господь намъ довести святое дѣло до конца, — вотъ слова которыя несутся къ намъ изъ самой Плевны, слова Августѣйшаго Главнокомандующаго которыми онъ отвѣчаетъ на поздравленія Москвы съ побѣдой.

И вотъ, въ то самое время когда мы празднуемъ взятіе Плевны и плѣнъ Османъ-паши съ его арміей, приходитъ къ намъ съ театра войны вѣсть о новой побѣдѣ одержанной войсками Наслѣдника Цесаревича. Сулейманъ-паша, сосредоточивъ

свои силы, вчера снова ударилъ на корпусъ командуемый Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ у Мечки. Пораженіе непріятеля было полное. Государь Наслѣдникъ самъ присутствовалъ на битвѣ и направлялъ дѣйствія нашихъ войскъ. Атака Сулеймана была не только отбита, но войска наши перешли въ наступленіе, и битва была рѣшена фланговымъ ударомъ по личному распоряженію Государя Наслѣдника. Будемъ ждать подробностей этого новаго блистательнаго дѣла.

№ 300.

Москва, 2-го декабря.

Армія блокировавшая Плевну свободна, и затянувшаяся кампанія отнынѣ должна пойти быстро и рѣшительно, не давая Туркамъ опомниться послѣ постигшаго ихъ удара.

Пятимѣсячное стояніе наше подъ Плевной парализовало не только массу войскъ входившую въ составъ блокады, но и всѣ остальныя части Дѣйствующей Арміи. Недостаточно было поддерживать блокаду, надо было еще охранять ее.

Охранять блокаду выпало на долю войскъ Наслѣдника Цесаревича, расположенныхъ на протяженіи 60-ти верстъ, отъ Дуная почти до Тырнова. Арміи этой, запиравшей Четырехъугольникъ крѣпостей, приходилось въ теченіи многихъ мѣсяцевъ выдерживать непрерывный напоръ сильнѣйшаго непріятеля. Удайся Туркамъ прорвать наши позиціи на линіи Янтры, и кампанія была бы проиграна...

Въ свою очередь, недостатокъ войскъ не только не давалъ возможности нашей Главной квартирѣ подавать помощь этому щиту блокады, но еще вынуждалъ ослаблять и безъ того малочисленный Рущукскій отрядъ требованіями подкрѣпленій къ сторонѣ Плевны.

Въ пространствѣ знаменитаго Четырехъугольника находилась отборная Турецкая армія, на которой основывались всѣ разчеты Турокъ при началѣ военныхъ дѣйствій; во главѣ этой арміи стоялъ самъ главнокомандующій турецкій. За этою арміей было важное преимущество выбирать любой изъ пунктовъ для нападеній, развлекая наше вниманіе по всей линіи. Но Рущукскій отрядъ блистательнѣйшимъ образомъ исполнилъ свое назначеніе, и заслуга его пребудетъ славнымъ воспоминаніемъ нашей военной исторіи. Ни одинъ турецкій солдатъ ни на одно мгновеніе не перешелъ растянутой линіи Янтринскихъ позицій; рядъ ожесточенныхъ попытокъ непріятеля кончался каждый разъ полнымъ пораженіемъ его.

Сраженіе при Церковнѣ страшно разстроило и смутило непріятеля. Былъ тотчасъ же смѣненъ турецкій главнокомандующій, и на его мѣсто назначенъ прославившійся своимъ упорствомъ Сулейманъ, съ предписаніемъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но всѣ его усилія были напрасны.

Съ начала ноября, Сулейманъ-паша обратилъ свои усилія на лѣвый флангъ арміи Наслѣдника Цесаревича, съ очевидною цѣлію дѣйствовать на линію нашихъ сообщеній чтобы понудить насъ ослабить блокаду Плевны присылкою подкрѣпленій къ угрожаемому пункту. Выносить послѣдовательно удары Турокъ досталось 12-му корпусу состоящему подъ начальствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича. Рядъ предварительныхъ рекогносцировокъ, предпринимавшихся противъ нашего лѣваго фланга, завершился наконецъ сильнымъ наступленіемъ 14 ноября, которое кончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля. Эта побѣда имѣла особое значеніе. Дни Плевны были уже сочтены, съ часу на часъ ожидалась отчаянная попытка Османа прорвать блокаду, и ослаблять ее было невозможно безъ риска утратить всѣ плоды четырехмѣсячныхъ усилій. Но 12-й корпусъ справился безъ посторонней помощи.

Съ этого момента, на нашемъ лѣвомъ флангѣ наступило временное затишье. Турки замыслили ударъ на другомъ пунктѣ, обрушившись сорокатысячною массой на слабый отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго. Какъ ни печальны были для насъ повидимому результаты этого дѣла, однако и здѣсь наступленіе непріятеля было задержано благодаря подходу подкрѣпленій отъ войскъ Наслѣдника Цесаревича.

Близость момента паденія Плевны однакоже понуждала Турокъ не останавливать своихъ попытокъ; они рѣшились снова на отчаянное усиліе обставивъ его на этотъ разъ наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ. Не менѣе 60 баталіоновъ, въ число которыхъ вѣроятно входила часть Рущук-

скаго гарнизона, были собраны близь этой крѣпости по линіи Кара-Лома, и 30 ноября, то-есть уже слишкомъ поздно для главной цѣли, ударили опять на тѣ же позиціи 12-го корпуса, преимущественно на его лѣвый флангъ и центръ. Близь Мечки произошло новое и здѣсь вѣроятно послѣднее сраженіе. Шесть ожесточенныхъ атакъ непріятеля были послѣдовательно отбиты геройскими войсками подъ личною командой своего Августѣйшаго начальника, Великаго Князя Владиміра Александровича, который самъ былъ въ огнѣ подъ градомъ вражьихъ пуль.

Самъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, также лично присутствовавшій на мѣстѣ боя, рѣшилъ его участь движеніемъ одной бригады 35-й пѣхотной дивизіи во флангъ непріятельской арміи. Турки не выдержали и начали отступленіе преслѣдуемые нашими войсками и усѣивая поле сраженія своими трупами. Сколько можно судить по краткимъ телеграфнымъ сообщеніямъ, бой этотъ былъ самымъ блистательнымъ изо всѣхъ столь доблестно выдержанныхъ войсками Государя Наслѣдника.

Бой этотъ, если можно такъ выразиться, былъ уже внѣ первоначальной программы. Ближайшая задача Рущукскаго отряда была рѣшена двумя днями ранѣе. Тщательно охраняемая отъ всякихъ нападеній извнѣ, наша армія блокировавшая Плевну вынудила Османъ-пашу къ безусловной сдачѣ. Военная исторія признаетъ почетную долю участія Рущукскаго отряда въ этомъ славномъ для нашей арміи событіи.

№ 301.

Москва, 3-го декабря.

Какое право, однако, имѣли бы нейтральныя державы вмѣшиваться въ дѣло до нихъ не касающееся? Въ этомъ отношеніи мы находимъ не лишенныя интереса замѣчанія въ вѣнской газетѣ *Osten*, служащей органомъ славянскихъ интересовъ. Вѣнская газета приводитъ на умъ что нейтральныя державы всегда подвержены искушенію какъ бы извлечь для себя выгоду изъ столкновенія. Подъ предлогомъ вмѣшательства чтобы положить конецъ войнѣ, онѣ всегда воодушевляли ту или другую сторону и затягивали войну вмѣсто того чтобы сократить ее и такимъ образомъ нарушали ея естественное теченіе. *Osten* припоминаетъ 1870 годъ и доказываетъ что во время франко-германской войны, какъ и теперь, нейтральныя державы дѣлали видъ что намѣрены вмѣшаться въ войну и возложить на побѣдителя условія мира. Но со стороны Берлинскаго кабинета всѣ попытки ко вмѣшательству были отвергнуты. Мы ведемъ *одни* войну, говорили въ Германіи, мы *одни* заключимъ и миръ, *одни предпишемъ* его условія. Газета *Osten* припоминаетъ въ хронологическомъ порядкѣ манифестаціи Германіи въ этомъ смыслѣ. Еще 20 августа, всего мѣсяцъ спустя послѣ объявленія войны, *Прусскій Государственный Указатель*, газета офиціальная по преимуществу, нашлась вынужденною самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ вмѣшательства державъ при будущемъ заключеніи мира, а *Крестовая Газета* заявляла: „Германія одна вела войну, она одна хочетъ поднести Франціи и счетъ.“ 30 августа собраніе въ Берлинѣ, созванное оберъ-бургомистромъ Зейделемъ и депутатами Унру и Лёве-Кольбе, рѣшило выпустить для подписи Германскому народу адресъ къ королю, и въ адресѣ сказано: „Среди серіознаго и возвышающаго духъ настроенія, мы были встревожены все повторяющимися извѣстіями что иностранное вмѣшательство, не умѣвшее отвратить ужасы войны, старается ограничить цѣну нашихъ битвъ. Память о событіяхъ, слѣдовавшихъ за славнымъ возстаніемъ нашихъ отцовъ, еще свѣжа въ нашей памяти и предостерегаетъ Германію чтобъ она *одна* обсудила требованія своего преуспѣянія. Поэтому мы снова заклинаемъ ваше величество выдержать твердо время пока вашему величеству удастся, *исключая всякое иностранное вмѣшательство*, создать отношенія ручающіяся болѣе чѣмъ прежде за мирное поведеніе сосѣдняго народа.“ Въ нотѣ отъ 16 сентября, Бисмаркъ писалъ изъ главной квартиры въ Мо: „Мысль будто мы заключимъ перемиріе нисколько не позаботясь о *нашихъ* мирныхъ условіяхъ могла бы быть серіозно допущена лишь въ томъ предположеніи что у насъ нѣтъ ни военнаго, ни политическаго сужденія или что мы равнодушны къ интересамъ Германіи... Когда Французская нація придетъ къ убѣжденію что она обязана одна свести счеты съ Германіей, тогда она кончитъ свое безполез-

ное сопротивленіе. Нейтральныя поступаютъ жестоко что питая Французскую націю несбыточными надеждами на вмѣшательство тѣмъ затягиваютъ войну." Этою нотой у нейтральныхъ была отнята всякая возможность вмѣшательства. А 24 ноября тронная рѣчь возвѣстила Сѣверо-Германскому сейму что „мирныя условія *должны соотвѣтствовать значительности жертвы* возложенной на наше отечество." Такъ дѣйствительно и случилось. Германія одна предписала побѣжденной Франціи условія и *нейтральныя* не имѣли при этомъ голоса.

Osten убѣждена, и можемъ сказать справедливо, что Россія въ настоящій моментъ поступитъ не иначе. Турція сама заявляла что она такое же самостоятельное и независимое государство какъ была Франція; слѣдовательно, она должна нести и послѣдствія своего положенія, о которомъ такъ заботятся страстно дожидающіеся случая къ посредничеству наши „нейтральные" англійскіе друзья.

Въ нѣсколько послѣднихъ дней мы получили три офиціальныя заявленія о внѣшней политикѣ Австро-Венгерской монархіи, — двѣ рѣчи графа Андраши и рѣчь самого императора. Само собою разумѣется что онѣ по содержанію тождественны. Всѣ онѣ сводятся къ тому что вся политика Австро-Венгріи направлена была къ охраненію мирнымъ путемъ законныхъ интересовъ монархіи. Настаивая на томъ что Австро-Венгрія существенно заинтересована въ рѣшеніи Восточнаго вопроса, графъ Андраши прямо говоритъ что ея интересы будутъ охранены благодаря тому что правительство ея предпочло искать достиженія своей цѣли путемъ дружественнаго соглашенія чѣмъ войны. При такомъ положеніи, принятомъ австровенгерскимъ правительствомъ, весьма вѣроятными оказываются слухи идущіе изъ свѣдующихъ вѣнскихъ сферъ что Австро-Венгрія не только не будетъ противодѣйствовать заключенію сепаратнаго мира между Россіей и Турціей, но что напротивъ видитъ въ немъ средство для охраненія своихъ интересовъ. Иначе впрочемъ и быть не могло если принять въ соображеніе что Австрія должна была либо присоединиться къ союзу Россіи и Германіи, либо выступить непріязненно противъ нихъ. Очевидно Австрія не могла разчитывать на союзъ съ Франціей; съ другой стороны, союзъ съ Англіей едва ли бы могъ дать ей настолько крѣпкую опору чтобъ отважиться на войну, и притомъ союзъ Австріи съ Англіей имѣлъ бы вѣроятнымъ послѣдствіемъ замѣну Австро-Венгріи Италіей въ союзѣ Императоровъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ принятія Вѣнскимъ кабинетомъ политики враждебной Русско-Германскому союзу, Австро-Венгрія рисковала весьма многимъ, не достигая при этомъ никакихъ вѣрныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ присоединившись къ союзу она можетъ кое-что выиграть. Но разъ вступившая въ союзъ, Австрія должна была и держаться его, такъ какъ выступленіе изъ него имѣло бы тѣ же послѣдствія какъ и невступленіе.

№ 303.

Москва, 5-го декабря.

Тяжкіе удары понесенные Портой на обоихъ театрахъ войны не образумили ее. Она доказала это дерзкою и оскорбительною для Россіи циркулярною нотой съ которою обратилась къ державамъ. Несомнѣнно что самая мысль сдѣланнаго ею шага была ей внушена Англіей. Давно и много разъ англійскіе министры публично заявляли что они съ нетерпѣніемъ ждутъ минуты когда окажется возможность предложить свои добрыя услуги воюющимъ, и на другой же день по полученіи извѣстія о паденіи Плевны военный министръ г. Гарди, на консервативной демонстраціи въ Эдинбургѣ, уже поспѣшилъ выразить надежду на представляющійся благопріятный случай для вмѣшательства. Тотчасъ затѣмъ и явилась циркулярная турецкая нота, заранѣе подготовленная, а Англія поспѣшила своими хлопотами о Европейскомъ конгрессѣ.

Не будь этого явнаго поощренія со стороны Англіи, которая поддерживаетъ въ Портѣ смутныя надежды выйти изъ войны безъ потерь и безъ всякаго измѣненія въ ея прежнемъ положеніи, турецкіе министры конечно сами давно бы поняли что ихъ обращеніе къ Европѣ въ настоящую минуту есть *nonsense*. Съ Европой, въ коллективномъ ея значеніи, Турція не имѣетъ теперь никакого дѣла; она ведетъ войну съ Россіей. Желаніе уклониться отъ послѣдствій этого простаго факта не облегчитъ прекращенія войны, а только поведетъ къ ея продленію, которое будетъ

не къ выгодѣ Порты. Россіей была дана Турціи полная возможность избѣжать войны, когда, умѣривъ свои требованія до невозможности, она предлагала султанскому правительству принять нѣкоторыя мѣры, не отъ своего имени, а во вниманіе къ Европѣ пришедшей на нихъ къ соглашенію. Вотъ была минута для Порты воспользоваться Европой. Порта не захотѣла, зная о твердо заявленной рѣшимости Россіи дѣйствовать въ такомъ случаѣ вполнѣ самостоятельно. Съ тѣхъ поръ Европа уже не существуетъ въ томъ смыслѣ какъ взываетъ къ ней Порта. Европа, это единство всѣхъ державъ, и когда Порта обращается къ ея посредничеству, то предполагаетъ что *всѣ* державы способны принять англо-турецкую точку зрѣнія и считать Турцію чѣмъ-то священнымъ и необходимымъ для блага человѣчества. Но гдѣ же такая Европа? Есть ли, кромѣ Англіи, хотя одна держава которая была бы такого мнѣнія? Австро-Венгрія? Но на дняхъ графъ Андраши, въ комитетѣ австрійской делегаціи, протестовалъ противъ мнѣнія будто „Австро-Венгрія не имѣетъ вовсе сочувствія къ населеніямъ сосѣднихъ небольшихъ государствъ, и будто ея интересъ требуетъ чтобы Турція осталась неизмѣнною какою она была до настоящаго кризиса.“ Онъ присовокупилъ что „ни одинъ государственный человѣкъ въ Европѣ не отважится отстаивать *status quo* въ этомъ смыслѣ.“ Не отъ Германіи же можетъ Порта ожидать себѣ сочувствія. *Европа* къ которой вздумала обращаться Порта означаетъ въ сущности только Англію.

И только Англія отозвалась на циркулярное обращеніе Порты о посредничествѣ. Предвидя, конечно, безуспѣшность своего отдѣльнаго вмѣшательства, она захотѣла обойти затрудненіе новою дипломатическою мистификаціей—Европейскимъ конгрессомъ. Неужели англійскіе министры могли серіозно разчитывать на успѣхъ этого фокусъ-покуса? Ухищряясь выставить Россію неправою, политика Британскаго кабинета только нагляднѣе обнаружила свою изолированность. Достоинство Россіи, для которой предложеніе Англіи было бы оскорбленіемъ, вполнѣ отомщено тѣмъ пріемомъ какой встрѣтила между державами мысль о конгрессѣ. Такого посрамленія англійская дипломатія вполнѣ заслужила.

Что касается содержанія турецкой циркулярной ноты, то оно имѣетъ интересъ развѣ только въ томъ отношеніи что слишкомъ наивно выдаетъ внушенія Англіи. Во всей нотѣ нѣтъ фразы которой мы не встрѣчали бы стократъ прежде въ депешахъ и рѣчахъ англійскихъ министровъ и туркофиловъ, и въ парламентѣ, и на митингахъ. „Порта напрасно старалась открыть мотивы нападенія Россіи;“ „Порта возвѣстила о своемъ желаніи произвести улучшенія;“ „война мѣшаетъ реформамъ, и послѣ того какъ починъ имъ сдѣланъ, нѣтъ никакого основанія для продолженія войны.“ Не забыто и пресловутое изреченіе англійскихъ министровъ о „достаточномъ удовлетвореніи военной чести:“ не довольно ли одной этой фразы чтобы признать въ нотѣ англійское произведеніе? Въ довершеніе же всего, Порта, въ сознаніи своей независимости, прославленной лордомъ Беконсфильдомъ на публичномъ банкетѣ, говоритъ какъ побѣдитель, отвергаетъ автономію Босніи, Герцеговины и Болгаріи, и великодушно снисходитъ поставить исполненіе своихъ конституціонныхъ реформъ подъ надзоръ державъ. То-есть, послѣ всего совершившагося, намъ подносится лишь новое изданіе Лондонскаго протокола съ англо-турецкими поправками.

Фантастическое предложеніе Англіи созвать европейскій конгрессъ было вѣроятно не болѣе какъ предлогомъ чтобы сгладить глубокое разномысліе въ средѣ самого англійскаго кабинета, которое ни для кого болѣе не тайна, и дать приличный поводъ болѣе задорной части его, съ премьеромъ во главѣ, благовидно оправдать несостоятельность своихъ заявленій, сваливъ вину вынужденнаго бездѣйствія Англіи, послѣ ея донкихотства, на равнодушіе другихъ державъ. Уже въ рѣчи лорда Дарби, какъ мы видѣли, вырвался намекъ на раздоры и пререканія англійскихъ министровъ между собою. За два дня до паденія Плевны, премьеръ ѣздилъ въ Виндзоръ и имѣлъ двухчасовую аудіенцію у королевы что̀ подало поводъ, какъ узнаемъ изъ *Daily News*, къ страннымъ слухамъ. Одни говорили что лордъ Беконсфильдъ ѣздилъ съ прошеніемъ объ отставкѣ; другіе же утверждали что онъ замышлялъ какой-либо шагъ геройской политики которая обезсмертила бы его имя въ связи съ Восточнымъ вопросомъ. Подоб-

ные слухи подали названной газетѣ поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

„Къ счастію для Англіи, нѣтъ большаго вѣроятія получить согласіе столь разногласнаго кабинета на какую-либо бойкую (*spirited*) иностранную политику, желательную для высокоцвѣтистаго честолюбія лорда Беконсфильда. Толкуютъ, правда, будто иные изъ нашихъ министровъ усматриваютъ возможность не для вмѣшательства, но для посредничества. Почему бы, спрашивается, кабинету не согласиться искренно на такой политикѣ. Но легко понять почему осторожные государственные люди должны сильно сомнѣваться чтобъ Англія могла совершить что-либо подобное. Въ наше время былъ замѣчательный примѣръ какъ посредничество одного государства привело великую войну къ неожиданному заключенію. Но примѣръ не поощрителенъ. Мы говоримъ о посредничествѣ какимъ покойному императору Французовъ удалось убѣдить Пруссію и Австрію заключить миръ въ 1866 году. Князь Бисмаркъ потомъ объяснилъ свойство этого посредничества какъ онъ понималъ его. Онъ сказалъ что призывъ дружественнаго императора Наполеона попросту означалъ что Пруссія должна или принять его, или воевать противъ Франціи и Австріи вмѣстѣ. Князь Бисмаркъ не находилъ тогда возможнымъ сражаться противъ двухъ, и потому принялъ посредничество. Онъ выждалъ свое время, и оно наступило. Но даже такимъ образомъ навязанное посредничество не принесло мира доколѣ Австрія не уступила всего за что она предприняла войну. Теперь, во-первыхъ, совершенно невѣроятно чтобы мы пригласили воюющихъ заключить миръ грозя имъ нашимъ мечомъ. Вовторыхъ, еслибы Турція была расположена сдѣлать пожертвованія, то ей не зачѣмъ посредника для заключенія мира. Ей стóитъ только отправить посланіе къ Русскому Императору чтобы сказать объ этомъ... Нѣтъ признаковъ чтобы Порта уже была доведена до такого образа мыслей чтобы внять болѣе совѣтамъ благоразумія чѣмъ опрометчивости или отчаянія. Всякій же шагъ нашего правительства который внушилъ бы ей новыя иллюзіи едва ли могъ бы привести къ миротворнымъ цѣлямъ."

№ 304.

Москва, 7-го декабря.

Между Италіей и Турціей возникъ недавно споръ, до сихъ поръ еще не улаженный, по поводу двухъ италіянскихъ судовъ захваченныхъ въ Босфорѣ подъ предлогомъ нарушенія ими линіи блокады въ Черномъ Морѣ. Споръ этотъ имѣетъ еще большее значеніе для Россіи чѣмъ для Италіи, ибо имъ наглядно доказывается какъ Турція, вездѣ и всюду поддерживаемая Англіей гдѣ только рѣчь идетъ объ ущербѣ Россіи, пользуется своимъ огражденнымъ трактатами господствомъ надъ проливами ведущими въ Черное Море, въ то же время обращая въ мертвую букву постановленія тѣхъ же трактатовъ которые приходятся ей не по вкусу.

Италіянскія суда, о коихъ рѣчь, находились въ моментъ объявленія войны въ Азовскомъ Морѣ. Затѣмъ Турція, какъ извѣстно, объявила всѣ русскія гавани въ Черномъ Морѣ въ блокадѣ и назначила срокъ для выхода иностраннымъ судамъ кои война застала въ русскихъ портахъ. Но отдѣльныя суда получали отъ Порты разрѣшеніе на свободный выходъ и по истеченіи этого срока. Италіянское правительство неоднократно ходатайствовало предъ Портой за свободный пропускъ упомянутыхъ двухъ судовъ, которыя не успѣли собраться въ путь до истеченія срока, но постоянно получало въ томъ отказъ. Италіянскіе шкипера, убѣдившись что многія англійскія и греческія суда безпрепятственно приходили и уходили изъ русскихъ портовъ и что блокада на дѣлѣ вовсе не существуетъ, вышли изъ Азовскаго Моря 24 и 29 октября и безпрепятственно прошли Черное Море до Босфора; но здѣсь они были задержаны турецкими властями и конфискованы подъ видомъ военно-морскихъ призовъ. Для характеристики этого дѣла слѣдуетъ замѣтить что италіянскія суда задержаны не какимъ-либо турецкимъ судномъ изъ тѣхъ которыя назначены для охраненія блокады, а просто турецкими властями въ Константинополѣ, причемъ италіянскія газеты добавляютъ что италіянскіе шкипера не сумѣли оградить себя отъ постигшей ихъ непріятности вручениемъ кому слѣдуетъ „бакшиша," а съ другой стороны сообщаютъ что о захватѣ италіянскихъ кораблей

позаботился главнымъ образомъ англійскій посолъ, г. Леярдъ. Какъ бы то ни было, но этотъ захватъ двухъ кораблей прошедшихъ безпрепятственно все Черное Море отъ Керчи до Константинополя есть фактъ вопіющимъ образомъ нарушающій смыслъ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ Парижской декларації отъ 16 апрѣля 1856 года, составляющей приложеніе къ Парижскому трактату въ силу коего Турція принята была „равноправнымъ членомъ“ въ европейскій международный союзъ. До этой декларації вопросъ о блокадѣ непріятельскихъ береговъ возбуждалъ безконечные споры. Англія въ особенности толковала „право блокады“ въ самомъ широкомъ смыслѣ; по ея теоріи, каждая воюющая сторона имѣла право объявить на бумагѣ все непріятельское побережье въ блокадѣ; этого теоретическаго объявленія было достаточно чтобъ установить право блокирующей державы на захватъ нейтральныхъ судовъ нарушившихъ блокаду, гдѣ бы эти суда ни были настигнуты. Парижская декларація установила въ этомъ отношеніи совершенно новый принципъ. Изъ его четырехъ правилъ относящихся до морской войны, послѣднее гласитъ: „Блокады, чтобъ имѣть обязательную силу, должны быть дѣйствительны (effectives), то-есть онѣ должны быть поддержаны достаточною силой, дабы на самомъ дѣлѣ (réellement) преграждать доступъ къ непріятельскимъ портамъ.“ Послѣ 1856 года были споры о толкованіи изложеннаго пункта декларації. Главнымъ образомъ пререканіе касалось „линіи блокады,“ и вопроса можетъ ли нейтральный корабль, прорвавшій блокаду, быть захваченъ блокирующею силой за чертой блокады. Другой вопросъ заключался въ томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „дѣйствительностью“ блокады. Одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ по международному праву, профессоръ Блунчли, толкуетъ это правило такъ: „Блокирующая военно-морская сила должна быть настолько близка и достаточна чтобъ имѣть возможность не въ отдѣльныхъ лишь случаяхъ, а вообще препятствовать сообщенію нейтральныхъ судовъ съ непріятельскимъ берегомъ.“

Но Турція, въ первый разъ имѣвшая случай примѣнить Парижскую декларацію въ настоящую войну, сразу показала какъ она умѣетъ понимать и исполнять международные трактаты. Для блокады нашего черноморскаго побережья она не выставила *никакой* силы; это доказывается уже тѣмъ что наши военныя суда, столь много разъ предпринимавшія отдаленныя экспедиціи по всѣмъ направленіямъ Чернаго Моря, *ни разу* не встрѣчались съ турецкими „блокирующими“ судами. На чемъ же основана и чѣмъ *легально* поддерживается возвѣщенная Турціей блокада нашихъ черноморскихъ портовъ? Очень просто: Порта блокируетъ насъ сидя у себя дома и не нуждаясь для этого ни въ одномъ блокирующемъ суднѣ. Черное Море блокируется въ Босфорѣ! На этомъ основаніи Порта и захватила италіянскіе корабли. Нужды нѣтъ что корабли эти прошли всю діагональ Чернаго Моря; линію блокады, по ученію турецкихъ юристовъ (не задобренныхъ бакшишемъ), италіянскія суда могли прорвать только въ Босфорѣ, а такъ какъ здѣсь успѣли захватить ихъ, то они и составляютъ „законный призъ.“ И представитель Британской имперіи не поколебался подать голосъ за подобное толкованіе права блокады! Но, можетъ-быть, Черное Море, по особенности своего положенія и какъ „внутреннее море“, и не можетъ претендовать на примѣненіе къ нему вышеприведеннаго правила Парижской декларації? Можетъ-быть Англія и Турція, согласившись на декларацію, уже тогда сдѣлали это съ заднею мыслью что Черное Море самымъ „дѣйствительнымъ“ образомъ можетъ быть блокировано въ Босфорѣ? Отнюдь нѣтъ. Представители Россіи и прочихъ державъ могли смѣло принять декларацію безъ спеціальныхъ оговорокъ что она относится и къ Черному Морю, ибо оно по вопросу о блокадѣ вполнѣ сравнено съ открытыми морями. Это явствуетъ изъ ст. XII Парижскаго трактата въ силу коей Турція „окончательно отреклась“ отъ своей претензіи признавать Черное Море закрытымъ и обязалась предоставить свободный доступъ въ оное торговымъ судамъ всѣхъ нейтральныхъ державъ.

Неизвѣстно пока чѣмъ разрѣшится споръ между Италіей и Турціей. Но случай этотъ имѣетъ значеніе. Россія получила вполнѣ благовременно указаніе на то что жизненный для нея вопросъ о проливахъ отнюдь не можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ съ помощью „листа бумаги.“ Для такой „державы“ какъ Турція нужны иные аргументы и иные способы принужденія.

№ 305.

Москва, 8-го декабря.

А.

Толкованіе которымъ въ Константинополѣ сопровождается циркулярная нота Порты къ державамъ о посредничествѣ еще нахальнѣе чѣмъ самая нота. Порта спѣшитъ объявить что она обратилась къ державамъ вовсе не какъ побѣжденная, не замѣчая наивнаго признанія въ этомъ самохвальствѣ. Впрочемъ, Порта дѣйствительно не была побѣждена *державами* къ которымъ она обращается, и обращаться къ нимъ было ей нечего.

Турція своею циркулярною нотой желала де только „сблизиться съ требованіями европейскихъ державъ.“ Такъ какъ война началась де собственно вслѣдствіе отказа Порты принять это требованіе, то теперь для окончанія войны Порта и соглашается „стать на точку зрѣнія Костантинопольской конференціи.“

Точь-въ-точь то же самое говоритъ и лордъ Беконсфильдъ, какъ бы желая разсѣять всякое сомнѣніе касательно происхожденія турецкой ноты и поставить свое авторство внѣ спора.

Въ объясненіи турецкой ноты, еще болѣе чѣмъ въ ней самой, видно желаніе не знать Россію, какъ будто дѣло идетъ вовсе не съ нею, а съ иными державами съ которыми Порта любезно соглашается разсуждать, что̀ ей угодно принять и чего не угодно. Порта, изнемогая подъ ударами Россіи, не хочетъ знать ея: какъ это остроумно и игриво.

Единственное мѣсто въ толкованіи турецкой ноты которое можетъ относиться къ Россіи есть напоминаніе о двухъ оборонительныхъ линіяхъ которыя Порта съ увѣренностью надѣется де защищать. А изъ Лондона телеграмма возвѣщаетъ объ ускоренномъ созваніи парламента тремя недѣлями ранѣе, вызываемомъ необходимостью обсудить экстренный кредитъ для усиленія британскаго военнаго могущества, чего де требуетъ настоящее положеніе Европы.

По этому поводу въ газетѣ *Times* читаемъ слѣдующее: „Министры наши конечно не примутъ никакой мѣры которая „могла бы втянуть нашу страну въ борьбу; иначе они встрѣтятъ самое ожесточенное сопротивленіе. Противниками воинственной политики не были бы, какъ во „время Крымской войны, только немногіе „изолированные люди. Ихъ будетъ грозный „отрядъ который сталъ бы агитировать „во всѣхъ избирательныхъ округахъ противъ министерства и раздѣлилъ бы всю „страну въ самой себѣ. Если министерство „возымѣетъ мысль о подобной политикѣ, „оно сдѣлаетъ это съ полнымъ сознаніемъ „что первымъ послѣдствіемъ будетъ возбужденіе политическаго потрясенія въ „странѣ.“ Извѣстно что и въ самомъ кабинетѣ по этому предмету глубокое разногласіе, котораго не скрываютъ и торійскія газеты. Весьма возможно что будущая сессія нанесетъ *coup de grace* лорду Беконсфильду. Будетъ ли намъ это выгодно? Не даромъ органъ противной партіи въ Англіи, *Daily News*, горько плачется что „враждебность лорда Беконсфильда была для Россіи гораздо болѣе полезна чѣмъ дружба князя Бисмарка.“

Вчерашнія и сегодняшнія телеграммы показываютъ какъ безнадежна была попытка Порты или лучше сказать Англіи въ обращеніи къ Европѣ. Политика Германіи и Италіи такъ ясна что о ней и говорить нечего; Австрія, несмотря на мадьярскія подстреканія, принуждена держаться союза Трехъ Императоровъ, исключающаго всякую мысль о чужомъ вмѣшательствѣ въ исходъ рѣшаемой русскою кровью задачи.

Любопытно какъ смотрятъ на событія во Франціи.

Вслѣдъ за полученіемъ офиціальныхъ депешъ о взятіи Плевны, французская печать задалась вопросомъ о послѣдствіяхъ которыя должно возымѣть это событіе. Съ военной точки зрѣнія, газета *Temps* отозвалась такъ: „невозможно поддерживать никакихъ иллюзій касательно того что̀ сулитъ Туркамъ продолженіе войны.“ Вся западная Болгарія, разсуждаетъ упомянутый органъ, находится въ рукахъ Русскихъ, которые безо всякаго сомнѣнія скоро овладѣютъ послѣдними прикрывающими Софію позиціями. Филиппополь, Адріанополь, Румелія почти не представляютъ имъ особенныхъ препятствій къ одолѣнію. Толкуютъ, продолжаетъ цитуемая газета въ подтвержденіе и поясненіе своего взгляда, и много толкуютъ, о новыхъ производимыхъ Оттоманскимъ правительствомъ наборахъ: но наши константинопольскія справки убѣждаютъ насъ въ конечномъ истощеніи ту-

рецкихъ населеній, такъ-что разчитывать на это послѣднее напряженіе Порты—нечего. Дѣло въ томъ что послѣ пораженія Софійской арміи, у Турціи останутся въ Европѣ (за исключеніемъ войскъ Сулеймана) только разрозненные клочки боевой силы...

Не менѣе рѣшительно высказывается въ парижской печати мнѣніе и о дипломатическомъ положеніи. Особенно отличается своею опредѣлительностью отзывъ газеты *France*. „Иные утверждали, говоритъ она, что если Россія не могла безъ вреда для своего обаянія и военной славы вступить въ переговоры съ Турками послѣ Плевнинскихъ неудачъ, то немедленно по одержаніи несомнѣнной побѣды удовлетворяющей воинскую честь она пойдетъ на мировую. Все это фантазіи. Россія взялась за оружіе подвигаемая такимъ чувствомъ, для котораго честь будетъ удовлетворена лишь достиженіемъ цѣли къ которой она стремится. Цѣль эта—полное освобожденіе европейскихъ христіанъ отъ владычества Турокъ. Взятіемъ же Плевны эта цѣль еще не достигается и можетъ быть достигнута лишь условіями мира *продиктованнаго* подъ стѣнами Адріанополя (Константинополя?)." Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, *France* поднимаетъ другой: не могутъ ли *помѣшать* осуществленію русской задачи единственные антагонисты Россіи на этомъ поприщѣ; Австро-Венгрія и Англія,—и рѣшаетъ его отрицательно. „Австрія, аргументируетъ органъ г. Эмиля де-Жирардена, дорожитъ дружбою Германіи и согласіемъ съ Россіей и не нарушитъ послѣдняго чтобы не лишиться первой. Что до Англіи, то она хорошо понимаетъ опасность вмѣшательства и сыграетъ свою обычную роль. Не даромъ говорится объ Англіи что это заряженный пистолетъ, никогда не дающій выстрѣла: она будетъ очень распространяться о своихъ интересахъ, очень грозить и по мѣрѣ того какъ событія станутъ обрисовываться, стушуется понемногу." Слѣдовательно, заключаетъ *France*, у Россіи совершенно развязаны руки...

Б.

Въ настоящую минуту въ Петербургѣ происходитъ судебное разбирательство новаго дѣла о пропагандистахъ. „Новое дѣло" и разбираемое „въ настоящую минуту:" но это не есть „что-либо вытекающее изъ *теперешняго* настроенія умовъ даже той части русской молодежи которая по справедливости заслужила упрекъ въ безуміи своихъ стремленій. Это—отголосокъ прошлаго. Преступная дѣятельность о которой идетъ рѣчь имѣла мѣсто въ періодъ времени съ 1872 по 1875 годъ; съ 1876, и особенно въ 1877, великая задача подъятая Россіей наглядно выразившаяся въ событіяхъ единенія русскаго народа съ его Верховною Властью, очевидность того какими христіанскими, братскими и созидательными идеалами подвигается Русская земля,—все это должно было отразиться даже на средѣ фантазирующихъ недоумковъ, освѣжить ее притокомъ чистаго воздуха, отрезвить ея искусственное возбужденіе, отвратить отъ безсмысленныхъ и пагубныхъ начинаній. Въ минуты когда вся Россія съ умиленіемъ слѣдитъ за плодотворными, жизнь и цивилизацію несущими подвигами своихъ сыновъ, когда на поляхъ битвъ проливается царская кровь вмѣстѣ съ кровью солдата, когда общество дружно смыкается въ одномъ напряженіи и упованіи, когда празднуется паденіе Карса и Плевны и близится рѣшеніе великой завѣщанной вѣками задачи,—въ эти минуты оказавшееся въ близкомъ матеріально, но нравственно столь удаленномъ отъ насъ прошломъ, сумасбродное поползновеніе уничтожить общество, перевернуть вверхъ дномъ Россію, расшатать ея государственныя основы—является какимъ-то архаическимъ явленіемъ. Вотъ почему нѣтъ надобности особенно останавливаться на этомъ анахронизмѣ. И само по себѣ дѣло, громадное обиліемъ мелкихъ подробностей и числомъ подсудимыхъ, внѣ своей уголовной важности лишено серіознаго политическаго значенія. По замыслу—это обычная нигдѣ на свѣтѣ не осуществимая, отвергнутая даже „Интернаціоналкой" дребедень Бакунинскихъ ученій; по исполненію, какъ видно изъ помѣщеннаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* обвинительнаго акта,—это анархическая проповѣдь анархіи. Пропагандисты „идутъ въ народъ" чтобы всю Россію обратить къ своей доктринѣ, и сами разлагаются на десятокъ несогласныхъ ни въ цѣли, ни въ средствахъ ея достиженія кружковъ. И изъ какихъ элементовъ составлены эти кружки! О подсудимой Андреевой, считающей себя, какъ засвидѣтель-

ствовано одною ея запиской, „очень умною,“ подсудимый Исаакъ Павловскій отзывается что она „всегда обнаруживала невѣжество, надъ которымъ нельзя было не смѣяться.“ Тотъ же Павловскій говоритъ о подсудимомъ Юрьевичѣ: — „Изъ разговора съ нимъ я убѣдился что это *чистый воръ*.“ Подсудимый Аранзонъ, въ письмѣ къ Голоушеву, жалуется на „шалопайство“ всѣхъ собратій-дѣятелей. „Хожденіе въ народъ“ приводило къ обычнымъ результатамъ этого рода попытокъ. Всѣ пропагандисты, свидѣтельствуетъ Аранзонъ въ цитованномъ уже письмѣ Голоушеву, сѣтуютъ „на неплодотворность своей дѣятельности.“ „Слушать-то слушаютъ, прибавляетъ онъ, но разговоры остаются разговорами. Глубоко въ грудь они не западаютъ: въ одно ухо вошло, а въ другое вышло.“ Не вездѣ и слушали: подсудимый Лишенко письменно высказывается что „шататься совсѣмъ не подходящая вещь, ужасное недовѣріе, и тѣмъ больше чѣмъ больше радикальничать.“ Подсудимая Веревочкина сообщаетъ подсудимому Щиголеву: „ѣздила въ деревню, верстахъ въ двадцати отъ Уфы, но должна была отказаться отъ мысли поселиться въ ней, потому что меня сочли за колдунью.“ Одному крестьянину Литошенко передалъ возмутительную *Сказку о четырехъ братьяхъ*; тотъ началъ было читать ее, но „убѣдившись что она богопротивная, порѣшилъ ее уничтожить, и сталъ изводить на сигарки...“

№ 306.

Москва, 9-го декабря.

Ниже подъ заглавіемъ: *Взглядъ чешскаго политика на Восточный кризисъ*, читатели найдутъ любопытное изложеніе мнѣнія господствующаго въ славянской Австріи. Оно имѣетъ интересъ особенно потому что дѣлается Англичаниномъ и печатается въ англійской газетѣ. Самъ корреспондентъ, какъ можно видѣть изъ его бесѣды съ однимъ „вліятельнымъ“ государственнымъ человѣкомъ, представителемъ Славянскаго большинства Австро-Венгерской монархіи, весьма заботливъ объ англійскихъ интересахъ и высказывается о нихъ довольно цинически.

Не твердили ли намъ постоянно что Россія находится теперь въ полной зависимости отъ Австріи и волей-неволей принуждена подчиняться ея желаніямъ? Какіе бы труды и тягости ни понесла Россія, какого бы торжества ни достигло ея оружіе, но результаты будутъ де опредѣлены Австро-Венгріей безъ усилій и жертвъ съ ея стороны. Мало того: насъ хотѣли увѣрить что и войну-то вести мы не можемъ съ полною свободой, не можемъ пользоваться помощью нашихъ естественныхъ союзниковъ, изъ опасенія затронуть какіе-то чуждые намъ интересы. По вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію, провозглашали что мы не смѣемъ идти западнѣе такой-то рѣки, затѣмъ, по переправѣ черезъ Дунай, что румынскія войска не смѣютъ, въ силу какихъ-то соображеній, идти за Дунай вмѣстѣ съ нами; наконецъ, положительнѣе всего увѣряли что Сербія ни въ какомъ случаѣ не дерзнетъ принять участіе въ войнѣ: это де запрещено ей подъ угрозой. Событія, конечно, не замедлили развѣять всѣ эти пустые страхи которыми насъ пугали; наконецъ—*horribile dictu*—Сербія вступила въ войну. Что же Австрія? Да ничего! Тотъ же графъ Андраши объявляетъ что не видитъ въ этомъ причины выходить изъ принятаго Австро-Венгріей положенія. Онъ еще пытается продолжать систему устрашенія, но только ради приличія. Сербія можетъ де воевать, но лишь въ извѣстномъ направленіи, не включая Босніи и Герцеговины въ районъ военныхъ дѣйствій; иначе Австрія будетъ де протестовать и „въ случаѣ надобности“ прибѣгнетъ къ силѣ. Но такое ограниченіе открыло бы всю западную границу княжества безнаказанному вторженію турецкихъ войскъ изъ Босніи, которыхъ Сербы не посмѣли бы отражать, изъ опасенія перейти здѣсь турецкую границу и тѣмъ затронуть австро-венгерскіе интересы. Очевидно что это требованіе также состоятельно какъ и ограниченіе нашихъ военныхъ дѣйствій въ извѣстномъ направленіи.

Англійскій корреспондентъ самъ былъ преувеличеннаго мнѣнія о могуществѣ Австріи держать Россію на привязи, и объясняетъ что, по его мнѣнію, Англія помогала воздержать Сербію отъ войны своими представленіями только изъ дружбы къ Австріи, въ надеждѣ получить отъ нея такую же услугу замолвкой слова касательно Арменіи, до которой Австріи нѣтъ никакого дѣла. Но что же пришлось ему услы-

шать въ самой Австріи? „Еслибы Сербія завтра присоединила Боснію, говорили ему, то Австрія не пошевельнула бы пальцемъ." Почему? Потому что войны противъ Россіи или Сербіи не потерпитъ славянское большинство населенія Австро-Венгріи, и потому что такая война означала бы расторженіе имперіи. Англійскій корреспондентъ свидѣтельствуетъ что не Россія связана Австріей, но дѣйствія Австріи зависятъ отъ доброй воли Россіи, такъ что, напримѣръ, присоединеніе Австріей Босніи можетъ совершиться не иначе какъ по соглашенію съ Россіей и съ ея дозволенія, даже какъ бы по ея требованію.

Славянскія населенія Австріи, и Сербы, и сами Босняки, приняли бы такой результатъ только изъ уваженія къ Россіи, а никакъ не потому чтоб онъ соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ.

Что же касается Англіи, то пришедшая вчера поздно ночью берлинская телеграмма даетъ разгадку и таинственнымъ намекамъ англійской печати въ объясненіи военныхъ приготовленій Англіи. Въ дипломатическихъ сферахъ, по словамъ телеграммы, полагаютъ что за неудачей попытки на посредничество, послѣдуетъ дальнѣйшая фаза англійской политики которая быть-можетъ ознаменуется взятіемъ Англіей *залога* для огражденія ея интересовъ. Интересно бы однако знать *какой* это будетъ залогъ? Не худо по этому случаю припомнить хотя бы нашъ собственный несчастный опытъ 1853 года, когда мы, не желая воевать съ Турціей, придумали было занять Дунайскія княжества въ качествѣ залога до исполненія Портой нашихъ требованій: кончилось тѣмъ что намъ пришлось выдержать войну уже не съ Турціей только, а съ коалиціей. Англія думаетъ повторить этотъ примѣръ, но обстоятельства для нея еще менѣе благопріятны чѣмъ были для насъ въ 1853 году, тѣмъ болѣе что замышляемый ею залогъ будетъ въ дѣйствительности *захватомъ*. Пусть она подумаетъ дважды объ этомъ: и она не избѣгнетъ войны, въ которой встрѣтится не съ одною Россіей, но быть-можетъ также съ коалиціей...

№ 307.

Москва, 10-го декабря.

А.

Наконецъ, Сербы выступили. Вслѣдъ за объявленіемъ войны, ихъ войска отдѣльными отрядами начали наступленіе во всѣ стороны, кромѣ запретной западной, по рѣкѣ Дринѣ, служащей границей съ Босніей. Пока положительно извѣстно что Сербы овладѣли въ направленіи къ Нишу высотами Мрамора, знакомаго намъ еще по прошлогоднему наступленію Черняева; затѣмъ, на юго-западъ, по пути въ Митровицу, заняли Прекупле и Куршумле. Въ томъ и другомъ случаѣ Сербы осторожно подготовляли атаку довольно продолжительнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Сегодняшняя депеша сообщаетъ, кромѣ того, что къ сѣверо-востоку отъ Ниша Сербы заняли покинутыя Турками высоты Бабиной Главы и взяли штурмомъ важный проходъ Св. Николая на пути ведущемъ чрезъ Бѣлградчикъ въ Виддинъ. Къ югу, обойдя Нишъ, они атаковали и послѣ ожесточеннаго боя взяли предмостныя укрѣпленія въ Чечинѣ, разрушили мостъ черезъ рѣку Моравy и тѣмъ прервали сообщеніе Ниша съ Лесковцемъ. Впрочемъ, въ настоящую минуту, Турки, занятые пуще всего заботами объ оборонѣ Румеліи, ради чего вызванъ въ Константинополь и сердарь-экремъ Сулейманъ, врядъ ли могутъ дать Сербамъ серіозный отпоръ. Еще недавно *Политическая Корреспонденція* сообщала что гарнизонъ Ниша, крѣпости довольно обширной и требующей для своей обороны 6 — 7.000 человѣкъ, благодаря частымъ отправкамъ войскъ въ Софію къ Мегемеду-Али, сократился до 2.800 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, были приняты мѣры для пополненія гарнизона до 12.000 человѣкъ баталіонами милиціонеровъ, а неизбѣжные англійскіе инженеры занимались исправленіемъ и пополненіемъ укрѣпленій Ниша. Каковы силы Турокъ въ Старо-Сербіи опредѣлить трудно. Что касается Боснійскихъ береговъ, то несмотря на угрозы великаго визиря запрудить ими Сербію, они обнаруживаютъ мало охоты удаляться отъ своихъ помѣстій, и въ Баньялукѣ даже побили и прогнали мутешерифа и чиновниковъ понукавшихъ ихъ на бранные подвиги.

Мадьяры могутъ скрежетать зубами на Сербію и называть „хищническимъ набѣгомъ“ начатую ею войну, но война эта была до того неминуема, до того въ порядкѣ вещей, что до сихъ поръ удивляло всѣхъ, напротивъ, то какъ оставалась Сербія спокойною. Въ манифестѣ князя Милана о войнѣ сказано что Сербія „только отдыхала, и она имѣла право на этотъ отдыхъ;“ подъятое ею, какъ передовымъ бойцомъ, „святое“ дѣло перешло въ „болѣе могучія руки,“ но остановиться на полупути Сербіи было нельзя. „Наши потомки,“ краснорѣчиво выражается манифестъ, „имѣли бы право упрекать насъ, наши мученики братья проклинали бы насъ, мы сами терзались бы угрызеніями совѣсти, тѣни нашихъ воиновъ павшихъ въ прошломъ году на полѣ брани отвернулись бы отъ насъ, еслибы мы, въ то время когда на нашихъ границахъ проливается ручьями кровь, беззаботно забыли святую обязанность ими намъ завѣщанную: побороть врага который внесъ безъ военной надобности огонь и опустошеніе въ нашу прекрасную и благословенную страну.“ Нѣсколько времени тому назадъ, князь Карлъ Румынскій, въ своемъ обращеніи къ народнымъ представителямъ, также выражалъ увѣренность что изъ кровавыхъ развалинъ Плевны возникнетъ свобода и независимость Румыніи, замѣчая что свободы достойна лишь страна купившая ее дѣйствительными жертвами. Та же мысль и тѣ же надежды одушевляютъ и Сербовъ. Манифестъ князя Милана признаетъ что „храбрая Русская армія и безъ содѣйствія Сербовъ доставитъ торжество святому дѣлу принятому Императоромъ Александромъ подъ свою могущественную защиту,“ но какъ „членъ семьи христіанскихъ народовъ Востока“ Сербія не можетъ быть спокойною зрительницей борьбы подъятой христіанскими народами противъ гнетущаго магометанства. Она выступаетъ нынѣ „рядомъ съ побѣдоносными орлами Императора-Освободителя, возлагая свои упованія на Всемогущаго Бога...“ Много усилій и клеветъ было употреблено, въ недавнюю, тяжелую для Сербіи годину, врагами ея и Россіи, чтобы внести рознь между двумя народами; но все было напрасно, и братская связь осталась непорвана...

Въ сущности Сербіи нѣтъ надобности оправдывать свое вступленіе въ войну. Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ просто объявлялъ что у Румынъ есть старые съ Турціей счеты, которые могутъ быть окончательно сведены только мечомъ. Однако, въ письмѣ переданномъ великому визирю сербскимъ агентомъ, Христичемъ, при его отъѣздѣ изъ Константинополя, приведены два мотива, о которыхъ упоминается затѣмъ и въ манифестѣ князя Милана. Вопервыхъ, неисполненіе Портой амнистіи дарованной по мирному трактату 16 февраля 1877 года турецкимъ подданнымъ искавшимъ во время Сербско-Турецкой войны защиты и убѣжища въ Сербіи и потомъ возвратившимся на родину; вовторыхъ, усилія Турціи возмутить внутренній миръ въ Сербіи тайными заговорами и низвергнуть князя Милана. Съ послѣднею причиной вѣроятно находится отчасти въ связи и опубликованіе документовъ объ отношеніяхъ Сербіи къ Турціи со времени заключенія мира, о которыхъ пока мы знаемъ только по телеграммѣ. Желаніе Порты вымѣстить на князѣ Миланѣ строптивость Сербіи извѣстно давно, и давно шла рѣчь о прокламаціи Султана къ Сербамъ подобнаго содержанія. Нынѣ оказывается что Порта не прочь прибѣгнуть и къ такимъ средствамъ какъ заговоръ и тайное убійство. Слѣдствіе показало что попытка возбудить мятежъ среди милиціонеровъ въ Крагуевцѣ была дѣломъ турецкихъ (и вѣроятно англійскихъ, что все равно) интригъ. Имъ же должно приписать и гнусное, но, благодаря Бога, не удавшееся покушеніе на жизнь князя Николая Черногорскаго...

Въ дѣйствіяхъ Черногорцевъ противъ Антивари наступила нѣкоторая пауза, что и немудрено если принять въ соображеніе условія при которыхъ Черногорцамъ приходится дѣйствовать. Въ тяжкой борьбѣ съ врагомъ безпрестанно задерживаются они дипломатическими придирками и ухищреніями. Въ этомъ отношеніи характеристическій эпизодъ изъ осады Черногорцами Антивари сообщаютъ въ *Политическую Корреспонденцію* изъ Цетинья: Нѣсколько турецкихъ семействъ бѣжавшихъ изъ города въ цитадель поставили себя подъ покровительство Австріи посредствомъ взятаго на прокатъ австрійскаго подданства. Въ качествѣ австрійскихъ подданныхъ, они предъявляли, подъ разными предлогами, претензію на свободный пропускъ взадъ и впередъ чрезъ осадныя линіи Черногорцевъ. Сначала это было имъ дозволено, но когда оказалось что Турки

стрѣляютъ по черногорскимъ позиціямъ считавшимся до тѣхъ поръ совершенно скрытыми, явилось подозрѣніе что эти новые *австрійскіе* Турки, проходя черногорскія линіи, высматриваютъ ихъ слабые пункты и передаютъ о томъ турецкому гарнизону. Черногорцы перестали пропускать ихъ,— и вотъ начались протесты австрійскаго консула. Обмѣнъ депешъ окончился увѣреніемъ съ черногорской стороны что справедливыя требованія представителя Австріи будутъ „по возможности уважены."

Б.

Въ *Голосѣ* (№ 299) напечатана *патріотическая* замѣтка, авторъ которой упрекаетъ насъ въ недостаткѣ патріотизма за мнѣнія высказанныя въ передовой статьѣ № 298 *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу паденія Плевны. Авторъ замѣтки особенно возмущается окончаніемъ этой статьи, именно словами: „Превосходство оружія не можетъ не придавать духа войскамъ даже плохимъ. Но только великая нравственная сила, только истинная доблесть можетъ поддерживать духъ въ войскахъ когда они видятъ себя предъ непріятелемъ относительно безоружными и беззащитными..." Авторъ замѣтки думаетъ что въ виду *непоправимости* дѣла въ настоящую минуту распространять извѣстія которыя могутъ поселять въ войскахъ недовѣріе къ своей силѣ во время боя, не слѣдуетъ даже въ томъ случаѣ еслибъ они были справедливы.

Но русскій солдатъ самъ отлично изучилъ разницу между ружьями Крынка и Пибоди, лучше чѣмъ мы съ *патріотомъ Голоса*, и заслужилъ по крайней мѣрѣ того чтобы рядомъ съ хвалами которыя воздаются его противнику признана была его заслуга и доблесть во всей ихъ силѣ.

Мнѣніе высказанное нами объ относительной безоружности русскаго солдата уже давно и громко раздавалось въ извѣстіяхъ изъ арміи; но мы ограничимся въ данномъ случаѣ краткою выпиской изъ корреспонденціи г. Немировича-Данченка, напечатанной въ *Новомъ Времени*, и воспроизведенной въ томъ самомъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* гдѣ была помѣщена наша статейка обратившая на себя вниманіе *патріота* пишущаго въ *Голосѣ*. Г. Немировичъ-Данченко лично раздѣлялъ съ солдатами опасности восьмидневнаго упорнаго боя, и слова его заслуживаютъ довѣрія, а главный штабъ дѣйствующей арміи не счелъ ихъ вредными и не патріотическими. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ съ Зеленыхъ Горъ:

„Непріятель близится... Видимо Османъ выдвинулъ противъ насъ все что у него было лучшаго. Или онъ самъ или кто-нибудь изъ крупнаго начальства здѣсь съ наступающими отрядами.

„— Рота-а-а пли! .. такъ и сѣло у меня въ ушахъ.

„Оглушительный трескъ залпа...

„— Рота-а-а пли! слышится правѣе, и такой же грохотъ тамъ.

„Команда точно удаляется отъ насъ ко флангамъ.

„— Заряжай, ребята, скорѣе!

„Въ сѣромъ пороховомъ дыму я вижу нервно, порывисто работающихъ солдатъ. Въ теченіе шести минутъ, оттуда гдѣ стою я, уже четыре залпа пустили прямо въ лицо турецкой атаки, и вдругъ новыя команды: ро-о-та пли! но въ отвѣтъ слышатся разсѣянные, одиночные выстрѣлы.

„— Это что?

„— Да экстракторы не дѣйствуютъ, жалуется одинъ изъ солдатъ.

„*Ружья Крынка показали себя.* Послѣ четвертаго выстрѣла — щелкаетъ, щелкаетъ солдатъ экстракторомъ — патронъ все сидитъ себѣ въ дулѣ. Нужно выбивать его шомполомъ. И теряется въ самую горячую пору масса дорогаго времени..."

Впрочемъ, мы не сочли бы нужнымъ, какъ бы въ оправданіе свое, приводить этотъ разказъ очевидца, еслибы въ строкахъ этихъ не заключалось вопроса весьма существеннаго, на который слѣдуетъ конечно обратить вниманіе.

Авторъ замѣтки *Голоса*, какъ приведено нами выше, употребляетъ выраженіе: *въ виду непоправимости дѣла въ настоящую минуту*. Такъ ли это? Намъ кажется напротивъ что оно поправимо, лишь бы самый фактъ былъ признанъ безотлагательно и чистосердечно. Не завоевала ли Русская армія сама для себя новое вооруженіе въ массѣ ружей которыя достались ей въ Карсѣ, Орханіе, Дубникахъ, Плевнѣ? Если турецкія ружья лучше, что едва ли подлежитъ сомнѣнію, то и выраженное нами мнѣніе по малой мѣрѣ патріотичнѣе мнѣнія людей считающихъ нужнымъ защищать и поддерживать всякій очевидный недочетъ, какъ бы ни былъ онъ вреденъ, лишь бы не сознаться въ немъ.

№ 309.

Москва, 12-го декабря.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 12 декабря 1777 года, родился первый и любимый внукъ императрицы Екатерины II, Александръ, которому суждено было стать ея преемникомъ и продолжателемъ ея дѣяній. Радость съ какою встрѣчено было великою государыней это рожденіе показываетъ какія надежды возлагались на новорожденнаго. Настоящее празднованіе столѣтней годовщины этого событія во всей Россіи свидѣтельствуетъ что эти надежды исполнились. Царствованіе Александра I есть одна изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи.

Императоръ Александръ, миролюбивѣйшій изъ монарховъ, почти половину своего царствованія провелъ въ непрерывавшихся войнахъ. Война со Швеціей по Фридрихсгамскому миру доставила Россіи Финляндію, война съ Турціей по Букурештскому—Бессарабію. Но не на этихъ войнахъ и завоеваніяхъ основано историческое значеніе царствованія Александра I. Борьба съ Наполеономъ, освобожденіе Европы отъ его владычества и ея умиротвореніе—вотъ что дало Россіи въ царствованіе Александра I первенствующее положеніе въ Европѣ, сдѣлало голосъ Русскаго Государя въ европейскихъ совѣтахъ рѣшающимъ, и что составляетъ славу этого царствованія...

Юный Императоръ въ началѣ своего царствованія, окруженный столь же юными совѣтниками, замышлялъ многія преобразованія въ своей странѣ. Онъ былъ исполненъ великодушнѣйшихъ намѣреній, но воспитанный въ космополитическихъ идеяхъ своего времени, не зналъ своего народа. Изъ задуманныхъ тогда нововведеній, къ счастію, осуществилось только то что соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ и могло выдержать пробу времени. Такъ министерства и Государственный Совѣтъ учрежденныя въ это время и существующія почти въ первоначальномъ своемъ видѣ до нашихъ дней являютъ собою осуществленіе начатой Петромъ организаціи центральныхъ государственныхъ учрежденій. Съ благодарностью вспоминаемъ мы учрежденіе при Александрѣ I высшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ трехъ университетовъ въ Харьковѣ, Казани, Петербургѣ, умноженіе среднихъ и низшихъ школъ, регулированіе цензуры, мѣры направленныя къ ограниченію крѣпостнаго права, именно разрѣшеніе помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми деревнями, запрещеніе раздавать въ собственность населенныя крестьянами мѣстности и пр. Но какъ ни уважительны эти законодательныя мѣры, не въ нихъ заключается сила царствованія Александра I.

Неукротимый честолюбецъ съ громадною арміей составленною изъ всѣхъ порабощенныхъ имъ народностей, вторгся въ наше отечество. Мы не готовы были равными силами встрѣтить на родной землѣ страшнаго самою своею геніальностью завоевателя, покорившаго себѣ почти всю Европу до самыхъ предѣловъ Россіи. Поразивъ наши малочисленныя войска, онъ думалъ въ Москвѣ предписать нашему отечеству условія его порабощенія. Успѣхъ въ этомъ сулила Наполеону недавняя судьба Австріи и Пруссіи. Но его замыслы сокрушились въ Россіи. Воспрянувшій духъ народный проявился необычайнымъ героизмомъ и самопожертвованіемъ. Единеніе царя съ народомъ произвело чудеса и обнаружило несокрушимую силу. Настала страшная война народная, и великая армія усѣяла трупами путь своего отступленія. Побѣды союзниковъ и взятіе ими Парижа было только эпилогомъ войны которой судьба уже рѣшена была въ Россіи.

Подъемъ народнаго духа, вызванный великою Отечественною Войной, вотъ, повторимъ, въ чемъ истинная слава царствованія Императора Александра I. Онъ принялъ борьбу съ завоевателемъ угрожавшимъ свободѣ цѣлаго міра и уже покорившимъ подъ ноги свои весь материкъ Европы. Александръ I вызвалъ на эту борьбу народныя силы своей страны и сокрушилъ могущество которое не знало себѣ предѣла. Россія рѣшившая судьбы Европы заняла тогда великое всемірное положеніе. Незабвенная заслуга Императора Александра Благословеннаго, его доблесть, его слава, въ томъ состояли что онъ довѣрился силамъ своего народа, что онъ не дрогнулъ въ борьбѣ, что онъ довелъ ее до конца и до полной побѣды. „Не положу оружія, говорилъ государь, пока хотя одинъ врагъ останется на Русской землѣ.“ Попытки Наполеона вступить въ переговоры послѣ битвы подъ Смоленскомъ и послѣ занятія Москвы остались безъ отвѣта.

Александръ I этою борьбой возвеличилъ Русское государство, которое съ того времени стало дѣломъ народнымъ; Онъ далъ новую силу и новое значеніе русскому патріотизму.

Царствованіе Александра I подготовило почву для будущихъ плодотворныхъ, глубокихъ реформъ, которыя совершаются въ наше время. Еще болѣе,—оно подготовило новую фазу нашей исторической жизни, которая теперь для насъ открывается. Русское государство было возвеличено и получило всемірное значеніе; но оно оставалось внѣшнею силой. Что тогда сдѣлано было для идеи государственной, то теперь шагъ за шагомъ совершается для нашей народности. Русская народность въ наше время пріобрѣтаетъ всемірное значеніе и вноситъ въ человѣчество новое начало котораго послѣдствій ни исчислить, ни предвидѣть невозможно. Вступаютъ въ дѣйствіе внутреннія силы нашего народа; изъ глубокихъ тайниковъ жизни вызывается духъ его. Восторженно-изумленные мы чувствуемъ его явленіе, и своему чувству не находимъ еще слова. Не только для остальнаго міра, для насъ самихъ онъ является чѣмъ-то новымъ и невѣдомымъ.

Послѣ ряда великихъ преобразованій, глубокихъ и плодотворныхъ, нашъ Царь-Освободитель подъялъ борьбу которая исполнитъ священный завѣтъ всей нашей исторіи и рѣшитъ величайшій изъ вопросовъ тяготѣющихъ надъ современнымъ міромъ. Императору Александру I было даровано нанести побѣдоносный ударъ темной силѣ всемірнаго завоевателя. Борьба предпринятая Царемъ Освободителемъ избавитъ міръ, какъ мы глубоко вѣруемъ, отъ корыстнаго властолюбія другой еще болѣе мрачной силы, которая опутала міръ сѣтями своего обмана...

№ 310.

Москва, 13-го декабря.

Мысль о посредничествѣ для прекращенія войны между Турціей и Россіей, придуманная Англіей чтобы захватить въ свои руки веденіе мирныхъ переговоровъ, окончательно *угасла:* таковъ сводъ всѣхъ извѣстій которыя находимъ въ англійскихъ газетахъ; корреспонденты изъ различныхъ европейскихъ столицъ, какъ бы сговорившись, передаютъ болѣе или менѣе одно и то же, турецкая циркулярная нота нигдѣ, кромѣ Англіи, не могла имѣть никакой надежды на успѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ телеграммы устраняютъ и другую случайность о которой также ходили слухи. На успѣхъ турецкаго обращенія къ Европѣ нельзя было съ самаго начала серіозно разчитывать. Полагали даже что оно было внушено Англіей болѣе для пробы, что оно было какъ бы дипломатическою рекогносцировкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорили что Англія не теряетъ надежды, если ей не удастся устроить коллективное европейское дѣйствіе, привлечь одну или двѣ державы къ своимъ взглядамъ и убѣдить къ принятію болѣе энергическаго положенія въ Восточномъ кризисѣ. Повидимому, въ послѣднее время и имѣлась для этого въ виду главнымъ образомъ Франція. Но, говорятъ новый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтонъ, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на конфиденціальный запросъ Англійскаго правительства. Такимъ образомъ возобновленіе дѣятельности англійской дипломатіи обозначилось полнымъ фіаско по всѣмъ пунктамъ и только яснѣе изобличило изолированность Англіи.

Вѣроятно чтобъ утѣшить себя и сгладить неблагопріятное впечатлѣніе всѣхъ этихъ извѣстій, англійскія газеты и говорятъ такъ много о созваніи парламента тремя недѣлями ранѣе срока; въ особенности министерскіе органы въ восторгѣ отъ этой „мудрой мѣры,“ и толкуютъ ее какъ предостереженіе кому слѣдуетъ что Англія отнюдь не допуститъ чтобы мирныя условія были помимо ея слажены. Но интереснѣе другаго рода свѣдѣнія, по меньшей мѣрѣ столь же достовѣрныя какъ и торійскіе таинственные намеки. Въ теченіе всей прошедшей недѣли происходили ежедневныя совѣщанія кабинета, которыя отличались не только бурными спорами, но и личными схватками. Особенно сильное негодованіе, какъ разказываютъ, было возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ что одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ противниковъ личныхъ мнѣній лорда Биконсфильда въ кабинетѣ пытался завязать переговоры съ либеральными вождями въ видахъ образованія коалиціоннаго министерства, которое въ восточныхъ дѣлахъ приняло-бы направленіе политики Гладстонъ - Салсбери. Переговоры, правда, не привели ни къ

чему, вслѣдствіе нежеланія лордовъ Гранвиля и Гартингтона брать на себя отвѣтственность правленія при нынѣшнихъ плохихъ и трудныхъ для Англіи обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе, премьеръ, давно потерявъ надежду согласить съ собой большинство своихъ товарищей, задумалъ было немедленно созвать парламентъ, отчасти въ разчетѣ на свое прежнее въ немъ вліяніе, а отчасти чтобъ избавить себя отъ большой доли отвѣтственности. Но и это желаніе его встрѣтило живѣйшую оппозицію большинства членовъ кабинета, которые утверждали что до сихъ поръ еще не встрѣтилось вопросовъ выходящихъ изъ обыкновенной сферы компетенціи министерства и требующихъ рѣшенія народныхъ представителей. Послѣ долгихъ преній, въ концѣ концевъ, принята была средняя мѣра, и вмѣсто декабрьской сессіи рѣшено созвать парламентъ только тремя недѣлями ранѣе, то-есть 17 января. Такимъ образомъ, эта грозная мѣра, которою насъ такъ пугали торійскіе органы, въ дѣйствительности говоритъ о безпомощности въ какой теперь чувствуетъ себя Англійское правительство.

Интересныя вещи разказываются также о разныхъ планахъ которые изобрѣтались и толковались въ совѣщаніяхъ англійскихъ министровъ. Когда обнаружилась неудача посреднической попытки, то въ изобрѣтательной головѣ британскаго премьера родился такой проектъ: удовлетворимъ „самолюбіе“ Россіи, допустимъ Турцію обратиться прямо къ ней, за то пусть Россія все-таки представитъ окончательныя условія мира на одобреніе державъ. Но было болѣе чѣмъ сомнительно чтобы Русское правительство подалось на такое оригинальное предложеніе, и Англійскій кабинетъ не зналъ что придумать чтобъ избѣжать досаднаго ему сепаратнаго мира между Турціей и Россіей. Желали какъ-нибудь добиться чтобы по крайней мѣрѣ сепаратный миръ „не противорѣчилъ“ взглядамъ Англіи. Поэтому, заботы англійской дипломатіи были главнымъ образомъ направлены не къ тому чтобъ удостовѣриться какія предложенія могутъ удовлетворить Россію, а гораздо болѣе къ тому чтобъ узнать въ какомъ отношеніи Россія готова уважить „другіе интересы Англіи“ которые не были ею перечислены при началѣ войны. Сюда включаются де размѣръ присоединеній въ Арменіи, участь турецкаго флота и нейтрализація Проливовъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ Англія желала имѣть рѣшающій голосъ, и они интересуютъ де ее гораздо болѣе чѣмъ будущность Болгаріи и предполагаемыя вознагражденія союзникамъ Россіи. Но англійская дипломатія ничего не добилась, и не было признаковъ чтобы Россія готова была въ чемъ-нибудь связать себя. Тогда-то премьеръ, какъ ходятъ слухи, выступилъ со своею личною политикой, главная идея которой — *принудить* Россію „уважить интересы Англіи“ въ случаѣ сепаратнаго мира. Какимъ образомъ? — это остается секретомъ лорда Беконсфильда; но онъ и не думалъ о немедленномъ объявленіи войны, а только хотѣлъ пригрозить; большинство же его товарищей именно опасались что эти послѣдніе неизбѣжно привели бы къ войнѣ развѣ только Россія обнаружила бы совершенно неожиданную умѣренность. Споры объ этой фазѣ вопроса, какъ утверждаютъ, занимали главнымъ образомъ ежедневныя министерскія совѣщанія въ началѣ прошедшей недѣли. Беконсфильдовскую партію болѣе всего, какъ видно, страшитъ мысль что до 17 января уже все можетъ быть кончено. Не этимъ ли и объясняется извѣстіе изъ Константинополя что Леярдъ уговариваетъ султана продолжать войну до крайности?

Положеніе Англіи, впрочемъ какъ видно изъ вышеизложеннаго, таково что ей остается разчитывать только на случайности. Она изолирована, и на это мы еще разъ обращаемъ вниманіе, потому что невѣроятно странныя вѣсти изъ Букурешта передаются въ одной англійской газетѣ. Корреспондентъ *Daily News*, въ телеграммѣ отъ 17 декабря, разказываетъ что по взятіи Плевны, въ русскихъ военныхъ совѣтахъ обсуждались два плана дальнѣйшихъ операцій: одинъ предпочиталъ взятіе Дунайскихъ крѣпостей прежде чѣмъ приниматься за дальнѣйшія операціи и требовалъ отказаться отъ дѣйствій за Балканами; по другому же плану предполагалось немедленное движеніе на Адріанополь. Корреспондентъ находитъ что этотъ послѣдній планъ для энергическихъ вождей теперь не представляетъ серіозныхъ препятствій, и говоритъ что въ Русской Главной Квартирѣ сильное предпочтеніе въ его пользу, но тутъ же присовокупляетъ будто бы другаго рода дѣйствія внушаются „дипломатическими элементами.“ Корреспон-

дентъ разказываетъ что онъ разговаривалъ со многими „вліятельными“ Русскими, и они де не скрывали своего мнѣнія что настоящая минута въ высшей степени благопріятна для переговоровъ; правда, они разумѣли прямые переговоры между Россіей и Турціей, но корреспондентъ считаетъ этотъ взглядъ „чисто русскимъ“, и припоминаетъ хорошо де всѣмъ извѣстный фактъ что въ минувшемъ августѣ Россіи дано де было предостереженіе что Англіи нельзя будетъ воздержаться отъ войны если Россія будетъ упорствовать въ войнѣ до второй кампаніи. Извѣщеніе это, по словамъ корреспондента, не было официальное, ни даже министерское, но тѣмъ не менѣе „деликатный и личный характеръ“ онаго придавалъ ему вѣсъ, и корреспондентъ даже объявляетъ что результатомъ этой попытки были энергическія дѣйствія Русскихъ въ послѣднее время до наступленія зимы, вмѣсто ожидавшагося иными перехода на зимнія квартиры въ Румынію. Въ заключеніе же онъ надѣется, по многимъ причинамъ мало де кому извѣстнымъ, что дѣло обойдется безъ второй кампаніи, которая усложнила бы отношенія и „нарушила бы обязательства.“

Все это конечно фантазія и грубый анахронизмъ. Корреспондентъ забылъ о времени когда пишетъ. О дипломатическомъ руководствѣ военными дѣйствіями мы дѣйствительно много слышали предъ началомъ и въ самомъ началѣ кампаніи, когда политическія отношенія казались не совсѣмъ выяснившимися. Но кто, въ здравомъ умѣ, можетъ вообразить что теперь, послѣ всѣхъ жертвъ и усилій, послѣ достигнутыхъ успѣховъ, „дипломатическія“ соображенія могутъ что-нибудь значить въ планѣ военныхъ дѣйствій. Забавнѣе всего намекъ на предостереженіе со стороны Англіи когда сознаніе ея полной изолированности перессорило ея министровъ. Англіи, въ случаѣ второй русской кампаніи противъ Турціи, нельзя будетъ воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій! Да она и теперь не воздерживается, и вредитъ намъ сколько можетъ. Что же еще она можетъ предпринять? Захватить въ самомъ дѣлѣ какой-либо кулачный залогъ себѣ изъ владѣній Турціи? Но она должна знать что это ей не слишкомъ дешево обойдется. А впрочемъ, пусть Англія попробуетъ, пусть она покажетъ Европѣ примѣръ начавъ раздѣлъ Турціи. Что тогда станется съ религіозными принципами военнаго министра г. Гарди и со святостью трактатовъ такъ уважаемою лордомъ Бекенсфильдомъ? Да и какъ посмотрятъ сами Турки на такого покровителя?..

№ 311.

Москва, 14-го декабря.

Турецкая циркулярная нота о посредничествѣ Европы была холостымъ выстрѣломъ, таковъ общій голосъ. Объ этомъ не только свидѣтельствуютъ близкіе Германскому правительству органы берлинской печати, а также нашъ тамошній корреспондентъ (см. его письмо въ № 308 *Московскихъ Вѣдомостей*), но совершенно въ томъ же духѣ доходятъ извѣстія и изъ самого Константинополя. *Политическая Корреспонденція*, отъ 18 декабря, сообщаетъ, на основаніи дошедшихъ до нея оттуда „изъ достовѣрныхъ источниковъ“ свѣдѣній, что въ дипломатическомъ мірѣ Константинополя господствуетъ теперь лихорадочная возбужденность; всѣ согласны что циркулярная нота Порты была „ударомъ по водѣ.“ Теперь съ разныхъ сторонъ совѣтуютъ Портѣ рѣшиться на непосредственные переговоры съ Россіей. Даже Англія, замѣчаетъ *Корреспонденція*, не даетъ болѣе Портѣ совѣтовъ въ противоположномъ смыслѣ, „но лишь дѣлаетъ съ своей стороны большія оговорки касательно предметовъ будущаго сепаратнаго мира.“ Принцъ Рейссъ, неоднократно уже указывавшій Портѣ что она можетъ лишь ухудшить свое положеніе если будетъ упорствовать и не обратится непосредственно къ Россіи, изъявилъ де готовность оказать свои добрыя услуги по предмету улаженія нѣкоторыхъ необходимыхъ предварительныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ объ уполномоченныхъ Турціи на коихъ будетъ возложено веденіе переговоровъ. Но Порта до сихъ поръ не обнаружила ни малѣйшихъ признаковъ готовности своей къ такого рода шагу, и пока поглощена лишь одною заботой: приготовленіями къ энергической защитѣ Румеліи.

Упорство Турціи, вотъ будто бы единственная помѣха къ тому чтобы миръ воцарился! Если вѣрить тому же официозному листку, и среди русской дипломатіи въ этомъ, и только въ этомъ, усматривает-

ся причина почему съ паденіемъ Плевны еще не наступили виды на скорое умиротвореніе. Въ письмѣ изъ Букурешта помѣщенномъ въ *Политической Корреспонденціи* отъ 17 декабря, читаемъ слѣдующее: „Циркулярная нота Порты произвела на „русскихъ дипломатовъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Въ ней усматриваютъ „доказательство что Порта еще не расположена искренно добиваться мира. Въ „русскихъ дипломатическихъ кругахъ все „это предвидѣли заранѣе. Князь Горчаковъ еще за нѣсколько недѣль до паденія Плевны высказалъ одному иностранному дипломату, который спрашивалъ его „какія Россія поставитъ условія для заключенія мира въ случаѣ взятія Плевны, „что онъ размышлялъ объ условіяхъ кои „имѣютъ быть поставлены когда русскія „войска будутъ находиться подъ стѣнами „Адріанополя или даже Константинополя, „но что онъ никакъ не думалъ о возможности открытія переговоровъ послѣ паденія Плевны. Кто знаетъ Порту,“ замѣтилъ въ заключеніе канцлеръ, „для того „не могло быть сомнѣнія что было бы химерой вѣрить въ возможность мира уже „въ этотъ моментъ.“

Что великая задача настоящей войны далеко еще не подвинулась къ своему окончательному рѣшенію съ паденіемъ Плевны, въ этомъ едва ли кто можетъ сомнѣваться. Но если Оттоманская Порта сознаетъ что надъ нею совершается въ настоящее время неминуемая историческая сульба, то нечего удивляться что она напрягаетъ всѣ свои силы въ борьбѣ за свое существованіе. Удивляться можно было бы ея упорству лишь въ томъ случаѣ, еслибы въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла о разнаго рода „программахъ“ въ родѣ ноты Андраши, Константинопольской конференціи или Лондонскаго протокола. Но кому же придетъ въ голову утверждать что даже Порта придаетъ какое-либо серіозное значеніе дипломатическимъ черниламъ послѣ того какъ пролиты были такіе потоки крови?

Послушайте съ какою откровенностью и прямотой излагаются задачи теперешней войны въ Берлинѣ. Тамошняя *Національная Газета*, обсуждая общее положеніе Европы по отношенію къ событіямъ на театрѣ войны наступившимъ послѣ паденія Плевны и пресловутаго турецкаго циркуляра, также высказываетъ увѣренность что нельзя предвидѣть близкаго окончанія войны, но по соображеніямъ совсѣмъ иного свойства нежели указанія на то что турецкіе государственные люди недостаточно еще подготовлены къ принятію „признанныхъ необходимыми реформъ.“

„Мы всегда склонны были думать,“ замѣчаетъ названная газета, „что русская „политика имѣетъ программу которая идетъ „гораздо дальше умиротворенія возставшихъ турецкихъ провинцій и улучшенія „быта тамошнихъ христіанъ. И если при„нять во вниманіе теперешнее положеніе „Европы, то становится очевиднымъ что „въ исторіи Восточнаго вопроса никогда „не было момента въ который держава наи„болѣе заинтересованная въ его разрѣше„ніи была бы болѣе свободна отъ всякихъ „къ тому препятствій.“ Австрія, по мнѣнію названной газеты, одна занимаетъ такое стратегическое положеніе, которое даетъ возможность воспротивиться побѣдоносному шествію Россіи по Балканскому полуострову. Однако Австрія не только де не противилась до сихъ поръ успѣхамъ Россіи, но графъ Андраши неоднократно и съ твердостью заявлялъ, въ отвѣтъ австро-мадьярскимъ крикунамъ, что Австріи не угрожаетъ никакая опасность отъ военныхъ успѣховъ Россіи. Это заявленіе повторено имъ съ особеннымъ удареніемъ по поводу паденія Плевны, а въ то же время графъ Андраши и не намекалъ на то чтобъ онъ предвидѣлъ скоро окончаніе войны. Стало-быть, выводитъ названная газета, Австрія нашла способъ согласить свои интересы съ военными успѣхами Россіи какъ бы далеко они ни простирались. Вотъ, заключилъ онъ, самый существенный и вѣскій фактъ коимъ исчерпывается смыслъ теперешняго политическаго созвѣздія и предъ которымъ совершенно блѣднѣетъ опасеніе сопротивленія со стороны Англіи, не говоря уже о томъ что и тамъ лордъ Дарби высказывался въ такомъ смыслѣ что Порта очень мало имѣетъ шансовъ на заступничество своего единственнаго защитника въ Европѣ.

А если и на Англію разчитывать нельзя, „то кто же еще,“ спрашиваетъ *Національная Газета*, „выступитъ теперь „противъ дѣйствительнаго разрѣшенія того „вопроса который на конгрессѣ въ Троппау въ первый разъ, подъ именемъ Во„сточнаго, предсталъ какъ великій міровой „вопросъ? Кто воспротивится тому чтобъ „окончательно изсякъ источникъ смутъ и

„замѣшательствъ для всей Европы еслибы „Россія вздумала покончить ту борьбу ко„торую она ведетъ вотъ ужь болѣе ста „лѣтъ, борьбу которая не можетъ быть „окончена иначе какъ на развалинахъ того „или другаго изъ борющихся государствъ? „Никогда, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Ве„ликій сидѣлъ плѣненный на берегахъ Пру„та, руки Россіи не были такъ развязаны „какъ теперь для разрѣшенія вопроса о „господствѣ на Черномъ Морѣ, вопроса „отъ котораго — въ этомъ никто теперь „сомнѣваться не можетъ — *безусловно за„виситъ вся будущность Русскаго государ„ства и Русскаго народа.* Никогда до на„шихъ дней не существовало такой ком„бинаціи силъ въ Европѣ, при которой „этотъ *жизненный вопросъ* Россіи могъ „быть согласованъ съ жизненными усло„віями сосѣднихъ государствъ; никогда Ав„стрія не имѣла такихъ гарантій какъ те„перь что воскресеніе къ жизни нѣкогда „столь прекрасной части Европы не соз„дастъ силы ей враждебной. Мы всегда „были того мнѣнія что еслибы Россія и „Австрія нашли способъ согласиться меж„ду собою въ разрѣшеніи великаго Во„сточнаго вопроса, то результатъ этого „соглашенія былъ бы однимъ изъ вели„чайшихъ пріобрѣтеній политики нашихъ „дней.“

Берлинская газета повидимому склонна вѣрить что такое соглашеніе существуетъ. Она съ ироніей говоритъ о той „легальной“ почвѣ на которой становится Турція въ своей послѣдней нотѣ. Не о формальномъ правѣ идетъ де рѣчь въ настоящую войну, а о томъ что предшествуетъ формальному международному праву и служитъ ему основаніемъ, о томъ именно насколько Турція можетъ быть членомъ Европейскаго союза. Лишь по разрѣшеніи этого вопроса силы, а не права, Европа можетъ приступить къ возсозданію новой системы европейскаго права. „Столь великіе жизненные вопросы,“ такъ заканчиваетъ свое разсужденіе берлинская газета, „какъ тѣ „которые нынѣ имѣются въ борьбѣ между „Россіей и Турціей, требуютъ великихъ „рѣшеній. Сколько мы можемъ судить, въ „Европѣ нѣтъ интересовъ равныхъ или да„же приближающихся по своей важности „къ этимъ вопросамъ кои стояли бы на „пути такихъ рѣшеній.“

Отъ окончательнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса безусловно зависитъ будущность Россіи; съ прекращеніемъ турецкаго владычества воскресла бы къ новой жизни одна изъ прекраснѣйшихъ частей Европы; Турція не можетъ опираться на международное право, ибо лишь съ устраненіемъ ея могло бы быть прочно воздвигнуто зданіе дѣйствительнаго права въ семьѣ христіанскихъ и цивилизованныхъ народовъ; *такое* разрѣшеніе Восточнаго вопроса было бы величайшимъ дѣломъ современной исторіи, и все сложилось въ наши дни такъ чтобы великое событіе наступило именно теперь. Такова сущность мнѣнія высказываемаго органомъ самой могущественной нынѣ политической партіи въ Германіи. Остается только пожелать чтобъ она яснѣе высказалась о предполагаемомъ ею соглашеніи между Россіей и Австрісй.

№ 312.

Москва, 15-го декабря.

А.

Порта издала недавно указъ о сформированіи гражданской гвардіи, въ которую безразлично должны приниматься мусульмане и христіане. Указъ состоитъ изъ 22 статей и, между прочимъ, содержитъ слѣдующія распоряженія: служба въ этой гвардіи обязательна для всѣхъ свыше 17-лѣтняго возраста непопавшихъ въ списки набора; единственныя исключенія суть для лицъ султанской фамиліи, министровъ, сенаторовъ и депутатовъ, для нѣкоторыхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства и для улемъ. Назначеніе этой новой гвардіи есть де защищать страну и поддерживать порядокъ въ отсутствіе регулярныхъ войскъ, такъ что ея единственная обязанность есть защита. Правительство имѣетъ право созывать ее когда найдетъ нужнымъ, и ей будетъ дано особое знамя, на которомъ, во избѣжаніе религіозныхъ возраженій, не будетъ ни полумѣсяца, ни креста, а просто императорскій гербъ со знаками ордена Османіе.

По поводу этой-то мѣры константинопольскіе корреспонденты туркофильскихъ газетъ снова заводятъ пѣснь о новомъ духѣ который повѣялъ въ совѣтахъ Порты и о знаменательной перемѣнѣ въ ея политикѣ въ отношеніи къ христіанскимъ подданнымъ. Исторгаются тѣ же идиллическія

восклицанія, проливаются тѣ же слезы умиленія, которыя такъ трогательно убѣждали міръ въ возрожденіи Турціи по поводу такихъ необычайныхъ и столь важныхъ для счастія подданныхъ султана событій какъ посѣщенія имъ г-жи Леярдъ или пріемъ двухъ членовъ Англійскаго парламента запросто, безъ церемоній. Неудивительно умиленіе и въ настоящемъ случаѣ если справедливо что указъ о допущеніи христіанъ въ гражданскую гвардію состоялся по внушенію г. Леярда.

Между тѣмъ, именно обнародованіе этого указа въ настоящую минуту есть самое разительное доказательство ничтожности всѣхъ турецкихъ реформъ и неискренности внушаемыхъ ей англійскихъ совѣтовъ. Еще гаттишерифомъ султана Абдулъ-Меджида было провозглашено полное равенство его христіанскихъ и магометанскихъ подданныхъ въ такой мѣрѣ что всѣ они одинаково должны подлежать военной службѣ. Узаконеніе этого не одинъ разъ подтверждалось султанскими ираде, но всѣ они остаются мертвою буквой, и хараджъ (военная подать взамѣнъ службы) до сихъ поръ продолжаетъ тяготѣть надъ немусульманскими подданными Порты, презрительно отличая ихъ отъ правовѣрныхъ, которые одни имѣютъ право носить оружіе. Теперь даже было бы несправедливо призывать христіанъ къ отбыванію военной тягости натурой, послѣ того какъ они, съ самаго дня рожденія, платили самый тяжелый подушный налогъ. Стоитъ припомнить что не далѣе какъ два года тому назадъ, въ то время когда такъ много толковали о нотѣ Андраши и гораздо ранѣе Берлинскаго меморандума, Болгарами была подана султану петиція (конечно до рѣзни) о пріемѣ ихъ въ военную службу взамѣнъ уплаты хараджа. Но отвѣтомъ на эту просьбу были майскіе и іюньскіе ужасы 1875 года! А теперь не насмѣшка ли со стороны Порты призывать христіанъ къ защитѣ возлюбленнаго отечества въ которомъ властвуютъ надъ ними башибузуки и Черкесы!

Корреспондентъ *Daily News* весьма подробно обсуждая указъ о привлеченіи христіанъ на службу въ гражданской гвардіи, помимо всякихъ подозрѣній о искренности намѣреній Турецкаго правительства, положительно ручается что нѣтъ ни малѣйшей надежды чтобы мѣра эта приведена была въ исполненіе, по той простой причинѣ что къ ней не расположены ни Турки, ни христіане. При этомъ корреспондентъ проводитъ большую разницу между провинціями и столицей. Онъ полагаетъ что, напримѣръ, христіане въ Смирнѣ, въ Ѳессаліи и Эпирѣ были бы можетъ-быть не прочь, даже и теперь, отъ участія въ военной службѣ „для мѣстной защиты,“ но за то Турки слишкомъ хорошо понимаютъ свои интересы чтобы не знать этого, и никакъ не рѣшатся дать христіанамъ въ руки оружіе. Въ столицѣ иное дѣло. Если гдѣ возможно де было бы испытать примѣненіе мѣры, то развѣ только въ Константинополѣ, и, по мнѣнію корреспондента, на случай волненій въ немъ было бы даже вѣроятно выгодно имѣть отрядъ вооруженныхъ христіанъ для охраненія порядка. Тѣмъ не менѣе бѣднѣйшіе классы какъ Грековъ, такъ и Армянъ и слышать не хотятъ о военной службѣ коль скоро можно отъ нея избавиться. Христіане отнюдь не довѣряютъ объявленію что ихъ приглашаютъ только для внутренней стражи и мѣстной защиты, и страшатся что какъ только они будутъ завербованы, ихъ могутъ послать сражаться противъ Русскихъ, а этого они вовсе не желаютъ. Защита отечества, къ которой приглашаютъ христіанъ, означаетъ въ ихъ глазахъ сражаться за Турокъ, за ихъ господство. „Слишкомъ поздно, восклицаетъ корреспондентъ, пытаться на эту реформу чтобы воспользоваться для этой цѣли мускулами Грековъ, Болгаръ и Армянъ. Слишкомъ поздно“... Банкиры и богачи изъ Грековъ и Армянъ пожалуй и теперь предпочли бы продолженіе турецкаго управленія, но одинъ изъ такихъ лицъ самъ же объяснилъ корреспонденту что ничто на свѣтѣ не убѣдитъ къ примиренію бѣднѣйшіе классы христіанъ, среди коихъ живѣе сохранились преданія четырехвѣковаго угнетенія и въ коихъ религіозное чувство сильнѣе развито нежели между богатыми. Любопытно что даже корреспондентъ *Times*, котораго очень умиляетъ султанское ираде, передаетъ разговоръ съ однимъ христіаниномъ, который откровенно сказалъ что если его пошлютъ сражаться противъ Русскихъ, то онъ непремѣнно постарается передаться къ нимъ. Могутъ ли о такомъ настроеніи не знать сами Турки? Они конечно знаютъ и не довѣряютъ христіанамъ, и, какъ пишетъ корреспондентъ *Daily News*, многіе изъ нихъ считаютъ

совершенно ненужнымъ признакомъ слабости выступать теперь съ такими мѣрами, которыми уже не обманешь Европейцевъ. Крайнее взаимное недовѣріе сказалось уже при первыхъ переговорахъ Турецкаго правительства съ вождями христіанскихъ общинъ. Вопервыхъ возникло затрудненіе о знамени, а затѣмъ еще болѣе о самомъ способѣ вербовки. Христіане требовали вербовки въ отдѣльные полки съ христіанскими офицерами, такъ какъ вопервыхъ не могутъ довѣрять обращенію съ ними мусульманскихъ офицеровъ, а еще болѣе опасаясь что будучи затерты въ мусульманскихъ полкахъ, не въ состояніи будутъ воспротивиться мобилизаціи для участія въ кампаніи. Порта, однако, была вовсе не расположена на уступки, и разказываютъ что Серверъ-паша безъ церемоніи выгналъ вонъ армянскаго патріарха едва только тотъ позволилъ себѣ заикнуться о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ вербовки христіанъ. Куріознѣе всего, однако, сообщеніе корреспондента *Times* что Порта неофиціально развѣдывала въ иныхъ посольствахъ будетъ ли ими оказана нравственная поддержка христіанамъ если они, подъ предлогомъ разныхъ затрудненій, станутъ противиться исполненію султанскаго ираде. Вотъ въ какомъ характерѣ представляется въ глазахъ самой Порты милость даруемая теперь христіанамъ.

Какое же значеніе этой мѣры, и зачѣмъ она обнародована если не думаютъ о возможности ея исполненія? По словамъ корреспондента *Daily News*, цѣль ея не болѣе какъ слѣдующая: „Европѣ будетъ показано что въ Турціи единый народъ, добудется еще нѣкоторая сумма денегъ, и весь проектъ спокойно предастся забвенію.

Б.

Новымъ блестящимъ подвигомъ украсилась главная лѣтопись Черноморскаго флота. 14 декабря, въ 11 часовъ утра, пароходъ *Россія* возвратился въ Севастополь изъ крейсерства, подъ командой флигель-адъютанта Баранова, и привелъ на буксирѣ взятый имъ въ Пендеракліи трехъмачтовый пароходъ *Мерсина*, съ таборомъ анатолійскаго низама, въ числѣ 700 нижнихъ чиновъ, при десяти офицерахъ, подъ командой штабъ-офицера. Телеграмма генералъ-адъютанта Аркаса не сообщаетъ еще дальнѣйшихъ подробностей, но самый фактъ краснорѣчиво говоритъ за себя.

Черноморскій флотъ, не существовавшій тому назадъ полгода, крѣпкій не числомъ судовъ, не толщиною брони, не силой вооруженія, а геройскимъ духомъ русскаго моряка, шлетъ новую радостную вѣсть своему народу. Въ памяти его не умретъ имя героя-капитана, который въ третій разъ возвращается побѣдителемъ къ Севастопольскимъ развалинамъ. А къ славнымъ именамъ: миноносныхъ катеровъ Дубасова и Шестакова, пароходовъ: *Вести*, *Константина* и *Владиміра*, отнынѣ примкнетъ имя парохода *Россія*.

№ 313.

Москва, 16-го декабря.

А.

Между тѣмъ какъ быстро наступившіе зимніе холода по необходимости пріостановили на нѣкоторое время военныя операціи, любопытно посмотрѣть какого рода предположенія и ожиданія занимаютъ разныхъ пишущихъ стратеговъ туркофильской и въ особенности англійской печати. Одинъ изъ этихъ господъ, напримѣръ, по поводу выпавшихъ въ Балканахъ снѣговъ и наступившей жестокой стужи, замѣчаетъ что погода пришла весьма кстати на помощь Туркамъ и что такимъ образомъ имъ дается время организовать новыя арміи и принять энергическія мѣры для обороны Румеліи. Исходя изъ такого замѣчанія, которое не лишено основанія, стратегъ затѣмъ пресеріознымъ образомъ разчитываетъ что, благодаря этому обстоятельству, союзнымъ войскамъ придется встрѣтиться за Балканами вновь со значительно превосходными силами. Можно бы поблагодарить за благовременное предувѣдомленіе, но мы и безъ того знаемъ что Порта, по внушенію тайныхъ подстрекателей, готовится продолжать войну до крайности, и конечно немыслимо чтобы въ нашей Главной Квартирѣ не обратили вниманія на необходимость подкрѣпленій при неизбѣжномъ расширеніи сферы военныхъ дѣйствій. Любопытно, однако, взглянуть на какихъ данныхъ основаны указанные разчеты. Въ Румынской арміи, какъ разчитываютъ, не болѣе 20.000 человѣкъ, и она большею частію будетъ занята осадой Виддина. Роль Сербскихъ войскъ главнымъ образомъ

будетъ де помогать этой операціи, а также облагать Нишъ. Что же касается Русскихъ войскъ, то туркофильскій стратегъ, послѣ подробнаго разчета всѣхъ корпусовъ, приходитъ къ заключенію что для дальнѣйшихъ операцій ихъ круглымъ числомъ не можетъ де быть болѣе 220.000; онъ даже полагаетъ что эта цифра „скорѣе выше чѣмъ ниже дѣйствительности.“

А силы Турокъ? О нихъ военный стратегъ *Times* не даетъ свѣдѣній, а только, замѣтивъ что декретомъ султана предписанъ новый наборъ въ 300.000 рекрутъ, вычисляетъ что „*если* такая сила можетъ *дѣйствительно* быть набрана и вооружена сераскиратомъ *вовремя*, то Оттоманскія арміи численностью значительно превзойдутъ союзниковъ.“ Помимо, однако, всѣхъ этихъ „если,“ интересно что тотчасъ затѣмъ военный критикъ самъ подрываетъ зданіе своихъ оптимистическихъ ожиданій. А именно онъ весьма не одобряетъ предпочтеннаго Портой плана прямой защиты доступовъ къ Константинополю, вмѣсто болѣе научнаго метода косвеннымъ образомъ задерживать движеніе русскихъ армій чрезъ Румелію сосредоточеніемъ большой массы войска въ Четырехсторонникѣ, откуда могли бы быть направляемы удары противъ линіи русскихъ сообщеній. Господство на морѣ и обладаніе моремъ облегчало де планъ операцій на Ломъ, опираясь на Шумлу и Разградъ, и этотъ планъ былъ бы гораздо болѣе дѣйствителенъ чѣмъ оборонительныя операціи въ долинѣ Марицы, ибо если всѣ турецкія силы будутъ де сосредоточены близъ Адріанополя, то даже въ случаѣ побѣды Балканскіе дефилеи будутъ служить прикрытіемъ для отступленія врага и представятъ серіозное препятствіе для наступленія Турокъ. Безъ возможности при случаѣ нанести наступательный ударъ, Портѣ, по замѣчанію англійскаго критика, нечего надѣяться на дѣйствительный успѣхъ, а потому удаленіе оттоманскихъ войскъ изъ Четырехсторонника ему приходится объяснить себѣ только тѣмъ что „Турецкое правительство „не имѣетъ *достаточныхъ* силъ чтобы пи„тать сколько-нибудь основательную надежду перейти въ наступленіе въ теченіе „немногихъ мѣсяцевъ. Если же армія султана такъ слаба,“ заключаетъ онъ, „что „отчаивается въ побѣдѣ, то оттоманскій „корпусъ въ Адріанополѣ можетъ только „задержать движеніе Русскихъ къ Кон„стантинополю, но не воспрепятствуетъ „ему.“

Зимницкій корреспондентъ *Политической Корреспонденціи*, всегда сообщающій болѣе или менѣе основательныя свѣдѣнія, пишетъ что въ русской арміи знали объ отступленіи Сулеймана. Еще 14 (2) декабря, всѣ выдвинутые отряды Сулеймановой арміи были стягиваемы, такъ что во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ центрѣ, непріятельскіе форпосты уже не были въ связи другъ съ другомъ, какъ то было прежде. Намѣренія Сулеймана угадывались въ русскихъ военныхъ кругахъ въ томъ смыслѣ что за оставленіемъ гарнизоновъ въ Силистріи, Рущукѣ, Шумлѣ и Варнѣ, Турки перейдутъ въ Румелію. Но для слѣдованія за отступающимъ непріятелемъ, русскимъ войскамъ на Ломѣ приходится выждать значительныхъ подкрѣпленій изъ-подъ Плевны; впрочемъ и тогда наступленію цѣлой арміи представляются значительныя затрудненія по транспортировкѣ и снабженію съѣстными припасами. Зимницкій корреспондентъ полагаетъ что Восточная русская армія, прежде чѣмъ войти внутрь Четыреугольника, выдвинется сначала лишь въ двухъ направленіяхъ; на сѣверѣ къ Рущуку и на югѣ къ Османъ-Базару и выждетъ общаго движенія западной арміи. Что роль ея, однако, будетъ не бездѣятельная, указываетъ де значительное усиленіе русскихъ силъ въ Каларашѣ, противъ Силистріи, а также Добруджинскаго корпуса генерала Циммермана. По свѣдѣніямъ корреспондента, въ послѣдніе дни по этимъ двумъ направленіямъ прошли чрезъ Галацъ и Браиловъ болѣе 25.000 человѣкъ съ 70 орудіями, и движенія Добруджинскаго корпуса надо ожидать одновременно съ движеніемъ арміи Цесаревича.

Что касается распредѣленія войскъ стоявшихъ подъ Плевной, то корреспондентъ передаетъ объ этомъ слѣдующее: 4-й и 9-й корпусъ идутъ на Тырново и Габрово, чтобы вмѣстѣ съ 8-мъ корпусомъ составить центральную армію. Дивизія Скобелева направилась въ Ловчу и оттуда къ Троянову проходу. Одна гренадерская и одна гвардейская дивизіи со стрѣлковыми частями двинулись по пути изъ Телиша въ Орханіе для присоединенія къ арміи генерала Гурко. Другая гренадерская дивизія, съ недавно подошедшею резервною дивизіей и части гвардіи направляются къ

Бѣлѣ, гдѣ, въ соединеніи съ 12 корпусомъ, составятъ осадную армію Рущука.

До окончательнаго подхода подкрѣпленій, свидѣтельствуетъ зимницкій корреспондентъ, всѣ русскія войска на Балканахъ и по ту сторону получили приказаніе держаться строго оборонительнаго положенія. Послѣднее въ этомъ направленіи дѣло, выдержанное Русскими между Златицей и Челопечемъ, оказывается не имѣющимъ значенія. Отряду полковника Комаровскаго пришлось отступить къ Златицкимъ Балканамъ вслѣдствіе превосходства непріятельскихъ силъ. Кстати замѣтить, по ошибкѣ телеграфа, въ офиціальной депешѣ объ этомъ дѣлѣ намъ было передано что: „наши потери пока неизвѣстны, *но велики*“; между тѣмъ какъ слѣдовало передать: *но не велики*.

Б.

Вслѣдъ за объявленіемъ Сербіей войны Сербская армія, согласно заранѣе составленному плану кампаніи, перешла въ числѣ трехъ корпусовъ южную границу Княжества, причемъ каждому изъ наступавшихъ корпусовъ предназначена была своя особая задача. Въ то время когда, по причинѣ дипломатическаго давленія Австріи, на западной границѣ Сербія вынуждена держаться исключительно оборонительнаго образа дѣйствій, она можетъ принять активное въ войнѣ участіе, въ особенности по окончательномъ соединеніи съ отрядами какъ нашей, такъ и румынской арміи.

Благодаря системѣ милицій, небольшое Сербское княжество, обладающее въ мирное время незначительнымъ отрядомъ регулярнаго войска, въ составѣ двухъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ кавалеріи, доводитъ при надобностяхъ войны численный составъ своей арміи до солидной цифры 122.000 человѣкъ, изъ коихъ около семидесяти пяти тысячъ, составляя первый призывъ милиціи, собственно и образуютъ дѣйствующую армію, а остальное количество войска, образованное изъ втораго призыва, служитъ ей резервомъ.

Подготовляясь къ войнѣ въ теченіе довольно долгаго промежутка времени, Сербія успѣла собрать подъ знамена все требуемое количество солдатъ, и обезпечивъ, по возможности, оборону своей границы со стороны Босніи, гдѣ по свѣдѣніямъ иностранныхъ источниковъ сосредоточено до 40 турецкихъ таборовъ, сформировала четыре отдѣльные корпуса для дѣйствій наступательныхъ. Послѣдимъ результаты добытые каждымъ изъ нихъ въ эти двѣ недѣли.

Тимокскій корпусъ полковника Хорватовича въ количествѣ 36 баталіоновъ пѣхоты, 12-ти полевыхъ батарей и 10 эскадроновъ кавалеріи, взялъ 5 декабря дефилей Св. Николая штурмомъ и перейдя границу вынудилъ Турокъ очистить позицію при Бабиной Главѣ, тотчасъ же занятую Сербами. Наступленіе Тимокскаго корпуса представляло особенную важность въ томъ отношеніи что шло на встрѣчу нашимъ передовымъ отрядамъ, по соединеніи съ которыми Виддинскому гарнизону отрѣзывается всякое отступленіе и подготовляется участь Плевнинской арміи. Въ настоящую минуту, какъ видно изъ телеграммы генерала Арнольди, соединеніе уже состоялось, и ближайшая цѣль достигнута. Двинутые изъ Берковца на сѣверъ эскадроны гусаръ вошли въ связь съ сербскимъ отрядомъ, прибывшимъ въ свою очередь отъ Св. Николая къ Чупрену; но этимъ не ограничивались дѣйствія Тимокскаго отряда: какъ видно изъ телеграммы Главнокомандующаго, самый Пиротъ уже обложенъ Сербами и туда же въ свою очередь изъ отряда генерала Арнольди двинуты два эскадрона лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго и Харьковскаго уланскаго полковъ, а если вѣрить телеграммѣ изъ Вѣны, то и взятъ даже послѣ ожесточеннаго боя, причемъ побѣдителямъ досталась большая военная добыча

Моравскій корпусъ полковника Лешанина, въ составѣ 27 баталіоновъ пѣхоты. 8 полевыхъ батарей, 3 горныхъ батарей и 8 эскадроновъ кавалеріи, предназначенный для взятія Ниша, гдѣ по слухамъ сосредоточено около 3.500 Турокъ защищенныхъ сильными укрѣпленіями, тотчасъ вслѣдъ за объявленіемъ войны перешелъ границу и занялъ высоты Мрамора, но временно пріостановился, вѣроятно выжидая результатовъ дѣйствія Тимокскаго отряда и только по окончательномъ обложеніи турецкой крѣпости, 12 декабря, въ присутствіи князя Милана, началъ бомбардированіе Ниша.

Яворскій отрядъ полковника Николича, въ составѣ 21-го баталіона пѣхоты, 4-хъ полевыхъ и 4-хъ горныхъ батарей, пред-

назначенный въ началѣ исключительно для оборонительныхъ цѣлей въ виду значительныхъ иррегулярныхъ турецкихъ полчищъ собранныхъ на пространствѣ между Новымъ Базаромъ и Куршумлею, тоже перешелъ въ наступленіе, и 11 декабря занялъ укрѣпленную окопами Кладницу, а 13-го послѣ ожесточеннаго боя взялъ приступомъ Куршумле къ юго-востоку отъ Янковой Клиссуры.

Шумадійскій корпусъ генерала Бѣлимарковича, въ составѣ 36-ти баталіоновъ пѣхоты, 10-ти полевыхъ батарей и 10-ти эскадроновъ кавалеріи, служившій резервомъ трехъ передовыхъ корпусовъ, также перешелъ границу и отличился взятіемъ 12 декабря Акъ-Паланки, со всѣми ея укрѣпленіями, причемъ побѣдителямъ досталось три орудія, много военныхъ запасовъ и провіанта. Наконецъ и занятіе Лесковца вѣроятно совершено было тѣмъ же Шумадійскимъ корпусомъ.

Эти успѣшныя дѣйствія Сербовъ показываютъ что прошлогодняя кампанія была для нихъ хорошею школой.

№ 314.

Москва, 17-го декабря.

Въ Англіи общественное мнѣніе встрѣвожилось таинственными намѣреніями которыя приписываются министерству, и уже заблаговременно посыпались протесты противъ „бойкой политики.“ Манчестерская торговая палата единогласно рѣшаетъ подать правительству энергическую меморію о сохраненіи нейтралитета. Примѣру этому уже послѣдовала Эдинбургская торговая палата, и ожидаютъ такихъ же заявленій отъ представителей торговыхъ интересовъ другихъ городовъ. Ассоціація по Восточному вопросу, предсѣдаемая герцогомъ Вестминстерскимъ, которая между прочимъ, агитируетъ за полную свободу проливовъ, обнародовала воззваніе приглашающее всѣ классы народа настаивать на соблюденіи нейтралитета. Ассоціація рабочихъ приглашаетъ ихъ присутствовать на замышляемой въ Трафалгаръ-скверѣ антирусской демонстраціи чтобы протестовать противъ всякой резолюціи которая могла бы быть тамъ принята въ пользу войны за Турцію.

Созваніе парламента дало тему для тѣхъ членовъ его которые имѣли на дняхъ случай держать рѣчи ко своимъ избирателямъ. Но, странное дѣло, до сихъ поръ этимъ болѣе занимались члены оппозиціи; консерваливы же или молчатъ, или говорятъ едва ли угодное лорду Биконсфильду. Митинги избирателей заключались выраженіемъ довѣрія къ говорившимъ представителямъ, а говорили они рѣзко и рѣшительно противъ Турціи и выражали неудовольствіе на тревогу безъ нужды возбуждаемую въ странѣ. Г. Гоурлей, напримѣръ, жаловался что правительство, созывая парламентъ ранѣе срока, безъ объясненія причины такого фантастическаго и неожиданнаго поступка, повергло въ смятеніе всю торговлю. Г. Уитбредъ оспаривалъ нелѣпое мнѣніе будто для британскихъ интересовъ необходимо навязывать восточнымъ христіанамъ иго правительства варварскаго. Г. Бакстеръ находилъ крайне смѣшнымъ что „Англичане, „которые за время двухъ или трехъ по„колѣній присоединили территорію почти „равную Россіи и продолжаютъ этотъ про„цессъ при всякомъ удобномъ случаѣ, „такъ кипятятся и шумятъ о захватахъ „другой великой державы которую лордъ „Чатамъ называлъ естественною союзни„цей Англіи. Эта недостойная зависть „есть причина, и единственная причина „изолированнаго и довольно незавиднаго „положенія въ которомъ Англія теперь „находится.“ Рѣчь свою онъ заключилъ увѣренностью что не только Сербія и Румынія получатъ полную независимость, но что и другія прекрасныя провинціи будутъ освобождены отъ ихъ притѣснителей.

Но интереснѣе другихъ была рѣчь сэръ-Генри Гевлока, который, желая ознакомиться лично и практически съ обстоятельствами Восточнаго вопроса, по окончаніи минувшей сессіи посѣтилъ театръ войны въ качествѣ „добровольнаго и безвозмезднаго“ корреспондента *Times*, и результатами своихъ наблюденій подѣлился со своими слушателями. Онъ имѣлъ мужество высказать многія истины, и прямо возставалъ не только противъ участія въ войнѣ за Турцію, но и противъ такого, напримѣръ, огражденія британскихъ интересовъ какъ военное занятіе Египта, которое обошлось бы цѣной громадныхъ расходовъ и ничѣмъ не улучшило бы настоящаго положенія Англіи. Сэръ-Генри съ

негодованіемъ указывалъ на варварство Турокъ которые истязуютъ русскихъ раненыхъ, тогда какъ турецкіе плѣнные и раненые не только не подвергаются репрессаліямъ, а встрѣчаютъ самый заботливый уходъ со стороны Русскихъ. Онъ находилъ что слишкомъ уже преувеличиваютъ и доблесть оказанную Турками, тогда какъ все дѣло было только въ томъ что они защищали укрѣпленія вооруженныя наилучшимъ скорострѣльнымъ оружіемъ.

О Болгарахъ Гевлокъ, наперекоръ лжи которая писалась о нихъ иными корреспондентами, отзывается съ теплымъ сочувствіемъ и не вѣритъ чтобъ англійскій народъ, забывъ свои тысячелѣтнія преданія, сталъ закрѣплять цѣпи самаго унизительнаго рабства надъ христіанскими племенами Турціи. Но главное, доказывалъ онъ, Англія все-таки ничего не достигла бы и не поставила бы Турцію снова на ноги. „А затѣмъ, заключилъ онъ, что касается Россіи, съ ея 83 милліонами жителей, проникнутыхъ такимъ же сильнымъ патріотизмомъ какъ и мы сами, развѣ это такая держава которую легко сломить и остановить въ ея законномъ развитіи?“

Нѣтъ надобности, конечно, приписывать преувеличенное значеніе рѣчамъ тѣхъ или другихъ лицъ, однако замѣчательно что до сихъ поръ не слышно вовсе рѣчей въ противоположномъ смыслѣ которыя одобряли бы рѣшеніе кабинета. Напротивъ въ томъ же враждебномъ духѣ выразился и единственный консерваливъ коему привелось держать рѣчь. Альдерменъ Коттонъ, одинъ изъ членовъ за городъ Лондонъ, на банкетѣ шерифовъ сказалъ слѣдующее: „Замѣчательно что „страна не имѣла случая выразить свое „мнѣніе о важныхъ дѣлахъ волнующихъ „теперь всѣ умы. Парламентъ закрытъ, и „всѣ мѣры какія могутъ быть приняты будутъ на отвѣтственности однихъ министровъ. Англичане не желаютъ войны ни „въ какомъ видѣ, но менѣе всего желаютъ они вступить въ войну не будучи о „томъ спрошены. Я надѣюсь что министерство не будетъ имѣть дерзости объявить войну безъ обращенія къ народу. „Нашъ премьеръ имѣлъ большой успѣхъ „въ литературѣ и политикѣ, и ему повидимому желательно имѣть такой же успѣхъ въ качествѣ пророка. Онъ предсказалъ Россіи бѣду, и теперь ему „нужно принудить англійскій народъ къ „войнѣ чтобъ оправдать свое пророчество.“

Въ то же время либеральная печать и особенно *Daily News*, сильнѣйшимъ образомъ возмущена тѣмъ обстоятельствомъ что въ газетную полемику брошено было вопреки давно установившемуся въ Англіи обычаю, имя королевы. Прежде всего погрѣшили въ этомъ отношеніи тѣ торійскіе органы которые хотѣли придать особенное значеніе визиту сдѣланному королевой Викторіей премьеру въ его помѣстьѣ. Затѣмъ еще болѣе раздражила всѣхъ замѣтка *Journal des Débats*, газеты которая, какъ замѣчаетъ *Daily News*, „по очевиднымъ причинамъ“ (то есть, конечно, по подкупу) заботится поддерживать предполагаемую воинственную политику лорда Биконсфильда. Въ ней было иронически высказано что въ „настоящую минуту блестящія преданія Британіи сохраняются только въ сердцѣ женщины и въ умѣ престарѣлаго государственнаго человѣка;“ а *Daily Telegraph* поспѣшилъ присовокупить что „эта женщина, сердце которой озаряетъ исторію Англіи, есть ея милостивое величество, а ветеранъ государственный человѣкъ есть первый министръ имперіи.“ Эти крайне неприличные намеки на пристрастіе королевы къ извѣстной политикѣ и къ извѣстнымъ лицамъ возбудили негодованіе Англичанъ, и *Daily News* напоминаетъ что какъ корона, такъ и первый министръ имѣютъ свою сферу въ дѣйствіи англійскихъ учрежденій, но не могутъ принудить народъ къ войнѣ помимо его воли. „Ревностные приверженцы перваго министра,“ говоритъ либеральный органъ, „старательно внушаютъ будто по„мимо кабинета и парламента есть личная „политика лорда Биконсфильда, которую „поддерживаетъ королева. Мысль эта не„справедлива, смѣемъ думать, пока намъ „положительно не докажутъ противнаго.“

Все это предвѣщаетъ бурную сессію Англійскаго парламента когда она откроется и не легко будетъ премьеру развить въ немъ свои замыслы...

Сегодняшнія телеграммы сообщаютъ намъ странное извѣстіе, которому съ трудомъ вѣрится. Порта, несмотря на фіаско своего обращенія къ Европѣ и вопреки поданнымъ ей совѣтамъ обратиться, если желаетъ мира, прямо къ Россіи, упорно продолжаетъ искать посредничества и просить Англію о таковомъ. Англія, руково-

дящая и вдохновляющая Порту, потерпѣвшая сама въ лицѣ Порты жалкую неудачу въ попыткѣ организовать вмѣшательство Европы, Англія изолированная, обезславленная своею политикой, осуждаемая собственною совѣстью, Англія возбудившая и ожесточившая войну, простираетъ свой цинизмъ до того что „охотно соглашается“ на внушенный ею же самою призывъ Порты стать посредницей между ею и Россіей. Остается наконецъ ожидать не возьмется ли Порта стать посредницей между Россіей и Англіей. Право это было бы ничѣмъ не хуже.

№ 316.

Москва, 19-го декабря.

А.

Быстрое наступленіе необыкновенно суровой зимы въ Болгаріи грозило продолжительнымъ затишьемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, а потому полученное вчера извѣстіе о новомъ подвигѣ авангарда гвардейскаго отряда, подъ командой генерала Гурко, порадовало всѣхъ какъ важностью добытаго результата, такъ и своею неожиданностью.

Съ паденіемъ Плевны, то-есть съ освобожденіемъ стотысячной Русской арміи, планъ Турецкой кампаніи долженъ былъ неминуемо измѣниться. Потерявъ всякую надежду оказать серіозное сопротивленіе нашимъ войскамъ въ сѣверной Болгаріи и сознавая что итоги войны могутъ быть подведены только за Балканами, Турки спѣшатъ перенести центръ своей военной тяжести въ Румелію, разчитывая что суровое время года вынудитъ пріостановку военныхъ дѣйствій, которая дала бы имъ возможность изготовить оборону новой линіи. Владѣя выходами горныхъ ущелій занятыхъ русскими войсками, Турки надѣялись задержать хотя на время наступленіе нашей арміи, и за спиной своихъ передовыхъ отрядовъ организовать сопротивленіе.

Съ этою цѣлію, по словамъ иностранныхъ источниковъ, ограничивъ оборону сѣверо-восточныхъ болгарскихъ крѣпостей одними гарнизонами, турецкій главнокомандующій рѣшился перевести свою армію за Балканы, гдѣ соединившись съ резервною Адріанопольскою арміей Реуфа-паши и войдя въ связь съ арміей Ахмедъ-Эюба, обороняющаго выходъ изъ Шипкинскаго прохода и Казанлыкскую долину, а также съ арміей бывшею подъ командой у Мегемеда-Али, нынѣ у Шакира, которая обороняетъ позицію у Арабъ-Конака и долину Софійскую, турецкія силы должны раздѣлиться на три части, изъ коихъ одна предназначается для защиты Адріанополя, другая для занятія угрожающаго положенія на линіи наступленія нашихъ войскъ между Сливно и Ямболи, а третья занимать свои настоящія позиціи у Шипки и Софійской долины съ резервомъ и главною квартирой въ Татаръ-Базарджикѣ.

Отсюда понятна важность для Турокъ удержать въ своемъ распоряженіи концы горныхъ проходовъ, на что̀ и сосредоточились ихъ усилія. Въ свою очередь и для нашей арміи особенно существеннымъ вопросомъ стало скорѣйшее овладѣніе проходами или по крайней мѣрѣ однимъ изъ нихъ.

Отряду генерала Гурко послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ побѣдъ удалось овладѣть входомъ главнѣйшаго Балканскаго перевала, но за недостаткомъ силъ пришлось остановиться предъ укрѣпленною позиціей Арабъ-Конака которую защищаетъ значительный турецкій корпусъ, величаемый даже арміей. Обстрѣливаніе Арабъ-Конака, этого послѣдняго препятствія по дорогѣ на Софію, продолжалось съ конца ноября мѣсяца, но до сихъ поръ не приводило къ рѣшительному результату. Быть-можетъ рѣшительныя дѣйствія ускорили бы паденіе непріятельской преграды, но несомнѣнно что и потерь при этомъ понесено было бы не мало; поэтому вождь гвардіи еще разъ прибѣгъ къ тактическому пріему обхода непріятельскихъ позицій, который такъ удачно практиковался имъ за все время его наступательнаго движенія.

Часть гвардейскаго отряда направлена была генераломъ Гурко въ западномъ направленіи отъ перевала на деревни Негошева, Елашницы и Желявы, причемъ главная трудность заключалась въ борьбѣ съ природой. Офиціальная телеграмма сообщаетъ что разстояніе между названными пунктами, отнюдь не болѣе 15 верстъ, пройдено было отрядомъ почти въ трое сутокъ, такъ какъ двигаться приходилось по оледенѣлымъ тропинкамъ, при жесто-

комъ морозѣ и вьюгѣ, таща на плечахъ орудія и пролагая новыя дороги. За то успѣхъ вполнѣ вознаградилъ неимовѣрныя усилія; отрядъ овладѣлъ таки выходомъ изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія уже стала на Софійскомъ шоссе, причемъ всѣ потери съ нашей стороны ограничились, благодареніе Богу, только пятью ранеными нижними чинами.

Теперь, съ появленіемъ нашихъ войскъ въ тылу своихъ позицій, Турки едва ли сочтутъ возможнымъ сопротивляться у Арабъ-Конака, что̀ передастъ въ наши руки главнѣйшій изъ Балканскихъ проходовъ, а затѣмъ паденіе Софіи становится неизбѣжнымъ въ виду предстоящаго одновременнаго движенія на этотъ городъ, съ восточной стороны, гвардейскаго отряда, а съ сѣверной, отъ Пирота черезъ Берковацъ, соединенныхъ силъ Русскихъ и Сербскихъ.

Побѣды такого рода, свидѣтельствуя о предусмотрительности и военныхъ способностяхъ начальниковъ, тѣмъ болѣе дороги что не отравляютъ радостнаго впечатлѣнія итогомъ великихъ жертвъ.

Черноморскіе моряки опять отличились. Не успѣли еще придти подробныя извѣстія о подвигѣ парохода *Россія*, какъ уже генералъ-адъютантъ Аркасъ доноситъ о новомъ блестящемъ дѣлѣ парохода *Константинъ*, вторично подъ командой капитана Макарова проникающаго въ Батумскій рейдъ. Имя капитана Макарова связано въ настоящую войну съ цѣлымъ рядомъ отважныхъ налетовъ; моряки высоко цѣнятъ его мужество, распорядительность и находчивость, но до послѣдняго времени удача не вѣнчала его отваги, что вообще приписывалось употребленію на катерахъ, состоящихъ подъ его командой, крылатой мины оказавшейся на практикѣ неудовлетворительною.

Въ послѣднемъ набѣгѣ миноносныхъ катеровъ съ парохода *Константинъ*, въ первый разъ были употреблены въ дѣло мины самодвижущіяся, и повидимому достигли своей цѣли, такъ какъ обѣ пущенныя мины взорвались ударившись о трехмачтовый турецкій броненосецъ. Ночное время не дало возможности убѣдиться въ результатахъ этого удивительно смѣлаго нападенія, но едва ли подлежитъ сомнѣнію что слышанные нашими моряками вопли отчаянія, повидимому, были предвѣстниками близкой гибели вражескаго судна. Плѣненіе парохода *Мерсина* и побѣда на Батумскомъ рейдѣ служатъ лучшимъ отвѣтомъ на громко объявленную блокаду береговъ Крыма. Еще бы нѣсколько пароходовъ, и Богъ вѣсть не очутился бы самъ Босфоръ въ неожиданной блокадѣ, такъ какъ за Барановыми, Макаровыми, Зариными, Зацаренными дѣло въ русскомъ флотѣ очевидно не станетъ.

Б.

Вчерашняя телеграмма нашего букурештскаго корреспондента повергаетъ насъ въ крайнее недоумѣніе.

Какъ? Въ то время когда геройская армія наша въ Болгаріи мерзнетъ при 20-градусномъ морозѣ, когда партіи больныхъ заносятся снѣгомъ на дорогѣ, когда, по словамъ корреспондентовъ, невозможно напастись теплою одеждой, когда столь грустные факты можно было объяснять только недостаткомъ въ путяхъ сообщеній,— мы сами, добровольно, по причинамъ совершенно необъяснимымъ, отказываемся отъ готовыхъ желѣзныхъ дорогъ, сооружавшихся съ усиленною почти баснословною скоростью именно въ предвидѣніи зимняго времени.

Что же это, наконецъ? Вотъ готовая желѣзная дорога отъ Бендеръ до Галаца, вотъ вѣтвь отъ Фратешти до Зимницы; первая изъ этихъ линій выдержала испытаніе пробныхъ поѣздовъ тому назадъ почти два мѣсяца, осмотрѣна тремя коммиссіями, и тѣмъ не менѣе обѣ линіи остаются въ бездѣйствіи.

Причины этого удивительнаго явленія, сообщаемыя нашимъ корреспондентомъ, какъ-то: неутвержденіе организаціи и штатовъ, неимѣніе ни подвижнаго, ни лишняго эксплуатаціоннаго состава и незаключеніе конвенціи съ сосѣдними дорогами, поражаютъ своею необъяснимостью. Неужели постройка линій должна была потребовать менѣе времени чѣмъ составленіе штатовъ и заключеніе конвенціи? Неужели упущено изъ виду что всѣ затраты на постройку дороги производятся совершенно безполезно если въ концѣ концовъ не имѣется *подвижнаго состава*?

Дай Богъ чтобы намъ не пришлось по окончаніи войны краснѣть вспоминая о построенныхъ нами желѣзныхъ дорогахъ, которыми мы не сумѣли воспользоваться...

Въ арміи продовольственные запасы достигаютъ баснословной стоимости, въ арміи нечѣмъ укрыться отъ жестокой стужи, а у насъ и запасовъ вдоволь, и теплой одежды не мало. Говорятъ что на Кіевской товарной станціи, напримѣръ, лежитъ до двухъ сотъ тысячъ готовыхъ полушубковъ безо всякаго употребленія. Двинуть только эти полушубки — и согрѣется русскій солдатъ, и сколько жизней, сколько здоровья сохранится! Почему же они не двигаются? Не отпускаютъ, говорятъ, денегъ на перевозку...

№ 317.

Москва, 20-го декабря.

Съ комедіей посредничества, какъ видно, еще не совсѣмъ было покончено на прошедшей недѣлѣ, и, для развлеченія читающей публики, актеры заключаютъ ее дивертисментомъ. Послѣ того какъ циркулярная нота Порты къ державамъ оказалась неспособною протянуть дѣйствіе завязанной интриги, вздумали упростить интригу, и Порта обратилась съ тою же просьбой о посредничествѣ къ одной Англіи которая благосклонно согласилась взяться за дѣло. На что могла при этомъ разчитывать британская дипломатія и какія у ней были цѣли, этого не беремся рѣшать, но успѣха она конечно не могла ожидать. Въ этомъ такъ мало могло быть сомнѣнія что тотчасъ за извѣстіемъ о новой попыткѣ посредничества послѣдовало извѣстіе о его неудачѣ, и сегодня въ томъ сознается даже такой туркофильскій органъ какъ *Morning Post*.

Но помимо неизбѣжной неудачи, въ самой идеѣ этого новаго пріема, вносимаго въ международныя сношенія изобрѣтательною англійскою политикой, есть нѣчто въ высшей степени комическое и несообразное. Если такъ будетъ продолжаться, то взаимныя сношенія державъ чрезвычайно затруднятся, ибо утратится значеніе самыхъ обыкновенныхъ словъ. Посредничество обыкновенно всѣ понимали такъ что двѣ спорящія стороны не будучи въ состояніи столковаться и не желая доводить дѣла до крайности обращаются къ третьему лицу и передаютъ вопросъ на его рѣшеніе. Такъ было, напримѣръ, когда Англія и Соединенные Штаты передали свой споръ объ *Алабамѣ* на рѣшеніе третейской комиссіи въ Женевѣ. Другой, еще болѣе давній споръ между этими двумя странами былъ ими, съ общаго согласія, порученъ посредничеству Германскаго императора. Но что значитъ односторонняя просьба о посредничествѣ? Это просьба о помощи, а принятіе ея тѣмъ къ кому она обращена есть явное поощреніе одной изъ спорящихъ сторонъ. Такое самовольное навязыванье посредничества, непрошеннаго одною изъ сторонъ и поощряющаго ей противную, есть отрицаніе прямой цѣли посредничества и можетъ только усилить распрю.

Другая, столь же комическая какъ и возмутительная черта въ этомъ дѣлѣ есть та что роль посредника и миротворца беретъ на себя Англія, которая, помимо всѣхъ своихъ прежнихъ грѣховъ, въ эту самую минуту есть главное препятствіе къ прекращенію войны, виновница несбыточныхъ надеждъ питаемыхъ еще Портой. Константинопольскій корреспондентъ *Times* передаетъ изъ надежнаго источника что султанъ объявилъ что онъ не прочь былъ бы сдѣлать Россіи неизбѣжныя уступки „не будь оппозиціи Англіи которую онъ не желаетъ обидѣть какъ стараго друга и могущественнаго союзника.“ Корреспондентъ сообщаетъ также что въ свѣдущихъ сферахъ Турецкой столицы крѣпко убѣждены что англійскій посолъ, г. Леярдъ, держитъ рѣчи поощряющія Турцію сопротивляться требованіямъ Россіи и „внушающія ей надежду что если она будетъ продолжать войну, то рано или поздно Англія придетъ къ ней на помощь.“ Корреспондентъ передаетъ еще свѣдѣніе которое и безъ него ни для кого не было тайной, что „самая нота Порты съ просьбой о посредничествѣ была очевидно отголоскомъ послѣдней рѣчи лорда Биконсфильда на банкетѣ лордъ-мера.“

Англія, подстрекая Порту къ сопротивленію, фарисейски надѣваетъ на себя личину миротворца!..

Между тѣмъ за границей уже не мало толкуютъ и о предполагаемыхъ мирныхъ условіяхъ. Въ одну изъ петербургскихъ газетъ передаютъ по телеграфу якобы вѣрныя свѣдѣнія съ подробнымъ перечисленіемъ многихъ пунктовъ. Но чтобы толковать о мирѣ надо чтобъ война пришла къ концу. Война есть *ultima ratio* государствъ, и миръ является ея окончатель-

нымъ рѣшеніемъ, ея послѣднимъ словомъ. Пока война продолжается, мы не можемъ знать этого рѣшенія, не можемъ также знать какихъ новыхъ жертвъ и усилій она потребуетъ и какіе новые горизонты могутъ ею раздвинуться. Для того же чтобы война произнесла свое рѣшающее слово необходимо чтобъ одинъ изъ противниковъ призналъ себя побѣжденнымъ и принялъ всѣ вытекающія изъ того послѣдствія. Тогда миръ будетъ проченъ, и условія его опредѣлятся сами собой.

Пояснимъ примѣромъ свѣжей памяти. Когда Германія обнажила мечъ противъ Франціи въ 1870 году, ея первою цѣлью было только отразить вторженіе. Подвиги германскихъ войскъ заслужили счастіе безпримѣрно быстраго успѣха, и менѣе чѣмъ въ два мѣсяца не только вторженіе было отражено, но цвѣтъ французскаго войска уничтоженъ, глава государства очутился въ плѣну, и правительство его рушилось. Цѣль была достигнута. Продолженіе войны не могло быть пріятно для Германіи, однако она по необходимости продолжала нести ея тягость пока не принудила Францію сознаться въ своемъ полномъ пораженіи и не предписала ей условій какихъ въ правѣ была требовать для своего огражденія на будущее время и для обезпеченія себѣ прочнаго мира.

Можемъ ли мы сказать что настоящая война достигла въ настоящее время подобнаго пункта? Мы одержали блистательные успѣхи на полѣ брани, но они достались нашъ слишкомъ дорогою цѣной, и Россія въ правѣ ожидать великихъ отъ нихъ результатовъ, а врагъ упорно не признаетъ себя побѣжденнымъ. Все поведеніе Порты показываетъ что она — потому ли что ее ослѣпляютъ лживыя надежды и враждебные намъ совѣты — не смотритъ серіозно на свое положеніе. Ея циркулярная нота о посредничествѣ къ державамъ была новымъ оскорбленіемъ Россіи, а ея вторичное обращеніе о томъ же къ Англіи усугубляетъ его. Гдѣ же первое условіе для прочнаго мира когда Порта не почувствовала еще своего пораженія и не сознаетъ своего безсилія продолжать борьбу? Нѣтъ возможности представить себѣ успѣшность и прямыхъ переговоровъ съ Портой при такомъ ея настроеніи. Они не могли бы быть серіозны, и къ миру не привели бы. Если Порта желаетъ мира, то пусть она докажетъ это, пусть она пойметъ сначала что ей не переговариваться съ Россіей какъ равный съ равнымъ, а подчиниться условіямъ которыя ей продиктуетъ Россія. А о томъ какъ посмотрятъ на эти условія другія державы, Портѣ нѣтъ дѣла. Объ этомъ позаботится сама Россія, которая можетъ принять во вниманіе интересы державъ съ коими дружба имѣетъ для нея цѣну и которыя сами относятся къ ней съ доброжелательствомъ и уваженіемъ.

№ 318.

Москва, 21-го декабря.

Парижскій корреспондентъ *Times* сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: „По сообще„нію одной букурештской телеграммы, „ожидается назначеніе слѣдствія о рус„скихъ и румынскихъ плѣнныхъ и ране„ныхъ которые должны были быть найде„ны въ Плевнѣ, между тѣмъ какъ только „шестеро изъ нихъ оказались тамъ по вступ„пленіи союзныхъ войскъ. У Османъ-па„ши будетъ потребованъ отчетъ о нихъ, „дабы удостовѣриться были ли они умерщ„влены въ нарушеніе правъ человѣчества.“ Наконецъ-то! Дай Богъ чтобъ это извѣстіе подтвердилось. Пора, давно пора, принять намъ мѣры въ защиту нашихъ плѣнныхъ и раненыхъ.

Предъ нами не какіе-либо новые факты выходящіе изъ ряду вонъ, о которыхъ мы не успѣли бы еще сообразить. Нѣтъ, это возмутительное уродованіе убитыхъ, эти безчеловѣчныя истязанія до мученической смерти плѣнныхъ и раненыхъ не только баши-бузуками, Черкесами и Курдами, и также солдатами низама, характеризуютъ турецкій способъ веденія войны съ самаго начала. У насъ до 80.000 турецкихъ плѣнныхъ, которыхъ мы хорошо кормимъ, тепло содержимъ, а нѣкоторымъ храбрецамъ даже воздаемъ воинскія почести. Но мы испытывали и неудачи, иногда принужденные спѣшно отступать и терять позиціи, — гдѣ же наши плѣнные и раненые? Въ Константинополѣ показываютъ иностранцамъ лейтенанта Пущина съ двумя, тремя матросами, да на дняхъ пишутъ туда привезены пять плѣнныхъ съ однимъ полковникомъ, взятые при Еленѣ. А гдѣ остальные? Въ этомъ самомъ дѣлѣ при Еленѣ, какъ пишетъ корреспондентъ

Times при арміи Сулейманъ-паши, было взято около 250 русскихъ плѣнныхъ. Гдѣ же они и что сталось съ ними? Ужели и ихъ постигла жестокая участь злополучныхъ товарищей ихъ въ другихъ дѣлахъ, о которой такъ много писали корреспонденты? Кто можетъ забыть тѣ безмолвныя сцены ужаса которыхъ свидѣтелями были наши солдаты въ Баязидѣ, на Шипкѣ, послѣ неудачныхъ Плевнинскихъ атакъ? Послѣ первой атаки Телиша нельзя было унести всѣхъ раненыхъ; многіе изъ нихъ остались у самыхъ турецкихъ укрѣпленій. А когда Телишъ черезъ день былъ взятъ, ихъ не оказалось ни одного въ живыхъ, и англійскіе врачи засвидѣтельствовали протоколомъ что наши раненые умерщвлены, съ поруганіями и истязаніями. Неужели намъ удовольствоваться только протоколами и дипломатическими протестами? Неужели мы должны и впредь быть безмолвными свидѣтелями такихъ ужасныхъ картинъ, и не въ силахъ найти болѣе энергическія мѣры для обузданія звѣрей?

Недавно газета *Nord*, обращая вниманіе на отчетъ Французскаго протестантскаго комитета для вспоможенія жертвамъ Восточной войны, привела изъ письма доктора Манури изъ Филиппополя слѣдующее подтвержденіе систематическаго избіенія русскихъ раненыхъ: „Когда Турки „одерживаютъ побѣду, то я полагаю что „врачъ отправляющійся на поле сраженія „чтобы подобрать русскихъ раненыхъ не „въ состояніи ничего сдѣлать противъ „Черкесовъ. Они добиваютъ все, потомъ „обираютъ у мертвыхъ платье и оружіе „и уносятъ на продажу.“ Преступленія этого рода, по словамъ *Nord*, побудили г. Лоримера, профессора Эдинбургскаго университета, напечатать брошюру въ которой онъ высказываетъ что „Турція, допуская своихъ регулярныхъ и иррегулярныхъ солдатъ терзать раненыхъ и плѣнныхъ, должна быть объявлена лишенною правъ воюющей стороны и своего мѣста въ европейскомъ концертѣ.“ Нѣтъ, такимъ объявленіемъ мы не можемъ довольствоваться. Возлагать теоретическую отвѣтственность на Турецкое правительство не ведетъ ни къ чему. Мы и безъ того въ войнѣ съ Портой: какую же еще отвѣтственность можетъ она нести предъ нами? Вѣдь она очень хорошо знаетъ что Европа не пойдетъ же на нее войной за нарушеніе Женевской конвенціи. Отвѣтственность тогда только бываетъ ощутительна когда падаетъ не на отвлеченный, недосягаемый субъектъ, а на живыхъ исполнителей. Для огражденія нашихъ плѣнныхъ и раненыхъ попадающихъ въ руки Турокъ мы въ правѣ и должны объявить что хотя наше обращеніе съ турецкими плѣнными ни въ чемъ не измѣнится, но что всякій взятый нами паша и турецкій офицеръ командующій отдѣльною частью долженъ дать отчетъ о русскихъ плѣнныхъ и раненыхъ. Заранѣе пусть при этомъ будетъ поставлено въ извѣстность что никто не въ правѣ отговариваться полученіемъ или неполученіемъ приказанія отъ своего начальника, имѣніемъ или неимѣніемъ предписаній отъ Порты, какъ это дѣлалъ Гакки-паша въ Телишѣ. Порта задолго до войны приступила къ конвенціи, а потому каждый турецкій офицеръ обязанъ лично отвѣчать за ея нарушеніе. Само собою разумѣется что въ этой отвѣтственности не можетъ быть ни для кого исключеній, и всего менѣе для иностранцевъ принимающихъ назначенія отъ Турецкаго правительства. Напримѣръ, извѣстно что Англичанинъ Бекеръ-паша командуетъ кавалеріей въ арміи подъ командой Мегемедъ-Али: и онъ наравнѣ съ прочими Турками долженъ быть отвѣтственъ за поведеніе своихъ солдатъ.

Еслибы подобныя строгія мѣры были приняты съ самаго начала, еслибы, напримѣръ Гакки-паша былъ преданъ суду и его бы постигла справедливая кара за избіеніе русскихъ плѣнныхъ въ Телишѣ, то вѣроятно и одного такого примѣра было бы достаточно чтобъ отрезвить турецкихъ генераловъ и офицеровъ, и звѣрство турецкихъ солдатъ было бы обуздано. Но и теперь далеко не поздно прибѣгнуть къ этой отрезвляющей мѣрѣ. Въ Эрзерумѣ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ полученнымъ генераломъ Гейманомъ, какъ пишутъ въ *Wiener-Presse* изъ Тифлиса, нѣтъ ни плѣнныхъ, ни раненыхъ русскихъ. А между тѣмъ мыслимое ли дѣло чтобы на азіатскомъ театрѣ мы за все время не потеряли ни одного плѣннаго? За этотъ фактъ долженъ быть отвѣтчикомъ, конечно, Мухтаръ-паша и его сподвижники, въ числѣ коихъ между прочимъ находится Венгерецъ Фейзи-паша. При Еленѣ, какъ сказано, взято до 250 русскихъ плѣнныхъ, ихъ лично видѣлъ англійскій корреспондентъ; за ихъ участь должны быть отвѣт-

ственны командовавшіе въ этомъ дѣлѣ бригадные генералы Гуссейнъ-паша, Рашидъ-паша и Асми-паша, дивизіонный генералъ Керимъ-паша, и самъ Сулейманъ, руководившій всѣмъ планомъ изъ Ахметли. Одинъ корреспондентъ пишетъ въ *Times* изъ лагеря Мегемеда-Али въ Камарли слѣдующее о русской атакѣ на этотъ пунктъ бывшей еще 21 ноября: „Одна изъ заботъ „командующаго арміей есть поведеніе ир„регулярныхъ относительно убитыхъ и ра„неныхъ непріятеля. *Ни одинъ Русскій* „павшій въ приступѣ на вторую Табіэ *) „*не избѣгъ изуродованія, ни одинъ ране„ный лежавшій на склонѣ внизу не из„бѣгъ умерщвленія.* Мегемедъ-Али издалъ „строжайшее запрещеніе противъ повто„ренія этого звѣрства. Недавно онъ со„звалъ нѣсколькихъ солдатъ и говорилъ „къ нимъ строгую рѣчь по этому поводу, „и всѣ они обѣщали не повторять поступ„ковъ такъ возмущающихъ ихъ началь„ника. Но тѣ же звѣрства снова были со„вершены, и очевидно что только самая „суровая строгость можетъ положить имъ „конецъ.“ И вотъ за непринятіе такихъ суровыхъ мѣръ пусть бы каждый турецкій командиръ и отвѣчалъ лично своею персоной.

Что же касается Черкесовъ, Курдовъ, баши-бузуковъ и всякой иррегулярной сволочи сопровождающей подобно шакаламъ турецкія арміи, то съ ними невозможно церемониться. Припомнимъ что Прусаки въ 1870 году не признавали правъ воюющихъ даже за французскими волонтерами, потому только что они не были правильно организованы. Есть ли возможность признавать подобныя права за такимъ отребьемъ какъ турецкія иррегулярныя *quasi*-войска которыя только и пригодны что̀ для подвиговъ грабежа и убійства. Безпощадная кара на этихъ дикихъ звѣрей окажетъ и то дѣйствіе что живо прогонитъ ихъ изъ фронта турецкихъ армій въ болѣе безопасное для нихъ мѣсто, ибо имъ свойственны и всѣ инстинкты звѣря—бѣжать отъ неотразимой силы человѣка.

---

*) Судя по разказу корреспондента, укрѣпленіе лежащее въ окрестностяхъ Камарли за Йилдызъ-Табіэ.

№ 319.

Москва, 22-го декабря.

А.

Досужая фантазія за границей принялась уже за постройку программы предполагаемыхъ мирныхъ условій. Ничто такъ не характеризуетъ несвоевременности и фальши подобной программы какъ появленіе въ ней статей которыя явно направлены противъ Россіи. Долгъ русской печати теперь же оговорить и отвергнуть подобныя притязанія. Не наше дѣло высказывать условія какія желательны для Россіи, но мы можемъ и обязаны разъяснять, то что̀ прямо клонится къ ея ущербу.

Очень много толкуютъ, напримѣръ, о свободѣ Проливовъ. Вопросъ большею частію выставляется въ такомъ свѣтѣ будто этой свободы весьма желаетъ Россія, а всѣми силами противится ей Англія. Это де главный пунктъ столкновенія ихъ политики. Разказываютъ будто къ этой „уступкѣ“ въ пользу Россіи не только расположены всѣ другія державы, но что ее не прочь бы сдѣлать и Порта еслибы не встрѣчала рѣшительной оппозиціи Англіи. А эта послѣдняя до такой де степени противится открытію Проливовъ что именно на случай возможности такой мѣры, которую считаетъ для себя опасною, и готовится захватить залогъ. Между тѣмъ, мы знаемъ также что свобода Проливовъ имѣетъ въ самой Англіи многихъ приверженцевъ. Нѣсколько вліятельныхъ газетъ, въ томъ числѣ *Times*, подготовляютъ къ этой мѣрѣ публику разъясняя что она послужитъ къ выгодѣ Англіи; то же самое толковали и многіе ораторы на митингахъ, и извѣстно даже что въ Лондонѣ образовалась особая ассоціація хлопотать о свободѣ Проливовъ.

Намъ позволительно взглянуть на это дѣло исключительно съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, не заботясь о томъ выиграетъ или проиграетъ отъ того Англія. Не затемняемый фальшивою аналогіей вопросъ представляется очень простымъ. Невозможно чтобы Россія оставалась вѣчно запертою въ своемъ морѣ. Условіе это было случайное и наложено враждебными ея развитію англійскими притязаніями; но, освободясь отъ унизительной неправоспособности, Россія только возвратитъ свое законное право не нарушая ничьихъ правъ. Сво-

бода Проливовъ для Россіи означаетъ не болѣе какъ выходъ въ открытое море, которое не есть исключительная собственность какой-либо одной державы. Въ Средиземномъ Морѣ свободно ходятъ флоты всѣхъ націй. А изъ Средиземнаго Моря — выходъ въ Океанъ который есть общее достояніе всего міра. На какомъ основаніи Англія можетъ претендовать чтобы Россія была лишена выхода въ общія моря? Что касается Порты, владѣтельницы Проливовъ, то съ нею не могло бы быть затрудненія. Русскія суда, проходя въ Средиземное Море и обратно домой, конечно не могли бы останавливаться и держаться въ чужихъ водахъ; законнаго же права *прохода* черезъ Проливы нельзя лишать Россію потому только что Порта можетъ служить дверью для огражденія фантастическихъ и враждебныхъ намъ интересовъ.

Но подъ свободой Проливовъ разумѣется въ англійской политикѣ нѣчто другое. Толкуютъ что если Россія добивается свободы Проливовъ для себя, то справедливость де требуетъ чтобъ эта свобода была и для всѣхъ. Спрашивается какая справедливость и почему? Ратующіе за это мнѣніе объясняютъ что общая свобода Проливовъ обратится къ выгодѣ Англіи, которая, благодаря своему морскому могуществу, будетъ въ состояніи держать сильную эскадру въ Черномъ Морѣ. Весьма правдоподобно; но неужели за такую свободу ратовала Россія?

И здѣсь, какъ вообще, непростительно злоупотребляютъ словомъ свобода. Требовать свободнаго выхода въ открытое море есть неоспоримое право всякой страны владѣющей морскимъ побережьемъ: оно вытекаетъ изъ самаго положенія вещей. Но совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ является притязаніе на право держать военный флотъ въ закрытомъ морѣ составляющемъ чужую собственность, а не общее достояніе. Въ правѣ ли, напримѣръ, Англія толковать о свободѣ своего флага въ Каспійскомъ морѣ? Черное Море совершенно въ такихъ же условіяхъ, съ тою только разницей что имѣетъ выходъ. Оно принадлежитъ прибрежнымъ къ нему государствамъ, и входъ въ него не ведетъ далѣе никуда. Берегами владѣютъ только двѣ страны, Россія и Турція, — онѣ и въ правѣ держать въ немъ военный флотъ, — но никакихъ интересовъ, якобы требующихъ присутствія военнаго флота въ немъ, ни Англія, ни иная держава не имѣетъ. Право выхода для Россіи въ открытое море никому не угрожаетъ, не нарушаетъ ничьихъ правъ; допущеніе же въ Черное Море чужихъ военныхъ флотовъ было бы дѣломъ очевидно направленнымъ противъ Россіи. Оно было бы равносильно допущенію чужой военной силы на свою территорію. Пропускъ чужихъ военныхъ судовъ въ Черное Море предоставленъ теперь одной Турціи, тогда какъ, въ силу ихъ общаго владѣнія, такой пропускъ долженъ былъ бы зависѣть отъ совокупнаго разрѣшенія Турціи и Россіи.

Въ призрачныя условія будущаго мирнаго трактата любители подобныхъ занятій включаютъ не мало и другихъ куріозовъ. Пущенъ, напримѣръ, слухъ якобы Сербія (?), Боснія и Герцеговина имѣютъ поступить подъ верховную власть Австріи. Съ участью двухъ турецкихъ провинцій кавалерски связываютъ самостоятельную Сербію, имѣющую свою династію и болѣе полувѣка самоуправлявшуюся. Вѣроятно тутъ разумѣется вассальная зависимость, но что же и она можетъ значить какъ не подчиненіе маленькаго княжества, достойнаго лучшей участи, чужой власти, гораздо болѣе сильной и притязательной чѣмъ номинальная власть Порты? И это послѣ того какъ Сербія вступила въ войну и примкнула къ числу нашихъ союзниковъ! Ужели только затѣмъ дозволено было ей участіе въ войнѣ чтобы перемѣнить господина? И гдѣ же была бы справедливость? Румыніи, понесшей сравнительно немного жертвъ, будетъ дана полная независимость, а Сербіи, прежде всѣхъ свергшей съ себя мусульманское иго, Сербіи, которая въ прошедшемъ году, въ союзѣ съ Черногоріей, выступила на защиту угнетенныхъ собратій, самоотверженно понесла столько тяжкихъ жертвъ и подверглась сама погрому варварскаго нашествія, отъ котораго была спасена только словомъ Русскаго Царя, будутъ закрѣплены новыя цѣпи зависимости, которыхъ она вовсе не ищетъ...

Фантазія нашихъ заграничныхъ добровольцевъ не останавливается и на этомъ. Тѣмъ изъ турецкихъ провинцій и вассальныхъ владѣній которыя не поступятъ подъ чужую опеку, Румыніи и Болгаріи, обѣщается независимость, но не иначе какъ съ объявленіемъ ихъ нейтральными, подобно Бельгіи (?), „подъ покровительствомъ европейскихъ державъ.“ Такъ вотъ изъ-за чего мы воюемъ! Какъ только русскою кровью христіанскіе народы будутъ освобождены

отъ мусульманскаго ига, имъ тотчасъ понадобится европейская охрана независимости. Спрашивается только — отъ кого? Конечно уже не отъ Турціи, обезсиленной и пораженной русскимъ оружіемъ. Явно что это „покровительство“ европейскихъ державъ противъ самой Россіи, тогда какъ она одна и даруетъ имъ независимость! Выходитъ что Россія, проливая кровь своихъ сыновъ за освобожденіе христіанъ, обязана прежде всего заботиться не о нихъ самихъ и не о своихъ историческихъ задачахъ, а только о томъ какъ бы подѣйствительнѣе обезпечить другихъ отъ своего мнимаго властолюбія...

Б.

Михайловскій-Данилевскій въ предисловіи къ исторіи турецкихъ войнъ въ царствованіе Императора Александра I говоритъ что „каждый походъ русскихъ войскъ въ Европейскую Турцію обыкновенно оканчивается съ наступленіемъ зимы. Продолжительныя ненастья, недостатокъ подножнаго корма и уничтоженіе сообщеній полагаютъ неодолимыя преграды дальнѣйшему движенію войскъ.“ Такъ было дѣйствительно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такъ было и въ кампанію 1828 года, когда съ наступленіемъ зимы русская главная квартира, ограничившись занятіемъ крѣпостей Браилова и Варны, а также восточной полосы Болгаріи, отступила съ главными силами на лѣвый берегъ Дуная. На то же самое вѣроятно разчитывали Турки и въ настоящую кампанію, тѣмъ болѣе что климатическія условія нынѣшней зимы особенно для насъ неблагопріятны. Быстрое наступленіе суровой погоды, вьюги, метели и холода достигающіе въ горахъ до 20 градусовъ по Реомюру, неимовѣрно затрудняли передвиженіе нашихъ войскъ, и подавали мало надежды на какія-либо успѣшныя дѣйствія. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о томъ что должно было твориться въ горахъ въ половинѣ декабря мѣсяца, въ то самое время когда войска наши совершали труднѣйшій подвигъ движенія къ Балканамъ изъ подъ Плевны, достаточно послушать корреспондента *Политической Корреспонденціи*, описывающаго свое пребываніе въ Зимницѣ, отъ 11 декабря.

„Пять дней подъ рядъ,“ говоритъ онъ, „мы были здѣсь какъ въ сибирской деревнѣ отрѣзаны отъ остальнаго міра. Леденящій сѣверный вѣтеръ несъ слои снѣга, который сугробами въ метръ вышины покрылъ землю въ городѣ и вокругъ города, такъ что нѣсколько дней было трудно привозить даже самое необходимое для ежедневнаго существованія...“

Если такъ было въ Зимницѣ, то что же должно было происходить въ Этропольскихъ Балканахъ, гдѣ медленно, безостановочно двигались впередъ по разнымъ направленіямъ войска отряда генерала Гурко чтобъ овладѣть главнѣйшимъ и удобнѣйшимъ изъ переваловъ?

Не разъ уже было указано на важное значеніе Этропольскаго или, какъ называютъ его Турки, Арабъ-Конакскаго перевала. На защиту этого перевала и Софійской долины обращено было Турками усиленное вниманіе; цѣлая армія состоявшая сперва подъ начальствомъ Мегемета-Али, а затѣмъ, послѣ понесенныхъ имъ неудачъ, поступившая подъ начальство Шакиръ-паши, предназначена была задержать наше наступленіе. Но несмотря на всѣ препятствія, временно пріостановившійся гвардейскій отрядъ, какъ только подошли подкрѣпленія, не теряя времени возобновилъ свое образцовое наступленіе.

Уже появленіе части нашихъ войскъ на Софійскомъ шоссе между выходомъ изъ перевала и Софіей указывало на близость паденія Арабъ-Конакской позиціи. Но отряду предстояли еще громадныя трудности: обойденные съ фланга, Турки рѣшились сопротивляться, вѣроятно надѣясь выиграть время и дать возможность Сулейманъ-пашѣ подготовить серіозную оборону юго-западной Болгаріи. Генералъ Гурко, конечно, имѣлъ все это въ виду. И гвардейскій отрядъ, какъ видно изъ вчерашней телеграммы Великаго Князя Главнокомандующаго, блистательно исполнилъ свою задачу. Послѣ восьмидневной гигантской борьбы съ крутизнами, морозами, снѣгами, бурями и метелями, онъ, преодолѣвъ неимовѣрныя препятствія, перешелъ наконецъ Балканы, и 19 декабря, послѣ упорнаго боя, завладѣлъ господствующими высотами и заставилъ тѣмъ Турокъ бросить всѣ свои позиціи.

Успѣхъ громадный по своимъ послѣдствіямъ, ибо онъ даетъ возможность не только не останавливать военныхъ дѣйствій на зимнее время, но наоборотъ, перенести кампанію по ту сторону Балканскаго хреб-

та, въ мѣстности гораздо болѣе благопріятныя по климатическимъ условіямъ.

Покинувъ свои позиціи, Турки отступили въ юго-восточномъ направленіи на Петричево, съ очевидною цѣлью выйти долиной Топольницы на Татаръ-Базарджикъ и соединиться съ находящимися тамъ войсками. Дабы воспрепятствовать такому намѣренію противника, генералъ Гурко направилъ преслѣдованіе съ трехъ сторонъ: часть пѣхоты двинулась по пятамъ отступавшихъ, на Петричево, гвардейская кавалерія на перерѣзъ лѣваго фланга туда же, а Этропольскій отрядъ, по соединеніи съ Челопецкимъ, находившимся къ западу отъ Златицы, долженъ былъ стараться по возможности отрѣзать Турокъ съ праваго фланга. Результаты этого движенія еще неизвѣстны, но судя по разстояніямъ, сомнительно чтобы Этропольскому отряду удалось исполнить свою задачу.

Между тѣмъ самъ генералъ Гурко съ частью своихъ силъ двинулся на Софію, куда одновременно двигаются и Сербы. Все такимъ образомъ предвѣщаетъ паденіе этого города, и остается только желать чтобы непріятелю не удалось произвести въ немъ тѣхъ неистовствъ, которыми онъ грозилъ населенію, намѣреваясь, повидимому, превзойти въ этомъ отношеніи все совершенное имъ въ первую половину кампаніи.

Съ занятіемъ Арабъ-Конакскаго перевала, въ скоромъ времени долженъ будетъ окончательно выясниться дальнѣйшій планъ нашей Главной Квартиры. Воспроизводимая ниже статья *Политической Корреспонденціи*, довольно ясно представляя взаимное положеніе сражающихся, даетъ возможность еще въ большей мѣрѣ оцѣнить важность достигнутаго успѣха, который открываетъ намъ одинаково возможность какъ продолжать движеніе по Софіе-Адріанопольскому шоссе такъ и наступать по долинѣ *Тунджи*, постепенно оттѣсняя Турокъ съ занятыхъ ими позицій у выходовъ горныхъ перевалоъ.

Привѣтствуя громкіе успѣхи нашего оружія подготовляющіе окончательную побѣду, нельзя не порадоваться удачнымъ дѣйствіямъ нашихъ созниковъ Сербовъ, молодецки подвигающихся впередъ на соединеніе съ нашею арміей. Бой у Пирота, какъ оказывается, былъ боемъ упорнымъ и кровопролитнымъ. Съ обѣихъ сторонъ понесены чувствительныя потери, но въ концѣ концовъ турецкій отрядъ былъ вынужденъ поспѣшно отступить оставивъ въ рукахъ торжествующихъ противниковъ 24 орудія. Пока еще въ первый, но конечно, не въ послѣдній разъ достаются на долю Сербовъ такіе существенные трофеи. Поведеніе сербскихъ войскъ по достоинству оцѣнено Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, пославшимъ имъ отъ имени Его Величества 150 георгіевскихъ крестовъ.

№ 320.

Москва, 23-го декабря.

На-дняхъ мы познакомили нашихъ читателей съ замѣчательными сужденіями высказанными по поводу теперешней фазы Восточнаго вопроса руководящимъ органомъ національ-либеральной партіи, самой вліятельной въ Германіи. Эти сужденія тѣмъ интереснѣе что упомянутая партія далеко не можетъ быть названа правительственною въ парламентарномъ смыслѣ этого слова. При всемъ согласіи своемъ съ княземъ Бисмаркомъ, національ-либералы не находятся относительно его въ какихъ-либо обязательныхъ отношеніяхъ, органы этой партіи никогда не имѣли офиціознаго характера, каковымъ отличается напримѣръ *Съверо-Германская Всеобщая Газета*, которая весьма часто вступаетъ съ органами національ-либеральной партіи въ ожесточенную полемику. Сужденія высказываемыя *Національною Газетой* могутъ быть признаны сужденіями того средняго класса Германскаго народа гдѣ сосредоточена наибольшая сумма образованія и учености. Но органы германской печати тѣмъ съ бо́льшимъ конечно усердіемъ проводятъ свои взгляды на необходимость кореннаго разрѣшенія Восточнаго вопроса что такое разрѣшеніе, соотвѣтствуя интересамъ всего человѣчества, въ то же время вполнѣ согласно съ традиціонною дружбой господствующею между Германіей и Россіей и съ тѣми тѣсными узами кои соединяютъ династіи обѣихъ державъ. Въ этомъ совпаденіи своихъ отдѣльныхъ интересовъ съ общими задачами историческаго прогресса заключается и для Россіи вѣрнѣйшій залогъ ея конечнаго успѣха и высокій смыслъ ея призванія.

Изъ сказаннаго однако не слѣдуетъ чтобы среди германской печати не было голосовъ враждебныхъ Россіи и ея миссіи на Востокѣ. Такою враждой отличаются,

кромѣ органовъ завѣдомо туркофильскихъ, какъ *Аугсбургская Всеобщая* и *Кельнская Газеты*, многочисленныя радикальныя газеты всѣхъ оттѣнковъ, для коихъ ненависть къ Россіи есть какъ бы обязательный пунктъ доктрины. Но самыми непримиримыми врагами турецкихъ христіанъ являются въ Германіи все-таки не эти радикальные органы, а ультрамонтанская печать, и во главѣ оной издающаяся въ Берлинѣ *Germania*. Впрочемъ было бы несправедливо утверждать что тенденціи представляемыя этою и прочими ультрамонтанскими газетами Германіи имѣютъ въ себѣ что-либо специфически-нѣмецкое. Князь Бисмаркъ геніально охарактеризировалъ эту партію „черною интернаціоналкою.“ Подобно партіи всесвѣтной революціи и эти ревнители іезуитской пропаганды не знаютъ никакого отечества. Ихъ стремленія лишены національной окраски. Обсуждая какіе-либо политическіе вопросы, ультрамонтанскіе органы всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ становятся на одну и ту же точку зрѣнія—интересовъ папизма.

Въ этомъ смыслѣ *Germania* обстоятельно высказалась на дняхъ по поводу Восточнаго вопроса. Подобно *Національной Газетѣ*, и она оставляетъ въ сторонѣ тѣ узкія рамки въ которыя этотъ вопросъ покамѣсть офиціально втѣсненъ европейскою дипломатіей, а беретъ его гораздо шире. *Germania* настойчиво указываетъ своимъ читателямъ что дѣло повидимому подвигается къ окончательному рѣшенію. И вотъ она считаетъ нужнымъ уяснить для „католиковъ“ чего слѣдуетъ ожидать и что̀ именно желательно съ *ихъ* точки зрѣнія.

Этотъ ультрамонтанскій „этюдъ“ о Восточномъ вопросѣ заслуживаетъ вниманія.

Germania указываетъ на четыре пункта, коими по ея мнѣнію исчерпывается значеніе роковыхъ событій надвигающихся на Востокѣ: 1) судьба славянскихъ народностей въ Турціи; 2) существованіе турецкаго государства; 3) судьба католической церкви на Балканскомъ полуостровѣ и 4) преобладаніе Россіи или Англіи въ Азіи.

Ультрамонтанскій органъ великодушно признаетъ что положеніе христіанъ подъ турецкимъ игомъ невыносимо, и что здѣсь необходимы перемѣны. „Но,“ спѣшитъ оговориться *Germania*, „желаніе это имѣетъ свои границы; ему не могутъ быть принесены въ жертву другіе *высшіе* интересы.“ Эти высшіе интересы заключаются въ томъ чтобъ эти народности не подпали подъ вліяніе Россіи. Лучше оставить все при старомъ нежели подобный исходъ. Однако и полная политическая самостоятельность для этихъ де полуобразованныхъ и непривыкшихъ къ свободѣ народностей представляется клерикальной газетѣ невозможною. Поэтому она думаетъ что опека надъ ними необходима, и не вдаваясь въ подробности, кои въ настоящую минуту были бы де неумѣстны, она лишь напоминаетъ „что Боснія и Герцеговина состояли нѣкогда подъ верховнымъ владычествомъ Римско-Германской имперіи, а Сербія съ Болгаріей принадлежали Венгріи.“

Въ существованіе Турецкой имперіи на будущее время *Germania* плохо вѣритъ. Повидимому, замѣчаетъ она, Германія, Австрія и Россія вполнѣ между собою согласны въ томъ чтобъ образовать изъ Болгаріи, Босніи, Герцеговины и турецкой Кроаціи особыя государства на подобіе Сербіи и Румыніи. Но нѣтъ де сомнѣнія что подобную же самостоятельность потребуетъ и пріобрѣтетъ для себя и Албанія, и все указываетъ на то что и Грецію вступитъ, подобно Сербіи, въ борьбу и возьметъ свою долю присоединивъ къ себѣ Эпиръ, Ѳессалію, а можетъ-быть и Македонію. Послѣ всего этого Туркамъ останется въ Европѣ такъ мало что удержаться имъ надолго не будетъ возможности, и они будутъ вынуждены совсѣмъ перебраться въ Азію. Но и тамъ, съ паденіемъ обаянія ихъ силъ, полное разложеніе ихъ владычества не заставитъ себя долго ждать. Тогда-то возстанетъ де новый безконечный рядъ вопросовъ: о владычествѣ надъ Проливами, о господствѣ въ Малой Азіи и надъ Святою Землей, о владѣніи долиной Евфрата и пр. Въ виду всего этого *Germania*, не высказываясь положительно по вопросу о будущей борьбѣ между Россіей и Англіей за преобладаніе въ Азіи, предлагаетъ вопросъ насколько въ интересахъ католической церкви распаденіе Турціи желательно?

Отвѣтъ коротокъ и ясенъ: „Подъ властію падишаха на Балканскомъ полуостровѣ католической церкви жилось хорошо.“ Поэтому „она имѣетъ всѣ поводы быть довольною порядкомъ вещей который существовалъ до сихъ поръ.“ Напротивъ,

еслибы восторжествовали „панславистскія стремленія, для католическихъ интересовъ настали бы болѣе печальныя времена.“ Почему? Потому что „схизматики“ составляли бы во всѣхъ теперешнихъ турецкихъ земляхъ значительное большинство. „Именно въ послѣднее время, замѣчаетъ *Germania*, католическая жизнь въ Болгаріи, Босніи (гдѣ *все* находится въ рукахъ францисканцевъ и траппистовъ), турецкой Кроаціи и Герцеговинѣ достигла могучаго развитія; а теперь предстоитъ опасность что сѣмена давшія уже отростки будутъ заглушены.“ Поэтому католики могутъ де лишь съ тяжелымъ чувствомъ взирать на готовящіяся перемѣны за Дунаемъ.

Въ началѣ нынѣшней войны Пій IX призывалъ помощь Господню на турецкое оружіе. А нынѣ органы папизма не обинуясь заявляютъ что имъ хорошо жилось подъ властью Ислама и подъ охраной баши-бузуковъ, ибо именно въ послѣднее время, то-есть, когда ятаганы магометанскихъ изувѣровъ праздновали свою кровавую тризну надъ „схизматиками,“ римская духовная рать, въ лицѣ францисканцевъ и траппистовъ, успѣла забрать все въ свои руки.“

Какое циничное и вмѣстѣ многознаменательное признаніе!

№ 321.

Москва, 24-го декабря.

Вышедшій недавно въ свѣтъ отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи доходовъ и расходовъ за 1876 годъ отличается необычнымъ интересомъ. Прежніе годовые контрольные отчеты представляли рядъ послѣдовательныхъ, фотографически вѣрныхъ картинъ нашего финансоваго положенія при спокойномъ, ничѣмъ не возмущаемомъ теченіи государственной жизни. 1876 годъ не былъ годомъ такой спокойной жизни. Онъ, правда, не былъ для Россіи годомъ войны, какъ истекающій нынѣ 1877 годъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ полонъ всѣхъ памятныхъ треволненій которыя не могли пройти безслѣдно ни для одной изъ сторонъ народнаго быта. Это не могло не отразиться экстреннымъ, временнымъ, но значительнымъ сокращеніемъ поступленія государственныхъ доходовъ. Съ другой стороны, возможность войны вызывала необходимыя къ ней приготовленія, что не могло не повести къ столь же экстренному увеличенію государственныхъ расходовъ. Послѣдній отчетъ Государственнаго Контроля представляетъ обильныя данныя для сужденія о вліяніи какое имѣли на нашъ государственный бюджетъ политическія событія минувшаго года.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что въ 1875 году, въ періодъ составленія бюджета на 1876 годъ, вышепомянутыя политическія событія съ ихъ послѣдствіями еще вовсе не имѣлись въ виду. На возможность чрезвычайныхъ расходовъ и сокращенія доходовъ при составленіи бюджета, поэтому, вовсе не разчитывалось. Предполагаемые доходы были вычислены примѣнительно къ поступленіямъ прежнихъ лѣтъ, расходы—на 86.170 рублей менѣе той цифры въ какую опредѣлены предположенные доходы, и не случись въ теченіе года ничего особеннаго, ни о какомъ дефицитѣ не могло бы быть и рѣчи. Но вслѣдствіе событій 1876 года разчеты неизбѣжно должны были оказаться ошибочными.

Обыкновенные государственные расходы по смѣтѣ на 1876 годъ были исчислены въ 550.658.349 рублей, слишкомъ на семь милліоновъ болѣе той суммы до какой доходили дѣйствительные расходы, смѣтные и сверхсмѣтные въ совокупности, въ два предшедшіе года 1874 и 1875 *), и на 13¼ милл. болѣе противъ смѣтнаго назначенія 1875 года. Въ такомъ увеличеніи расходной смѣты не было ничего необычнаго. Смѣты расходовъ въ бюджетахъ растутъ у насъ изъ года въ годъ, но при одновременномъ возрастаніи доходовъ, это обстоятельство, несмотря даже на весьма значительные сверхсмѣтные расходы, въ пятилѣтній періодъ 1871—1875, не вело къ дефицитамъ. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, имѣя въ виду что итогъ доходовъ въ 1875 году простирался (даже за вычетомъ около 13½ милліоновъ руб. такихъ поступленій которыхъ впредь нельзя было ожидать) свыше 563 милліоновъ руб. оказывая наклонность къ дальнѣйшему возрастанію, можно было смѣло поднять итогъ расходовъ до 550 милліоновъ рублей, не опасаясь нарушенія равновѣсія въ бюджетѣ. Но подъемъ цифры расходовъ не об-

*) Дѣйствительные расходы были: въ 1874 году—543.317.034 р., въ 1875—543.221.521 р.

ременительный для бюджета при обычныхъ условіяхъ былъ, конечно, уже ощутительною тягостію при обстоятельствахъ 1876 года. А между тѣмъ, помимо смѣтныхъ назначеній, предстояло еще покрывать сверхсмѣтные расходы, доходящіе ежегодно до весьма почтенныхъ размѣровъ, и сверхъ того расходы чрезвычайные по военнымъ приготовленіямъ.

Для покрытія этихъ послѣднихъ расходовъ были открыты особые кредиты по министерствамъ:

Военному на	45.606.198	р. 40 к.
Финансовъ „	7.756.477	„ 48 к.
Морскому „	1.504.000	„ — „
Внутреннихъ Дѣлъ на. . .	184.000	„ — „
Иностранныхъ Дѣлъ „ . . .	30.000	„ — „

итого свыше 55 милліоновъ рублей, изъ коихъ, впрочемъ, въ дѣйствительности израсходовано нѣсколько менѣе 51 милл. (50.998.114 р. 37 к.).

Этотъ чрезвычайный расходъ покрытъ, правда, не изъ обыкновенныхъ средствъ казны, а путемъ займа, изъ суммъ полученныхъ отъ реализаціи 4-го выпуска банковыхъ билетовъ; но цифрой 51 милліона чрезвычайные расходы вызванные политическими событіями 1876 года не ограничиваются, и значительная часть ихъ, помимо этихъ 51 милліона, пала на обыкновенныя бюджетныя средства, какъ о томъ и заявлено въ отчетѣ Государственнаго Контроля. Смѣтныхъ расходовъ по бюджету предполагалось, какъ сказано, 550 658.349 рублей, а въ дѣйствительности въ 1876 году израсходовано, помимо 51 милліона чрезвычайныхъ расходовъ, 573 107.058 рублей, то-есть болѣе противъ росписи на 22.448.709 рублей, — и значительная часть этой суммы представляетъ собою расходы вызванные политическими событіями минувшаго года.

Прежде всего это видно на расходахъ по Военному Министерству. Въ 1875 году дѣйствительный расходъ по этому министерству составлялъ 175.431.989 рублей. На 1876 годъ предвидѣлись по смѣтамъ расходы на 176.275.503 руб., и хотя въ бюджетъ была занесена цифра 183.600.260 рублей, но лишь какъ предѣльная сумма, изъ которой около $7^1/_2$ милл. должны были поступить въ запасный фондъ Министерства. На дѣлѣ, не считая суммъ чрезвычайнаго кредита, Военнымъ Министерствомъ израсходовано въ 1876 году 190.304.276 рублей, на 6.704.016 руб. болѣе предѣльной смѣты, слишкомъ на 14 милліоновъ болѣе предвидѣнныхъ по смѣтамъ расходовъ, на 14.872.287 руб. болѣе противъ дѣйствительнаго расхода 1875 года. И стбитъ сличить надобности вызвавшія такое превышеніе расходовъ съ отнесенными на чрезвычайныя средства, чтобъ убѣдиться что между тѣми и другими весьма мало разницы. Напримѣръ, въ отдѣлѣ чрезвычайныхъ расходовъ мы видимъ расходъ „на новыя сооруженія для усиленія обороны Черноморскаго прибрежья,“ и въ то же время въ отдѣлѣ обыкновенныхъ расходовъ значатся расходы по постройкамъ вслѣдствіе возведенія морской батареи у Очакова. Далѣе, въ отдѣлѣ обыкновенныхъ же расходовъ мы видимъ и „усиленное“ заготовленіе разныхъ вещей, и „увеличеніе“ заказа малокалиберныхъ пѣхотныхъ винтовокъ, и пріобрѣтеніе за границей 40.000 стальныхъ ружейныхъ стволовъ съ коробками, и т. д.

Послѣ Военнаго Министерства, вліяніе событій 1876 года всего сильнѣе отозвалось на бюджетѣ Министерства Путей Сообщенія, расходы коего превысили смѣту почти на $7^1/_2$ милл. руб. Эта сумма была поглощена, главнымъ образомъ, увеличеніемъ приплаты по гарантіи обществамъ желѣзныхъ дорогъ. Эта приплата дошла въ 1876 году до 14.279.285 рублей, тогда какъ въ 1875 году составляла всего 8.259.849 рублей. Такое увеличеніе приплаты, какъ объяснено въ отчетѣ Государственнаго Контроля, было послѣдствіемъ, вопервыхъ, „особенностей финансоваго положенія въ которое желѣзныя дороги были поставлены происходившимъ въ концѣ года усиленнымъ передвиженіемъ войскъ,“ вовторыхъ, „значительнымъ къ концу 1876 года пониженіемъ вексельнаго курса, потребовавшимъ большихъ приплатъ по металлическимъ обязательствамъ обществъ,“ — то-есть обстоятельствомъ которое было прямымъ результатомъ исключительнаго политическаго положенія.

На расходахъ по другимъ вѣдомствамъ событія 1876 года, конечно, не могли отозваться въ такой же степени, но и по двумъ только указаннымъ вѣдомствамъ, военному и путей сообщенія, итогъ расходовъ хотя и отнесенныхъ на обыкновенныя бюджетныя средства, но вызванныхъ исключительными политическими обстоятельствами, составляетъ уже весьма почтенную цифру;

и это обстоятельство не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ значенія дефицита которымъ завершился 1876 годъ

Обыкновенные доходы по росписи 1876 года были предположены въ размѣрѣ 556.744.519 рублей. Въ такомъ предположеніи не было ничего преувеличеннаго, принимая во вниманіе что тѣ самые источники отъ которыхъ ожидалась эта сумма дали въ предшедшемъ 1875 году свыше 563 милліоновъ. Но подъ вліяніемъ событій 1876 года производительность этихъ источниковъ неминуемо должна была уменьшиться. Вызванный многими, но отчасти и политическими обстоятельствами застой торговли и промышленности имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, между прочимъ, уменьшеніе заработковъ въ отхожихъ и другихъ промыслахъ крестьянскаго и фабричнаго населенія, а это повело и къ уменьшенію поступленія прямыхъ податей и выкупныхъ платежей, и къ сокращенію потребленія питей. Сумма податныхъ недоимокъ возрасла въ теченіе года на 2.826.707 р., выкупныхъ—на 1.949.318 р. Потребленіе водки сократилось въ такой мѣрѣ что питейный акцизъ далъ въ 1876 году лишь 191.089.696 р. противъ 1875 года на 6.274.669 рублей менѣе. На поступленіи таможеннаго дохода тѣ же обстоятельства отозвались еще сильнѣе. Въ десять мѣсяцевъ съ небольшимъ, до 11 ноября 1876 года, въ поступленіи его былъ замѣченъ, противъ соотвѣтственнаго времени 1875 года, недоборъ въ 6.885.000 рублей. Въ остальные затѣмъ неполные два мѣсяца таможенныя поступленія дали вдругъ 24.200.000 рублей, такъ что общій итогъ таможеннаго дохода дошелъ до 71.433.148 рублей и превысилъ поступленіе 1875 года почти на $8^3/_4$ милліоновъ, но это было лишь временнымъ результатомъ значительнаго повышенія таможенныхъ пошлинъ (оплаты ихъ золотомъ). Во избѣжаніе уплаты повышенныхъ пошлинъ, масса товаровъ предназначавшихся къ оплатѣ пошлиной въ 1877 году была оплачена въ 1876, и такимъ образомъ не только весь излишекъ въ поступленіи таможеннаго дохода, но гораздо бо́льшая сумма, по меньшей мѣрѣ 15 милліоновъ, была собственно доходомъ 1877 года поступившимъ въ казну авансомъ въ 1876.

„Особенности финансоваго положенія въ которое желѣзныя дороги были поставлены происходившимъ въ концѣ года усиленнымъ передвиженіемъ войскъ“ повели къ недобору въ поступленіяхъ отъ желѣзнодорожныхъ обществъ на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ; такихъ платежей поступило только 12.098.053 р., на 4.101.947 рублей менѣе противъ ожиданій росписи и на 4.971.157 р. менѣе противъ поступленія 1875 года.

Недочеты по указаннымъ статьямъ не могли быть возмѣщены увеличеніемъ дохода по нѣкоторымъ другимъ, напримѣръ возвышеніемъ цифры сборовъ по Туркестанскому генералъ - губернаторству на 1.093.629 р. противъ 1875 года. Что же касается до сахарнаго дохода, то увеличеніе дохода отъ акциза на 1.812.399 р. болѣе чѣмъ парализуется сокращеніемъ дохода отъ пошлинъ (почти на 2.200.000 р.), такъ что въ общемъ выводѣ сахарный доходъ не только не увеличился, а напротивъ сократился слишкомъ на 400.000 р.

Въ общемъ итогѣ доходовъ въ 1876 году поступило 559.262.692 р., считая въ томъ числѣ и поступившую такъ-сказать авансомъ часть таможенныхъ доходовъ 1877 года, безъ чего доходы едва ли дошли бы и до 544 милл. р.,—суммы почти на 20 милліоновъ меньшей доходовъ 1875 года.

При дѣйствительномъ доходѣ въ 559.262.692 р., въ 1876 году было израсходовано по смѣтнымъ и сверхсмѣтнымъ кредитамъ (кромѣ чрезвычайныхъ) 573.107.058 рублей, такъ что финансовый годъ завершился дефицитомъ въ 13.844.306 рублей. Фактъ непріятный, но принимая во вниманіе тѣ обстоятельства которыми онъ вызванъ, нельзя не замѣтить что оказавшійся на дѣлѣ дефицитъ гораздо менѣе того какого можно было ожидать, и не будь отнесены къ отдѣлу обыкновенныхъ многіе расходы вызванные чрезвычайными обстоятельствами, дефицита, вѣроятно, не оказалось бы вовсе. Во всякомъ случаѣ, для покрытія дефицита въ 13.844.000 не представилось надобности прибѣгать ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ: средства на его покрытіе были налицо въ остаткахъ отъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ. 8.305 997 р. были взяты Военнымъ и Морскимъ министерствами изъ ихъ запасныхъ фондовъ, остальные 5.538.368 р.—изъ свободныхъ остатковъ отъ общихъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ. Эти источники покрытія случайныхъ, временныхъ дефицитовъ остались

далеко не исчерпанными и къ 1877 году. За отчисленіемъ въ 1876 году 2.780.155 р. въ запасные фонды Военнаго и Морскаго министерствъ, совершенно свободныхъ остатковъ отъ прежнихъ смѣтъ числилось къ 1877 году, по отчету Государственнаго Контроля, почти 34 милл. р. (33.951.881 р. 72 к.), — сумма болѣе чѣмъ достаточная хотя бы для возмѣщенія въ текущемъ году той части таможеннаго дохода которая поступила въ казну въ прошломъ году какъ бы въ видѣ аванса.

Помимо столь легко покрытаго дефицита въ обыкновенномъ бюджетѣ, минувшій годъ ознаменовался, правда, заключеніемъ займа на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ. Государственный долгъ возросъ вслѣдствіе этого на сто милліоновъ. Но въ томъ же году когда заключенъ былъ этотъ стомилліонный заемъ, въ счетъ прежнихъ долговъ уплачено болѣе 25 милліоновъ, такъ что въ сущности государственный долгъ возросъ лишь съ небольшимъ на $74^1/_2$ милліона рублей, и притомъ изъ занятой въ 1876 году суммы оставалась къ 1877 году неизрасходованною приблизительно сумма въ 40 милліоновъ.

Принимая во вниманіе обстоятельства при какихъ получены эти результаты, нельзя не признать ихъ благопріятными.

Не съ такими, конечно, размѣрами дефицита и увеличенія государственнаго долга будемъ мы имѣть дѣло при заключеніи счетовъ за текущій военный годъ. Но каковы бы ни были финансовые недочеты къ которымъ поведетъ война, до какихъ бы цифръ ни дошли требуемые ею расходы, — вызванныя войной жертвы не замедлятъ окупиться, лишь бы война привела къ рѣшенію Восточнаго вопроса.

№ 322.

Москва, 28-го декабря.

Рядъ офиціальныхъ телеграммъ разъясняетъ подробности изумительнаго въ военномъ отношеніи перехода за Балканы въ зимнее время. Этотъ подвигъ русской арміи, какъ по неимовѣрнымъ трудностямъ которыя въ теченіе шести недѣль преодолѣвали войска наши, такъ и по прекрасно задуманнымъ начальниками обходнымъ движеніямъ, увѣнчавшимся такимъ блистательнымъ успѣхомъ, превосходитъ все сдѣланное до сихъ поръ нашею арміей на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и воскрешаетъ въ памяти знаменитый альпійскій походъ Суворова въ 1799 году.

Читая подробности о томъ цѣною какихъ неимовѣрныхъ усилій доставался каждый шагъ впередъ нашему Софійскому отряду, невольно затрудняешься чему отдать предпочтеніе: испытанной ли храбрости русскаго солдата, или чудесной его выносливости, одинаково выходящей побѣдительницею какъ изъ безводныхъ степей Средней Азіи при палящемъ зноѣ солнца, такъ и со снѣжныхъ бездорожныхъ вершинъ Балкановъ отнынѣ не защищающихъ Турецкой имперіи.

Корреспонденціи князя Л. Шаховскаго, помѣщаемыя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, рисуя картину движеній отряда до 28 ноября, т.-е. того времени пока морозы еще не достигали своей послѣдующей силы, уже достаточно выясняютъ трудности съ которыми приходилось бороться; одно втаскиваніе орудій на позиціи генераловъ Дандевиля и Рауха даетъ возможность вполнѣ понять тѣ затрудненія съ которыми въ половинѣ декабря мѣсяца пришлось имѣть дѣло части войскъ подъ командою того же генерала Рауха и генерала Вельяминова, двигавшихся къ юго-западу отъ Орханіе и Врачеша, для обхода въ тылъ турецкихъ позицій и образованія заслона со стороны Софіи.

„Въ такіе моменты, пишетъ въ газету *Голосъ* г. Mac-Gahan, имѣешь полную возможность взвѣсить всю тяжесть лишеній и трудовъ, которымъ подвергается солдатъ въ горной кампаніи. Онъ вѣчно мокръ насквозь, измученъ, лишенъ отдыха и даже необходимаго для человѣка сна; цѣлые дни зачастую проводитъ онъ безъ горячей пищи, на одномъ хлѣбѣ и водѣ, располагается на бивакахъ не раздувая огней, спитъ на сырой землѣ въ холодѣ и стужѣ, отъ которыхъ не въ состояніи защитить человѣка та одежда что онъ несетъ на себѣ! И послѣ такого-то перехода попадаетъ онъ въ дѣйствіе противъ врага, гдѣ мало мальски серіозная рана грозитъ ему смертію или отъ рукъ безпощаднаго Турка, или отъ изнуренія въ теченіе двухнедѣльнаго адскаго переѣзда до госпиталей на Дунаѣ! Но терпѣніе и выносливость русскаго солдата могутъ сравниться лишь съ его храбростью; въ этихъ

отношеніяхъ репутація его установлена непоколебимо."

Но храбростью, выносливостью и терпѣніемъ солдата, какъ ни велики эти качества сами по себѣ, невозможно было бы достигнуть тѣхъ результатовъ которыми теперь справедливо гордится вся Россія; необходимъ былъ разумъ двигавшій событія, необходимо было присутствіе даровитыхъ военачальниковъ сумѣвшихъ воспользоваться незамѣнимыми качествами подчиненныхъ.

И въ этомъ отношеніи переходъ за Балканы можно назвать образцовымъ. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не разъ уже обращено было вниманіе на предыдущія дѣйствія отряда генерала Гурко по мѣрѣ того какъ разъяснялись подробности; теперь официальныя свѣдѣнія до извѣстной степени освѣщаютъ и послѣдній актъ великой борьбы съ природой и непріятелемъ закончившейся боемъ 19 декабря у Ташкисена.

Вынужденные оставить свои первоначальныя позиціи у Орханіе, Лютикова и Врачеша, Турки сосредоточили оборону главнѣйшаго прохода на высшей точкѣ перевала у Арабъ-Конака и Шандорника, защищавшихъ выходъ изъ Стриглъ-Балкана, входъ въ который находился въ нашихъ рукахъ послѣ занятія Этрополя. Позиціи непріятеля, взаимно обороняющіяся, представляли столь существенныя выгоды для противника что брать ихъ съ фронта представлялось невозможнымъ или по крайней мѣрѣ сопряженнымъ съ громаднымъ рискомъ и потерями. Поэтому генералъ Гурко прибѣгъ къ новому обходному движенію въ юго-западномъ направленіи. Оставивъ отрядъ генерала Шувалова на самомъ Софійскомъ шоссе лицомъ къ Арабъ-Конакской позиціи, а отряды генераловъ Дандевиля и принца Ольденбургскаго въ томъ же положеніи противъ Шандорника, генералъ Гурко остальныя войска свои раздѣлилъ на двѣ части, изъ коихъ одна, подъ общимъ начальствомъ генерала Рауха, двинулась отъ Этрополя на юго-западъ съ цѣлью зайти въ тылъ Арабъ-Конаку, а другая, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, направлена была еще западнѣе чтобы выходомъ своимъ на Софійское шоссе обезпечить нашъ собственный тылъ отъ наступленія 20 турецкихъ таборовъ занимавшихъ Софію.

13 декабря началось движеніе отряда генерала Рауха отъ Этрополя и продолжалось цѣлыхъ шесть дней на разстояніи какихъ-нибудь 12 — 15 верстъ, причемъ при подъемѣ приходилось *вырубать ступени* въ обледенѣвшей дорогѣ, чтобы втаскивая артиллерію люди могли найти какую-нибудь опору, а при спускѣ приходилось привязывать орудія и ящики къ деревьямъ и на канатахъ спускать ихъ отъ одного дерева до другаго. Во время этого движенія разъѣздами нашими было замѣчено что Турки укрѣпили новую позицію на южномъ склонѣ перевала у селенія *Ташкисенъ* въ тылу Арабъ-Конака, вслѣдствіе чего 14 декабря, по завершеніи перехода черезъ Балканы, отрядъ генерала Рауха, раздѣленный въ свою очередь на три части, двинулся къ названному селенію; первая часть, подъ личнымъ его начальствомъ, заняла позицію съ запада отъ *Ташкисенъ*, другая, подъ начальствомъ Курлова, двинута была въ тылъ Ташкисена къ *Дольнимъ Камарцамъ* на перерѣзъ дороги къ Арабъ-Конаку, а третья, подъ начальствомъ Философова, оставлена въ резервѣ. Убѣдившись въ безполезности фронтальной атаки съ запада, генералъ Раухъ часть своего отряда двинулъ въ обходъ Ташкисена съ юга, а самъ вступилъ въ непосредственную связь съ колонной графа Шувалова, находившеюся, какъ выше упомянуто, на Софійскомъ шоссе. Такимъ образомъ Ташкисенъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ, и защищавшіе его Турки, не выжидая нападенія, оставили свои позиціи, спасаясь уже не правильными отрядами, а въ разсыпную.

Ближайшимъ послѣдствіемъ паденія Ташкисена было отступленіе Турокъ изъ Арабъ-Конака и Шандорника, т.-е. окончательное очищеніе перевала. Пользуясь сумерками и темнотой ночи, Турки успѣли временно скрыть свое отступленіе на Петричево въ долину Топольницы по направленію къ Татаръ-Базарджику, прикрывшись арріергардомъ изъ трехъ или четырехъ таборовъ, переловленныхъ 20 декабря по одиночкѣ.

20 же декабря началось преслѣдованіе непріятеля въ юго-восточномъ направленіи, увѣнчавшееся занятіемъ 22 декабря Петричева, а 21 декабря отрядами генераловъ Дандевиля и Брока занята Златица, изъ коей Турки отступили къ востоку. Одновременно съ преслѣдованіемъ бѣгущаго противника, колонна генерала Рауха, соединившись съ колонной Вельями-

нова, вышедшею на Софійское шоссе у Горняго Бугарова, подъ личнымъ начальствомъ генерала Гурко, двинулась къ Софіи, и въ то же время части кавалеріи направлены были къ юго-западу отъ перевала на Ихтиманъ и Самаково дабы отрѣзать турецкій корпусъ защищавшій Софію отъ Татаръ-Базарджика и Филиппополя.

21 декабря произошло столкновеніе наступавшаго отряда генерала Гурко съ Турками при овладѣніи нашими войсками мостомъ черезъ Искеръ у селенія Враждебна, въ 8-ми верстахъ отъ Софіи. Сраженіе опять рѣшено было обходнымъ движеніемъ Преображенскаго полка перешедшаго Искеръ по льду, благодаря чему потери наши были незначительны. Турки не рѣшились защищать Софію и произведя по обыкновенію рядъ безчинствъ надъ городомъ отступили въ юго-западномъ направленіи на Кюстендиль, а 22 декабря войска наши, по словамъ офиціальной телеграммы, съ музыкой, пѣснями и распущенными знаменами вступили въ Софію не видавшую съ 1434 года христіанскаго воинства.

Быстрые успѣхи отряда генерала Гурко и паника овладѣвшая западною турецкою арміей отозвались немедленно на другихъ мѣстахъ театра военныхъ дѣйствій. Такъ, въ ночь съ 25. на 26 декабря, генералъ Карцевъ двинулъ колонну въ обходъ Траянскаго перевала, занялъ непріятельскій редутъ подъ названіемъ Орлиное Гнѣздо и направилъ уже авангардъ къ Теке, находящемуся на югѣ отъ Траянскаго перевала, въ долинѣ Тунджи, такъ что сообщеніе газеты *Fremdenblatt* о движеніи отряда генерала Скобелева черезъ Траяновъ перевалъ къ Калоферу очевидно находится въ связи съ приводимымъ нами офиціальнымъ извѣстіемъ. Нельзя не обратить вниманія на важность этого извѣстія, такъ какъ отъ Калофера проходитъ большая дорога на Казанлыкъ, дающая намъ возможность въ скоромъ времени появиться въ тылу непріятельскихъ позицій, обороняющихъ выходъ изъ Шипкинскаго прохода, и такимъ образомъ облегчить переходъ черезъ Балканы центру нашей арміи.

Наконецъ, 26 декабря отрядъ полковника Красовскаго выбилъ близь Бебровскаго перевала 11 турецкихъ таборовъ изъ укрѣпленной позиціи у Дѣвичьей Могилы и отбросилъ ихъ къ Старорѣкѣ. Сопоставленіе потерь обѣихъ сражавшихся сторонъ указываетъ на нравственный упадокъ непріятеля, оставившаго на полѣ битвы 2.700 тѣлъ, тогда какъ всѣ наши потери при взятіи Дѣвичьей Могилы и Ахметли ограничиваются 213 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими.

Результаты всѣхъ исчисленныхъ нами успѣховъ не могли не отразиться на планѣ турецкой обороны, а потому есть полное основаніе довѣрять слуху что первоначальное намѣреніе бывшаго главнокомандующаго турецкими арміями Сулейманъ-паши, только-что замѣненнаго Реуфомъ, основать свою главную квартиру въ Татаръ-Базарджикѣ уже оставлено, и что новый сердарь-экремъ выбираетъ главнымъ пунктомъ Ени-Загру, гдѣ впрочемъ также едва ли ему придется долго усидѣть если движеніе на Калоферъ и Казанлыкъ подтвердится офиціально. Военныя дѣйствія теперь должны пойти быстро...

№ 323.

Москва, 29-го декабря.

А.

Въ заключеніи вчерашней передовой статьи мы высказали надежду что отнынѣ военныя дѣйствія пойдутъ быстро... Предположенія наши сбылись гораздо скорѣе чѣмъ можно было ожидать.

Въ то самое время когда всеобщее вниманіе обращено было на западную половину Болгаріи, гдѣ, послѣ славнаго перехода черезъ Балканы, войска отряда генерала Гурко безостановочно расширяли кругъ своихъ дѣйствій, — вдругъ, совершенно неожиданно, въ самой сердцевинѣ Турецкой имперіи, наши войска одержали новую побѣду, быть-можетъ еще болѣе важную чѣмъ взятіе Плевны.

Послѣ упорнаго боя въ Шипкинскомъ проходѣ, 28 декабря, войска генерала Радецкаго взяли въ плѣнъ Шипкинскую армію и открыли себѣ дорогу къ Адріанополю.

41 баталіонъ пѣхоты, полкъ кавалеріи и 10 батарей, вотъ трофеи побѣды. Изо всѣхъ турецкихъ армій на Европейскомъ театрѣ войны, остается теперь лишь Восточно-Болгарская армія, которая по сво-

ему составу, какъ извѣстно, почти не можетъ быть названа арміей.

Краткая телеграмма Великаго Князя Главнокомандующаго, извѣщающая о новомъ подвигѣ нашей арміи, не заключаетъ въ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, и можно только догадываться что сокрушительный ударъ нанесенъ былъ непріятелю одновременнымъ наступленіемъ съ фронта корпусовъ собравшихся у Тырнова и появленіемъ отряда перешедшаго Траянскій перевалъ въ тылу позицій противника (отъ Калофера). Но результаты Шипкинскаго боя очевидны. Туркамъ окончательно не удастся подготовить оборону Румеліи, какъ они того желали, разчитывая на время. Старое Суворовское правило поражать врага неожиданностью еще разъ сослужило свою службу, а чего же неожиданнѣе какъ переходъ черезъ Балканы на всѣхъ пунктахъ зимой?! Плѣненіе всей Шипкинской арміи не останется безъ должнаго впечатлѣнія и въ Константинополѣ и въ Лондонѣ. Нашей же побѣдоносной арміи этотъ новый подвигъ ея дастъ тотъ подъемъ торжествующаго духа при которомъ для нея не будетъ невозможнаго.

Б.

„Исторія наставница народовъ,“—этотъ афоризмъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ настоящему времени, къ толкамъ объ англійскомъ посредничествѣ въ русско-турецкой распрѣ. Англія не отважилась сдѣлать рѣшительные шаги въ этомъ направленіи, такъ какъ всякое посредничество возбуждаемое третьею державой помимо самихъ воюющихъ равнозначительно вмѣшательству въ войну. Однако нельзя не признать что Англіи весьма было бы желательно принять участіе въ рѣшеніи Восточнаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на роль Англіи въ исторіи нашихъ войнъ съ Турціей, то увидимъ что болѣе усердной ревнительницы (если не на дѣлѣ, то на словахъ) Порта никогда не имѣла. Сохраняя наружно нейтральное положеніе, Англія всегда болѣе или менѣе удачно вмѣшивалась въ мирные переговоры съ цѣлью по мѣрѣ силъ отвратить отъ Порты грозящую ей опасность. Намъ нѣтъ надобности искать подтвержденія нашихъ словъ въ постороннихъ свидѣтельствахъ: сами англійскіе государственные люди не одинъ разъ открыто заявляли въ парламентѣ что вмѣшиваясь въ столкновенія Россіи съ Турціей они имѣли въ виду охранить послѣднюю отъ опасности грозящей ей со стороны Россіи. Едва ли мы не обязаны главнымъ образомъ Англіи тѣмъ что до настоящаго времени не проходитъ и двадцати лѣтъ безъ того чтобы Восточный вопросъ не представлялъ такихъ осложненій въ виду которыхъ Россіи приходится снова вступать въ войну. И тѣмъ не менѣе мы еще въ настоящее время видимъ людей, которымъ такая роль Англіи въ Восточномъ вопросѣ не можетъ быть неизвѣстна, и которые тѣмъ не менѣе рѣшаются утверждать что политика Россіи въ Восточномъ вопросѣ не должна быть самостоятельна, что Россія не должна выдѣляться изъ „европейскаго концерта.“ Даже столь серіозный человѣкъ какъ петербургскій профессоръ г. Мартенсъ рѣшился написать нѣчто подобное по предмету русской политики на Востокѣ. Онъ главнымъ образомъ упираетъ на то что всѣ его выводы основаны на дипломатическихъ документахъ хранящихся въ нашихъ архивахъ. Мы вполнѣ увѣрены что авторъ дѣйствительно можетъ сослаться на документы въ подтвержденіе нѣкоторыхъ своихъ мнѣній, хотя съ другой стороны не можемъ не замѣтить что нельзя считать мнѣніе извѣстнаго лица и даже цѣлаго собранія лицъ непреложно вѣрнымъ, особенно въ такихъ тонкихъ вопросахъ какъ вопросы политики. Но авторъ выставляетъ и такія положенія которыя уже вовсе не основаны ни на какихъ документахъ, а единственно на его личныхъ теоретическихъ соображеніяхъ. Такъ, онъ утверждаетъ что въ рѣшеніи вопросовъ настоящей войны должны принять участіе западныя державы. Г. Мартенсу можетъ-быть будетъ не безполезно ознакомиться съ помѣщаемыми ниже выдержками изъ писемъ Екатерины Великой ко Гримму, относящихся къ 1788 году, ко времени второй Турецкой войны. Не думаемъ чтобы политика Екатерины II на Востокѣ нуждалась въ оправданіяхъ. Она заботилась не о томъ чтобъ избѣгнуть въ Европѣ упрековъ во властолюбивыхъ замыслахъ, а руководилась лишь мыслію о благѣ Россіи. „Никакая чужая власть не можетъ доставить мнѣ почетнаго мира,“ „я на всякій запросъ смотрю какъ на нѣкоторое оскорбленіе отъ одной націи къ другой,

такъ какъ каждая властна дѣйствовать сообразно со своими интересами," —таковы были взгляды великой императрицы. И что же? Англія „грызла себѣ пальцы," Швеція, вмѣшавшаяся въ войну,—тоже, а Россія дополнила славный Кучукъ-Кайнарджійскій миръ Ясскимъ договоромъ.

№ 324.

Москва, 30-го декабря.

Неожиданная смерть перваго короля Италіи, Виктора-Эммануила, послѣ скоротечной болѣзни не можетъ не возбудить всеобщаго сожалѣнія. „Событіе неожиданное, общая скорбь," такими словами заключилъ нашъ римскій корреспондентъ телеграмму съ печальнымъ извѣстіемъ, и его слова найдутъ себѣ сочувственный отголосокъ далеко за предѣлами Италіи.

Виктору-Эммануилу досталась роль быть творцомъ государства, которое онъ и завѣщаетъ своему преемнику, творцомъ единаго Италіянскаго королевства. Мечта многихъ вѣковъ осуществилась въ его царствованіе, и исторія не можетъ отрицать дѣятельнаго и могучаго участія его воли въ совершеніи подвига. Правда, очень многія благопріятныя обстоятельства внѣ сферы интересовъ Италіи способствовали этому. Король имѣлъ счастіе найти великихъ сподвижниковъ; но ему принадлежитъ честь умѣнья пользоваться этими обстоятельствами и постигать значеніе событій, честь проницательнаго довѣрія къ талантливымъ людямъ, которые вмѣстѣ съ нимъ работали надъ закладкой новаго зданія. Личная его заслуга тѣмъ болѣе должна быть оцѣнена когда взглядъ на недавнее прошлое разомъ обниметъ всѣ затрудненія бывшія на пути.

Знаменитый афоризмъ Меттерниха: „Италія есть географическій терминъ" въ свое время вовсе не былъ парадоксомъ. Раздробленная на множество слабыхъ и враждующихъ между собою государствъ, она въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ была полемъ на которомъ разыгрывалось честолюбіе дальнихъ и ближнихъ сосѣдей: прежней Германской или Священной Римской имперіи, потомъ Испаніи, Франціи, Австріи. Единство Италіи должно было казаться гораздо болѣе мечтой чѣмъ единство Германіи. Здѣсь въ памяти народной оставались по крайней мѣрѣ воспоминанія о славѣ и могуществѣ величаваго средневѣковаго зданія имперіи, которое пережило себя и, рушившись, оставило союзъ Германскій, связывавшій множество государствъ не только экономически, но и политически. Въ Италіи же никогда не было ничего подобнаго такой связи; тамъ исторически выросли съ разнородными интересами общины и династіи, изъ коихъ образовались потомъ отдѣльныя государства, и посреди ихъ крѣпко держался послѣдній обломокъ среднихъ вѣковъ, владѣніе Римскаго первосвященника. Казалось безъ революціи было не мыслимо измѣненіе въ участи Италіи. Но вихрь революціи 1848 года промчался оставивъ только горькія разочарованія. Въ эту тяжкую годину король Викторъ Эммануилъ наслѣдовалъ маленькое Сардинское королевство послѣ своего отца Карла-Альберта, отрекшагося отъ престола на полѣ битвы при Веронѣ, послѣ полнаго пораженія его австрійскими войсками. Всѣ мечты италіянскихъ патріотовъ разсѣялись какъ дымъ. Но юный король не палъ духомъ и скромно принялся за возрожденіе своего небольшаго владѣнія, поручивъ управленіе имъ дальновидному Кавуру. Тихо, неслышно совершалась эта работа, но отселѣ всѣ надежды пламенныхъ патріотовъ Италіи обратились въ этотъ уголокъ. Въ остальной Европѣ о немъ едва ли думали, когда, черезъ немного лѣтъ, всѣхъ удивило присоединеніе піемонтскаго контингента къ числу союзниковъ противъ Россіи. Какъ помощь враждебной намъ коалиціи, этотъ контингентъ былъ ничтоженъ, и не имъ конечно рѣшена была борьба, а со стороны Россіи не было никакого повода ко враждѣ Піемонта. Но мы безъ всякой горечи можемъ вспоминать объ этомъ эпизодѣ, особенно въ настоящую минуту, когда не только послѣдствія Парижскаго трактата, но и самое королевство Піемонтское уже не существуютъ. Но на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года Австрія, сослужившая намъ столь плохую услугу въ Восточную войну, могла уже предвидѣть послѣдствія своей близорукой политики когда сардинскій министръ Кавуръ, которому нужно было только добиться голоса въ европейскомъ совѣтѣ, заговорилъ о правахъ Италіи. Афоризмъ Меттерниха уже потерялъ съ этой минуты прежнее значеніе.

Практическое опроверженіе его не заставило себя долго ждать. Черезъ три года Піемонтъ въ союзѣ съ Франціей объявилъ войну Австріи. Конечно, у императора Наполеона были свои цѣли, какъ и во всей его политикѣ, главнымъ образомъ династическія; но умъ Кавура сумѣлъ извлечь изъ нихъ возможную пользу для своей страны. Полное объединеніе Италіи вовсе не было въ видахъ Наполеона III, и за сдѣланное онъ взялъ себѣ награду. Италія сама пошла далѣе въ предѣлахъ возможнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Переворотовъ послѣдовавшихъ за войной уже нельзя было остановить. Миланъ былъ принужденно уступленъ Австріей, а герцогство и бо́льшая часть Папской области, предъ началомъ войны оставленныя австрійскими войсками, сами присоединились къ Піемонту, который тогда же преобразовался въ королевство Италіянское. Въ слѣдующемъ году была предпринята экспедиція Гарибальди на Сицилію и Неаполь, и присоединеніе бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій было довершено подошедшими піемонтскими войсками. Въ этомъ быстромъ ходѣ переворотовъ была большая опасность отъ революціонныхъ элементовъ. Но твердость короля и геній министра сумѣли уберечь отъ нея Италію подъ охраной національной идеи. Это была едва ли не самая трудная работа, но послѣдствія ея мы видимъ теперь когда революціонныя затѣи, прежде такъ волновавшія раздробленную Италію, стали въ ней анахронизмомъ, когда бывшіе республиканцы ссорятся за министерскіе портфели, а престарѣлый Капрерскій удалецъ едва ли не болѣе всѣхъ сокрушается сердцемъ о кончинѣ *Re galantuomo*, который осуществилъ мечтанія его юности.

Но если король имѣлъ счастіе довести дѣло до конца, то знаменитому сподвижнику его не суждено было этого видѣть. Кавура Италія потеряла когда многое еще оставалось довершить. Венеція и Римъ оставались недосягаемымъ запретнымъ плодомъ, а безъ нихъ самое объединеніе Италіи все оставалось подъ сомнѣніемъ. Два раза пылкій Гарибальди бросался къ Риму, но былъ останавливаемъ италіянскими же войсками. Послѣдователи Кавура, не обладая его талантами, понимали однако невозможность для Италіи разрывать съ Франціей и безсиліе дѣйствовать одной противъ Австріи. Твердость, терпѣливость и прямодушіе короля провели націю черезъ этотъ долгій кризисъ выжиданія. Но борьба иныхъ силъ въ Европѣ дала ей случай довершить начатое и доставила ей союзника болѣе надежнаго чѣмъ Франція въ лицѣ Германіи. Война 1866 года возвратила Италіи Венецію, и хотя для ея національнаго самолюбія могло быть прискорбно что ея оружіе не покрылось блескомъ и что добыча была куплена прусскими побѣдами, но для ея будущности это даже можетъ-быть было лучше, ибо въ послѣдствіи тѣмъ легче было примиреніе съ нею Австріи. Тѣмъ болѣе закрѣпился и союзъ ея съ Германіей, ибо тогда уже стала очевидна неизбѣжность разчета Германіи съ Франціей, въ которомъ только и могла быть надежда для Италіи пріобрѣсти себѣ наконецъ свою естественную столицу. Это и совершилось вполнѣ мирно для Италіи подъ громъ орудій на поляхъ Франціи въ 1870 году. Такимъ образомъ, событія сложились такъ что дѣло начатое при помощи Франціи могло завершиться только вопреки ея волѣ и благодаря ея неудачамъ, и Италіи, вмѣсто прежняго западнаго союза, открылся путь въ иное созвѣздіе, съ которымъ интересы связываютъ ее теперь крѣпче и прочнѣе. За услугу Франціи она расквиталась матеріальною благодарностью, а союзъ съ Германіей не потребовалъ уступки и пяди италіянской земли, и теперь не менѣе прежняго требуется взаимными интересами. По занятіи Рима, Италіянское правительство поспѣшило предложить папѣ всевозможныя гарантіи касательно огражденія и неприкосновеннаго отправленія его духовной власти, но „непогрѣшимый“ старецъ, въ упрямствѣ своего *non possumus*, предпочелъ разыгрывать роль „Ватиканскаго узника“. Извѣстно было что самъ король Викторъ-Эммануилъ постоянно желалъ примириться съ главой католической церкви, и надѣялись что съ преемникомъ Пія IX это не будетъ невозможно. Но случилось такъ что старецъ, котораго столько разъ считали близкимъ къ смерти, пережилъ своего противника, до конца отвергая простертую къ нему руку.

Всѣ эти событія группируются вокругъ личности покойнаго Виктора-Эммануила и будутъ навсегда связаны съ памятью о немъ. Онъ заслужилъ и любовь своихъ подданныхъ, и всеобщія сожалѣнія о преждевременной кончинѣ еще въ порѣ силы, на

58 году отъ роду,—сожалѣнія тѣмъ болѣе непритворныя и относящіяся прямо къ его характеру что кончина его теперь, когда созданное имъ королевство упрочилось, политическаго значенія имѣть не можетъ. Судьбы Италіи обозначились ясно, и ей остается слѣдовать по пути указываемому ея интересами. Если какая-либо перемѣна и можетъ быть ощутительна, то ее можно ожидать развѣ только въ еще большемъ утвержденіи сложившагося общеевропейскаго положенія. Покойный Викторъ-Эммануилъ былъ вѣренъ интересамъ своей страны, но онъ не могъ забыть время когда былъ государемъ слабаго Сардинскаго королевства, зависѣвшаго отъ прихоти и произвола могущественныхъ сосѣдей, и въ душѣ сохранялъ рыцарскую благодарность ко Франціи; онъ былъ тронутъ ея несчастіемъ, въ чемъ, по своему прямодушію, откровенно признавался въ бытность свою въ Берлинѣ. Въ этой чертѣ характера онъ сошелся со столь противоположнымъ ему Гарибальди, который также въ 1870 году забылъ взятіе Франціей Ниццы, своей родины. Но король Гумбертъ свободенъ отъ такихъ сентиментальныхъ воспоминаній. Второй король Италіи уже прямо вступаетъ на ея тронъ въ столицѣ которой никогда бы не имѣлъ безъ союза Германіи. Съ Россіей, которая давно забыла о Піемонтѣ, новой подобной размолвки нынѣшняя Италія уже вовсе имѣть не можетъ, а скорѣе у нихъ могутъ выработаться общіе интересы въ Средиземномъ Морѣ.

Помянемъ добрымъ словомъ скончавшагося короля. Эпоха его царствованія, помимо блага его подданнымъ, и для Европы была знаменательною. Имъ созданное королевство придаетъ прочность европейскому равновѣсію новымъ элементомъ, полнымъ силы и задатковъ будущаго. Имъ, столько же какъ и созданіемъ единой сильной Германіи, навсегда рушилось неестественное преобладаніе союза двухъ западныхъ державъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КОПИРОВАНИЕ
18.10.02